

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

XVI Международные Лихачевские научные чтения
19–21 мая 2016 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — двадцать четвертые по счету и шестнадцатые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

При реализации проекта «XVI Международные Лихачевские научные чтения» используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 1 апреля 2015 г. № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Обществом «Знание» России

Санкт-Петербург
2016

Научный редактор материалов пленарного заседания, панельных дискуссий и 1-й секции

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции

Научные редакторы материалов секций:

2-я секция — **А. П. Марков**, профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ;

Е. А. Кайсаров, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ

3-я секция — **Е. Ф. Чеберко**, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук

4-я секция — **Л. А. Пасешникова**, первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук

5-я секция — **О. В. Солод**, проректор СПбГУП, заслуженный работник высшей школы РФ;

Е. П. Ефимова, директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. — СПб. : СПбГУП, 2016. — 656 с., ил.

ISBN 978-5-7621-0874-4

В сборнике опубликованы материалы пленарного заседания, панельных дискуссий и секций XVI Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся 19–21 мая 2016 года в СПбГУП в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева». В XVI Чтениях приняли участие представители около 30 стран.

Среди 196 авторов сборника — писатель Даниил Гранин, выдающиеся отечественные ученые, члены Российской академии наук: председатель Комитета Госдумы РФ по науке и наукоемким технологиям В. А. Черешнев, С. Ю. Глазьев, А. А. Гусейнов, А. С. Запесоцкий, В. Л. Квинт, Г. Б. Клейнер, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, В. Л. Макаров, В. В. Миронов, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, А. В. Смирнов, В. С. Степин, В. А. Тишков, Ж. Т. Тошенко и др.; руководители академических институтов и научно-исследовательских центров, представители высших учебных заведений, руководители СМИ, известные государственные и общественные деятели: председатель ФНПР М. В. Шмаков, зам. министра иностранных дел РФ Г. М. Гатилов, заместитель Председателя Государственной Думы РФ А. К. Исаев, судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев, председатель Комитета Государственной Думы РФ по конституционному законодательству и государственному строительству В. Н. Плигин, первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС» М. С. Гусман, вице-президент Федеральной палаты адвокатов Г. М. Резник, директор Института Европы РАН Ал. А. Громыко, декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков, Посол РФ в Великобритании А. В. Яковенко и др.

Среди иностранных авторов сборника — герцогиня Аберкорнская (Великобритания), Президент Киргизии (1990–2005) академик А. А. Акаев, премьер-министр Пакистана (2004–2007) Ш. Азиз, принцесса Саудовской Аравии Басма Абдул Азиз аль Сауд, Посол Азербайджана в РФ П. Бюльбюль оглы, министр образования Польши (1996–1997) Е. Вятр, президент Международного НИИ мира в Женеве (GIPRI) Г. Галис, банкир Брюно Дегарден (Швейцария), вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003) профессор Г. В. Колодко, министр иностранных дел Испании (2004–2010) М. А. Моратинос, Посол Испании в РФ (2008–2011) Х. А. Марк, лорд К. Мойнихен (Великобритания), Посол Ирана в РФ М. Санаи; члены зарубежных академий наук: А. Н. Данилов (Белоруссия), В. Проданов (Болгария), П. П. Толочко, Ю. С. Шемшученко (Украина); профессора: С. Р. Амели (Иран), Ань Цинянь (Китай), С. Б. Байзаков (Казахстан), Ч. Варга (Венгрия), Д. Гэлбрейт (США), П. Дуткевич (Канада), В. Ингимундарсон (Исландия), Г. Кёхлер (Австрия), М. Кукоч (Хорватия), Н. Мосаффа (Иран), Т. Рокмор (Китай), В. делла Сала (Италия), Ж. Сапир (Франция), Т. Тюркер (Турция) и др.

Роль Чтений высоко оценил Президент Российской Федерации В. В. Путин, отметив в своем приветствии, что на форуме, который «стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны... в повестке встреч — всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России».

ББК 72

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые друзья!

Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч — всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как «Современные глобальные вызовы и национальные интересы», обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимопользных дискуссий, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

16 мая 2016 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге и поздравить с открытием XII Лихачевских чтений.

Ваш форум — это значимое событие в общественной жизни России и целого ряда зарубежных стран. Он традиционно собирает представителей научной и творческой интеллигенции, авторитетных экспертов.

В эпоху глобализации вопросы расширения диалога культур, предотвращения конфликтов на этноконфессиональной почве приобретают особое значение, убедительно свидетельствуют, что гуманистические идеи академика Д. С. Лихачева, выдающегося российского просветителя и общественного деятеля, актуальны и в наши дни.

Уверен, что предложения и рекомендации, выработанные в ходе вашей встречи, будут востребованы на практике.

Желаю вам новых успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

17 мая 2012 года

Уважаемые друзья!

Приветствую участников, организаторов и гостей XI Международных Лихачевских чтений!

Ваш форум, по традиции собирающий в Санкт-Петербурге цвет российской интеллигенции, видных ученых и общественных деятелей из других стран, — неординарное, заметное событие в международной научной и культурной жизни. Важно, что тематика Чтений неизменно отражает актуальные и наиболее острые гуманитарные проблемы, главные из которых — развитие диалога культур и цивилизаций в современном мире, укрепление духовно-нравственных основ общества. И, конечно, в числе ваших приоритетных задач — сохранение бесценного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, которое с годами не утратило своей значимости и актуальности.

Желаю вам плодотворных и конструктивных дискуссий, интересных и полезных встреч.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

5 мая 2011 года

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать вас в Санкт-Петербурге на юбилейных X Международных Лихачевских научных чтениях.

Ваш авторитетный форум неизменно отличается солидным составом участников, содержательной и насыщенной работой, широкой палитрой обсуждаемых вопросов.

Уверен, что и сегодняшняя встреча, посвященная диалогу культур и партнерству цивилизаций, станет еще одним важным шагом в развитии межконфессионального и международного общения, послужит сближению народов. И, конечно, вновь соберет целую плеяду известных людей — ученых, общественных деятелей, представителей творческой интеллигенции — всех, кому близки взгляды и идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам успехов и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

11 мая 2010 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознавать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации

В. ПУТИН

22 мая 2008 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желая вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XVI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Участникам и гостям XVI Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Поздравляю вас с началом работы Международных Лихачевских чтений, которые уже в 16-й раз проводятся в Санкт-Петербурге.

Ваш форум объединяет крупных ученых, политиков, общественных деятелей, писателей, церковных иерархов из десятков стран. Традиционно вы обсуждаете актуальные вопросы современного развития самых разных государств. Вопросы, ответы на которые помогают найти богатейшее творческое наследие академика Д. С. Лихачева, его гуманистические идеи.

Мир переживает непростые времена. Наступает понимание того, что политика мультикультурализма, которую активно продвигали на Западе, зашла в тупик. Глобализация, считавшаяся естественным процессом взаимодействия народов и государств, высветила противоречия между разными культурами и цивилизациями. Сегодня все громче заявляет о себе идея интеркультурализма, где ставка делается не только на культуру, но и на другие сферы — рынок труда, образование, гражданскую ответственность людей разных национальностей и вероисповеданий за свою страну и планету, будущее своих детей. Об этом и многом другом, что вмещает в себя понятие «диалог культур», вам и предстоит поговорить на нынешней встрече.

Уверен, что, несмотря на остроту поднимаемых проблем, форум как всегда пройдет в доброжелательной, дружеской атмосфере. Ведь, как говорил Д. С. Лихачев, «в споре сразу же обнаруживается интеллигентность, логичность мышления, вежливость, умение уважать людей и... самоуважение».

Желаю вам успехов, а иностранным участникам Чтений — ярких, незабываемых впечатлений от пребывания в Северной столице России.

Председатель Правительства Российской Федерации
Д. А. МЕДВЕДЕВ

Организаторам, участникам и гостям XVI Международных Лихачевских научных чтений

Сердечно приветствую организаторов, участников и гостей XVI Международных Лихачевских научных чтений.

Ваш авторитетный форум неизменно собирает в Северной столице ведущих представителей научных и экспертных кругов, общественных деятелей, политиков, экономистов из многих стран мира — всех, кто заинтересован в профессиональном осмыслении ключевых культурно-цивилизационных проблем современности.

Актуальность тематики нынешних Чтений трудно переоценить. Сегодня, когда мир сталкивается с многочисленными глобальными вызовами, включая беспрецедентный всплеск терроризма, особое значение приобретает нахождение разумного баланса между обеспечением национальных интересов и коллективной дипломатической работой с опорой на международное право и Устав ООН.

Россия продолжит работу по налаживанию коллективных усилий в интересах формирования отвечающей реалиям XXI века полицентричной архитектуры глобального управления, будет способствовать выстраиванию взаимоуважительного межкультурного партнерства.

Желаю вам плодотворных дискуссий и всего самого доброго.

Министр иностранных дел Российской Федерации
С. В. ЛАВРОВ
Москва, 19 мая 2016 года

Организаторам, гостям и участникам XVI Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые друзья!

Рад приветствовать организаторов и участников XVI Международных Лихачевских научных чтений!

Дмитрий Сергеевич Лихачев относится к числу тех выдающихся личностей, которые являются символами отечественной и мировой культуры. Его непререкаемый авторитет — надежный ориентир для оценки таких понятий, как верность своему делу, профессионализм и порядочность. В наши дни, когда под сомнение зачастую ставятся даже фундаментальные ценности, выработанные за много веков развития человечества, примеры таких людей особенно важны.

Лихачевские научные чтения, ежегодно собирающие в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов цвет российской и мировой научной общественности, служат не только благородной цели сохранения культурного наследия, но и выработке новых путей его популяризации.

Желаю всем участникам Чтений плодотворной и эффективной работы, содержательных дискуссий и новых достижений в деле сохранения российской культуры!

Министр культуры Российской Федерации
В. Р. МЕДИНСКИЙ

Ректору СПбГУП, председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемый Александр Сергеевич! Уважаемые коллеги!

От Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации и от себя лично сердечно приветствую членов Оргкомитета и участников XVI Международных Лихачевских научных чтений. Ваш научный форум собирается уже в шестнадцатый раз, и это является свидетельством значимости данного события в научной и культурной жизни страны, актуальности рассматриваемой на Чтениях проблематики.

Мир сегодня столкнулся с очередным экономическим кризисом, который сопровождается, в том числе, усилением конфликтности в социально-трудовой и иных сферах.

Как представляется, именно форумы такого уровня и характера, как открывающиеся Чтения, могут способствовать более глубокому и полному пониманию происходящих процессов, наладить диалог различных научных направлений и школ, сформировать общественное мнение вокруг значимых проблем современности.

Желаю организаторам и участникам научных чтений успешной и плодотворной работы.

Министр труда и социальной защиты Российской Федерации
М. А. ТОПИЛИН

Председателю Оргкомитета, члену-корреспонденту РАН А. С. Запесоцкому, участникам XVI Международных Лихачевских научных чтений

От имени Российской академии наук приветствую участников авторитетного научного форума. Чтения давно уже стали важным фактором научной жизни страны. В этом году их тема «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» органично продолжает тему предшествующих Лихачевских чтений.

Участие в XVI Международных Лихачевских чтениях отечественных и зарубежных представителей научной, политологической и интеллектуальной общественности — яркое воплощение многогранности научных интересов и общественной деятельности Д. С. Лихачева, его стремления к интеграции научного знания, свидетельство широкого международного признания научного потенциала Санкт-Петербурга.

В связи с этим трудно переоценить значение вашего научного форума, посвященного актуальнейшей проблеме современных глобальных вызовов и защите национальных интересов.

Желаю всем участникам XVI Лихачевских чтений плодотворных научных дискуссий, личных и профессиональных достижений, новых научных открытий на благо России.

Президент Российской академии наук, академик
В. Е. ФОРТОВ

**Ректору СПбГУП А. С. Запесоцкому,
организаторам и участникам
XVI Международных Лихачевских научных чтений**

От имени Федерации независимых профсоюзов России искренне рад приветствовать организаторов, участников и гостей XVI Международных Лихачевских научных чтений.

Ваш авторитетный научный форум традиционно собирает элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, дипломатов и политиков. Содержательные доклады и острые дискуссии участников Лихачевских чтений неизменно вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс.

Начало XXI века сопровождалось нарастанием глобальных угроз для России, в том числе в области социально-трудовых отношений. События последних лет убедительно показали, что вне культуры наука, техника, цивилизация лишаются всякого смысла и превращаются в источник опасности для человечества. Перед деятелями культуры и науки стоит задача развивать диалог культур и цивилизаций в глобальном мире, определить место России в контексте геополитических вызовов эпохи.

В связи с этим трудно переоценить значение Вашего форума, который посвящен столь актуальной проблеме, чрезвычайно близкой российским профсоюзам. Выступая за развитие и поддержку прав трудящихся, достойных социальных стандартов жизни, российские профсоюзы неизменно следуют принципам международной солидарности, укрепляют взаимное сотрудничество и сплоченность.

Желаю участникам Чтений плодотворной работы, хорошего настроения и творческих успехов!

Председатель Федерации независимых профсоюзов России
М. В. ШМАКОВ

**Организаторам, участникам и гостям
XVI Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые члены Оргкомитета!

Уважаемые участники и гости XVI Международных Лихачевских научных чтений!

Приветствую вас, уважаемые коллеги и друзья!

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — одно из ведущих образовательных учреждений в России, обучающее и воспитывающее своих студентов в духе лучших российских культурных традиций, активно используя и развивая наследие академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Тема XVI Международных Лихачевских научных чтений «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» имеет большое значение для ЮНЕСКО. Эта тема актуальна все последние годы, когда проблемы, накопившиеся за несколько десятилетий сложных политических и человеческих взаимоотношений, обострились с новой силой.

Основная задача ЮНЕСКО — охрана культурного наследия человечества. Сегодня необходимо объединить усилия мировой общественности для защиты наших культурных и духовных ценностей. Хочу поблагодарить организаторов Международных Лихачевских научных чтений за приверженность этим целям и идеалам.

Желаю участникам предстоящих дискуссий успешной работы и всего самого доброго!

Генеральный директор ЮНЕСКО
И. БОКОВА

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России, в 2013-м — и при поддержке Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации», «Диалог культур в условиях глобализации», «Современные глобальные вызовы и национальные интересы» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики и члены-корреспонденты РАН: Л. И. Абалкин, Г. А. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, С. Ю. Глазьев, М. К. Горшков, Р. С. Гринберг, Ан. А. Громыко, А. А. Гусейнов, А. В. Дмитриев, Т. И. Заславская, М. П. Кирпичников, М. И. Клеандров, Г. Б. Клейнер, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, А. Г. Лисицын-Светланов, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. Л. Макаров, В. А. Мартынов, В. В. Миронов, Н. Н. Моисеев, В. В. Наумкин, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, В. Ф. Петренко, Е. И. Пивовар, М. Б. Пиотровский, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, Н. Н. Скатов, А. В. Смирнов, В. С. Степин, М. Л. Титаренко, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, Б. Г. Юдин, В. Л. Янин и др.; академики и члены-корреспонденты РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Берулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, В. И. Загвазинский, И. А. Зимняя, Ю. П. Зинченко, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, О. А. Омаров, А. А. Орлов, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, Ф. А. Асадуллин, Н. С. Бондарь, А. Е. Бусыгин, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатиллов, Ал. А. Громыко, М. С. Гусман, А. К. Исаев, С. Л. Катанандов, С. В. Лавров, Е. И. Макаров, Т. А. Мансуров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, В. Н. Плигин, Г. М. Резник, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, Н. В. Буров, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2007 года в рамках Чтений проводится Лихачевский форум старшеклассников России, на который собираются победители Всероссийского конкурса творческих работ «Идеи Д. С. Лихачева и современность» со всей России и из-за рубежа.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

С 2010 года комплекс лихачевских мероприятий дополнен Всероссийской культурно-образовательной программой для старшеклассников «Лихачевские уроки в Петербурге».

В 2001, 2004, 2006, 2009–2012, 2016 годах организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации В. В. Путин и Д. А. Медведев, в 2008, 2010–2016 годах — Председатель Правительства РФ.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	4
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ XVI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	7
О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ (Справка)	10
Пленарное заседание СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	
ДОКЛАДЫ:	
Александра Анастасия , <i>Ее Светлость герцогиня АБЕРКОРНСКАЯ (Великобритания), Почетный доктор СПбГУП</i> ДУХ ПУШКИНА В ИРЛАНДИИ	23
Ш. АЗИЗ , <i>премьер-министр Пакистана (2004–2007)</i> СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	25
А. А. АКАЕВ , <i>Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор</i> НОВАЯ ПАРАДИГМА МИРОВОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА КАК ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ	28
С. Р. АМЕЛИ , <i>вице-президент Тегеранского университета (Иран), доктор философии, профессор</i> ДУАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА: УСИЛЕНИЕ/ОСЛАБЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ИНТЕРЕСА	32
АНЬ ЦИНЯНЬ , <i>профессор Китайского народного университета (Пекин)</i> СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА	35
Басма Бинт Сауд бин АБДУЛ АЗИЗ аль САУД , <i>Ее Королевское Высочество, принцесса Саудовской Аравии</i> СБЛИЖЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ С ЛЮДЬМИ И ЛЮДЕЙ С ДИПЛОМАТИЕЙ	36
Г. М. БИРЖЕНЮК , <i>заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ</i> ТЕРРОРИЗМ КАК ПРЕДМЕТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	37
М. М. БОБРОВ , <i>Почетный гражданин Санкт-Петербурга, заслуженный тренер РФ, заслуженный работник физической культуры РФ, Почетный доктор, профессор СПбГУП</i> ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА И ПОДГОТОВКА К ЗАЩИТЕ РОДИНЫ	39
Н. В. БУРОВ , <i>директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП, народный артист России</i> НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ	40
П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана</i> ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: национальное государство на перекрестке культур и цивилизаций Востока и Запада в условиях формирования нового мирового порядка	42
Ч. ВАРГА , <i>почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор</i> ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ (Дебаты об универсализме/партикуляризме евроатлантической цивилизации)	46
Е. ВЯТР , <i>министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор</i> МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В XXI ВЕКЕ И КУЛЬТУРА МИРА	51
Г. А. ГАДЖИЕВ , <i>судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП</i> О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ В ПРАВЕ	53
Г. ГАЛИС , <i>президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI)</i> УСТАРЕЛО ЛИ ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ» В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА?	54

Г. М. ГАТИЛОВ , заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол	
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.	58
С. Ю. ГЛАЗЬЕВ , академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента РФ В. В. Путина	
СТРАТЕГИЯ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УКЛАДОВ.	61
Ал. А. ГРОМЫКО , директор Института Европы РАН, доктор политических наук, профессор	
ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	63
Ан. А. ГРОМЫКО , профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук	
ГАРРИ ТРУМЭН — ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ВМЕСТО ДИАЛОГА	65
П. С. ГУРЕВИЧ , главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор	
ДУХОВНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ	68
А. А. ГУСЕЙНОВ , научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП	
ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?	71
М. С. ГУСМАН , первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ	
КОНСОЛИДАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ И ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ИНТЕГРАЦИИ	75
Д. К. ГЭЛБРЕЙТ , профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова	
СТАГНИРУЮЩАЯ ЭКОНОМИКА И НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ: КРИЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИКИ	77
А. Н. ДАНИЛОВ , заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор	
НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ	84
Б. ДЕГАРДЕН , генеральный директор “Banque Eric Sturdza SA” (Женева, Швейцария)	
НАД ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ	87
П. ДУТКЕВИЧ , директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор;	
В. делья САЛА , профессор Университета Тренто (Италия)	
ПОЛИТИКА БЕЗ ЦЕНТРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ И СТАБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ И ИТАЛИИ	95
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
БОРЬБА США ЗА КОНТРОЛЬ НАД ЕВРОСОЮЗОМ	98
Ю. П. ЗИНЧЕНКО , декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА КАК ГЛОБАЛЬНОГО ВЫЗОВА СОВРЕМЕННОСТИ	102
В. ИНГИМУНДАРСОН , профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии	
ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАШИЗМА К ПОПУЛИСТСКОМУ УЛЬТРАНАЦИОНАЛИЗМУ: ВЛИЯНИЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ	104
А. К. ИСАЕВ , заместитель Председателя Государственной Думы РФ, профессор СПбГУП, кандидат политических наук	
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	109
В. Л. КВИНТ , заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНОГО НЕГАТИВНОГО ТРЕНДА ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА	113
Г. КЁХЛЕР , президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии	
ВЛАСТЬ, ЗАКОН И МИРОВОЙ ПОРЯДОК. РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ ООН	122
Г. Б. КЛЕЙНЕР , заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор	
КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ ЛИДЕРСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕСТВЕ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ.	127

Г. В. КОЛОДКО , вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор	
НЕ «ВАШИНГТОНСКИЙ» И НЕ «ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС», А НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ	131
И. В. КОНДАКОВ , ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук	
НАЦИОНАЛИЗМ КАК МНИМЫЙ ГЛОБАЛИТЕТ	134
В. А. КОНЕВ , заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ЛИЧНЫЕ ОТВЕТЫ	138
А. Б. КУДЕЛИН , научный руководитель Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор	
НЕСТИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОДРАЖАНИЯ В ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ: ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР	140
М. КУОЧ , старший научный сотрудник Института социальных наук им. Иво Пилара (Сплит, Хорватия), профессор, доктор	
СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	144
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , заведующий сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И КРИЗИС КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	148
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ , директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор	
БЕЛЫЕ ПЯТНА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ	149
Г. ЛИТТЛДЖОН , экономист, социолог (Великобритания)	
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ТЕРРОРИЗМ	152
В. Л. МАКАРОВ , директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОЛЕРАНТНОСТИ И МНОГООБРАЗИИ	156
Е. И. МАКАРОВ , заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП	
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ	158
Гж. МАЛИНОВСКИ , доцент Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ	162
В. К. МАМОНТОВ , генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»	
РАДОСТЬ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ И ПОЧЕМУ В РОССИИ ТАК НИКОГДА НЕ БУДЕТ	166
Х. А. МАРК , Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)	
АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. МИР МЕЖДУ КОНФЛИКТОМ И СОЗИДАТЕЛЬНОСТЬЮ	169
А. П. МАРКОВ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ	
РОССИЯ VS ЗАПАД: ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ	174
В. В. МИРОНОВ , декан философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ	
ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЕ: СЛОЖНОСТИ ПЕРЕХОДА	179
К. Б. МОЙНИХЕН , государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента	
АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	182
М. Ф. МОНТЕС , старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики	
ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ООН–2030: ГЛОБАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ	189
М. А. МОРАТИНОС , министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП	
СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ	193
А. Д. НЕКИПЕЛОВ , директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП	
МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	195
Р. И. НИГМАТУЛИН , директор Института океанологии им. П. П. Шириова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
ПРОСТЫЕ МЫСЛИ	201

В. В. ПОПОВ , директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (Университет) МИД России, кандидат исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, заслуженный работник дипломатической службы РФ ЗАПАД В БОРЬБЕ С ДРУГИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ИСПОЛЬЗУЕТ САМЫЕ РАЗНЫЕ МЕТОДЫ	203
В. ПРОДАНОВ , профессор Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук ОТ МОНОПОЛЯРНОГО К МУЛЬТИПОЛЯРНОМУ МИРУ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ	208
Г. М. РЕЗНИК , вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: МУКИ СУБСИДИАРНОСТИ	212
Т. РОКМОР , профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай), доктор философии О КОНФЛИКТЕ СОВРЕМЕННОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА, КУЛЬТУРЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ТЕРРОРИЗМЕ	214
А. САДЖАНХАР , секретарь Национального фонда общественной гармонии (Индия) ПОЛИТИКА ИНДИИ “АСТ EAST” — ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ	217
В. делья САЛА , профессор Университета Тренто (Италия) ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЕГО МНОГОЧИСЛЕННЫЕ КРИЗИСЫ	221
Ж. САПИР , профессор экономики Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж), директор Центра исследований индустриализации SEMI-EHESS, визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова МИРОВЫЕ ФИНАНСЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ	224
А. В. СМIRHOV , директор Института философии РАН, член-корреспондент РАН, доктор философских наук ОСУЩЕСТВИМ ЛИ СЕГОДНЯ ИСЛАМСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ?	229
В. С. СТЕПИН , руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП ТРАНСМУТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ИНТЕРЕСОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ	232
В. А. ТИШКОВ , академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ РАЗВИТИИ	237
П. П. ТОЛОЧКО , директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор УКРАИНА: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ БУДУЩЕЕ БЕЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРОШЛОГО?	240
Ж. Т. ТОШЕНКО , заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», доктор философских наук, профессор НОВЫЕ ЛИКИ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА	244
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова МОЖЕТ ЛИ ДИАЛОГ КУЛЬТУР ОСТАНОВИТЬ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ?	248
Т. ТЮРКЕР , директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция) ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ, ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ДЕМОКРАТИИ В ЗАПАДНОМ МИРЕ	250
Н. А. ХРЕНОВ , главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В XX ВЕК	255
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП; В. Н. РАСТОРГУЕВ , профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ СТРАТЕГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ, ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ	259
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО , директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ НА УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	261

А. В. ЯКОВЕНКО,

Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, доктор юридических наук (международное право), профессор, почетный работник Министерства иностранных дел РФ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ264

ДИСКУССИЯ.....266

Выступающие: Ш. Азиз, А. А. Акаев, С. Р. Амели, П. Бюльбюль оглы, Г. А. Гаджиев, Г. М. Гатилов, С. Ю. Глазьев, Д. А. Гранин, А. А. Гусейнов, Дж. К. Гэлбрейт, П. Дуткевич, А. С. Запесоцкий, В. Л. Квинт, Г. В. Колодко, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, В. Л. Макаров, Х. А. Марк, К. Мойнихен, М. А. Моратинос, А. Муса, А. Д. Некипелов, Р. И. Нигматулин, Г. М. Резник, Т. Рокмор, А. Саджанхар, В. дель Сала, М. Санаи, В. С. Степин, В. А. Тишков, П. П. Толочко, В. Т. Третьяков, Т. Тюркер, В. А. Черешнев, М. В. Шамаков

Панельная дискуссия

«МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ».....297

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

Геннадий ГАТИЛОВ, заместитель министра иностранных дел РФ (модератор);

Шаукат АЗИЗ, премьер-министр Пакистана (2004–2007);

Габриэль ГАЛИС, президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI, Швейцария);

Алексей ГРОМЫКО, директор Института Европы РАН, доктор политических наук;

Петр ДУТКЕВИЧ, директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии;

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН;

Колин МОЙНИХЕН, член палаты лордов британского парламента (Великобритания);

Мигель МОРАТИНОС, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП;

Амр МУСА, генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001);

Вадим РОССМАН, профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, США), приглашенный профессор факультета международных отношений Экономического университета (Братислава, Словакия);

Ашок САДЖАНХАР, секретарь Национального фонда общественной гармонии (Индия);

Мехди САНАИ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ;

Виталий ТРЕТЬЯКОВ, декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова, и др.

Панельная дискуссия

«НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ»307

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (модератор);

Сергей ГЛАЗЬЕВ, советник Президента РФ В. В. Путина, академик РАН;

Руслан ГРИНБЕРГ, директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН;

Джеймс ГЭЛБРЕЙТ, профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (США);

Брюно ДЕГАРДЕН, генеральный директор “Banque Eric Sturdza SA” (Женева, Швейцария);

Гжегож КОЛОДКО, вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997; 2002–2003),

директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава);

Мигель МОРАТИНОС, министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП;

Александр НЕКИПЕЛОВ, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП, и др.

Панельная дискуссия

«КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ»318

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН (модератор);

Абдусалам ГУСЕЙНОВ, научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП;

Ганс КЁХЛЕР, президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии;

Мислав КУКОЧ, старший научный сотрудник Института социальных наук им. Иво Пилара (Сплит, Хорватия), профессор;

Владислав ЛЕКТОРСКИЙ, заведующий сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН;

Генри РЕЗНИК, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, Почетный доктор СПбГУП;

Том РОКМОР, профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай)

Вячеслав СТЕПИН, руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, Почетный доктор СПбГУП;

Валерий ТИШКОВ, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, и др.

Панельная дискуссия

«БЕЛЫЕ ПЯТНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА» 326

ВЫСТУПАЮЩИЕ:

Андрей ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, директор Института государства и права РАН, академик РАН (модератор);

Чаба ВАРГА, почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук;

Галис ГАДЖИЕВ, судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, Почетный доктор СПбГУП;

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ, ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН;

Ганс КЁХЛЕР, президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии;

Владимир ПЛИГИН, председатель Комитета Государственной Думы РФ по конституционному законодательству и государственному строительству;

Генри РЕЗНИК, вице-президент Федеральной палаты адвокатов, Почетный доктор СПбГУП, и др.

Секция 1

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

ДОКЛАДЫ:

Х. АКИНЧИ, Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в РФ (2008–2010), старший научный сотрудник, председатель Совета по вопросам стратегии и политики Хазарского стратегического института

**НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ
В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО** 334

Н. МОСАФФА, профессор кафедры международных отношений Тегеранского университета, доктор политологии, президент Иранской ассоциации по изучению ООН

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ:
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБЩИЕ ЗАБОТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.
ВЗГЛЯД ИРАНА** 338

С. Г. МУСИЕНКО, руководитель Аналитического центра «ЕсооМ», член правления Союза писателей Беларуси

**ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ ВОКРУГ УКРАИНЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ МИНСКОГО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА** 341

М. ПАЛЛЮА, секретарь Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI)

**СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ:
ШВЕЙЦАРИЯ — ИСКЛЮЧЕНИЕ** 343

ДИСКУССИЯ 346

Выступающие: Ш. Азиз, Х. Акинчи, С. Р. Амели, Е. Вятр, Г. Галис, Ал. А. Громыко, Дж. К. Гэлбрейт, Б. Дегарден, П. Дуткевич, А. С. Запесоцкий, В. Ингимундартсон, В. Л. Квинт, Г. Кёхлер, Г. В. Колодко, Г. Литтлджон, В. К. Мамонтов, К. Мойнихен, М. А. Моратинос, Н. Мосаффа, А. Муса, С. Г. Мусиенко, А. Саджанхар, В. делла Сала, П. П. Толочко, В. А. Черешнев

Секция 2

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

ДОКЛАДЫ:

В. А. АВКСЕНТЬЕВ, заведующий отделом политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ 371

А. В. АГОШКОВ, главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук

ЕДИНСТВО РОССИЙСКОЙ НАЦИИ: ФАНТОМ ИЛИ ЦЕЛЬ? 373

Б. В. АКСЮМОВ, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук

«РУССКИЙ МИР» И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ 374

В. Н. БАДМАЕВ, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И МУЛЬТИВИДЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА 376

И. М. БЫХОВСКАЯ , профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма, доктор философских наук, заслуженный работник культуры РФ КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ФОРМА «ПОЗИТИВНОГО НАЦИОНАЛИЗМА»	378
Т. А. ВОРОНЦОВА , профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, доктор филологических наук НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ПАРАДОКСЫ ЯЗЫКА	381
В. С. ГЛАГОЛЕВ , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛИЗМА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	383
В. В. ГОРШКОВА , декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор; А. А. МЕЛЬНИКОВА , профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии СВОЕОБРАЗИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИИ КАК ОСНОВАНИЕ ЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ	385
Ю. Д. ГРАНИН , ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор СТОЛКНОВЕНИЕ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	386
Г. Д. ГРИЦЕНКО , главный научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии (Ставрополь) Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ	390
Г. В. ДРАЧ , профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ ЭТНОС (НАЦИЯ) В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	392
В. Ю. ДУНАЕВ , главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор ГРАЖДАНСКИЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СТРУКТУРАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА	394
Т. И. ЕРОХИНА , проректор по учебной работе Ярославского государственного театрального института, доктор культурологии, профессор НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: PRO ET CONTRA	396
О. П. ЗУБЕЦ , старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук ФИЛОСОФИЯ В «СЕРОЙ ЗОНЕ»	399
С. Ю. ИВАНОВА , главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ МНОГОЛИКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ИДЕОЛОГИЯ БЕЗ ТЕОРИИ	401
С. Н. ИКОННИКОВА , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА КУЛЬТУРЫ	403
Е. А. КАЙСАРОВ , заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ ИМПЕРСКИЙ ДУХ И МЕССИАНСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ	406
В. М. КАПИЦЫН , профессор кафедры сравнительной политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В «КРЫМСКОЙ ВЕСНЕ» 2014 ГОДА	408
Г. Г. КОЛОМИЕЦ , профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	410
С. С. КОМИССАРЕНКО , профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНТРАПУНКТЫ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ	412
В. Д. КУРГАНСКАЯ , главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор ДИСКУРС НАЦИОНАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПОСТМОДЕРНА	414
М. С. КУРМАНОВА , доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Алматинского филиала СПбГУП, кандидат исторических наук К ВОПРОСУ О КАЗАХСТАНСКОЙ МОДЕЛИ ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ В МНОГОСОСТАВНОМ ОБЩЕСТВЕ	416

В. А. КУТЫРЕВ , профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук ГЛОБАЛИЗМ: ВМЕСТО НАЦИЙ — РЕГИОНЫ, ВМЕСТО ОБЩЕСТВА — ТЕХНОС	418
Д. Э. ЛЕТНЯКОВ , заместитель заведующего сектором истории политической философии Института философии РАН, кандидат политических наук НАЦИОНАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ЧТО В НЕМ ОСОБЕННОГО?	420
И. В. МАЛЫГИНА , заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного университета культуры, доктор философских наук, профессор НАЦИОНАЛИЗМ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ	422
Ф. Т. МАМЕДОВ , профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ	424
В. Э. МАНАПОВА , доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства, доктор философских наук ЭТНИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ И НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.	428
М. А. МАНУИЛЬСКИЙ , заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, кандидат философских наук РОССИЙСКИЙ ЧИНОВНИК КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ВТОРОГО ПЛАНА	430
А. Л. МАРШАК , главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА	432
А. В. МЕДВЕДЕВ , профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (Екатеринбург), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ АПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА.	434
А. Н. МОСЕЙКО , ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент «РУССКИЙ МИР» В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН. ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К ИДЕНТИЧНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ	436
С. Б. НИКОНОВА , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук РОЛЬ ИСКУССТВА В СТАНОВЛЕНИИ ИДЕИ НАЦИИ	440
Н. П. ОБЧИННИКОВА , профессор кафедры искусствovedения СПбГУП, доктор архитектуры АРХИТЕКТУРА КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ.	443
А. А. ОГАНОВ , заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНЫМ КУЛЬТУРАМ.	444
М. Е. ПОПОВ , профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета, доктор философских наук КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА.	446
Г. А. ПРАЗДНИКОВ , заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ СМЫСЛОПОСТИЖЕНИЕ БЫТИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	448
В. И. РОССМАН , профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, штат Техас, США), доктор философии и политических наук НАЦИИ, НАЦИОНАЛИЗМ И СИМВОЛИЗМ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ	449
В. Ш. САБИРОВ , заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ РУССКАЯ ИДЕЯ, ВСЕЕДИНСТВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	451
А. П. САДОХИН , профессор кафедры управления информационными процессами Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ИНСТРУМЕНТЫ МЕСТНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	453
М. Я. САРАФ , профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК СПОСОБ ИСТОРИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И СИСТЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАЦИИ	456

Т. Б. СИДНЕВА , проректор по научной работе, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ «ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»: О ГРАНИЦАХ ПОНИМАНИЯ ИНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	458
М. В. СИЛАНТЬЕВА , профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук НАЦИИ VS НАЦИОНАЛИЗМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА	460
О. С. СОИНА , профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О «РУССКОМ МИРЕ»	462
О. И. СТАВЦЕВА , заместитель декана факультета культуры, доцент кафедры философии и культурологии СПбГУП, кандидат философских наук НАЦИЯ — МОДЕРНИСТСКИЙ ПРОЕКТ В ПОСТМОДЕРНИСТСКУЮ ЭПОХУ	464
В. Н. ТОМАЛИНЦЕВ , старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук КРАЙ КАК УГОЛ И ГРАНИЦА «ЧУЖОГО» (На материале концепта «Украина»)	466
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук ПРОБЛЕМА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ В ОЦЕНКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО	469
М. Н. ФОМИНА , профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета, доктор философских наук КИТАИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ	471
Л. И. ХАРЧЕНКОВА , профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук ЭТНОСОЦИОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТИПОВ НАЦИЙ	473
А. Н. ЧУМАКОВ , ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	475
Л. В. ШАБАНОВ , профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор философских наук ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НОВОЕ РАВСТВО, ФРИЛАНС ИЛИ ДАУНШИФТИНГ?	477
О. Д. ШЕМЯКИНА , научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук У ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РУССКИЙ ОПЫТ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	479
ДИСКУССИЯ	481
Выступающие: В. Н. Бадмаев, М. Н. Ветчинова, В. С. Глаголев, А. А. Гусейнов, Г. В. Драч, Т. И. Ерохина, А. С. Запесоцкий, С. Ю. Иванова, С. Н. Иконникова, В. А. Конев, В. А. Кутырев, Д. Э. Летняков, И. В. Малыгина, Ф. Т. Мамедов, А. П. Марков, А. Л. Маршак, А. Н. Мосейко, Г. А. Праздников, В. Проданов, М. Я. Сараф, М. В. Силантьева, В. С. Степин, В. А. Тишков, В. Ф. Фелько, Н. А. Хренов, А. Н. Чумаков	
Секция 3	
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	
ДОКЛАДЫ:	
С. А. АНТИПИН , профессор кафедры менеджмента и логистики на транспорте Самарского государственного университета путей сообщения, доктор экономических наук ЧТО СУЛИТ НАМ КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?	503
С. Б. БАЙЗАКОВ , научный руководитель Института экономических исследований (Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	505
Н. В. БУРОВА , директор Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук ОЦЕНКИ НЕЛЕГАЛЬНОГО СЕКТОРА НЕНАБЛЮДАЕМОЙ ЭКОНОМИКИ	508
В. П. ГОРЕВ , профессор кафедры экономической теории и институциональной экономики Байкальского государственного университета (Иркутск), доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНОГО ПРЕИМУЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА	510

В. В. ЗЯБРИКОВ , доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	512
Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА , руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор ПОЗИЦИИ США В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	515
Т. Б. МАЛИНИНА , доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	517
А. С. МИШЕНКО , ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института управления образованием РАО, кандидат экономических наук РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ФОРМИРОВАНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ	518
Н. Н. НИКУЛИН , профессор кафедры экономической теории Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ	520
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ , заместитель директора по научной работе Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ В ГЛОБАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ	522
Э. Э. ПОЛЕТАЕВ , президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алматы, Казахстан) ЛОГИКА РАЗВИТИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ЕАЭС В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛЬНОСТЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МАСШТАБА	524
Е. С. САДОВАЯ , заведующая сектором социальных проблем труда и занятости Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ	527
Г. Ф. ФЕЙГИН , профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	529
В. Б. ФРАЙМОВИЧ , профессор кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук; О. Н. ЮДИНА , старший преподаватель кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕМ ПЕРВИЧНЫХ ЗВЕНЬЕВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ	531
М. М. ХАЙКИН , заведующий кафедрой экономической теории Национального минерально-сырьевого университета «Горный», доктор экономических наук, профессор ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	533
И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА , профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета предпринимательства в культуре Международного университета в Москве, доктор философских наук ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО АРТ-РЫНКА	536
Е. Г. ХОЛЬНОВА , заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор ВЛИЯНИЕ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	538
Е. Ф. ЧЕБЕРКО , профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	540
ЧЖАН ДЮНЬ ЮН , заведующий кафедрой экономики Национального университета путей сообщения (г. Шичзячжуан, КНР), доктор экономических наук, профессор ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	542
ДИСКУССИЯ	547
Выступающие: С. А. Антипин, С. Б. Байзаков, Дж. К. Гэлбрейт, А. С. Запесоцкий, В. В. Зябриков, Г. Колодко, Л. Ф. Лебедева, Гж. Малиновски, А. Д. Некипелов, Н. Н. Никулин, Э. Э. Полетаев, Е. С. Садовая, Г. Ф. Фейгин, В. Б. Фраймович, М. М. Хайкин, Е. Ф. Чеберко, Чжан Дюнь Юн	

Секция 4 НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ДОКЛАДЫ:

- М. В. АНТОНОВ**, доцент кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики, кандидат юридических наук
ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 564
- Т. А. БАТАЛОВА**, директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан)
К ВОПРОСУ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА
В РАМКАХ ДИАЛОГА ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР 566
- Г. Г. БЕРНАЦКИЙ**, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВА — ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ? 568
- О. В. ВЕРБОВАЯ**, профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук
РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА
В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР 570
- В. Г. ГРАФСКИЙ**, главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ, доктор юридических наук, профессор
НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ
В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА 571
- А. А. ДЖАГАРЯН**, советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук
ГАРМОНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ
И ЕЕ КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 573
- А. А. ДОРСКАЯ**, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор
РОССИЙСКИЕ ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ И СТАНДАРТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 575
- З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ**, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор
ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 577
- В. И. КРУСС**, заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
СОВРЕМЕННОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО: АКТУАЛЬНОСТЬ КОМПАРАТИВИСТИКИ
И КОНЦЕПТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ 580
- А. В. КУЗЬМИН**, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Балтийского гуманитарного института, кандидат юридических наук, доцент
НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И СУВЕРЕНИТЕТ КАК СФЕРА ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ 582
- В. В. ЛАПАЕВА**, советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук
СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 584
- А. А. ЛИБЕРОВСКИЙ**, заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 586
- В. А. МАЛИНОВСКИЙ**, член Конституционного совета Республики Казахстан, доктор юридических наук
НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ 588
- С. А. МАРКОВА-МУРАШОВА**, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета, доктор юридических наук
НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 591
- О. В. МАРТЫШИН**, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС 593
- Е. А. ПЕТРОВА**, доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук
ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 595
- Р. А. РОМАШОВ**, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И РОССИИ 596

Э. Л. САДЫКОВА , профессор кафедры медицинского права, общественного здоровья и управления здравоохранением Российской медицинской академии последипломного образования, доктор политических наук, кандидат юридических наук ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ	598
К. Е. СИГАЛОВ , директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ ПАРТНЕРСТВА И КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ.....	600
А. В. СТРЕМОУХОВ , профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ СООТНОШЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГА ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР.....	602
В. А. ТОКАРЕВ , заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой), кандидат юридических наук СРАВНЕНИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	604
В. В. ТРОФИМОВ , профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук СОЦИАЛЬНО-ИНТЕРАКТИВНЫЙ ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПРАВЕ.....	607
С. Ф. УДАРЦЕВ , директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана), доктор юридических наук, профессор ПРАВОВАЯ ОСНОВА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	609
И. Л. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ ПРАВО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ.....	611
В. Е. ЧИРКИН , главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО.....	613
В. Л. ЭНТИН , директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД России, кандидат юридических наук СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	615
ДИСКУССИЯ	618
Выступающие: Г. Г. Бернацкий, Ч. Варга, О. В. Вербовая, Г. А. Гаджиев, В. Г. Графский, А. С. Запесоцкий, В. А. Ковалев, А. В. Кузьмин В. В. Лапаева, О. В. Мартышин, Л. А. Пасешникова, Е. А. Петрова, Г. М. Резник, Р. А. Ромашов, Э. Л. Садыкова, К. Е. Сигалов, В. А. Токарев, В. В. Трофимов, С. Ф. Ударцев, И. Л. Честнов, В. Л. Энтин	
СЕКЦИЯ 5 ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Международный форум старшеклассников России)	638
ВЫСТУПЛЕНИЯ	
Выступающие: О. В. Солод, Е. П. Ефимова, А. С. Запесоцкий, старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений: А. Баранов, П. Белова, И. Гирич, А. Куликова, Ю. Митрюхина, Д. Мокринская, А. Молчанова, З. Попов, Н. Соколов, А. Сысоева, Д. Фокина	
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	655

Пленарное заседание СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

19 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Сопредседатели заседания:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
П. ДУТКЕВИЧ	
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент Российской академии наук, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Александра Анастасия, Ее Светлость герцогиня Аберконнская¹ ДУХ ПУШКИНА В ИРЛАНДИИ

Я рада снова посетить этот замечательный университет. Вообще я всегда с удовольствием приезжаю в Россию, на родину моих предков по материнской линии.

Будущее человечества и все его грандиозные возможности зависят от юного поколения. Не могу не выразить глубокую озабоченность благополучием детей в нашем мире. Я убеждена, что наша обязанность — сделать все необходимое для раскрытия потенциала каждого ребенка, предоставить им возможности для роста и развития. Поскольку любое общество состоит из отдельных людей, мы должны задать себе важные вопросы: что значит быть цельной личностью, человеком, способным в наше время безупречно прожить жизнь — физически, умственно, эмоционально и духовно?

Пытаясь сформулировать, что значит в XXI веке быть настоящим человеком, цельной личностью, я хотела бы вкратце поделиться своими мыслями о том,

¹ Почетный консул РФ в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии. Поэтесса, прямой потомок великого русского поэта А. С. Пушкина и императора Николая I.

Патрон Фестиваля русской культуры в Дублине. Учредитель премии «Пушкинский приз» для юных писателей Великобритании. Автор сборника поэм «Перо Жар-птицы» на английском и русском языках. Кавалер ордена Британской империи. Награждена медалью Пушкина (2014). Лауреат Царскосельской художественной премии (2000). Почетный доктор Университета в Ольстере, Почетный доктор СПбГУП.

каким образом творческий дух Александра Пушкина, моего далекого предка, осенил страну, которая долгое время, на протяжении 1970–1980-х годов, пребывала в кризисе.

В то время я поняла, что если оставить без внимания негативные эмоции страха, гнева и ненависти, распространенные среди молодежи Северной Ирландии, будущее этих людей по-прежнему будет полно ужаса от бомбежек и обстрелов. Их молодые жизни будут исковерканы и разрушены страданиями, которые, к сожалению, мы до сих пор наблюдаем во многих частях мира. В этой ситуации, как мне казалось, необходимо найти выход, чтобы дети Ирландии обрели свой истинный «голос» и использовали его для того, чтобы переплавить страх, окружающий всех нас в то время, в новую историю, более гуманную, чем та, которую они узнали в ходе долгого и кровавого конфликта. Я искала способы помочь им найти вдохновение и для этого, в частности, обратилась к духу моего великого предка Александра Пушкина.

Мне вспомнилось то, о чем в России всем известно: как в раннем возрасте Пушкин открыл для себя чудесный мир фантазии благодаря своей любимой няне Арине Родионовне, познакомившей его с традиционными русскими сказками. Под мерцающий свет очага эта мудрая женщина провела мальчика через порог ра-

ционального в край света и тьмы, в ту область души, где есть место волшебным превращениям.

Благодаря воздействию этих сказок на его юное воображение жизнь мальчика получила внутреннюю опору. Он обрел творческую силу, научившую его, как победить страх и встретиться лицом к лицу с опасностью и как открыть свое сердце навстречу любви и состраданию. Через много лет мы видим, что он до сих пор продолжает вдохновлять бесчисленное множество других родственных душ.

Воодушевленная этим примером, я учредила в 1986 году в Ирландии Пушкинский фонд как образовательный и развивающий проект, который объединил бы детей католических и протестантских общин и стер границы между двумя странами — Северной Ирландией и Республикой Ирландия. Раньше казалось, что этого невозможно достичь ни политическими, ни дипломатическими способами. Но преобразовательная мощь творческого духа, сосредоточенная в имени А. С. Пушкина, открыла новый путь, и зерно этой идеи упало в плодородную почву.

Благодаря работе Фонда, поощрявшего литературное творчество, дети, которые никогда до этого не блистали в академической или интеллектуальной области, начали открывать для себя, что их чувства и эмоции имеют большую ценность и важность для создания лучшей жизни. Обретение уверенности стимулировало развитие энтузиазма в учебе и позитивного отношения к жизни в целом.

Как будто искра от огня творческого духа Пушкина прилетела в Ирландию, страну поэтов и книжников, чтобы вновь разжечь огонь и осветить уроки в начальных школах во многих частях острова, поощряя детей к написанию рассказов и сочинению стихов. С помощью наших национальных писателей и поэтов школьникам показали дорогу в царство воображения, в этот магический источник преобразования, от которого сам Пушкин в детстве получил такой мощный заряд вдохновения.

Из этой искры разгорелось пламя. Учителя начали замечать мгновенный живительный эффект, который этот проект оказал на детей, ранее проявлявших мало интереса к учебе и во многих случаях не умевших описывать свои чувства словами. Теперь впервые «голос» ребенка был по-настоящему оценен, и вскоре многие учителя, вдохновленные примером своих учеников, также начали писать и выражать свои мысли и чувства новым творческим способом.

По мере того как дети, педагоги и другие ирландцы стали находить точки соприкосновения, что давало им возможность встречаться и делиться друг с другом своим творчеством, они нашли и способы преодолеть свои внутренние страхи. Люди все меньше выплескивали свои негативные эмоции на окружающих «врагов», осознавая, что эти мрачные чувства являются частью их самих. И впоследствии, с помощью благодатной силы пробужденного воображения, они смогли преобразовать ранее деструктивные силы в творческие. Таким образом, благодаря духу Пушкина был внесен значительный вклад в дальнейшее распространение мирного процесса в Ирландии.

Анализ положительного влияния этих изменений в культуре Ирландии приводит меня к мысли, что работа, проделанная нами в Пушкинском фонде, имеет более широкие последствия для воспитания детей в наше время. На протяжении целого тысячелетия обычные системы образования создавали серьезный дисбаланс. Эти системы стремились ограничить, а не расширить перспективы роста наших детей и развития их личности для самореализации. Я считаю, что теперь настало время восстановить равновесие и перейти от узконаправленной цели — хорошей успеваемости — к всестороннему образованию для развития эмоций и интеллекта. Надо найти баланс между интеллектом и сердцем.

В Ирландии творческий дух Пушкина выступил в качестве своего рода катализатора или фермента для восстановления сострадательного творческого духа в нашем беспокойном мире. Но если это можно было сделать в Ирландии, то разве нельзя возродить этот дух в другом месте, и не в последнюю очередь на родине Пушкина, в России, где истинная сила традиционного коренится в глубокой образной мудрости.

Я считаю, что интуитивное понимание источника этой силы проявляется в строках из письма в стихах А. С. Пушкину, написанного десятилетней девочкой. Ее стихотворение называется «Письмо Золотой рыбки», а в последней строке девочка пишет: «Давайте вернем то, что осталось целым».

Ребенок говорит, что мы *потеряли* связь с чем-то таким, что уцелело, несмотря ни на что. А иначе зачем бы она стала просить нас вернуть это? Этой строкой ребенок уверяет, что мы можем восстановить это нечто — именно потому, что оно осталось невредимым.

Я считаю, что ребенок говорит о душе, ее глубокая мысль подсказывает мне имя Святой Руси. Ибо и цельность и святость рождаются там, где противоположности объединяются вокруг единого центра. Этим центром является родник творческого духа, который течет в материальный мир, подпитывая жизнь любовью и сочувствием, непосредственностью, энтузиазмом и «детской» оптимистичной невинностью, благодаря которым спасение и возрождение снова стали возможны.

Если мы действительно любим душу России и верим, как и Пушкин, в Святую Русь, мы должны воспитывать наших детей, чтобы они формировались как цельные личности. Ибо если душа любого общества воспитывается системой образования, то в качестве главной идеи этой системы необходимо иметь целостное развитие и воспитание ребенка. Мы не можем больше позволить себе ограничивать потенциал наших детей, препятствовать его развитию. Мы не должны пренебрегать их величайшим преимуществом — даром воображения, потому что эта творческая и преобразующая сила является источником сострадания и служит надежным средством, позволяющим услышать и понять язык души.

В заключение напомним бессмертные слова Ф. М. Достоевского из романа «Братья Карамазовы»: «Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ — богоносец».

Шаукат Азиз¹**СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ**

Проблемы, с которыми мы сталкиваемся во все более взаимосвязанном и глобализованном мире, также носят более глобальный характер, чем когда-либо ранее. Это распространение экстремизма и терроризма, угроза экономических кризисов, проблема налаживания эффективного управления и сотрудничества, а также конфликты, разыгрывающиеся на Ближнем и Среднем Востоке, включая проблему регулирования массовой миграции. Дестабилизация работы национальной банковской системы, распространение вируса Зика или последствия смены режимов — эти вопросы, возникая в отдаленных уголках мира, могут затронуть всех. В свою очередь, правильное их решение возможно только с помощью скоординированного многостороннего подхода.

Характер некоторых глобальных угроз также меняется. Войны завтрашнего дня будут вестись не с использованием обычных вооруженных сил — их будут вести против негосударственных военных организаций. По всему миру террористы нападают на мирных граждан, захватывают и удерживают территории, разрушают торговые пути. Нынешний кризис в Леванте закручивается по спирали и не обнаруживает никаких признаков ослабления. Исламское государство было одной из многочисленных групп, сформированных в ходе межрелигиозного конфликта в странах, опустошенных гражданской войной или переживших смену правящего режима. Для пополнения своих рядов новыми сторонниками из разных стран и распространения своих идей оно успешно использует современные технологии. Его действия создают опасную нестабильность, в которой сложно осуществлять политические меры, и правовые нормы государства в затронутых странах рискуют утратить эффективность.

Мы не готовы к этим угрозам. Современный мир пока только делает первые шаги в попытке разработать последовательную и адекватную стратегию противостояния. Мир должен сконцентрироваться на стратегии решения проблем, связанных с таким развитием событий, и на питающих их межрелигиозных, семейных, этнических, национальных и религиозных вопросах. Пока не вполне ясно, как эти организации развиваются и укрепляют свои позиции. Чтобы разобраться в структуре их финансирования, управления и контроля, связи с другими группами, требуется более полная разведывательная информация. Традиционные способы контроля и отслеживания информации тоже не работают. Кроме этого, нам необходимо иметь стратегию решения вопросов, связанных с ответными рисками и работой с гражданами, которые спаслись бегством от боев между экстремистскими группировками и теперь хотят вернуться на родину. Требуются специальные программы, для того чтобы восстановить их в пра-

вах и добиться, чтобы они не представляли угрозу для остальных граждан.

В последние годы международное сообщество допустило ряд ошибок. В частности, были приложены недостаточные усилия для возрождения экономической деятельности в регионе после внешнего вмешательства. В постконфликтной среде следует осушесть продуманное восстановление экономики и разработать план развития с поддержкой ключевых стран и институтов Бреттон-Вудской системы, что должно включать разработку нестандартных решений и проведение эффективных структурных преобразований. При этом совсем необязательно застревать на прошлых ошибках и делать обличительные комментарии — важно изучить полученный опыт и извлечь уроки из прошлого. Военное вмешательство с целью низвержения руководства какой-либо страны, без четкой постконфликтной стратегии — это, безусловно, верный путь к катастрофе, поскольку увеличивает шанс краха государства, давая возможность негосударственным структурам прийти к власти, чтобы заполнить образовавшийся вакуум.

Необходимо решить вопросы, связанные с корнями терроризма. Прежде всего надо признать, что это гораздо больше, чем вопрос безопасности, — речь идет об умах и сердцах людей. И терроризм, и экстремизм — факторы ухудшения экономического положения. Они распространялись путем преследования тех, кто не питает иллюзий, борется за место в своем обществе и находит его у вербовщиков. Ухудшение экономического положения — это не просто пребывание в состоянии бедности: оно может выражаться в недостатке возможностей, отсутствии прав, в том числе права голоса, или невозможности разрешения споров. Когда экономическое положение ухудшается до такой степени, что люди чувствуют, что их не слышат, они могут легко впасть в крайности. Мы должны направить свои усилия именно в корни терроризма — развивать разведку, разрабатывать собственные методы борьбы с негосударственными структурами. К сожалению, до настоящего времени мы все вместе боролись за то, чтобы примирить многочисленные фракции, создать чувство национального духа и пропагандировать ценности мира и толерантности, подчеркивая положительные аспекты своих обществ. Только так мы сможем сократить перемещение людей, желающих пересечь границы, чтобы отдать свою жизнь за сомнительные «идеалы».

Последствия носят глобальный характер — поскольку кризис на Ближнем и Среднем Востоке продолжает набирать обороты, миллионы беженцев уже покинули зону конфликта. Более миллиона осели в Иордании, остальные переместились в Турцию и дальше в Европу. Каждый день тысячи людей предпринимают опасные попытки пересечь Эгейское море, чтобы добраться до Греции. Хотя для предоставления убежища беженцам имеются веские гуманитарные причины, не-

¹ Политический деятель. Премьер-министр Пакистана (2004–2007), министр финансов (1999–2007). Удостоен звания «Министр финансов года» за 2001 год по версии журналов «EuroMoney» и «The Bankers».

удачная попытка контролировать поток мигрантов чревата тревожными последствиями для Европы. Несмотря на то что миграция может играть положительную роль в обществе, например решать проблему старения населения, с которой сталкиваются многие развитые страны, необходимо иметь возможность отсева прибывающих мигрантов. Системы и инфраструктуру социальной безопасности надо адаптировать для этой цели, а руководители стран должны убедить своих граждан в том, что это может принести долгосрочную выгоду их стране и экономике. В настоящее время в различных частях мира данные факторы отсутствуют, и вопрос миграции требует тщательной проработки. Если умеренные лидеры не найдут решений, кризис может сыграть на руку ультраправым партиям и экстремистским группам. Ключ к преодолению проблемы — сотрудничество; страны, включая Россию, Турцию, США и Европейский Союз, должны найти способы объединить усилия и выработать решение.

Одна из основных проблем, с которой мы все сталкиваемся, — кризис сотрудничества как внутри Европы (о чем говорят, например, ярые дебаты в Великобритании по поводу выхода из ЕС), так и между главными экономическими и политическими субъектами, включая США, ЕС и Россию, а в последнее время — между США и их союзниками. Например, недавно президент Обама подверг критике роль Франции и Великобритании на Среднем и Ближнем Востоке, а также в рамках многосторонних дискуссионных площадок. Важно определить точки возможной напряженности и продумать решения с помощью диалога и дипломатии. Данные страны имеют множество общих стратегических и экономических интересов, и было бы полезно сконцентрироваться на сотрудничестве в этих областях, углубляя таким образом связи и взаимодействие в регионе. При выработке общей позиции будут выявляться побудительные мотивы миролюбивого поведения и сосуществования.

По мере появления новых угроз безопасности, экономике или обществу мы все больше видим, что мир страдает от нехватки лидерства. Политикам и людям, принимающим решения, не хватает глобального видения, они слишком сосредоточены на своих краткосрочных внутренних циклах, обусловленных политическими факторами. Поскольку мы все больше сталкиваемся с растущими общемировыми угрозами — терроризма, сбоя в системе безопасности, распространения ядерного оружия, электронных атак и природных катастроф, это может создать проблемы для будущего и нарушить перспективы мира и прогресса. Чтобы раскрыть свой подлинный потенциал и без страха встретить эти вызовы, страны, в частности, развивающегося мира, нуждаются в дальновидном руководстве мирового уровня.

Необходимо разрешить противоречия внутри Европы. В долгосрочной перспективе ни одна из европейских стран не получит выгоды от враждебного отношения к своим партнерам или соседям. Вместо этого надо приложить большие усилия, чтобы сделать акцент на точках общих интересов и установить связи и взаимодействие для развития более конструктив-

ных отношений при взаимном уважении суверенитета друг друга. Углубление сотрудничества поможет «снизить температуру», и мирное состояние будет выгодно и для России, и для Европы. В долгосрочной перспективе безопасность, стабильность и благополучие всей Европы будут достигаться путем совместных усилий всех заинтересованных сторон.

В мировом масштабе мы наблюдаем формирование нового баланса сил. Китай уже утвердил себя в качестве глобального игрока и признан таковым мировым сообществом. Поскольку рост экономики Китая продолжается, будут расти доходы и уровень потребления его граждан, как и позиции страны на рынке. Естественно, что при укреплении экономического положения геополитическое влияние Китая также растет. Это уже было видно в динамике безопасности и развития в Азии, а в настоящее время Китай готов выйти за рамки региона и поддерживать контакты с остальным миром. Разумеется, если Китай станет мировым экономическим лидером (ожидается даже, что он обгонит США по ВВП), мировой политический порядок, установленный западными державами после Второй мировой войны, будет меняться.

Китай уже укрепляет свой военный потенциал, наращивая в новом тысячелетии мощь Народно-освободительной армии Китая, обновляя свою тренировочную базу и технологии — развитие событий, заставляющее поволноваться другие державы. В частности, Хилари Клинтон, находясь на посту Государственного секретаря США, выразила свою озабоченность следующими словами: «История учит, что возникновение новых держав часто знаменует начало периода конфликтов и неопределенности. Действительно, по обе стороны Тихого океана мы наблюдаем некоторую обеспокоенность по поводу возвышения Китая и будущего американо-китайских отношений». Решение Вашингтона «повернуться» в сторону Азии было частью его новой политики в отношении Пекина, которая включала попытки противостоять Китаю в данном регионе.

Между тем официально провозглашенная Пекином политика была стремлением к «мирному возвышению» и «мирному развитию», и его руководство всегда стремилось это подчеркнуть. Все же следует признать, что всякий раз, когда баланс сил в мире меняется, это вызывает новые проблемы. Древнегреческий историк Фукидид утверждал, что конфликт неизбежен, когда появляются набирающие силу державы, которые соперничают с державами-лидерами. Сейчас принято ссылаться на его «Ловушку» как возможную угрозу мировой стабильности.

Во-первых, надо признать, что в долгосрочной перспективе многополярный мир лучше однополярного. Развитие новых мировых держав могло бы стать источником силы для других стран.

Во-вторых, во многих частях света мы изменили свою точку зрения и пришли к выводу, что вооруженный конфликт с применением обычных видов оружия является приемлемым решением — частично из-за существования ядерных сил сдерживания и частично из-за того, что характер конкуренции сам по себе постепенно меняется. Мировая политика сегодня дей-

ствуется в двух параллельных парадигмах: во-первых, в традиционной парадигме силы и соперничества; во-вторых — в активно формирующейся парадигме взаимозависимости и общих интересов. На современном этапе истории сосуществование обеих парадигм — дело непростое, свидетельством чего является внешне противоречивое поведение государств, соединяющее конкуренцию и сотрудничество.

Парадигма силы и соперничества продолжает оставаться господствующей в политическом истеблишменте Соединенных Штатов, Китая, России и других стран. Например, это обнаруживается во все более сложной обстановке в плане безопасности, сложившейся в Азии, связанной, в частности, с создаваемыми США в Азии альянсами и переброской военно-морских сил США из Атлантики в Тихий океан. Между тем Китай строит и развивает отношения с Россией, Центральной Азией, Ираном, Латинской Америкой и Африкой, а также укрепляет давние отношения, например, с Пакистаном. Но что бы ни означали эти действия, ситуация, судя по всему, не достигнет того этапа, когда она перейдет в физическое столкновение.

Более реалистичный среднесрочный сценарий включает различные экономические взаимоотношения между важными заинтересованными сторонами, в том числе доступ к природным ресурсам, конкурирующие модели развития и потребность в повышении влияния в мировых экономических и финансовых институтах. При этом еще требуется работа по разрядке напряженности из-за спорных территорий. Сосредоточение внимания на дипломатии и диалоге поможет установить конструктивные рабочие отношения.

Преимущества взаимозависимости и взаимосвязи приобретают все большую убедительность для политиков всего мира. Обнадеживающим знаком, свидетельством силы Азии и пространством, в котором современная международная структура может играть важную роль, стало желание многих стран подписаться на акции Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИВ). Хотя некоторые страны пока не воспользовались этой возможностью, АИВ — это хороший шанс для региона (и мира) построить новую финансовую инфраструктуру, такую, которая будет более точно отражать современные реалии. АИВ будет дополнением к уже работающим учреждениям, занимающимся вопросами развития, таким как Азиатский банк развития, Исламский банк развития и Всемирный банк. Деятельность АИВ должна основываться на четырех основных принципах: меритократии («власть достойных»), прозрачности, игре на равных со всеми заинтересованными сторонами и высоких стандартах управления. Преимущество АИВ состоит в том, что он не является заложником истории, как институты Бреттон-Вудской системы, которые иногда подавляют свою способность адаптироваться к современному миру.

Важным шагом на пути создания более тесных мировых связей является инициатива Китая «Один ремень, одна дорога», многообещающая политика развития, начатая президентом Си Цзиньпином, цель которой — соединение Китая с рынками в странах Азии,

Европы и других зарубежных странах, создание коридоров морской торговли, налаживание связей по старым и новым торговым путям между Центральной Азией, Южной Азией, Китаем, Россией и Европой. Как ожидается, данная политика внесет свой вклад в дальнейшую интеграцию мировой экономики и повышение благосостояния во всей Азии, а также в Европе и Африке.

Своей инициативой «Один ремень, одна дорога» Китай задал тон для XXI века. Другие крупные игроки — США, Россия и ЕС — имеют прекрасную возможность присоединиться к данной инициативе и сделать акцент на стимулировании более тесных связей, сотрудничества и совместной работы. В то время как кто-то тревожится об изменении мирового порядка, количество проблем, с которыми сталкивается мир и которые нельзя решить поодиночке, в рамках одной страны, только растет.

Необходимо реформировать существующие многосторонние организации, чтобы они отражали наши потребности и были по-настоящему эффективны. В то же время новые инициативы, такие как Транстихоокеанское партнерство (ТТП), должны носить всеобъемлющий характер.

Тесное сотрудничество также все более необходимо при решении растущего числа других задач, включая борьбу с опасными заболеваниями и нарастающую проблему устойчивости к антибиотикам, безопасность в кибернетическом и околоземном космическом пространстве, нераспространение ядерного оружия. В зонах возможных конфликтов, чтобы избежать их эскалации из-за отсутствия взаимопонимания, необходимо юридически закрепить способ информационного взаимодействия между ключевыми странами, с налаживанием частых контактов, ведением диалога и обсуждением проблем.

Для всей планеты представляет угрозу изменение климата. США, Китай и другие крупнейшие источники выброса углеводородов, включая Европу и Индию, должны принять совместные меры по сокращению выбросов и строить мировую экономику на основе энергии, получаемой экологически чистыми методами.

Соглашение, подписанное в прошлом году на Конференции по климату в Париже (COP21) — конкретный шаг в этом направлении, но его реализация будет непростой задачей.

Одна из самых серьезных проблем, с которыми мы сталкиваемся, — демографическая. В развитых странах она выражается в сокращении и старении населения, что оказывает давление на государство всеобщего благосостояния. С другой стороны, во многих частях света наблюдается демографический бум. При такой демографической статистике необходимо проведение всеобъемлющих реформ в сфере образования. В противном случае молодые люди, стремящиеся получить работу, не будут иметь необходимых навыков, что сократит количество возможностей для них. Все это создает опасность получения отчужденного поколения, «свободного» от общества. Политики должны обратить особое внимание на раскрытие потенциальных талантов, а способность к работе молодых людей могла

бы стать огромным стимулом для этих стран, повышая темпы роста и увеличивая их благосостояние.

Около 800 млн людей все еще живут в условиях крайней нищеты и голода. В странах, затронутых конфликтами, доля детей, не посещающих школу, увеличилась с 30 % в 1999 году до 36 % в 2012-м. Необходимо проделать очень большую работу для искоренения бедности в мире и существенного улучшения жизни тех, кто в этом больше всего нуждается.

Существенный прогресс уже налицо, о чем свидетельствуют успехи, достигнутые со времени принятия «Целей в области развития», сформулированных в «Декларации тысячелетия» (MDG). В докладе ООН (июль 2015 г.) MDG характеризуется как «наиболее успешное в истории движение против бедности». Даже если цель сокращения вдвое количества людей, живущих в условиях крайней нищеты, не была достигнута, количество людей, живущих на менее чем 1,25 доллара в день, снизилось с 1,9 млрд в 1990 году до 836 млн в 2015-м. Хотя были достигнуты значительные успехи в отношении многих целевых значений MDG по всему миру, прогресс распределился неравномерно по странам и регионам, оставив значительные разрывы. Конфликты остаются главной угрозой развитию человека, причем среди населения уязвимые и затронутые конфликтами страны, как правило, имеют большую долю бедного населения. Продолжает существовать неравенство по половому признаку, несмотря на то что все больше женщин представлено в парламенте и все больше девочек посещает школу. Женщины по-прежнему сталкиваются с дискриминацией в области доступа к рабочим местам, собственности и участия в принятии решений, важных для общества.

Сегодня одна из самых серьезных проблем для политиков — не просто стимулирование роста, а обеспечение его справедливости. Экономист Томас Пикетти прямо предупреждал нас об опасности постоянно углубляющегося разрыва между богатыми и бедными. Если

не будут приняты решительные политические меры, это может иметь серьезные социальные последствия. Извлечение выгоды из возможностей, предоставляемых новыми технологиями, — от повышения уровня автоматизации до так называемых «прорывных» инноваций, которые могут изменить в лучшую сторону старые отрасли, — могло бы стать шагом к тому, чтобы наши экономики стали экономиками XXI века и предоставили принципиально новые возможности для изменения социальной структуры населения.

Необходимо разработать способ более надежной защиты наших экономических систем от будущих кризисов. Циклическая природа экономики предполагает, что за подъемом всегда следует очередной спад. Однако разумные политические решения и приверженность идее непрерывных структурных преобразований могут защитить нас от возможных потрясений. По мере того как экономики становятся все более развитыми и сильными, для дальнейшего роста им все более необходимы изменения и отмена государственного вмешательства. Структурные реформы во многих странах должны включать программу приватизации, либерализации и отмены государственного регулирования. Это позволит открыть целые отрасли для стандартов мирового уровня и повысит их конкурентоспособность.

В заключение необходимо отметить, что основными проблемами, с которыми мы сталкиваемся сегодня, являются реально существующая угроза экстремизма и терроризма, потенциальная возможность экономических потрясений и спадов, недостаточная эффективность руководства и задача адекватного устранения нежелательных политических и гуманитарных последствий, которые могут явиться результатом внешнего вторжения и изменения режима. Есть также множество других проблем, и ключ к их решению — найти способ сотрудничества между основными мировыми державами. Проблемы, с которыми сегодня сталкивается мир, нельзя решить с помощью одностороннего подхода.

А. А. Акаев¹

НОВАЯ ПАРАДИГМА МИРОВОГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XXI ВЕКА КАК ОТВЕТ НА СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Ряд видных исторических социологов мира утверждают, что *сегодня накапливаются объективные*

¹ Президент Киргизской Республики (1990–2005), президент Академии наук Киргизской Республики (1988–1990). Главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова (с 2005 г.), иностранный член Российской академии наук, академик Академии наук Киргизской Республики, доктор технических наук, профессор. Автор более 250 научных работ, изобретений и учебных изданий по прикладной математике, математической экономике, оптическим компьютерам и информационным технологиям. Политические и философские взгляды изложены в работах «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «История, прошедшая через мое сердце», «Думая о будущем с оптимизмом», «На благо народа», «Кыргызская государственность и народный эпос “Манас”» и др. Действительный член Нью-Йоркской академии наук. Награжден орденом «Знак Почета», медалью Пушкина. Лауреат

причины для грандиозного структурного кризиса, неразрешимого в рамках существующих научных парадигм [1, с. 8]. Они считают, что назревающий кризис капитализма случится в 2040-х годах и будет гораздо более разрушительным, чем «великая рецессия», начавшаяся в 2008-м. Большинство развитых капиталистических стран пока еще не нашли эффективных путей выхода из мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов, что свидетельствует о бессилии существующих научных парадигм в области рыночной экономики. Напряженные поиски новой научной парадигмы в рамках нынешней либеральной мозолотой медали Н. Кондратьева, золотой медали В. Леонтьева, золотой медали и ордена В. Вернадского.

дели капитализма пока не дали обнадеживающих результатов. Поэтому наиболее проницательные ученые среди историков, социологов и экономистов задались ключевым вопросом: *а есть ли будущее у современного капитализма?*

И. Валлерстайн, один из основоположников современного мир-системного анализа, в 1970-е годы предсказавший конец советского коммунизма, сегодня уже дает аргументированное обоснование грядущего отмирания современной мир-экономики, построенной на капиталистических принципах [1, с. 23–60]. Вместе с тем он также предупреждает, что никто сейчас не может предсказать, какая система придет на смену капитализму. Действительно, реальной альтернативы капитализму сегодня не предвидится. Коммунизм, на который возлагались подобные надежды, просуществовал неполный век и ушел в историю, так и не создав долгосрочной жизнеспособной альтернативы капитализму. И. Валлерстайн поддерживает другой известный социолог — Р. Коллинз, также в 1970-е годы предсказавший крушение советского коммунизма [1, с. 61–112].

М. Манн [1, с. 113–155] и К. Калхун [1, с. 216–265], напротив, считают, что капитализм еще далеко не исчерпал внутренние ресурсы и поэтому сможет сохраниться, но в реформированном, усовершенствованном виде. В этом аспекте М. Манн, например, высказывается в пользу социал-демократического решения проблем капиталистической глобализации, то есть глобализации с «человеческим лицом». А К. Калхун считает более вероятным государственный капитализм, главным примером которого сегодня служат Китай и его восточноазиатские соседи.

Капитализм, наряду с присущим ему «созидательным разрушением» старых технологий и форм производства [2], был также источником неравенства доходов и деградации окружающей среды, что в недалеком будущем может вызвать грандиозные социальные революции и глобальную экологическую катастрофу. Для того чтобы не допустить столь глубокого кризиса капитализма, который может привести к его гибели, необходимо законодательное утверждение высокой социальной справедливости и строгое соблюдение экологического императива для поддержания комфортной среды обитания населения Земли.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что единственной реальной альтернативой нынешнему либеральному капитализму, способной в значительной мере ответить на вышеуказанные вызовы, является *интегральный общественный строй*, предсказанный великим социологом XX века Питиримом Сорокиным [3]. В статье «Взаимная конвергенция США и СССР и смешанный социокультурный тип» [3, с. 337–384], написанной еще в 1961 году, то есть более полувека назад, П. Сорокин гениально предвидел: «Доминирующим типом общества будущего будет не коммунизм и не капитализм, а своеобразный тип, который мы назовем интегральным. Этот тип является промежуточным между капиталистическим и коммунистическим общественным строем и образом жизни. Он воспримет основные позитивные ценности и избежит серьезных недостатков каждого из существующих типов» [3, с. 337].

Он полагал, что подобная конвергенция является обнадеживающим симптомом и здоровым процессом.

Опыт Германии и Скандинавских стран, построивших социально ориентированные рыночные экономики, стал ярким примером, подтвердившим правильность идей П. Сорокина. Опыт социалистического Китая, который сегодня идет по интегральному пути, указанному ученым, также свидетельствует о плодотворности и жизнеспособности интегрального общественного строя. Возможно, что к середине века станут более отчетливо видны контуры подлинно новой альтернативы капитализму. Но *в первой половине XXI века, на период шестой длинной волны экономического развития Кондратьева, наиболее подходящей и плодотворной основой для разработки новой теоретической парадигмы является глобальное строительство интегрального общественного строя П. Сорокина*. Конечно, каждая страна будет строить свой вариант этого нового порядка, как и полагал последний. Мы все должны внести свой ощутимый вклад в дело пропаганды и утверждения парадигмы, основанной на переходе к интегральному общественному строю.

Итак, *когда мы говорим о новой парадигме, нам необходимо указать новые источники долгосрочного экономического роста и новые условия, при соблюдении которых будет обеспечено длительное устойчивое развитие*.

Источником экономического роста на предстоящей длинной волне Кондратьева (2018–2050), как уже установлено, является шестой технологический уклад (ТУ), в основе которого лежат NBIC-технологии (*N* — нано-, *B* — био-, *I* — информационно-коммуникационные, *C* — когнитивные технологии), порожденные NBIC-революцией [4–7]. Начавшийся в конце XX — начале XXI века активный процесс технологической конвергенции, означающий взаимопроникновение технологий, особенно ярко проявился в NBIC-конвергенции. Процесс технологической конвергенции сопровождается, как правило, синергетическим эффектом, характеризующим возрастание эффективности производства в результате конвергенции технологий. Именно синергия NBIC-конвергенции будет оказывать мощное воздействие на экономический рост в XXI веке.

Таким образом, назывые страны в первой половине XXI века будут насыщать свою промышленность и сферу услуг высокотехнологичными наукоемкими продуктами и услугами, основанными на NBIC-технологиях. В это же время развивающиеся страны будут форсировать индустриализацию своих экономик и формировать современную сферу услуг. При этом крайне важно, чтобы они имели широкий доступ к энерго- и ресурсосберегающим технологиям пятого ТУ, который составляет основу современных наиболее развитых экономик мира. Примечательно, что ключевые технологии пятого ТУ уже перешли в разряд технологий широкого применения (ТШП) [8]. Развивающиеся страны могли бы осуществить широкомасштабные программы внедрения ТШП пятого ТУ прежде всего в жизнеобеспечивающие отрасли народного хозяйства (горнодобывающие, водо-, газо-, энергоснабжающие, транспортную и торговую отрасли, а также

в образовании и здравоохранение), поскольку именно они обеспечивают реальный рост национального дохода (ВВП). Кроме того, при таком сценарии развития минимизируется ущерб, наносимый окружающей среде в результате масштабного экономического роста в мире.

Каковы же условия, обеспечивающие долгосрочный устойчивый рост на очередной длинной волне экономического развития? Автору представляется, что следующие пять условий должны стать императивами на протяжении шестого большого цикла Кондратьева (БЦК).

Во-первых, *социальная справедливость*, обеспечивающая справедливое распределение доходов в обществе, снижение неравенства доходов до социально приемлемого уровня. Нынешний финансово-экономический кризис убедительно показал, что социально ориентированные экономики Германии и ряда Скандинавских стран достаточно устойчивы даже в условиях турбулентной нестабильности экономической конъюнктуры. Поэтому требуется возврат к социально ориентированной модели рыночной экономики, к социальным государствам. Это позволит снять социально-политическую напряженность в национальных обществах и укрепить социальную сплоченность, необходимую для устойчивого подъема мировой экономики.

Во-вторых, *справедливая гармоничная глобализация*, обеспечивающая справедливое распределение выгод от процессов глобализации. Требуется обуздать стихийный процесс глобализации и направить его на благо не только промышленно развитых стран, как это было до сих пор, но и развивающихся, чтобы они смогли выбраться из бедности и нищеты. Благодаря подъему благосостояния населения в развивающихся странах будет стремительно расширяться мировой средний класс, который обеспечит спрос на товары и услуги длительного пользования, способствуя устойчивому долгосрочному экономическому росту на глобальном уровне.

В-третьих, *экологический императив*, обеспечивающий согласованные, энергичные и эффективные усилия всего мирового сообщества для сбалансированного обеспечения растущего населения Земли всеми необходимыми ресурсами — питьевой водой, продовольствием, энергией и тому подобным без ущерба окружающей среде и дальнейшего ухудшения состояния биосферы Земли.

Биосфера Земли является саморегулирующейся системой, однако ее способность к поддержанию стабильной окружающей среды безгранична и сохраняется лишь до тех пор, пока возмущения, которым подвергается система, не превышают возможностей регуляции. Антропогенное воздействие человечества уже на рубеже XIX–XX веков превысило этот предел, и с тех пор Земля находится в состоянии непрерывно углубляющегося экологического кризиса. Если не предостеречь его дальнейшего усугубления, то он неминуемо перерастет в необратимую, губительную для человечества экологическую катастрофу. Пришло время, когда нынешнюю экономику необходимо трансформировать в экологизированную, оберегающую биосферу планеты [9].

В-четвертых, *стабильность финансовой системы*, обеспечивающая устойчивое инвестирование финансового капитала в реальную экономику. Финансовый капитал, безусловно, играет ключевую роль в современной экономике. Он первым оказывает поддержку технологической модернизации экономики, но затем вносит свой вклад в углубление противоречий, ведущих к возможному кризису. Каждая технологическая революция вела к периоду взрывного роста на финансовых рынках как предвестнику грядущего краха [10]. Поскольку поддержание стабильности финансовой системы — одна из главных обязанностей государства, следует добиваться более эффективного государственного регулирования в этой важнейшей сфере. Совершенно ясно, что чрезмерное регулирование убивает стимулы к инновациям, созданию новых продуктов инноваций. Однако недостаточное регулирование приводит к большим проблемам, как это продемонстрировал нынешний кризис. Будем надеяться, что в рамках сотрудничества двадцати развитых и ведущих развивающихся стран удастся выработать контуры новой мировой финансовой архитектуры, более надежной, гибкой и исключающей возможность появления финансовых пузырей, генерирующих кризисные явления, ведущих к внезапному спаду в экономике, за которым следует крах, а затем депрессия.

В-пятых, *конвергентное развитие* экономик авангардных стран мира. Передовые страны мира, состоящие из стран G5 (США, Япония, Германия, Великобритания и Франция), и БРИКС становятся локомотивами мирового экономического развития на шестом БЦК (2018–2050), создавая необходимый спрос путем конвергентного развития своих экономик. Развитые страны создают спрос на товары и услуги стран БРИКС, действуя передаче последним ТШП и притоку прямых инвестиций. БРИКС и другие развивающиеся страны с растущими рынками максимально способствуют расширению среднего класса в своих обществах, формируя тем самым достаточный объем спроса на дорогую наукоемкую высококачественную продукцию и услуги, предоставляемые развитыми странами. Трудоемкое промышленное производство будет по-прежнему находиться в развивающихся странах.

БРИКС, в свою очередь, становятся локомотивами для менее развитых стран, создавая необходимый спрос на сырье и полуфабрикаты, дешевые товары и услуги, а также инвестируя в развитие инфраструктуры и социальной сферы. Ключевую роль для экономического роста бедных развивающихся стран могут сыграть справедливые условия международной торговли, которые возможно выработать только при сильной поддержке БРИКС в рамках G20 и ВТО, путем успешного завершения раунда Доха. Таким образом, возможно вновь восстановить глобальный спрос и поддерживать в дальнейшем его устойчивый рост.

Ключевой здесь является проблема глобализации. Действительно, один из выводов знаменитого французского экономиста, лауреата Нобелевской премии Мориса Алле, к которым он пришел в результате эмпирического исследования условий занятости и экономического роста в процессе глобализации, звучит сле-

дующим образом: «Всеобщая глобализация торговли между странами с весьма различными уровнями заработной платы (по обменному курсу валют) не может не приводить в конечном счете повсюду — как в развитых, так и в менее развитых странах — лишь к безработице, падению темпов экономического роста, неравенству и нищете» [11, с. 22–23]. Сказанное справедливо также в отношении проблемы ухудшения экологической ситуации в развивающихся странах, куда в процессе глобализации развитые страны Запада выносят «грязные» промышленные производства.

Рассматривая глобализацию как объективный процесс, другой нобелевский лауреат, американский экономист Дж. Стиглиц, предлагает ключевые реформы для устранения его недостатков, в частности ставит *проблему управления мировой экономикой*: «К сожалению, у нас нет мирового правительства, ответственного за народы всех стран, чтобы контролировать процесс глобализации способами, сопоставимыми с теми, которыми национальные правительства направляли процессы образования наций. <...>

Основная проблема современного мира состоит не в глобализации, а в том, как она осуществляется. Частично это связано с международными экономическими институтами, которые вырабатывают правила. Зачастую они делают это в интересах передовых промышленно развитых стран и в интересах особых групп этих стран. Эти институты ставят торговые и финансовые интересы превыше всего и смотрят на мир глазами финансиста, а не экономиста. Таким образом, проблемы заботы о среде обитания, обеспечения бедных правом голоса при принятии решений, которые их непосредственно затрагивают, содействия развитию демократии, честной справедливой торговли остаются вне поля их зрения» [12, с. 41].

Таким образом, Дж. Стиглиц определенно связывает решение вышеуказанных проблем с созданием мирового правительства, обязанного действовать в интересах всех стран мира, всего человечества, а не только узкой группы развитых стран Запада, как это сегодня делают МВФ, Всемирный банк и многие другие международные организации.

Удивительно, но об этом же сто лет назад размышлял великий русский ученый Владимир Иванович Вернадский. (В этом году во многих странах мира широко отмечается 150-летие со дня рождения ученого.) Он разработал учение о биосфере Земли, получившее мировую известность, а также предсказал переход биосферы в качественно новое состояние — ноосферу [13]. Понимая под ноосферой сферу взаимодействия природы и общества, Вернадский считал, что *ноосфера требует глобального управления планетарными про-*

цессами согласно единой разумной воле, и это связано с идеями социально ориентированного общества.

Новую модель мировой экономики, отвечающую пяти вышеуказанным императивам — социальной справедливости, гармоничной глобализации, сохранению устойчивости биосферы Земли, стабильности финансовой системы и конвергентному развитию экономик авангардных стран мира, формируемую и управляемую разумным мировым правительством, я называю *нооэкономикой*, то есть *экономикой справедливости и разума*. Сегодня, когда мировой кризис обнажил все эти проблемы, наступил самый благоприятный момент, чтобы начать формирование нооэкономики для того, чтобы уберечь человечество от губительных войн и природных катастроф и обеспечить плавный переход в ноосферную цивилизацию. Человечество должно осознать, что завтра может быть поздно.

Литература

1. Есть ли будущее у капитализма? : сб. ст. И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна / пер с англ. под ред. Г. Дерлугьяна. — М. : Изд-во Инта Гайдара, 2015.
2. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития / Й. Шумпетер. — М. : Прогресс, 1982.
3. *Сорокин П.* Кризис нашего времени / П. Сорокин. — М. : ИСПИ РАН, 2009.
4. *Hirooka M.* Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective / M. Hirooka. — Cheltenham ; Northhampton : Edward Elgar, 2006.
5. *Глазьев С. Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса / С. Ю. Глазьев. — М. : Экономика, 2010.
6. *Акаев А. А.* Основы современной теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом / А. А. Акаев // Анализ и моделирование глобальной динамики. — М. : Либроком, 2010. — С. 17–43.
7. NBIC-технологии. Инновационная цивилизация XXI века / А. К. Казанцев [и др.]. — М. : ИНФРА-М, 2012.
8. *Полтерович В. М.* Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации / В. М. Полтерович // Вопросы экономики. — 2009. — № 6. — С. 4–23.
9. *Браун Л. Р.* Экоэкономика. Как создать экономику, оберегающую планету / Л. Р. Браун. — М. : Весь мир, 2003.
10. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания / К. Перес. — М. : Дело, 2011.
11. *Алле М.* Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста / М. Алле. — М. : ТЕИС, 2003.
12. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Стиглиц. — М. : Мысль, 2003.
13. *Вернадский В. И.* Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. — М. : Айрис-пресс, 2012.

С. Р. Амели¹

ДУАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА: УСИЛЕНИЕ/ОСЛАБЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ИНТЕРЕСА

Введение

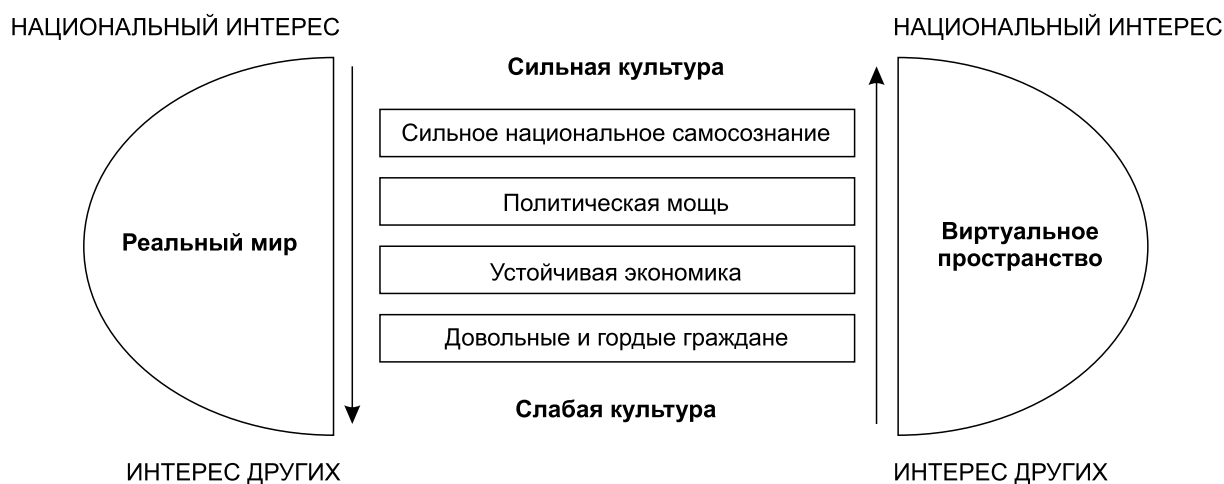
Общемировые проблемы для национального интереса обусловлены множеством факторов. Однако особенно значимо развитие глобализации и нового виртуально-реального жизненного пространства как стратегически важного этапа. Соответственно можно говорить о новом сдвиге парадигмы понимания, планирования и структурирования локальных, глобальных и глокальных национальных и международных отношений. Данный стратегический этап можно назвать двойной глобализацией мира или, при другом подходе, — дуализацией мирового пространства. Дуализация мирового пространства связана с наличием параллельных возможностей и вызовов в виртуальном и реальном мирах, где происходят серьезные изменения в медицине, градостроительстве, печати [Амели, 2013], коммерции, банковской системе, сетевых корпорациях, бюрократической системе, управлении частным, общественным и официальным секторами и во многих других сферах жизни. Эти изменения постепенно смещают информацию, людей, предметы и процессы в область киберпространства — не только в изолированной среде, но и в связанной с материальными составляющими и их идентификацией.

В докладе мы рассмотрим некоторые аспекты культурного национального интереса в связи с дуализацией мирового пространства.

Проблемы для национального интереса

Национальный интерес определяют многие социальные ресурсы, такие как сильная культура [Амели, 2003], устойчивое развитие [Далал-Клейтон и Басс, 2002], политическое влияние и сила [Фэм, 2008], счастливые и удовлетворенные граждане [Амели, 2002a и 2002b]. Однако можно утверждать, что национальный интерес также тесно связан с силой культуры как с мета-фактором, который оказывает воздействие на национальное самосознание, удовлетворенность граждан и эффективность экономики и политики. Существует авторитетная точка зрения, что основной элемент технологических и идеологических различий между Востоком и Западом — это культура [Мазруи, 2000].

Поощрение проявления индивидуальности посредством глобального расширения доступа к знаниям и информации, транслокализация жизни в целом, а также образа жизни и примеров для подражания из общественной и политической сфер в частности, подталкивают каждого человека, каждую социальную и культурную группу к выбору: что предпочесть — свою национальную культуру или стиль другой культуры. Именно поэтому гражданская принадлежность, экономика потребления и общественные отношения зависят от культурных предпочтений [Амели, Мирали, 2004].

Изменение в культуре национального интереса

Основная идея состоит в том, что национальный интерес больше не является ни политическим, ни даже эко-

¹ Вице-президент по планированию и информационным технологиям Тегеранского университета (Иран), директор Центра исследований киберполитики, доктор философии, профессор. Работает над вопросами идентичности мусульманских меньшинств на Западе, а также прав мусульманских меньшинств в Великобритании, Франции, США. Автор и соавтор более 40 научных книг.

номическим вопросом, а только культурным [Хаммерих и Льюис, 2013]. Соответственно национальный интерес во многом зависит от культурного интереса, а значит, если человек ощущает сильную приверженность родной культуре, можно сказать, что у него сильное чувство принадлежности к данному обществу и он не будет рисковать национальной безопасностью и национальным интересом ради сближения с политической, культурной или экономической сферой другого государства.

Согласно модели дуализации мирового пространства и изменений в культуре национального интереса основные факторы, задействованные в создании сильной или слабой культуры, иллюстрируют, какая именно дуализация является главным макрофактором, помогающим виртуальному пространству в глобальных масштабах влиять на жизнь и выбор каждого общества. В таких условиях преимущество в виде счастливых и гордых граждан, устойчивой экономики, стабильности и мощи политической системы, а также сильную национальную самосознания может создать сильную культуру и подтолкнуть людей и общество к культурному интересу, а следовательно, и к национальному интересу. И, напротив, ощущая слабость всех четырех составляющих, люди могут склониться к внешней культуре и политическому интересу.

Сегодня виртуальное пространство предлагает общую среду для всех событий и происшествий, неза-

висимо от того, насколько они приятны или негативны. То же самое относится к научным, политическим, культурным и экономическим достижениям. В сущности, виртуальное пространство — это мир без виз, где можно попасть в другие страны, не предъявляя паспорт. Хотя такой мир постепенно начинает соответствовать политическим и социальным границам, в нем по-прежнему есть уровни, на которых существует «общее пространство», доступ к которому открыт для всего мирового сообщества. Виртуальное пространство является не только распространителем субкультур, но и некой осью координат для формирования этих субкультур. Иными словами, природа и сущность многих субкультур берут начало в том, что уже содержится в виртуальном пространстве. В то же время это оказывает огромное влияние на вытеснение тех субкультур, которые не в состоянии адаптироваться к структуре виртуального пространства.

Пирамида культурного интереса, цифровая диаспора и национальное самосознание

С помощью второй модели, а именно модели пирамиды глокального усиления/ослабления национального/транзакционного культурного интереса, я попытался продемонстрировать иерархию усиления и ослабления национального и культурного интереса на основе показателей счастья и удовлетворенности граждан. У сильной гражданской позиции есть потенциал значительной приверженности национальной/локальной культуре. Она может способствовать тому, что отдельные люди и все общество будут вносить безопасный и здоровый вклад в транзакционную/глобальную культуру, что усилит чувство принадлежности и гордости за свою культуру [Калвер, Керр, 2014].

Новое понимание культуры в рамках дуализации мирового пространства также может отразиться на приверженности родной или иной культуре в цифровой диаспоре. «Культурная диаспора» всегда была результатом фактической иммиграции, в то время как цифровая диаспора, будучи новым культурным феноменом, является продуктом мысленного отдаления

и изменений в системе ценностей и образе мыслей человека в силу его приобщения к виртуальному миру [Амели, 2011]. Такой культурный феномен может влиять на националистические тенденции и культурный интерес, равно как на национальное и коллективное самосознание [Амели, 2016].

Вопрос национального самосознания — еще одна составляющая культурного интереса, которая претерпевает серьезные изменения в связи с расширением доступа к другой культуре. Расширение и распространение Всемирной паутины сократило расстояния, создав новый вид изменчивого самосознания, особенно у молодежи. В 2002 году отчет Комиссии ООН по устойчивому развитию [Флориды, 2003] выявил подъем нового общего самосознания молодежи в разных уголках мира. В частности, его рост произошел, когда границы обществ стали исчезать, предоставляя возможность получить больший доступ к информации и сетевому миру.

Рост изменчивого самосознания благодаря виртуальному пространству можно рассматривать как возможность развития. Однако в этом есть и отрицатель-

ная сторона, поскольку такой рост может быстро ослабить и подорвать национальное самосознание человека. Виртуальное пространство способно служить платформой для общения без границ, заменяя такие категории, как национальность и язык личности, полом и возрастом. Это, в свою очередь, постепенно вытесняет свойства, которые призваны усиливать национальное самосознание, и готовит почву для развития составляющих, акцентирующих внимание на субкультурных понятиях возраста и пола. Определяющие личность факторы взаимосвязаны.

Поясним, например, как восприятие пола зависит от более важного фактора, определяющего личность, — национальности. Проще говоря, самовосприятие человека во многом зависит от его национальности. Воздействие, оказанное на отдельную черту личности, может наложить отпечаток и на остальные. В этом свете виртуальное пространство, влияющее на национальное самосознание, нарушает баланс традиционной структуры свойств и атрибутов личности. То, как в наши дни меняется восприятие людьми своего пола и пола окружающих, говорит о разрушении традиционных и устойчивых принципов.

Причины нестабильности культуры

Почему наступает нестабильность, возникают фундаментальные сомнения в культуре, происходит смешение культур, переосмысливаются личностные и национальные/транснациональные ориентиры? Ответ кроется в прогрессирующей дуализации мирового пространства, которая повлекла за собой значительные перемены. Среди этих перемен различают три: изменение единства и сущности времени; изменение уровня доступа к миру; изучение возможностей выбора.

1. *Изменение единства и сущности времени.* Время всегда было связано с понятиями расстояния, передвижения и скорости. Следовательно, физическое время очень относительно и зависит от скорости движения. Однако спонтанное и транснациональное общение изменило значимость времени и перенесло всех в постоянное пространство, доступное всем без учета расстояний. Таким образом, в отличие от физического времени, виртуальное время не относительно. Время не следует рассматривать в связи с концепцией смерти. Можно вести речь о «вечном времени», что связано с вопросами устойчивости, одновременности доступа и изменения направления времени [Амели, 2016].

2. *Изменение уровня доступа к миру.* Структурно Интернет состоит из трех элементов: модульного принципа, слоев, интегративности [Ван Шевик, 2013]. Значит, все многочисленные узлы связи обладают возможностью установить доступ между двумя людьми, между одним и несколькими, между одним и всеми. Так, люди сегодня пересылают по сто двадцать миллиардов электронных писем, и это единственный способ получить доступ к миру, если не считать, что это доступ к информации для более чем трех миллиардов человек на земле и миллиарды операций, осуществляемых с компьютера и/или смартфона в форме электронных банковских, образовательных, медицинских и управленческих услуг, а также с помощью многих

других устройств, которые устанавливают связь с Интернетом в форме, получившей название «Интернет всего» (IoE).

3. *Изучение возможностей выбора.* Раньше жизнь и выбор ограничивались доступом к ближней среде и местам поблизости, а также к людям, живущим в той же деревне, городе или максимум в той же стране. С появлением постоянной связи стали возможны постоянный доступ и общение между людьми, находящимися далеко друг от друга. Это значит, что доступ к людям, товарам, обществу, образу жизни, общественной политике и модели управления других стран предоставил больше возможностей для выбора, что может повлиять на культурный интерес одного общества и, следовательно, отразиться на общественном и национальном интересе некоторых наций.

Заключение: усиление культурной и национальной приверженности

Усиления культурной и национальной приверженности не произойдет, если общество не увидит, что локальная/национальная культура представляет собой лучший выбор в условиях конкуренции на мировом рынке культур. Представленный выбор не должен быть таким неубедительным, чтобы все предпочли продукты других культур. В данном случае под культурой я подразумеваю не только живопись, музыку, моду и все, что считается поп-культурой; я подчеркиваю, что культура — это образ жизни в широком понимании, и его поддерживает гражданское общество, дающее основания для гордости, удовлетворения, сильного чувства принадлежности к своей стране и участия в ее жизни, а также ощущения значительной поддержки со стороны правительства и общества. Таким образом, поддержка национального интереса во многом зависит от того, как люди воспринимают жизнь, а также от их гражданской сознательности и системы общественного признания.

Примечания

Ameli S. R. Globalization, Americanization and British Muslim Identity. — L. : ICAS Press, 2002a.

Ameli S. R. Interaction between Globalization, Religion and Citizenship // Letter of Social Sciences. — The University of Tehran, 2002b.

Ameli S. R. Glocal Space: Power and Powerlessness of Culture // Revista de Retorica y Teoria de la Comunicacion. Spain, 2003. — Vol. 3 (5). P. 93–70.

Ameli S. R. & Mirali A. Dual Citizenship: British, Islamic or Both: Obligation, Recognition, Respect and Belonging. — L. : IHRC, 2004.

Ameli S. R. A Critical Approach to The United States' Virtual Colonialism: Internet Domination Policy // Tehran: Islamic World Peace Forum and Faculty of World Studies. — University of Tehran, 2011.

Ameli S. R. Dual Spacization Approach to the Electronic Publishing // International Journal of Social Sciences (IJSS). — 2013. Vol. 3, № 2. — P. 77–85.

Ameli S. R. [Dual (Physical-Virtual) Spacization of Capacities and Lifestyle and the Emergence of New Cultural Issues] // Issues of Culture and Virtual Spacization, presented in the First International Summit on 'Health and Life Style: Culture and Cyberspace, 20th Jan 2016, Tehran, Organized by

The UNESCO Chair on Culture and Cyberspace: Dual Spaciation of the World and Secretariat for the Advancement of Science and Technology in the World. — 2016.

Culver S. H. & Kerr P. MILID Yearbook 2014: Global Citizenship in a Digital World, A Collaboration between UNITWIN Cooperation Programme on Media and Information Literacy and Intercultural Dialogue and the International Clearinghouse on Children // Youth and Media at NORDICOM. — The International Clearinghouse on Children, Youth and Media Nordicom University of Gothenburg, 2014.

Dalal-Clayton B. and Bass S. Sustainable Development Strategies: A Resource Book. — N. Y. : The International Institute for Environment and Development, 2002.

Floridi L. Information Ethics: An Environmental Approach to the Digital Divide // Philosophy in the Contemporary World. — 2003. — № 9 (1). — P. 39–45.

Hammerich K. & Lewis D. Fish Can't See Water: How National Culture Can Make or Break Your Corporate Strategy. — L. : John Wiley & Sons, 2013.

Mazrui A. Cultural Forces in World Politics. — Oxford : James Currey Oxford, 2000

Pham J. P. What is in the National Interest? Hans Morgenthau's Realist Vision and American Foreign Policy // American Foreign Policy Interests. — 2008. — № 30. — P. 256–265.

Van Schewick B. Internet Architecture and Innovation. — Massachusetts : MIT Press, 2013.

Ань Цинянь¹

СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА

1. На наш взгляд, главной движущей силой первой волны глобализации, которая началась в 1970-х годах, были транснациональные компании капиталистических стран. Во время перестройки в Советском Союзе и проведения политики реформ и открытости в Китае в социалистических странах начала формироваться рыночная экономика: они стали активно участвовать в международной торговле и проводить линию на демократизацию общества. В результате глобализация обрела сильную движущую силу и вступила в новый период своего развития. Вторая волна глобализации — в современную эпоху — связана с изменениями, происходящими в бывших социалистических странах.

2. По существу, современная глобализация распространяет индустриальную цивилизацию во всем мире, иными словами, проводит капитализацию мира. Это результат холодной войны и мирной конкуренции между капиталистическими и социалистическими странами. Конечно, это не означает поражения социализма, проигравшим оказался только догматический социализм. История свидетельствует, что так называемая капиталистическая, индустриальная цивилизация является необходимой ступенью развития любого общества.

Ведущая сила современной глобализации — Соединенные Штаты Америки. Они считают, что являются победителем в холодной войне, главным представителем человеческой цивилизации и стоят во главе современного мира. Многие американские ученые полагают, что история человечества завершилась капиталистической моделью развития, поэтому все остальные страны должны принять систему, возглавляемую США. Для России, Китая и других стран возвращение в общую европейскую семью или равный диалог с этими странами — лишь благое намерение, утопия.

3. Современная глобализация вызвала к жизни две важные проблемы. *Первая* — почти все развивающиеся страны участвуют в процессе формирования еди-

ной мировой рыночной экономики, везде наблюдается конкуренция. В связи с этим стали возникать различные конфликты: интересов, культур, идеологий и т. д. Конфликты происходят везде, но главным образом — во взаимоотношениях между США и другими странами мира. США стремятся устанавливать правила в международных отношениях и руководить миром ради извлечения личной выгоды — это основной источник всех конфликтов между странами. *Вторая* — глобальные проблемы приобрели новое содержание. Вызовы, связанные с климатом, окружающей средой, демографией, ядерным оружием и терроризмом, угрожают существованию человечества. В связи с этим перед всеми странами стоит важная задача — поиск путей решения этих проблем с целью гарантировать существование человечества.

Вышеназванные проблемы не существуют изолированно друг от друга. Они объединены общей причиной — ценностными установками капиталистического общества. Пока акцент делается на материальных интересах и удовлетворении личных устремлений, лежащих в основе всей буржуазной культуры, между странами неизбежно возникают конфликты и глобальные проблемы.

Человечество нуждается в установлении единого мирового порядка в экономике и общественной жизни. Для этого разным странам необходимо научиться мирно сосуществовать друг с другом и с природой, соблюдать демократические правила в международных отношениях. Путь достижения поставленной цели — борьба (только так можно наладить реальный диалог). Однако цель этой борьбы состоит не в том, чтобы нанести удар по США или занять место этой страны в мире, а в том, чтобы завоевать уважение и добиться равных прав для других стран, установить демократию.

Первая проблема может быть решена в рамках капиталистической, индустриальной цивилизации, когда общие интересы всего человечества признаны всеми путем борьбы и примирения. Вторая проблема имеет более глубокие основания: она касается основных ценностей индустриальной цивилизации. Изменение этих ценностей — единственный путь решения существую-

¹ Профессор Китайского народного университета (Пекин), историк русской философии, с 2007 г. — председатель Китайского общества изучения русской философии. Автор более 200 работ, несколько из них опубликовано в России. Член редакционных советов российских журналов «Вопросы философии» и «Свободная мысль».

щих проблем. Глобализация в современном виде не может принести человечеству мир и создать гармонию, она уже завела его в тупик. Ситуация, на мой взгляд, намного опаснее, чем в период существования Советского Союза. Научно-технический прогресс может представлять собой эффективный инструмент улучшения климата и окружающей среды, но может и способствовать ухудшению ситуации.

В настоящее время наша цивилизация находится в поворотном пункте своей истории, поэтому необходим новый вектор развития.

4. В данном случае может раскрыться значимость русской культуры. Критика западной, капиталистической культуры — основная особенность и важное преимущество русской культуры. Причем эта критика не означает полного отрицания ценностей Запада, в ней содержится упрек западной культуре в игнорировании духовных ценностей человека. На наш взгляд, многие представители русской культуры наделены данной способностью.

Одна из значимых фигур в русской культуре — Ф. М. Достоевский. В «Легенде о Великом инквизиторе» (роман «Братья Карамазовы») он обозначил дилемму воли и свободы. В легенде подчеркивается значение духовных ценностей и содержится критика западной капиталистической культуры, потому что она умаляет духовные ценности ради удовлетворения материаль-

ных потребностей. Главная заслуга Достоевского состоит в том, что он раскрыл противоречивость добра и зла в душе человека, отметил, что жажда наживы заставляет человека продаваться (тем самым уничтожая свою личность, независимость, достоинство).

Ф. М. Достоевский — ярчайший представитель русской культуры. Многие русские мыслители впоследствии развили его идеи: критику западной буржуазной культуры, мещанства, заботу о судьбах человечества — это особенность русской культуры. Один из видных советских-российских философов И. Т. Фролов, развивая идеи Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, всесторонне исследовал революционные открытия в науке и технике и их результаты, обратился к глобальным проблемам, будущему человечества и выдвинул идею нового гуманизма, связанную со свободой человека и совершенствованием его личности.

5. Сегодня мир нуждается в русской культуре, продолжении ее лучших традиций, развитии русской философии, которая является выражением русской культуры. Задача современных российских философов (совместно с философами из других стран) заключается в активной борьбе против худших традиций буржуазной культуры и стремлении развивать богатое наследие русской культуры и философии. Ценности русской культуры — это общие ценности всего человечества.

Ее Королевское Высочество, принцесса Саудовской Аравии Басма Бинт Сауд бин Абдул Азиз аль Сауд¹

СБЛИЖЕНИЕ ДИПЛОМАТИИ С ЛЮДЬМИ И ЛЮДЕЙ С ДИПЛОМАТИЕЙ

Политическая неопределенность последних лет проникает и в мировую экономику, что с учетом глобальных экономических потрясений 2008 года вызывает наибольшую тревогу. Цены на сырье значительно упали, а сырьевые рынки с начала 2016 года находятся в нестабильном состоянии. Это приводит к потрясениям, которые отражаются на экономике стран, вынужденных жить в этих условиях.

Но это не должно удивлять. Экономические и политические проблемы взаимосвязаны. Приток беженцев из Сирии дестабилизирует соседние страны и Европу, в то время как конфликты, экономические и политические перевороты оказывают негативное влияние на все сферы жизни. Лавинообразный поток событий, связанных с кризисами, не оставляет нам времени, чтобы отдышаться и выбрать лучший вариант действий.

Да, у нас есть налаженные каналы взаимодействия и большой опыт традиционной дипломатии. Но в последнее время, когда мы начинаем диалог, в нем недостаточно искренности или стремления прийти к компромиссу. Мы слишком сдержанны и уверены или боимся последствий неконструктивного диалога.

В результате страдают все. Лишения, которые испытывают люди на Ближнем Востоке и за его пределами при конфликтах или из-за бедности, хорошо известны. Развитие СМИ, технологий и гражданского общества не позволяет говорить, что мы не знаем, что происходит в мире.

Однако здесь открываются новые возможности. До сих пор СМИ, технологии и гражданское общество выступали в качестве проводников, только передавая сообщения миру. Сейчас же мы должны взять все в свои руки, выдвинуть значимые конструктивные предложения и начать конструктивный диалог.

В общем, существуют текущие диалоги и так называемая дипломатия высшего уровня, нам необходимо выявить их недостатки и слабые места и устранить их. Надо привлечь к диалогу пострадавшие группы населения. Вместо мужчин в серых костюмах, говорящих от их имени, люди должны говорить сами за себя.

Дипломатия среднего уровня должна сблизиться с дипломатией высшего уровня. Это нужно не для того, чтобы перехватить лидерство, а для обеспечения полноценной поддержки, которая может увеличить шансы на успех и достижение мира.

По мере того как нарастает нестабильность, я все больше в этом убеждаюсь. Мы должны рассматривать

¹ Общественный деятель, журналист, правозащитник. Автор «Закона четвертого пути» — условий и принципов, необходимых для построения гармоничного общества. Основатель благотворительной организации «Фонари» (Лондон).

себя как часть глобального сообщества, а не как национальные группы, которые общаются или не общаются в зависимости от того, что им удобно в тот или иной момент.

Нам нужен экономический прогресс, который сформирует лучшие условия жизни во всем мире. Для этого требуются усовершенствованные навыки и увеличение инвестиций в образование и инфраструктуру. Политика правительства должна поддерживать частные предприятия, создавая стабильную экономическую среду и условия для роста, и, кроме того, необ-

ходимо действенное партнерство, особенно в том, что касается социальных областей, таких, например, как электроснабжение или система здравоохранения.

Мы сейчас находимся на том этапе, когда люди и правительства заключают общественный договор, аналогов которому еще не было. В последние пять лет мы видели, что происходит в случае неудачи. Но чем больше вклад населения в управление страной, тем выше дивиденды. Прежде всего мы должны воспринимать страдания какой-либо группы людей как беду всего человечества.

Г. М. Бирженюк¹

ТЕРРОРИЗМ КАК ПРЕДМЕТ МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В многообразии глобальных вызовов и совокупности путей, средств, методов реализации различными государствами своих национальных интересов в последнее десятилетие существенное место занимает такой фактор, как терроризм.

Глобализационные процессы в качестве своих последствий сформировали политическую, экономическую, социальную и иные базы терроризма. Сегодня отчетливо обозначились регионы, где терроризм стал основным компонентом, определяющим содержание, формы и другие параметры межнациональных и межгосударственных отношений, драйвером политических, этнических и религиозных конфликтов. У. Бек определяет глобализацию как процесс, в котором национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных факторов и подчиняются их властным возможностям, ориентации и идентичности². В этом плане есть основания утверждать, что современный мировой порядок в той конфигурации, которая сложилась к сегодняшнему дню, в определенном смысле является следствием действия террористических факторов.

Истоки терроризма восходят к I веку н. э. Как форма насилия он упоминается в Ветхом Завете. Из истории Древней Греции и Древнего Рима известны многочисленные факты политических убийств. В их череду выделяется убийство Юлия Цезаря, которое на протяжении последующих двух тысяч лет неоднократно привлекало внимание историков, писателей и художников. Тотального характера это явление не имело

и всеобщему осуждению не подвергалось. Более того, в нем существовало романтическое направление, к которому можно отнести Вильгельма Телля, убитого тирана и ставшего национальным героем швейцарского эпоса. Впоследствии этот эпизод неоднократно был предметом дискуссий различных поколений философов и теологов. Общий вектор их рассуждений сводился к оправданию целенаправленного убийства деспота, врага человечества, нарушившего Божьи законы. В контексте этого дискурса совершение террористического акта получило название *ultima ratio* — последний аргумент угнетенных.

В XIX веке терроризм приобретает выраженный идеологический и политический характер и мотивацию. Объектом насилия чаще всего являются главы государств, министры, представители знати. В результате террористических актов погибли Александр II, американские президенты Авраам Линкольн, Джеймс Гарфилд и Уильям Маккинси, король Умберто в Италии, императрица Зита в Австро-Венгерской империи, президент Франции Сади Карно, испанский премьер-министр Антонио Кановаса. Теракт в отношении наследника австрийского престола Франца Фердинанда, осуществленный Гаврило Принципом в Сараево, стал причиной Первой мировой войны.

После Второй мировой войны терроризм стал ведущей формой национально-освободительной борьбы, которая охватила ряд стран и регионов. Благородные цели этой борьбы в определенной степени амнистировали в общественном сознании феномен терроризма. Некоторые лидеры террористических групп стали символами империализма, кумирами молодежи, вошли в сферу искусства и культуры. Ярким примером может служить Че Гевара.

Современный терроризм представляет собой принципиально новое явление, которое отличает его от всех предшествующих форм вооруженного насилия. Терроризм, который можно назвать традиционным, в той или иной форме имел некий «кодекс чести» и был направлен в основном против королей, министров, президентов, видных общественных деятелей. В случаях, когда могли погибнуть близкие этих людей (жены, дети и пр.), теракт, как правило, переносил-

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Научная школа педагогической культурологии», «PR-технологии как ресурс оптимизации социально-трудовых конфликтов», «Глобальные процессы как фактор формирования глобальной культуры», «Культурология образования: цели, задачи, возможности» (в соавт.), «Инновации в туристской отрасли: источники, механизмы, проблемы», «Диалог культур и цивилизаций в современном мире», «Социально-трудовые конфликты в странах СНГ: проблемы интеграции научного знания и практики в контексте глобализации» и др. Лауреат Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования (2016).

² Бек У. Что такое глобализация? (Ошибки глобализма — ответы на глобализацию). М., 2001. С. 14.

ся на другое время, даже если это было сопряжено с опасностью для террориста. Современный терроризм направлен в основном на невинных людей — прохожих, пассажиров поездов и самолетов, посетителей мероприятий. Примеров тому множество — теракт в зрительской зоне Бостонского марафона в 2013 году, крушение самолета с российскими туристами над Синайским полуостровом в результате подрыва пронесенной на борт бомбы в октябре 2015 года, взрывы одновременно в семи районах Парижа в ноябре 2015 года, взрывы в метро в Брюсселе в марте 2016 года и т. д.

Принципиально новым явлением XX–XXI веков стал международный терроризм. Его широкое распространение обусловлено глубокими социально-экономическими и политическими противоречиями, развитием новых информационных технологий, глобализацией важнейших сфер социальной практики, прежде всего экономики. Современный терроризм проявляет тенденцию сращивания с политической властью, интегрируется с наркобизнесом, этническими и экстремистскими структурами. Расширяет свои масштабы кибертерроризм.

Борьба с терроризмом в современных условиях неотделима от его всестороннего и глубокого изучения на базе различных наук и подходов. В частности, исторический подход позволяет выявить закономерности его развития в условиях ослабления власти, разрушения идеологических основ и нравственных ориентиров жизни общества. В данной ситуации возникают условия для роста насилия, прежде всего в форме терроризма, который обостряет напряженность в обществе и тем самым формирует психологическую базу для своего развития.

Психологический подход позволяет установить типы людей, отличающихся предрасположенностью к совершению терактов и участию в террористических группировках. Известно, что такие люди обладают невротическими комплексами, эмоционально неустойчивы, неудачники с завышенной самооценкой, недостаточной личностной идентичностью, центрированные на стремлении заставить говорить о себе, мечтающие об известности и славе. Для таких людей террористическая организация может стать объектом духовной, ценностной, поведенческой идентификации, средой

обретения групповой защиты и пространством самореализации.

Философско-аксиологический анализ позволяет более глубоко проанализировать ценностные основания терроризма, которые проявляются в системе ориентаций личности, формирующих ее отношение к миру. Такого рода анализ создает предпосылки для целостного взгляда на такие важные для понимания истоков терроризма процессы, как рассогласование политических ценностных установок индивида и официальной идеологии государства или социальной группы. В ряде случаев это обуславливает стремление личности вступить в борьбу с режимом, порой в крайних формах. Не менее актуально познание условий, методов, технологий формирования терроризмом особой системы ценностей, которая всегда носит деструктивный характер, но облекается в борьбу за права, установление справедливого порядка и обосновывает террор как единственный способ изменения несправедливой общественной и государственной системы.

Значительными ресурсами в изучении терроризма как глобального феномена обладает синергетика. Его актуальность определяется тем, что национальные государства и их социальные системы под воздействием процесса глобализации стали открытыми и взаимозависимыми, что в целом может рассматриваться как положительное явление. Однако, как показал опыт последних десятилетий, процесс интеграции социальной системы в глобальное политическое, экономическое, культурное пространство чаще всего сопровождается изменением, деформацией и иногда разрушением традиционных институтов. Это подводит систему к бифуркационной точке, которая характеризует ее как неравновесную и неустойчивую. Воздействие терроризма на социальную систему в этой точке многократно усиливается за счет разнообразных резонансных эффектов (в политической, экономической, социальной областях) и может стать фактором изменения вектора ее развития и даже разрушения.

Как представляется, гуманитарные науки обладают значительным потенциалом в изучении различных аспектов современного терроризма и могут создать дополнительные основания для выработки действенных средств его прогнозирования, предотвращения и борьбы с его различными проявлениями.

М. М. Бобров¹**ВОСПИТАНИЕ ПАТРИОТИЗМА И ПОДГОТОВКА К ЗАЩИТЕ РОДИНЫ**

Современная международная обстановка напоминает предвоенные 1930–1940-е годы. Тогда японские самураи на границе с СССР начали боевые действия в районах озера Хасан и реки Халхин-Гол, где они получили достойный отпор. В Испании фашисты развязали гражданскую войну. Немецкие войска вторглись на территории Австрии, Чехословакии. На Балтийское побережье Польши немцы высадили десант. Так началась Вторая мировая война.

Все это похоже на современную действительность: война в Сирии, Ираке, гражданская война на Украине, тысячи беженцев в Европе, бандиты «Аль-Каиды» и «Исламского государства» приближаются к России — вышли на границы бывших советских среднеазиатских республик.

Многовековой опыт подготовки к вооруженной борьбе и защиты Родины неопровержимо свидетельствует о том, что в структуре общей готовности военнослужащих и допризывной молодежи к боевой деятельности важнейшее значение имеет физическая и психологическая готовность к выполнению поставленных боевых задач.

Это особенно актуально в настоящее время, когда, с одной стороны, происходит постоянное совершенствование боевой техники и способов ведения боевых действий, а с другой — наблюдается резкое сокращение срока действительной военной службы по призыву (до одного года).

Несомненно, для достижения воинского мастерства всего за один год службы необходима заблаговременная всесторонняя подготовка допризывников, в том числе в физическом отношении. Организация и осуществление допризывной подготовки в Российской Федерации и Санкт-Петербурге регламентируются большим количеством федеральных и региональных документов.

Основную помощь в допризывной подготовке окажет внедрение Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Мне бы хотелось вернуться к довоенному времени и на личном опыте кратко напомнить о допризывной подготовке в школе, которая начиналась с 8-го класса, и оптического заводе, где я работал после окончания

школы. И в школе, и на предприятии занятия проводились три раза в неделю (в школе урок длился один час, на заводе — два часа). Каждый должен был сдать нормативы на получение знаков «ГТО», «Ворошиловский стрелок», «Готов к химзащите». Все мы были донорами. За пропуск занятий без уважительной причины строго наказывали. И каждый с гордостью носил значок «ГТО», особенно значок «ГТО» второй ступени.

На заводе, где я работал в экспериментальном цехе, вместе со мной трудились Всеволод Бобров (будущий заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер по хоккею и футболу) и Владимир Ухов (в будущем проректор Института физической культуры и спорта им. П. Ф. Лесгафта, легкоатлет, заслуженный мастер спорта). Мы успешно выступали на соревнованиях допризывной молодежи, в гонках лыжных патрулей, бегали кроссы, играли в баскетбол, стреляли, выигрывали чемпионаты города среди допризывной молодежи и гордились этим. Вряд ли мы выжили бы в страшной войне, если не занимались бы спортом и не готовились к ней.

Пережив все тяготы Великой Отечественной войны, в 1952 году мы стали участниками XV летних Олимпийских игр в Хельсинки, где впервые выступили советские спортсмены. После тяжелейшей войны были сформированы команды по всем программам олимпийских игр (за исключением хоккея на траве). На телах многих советских спортсменов сохранились следы от пулевых и осколочных ранений. Подготовка команд к Олимпийским играм проходила в полуразрушенной стране, в сложных экономических условиях. И все же, несмотря на невероятные трудности, наша команда набрала одинаковое количество очков с командой США. В последующих играх мы ушли в отрыв и побеждали.

Чувство ответственности перед страной, народом, любовь к Родине и патриотизм всегда руководили советскими, а теперь и российскими спортсменами. Мой жизненный опыт свидетельствует, что мы победили во Второй мировой войне и смогли потом восстановить страну во многом благодаря развитию и поддержке массового спорта. В связи с этим важно помнить, что молодые спортсмены — это не только достойная смена великих спортсменов в борьбе за олимпийские медали, но и стратегический ресурс страны.

В спортивных школах, секциях юные спортсмены проходят достойную школу жизни. В них крепнет командный дух и достоинство, гордость за свой город, который они представляют на соревнованиях. Они учатся уважать своих наставников, работать над собой, сражаться и побеждать, а также по-настоящему дружить и стоять друг за друга. Они осознают идеалы и ценности. Все эти качества необходимы не только для достижения спортивных высот, но и для того, чтобы стать настоящим патриотом и защитником своей Родины. Спорт лишь помогает их правильно сформировать. Когда государство предоставляет большие возможности, крепнет желание любить и защищать свою Родину. В моем случае вышло именно так.

¹ Почетный заведующий кафедрой физического воспитания СПбГУП, Почетный гражданин Санкт-Петербурга. Автор более 200 научных работ и 6 монографий, в т. ч. книг «Великие и одержимые. Воспоминания о друзьях», «Фронт над облаками», «Записки блокадного альпиниста», «Хранитель ангела» и др. Подготовил более 50 спортсменов высшей квалификации, в т. ч. победителей и призеров Олимпийских игр и мировых чемпионатов. Заслуженный тренер РФ, заслуженный работник физической культуры РФ, мастер спорта, арбитр международной категории. Действительный член Русского географического общества. Действительный член Национальной академии туризма. Имеет сертификаты покорителя Северного полюса (1999), Эльбруса (2001), Килиманджаро (2002), пика Косцюшко (2003). Член Общественного совета при губернаторе Санкт-Петербурга, староста Гильдии почетных граждан Санкт-Петербурга, председатель Совета ветеранов войны горнострелковых отрядов России. Профессор, Почетный доктор СПбГУП.

Сильный сплоченный народ — лучшая гарантия мира, стабильности и благополучия. Первый шаг на этом пути — указ президента России о возрождении системы ГТО. Наша молодежь — это дети, внуки и правнуки победителей. Видимо, воинская доблесть, упорство и героизм у нашего народа заложены на генном уровне.

Я помню, как 10 марта 2000 года все газеты и обозреватели новостей сообщили о гибели в Чечне 6-й тогда 76-й дивизии Воздушно-десантных войск. Тогда на очередной безымянной высоте 90 десантников более суток сдерживали натиск 2 тыс. боевиков-наемников во главе с арабом Хаттабом. Один эпизод той войны стал потрясением на фоне реформаторских коллапсов конца 1980-х — начала 1990-х годов, путча и взятия Белого дома. С одной стороны, это был подлинный героизм наших ребят, воспитанных на остатках советской системы и доперестроечных идеалах национальной культуры. С другой стороны, надолго ли хватит жертвенного героизма людей без укрепления идеи национального патриотизма и постоянного пополнения армии профессионалами.

Именно перестройка и перевооружение Вооруженных сил России в последнее десятилетие и пополнение ее профессионалами способствовали росту боеспособности нашей армии в борьбе с террористами «Исламского государства». В Сирии Минобороны России

не только апробировало многие оружейно-технические новинки, которые в последние годы массово поступают на вооружение в российскую армию, но и убедило мир в преимуществе нашего оружия. Пожалуй, впервые в Новейшей истории России для наших военнослужащих в короткие сроки были созданы прежде невыносимые условия для жизни и ведения боевых действий.

В ответ на такую заботу государства солдаты и офицеры авиабазы Хмеймим проявляли мужество, стойкость и высокую дисциплину. Действия наших летчиков, моряков, представителей других армейских профессий в Сирии в течение шести месяцев получили высокую оценку. Это благодаря им в Сирии смолкли оружейные выстрелы и залпы артиллерийских орудий. Люди разных политических и религиозных взглядов, целые отряды вооруженной оппозиции заключили перемирие.

Часть российских солдат и офицеров останется на аэродроме в Хмеймиме и базе российского Военно-морского флота в Тартусе. Нужно не только способствовать миру и бороться с терроризмом в Сирии, но и контролировать ситуацию, чтобы там как можно реже звучали выстрелы.

Со времен Древнего Рима не утратил своей актуальности девиз, звучащий как грозное предупреждение, «*Si vis pacem, para bellum*» («Хочешь мира, готовься к войне»).

Н. В. Буров¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРИОРИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В официальном документе «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» национальная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»². В таком смысловом контексте на обеспечение национальных интересов работает вся совокупность социально-культурных и политических ин-

ституты. Актуальность проблемы обеспечения национальной безопасности возрастает в ситуации растущего потока угроз. Не случайно в России этот термин на законодательном уровне впервые был использован в 1995 году в связи с принятием закона «Об информации, информатизации и защите информации».

В контексте глобализации особую значимость получает задача сохранения и развития национальной культуры, которая морально ответственной политической и интеллектуальной элитой России начинает рассматриваться в качестве важнейшей предпосылки национальной безопасности общества. И такая постановка проблемы закономерна — без человека, его нравственного и душевного здоровья как сама жизнь, так и понятие безопасности теряет всякий смысл. История показывает, что народы и государства ведут борьбу не только за материальные ресурсы, но и за сохранение своих нравственных и религиозных ценностей, интеллектуального здоровья нации. Любое государство постоянно сталкивается с бесконечным числом угрожающих ему опасностей, в том числе и культурных, порождаемых экспансией образа жизни и ценностей других культур. «Другие» культурные миры становятся фактором, порождающим внутреннюю дезорганизацию общества и снижающим полностью жизни человека.

¹ Директор Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», профессор СПбГУП, народный артист России, заслуженный деятель культуры Республики Польша. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Музей и личность», «Педагогическая культурология музейной деятельности», «Архитедогогика». Председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза театральных деятелей России (2001–2005). Председатель Комитета по культуре Санкт-Петербурга (2005–2008). Снялся в фильмах: «Военная разведка. Первый удар», «Агент особого назначения», «Винтовая лестница», «Роман императора», «Жизнь и смерть Ленки Пантелеева», «Мастер и Маргарита», «Образ врага», «Свой-чужой» и др. Президент Международного фестиваля христианского кино «Невский благовест». Награжден орденом Почета, орденом Святого равноапостольного великого князя Владимира III степени Русской православной церкви, офицерским крестом ордена Заслуг перед Республикой Польша.

² Российская газета. Федер. вып. № 4912. 2009. 19 мая.

Национальная безопасность предполагает прежде всего сохранение духовного здоровья нации. В этом контексте приоритетным направлением государственной культурной политики необходимо считать создание условий, способствующих сохранению жизненно важных для общества параметров в пределах исторически сложившейся нормы, и прежде всего в сфере культурной жизни.

Актуальность защиты общенациональных культурных ценностей определяется как изменениями геополитического положения России в мире, так и неблагополучием в духовной сфере общества. И речь в первую очередь идет о системном кризисе идентичности, симптомами и результатами которого являются разрыв связей человека с социальным и культурным миром, утрата общественных идеалов и личностных смыслов, рост правового и нравственного нигилизма.

Здесь, как и во многих других вопросах, касающихся безопасности государства, общества и личности, просматривается очевидная тенденция отхода от акцентирования исключительно военных задач в область более тонкую и менее прогнозируемую — информационную сферу общества. Мы все больше осознаем, что важно не бороться с симптомами неблагополучия, а упреждать их. Упреждать на той стадии, когда они только зарождаются на уровне идей и мыслей и не выходят еще на уровень внешней агрессии. И это закономерно: любая самая совершенная система, созданная в мире, содержит так называемый человеческий фактор. Потому, говоря о государстве, мы не можем не говорить об отдельном человеке, который живет внутри государства и является его частью. Или о том, кто находится снаружи и может стать угрозой для его национальных интересов. Человек, создающий самые совершенные в мире логические системы, остается по природе своей существом алогичным — подверженным чувствам и эмоциям, которые нередко начинают вредить логическим построениям и схемам.

И сегодня в системе условий обеспечения национальной безопасности государства есть задачи, которые можно решать только и исключительно средствами сферы культуры. Музеи, театры, кино, литература — это именно те средства, через которые можно непосредственно влиять на формирование имиджа России. Обо всем этом мы часто забываем, когда говорим о ресурсах национальной безопасности и, в частности, о роли культуры. Роль учреждений культуры в связи с этим принято занижать, причем занижать масштабно. Например, как показывают результаты различных социологических исследований, граждане России намного лучше знакомы с культурой западных стран, чем их жители с культурой России. Фактически, большинству жителей Запада известны единичные понятия, ассоциирующиеся с нашей страной. Именно через них формируется образ России, восприятие ее как врага или друга. Тем важнее более эффективно использовать имеющиеся возможности.

В глобальном мире важнейшим условием обеспечения национальной безопасности становится образ страны, государства. На мировых площадках страны конкурируют друг с другом за доверие инвесто-

ров, привлекательность территории как туристического объекта, взаимовыгодные партнерские отношения с государствами и бизнес-элитой. Позитивный образ государства выполняет значимые функции, обеспечивая приток инвестиций в экономику, стимулируя межкультурные связи и контакты, расширяя пространство взаимовыгодных партнерских отношений, в том числе в сфере международной политики. Образ определяет репутацию страны и гарантирует ожидаемое качество межкультурных коммуникаций, конструктивность политического диалога и интенсивность экономического сотрудничества, а для народа эти «символические оболочки» национального бытия выступают основаниями идентичности граждан, обеспечивают национальную гордость и достоинство. Неслучайно развитые страны мира целенаправленно культивируют свой образ, используя для этих целей брендообразующие возможности культуры, спорта, искусства, «третьего сектора», ресурсы внешнеполитической деятельности и публичной дипломатии¹. Например, США на поддержание своего позитивного имиджа тратят более миллиарда долларов в год государственных инвестиций (плюс 2 млрд частных). На развитие публичной дипломатии (которая рассматривается в качестве важнейшего направления современных информационных войн) США выделяют более 1 млрд долларов в год, Великобритания и Франция — по 1 млрд, Германия — 218 млн, Япония — 210 млн².

Санкт-Петербург вносит огромный вклад в формирование позитивного образа России. Это город памятников культуры и истории, которые обеспечивают узнавание и вызывают позитивные ассоциации. Одним из первых в этом перечне является Исаакиевский собор. Приезжает ли человек в Россию или читает о нашей стране в книгах и Интернете, весьма вероятно, что его знакомство с нашей страной начнется с Исаакиевского собора. Сегодня музей активно формирует представления о России в позитивном ключе, проводя активную и многоплановую деятельность: устраивая концерты, выставки, массовые мероприятия, участвуя в благотворительных событиях, работая с различными категориями посетителей — взрослыми, детьми, инвалидами. Более трех лет назад музей запустил программу «Исаакий с высоты птичьего полета», и это тоже вклад в обеспечение духовной безопасности нации. Инвалиды-колясочники, приезжающие к нам из Австрии, Бельгии, Канады, США, Турции, поднимаются на лифте на колокольню Исаакия и видят не просто город с красивой архитектурой — они видят современное общество с развитыми технологиями и гуманистическим отношением к людям.

Многие, наверное, слышали, что летом вокруг Исаакиевского собора разгорелся спор: «отдавать церкви или не отдавать». Кто-то об этом споре слышал, кто-то в нем поучаствовал. И лишь немногие осознали, что вопрос изначально поставлен некорректно. Не может

¹ Стратегии и тактики формирования имиджа и бренда фиксируются целым рядом понятий, таких как: «территориальный брендинг» (*англ.* placebranding), «маркетинг мест», «брендинг мест», «брендинг территории», «place marketing», «place promotion».

² *Най Дж.* Гибкая власть. Новосибирск; М., 2006. С. 171.

Российская православная церковь находится в конфликте с государственным учреждением культуры. Мы изначально союзники, а не противники. Вопросы надо ставить по-другому. Какие значимые функции музеев выполняет в государстве и как сделать, чтобы эти функции реализовывались с максимальной эффективностью? А ведь собор с самого начала был государственным, и его строительство определялось не религиозными, а государственными задачами. Он должен был показать мощь и величие России. А в нашем современном обществе еще и формировать представления о новом, демократическом образе России.

В связи с этим представляет ценность любая возможность сделать восприятие музейного пространства более цельным, а информационный поток более осознанным и направленным. И в этой работе нет и не может быть ничего второстепенного. Все значимо: реклама; внешнее впечатление от сотрудников; сервис; субъективный комфорт посетителя. И наконец, само качество музейного обслуживания. Все это цельная система, определяющая конечный результат — информацию, которую с помощью посетителей музей передает во внешнюю среду и которая займет немаловажное место в системе защиты национальных интересов России и обеспечения духовной безопасности нации.

Для укрепления образа России, который выступает важнейшим условием национальной безопасности общества, необходима целенаправленная пропаганда историко-культурного наследия, позиционирование России как мирового лидера в области художественной культуры. И надо отдать должное работникам крупных учреждений культуры и образования города,

которые работают в активном информационном потоке, оказывающем значительное влияние и на Россию, и на мир в целом. Однако это важнейшее направление информационной политики нуждается в концептуализации и усилении его проектной составляющей. Интеллектуальной элите общества необходимо сформировать нечто вроде «национального текста культуры», куда войдут ключевые художественные произведения, способные формировать и поддерживать образ страны, ее народа, а также двух ее столиц — Москвы и Санкт-Петербурга.

XX век — время тяжелого испытания для нашего народа, которое простой народ в большинстве своем достойно выдержал — рабочие и крестьяне, учителя и врачи самоотверженно делали свое дело — учили и воспитывали детей, лечили больных, строили заводы и города, поднимали в очередной раз разрушенное сельское хозяйство, годами не получая даже элементарного вознаграждения в виде заработной платы. Удержать в такой атмосфере беззакония, цинизма и в таких масштабах человеческой боли элементарную нравственность уже есть общенациональный подвиг народа российского. Конечно, этому способствовали и объективные факторы: во-первых, особенности русской души, ее органическая способность к состраданию, сочувствию; во-вторых, наша культура, великое русское классическое искусство, впитавшее христианские ценности и проповедующее прощение, милосердие, любовь. Сохранение этого великого наследия является главным условием сохранения статуса России как великой державы в глобальном мире.

Полад Бюльбюль оглы¹

ОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: национальное государство на перекрестке культур и цивилизаций Востока и Запада в условиях формирования нового мирового порядка

Как известно, крах СССР и мировой системы социализма явился поводом для выдвижения на новом историческом этапе идеи «конца истории», сформулированной в виде своего рода манифеста в известной одноименной статье американского исследователя Фрэнсиса Фукуямы². Однако за прошедшие 25 лет многочисленные научные критики, да и сама жизнь,

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана. Министр культуры Азербайджана (1988–2006). Эстрадный певец, композитор и актер («Сказки русского леса», «Парк советского периода», «Не бойся, я с тобой!» и др.). Автор книги «Культурная политика в Азербайджане» (2003, в соавт.) и ряда других публикаций. Награжден орденами Дружбы и Почета Российской Федерации, «Независимость» и «Честь» Азербайджана, Чести — Грузинской Республики, золотой медалью «Роза мира» ЮНЕСКО и др.

² См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.

как основной критерий истинности любых теорий, доказали поспешность сделанных заключений. Действительно, в ходе эволюции человечество уже не первый раз предлагало концептуальное видение некоего логического завершения мирового идеологического противоборства путем окончательной победы одной «единственно верной» парадигмы. На эту роль претендовали и мировые религии с их моделью Армагеддона и «конца света», и утописты эпохи Просвещения, и классические философы, и марксисты... Тем не менее реальная практика и, по меткому выражению Гегеля, «хитрость мирового разума» всякий раз опровергали эти ожидания, доминировавшие в определенные периоды. Не стало исключением и провозглашение западного либерализма в качестве не имеющей альтернативы конечной точки идеологического развития человечества.

Другой довольно часто упоминаемой концепцией объяснения мира в эпоху после холодной войны явилась наиболее четко структурированная Сэмюэлем Хантингтоном модель «столкновения цивилизаций»¹. Рассматривая, в отличие от идеи «конца истории» в его либеральном толковании, различные альтернативы развития, эта парадигма создавала условия для многополярного понимания мира. Но вместе с тем она во многом способствовала укреплению мысли о неминуемом конфликтном противоборстве разделенного на цивилизационные конгломераты человечества. Иными словами, многие стали видеть в этой теоретической модели научный анализ того, что в поэтической форме было выражено в часто цитируемых строках знаменитой «Баллады о Востоке и Западе» Редьярда Киплинга:

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд.

Однако далеко не столь широко известно продолжение:

Но нет Востока, и Запада нет, что племя, родина, род, Если сильный с сильным лицом к лицу у края земли встает².

Очевидно, анализируя протекающие в мире процессы, необходимо брать в расчет то, что ни одна из общих концепций, в силу присущих им объективных ограничений и невозможности учета всех факторов, не в состоянии дать универсальное объяснение. Всегда найдутся случаи, не вписывающиеся в старательно выстраиваемые схемы.

Полагаю, Азербайджан как раз и является тем ярким примером, который сложно адекватно проанализировать, опираясь на каждую из вышеуказанных моделей. История политического развития страны в XX — начале XXI века наглядно продемонстрировала то, что здесь неприменимы в чистом виде ни шаблонно-линейное видение либерализма, ни конфронтационное мировосприятие сталкивающихся цивилизаций. Для формирования достоверного представления о стране, происходящих в ней и вокруг нее процессов необходим учет множества факторов глобального, цивилизационного и регионального уровней.

Творец современной Азербайджанской Республики, выдающийся политический лидер Гейдар Алиев в своем программном Обращении к народу по случаю наступления нового века и III тысячелетия выделил общие векторы развития и проблемы, обуславливающие суть актуальных исторических процессов: «Культурная интеграция и глобализация выступают в качестве основных тенденций нынешнего этапа мирового развития. Если в XX век человечество вступало с радужными иллюзиями, вызванными невиданными ранее успехами развития науки, то процесс глобализации отнюдь не всегда способствует утверждению оптимизма. Перспективы этого сложного и неоднозначного явления заставляют всех нас глубоко задуматься. Глобализация должна содействовать обеспечению стабильного раз-

вития, целостности государств и стабильности систем управления, устранению дискриминации в экономических отношениях, повышению благосостояния народов. Безусловно, этот процесс должен, с учетом характерных национальных особенностей каждой страны, отражать главенство принципов и норм международного права, эволюционный характер преобразований, взаимное доверие и приверженность общечеловеческим ценностям»³.

Анализируя долгий исторический путь, пройденный Азербайджаном, Гейдар Алиев отмечал: «Судьбе было угодно, чтобы Азербайджан по своему геополитическому положению всегда находился на стыке цивилизаций и ощущал на себе очень сильное воздействие как Запада, так и Востока...

В конце первого тысячелетия до нашей эры — в начале первого тысячелетия нашей эры Азербайджан оказывается под воздействием различных культур и религий. Именно в результате этого в нашей стране исторически возникла среда высокой толерантности, терпимости в отношении к различным религиям. Наша наука, литература и искусство, развивавшиеся под мощным воздействием греко-римской культуры, античной цивилизации, еще на начальных этапах приобрели своеобразные, характерные форму и содержание. Вместе с тем на формирование нашей богатой культуры на различных этапах, безусловно, оказали воздействие как зороастризм, иудаизм, христианство, так и ислам. Находясь на пересечении караванных путей, Азербайджан, являвшийся одним из важных центров Великого шелкового пути, ощущал на себе воздействие различных политических взглядов, экономических отношений, форм государственности.

История второго тысячелетия наглядно свидетельствует о том, что азербайджанский народ относится к народам, выделяющимся своей самобытностью в мировой культуре. Азербайджанцы, как неотъемлемая часть человеческой цивилизации, на протяжении прошедших двух тысяч лет внесли весомый вклад в сокровищницу мировой культуры»⁴.

В качестве наглядной иллюстрации вышеприведенной емкой характеристики достаточно упомянуть лишь жившего в XII веке в Азербайджане корифея мировой литературы Низами Гянджеви с его бессмертными произведениями «Семь красавиц», в аллегорической форме повествующем о разных странах и народах, принадлежащих к разным цивилизациям, а также «Искендернамэ», где одновременно воспет на непревзойденном поэтическом уровне образ Александра Македонского и посредством художественных форм развернуто социофилософское панорамное полотно справедливого универсального мироустройства.

Касаясь предпосылок современного развития страны, Гейдар Алиев подчеркивал: «Корни успехов, достигнутых нами в XX веке, в том числе и целеустремленность в создании независимого государства, следует искать в нашей далекой и близкой истории, в частности

¹ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.

² Киплинг Р. Избранное / пер. Е. Полонской. М.: Худож. лит., 1980. С. 460.

³ Алиев Г. Азербайджан на пороге XXI века и третьего тысячелетия. Обращение к азербайджанскому народу по случаю нового 2001 года, нового века и третьего тысячелетия // Бакинский рабочий. 2000. 30 дек.

⁴ Там же.

в идейных течениях, сформировавшихся и получивших развитие в XIX столетии. Эти течения, с одной стороны, нашли свое отражение в чрезвычайно успешной творческой деятельности отдельных выдающихся личностей, таких уникальных людей, как Аббасгулу Ага Бакиханов и Мирза Казембек, а с другой — были связаны с непосредственной реализацией воззрений национального просветительства. Зародившиеся именно в этот период демократическая печать, новая модель народного образования, светский театр способствовали формированию общенациональных символов, дали мощный импульс формированию национального самосознания.

После того как в 1872 году распоряжением царского правительства была ликвидирована откупная система, открылись пути для развития нефтяной промышленности... Именно благодаря бакинской нефти Россия по добыче нефти вышла на первое место в мире. Конец XIX — начало XX столетия, как период утверждения новых отношений в мире, оказал воздействие на все сферы жизни азербайджанского народа... в Баку, Гяндже, Нахчыване, Шуше, Шеки, Сальяне и других городах открылись городские и уездные школы нового типа. Такие выдающиеся просветители, как выпускники Горийской учительской семинарии Джалил Мамедгулузаде, Сулейман Сани Ахундов, Узеир бек Гаджибеков, Габиб бек Махмудбеков, Рашид бек Эфендиев, Фирудин бек Кочарли, дали мощный импульс реформам, проводившимся в сфере образования... Открытая в 1896 году в Баку под попечительством Гаджи Зейналабдина Тагиева женская гимназия сыграла исключительную роль в просвещении азербайджанских женщин¹.

В своем историческом Обращении к азербайджанскому народу Гейдар Алиев четко обрисовал периоды развития его государственности на протяжении века в их целокупном и неразрывном единстве. В качестве первого такого этапа был выделен период развития национальной экономики, культуры и образования, социальных институтов и механизмов, присущих политическим нациям Нового времени. Этот период охватывал конец XIX — начало XX века (до 1918 г.).

Вторым этапом является период 1918–1920 годов, когда существовала Азербайджанская Демократическая Республика, первая республика в мусульманском мире. Несмотря на то что она просуществовала всего 23 месяца (с 28 мая 1918 г. до 28 апреля 1920 г.), осуществленные в ней государственные преобразования, прежде всего в области обеспечения политических прав и свобод, впечатляют. Так, в Азербайджане было провозглашено светское государство, где гарантируется равноправие граждан вне зависимости от их религиозной или этнической принадлежности, социального происхождения и т. д. В стране было установлено всеобщее избирательное право, в том числе для женщин. К слову, тогда женщины были наделены им далеко не во всех западных странах. Например, в Великобритании они приобрели его в 1928 году, во Франции — в 1944-м, в Швейцарии — в 1971-м, в Испании — в 1976-м. В парламенте АДР, включавшем 11 фракций,

были представлены все этнические группы и общины, составлявшие население страны. Таким образом, хоть и недолгое во временном отношении существование той Республики явилось ценнейшим опытом построения светской, демократической национальной государственности.

Третьим этапом политической истории Азербайджана в XX веке явился советский период, охватывавший 1920–1991 годы. Безусловно, в качестве союзной республики Азербайджан испытывал на себе как позитивные, так и негативные процессы, которые протекали в Советском Союзе. Так, в результате сталинских репрессий оказалась уничтожена значительная часть национальной интеллигенции, более 50 тыс. человек были расстреляны, свыше 100 тыс. высланы в Сибирь и Казахстан. Среди жертв — классик азербайджанской литературы XX века Гусейн Джавид, автор поэтической трагедии «Иблис» («Дьявол»), проникнутой глубоким философским смыслом, облеченным в романтический стиль, другие выдающиеся писатели и поэты, ученые и деятели искусства.

Но наряду с этим было и самозабвенное участие азербайджанского народа в Великой Отечественной войне. Более 600 тыс. человек отправились на фронт, свыше 300 тыс. не вернулись. Сформированные азербайджанские национальные дивизии прошли славный путь от Кавказа до Берлина, более 170 тыс. человек были удостоены боевых наград, среди которых 128 Героев Советского Союза. В годы войны Азербайджан дал фронту более 75 млн тонн нефти, 22 млн тонн бензина и других нефтепродуктов. Каждые четыре из пяти советских самолетов, танков и прочих боевых моторов работали на топливе, добытом и произведенном в Баку.

Советский период отмечен и послевоенным строительством, развитием экономики, культуры и науки Азербайджана. Однако вместе с тем его конец был омрачен неспособностью союзного руководства не допустить разрастания армяно-азербайджанского конфликта, возникшего по причине территориальных притязаний к Азербайджану со стороны соседней Армении и обернувшегося огромной трагедией. И именно этот непогашенный вовремя очаг напряженности привел к «возгоранию» всей системы национально-государственного устройства СССР, во многом обусловив его скорый распад.

В условиях фактического краха властной вертикали после провала августовского путча 1991 года и разрастания уже неприкрытой вооруженной агрессии против территориальной целостности страны парламент Азербайджана 18 октября 1991 года принял Конституционный акт «О государственной независимости», положивший начало четвертому этапу политической истории — нынешней Азербайджанской Республике. Характеризуя ее основные успехи в сфере государственного строительства, Гейдар Алиев отмечал: «Несомненно, самым весомым достижением азербайджанского народа в XX столетии явилось создание независимого Азербайджанского государства. Азербайджан, восстановивший свою независимость, сумел создать прочную основу для формирования демократического, правового, светского государства. Именно за этот

¹ Алиев Г. Указ. соч.

период азербайджанский народ принял Конституцию своего независимого государства и, приведя свое законодательство, принципы разделения власти, правовые нормы в соответствие с мировыми стандартами, продемонстрировал готовность к всестороннему сотрудничеству с другими государствами. За эти годы были осуществлены коренные преобразования и глубокие реформы, охватывающие все сферы нашей жизни»¹.

На том прочном фундаменте, который заложил создатель дееспособной политической системы и государственных институтов современной Азербайджанской Республики Гейдар Алиев, президент Ильхам Алиев в новых условиях продолжил стратегический курс по комплексному национальному развитию. Оно включает различные измерения и приоритетные направления, государственное управление которыми осуществляется посредством применения программного подхода. Так, последовательно осуществляемые государственные программы социально-экономического развития регионов, снижения уровня бедности и устойчивого развития, реформы системы высшего образования, обучения азербайджанской молодежи за рубежом, реализации стратегии занятости, развития страховой пенсионной системы, а также связи и информационных технологий и множество других обусловили кардинальное преображение страны. Сегодня не только столица — Баку, но и регионы являются наглядным свидетельством успеха реализуемых в стране инфраструктурных, коммуникационных, промышленных, аграрных, строительных, спортивных, культурных проектов.

Даже в условиях турбулентности на мировых рынках, резкого падения цен на основные экспортные товары Азербайджана: нефть и газ, по итогам 2015 года показатель роста ВВП составил более 1 %, причем промышленное производство увеличилось на 2,4 %, а рост ненефтяной промышленности отмечен на 8,4 %. Уровень бедности сократился с 49 % в 2001 году до 4,9 % в 2015-м.

Неоспоримо и укрепление международного авторитета Азербайджана. Так, республика была избрана непостоянным членом Совета Безопасности ООН на период 2012–2013 годов. Показательно число стран, поддержавших кандидатуру Азербайджана — 155. В период первого председательства Азербайджана в СБ ООН (4 мая 2012 г.) президент Ильхам Алиев провел заседание на высоком уровне, посвященное усилению международного сотрудничества в связи с выполнением обязательств в области борьбы с терроризмом. На заседании по инициативе Азербайджана состоялись обсуждения на тему: «Угрозы террористических актов международному миру и безопасности». В период второго председательства Азербайджана в Совете (28 октября 2013 г.) впервые в истории ООН по инициативе нашей страны состоялось заседание на высоком уровне на тему: «Усиление партнерских связей между Организацией Объединенных Наций и Организацией исламского сотрудничества».

Анализируя внутреннюю и внешнюю политику Азербайджанского государства, а также социально-

экономические и культурно-идеологические процессы, определяющие облик современного азербайджанского общества, приходишь к некоторым заключениям, которые могут быть интересны не только для самого Азербайджана, но и для типологической характеристики изменений, происходящих на значительно более широких пространствах.

Так, мы становимся свидетелями несостоятельности бывших еще относительно недавно весьма популярными в западном политологическом сообществе рассуждений об отмирании национальных государств и их постепенной замене негосударственными институтами (свободно организующиеся гражданские общества, сетевые социальные структуры, транснациональные корпорации и т. п.). На примере Азербайджана со всей очевидностью предстает огромная ценность, которую имеет суверенная национальная государственность в глазах народа, рассматривающего ее как свое основное историческое достижение на протяжении последних двух веков. Именно национальное государство осознается создавшим его народом наиболее эффективным инструментом отстаивания собственных интересов в полном различных рисков и опасностей современном мире. Разительность и быстрота тех позитивных метаморфоз, что преобразили облик страны и качество жизни народа, служат лучшим практическим подтверждением и обоснованием этой непреклонной убежденности.

Другим важным аспектом, требующим внимания, является доказательство на примере Азербайджана существенной ограниченности и шаблонности подхода, исходящего из посыла конфронтационного столкновения цивилизаций и мировых религий. Азербайджанская идентичность, как уже было отмечено, сформировалась на путях взаимодействия и взаимообогащения Востока и Запада, Севера и Юга. Она органически вобрала в себя и творчески преобразовала элементы различных цивилизаций и традиций. Следовательно, неслучайно в современном Азербайджане попытки противопоставления, сталкивания религий, наций, культур воспринимаются не только как подрывающие глобальную стабильность, но и как нацеленные на расшатывание многовековых устоев собственной идентичности.

В связи с этим опять-таки весьма закономерно превращение Азербайджана в одного из активнейших проводников идей толерантности, межкультурного и межрелигиозного диалога. Так, ставший традиционным Бакинский международный гуманитарный форум, проводимый под эгидой президентов Азербайджана и России, состоявшийся в конце апреля 2016 года в Баку, VII Глобальный форум «Альянса цивилизаций» ООН, многочисленные мероприятия в рамках ЮНЕСКО, европейских организаций, Организации исламского сотрудничества, СНГ, по линии межконфессионального диалога и другие наглядно демонстрируют деятельную вовлеченность Азербайджана в процессы гармонизации культурно-цивилизационного климата по наиболее актуальным в современной мировой повестке дня линиям искусственно провоцируемых разломов «восток–запад», «ислам–христианство».

¹ Алиев Г. Указ. соч.

Необходимо отметить, что работе в этом направлении уделяется особое внимание, она не строится по событийному принципу «от мероприятия к мероприятию». По Указу Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева от 15 мая 2014 года учрежден Бакинский международный центр мультикультурализма, который за истекший непродолжительный период своего функционирования сумел стать одним из наиболее активных органов, последовательно продвигающих повестку диалога культур и цивилизаций на основании программного концептуального видения.

Нынешний 2016 год объявлен в Азербайджане Годом мультикультурализма. В современных условиях, когда в силу ряда сиюминутных причин конъюнктур-

но-политического характера в ряде стран стали раздаваться голоса о фиаско мультикультурального подхода, решительная и принципиальная позиция Азербайджана по его пропаганде в глобальном масштабе не может не представлять интерес и обладает большим значением с точки зрения перспектив международного мира и стабильности.

Таким образом, Азербайджан на деле показывает свое стремление и возможность быть тем «сильным», по выражению Киплинга, который готов стоять ради преодоления разломов между Востоком и Западом, ради гармонического сближения народов через доверительное взаимодействие и общение во имя достижения общего блага грядущих поколений.

Чаба Варга¹

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ (Дебаты об универсализме/партикуляризме евроатлантической цивилизации)

Все люди с широкими взглядами и собственными убеждениями инстинктивно чурются тех, кто думает максимами; дело в том, что они очень быстро понимают, что всю сложность нашей жизни нельзя объяснить максимами и что если во всем руководствоваться определенными формами, то придется отказаться от божественных откровений и вдохновения, которое посещает тех, кто глубоко мыслит и сочувствует другим. Те же, кто следует максимам, обычно основывают свои моральные суждения на наборе общих правил. Они полагают, что эти правила приведут их к справедливости единственным верным путем. Они надеются, что им не придется выказывать терпение, пронзительность и объективность. Они не задумываются о том, придется ли им производить сложные расчеты с чувством соблазна, извлекать уроки из жизни и создавать в других чувство сопричастности со всем остальным человечеством.

Дж. Элиот

Представителям разных народов, религий и культур не нужно приспособливаться друг к другу и подстраиваться друг под друга. <...> я думаю, что мы принесем друг другу гораздо больше пользы, если не будем притворяться, останемся теми, кто мы есть на самом деле, и будем просто уважать и признавать друг друга такими, какие мы есть.

В. Гавел

Прошла уже четверть века с того времени, как западные взгляды были механически и без лишних рассуждений перенесены на всю Центральную и Восточную Европу. Любое начинание с тех пор сталкивается с чужими бездуховными доктринами. Законы создаются на короткий срок и признаются новаторскими, и в результате все страны региона погружены в пораз-

¹ Почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петеера Пазмания (Будапешт), доктор. Приглашенный профессор многих зарубежных учебных заведений (США, Австралия, Италия, Германия, Япония, Россия и др.). Автор более 400 научных работ, опубликованных на английском, немецком, французском и других языках, в т. ч.: «Кодификация как социально-историческое явление», «Загадка права и правового мышления» и др. Лауреат премии правительства Венгрии за научные достижения. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994).

женческие настроения². Потому что, в каком бы состоянии ни было государство, даже со странной, устаревшей и грубой структурой, единственной интегративной силой любого общества, способной придать достоинство его гражданам, является традиция — собрание живого опыта поколений, историческое развитие культуры каждого сообщества, нации.

Начну с того, что замечу: было униженно понять, насколько англо-американское юридическое наследие стремится стать первым и наиглавнейшим учителем Европы, проповедуя свою интерпретацию заезженно-

² См., например, о судьбе Советского Союза: *Varga Cs. Failed Crusade: American Self-confidence, Russian Catastrophe // Transition? To Rule of Law? Constitutionalism and Transitional Justice Challenged in Central & Eastern Europe. Pomáz : Kráter, 2008. P. 199–219. (Polisz Series, Books 7) ; <http://mek.oszk.hu/14800/14851>*

го и чрезмерно выпяченного понятия «правовое государство». Удивительно также, что в Англии прошлых веков тот идеал, который теперь хотят привить всему миру в качестве универсальной модели, был создан для сохранения автономности (или независимости от власти короля) судебной власти. И как бы парадоксально это ни звучало, основной чертой общего права было отсутствие четких и понятных правил. Число прецедентов постоянно росло, и в связи с этим законы королевства по факту подтверждали законность этих прецедентов в рамках принципов обратной силы. Этот факт не оспаривается ни классической, ни современной юриспруденцией. Что же касается Соединенных Штатов Америки, то их понимание законности основано на политическом и иерархическом превосходстве судебной власти, превосходстве такой силы, что оно разрушило все представления о демократии отцов-основателей страны.

Мотивы такого поведения заключаются в тактическом стремлении к победе, свойственном американской политике. Стараясь избежать проигрыша, демократическая (представительная) государственная машина законодателей/правительства стремится оправдать ожидания избирателей и упрямо принимает те законы, которые одобряет население, передавая их затем всем инстанциям судебной власти. По этой причине все дискусионные законы, по которым действительно необходимо услышать мнение *народа*, не выносятся на суд народных представителей в поисках консенсуса, а решаются на закрытых заседаниях *органов судебной власти* в однородной и формализованной форме, не соответствующей народным ценностям¹. На любой законодательный акт накладывается конституционное ограничение: законы, принятые суверенными представителями народа, зависят от утверждения профессиональными юристами, которые народ не представляют. Их никто не контролирует, и они действуют в однородной и формализованной манере. Именно поэтому недавно скончавшийся Рональд Дворкин предлагал проводить юридическую экспертизу законов, в которую рекомендовал включать и партийные программы, еще до того, как они будут представлены общественности. Кроме того, американское законодательство, основанное на правилах, все более деформируется, чтобы служить юристократическим интересам: законы составляются таким образом, чтобы судья впоследствии мог выбрать из нескольких вариантов решения, если прежнее решение будет оспорено².

В качестве реакции на это явление возникло направление в научной литературе, описывающее раз-

рушительное воздействие этой новой «политической религии»³. Среди прочего осуждению подвергается и интеллектуальный климат, в котором беспринципные профессора юриспруденции борются друг с другом за наиболее экстремальный, ничем не ограниченный вариант закона. Достается и жажущим наживы адвокатам, которые умело ищут лазейки в законе и создают тем самым собственную «законность». Что уж тут говорить о сохранении идеалов, заложенных отцами-основателями?

Что же возникло в результате и кто такую систему создал? О потере общественного доверия и крахе общественной интеграции за последние 50 лет свидетельствует тот факт, что за эти годы количество разводов возросло в 4 раза, количество детей, рожденных вне брака, — в 12 раз, количество насильственных преступлений — в 10 раз. И все это во времена, когда вмешательство регулирующих органов и состязательность судебного процесса уже привели к вытравлению чувства защищенности граждан системой законодательных актов. Вместо того чтобы стать решением проблемы, закон сам стал частью проблемы, серьезным патогенным фактором, оказывающим разрушительное влияние на Америку. Соответственно в момент, когда судебная система триумфально отодвигает представительную демократию на задний план и идеология масс (которую поддерживает лишь небольшая группа партийных деятелей) отчуждается от представления об основных потребностях человека, возглас «Даешь правительство реальных, а не теоретических людей!» звучит как призыв к ревиндикации.

Или возьмем горделивое и заносчивое понятие «американская исключительность» (которое через зеркальное отражение Америки представляет универсальный идеал человеческого существования). Оно доказывает шовинистическое бессилие Америки, которую характеризуют чрезмерно дорогая машина юриспруденции, изящно легализованная система подтасовок и влиятельная каста юристов, кормящихся на коррупции⁴. Эти взгляды все чаще пропагандируются быстро растущим количеством «недальновидных, самолюбленных» групп в элитных университетах⁵, сплоченным чувством социальной солидарности. Или, как указывалось ранее, «юридическое основание пути к крепостному праву было изобретено профессорами юриспруденции», в ходе чего «судебные тяжбы по вопросам социальной политики истощили демократию и привели к поляризации общества и фискальному кризису»⁶.

В общем и целом, благодаря армии юристов и толпам законов, принятых по разным поводам для регулирования всех процессов, гипертрофически выросли медицинские расходы, а судебные издержки увели-

¹ См.: *Varga Cs.* Transfers of Law: A Conceptual Analysis // Comparative Legal Cultures on Traditions Classified, their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-rationalism. Budapest : Szent István Társulat, 2012. P. 181–207 (Philosophiae Iuris) ; <http://drcsabavarga.wordpress.com/2012/03/12/varga-comparative-legal-cultures-2012> ; *Franck Th. M.* The New Development: Can American Law and Legal Institutions Help Developing Countries? // Wisconsin Law Review. 1972. Vol. 12, № 3. P. 767–801 ; *Hirschl R.* Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge ; L. : Harvard University Press, 2004.

² *Helland E., Kick J.* Regulation and Litigation: Complements or Substitutes? // The American Illness Essays on the Rule of Law / ed. F. H. Buckley. New Haven ; L. : Yale University Press, 2013. P. 118–136.

³ *Hirschl R.* Constitutional Theocracy. Cambridge : Harvard University Press, 2011.

⁴ *Buckley F. H.* The Rule of Law in America // The American Illness Essays on the Rule of Law / ed. F. H. Buckley. New Haven ; L. : Yale University Press, 2013. P. 3–39.

⁵ *Howard Ph. K.* The Collapse of the Common Good: How America's Lawsuit Culture Undermines our Freedom. N. Y. : Ballantine Books, 2002.

⁶ *Barnett R. E., Howard Ph. K.* Schools for Misrule: Legal Academia and an Overlawyered America. N. Y. : Encounter Books, 2011.

чилились в 4–9 раз по сравнению с другими странами. В результате возникла «страна с чрезмерно большим количеством юристов и большим набором правил, с множественными точками доступа для бюрократов и многочисленными возможностями вмешательства специальных интересов в бизнес-решения»¹. Неслучайно за несколько месяцев до своего убийства Роберт Кеннеди снова повторил основополагающее представление об идеале законности, когда заявил, что «валовый национальный продукт... который... измеряет, проще говоря, все, кроме того, что делает жизнь достойной того, чтобы жить. И это объясняет нам об Америке все, кроме того, почему мы горды быть американцами»².

Кажется, что все эти новые явления должны были ожидаемо столкнуться с реальностью Европейского Союза. Ведь недавно прозвучало мнение, что «Европейский Союз не основан на законности как на институциональном идеале. ЕС рассматривает “законность” во многом в преломлении к автономности юридической системы ЕС, стремясь сделать свое законодательство защищенным от любых внутренних и внешних влияний. Такое развитие событий диаметрально противоположно классическому представлению о законности».

Так в чем же состоит результат, что нас ждет в конце концов? В данный момент на мировой арене как национальные, так и международные агентства постоянно, а порой избыточно и злонамеренно пользуются популярными словечками вроде «законность», «демократия» и «права человека», как будто эти непонятные выражения дают представление о лице юриспруденции. Почти как политические лозунги, эти термины наполнены четко определенным и действенным содержанием. При этом агентства прекрасно понимают, что и значение этих терминов, и практика их использования непонятны и открыты к интерпретации. Другими словами, все эти выступления проводятся для реализации плохо скрываемой политической повестки дня, в которой царят манипуляции и исключительность абсолютизма. Именно поэтому любые утверждения с использованием этих терминов излишне генерализованы, вырваны из исторического контекста и лишены оригинального значения. То, что получается в результате, теряет свою концептуальность, становится просто «идолом для справок», «термином без смысла, благодаря чрезмерно частому использованию и идеологическому передегериванию»³.

Четверть века тому назад те, кто сейчас заседает в правительстве, были моими студентами на юридическом факультете Будапештского университета. Они организовали международную конференцию для обсуж-

дения понятия «правовое государство». Джон Финнис из Оксфордского университета задал тон своим оптимистичным, удивительным и совершенно адекватным выступлением. Он сказал: «Этой теме посвящено огромное количество книг, и каждая из них обращена к вам, тем, кто перестраивает вашу страну после периода коммунизма. Но, пожалуйста, не читайте их. Они будут для вас бессмысленны. Есть только одноединственное предложение, которое адресовано именно вам. Это предложение из моей собственной книги. Вот оно: “Законность и правовое государство не являются и не могут быть договором коллективного самоубийства”».

Что же он имел в виду под этим метафорическим предложением? Он объяснил далее, что «законность» и «правовое государство» — это культура государственной власти. В разных странах этот процесс проходил по-разному, в соответствии с задачами определенного времени. И вопросы, которые стоят перед нами здесь и сейчас, имеют иные акценты и должны рассматриваться в ином культурном контексте, определенного ответа на них нет. И какие бы ответы на эти вопросы ни появились в результате, они будут являться реакцией на определенную потребность и не будут ориентированы на абстрактные «вечные» понятия. Иными словами, «законность» и «правовое государство» — это цивилизационная идея, которую может использовать государственная власть для восстановления мира и покоя. Это инструмент достижения цели, а не причина, по которой от этой цели можно отказаться. В общем и целом эти понятия — функция конкретного государства, культуры, которую оно воспитывает, и практики применения.

Иными словами, «законность» не может стать феетишизированным идолом. Более того, эти термины нельзя даже рассматривать как искусственную дихотомию, противопоставление в стиле «все или ничего»⁴. На практике должен использоваться этически сбалансированный континуум этих понятий⁵. В конце концов идея законности не имеет рабочего определения и не является признанной концепцией в юриспруденции⁶. Надо отметить, что она принадлежит к тому роду

⁴ См., например: *Sampford Ch. Retrospectivity and the Rule of Law*. Oxford : Oxford University Press, 2006, где описывается, что ретроактивность в определенном смысле характерна практически для всех хорошо организованных обществ, вне зависимости от того, воспринимается обществом этот факт или нет.

⁵ *Hayek F. A. The Road to Serfdom*. Chicago : University of Chicago Press, 1944. P. 22. Автор, в частности, подчеркивает, что «ретроактивное законодательство может быть полезно, если исправляет ошибки предыдущего законодательства или позволяет определенным лицам преодолеть трудности, не нарушая при этом прав других». См. также: *Marmor A. The Rule of Law and its Limits* // *Law and Philosophy*. 2004. № 23. P. 20. Относительно попыток примириться с прошлым после диктаторского режима автор добавляет, что «если юридическая система подвержена коррупции, граждане не могут предполагать, что все то, что в определенное время является законным, они имеют право делать».

⁶ «Твердые приверженцы этого подхода постоянно спорят о том, что такое “законность” и “правовое государство”, — говорит Рональд Дворкин в своем докладе «Законность и правовое государство как практические концепции» на конференции Венецианской комиссии 2012 г. См.: <http://www.venice.coe.int/web-forms/documents/default.aspx?pdffile=CDL%282013%29016-e>. См. также классический обзор литературы в: *Fallon R. H., jr. The Rule of Law as a Concept in Constitutional Discourse* // *Columbia Law Review*—97. 1997. Jan. № 1. P. 1–56.

¹ *Reinsch R. America Rule of Law's Sickness*. URL: <http://www.libertylawsite.org/2013/07/24/americas-rule-of-law-sickness/>. Историю вопроса см.: *Varga Cs. Law, Ethics, Economy: Independent Paths or Shared Ways?* // *Theory of Law*. 2012. Note 10. P. 202–215.

² University of Kansas. 1968. Mar. 18. URL: <https://www.flickr.com/photos/vm1757/280433501>

³ *Shklar J. Political Theory and the Rule of Law* // *The Rule of Law: Ideal or Ideology* / ed. A. C. Hutchinson, P. Monahan. Toronto : Carswell, 1987. P. 1 ; *Varga Zs. A. Esményből bálvány? A joguralom dogmatikája* // *Idol, out of an ideal? The dogmatism of the rule of law*. Budapest : Századvég, 2015.

концепций, которые с самого начала вызвали противоречия и споры. Обычно такое происходит с концепциями, которые не приводят к решению ни при сужении (догматизм уступок), ни при расширении (открытый эклектицизм). Их содержание основано на ценностях; этим понятиям могут быть даны многие определения; они постоянно вызывают споры, противоречия, полемику и дебаты. Четкого и ясного определения этих терминов нет. Приходится выбирать из множества разных точек зрения, каждая из которых имеет свое объяснение и право на существование¹. Когда мы говорим о законности, речь идет не об устоявшейся системе, а о живой культуре, которая выстраивается шаг за шагом в ходе последовательности действий в определенном контексте. Законность развивается в ходе постоянной постановки вопросов и поиска ответов на них и основывается на историческом опыте каждого народа здесь и сейчас. Принимая во внимание тот факт, что эти понятия тесно связаны и плотно включены на любой стадии в определенные культурные паттерны, их можно представить, грубо говоря, только в виде некоего синтетического среднего, выстроенного по требованиям иерархии, которое вдобавок и меняется практически ежедневно.

Естественно, следует признать, что как культурное явление оно может распространиться и на народы, у которых возникла определенная потребность к взаимному обмену знаниями. Таким образом, с одной стороны, может начать происходить определенная ассимиляция (с учетом типологии, характерной для конкретного исторического периода), а с другой — начаться общее развитие (в результате чего формируется, в частности, общее право). Однако универсального механизма не существует; эти понятия остаются частью живой культуры народов, решающих разные задачи в соответствии со своей исторической традицией, независимо от того, что думают по этому поводу ведущие государства, которые в урагане смены империализма и глобализма пытаются навязать другим свои порядки как некое универсальное решение. Итак, каковы же последствия? То, что ранее представлялось как цивилизационный миф «белого человека», испано-английская и франко-голландская колонизация, «европейское превосходство» и «немецкое культурное превосходство», теперь превратилось в «американскую исключительность»². Свою власть в однополярном мире США рассматривают с позиции этноцентризма, и любые даже небольшие притязания других государств на определенные национальные интересы они объявляют «страшным» национализмом.

По своей природе понятие законности не может быть превращено в догму. Оно не включает определенных рецептов того, как следует действовать в определенных ситуациях и принимать индивидуальные решения. Это понятие относится к системе сдержек и противовесов, где существуют равные возможности, цен-

ности и интересы, которые соревнуются между собой, и оптимальный вариант практической реализации этого понятия представляет собой среднее, компромиссное решение.

В конце концов, в самом страстном своем представлении идея законности, демократии, прав человека и тому подобного, как напоминает нам папа римский родом из Польши³, является лишь инструментальной ценностью и ничем иным. Закон — это категория социальной медиации, как язык; сами по себе они нейтральны. Они регулируют то, что возникло из других общественных комплексов⁴. Среди прочего они регулируют и фундаментальные ценности, и основная ценность инструментальных ценностей законности, демократии, прав человека и тому подобного зависит от того, каковы ценности, которые они регулируют⁵.

Я полагаю, что председатель Верховного суда Венгрии отлично суммировал вышесказанное, когда заявил, что «ценности, лежащие в основе правопорядка и общественной организации, такие как достоинство, свобода и личный и общественный мир и покой, необходимо утверждать и воплощать в самом понятии законности. Однако воплощение этих ценностей с самого начала может оказаться неэффективным, если остальным компонентам понятия законности — например, юридической безопасности — будет отдаваться абсолютный приоритет. Ведь юридическая безопасность и законность, с одной стороны, воплощают сами ценности. Но, с другой стороны, ценности могут вступать в противоречия, и их необходимо балансировать. Если инструментальная ценность, защищающая последовательность закона, вступает в противоречие с фундаментальной ценностью, последняя будет иметь приоритет»⁶.

С этой точки зрения настоящую долгосрочную опасность представляют не только гиперактивность, доктринерство и излишний формализм конституционных судов некоторых стран региона. Хотя их совершенно нелегальные действия могли поставить под сомнение ценность самого понятия законности и помешать (если не полностью заблокировать) возможности для настоящего перехода к демократии⁷, сегодня значительную угрозу представляет тот факт, что Европейский Союз занимается манипуляциями и необоснованной критикой внутреннего законодательства, по сути

³ См.: *Varga Cs. Buts et moyens en droit // Giovanni Paolo II. Le vie della giustizia: Itinerari per il terzo millennio (Omaggio dei giuristi a Sua Santità nel XXV anno di pontificato) a cura di Aldo Loiodice & Massimo Vari. Roma : Bardi Editore & Libreria Editrice Vaticana, 2003. P. 71–75.*

⁴ См.: *Varga Cs. The Place of Law in Lukács' World Concept (1981/1985). 3rd [reprint] ed. with Postface. Budapest : Szent István Társulat, 2012 ; <http://mek.oszk.hu/14200/14249/>*

⁵ *Varga Cs. Goals and Means in Law // Revista da Faculdade de Direito da Universidade de Lisboa LI. 2010. Vol. 1–2. P. 263–274 ; <http://www.thomasinternational.org/projects/step/conferences/20050712budapest/varga1.htm>*

⁶ *Darák P. Társadalmi problémák — jogi megoldások [Social problems — legal solutions] // (L)ex cathedra et praxis. Ünnepi kötet Lábady Tamás 70. születésnapja alkalmából, szerk. Csehi Zoltán, Koltay András, Landi Balázs & Pogácsás Anett. Budapest : Pázmány Press, 2014. P. 591.*

⁷ См.: *Varga Cs. Transition to Rule of Law. On the Democratic Transformation in Hungary. Budapest : ELTE “Comparative Legal Cultures” Project, 1995. (Philosophiae Iuris) ; <http://mek.oszk.hu/14700/14760/>*

¹ *Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1955–1956. Vol. 56. P. 167–198 ; см. также: https://en.wikipedia.org/wiki/Essentially_contested_concept*

² См.: http://en.wikipedia.org/wiki/American_exceptionalism ; <http://nationalinterest.org/about-the-national-interest>

квазизаконной интервенцией в дела стран-членов. Возможно, таким образом постмодернистский империализм переходит в атаку, преисполненный праведного стремления стать новым идеократом, воплостителем истины в последней инстанции.

Идеократии сегодня выступают в качестве юстиократий, занимающихся размягчением — в прошлом или настоящем — законодательных норм. Таким образом можно нейтрализовать и минимизировать основу демократии — представительную власть, суверенность парламента¹. В случае, когда практика законодательства освобождается самой судебной системой от обязательного соответствия закрепленным нормам, сужение или расширение регулирующих функций законодательства становится произвольным, что чревато, среди прочего, саботажем судебных постановлений или бунтом. Хорошо известен тот факт, что система сдержек и противовесов институтов и идеологий постоянно сталкивается с новыми требованиями, возникающими под давлением различных групп влияния. Это необходимо, потому что различные виды неорганических, случайных и predetermined сценариев развития признаны для реализации нового единообразия, которое уродует оригинальную идею. Единственная интерпретация в таком случае обычно чужда самой сути вопроса и искажает весь процесс².

Например, подход, основанный исключительно на правах человека, как на этом настаивает нынешняя западная мысль, может отрицательно сказаться на любом другом аспекте вопроса и упрощает юридическое решение до одной-единственной точки зрения, которая может оказаться безотсудительна к обсуждаемому вопросу³. Точно таким же образом введение судебного контроля над действиями правительства обязательно приводит к игнорированию истинной сути вопроса. Потому что в данном случае общественное приятие, экономическая выгода, политическая рациональность, даже само национальное выживание сталкиваются с простым понятием юридической правомерности, которая с общественной точки зрения может оказаться совершенно неуместной в контексте момента⁴. Редукционизм равен упрощению, единообразию и, в конце концов, фальсификации. Он выглядит как очковительство, когда четырехзвездный генерал из Пентагона услышал от верховного главнокомандующего сле-

дующее оправдание: «Мы не знаем, что делать <...> но у нас отличная армия и мы можем снять любое правительство. Если из всех инструментов у тебя есть только молоток, каждая проблема кажется похожей на гвоздь»⁵.

Чем более характерно для нашей эпохи стремление учиться у всех, как у прошлого, так и у настоящего, и признавать, что постоянное обучение приводит к наднациональному смягчению законов в соответствии с максимой «Весь мир — зал суда»⁶, тем более неправильным представляется стремление международных агентств использовать политические слоганы как юридические термины, потому что в таком случае ежедневная рутина этих больших и сильных организаций может быть навязана всем остальным в качестве универсальной панацеи. Любые навязанные условия приводят к ухудшению положения субъекта, лишая его определенной доли, которая в ином случае принадлежала бы ему. Именно поэтому благорасположенность субъекта может легко превратиться в полную противоположность. Любой внешний диктат осуществляется в духе циркового тренера, а те, кто стремится помочь, похожи на садовника, который желает только одного — чтобы все его растения чувствовали себя хорошо.

Законы определяются потребностями человека и служат его интересам. Законы должны быть устойчивы к фетишизации и овеществлению, потому что это приводит к отчуждению от них общества. Законы отражают изменение исторического опыта человека, его воплощение в упорядоченный план. Но «жизнь нестандартна», несмотря на то что «в современную нам эру доминирует представление, что мир <...> — это полностью познаваемая система, действующая в соответствии с конечным числом универсальных законов, которые человек может понять и рационально направить их на <...> объективное описание, объяснение и контроль всего и вся». Именно поэтому чем более нетерпеливо мы пытаемся систематизировать мир в соответствии с рациональными категориями, тем с более удивительными случаями нерационального мы сталкиваемся».

Соответственно соизмеримость режимов законов определенным образом ограничена. Для того чтобы оценить это, необходимо не только знание, но также опыт и мудрость.

¹ *Hirschl R.* Towards Juristocracy [note 7]; см. также: *The Global Expansion of Judicial Power* / ed. C. N. Tate, T. Vallinder. N. Y. : New York University Press, 1995 ; *Olson W. K.* The Rule of Lawyers. How the New Litigation Elit Threatens America's Rule of Law. N. Y. : St. Martin's Press, 2003 ; *Goldstein L. F.* From Democracy to Juristocracy? // *Law & Society Review*. 2004. Vol. 38, № 3. P. 611–629 ; *Sweet A. S.* Governing with Judges. Constitutional Politics in Europe. Oxford : Oxford University Press, 2010 ; *Rüthers B.* Die heimliche Revolution vom Rechtsstaat zum Richterstaat. Verfassung und Methoden: Ein Essay. Tübingen : Mohr Siebeck, 2014.

² *Howard Ph. K.* The Collapse of the Common Good. How America's Lawsuit Culture Undermines our Freedom. N. Y. : Ballantine Books, 2002.

³ *Varga Cs.* Az emberi jogok problematikája [Problematics of human rights] // *Társadalomkutatás*. 2013. Vol. 32, № 2. P. 1–15.

⁴ *Harlow C.* European Governance and Accountability // *Public Law in a Multi-layered Constitution* / ed. N. Bamforth, P. Leyland. Oxford : Hart Publishing, 2003. P. 79–102.

⁵ http://www.democracynow.org/2007/3/2/gen_wesley_clark_weighs_presidential_bid ; <http://genius.com/General-wesley-clark-seven-countries-in-five-years-annotated>

⁶ *Abrahamson Sh. S., Fischer M. J.* All the World's a Courtroom: Judging in the New Millennium // *Hofstra Law Review*. 1997. Vol. 26, № 2. P. 273–291.

Ежи Й. Вятр¹

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНФЛИКТЫ В XXI ВЕКЕ И КУЛЬТУРА МИРА

Окончание холодной войны привело к серьезным изменениям характера международных отношений: с одной стороны, закончилась мировая идеологическая конфронтация, с другой — были созданы условия для глобальной гегемонии США. В конце XX века американские теоретики в области международных отношений рассматривали эти изменения как более или менее стабильные тенденции новой мировой политической структуры, которые должны были оставаться неизменными по крайней мере в течение одного поколения². Международные отношения, с их точки зрения, возвращались к старой исторической модели баланса национальных интересов, в основном свободных от идеологических коннотаций. XX век с его идеологическими войнами воспринимался американскими теоретиками как трагическая, но уже законченная глава современной истории. Мировая гегемония Соединенных Штатов рассматривалась (и позитивно оценивалась, причем не только американцами) в качестве краеугольного камня нового миропорядка — американского мира (*Pax Americana*).

Четверть века спустя этот взгляд на систему мироустройства оказался несостоятельным, и теперь эксперты в области международных отношений находятся в поисках новой парадигмы. Важную роль в изменении характера международных отношений в первые десятилетия XXI века сыграли четыре процесса.

Первый из них был связан с резким снижением влияния США в мировой политике. В основном это было вызвано ошибочной стратегией, принятой американской правящей элитой в ответ на теракты 11 сентября 2001 года. Вторжение в Афганистан (2001), а затем в Ирак (2003) нанесло долговременный ущерб американской мировой гегемонии. США восстановили против себя большую часть населения мира (в основном в исламских странах, но не только в них). США оказались в изоляции (в том числе от некоторых своих главных союзников). Все это способствовало возникновению мирового экономического кризиса 2008 года. Некоторые американские ученые осудили трагические последствия ошибочной политики президента Дж. Буша в Ираке. По их мнению, это отрицательно

сказалось на международном положении США³. Действуя вразрез с требованиями международного законодательства, США ослабили юридическую базу процесса будущего мирного разрешения международных конфликтов, определенную Уставом ООН. В 2007 году Збигнев Бжезинский назвал администрацию Буша катастрофой и призвал к смене внешнеполитического курса⁴. Большие ожидания были связаны с избранием на пост главы государства в 2008 году Барака Обамы, но последний год его президентства показал, что он не хочет или не может коренным образом изменить направление американской политики. В результате ослабления позиции США в мире возросло влияние других мировых держав.

Второй процесс изменений связан не только с американской гегемонией, но и (в немалой степени) с ростом влияния двух региональных держав, чья роль в мировой политике в конце XX века недооценивалась американскими и западноевропейскими стратегами. Китай показал более быстрый рост, чем прогнозировалось. В конце прошлого века Бжезинский предсказал, что ВВП Китая достигнет уровня ВВП США только к середине XXI века⁵. После кризиса 2008 года стало очевидно, что этот сценарий реализуется на 30 лет раньше.

Еще более серьезным последствием для мирового порядка стало восстановление России как ведущего регионального игрока. Двадцать лет назад, во время тяжелого политического, социального и экономического кризиса в России, многие западные эксперты перестали считать ее мировой державой. «Россия... — писал Мартин Малиа, — теперь в геополитическом смысле снова на старте: бедная страна, пытающаяся снова начать реальную модернизацию после провала прежней карикатурной попытки модернизации в сюрреалистическом мире советского социализма»⁶. Мнение о том, что Россия более не является великой державой, имело свои политические последствия. Когда США и их союзники вмешались в этнические войны в Югославии (вначале в Боснии, а затем в Косово), протесты России были сознательно проигнорированы. После терактов 11 сентября президент России Владимир Путин предложил своему американскому коллеге поддержку в борьбе с терроризмом, но президент Буш решил начать войну с терроризмом на собственных условиях — вторгся в Ирак без санкции Совета Безопасности ООН. Быстрое восстановление России после избрания Вла-

¹ Министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии. Автор научных работ по социологии политики, в т. ч. монографии «Социология политических отношений», статей «Восточная Европа: судьбы демократии», «Польша и Россия: национальные интересы или историческая память?», «Вторая мировая война и новый мировой порядок», «Политический кризис на Украине и его перспективы», «Национальное самоопределение — политические и правовые дилеммы», «Теория национальных интересов в науке и в политике» и др. Почетный ректор Европейской высшей школы права и управления в Варшаве, почетный президент Центральной европейской ассоциации политических наук, почетный профессор Варшавского университета, почетный сенатор Университета Люблина, почетный доктор Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара. Награжден орденом Возрождения Польши II степени.

² Brzezinski Z. The Grand Chessboard. American Primacy and Its Geostategic Imperatives. N. Y. : Basic Books, 1997 ; Kissinger H. Diplomacy. N. Y. : Simon&Schuster, 1994.

³ Hersh D. Rumsfeld's Wars: The Arrogance of Power. Lawrence : The University of Kansas Press, 2008 ; Holmes S. The Matador's Cape: America's Reckless Response to Terror. Cambridge : Cambridge University Press, 2007 ; Mearsheimer J. The Tragedy of Great Power Politics. N. Y. : W. W. Norton & Co., 2003 ; Wax S. Kafka Comes to America. Fighting for Justice in the War on Terror. N. Y. : Other Press, 2008.

⁴ Brzezinski Z. Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower. N. Y. : Basic Books, 2007.

⁵ Brzezinski Z. The Grand Chessboard.

⁶ Malia M. Russia under Western Eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge ; L. : Harvard University Press, 1997. P. 417.

димира Путина президентом в марте 2000 года еще раз продемонстрировало важность роли политического руководства — фактора, хорошо известного в истории России. В последующие несколько лет Россия продемонстрировала свое возрастающее политическое влияние, приняв участие в серии международных конфликтов (в Грузии в 2008 г., на Украине в 2014-м и в Сирии в 2015 г.). В связи с ростом международного влияния Китая и России и более тесным сотрудничеством между этими двумя державами американская мировая гегемония закончилась.

Третий фактор влияния на политическую ситуацию в XXI веке — противостояние между радикальными исламскими силами и Западом. Основная тема противостояния в будущем веке была предсказана Сэмюэлем Хантингтоном (1927–2008), считавшим, что будут иметь место не традиционные конфликты, связанные с национальными интересами или противоречивыми политическими идеологиями, а культурное противостояние цивилизаций¹. Однако Хантингтону не удалось предсказать интенсивность религиозных конфликтов внутри исламского мира. Исламская революция в Иране (1971), распад Ирака (вызванный американским вторжением в 2003 г.) и «арабская весна» 2011 года создали условия для открытого (даже вооруженного) противостояния между двумя основными течениями в исламе: шиитами и суннитами. Этот внутренний конфликт исламской цивилизации смешался с политическим за контроль над Ближним Востоком, где Россия поддерживает президента Сирии Башара Асада в его борьбе с вооруженной оппозицией, финансируемой США.

Четвертый элемент новой политической реальности — сепаратистские настроения, проявляющиеся в разных уголках планеты. Эти настроения имели место и в период холодной войны, но в большинстве случаев в то время сверхдержавы способствовали умирению сепаратистских настроений в регионах своего влияния. Важнейшим исключением из этого правила стало отделение Бангладеш от Пакистана в 1971 году при военной поддержке Индии и с согласия Совета Безопасности ООН. По окончании холодной войны сепаратистские конфликты охватили территорию Югославии, а также кавказские государства бывшего Советского Союза (Грузию, Армению и Азербайджан). Война в Ираке и «арабская весна» привели к вооруженным восстаниям сепаратистских сил в Ливии, Ираке, Сирии и Йемене. Эти события способствовали дестабилизации политической ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, одним из следствий чего явился массовый приток арабов и беженцев в Европу, что оказало дестабилизирующее воздействие на некоторые страны Европейского Союза.

В результате этих изменений нынешний мир столкнулся с четырьмя основными типами международных конфликтов:

- 1) традиционные конфликты между национальными государствами из-за национальных интересов (включая конфликты по поводу границ);
- 2) конфликты, связанные с попытками великих держав установить свою гегемонию над другими государствами;
- 3) культурные цивилизационные конфликты;
- 4) этнические и религиозные конфликты между государствами, когда вмешательство одного или нескольких государств привело к интернационализации конфликта.

Мирное разрешение таких конфликтов требует применения различных стратегий в зависимости от характера. Легко разрешаются конфликты, связанные с национальными интересами. Обычно существует возможность достижения компромисса, особенно в случае территориальных конфликтов. Если мирное решение не может быть найдено, конфликт замораживается, как это произошло в случае с Северным Кипром (с 1974 г.) или Крымом (с 2014 г.).

Серьезную опасность представляют конфликты государств из-за сфер влияния, так как все великие державы в настоящее время имеют на вооружении оружие массового поражения. Опыт прошлого подсказывает, что конфликты такого рода могут быть решены мирно только при условии взаимных уступок и признания законными целей великих держав иметь свои сферы регионального влияния.

Культурные конфликты — как между цивилизациями, так и внутри них — чрезвычайно трудно разрешать мирным способом. Религиозный фанатизм, характерный для современного ислама (эта же черта была присуща христианству лет четыреста назад), редко прислушивается к рациональным аргументам и не готов идти на компромисс. Для того чтобы пресечь волну фанатизма и остановить массовый террор, необходимо сотрудничество великих держав — Соединенных Штатов Америки, Европейского Союза, Российской Федерации и Китая. Альтернативой этому станет всевозрастающее противостояние цивилизаций, что окажет крайне отрицательное воздействие на мировую политику и положение дел во многих государствах.

Мирное разрешение международных конфликтов требует не только компетентных дипломатических усилий, но и создания нового культурного климата на основе взаимопонимания и уважения. Новый климат, который я назвал бы «культурой мира», может возникнуть только в результате сознательных усилий интеллигенции, тех, кто является основными творцами культуры. Это их самый важный моральный долг перед нынешним и будущими поколениями.

¹ *Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Touchstone — Rockefeller Centre, 1997.*

Г. А. Гаджиев¹

О ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ В ПРАВЕ

Социальная жизнь людей на Земле породила множество версий демократических принципов. Скорее всего в них есть нечто универсальное. Но то, как общие демократические принципы реализуются в разных странах, на разных континентах, во многом зависит от таких факторов, как история, традиция, культура и самоидентификации нации.

Традиционность (и традиционализм) в философии права является важной когнитивной категорией, отражающей объективную реальность. Происходит материализация традиционных норм культуры, морали, права — и возникает состояние убежденности. При этом, как правило, отсутствуют какие-либо рациональные объяснения правомерности убежденности, она рассматривается как аксиоматическая ценность.

Убежденность обладает колоссальной социальной энергией — либо сдерживающей движение вперед (на ней базируется идеология консерватизма), либо способствующей динамичному развитию (это идеология прогрессизма). Но могут возникать и весьма экзотические конфигурации. Так, неоконсерваторы в США не склонны принимать в расчет традиционные социальные формы бытия арабских народов. Как отмечал Е. М. Примаков, они в этом повторяют троцкистов, которые были убеждены в полезности экспорта пролетарской революции в другие страны, независимо от того, сложилась там революционная ситуация или нет.

Убежденность и убедительность — две разные системы мышления людей. В конечном счете за все, что происходит в мире, отвечает человеческое мышление, которое ориентируется либо на убежденность (традиционализм), либо на поиск убедительности, рационализм. Парадокс реальной жизни состоит в том, что возможно сочетание рационализма, идеализма и цинизма, оправдываемого идеалистическими целями.

Поскольку в физическом (вещественном) анклаве всеобщей действительности действует такая объективная закономерность, как закон инерции, то в идеальном ее анклаве действует изоморфная закону инерции закономерность традиционализма. При конструировании морального миропонимания надо учитывать следующее свойство человеческого сознания — неспособность человека отождествлять себя с кем-либо в мире, убежденность в собственной неповторимости. Эти

свойства сознания человека формирует общественное сознание, порождая мифы (или реалии) об уникальности, неповторимости народа.

Убежденности не хватает убедительности? Или убедительность все же должна учитывать убежденность, то есть традиционалистские начала?

Здесь кроются истоки многолетних научных дискуссий, в которые вовлечены представители многих социальных наук. Говорят, что коня можно подвести к водопою, но его нельзя заставить пить воду. Ученые-юристы участвуют в глобальных дискуссиях, обсуждая такие аспекты единых общественных отношений, тот их ракурс, который считается монополией юридической науки, — проблемы суверенитета государства или политической нации, которые юридически оформляют стремление народа оставаться самим собой в постоянном развитии и конституционной идентичности. Рассматриваемые юридические понятия находятся в состоянии кризиса. Задача социологов и политологов — подсчитать, сколько из существующих в мире государств сохранили суверенитет? В какой мере система международного гуманитарного права вступает в коллизию с конституционными принципами национальных государств?

Если рассматривать конституции стран не только как трансплантированные юридические нормы, а в том числе и как способ кодификации традиций народа, то разрыв между универсалистской системой норм международного права и конституционным традиционализмом увеличится, создавая весьма серьезные риски.

Проблема традиционализма в философии права оказалась гораздо шире, чем соотношение традиций народа и Конституции. Традиционализм лежит в основе классификации правовых систем (семей). Существуют континентальное право (к которому относится и российское право) и прецедентное, или система общего права. Поэтому после известной речи председателя Высшего арбитражного суда РФ А. А. Ивановна на Третих Сенатских чтениях 19 марта 2010 года о прецедентной революции в России председатель Конституционного Суда РФ выступил в прессе с призывом учитывать традиции российского права и проявлять разумную осторожность в сложном процессе перенастройки юридического мировоззрения².

Традиционализм — это и методологическая установка отдельных ученых-юристов. Его можно рассматривать и в качестве естественных пределов так называемой правовой трансплантации, то есть заимствования из зарубежного права какого-либо правового института. Наш опыт показывает, что трансплантация, или рецепция, правовых норм не может автоматически привести к тому, что воспринятый правовой институт будет иметь в воспринимающей правовой системе тот же эффект, что и в законодательстве страны, из кото-

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика», «Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности)», «Российская судебная власть: современность и перспективы» (в соавт.), «Право и экономика (методология)» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

² См.: Экономика и право: новый контекст // Рос. газета. 2014. 22 мая.

рого он заимствован. То есть необходимо учитывать сложную контекстуальность юридических норм или общую систему нормативности. С моей точки зрения, идея о сложной контекстуальности юридических норм свидетельствует о стремлении юриспруденции выработать более сложные теоретические модели, касающиеся сущности права, и развить юридическую методологию. В правовых системах, находящихся в состоянии ускоренной трансформации (к которым относится и российское законодательство), как правило, возникает конфликт между трансплантированной нормой и остальными правовыми институтами. Эффект отторжения проявляется тем сильнее, чем в большей степени заимствованный правовой институт содержит в себе новую социальную программу. При имплементации чужеродного правового института в российское законодательство заимствованный институт иногда обретает новое содержание.

Описанное наблюдение подсказывает более общий и неоригинальный вывод, состоящий в том, что есть страны, которые, отставая в культурном развитии от Европы, тем не менее считают допустимым перенимать весь ее правовой опыт, не будучи готовы к практической реализации европейских правовых принципов.

Нужно разработать рациональную (убедительную) систему идей о том, как следует учитывать состояние убежденности, традиционализма, в том числе и традиционность Конституции России, несомненно обладающей конституционной идентичностью. Судя по ее содержанию и, главное, по тому, как она применяется, коллективные и социальные компоненты, то есть ценности солидаризма и справедливости, в ней выражены более отчетливо, чем в других конституциях.

Поэтому основной философско-правовой идеей Конституции России является не концепция либерального и сильного государства (которая в немецкой доктрине эквивалентна полицейскому государству), а концепция государства, цель которого, как сказано в преамбуле Конституции РФ, — утверждение прав и свобод человека в органическом единстве с обеспечением «гражданского мира и согласия».

Traditio — юридический термин римского права, обозначающий упрощенный порядок передачи вещей в собственность. Но также и преподавание, образование, установившееся издавна мнение, то, что заслуживает передачи потомкам. Это та самая «память предков», о которой говорится в преамбуле Конституции.

Традиция в конституционном праве — это потребность в передаче потомкам ценностей автономии личности в органическом единстве с ценностями солидаризма.

Важно, что, признавая объективное существование, онтологическое бытие состояния убежденности не следует преувеличивать. Думаю, что этим недостатком и верой в миф о своей исключительности страдают не только немцы или американцы.

Еще одна проблема — существование ценностей не в пространстве, а во времени. Вопрос возникает в связи с тем, что мы, когда принимаем решение, должны думать не только о вчерашнем и сегодняшнем днях, но решать проблемы, исходя из того, что надо создавать образ будущего, в том числе правовой. В этом случае вновь возникают вопросы о традиционализме: как быть и что делать, в каком темпе продвигаться вперед или вообще не продвигаться?

Ответы на поставленные вопросы предполагают выбор между определенными философскими традициями — кантианской либо прагматической.

Габриэль Галис¹

УСТАРЕЛО ЛИ ПОНЯТИЕ «НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ» В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА?

Прежде чем рассматривать проблемы, связанные с национальными интересами, следует остановиться на вопросе, существуют ли они на самом деле. Если существуют, то необходимо дать им определение и выделить стороны, заинтересованные и незаинтересованные в их соблюдении. Именно этой теме посвящен данный доклад.

Современное мироустройство отходит от разделения мира на нации, государства и народы. Возрастает глобализация, расширяется международная финансовая деятельность, усиливаются политические и военные вмешательства государств. На Западе многие политики и ученые полагают, что национальные интересы больше не существуют.

¹ Президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг «Народы — нации: эссе о национальной среде народов Европы», «Размышления о республике, войне и мире по стопам Жан-Жака Руссо» (в соавт.) и др.

Так имеется ли сейчас мировой порядок (или беспорядок), в чьих интересах он выстроен, в какой степени этот порядок можно поддерживать?

Информационная война начинается с того, что наряду с определенными запретами устанавливается ряд предпочтительных определений и утверждений (имеется в виду известное высказывание Маргарет Тэтчер: “There is no alternative” — «Этому нет альтернативы»²).

1. «Либеральная империя» отказалась от демократии

Управление и демократия

Сорок лет назад Сэмюэл Хантингтон опубликовал работу, более корректную по сравнению с более поздним исследованием, под названием «Столкновение цивилизаций». Он был основным автором до-

² За это она получила прозвище “Mrs. Tina” (по первым буквам английского предложения).

клада «Кризис демократии»¹, который на следующие несколько десятилетий стал дорожной картой. В докладе было предложено лишить людей их законного права принимать решения и предложить им вместо этого следовать воле элит. *Управляемость и управление* — два основных определения этой системы исключения. В целом, управление отрицает народное волеизъявление, о котором обычно рассуждают органы власти: «*Управление — это треугольник, вершиной которого являются органы власти, частные интересы, потребители и гражданское общество пользователей.* <...> Очевидно, это означает, что в ходе голосования ни одна из трех категорий не является единственным большинством. Органы государственной власти более не являются единственным выразителем общественных интересов»². Меркантильная рыночная демократия заменяет народную демократию. Ярким примером этого процесса является договор о свободной торговле между странами Северной Америки.

Активное отделение элит от граждан своих стран одновременно служит укреплению международной солидарности групп, находящихся у власти.

Частично программа Хантингтона должна была воплотиться в жизнь в 1970-х годах в нескольких странах в рамках европейского сообщества, которое ныне называется Европейским Союзом. Ставилась задача провозгласить европейские национальные государства устаревшими³. Экономические (валютные, промышленные, финансовые) кризисы стали рычагами изменения национального и международного порядка как внутри страны, так и за границей. Демонизация национальных государств привела к тому, что новые классы и группы потеряли связь с народом. Нереальный, искусственный характер политики отражает их изоляцию от общественной жизни⁴.

Крах коммунизма в СССР и Восточной Европе сделал возможным реализацию всей остальной программы, так как исчезли политические и военные противовесы. В данной ситуации открылись новые рынки и НАТО получило возможность расширения⁵. Мечта Збигнева Бжезинского начала осуществляться⁶. Кто же извлек основные выгоды из сложившейся ситуации?

¹ Crozier M., Huntington S., Watanaki J. The Crisis of Democracy: On the Governability of Democracies. N. Y.: University Press, 1975. Трехсторонняя комиссия была основана в 1973 году Дэвидом Рокфеллером. Руководил комиссией Збигнев Бжезинский, а президент Картер активно поддерживал ее.

² «La gouvernance est un triangle où se côtoient les pouvoirs publics, les intérêts privés, la société civile des consommateurs et des usagers <...> En clair, cela signifie que lors d'un vote, aucune des trois catégories n'a à elle seule la majorité. Les pouvoirs publics sont désinvestis du rôle de représentant Unique de l'intérêt general» (Eau / M. Camdessus [et al.], P., 2004).

³ Crozier M., Huntington S., Watanaki J. Op. cit. P. 18.

⁴ Lasch C. The Revolt of the Elites. N. Y.; L., 1995. P. 3–4.

⁵ Соединенные Штаты Америки будут стремиться к расширению НАТО, сказала Мадлен Олбрайт, «чтобы интегрировать новые европейские государства, уничтожить старую ненависть, придать уверенность в процессе восстановления экономики и предотвратить конфликты» (URL: <https://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/albright.htm>).

⁶ Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostategic Imperatives. N. Y., 1997.

Насилие на рынках и рынки насилия

Насилие — это определенная грань власти, а именно неинституционализированной власти. Институты сдерживают насилие. Это явление некоторые авторы, например Йохан Гальтунг, называют структурным насилием. Правящие группы насаждают или предлагают политические меры, проводят переговоры по поводу поддержания их легитимности. При этом выражаются не просто интересы одного класса, как этого хотелось бы марксистам: государство обеспечивает контроль на пересечении интересов групп, подтверждает баланс между группами и классами общества. С 1970-х годов влияние общества на политику начало ослабевать, оно перешло к новой буржуазии, сконцентрировавшейся около новой финансовой элиты и складывающейся во-круг нее бюрократии.

Физическая сила более не является важнейшей характеристикой структурного насилия. Экономическая власть также может рассматриваться рынком как форма насилия, несмотря на то что суть экономической власти составляет связь между рынком и капиталом — *рыночный капитализм и культура потребления* в обществе. Экономическая власть (насилие на рынках потребления) обычно курирует вопросы заработной платы (зависимость работника от работодателя), неравенства, безработицы, сокращения количества государственных и частных предприятий в связи с «бегством» капитала, ограничениями налогообложения и последующим обеднением политиков.

Государство как таковое исчезает, окруженное частными интересами и растворяясь в них. Именно поэтому Роберт Кох использует выражение «комплекс государства/общества»: «Вместо термина “государство” я предпочитаю использовать более громоздкий термин “комплекс государства/общества”»⁷.

Исследуя процесс наделения экономической властью, Мишель Альетта и Андре Орлеан использовали в своей работе в 1998 году термин «монетарный суверенитет»: «Наделение экономической властью, инструментализация коллективных форм и первичность властных отношений над другими формами управления не складываются в социальную модель, которая, наоборот, противопоставляет властные отношения авторитету. Авторитет — это набор коллективных ценностей, вокруг которых формируется общество <...> Можно сказать, что авторитет подчиняет себе власть, чего бы это ни стоило. Власть — это доминирование, основанное на владении средствами производства, в результате чего определенные лица получают возможность диктовать другим, как им себя вести»⁸. Условимся называть олигархами тех, кто обладает экономической властью, а элигархами — бывшую элиту, которая ранее заботилась об общественных интересах, а потом превратилась в отдельный класс, потеряв связь с народом, — класс политиков, ученых, журналистов и всех тех, кто поддерживает и действует заодно с олигархами. Солидарность между олигархами и элигархами часто характеризует собой клановый капитализм. Они происходят из одних слоев общества, учат-

⁷ Cox R. The Political Economy of a Plural World. L., 2002. P. 32.

⁸ Aglietta M., Orlean A. La monnaie souveraine. P., 1998. P. 11.

ся в одних и тех же бизнес-школах, женятся на представительницах своего круга, имеют общие интересы и космополитические взгляды на устройство мира.

Альетта и Орлеан отличают экономическую власть от авторитета, набора коллективных ценностей, которые выражаются в политических решениях. Это приводит к двум последствиям. Во-первых, рынок воздействует на государство через коммерсантов, истинных субъектов общественного комплекса. Во-вторых, уход государства из этой модели автоматически повышает степень влияния коммерсантов и ведет к приватизации насилия, включая создание частных охранных предприятий. 15 августа 1971 года президент Ричард Никсон устроил международный переполох, объявив о прекращении конвертации доллара США в золото, разрушив таким образом Бреттон-Вудскую систему фиксированных обменных курсов. «Шок Никсона» способствовал установлению расчетов финансовых результатов в капиталистической системе. Развитие информационных технологий лишь ускорило эти процессы, рынок спекулянтов оживился.

Марк Гийом описывает этот экономический порядок как состояние войны: *«Говоря об этом порядке, я должен в первую очередь упомянуть о значительном искажении им тех ценностей, которые ранее считались незыблемыми: люди приняли и даже принялись восхвалять постоянное состояние войны как нормальное, даже идеальное состояние. Данный термин, разумеется, относится к экономической войне, которую ведут компании и государства. Эта война считается вполне приемлемым явлением, несмотря на несчастья и трагедии, которые она несет не только беднейшим странам, но и все чаще даже промышленно развитым государствам. Экономический порядок представляет собой состояние постоянной мобилизации, военный порядок мы идеалистически и эвфемистически именуем конкурентной моделью.»*

Распространение насилия на рынках приводит к созданию рынков насилия. «Рынки насилия» (Gewaltmärkte) — термин, предложенный Георгом Эльвертом¹ и впоследствии развитый его студентами². Термин «рынки насилия» имеет не только антропологические, но и экономические коннотации, причем первое включается во второе.

«В своем концептуальном значении термин “рынки насилия” относится больше к антропологии, чем к экономике: рынок — это культурно обозначенная площадка обмена. Если применить эту метафору к обмену в условиях войны, то можно построить теорию, которая позволит лучше понять способность общества разрешать свои конфликты и строить государственные образования. Теория рынков насилия уделяет основное внимание стратегическим действиям социальных субъектов, в число которых входят не только старые политики, контролирующие местные учреждения, но и молодые люди, о которых редко упоминают научные исследования, посвященные элитам. В геронтократических обществах, которыми явля-

ются многие общества в развивающихся странах, они выбирают вариант “АК47”: на рынках насилия они ищут возможность создать социальный и экономический капитал». Торговля оружием — главный источник коррупции, по информации отчета Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI), — представляет собой идеальный симбиоз между насилием на рынке и рыночным насилием.

Имперские сети и территории³

Маловероятно, что президент США действительно является правителем этой империи.

Новая империя состоит из сложного конгломерата территорий, на которых действуют политические и военные группы влияния, и сетей, в которых взаимодействуют крупные коммерческие, финансовые и информационные компании. *«Но эта империя либерализованного рынка не только представляет собой <...> социально неоднородное, абстрактное чудовище. Во многом она идентифицирует себя с доминирующими на мировой арене государствами <...> и в этих государствах — с теми слоями общества, которые до этого никогда не оказывались в настолько привилегированной ситуации. Фактически эта империя представляет собой всемирную систему альянсов и договоренностей между представителями элит (выделено мной. — Г. Г.). Эта система ускоряет укоренение капитализма в одних регионах мира и исключает другие регионы; но самое важное отличие от прошлого состоит в том, что границы этой системы не географические, а социальные»⁴.* Соединенные Штаты Америки по-прежнему являются главенствующей страной этой нетипичной империи, потому что они контролируют большие территории и, что особенно важно, основные сети — при помощи своих компаний, армии и технологий.

Роберт Купер, бывший советник Тони Блэра, который затем работал советником верховного представителя Европейского Союза Хавьера Соланы, использовал выражение «либеральная (также постмодернистская) империя». Купер писал: *«Необходимо создание нового вида империализма, который стал бы приемлем в мире прав человека и космополитических ценностей. Мы уже можем различить его контуры: это будет империализм, который, как любой империализм, будет стремиться к порядку и организованности, но будет основан на принципе добровольности.»*

Постмодернистский империализм принимает две формы. Во-первых, существует добровольный империализм мировой экономики. Обычно на его основе действуют международные консорциумы, представленные международными финансовыми учреждениями, такими как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Характерной чертой нового империализма является его многосторонность. Эти учреждения оказывают помощь государствам, ищущим путь назад — в мировую экономику и добродетельный круг инвестиций и процветания. Взамен они выдвигают

¹ <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.537.3680&rep=rep1&type=pdf>

² Pongo M. K., Landry T. *Terrorisme international et marchés de violence*. Québec, 2005.

³ <http://www.gipri.ch/wp-content/uploads/2015/11/Les-empirens-territoires-et-r%C3%A9seaux-version-russe-sign%C3%A9e-.pdf>

⁴ Morin E., Nair S. *Pour Une politique de civilization*. P., 1997.

ют требования, которые, как они надеются, помогут разрешить политические и экономические вызовы, которые привели в этих странах к необходимости просьбы о помощи. Технология помощи в наши дни все чаще и чаще предусматривает управление. Если государства хотят получить выгоду от этого сотрудничества, они должны открыть свои границы для вмешательства международных организаций и иностранных государств (как это произошло по разным причинам в постмодернистском мире).

Вторая форма постмодернистского империализма может быть названа империализмом соседей. Нестабильность в соседних странах — это угроза, которую ни одно государство не может игнорировать. Плохое управление, этническое насилие и преступность на Балканах угрожают Европе¹.

Эта империя действительно объединяет различные элементы власти — военный, коммерческий, политике «мягкой» и «жесткой силы». Вместе они составляют так называемую умную власть. Купер считает, что США во главе подобной империи — это гораздо меньшее зло.

Руководят данной империей политические органы власти, международные и национальные агентства, финансовые учреждения, такие как Международный валютный фонд или Всемирный банк, Европейская комиссия и советы директоров крупных компаний. Алан Жокс отмечает «суверенность компаний в этой глобальной империи».

Дэвид Харви² считает, что новый империализм следует двойной стратегии, обращая внимание, с одной стороны, на бизнес-интересы, а с другой — на политическое доминирование. Цель состоит в поддержании экономического и политического доминирования. Последней, пожалуй, самой открытой фазой этой стратегии стала военная оккупация Ирака.

Народы, оказавшиеся за границей, также являются жертвами империй.

2. За партнерство между суверенными государствами

Мир управляется транснациональным элигархатом, который действует не слишком сплоченно, но объединен в борьбе против собственного народа, который требует независимости, уважения и солидарности. Элигархи делятся как на горизонтальном уровне (микронационалисты в Каталонии³), так и на вертикальном (противостояние богатых и бедных). Таким образом, элигархат делит нации по вертикали и горизонтали.

Следует отметить, что некоторые американские авторы, как радикалы (Blum, Johnson⁴, Chomsky), так и умеренные (Barber), критически относятся к имперской позиции своей страны. Бенджамин Барбер, бывший консультант Билла Клинтона, отмечает, что США

¹ The New Liberal Imperialism. URL: <http://www.theguardian.com/world/2002/apr/07/1>; Why we still need Empires. URL: <http://observer.theguardian.com/worldview/story/0,11581,680117,00.html>

² Harvey D. The New Imperialism. 2003. URL: <http://eatonak.org/PE501/downloads/files/New%20Imperialism.pdf>

³ Gabriel G. Des micronationalismes en Europe: identité, pouvoir et appropriation en Ecosse et en Savoie // L'Europe à la recherche de son identité. P., 2002.

⁴ Johnson C. The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy, and the End of the Republic. N. Y., 2004.

путают продвижение демократии с защитой собственных рынков и интересов⁵.

Предлагаемые меры по организации нового мирового порядка и многополярного мира можно кратко описать следующим образом.

Во-первых, необходимо строго следовать Уставу ООН, начиная с уважения суверенности государств (которые должны быть абсолютно равны с правовой точки зрения) и политики невмешательства. В Уставе ООН также говорится о том, что вместо применения силы должны проводиться переговоры. Уважение принципа невмешательства предполагает наличие многополярного, многостороннего мира. Против этого выступают страны, которые в настоящее время являются ведущими в мире, а за — развивающиеся страны и новые игроки, включая Россию.

Во-вторых, необходимо отдать приоритет социальному и экономическому развитию (образованию, социальной сфере и т. д.) государств, а не бизнесу и частным компаниям. В данном случае в качестве примера можно привести фармацевтическую отрасль, где агенты разрываются между требованиями Всемирной торговой организации и Всемирной организации здравоохранения. То же самое наблюдается и в пищевой промышленности, и в сфере услуг, например в образовании.

В-третьих, необходимо распустить существующие военные альянсы (прежде всего НАТО) и воссоздать сотрудничество на базе существующей структуры ОБСЕ. Необходимо реализовать на практике ст. 46 и 47 Устава ООН, в которых говорится о создании Комитета военных штабов, консультативного и вспомогательного органа при Совете Безопасности ООН. Необходимо перестать считать НАТО силовым блоком ООН.

В-четвертых, следует укреплять, а не ослаблять государства и нации. «В наши дни политическая сила нации заключается в ее способности укрепить связи между народом и государством». Укрепление государства достигается посредством укрепления демократии прямого действия на основе новых технологий. Это направление противоположно постулату Хантингтона о создании трехсторонней империи (1975).

В-пятых, необходимо создавать региональные союзы для сотрудничества (а не конкуренции) соседних государств.

В-шестых, нужно расширить число постоянных членов Совета Безопасности ООН, пригласив в него представителей других ведущих государств, особенно из числа развивающихся стран.

В-седьмых, следует помнить о тесной взаимосвязи между политикой мира, развитием и справедливостью и действовать соответственно. Профессор Рой Прейсверк выступал за позитивные, динамичные и адекватные меры по обеспечению мира.

⁵ Barber B. Fear's Empire — War, Terrorism and Democracy. N. Y., 2004.

Г. М. Гатилов¹**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

На протяжении всего прошлого года ситуация в мире продолжала оставаться непростой и достаточно подвижной. Причиной этого стали глубинные сдвиги в геополитическом ландшафте, смысл которых заключается в формировании новой, полицентричной модели мироустройства. Это длительный процесс, который, как и все значимые исторические трансформации прошлого, характеризуется непредсказуемостью и ростом нестабильности. Противоречия, связанные с неравномерностью мирового развития, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран, борьбой за ресурсы, доступом к рынкам сбыта, контролем над транспортными артериями, обостряются. Дестабилизирующее влияние на международную обстановку в значительной мере оказывают застойные явления в мировой экономике. На фоне сохраняющихся низких темпов роста наблюдается высокая волатильность валютных и сырьевых рынков. Не способствуют укреплению международного сотрудничества и попытки проведения новых разделительных линий с целью раздробления глобального экономического пространства путем создания закрытых торговых объединений.

Одной из главных отличительных особенностей современности является тот факт, что глобальная конкуренция не только охватила человеческий, научный и технологический потенциалы, но и приобрела цивилизационное измерение. Все чаще она воспринимается как форма соперничества ценностей и моделей развития. Очаги большинства актуальных международных конфликтов находятся на границах «цивилизационных разломов», а контуры будущего мира все в большей степени определяет противостояние различных «цивилизационных блоков».

В связи с этим сегодня большое внимание уделяется вопросам переосмысления подходов к реализации национальных интересов, обеспечения безопасности государства, общества и индивидуума. Противоречия, традиционно считавшиеся вызовами «третьей корзины», иначе говоря — проблемами гуманитарного измерения, в любой момент могут превратиться в осязаемую угрозу национальной безопасности. События в различных регионах мира, связанные с продвижением так называемых «цветных революций», подтверждают это предположение.

Так, на Ближнем Востоке ситуация вплотную подошла к черте, за которой начинается разрушение политической карты региона. Очаги хаоса в Сирии, Ираке, Ливии, Йемене объединились в своего рода комплексные «кризисные зоны», положение в которых усугу-

бляется растущими рисками повышения межконфессиональной напряженности и углубления межцивилизационных противоречий.

Все это происходит на фоне беспрецедентного усиления террористической угрозы, которая приобрела в последние несколько лет качественно новое, еще более тревожное измерение. Ее воплощением стала деятельность террористических группировок «Исламское государство» (ИГИЛ/ДАИШ), «Джабхат ан-Нусра» и связанных с ними структур, совершающих многочисленные варварские преступления, в том числе и за пределами региона, против граждан России, государств ЕС, Ближнего Востока, Африки, США и спровоцировавших массовый исход жителей ближневосточных стран в государства Европейского Союза. Террористы пытаются распространить свою активность на Европу, Центральную и Юго-Восточную Азию, США, Россию. Сегодня террористическая агрессия — ключевой вызов международной стабильности.

Причины такого опаснейшего развития событий совершенно очевидны: несмотря на наши многочисленные предостережения, «коллективный Запад» в лице США и их единомышленников реализовывал самоуверенную и безответственную концепцию «геополитической инженерии» в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, предусматривавшую, по сути, целенаправленное и системное вмешательство во внутренние дела независимых государств, дестабилизацию и свержение «неугодных» режимов. Именно «арабская весна» привела к разрушению традиционных механизмов управления и обеспечения безопасности на Ближнем Востоке, к неконтролируемой радикализации «мусульманской улицы» и в итоге — к взрыву активности террористических и экстремистских структур типа «Исламского государства», «Джабхат ан-Нусры» и др.

Кстати, и миграционный кризис в Европе возник именно вследствие безответственного и недальновидного вмешательства во внутренние дела суверенных государств в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, в 2015 году количество беженцев и мигрантов, прибывших в Европу, превысило 1 млн человек. Только с начала 2016 года число прибывших составило более 50 тыс. человек. Ситуацию, связанную с их массовым прибытием в Европу, уже называют гуманитарной катастрофой и самым серьезным вызовом европейской стабильности. Более того, эксперты расценивают ее в качестве реальной угрозы существования шенгенского пространства и чуть ли не самого Евросоюза.

Как представляется, основная задача на сегодняшний день — устранение первопричин нынешнего миграционного кризиса, прежде всего достижение мирного урегулирования в Сирии и Ливии. В ходе юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент России В. В. Путин призвал проявить перед

¹ Заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный Посол. Специалист в области многосторонней дипломатии. Автор ряда публикаций, в т. ч.: «Голубые каски» ООН на службе мира», «Итоги “большого слета” на Генассамблее ООН», «Итоги форума ООН в Дохе», «О некоторых международных аспектах диалога культур в условиях глобализации», «Формула урегулирования в Сирии» и др. Награжден орденами Дружбы и Почета.

лицом этого вызова волю и солидарность, сформировав широкий международный антитеррористический фронт, опирающийся на нормы международного права и действующий с согласия и в тесной координации с государствами региона.

В этом контексте по просьбе сирийского правительства и в соответствии с нормами международного права, с целью поддержки легитимной власти Сирии в борьбе с терроризмом и экстремизмом к операциям в этой стране были привлечены российские Воздушно-космические силы (ВКС). Наши военные достигли значительных успехов в деле ликвидации террористов и их инфраструктуры. Решение о частичном выводе нашего контингента было принято, исходя из того, что задачи, поставленные перед ним, были в целом выполнены. Сирийская армия восстановила свои позиции на ключевых направлениях, террористам был нанесен существенный урон.

Отправляя наших военных в Сирию, мы исходили из интересов России, из необходимости уничтожить угрозу экстремизма на дальних подступах, не дав ей возможности приблизиться к границам нашей страны. Мы исходили также из интересов сирийского народа, живущего в условиях войны уже многие годы, стремились к мобилизации максимальной международной поддержки борьбы с терроризмом. Эта цель достигнута, заложена хорошая основа для нанесения окончательного поражения ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусре», прочим террористическим организациям, для решения гуманитарных проблем и продвижения политического процесса на базе резолюций Совета Безопасности ООН № 2254 и 2268 и решений Международной группы поддержки Сирии.

Сегодня особую важность приобрел вопрос координации усилий всех заинтересованных в борьбе с террористами сторон для оптимизации их действий. Предстоит усилить контроль за границей, а также противодействие другим формам поддержки терроризма. Рассчитываем, что на сирийском направлении наши западные коллеги все-таки будут вести себя конструктивно и ответственно, стремясь к нахождению пусть непростых, но надежных путей выхода из кризиса в этой стране.

В то же время мы видим, что практику наступательного вмешательства во внутренние дела суверенных государств они перенесли и в центр Европы. Главным тому свидетельством стали украинские события, во многом повторяющие самые негативные аспекты кризисов в ближневосточных странах — щедро питаемая извне радикализация политических настроений, активизация экстремистских группировок, взрыв насилия. Под предлогом разногласий с Россией по поводу украинских событий Запад сначала заморозил большую часть форматов антитеррористического сотрудничества с участием нашей страны, а затем ввел необоснованные, неудобные для своих же партнеров санкции.

Реальные события, которые в результате таких необдуманных действий переживают наши ближайшие соседи, — это кровавая карательная операция Киева против своих же граждан, катастрофическая экономическая ситуация и вопиющие бесчинства ультра-

националистов. В результате беженцы с Юго-Востока Украины прибывают в нашу страну. По данным ФМС России, с апреля 2014 года в Российскую Федерацию въехали около 1,1 млн украинцев. Хотелось бы подчеркнуть, что, в отличие от 500-миллионного Евросоюза, принявшего аналогичное число переселенцев, мы, несмотря на объективные трудности, успешно справились с приемом такого большого количества вынужденных мигрантов, не призывая международное сообщество «к разделению бремени», как это делают сейчас на Западе. К этому можно добавить, что Россия продолжает оставаться одним из ведущих государств мира по численности прибывающего миграционного потока.

Очевидно, что ключ к разрешению кризиса на Украине — полное и неукоснительное выполнение сторонами (Киевом и самопровозглашенными ДНР и ЛНР) взятых на себя обязательств в рамках минского «комплекса мер». Россия будет и впредь твердо придерживаться всеобъемлющего и исключительно мирного решения внутриукраинского кризиса, продолжит способствовать тому, чтобы братский народ восстановил национальное согласие, а страна вернулась на путь устойчивого развития. При этом бытующее среди ряда партнеров стремление навязать нам свои позиции и попытки переложить вину за затягивание урегулирования на Россию, как, впрочем, и увязка бездействия Киева с продолжением санкционной политики в отношении нашей страны, — это путь в тупик.

Остается надеяться, что зарубежные коллеги перестанут подчинять жизненно важные задачи безопасности близоруким политическим целям. Теперь, «после Парижа», как некогда после террористических атак в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 2001 года, наши доводы находят куда больший отклик у европейской общественности. Прискорбно, что «вразумление» политиков зачастую происходит под воздействием массовых трагедий, которые многим на Западе, как представляется, открыли глаза на реальное значение международного антитеррористического сотрудничества.

Еще один серьезный аспект, который является вызовом для мировой политики, — это договороспособность сторон. Зачастую мы сталкиваемся с явным нежеланием партнеров выполнять принятые на себя обязательства. Для оправдания контрпродуктивных действий используются надуманные предлоги, нелогичные и непоследовательные, как, например, некоторое время назад затягивание начала переговоров по сирийскому урегулированию в попытке закрепить в документах в качестве обязательного условия смещение законно избранного руководства этого государства или такой совсем уж запрещенный прием, как удар в спину от недавнего партнера — Турции.

По-прежнему серьезно отравляет международную атмосферу раскручивание информационных войн с использованием глобальных СМИ, Интернета, социальных сетей. Под прикрытием обеспечения свободы слова и самовыражения происходят манипулирование информацией, «промывание мозгов», разжигание религиозной и межнациональной розни, ведется подрывная

деятельность против государств, их институтов и политики. Мы стали свидетелями стремительного роста в Европе и мире в целом числа экстремистских движений и политических партий, пропагандирующих расизм, этноцентризм, агрессивный национализм и ксенофобию, занимающихся распространением идеологии нацизма и расового превосходства. И одним из факторов, подпитывающих эту тенденцию, является пренебрежительное отношение к трагическим урокам прошлого.

В последние годы мы наблюдаем беспрецедентную информационную агрессию против России со стороны тех, кто пытается фальсифицировать и переписывать историю. Их целью является принижение роли и места нашей страны в современной системе международных отношений. Нас хотят заставить испытывать некий «комплекс вины» за то, чем на самом деле наш народ не только вправе, но и обязан гордиться. Достаточно вспомнить попытки продвигать концепцию «равной ответственности гитлеровской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны», развитие в ООН и ОБСЕ тезиса о том, что «май 1945 года принес многим странам Европы не освобождение и свободу, а новые преступления против человечности». В этом же ряду стоят развязанная в Польше, а также в некоторых других государствах «война с памятниками», попытки представить бывших членов организации «Ваффен-СС», местных пособников нацистов, «борцами национально-освободительных движений», что мы видим в наши дни в Прибалтике, на Украине.

Ответственность за противодействие и превентивные меры в отношении этих вызовов лежит на политиках. Попытки прикрыть свое бездействие и попустительством акциям радикально настроенных партий и движений заботой о свободе слова или мирных собраний недопустимы. Не может быть свободы на распространение нацистской идеологии, восхваление нацистских пособников и факельные шествия.

Таким образом, сегодня следует говорить о противопоставлении в информационном поле двух дискурсов. С одной стороны, мы видим попытки США и ведомого ими западного альянса всеми средствами вернуть вспять объективную тенденцию становления более справедливой полицентричной международной системы, навязать другим веру в исключительность западной модели развития в расчете на извлечение односторонних преимуществ. С другой — стремление направить эту конкуренцию в цивилизованное русло, поставить во главу угла совместное противодействие

общим для всех вызовам, наладить диалог культур и цивилизаций.

Повышение роли нравственного измерения в глобальной повестке дня — объективная задача эпохи глобализации, если мы не хотим скатиться к вседозволенности как внутри своих стран, так и в международных делах. В связи с этим большое значение в мировой политике имеет религиозный фактор, в особенности его роль в налаживании межцивилизационного диалога. Традиционные ценности, являющиеся общими для основных мировых религий и составляющие универсальную основу общечеловеческой солидарности, к сожалению, многими предаются забвению. А ведь миротворческий потенциал ведущих религий — универсальный инструмент предотвращения трений во взаимоотношениях между цивилизациями, преодоления различных форм экстремизма.

Хорошим примером в связи с этим стала недавняя встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Папы Римского Франциска, которые в совместном заявлении не только признали необходимость межрелигиозного диалога «в эту тревожную эпоху», но и напомнили верующим, что «никакое преступление не может быть совершено во имя Бога».

Анализ и обобщение опыта нашей многоплановой работы на международной арене показывают, что опора на традиционные цивилизационные ценности, богатейшее культурное наследие, остающееся востребованным российское образование является безусловным преимуществом, способным привлекать внимание зарубежной общественности к России, создавать мотивацию к участию в наших многосторонних инициативах.

Наработанная веками в нашей стране модель успешного сосуществования различных конфессий, религий и культур является не только достоянием России, но и нашим вкладом в общемировые усилия по достижению согласия между людьми, придерживающимися разных культурных, языковых, религиозных традиций. Важно не только сохранять, но и приумножать это наследие.

Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «...Мы не должны возлагать полную ответственность за небрежение к прошлому на других или просто надеяться, что сохранением культуры прошлого занимаются государственные или общественные организации и “это их дело”, не наше...» Уверен, сохранение традиций, нашей идентичности — общее дело и общая цель, успех на пути достижения которой возможен только через коллективные действия.

С. Ю. Глазьев¹

СТРАТЕГИЯ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УКЛАДОВ

Сегодня Россия вновь, как это уже случалось, стала объектом агрессии Запада, причина которой — борьба за глобальное доминирование посредством разжигания мировой войны за контроль над периферией. Авторство такой разрушительной политики принадлежит США, которые расценивают Европу и Россию как периферийные регионы своей финансово-экономической империи и пытаются подчинить их путем навязывания гибридной войны. Эта политика, если разобраться в закономерностях современного социально-экономического развития, имеет логическое объяснение. Современные изменения мировой экономической и политической системы, как и в предыдущие исторические периоды, обусловлены процессами смены технологических и мирохозяйственных укладов.

Технологические уклады — это группы технологических совокупностей, выделяемые в технологической структуре экономики, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественно-поглощения.

Понятие мирохозяйственного уклада определяется как система взаимосвязанных международных и национальных институтов, обеспечивающих расширенное воспроизводство экономики и определяющих механизм глобальных экономических отношений. Ведущее значение имеют институты страны-лидера, которые оказывают доминирующее влияние на международные институты, регулирующие мировой рынок и международные торгово-экономические и финансовые отношения.

¹ Академик РАН, советник Президента РФ В. В. Путина по вопросам региональной экономической интеграции, доктор экономических наук, профессор. Действительный государственный советник РФ 2-го класса. Автор более 200 научных работ, в т. ч.: «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике», «Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России», «Конкурентные преимущества национальной культуры хозяйствования: возможности и проблемы реализации», «Я просто выполняю свой долг», «Выбор будущего», «Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг.» (в соавт.), «Благополучие и справедливость: как победить бедность в богатой стране», «Почему мы самые богатые, а живем так бедно?», «Стратегия экономического роста на пороге XXI века и экономическая безопасность России» (в соавт.), «Длинные волны НТП и социально-экономическое развитие», «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса», «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на экономическое чудо», «Украинская катастрофа: от американской агрессии к мировой войне?» и др. Награжден орденом Дружбы, медалью «За вклад в создание Евразийского экономического союза» I степени. Удостоен Национальной премии «Человек года–2013», лауреат Всероссийской премии «Репутация».

Каждый мирохозяйственный уклад имеет пределы своего роста, определяемые накоплением внутренних противоречий в рамках воспроизводства составляющих его институтов. Развертывание этих противоречий происходит до момента дестабилизации системы международных экономических и политических отношений, разрешавшейся до сих пор мировыми войнами. В такие периоды система международных отношений резко дестабилизируется, разрушается старый и формируется новый миропорядок. Возможности социально-экономического развития на основе сложившейся системы институтов и технологий исчерпываются. Лидировавшие до этого страны сталкиваются с непреодолимыми трудностями в поддержании прежних темпов экономического роста. Перенакопление капитала в устаревающих производственно-технологических комплексах ввергает их экономику в депрессию, а сложившаяся система институтов затрудняет формирование новых технологических цепочек. Они вместе с новыми институтами организации производства прокладывают себе дорогу в других странах, желающих выделиться в лидеры экономического развития.

Прежние лидеры стремятся удержать свое доминирующее положение на мировом рынке путем усиления контроля над своей геоэкономической периферией, в том числе методами военно-политического принуждения. Так, современный информационно-коммуникационный технологический уклад во многом был порожден доктриной «звездных войн» — стратегической оборонной инициативой, позволившей США обосновать необходимость крупномасштабных вложений в совершенствование прорывных технологий нового технологического уклада. То есть прорыв к этой новой технологической траектории осуществлялся через мощный иницирующий импульс, организованный гонкой вооружений. Аналогично этому позапрошлый переход от одной технологической структуры к другой происходил после Второй мировой войны.

Сегодняшний переходный период, обусловленный сменой как технологических, так и мирохозяйственных укладов, характеризуется привычным стремлением мирового гегемона — США — посредством провоцирования очагов нестабильности (серии «цветных революций», гражданских войн и конфликтов под прикрытием экспорта демократических ценностей) уязвить целые регионы, сделав их несамостоятельной, обеспечивающей экономические интересы «метрополии» ресурсной периферией.

Вторая побудительная причина предпринимаемой США геополитической атаки на Евразию — отчаянная попытка воспрепятствовать появлению нового интегрального мирохозяйственного уклада, центр которого формируется в Азии. Создавая интегральной строй, сочетающий преимущества рыночной самоорганизации и стратегического планирования, Китай, Индия

и другие азиатские государства гармонизируют интересы социальных групп на основе политики опережающего развития. Россия может воспользоваться замещением американоцентристской модели мира новой, ориентированной на гармоничное сотрудничество в Азии, и стать важным звеном этого нового центра мировой экономики, если начнет проводить аналогичную политику опережающего роста нового технологического уклада и осваивать институты интегрального мирохозяйственного уклада. Это позволит обеспечить устойчивый рост экономики с темпом не менее 6–8 % прироста ВВП в год, успешное развитие евразийской интеграции и, самое главное, прекратить мировую гибридную войну. На этом пути Россия может восстановить свое лидерство в мировом интеллектуальном, научно-техническом и экономическом пространстве. В противном случае наша страна окажется разделенной между старым и новым центрами мировой экономики (США и Китаем), а ее отдельные части останутся на сырьевой периферии глобального рынка. Выбор между этими противоположными по своим социально-политическим результатам сценариями лежит целиком в плоскости государственной экономической политики. Если она останется неизменной, Россию ожидает катастрофический сценарий. Если будет реализована политика опережающего развития на основе нового технологического уклада, путем сочетания стратегического планирования и рыночной конкуренции, Россия совершит свое экономическое чудо, сформирует дееспособный экономический союз на постсоветском пространстве и наряду с динамично развивающимися «азиатскими тиграми» станет ядром притяжения нового интегрального мирохозяйственного уклада. Последний гармонично сочетается с исторической и политической традициями советской системы хозяйствования, что позволяет органично использовать адаптированные Китаем и другими государствами Юго-Восточной Азии институты и механизмы в современной управленческой практике.

В Китае и других новых индустриальных странах Юго-Восточной Азии рост нового технологического уклада происходит одновременно с формированием новой, соответствующей его специфике, системы институтов расширенного воспроизводства экономики. Эта система институтов существенно отличается от американской модели, еще недавно многим казавшейся образцом для подражания. Так, коммунистическое руководство Китая продолжает строительство социализма, избегая идеологических клише. Они предпочитают формулировать задачи в терминах народного благосостояния, ставя цели преодоления бедности и создания общества средней зажиточности, а в последующем — выхода на более высокий уровень жизни. При этом они стараются избежать чрезмерного социального неравенства, сохраняя трудовую основу распределения национального дохода и ориентируя институты регулирования экономики на производительную деятельность и долгосрочные инвестиции в развитие производительных сил. В этом заключается общая особенность стран с интегральным мирохозяйственным укладом.

Вне зависимости от доминирующей формы собственности — государственной, как в Китае или Вьетнаме, или частной, как в Японии или Корее, — для интегрального уклада характерно сочетание институтов государственного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля над основными параметрами воспроизводства экономики и свободного предпринимательства, идеологии общего блага и частной инициативы. При этом формы политического устройства могут принципиально отличаться — от самой большой в мире индийской демократии до крупнейшей в мире Коммунистической партии Китая. Неизменным остается приоритет общенациональных интересов над частными, который выражается в жестких механизмах личной ответственности граждан за добросовестное поведение, четком исполнении своих обязанностей, соблюдении законов, служении общенациональным целям.

Примат общественных интересов над частными выражается в характерной для интегрального мирохозяйственного уклада институциональной структуре регулирования экономики. Прежде всего в государственном контроле над основными параметрами воспроизводства капитала посредством механизмов планирования, кредитования, субсидирования, ценообразования и регулирования базовых условий предпринимательской деятельности. Государство при этом не столько отдает приказы, сколько выполняет функцию модератора, формируя механизмы социального партнерства и взаимодействия между основными социальными группами. Чиновники не пытаются указывать предпринимателям, а организуют совместную работу делового, научного, инженерного сообщества для формирования общих целей развития и выработки методов их достижения. На это настраиваются и механизмы государственного регулирования экономики.

Государство обеспечивает предоставление долгосрочного и дешевого кредита, а бизнесмены гарантируют его целевое использование в конкретных инвестиционных проектах для развития производства. Государство обеспечивает доступ к инфраструктуре и услугам естественных монополий по низким ценам, а предприятия отвечают за производство конкурентоспособной продукции. В целях повышения ее качества государство организует и финансирует проведение необходимых НИОКР, образование и подготовку кадров, а предприниматели реализуют инновации и осуществляют инвестиции в новые технологии. Частно-государственное партнерство подчинено общественным интересам развития экономики, повышения народного благосостояния, улучшения качества жизни. Соответственно меняется и идеология международного сотрудничества — парадигма либеральной глобализации в интересах частного капитала ведущих стран мира сменяется парадигмой устойчивого развития в интересах всего человечества.

Исходя из таких представлений о современной модели мироустройства, сегодня на постсоветском пространстве проходит евразийский интеграционный процесс. Евразийская идея и евразийская политика — это не только геополитика в традиционном ее понимании

(как доминирование в регионе), но и борьба за национальную систему ценностей, которая фактически стала неотъемлемой частью борьбы за суверенитет и защиту национальных интересов в Евразии. Не случайно на форуме «Валдай» в 2013 году В. Путин сказал: «Речь идет не просто об анализе российского исторического, государственного, культурного опыта. Прежде всего я имею в виду всеобщие дискуссии, разговор о будущем, о стратегии и ценностях, ценностной основе развития нашей страны, о том, как глобальные процессы будут влиять на нашу национальную идентичность, о том, каким мы хотим видеть мир XXI века и что может привести в этот мир совместно с партнерами наша страна — Россия»¹.

С переходом к новому мирохозяйственному укладу выявляются пределы либеральной глобализации. Формирующиеся вопреки американскому доминированию новые самостоятельные центры мировой экономики — Китай, страны АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), Индия, а также Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС) — обладают собственными культурно-цивилизационными характеристиками, отличаясь системой ценностей, историей, культурой, духовностью и национальной и региональной спецификой. Сегодня очевидно, что при всем значении глобализации ни один из этих центров силы не откажется от своих особенностей и культурно-идеологической идентичности. В рамках формирующегося интегрального мирохозяйственного уклада они будут их развивать, стремясь повысить свои конкурентные преимущества по сравнению с другими центрами силы.

Россия стоит перед очевидным выбором: либо стать мощным идеологическим и цивилизационным центром (что было характерно для всей тысячелетней

истории ее развития), как и экономическим и социальным, либо, потеряв идентичность, остаться на периферии нового мирохозяйственного уклада. Выбор в пользу самодостаточности и самостоятельности, основанной на понимании своего культурно-исторического предназначения, требует восстановления относительно высокого веса России и ЕврАзЭС в мировой экономике, торговле, научно-техническом сотрудничестве. Необходимы разработка, принятие и реализация комплекса мер с учетом пока еще ограниченных российских ресурсов и возможностей нашей страны в Евразии. Для этого должна быть реализована стратегия опережающего развития российской экономики.

Как было показано выше, широкая евразийская интеграция, включающая и Европу, и Китай, и Индию, так же как Средний и Ближний Восток, могла бы стать мощным стабилизирующим антивоенным фактором, способствующим преодолению мирового экономического кризиса и создающим новые возможности для развития. Думающая и наиболее ответственная часть мирового сообщества осознала, что во избежание новой волны самоистребительной конфронтации и в целях обеспечения устойчивого развития необходим переход к новой мировоззренческой модели, основанной на принципах взаимного уважения суверенитета, справедливом глобальном регулировании и взаимовыгодном сотрудничестве. Россия имеет уникальную историческую возможность вернуть себе роль глобального объединяющего центра, вокруг которого начнется формирование принципиально иного баланса сил, новой архитектуры глобальных валютно-финансовых и торгово-экономических отношений на началах справедливости, гармонии и сотрудничества в интересах всех народов Евразии².

Ал. А. Громыко³

ПОСТОЯНСТВО И ИЗМЕНЧИВОСТЬ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В восприятии международных событий часто сталкиваются две интерпретации. Первая оперирует взрыв-

¹ Выступление В. Путина на пленарной сессии клуба «Валдай» 21 сентября 2013 года.

² Глазьев С. Ю. Евразийская интеграция как ключевое направление современной политики России // Изборский клуб. 2014. № 1.

³ Директор Института Европы РАН, доктор политических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Политический реформизм в Великобритании», «Модернизация партийной системы Великобритании», «Образы России и Великобритании: реальность и предрассудки», «Выстраивая добрососедство. Россия на пространствах Европы» (в соавт.), «Лучше десять лет переговоров, чем один день войны. Воспоминания об Андрее Андреевиче Громыко» (авт. и сост.) и «Воспоминания о Николае Шмелеве» (ред. и сост.) и др. Шеф-редактор журнала «Современная Европа», член редколлегии журналов «Обозреватель», «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир», «Геополитический журнал». Президент Ассоциации европейских исследований России, Член Бюро Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, член Научного совета при Совете безопасности РФ и Научного совета при министре иностранных дел России. Лауреат премии Фонда содействия отечественной науке.

ным характером мировых и региональных процессов, неожиданностью происходящего и поражающей обывателя стремительностью, с которой происходят изменения. Как правило, главным субъектом истории считается личность. Речь идет о событийной истории. Вторая интерпретация делает упор на инерционность, закономерности глобального развития, его неповоротливость, своего рода «обломовщину» в поведении системы международных отношений (МО), ощущение, что на фоне мультипликации событий все остается по-старому. Здесь главным двигателем прогресса (или регресса) считаются такие крупные агрегированные категории, как государства, социальные классы, цивилизации, общественно-экономические формации, перед которыми субъективный фактор отступает на второй (если не на третий) план. Речь идет об истории структур, «медленной истории».

Эти два подхода к истории непосредственно сказываются на изучении международных отношений. Для

кого-то падение Берлинской стены в 1989 году или распад Советского Союза двумя годами позже предстают историческими землетрясениями, которые еще накануне мало кто предсказывал, неожиданным даром небес или их проклятием. Тех же, кому такие предсказания удаются, считают либо эксцентриками, волею случая угадавшими что-то тектоническое, либо чудесными пророками. Одним словом, события интерпретируются как стечение обстоятельств или как рукотворные, проекция роли личности в истории.

В противоположную крайность впадают те, кто в гипертрофированном виде делает упор на суперструктуры истории, скажем, на культурные архетипы или цивилизационную подоплеку событий, которые якобы программируют всю сущность происходящего. В экономической науке к такому типу исследований тяготеет теория кондрагьевских волн, в политической науке — конец истории, в международных отношениях — столкновение цивилизаций и т. п. Методология непредсказуемости истории МО ведет к релятивизму, когда все относительно (потому что непредсказуемо), а методология инерционности — к фатализму, восприятию неизбежности тех или иных событий, их повторяемости по трафарету на каждом новом витке истории.

В обоих случаях — абсолютизация изменчивости истории, в частности истории МО, или абсолютизация их постоянства — существует опасность попасть в одну и ту же логическую ловушку. Действительно, если переломные моменты в истории столь стремительны, что непредсказуемы, или, напротив, если происходящее на наших глазах, как бы оно ни потрясало воображение, — лишь событийная рябь на глади «медленной истории», то прогностическая функция науки теряет смысл. Можно спорить о том, стоят ли за первым и вторым типами абсолютизации истории МО субъективные или объективные факторы, но это уже становится неважным. В любом случае, если невозможно прогнозировать, то международные исследования обоих типов представляют интерес лишь с точки зрения изучения истории ретроспективно, то есть того, что уже произошло. Другими словами, надо признать, что они целесообразны только для изучения прошлого, но бессильны в анализе будущего.

Вернемся к первому случаю — абсолютизации изменчивости МО, когда многие события представляются прорывными и неожиданными, меняющими правила игры, ломающими привычную логику эволюции мирового политического пространства. Так, террористические атаки на США «9/11» для большинства американцев и большинства жителей других стран были как гром среди ясного неба. Они застали всех врасплох. Только затем стала модной их интерпретация как чего-то неизбежного, например в рамках теории столкновения цивилизаций.

Другой пример — начальный этап мирового экономического кризиса на рубеже 2007–2008 годов, олицетворением которого стал крах банка “*Lehman Brothers*”, приведший в шоковое состояние мировые торговые площадки. «Не сотвори себе кумира» — казалось бы, прописная и извечная истина, но для меж-

дународного финансового капитала Алан Гринспен¹ (точнее, связанный с его именем рыночный догматизм) стал именно кумиром, то есть в данном контексте — ложным пророком. Тогда, после долгих лет растущей как снежный ком уверенности в незыблемости неолиберальной модели глобализации, смерти инфляции, выравнивания экономических циклов вдруг утратили свою силу международные биржи, трейдеры, брокеры, джобберы.

Еще пример спонтанного типа МО — «арабская весна», казавшаяся многим ее участникам и адептам очищающим ураганом, новой волной демократизации, которую невозможно контролировать, но которая обязательно будет носить созидательную природу. Или более локальный пример — неожиданность нападения грузинской армии по приказу М. Саакашвили на Цхинвал в 2008 году, или майдановская революция на Украине в 2014 году. Все эти перипетии роднит то, что к ним мало кто оказался готов. События вышли из-под контроля, и судьбы миллионов людей оказались в плену у воли обстоятельств, случая.

Но какими будут оценки этих событий с точки зрения абсолютизации постоянства в истории МО? Место непредсказуемости занимает запрограммированность. Так, падение Берлинской стены и развал Советского Союза были лишь вопросом времени, были predeterminedены с самого начала их возникновения. Но если согласиться с такой логикой, то само понятие прогноза теряет смысл, так как речь идет не о научном обосновании вероятности, которая может реализоваться, а может и нет, а о пророчестве неизбежного. Или атаки на башни-близнецы в 2001 году в Нью-Йорке, «арабскую весну», межгосударственные кризисы на постсоветском пространстве можно представить в виде закономерного столкновения тех или иных структур «медленной истории», например варварства и цивилизации, архаики и постмодерна, демократии и тоталитаризма. Мировой экономический кризис, разразившийся в 2008 году, многие видят как очередной циклический кризис рыночного хозяйства, один в череде многих начиная с XIX века, после которого, испытав косметический ремонт, докризисная модель глобализации и финансовой архитектуры переувердится вновь.

Итак, с одной стороны, гипертрофированная зыбкость и изменчивость истории МО, с другой — гипертрофированное постоянство, законы истории против случая или случайности. Представляется, что преодоление двух противоположных типов абсолютизации возможно в рамках концепции формационного подхода к истории МО и горизонтального подхода к цивилизационным исследованиям.

Предложенный формационный подход к истории МО предполагает, что на каждом новом этапе международных отношений их субъекты не движутся поступательно в одном направлении, разделившись на лидеров и догоняющих. Эти субъекты, переходя из одной системы МО в другую (вестфальскую, венскую, версальскую, ялтинско-потсдамскую и т. д.), могут в целом сохранять свою природу, но должны для поддер-

¹ Председатель Федеральной резервной системы США (1987–2006).

жания своей эффективности адаптироваться к изменяющимся условиям внешней, в том числе международной, среды¹. В результате нескольких циклов такой адаптации субъект МО может измениться, казалось бы, до неузнаваемости. В действительности его глубокая трансформация, если считать ее успешной, возможна в случае, если обновление достигается с помощью адаптации фундаментальных характеристик, но не отказа от них. Хрестоматийными являются примеры послевоенной Японии, а позже Сингапура, модернизация которых не свелась к вестернизации.

Также такой формационный подход предполагает, что история МО развивается рывками, посредством череды более длительных периодов стабилизации и более коротких — всплеска насилия. Базисом формаций международных отношений является экономика, но не только. Это и цивилизационно-культурный, и религиозный, и ценностный факторы. Их переплетение создает фундамент для надстройки — структур и механизмов, а также человеческого, субъективного фактора, с помощью которых выстраивается на каждом следующем этапе истории международных отношений новая иерархия государств и их альянсов.

В том же русле классификация цивилизаций по горизонтали означает, что в ходе столетий существования цивилизаций приоритетность и иерархия принципов, на которые они опираются, меняются². Классификация же цивилизаций по вертикали рассматривает их в качестве застывших исторических феноменов.

Находясь между молотом постоянства в истории МО и наковальной изменчивости, важно определиться с постоянными и переменными в уравнении мировой геополитики. Например, климат, географию, религию, культуру, исторический опыт можно отнести к постоянным факторам. Международное право, экономиче-

ские, политические ресурсы, качество государственного управления и тому подобное — к переменным. Без учета обеих категорий факторов исследователь рискует стать проводником той или иной методологии абсолютизации в изучении истории и современного состояния МО. Когда же этого удастся избежать, открывается возможность эффективно применять прогностическую функцию науки, в данном случае в исследовании международных отношений, а значит, на основе этого и заниматься стратегическим планированием.

Задача усложняется тем, что политические и социальные системы не только формируются под воздействием постоянных и переменных факторов, но и сами имеют потенциал изменять внешнюю среду. Например, с помощью определенного нарратива, то есть оценки состояния дел с точки зрения определенного понятийного трафарета, заливочной формы, включая массовое мышление и сознание, стереотипы и клише, которые можно как создавать, так и манипулировать ими. Например, угроза с Востока, дихотомия «Европа–Россия», исключительность нации, коллективный Запад, упадок Европы, духовность против потребительства, индивидуализм против коллективизма и др.

Следовательно, необходимо не только стремиться к научно обоснованным и взвешенным подходам к истории МО в рамках цеха экспертов-международников, но и проецировать такие подходы в массовом сознании, в том числе с помощью создания нарративов, отвечающих национальным интересам конкретного государства. У России уже имеется определенный положительный опыт, например, в популяризации концепции «Русского мира» и собственного видения глобализации (полицентризма), идеи суверенной внешней политики, позиционировании себя как стратегически мыслящей державы.

Ан. А. Громыко³

ГАРРИ ТРУМЭН — ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ВМЕСТО ДИАЛОГА

После кончины 12 апреля 1945 года Президента США Ф. Рузвельта его пост занял вице-президент

¹ Громыко Ал. А. Формационный подход к развитию международных отношений (европейский ракурс) // Современная Европа. 2015. № 5. С. 5–13.

² Такой подход предложен в книге: Россия в многообразии цивилизаций / под ред. Н. П. Шмелева, Т. Т. Тимофеева, В. П. Федорова. М., 2011.

³ Профессор факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук. Автор более 30 книг, в т. ч.: «Африка в мировой политике», «Маски и скульптура Тропической Африки», «Братья Кеннеди», «Новое мышление в ядерный век», «Андрей Громыко. Полет его стрелы», «Организация Объединенных Наций: история и современность» и других, а также более 300 статей, рецензий в научных изданиях, в российской и зарубежной периодической печати. Президент движения «За укрепление мирового демократического правопорядка и в поддержку ООН». Член Академии наук Королевства Марокко, Малагасийской академии наук, член Европейской академии наук и искусств, почетный доктор Лейпцигского университета. Награжден орденами Октябрьской Революции, Дружбы народов. Лауреат Государственной премии СССР, премии им. В. В. Воронского.

США Г. Трумэн. Его отношение к Советскому Союзу и основам послевоенного мироустройства сильно отличалось от рузвельтовского. Трумэн не верил в международное партнерство «Большой тройки» — СССР, США и Великобритании. Он не считал, что национальные интересы США требуют сотрудничества между Москвой и Вашингтоном в качестве стратегических союзников и даже партнеров. Это проявилось уже в самом конце Второй мировой войны во время встреч Трумэна с В. М. Молотовым и в переписке с И. В. Сталиным.

Первая встреча Трумэна и Молотова состоялась 22 апреля 1945 года и носила вежливый характер. Молотов спросил Трумэна, намерен ли тот следовать решениям, принятым в Ялте и Думбартон-Оксе. Президент США ответил положительно. Молотов далее сказал, что советское правительство будет радо видеть Трумэна в Москве, и чем скорее, тем лучше. Встреча маршала Сталина с президентом имела бы большое

значение. Установление личных отношений между руководителями правительств всегда важно¹.

Эта информация подтверждается обменом мнениями между Сталиным и Трумэном еще на Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.). Трумэн во время первой встречи со Сталиным сказал, что «...хотел бы установить такие же дружественные отношения, какие у генералиссимуса Сталина существовали с Рузвельтом. Он, Трумэн, уверен в необходимости этого, так как считает, что судьба мира находится в руках трех держав. Он, Трумэн, хочет быть другом генералиссимуса Сталина. Он, Трумэн, не дипломат и любит говорить прямо... Сталин отвечает, что со стороны советского правительства имеется полная готовность идти вместе с США»².

Одним из факторов, скреплявших взаимодействие СССР и США на международной арене, была верность Сталина данному Рузвельту в Ялте обещанию вступить в войну с Японией. Когда в ходе беседы Трумэн сказал, что «США ожидают помощи от Советского Союза», Сталин ответил, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа» и что он «сдержит свое слово»³.

19 марта 1946 года Трумэн в послании Сталину пишет: «Когда я расстался с Вами в Потсдаме, я выразил надежду, что Вы сочтете возможным посетить Соединенные Штаты и быть моим гостем. Вы ответили, что хотели бы это сделать. Почему бы Вам и не предпринять эту поездку сейчас? Я, конечно, был бы рад, если бы Вы это сделали». 6 апреля 1946 года Сталин направляет ответ: «Благодарю Вас за переданное мне Ваше приглашение посетить Соединенные Штаты. К сожалению, врачи возражают против моих больших переездов, и я вынужден считаться с этим». 12 апреля Трумэн вновь обращается к Сталину: «Разрешите мне выразить Вам мое личное сожаление по поводу того, что состояние Вашего здоровья не позволяет Вам в настоящее время предпринимать длительные поездки».

7 ноября 1946 года в Вашингтоне Молотов посетил Трумэна с визитом вежливости, и последний вновь просил передать в Москву, что хотел бы видеть Сталина гостем в США. Молотов ответил, что это «наше общее желание»⁴.

На этом история попыток организовать встречу Трумэна со Сталиным не заканчивается. В январе 1949 года на вопрос директора американского агентства «Интернэшнл ньюс сервис» Кингсбэри Смита Сталин дал публичный ответ. «Будете ли Вы, Ваше превосходительство, готовы, — спросил Смит, — встретиться с президентом Трумэном в каком-либо обоюдном приемлемом месте для обсуждения возможностей заключения такого Пакта мира?». Сталин дал ответ: «Я и раньше заявлял, что против встречи нет возражений»⁵.

¹ Робертс Дж. Вячеслав Молотов. Сталинский рыцарь холодной войны. М.: АСТ, 2014.

² Запись беседы И. В. Сталина с президентом Г. Трумэном в резиденции Трумэна 17 июля 1945 г. в 12 ч (записал В. Павлов) // РГАСПИ. Ф. 558 (И. В. Сталин). Оп. 11.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 236. Л. 1–3.

⁴ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 256. Д. 18. Л. 11–13.

⁵ Правда. 1949. 31 янв.

1 февраля 1949 года Смит сообщил Сталину: «Официальный представитель Белого дома Чарльз Росс сегодня заявил, что президент Трумэн был бы рад иметь возможность совещаться с Вами в Вашингтоне. Будете ли Вы, Ваше превосходительство, готовы поехать в Вашингтон для этой цели? Если нет, то где бы Вы были готовы встретиться с президентом?». 2 февраля 1949 года Сталин дал ответ, который на следующий день был опубликован в печати: «Я благодарен президенту Трумэну за приглашение в Вашингтон. Приезд в Вашингтон является давнишним моим желанием, о чем я в свое время говорил президенту Рузвельту в Ялте и президенту Трумэну в Потсдаме. К сожалению, в настоящее время я лишен возможности осуществить это свое желание, так как врачи решительно возражают против моей сколько-нибудь длительной поездки, особенно по морю или по воздуху».

Правительство Советского Союза приветствовало бы приезд президента в СССР. Можно было бы организовать совещание в Москве или в Ленинграде, в Одессе или в Ялте, — по выбору президента, если, конечно, это не противоречит соображениям удобства президента.

Если, однако, это предложение встретит возражение, можно было бы устроить встречу в Польше или Чехословакии — по усмотрению президента»⁶.

Вышеприведенная информация говорит о том, что Сталин и Трумэн не горели желанием встретиться там, где каждый из них предлагал. На это было много причин. Основной, на мой взгляд, было нежелание Сталина проводить встречу в верхах в условиях монополии США на ядерное оружие. Трумэн же не хотел ехать в Советский Союз и на территорию, подвластную Москве. Оба лидера опасались, что на встрече между ними встанут неудобные вопросы, возникнет желание добиться неприемлемых преимуществ. Холодная война уже шла полным ходом. В Потсдаме, например, В. М. Молотов не без оснований сказал, когда речь зашла об американской атомной бомбе: «Трудно за него (Трумэна. — А. Г.) сказать, что он думал, но мне казалось, он хотел нас ошарашить... не было сказано “атомная бомба”, но мы сразу догадались, о чем идет речь»⁷.

С «сюрпризами» подобного рода Сталину сталкиваться не хотелось. И все-таки, если бы Трумэн согласился на встречу в верхах в Восточной Европе, то она бы скорее всего состоялась. А так оба лидера упустили возможность хотя бы попытаться остановить холодную войну.

Особо важной стала состоявшаяся 23 апреля 1945 года встреча Трумэна с В. М. Молотовым, прибывшим в США для участия в работе по утверждению Устава ООН. Она проходила всего через 11 дней после кончины Рузвельта и за 16 дней до 9 мая, Дня Победы над Германией. Советско-американские отношения должны были находиться на подъеме сотрудничества.

Утром 23 апреля, перед встречей с Молотовым, Трумэн вызвал в Белый дом для консультаций ведущих

⁶ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 36. П. 256. Д. 18. Л. 11–13. Эта информация длительное время хранилась в личном архиве А. Н. Яковлева.

⁷ Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991. С. 81.

членов правительства и экспертов по Советскому Союзу. Военный министр США Генри Стимсон дал совет провести встречу с советским министром иностранных дел «в мягкой манере», так как США заинтересованы, чтобы Москва вступила в войну с Японией. С ним согласился генерал Джордж Маршалл, который считал, что до победы над Японией оказывать на Советы давление нецелесообразно. С этим мнением не согласился министр военно-морских сил Джеймс Форрестол, который заявил, что Москва нарушает договоренности о Польше и нацелилась на захват Болгарии и Румынии. Наиболее жестким было мнение Аверелла Гарримана, который посоветовал Трумэну занять твердую позицию, ясно обозначить, что США осуждают действия Сталина в Восточной Европе, даже если это помешает вовлечению СССР в войну против Японии. Реакция Трумэна на эти советы была однозначной — он займет жесткую линию.

Встреча Молотова с Трумэном, на которой присутствовал посол СССР в США Андрей Громыко, прошла в конфронтационной манере. Трумэн, по существу, демонстрировал безразличие к предложениям советского министра, несколько раз его прерывал и в итоге заявил, что если Сталин не будет уважать ялтинские договоренности, то это «сильно подорвет уверенность в единстве трех правительств»¹.

Молотов воспринял эту позицию Трумэна с неприязнью: «В такой манере за всю мою жизнь никто со мной не разговаривал». Трумэн резко встал из-за стола, и на этом беседа закончилась².

Заслуживает внимания следующая оценка этой встречи Молотова с Трумэном. «Жесткие слова и нетерпеливое поведение (Трумэна. — *А. Г.*) означали гораздо больше, чем просто конец встречи. Это был сигнал, что во взаимоотношениях между Соединенными Штатами и их западными союзниками с Советским Союзом начиналась новая эра». «Русские, — признает Аксельрод, — эти “вежливые товарищи” по Второй мировой войне, изображались кучкой лжецов, и добрые чувства, порожденные борьбой против общей угрозы, растворились во взаимных подозрениях, перераставших в явную вражду»³.

Такой отрицательный результат встречи в Белом доме стал сюрпризом даже для Гарримана, сторонника жесткой линии в отношении Москвы. Явное беспокойство испытывал и Стимсон, призывавший Трумэна к сдержанности. Он тут же написал президенту записку следующего содержания: «Считаю необходимым как можно скорее встретиться с Вами по в высшей мере секретному вопросу». Трумэн принял Стимсона через два дня в сопровождении руководителя глубоко засекреченного Манхэттенского проекта. Стимсон вручил Трумэну письмо, в котором сообщил, что «через четыре месяца мы, возможно, закончим работу по созданию самого ужасного в истории человечества оружия — бомбы, которая может уничтожить целый город»⁴. Аксельрод считает, что бывший вице-

президент «впервые узнал об атомной бомбе». Можно представить, как эта информация повлияла на Трумэна, укрепив у него желание вести переговоры с Советским Союзом с позиции силы.

В недрах Вашингтонской администрации после успешного испытания атомного оружия началась работа по разрушению, как считали многие, «неестественного союза» западных демократий с тоталитарным Советским Союзом. После атомной бомбардировки против японских городов Хиросимы и Нагасаки политика с позиции силы получила в политических кругах США еще большую поддержку. Уже в апреле 1945 года Трумэн, воодушевившись «новым соотношением» военных сил, требуя от Москвы соблюдения ранее достигнутых договоренностей, сам задумал от ряда из них отойти и дал указание Госсекретарю США Стеттиниусу попробовать отказаться от принципа единогласия великих держав. Над планами создания ООН нависла угроза провала.

Две речи — Молотова в Сан-Франциско и Черчилля в Фултоне

Доктрина Трумэна

По-другому было настроено советское руководство. В своей речи 26 апреля 1945 года на открытии Конференции ООН в Сан-Франциско Молотов сказал: «Если ведущие демократические страны покажут свою способность согласованно действовать и в послевоенное время, это будет значить, что интересы мира и безопасности народов нашли наконец свою лучшую опору и защиту. Но этого еще недостаточно. Готовы ли другие миролюбивые страны объединиться вокруг этих ведущих держав, чтобы создать дееспособную международную организацию безопасности — вот тот вопрос, который должен быть разрешен на настоящей конференции»⁵. Эти слова означали, что СССР был готов к широкому международному сотрудничеству, в том числе с США и Великобританией, а не к конфронтации в духе холодной войны.

Главным пропагандистским шоу, рекламировавшим борьбу с СССР, была, конечно, речь Черчилля в Фултоне. И хотя потомственный английский тори после поражения на всеобщих выборах в Англии уже не являлся премьер-министром, теплые слова в свой адрес и лик сидевшего рядом с ним Трумэна компенсировали недееспособность отвергнутого англичанами политика. Воодушевившись тем, что атомные бомбы находятся в американских руках, Черчилль возложил на США «ответственность перед будущим». Он призвал защитить Европу и христианскую цивилизацию от распространения советского влияния. ООН, как утверждал Черчилль, обретет «статус и силу» только при поддержке США и Британского Содружества⁶. Это было объявлением Советскому Союзу «крестового похода».

¹ *Axelrod A. The Real History of the Cold War. A New Look at the Past. N. Y. ; L. : Sterling, 2009. P. 46–47.*

² *Ibid. P. 47.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. док. : в 6 т. / под ред. А. А. Громыко. М. : Изд-во полит. лит., 1980. Т. 5 : Конференция Объединенных Наций в Сан-Франциско. С. 124.

⁶ Winston Churchill “The Sinews of Peace”. A speech by Winston Churchill at Westminster College. March 5, 1946 // *Britania Historical Documents. P. 1–5.*

Проживая в США, я был свидетелем тому, как с 1946 года в американских средствах массовой информации образ СССР из страны-союзника превратился во врага. Особенно заметно это проявилось в отношении Сталина.

Дядюшка Джо (прозвище от имени Иосиф) стал преподноситься публике как «мастер обмана»; он, оказывается, обещал «много хорошего», но на деле нес американцам «смерть». Появилось много рекламы, объявлений и фотоматериалов, в которых лик Сталина соседствовал со страшным черепом и броско выполненными обвинениями. Вот лишь один пример: «Смотрите, что за маской! Коммунизм — это смерть»¹. Такие враждебные выпады в адрес СССР приобрели массовый характер. На Америку накатывалось мракобесие маккартизма.

Что касается термина «холодная война», то в США считают, что его автором был известный финансист и влиятельный советник Трумэна Бернард Барух. Выступая 16 апреля 1947 года в штате Южная Каролина, он призывал не дать себя обмануть, так как «...сегодня мы находимся в состоянии холодной войны». Эта фраза Баруха закрепилась в американском политическом лексиконе. Особенно после того, как термин «холодная война» использовал известный американский журналист Уолтер Липпман для заголовка своей статьи — «Холодная война»².

Следующим шагом в развязывании холодной войны стала доктрина Трумэна, провозглашенная 12 марта 1947 года. Она, как и речь Черчилля, сделалась средством борьбы с национально-освободительными силами в Греции и на Ближнем Востоке. Снимки обезглав-

ленных голов греческих партизан появились в американских журналах. Я их видел собственными глазами и был поражен жестокостью монархистов и нацистов, которые тогда действовали при поддержке английских военных. Сталин не принял этот вызов, так как еще помнил о своего рода взаимопонимании с Черчиллем, достигнутом при обсуждении послевоенного будущего отдельных европейских стран. Англичанин, однако, о нем позабыл и горел желанием осадить Москву в ее политике утверждения своего влияния в Восточной Европе и Средиземноморском регионе.

На политическом горизонте к тому же возникла угроза развала английской колониальной империи. Мысли высокопоставленных авторов холодной войны невольно обращались к испытанному методу утверждения своего влияния в мире — политике с позиции силы. Надо было показать всем, кто мыслит категориями мира, — как, например, лейбористский министр иностранных дел Э. Бивен, который после подписания мирных договоров с бывшими союзниками Германии заметил: «Солнце мира наконец-то восходит», — что все не так просто³. И действительно, окутанный тучами холодной войны пейзаж становился все более мрачным.

Победа союзников во Второй мировой войне привела к установлению нового мирового порядка и появлению в 1945 году Организации Объединенных Наций, Устав которой был выработан советской, американской и английской дипломатиями. Ни о какой холодной войне сразу после окончания Второй мировой открыто никто не говорил, но в Лондоне, да и в Вашингтоне тайком к ней готовились.

П. С. Гуревич⁴

ДУХОВНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сложилось убеждение, что в современном мире доминирует евроатлантическая цивилизация. Именно ее ценности получают широкое распространение в мире и перестраивают образ жизни многих народов. Однако в наши дни разгорается духовный спор цивилизаций. Эту тенденцию отметил в свое время американский социолог С. Хантингтон. Однако современные реалии выходят за пределы его концепции. Сегодня становится очевидным, что евроатлантическая цивили-

зация вынуждена отвечать на вызовы других цивилизаций и иных духовных традиций.

Не будет преувеличением сказать, что духовный спор цивилизаций за всю историю человечества никогда не был столь радикальным, как в наши дни. Ситуация в мире изменилась и во многом выглядит иначе, чем даже в книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Американский исследователь отмечал столь важные факторы обострения мировой истории как реальные противоречия между цивилизациями. Он отмечал также, что цивилизационное самосознание возрастает. Девестернизация будет определять международные отношения. Однако Хантингтон не указывает на возможность острой схватки между различными глобалистскими проектами. Он осознает лишь, что конфликты современности не завершены и не исчерпаны, а переместились в плоскость противостояния цивилизаций. По сути дела Хантингтон призывает отказаться от иллюзий европоцентризма, но исходит из убеждения, что глобалистский проект должна осуществить именно евроатлантическая цивилизация.

¹ Такого рода «реклама» приведена в работе: *Axelrod A.* Op. cit. P. 88.

² Ibid. P. 89.

³ *Урнов А. Ю.* Внешняя политика СССР в годы холодной войны и «нового мышления». М.: РФК-Имидж Лаб, 2014. С. 36.

⁴ Главный научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор. Автор более 650 научных публикаций и учебных пособий, в т. ч.: «Основы философии», «Философия культуры» (в соавт.), «Философская интерпретация человека», «Философское толкование человека», «Расколотовость человеческого бытия», «Религиоведение», «Психоанализ» и др. Академик РАЕН, вице-президент Академии гуманитарных исследований. Почетный профессор Калифорнийского университета. Награжден медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии».

Между тем сама идея доминирования одной цивилизации обладает огромной, до времени скрытой деструктивностью. Пока речь идет о развитии экономики, политическом консенсусе, культурных связях, цивилизационные различия не обнаруживают всей глубины будущих противоречий. Однако в ходе глобализации многие цивилизационные характеристики преобразуются. Иными оказываются экономические, демографические и культурные показатели. Так, все острее обнаруживает себя духовный спор цивилизаций.

Глобализм обладает огромной унифицирующей мощью. Однако он наталкивается на собственные пределы. Ревнителю глобализма настаивали на устранении традиций, этнической и национальной идентичности. Призывали к космополитической практике и обвиняли в архаике и антипрогрессизме любые попытки опереться на собственные фундаментальные духовные истоки. Но в мировом пространстве обозначилось возрождение религиозных и этнических тенденций. Многие философы расценили эту закономерность как «диалектический парадокс». В частности, С. Жижек писал: «В том, что касается противоречия между этнической особенностью и всеобщностью, “прочная привязанность” описывает одновременно субъекта, цепляющегося за свою особую этническую идентичность, от которой он не готов отказаться ни при каких обстоятельствах, и прямым обращением к абсолютной всеобщности как к тому, что остается неизменной стабильной структурой во всеобщем изменении всего особенного содержания. Собственно диалектический парадокс, конечно, состоит в том, что субъект может вырваться из субстанционального содержания своей особенной этнической тотальности, только вцепившись в некое радикально случайное особенное содержание» [3, с. 154].

Однако многие этносы не только не стали растворяться в глобалистском потоке, но обнаружили поразительную цепкость и стойкость, прибегая к конструированию новых национальных мифов. Политики немедленно воспользовались этой массовой потребностью в политических преданиях и стали манипулировать общественным сознанием, обращаясь к «голосу крови». Заметной тенденцией мирового сознания становится и национализм. «Именно национализм, с его вниманием к вечным ценностям национальной культуры, — отмечает Г. Попов, — стал главным борцом с примитивными стандартами массовой потребительской культуры. Такие проблемы, как экология, социальная защита граждан, забота о долгосрочных проектах, обуздание алчности и коррупции бюрократов и олигархов и многие другие, оказались более доступными “национальному подходу”, чем самому демократическому либеральному индивидуализму. Национализм оказался более способен и к противостоянию ограниченному, тупому, однополярному глобализму» [5].

Стремительное развитие Китая и Индии изменило соотношение сил в мировом пространстве. Китайская цивилизация получила возможности для реализации собственного глобалистского проекта. Еще несколько десятилетий назад мало кто сомневался в том, что Китай и Индия чуть ли не безоговорочно отстали от Европы и поэтому вряд ли смогут противостоять Западу. Сам

факт, что эти страны стали в наши дни лидерами экономического развития, радикально преобразует ситуацию конфликта цивилизаций. Китай все чаще вступает в открытое соперничество с США. Усиливается критика евroatлантической цивилизации. Отмечается истощение белой расы, предрекается ее «судьбический» конец. Осмысливаются новые духовные ресурсы человечества, связанные с другими, неевропейскими цивилизациями.

Китай становится второй по мощи в экономических показателях державой мира. Чем можно объяснить такие невиданные темпы развития в стране, которая никогда не тяготела к стремительной общественной динамике? Китай, как и Индия, не знает в своей истории резких поворотов, стремительного цивилизационного разбега. Вместе с тем в этих странах традиция обладала безоговорочным пиететом, имела сакральную ценность. Сохраняя архаический пласт культуры, Китай вместе с тем старается углубить ее духовный пласт. Стремясь ликвидировать техническую и экономическую отсталость, он в то же время не забывает тысячелетние традиции. Это позволяет китайской цивилизации опираться на мощный дух коллективизма, который в этой стране противостоит европейскому индивидуализму. Духовные традиции Китая оказывают сопротивление европейскому либерализму.

Может ли индийская цивилизация претендовать на собственный глобалистский проект? Сколь бы ни были значительны экономические успехи этой страны, она вряд ли может соперничать с другими цивилизациями, претендующими на глобалистское лидерство. Духовные истоки данной цивилизации несовместимы с всепланетным лидерством, поскольку они одухотворены отрешением от реальности. Созерцание буддиста уводит его от житейских страстей и амбиций. Учение о реинкарнации примиряет его с тяготами жизни. У этой страны отсутствуют цивилизационный напор, обладание властью и претензия на лидерство. Стремление к комфорту и благосостоянию не является в Индии суперценностью. Буддизм при всей его влиятельности не может быть притягательным для представителей других цивилизаций, которые не отгораживаются от жизненных благ. Скорее всего, Индия останется в стороне от мировой цивилизации.

Разумеется, этот процесс сам по себе неоднозначен, рождает противоречия внутри цивилизации, имеющие глубокие духовные корни. Идеиные размежевания происходят чуть ли не повсеместно. В Китае возрождаются традиции конфуцианства, но они не получают массового признания в силу многоэтничности страны, в условиях, когда многие этнические группы не располагают собственной системой письма и не понимают языка другой национальной группы. Духовный разлом происходит и в Индии. Одни кастовые группы видят свое призвание в развитии экономики, другие ищут вдохновение в Упанишадах и стараются имплантировать их в европейскую культуру.

К мировому лидерству стремится исламская цивилизация. Именно ее возникновение и вызвало столкновение между различными мирами. Ислам, несомненно, обладает цивилизационным напором, избыточной энергией — пассионарностью. Он не лишен также

определенного фанатизма, превышающего реальные возможности данной мировой религии. Приверженцы ислама не боятся смерти. В них силен дух жертвенности, воинственности. Именно поэтому европейские политики не могут решить в свою пользу геополитические проблемы. Несгибаемость духовных умонастроений в исламе вызывает изумление у западных политиков. Однако они рассчитывают с помощью военной силы покорить Ближний Восток.

Итак, можно полагать, что наибольшее право на планетарное господство остается за евроатлантической цивилизацией. Она располагает огромными ресурсами. Тяга к прогрессу, безудержному росту и динамике образует плоть и кровь данной цивилизации. Она стремится с помощью науки вырвать у природы ее тайны и поставить их на службу человечеству. Евроатлантическая цивилизация заражена европоцентризмом. С. Хантингтон отмечал, что иллюзии и предрасудки, которые стремились развенчать О. Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, не только не исчезли, но даже расцвели, а в наше время превратились в широко распространенную и ограниченную, по сути, концепцию о том, что европейская цивилизация Запада есть универсальная цивилизация мира.

Что же мешает успешной реализации этого культурно-цивилизационного проекта? Чем подпитывается сегодня обновленный европоцентризм? Прежде всего тем, что Запад нарастил мощные производительные силы, создал по сути дела мировую экономику, втянув в нее многие страны, богатые сырьевыми ресурсами. Он заразил весь мир идеей социального динамизма, раскрыв огромный потенциал науки. Запад имеет значительные достижения в организации повседневной жизни, демонстрирует свои успехи в политическом устройстве, научной и правовой сфере. Он противопоставляет ценности, которые имеют широкое распространение в современном мире (богатство, власть, комфорт), аскетизму и тяге к духовности в других цивилизациях.

Запад отстаивает дух рациональности, который не нуждается в религиозном признании. «Наука и право — вот реальный вклад Запада в мировое развитие, которым не может пренебречь ни одна цивилизация. Создав современную науку и технику, а также светские формы жизни, базирующиеся на формально-правовых началах, он усмотрел в них единственно приемлемый для человечества способ его интеграции. Именно Запад поставил вопрос об общемировой динамике исторического процесса, имеющей своим итогом появление универсальной цивилизации» [4, с. 54].

Нет оснований оспаривать эти достижения европейской цивилизации. Но действительно ли они универсальны? Современные исследования свидетельствуют о том, что на Востоке вызревали иные представления о рациональности и разумности. Человеческий разум — неоспоримое достояние человечества — подвергается в наши дни суровой феноменологической проверке. Многие исследователи продолжают размышлять об удивительной человеческой способности постигать сущность вещей, улавливать смыслы, создавать рациональную картину мира. До сих пор разум считался достоянием только человека. Но за последние годы все чаще стали говорить

о многообразии самой разумности. В частности, историки, изучая конкретные эпохи и культуры, сначала пришли к выводу о разных ментальных навыках, присущих народам. Однако при этом никто не оспаривал непреложность и единство разума как уникального достояния людей. Теперь же толкуют о том, что европейцу вообще трудно понять разумность, скажем, японцев. Это не просто другой менталитет, но даже иной источник умственных операций, не тот, что вызвал к жизни европейскую цивилизацию. Нельзя считать универсальной также европейскую либеральную концепцию правового общества. Государственный деспотизм на Востоке не рассматривается как варварство. Он органично совмещается, к примеру, с идеями кастовости, реинкарнации, успешности общественного развития. Присущие Западу пренебрежение к традициям, утрата религиозности и господство светскости, европейский экспансионизм, напротив, на Востоке считают варварством.

Однако действительно ли достижения евроатлантической цивилизации универсальны? Сегодня уже очевидно, что либеральные ценности (демократия, индивидуализм) глубоко чужды африканской цивилизации. При этом восточные страны наращивают свое могущество, не утрачивая при этом основ своей духовности.

Ни одна из современных цивилизаций не может доказать непреложность и универсальность собственных глобалистских проектов. Естественно, что в этой ситуации к экономическим, геополитическим «резонам» добавляются еще и духовные. Каждая цивилизация стремится, опираясь на историю и духовные традиции, доказать правомочность собственных притязаний на глобалистский проект. Именно поэтому начинается духовное противоборство цивилизаций, последствия которого трудно предугадать.

Литература

1. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности : сб. / сост. Л. И. Василенко, В. Е. Ермолаева ; введ. ст. Ю. А. Шрейдера. — М. : Прогресс, 1990.
2. Данилевский Н. А. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. А. Данилевский. — М. : ИНФРА-М, 2016.
3. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек ; пер. с англ. С. Шукиной. — М. : Дело, 2014.
4. Межуев В. М. Гуманизм и современная цивилизация / В. М. Межуев // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / отв. ред. Г. Л. Белкина. — М. : URSS : Лепанд, 2014. — С. 35–57.
5. Попов Г. Китайский национализм и китайские реформы / Г. Попов // Московский комсомолец. — 2015. — 1 сент. — № 26900.
6. Тойнби А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова, под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича. — М. : Айрис-Пресс, 2010.
7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимева. — М. : АСТ, 2015.
8. «Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликации (Научная дискуссия в редакции «Полиса») [Электронный ресурс] // Полис. — 1995. — № 1. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/geopolitics/stolknovenie/clash2/226/>

А. А. Гусейнов¹

ЧТО ТАКОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО?

Постановка вопроса

Одно из возможных прочтений темы очередных Международных Лихачевских чтений «Глобальные вызовы и национальные интересы» состоит в следующем: в рамках национальных интересов невозможно дать адекватный ответ на глобальные вызовы. Национальных интересов много, так же много, как и наций, число которых, даже если взять за единицу нацию-государство, превышает две сотни. И, самое главное, их число имеет тенденцию к возрастанию. Они в каждом случае, даже если иметь в виду самые большие нации, представляют ограниченную совокупность людей на ограниченной территории и в масштабах человечества и планеты в целом имеют частную, локальную природу. Вызовы же, о которых идет речь, глобальны, являются угрозой для планеты и всего человечества. Для ответа на них субъектом действия должно выступать само человечество в своей естественной ответственности за условия жизни на Земле. Возможно ли это, и если да, то каким образом? Вот вопрос, который требует теоретического осмысления и практического решения.

1. Прежде всего следует отметить, что нации, ограниченные своими интересами, не могут сложиться в некое целое (единство), способное действовать солидарно (в рамках единого плана) даже перед лицом общей для всех угрозы. Это невозможно и по определению и по факту.

По определению невозможно, так как каждой нации свойственно в такой же мере объединять входящую в ее состав совокупность людей поверх их семейных, племенных, этнических, расовых и иных различий, в какой и изолировать, разделять, отличать, противопоставлять их другим нациям. Здесь действует своего рода диалектика: объединение через обособление и противопоставление. Как отмечают специалисты, оппозиция «свои–чужие» свойственна любой коллективной идентичности, для национальной же идентичности она является базовой; неслучайно особенно напряженными и чреватými конфликтами оказываются отношения между приграничными и близкородственными народами. Как часть не может быть равна целому, так и интерес нации не может совпадать с интересом человечества, если последний вообще существует. Нации не могут выстроить свое бытие на основе и в логике глобальных вызовов; даже в тех случаях, когда им выгодно представлять глобальные интересы, быть, как говорится, локомотивами истории,

¹ Научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и повесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика», «Негативная этика», «Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней». Ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» (на англ. яз.), член редколлегии журналов «Философские науки», «Вопросы философии». Вице-президент Российского философского общества. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Почетный доктор СПбГУП.

они делают это исходя прежде всего из своих особых интересов, руководствуясь стремлением к самосохранению и расширению своих возможностей в качестве данной нации. В деятельности нации, сопряженной с глобальными вызовами, на первом месте стоит ее выгода, а не благо человечества. Доказательством этого может служить отношение к такой сугубо рукотворной глобальной угрозе, как опасность самоуничтожения, которую несет с собой ядерное оружие: обладающие им государства смотрят на это оружие с точки зрения собственной безопасности и превосходства, а вовсе не в общечеловеческой перспективе, и всячески оберегают свою монополию на него. Этой же логикой руководствуются страны, которые не имеют ядерного оружия и стремятся всеми правдами и неправдами приобрести его.

Нации не могут сложиться в глобальное целое также по факту, о чем свидетельствует реальная политика государств, рассматриваемая в контексте процессов глобализации. В связи с этим бросаются в глаза две тенденции. Во-первых, каждая страна старается использовать открывающиеся в ходе глобализации возможности для получения конкурентных преимуществ и захвата лидирующих позиций в мире, стремится выдать свои национальные интересы за глобальные, в чем сегодня особенно преуспела одна заокеанская держава. Во-вторых, неизбежно возникающие в ходе глобализации ситуации социально-политической нестабильности (неопределенности, подвижности, изменчивости) порождают центробежные (не центростремительные, как можно было бы ожидать, а именно центробежные) тенденции, становятся поводом и источником не объединения и укрупнения этнонациональных общностей, а, напротив, разъединения, обособления, реализации неудовлетворенных национальных претензий на самостоятельность. Существуют опыты объединения национальных усилий во всемирном масштабе с целью обеспечения безопасности (ООН), совместной борьбы за сохранение окружающей среды (саммиты Земли, климатические форумы и др.). Эти опыты ценны, поскольку нет ничего другого, но они вторичны по отношению к национальным интересам и по своей эффективности несоизмеримы опасностям, которым призваны противостоять.

2. Часто в общегуманитарном дискурсе мы используем понятие человечества: говорим от имени человечества, делаем что-то ради человечества, скорбим по человечеству, гордимся человечеством, разочаровываемся в нем. Что подразумевается под этим словом? и заключают ли такого рода апелляции к человечеству, рассуждения от его имени конкретное и ответственное содержание или они представляют собой красивые фигуры речи, которые имеют лишь превращенное (риторическое, демагогическое или иное) значение?

Человечество представляет собой прежде всего биологическую популяцию определенного вида — человека разумного, совокупность всех живущих и жив-

ших когда-либо на земле индивидов, представляющих этот вид. Оно, как считается, венчает биологическую эволюцию и переводит свое бытие в социальную форму, создает вторую, надбиологическую среду своего обитания — культуру, которая производится, поддерживается и наследуется индивидами и их объединениями в процессе их прижизненной активности и закрепляется в символических формах информации. Человечество есть синтез биологического и социального, оно является таковым и на уровне популяции в целом, и на уровне каждого человеческого индивида: благодаря искусственно создаваемой социальной среде оно как вид победило в борьбе за существование и превратило планету в свою экологическую нишу; каждая человеческая особь является жизнеспособной и реализует свое деятельное существование благодаря соединению генетической информации с культурной.

Среди специалистов нет бесспорного единства по вопросу о том, было ли происхождение человека однократным процессом и, возникнув в одном месте (в восточной Африке), люди расселились по всей планете, или оно происходило многократно в разных частях света. Что касается социальной эволюции, то мы можем уверенно утверждать, что это был многократный процесс и в какой-то мере он все еще остается таковым. Культурное развитие проходило по различным самостоятельным и независимым друг от друга линиям, которые, как маленькие ручейки, соединялись между собой, образуя большие полноводные реки. По такой схеме, вероятнее всего, возникали известные нам, в том числе дошедшие до наших дней, цивилизации, каждая со своей автохтонной историей становления и развития, которые, кстати сказать, первоначально и складывались вдоль больших рек.

В социально-культурном развитии человечества удивительно то, что оно, хотя и осуществлялось в форме различных самостоятельных цивилизаций, тем не менее протекало по неким общим законам и сопоставимым друг с другом линиям, проходило через одни и те же стадии, идентичность которых особенно высока в случае форм производства (собирачество, охота, земледелие, скотоводство, индустриальное развитие). Даже деление на исторические периоды (древность, Средние века, Новое время) оказывается универсальным и с теми или иными уточнениями применимо к каждому потоку цивилизационного развития. Оставляя в стороне вопрос о роли взаимных влияний, которые в какой-то форме все-таки имели место, и даже допуская, что этих влияний было больше, чем мы сегодня знаем, следует признать, что такая выровненность линий развития свидетельствует об объективности социальной эволюции, позволяет осмыслить ее как процесс, который протекает независимо от состава, целей и сознательных усилий участвующих в нем людей, хотя и реализуется через их деятельность.

3. Оставляя в стороне сложный вопрос сочетания биологической эволюции и социального развития, принимая в качестве очевидного то, что социальное развитие человечества продолжает биологическую эволюцию или надстраивается над ней, но в любом случае протекает автономно и несравнимо динамичнее, чем

природный процесс в человеке, следует заметить, что глобальные вызовы и опасности имеют если не исключительно, то преимущественно социальную природу и требуют именно социальных (общественных) решений. С этой точки зрения важно отметить еще две особенности исторического развития человечества в форме отдельных самостоятельных цивилизаций.

Одна особенность состоит в том, что каждая цивилизация формировалась, укреплялась, расширялась в борьбе, в том числе и даже в первую очередь насильственной, между входившими в ее орбиту обществами (странами), а также между социальными группами внутри этих обществ (стран). И в настоящее время продолжается скрытая и явная борьба народов и государств за доминирование, господство в рамках своего цивилизационного пространства. Как бы то ни было, к современному состоянию цивилизации пришли с огромным опытом войн и социального насилия, с глубоко укорененными и всесторонне поддерживаемыми убеждениями и привычками силой защищать свои интересы. Неслучайно из представленных сегодня в мире цивилизаций, сопоставимых по своим масштабам и историческим претензиям, по крайней мере четыре (европейская в двух относительно самостоятельных подвариантах — западном и российском, Китай и Индия) уделяют первостепенное внимание вооруженному потенциалу и обзавелись ядерным оружием. А еще одна (пока разрозненная внутри себя и не имеющая несомненного лидера) — исламская цивилизация — также идет в этом направлении, компенсируя свое отставание в привычном вооружении таким необычным, но чрезвычайно эффективным средством насилия, как терроризм.

Другая особенность заключается в том, что каждой цивилизации соответствует своя культура, имеющая всеобщую природу. Каждая из них мыслит себя как универсальный исторический проект, выражение всечеловеческой и безусловной истины. Цивилизация порождает, получает продолжение и закрепление в общемировой культуре, как если бы вообще она была единственной или, по крайней мере, самой достойной. Единого, исторически целостного человечества в реальности не существовало в прошлом и не существует и сегодня. Но оно существовало идеально, в форме культуры. У каждой цивилизации есть своя идея человечества, позволяющая ей мыслить себя центром и средоточием мира. Касаясь старого спора о соотношении культуры и цивилизации, следует заметить, что культура выражает дух цивилизации, закрепляет ее претензии на всеобщность и универсальность, а тем самым и несовместимость с другими цивилизациями. Культура, словно панцирь, придает каждой из цивилизаций герметичность, позволяющую и даже принуждающую сознавать себя не как одну из многих (или нескольких), а как единственную.

4. Цивилизации, развивавшиеся до настоящего времени каждая своим путем, в рамках своего культурного оформления, исторической инерции, более или менее локально очерченной территории сошлись, уперлись «головами» друг в друга, в результате чего их существование в прежних автономных режимах

оказывается более невозможным и их дальнейшая судьба будет зависеть от того, смогут ли они подняться над самими собой и обрести устойчивость под единым куполом. Глобализация, этот набирающий силу тренд современного мирового развития, является попыткой перехода от многотысячелетнего процесса развития человечества в форме отдельных цивилизаций к его существованию в качестве единой цивилизации или суперцивилизации. Успех такого перехода вовсе не предзадан. Конечно, всякий переход наряду с возможностями заключает в себе и риски, и в этом смысле человеческое будущее (и отдельных индивидов, и общества в целом) всегда было и остается вероятностной величиной, однако степень такой вероятности различна, в настоящее время она (по крайней мере в том, что касается будущего человечества) принципиально меньше, чем когда-либо раньше. Ведь глобальные угрозы глобальны не только в том смысле, что касаются всех, но и в том, что они угрожают самому существованию человечества.

Прошло более 20 лет с тех пор, как С. Хантингтон высказал мысль о столкновении цивилизаций как одном из признаков начавшейся новой эпохи в международных отношениях. Речь, в частности, шла о том, что после холодной войны линией разделений в международных конфликтах становятся не идеологии, а культуры, и что сами конфликты из внутрицивилизационной сферы перемещаются в межцивилизационную. Оценивая эти утверждения, исходя из опыта постсоветской России, можно заключить, что первое из них оказалось верным, второе — нет. В самом деле, полный отказ России от идеологической конфронтации с Западом, как и от самой побуждавшей к такой конфронтации идеологии, и переход в своих идейных и ценностных приоритетах на позиции Запада не изменил архитектоники ее отношений с Западом, которая остается конфронтационной. В то же время конфликты на постсоветском пространстве, которые можно охарактеризовать как внутрицивилизационные, не исчезли и скорее усиливаются, чем ослабевают. В этом отношении показателен следующий пример. В качестве иллюстрации своего тезиса, что конфликты переходят в межцивилизационную сферу, Хантингтон ссылается на опыт преодоления назревавшего военного столкновения между Украиной и Россией в начале 1990-х годов и замечает, что «это два славянских, по большей части православных народа, на протяжении столетий имевших тесные связи. И поэтому в начале 1993 года, несмотря на все причины для конфликта, лидеры обеих стран успешно вели переговоры, устраняя разногласия. В это время на территории бывшего Советского Союза шли серьезные бои между мусульманами и христианами, напряженность, доходящая до прямых столкновений, определяла отношения между западными и православными христианами в Прибалтике, но между русскими и украинцами дело до насилия не дошло». То, чего не случилось в отношениях между Россией и Украиной тогда, произошло через 20 лет. Этот пример не опровергает утверждения о цивилизационных основах современных конфликтов, но он, как и множество аналогичных примеров в других регионах, показывает, что

движущими силами мировой политики остаются национальные интересы, а ее субъектами — национальные государства.

Цивилизационно-культурный фактор в международной политике действительно оказывается более важным, чем идеологический, но не сам по себе, а благодаря тому, что он приобретает решающее значение в консолидации национальных государств. Нации-государства, как и прежде, остаются решающими субъектами мировой политики, только они связывают свое самоутверждение преимущественно с тем, что защищают ценности своей культуры и цивилизации. В той мере, в какой можно говорить о столкновении цивилизаций, его субъектами остаются национальные государства.

5. Глобальные интересы и вызовы упираются в партикуляризм и конфликтность национальных интересов. Вопрос о возможности адекватных ответов на них оказывается вопросом о возможности преодоления национальных разделений в более высоком синтезе. Будет ли когда-нибудь национальная разобщенность преодолена в некоей сверхнациональной (постнациональной) общности, подобно тому как нации преодолели этноплеменную разобщенность, а многообразие языков дополнено неким единым для всех эсперанто? Это на сегодняшний день сценарий если не полностью закрытый, то маловероятный. В общественном сознании его не существует даже в виде утопии. Движение идет скорее в обратном направлении, о чем свидетельствуют опыты Советского Союза и Югославии.

Такой же проблематичной и еще менее вероятной остается возможность социальной консолидации человечества вокруг одного (единого) властного центра легитимного насилия, образование некоего государства в мировом масштабе. Опыт говорит о том, что открываемые глобализацией возможности рассматриваются доминирующими сегодня нациями-государствами как шанс получить такое превосходство в военной силе, которое позволит наконец осуществить те всемирные имперские амбиции, которые в прошлом, как считается, терпели крах из-за отсутствия соответствующих технологических средств. Господствующие в российском обществе идеи и настроения исходят из того, что государствоподобное всемирное объединение, будучи нереальным, к тому же еще и нежелательно, что оно стало бы формой культурной деградации.

Словом, человечество как социальное целое складывается объективно, в силу законов общественного развития, о чем, в частности, свидетельствуют процессы глобализации. Но его нет в качестве субъекта социального действия, и его возможность стать таким субъектом блокируется национально-государственной и цивилизационно-культурной разнородностью. Нации-государства (сами по себе или даже если бы им удалось сгруппироваться по цивилизациям), может быть, в состоянии объединиться для решения какой-то отдельной угрозы, такой, например, как опасность глобального потепления, но они в принципе не могут стать устойчивым объединением, действовать как целое. В этом отношении социальная эволюция, как представляется, подобна биологической: ведь существование человека

как вида гарантировано его разнообразием, в то числе и тем, что он существует в виде многих «стад», а не сбивается в одно.

Если даже предположить, что человечество станет объединенным под некой единой общепризнанной властной инстанцией, то и в этом случае оно бы не приобрело качества, позволяющего ему адекватно отвечать на глобальные угрозы. Такие угрозы, как и любые события большого исторического, а тем более общепланетарного масштаба, являются объективным итогом, своего рода равнодействующей практически бесчисленного количества единичных (индивидуальных и групповых) действий и отличаются от них, как сумма отличается от чисел, из которых она складывается. Судьбы народов и государств не зависят от правителей, хотя последние, конечно, как-то влияют на них. Точно так же и судьбы человечества не могут зависеть от тех, кто будет им управлять, сколь бы разумными те ни были. Социология и философия истории говорят о том, что организация больших масс людей подчиняется своим объективным законам и общественное развитие надо рассматривать как естественно-исторический процесс.

6. Единство человечества, маловероятное или вообще исключенное на коллективном уровне и в форме общеобязательных юридически гарантированных управленческих решений, может стать реальностью, действенной силой на индивидуальном (личностном) уровне и в форме нравственно ответственной позиции. Поскольку в ответ на глобальные угрозы требуются разумные действия человека, коренящиеся в его свободе воли, то они только и могут существовать в форме нравственного ядра его общественного поведения. Человечество как идея и идеал существовало давно, по крайней мере начиная с так называемого осевого времени. Если говорить, например, о европейской культуре, то можно сослаться на философские абстракции человека, монотеистические взгляды на его происхождение и божественное предназначение, выдающиеся гуманистически ориентированные эстетические и нравственные опыты. В настоящее же время в контексте вызовов глобализации речь идет о том, чтобы то, что было идеей и идеалом, стало самоочевидной повседневной практикой.

Понятие человечества может наполниться адекватным содержанием и стать реальностью, приобрести действенную силу только при условии человечности всех составляющих его индивидов. Отвечая на вопрос: «Что такое человечество?», мы можем сказать: человечество — это человечность. Здесь снова уместна аналогия с биологической эволюцией: природа гарантирует сохранность вида тем, что видовые признаки закреплены (заложены, закодированы) в организме каждой особи. Также действует и социальная эволюция — с той лишь разницей, что она не закладывает человечность в качестве родовой сущности человека изначально в каждого индивида, а предполагает в качестве его свободного решения.

Человечность людей как путь, благодаря которому человечество приходит к единству и обретает свою историческую субъектность, кажется утопической.

В действительности же этот путь вполне реалистичен, и его реализм заключается в том, что другого нет. Другой путь приведет к гибели, и человечество сегодня идет по нему. Суть этого пути состоит в том, чтобы добиться сплоченности и единства действий в масштабе человечества силой внешнего принуждения. Если человек отличается от механических тел и от других живых существ, если наличие в нем разума и души что-то всерьез значит и призваны придать вселенной новое качественное состояние, то отсюда как минимум следует, что он может сам задавать условия своего существования, а не только подчиняться внешним воздействиям, а также инстинктам и желаниям своего тела.

7. По крайней мере два возражения против самой возможности человечности как действенной, работающей универсальной нормы требуют аргументированного ответа. Во-первых, от нормы нет прямого перехода к поступку. Поступки всегда индивидуализированы, единственны, как и сами индивиды, которые их совершают. Во-вторых, тот партикуляризм национальных и иных культурно детерминированных интересов, который, как уже отмечалось, блокирует их общечеловеческий синтез, получает также выражение в поведении представляющих эти интересы индивидов.

Оба возражения снимаются, если рассматривать человечность в контексте негативной этики и понимать не как содержательную позитивную программу, а как совокупность безусловных запретов. Запрет является особой нормой, так как он может прямо, без опосредования частной посылкой перейти в поступок, который заключается в не-делании чего-то. Для того чтобы подчиниться запрету на определенные поступки, индивиду не требуется ничего дополнительного (особого), кроме собственной воли следовать этому запрету. Говоря о действенности запретов в общем смысле, речь, следовательно, можно вести только о том, относятся ли они к очевидным в своей определенности конкретным поступкам и принимаются ли индивидом в их обязывающей силе. Что касается конкретно человечности как выражения родовой сущности человека, то вопрос сводится к следующему: может ли она воплотиться в запретах, способных стать нравственно обязывающей индивидуальной позицией?

Человечность или гуманность в широком смысле является синонимом моральности и может быть расшифрована как любовь к человеку, совершение добра для его блага. Однако это общее положение является недостаточным для того, чтобы решить, как вести себя, какое совершить действие в той или иной ситуации. Легко догадаться, что, например, верующий отец и свободомыслящий отец, одинаково любя каждый своего ребенка и желая ему добра, будут рассказывать им разные истории и давать читать разные книги. Также будут разными в рамках той же самой общей нормы действия отца-христианина и отца-мусульманина. Вполне естественно и нравственно желать блага своему отечеству и соотечественникам, однако в рамках такой установки в истории России одни общественные деятели призывали оградить Отечество от западного влияния, другие, напротив, всячески культивировать такое влияние. И так едва ли не во всех вопросах и ситуациях,

что вполне нормально: разные люди — разные мнения, разные позиции. Иначе предстает проблема человечности, если перевести ее на язык запретов, что, впрочем, этика и делала издавна, формулируя свои кодексы поведения.

Существуют как минимум два запрета: на насилие («Не убий») и на ложь («Не лги»), которые однозначны в том, что из них следует (чего должно не делать) для того, кто принимает их, и которые, безусловно, человечны, ибо утверждают человечество в лице каждого человека. Они задают не содержание поступка, а толь-

ко архитектуру отношений между людьми — такую, которая нацелена на поддержание человечества во всей полноте составляющих его индивидов. Понятая таким образом человечность не противоречит и не исключает многообразия партикулярных интересов и ситуаций, напротив, она санкционирует их возможное разнообразие. Смысл этих запретов заключается в том, что они блокируют действия, которые отлучают индивида от родовой сущности, как если бы он сам был больше, чем человек. Они включают индивида в человечество, не позволяя ему в то же время возвыситься над ним.

М. С. Гусман¹

КОНСОЛИДАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ И ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ИНТЕГРАЦИИ

Не вызывает сомнения, что единое информационное пространство СНГ и Евразийского союза является неотъемлемой частью многосторонних интеграционных процессов. Это пространство сложилось благодаря многолетним усилиям политиков, специалистов и общественности. Оно обладает профильными институтами, практическим опытом и опирается на широкую коммуникационную среду. Но архитектура информационного пространства СНГ и Евразийского союза остается во многом фрагментарной. Попытки углубления интегративных моментов периодически наталкиваются на нехватку средств, недостаток новых инициатив и даже на недопонимание важности общих задач в области информационной политики.

Мы также являемся свидетелями учащающихся попыток давления на страны СНГ и Евразийского союза с Россией в области информационного сотрудничества. Наряду с политической мотивацией подоплекой критических настроений выступают коммерческие интересы, возникающие, в частности, при размещении рекламных продуктов в общей и по определению русскоязычной медийной среде. Коммерческая составляющая информационных потоков недостаточно отрегулирована и с российской стороны. Например, распространение печатной продукции на русском языке в странах СНГ и Евразийского союза облагается весьма ощутимым налогом, который отсутствует для изданий дальнего зарубежья.

¹ Первый заместитель генерального директора Информационного агентства России «ТАСС», доктор политических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ. Автор и ведущий телевизионного цикла «Формула власти» (с 2000 г. более 250 эксклюзивных интервью с мировыми лидерами и коронованными особами). Автор книг: «Формула власти. 55 интервью в золотом галстуке» (2005) и «Формула власти. ...и еще 60 интервью в золотом галстуке» (2010), «Формула власти. ...и еще 65 интервью в золотом галстуке» (2015), многих сценариев к телевизионным фильмам и программам. Вице-президент Европейского альянса информационных агентств, представитель РФ в Межправительственном комитете ЮНЕСКО по вопросам информации и коммуникациям (IPDC). Лауреат Государственной премии РФ и премии Правительства Москвы в области журналистики. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV степени, Дружбы, Почета и др.

Значительный сдерживающий момент развития единого информационного пространства стран СНГ и Евразийского союза — старение технической инфраструктуры. Проекты информатизации и создания систем современной телекоммуникации в государствах Содружества и Евразийского союза выполняются разрозненно, без следования единой научно-технической политике и должной координации. Сети, которые используются для передачи данных, имеют существенные недостатки в части пропускной способности, надежности установления связи, качества и количества предоставляемых услуг. Уровень сетевого охвата населения (интернет-ресурсы) очень разнится от страны к стране, а также между различными регионами внутри государств.

Таким образом, единое информационное пространство стран СНГ и Евразийского союза нуждается в дополнительных импульсах развития. Вопросы качественного совершенствования информационного контента и его технического обеспечения должны решаться безотлагательно. В условиях обострения идейно-политического давления на интеграционные проекты информационная составляющая многостороннего взаимодействия является одной из наиболее уязвимых сфер. Присутствие в информационном пространстве противников интеграционного сотрудничества в коммуникационной среде стран СНГ и Евразийского союза не становится меньше. Наиболее ярко их позиции транслируются через блогосферу, но и экспертные площадки периодически используются для тиражирования антироссийских, антирусских настроений, шельмования интеграционного сотрудничества наших государств.

В этих условиях целью нашей деятельности должна быть не оборона, а новые инициативы, шаги по консолидации общего информационного пространства СНГ и Евразийского союза. Мы должны поддерживать положительные тенденции, которые складываются в контексте евразийского партнерства на информационном направлении, развивать опыт Союзного государства России и Белоруссии как модели сбалансированного строительства медийной среды. Хотелось бы под-

черкнуть и позитивные усилия новых членов ЕАЭС — Армении и Киргизии, демонстрирующих искреннюю заинтересованность в углублении евразийского информационного взаимодействия.

На всех уровнях общественных дискуссий пока четко прослеживается сохранение среди основной массы населения стран СНГ и Евразийского союза доверия к российским СМИ, конструктивное использование их ресурсов в повседневной жизни. Однако этот фактор не является поводом для того, чтобы Россия, ее ньюсмейкеры, журналисты и другие профессионалы могли почивать на лаврах. Фактор российского информационного присутствия должен сохранять свою конкурентоспособность в контексте не только враждебной пропаганды, прозападной или исламистской, но и дружественных информационных потоков, в частности китайских. Поэтому и нам, и нашим партнерам нужно обратить внимание на то, что интеграционная тематика до сих пор недостаточно широко представлена в СМИ, особенно на телевидении. Пока встречаются только единичные материалы, разъясняющие гражданам преимущества постсоветской интеграции (СНГ, ЕАЭС) с точки зрения запросов простого человека.

Противники интеграции продвигают большое количество пропагандистских инсинуаций о российском неокOLONIALИЗМЕ, дискриминационных экспортно-импортных ограничениях во взаимной торговле или пресловутом голодоморе (прежде всего на Украине). В русле американской исторической науки распространяются псевдоисследования, подвергающие ревизии роль СССР в победе над гитлеровской Германией и исподволь внедряющие мысль о «случайности» патриотизма народов СССР, вставших на борьбу с фашистским агрессором. Это не разовые «вбросы» информации, а целенаправленная политика по искажению недавней истории. В ответ на это публикуется явно недостаточно опровергающих материалов (причем часто стандартного содержания), в том числе и материалов, направленных на сохранение единого историко-культурного ядра многонационального пространства СНГ, постсоветской Евразии.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос развития единого информационного пространства СНГ и Евразийского союза остается во многом открытым. Для продвижения в этом направлении необходимо повысить плотность взаимных информационных обменов, интенсивность позитивного освещения интеграционной практики национальными СМИ стран-партнеров. Несмотря на такие сдерживающие моменты, как негативный настрой части национальных элит, кадровый голод и нехватка материальных средств, консолидация информационного пространства является важным приоритетом.

Практические рекомендации

В целях функциональной оптимизации информационных потоков, формируемых на пространстве СНГ и Евразийского союза, в ближайшее время целесообразно:

1) расширять разнообразие информационных продуктов за счет приближения их содержания к практическим нуждам массовых слоев населения (сюжеты социогуманитарного плана — культура, образование, здравоохранение, контроль эпидемиологической и экологической обстановки, качество товаров и т. д.),

а также усиливать адресность информационных потоков с учетом роста аудитории Интернета и увеличения участников блогосферы. Обратит особое внимание на ожидаемый в ближайшие 5–10 лет переход лидерства среди информационных источников к интернет-каналам и сетевым ресурсам;

2) развивать систему грантовых программ для СМИ, журналистов и блогеров, стимулирующих профессиональную среду к подготовке позитивных публикаций как о современных процессах евразийской интеграции, так и об общем историческом прошлом народов СНГ, которое было достойным, хотя порой и трудным. С телеэкрана, страниц цифровых и печатных СМИ необходимо популяризировать жизнеутверждающий подход к истории для поколения людей, родившихся в постсоветский период. Полезную роль в формировании профессионального сообщества, способного повышать привлекательность интеграционных процессов на пространстве СНГ и Евразийского союза, могут сыграть и такие регулярные форматы, как организация пресс-туров с целью расширения каналов межкультурного общения;

3) усилить внимание к обеспечению сбалансированности информационного контента, защите не только установочных, но и относительно второстепенных программ, комментариев, репортажей от неоднозначного (обычно объясняемого авторским видением) подхода к освещению текущих событий; преодолевать дефицит правовых и административных средств пресечения провокационного манипулирования информационными материалами. Необходимо ограничить и информационную экспансию крупных зарубежных фирм, стремящихся к доминированию на постсоветских рынках;

4) разработать систему информационных шагов по нейтрализации негативного освещения интеграционных процессов на пространстве СНГ/ЕАЭС, исходящего от зарубежных и местных комментаторов. Необходимо удовлетворить общественный запрос на разъяснение кратко- и долгосрочных выгод многостороннего взаимодействия государств-соседей, усилить акцент на экономических и социогуманитарных мотивах интеграционных процессов. В более широком контексте целесообразно проработать систему комплексных мер, направленных на всестороннее освещение практики интеграции в СМИ стран-партнеров, инкорпорировав в нее тематические программы журналистских тренингов и стажировок, информационно-аналитических передач, целевых публикаций на национальных языках и т. д. Информационная безопасность должна пониматься не только как защита кибер- и медиапространств от недружественного воздействия, но и как более активная политика по продвижению позитивного общественного имиджа многостороннего сотрудничества по линии СНГ и Евразийского союза;

5) повысить эффективность использования существующей информационной инфраструктуры стран СНГ и Евразийского союза за счет более тесной координации научно-технической политики, обеспечивающей взаимодействие национальных информационных систем государств-партнеров, выработки согласованных подходов, регулирующих ценообразование, налогообложение, таможенные пошлины и сборы на информационные услуги и продукцию.

Джеймс К. Гэлбрейт¹СТАГНИРУЮЩАЯ ЭКОНОМИКА И НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ:
КРИЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Введение

Современная история экономики — это ряд неразрешенных кризисов. Первый был кризисом спроса, безработицы и депрессии, за ним последовала кейнсианская революция, а затем — неоклассическая контрреволюция. Второй представлял собой кризис изобилия, о котором писал мой отец² и который никогда не изучался экономистами. Нынешний, третий кризис — это кризис *ограничителей*, в котором важную роль играют стоимость ресурсов, изменения климата и институциональные провалы, обусловленные рискованной, бесконтрольной и часто мошеннической финансовой системой.

Два типа «старых» кризисов

Пол Кругман³ вводит различие между экономикой «свежей воды» и экономикой «соленой воды». Первая модель принадлежит теоретикам ультрасвободного рынка из Чикаго и Миннесоты, вторая — разработчикам доктрины «недостатков и затруднений» из МТИ, Беркли и других университетов на побережье США. Я считаю, что «соленая» и «свежая вода» сравнительно стерильны. Эволюция же возникает в «застойных» водах, когда экономисты вынуждены переходить от чистой теории к практическим инструментам, чтобы решать актуальные проблемы стагнирующей экономики. По мнению Гжегожа Колодко⁴, стагнирующая экономика является вариантом нового прагматизма — в смысле взглядов.

Джоан Робинсон⁵ описывает два экономических кризиса. Первый из них был связан с законом Сэя, точкой зрения казначейства и загадкой эффективного спроса. Первый кризис привел от Великой депрессии к росту влияния Джона Мэйнарда Кейнса, в учение которого вошли и представления самой Робинсон о не-

совершенстве конкуренции и власти рынка⁶. Робинсон не нравились основные положения кейнсианства в послевоенной Америке — теоретическая модель Хикса–Хансена и практический эффект военного кейнсианства. Но, по крайней мере, к 1971 году монетаристская контрреволюция все еще не победила.

Вторым кризисом Робинсон называет кризис изобилия — время общественных движений, загрязнения окружающей среды, войны и мира, ядерной угрозы. Знаками той эры были «частное изобилие и общественное убожество». Робинсон назвала это «кризисом нового индустриального государства». Общественность шла впереди профессионалов, и только мой отец, Кеннет Болдинг и еще несколько человек успевали за ходом развития. С ними заодно были и разные чудачки. В своей лекции Робинсон отмечала, что «чудачкам отдавалось предпочтение над ортодоксами, потому что они признавали наличие проблем»⁷.

Джоан Робинсон понимала, что второй кризис не наберет обороты до тех пор, пока продолжаются споры и дебаты по поводу первого. Так и случилось. Затем последовал короткий период умной «новой классической экономики», включающей понятия монетаризма, экономики предложения и культ дерегулирования и приватизации. В результате сформировался токсичный политический коктейль тэтчеризма и рейганомики, а позже — так называемый «Вашингтонский консенсус», экспортированный во многие страны третьего мира. Эти доктрины затем были вписаны во все экономические модели Европы, включая Маастрихтский договор и устав Европейского центрального банка. Получившуюся многослойную модель Де Неве⁸ назвал «европейской луковицей». Таким образом, второй кризис закончился возрождением идей, которые предшествовали возникновению первого.

Вскоре стало ясно, что прогресс в экономике зависит от того, удастся ли полностью забыть о предшествующих кризисах. Возродились прежние термины, которые теперь описывали совершенно другие понятия. Даже слово «кейнсианство», образованное от фамилии реального человека, стало означать модифицированное неприятие нового классического предположения о рыночном равновесии в пользу асимметричной информации и роста оборота. То же самое коснулось и других основополагающих концепций, таких как «сдельная заработная плата» и «динамический, не ускоряющий инфляцию уровень безработицы».

Таким образом сформировался один из полюсов якобы существующей грани между экономикой «соленой воды» и экономикой «свежей воды». Сохранялась иллюзия дискурса, разговора, который, однако, всегда

¹ Профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Экономическая проблема» (в соавт.), «Макроэкономика» (в соавт.), «Балансирование: технология, финансы и американское будущее», «Рожденный неравным: кризис в американской оплате», «Неравенство и промышленные изменения: глобальный взгляд» (в соавт.), «Меньше шока, больше терапии», «Миллиарды на звездную пыль», «Национальная экономика в контексте глобальных перемен» и др. Председатель американской организации «Объединенные экономисты за сокращение вооружений» (ЕСААР).

² Джон Кеннет Гэлбрейт — американский экономист, представитель старого (вебленского) институционального и кейнсианского течений, один из видных экономистов-теоретиков XX века. (Примеч. ред.)

³ Krugman P. How the Economists Got It So Wrong // New York Times Magazine. 2009. Sept. 6.

⁴ Kolodko G. New Pragmatism: Truth, Errors and Lies: Politics and Economics in a Volatile World. N. Y.: Columbia University Press, 2011; Idem. Neoliberalism, World Crisis, and the New Pragmatism // The European Financial Review. 2011. Oct.–Nov. P. 2–6; Idem. Whither the World: The Political Economy of the Future. Basingstoke; Hampshire: Palgrave-Macmillan, Houndmills, 2014.

⁵ Robinson J. The Second Crisis of Economic Theory // The American Economic Review. 1972. Mar. № 62. P. 8.

⁶ Keynes J. M. The Economic Consequences of the Peace. N. Y.: Harcourt, Brace, and Howe, 1920.

⁷ Ibid.

⁸ See: De Neve J.-E. The European Union? How Differentiated Integration is Reshaping the EU // Journal of European Integration. 2007. Sept. Vol. 29 (4). P. 503–521.

вращался вокруг идеального рационального действия в условиях идеальной конкуренции и информированности. Это стало формой научного регресса, потому что еще со времен Чарльза Дарвина и Торстейна Веблена мы знаем, что важна именно вариативность и что идеальный тип — всего лишь бесполезная абстракция. Но если большинство экономистов когда-либо задумывались об этом, то скоро подобные мысли их покинули.

Великий финансовый кризис и его последствия

Великий финансовый кризис на некоторое время обратил внимание экономистов на реальное положение дел. Паника и шок на рынке приняли такой масштаб, что никто не знал, что делать. На этом фоне сторонники гипотезы об эффективности рынка были обескуражены и раздавлены. Можно сказать, что они были в таком состоянии и до этого, но в тот момент данный скрытый от стороннего наблюдателя факт на краткий момент стал явным. Например, в 2009 году Ричард Поснер¹ объявил о своем переходе в кейнсианство — что само по себе было весьма любопытно. Почему он решил, что на этот переход кто-то обратит внимание? Даже Алан Гринспен², который (как известно всем, кто знакомился с его трудами) никогда не придерживался никаких теорий, заявил, что обнаружил в этой теории ошибку.

В то время у немногих истинных кейнсианцев, в частности Пола Дэвидсона³ и Роберта Скидельски⁴, на время возникла надежда о возвращении к учению Мастера. Они полагали, что с первым кризисом наконец будет покончено и их ждет в определенной степени сладкое отмиение за десятилетия в изоляции. Но время надежд быстро закончилось. Возврата к прошлому не произошло, возрождение не состоялось, воскресение не наступило. Возрождение было погребено под развивающимся экономическим кризисом, и за это несли ответственность не открытые враги Кейнса, которые в тот момент пребывали в шоке, а некоторые из тех, кто объявил себя его сторонником.

Эту группу можно назвать «ложными кейнсианцами». Они придерживались мнения, что, как писал в 2009 году Бен Бернанке, «мировая экономика на пути к выздоровлению»⁵. Почему они так думали, неясно. Было ли это исторической экстраполяцией или их взгляды основывались на статистической реверсии? Подразумевали ли они, что этот процесс похож на восстановление рынка труда в рамках неоклассической теории, которая гласит, что сокращение реальной заработной платы помогает восстанавливать этот рынок? Если так, то имеется проблема: с углублением кризиса

¹ Posner R. How I Became a Keynesian: Second Thoughts in the Middle of a Crisis // The New Republic. 2009. Sept. 23.

² Testimony of Dr. Alan Greenspan before the House of Representatives Committee of Government Oversight and Reform. 2008. Oct. 23. URL: <http://democrats.oversight.house.gov/images/stories/documents/20081023100438.pdf> (Accessed: 13.02.2013).

³ Davidson P. The Keynes Solution: The Path To Global Economic Prosperity. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2009.

⁴ Skidelsky R. Keynes: Return of the Master. N. Y. : Public Affairs, 2010.

⁵ Bernanke B. The Crisis and the Policy Response. Stamp Lecture / London School of Economics. 2009. Jan. 13. URL: <http://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/bernanke20090113a.htm> (Accessed: 14.03.2013).

2009 года реальная заработная плата в США (среди занятого населения), напротив, резко возросла. Или они имели в виду неизученную силу метафоры об экономике как о теле, которое не может размышлять о собственной кончине?

Даже если предположить, что восстановление после кризиса неизбежно, в начале 2009 года функция политического регулирования сводилась лишь к оказанию поддержки естественным процессам. Считалось, что нужно придать экономике стимул, а это слово многие кейнсианцы употребляли, не особенно задумываясь над его смыслом. Стимул — это «своевременная, временная, прицельная» прививка, которая необходима вялому организму экономики на период до восстановления его естественного уровня энергии⁶. Согласно данному определению стимул похож на экономический кофеин, адреналин, амфетамин или что-нибудь еще хуже.

Предполагаемая функция стимулирования была обозначена в прогнозах Бернштейна–Ромера в конце 2008 года. Эта функция заключалась не в том, чтобы начать экономическое восстановление — оно рассматривалось как неизбежное, было включено в прогноз. Стимулирование было призвано ускорить *полное восстановление*, которое должно было наступить через четыре года, примерно на шесть месяцев⁷. По этой модели через пять лет экономика должна была полностью восстановиться независимо от того, были эти меры приняты или нет. Единственное отличие заключается в том, что пять лет спустя, согласно этой модели и другим псевдокейнсианским моделям, экономические условия окажутся несколько хуже, чем до того, из-за увеличения государственного долга.

Слова Джоан Робинсон о норме следует процитировать полностью: «Нормальных периодов истории не существует. Норма — это выдумка из учебников экономики. Экономист, создавая модель, всегда описывает некоторое “нормальное” состояние. Для доказательства существования нормального состояния он не жалеет ни сил, ни времени. За сильную сторону своей модели экономист принимает тот факт, что мир существует. Но мир не существует в состоянии нормы. Если бы XIX век был действительно нормальным, катастрофа 1914 года не наступила бы»⁸.

Норма — это временный эквивалент идеальной тина. С учетом предыдущей оценки всех параметров, в краткой перспективе автоматические стабилизаторы и программы восстановления, с учетом их размера, выполнили свою роль в соответствии с замыслами кейнсианцев. Но они не оправдали всех надежд, которые на них возлагались. Проблема состояла не только в большем снижении производства, чем предполагалось в конце 2008 года, но и в том, что ожидаемого восстановления не произошло, как предсказывалось псевдокейнсианцами. Все это, к сожалению, мы уже

⁶ Summers L. Why America Must Have a Fiscal Stimulus // Financial Times. 2008. Jan. 6. URL: <http://tinyurl.com/bms7nqz> (Accessed: 14.03.2013); Cox K., Stone C. Principles for Fiscal Stimulus. Washington: Center for Budget and Policy Priorities, 2008. Jan. 11. URL: <http://www.cbpp.org/cms/?fa=view&id=1030> (Accessed: 14.03.2013).

⁷ Bernstein J., Romer C. The Job Impact of the American Recovery and Reinvestment Plan. 2009. Jan. 10. URL: www.politico.com/pdf/PPM116_obamadoc.pdf (Accessed: 14.03.2013).

⁸ Robinson J. Op. cit. P. 2.

видели. Вновь повторилась история с кривой Филлипса, как и поколение назад. В этой теории катастрофическим образом соединились неоклассические и кейнсианские идеи. Академический спор снова привел к упадку кейнсианства, в результате чего первый кризис продолжился.

Данная ситуация открыла путь для «нового котла» — модели, основанной на новой классической экономике без формальных претензий. Доктрина «нового котла» предусматривает, что «возвращение к норме» является необсуждаемой истиной и что если возвращения к норме не произошло, то, значит, вмешались какие-то факторы, которые помешали этому естественному процессу.

Таким образом возникли новые исследователи «Нового курса», которые считают, что Франклин Делано Рузвельт жестоко, болезненно и без необходимости продлил Великую депрессию¹. Они прекрасно осведомлены о том, что современники Великой депрессии в марте 1933 года объявили о ее завершении. Если бы это было не так, разве мог бы Рузвельт переизбраться в 1936 году, выиграв выборы в 46 из 48 штатов и проиграв только в Вермонте и Мэне? Разве эти результаты не продемонстрировали общее настроение населения страны? Политика «нового котла» с этим не считается, а ориентируется на принятый сегодня тезис, что Великая депрессия продолжалась до Второй мировой войны, потому что именно тогда страна впервые вышла на уровень экономических показателей 1920-х годов. И это без учета того, что экстраполяции трендов роста в 1929 году были еще неизвестны, потому что счета национального дохода не были изобретены.

Модель «нового котла» объясняет великий финансовый кризис удобным образом: мол, он возник потому, что правительство хотело предоставить дешевое жилье бедным². Чтобы в это поверить, надо только представить, что в начале 2000-х годов Джордж и Лора проводили вечера, попивая чаек в спальне и обсуждая вопрос, как бы им обеспечить жильем побольше бедного люда. И достаточно уже об этом.

Есть и другие истории начала великого финансового кризиса, и о них можно рассказать несколько менее язвительно. Одна из таких историй гласит, что кризис возник в связи с неравенством, которое привело к развиту конкурентного потребления среди рабочего класса, подогреваемого кредитами, в соответствии с моделью Веблена–Дьюзенберри.

Эта идея по-своему привлекательна. Определенная доля роста потребления в среднем классе действительно была связана с накоплением долгов. Но не только эти долги привели к катастрофе. В книге «Вирус плоских кредитов» Катлин Энгель и Патриция Маккой³ пишут о том, как в бедных районах Кливленда небогатые

пожилые люди брали займы — около 5 тыс. долларов (например, на починку крыши), десяток раз в течение года рефинансировали их и в результате оставались с долгом в размере 25 тыс. долларов, который выплатить не могли и в итоге теряли право выкупа заложенного имущества. В дело вмешивались подрядчики, а крыша так и оставалась непочиненной. Целые кварталы были уничтожены такой практикой выдачи займов. Инициативные группы граждан сообщали об этом властям, но те не реагировали. В других регионах страны возводились жилые кварталы, дома продавались, но новые жильцы так и не въезжали в них. Почему же? Потому что они не могли себе это позволить и просрочивали даже первую выплату по кредиту. В некоторых районах банкам приходилось выкупать заложенное имущество в новых кварталах, где треть домов оставалась незаселенными.

Версия «это все из-за неравенства» предполагает, что первым возникает экономическое неравенство, за которым следует подражательный по сути рост потребления. Однако проведенные мной исследования по поводу неравенства противоречат данной гипотезе. Неравенство и выплаты по жилищным займам, согласно моим данным, идут рука об руку. Рост неравенства был связан с увеличением доходов финансового сектора. Именно так разбогатели банкиры и ипотечные брокеры. Версия «это все из-за неравенства» в устах Рагурама Раджана⁴ и других авторов построена таким образом, чтобы отвлечь внимание от роли тех, кто создал ипотечную систему, — банкиров и рейтинговых агентств, а также от тех, кто создал и продавал деривативные бумаги.

Над этой печальной сценой парят два призрака: Хаймана Мински⁵ и Уинна Годли⁶. Мински утверждал, что стабильность дестабилизирует. Позиции по долгам превращаются из компенсационных сделок в спекулятивные, а затем в пирамиду Понци. Катастрофа становится неизбежной. В случае кризиса центральные банки и национальное правительство должны принимать меры по стабилизации. Годли учил, что нельзя избежать счетов национального дохода, в которых отражаются государственные долги и частные накопления и представлен баланс внешнего и внутреннего секторов. Вся основа бюджетного процесса зиждется на иллюзии контроля, и это основная ошибка, последствия которой мы наблюдаем по всей Европе. Мы думаем, что можно сократить дефицит бюджета и государственный долг, подняв налоги и снизив расходы. В случае с Соединенными Штатами также ошибочно полагать, что страна может одновременно ликвидировать внутренний дефицит и сохранить резервы для всего мира. Однако некоторые полагают, что необходимо поддерживать доминирование США в мировой финансовой системе и сбалансировать бюджет страны. Это порождает настоящую истерику по поводу дефицита

⁴ *Rajan R.* Is Inequality Inhibiting Growth? // Project Syndicate. 2012. July 10.

⁵ *Minsky H.* The Financial Instability Hypothesis // Handbook of Radical Political Economy / ed. P. Arestis, M. Sawyer. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1993.

⁶ *Godley W.* The U. S. Economy: Is There a Way Out of the Woods? // Economics Strategic Analysis Archive / Levy Economics Institute, 2007.

¹ В первый раз я столкнулся с данным феноменом в начале 2009 года, когда меня пригласили участвовать в обсуждении пересмотра отношения к «Новому курсу» в Комитете по иностранным делам. Тогда я понял, что все настолько плохо, что КИДу необходимо мое присутствие для поддержания своего реноме.

² *Wallison P. F.* Dissenting Statement // Financial Crisis Inquiry Report. Washington, D. C. : GPO, 2011. Jan.

³ *Engel K. C., McCoy P. A.* The Subprime Virus: Reckless Credit, Regulatory Failure, and Next Steps. N. Y. : Oxford University Press, 2011.

бюджета, о которой постоянно твердят группы влияния. Отсюда же и мертвая хватка фискальных консерваторов в Европе.

Мински и Годли были озабочены недостаточным спросом, массовой безработицей и финансовой нестабильностью — и эти проблемы восемь десятилетий спустя все еще мучают экономистов. Последователей Мински и Годли в современном монетаристском движении мучают те же вопросы. Об этом пишут Уоррен Мослер¹, Л. Рэндалл Рэй², Стефани Келтон³ и многие другие. Таким образом, разговор все еще ведется о первом кризисе.

Мало кто пока интересуется проблемой второго кризиса и необходимости экономики страхования и социального обеспечения семей; освобождения женщин; гражданских и человеческих свобод; регулирования безопасности и здравоохранения; защиты окружающей среды; войны и мира; искусства и культуры, несмотря на недавние старания в этой области Джулиет Шор⁴, Друсиллы Баркер и Сюзан Фейнер⁵, Здравки Тодоровой⁶ и др. Важность этих проблем и их укорененность в институциональном устройстве, тем не менее все равно не дают им возможности выхода на первый план. В мире все еще бушуют битвы по поводу прошлого.

Тем временем даже добрые старые кейнсианцы в основном рассматривают основополагающие проблемы занятости и заработной платы, недооценивая экономическую роль государственных услуг, государственных товаров и социального страхования. Прогрессисты говорят о застое показателей средней реальной заработной платы — статистической абстракции, которую никто не воспринимает как реальную, а вопросы, которые чувствительны для общества, такие как пенсионное обеспечение, отсутствие медицинского страхования и низкое качество образования, остаются без внимания и становятся все более острыми.

Например, на заседании совета «Экономисты за мир и безопасность», которое состоялось 5 января 2013 года, Кеннет Эрроу говорил о важности здравоохранения для благополучия общества. Здоровье для многих людей значительно важнее заработной платы и гораздо более труднодостижимо. Эрроу считает, что отсюда вытекает критическая значимость страховых медицинских программ, таких как Medicare и Medicaid, дающих жителям США определенную стабильность в этой области. Это был очень важный аргумент, но надо отметить, что экономисты часто не придают ему той важности, которую он заслуживает. Высказываясь приблизительно в том же ключе,

¹ Mosler W. The Seven Deadly Innocent Frauds of Economic Policy. St Croix : Valance Co., 2010.

² Wray L. R. Modern Money Theory: A Primer on Macroeconomics for Sovereign Monetary Systems. N. Y. : Palgrave MacMillan, 2012.

³ Kelton S. The State, the Market, and the Euro: Chartalism Versus Metallism in the Theory of Money. L. : Edward Elgar, 2003.

⁴ Schor J. The Overworked American: The Unexpected Decline of Leisure. N. Y. : Basic Books, 2002.

⁵ Barker D. K., Feiner S. F. Liberating Economics: Feminist Perspectives on Families, Work, and Globalization. Ann Arbor, MI : University of Michigan Press, 2004.

⁶ Todorova Z. Money and Households in a Capitalist Economy: A Gendered Post Keynesian-Institutional Analysis. N. Y. : Edward Elgar, 2009.

экономист Гэри Дымски говорил мне, что штат Калифорния не ведет статистического учета изъятия банками заложенного под ипотечный кредит имущества. Но ведь жилище для многих людей важно точно так же, как работа.

Проблема неравенства поднималась и в лекции Джоан Робинсон в 1971 году. В частности, она говорила о том, что технические инновации обогащают многих, но ввергают в бедность и лишают собственности очень многих людей. Идея сама по себе не нова. Впервые о ней заговорил Карл Маркс. Ее же упоминает Давид Рикардо в своей известной книге «Принципы политэкономии и налогообложения»⁷, в главе о машиностроении. Этот вопрос по-прежнему актуален и в век цифровых технологий. Колодко⁸ рассматривает проблему переходных экономик, где неравенство возникло очень быстро и имело серьезные последствия, хотя и было неизбежным. В этих странах формирование финансового капитала происходило в обстановке политических и социальных потрясений.

В 1971 году уровень социального неравенства был самым низким в истории, поэтому в те годы этой проблеме не уделялось большого внимания. С тех пор неравенство возросло. В течение двух десятилетий ученые стремились ответить на вопрос «почему?» лишь в том, что касалось спроса и предложения. Спор шел между теми, кто говорил, что все дело в технологиях и образовании, и теми, кто считал, что проблема в расширении торговли и иммиграции из менее развитых стран. Я думаю, что об этом споре скоро забудут, и экономисты, как и другие ученые, поймут, что рост неравенства связан с постепенным дрейфом в сторону экономического и финансового кризиса. *В конце концов, надеюсь, мы договоримся, что измерение неравенства описывает тот же самый феномен, что и рост нестабильности в финансовой системе.*

Таким образом, экономическое неравенство метафорически схоже с артериальным давлением. Существует определенный диапазон давления, с которым человек считается здоровым. В рамках этого диапазона низкие показатели свидетельствуют об эффективности и стабильности организма, то есть о здоровье. Слишком низкое давление представляет собой проблему, человек чувствует себя слабым и уставшим. Отсутствие неравенства, так же как и отсутствие давления, свидетельствует лишь об одном — о смерти. Когда же неравенство достигает значений выше нормального диапазона, то, как и высокое кровяное давление, это тревожный знак. Никаких симптомов может и не наблюдаться. Это просто предупреждение о наступлении кризиса.

Именно это и обнаруживают наблюдатели, когда замечают пиковые значения социального неравенства. Неравенство достигло пика в США в 2000 году, тогда же затормозилось и развитие фондового рынка. В то время случился небольшой кризис, после чего по-

⁷ Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. 1st ed. L., 1817.

⁸ See: Kolodko G. Equity Issues in Policymaking in Transition Economies // Economic Policy and Equity, International Monetary Fund / Vito Tanzi, Ke-young Chu, and Sanjeev Gupta (eds.). Washington, D. C., 1999. P. 150–188.

следовала волна колебаний, а семь лет спустя — большой кризис.

Третий кризис — есть ли у экономики способы остановить его?

Теперь экономисты все чаще задумываются о третьем кризисе. Он не будет похож на прошлые перепадки на темы стимулирования развития и экономии расходов — двух основных проблем первого кризиса. Он будет отличаться и от второго кризиса финансового изобилия, о котором прогрессивные экономисты говорили сорок лет тому назад. Его не надо связывать с монотонными сюжетами, которые мы слышим с 2007 года, где говорится о некоем единственном катастрофическом событии, которое предсказать невозможно. Предлагались метафоры «черного лебедя», «жирного хвоста» и даже «пузыря». Статистические данные и зрительные образы не заменят экономических аргументов.

Итак, что представляет собой третий экономический кризис? Он имеет не только финансовые причины. Важно осознавать, что этот кризис не будет переходным событием и что экономика не вернется к прежнему ожидаемому нормальному состоянию. Предлагаю назвать его *кризисом ограничителей*, кризисом тех вопросов, которые хотя и присутствовали в ходе первого и второго кризисов, но не играли в то время значимой роли. Перед великим финансовым кризисом был период застоя, который поднял ряд вопросов, необходимых для изучения, прежде чем будет разработан какой-либо внятный подход к этой проблеме.

Ни экономика «соленой воды», ни экономика «свежей воды» в этом не заинтересованы. Поэтому предлагаю передать ответственность за ответы на эти вопросы экономистам *стагнирующих экономик*. Именно они осознают важность физических систем, учреждений, прагматического подхода к экономическим и социальным вопросам. В своем проекте Колодко¹ рассматривает «еще больший по масштабу кризис». Суть проблемы состоит в том, чтобы привести экономическое развитие в устойчивое соответствие с ресурсами, технологиями и учреждениями и найти потенциал для роста и повышения жизненных стандартов соответственно для бедных и более богатых регионов.

Во-первых, это проблема стоимости энергоносителей, которая постоянно меняется, то падая, то повышаясь. Расходы на ресурсы зависят от стоимости энергии, особенно в тех регионах, которые ее импортируют. В этих регионах, безусловно, ведется основная часть экономической деятельности мирового масштаба. Рост расходов снижает прибыль в случае, если структура фактических и накладных расходов является факсированной.

Растет угроза масштабам инвестиций и уровню экономического роста. В предельных случаях перед некоторыми странами и регионами встает вопрос о том, есть ли у них вообще шанс на получение хоть каких-то доходов. В случае отрицательного ответа наступают серьезные негативные последствия. Рост за-

¹ Kolodko G. Neoliberalism, World Crisis, and the New Pragmatism. P. 345–346.

траг на энергию был центральным аспектом проблем в 1970-х годах, и именно они сыграли значительную роль в приближении катастрофы 2008 года. Однако за взрывом обычно следует рост, и вскоре об этих событиях забыли, как о кратких шоковых эпизодах. Экономисты расценивают подобные шоковые эпизоды как класс событий, которые не нужно объяснять или анализировать, лучше просто забыть.

Сорок лет спустя Сайрус Бина² напомнил экономистам о том, что классическая политическая экономия, уделяющая большое внимание ренте, предоставляет всю необходимую информацию для понимания сущности расходов на ресурсы. Экономисты также осознали, что военный контроль над ресурсами только безнадежно ухудшает ситуацию. Парадокс власти над природными ресурсами состоит в том, что эта власть ценна только в том случае, если она не применяется на практике. Мир уже получил важное доказательство правоты этого постулата на примере ядерного оружия (к счастью, исключений из этого постулата не произошло и, надеюсь, не произойдет). Это показало и вмешательство США в войну в Ираке и Афганистане. Мы должны осознать, что при всей неопределенности цен на энергоносители и энергоресурсы ни одна сторона в настоящее время не имеет достаточной власти для абсолютного контроля над этой отраслью.

Во-вторых, нам нужен практический ответ на технологические инновации, которые привели к значительной экономии трудовых ресурсов. Роберт Гордон³ задает вопрос: смогут ли новые технологии поднять уровень жизни таким же образом, как это за последние два века сделали стеклянные окна и кондиционеры? Вопрос хороший, но я бы задал другой. Не думаю, что новые технологии лишили работы так уж много людей, по крайней мере пока. Если бы это было так, то уровень безработицы перед кризисом был бы гораздо выше. Но не помешают ли они созданию новых рабочих мест после кризиса?

В век двигателя внутреннего сгорания технологическая безработица оказала огромное негативное влияние на самую несчастную жертву прогресса — лошадь. Люди начали отказываться от коневодства, на которое приходилась почти треть сельскохозяйственных земель в США до Первой мировой войны. Вместо этого стал расти рынок технических товаров и услуг, в результате выросла безработица. В цифровой век трудно подобрать пример, эквивалентный автомеханическим мастерским, шоссе, гаражам, даже тем мастерским, где разбирались ворованные автомобили. Какую бизнес-модель можно построить по отношению к тем, кто лишился работы в офисе из-за развития компьютерных технологий, мгновенных глобальных коммуникаций и аутсорсинга?

Или, точнее, какова институциональная модель, которая заменит модель платы за труд тех людей, кого цифровые технологии лишили работы — включая

² See: Bina C. The Globalization of Oil: A Prelude to a Critical Political Economy // International Journal of Political Economy. 2006. № 35 (2). P. 4–34.

³ Gordon R. Is US Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds // NBER Working Paper. 2012. № 18315.

многих преподавателей вузов, функции которых взяли на себя организаторы программ дистанционного обучения? Ответ на этот вопрос состоит в создании новых институтов, которые организуют рабочие места в области здравоохранения, помощи на дому, образования, искусств и культуры, социального обеспечения и экологии для тех, кто лишился работы, причем новая работа должна им нравиться и быть общественно полезной... Можно начать с того, что просто признать существование этой проблемы.

В-третьих, надо изучать «экономику мошенничества». Обычно экономисты предпочитают избегать этой темы, потому что ее обсуждение подрывает основы прибыльности предприятий, созданных людьми. Но ведь вполне можно допустить, и, наверное, стоит даже ожидать того, что рационально мыслящие люди в рамках своей организации мошенничают в отношении своих клиентов, инвесторов и широкой общественности, желая обогатиться лично, если они могут так поступать, не боясь быть пойманными и наказанными.

Почему бы не ввести в дискурс саму проблему мошенничества? Частично потому, что это будет очень неудобно. Колодко¹ представляет свою интерпретацию лжи и индоктринации в этой области на основе тщательного изучения внедрения неолиберальной догмы, особенно в Восточной Европе. Там появились «казначей» — как государственные, так и частные. Появились идеологи (правильнее было бы назвать их демагогами), которые ищут профессиональную выгоду, при этом якобы выражая общественные интересы. Появились и упрямцы, которые, приняв определенную идею, теперь не хотят от нее отказаться. Колодко пишет: «в этой матрице правды, искренности, невежества, ошибок, фальсификаций и лжи легко заблудиться»².

Элементы экономики мошенничества были описаны Джорджем Акерлофом и Полом Ромером³ в труде «Грабёж: тайный мир экономики банкротства ради прибыли», в котором они суммируют опыт американских финансовых рынков — сберегательного и ссудного. Эту историю детально пересказывает Уильям К. Блэк⁴, который вводит термин «контролируемое мошенничество» — криминологический термин, обозначающий мошенничество, которым занимаются те, кто контролирует фирму. Но экономисты доминирующих школ предпочитают не обращать на это внимания. Никто не отрицает того, что великий финансовый кризис был частично связан с мошенничеством. Но очень немногие, несмотря на большой массив данных, подтверждающих этот факт, осмеливаются говорить об этом. Рынки ипотеки в Соединенных Штатах насквозь пронизаны мошенничеством. Аферы на этих рынках воспринимаются настолько обыденно, что

¹ Kolodko G. Neoliberalism, World Crisis, and the New Pragmatism. P. 20.

² Ibid. P. 22.

³ Akerlof G. A., Romer P. M. Looting: The Economic Underworld of Bankruptcy for Profit // Brookings Papers on Economic Activity, Economic Studies Program / The Brookings Institution. 1993. № 24 (2). P. 1–74.

⁴ Black W. K. The Best Way to Rob a Bank is to Own One. Austin: University of Texas Press, 2005.

в книге Бетани Маклин и Джо Носеры⁵ «Все черти собрались» упоминается об ипотечной компании, которая выдавала своим агентам по продаже ипотечных кредитов небольшой набор: ножницы, бутылочку корректирующей жидкости и порошки метамфетаминов, чтобы во время работы они чувствовали себя бодрее. Директор этой фирмы завершил свою карьеру на посту посла США в Нидерландах. На эту должность его назначил президент Джордж Буш-младший, а следующий президент, Барак Обама, переназначил на следующий срок.

Весь лексикон финансового сектора того времени кричит о мошенничестве — «кредиты лжецов», «кредиты ниндзя» (которые выдавались людям без доходов, работы и собственности); «нейтронные кредиты» (которые «взрывались» и убивали людей, оставляя нетронутыми здания), «токсичные кредиты», или конверсионные эквити-транши. Представьте себе, что в ресторане официанты обсуждают блюда, описывая их словами «слизь», «отстой» и «помои» — не возникнет ли у вас ощущение, что они не совсем честно работают?

Изучая системное мошенничество, надо ответить на два вопроса: как оно возникло и каковы его последствия. В моей статье, написанной в соавторстве с Дзинь Ченом⁶, говорится о том, что мошенничество является частичным ответом на рост стоимости ресурсов и соответствующее снижение объема честной прибыли. Фирмы обязаны декларировать целевую норму доходности. В прошлые времена они могли достичь этой цели законными средствами, поэтому были готовы принимать эффективные меры противодействия менее добросовестным конкурентам. Но в случае, когда целевая норма доходности больше не может быть получена честным способом, ее можно добиться лоббированием дерегуляции и отмены контроля, чтобы можно было скрыть фальсификации в отчетности. В результате конкурентное преимущество получили мошенники.

То, о чем я пишу, — некая абстракция, но хочу обратить внимание на то, что сразу после атак 11 сентября 2001 года в США 500 агентов ФБР были переброшены с расследования финансовых преступлений на борьбу с терроризмом. И это было понятно. Непонятно было другое: их никем не заменили. В 2003 году произошло известное событие, когда Джеймс Гиллеран, тогдашний глава Управления по надзору за сберегательными учреждениями, пришел на пресс-конференцию с пачкой требований по размещению ценных бумаг в одной руке и циркулярной пилой в другой. Этим он хотел сделать свою мысль понятной даже наскоро обученному агенту по продажам ипотек.

Как написал Блэк, на рынке хороших кредитов наступили сроки платежей. Насыщенные рынки не могут расти быстро, поэтому после взрывного роста информационных технологий они некоторое время не вернутся к росту. Но существует еще один рынок, который математически неистощим. Это рынок кредитов, которые никогда не будут выплачены. Единственное,

⁵ McLean B., Nocera J. All the Devils Are Here: The Hidden History of the Financial Crisis. N. Y.: Portfolio/Penguin, 2010.

⁶ See: Chen J., Galbraith J. K. A Common Framework for Evolutionary and Institutional Economics // Journal of Economic. 2012. Iss. 46 (2). P. 419–428.

что необходимо для такого рынка, это «отверстие для слива», через которое невозвратные кредиты попадут к тому, кто в конце концов ответит за эти потери. В «Большой игре на понижение» Майкл Льюис¹ приводит хорошее определение этого явления. Разговаривают два банкира, и один из них спрашивает: «Кто покупает эту никому не нужную ерунду?» И слышит в ответ: «Дюссельдорф».

Еще один постулат экономического прагматизма гласит: в современной экономике все основано на доверии. Практически не существует таких рынков, где потребители могут напрямую судить о качестве и безопасности товаров. Почти всегда покупатель зависит от длинной и часто непрозрачной цепочки разработчиков, производителей и продавцов. *Доверие устанавливается регулируемыми органами.* Это значит, что в современном мире регулирующие органы — не лишнее бремя для рынков, а необходимое условие их функционирования. Разница между развитыми и развивающимися странами состоит не в присутствии или отсутствии технологий, потому что их можно легко достать и импортировать. Разница заключается в эффективности регулирования деятельности на рынке компетентным государственным органом. Листовой салат обычно не продается на китайских рынках, потому что покупатели считают, что он небезопасен. Даже если поклясться, что салат выращен в дистиллированной воде, покупатели вам не поверят. Тем не менее в Китае листовой салат в продаже есть. Его продает сеть “Sam’s Club”, он завозится из Калифорнии, и на коробках стоит печать USDA — Министерства сельского хозяйства США.

Когда рынки перестают регулироваться, начинается грабеж в соответствии с динамической моделью Грешема, в результате чего доверие к рынку падает. На финансовых рынках это произошло практически за один день в августе 2007 года. За этим последовали институциональные коллапсы, вызванные потерей доверия. В результате возник момент койота Вайла, как назвал его Пол Кругман². В рамках этой модели система продолжает работать некоторое время и после обрушения в пропасть — до того момента, когда люди обнаруживают этот факт. Затем начинается резкое и быстрое падение.

Большинство аспектов третьего кризиса связаны с тем, что проблема доверия была плохо увязана с регулятивными мерами. Экономисты всегда считали, что регулятивные меры — это дополнительная ноша, которая иногда бывает необходима и всегда обходится дорого. Это как если бы ядерный реактор работал без системы охлаждения. Если же попытаться осуществить это на практике, произойдет катастрофа (melt-down). Мы называем этим словом обвал в экономике и финансах, но отказываемся понимать его смысл. Melt-down означает, что уничтожен сам механизм. Мы применяем этот термин к банкам, но почему-то думаем, что банковская система продолжает работать и после краха: банки открыты, финансовые операции про-

водятся. Однако банковский офис — только оболочка, а само предприятие разрушено. Крупные американские банки сегодня существуют благодаря поддержке государства и снисходительности министерства юстиции. На банковскую систему взимаются налоги других частных предприятий. Иначе говоря, они похожи на машиностроительную отрасль в позднем СССР: на нее приходилось около 40 % производства, но она не вносила ни малейшего вклада в повышение уровня жизни общества. Как только СССР распался, соответствующие министерства были ликвидированы.

И последняя проблема третьего кризиса — изменение климата. Эта проблема является частью именно третьего кризиса потому, что, по крайней мере, экономисты ничего не знали о ней еще во время второго кризиса. Они и сегодня предпочитают не думать об этом, а те, кто все же думает, ничем не могут помочь. Поэтому надо дорожить теми людьми, которые могут сделать какие-то практические шаги в этой области. Несущая способность атмосферы — вот последнее ограничение, осложненное тем, что оно непредсказуемо разнится по времени. Ныне живущее поколение может почти безнаказанно нарушать его, и эта тенденция продлится еще некоторое время. Счет за эти нарушения будет выставлен потомкам лет через пятьдесят.

Что делать?

Что говорят всем нам — экономистам из стран с застойной экономикой, кейнсианцам, институционалистам и новым прагматикам — эти составные элементы кризиса? Что же делать?

Во-первых, мы должны открыть нашу дисциплину навстречу ученым и специалистам — физикам, геофизикам, инженерам. И не для того, чтобы создать еще одну физическую модель абстрактной экономики. Необходимо основывать экономические расчеты на данных о фактической стоимости ресурсов, инженерных возможностях и геофизических ограничениях. Понимание роли ресурсов поможет экономистам в общении с биологами, биофизиками и экологами — а это, в свою очередь, исполнит давнишние мечты эволюционных экономистов.

Во-вторых, нам требуется восстановить общение с теми, кто работает в области законодательства и юриспруденции. Это нужно не для того, чтобы снова вступить в пустой спор о том, могут ли рынки заменить систему правосудия. Необходимо пересмотреть подход, который предполагает, что учреждения могут работать только при наличии определенных юридических норм на этот счет, что в основе организационной структуры должны лежать законы и правила. Та отрицательная роль, которую играет мошенничество в странах с рыночной экономикой, делает эту задачу особенно важной. В настоящее время мы не знаем, до какой степени возможен реальный контроль над мировой финансовой системой — в ситуации открытости информации, мощи компьютерных технологий, различных вариантов ухода от ответственности, регулирующих норм и налогового арбитража. В этих условиях было бы неплохо принять простые решения, по крайней мере восстановить налог Гласса–Стиголла на фи-

¹ Lewis M. The Big Short: Inside the Doomsday Machine. N. Y.: W. W. Norton & Company, 2011. P. 67.

² Krugman P. Op. cit.

нансовые транзакции. Это решение лежит на поверхности, всем хорошо известно и поэтому может быть легко реализовано. Необходимо срочно провести научные исследования и открытое обсуждение реалистичности предлагаемых мер.

В-третьих, нам необходимо провозгласить и реализовывать новую солидарность, чтобы подчеркнуть важность стабилизации источников дохода и социального страхования для всех, кто не работает активно, — молодежи, тех, кто ухаживает за стариками и инвалидами, самих инвалидов, больных и престарелых граждан. Таких людей становится все больше, на это есть как демографические, так и технологические причины. Перед появлением послевоенного культа роста экономисты в основном говорили о безопасности, стабилизации, полном использовании человеческих ресурсов. В результате дискуссии возникли мощные институциональные проекты. Движителями перемен стали прогрессисты, которые ввели налоги на имущество и подарки и подоходный налог, социальные реформаторы, которые придумали социальное страхование — народную пенсию, и профсоюзы, которые добились заключения коллективных договоров.

Сегодня экономика страдает от отсутствия солидарности на всех уровнях — личном, институциональном, национальном, международном. Мы наблюдаем за сокращениями социального и медицинского страхования в рамках программ Medicare и Medicaid; стариков заставляют трудиться дольше, а молодежь не может най-

ти работу; огромные суммы неразумно тратятся на благотворительность; кредиторы банкротят должников; развитие понимается в рамках модели коммерческого банкинга; страны, не контролирующие курс своей валюты, сознательно скатываются в нищету из-за ошибочного и недальновидного планирования. В результате все чувствуют себя преданными системой.

Мой последний аргумент состоит в том, что необходимо найти новый-старый способ решения этих проблем, и эта задача еще только ставится перед институциональной и эволюционной экономикой. Как пишет Колодко, «Нам нужно смотреть на горизонт во все стороны». Этого нельзя достичь, если мы будем рассчитывать на легкий путь открытого роста, как на это надеялись после войны. Ни прямодушные кейнсианцы, ни ретрограды в лице финансовых консерваторов не могут вернуть нас на тот путь. Мы должны придерживаться политики нового прагматизма, смотреть вперед, навстречу опасности и неопределенности, и искать формы развития в трех основных областях — экономической динамики, социальной приемлемости и охране окружающей среды¹. Правильный подход — это экономика умеренности, как я уже упоминал в «Конце нормы». Мы должны научиться работать с системой ограничителей, использовать человеческий капитал в тщательно организованных учреждениях, гарантировать всем стабильность и безопасность, сохранить природные ресурсы и нашу планету — настолько, насколько это возможно.

А. Н. Данилов²

НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

Глобализация, как ожидали некоторые политики, не стала могильщиком национального государства. Наоборот, наступление строителей нового глобального рая на Земле только подзадорило его защитников, породив волну антиглобалистского движения по всему миру. И чем больше проводится международных форумов по созданию неких наднациональных структур, тем шире народный протест. Отказываться от своего

¹ Kolodko G. *Whither the World: The Political Economy of the Future*. P. 403.

² Заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор социологических наук, профессор. Автор и соавтор работ по социологии, методологии и методике социологических исследований, теории и истории социологии, в т. ч. монографий: «Переходное общество: проблемы системной трансформации», «Власть и общество: поиск новой гармонии», «Гуманитаризация науки и образования в переходный период» (в соавт.), «Социология власти: теория и практика глобализма», «Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»» (в соавт.), «Слово о современниках: эссе, интервью», «Ценностный мир современного человека: Беларусь и ее соседи в международных проектах по изучению ценностей» (в соавт.), «Знать, чтобы предвидеть... Социологические этюды» и др. Председатель Белорусского социологического общества. Главный редактор научно-теоретического журнала «Социология». Лауреат премии Национальной академии наук Беларуси.

национального никто не хочет... Видимо, так устроен человек, и такой мир ему ближе и понятнее, так ему комфортнее и безопаснее жить. При этом идея глобализации все больше обрастает неким «политическим мхом», вызывая к жизни у кого-то надежду, а у кого-то — новые страхи и беспокойства.

Надежды и ожидания, порожденные глобализацией, с которыми многие встретили свежий ветер перемен, оказались очередными иллюзиями. Распад Советского Союза породил паралич власти и новую несправедливость, горе и страдания ни в чем не повинных людей. Они себе такую долю не выбирали. Появились беженцы — люди, бегущие от войны и насилия, настоящего геноцида, национальной и религиозной розни. Во вновь образовавшихся государствах царили безвластие и разгул коррупции. Стали прерываться нарабатанные десятилетиями социально-экономические, культурные связи, закрывались промышленные предприятия, начались перебои в поставках, нарушения взаимных обязательств, резко возросла трудовая миграция, некогда ухоженные сельхозугодья заросли бурьяном, увеличилась преступность.

Постсоветский мир с обретением бывшими республиками суверенного статуса привел к совершенно

иным, чем ожидалось его инициаторами, последствиям. Трагические события на Украине — яркое тому подтверждение. Реализация собственных национальных амбиций и построение жизни по чужому образцу не дали ожидаемого результата, разворошив лишь давно зарубцевавшиеся раны. Теперь они, как неожиданно оживший старый вулкан, с новой силой дали о себе знать, неся новым государствам, народам и людям горе, беды и новые лишения. Мир от этого не стал более безопасным и стабильным, вступив в фазу повышенных рисков. Новые вызовы ждут от человечества нетривиальных решений и научных открытий. И они, конечно, будут найдены.

В целом процесс трансформации был призван обеспечить гарантии нерестаuration старой системы, причем как нежелательные рассматривались не только варианты возвращения к прежней идеологии, но и восстановление мощного государства, которое могло бы существенно влиять на геополитические процессы в их экономических, торгово-финансовых, военных, научно-технических и прочих измерениях. Вся сложность развития данного процесса состояла в том, что не было единой технологии трансформационных перемен и оптимальную политику преобразований каждой стране приходилось вырабатывать самостоятельно. К тому же сразу появились умелые подсказчики, причем не только доморощенные, но и западные. Они-то и просветили потерявшую всякую бдительность и желание к сопротивлению советскую властную элиту, как быстро и без больших потерь перейти от развитого социализма к современному (витринному) капитализму. Дошли немногие, но страну развалили окончательно. Все пришлось начинать заново, да и то не сразу.

Как показал недавний опыт, темп и характер изменений политической и экономической системы, а также предрасположенность к той или иной форме интеграционной активности во многом зависят от структурно-экономических, этнокультурных, политических и иных конкретно-исторических черт отдельно взятой страны. По мере углубления реформ в восточно-европейских странах все явственнее проступают объективные противоречия интересов различных категорий населения. Неизбежным компонентом трансформации структуры общественного сознания выступает ценностный конфликт. Причем изменение менталитета напрямую связано с процессом социализации в новых условиях, и, как показало последующее развитие, трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание и социализация, которые были обреты в течение долгой жизни, не могут подвергаться быстрым переменам. Они продолжают влиять друг на друга и в процессе приспособления к новым условиям могут вызвать кризис личности и системы. В таких условиях люди становятся заложниками событий, которыми не умеют управлять, перманентно находясь в социально-психологическом напряжении, травматической ситуации. В этом и заключается своеобразии процесса перемен.

С распадом социалистической системы оказалось разрушено послевоенное равновесие сил, уничтожена

сложившаяся система сдержек и противовесов в мировой политике, какую представляла собой биполярная модель мира. Мир постепенно стал скатываться в хаос, а основным регулятором, мировым судьей в глобальном масштабе вновь становится военная сила. Через 70 лет после Великой Победы над фашизмом в мире опять запахло порохом. Все скрепы, ранее удерживающие его в равновесии, вдруг разом пришли в негодность. Система мировой безопасности уже не может сдерживать алчности новых хозяев Земли, объявивших себя победителями в холодной войне и примеряющих лавры лидера однополярного мира. А их образ жизни и система управления сегодня выдаются за единственный образец, некий идеал, который следует только восхвалять, копировать и, конечно же, которому надлежит подражать. Любая попытка стран не их круга призвать к разуму беспощадно пресекается и жестоко карается.

Бесспорно, любой опыт несет позитив, и почему не видеть хорошее там, где оно действительно есть? В этом мы можем согласиться с коллегами. Нежелание видеть очевидное дорого нам обошлось в период холодной войны с Западом, и сегодня нет необходимости вновь наступать на те же грабли. Однако мы не можем не признать, что Запад также не видит, куда двигаться дальше, чуть выкарабкивается из одного кризиса, как попадает в другой и тащит за собой весь мир. Страшный символ, начертанный некогда У. Шекспиром, — безумцы, которых ведут слепцы, — не витает ли снова над планетой? Мир вновь меняет очертания. Что для него спасительно? Что губительно? Как устоять в этом новом смерче событий государствам и народам, потерявшим жизненные ориентиры и ступившим на зыбкий путь поиска своего «нового прошлого»? Будет ли надежным и устойчивым такой фундамент? Как поделить некогда общие традиции, ценности, идеалы? Как поступить с героями, общими победами и поражениями? Ведь народ, забывший свою историю, обречен пережить ее вновь...

Сегодня совершенно неясно, какой идеал будущего мира поддерживается и берется за ориентир развития. На наш взгляд, мир будет укрепляться не за счет того, что будут приняты некие общие для всех правила игры, признаны универсальными некие общечеловеческие ценности, а, наоборот, за счет того, что будут уважаться, в том числе и сильными мира сего, национальные интересы, права и достоинства всех народов и граждан. Если будет сохраняться многообразие мира — наладится и реальный диалог культур. Признание же за образец устройства жизни и модели развития сильнейшего — это капитуляция, сдача своих национальных интересов и в связи с этим самоличное перекодирование своих культурных основ, изменение идентификационного кода, потеря будущего. Гегемонию одной страны или группы развитых западных стран исторический опыт отвергает, так как он уже доказал свою неспособность адекватно реагировать на современные вызовы, справедливо решать мировые проблемы. И четверть века постсоветского мира показывает, что ни одна из вновь образовавшихся на обломках бывшего социалистического сообщества стран не спешит расставаться с обретенным суверенитетом и не гото-

ва делиться даже частью своих прав с некими наднациональными структурами. Мир сегодня так устроен, что фактически странам, ставшим на суверенный путь развития, нет иной альтернативы, как только жить по-американски или... никак. Чуть в сторону — санкции, бомбежки, блокада и т. п. В чем же альтернатива и есть ли она вообще?

Одним из немногих государств на постсоветском пространстве, которое наладило достойную жизнь, утвердило в стране закон и порядок, стала Республика Беларусь. Страна и сегодня демонстрирует стабильность в социально-экономическом развитии, мир и согласие. И вполне естественным является то, что, когда в прошлом году на Украине разразилась гражданская война, именно Республика Беларусь стала надежной площадкой для переговоров по прекращению огня и установлению мира.

За последние два десятилетия о Беларуси много писали, все больше негативного, через призму собственных политических предпочтений и укоренившихся клише. Эти шаблонность и предвзятость в разговоре о Беларуси, а теперь и о России подчас мешают увидеть реальные достижения братских народов, их способность в сложное время мобилизоваться, сплотиться вокруг своих лидеров и самостоятельно строить свое будущее. В Беларуси своевременно была создана сильная вертикаль власти, сохранена социальная направленность политического курса, хотя трансформационный процесс еще полностью не завершен. Предстоит преодолеть последствия мирового финансового кризиса, вывести национальную экономику на новый инновационный этап своего развития, модернизировать сельскохозяйственную отрасль, существенно продвинуться в гуманитарной сфере, науке, образовании, культуре. Полным ходом идет трудный процесс формирования национальной идентичности, что еще раз подчеркивает правильность избранного пути по укоренению белорусской государственности. Он не носит ультимативного, резкого, неприемлемого для белорусского народа характера, но все более в сознании граждан утверждается мысль о ценности суверенитета, собственной ответственности за свою судьбу и судьбу своей страны. И это следует отнести к главным достижениям последних двух десятилетий нашего государства.

Россия, ощутив на собственном примере полный набор угроз, международное давление, политические и экономические санкции, реальную блокаду, информационные провокации и бездоказательные обвинения во всех смертных грехах, сегодня лучше понимает суверенную Беларусь, которая дорого заплатила за право жить своим умом, иметь собственное мнение и развиваться по собственному сценарию. России сейчас тяжело, но она не сдастся, объединяется вокруг своего лидера и настойчиво идет своим путем. Представляется, что именно эта дорога ведет к реальному возрождению страны и возвращению ее в лоно сверхдержав, самых влиятельных и сильных в мире.

Но не стоит обольщаться и надеяться, что Запад сам примется за создание некой геополитической альтернативы или будет спокойно наблюдать, как у него на глазах кто-то будет выстраивать иную модель раз-

вития, альтернативную его собственной. Тем более что в планы Запада никак не входит намерение предложить постсоветским странам модель перспективного социального прогресса и приобщения к мировым стандартам самостоятельного развития с сохранением их национальных особенностей. За такую работу может взяться только возрождающаяся Россия. Поэтому для Запада сегодня хорошо все, что плохо для России. Им сложно понять, как поверженный, с их точки зрения, в холодной войне противник посмел иметь собственное мнение и вновь начинает выстраивать самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, открыто игнорируя позицию Запада.

Большая Европа в XXI веке пришла в движение и принимает новые очертания. Когда-то считали, что со временем она должна будет полностью перейти во власть Евросоюза, однако история складывается иначе. Напомним, что под Большой Европой мы понимаем не только страны, входящие в Европейский Союз, но и те, которые формируются вокруг России в Евразийском экономическом союзе, и те немногие страны, которые в настоящее время еще ни к кому не примкнули и находятся в относительно свободном плавании. Ведь Большая Европа — это совокупность всех европейских государств, которых в настоящее время насчитывается более полусотни. Но, как показывает практика, единство европейской цивилизации нисколько не укрепилось с распадом СССР и расширением Евросоюза, а наоборот, начался сложный и долговременный процесс новой поляризации Европы.

При этом мы не умаляем того факта, что Европа, как и Россия, всегда была и будет одним из мировых центров силы. В этом ее неисчерпаемый потенциал для созидания будущего. Распад бывшего советского блока усложнил ситуацию в Европе, но и подал надежду на реальность существования Большой Европы. Готовы ли страны Евросоюза выполнить свою объединительную, миротворческую миссию? В настоящее время высказывается больше аргументов в пользу того, что и после холодной войны мир в Европе не наступил. И главной причиной здесь видится то, что Европа до сих пор не хочет видеть возрождающуюся созидательную мощь новой России. Речь идет о России не столько как о главном поставщике энергетического сырья для Евросоюза, необъятном рынке сбыта товаров европейского происхождения, универсальном транспортном коридоре между странами Западной и Центральной Европы и государствами Тихоокеанского бассейна и Юго-Восточной Азии, а как о равном партнере в экономической интеграции. За последнюю четверть века стало очевидным, что на множество современных глобальных вызовов без активного участия России дать адекватные ответы не получится.

Россия — единственный относительно независимый субъект в мировых энергетических и ресурсных отношениях, который способен возглавить реализацию евразийской модели развития. И России вполне по плечу строительство нового миропорядка как альтернативы западной модели развития. Тем более что формирование единой евразийской энерго- и инфраструктурной системы могло бы создать уникальные условия для

развития всех экономик континента, учитывая, что взаимоотношения между государствами Евразии строятся на экономической взаимозависимости и политической самостоятельности. Более того, продолжением и развитием евразийского энергетического проекта (с учетом Арктического региона) могло бы стать формирование нового интеграционного объединения в формате ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика), АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии), что кардинальным образом изменит геополитическую ситуацию в мире. Вполне можно согласиться с теми политическими аналитиками, которые высказывают предположение, что Россия приступила к строительству нового миропорядка как альтернативы западной модели развития.

В связи с этим внешняя политика России приобрела последовательность, целеустремленность и логику в своей деятельности: Россия и Китай при поддержке Индии запустили процесс интеграции, противостоящий процессу глобализации «по-американски», и начали строительство нового мира, более справедливого и безопасного. Конечно, такая внешнеполитическая активность не могла не вызвать на Западе серьезной озабоченности. Однако современная Россия — самостоятельная и вполне самодостаточная цивилизация, которая по праву занимает достойное место в мире. Новые тенденции, которые обнаружились в последние годы, рисуют очертания нового многомерного мира, в котором сложная архитектура интеграции еврозоны не годится для обслуживания геополитических интересов США на евразийском континенте, практика и реальная жизнь всячески сопротивляются этой глобальной перспективе. Евросоюз пока не смог «переварить» страны последнего набора, а уже в очередь выстроились новые — Украина, Грузия, Молдова и даже Турция. В то же время набирает силу евразийская интеграция,

образуя в Большой Европе второй самостоятельный и самодостаточный интеграционный полюс во главе с Россией. И большого понимания между этими полюсами пока не наблюдается.

Президент Беларуси А. Г. Лукашенко в своем выступлении во время общей дискуссии на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 года отметил, что «только общими усилиями мы сможем вывести новую формулу всеобщего взаимовыгодного сотрудничества. Белорусская сторона предлагает, чтобы его основой стала идея *интеграции интеграций* как наиболее актуальная тенденция современного мира... И сегодня мы ведем речь о перспективах взаимодействия Европейского и Евразийского экономического союзов, масштабном проекте Великого шелкового пути, создании Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантической зоны свободной торговли и десятках других. Если нам удастся избежать ненужного и опасного противоборства интеграционных моделей, добиться их совместимости, взаимодополняемости, то в идеале мы способны создать всемирную интеграционную структуру, которая бы охватывала всю нашу планету, прочно соединяла различные регионы и целые континенты. В такой парадигме могли бы мирно сосуществовать различные нации и государства, объединенные общей целью прогресса и процветания». И далее белорусский президент подчеркнул: «Главное условие интеграции — взаимная выгода. Стремление же получить сиюминутные односторонние преимущества — вот в чем корень зла. Нужно осознать ответственность перед будущим, думать о том, что мы оставим после себя».

Как видим, если измерять историю длительными периодами времени, то оптимистический прогноз в отношении всего мира вполне возможен. Правда, сегодня в это верится с трудом. Но, как говорится, дорогу осилит идущий...

Брюно Дегарден¹

НАД ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ

Ты все еще окутан прежней тучей?

У. Шекспир. «Гамлет»

В 1995 году была опубликована моя работа под названием “Le nouvel environnement international” («Новая глобальная среда»), посвященная вопросам глобализации. С тех пор количество транснациональных компаний значительно увеличилось, и в течение ряда лет темпы роста мировой торговли в два раза превышали темпы роста ВВП. Чтобы в символической форме представить мир исчезающих различий между народами

¹ Генеральный директор “Banque Eric Sturdza SA” (Женева, Швейцария). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Новая международная экономическая окружающая среда», «Стратегии глобализации», «Феномен банковской системы Швейцарии: исторические факты и современные тенденции развития» и др.; статей по проблемам банковской деятельности.

ми и культурами, можно привести выражение Томаса Фридмана, автора передовых статей газеты “Wall street Journal”, опубликовавшего в 2006 году свою книгу под названием “The World is Flat” («Мир плоский»), или знаменитое высказывание генерала Сертория в трагедии Корнелия «Смерть Помпея»: “Rome, elle est partout où je suis” («Рим больше не в Риме, он везде, где я»).

Затем последовал кризис 2008 года, приведший к тому, что все чаще стали звучать сомнения относительно глобализации и осуждающие интонации в обсуждении ее предполагаемых недостатков. Сегодня ВТО борется за принятие новых соглашений о либерализации торговли. Но достоинства свободной торговли

ставятся под сомнение протекционистским движением, и бесчисленное количество национальных государств сталкиваются с проявлениями этнической или религиозной розни, угрозой «феодализации» или даже распада. Перед лицом глобализации население испытывает потрясение от потери идентичности и утраты ориентиров, у людей складывается впечатление, что «элиты» попали в ловушку экономического видения мира и что правительства из всех сил стараются справиться с экономическими изменениями. Отсюда утрата популярности политики — ситуация, напоминающая теорию Хайдеггера: *глобализированный капитализм, который лишает нас возможности делать ту историю, которую мы хотим, и либеральная глобализация, которая меняет один из компонентов демократии — право на возможность контролировать свою судьбу.*

В Европе думали, что границы исчезают, но колючая проволока появляется вновь. Сталин и ему подобные, несмотря на внушаемый ими страх, были «отцами» Европы, и план Маршалла 1948 года, направленный на послевоенное восстановление, также способствовал построению современной Европы. «Исламское государство» и мигранты, напротив, — это факторы разделения, и многие желают знать, не была ли идея постнациональной идентичности ошибочной на европейском уровне. Разные европейские народы — это всего лишь варианты формы, но они превозносят свою идентичность.

По всему миру глобализация, которая, как предполагалось, должна была стереть различия, обостряет чувство национальной идентичности, выразителями которой являются популистские партии. Во время падения Берлинской стены такие ученые, как, например, Фрэнсис Фукуяма, верили в «конец истории». Но сегодня есть причины опасаться возврата более мрачных времен, поскольку религия восстанавливает свои позиции как фактор разжигания конфликта. При этом ностальгия по империям — Китайской, Иранской, Османской и Российской — подогревается лидерами этих крупных стран. И в любом случае жертв роста всегда будут привлекать такие заявления.

Каковы экономические последствия возможного отступления, например для фондовых рынков? Если на начальном этапе развития (Германия в конце XIX в., Китай в конце XX в.) протекционизм был способен помочь странам в достижении экономической мощи, то протекционизм, нацеленный на предотвращение риска отступления, наоборот, увеличит производственные издержки, приведет к новому росту инфляции и обнищанию населения, отрицательно повлияет на прибыль компаний и повлечет за собой резкое повышение процентных ставок и обвал рынка ценных бумаг.

УРОКИ ПРОШЛОГО

Между защитой свободной торговли и заклинаниями протекционизма

Инициаторы свободной торговли

Не будем углубляться в историю и вспоминать Медичи, Жака Кёра или семейство Фуггеров, упомянем

лишь, что в 1842 году в Англии премьер-министр Роберт Пилль выступил инициатором свободной торговли для укрепления господствующего положения страны и в 1846 году аннулировал Хлебные законы. Во Франции в 1860 году Наполеон III подписал соглашение о свободной торговле с Англией. В последние десятилетия глобализация позволила бурно развиваться странам с формирующейся рыночной экономикой, которые выбрали модели, ориентированные на экспорт, и многие страны извлекли выгоду из общемирового движения капиталов, поскольку в открытом мире равновесие между сбережениями и инвестициями определяется в общемировом масштабе. Но, как наглядно продемонстрировал Байрох, наиболее открытые экономики не всегда в результате имели устойчивый рост.

Протекционизм: между помощью развитию и искушениями во времена кризиса

Немецкий экономист Лист в XIX веке утверждал, что в открытом мире неравенство в развитии выгодно сильным и оказывает плохую услугу слабым. Он считал, что для содействия активному росту в высокопроизводительных отраслях промышленности необходим таможенный контроль. Протекционизм может, на временной основе, укрепить долгосрочную конкурентоспособность, но — и этот нюанс важен — протекционизм не может спасти отрасли промышленности, находящиеся в кризисном состоянии.

Протекционизм на какой-то период может стать средством завоевания, а не отступления. Это, безусловно, подтверждается фантастическим ростом экономики Германии в конце XIX — начале XX века. Еще раньше в США укреплению экономики способствовали таможенные тарифы, созданные в качестве барьера администрацией президента Гранта и действовавшие в 1869–1877 годах.

Тем не менее даже в Англии, на родине свободной торговли, примерно в 1887 году экономические трудности и конкуренция со стороны германской сталелитейной промышленности привели к тому, что премьер-министр Джозеф Чемберлен, в прошлом либеральный мэр Бирмингема, тщетно призывал потребителей отдавать предпочтение продукции, произведенной в Англии, а не в Германии. Чемберлен пытался провести различие между свободной торговлей и честной торговлей. Опять же в Англии кризис 1929 года совпал с концом свободной торговли, так как в 1931 году в Содружестве должны были принять «Имперские преференции». А в 1930-х Соединенные Штаты приняли решение о вводе в действие Закона Смута–Хоули («О тарифах»).

Рост международной торговли

Глобализация включает несколько аспектов: связь между бизнесом и властью, международное разделение труда, отношения между государствами.

Модели роста

С момента принятия в 1948 году Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и его замены в 1995 году Всемирной торговой организацией (ВТО)

экономики стали более взаимосвязанными — тенденция, которой способствовали изобретение контейнера и снижение транспортных расходов.

С конца 1960-х годов наблюдается десятикратный рост мировой торговли при четырехкратном увеличении ВВП и двукратном росте населения. Такое развитие торговли продолжалось даже в период резкого повышения транспортных расходов между 2003 и 2008 годами, когда стоимость барреля нефти достигала 150 долларов. Причина этого заключалась в том, что продукция, наиболее зависимая от транспортных расходов, — это часто базовые товары: промышленные металлы и сельскохозяйственные продукты, которые, согласно проведенному в 2008 году CIBC (Канадским имперским банком) исследованию, составляли от 10 до 30 % от общей стоимости продукции.

Этот этап глобализации способствовал появлению нескольких крупных экономик, таких как Бразилия; «открытые» страны Юго-Восточной Азии росли более быстрыми темпами, чем менее открытые. Вступление в ВТО Китая в 2001 году и России в 2012-м дало новый импульс глобализации и открыло новые рынки для инвесторов, которые могли создавать там офшорные производственные единицы.

Транснациональные компании, количество которых в начале 1990-х составляло 37 тыс., а в 2008 году достигало 82 тыс. (по данным ЮНКТАД), играют все более важную роль и генерируют одну треть мировой торговли. «Форбс» подчеркивает, что если в 1960-х годах доля американских фирм среди 2 тыс. ведущих компаний мира составляла 60 %, то в настоящее время их всего 25 %, так как число вовлеченных в глобализацию стран значительно возросло.

Развитие Интернета становится мощным стимулом глобализации, способствуя обмену информацией в рамках групп и открывая защищенные секторы для международной конкуренции.

При этом, несмотря на то, что между 1990 и 2008 годами в экономиках, принимавших наиболее активное участие в мировых цепочках специализации, экспорт увеличивался быстрее, чем в других, общие показатели роста экспорта снижались. В период между 2012 и 2014 годами рост мировой торговли составил только 3 %, а в 2015 году не превышал 1,7 %; прямые иностранные инвестиции, выраженные в доле ВВП, сократились со среднего показателя в 12 % в год (2000–2007) до менее чем 9 % (2009–2013).

В Соединенных Штатах, которым мешают сильный доллар и снижение мирового спроса, экспорт сдерживает рост. В Японии, несмотря на слабую иену, экспорт вряд ли увеличился, поскольку в последние годы многие компании размещали свои предприятия за рубежом и имело место замедление спроса в Азии.

Причины медленного роста торговли — падение цен на сырьевые товары, развитие китайской модели, более низкие темпы роста в странах с формирующейся рыночной экономикой и тенденция к так называемому «оншорингу» («возврату домой») некоторых производственных единиц. После семилетнего цикла роста мировой экономики — продолжительного, но не очень интенсивного — поборники протекционистских мер

получают голоса, в то время как сторонники свободной торговли утрачивают влияние.

Растущее влияние стран с формирующейся рыночной экономикой: между сотрудничеством и конкуренцией

Рост торговли. В начале 2000-х годов доля стран с формирующейся рыночной экономикой в торговле составляла 45 %, сегодня — более 60 %. К тому же в настоящее время они привлекают 30 % прямых иностранных инвестиций (данные Всемирного банка).

Расширение торговли Юг–Юг. Будучи изначально производственными мастерскими для западных фирм, страны с формирующейся рыночной экономикой превратились в конкурентов и все больше торгуют друг с другом. Китай, например, стал ведущим торговым партнером Бразилии и многих стран с формирующейся рыночной экономикой, а благодаря созданию в 2014 году Банка развития «Юг–Юг» между странами Юга набирает темпы сотрудничества с финансированием проектов устойчивого развития и создания инфраструктуры.

Соперничество продолжается. Европа имеет два из пяти постоянных мест в Совете Безопасности ООН, хотя представляет даже не 7 % мирового населения. Но с политической точки зрения при рассмотрении реформы Совета Безопасности ООН Мексика и Аргентина выступили против вступления Бразилии, а Нигерия и Египет заблокировали принятие в Совет Южной Африки. С экономической точки зрения Китай пытается защитить себя от конкуренции со стороны менее развитых стран, и Бразилия без стеснения устанавливает высокие пошлины на импорт транспортных средств, произведенных за пределами МЕРКОСУРа (Общего рынка стран Южной Америки).

Африка. Открытие пространства для глобализации стало одновременно причиной и следствием снижения количества конфликтов и обусловило отступление голода. Континент извлек выгоду из привлечения Китая к добыче полезных ископаемых и из попыток Америки достичь определенной политической стабильности. Но после почти 15 лет открытости надо признать, что половина из 54 африканских стран все еще имеет ВВП на душу населения менее 1 тыс. долларов и что территории вне привилегированных прибрежных районов имеют слаборазвитую инфраструктуру. При этом коррупция и другие препятствия (например, план Боллора по строительству железной дороги в Западной Африке) сохраняются. Очень высокие темпы роста ВВП в нефтедобывающих странах, таких как Ангола и Нигерия, нивелируются недостатками и отсутствием всестороннего развития экономики этих стран. Приукрашенные данные о количестве мобильных телефонов (700 млн на континенте) сочетаются с широко распространенной бедностью. Информация о численности среднего класса, составляющего, по оценкам, 300 млн человек, недостоверна, если учесть, что две трети населения живет на 2–4 доллара в день, а привилегированная четверть — на 10 долларов в день. Гордиться нечем. Континент часто представляют как малонаселенный, с плотностью населения менее 40 чело-

век на 1 км², но население растет быстрыми темпами и к 2050 году удвоится, составив 2 млрд человек. Все это отрицательно влияет на норму сбережений этих стран и, следовательно, на их способность вкладывать средства в инфраструктуру. При росте добывающей отрасли обрабатывающая пока малоэффективна, а часто вообще находится в зачаточном состоянии. Возможным решением мог бы стать перевод предприятий в Африку. Наконец, отметим, что лишь несколько африканских стран можно причислить к промышленно развитым: Маврикий, Южную Африку, Египет, Эфиопию и Марокко.

Господство региональной торговли

Многосторонние переговоры с участием 160 стран не имеют будущего, а вот количество двусторонних соглашений (по данным ВТО, в 2015 г. их было заключено более 600) постоянно растет, что можно трактовать как поиск «второго среди лучших оптимального решения», горячо любимого Парето.

Даже Соединенные Штаты, защитник милитаризма, пошли по двустороннему пути, сначала поставив свою подпись под соглашением NAFTA (Соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли с участием Мексики, Канады и США), а затем, в октябре 2015 года, под Транстихоокеанским соглашением, которое объединило 12 стран и предусматривает отмену 18 тыс. таможенных пошлин. Другое соглашение между Европой и США, условия которого в настоящее время обсуждаются, направлено на создание большого рынка с 810 млн потребителей. Переговоры касаются сельского хозяйства, нетарифных барьеров и интеллектуальной собственности, но не затрагивают оборону, здравоохранение и аудиовизуальный сектор. Американцы, имея ежегодный дефицит торговли сельскохозяйственной продукцией с Европой от 4 до 7 млрд долларов, хотят, чтобы Европа снизила пошлины на продукцию сельского хозяйства, которые в целом в два раза выше, чем пошлины на промышленные товары.

Из всех регионов именно Европа наиболее интегрирована: 70 % торговых операций ведется внутри региона против 50 % на американском континенте для участников NAFTA и 50 % — для азиатских стран, поскольку Япония и Южная Корея ведут интенсивную торговлю с Китаем, причем Китай пытается возродить Великий шелковый путь. Страны Африки и Ближнего Востока торгуют друг с другом весьма вяло — всего 12 % оборота.

Международное разделение труда

Конец эпохи «Сделано в ...»

В XX веке под термином «международная торговля» подразумевался экспорт товаров. Постепенно целью становилась оптимизация производства путем создания глобальных цепочек стоимости, и в настоящее время, согласно данным ВТО, треть объема торговли товарами составляет торговля полуфабрикатами. По некоторым продуктам, таким как телекоммуникационное оборудование, импортная составляющая экспортных товаров может превышать 80 %. Раньше

в соответствии с принципами Рикардо страна специализировалась на производстве товаров, по которым она имела сравнительное преимущество. Современное производство разделено на сегменты, причем один и тот же товар делают несколько стран совместно. Например, в изготовлении крыльев для «Аэробуса» может быть задействовано более 40 стран. Это то, что называется IDPP — международное разделение технологических процессов. Такой фрагментации производства способствуют сокращение транспортных расходов и простота передачи информации. Добавленная стоимость от исследований и маркетинга часто остается в рамках ОЭСР, а сборка передается в другие страны. Соответственно, знак «Сделано в ...» больше не имеет значения, а измерение мировой торговли в стоимостном выражении учитывает множество двойных и тройных подсчетов. Стоимость упомянутого «Аэробуса» может регистрироваться при каждом пересечении границы с прибавлением добавочной стоимости, произведенной в каждой стране. Но хотя немногие ставят под сомнение целесообразность международного разделения труда, все чаще слышны голоса против социальной цены вывода производства за рубеж и закрытия предприятий.

Утрата значения концепции торгового дефицита

Импорт компонентов имеет практическое значение, если он обеспечивает повышение производительности. За последние 20 лет импортная составляющая экспортных товаров увеличилась с 20 до 40 %, сведя таким образом на нет традиционный критерий экспорта. Требуется подход, основанный на создании добавочной стоимости, дефицит торговли США с Китаем таким образом сократился бы на треть (согласно данным ОЭСР).

Сегодня дефицит не всегда отражает проблему конкурентоспособности, но может отражать избыточное потребление относительно нормы сбережений.

НАСТОЯЩЕЕ: МЕЖДУ ЗАМЕДЛЕНИЕМ ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ И СНИЖЕНИЕМ ДЕЛОВОЙ АКТИВНОСТИ

Перед лицом глобализации одни боятся, что правительства утратят свою независимость, другие хотели бы, чтобы появилось мировое правительство. Но при любом экономическом, международном политическом и социальном кризисе (например, связанном с миграцией) все взоры в поиске решения обращаются именно на правительства.

Обвинения

Избыточная международная мобильность капитала

Несмотря на преимущества отмены регулирования финансовых потоков, мобильность капитала часто называют избыточной. Из-за схем оптимизации фискальных платежей государства теряют налоговые поступления. К тому же еще свежи воспоминания об азиатском кризисе 1990-х годов, связанном с обвалом многих валют, из которого страны выбирались с большим трудом.

Страны с формирующейся рыночной экономикой, имеющие дефицит текущих статей платежного баланса и, следовательно, недостаток накоплений, зависят от иностранного капитала и подвержены, как в 2014–2015 годах, внезапным оттокам капитала, вызванным витками ужесточения денежной политики Федеральной резервной системы, что может ввергнуть их в кризис.

Некоторые критики, не признающие преимуществ глобального рынка сырья, ссылаются на спекуляцию и хаотичные колебания цен, особенно на продовольствие.

*Снижение количества работников
в промышленности и замедление роста
заработной платы*

Мнение сторонников глобализации, подчеркивающих ее преимущества для экономики, противопоставляется социальному подходу других экспертов, напоминающих об обнищании средних классов и сложности поиска стабильной работы для некоторых категорий работников, которых спад промышленности поставил в невыгодное положение.

В США объем промышленного производства больше, чем в начале 1990-х, но за 20 лет, с 1991 по 2011 год, число рабочих мест в обрабатывающей промышленности сократилось с 18 до 11 млн, давление на заработную плату и потеря покупательной способности были более значительными, чем в других отраслях, и доля промышленности в ВВП сократилась.

Аналогичная ситуация наблюдается во Франции. Занятость в сфере производства сократилась с 26 % от общей занятости в 1980 году до 12 % в 2011-м — с 5,1 млн до 3,1 млн рабочих мест.

В то же время Китай, Мексика, Южная Корея и многие другие страны с формирующейся рыночной экономикой создали занятость в сфере производства, получая преимущество от дешевизны рабочей силы и социальной защиты и от менее строгих ограничений, связанных с охраной окружающей среды.

Здесь есть два важных вопроса: офшоринг, то есть вывод производства за рубеж, и заработная плата.

Между офшорингом и оншорингом

Диагностика может быть только комплексной. Например, в текстильной промышленности исчезло большое количество рабочих мест — 60 % за период с 1970 по 2003 год в странах «Большой семерки», но при этом отрасль развивала высокооплачиваемые рабочие места. Создавались и сохранялись рабочие места и в других производственных отраслях, открытых для международной конкуренции. В качестве примера можно привести химическую промышленность, фармацевтику и производство продовольствия, где близость к рынку иногда имеет первостепенное значение.

По большому счету глобализация — далеко не главная причина сокращения рабочих мест. В некоторых исследованиях указано, что 5 % сокращений в обрабатывающей промышленности происходит из-за вывода

производства за рубеж, по другим данным эта величина достигает 10 %, но в любом случае процент невелик.

Основными факторами, влияющими на занятость, всегда были повышение производительности, внутренняя реструктуризация, механизация производственных линий, введение новых технологий, передача выполнения некоторых функций сторонним организациям («аутсорсинг»), что в настоящее время наблюдается в секторе услуг, а также небольшой рост спроса на промышленные товары в странах ОЭСР и даже банкротство некоторых фирм.

Добавим, что офшоринг может затронуть некоторые рабочие места, связанные с оказанием услуг, такие как информационно-справочные службы и финансовые услуги.

Наконец, давайте помнить, что за последние 20 лет уровень занятости в странах ОЭСР повысился, и это доказывает (если требуются доказательства), что глобализация не является причиной сокращения занятости.

В последнее время имел место оншоринг — возврат технологических операций «на родину» в связи с повышением расходов во многих странах с формирующейся рыночной экономикой, наблюдалось сокращение затрат на оплату труда в Южной Европе, снижение себестоимости электроэнергии в Соединенных Штатах, ускоренная роботизация и повышение производительности в странах ОЭСР по сравнению со странами с формирующейся рыночной экономикой. Можно предположить, что успехи 3D-печати расширят данное преимущество.

В Бразилии и Индии, как и в других странах, не хватает руководителей высшего звена, а заработная плата часто соответствует или даже превышает заработную плату в странах ОЭСР, так что их преимущество неочевидно. В Китае за последние годы зарплата росла быстрее, чем производительность труда, и юань, стабильный относительно доллара США, оценивался более жестко по отношению к валютам стран с развивающимися рынками.

Но хотя многие страны с формирующейся рыночной экономикой стали неконкурентоспособными, это совсем не означает утрату привлекательности, потому что появление среднего класса делает доступными рынки и потому что даже в Китае, в некоторых регионах внутри страны, все еще сохраняется низкий уровень заработной платы.

*Замедление роста заработной платы
и углубление неравенства*

Основной вопрос заключается в том, не приведет ли глобализация и конфликт между странами с высокими и низкими доходами к падению уровня зарплат и углублению неравенства. Здесь нужно отметить два момента. Во-первых, сравнение зарплат в разных странах должно быть увязано со сравнением производительности труда. Во-вторых, снижение зарплаты отмечалось для малоквалифицированных должностей, подверженных воздействию глобальной конкуренции. Ярким подтверждением этого служит согласие профсоюзов, данное в 2008 году, на сокращение зарплат

вдвое для новых сотрудников на конвейере «Форда» в Соединенных Штатах. Но в масштабах страны это касается небольшого процента рабочих мест.

Вопросы, связанные с оплатой труда, следует рассматривать в более широком контексте снижения соотношения между заработной платой и прибавочной стоимостью в крупных странах с 1980-х годов, то есть с периода, предшествующего современной глобализации, и независимо от ускорения глобализации. Работники низкой квалификации в большей степени страдают от плохих условий труда и иногда вынуждены выбирать малооплачиваемую работу, в то время как квалифицированные работники сохраняют свою покупательную способность. С этой точки зрения представляется обоснованным поощрение образования и профессиональной подготовки.

Что касается неравенства, то хотя в период с 1990 по 2008 год доля наиболее богатых, составляющих 1 % населения, в общем доходе США выросла с 13 до 18 %, это связано скорее не с глобализацией, а с повышением доходов от инвестиций как доли всех доходов семей. Это по сути вопрос накопления богатств, то есть следствие резкого увеличения цен на недвижимость и роста фондового рынка в последние 30 лет.

Недовольство тех, кто жалуется на отсутствие внимания, — благоприятная почва для популизма. Теория «козла отпущения» Рене Жирара давно не находила так много подтверждений: банки обвиняют в подогревании слухов, мигрантов подозревают в распространении преступности и терроризма, китайцев упрекают в нечестной конкуренции: вчера — из-за недооцененного юаня, сегодня — как экспортеров дефляции.

Позиция отступления

В развитых странах

Устойчивое преубеждение против Китая

Неудивительно, что появилась новая версия проведённого Чемберленом различия между свободной и честной торговлей. Китай осуждают за государственный капитализм, критикуют его свободы в сочетании с концепцией окупаемости инвестиций, жалуются на заниженный валютный курс.

Возможно, такие нападки частично отражают зависть к стране, которая в период с 1994 по 2015 год смогла увеличить свою долю в общемировом ВВП с 2,1 до более чем 13 % (а по показателю паритета покупательной способности — еще больше), нарастить свою долю в экспорте промышленных товаров с 3 до 18 %, но прежде всего — сократить процент бедных граждан (живущих на менее чем 1,25 доллара в день) с 85 до 10 %.

Политическая реакция

Популисты, придерживающиеся левых взглядов, противопоставляют высокооплачиваемых специалистов социально незащищенным гражданам, в то время как «правые» акцентируют религиозные и национальные различия.

В Европейском Союзе ультраконсервативные «сирены» совращают Польшу, несмотря на значительные выгоды, полученные ею от европейской «манны небесной».

В США Дональд Трамп, националист и сторонник изоляционизма, собирается регулировать международную торговлю и отказаться от Транстихоокеанского соглашения. Некоторые аналитики преуменьшают риск, напоминая, что у Конгресса есть право регулирования международной торговли, но угроза для свободной торговли остается, и Трамп, возможно, подверг сомнению высказывание Д'Аламбера: «La politique, c'est l'art de tromper les hommes en leur laissant croire que l'on travaille à leur bonheur» (Политика — это искусство обманывать людей, заставляя их при этом думать, что ты работаешь на их благо).

В странах с формирующейся рыночной экономикой

Многие страны с формирующейся рыночной экономикой в последние годы стали сторонниками вмешательства государства в экономику и другие сферы жизни общества. В Китае, например, президентство Си Цзиньпина демонстрирует несколько особенностей: политические — возврат контроля над гражданским обществом, монетарные — решение контролировать юань, чтобы переломить хребет спекуляции, промышленные — управление избыточными производственными мощностями в многочисленных отраслях, в частности, в сталелитейной промышленности, судостроении и бумажной промышленности.

БУДУЩЕЕ: МЕЖДУ СЛОЖНОСТЬЮ, СТРАХАМИ И НАДЕЖДАМИ

Правительства объявляют о поддержке свободной торговли, но когда это им нужно, не колеблясь, совершают многочисленные нарушения. Давайте проанализируем их хитрые протекционистские меры и сделаем выводы, отметив при этом, что возврата в 1930-е годы не произошло и пока имеются обнадеживающие признаки либерализации.

Хитрые меры

Это меры, касающиеся сертификации, политики установления обменных курсов и принятия решений о защите отечественных фирм.

Сертификация

Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ), а затем Всемирная торговая организация (ВТО) всегда могли устранять многочисленные тарифные барьеры, и размер оставшихся таможенных пошлин достаточно невелик: на несельскохозяйственные продукты в основных странах ОЭСР они составляют от 2,5 до 4,2 %. ВТО добавила два объекта — интеллектуальную собственность и услуги.

Если раньше переговоры о таможенных тарифах велись преимущественно между правительствами, то сегодня нормативные положения о стандартах затрагивают большое количество заинтересованных сторон, компаний и других организаций. Проводить их стало сложно. В настоящее время предметом обсуждения являются не столько таможенные пошлины, сколько сертификация, не столько количественные меры, сколько меры по защите качества, не столько закрытие границ,

сколько «экономический патриотизм». Закон «покупайте американское» стал реальностью, и президент Обама не стесняется вводить высокие пошлины на автопокрышки, произведенные в Китае. К этому можно добавить временные защитные меры, которые вводятся при угрозе отрасли со стороны иностранных конкурентов, субсидии на экспортные товары и даже демпинг — мера, к которой прибегают главным образом потому, что ее все еще трудно доказать.

Количество нормативных положений постоянно растет. Они могут основываться на стандартах здравоохранения или охраны окружающей среды, на интересах национальной обороны или даже на социальных требованиях, если какая-либо страна не придерживается стандартов условий труда, действующих в западных странах, например в том, что касается детского труда. В то время как некоторые промышленные группы выражают сомнения относительно согласования стандартов, чтобы снизить затраты, потребители все чаще выступают против недостаточно защищающих их стандартов. Достаточно вспомнить дискуссии относительно ГМО и положения о биопродуктах. Это один из камней преткновения между Европой и Соединенными Штатами при обсуждении нового соглашения.

Политика ослабления валют

Луврское соглашение 1935 года, по которому центральным банкам поручалось согласованное управление волатильностью курсов валют, благополучно забыто. Как в 1931 году, когда банк Англии допустил значительное падение фунта стерлингов после отказа от золотого стандарта, вялый рост в наше время заставляет многие страны прибегать к валютному оружию.

Одной из «Трех стрел» японского премьер-министра Синдзо Абэ было обесценение иены. Марио Драги поставил такую же цель, и Европейский центральный банк (ЕЦБ) смог снизить курс евро по отношению к доллару с 1,60 до 1,10. Швейцарский национальный банк в январе 2015 года принял решение об отрицательной официальной ставке рефинансирования, чтобы остановить ревальвацию швейцарского франка.

Тема не исчерпывается этими тремя примерами из недавнего прошлого. Это объясняет, почему подобные политические меры утратили эффективность: в Японии недавнее принятие отрицательных процентных ставок не смогло подтолкнуть следующий раунд обесценения иены, курс которой по отношению к доллару в настоящее время выше, чем в декабре прошлого года. В Европе курс евро по отношению к доллару сейчас выше, чем после инъекции ликвидности, принятой в марте 2015 года.

По большому счету, обесценение валюты, предназначенное для уточнения сравнительных преимуществ, — это только средство, а само достижение цели становится возможным только при экспорте дефляционного давления в другие страны и никоим образом не решает проблемы структурной конкурентоспособности экономик и даже не дает стимулов для их сокращения. Несмотря на то, что с 2012 года иена потеряла более 30 % своей стоимости, японский экспорт вряд ли извлек из этого выгоду, поскольку японские компании

имеют большое количество производственных подразделений за рубежом.

Структурные факторы гораздо важнее манипуляций с валютой. Например, качество: даже при сильном евро «Аэробус» увеличил долю на рынке по сравнению с «Боингом».

Стремление защитить национальные интересы

Парадокс заключается в том, что устранение таможенных барьеров сочетается с отстаиванием национальных интересов. Правительства могут заблокировать иностранные предложения о поглощении с использованием заемных средств в отношении активов, считающихся стратегически важными. Вспомните, как англичане помешали Кувейту получить контроль над ВР («Бритиш Петролеум»), а совсем недавно, в 2006 году, американцы заблокировали приобретение дубайскими финансистами порта Нью-Йорка. Можно привести и другие примеры. Если брать шире, некоторых аналитиков волнует значительное расширение китайских прямых иностранных инвестиций от 109 млрд долларов в 2015 году до 106 млрд только в первом квартале 2016-го. А японское правительство рекомендовало восстановить функции знаменитого МТП, Министерства международной торговли и промышленности, для более эффективной борьбы с государственным капитализмом китайского образца, чтобы способствовать созданию крупных японских групп, помочь им наладить экспорт и ускорить развитие ключевых отраслей, таких как робототехника и новые источники энергии.

Идея заключается в том, что в открытом мире интересы правительства и бизнеса могут совпадать. Правительства могут помогать компаниям экономить внешние издержки, гарантировать, что цены на недвижимость не станут помехой для инвесторов, вкладывать средства в инфраструктуру, инвестировать в образование и научные исследования. Привлеченные таким образом компании будут создавать рабочие места. Данная рекомендация касается Европейского Союза, поскольку его расходы на исследования составляют 1,8 % ВВП, что меньше, чем у Соединенных Штатов и Японии.

Без возврата в 1930-е.

Все еще обнадеживающие признаки

Способность амортизировать кризис

Растущее неравенство и отсутствие гарантий занятости частично являются результатом глобализации или, по крайней мере, воспринимаются как таковые политическими оппонентами. Кризис 2008 года был глубоким, и страны пока не достигли докризисного уровня ВВП, но ситуация несравнима с ситуацией 1930-х, когда ВВП сократился на 30 %.

В наше время государство всеобщего благоденствия с пособиями по безработице, медицинским страхованием и пенсиями может смягчить последствия кризиса, особенно в Европе. В отличие от 1930-х годов, сегодня международные организации, такие как МВФ, Всемирный банк и ВТО, не говоря уже о центральных банках, имеют возможность действовать. По общему признанию, в Соединенных Штатах средний класс столкнулся со снижением своей покупательной способности

впервые за последние 20 или даже 30 лет, но это никоим образом нельзя сравнить с 30-процентным уровнем безработицы, ухудшением экономического положения и другими неприятностями 1930-х.

Основания для оптимизма

Несомненно, международная торговля растет медленно, но давайте не будем слишком большими пессимистами. С учетом масштабов мировой специализации невозможно представить, что процессу глобализации придет конец. Экономике тесно связаны друг с другом, и в обрабатывающей промышленности цепочка ценностей, как правило, создается на транснациональной основе.

Некоторые товары не взаимозаменяемы. Будь то сельскохозяйственные продукты, такие как какао или чай, или металлы, например медь — многие товары требуют продажи.

У свободной торговли все еще много защитников. Соглашение, недавно подписанное 10 странами — членами АСЕАН (Ассоциации государств Юго-Восточной Азии), представляющими более 600 млн жителей (Индонезия, Малайзия, Сингапур и пр.), направлено на укрепление интеграции в данном регионе. Президент Обама подписал соглашение о Транстихоокеанском партнерстве между 12 странами Тихоокеанского региона, правда, оно пока не ратифицировано. Европа ведет переговоры с Индией.

Пишутся новые главы. Речь идет об унификации налогового законодательства в мировом масштабе и возможных ограничениях в отношении схем оптимизации налогов, со стремлением создать справедливое отношение. Целью является не противоборство, а признание обоюдных интересов. Правительствам не следует вести себя подобно Теодору Рузвельту, который обязался покончить с монополиями, такими как Standard Oil и прочие, поскольку они не могут обойтись без транснациональных корпораций. Между уклонением от корпоративных налогов и представлением на рассмотрение 40 % ставки, возможно, рациональным выбором является решение правительства Камеруна о сокращении корпоративных налогов.

Прямые иностранные инвестиции растут. С начала 1980-х годов прямые иностранные инвестиции увеличивались в четыре раза быстрее, чем ВВП, в том числе от фирм из стран с формирующейся рыночной экономикой, прежде всего китайских. Между прочим, это одна из причин падения китайского экспорта, хотя снижение цен на сырьевые товары имеет большое значение.

ВЫВОДЫ

Свет всегда порождает тень.

Г. Башляр

Мы начали с Шекспира, давайте закончим Башляром и сделаем выводы.

1. *Дальнейшая глобализация или шаг назад?* «Счастливой глобализации», если употребить модное выражение, никогда не существовало, но углубление глобализации — дело неоднозначное. Принципа многостороннего сотрудничества (мультилатерализма) больше нет,

и это заставляет вспомнить высказывание Черчилля в «Мемуарах»: «[Правительство] решительно в своей нерешительности, непоколебимо в своих колебаниях, твердо в стремлении быть нетвердым, оно хочет остаться крепким, демонстрируя расплывчатость, оно могущественно в своей беспомощности». А принцип двусторонних отношений (билатерализм) предлагает интересные перспективы. В эпоху количественных достижений и снижения таможенных пошлин договариваться было легче, чем в период качественных показателей и стандартов. Подписание Транстихоокеанского соглашения играет существенную роль, в то время как переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (ТТИП) между Европой и США буксуют и отстают от графика. Прежнее соглашение соответствует традиции тарифных соглашений, в то время как последнее затрагивает важные политические интересы в момент, когда легитимность демократий представляется уязвимой.

2. *Масштаб глобализации преувеличен.* Объем мирового экспорта составляет 30 % мирового ВВП, но эта цифра преувеличена за счет импорта/реэкспорта, являющегося результатом международного разделения труда, и очень вероятно, что на самом деле чистый экспорт не превышает 20 % ВВП. Несмотря на то, что в период с 1970 по 2007 год прямые иностранные инвестиции росли в пять раз быстрее ВВП, в настоящее время они составляют немногим более 10 % от всего объема инвестиций. Что касается миграции, то она затрагивает всего 3 % мирового населения. Хотя считается, что молодые люди более открыты миру, только 2 % получают образование за рубежом. Обратив внимание на банки, отмечаем, что по сравнению с началом 2000-х их сети сократились по всему миру. Что касается телекоммуникаций, то только 2 % от общего количества звонков являются международными. Если говорить о накоплениях, инвестированных за рубежом, то эта цифра несопоставима с периодом перед началом Первой мировой войны, когда Франция инвестировала в Россию сумму, эквивалентную 20 % своего ВВП. То есть уровень интеграции сегодня ниже, чем мы представляем.

3. *Пагубные последствия глобализации преувеличены.* Начиная с 1999 года международные институты, ВТО, МВФ, «Большая двадцатка» и влиятельные центральные банки играют большую роль в управлении глобализацией и международными кризисами, несмотря на то, что с 1973 года таких кризисов было немало. Мы должны добавить четыре ключевых пункта:

— свободная торговля обогащает страны, но не без последствий, связанных с перераспределением: кто-то получает выгоду, кто-то проигрывает, и, к сожалению, в условиях медленного роста при поиске новой работы социальная мобильность менее эффективна;

— сокращение рабочих мест в большей степени результат автоматизации и повышения производительности труда, а не глобализации;

— глобализация создает больше рабочих мест, чем ликвидирует;

— растущее неравенство, предшествовавшее последнему этапу ускорения глобализации, является следствием различных факторов, таких как сокраще-

ние профсоюзов, появление фондовых бирж и соответственно увеличение активов с 1980-х годов.

Последствия возможного возрождения протекционизма недооцениваются. Сравнение опыта 1929 и 2008 годов показывает, что государство всеобщего благоденствия в сочетании с глобализацией — лучший амортизатор, чем протекционизм. Хотя это и правда, что протекционистские меры в сельском хозяйстве, принятые в 1890 году, не предотвратили расширения торговли, а сокращение торговли в 1930-х годах было в большей степени результатом экономического спада, а не протекционистских

мер, мы вынуждены бояться последствий возрождения протекционизма для бизнеса. Первыми пострадавшими субъектами бизнеса станут фирмы-производители, поскольку мировой рынок, например в сфере авиации, дает экономию за счет масштабов производства. Производственные издержки возрастут, следовательно, с макроэкономической точки зрения, неизбежны возрождение инфляции, повышение процентных ставок, снижение прибылей крупных международных компаний и падение биржевых котировок. То есть за (гипотетическим) достижением полной занятости последует всеобщее обнищание.

Петр Дуткевич¹,
Винсент дела Сала²

ПОЛИТИКА БЕЗ ЦЕНТРА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМНЫ И СТАБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ И ИТАЛИИ

Более десятилетия прошло с тех пор, как Томас Карозерс провозгласил конец парадигмы транзита, однако логика траектории демократизации продолжает преобладать в политических комментариях и научных исследованиях. Обсуждаются ли «отступления» от демократии, несбывшиеся надежды «арабской весны» или «путинской России», нарратив так или иначе связан с уже случившимся или чаемым приходом демократии. Литература, посвященная транзиту, прошла в своем развитии множество этапов и навлекла на себя справедливую критику. Были предприняты попытки ввести различные квалифицирующие определения, характеризующие слово «демократия» при описании государств, в которых процесс политических перемен не происходил в соответствии с либеральной парадигмой. Однако это порождает ложную дихотомию между странами переходного периода и устоявшимися либеральными демократиями, поскольку все государства находятся в состоянии транзита или непрерывных перемен. Это может означать движение к некой идеальной модели, а может и не подразумевать такого движения. Мы утверждаем, что разные государства, находящиеся в раз-

личных областях спектра «транзит–консолидация», могут проводить схожую политику в ответ на аналогичные факторы воздействия.

Хотелось бы дополнить критику публикаций, посвященных транзиту, аргументацией, включающей две части. Прежде всего мы изучаем вопрос о том, характеризуются ли государства, вне зависимости от того, можно ли поместить их в концептуальную схему транзита, тем, что называется «политика без центра», которая является результатом превалирования способов управления, рассматриваемых в качестве идеальных моделей управления в рыночной экономике. В современную эпоху политика в индустриально развитых обществах базируется на ряде исходных посылок:

— национальная идентичность и национальное государство являются источниками политической интеграции и общности;

— государство служит оплотом политической власти и управления социальной и экономической жизнью;

— легитимная власть в либеральной демократии выражается посредством формальных политических институтов, в особенности представительных собраний.

Эти центральные положения, сосредоточенные вокруг роли государства, служат целям выработки и активации норм и процессов для осуществления управления и регулирования направлений социальной и экономической жизни. Политическим властям становится все труднее определять политические сообщества из центра, устанавливать и поддерживать границы и использовать централизованную политическую власть для управления обществами, от которых власть, как представляется, все больше удаляется.

Наша вторая задача состоит в том, чтобы доказать, что, в отличие от концентрации на моделях политического развития на основе траекторий перехода к некоторому стандартному демократическому идеалу, более продуктивным подходом является рассмотрение того, как схемы политического развития порождают более глубинными процессами опустошения политических

¹ Директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований РАН. Автор и редактор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Евразийская интеграция — взгляд изнутри» (соредактор), «22 идеи как исправить мир: беседы с известными мировыми мыслителями» (соредактор), «Новые технологии в общественном управлении в отражении канадского и российского опыта» (соредактор), «Демократия против модернизации, дилемма для России и мира» (соредактор), «Россия — проблемы преобразования» (соредактор), «Ювенальное правосудие в России» (в соавт.), «Новая Европа: влияние первого десятилетия. Варианты моделей» (соредактор). Соучредитель и член Валдайского клуба. Награжден орденом Дружбы (Россия). Удостоен премии Посольства Канады в РФ за выдающийся и продолжительный вклад в российско-канадские отношения, премии за передовой опыт исследований от Карлтонского факультета общественных дел.

² Профессор политологии Университета Тренто (Италия). Автор публикаций по политэкономии, европейской интеграции и демократической законности, в т. ч.: «Politics Without a Centre: Italy between Globalization and Europeanization», «Опыт ЕС гласит — стандарты варьируются очень широко» и др.

эпицентров. Россия и Италия — государства, находящиеся на разных концах спектра «транзит–консолидация». Первая традиционно служит примером того, как переход к либеральной демократии и рыночному капитализму стал далеко не плавным, если не сказать регрессивным, в то время как Италия дает пример послевоенной истории успеха, удачной трансформации аграрной экономики, восставшей из руин фашизма, в ведущую индустриальную экономику ЕС с консолидированной либеральной демократией. Мы проанализируем, обладают ли эти две различные системы общими чертами эрозии политической власти и осуществления политики без центра. Рассмотрим три сферы (представительство, управление экономикой и онтологическую безопасность), чтобы увидеть, приходят ли различные системы к общим результатам. Мы не утверждаем, что Италия скатывается к той или иной форме авторитаризма, или становится нелиберальной демократией, или что критика путинского режима обоснованна. Вместо этого мы хотим изучить вопрос о том, есть ли нечто такое в природе вызовов, сопряженных с осуществлением управления в условиях взаимозависимой глобальной экономики, что ведет к аналогичным типам реагирования в разных политических системах и политических элитах.

Политика без центра

Хотя управление и государство в современную эпоху приобретают множество форм и измерений, центральный нарратив остается достаточно последовательным: организация социальной и политической жизни должна исходить из центра, осуществляющего управление политическим сообществом. В данном случае ссылка на центр не связана особым образом с распределением конституционной власти между центром и периферией, но обусловлена Вестфальской концепцией государства как источника политической власти, а также онтологической безопасности политического сообщества. Политические сообщества организовали социальную и политическую жизнь с четко выраженными центральными узловыми точками, шла ли речь об определении членства в сообществе, аккумуляции и артикуляции политических интересов или управлении современными экономиками.

Эрозия авторитета политического центра в форме суверенной власти неизбежно влечет за собой дискуссию о роли государства. Мы не хотим погружаться в ведущиеся дебаты о состоянии государства. Вместо этого отметим, какие способы поведения характеризуют политиков без центра, на действиях которых сказываются ограничения возможности государства осуществлять монопольную политическую власть. Затем мы определим государство как средоточие политической жизни, даже в таких политиях, как Европейский Союз, где ключевые решения принимаются на национальном уровне. Однако государство ограничено в том, что оно может делать, как оно может определять коллективное благо и средства его обеспечения. Оно вытесняется из некоторых сфер (например, из управления экономикой), в то время как его возможности по осуществлению контроля над гражданами увели-

чиваются¹. Мы утверждаем, что можно приступить к сравнению различных политий на основании такой эрозии возможностей государства вне зависимости от их места в спектре транзита. Мы делаем это, анализируя ключевую роль государства в организации политической жизни в современную эпоху в таких областях, как представительство, управление экономикой, обеспечение онтологической безопасности.

Политическое представительство опирается на политическое представительство и артикуляции политических требований независимо от характера партийной системы². В политике без центра партии сталкиваются с такими вызовами, как технологии, изменение форм социальной организации, умаляющее важность партнерства как формы принадлежности, конец идеологии как коагулянта различных политических требований. Мы можем обнаружить признаки этой эрозии представительства в таких показателях, как сокращение участия в голосовании, фрагментация и неустойчивость партийных систем и персонализация партий.

Нелояльность избирателей и обществ, то, что Франческо Каваторта назвал «деполитизацией» общества, отчетливо прослеживается и в России, и в Италии³. В Италии уровень участия избирателей в процессе голосования достиг исторических минимумов, политические партии появляются и исчезают от одних выборов к следующим, избранные представители с легкостью меняют свою партийную принадлежность (более пятой части действующих членов парламента в настоящее время состоят не в той партии, от которой они избирались), все большее число избирателей отдают предпочтение протестным или популистским идеям. В России ситуация несколько иная, так как партии ослаблены конституционным устройством, однако также наблюдается эрозия политических партий. На смену центральной роли Коммунистической партии советской эпохи пришла политическая машина, в центре которой находится фигура президента. Общественные требования в настоящее время передаются посредством вновь созданных организаций гражданского общества, чья цель заключается в доведении этих требований до политических лидеров. И в Италии, и в России идеология, как клей, скрепляющий разнородные политические требования, оказалась разрушена и уступила место значительной изменчивости.

В управлении экономикой при ограниченности возможностей, доступных государственным деятелям, эрозия политического центра очевидна в наибольшей степени. Россия с ее ресурсной экономикой, которой, как представляется, управляет государство, также демонстрирует пример того, насколько ограничены возможности политического локуса по формированию экономики. Экономические показатели постсоветской России тесно увязаны с мировыми ценами на сырье-

¹ Jessop B. Towards a Schumpeterian Welfare State? // *Studies in Political Economy*. 1993. № 40. P. 7–39; *Ibid.* The Future of the Capitalist State. Oxford: Polity Press, 2002.

² Downs A. An Economic Theory of Democracy. N. Y.: Harper and Row, 1957; Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. N. Y.: Methuen, 1959.

³ Cavatorta F. The Convergence of Governance: Upgrading Authoritarianism in the Arab World and Downgrading Democracy Elsewhere? // *Middle East Critique*. 2010. № 19 (3). P. 217–232.

вые товары, а иллюзия частной собственности — с властными полномочиями и политическими требованиями. В Италии, как и в большей части еврозоны, локус экономического управления размыт многоуровневой структурой, в рамках которой денежно-кредитная политика осуществляется независимым Европейским центральным банком, а налоговая политика — государством, на которые европейские обязательства и институты наложили свои юридически обязывающие требования. В обоих случаях имеющиеся варианты ведения политики ограничены рыночными факторами и транснациональным давлением. В обоих случаях политическая повестка дня в части управления экономикой, как представляется, навязана и реализуется техническими элитами, демократический контроль которых затруднен.

Наконец, государство в современную эпоху играет ключевую роль в обеспечении онтологической безопасности определенных политических сообществ, то есть находится в центре практик, процедур и нарративов, помогающих определить, кто есть кто и почему этот кто-то является частью политического сообщества. В том смысле, в каком этот термин используют Гидденс и специалисты, занимающиеся изучением международных отношений, онтологическая безопасность означает чувство уверенности в собственной идентичности¹. Онтологическая безопасность подразумевает, что социальным акторам необходимо испытывать базовое доверие к устойчивости факторов, дающих им чувство идентичности, чтобы быть способными иметь общественные институты, формулировать цели, определять интересы и действовать стратегически. Эта устойчивость укоренена в привычке и рутине, а также в стабильности среды, определяющей идентичность. В политической системе без центра государству все сложнее обеспечивать эту форму безопасности. Оно сталкивается с вызовами по всем направлениям — со стороны местных и региональных локусов власти, рынков, новых форм политической идентичности и расплывчатости границ между государственной и частной властью. Эрозия политических центров также поднимает вопрос о том, какая форма политических режимов способна обеспечить онтологическую безопасность — демократия или авторитаризм.

Как в России, так и в Италии мы наблюдаем падение доверия к государственным институтам и политическим лидерам. Более того, региональные различия продолжают нарастать, в связи с чем все труднее увидеть государство осуществляющим практики, позволяющие ему формировать политическое сообщество. И дело не в том, что не хватает институтов или структур, а в том, что они не создают впечатления, будто способны решать проблемы и отвечать на запросы общества. Это порождает онтологическую неуверенность, поскольку политическое сообщество ищет альтернативные способы решения данных проблем — от локальных центров власти до частных решений.

¹ *Berenskoetter F.* Parameters of a National Biography // *European Journal of International Relations*. 2014. № 20 (1). P. 262–288 ; *Giddens A.* *Modernity and Self-Identity*. Cambridge : Polity Press, 1991 ; *Mitzen J.* *Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma* // *European Journal of International Relations*. 2006. № 12 (3). P. 341–370.

Результатом является дальнейшее размывание границ между государственной и частной властью, а также провоцирование подъема антиполитических движений.

Заключение

В своем политическом развитии Россия и Италия следуют двумя совершенно разными траекториями. Первую настойчиво записывают в разряд стран «переходного периода», обычно в качестве примера замедленной трансформации в действующую либеральную демократию с рыночной экономикой. Италия, с другой стороны, рассматривается в качестве консолидированного либерального демократического государства, включенного в процесс европейской интеграции, пожалуй, даже как олицетворение либеральной демократии и рыночного капитализма. Однако у этих стран есть общее: политические, социальные и экономические силы подрывают центральные, узловые точки управления в современную эпоху. В обоих примерах мы видим, что политические элиты борются за поиск новых способов обеспечения политического представительства общественных требований. Традиционные роли политических партий — аккумуляция и артикуляция этих требований — должны бороться с общественными ролями, которые гораздо более фрагментированы. Идеология и партийные структуры уступили дорогу новым формам политических сообществ, в которых акцент делается на персоналиях политиков и эфемерных вопросах. Возможности политического сообщества по формированию судьбы экономики и управлению ею в обоих случаях демонстрируют отсутствие руководящей роли политического центра. Правительства стараются бороться с последствиями того, что в экономику их стран проникают транснациональные капиталы и экономические потоки. Эта эрозия представительства и реагирования спровоцировала растущую онтологическую неуверенность, в обоих случаях проявленную в форме антиполитики.

К каким последствиям может привести эта политика без центра? Во-первых, она дает дополнительные аргументы в споре о том, что парадигма транзита не позволяет справиться со сложным взаимодействием различных факторов воздействия, оказываемого на государство в современном мире, и тем самым сокращает практическую ценность бинарной оппозиции «транзит–консолидация». Изучение способов, посредством которых государства реагируют на схожие вызовы, может помочь нам лучше разобраться в том, какие факторы политического развития являются «переходными», а какие представляют собой структурные черты управления в современную капиталистическую эпоху. Во-вторых, такое исследование может помочь нам лучше понять, что, возможно, на первый взгляд эфемерные явления вроде популизма гораздо глубже укоренены в природе современного общества. Если политические партии более не способны аккумулятировать требования и артикулировать их в виде четко определенной и последовательной политики, то какие формы представительства мы можем вообразить? В-третьих, оба примера показывают, что безопасность четко определенного политического сообщества не может приниматься как должное в этом политическом ландшафте, подверженном эрозии.

А. С. Запесоцкий¹**БОРЬБА США ЗА КОНТРОЛЬ НАД ЕВРОСОЮЗОМ****I. Евросоюз в контексте стратегических интересов США**

Политика США в отношении Западной Европы определяется стремлением удержать ее под полным контролем в связи с усиливающимся противостоянием со стремительно развивающимся Китаем.

Современная элита США проигрывает конкуренцию элите Китая в выборе стратегий национального развития. США озабочены групповыми, клановыми интересами, а Китай руководствуется общенациональным смыслом развития, понимаемым как балансировка и гармонизация запросов всех основных социальных групп населения. Это наглядно отражается на темпах экономического роста. Если в Китае кризисом считается снижение роста ВВП с 9–10 до 6–7 % в год, то в США о таком «кризисе» даже не мечтают.

В мировой конкуренции социально-экономических систем в последние десятилетия наилучшие результаты дает следование теории конвергенции, согласно которой от социализма и капитализма берется все лучшее с точки зрения национально-культурных условий страны. Об этом свидетельствует послевоенный опыт Японии, Южной Кореи и др. В этом же направлении движется Евросоюз, создавая социальное государство. США же, неуклонно усиливая государственно-монополистическое регулирование экономики, тем не менее, существенно отстают от передовых стран Азии, не проявляя необходимой гибкости и динамичности.

Это отставание частично компенсируется накопленной ранее экономической мощью, а также монополией финансового регулятора и генератора денег, весомостью вооруженных сил, господством в сфере производства информации и средств ее распространения, возможностью сбора секретных данных, наличием механизмов контроля за политической жизнью существенной части мирового сообщества, включая формирование национальных элит, и т. д.

Интересы США, как их понимает правящая верхушка, вступают в противоречие с интересами практически

всего мирового сообщества. Но угроза их глобальному доминированию исходит в первую очередь из Китая, эффективно развивающегося и умело строящего отношения с другими государствами. Невозможность прямой конфронтации с Китаем вынуждает США ориентироваться на иные сценарии удержания своих позиций. Применительно к ЕС их главная задача — торпедировать проект «Большая Европа: от Гибралтара до Берингова пролива» и навязать Евросоюзу трансатлантический проект общего рынка. В американском плане нет места России как самостоятельному субъекту международной политики, тем более — партнеру.

После Второй мировой войны образовалась сложная конфигурация так называемого Запада. Опираясь на Великобританию, США накрыли Старый Свет зонтиком НАТО и взяли под контроль многие из его ключевых сфер жизнедеятельности. До сих пор Великобритания в состоянии заблокировать любое решение Евросоюза, негодное Соединенным Штатам. Показательно, что ни одна страна НАТО не может назначать своих министров обороны без одобрения их кандидатур в США.

В 1990-х годах одним из парадоксальных итогов распада СССР стало ослабление контроля США над ЕС. Постепенно начали укрепляться экономические связи Евросоюза с Россией. Выгоды от этого в первую очередь почувствовал бизнес Германии, затем Италии, Франции и т. д. В Евросоюзе стали все чаще рассуждать о строительстве «Большой Европы». В результате такой интеграции ЕС мог бы получить свободный доступ к огромному рынку и сырьевым ресурсам, а Россия — к западным технологиям и рынкам ЕС. На смену флоту, курсирующему между Китаем и Западной Европой, пришли бы транссибирские железнодорожные магистрали. Появился бы новый мировой экономический субъект с населением свыше 600 млн, независимый и конкурентоспособный по отношению к США и Китаю. Очевидно, это не соответствовало интересам США, которые стремятся не просто контролировать ЕС, но полностью превратить его в свою торгово-экономическую зону.

После того как Германия, Франция и Россия высказались против ввода американских войск в Ирак, США незамедлительно приступили к восстановлению своего политического контроля над странами, позволившими себе выразить несогласие. В Германии и Франции это удалось, в России — нет. Прослушивание телефонных разговоров А. Меркель и преследование Д. Стросс-Кана — только вершина айсберга манипулирующей политической элитой Европы.

С позиций Соединенных Штатов и Западной, и Восточной Европе может быть позволено руководствоваться своими интересами только в той степени, в которой они соответствуют интересам США.

Для обеспечения своего господства США целенаправленно ослабляют Европу, искусственно разделяя ее на враждующие лагеря.

¹ Ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Заместитель председателя Совета ректоров Санкт-Петербурга. Председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор свыше 2280 публикаций. Член редколлегии журналов «Педагогика», «Вопросы культурологии», «Литературная учеба», «Партнерство цивилизаций», «Философия и культура», «Филология: научные исследования», «Педагогика и просвещение», «Философская мысль», «LITERA», «Современное образование», «Симург» (Азербайджан).

Награжден орденом Дружбы, медалями «За спасение утопающих», «В память 300-летия Санкт-Петербурга». Кавалер медали К. Д. Ушинского, Золотой медали Российской академии образования. Награжден Почетной грамотой Министерства культуры Республики Болгария, медалями «SIMURG» Ассоциации культуры Азербайджана и «Академик Сапаргалиев» (Казахстан).

Лауреат премий Правительства РФ (2007) и Правительства Санкт-Петербурга (2010, 2016) в области образования, Плехановской премии РАН (2015) и Горьковской литературной премии. Почетный доктор университетов США, Ирландии, Украины и Польши. Академик Академии наук и искусств (Париж), Европейской академии наук и искусств (Зальцбург).

II. Механизмы контроля США над Евросоюзом: «огненный круг»

Стратегически задача усиления контроля над Евросоюзом решается Соединенными Штатами несколькими путями. Можно выделить три зоны воздействия: создание вокруг ЕС пояса нестабильности, ослабление ведущих стран Западной Европы и манипулирование периферией Евросоюза.

Характерно, что элита ЕС либо не видит реальных угроз, возникших в ходе реализации планов США, либо делает вид, что не видит. В связи с этим красноречив аналитический доклад «Трансграничные кризисы, безрассудные деструктивные силы и беспомощные защитники»¹, выпущенный в 2016 году в преддверии Международной конференции по безопасности в Мюнхене ее организаторами.

Крупнейшие эксперты ЕС как будто только что заметили, что вокруг Европы образовался «огненный круг»: «На Украине продолжается война. В Сирии война вернула в кризис весь регион и поставила под сомнение государственные границы Ближнего Востока. Результатом стала самая масштабная после Второй мировой войны волна беженцев. В Европе в 2015 году появилось 15 новых «стен», что поставило под вопрос существование Шенгена. Разрушены государства от Ливии до Ирака, от Мали до Афганистана». Все это происходит вопреки цели, сформулированной в Стратегии по безопасности ЕС (2003): добиться создания вокруг Евросоюза стабильного и хорошо управляемого пояса стран.

Никакой угрозы Евросоюзу со стороны США авторы доклада не усматривают. Критикуют Россию: «Внешняя политика России на мировой арене непредсказуема и опасна. Напористые действия России вызвали в Финляндии и Швеции дебаты о необходимости вступления в НАТО». Докладчики также прогнозируют, что «Россия вряд ли ослабит хватку по отношению к Украине». И одновременно констатируют, что Евросоюз «не готов предложить Киеву существенную экономическую и политическую поддержку».

Иными словами, Западная Европа пребывает ныне в опаснейшем положении. Она оказалась окружена цепью конфликтов. Однако, вопреки утверждениям авторов доклада, создала их не Россия.

Еще несколько лет назад глобальный замысел формирования «огненного кольца» не был понятен. Крупнейшие специалисты по геополитике не могли объяснить, зачем, например, США дестабилизировали Тунис. За несколько лет они вложили около 200 млн долларов в программы по развитию в этой стране «гражданского общества». Делегации американских конгрессменов регулярно приезжали туда, требуя «демократии» и «свободы слова». Используя Интернет, подготовили, консолидировали и вывели на улицы массы, свергли лояльного им президента. Далее наступил черед Ливии, Египта, Сирии. При этом везде США в раздуваемых ими конфликтах вытаскивали западноевропейцев на первый план.

М. Каддафи последние десятилетия своей жизни посвятил тому, чтобы стать другом Запада. Б. Асад

¹ Munich Security Conference (12 to 14 February 2016). URL: <http://www.securityconference.de/en/activities/munich-security-report>

всегда им был, не говоря уже о Мубараке. США ударили по своим же ставленникам. А теперь Европа задыхается от беженцев. В непосредственной близости от нее появился ИГИЛ.

И это в то время, когда Франция не может ассимилировать районы с арабским населением в крупных городах, Германия не знает, что делать с турецкими анклавными на своей территории, а Евросоюз в целом не в состоянии справиться с культурной адаптацией Румынии.

Наступает очередь Украины. На дестабилизацию и подготовку путча в этой стране США официально потратили 5 млрд долларов. Исходная установка — оторвать ее от России. Для чего? Включить территорию Украины в ЕС невозможно. На одно лишь преобразование технических стандартов большого по масштабам Евросоюза государства потребуются огромные средства, которых у ЕС нет. Использовать как источник дешевой рабочей силы и рынок для своих товаров? Но для этого вполне достаточно подконтрольности.

Мир и государственное единство на Украине можно было обеспечить несколькими своевременно принятыми Радой документами о государственном статусе русского языка и национально-культурных правах миллионов жителей востока и юго-востока страны. Но тогда не было бы санкций, укрепления НАТО и губительного для ЕС конфликта с Россией.

Новая опасность для ЕС связана с дезорганизующим влиянием миграционной волны и ростом популярности националистических идеологий и партий. Здесь удар наносится прежде всего по Германии и Франции — локомотивам развития ЕС. Но роль Соединенных Штатов в происходящем снова игнорируется элитой Евросоюза.

Причиной бурной иммиграции в Европу в мюнхенском докладе названы не системные усилия США по дестабилизации ситуации на ее периферии, а «непредсказуемый президент России Владимир Путин». И это притом, что логика действий США прослеживается вполне отчетливо².

Каждой операции по дестабилизации ЕС сопутствует интенсивное манипулирование общественным мнением. Информационное обеспечение уничтожения Югославии обошлось заказчикам, по нашим оценкам, в 1,5 млрд евро. Все миграционные потоки в Германию сопровождалась миллионами телефонных посланий беженцам о том, что их ждут и готовы принять. В прессу просочились сведения, что свыше 70 % этих сообщений были отправлены с территории Великобритании и США³.

III. Ослабление Германии и воздействие на периферию ЕС

Энергичное внешнее управление общественным сознанием осуществляется и в самой Германии. Когда потоки беженцев только начали формироваться, в стра-

² Munich Security Conference (12 to 14 February 2016). URL: <http://www.securityconference.de/en/activities/munich-security-report>

³ Черных Е. Вторжение беженцев в Европу организовали через Твиттер США и Англия // Комсомольская правда. 2015. 17 сент. URL: <http://www.spb.kp.ru/daily/26434.4/3305391/>

не прошли демонстрации протеста против приема мигрантов. Тогда СМИ мгновенно распространили фотографию утонувшего трехлетнего сирийского мальчика, чья семья пыталась перебраться в Европу из Турции. Эта фотография произвела на европейскую общественность большое впечатление, что в итоге позволило беспрепятственно проникнуть в Германию более чем миллиону беженцев только в 2015 году. При этом власти страны несколько месяцев замалчивали накапливающиеся проблемы.

После того как в Германии обострилась криминальная ситуация с мигрантами, информационная блокада была прорвана английскими СМИ, показавшими новогодние бесчинства пришельцев — домогательства в Кельне¹. Затем на немецкого обывателя обрушилась лавина новых сообщений о массовых нарушениях мигрантами общественного порядка, дискредитирующая власти и дестабилизирующая гражданское общество страны. Между тем свыше 90 % новостей, доходящих до публики в странах евроатлантического военного блока, продуцируется и распространяется тремя американскими корпорациями и контролируемые ими европейскими СМИ. В результате их манипуляций Германия оказалась в крайне сложном положении. Кризис немецкой национальной идентичности разворачивается на фоне общего упадка западноевропейской культуры, но в силу особенностей истории и национально-культурного характера в этой стране ощущается особенно остро.

Иные методы используют США на периферии ЕС, в первую очередь в странах Балтии и бывшего Варшавского договора. В этих государствах заметная часть электората отстранена от участия в политическом процессе, имеют место языковые, образовательные и общекультурные репрессии, отключаются российские СМИ, уничтожаются памятники, переписывается история.

Особая тактика применяется в отношении стран, входящих в ЕС, но не являющихся членами НАТО. Характерный пример — Финляндия. На протяжении многих десятилетий Хельсинки удавалось проводить политику неприсоединения, балансируя между Россией и Западом и получая очевидные экономические и политические преимущества. Этому способствовал прагматизм ее руководства, извлекшего уроки из войны с СССР.

Вступление в Евросоюз в 1995 году первоначально обеспечило финнам впечатляющий экономический рост. К тому же и сотрудничество с Россией продолжало развиваться. Но теперь Финляндия подпала под внешнюю зависимость. Во-первых, значительная часть способной финской молодежи стала проходить обучение и стажировку в США. Там начала формироваться финская политическая и деловая элита. Во-вторых, сегодня ни одно крупное СМИ Финляндии не может выжить без рекламных поступлений от транснациональных фирм. В-третьих, руководство страны оказалось «под колпаком» спецслужб США. Это предоставило Вашингтону широкую возможность подбирать и со-

¹ Британские СМИ: почему немецкие газеты молчали после нападения в Кельне // Postimees. 2016. 6 янв. URL: <http://rus.postimees.ee/3458079/britanski-smi-pochemu-nemeckie-gazety-molchali-posle-napadenij-v-kelne>

провождать «свои» кадры, продвигая их по карьерной лестнице. В итоге в Финляндии к настоящему времени сформирован управленческий слой с весьма своеобразным представлением о национальных интересах страны. Завершается смена поколений политических лидеров, на место государственных деятелей уровня Кекконена приходят выпускники американских университетов. Венец жизненного пути для подобных деятелей — не процветание своей страны, а уютный кабинет в офисе транснациональной корпорации-гиганта.

Типичная фигура в нынешнем руководстве — Александр Стубб, окончивший школу и университет в США, то есть, по сути, американец. Казалось бы, для США Финляндия не имеет большого значения. Все ее богатство составляют леса, озера и скалы. Однако теперь мировые информационные агентства регулярно цитируют господина Стубба — его жесткую критику в адрес России по поводу Украины или Южной Осетии, размышления о членстве Финляндии в НАТО. Американская интерпретация судьбы Крыма на 5 % повысила долю финнов, поддерживающих вступившие страны в НАТО. Финляндия участвует в военных маневрах Североатлантического альянса, тем самым нарушая положения Парижского мирного договора 1947 года. Министр обороны Финляндии Карл Хаглунд заявил недавно, что в случае конфликта НАТО с Россией его страна не останется в стороне².

Таким образом, США искусственно создают ряд кризисов вокруг и внутри Евросоюза, формируя в сознании его населения ложную картину реальности.

IV. Перспективы альянса ЕС и США

Американская модель глобализации дает сбои. Еще недавно воспринимавшаяся как неизбежность вестернизация почти повсеместно сменяется подъемом регионализма и традиционализма. При этом влияние незападных стран неуклонно возрастает. Мировое общество перестает жить по американским лекалам.

Экономисты констатируют, что расходы госбюджета США по статье «выплата процентов» составили в настоящее время около 230 млрд долларов в год, превышая объем федеральных дотаций сельскому хозяйству в 10 раз. Бюджетное управление Конгресса США планирует, что через 5 лет ежегодные выплаты по долговым обязательствам составят 500 млрд долларов³.

В Евросоюзе налицо дезинтеграция экономического порядка, который создавался с начала 1970-х. Специалисты ведут речь о «непреодолимой ограниченности» институтов и механизмов, обеспечивающих функционирование Евросоюза. Наиболее высокие темпы развития демонстрируют страны, не стремящиеся формировать либеральную политическую систему. Сингапур и Таиланд, Лаос и Малайзия, Бирма и Вьетнам, не говоря уже о таких гигантах, как Китай и Индия, интегрируются в глобальные рынки, не меняя идеоло-

² Финляндия заявила о готовности поддержать Прибалтику в случае «агрессии» России // Взгляд: деловая газета. 2015. 31 марта. URL: <http://vz.ru/news/2015/3/31/737410.html>

³ Лебедева Л. Ф. Приоритеты социально-экономической политики государства в условиях глобальных вызовов (американский подход) // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб., 2015. С. 449.

гии и социально-политических основ своего устройства. Едва ли не повсеместно усиливаются антизападные настроения, проявляется стремление, не пользуясь чужими рецептами, опираться на собственную культуру, традиции и ценности, выстраивать модели жизнеустройства, отвечающие национальным интересам.

Различные страны все активнее вырабатывают и продвигают свое видение будущего мира и правила его построения. В контексте этого видения хорошо не то, что похоже на Запад, а то, что эффективно. Из западного опыта отбирается только полезное.

Большинство стран не-Запада движется в сторону традиционализма. Специалисты отмечают, что социальные группы, принявшие западные ценности, культуру и образ жизни, остаются в этих странах малочисленными. Общество в целом ориентируется на свои национально-культурные установки. Даже западная система образования перестает играть роль «плавильного котла» мировой цивилизации. Молодежь все чаще перенимает на Западе лишь современные технологии, сохраняя приверженность традиционным ценностям своих стран. Неудивительно, что национальные элиты демонстрируют в этой ситуации сугубый прагматизм.

Становится очевидно, что влияние транснациональных корпораций на национальное развитие сильно преувеличено. В экономиках Китая, Вьетнама, Турции, Южной Кореи, Японии и других стран роль государства более чем значима, а экономическое развитие связано не столько с частными корпорациями, сколько с государственно-частными предприятиями.

Успешный экономический рост все чаще оказывается обусловленным не либерализмом, а успешным воплощением на практике теории конвергенции, умелым сочетанием черт капитализма и социализма в контексте той или иной национальной культуры. Государственный сектор воспринимается в этой связи как ядро национальной экономики, основа сильного государства и национальной независимости.

Мощный тренд нашего времени — изменение баланса сил между различными экономическими центрами, возрастание роли региональных союзов и рост напряженности между старыми и новыми мировыми лидерами. Особое внимание обращается на феномен Ирана, многие годы не связанного с западными рынками. Набор западных санкций и ограничений вместе с отключением от платежной системы SWIFT не помешал этой стране стать влиятельным центром силы Востока.

Глобализация, разумеется, не отменяется. Она лишь меняет свой характер. Мы являемся свидетелями намечившегося принципиального поворота в разви-

тии мировых интеграционных процессов, изменения их сущности. Если «арабская глобализация» остается пока под большим вопросом, то об азиатской уже можно говорить вполне определенно.

В этой ситуации слепое следование Евросоюза в кильватере американской политики означает дальнейшее усугубление проблем Европы.

V. Взаимодействие России и Евросоюза

Для России возрастает необходимость стратегического пересмотра общего вектора развития «на Запад» вне зависимости от политической конъюнктуры, конфликтов с ЕС и США и санкций. Принципиально важно, что у нашей страны в последнее десятилетие появился и иной проект развития, четко артикулируемый и не вписывающийся в англосаксонское видение будущего. Это Евразийский проект. По мысли В. В. Путина, данное объединение направлено в конечном счете не против Евросоюза, а на интеграцию с ним¹.

Для стран Евразийского экономического союза интеграция с ЕС по отдельности возможна только на кабальных условиях. Слишком велика разница в уровнях технологического, социального и ментального развития. Но Россия, Казахстан, Белоруссия и другие не склонны повторить судьбу стран Восточной Европы, потерявших в составе ЕС вслед за юридическим суверенитетом и контроль над собственной экономикой.

Евразийская идея предполагает объединение ряда стран бывшего СССР с целью совместного экономического подъема до уровня, приемлемого для дальнейшей интеграции с ЕС на условиях равноправия. Поскольку Россия ощущает себя полноценной ветвью европейской культуры, создание Евразийского союза мыслится как один из этапов взаимодействия с Западом — того, ради чего Россия способствовала разрушению Берлинской стены. Замысел Евразийского союза можно сформулировать так: «Не получилось общеевропейского дома сразу — построим постепенно».

Однако реализация этого замысла будет сталкиваться с растущим противодействием США. Их влияние на политику ЕС огромно. США будут стремиться и к негативному воздействию на страны Евразийского союза. Но ничто в судьбе Европы пока не определено. Будущее Украины, ЕС, как и проекта «Большой Европы: от Гибралтара до Берингова пролива», зависит от способности национальных элит Старого Света к консолидации на основе своих национальных интересов, а также интересов всего континента.

По всей видимости, впереди нас ждут драматические события.

¹ Евразийская интеграция : сб. науч. тр. : ежегод. СПб., 2014. Вып. 1.

Ю. П. Зинченко¹

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА КАК ГЛОБАЛЬНОГО ВЫЗОВА СОВРЕМЕННОСТИ

Терроризм сегодня стал вызовом всей человеческой цивилизации, порождая во всем мире страх, в государствах — политические и экономические риски, в обществе — неуверенность в завтрашнем дне, а в человеке — тревогу и отчаяние. События последнего времени являют яркие примеры «воли к разрушению», попрания общечеловеческих ценностей, стирания с лица земли культурных ценностей мирового значения, обесценивания человеческой жизни, которые можно расценить как явление «раскультуривания» человека и тем самым — его «расчеловечивания». Эти тенденции противостояния культуры хаосу предвидел в своих работах академик Д. С. Лихачев, рассматривая культурную деятельность человека как способ освобождения от страха перед стихийным «неорганизованным» миром². Разрушение культуры трактовалось им как гибельный путь деградации цивилизации.

Терроризм является мультидисциплинарной, в том числе психологической проблемой, поскольку вовлечение в террористическую деятельность основывается на манипулировании актуализированными потребностями в идентификации³.

Основными социально-психологическими проблемами, создающими основу для возникновения и проявления терроризма, являются: общая нестабильность общества в период социальных преобразований, порождающая ряд новых, нетрадиционных для предшествующего развития социальных явлений; большое количество массовых социальных движений с радикальными векторами; возникновение внутри этих групп

и движений «групп риска» с тенденциями к экстремизму, формированию специфического образа мира.

Формирование и закономерности структурирования и функционирования комплексного психического образования, обозначаемого в психологической школе А. Н. Леонтьева как «образ мира», у лиц, вовлеченных в террористические организации, имеет существенное сходство с образом мира лиц, характеризующихся либо отдельными чертами зависимости, либо зависимостью в психопатологическом смысле этого слова. Технология порождения террориста является не уникальной, а лишь одной из современных технологий, посредством которых структурируются образ мира, самоидентификация подвластного этим технологиям субъекта, что может стать основой для построения теоретических моделей и практических методов диагностики лиц, входящих в группы риска, эффективной профилактической работы, коррекции, реабилитации и формирования системы психологически ориентированного мониторинга антитеррористической деятельности.

Для создания научно обоснованных собственно психологических критериев, позволяющих диагностировать и классифицировать характерные для групп риска способы построения образа мира, самоидентификации и целеполагания, следует обратить внимание прежде всего на следующие моменты, характерные для личности, вовлеченной или могущей быть вовлеченной в террористическую деятельность: превалирование иллюзорно-компенсаторного способа удовлетворения потребностей по отношению к деятельностно-созидательному; направленность на быстрые и «окончательные» простые решения сложных вопросов; упрощенная мифологизация и знаково-символическое опосредование ведущей деятельности с обязательным акцентом на списке «врагов»; терминальная, предельная, искусственная драматизация ситуации; манипулятивно снижаемый с помощью специальных психотехник порог агрессивного поведения; высокая импульсивность и склонность к немедленным действиям; героизация террористической деятельности с неперенным элементом жертвенности; примитивность и ригидность картины мира и когнитивных стилей; высокая внушаемость⁴. Отдельно следует отметить специфическое состояние массового сознания и менталитета, которое характеризуется верой в эффективность насильственных действий и в право на них; «метаморфозами» исторической памяти различных этнических групп, политических партий и прочего; несформированностью адекватных представлений о демократии, в частности о правах человека.

Мотивационно-ценностной и идейной основой терроризма является внутренняя субъективная убежденность в служении абсолютной, высшей, единственной

¹ Декан факультета психологии, заведующий кафедрой методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, главный ученый секретарь Президиума РАО, академик РАО, доктор психологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 220 научных публикаций, в т. ч.: «Методологические аспекты изучения сексуальности», «Философско-психологические аспекты изучения репродуктивной функции человека», «Сексуальное “культурное тело”», «Основы безопасности личности и общества» (в соавт.), «Эволюция понятия “симптом”», «Психология виртуальной реальности», «Психология спорта», “Psychology in Russia: State of the Art” и др. Главный редактор журналов «Вестник Московского университета. Серия “Психология”», «Российский психологический журнал», «Национальный психологический журнал». Президент Российского психологического общества, председатель Совета по психологии УМО РФ по классическому университетскому образованию, заместитель председателя Экспертного совета ВАК РФ по педагогике и психологии. Член Президиума Международного союза психологических наук (IUPsyS) при ЮНЕСКО, Исполкома Европейской федерации психологических ассоциаций (EFPA), Российского философского общества. Награжден медалями «В честь 850-летия Москвы», «За содружество во имя спасения», Золотой медалью Российской академии образования. Лауреат премии Правительства РФ в области образования.

² Лихачев Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006.

³ Зинченко Ю. П., Шилко Р. С. Выявление групп риска, представляющих ресурсы развития терроризма, и обоснование принципов антитеррористической деятельности на этом направлении // Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / С. А. Афонин [и др.]; под ред. В. В. Яценко. М.: МЦНМО, 2007. С. 35–52.

⁴ Зинченко Ю. П., Сурнов К. Г., Тхостов А. Ш. Мотивация террориста // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 2. С. 20–34.

истине, которая, как следствие, ведет к вытекающему из нее фанатизму и готовности утверждать эту истину любыми средствами¹.

По мере того как террорист проникается идеологией своей организации, он усваивает абсолютистскую риторику. Объекты окружающего мира предстают для него через призму простых и однозначных характеристик: свои и чужие, правильное и неправильное. При этом нивелируется возможность для проявления сомнения.

Психологически корректный ответ на вопрос, почему люди могут желать быть вовлеченными в террористическую деятельность, может содержать в себе некоторую часть ответа на вопрос, что они делают (или что им разрешают делать) в качестве террористов, и как они приобретают и сохраняют мотивационную вовлеченность в специфически террористических мероприятиях и действиях.

Люди, становящиеся членами террористических групп, — выходцы из разных социальных слоев общества. Поэтому мотивация, определяющая их радикально настроенное поведение, достаточно разнообразна. Вместе с тем можно говорить о трансформации личности террористов и тенденции к доминированию у них определенных личностных черт. Прежде всего это *агрессивность*, которая развивается в том числе и как реакция на фрустрацию — субъективно невозможную ситуацию удовлетворения важных потребностей. *Склонность к экстернализации* — возложению ответственности за неудачи на внешние обстоятельства и поиску внешних факторов для объяснения неадекватности собственного поведения объективно предписанным условиям. *Потребность в аффилиации* (принадлежности к определенной группе) относится к одной из базовых. Благодаря этой потребности обеспечиваются социализация человека и формирование у него чувства самоидентичности. Поэтому часто членами террористических организаций становятся выходцы из неполных семей, а также люди, которые по тем или иным причинам испытали трудности адаптации к существующим социальным институтам (в частности, потеряли или вообще не имели работу). Чувство отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, становится основой для маргинализации ценностно-смысловой сферы личности человека. Это приводит к трансформации исходной потребности в аффилиации и заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему родственной. Таким образом, характерной чертой личности террористов является сильная потребность во включенности в группу подобных людей, обеспечивающая процесс самоидентичности². Террористами не становятся сразу, в одночасье. Прежде чем стать частью террористической группы, человек зачастую проходит через утрату смысловых ориентиров

¹ Zinchenko Y. P. Psychology of Safety and Resistance to Terrorism // Психология в России: современное состояние / под ред. Ю. П. Зинченко и В. Ф. Петренко (Psychology in Russia: State of the Art / ed. by Y. Zinchenko and V. Petренко). М. : Department of Psychology MSU & IG-SOCIN, 2008.

² Зинченко Ю. П. Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2007. № 4. С. 3–7.

собственной жизни, апатию, депрессию, вызванные социальной дезадаптацией.

Существенное значение в формировании личности террориста в самом раннем, психологически еще невидимом начале этого сложного процесса, как правило, имеет так называемое событие-катализатор — конкретное драматическое происшествие, связанное с вопиющим злоупотреблением, несправедливостью, безнаказанным злодейством, потерпевшим участником или свидетелем которого был будущий террорист. Раз за разом извлекаемое из памяти, это событие служит аналогом химического катализатора, эффективно способствующего ходу процесса, в данном контексте — процесса формирования личности террориста через идентификацию себя с безвинно наказанными соплеменниками, сотоварищами по социальному классу, группой родственников (основа кровной мести) или с самим собой в качестве жертвы «очень плохих людей». В автобиографиях террористов отчетливо проявляется закономерность — по мере углубления стадии и степени вовлеченности в террор событие-катализатор становится все более ярким, страшным, драматическим, обрастает художественной и мистической конкретностью, которой оно не имело в такой степени при первых воспроизведениях в начале инициализации.

Однако террористы редко артикулируют, то есть словесно формулируют таким же образом ответы на вопросы о соблазнительности, привлекательности и ожидании личных выгод, которые ассоциируются у них с принятием решения о вступлении в террористическое движение. Анализ ответов на эту группу вопросов обнаруживает, что в основе принятия личного решения лежат такие понятия, как сила, мощь; высокий статус; чувство товарищества и надежной самоидентификации; наслаждение, сопровождающееся радостным возбуждением от принятия новой роли и новой жизни; обожание и благоговение перед более широким, чем до вступления, движением поддерживающего сообщества. И даже, в отдельных случаях, прекращение забот о личном финансовом благополучии.

В связи с этим весьма актуальными являются исследования, создающие научно обоснованные рекомендации для выработки методов, направленных на коррекцию подобной идеологии³. Эти рекомендации могут касаться различных аспектов социальной действительности, которые чаще всего освещаются средствами массовой информации: экспликацию опасности тенденции поиска «образа врага», особенно в группах молодежи и группах риска; адекватная интерпретация соотношения таких факторов, как *глобализация* и *терроризм*, и их влияние на экономические факторы развития общества и конкретного гражданина; транспарентное обсуждение актуальных социальных проблем, например занятости молодежи, имущественного неравенства в современном обществе (причины, средства преодоления и пр.); социально-профилактическое

³ Вартанова Е. Л., Зинченко Ю. П. Актуальные проблемы безопасности в информационном пространстве // Информационная и психологическая безопасность в СМИ : в 2 т. М. : Аспект Пресс, 2008. Т. 2 : Феномен «разорванной коммуникации» / под ред. Я. Н. Засурского [и др.]. С. 9–15.

взаимодействие гражданского общества с маргинальными группами (дискуссии о понимании критериев социальных ценностей, соотношения свободы и закона и пр.); особое внимание и поддержка системы образования; эффективное развитие политической культуры

(например, возможности ненасильственных форм решения социальных противоречий); целенаправленное формирование позитивных моделей поведения; формирование позитивного образа страны и чувства гордости при идентификации собственной гражданственности.

Валур Ингимундарсон¹

ОТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАШИЗМА К ПОПУЛИСТСКОМУ УЛЬТРАНАЦИОНАЛИЗМУ: ВЛИЯНИЕ РАДИКАЛЬНЫХ ПРАВЫХ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ

Введение

Возрастающее влияние националистических, популистских правых партий в Европе представляет собой не только вызов традиционным политическим элитам и функционированию либерально-демократических систем. Возникает невольное сравнение с историей фашистских движений² и встает вопрос: «Как определить, классифицировать и позиционировать эти партии в политическом спектре?». Когда марксизм утратил свое протестное влияние после распада Советского Союза, главным рупором противников глобализации и мультикультурализма в Европе стали правые радикальные партии³. Недавние успехи популистских партий на выборах в значительной степени связаны с их радикальной националистической и антииммигрантской позицией в частности и общим недовольством граждан политикой их стран в целом. Евроскептицизм, исламофобия, ксенофобия и противопоставление себя истеблишменту свойственны в разной степени всем этим партиям, что отличает их от других правых и левых партий политического спектра. Хотя состав европейских радикальных правых партий крайне неоднороден — от Датской народной партии (Danske Folkeparti,

DF)⁴ до экстремистской «Золотой зари» в Греции⁵, все они сходятся в одном — национальное государство должно быть как можно более культурно и этнически однородным. Это означает требование к принятию строгой политики ассимиляции и жесткого антииммигранционного законодательства, а любая форма мультикультурализма признается этими партиями ненужной⁶.

В данной статье рассматривается феномен ультра-националистических партий в трех аспектах: 1) сравнительно-сопоставительный анализ крайне правых и фашистских партий в период между двумя мировыми войнами; 2) сходства и различия между отдельными правыми партиями современной Европы; 3) степень влияния на государственную политику и идеологическую повестку основных партий этого толка в контексте европейской политики.

Чрезвычайное положение, в котором государства оказываются в результате политических и экономических кризисов, является идеальным условием для расцвета крайне правых партий. Об этом свидетельствует исторический период между двумя мировыми войнами. Поэтому неудивительно, что недавние финансовый и миграционный кризисы привели к росту популярности крайне правых партий во многих (если не во всех) европейских странах. Разумеется, их влияние остается крайне неоднородным в связи с различной степенью их идеологической привлекательности в контексте национальных государств. На популярность крайне правых влияет и положение основных политических партий, и препятствия, связанные с непропорциональными избирательными системами⁷. Тем не менее, несмотря на вышеперечисленные преграды, эти партии смогли бросить вызов традиционным правым и левым партиям европейских стран и стали определять текущую повестку дня, в частности в области антииммигранционной политики. Во многих европейских странах крайне правые партии могут рассчитывать на 20–25 % голосов избирателей. Иными словами, они стали зна-

¹ Профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии (Рейкьявик), председатель правления Научно-инновационного центра EDDA, научный сотрудник Королевского Объединенного института оборонных исследований в Лондоне, доктор философии. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: «Повстанческий союзник: Исландия, США и имперская политика. 1945–2006», «Геополитика арктических природных ресурсов», «Топография глобализации: политика, культура, язык», «Культуры холодной войны: перспективы западно- и восточноевропейских стран», «Арктическая безопасность в эпоху климатических изменений», «Холодная война и северные страны», «НАТО: первые пятьдесят лет», «Исландский финансовый кризис: политика обвинения, протеста и реконструкции» (в соавт.) и др. Лауреат литературной премии фонда Й. Сигурдссона, премии правительства Исландии за историческое исследование блока НАТО. Редактор научных журналов «История холодной войны», «Журнал славянских военных исследований», «Журнал полярных исследований».

² О проблеме фашизма в истории писали, в частности: Paxton R. *The Anatomy of Fascism*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 2004; Eley Geoff. *Nazism as Fascism: Violence, Ideology, and the Ground of Consent in Germany 1930–1945*. L.; N. Y.: Routledge, 2013; Bessel R. *Fascist Italy and Nazi Germany: Comparisons and contrasts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996; Griffin R. *The Nature of Fascism*. L.: Pinters, 1993; Griffin R. (ed.) *International Fascism: Theories, Causes, and the New Consensus*. L.: Arnold, 1998; Rendon D. *Fascism. Theory and Practice*. L.: Pluto Press, 1999; Kershaw I. *The Nazi Dictatorship: Problems and Perspectives of Interpretation*. L.; N. Y.: Bloomsbury Academic, 2000; Eatwell R. *Fascism. A History*. L.: Pimlico, 2003.

³ Paxton R. *Op. cit.* P. 181.

⁴ О Датской народной партии см.: Southwell P., Lindgren E. *The Rise of Neo-Populist Parties in Scandinavia: A Danish Case Study // Review of European Studies*. 2013. Vol. 5, № 5. P. 128–135.

⁵ См.: Angouri J., Wodak R. *They became big in the shadow of the crisis: The Greek success story and the rise of the far right // Discourse & Society*. 2014. Vol. 25, № 4. P. 540–565.

⁶ См.: Jungar A.-C., Jupskås A. R. *Populist Radical Right in the Nordic Region: A New and Distinct Party Family? // Scandinavian Political Studies*. 2014. Vol. 37, № 3. P. 215–238.

⁷ См.: Mudde C. *Fighting the system: Populist radical right parties and party system change // Party Politics*. 2014. Vol. 20, № 2. P. 217–226.

чимой политической силой, игнорировать которую невозможно. Нынешний миграционный кризис в Европе не только укрепил идеологическую привлекательность программ этих партий, но и поставил их повестку дня в центр национальной политики. Одновременно началось обсуждение ключевых принципов европейского проекта, таких как жизнеспособность системы общих границ, скоординированный подход к проблеме иммиграции и предоставления политического убежища.

Возврат к историческому фашизму?

В Западной Европе после Второй мировой войны сохранилось наследие фашистской идеологии. И тем не менее нынешние националистические правые партии, такие как «Национальный фронт» (Front National, FN), Австрийская партия свободы (Freiheitliche Partei Österreichs, FPÖ), датская партия DF или партия «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland, AfD), не имеют ничего общего с фашистскими партиями 1930-х годов. Они не предлагают разрушить либеральную демократию и установить однопартийный режим, принимают основные положения капиталистической системы (даже если при этом выступают против всеобъемлющей глобализации) и избегают корпоративных по духу решений, не борются против марксистской идеологии и коммунистических партий. Ни одна европейская праворадикальная партия не предлагает войну как средство национальной экспансии; даже те из них, кто выступает за «воссоединение исконных земель», как это делает партия «Йоббик» в Венгрии. На самом деле сторонники изменения границ в послевоенной Европе — в основном сепаратисты, а не экспансионисты. Кроме того, идеологическим общим знаменателем вместо антисемитизма становится исламофобия. Представители крайне правых партий утверждают, что являются «авангардом в борьбе западного демократического общества» против «тоталитарной угрозы фундаменталистского ислама»¹.

Разумеется, из этого правила есть исключения: с историческим фашизмом заигрывают во всей Европе. «Золотая заря» в Греции стала откровенно неонацистской партией²; основатель движения «Пегида» («Патриотические европейцы против исламизации Запада»; *Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes*) в Германии был вынужден подать в отставку, когда была опубликована его фотография с усами, как у Гитлера³; партия «Йоббик» («Дви-

¹ Этот переход от антисемитизма к исламофобии заметен в так называемой «Иерусалимской декларации», подписанной австрийской партией FPÖ, бельгийской партией «Фламандские интересы» (Vlaams Belang), германской партией «Свобода — партия гражданских прав за свободу и демократию» (Die Freiheit — Bürgerrechtspartei für mehr Freiheit und Demokratie) и шведскими демократами (Sverigedemokraterna, SD) в 2010 году. В Декларации подчеркивается право Израиля на защиту от террора. Антиисламская партия «За свободу» (Partij voor de Vrijheid) в Голландии под руководством Геерта Вилдерса выступает с похожей повесткой дня и поддерживает Израиль. См., например: Far-Right Politicians Find Common Cause in Israel. URL: <http://europe.newsweek.com/far-right-politicians-find-common-cause-israel-68583?rm=eu> (дата обращения: 27.02.2011).

² См.: *Angouri J., Wodak R.* Op. cit. P. 540–565.

³ О движении «Пегида» см.: *Dostal J. M.* The Pegida Movement and German Political Culture: Is Right-Wing Populism Here to Stay? // *The Political Quarterly*. 2015. Vol. 8, № 4. P. 523–531.

жение за лучшую Венгрию»; *Jobbik Magyarorszáért Mozgalom*) является откровенно антисемитской, и некоторые члены партии считают себя фашистами по убеждению, несмотря на то что даже руководители партии отказываются от каких-либо ассоциаций с нацистским движением «Скрещенные стрелы», которое существовало в Венгрии в 1930–1940-х годах⁴.

Но в целом правые партии стараются не ассоциироваться с фашизмом из-за позорного клейма, которое лежит на этом движении в исторической памяти. Они хорошо представляют, что любые фашистские идеи уменьшат их политическое влияние, поставят под угрозу привлекательность для избирателей и электоральное будущее. В европейских странах жива память о Холокосте и преступлениях коллаборационистов военного времени. В некотором смысле предлагаемая крайне правыми повестка дня не имеет ничего общего с прошлым. Подходя к социальным вопросам с консервативной и традиционной точек зрения, эти партии, такие как австрийская Партия свободы, норвежская Партия прогресса (Fremskrittspartiet, FRP) или Независимая партия Великобритании (UKIP)⁵, защищают индивидуалистическую либеральную экономическую политику и, в отличие от ультраправых партий межвоенного (между двумя мировыми войнами) периода, не поддерживают социально-корпоративную и в некоторых случаях антикапиталистическую риторику партий того времени. Наибольшего успеха у избирателей в современной Европе могут добиться партии, которые придерживаются националистической идеологии, отстаивают консервативные культурные ценности и политику социальной защиты населения. В отличие от фашистских партий прошлого, в своей политической пропаганде они не делают акцент на этническое и расовое происхождение. Исключениями из этого правила являются партии «Золотая заря» и «Йоббик».

Поэтому мы склонны согласиться с Ричардом Гриффитсом, который считает, что ультраправые партии Европы не следует называть неонацистскими⁶. Ультранационалистические крайне правые партии представляют слишком широкий спектр мнений. Отдельные партии отличаются друг от друга не только с точки зрения их исторического происхождения, но и во многом другим, что не позволяет отнести их к партиям единой идеологии⁷. В этом нет ничего нового: классические фашистские партии также состояли из отдельных практик. Крайний национализм нелегко классифицировать с точки зрения транснациональных групп, между партиями такого толка редко существует солидарность. Даже при условии, что партии межвоенного периода имели много общего, они отличались, например, по принципу приверженности политике нацистской Германии или фашистской Италии. В своей националистической риторике они могли придержи-

⁴ О партии «Йоббик» см., например: *Mihai V.* Hungary's 'anti-capitalist' far-right and the Hungarian Guard // *Nationalities Papers*. 2014. Vol. 42, № 4. P. 791–807.

⁵ *Ford R.* Understanding UKIP: Identity, Social Change and the Left Behind // *The Political Quarterly*. 2014. Vol. 85, № 3. P. 277–284.

⁶ *Griffiths R.* Fascism. L.: Continuum, 2006. P. 150–152.

⁷ *Halikiopoulou D., Vasilopoulou S.* Support for the Far Right in the 2014 European Parliament Elections: A Comparative Perspective // *The Political Quarterly*. 2014. Vol. 85, № 3. P. 286.

ваться строго регрессивной расовой идеологии или антилиберальных модернистских взглядов. Некоторые выступали за национальную экспансию и «приращение земель» (Германия, Италия и Венгрия), другие — за территориальный статус-кво (Румыния).

Тем не менее, несмотря на фундаментальные отличия, между современными и историческими радикальными правыми партиями существуют и идеологические сходства. Эти партии настойчиво отказываются называть себя крайне правыми или крайне левыми, потому что стремятся быть привлекательными для избирателей обеих сторон политического спектра. Их объединяет враждебное отношение к межправительственным и межнациональным проектам, таким как Лига Наций (1920–1930-е гг.) и современный Европейский Союз. Общей для всех этих партий также является политика идентичности — необходимость реагировать на экзистенциальную угрозу национальному и культурному упадку. Осуждая традиционные политические элиты за их предполагаемую коррумпированность и слабость, эти партии хотят представить себя в роли политических аутсайдеров и спасителей. И наконец, их ультранационалистическая повестка дня, которая в некоторых случаях напоминает откровенный культурный расизм, направлена на конкретные маргинализованные социальные группы: иностранцев, иммигрантов и беженцев.

Как подчеркивал Роберт Пакстон, иногда гораздо продуктивнее изучать то, как фашистские партии действовали в прошлом, нежели слишком пристально исследовать их идеологию и риторику. Нельзя недооценивать тексты и политические проекты в истории фашизма, но следует учитывать тот факт, что фашисты часто действовали как оппортунисты и отказывались от определенных элементов своей программы с целью достичь тактических политических преимуществ. Недостаточно обращать внимание лишь на типичные тревожные сигналы — экстремистскую националистическую пропаганду и преступления на почве ненависти. Гораздо большее значение имеют критические ситуации в момент политического или экономического кризиса, когда, чувствуя угрозу, консервативная элита ищет сторонников, готовых поправить закон. Как правило, на этот призыв откликаются именно ультранационалистические демагоги, пользующиеся массовой поддержкой¹.

В настоящее время сценарии подобного рода не являются неизбежными. Если посмотреть на страны, которые кризис 2008 года затронул особенно сильно (Исландию, Ирландию, Испанию и Португалию), то можно заметить, что там не возросла популярность радикальных правых партий. Можно сделать вывод, что, когда в результате экономического кризиса не возникает слома всего механизма управления и правительства (неважно, правые или левые) продолжают управлять на основе выданного им народом мандата, у правых партий не возникает таких возможностей воздействия на общество, как в случае политического вакуума. Фашисты приближаются к органам власти тогда, когда консерваторы начинают активно применять фашист-

ские методы воздействия — популистскую риторику, которая привлекает их традиционных избирателей². Таким образом, важно учитывать складывающиеся отношения между радикальными правыми и консерваторами. Вопрос заключается лишь в том, могут ли последние удержать и (или) нейтрализовать первых посредством коллаборационизма, кооптации или подавления. Очевидно, что эта стратегия откровенно провалилась в Германии и Италии в межвоенный период (между двумя мировыми войнами). Но она сработала в других странах, например в Венгрии и Румынии, даже если авторитарные режимы Миклоша Хорти и Иона Антонеску были по большому счету антидемократичными.

Консерваторы и радикальные правые партии: сотрудничество, безразличие или взаимное исключение?

Если проанализировать то, как умеренные правые партии в Европе вели дела с крайне правыми, то выясняется, что эти отношения принимали несколько форм. С одной стороны, бывали случаи, когда эти партии сотрудничали с правительством, делились с ними идеями или их представители занимали незначительные посты; с другой стороны, нередко возникали ситуации, когда от ультраправых партий открепивались, дистанцировались или просто исключали их из общения. Когда правоцентристская Австрийская народная партия (*Österreichische Volkspartei, ÖVP*) впервые в истории в 2000 году приняла решение образовать коалицию с ФРÖ, оно породило шквал критики, после чего последовали противоречивые санкции ЕС. Этот политический эксперимент, однако, имел меньше последствий для австрийской демократии, поскольку страну уже давно критиковали за систему политических партий-спойлеров. В борьбе с ними центристские партии правого и левого толка формировали широкие правящие коалиции. Гораздо больше пострадала Партия свободы, которая утратила поддержку избирателей и посты в правительстве после следующих выборов. А ФРÖ, как оказалось, вернула расположение избирателей³. Этот опыт указывает на проблемы, с которыми сталкиваются все крайне правые популистские партии Европы: занимая правительственные посты, их представители теряют статус аутсайдеров и вынуждены идти на идеологические компромиссы с традиционными партиями.

Следует изучить и пример со скандинавскими партиями крайне правого толка⁴. Норвежская Партия прогресса (*FrP*), значительно менее радикальная, чем другие популистские партии Европы, в настоящее время борется с потерей электоральной поддержки, вызванной тем, что представители партии согласились вступить в коалицию с консерваторами после победы на выборах 2014 года⁵. То же самое можно сказать

² Paxton R. Op. cit. P. 205.

³ Несмотря на раскол партии, когда бывший основатель ФРÖ Йорг Гайдер создал еще одну ультраправую партию «Альянс за будущее Австрии» (*Bündnis Zukunft Österreich, BZÖ*), на парламентских выборах 2013 года она получила 17,5 % голосов избирателей. В результате партия не вошла в правительство, которое образовали представители крупнейших партий — *ÖVP* и *SPÖ*.

⁴ Jungar A.-C., Jupskås A. R. Op. cit. P. 215–238.

⁵ FrP получила 23 % голосов и стала второй крупнейшей партией страны после Лейбористской партии.

¹ Paxton R. Op. cit. P. 205.

и о Партии финнов (Perussuomalaiset, PS) в Финляндии¹. Ее популярность также резко упала после того, как она, будучи второй крупнейшей партией страны, перешла из оппозиции в коалиционное правительство с участием консервативных и центристских партий². Датская народная партия (DF) смогла избежать этой дилеммы (по крайней мере на время). Поддержав миноритарное правительство правоцентристской Либеральной партии Дании на выборах 2015 года, она сохранила своих избирателей³.

После того как популистские партии в Скандинавских странах умили свой радикальный национализм, чтобы попасть в правительство, они получили от этого значительные дивиденды. Теперь эти партии начали оказывать влияние на политику правительства, им удалось изменить политическую повестку дня, обратив внимание на проблемы иммиграции и мультикультурализма⁴. По их мнению, экономический кризис (который усугубился в результате открытых границ и слабого иммиграционного контроля на границах ЕС) породил риск крушения действующего социального договора⁵. Эти партии считают, что нужно ограничить поток иммигрантов и беженцев. Главные политические партии Скандинавских стран — не только консерваторы, но и социал-демократы (особенно в Дании) — в определенной степени купились на эти призывы и ужесточили политику в области иммиграции, предоставления политического убежища и пограничного контроля.

Этот факт подчеркивает слабость левых партий, которая с недавних пор стала более очевидна. Отказавшись от неолиберальной экономической программы частично или полностью, крайне правые партии теперь обращают особое внимание на общественно важные и социальные вопросы, ориентируясь при этом на национальное большинство (не на иностранцев и иммигрантов). Действительно, в некоторых странах крайне правые партии конкурируют за голоса не только с правыми консерваторами, но и с левыми социалистическими демократами в надежде завоевать голоса их традиционных избирателей⁶. Ярким примером является Австрия. Партия свободы ориентирована на тех же городских избирателей, что и социал-демократы, — на рабочих и представителей беднейшего слоя среднего класса, а консервативная Австрийская народная партия — в основном на религиозных избирателей из сельских районов⁷. Таким образом, при опре-

деленных условиях пока только консервативные партии готовы сотрудничать с крайне правыми, особенно в ситуации, когда им необходима поддержка в формировании большинства или меньшинства в правительстве. Вопрос по поводу того, будут ли на это готовы при каких-либо условиях левые, остается открытым. На европейском национальном уровне единственной левой партией, сформировавшей коалиционное правительство с маленькой крайне правой партией «Независимые греки» (Anexartitoi Ellines, ANEL)⁸, остается Коалиция радикальных левых, партия «СИРИЗА» (Synaspismós Rizospastikís Aristerás). Однако после муниципальных выборов 2015 года австрийские социал-демократы также пошли на беспрецедентный шаг, о котором нельзя было даже подумать несколько лет назад, вступив в коалицию с Партией свободы на региональном уровне, в Каринтии.

Это означает, что крайне правым популистским партиям хотя бы частично удалось убедить избирателей, что они не относятся ни к правым, ни к левым. Правда, их партнерами по коалиции обычно становятся консервативные партии, схожие с ними по идеологии, опирающейся на националистические и традиционные ценности. На сотрудничество с умеренными правыми, тем не менее, они не всегда могут рассчитывать. В Швеции, например, крупная консервативная Партия умеренных (Moderata samlingspartiet) вступила в коалицию с социал-демократами, отказавшись от любого сотрудничества с крайне правыми шведскими демократами. Шведские демократы не являются неонацистской партией и всячески пытаются смягчить свой имидж, однако в прошлом партия была связана с экстремистскими шовинистическими группами⁹.

Национальный фронт во Франции также не смог победить в нескольких регионах на муниципальных выборах 2015 года, несмотря на рост числа их избирателей в этих регионах. В основном это произошло из-за тактического голосования, особенно среди левых социалистов. В некоторых случаях во втором туре голосования они поддержали умеренных правых, так как эти партии отказывались от сотрудничества с правыми радикалами. Однако все эти меры не помешали Национальному фронту увеличить свое политическое влияние¹⁰ во всей Франции¹¹. Однако, так как Франция не пользуется пропорциональной системой на выбо-

¹ См.: *Westinen J.* True Finns: A Shock for Stability? Testing the Persistence of Electoral Geography in Volatile Elections // *Scandinavian Political Studies*. 2014. Vol. 37, № 2. P. 123–148.

² На парламентских выборах 2015 года Партия финнов получила 17,7 % голосов.

³ DF получила на парламентских выборах 21 % голосов и в настоящее время является второй крупнейшей партией в Дании после социал-демократов.

⁴ См.: *Lindsköld L.* Contradicting Cultural Policy: A Comparative Study of the Cultural Policy of the Scandinavian Radical Right // *Nordisk kulturpolitisk tidskrift*. 2015. Aug. № 1. P. 8–26.

⁵ См.: *Halikiopoulou D., Vasilopoulou S.* Op. cit. P. 285–288.

⁶ О поддержке рабочим классом радикальных правых партий см.: *Oesch D.* Explaining Workers' Support for Right-Wing Populist Parties in Western Europe: Evidence from Austria, Belgium, France, Norway, and Switzerland // *International Political Science Review*. 2008. Vol. 29, № 3. P. 349–373.

⁷ How has the Radical Right Transformed Established Political Conflicts: The Case of Austria // *J. Aicholzer [et al.] // West European Politics*. 2013. Vol. 37, № 1. P. 113–137.

⁸ На двух парламентских выборах 2015 года доля голосов компартии «Anel» составила только 4,7 и 3,6 % соответственно.

⁹ Партия получила 13 % голосов на выборах 2014 года, но ее популярность возросла до 20 % в связи с кризисом 2015 года, вызванным притоком беженцев, потому что Швеции пришлось принять больше беженцев, чем большинству других европейских стран.

¹⁰ См.: *Shields J.* The Front National since the 1970s: Electoral Impact and Party System Change // *Chabal E. (ed.) France since the 1970s: History, Politics and Memory in an Age of Uncertainty*. L.: Bloomsbury Academic, 2015. P. 41–66.

¹¹ У такого развития событий есть прецедент. На президентских выборах 2002 года основателю Национального фронта Жан-Мари Ле Пену удалось выйти во второй тур, набрав в первом туре 17 % голосов. То же самое может произойти и в 2017 году, когда его дочь Марин Ле Пен, которой удалось набрать на один процент больше голосов, чем основателю партии в президентских выборах 2012 года, станет кандидатом. См.: *Williams M. H.* A new era for French far right politics? Comparing the FN under two Le Pens // *Análise Social*. 2011. Vol. XLVI. P. 679–695.

рах в Национальную ассамблею, Национальный фронт не попал в правительство, а в парламенте получил всего два места¹. То же самое можно сказать и о ситуации в Великобритании, где система множественного голосования предотвратила появление в парламенте евроскептиков, партию UKIP, получивших лишь малую долю голосов избирателей². Так как на парламентских выборах консерваторы одержали чистую победу, им удалось полностью отказаться от сотрудничества с крайне правыми партиями как в правительстве, так и в парламенте.

Подъем Национального фронта и шведских демократов ставит под сомнение способность нынешних ведущих партий удерживать свою исключительную позицию. В связи с тем что Национальный фронт и шведские демократы используют агрессивную антиисламистскую риторику, это будет действительно не просто. Однако тот факт, что партия, получившая на выборах 20 % голосов избирателей и более, не имеет доступа в органы власти, рушит основы всей политической системы. Вступая в коалиции с этими партиями, право- и левоцентристские партии, скорее всего, смогут снизить степень их радикализма и ликвидировать ауру их исключительности, что, несомненно, является частью их привлекательного имиджа. Очевидный контраргумент в данном случае (как и в случае с фашистскими партиями периода между двумя мировыми войнами) — тот факт, что радикальным правым (войдя они в правительство) удастся добиться политического признания и легитимизации их расистской и членовоенноненавистнической политики. Это касается, в частности, наиболее экстремистских правых партий, таких как «Йоббик» или «Золотая заря».

Многообразие правых радикалов: от неонацизма к популистскому либерализму

Степень принятия основными политическими партиями феномена крайне правых европейских партий может быть измерена степенью гибкости идеологии популистов и их потенциалом в качестве политических союзников. В некоторых случаях услуги правых радикалов не потребуются, потому что консерваторы смогут править сами по себе. Британская консервативная партия, например, удержалась от того, чтобы копировать UKIP или чрезмерно апеллировать к ней, хотя и заимствовала некоторые положения ее антииммиграционной политики для своей избирательной кампании 2015 года. Другие консервативные партии, особенно в Восточной Европе, сами так далеко сдвинулись вправо по политическому спектру, что им удалось практически нейтрализовать популистские партии и избежать конкуренции с ними в области идеологии. В частно-

¹ Получив в первом туре выборов в 2012 году 13,6 % голосов избирателей, партия FN во втором туре добилась поддержки всего 3,6 % голосов и двух мест. Иными словами, несмотря на то что на президентских выборах 2012 года партия получила около 18 %, на европейских парламентских выборах 2014 года — 25 % голосов и на региональных выборах 2015 года — почти 28 % голосов, Национальному фронту не удалось прийти к власти на национальном или региональном уровне.

² Даже после того, как UKIP получила 12,5 % голосов на выборах 2015 года и стала третьей крупнейшей партией после консерваторов и лейбористов, в палате общин ей достался всего один мандат.

сти, так поступила партия «Фидес» (Венгерский гражданский союз). К огромному неудовольствию партии «Йоббик», «Фидес» заимствовал у нее некоторые ультранационалистические идеи, в частности празднование дня Трианонского мирного договора, по которому Венгрия лишилась двух третей своей территории после Первой мировой войны, и реабилитацию Хорти, авторитарного правителя Венгрии в период между двумя мировыми войнами. Сохранив на последних парламентских выборах абсолютное большинство, «Фидес» в своей деятельности не зависит от партии «Йоббик»³. Польская партия «Закон и справедливость» также заявила крайне правую программу. Как и «Фидес», партию обвиняют в том, что она использует свое парламентское большинство для принятия законов, ограничивающих свободу слова и другие конституционные права граждан. В таких политических обстоятельствах у радикальных правых нет возможности войти в правительство.

В остальных случаях крайне правые партии, такие как «Золотая заря»⁴, считаются слишком экстремистскими для того, чтобы с ними можно было работать. В аналогичную ситуацию попадет и партия «Йоббик», если основные правые партии Венгрии не возьмут на вооружение некоторые ее идеи. В Германии христианские демократы (ХДС/ХСС) и социал-демократы (СДПГ) отвергли возможность политического партнерства с партией AfD, которая набрала популярность в связи с миграционным кризисом в Германии. Германский политический истеблишмент в целом не скрывает своего презрения к антиисламскому движению «Пегиды» в связи с его ультранационалистическими и ксенофобскими взглядами⁵. Правые консерваторы во Франции предприняли попытку ограничить влияние Национального фронта, заимствуя у этой партии определенные политические идеи, в частности их критику миграционной политики ЕС и требования по укреплению соответствующего законодательства. Однако от прямого сотрудничества с НФ они отказываются⁶. За исключением шведских демократов, скандинавские крайне правые партии наиболее успешно интегрировались в политическую систему, потому что они считаются менее экстремистскими, чем популистские партии в других странах. Тем не менее их идеологическая платформа с акцентом на национализм и традиционализм, нападки на ЕС, приверженность концепции социального государства и требование строгих контрольных мер в области иммиграции сыграли важную роль в установлении повестки дня на национальном и региональном уровнях в Европе. Более того, в связи с масштабным кризисом, вызванным притоком бежен-

³ На последних парламентских выборах партия «Йоббик» получила около 20 % голосов, что сделало ее третьей политической силой в стране.

⁴ На вторых парламентских выборах 2015 года партия «Золотая заря» получила 7 % голосов.

⁵ О AfD и Pegida см., например: Henke M. Protest und Populismus — eine schwierige Abgrenzung in Zeiten von AfD und Pegida. Ein Bericht über die Tagung Protestkultur — Populismus? 2014 in der Akademie für politische Bildung Tutzing // Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik. 2016. Vol. 8, № 2. P. 287–291.

⁶ Mondon A. The Front National in the Twenty-First Century: From Pariah to Republican Democratic Contender // Modern & Contemporary France. 2014. Vol. 22, № 3. P. 301–320.

цев, эти вопросы вышли на передний план в европейской политической повестке дня.

Заключение

Несмотря на экономическую и социальную неопределенность, пока нет никаких признаков того, что крайне правые популистские партии в Европе смогут стать партиями большинства и сформировать правительство. Такая вероятность может возникнуть только в случае разрушительного политического кризиса или войны. В период между двумя мировыми войнами прийти к власти удалось лишь нацистам в Германии и фашистам в Италии. В гораздо меньшей степени в управлении страной участвовали крайне правые партии Румынии и Венгрии. Фундаментальная разница между нынешними и бывшими радикальными правыми партиями состоит в том, что теперь они не стремятся уничтожить либеральную демократию и не хотят воевать за новые территории, чтобы восстановить здоровье нации после периода упадка. В то же время мы наблюдаем определенное укрепление крайне правых партий в Европе, что является обычным явлением во время кризиса, когда в той или иной степени возрождается ультра национализм.

Некоторые популистские партии сумели сгладить свои различия с основными правыми (и даже левыми) партиями и включили в повестку дня проблему иммиграции. Им удалось уговорить рабочий класс — традиционный электорат левых, что иностранные рабочие создают лишнюю конкуренцию на рынке труда. Сместив акценты с обычной неолиберальной повестки дня на политику социального государства, эти партии продемонстрировали, что их политический словарь может меняться. Инициативы подобного рода также показывают, что партии подобного толка не вписываются в традиционное идеологическое деление на левых и правых. Действуя таким образом, они следуют

тактике фашистских партий 1920–1930-х годов, представивших себя в качестве аутсайдеров, не имеющих отношения к общественному кризису, вызванному коррумпированными политическими элитами правых и левых.

Как я уже упоминал, при сравнении нынешних и бывших радикальных правых партий политические процессы не менее важны, чем идеология. Популистские партии редко способны формировать правительственную политику, не выполняя при этом функциональную роль. Опыт показывает, что практически все эти партии объединялись с правыми консерваторами. Поэтому их разговоры о том, что они не входят в традиционное деление партий на правых и левых, стали звучать менее убедительно. Получив поддержку избирателей и иногда принимая в этом прямое участие, они дали возможность правоцентристским партиям сформировать правительства большинства и меньшинства. Получив этот мандат доверия, они смогут более эффективно продвигать свою политику по ключевым вопросам, таким как иммиграция, традиционные ценности и отношения с Европейским Союзом. Надо отметить, что крайне правым партиям не удалось достичь решающего успеха и поколебать позиции основных партий в крупнейших государствах Западной Европы — Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании. Однако если им удастся воспользоваться кризисной ситуацией в Европе для продвижения своей ультра националистической популистской повестки дня, а традиционные политические элиты продолжают терять доверие избирателей, они, скорее всего, смогут расширить политическое пространство для своей деятельности. В этом случае им удастся показать, что они представляют тех, кто противостоит глобализации, росту количества мигрантов, радикальному исламу, и тех, кто не согласен с надгосударственным проектом единой Европы.

А. К. Исаев¹

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Вначале хотелось бы задать важный вопрос: «Нужна ли России либеральная повестка?». Казалось бы, от-

¹ Заместитель Председателя Государственной Думы Федерального собрания РФ VI созыва, первый заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России, профессор СПбГУП, кандидат политических наук. Автор ряда публикаций по проблемам общественного, профсоюзного и рабочего движения, в т. ч. книг: «Социальная среда», «Социальная среда. Продолжение разговора», «Социальная среда в условиях кризиса», «Экономическая демократия — современная идеология традиционных профсоюзов России», «История профсоюзов России. Этапы, события, люди» (в соавт.), «Профсоюзы России. Современный этап» (в соавт.), «Основные изменения в трудовом законодательстве России», «Экономическая демократия в современной России: проблемы становления и развития» и др. Один из авторов действующего Трудового кодекса РФ. Заместитель сопредседателя Совета законодателей при Федеральном собрании РФ. Заместитель секретаря Генерального совета партии «Единая Россия». Почетный доктор Российской академии адвокатуры и нотариата. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденами Почета, Дружбы.

вет на него получен нашей страной в 1990-е годы. Тогда власть либералов привела к снижению жизненного уровня населения и резкому, более чем в три раза, падению экономики. В первую очередь это ударило по тому слою, который и привел либералов к власти, — советской научно-технической интеллигенции. Избрание Владимира Путина на пост Президента России во многом стало ответом народа на эту политику. Но сейчас вопрос о либеральной повестке вновь поднимают, в том числе и те, кто объявляет себя горячими сторонниками президента. Вернемся к этому вопросу и мы.

Либерализм как идеология несостоятелен. Он исходит из ложной концепции человека-эгоиста, не учитывая социальные и национальные факторы. Всюду, где либералы приходили к власти, они делали прямо противоположное своему идеалу. Яркий пример

тому — диктатура якобинцев во Франции. Большевики, нацисты и полпотовцы — только ученики тех, кто считал себя последователями Вольтера и Руссо. В России самая либеральная власть установилась в феврале 1917 года. В воюющей стране была отменена смертная казнь, полковые комитеты и собрания солдат обуждали приказы командования. Все мы знаем, чем это закончилось. В Германии самым либеральным режимом была Веймарская республика. Результат тоже известен.

В то же время либерализм, как и коммунизм, несомненно, хорош в качестве оппозиции. Он выдвигает ряд существенных и правильных идей, которые должны учитывать любая правящая сила. Например, он выступает за открытость общества и справедливость. Сегодня в нашей стране запрос на социальную справедливость велик как никогда. Но как мы можем говорить о ней, когда оклады руководителей госкорпораций засекречены, а государство отыгрывается на государственных и муниципальных служащих, замораживая им заработную плату? При этом о состоянии дел в госкорпорациях народ узнает только из предновогодних обращений главы «Роснано» Анатолия Чубайса.

Либерализм провозглашает необходимость поддержки бизнеса. Но о какой поддержке можно говорить в условиях, когда сторонники либеральных идей в финансово-экономическом блоке правительства и Центральном банке установили запределную ставку рефинансирования? Одновременно у них хватает денег на то, чтобы купить облигации, гасящие внешний долг Соединенных Штатов Америки. Напомню, что на покупку данных облигаций было направлено 18 млрд долларов.

Либерализм говорит об обществе равных возможностей, а де-факто либералы в правительственных кругах проталкивают решения, которые фактически снизили покупательную способность населения, унизили пенсионеров и инвалидов. Даже разумную идею оказывать помощь реально нуждающимся министр финансов Антон Силуанов пытается превратить в способ экономии на социальных расходах бюджета. Мы можем сколько угодно долго рассуждать об экономическом подъеме, но надо иметь в виду, что нигде, ни в одной стране, и никогда экономика не поднималась при снижении покупательной способности населения.

К чему на сегодняшний день сводится программа «либералов», встроенных в государственную систему? По сути, их программа сводится не к защите свободы дискуссий и прав человека, а к оправданию возможности отнять у рабочего, пенсионера и инвалида. Таким образом, те, кто говорит, что России сегодня нужна либеральная повестка, хотят вернуть нас в 1990-е годы.

Мировой опыт, опыт России в 2008–2010 годах показали нам, что в условиях кризиса нужно не экономить на людях, а давать им. Считаю, что необходима разработка программы срочных мер по повышению покупательной способности населения.

Во-первых, надо актуализировать минимальный размер оплаты труда. Сегодня он составляет всего лишь 6204 рубля. По моему мнению, с 1 июля 2016 года он может быть установлен на уровне 90 % от величины прожиточного минимума трудоспособного

человека в субъекте Федерации по состоянию на четвертый квартал 2015 года. Понятно, что установление МРОТ на более высоком уровне будет способствовать не только социальной поддержке населения, но и легализации трудовых отношений, выводу заработной платы из тени, что благоприятно отразится на собираемости налогов на доходы физических лиц и взносов во внебюджетные социальные фонды.

Во-вторых, необходимо обеспечить полноценную индексацию пенсий по инфляции 2015 года. Кроме того, должна быть скорректирована принятая нами мера о неиндексации пенсий работающим пенсионерам. Нам нужно ввести дифференцированный подход для таких граждан с учетом их реальных пенсий, зарплат и нуждемости. Например, очевидно, что пенсии низкооплачиваемых работников в бюджетной сфере должны индексироваться так, чтобы не вызвать отток людей и не создать там искусственный дефицит кадров.

В-третьих, надо предоставить субъектам Федерации право вводить предельную норму прибыли на социально значимые товары и услуги, определяемые перечнем Правительства России, по аналогии с предельной нормой прибыли на жизненно необходимые и важнейшие лекарственные препараты, перечень которых уже утверждается на федеральном уровне.

В-четвертых, необходимо создать систему аффилированных банков, которые под государственные гарантии или средства выделяли бы льготные кредиты на приобретение отечественных товаров длительного пользования: автомобилей, жилья, строительных материалов и т. д. Данная мера особенно актуальна сегодня, потому что кредиты стали менее доступными для населения, в том числе из-за роста процентных ставок, возрастает доля просроченной задолженности.

В-пятых, надо запустить разработанную Министерством промышленности и торговли РФ программу помощи беднейшим слоям населения через платежные продовольственные карты. Напомню, что по этой программе люди, нуждающиеся в поддержке, будут получать денежные средства для приобретения овощей, фруктов, ягод, зелени, мясной, молочной, рыбной продукции, птицы, яиц. Опосредованно получателями субсидий станут российские сельхозпроизводители.

Комплекс вышеперечисленных мер должен быть принят совместно с мерами антиинфляционного характера, ограничивающими спекулятивную составляющую финансового капитала, и мерами, направленными на поддержку занятости. Это будет способствовать скорейшему выходу России из экономического кризиса.

Отдельного внимания заслуживает государственная политика в сфере охраны здоровья. В последние годы она дала определенные положительные результаты: снизились показатели смертности и заболеваемости, средняя продолжительность жизни превысила 71 год, в глобальном рейтинге здравоохранения Россия признана благополучной страной. Этому способствовала реализация национального проекта «Здоровье», благодаря которому в регионах появилось новейшее диагностическое оборудование, а также были созданы центры высоких медицинских технологий. Увеличилось

количество высокотехнологичных операций. Десять лет назад, когда мы начинали реализацию национального проекта «Здоровье», Россия делала около 60 тыс. таких операций в год. В 2015 году их количество достигло 715 тыс. На проведение высокотехнологичных операций в 2016 году в федеральном бюджете заложено 96,7 млрд рублей.

Чрезвычайно значимой является программа «Земский доктор», позволяющая молодым врачам с высшим образованием получить подъемные в размере 1 млн рублей на приобретение жилья, если они направляются работать в сельскую местность. Денежные средства по этой программе получили уже свыше 15 тыс. специалистов, переехавших на село. С этого года программа расширяет свое действие: теперь в нее также включены поселки городского типа. Предельный возраст врачей, которые могут получить субсидию, увеличен до 50 лет. И если раньше 50 % программы финансировал федеральный бюджет, а 50 % — субъекты Федерации, то с этого года соотношение изменено: нагрузка на регионы сокращается до 40 %. Это позволит расширить географию данной программы.

Улучшилась охрана здоровья работающих граждан, во многих организациях сотрудники стали регулярно проходить диспансеризацию. Сегодня на общественное обсуждение вынесен вопрос о лекарственном обеспечении россиян. В нынешних непростых экономических и внешнеполитических условиях особенно остро стоит проблема замещения импортных лекарств отечественными, которые были бы, с одной стороны, доступными и по цене, и по возможности их получения, а с другой — качественными, не уступающими соответствующим западным аналогам. Напомню, что недавно правительство по согласованию с Госдумой расширило перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, цены на которые регулируются государством. В нем появились 42 новых наименования. Сейчас общее количество таких препаратов составляет 646. Стоимость всех лекарств из этого перечня производитель обязан регистрировать в реестре предельных отпускных цен.

Также обсуждаются вопросы, связанные с оптимизацией системы здравоохранения. Сама по себе идея создания организаций, оказывающих разнопрофильные медицинские услуги, на месте необорудованных учреждений, подчас не готовых к оказанию квалифицированной помощи, не вызывает возражений. Но на практике оптимизация зачастую воспринималась гражданами как сокращение расходов на здравоохранение. Для предотвращения подобного рода ситуаций депутатами Госдумы подготовлен проект закона, по которому решения о реорганизации и ликвидации медицинских учреждений могут приниматься только с учетом мнения общественности.

Еще одна важная сфера — образование. Некоторые чиновники и эксперты постоянно призывают нас меньше тратить на эту сферу. Однако следует помнить, что поддержка образования — это не вид социальной помощи, а долгосрочные инвестиции в будущее страны. Отмечу, что за три года мы выделили из федерального бюджета 130 млрд рублей на обеспечение детей ме-

стами в дошкольных образовательных учреждениях. На эти средства было построено более 1,5 тыс. детских садов, возвращено около 300 зданий. В результате появилось более 1 млн 131 тыс. новых мест. И теперь местами в садиках обеспечены почти 100 % детей в возрасте от трех до семи лет.

Сейчас начинается реализация программы по строительству и реконструкции школ. Она рассчитана на 10 лет. В текущем году из федерального бюджета на нее было выделено 50 млрд рублей. Общий объем финансирования составит около 3 трлн рублей. Данные вложения позволят создать почти 6,6 млн новых учебных мест. Благодаря этому к 2018 году планируется полностью ликвидировать третью смену, а к 2025-му — вторую. Из школьных зданий с износом выше 50 % дети будут переведены в новые учебные заведения. Успешно реализуется проект по созданию в сельских школах условий для занятий физкультурой и спортом. В федеральном бюджете на 2016 год заложено более 1,6 млрд рублей на продолжение этого проекта. В десятках вузов нашей страны по инициативе «Единой России» построены бассейны. На поддержку программ развития МГУ и СПбГУ из федерального бюджета дополнительно выделено по 1 млрд рублей.

Напомню также, что 7 мая 2012 года президент подписал указы о скорейшем доведении средней заработной платы педагогических работников школ и детских садов до средней зарплаты по региону. К 2018 году до этого же уровня должна быть доведена средняя заработная плата преподавателей в сфере начального и среднего профобразования, а зарплата преподавателей вузов станет в два раза выше средней по субъекту Федерации. Важно, чтобы манипуляции с новым порядком расчета средней зарплаты не привели к подмене идеи президента об обеспечении достойного уровня оплаты труда педагогов бюрократическим жонглированием цифрами.

Надо внедрять современные программы подготовки и повышения квалификации преподавателей, создавать им стимулы к развитию, непрерывному профессиональному росту. Сейчас, например, учителям присваиваются звания, категории, и за это предусмотрены денежные надбавки, которые по факту в значительной степени потеряли свою стимулирующую роль, их воспринимают просто как часть заработной платы. Считаю, что нужно улучшить систему материального и морального поощрения качественного преподавательского труда. Помимо этого, необходимо максимально сократить отчетную нагрузку на педагогов и на образовательные организации в целом. Бумажную работу должны взять на себя прежде всего их учредители — подразделения муниципальных и региональных органов власти.

Также следует упорядочить количество контрольно-надзорных мероприятий в отношении образовательных учреждений. Конечно, строгий контроль необходим, поскольку в этой сфере речь идет о жизни и здоровье детей, но нужно организовать его таким образом, чтобы не мешать педагогам заниматься своим главным делом — учить ребят. Наконец, надо добиться того, чтобы в нынешней непростой финансово-эконо-

мической ситуации родительская плата, плата студентов за общежитие и за обучение на коммерческих отделениях вузов не росла быстрее инфляции. Образование должно оставаться качественным и доступным.

Еще чрезвычайно важно снять напряжение на рынке труда в России. В начале года в нашей стране трудовой деятельностью были заняты примерно 71,3 млн человек. Около 4,4 млн, по данным Международной организации труда, являлись безработными. Таким образом, уровень безработицы составлял 5,8 % от численности экономически активных граждан. При этом в государственных учреждениях службы занятости населения в качестве безработных зарегистрировано около 1 млн человек. Государство прилагает все усилия для того, чтобы снизить эту напряженность на рынке труда. 1 марта 2016 года Д. А. Медведев утвердил план действий правительства, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития России. Согласно этому документу в этом году на обеспечение занятости населения из федерального бюджета предполагается выделить 3 млрд рублей. При этом еще 7 млрд — это резерв, который может быть использован в случае необходимости.

Планируется, что в 2016 году в рамках мероприятий по стабилизации ситуации на рынке труда помощь получат более 120 тыс. человек. Прежде всего речь идет о переобучении и предоставлении временной работы. Люди должны перемещаться с тех предприятий, которые оказались в непростой ситуации, на предприятия, которые являются точками роста. Особое внимание будет уделено поддержке занятости работников ключевых предприятий, а также выпускникам университетов и людям с ограниченной трудоспособностью. Кроме того, в федеральном бюджете на 2016 год предусмотрено около 500 млн рублей на софинансирование региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов.

Отмечу также, что в федеральном бюджете на текущий год на выплату пособий по безработице предусмотрено 41 млрд рублей и 5,5 млрд зарезервировано дополнительно. Сегодня максимальный размер этих пособий составляет 4,9 тыс. рублей в месяц. Надеюсь, что Министерством труда и социальной защиты РФ вскоре будет подготовлен законопроект, согласно которому произойдет увеличение максимальных выплат по безработице. Оно должно коснуться граждан с большим стажем, находящихся в поиске работы. Уверен, что комплекс данных мер позволит улучшить ситуацию на рынке труда и социальное самочувствие граждан нашей страны.

Еще одна значимая тема — взаимоотношения власти и общества. Представительная демократия в России, как и во всех развитых странах, — основа политической системы. Однако, как и повсюду, ее уже явно недостаточно для вовлечения максимального большинства граждан в решение общих задач развития страны, преодоления чувства отчуждения народа от власти. Необходимы развитие демократии участия, построение системы, при которой все решения, затрагивающие интересы тех или иных групп людей, принимаются только при их непосредственном участии.

Для этого, во-первых, самодеятельным и саморегулируемым организациям граждан должен быть передан ряд важных функций в системе государственного управления и местного самоуправления. Во-вторых, участие граждан в принятии непосредственно затрагивающих их решений может быть расширено благодаря регулярному проведению местных референдумов и опросов. В-третьих, демократия участия предполагает создание открытой системы местного самоуправления. В-четвертых, надо развивать и поддерживать институты гражданского общества, усиливать роль его представителей в управлении государственными процессами. В-пятых, обязательно должна сохраняться прямая взаимосвязь президента и Общероссийского народного фронта — широкой общественной коалиции, занимающейся борьбой с коррупцией, контролем за исполнением указов и поручений главы государства. Сегодня в работе ОНФ принимают участие десятки тысяч граждан по всей стране. В-шестых, нужно укреплять контрольные полномочия общественных советов при органах власти. Советы должны ежегодно заслушивать подробные отчеты руководителей соответствующих ведомств, контролировать их бюджетные расходы. В-седьмых, надо усиливать роль Общественной палаты России в жизни страны.

На состоявшейся недавно встрече членов палаты с Председателем Государственной Думы подчеркивалось, что уже выстроилась система участия Общественной палаты в принятии федеральных законов, ее эксперты фактически проводят нулевые чтения по всем социально значимым законопроектам. Однако необходимо сделать следующий шаг. Общественная палата могла бы сыграть существенную роль в мониторинге реализации этих законов.

И в заключение вернемся к идеологии. Сегодня всему миру навязывается ложный выбор между либеральной и тоталитарной концепциями. Либерализм, родившийся в XVIII веке, проделал извилистый путь в своем восприятии демократии и прав человека до нынешнего состояния, когда демократия трактуется им, по сути, как максимальная свобода различных меньшинств, а права человека — как безусловный приоритет личного интереса над интересами общества.

Разумеется, в своей практической деятельности западные либералы далеки от реализации этих принципов. Подобное привело бы к немедленному распаду государства и организованного общества. Вместе с тем, действуя в собственных интересах, западная верхушка использует права человека и защиту прав меньшинств как отмычку для вмешательства в суверенную жизнь других государств, активно внедряя там именно эту идеологию.

В то же время религиозные фундаменталисты всех мастей, диктаторские режимы и террористический интернационал, используя естественное недовольство широких масс эксцессами либерализма и его враждебным отношением к традиционным ценностям и национальной самобытности, навязывают противоположное представление о человеке как винтике государства или какой-то религиозной или идеологической общины.

Фактически нам предлагается ложный выбор: если мы за демократию и свободу, то должны быть либералами, а если нам не нравится современный либерализм, то наше место в рядах сторонников тотального подчинения личности. Россия всей своей историей, кровью и страданиями миллионов своих граждан заплатила за то, чтобы навсегда отказаться от такого примитивного выбора. Выбор нашей страны — это реальная демократия, понимаемая нами как власть большинства, опирающегося на свои традиции и миро-восприятие.

В России, безусловно, должны соблюдаться права человека в их разумном сочетании с интересами общества. В нашей стране также должны признаваться права меньшинств, в первую очередь их право на автономию и самоорганизацию. Но государство не может допускать навязывания каким-либо меньшинством себя

в качестве диктатора в отношении большинства. Государственная социальная, культурная, информационная, образовательная и религиозная политика должна быть выстроена в соответствии с позицией и ценностями большинства, национальными традициями.

В то же время власть обязана пресекать все попытки разжигания розни, нетерпимости и вражды, уважать автономию меньшинств. Российские власти на всех уровнях должны укреплять социальное партнерство, постоянно вести диалог и поиск взаимоприемлемых решений. На нынешнем этапе своего развития уникальная российская цивилизация должна не только обеспечить комфортную и безопасную жизнь своих граждан и заложить основы благополучия будущих поколений, но и стать основой нового справедливого миро-порядка, моральным лидером народов, стремящихся к миру, справедливости и реальной демократии.

В. А. Квинт¹

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНОГО НЕГАТИВНОГО ТRENDA ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА²

Корни терроризма и экстремизма

Глобализация и революция в сфере информационных технологий распространили влияние современной, прежде всего западной, культуры и ее ценностей на регионы мира с существенно иными культурными и религиозными традициями. В некоторых из таких регионов экстремисты используют присутствие западной культуры и ее влияние в политических целях, создавая враждебную среду для иностранного бизнеса и даже его продукции и услуг (например, образовательных и интерактивных, в которых происходит общение с потребителями). Западные ценности, права человека и справедливость зачастую противостоят исконному отношению к правам женщин и детей и догмам доминирующей религии. Новая волна терроризма и экстремизма возникла во многом вследствие столкновения культур.

Такие конфликты, как правило, происходят в регионах и государствах, где религия всегда или долгие десятилетия была неотделима от государства. Именно по-

этому они носят незначительный характер в преимущественно мусульманской Турции, где в 1924 году великий политический и военный лидер Кемаль Ататюрк (Kemal Ataturk) создал прочные основы светского государственного строя. С практической точки зрения это означало закрытие исламских судов и исламской образовательной системы и адаптацию к местным реалиям кодекса швейцарского гражданского права (Swiss Civil Code). Однако западные ценности — это не единственная причина конфликтов, связанных с деятельностью представителей зарубежных стран в регионах, не разделяющих западные культурные традиции. В некоторых странах любой зарубежный бизнес (или даже присутствие) встречается враждебно — пусть и небольшими, но ожесточенными группами и движениями. Вот почему имеются основания утверждать, что конфликты, провоцируемые экстремистами и используемые террористами, в любой стране не являются выражением мнения большинства населения.

Есть и другие корни терроризма, наиболее серьезные из них — бедность и нелегальная иммиграция. Широко известно, что большинство террористов, совершивших атаки 11 сентября 2001 года, — выходцы из Саудовской Аравии. Этот факт подтверждается словами известного саудовского журналиста Абида Хазиндара (Abid Khazindar): «Без развития невозможно уничтожить корни терроризма; они произрастают из бедности, безработицы, которые, в свою очередь, являются следствием недостаточного количества мест в наших университетах для нашей молодежи»³. Совершенно очевидно, что уровень бедности связан с уровнем образования, но нельзя утверждать, что бедность всегда

¹ Иностраный член РАН, заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, заведующий кафедрой стратегии, территориального развития и качества жизни Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 450 научных работ, в т. ч. книг: «Strategy for the Global Market: Theory and Practical Applications», «Бизнес и стратегическое управление», «Глобальный формирующийся рынок в переходный период», «Глобальный формирующийся рынок: стратегическое управление», «Возникающий рынок России», «Капитализация новой России» и др. Член редколлегии журнала «Экономика и математические методы». Член Бреттон-Вудского комитета (Вашингтон), осуществляющего мониторинг Всемирного банка, Международного валютного фонда и ВТО. Награжден орденом Дружбы.

² На основе исследования, опубликованного в монографии «Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке» (М.: Бизнес Атлас, 2012).

³ Khazindar A. The Roots of Terrorism // Arab News. 2003. Oct. 19. URL: <http://www.arabnews.com/?page=13§ion=0&article=33849&d=19&m=10&y=2003> (Retrieved: 21.02.2008).

порождает терроризм. В Саудовской Аравии, например, уровень неграмотности составляет 21 %, а количество учащихся начальных школ от количества всех детей этого возраста — 59 %¹; это, конечно же, приведет к росту неграмотности среди взрослого населения. До тех пор пока образование не будет высоко оцениваться общественным мнением, уровень грамотности не начнет повышаться. Трудно и печально сознавать, что в такой богатой природными ресурсами стране, как

Саудовская Аравия, такой низкий уровень образовательной системы. Большое количество террористических атак, направленных на гражданское население в Ираке, также во многом является следствием того, что уровень неграмотности в этой стране составляет 26 %². Любые трансграничные стратегии, не учитывающие традиции, культурные и религиозные ценности страны, в которой осуществляются инвестиции, обречены на неудачу и неприемлемо высокие риски (рис. 1, 2).

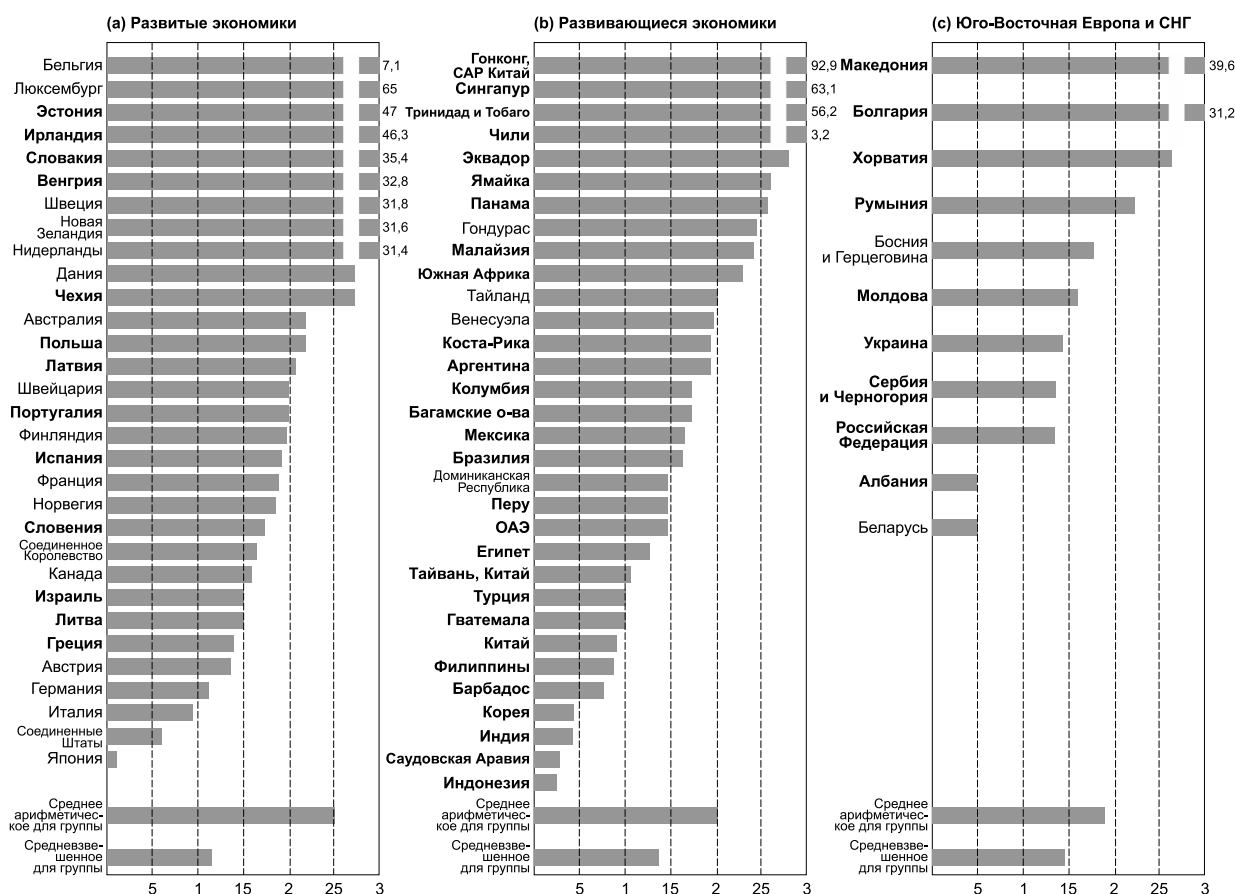

Рис. 1. Индекс транснациональности для страны, принимающей иностранные инвестиции (ПИИ)³

Примечания: 1. В данном источнике индекс интернациональности считается как средний приток ПИИ в процентах от валового накопления основного капитала за три года, предшествующих данному; ПИИ, размещенные в стране, в процентах от ВВП в данный год; добавленная стоимость зарубежных филиалов в процентах от ВВП в данный год и занятость в филиалах иностранных компаний в процентах от общей численности занятых в данном году. 2. По терминологии авторов источника, все развивающиеся экономики и экономики Юго-Восточной Европы и СНГ являются, по классификации, используемой в данной книге, странами с формирующимся рынком (СФР). Более того, ряд стран, указанных как развитые экономики, также являются СФР — Эстония, Ирландия, Словакия, Венгрия, Чешская Республика, Польша, Латвия, Португалия, Испания, Словения, Израиль, Литва и Греция. Все СФР выделены полужирным шрифтом.

В то же время корни терроризма могут произрастать и из среды очень богатых и высокообразованных людей. Профессор Принстонского университета (Princeton University) Алан Крюгер (Alan B. Krueger) выразил мнение, что «в противоречие с популярным

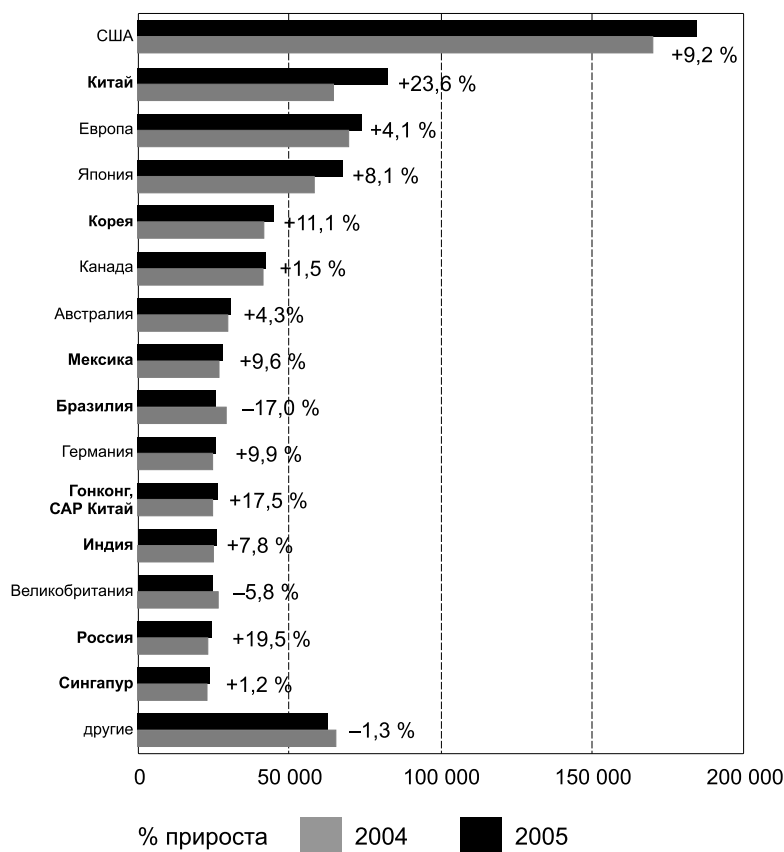
¹ UNICEF. At a Glance: Saudi Arabia. URL: http://www.unicef.org/infobycountry/saudiarabia_statistics.html (Retrieved: 15.02.2008).

² UNICEF. At a Glance: Iraq. URL: http://www.unicef.org/infobycountry/iraq_statistics.html (Retrieved: 15.02.2008).

³ The United Nations Conference on Trade and Development // The World Investment Report. 2010.

стереотипом «...» необразованные, доведенные до нищеты массы не имеют склонности к участию в политических процессах с помощью легальных или нелегальных способов... Наоборот, как следует из многих научных и правительственных исследований, вместо того, чтобы набираться из бедных слоев населения, террористы зачастую являются образованными представителями семей среднего и высокого достатка⁴.

⁴ Krueger A. B. What Makes a Terrorist: Economics and the Roots of Terrorism. Princeton: Princeton University Press, 2007. P. 3.

Источник: WIPO — статистическая база данных

Рис. 2. Процент патентов, регистрируемых нерезидентами, в процентах от общего количества зарегистрированных патентов (развитые страны и СФР)¹

Данное утверждение не противоречит постулату о связи между бедностью и терроризмом. На самом деле террористы или симпатизирующие им представители среднего класса и очень богатых семей используют бедных, предлагая им деньги за участие в террористических атаках. Государственные спонсоры терроризма пользуются той же тактикой. Например, Саддам Хусейн предлагал содержание нищим семьям завербованных террористов. В соответствии с докладом Национальной комиссии (США) по террористическим атакам на Соединенные Штаты (National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States): «Терроризм не вырос в бедности»². Нет сомнений в правильности этого утверждения, но в то же время верно и утверждение о том, что бедность — уязвимая среда для яда террористических денег и террористической идеологии.

Нелегальная иммиграция — еще один корень терроризма, напрямую связанный с бедностью. Именно гонимые крайней нищетой готовы покинуть свой дом, чтобы стать нелегалами в чужой стране. Из доклада не-

¹ World Intellectual Property Organization. WIPO Patent Report: Statistics on World-wide Patent Activities. 2010. P. 14. URL: http://www.wipo.int/export/sites/www/freepublications/en/patents/931/wipo_pub_931.pdf (Retrieved: 03.03.2008).

²The 9/11 Commission Report: Final Report of the National Commission on Terrorist Attacks Upon the United States. N. Y.: Norton & Company, 2004. P. 378.

зависимой исследовательской организации «Центр изучения иммиграции» («Center for Immigration Studies»): «Строгая реализация иммиграционного законодательства — в зарубежных консульствах США, в портах въезда в страну и внутри Соединенных Штатов — должна быть интегрированной частью наших усилий по предотвращению будущих атак на территории США»³. Тем не менее даже легальные иммигранты могут прибыть в Америку с далеко не мирными целями⁴.

Процесс формулирования дефиниции терроризма

Притом что терроризм и экстремизм превратились в мощную негативную глобальную закономерность, что очевидно даже для большинства обывателей, данный феномен, тем не менее, с большим трудом поддается анализу. Несмотря на практически всеобщее осуждение терроризма как позорного и бесчеловечного явления, он довольно противоречив по своей природе. Министерство обороны США дает следующее определение терроризма: «Незаконное использование силы

³ Kephart J. L. Immigration and Terrorism: Moving Beyond the 9/11 Staff Report on Terrorist Travel // Executive Summary. Center for Immigration Studies. 2005. Sept. URL: <http://www.cis.org/articles/2005/kephart.html> (Retrieved: 01.03.2008).

⁴ Federation for American Immigration Reform. Immigration and National Security. URL: http://www.fairus.org/site/PageServer?pagename=iic_immigrationissuecentersb1c7 (Retrieved: 25.02.2008).

(либо угроза такого использования) или насилие по отношению к людям или собственности в целях принуждения либо запугивания правительств или общества, часто преследующее политические, религиозные либо идеологические цели»¹. Даже такое четко очерченное определение не всегда принимается каждой международной или многонациональной организацией и каждым национальным правительством. По состоянию на 2011 год никто еще не дал определения терроризма, приемлемого в глобальном масштабе.

Лига Наций (League of Nations) была первым международным институтом, попытавшимся разработать общепринятое определение терроризма в 1937 году при подготовке Конвенции по предотвращению и наказанию терроризма (Convention for the Prevention and Punishment of Terrorism). С тех пор ООН так и не смогла достичь консенсуса в формулировании этого термина, хотя и были подготовлены различные конвенции. Некоторые из них относятся к сфере международного бизнеса, такие как Конвенция по блокированию финансирования терроризма (Convention for Suppression of Financing of Terrorism, 1999) и Протокол о противодействии незаконным актам, направленным против безопасности стационарных платформ на континентальном шельфе (Protocol for Suppression of Unlawful Acts against the Safety of Fixed Platforms Located on the Continental Shelf, 1988) и др. Неясность дефиниции терроризма, отсутствие его общепринятой формулировки — главное препятствие в подготовке общепризнанных мер по противодействию терроризму. В 1999 году, за два года до трагических атак 11 сентября 2001 года, ООН приняла резолюцию, строго осуждавшую терроризм как незаконную практику, не имеющую никаких оправданий.

28 сентября 2001 года Совет Безопасности ООН (UN Security Council) принял Резолюцию № 1373, которая не только осудила атаки 11 сентября, но и образовала Контртеррористический комитет (Counter Terrorism Committee). Этот комитет, состоящий из всех 15 членов Совета Безопасности ООН, отслеживает претворение принципов данной резолюции в жизнь. Неспособность ООН прийти к консенсусу по определению термина «терроризм» привела организацию и ее участников к этой глобальной негативной закономерности. В августе 2003 года грузовик, начиненный взрывчаткой, взорвал штаб-квартиру ООН в Ираке; были убиты 17 человек и 100 получили ранения. С точки зрения стратегов бизнеса, терроризм может быть понят как неспровоцированная целенаправленная атака на невооруженных граждан и цели невоенного назначения. Такой подход к оценке данной угрозы подразумевает, что целями террористов могут быть не только бизнесмены, но и всевозможные объекты экономики. Любые стратегии международного характера, учитывающие угрозы терроризма и экстремизма, не позволяют управлять связанными с этими явлениями рисками.

Реакции на терроризм и экстремизм

Отсутствие четкого определения терроризма вместе с некоторыми другими важными причинами при-

¹ US Code of Federal Regulations 28 C. F. R. Section 0.85.

вело к тому, что законодательные системы и органы правоприменения большинства стран не смогли эффективно противостоять террористическим организациям. Атака 11 сентября 2001 года (9/11, в России общепринятое название этого события «11 сентября») стала краеугольным камнем в теории правового регулирования и практике правоприменения в борьбе с терроризмом. 11 сентября стало катализатором разработки антитеррористических стратегий международным бизнесом, правительствами и многонациональными организациями.

Одним из первых и наиболее значительных шагов по противодействию глобальному терроризму стал так называемый Патриотический акт США (USA Patriot Act). Его полное название «Объединение и усиление Америки с помощью соответствующих методов, необходимых для пресечения и противостояния терроризму» (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism), который был подписан президентом Джорджем Бушем-младшим (George W. Bush) 26 октября 2001 года. В целях защиты международных каналов поставок от сокрытия и контрабанды оружия для террористов правительство США также разработало программу Таможенного и торгового сотрудничества против терроризма (Customs-Trade Partnership against Terrorism — С-ТРАТ). Ориентированные на импорт и экспорт компании, участвующие в этой программе, могут ускорить процесс таможенной проверки (clearance process) своего товара и проходить меньше таких проверок². Государственный департамент США (US Department of State, www.state.gov) также принял специальные меры. В целях отслеживания терроризма по всему миру государственный секретарь представляет «спикеру палаты представителей и Комитету по международным делам Сената каждый год 30 апреля полный и всеобъемлющий доклад, включающий:

- а) детальную оценку по отношению к каждой стране,
 - 1) где, по мнению государственного секретаря, произошли террористические акты особой важности;
 - 2) о которых в течение предыдущих пяти лет был уведомлен Конгресс;
 - 3) акты, которые должны быть предметом доклада, по мнению государственного секретаря;
- б) детальную оценку каждой страны, чья территория используется как убежище для террористов и террористических организаций»³.

Примечание. Основанием для этого доклада послужило определение терроризма как «преднамеренного, политически мотивированного применения насилия, обращенного против невоенных целей субнациональными группами или подпольными агентами»⁴.

Естественно, любые мероприятия по обеспечению национальной безопасности или же действия бизнес-

² US Customs and Border Protection. Securing the Global Supply Chain: Customs Trade Partnership Against Terrorism Security Plan. 2004. Nov. URL: http://www.cbp.gov/linkhandler/cgov/import/commercial_enforcement/ctpat/what_ctpat/ctpat_strategicplan.ctt/ctpat_strategicplan.pdf (Retrieved: 21.02.2008).

³ Section 2656f(d) of Title 22 of the United States Code.

⁴ Ibid.

структур по обеспечению личной безопасности могут быть рассмотрены с двух точек зрения. С одной стороны, они снижают уровень международного взаимодействия и увеличивают затраты бизнеса, но с другой — дают людям основание считать, что они защищены в большей степени. Примером именно таких мероприятий и может служить Патриотический акт США, в основе своей нацеленный на организацию систем предотвращения и оповещения о подозрительных финансовых транзакциях, которые могут иметь отношение в числе прочего и к отмыванию денег. Патриотический акт США требует претворения в жизнь систем превентивного мониторинга. Данное требование сразу же повысило роль проверки и перепроверки (*due diligence*), а также качество подготовки профессионалов для этой сферы. Несколько правительственных агентств США специализируются на предотвращении отмывания денег (*money-laundering activities*). Среди них — Бюро по надзору за алкоголем, табачной продукцией и огнестрельным оружием (*Bureau of Alcohol, Tobacco, Firearms and Explosives — ATF*), Секретная служба США (*United States Secret Service — USSS*), Служба внутренних доходов (*Internal Revenue Service — IRS*), Агентство по контролю за иммиграцией и таможенной (*Immigration and Customs Enforcement Agency —*

ICE), Бюро таможенного и пограничного контроля (*Customs and Border Protection Agency — CBP*). В результате деятельности этих организаций крупные суммы денег, которые могли пойти на финансирование терроризма, осели в казне американского правительства.

Основываясь на опыте, проиллюстрированном на рис. 3, правительство США поручило Министерству финансов, Министерству юстиции и Министерству внутренней безопасности в 2007 году разработать Национальную стратегию противодействия отмыванию денег (*National Money Laundering Strategy*)¹.

Чем лучше взаимодействуют правительства и частный сектор, тем с большим успехом страна может минимизировать экономический ущерб, наносимый терроризмом. Питер Дженнингс (*Peter Jennings*), директор Австралийского института стратегической политики (*Australian Strategic Policy Institute, www.aspi.org.au*), считает, что «лучший способ побороть терроризм состоит в перенимании правительством и бизнесом опыта действий друг друга: правительство должно научиться быть более открытыми и гибкими, тогда как бизнес должен развивать у себя стратегическое планирование и действовать в какой-то мере как на военных учениях»².

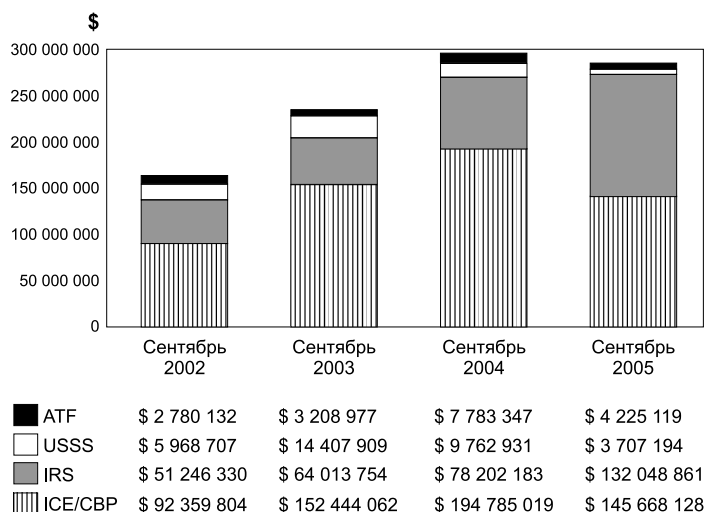

Рис. 3. Конфискация активов государственными агентствами США (долл. США), 2002–2005 годы³

Примечание: ATF, USSS, IRS, ICE/CBP — государственные ведомства и агентства США.

Влияние терроризма на глобальное рыночное пространство

Теракты 11 сентября 2001 года — это больше чем нападки на США, это атака на все глобальное рыночное пространство (ГРП). Это было первое реальное обозначение масштабов воздействия терроризма

¹ US Department of Treasury // National Money Laundering Strategy. 2007. P. 105. URL: <http://www.treas.gov/press/releases/docs/nmls.pdf> (Retrieved: 14.02.2008).

² Jennings P. Terrorism and Australian Business // Strategic Insights Australian Strategic Policy Institute. 2004. Febr. 16. P. 1.

³ US Department of Treasury // National Money Laundering Strategy. 2010. P. 105. URL: <http://www.treas.gov/press/releases/docs/nmls.pdf> (Retrieved: 14.02.2008).

на ГРП и угроз этого явления в будущем. Однако стратеги должны учитывать, что для ГРП, как и для цивилизации в целом, местные и региональные группировки террористов и гангстеров опасны почти так же, как международные террористические сети. Фактически местные бунтовщики и заговорщики представляют собой особую проблему для бизнеса, несмотря на то что их воздействие может быть менее широко распространено. «Местных» террористов труднее отслеживать, а значит, труднее предотвращать их атаки. Трагедия, случившаяся в июле 2011 года в Норвегии, — реальное тому подтверждение.

Общее экономическое влияние терроризма на ГРП быстро усиливается. Нарушение функционирования финансовых и валютных рынков, глобальной транспортной системы и инфраструктуры, искажение мировых цен на ключевые товары (и прежде всего на сырье) — это только начало. Груз беспрецедентных расходов на безопасность приводит некоторые компании к банкротству. Расходы на поддержание коммерческих и корпоративных объектов транспорта и жилищно-коммунальных коммуникаций, самолетов и портов стремительно растут в результате противостояния терроризму и вызванного этим злом увеличения расходов на безопасность. Естественно, терроризм — это не только угроза физическим объектам. Системообразующие элементы ГРП, такие как Интернет и телекоммуникационная инфраструктура, также слабо защищены от террористических атак. Террористы могут использовать один из сотен тысяч различных вирусов, не говоря о возможности других кибератак, чтобы нанести вред сети Интернет и миллионам персональных компьютеров. Интернет-вирусы особенно опасны, так как они делают возможным похищение и последующее незаконное использование персональных данных: уже в 2005 году таких случаев было зафиксировано около 60 на 100 тыс. человек. Эти цифры также иллюстрируют подверженность Интернета атакам террористов.

Терроризм стал одной из самых главных детерминант и индикаторов политических рисков инвестирования. Даже сама возможность угрозы террористической атаки останавливает многие потенциальные международные транзакции, которые могли бы способствовать росту уровня жизни в странах ГРП. В одних только США прямой экономический урон от атак 11 сентября составил 75 млрд долларов, иначе говоря, привел к сокращению ВВП в 2002 году на 0,75 %¹. США потребовалось семь лет, чтобы сумма прямых иностранных инвестиций вновь достигла того же уровня, что и до 11 сентября 2001 года, и страна снова стала лидером по поступлению и одновременно лидирующим источником таких инвестиций за границу, как это и было в 2007-м, когда глобальный отток ПИИ достиг рекордной отметки в 1,82 трлн долларов США². Индустрия туризма, транспортный (особенно авиаперевозки) и страховой секторы оказались под прямым воздействием 11 сентября. Безработица за один месяц после атак выросла быстрее, чем за два предыдущих десятилетия, сокращению подверглись 415 тыс. рабочих мест — все это последствие 11 сентября. Только в гостиничном бизнесе было сокращено 46 тыс. рабочих мест, в торговой промышленности — 81 тыс. Волна безработицы и упадок вышеназванных секторов экономики стали результатом более настороженного отношения покупателей к затратам, а также резкого снижения уровня доверия со стороны инвесторов.

В течение года после террористических атак уровень национальных потребительских расходов в США

упал на 6 %, а в Нью-Йорке — на 11 %. Внутренние расходы упали на 9 %, международные — на 13 %³. Сразу после атак 11 сентября воздушное пространство США было закрыто на два дня, что вылилось в ежедневные потери в размере 330 млн долларов. В течение следующей недели потери составили, по различным оценкам, от 1 до 2 млрд долларов. После террористических атак количество посещающих Нью-Йорк сократилось на 15 % по сравнению с числом гостей города за предыдущий год (на 10 % упал уровень посещаемости туристами и на 29 % — бизнесменами). Число приезжающих в Нью-Йорк из-за рубежа снизилось на 54 %. Посол Фрэнсис Тейлор (Francis Taylor), координатор контртеррористической деятельности США, оценил убытки по продажам в Нью-Йорке в 1,7 млрд долларов, по аренде — в 1,75 млрд за период между атаками 11 сентября 2001 и концом 2003 года⁴.

По сравнению с сентябрем 2000 года количество пассажирских миль на внутренних рейсах упало на 32 %, на международных — на 29 %. Из-за этого в октябре 2001 года авиалинии сократили полеты на 18 % (по сравнению с октябрём 2000-го), что привело к сокращению 140 тыс. человек (как минимум) к временным увольнениям. Морские порты Нью-Йорка и Нью-Джерси были почти полностью закрыты в течение двух дней. Фрахт снизился на 9 %, границы США с Канадой и Мексикой были практически закрыты, что негативно повлияло на экономику обеих стран. Например, «компания “Ford Motor Company” (www.ford.com) не была прямой целью атак 11 сентября, но потеряла 30 млн долларов США вследствие нарушения цепи поставок, когда граница между США и Канадой была закрыта после атак»⁵. Чтобы проиллюстрировать уровень негативного экономического воздействия после закрытия границы между США и Канадой, отметим, что ежедневно эту границу пересекают около 500 тыс. автотранспортных средств.

В результате атак 11 сентября мировой сектор страхования потерял 50 млрд долларов⁶. Правительство США через Акт о страховании террористических рисков (Terrorist Risk Insurance Act), подписанный в 2002 году, ввело следующие ограничения: страховщики должны выплачивать первые 5 млн долларов ущерба в полном объеме; если же сумма потерь находится между 5 млн и 100 млрд долларов, они выплачивают только франшизу, то есть ту часть стоимости застрахованного, которая безусловно предусмотрена страховым договором к оплате. От оставшейся суммы страховщик выплачивает только 10 %, а правительство США — остальные 90 %. Только Центр международной торговли (World Trade Center) в Нью-Йорке «понес самые огромные убытки вследствие многочисленных индивидуальных выплат, таких как компенсация работникам (workers compensation), составившая в общей сложности 3,5 млрд долларов США. Убытки авиации

³ NYC Visit.com. NYC Statistics. URL: <http://www.nycvisit.com/content/index.cfm?pagePkey=57> (Retrieved: 29.02.2008).

⁴ Taylor F. The Impact of Global Terrorism. Remarks to Executives Club of Chicago Leadership Symposium. 2002. Mar. 14. URL: <http://www.state.gov/s/ct/tls/tm/8839.htm> (Retrieved: 14.03.2002).

⁵ Jennings P. Op. cit. P. 3.

⁶ Taylor F. Op. cit.

¹ Цит. по: Jennings P. Op. cit. P. 3.

² Foreign Direct Investment // The Economist. 2008. July 3. URL: http://www.economist.com/markets/indicators/displaystory.cfm?story_id=11670637 (Retrieved: 15.07.2008).

достигли 4 млрд долларов США из-за потери собственности, а потери бизнеса из-за перерыва в предпринимательской деятельности и уничтожения собственности составили 18,5 млрд долларов США; выплаты по страхованию жизни составили 2,7 млрд»¹.

Интересно подчеркнуть, что с точки зрения стратегических перспектив бизнеса компании, специализирующиеся на перестраховании (reinsurance), считают терроризм риском, не подлежащим страхованию. Это можно объяснить тем, что ставки по рискам терроризма довольно трудно рассчитать, а также сложно определить как вероятные прибыли, так и возможные максимальные убытки. Перестраховочные компании (reinsurers) обычно объясняют свою позицию непредсказуемостью террористических атак и возможностью слишком крупного ущерба или разрушений. Но стратеги всегда должны быть готовы предусматривать то, что якобы нельзя предсказать. Один из ведущих экспертов в этой области Кеннет Хоггинз (Kenneth Hoggins), вице-президент группы страхования собственности и страхования от несчастных случаев Ассоциа-

ции Уильяма Галлахера (William Gallagher Associates' Property and Casualty Group), предлагает достаточно практичные методы минимизации подверженности компании террористическим рискам, такие как «увеличение использования видеоконференций вместо путешествий, ограничение количества сотрудников одной компании на одном рейсе, а также более детальная проверка партнеров и сотрудников»².

Но одной из важнейших стратегических целей борьбы международного бизнеса с терроризмом является «отсечение денежных потоков от террористов»³. Большая часть денежных средств попадает в террористические организации под прикрытием легальных транзакций. По данным Генерального контрольно-учетного офиса США (United States General Accounting Office, www.gao.gov), контрабанда нефти и всевозможные незаконные наценки, составляющие от 25 до 50 центов за баррель от законных нефтяных продаж, давали средства на поддержание режима Саддама Хусейна⁴. Изменение экспорта и импорта стран ОЭСР по причинам терроризма представлено в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Изменения в объеме экспорта некоторых стран — членов ОЭСР⁵

	Процентное изменение к соответствующему месяцу предшествующего года			Процент годового изменения		
	Сентябрь 2001	Октябрь 2001	Ноябрь 2001	2000	2001	2002
Австралия	-0,5	-1,4	—	10,6	9,7	7,3
Канада	-7,4	-10,1	-9,8	8,7	-3,4	0,6
Дания	-8,3	-2,2	-0,5	—	—	—
ЕС-15	-9	-1	-8	—	—	—
Германия	1,3	0,7	-4,5	12,5	3,9	3,1
Япония	-11	-9	-9,2	9,4	-10	-1,3
Южная Корея	-17,7	-20,7	-17,1	21,6	2,1	4,7
Новая Зеландия	7,9	-0,6	-3,4	5,6	5,2	3,4
Швеция	-10,2	-3	-8,5	—	—	—
Швейцария	-9	4,5	-3,4	—	—	—
США	-17,6	-13,6	-14,2	11,3	-5,2	-3

Источник: Статья “The Impact of the Terrorist Attacks of 11 September 2001 on International Trading and Transport Activities”. ОЭСР (OECD). 2002.

Примечание: данные, указанные в таблице, характеризуют непосредственные изменения экспорта после терактов 11 сентября и в силу своей показательности не требуют обновления.

¹ Hoggins K. A Look at Terrorism and its Effect on the Insurance Industry. William Gallagher Associates. URL: <http://www.wgains.com/Assets/WhitePapers/Terror702.PDF> (Retrieved: 24.02.2008).

² Hoggins K. Op. cit.

³ Weidenbaum M. USA Today Magazine. 2002. May. Vol. 130, № 2684. P. 26.

⁴ Cohen A., O'Driscoll G. P., jr. Privatization and the Oil Industry: A Strategy for Postwar Iraqi Reconstruction // The National Interest. 2003. Jan. 22. URL: <http://www.inthenationalinterest.com/Articles/Vol2Issue3/Vol2Issue3CohenDriscoll.html> (Retrieved: 26.02.2008).

⁵ OECD Secretariat. The Impact of the Terrorist Attacks of 11 September 2001 on International Trading and Transport Activities. 2010. Mar. P. 17. URL: [http://www.oilis.oecd.org/oilis/2002doc.nsf/LinkTo/td-tc-wp\(2002\)9-final](http://www.oilis.oecd.org/oilis/2002doc.nsf/LinkTo/td-tc-wp(2002)9-final) (Retrieved: 16.02.2008).

Таблица 2

Изменения в объеме импорта некоторыми странами — членами ОЭСР¹

	Процентное изменение к соответствующему месяцу 2000 года			Процент годового изменения		
	Сентябрь 2001	Октябрь 2001	Ноябрь 2001	2000	2001	2002
Австралия	-10	-0,8	—	7,5	3,8	6,3
Канада	-7,1	-7	-9,3	9,5	-4,4	2,3
Дания	-8,9	-5,6	-7,1	—	—	—
ЕС-15	-14	-10	-15	—	—	—
Германия	-3,5	-3,6	-7	10,2	1,8	3,9
Япония	-7,8	-4,6	-7,9	10,9	-3,7	-10,4
Южная Корея	-11,9	-18,3	-18,3	20	-3,6	7,2
Новая Зеландия	-11,6	2,7	-4,5	3,6	0,7	2,5
Швеция	-16,3	-4,3	-8,5	—	—	—
Швейцария	-6,3	-1,5	-12,6	—	—	—
США	-15,8	-10,5	-13,8	13,5	-3,7	-1,9

Источник: Статья “The Impact of the Terrorist Attacks of 11 September 2001 on International Trading and Transport Activities”. ОЭСР (OECD). 2002.

Примечание: данные, указанные в таблице, характеризуют непосредственные изменения экспорта после терактов 11 сентября и в силу своей показательности не требуют обновления.

Влияние на экономику Испании взрыва поезда в Мадриде 11 марта 2004 года и террористической атаки в Лондоне 7 июля 2005-го нанесло вред не только этим странам, но и всей Европе и всей мировой экономике. Даже Норвегия, находящаяся довольно далеко от США, испытала негативное влияние атак 11 сентября. Рынок капитала Норвегии терпел убытки в размере примерно 25 % в течение первых 11 дней после атаки. Рынок акций Норвегии восстановился только через 107 дней — это второе место по длительности восстановительного периода мировых рынков акций после биржи в Йоханнесбурге (Johannesburg Securities Exchange, www.jse.co.za), которая восстанавливалась в течение 162 дней². В Мумбаи (Индия) система общественного транспорта была атакована террористами дважды. Только 11 июля 2006 года в результате атаки погибли 174 человека, а ранены были 464³.

Несмотря на общий экономический ущерб и прямые потери бизнеса, наиболее негативный эффект от терактов — психологический, так как они создают в умах людей барьеры против глобализации, либерализации и открытости национальных границ. Упомянутые потери туристического бизнеса, особенно международного туризма, являются прямым результатом психологического воздействия терроризма. После сообщений о террористических атаках, случившихся на другом конце света, люди из других стран даже и думать не станут о посещении таких привлекательных мест, как Мадрид и Лондон, по крайней мере в течение определенного промежутка времени после атак. Кри-

зисный комитет Всемирного совета по туризму и путешествиям (World Travel and Tourism Council's Crisis Committee) провел в Лондоне встречу сразу после терактов, и было подсчитано, что из 31 млн человек, ежегодно посещающих Соединенное Королевство, около 588 тыс. не приедут: таким образом будет потеряно 1,9 % туристов по сравнению с прогнозом на 2005 год⁴.

Только британские авиаперевозчики потеряли около 475 млн долларов США из-за того, что 2500 рейсов, запланированных на вылет из лондонских аэропортов, были отменены в следующую за атаками неделю⁵. Аэропортам Лондона пришлось терпеть эти убытки в дополнение к падению пассажиропотока на 26 % после атак 11 сентября, которые оказали воздействие и на Великобританию, и на все ГРП. Однако в 2005 году британское правительство отреагировало быстрее и смогло немедленно выделить 4 млн фунтов стерлингов для проведения маркетинговой кампании Лондонской туристической группой (London Tourism Action Group). Эти средства были предназначены для театральных представлений, спортивных состязаний, скидок для низкобюджетных туристов; естественно, этими мерами объемы доходов туристического бизнеса и в целом сферы услуг были поддержаны в самое трудное послекризисное время.

Психологические барьеры, вызванные терроризмом, стали настоящим препятствием для ведения бизнеса компаниями из стран глобального формирующегося рынка (ГФР), когда они пытаются инвестировать в активы, связанные с государственной безопасностью

¹ OECD Secretariat. The Impact of the Terrorist Attacks...

² Chen A. H., Siems Th. F. The Effects of Terrorism on Global Capital Markets // European Journal of Political Economy. 2004. June. Vol. 20, № 2. P. 349–366.

³ CNN. At Least 174 Killed in Indian Train Blasts. 2006. July 11. URL: <http://www.cnn.com/2006/WORLD/asiapcf/07/11/mumbai.blasts/> (Retrieved: 12.02.2008).

⁴ Ruggles-Brise O. World Travel and Tourism Council Crisis Committee Issues Estimate of London Bombing Impact. Hotel Online. 2005. July 8. URL: http://www.hotel-online.com/News/PR2005_3rd/July05_LondonImpact.html (Retrieved: 26.02.2008).

⁵ Taipei Times. Business Counts Cost of Terrorism. 2006. Aug. 17. P. 10. URL: <http://www.taipeitimes.com/News/worldbiz/archives/2006/08/17/2003323578> (Retrieved: 17.02.2008).

в развитых странах. В 2006 году компания “Dubai Ports World” (DP World, www.dpworld.com), которой владеет правительство эмирата Дубай, купила британскую компанию “Peninsular & Oriental Steam Navigation” (www.poheritage.com). В течение долгих лет эта организация со штаб-квартирой в Лондоне была одним из главных операторов многих портов в США, однако сразу после того как ее владельцем стала “DP World”, Конгресс США выразил свою обеспокоенность этим¹. В целях разрешения данной проблемы “DP World” передала управление портами США американской компании. Боязнь проявилась даже несмотря на то, что эмират Дубай является одним из наиболее либеральных исламских государств на Ближнем Востоке и одним из основных торговых хабов мира.

Важно подчеркнуть, что терроризм исходит не только из исламского мира. Существует много террористических течений, оказывающих негативное влияние на ГРП. После того как террористы, движимые исключительно внутренними причинами, атаковали нефтяной танкер в Нигерии, являющейся восьмым по величине производителем нефти в мире, глобальный экспорт нефти немедленно снизился на 20 %². Вследствие этой атаки “Shell Oil Company” отозвала 330 «экс-патриотов» — иностранных сотрудников, работающих в Нигерии, что обернулось падением ежедневного производства нефти в этой стране на 226 тыс. баррелей³.

Терроризм и глобальный формирующийся рынок

Террористы обычно стремятся наносить удары по развитым странам, но фактически и в значительной степени успешными бывают террористические акты в бедных странах и СФР. Это те места, где террористы находят своих солдат-исполнителей, проводят пропаганду и имеют лучшие возможности получения правительственной поддержки (национальной, региональной или, по крайней мере, местной). СФР, в свою очередь, обычно являются основным местом размещения террористами своих производств оружия и сбора средств. В большинстве случаев правительства СФР являются светскими, и террористы используют этот факт для пропаганды экстремизма с целью превращения религиозных законов в законы конституционно-светских государств. У террористических организаций обычно есть два искусственно отделенных друг от друга крыла — одно занято политической борьбой против правительства, другое одновременно с этим — военными мятежами против того же правительства. «Хезболла» (Hezbollah) в Ливанской Республике — очевидный тому пример.

Бизнес, и особенно международные компании, — главная цель террористов в их попытках создания атмосферы нестабильности, организации общественных

беспорядков, усиления или порождения антизападных настроений и ослабления светских правительств. Чем ближе правительство к демократии и западным ценностям, тем более агрессивными и активными становятся террористы. Это происходит в том числе в таких преимущественно мусульманских странах, как Ливан, Пакистан, Бангладеш, Индонезия и Турция, где террористы совершают отчаянные попытки предотвратить распространение процветания и демократии. Присутствие иностранных компаний, особенно их филиалов из развитых стран, для террористов и экстремистов всегда символизирует «предательство» (infidels) их правительств, которые позволяют это.

Испытывая страх перед новыми террористическими атаками, только в 2001–2002 годах чистые притоки частного капитала в СФР уменьшились на 36,5 % и упали со 167 млрд долларов до 106 млрд. Определенные отрасли промышленности, такие как туризм — самая крупная индустрия с точки зрения вклада в объем мировой экономики (составляет приблизительно 11 %), являются наиболее привлекательными целями для террористов. Эта индустрия предоставляет работу 207 млн человек по всему миру, что составляет 8,2 % от общей занятости на ГРП⁴. На ГФР роль туризма еще более важна. В небольших СФР, таких как Марокко, Ливан, Хорватия, Албания, и малых островных государствах туризм — главная отрасль национальной экономики. Террористические атаки или даже их угроза отрицательно воздействуют на туризм, сокращая количество туристов и толкая индустрию гостеприимства на различные защитные шаги, включая инвестирование туристическими компаниями большого капитала в безопасность, что ведет к сокращению прибыли и дефициту иностранных инвестиций.

Турция принимает 1,8 % всех отдыхающих мира и оценивается Всемирной туристической организацией как 20-я в мире по этому показателю⁵. Весной 2006 года из-за террористических актов и их угроз Турция потеряла около 4–5 млрд долларов, и количество туристов, посещающих эту страну, сократилось на 20 %⁶. Согласно исследованию Австралийского института стратегической политики (Australian Strategic Policy Institute, www.aspi.org.au), «в Индонезии падение на 2,2 % в 2002 году — частично вызванное взрывами бомб на Бали (Bali) — принудило аналитиков финансового рынка предсказать однопроцентное сокращение национального валового внутреннего продукта»⁷.

Лидеры СФР осознают опасность терроризма, хотя не так давно противодействие ему стояло на повестке дня лишь у нескольких и только развитых стран. В XXI веке лидеры СФР, таких как Алжир, Пакистан, Россия и Китай, стран, только приступающих к формированию рынка, таких как Саудовская Аравия, и даже

⁴ World Travel and Tourism Council. Home. URL: <http://www.wttc.travel/index.php?LANG=eng> (Retrieved: 15.02.2008).

⁵ Based on statistics from the World Tourism Organization: International Tourist Arrivals by Country of Destination. URL: http://www.photius.com/rankings/tourism_2001.pdf (Retrieved: 29.02.2008).

⁶ Drakos K., Kutan A. Regional Effects of Terrorism on Tourism in Three Mediterranean Countries // Journal of Conflict Resolution. 2003. Vol. 47, № 5.

⁷ Jennings P. Op. cit. P. 3.

¹ CNN. Bush, Congress Clash Over Ports Sale. 2006. Febr. 22. URL: <http://www.cnn.com/2006/POLITICS/02/21/port.security/> (Retrieved: 19.02.2008).

² Nigeria Militants Fight Military // BBC News. 2006. Mar. 9. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4789274.stm> (Retrieved: 19.02.2008).

³ Shell's Nigeria Output Cut by 20 % // BBC News. 2006. Jan. 13. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/4789274.stm> (Retrieved: 19.02.2008).

развивающихся стран, таких как Афганистан и Узбекистан, вкладывают существенные средства в борьбу с терроризмом. Законы, направленные против него, принимаются повсеместно на ГФР, так же как и законы, предотвращающие отмывание денег и финансирование террористической деятельности. Например, у Содружества Независимых Государств (СНГ) — организации, состоящей из 11 (полных и неполных) членов из 15 бывших советских республик, — есть формальное соглашение по отслеживанию и предотвращению финансовых преступлений, подготовленное Управлением Министерства финансов по контролю за иностранными активами Соединенных Штатов (Office of Foreign Assets Control of the US Department of Treasury), которое реализует экономические и торговые санкции и применяет на практике законы против террористической деятельности и наркоторговли.

Современные технологии и увеличение экономической интеграции позволили доморощенным экстремистам и террористам действовать в зарубежных странах и развивать сети глобального масштаба. Это, бесспорно, один из самых отвратительных побочных продуктов данных глобальных закономерностей. Любая стратегия должна учитывать, что терроризм стал основным фактором политического риска инвестиций. Следовательно, он влияет и будет угрозой развитию формирующегося глобального миропорядка. Терроризм продолжит быть очень значимой и затратной угрозой бизнесу в XXI веке. Но увеличение экономической интеграции можно считать также и одной из стратегий бизнеса против терроризма. Развитие частных внутренних фирм в арабских странах и интеграция этих фирм на ГРП, несомненно, играют значительную роль в борьбе против терроризма. Эта стратегия приносит

пользу не только деловым кругам этих стран, но и обществу в целом.

Терроризм — это социальная манифестация зла, и он требует полного уничтожения. Террористы интерпретируют доброту и снисхождение к ним как слабость — такие методологии делают невозможной борьбу с их жестокостью. Поиски и заключение компромиссных соглашений с террористами только усиливают их способность к ведению войн против человечества и человечности, что приносит горе и порождает бедность. Существование чумы терроризма и экстремизма забирает часть ресурсов, крайне необходимых для борьбы с голодом. Так же как варвары разрушили Древний Рим и погрузили человечество во мрак, террористы, обладающие современным оружием, могут привести весь мир к глобальной катастрофе. Но ГРП продемонстрировало силу в предотвращении новых волн терроризма. Быстрая реакция глобального сообщества помогла выработать более строгие законы, инструкции и подзаконные акты, позволяющие осуществлять превентивные меры и вводить новые технологии фактически в каждой отрасли экономики во всех регионах ГРП.

Несмотря на высокую стоимость всех этих мер, в течение первого десятилетия XXI века ГРП продемонстрировало рост и некоторое повышение уровня жизни населения во всем мире. Тем не менее человечество нуждается в детальной разработке и реализации стратегии предотвращения дальнейшей глобализации терроризма, в действенных методах борьбы, правоприменения и преследования по суду терроризма и экстремизма, в экономических стратегиях и стратегиях социального восстановления и ликвидации последствий террористических атак, которые, к сожалению, не исключены в обозримом будущем.

Ганс Кёхлер¹

ВЛАСТЬ, ЗАКОН И МИРОВОЙ ПОРЯДОК. РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ ООН

Антагонистические отношения между властью и законом

Обычно, если отношения между суверенными государствами не регулируются законом, то они оказываются во власти более сильного(-ых) игрока(-ов) или, точнее, тех государств, которые в данный момент

¹ Президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Феноменологический реализм: избранные эссе», «Демократия и международное правовое государство. Предложения по альтернативному мировому порядку», «Концепция гуманитарного вмешательства в контексте современной политической власти», «Глобальная справедливость или глобальная месть? Международное криминальное законодательство на распутье», «Мусульмано-христианские связи в Европе. Прошлое, настоящее, будущее», «Совет Безопасности как исполнитель справедливости?» и др. Награжден Почетной медалью Австрийского общества вузов, Почетной медалью Международного бюро мира (Женева, Швейцария), Большой медалью Давида Непобедимого Армянской академии философии и др. Почетный доктор Государственного университета Минданао (Филиппины) и Армянского государственного педагогического университета.

времени относительно более могущественны. Конечным результатом развития системы, основанной главным образом на праве сильного, станет международная анархия. Это очевидно на примере «Европейского концерта» держав в преддверии Первой мировой войны, который обычно характеризуется немецким термином *Souveränitätsanarchie* («анархия в отношениях между суверенными государствами»). Если суверенитет понимается в абсолютном, исключительном смысле, то его осуществление непременно будет произвольным, и тогда суверенная власть государства будет предполагать право на ведение войны (*jus ad bellum*) без какой-либо необходимости оправдывать применение силы. Соответственно, суверенное государство в таком его понимании несовместимо с идеей верховенства права. Это опровергает саму суть международного права²,

² Джон Остин обратил внимание на несовместимость понятий «суверенитет» (в традиционном понимании) и «право», где последнее применяется к реалиям международных отношений: «Го-

поскольку отрицает равенство между государствами и вытекающий из этого равенства принцип взаимности, делая каждый суверенный субъект главным источником права и создавая структурный конфликт интересов, а в действительности — постоянную, анархическую по своей сути борьбу за власть. Очевидно, что такое положение дел не создает условий для установления справедливого и мирного международного порядка.

В равной степени очевидно, что лишь посредством системы норм, являющихся обязательными для всех государств — больших или малых, богатых или бедных, слабых или могущественных, — может быть гарантирован справедливый и стабильный мировой порядок, при котором будут защищены фундаментальные права всех граждан, и прежде всего и главным образом — право на мир.

Чтобы нормы международного права имели хоть какой-то смысл, их надо исполнять последовательно и единообразно. Это исключает любые формы произвола, которые, тем не менее, как представляется, часто служат способом принятия решений Советом Безопасности. В чем коренится эта дилемма?

Подобно внутригосударственным правовым нормам, нормы международного права должны предусматривать систему санкций за их несоблюдение. Правовую норму от моральной или от принципа отличает связь первой с системой специальных санкций, которые применяются в случае ее нарушения (в соответствии со специальными процедурами, определенными законом). Таким образом, правовая норма представляет собой нечто большее, чем простой призыв к сознательности. Эта мысль также отражена в классическом определении правовой системы, по Гансу Кельзену, как «принудительного нормативного порядка» (*normative Zwangsordnung*)¹. Однако, хотя принуждение — это фактически условие (*conditio sine qua non*) верховенства права, механизмы и процедуры его осуществления на международном уровне существуют лишь в рудиментарной форме. Неудивительно, что в аспекте исполнения система международного права всегда ставилась под сомнение².

вора точнее, международное право, или право, приобретаемое нациями, касается поведения суверенных субъектов по отношению друг к другу. Отсюда неизбежно следует, что приобретение прав нациями не является позитивным правом, поскольку каждое позитивное право устанавливается конкретным суверенным субъектом для человека, находящегося в подчиненном положении по отношению к автору» (*The Province of Jurisprudence Determined and The Uses of the Study of Jurisprudence. With an Introduction by H. L. A. Hart. Indianapolis, Indiana: Hackett Publishing Company, 1998 [впервые опубликовано в 1832 и 1863 гг. соответственно], Lecture VI, p. 201*).

¹ Kelsen H. *Rechtslehre Reine. Mit einem Anhang: Das Problem der Gerechtigkeit*. Vienna: F. Deuticke, 1960. P. 45 ff. (Английское издание: *Pure Theory of Law. Translation from the second [revised and enlarged] German edition by Max Knight. Union, N. J.: Lawbook Exchange, 2000*).

² Как указано выше, формула «международное право не является правом» относится к эпохе правового позитивизма Джона Остина и к его доктрине государственного суверенитета. См. лекции V и VI из серии «Определение предмета юриспруденции» (*The Province of Jurisprudence Determined and The Uses of the Study of Jurisprudence*, pp. 118ff and pp. 191ff. For an overview of the contemporary debate see Oona Hathaway and Scott J. Shapiro; *Outcasting: Enforcement in Domestic and International Law* (3 ноября 2010 г.). Hauser Globalization Colloquium Fall 2010. URL: <http://www.iilj.org/courses/documents/HC2010Nov10.HathawayShapiro.pdf>, 20 сентября 2011 г.

Внутри государства нормы права приводятся в исполнение за счет власти судебных и исполнительных государственных органов, осуществляющих свои конституционные полномочия на основе монополии государства на власть и в рамках разделения властей. Подобное устройство призвано не допустить произвола в действиях государственных органов и, главное, предотвратить злоупотребление властью, а также то, что сегодня определяется как «политика двойных стандартов». На этом уровне «качество» верховенства закона, по сути, зависит от качества государственных механизмов сдержек и противовесов.

На международном уровне базовым элементом обеспечения соблюдения норм права является власть, в том числе полномочия и возможность использования вооруженных сил³ стран — членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций⁴, основанной на международном соглашении между суверенными государствами. Очевидно, что так как международные отношения по-прежнему формируются государствами как суверенными субъектами, система обеспечения соблюдения норм международного права в рамках межгосударственной (не наднациональной) организации всегда будет рудиментарной (по сравнению с внутригосударственным уровнем) и несовершенной. В настоящее время механизм, который обеспечивал бы (хотя бы в принципе) универсальное «соблюдение норм права», существует лишь в сфере поддержания мира и безопасности, регулируемой главой VII Устава ООН⁵. Во всех других областях, будь то права человека, международное гуманитарное право или международное уголовное право⁶, подобный механизм существует только в очень слабой, хрупкой и неполноценной форме. Такие понятия, как «гуманитарные интервенции»⁷ или «ответственность за обеспечение защиты»⁸, которые в последние годы обычно используются в связи с мерами по вооруженному обеспечению соблюдения

www.iilj.org/courses/documents/HC2010Nov10.HathawayShapiro.pdf, 20 сентября 2011 г.

См. также: Goldsmith J. L., Posner E. A. *The Limits of International Law*. Oxford; N. Y. etc.: Oxford University Press, 2005.

³ Общий анализ фактора силы в международных отношениях см.: Carr E. H. *The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. Reissued with a New Introduction and additional material by Michael Cox*. Basingstoke (UK); N. Y.: Palgrave Macmillan, 2001, Гл. 7. Могущество в международной политике, с. 97ff.

⁴ Полномочия других стран — членов ООН по обеспечению соблюдения норм права имеют лишь вторичный характер, так как они зависят от резолюции, принимаемой на основе главы VII органом, который в соответствии с этой главой представляет всех членов (ст. 24[1]).

⁵ Комплексный обзор и анализ см.: Wet E. de. *The Chapter VII: Powers of the United Nations Security Council*. Oxford; Portland, Or.: Hart, 2004.

⁶ О проблемах власти и права в области международного уголовного правосудия см.: Köchler H. *Global Justice or Global Revenge? International Criminal Justice at the Crossroads*. Vienna; N. Y.: Springer, 2003.

⁷ О практике «гуманитарных интервенций» в эпоху после окончания холодной войны см.: Köchler H. *The Concept of Humanitarian Intervention in the Context of Modern Power Politics: Is the Revival of the Doctrine of "Just War" Compatible with the International Rule of Law? // Studies in International Relations: International Progress Organization, 2001. Vol. XXVI*.

⁸ Критический анализ см.: Hehir A. *The Responsibility to Protect: 'Sound and Fury Signifying Nothing'?* // *International Relations*. 2010. June. Vol. 24, № 2. P. 218–239.

норм права, предпринимаемыми Советом Безопасности, остаются высокопарными философскими принципами. Узкие политические интересы практически всегда обуславливали непоследовательное применение лежащей в их основе доктрины. Сегодняшняя практика напоминает нам о «максиме Валуевского» — формуле, приписываемой министру иностранных дел Франции графу Валуевскому (XIX в.), который считал важнейшей задачей дипломатии маскировать собственные интересы «под всеобщие интересы с целью их навязывания всему остальному миру»¹.

Доминирование интересов над идеалами обостряет фундаментальную дилемму соблюдения норм права в межгосударственных отношениях. В целях предотвращения незаконного использования силы в межгосударственных отношениях, в частности актов агрессии и мер, угрожающих международному миру и безопасности, сила (в смысле «жесткая сила»²) со стороны стран — членов ООН необходима. В соответствии с процедурами принятия решений, прописанными в ст. 27 Устава ООН, группа в составе пяти постоянных членов Совета Безопасности а) определяет, каким образом и в какой мере применяется эта сила; и б) с учетом своего экономического и военного могущества обеспечивает «авторитетность» соответствующего решения. Сопутствующий риск злоупотребления этими полномочиями стал одним из главных вызовов для Организации Объединенных Наций, особенно в современных условиях однополярного мира.

Напряжение между силой и правом в Организации Объединенных Наций

Принимать «эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии» — одна из основных задач Организации Объединенных Наций (ст. 1 [1]). В этом отношении Устав ООН идет куда дальше простого увещания или торжественного провозглашения норм. Унифицированное обеспечение соблюдения соответствующих норм, как предусмотрено гл. VII, поистине является сутью международного верховенства права в рамках межгосударственной структуры ООН³. В том, что касается системы коллективной безопасности, это на первый взгляд представляет собой смену парадигм по сравнению с консенсусным и рекомендательным характером Устава Лиги Наций⁴.

¹ Граф Александр Жозеф Колонна-Валуевский, министр иностранных дел Франции в 1855–1860 гг., в обращении к Отто фон Бисмарку (1857). Цит. по: *Carr E. H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations*. Гл. «Национальный интерес и всеобщее благо». С. 71.

² О различии между «жесткой силой» и «мягкой силой» см.: *Nye J. S. Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y. : Public Affairs, 2004.

³ Поскольку обеспечение соблюдения норм права в строгом смысле предусмотрено лишь в сфере коллективной безопасности, то есть в том, что касается фундаментальных принципов мирного разрешения конфликтов и неприменения силы (ст. 2, п. 3 и 4), Совет в определениях согласно ст. 39 имеет тенденцию интерпретировать термин «угроза миру» достаточно расплывчато и давать ему расширительное толкование.

⁴ Статья 5 Устава Лиги Наций устанавливает требование консенсуса при принятии всех решений (кроме процедурных) Ассамблеи и Совета (за исключением стран, вовлеченных в конфликт, как предусмотрено положениями ст. 15).

Что же касается механизмов обеспечения соблюдения норм права в рамках ООН, то требование консенсуса применимо лишь к пяти постоянным членам Совета Безопасности. Однако не должно быть иллюзий по поводу эффективности такой системы, которая уязвляет юридически обязывающие решения с политическими соображениями некоторых из наиболее влиятельных членов организации. Улучшение по сравнению с Уставом Лиги Наций весьма относительно⁵. В действительности здесь мы имеем дело не с подлинно коллективной безопасностью (которая требовала бы унифицированного обеспечения соблюдения норм права на основании равноправного участия всех членов уполномоченного органа, Совета Безопасности), а с системой принуждения, которая опирается на силу и зависит от согласия пяти постоянных членов Совета.

Во времена учреждения организации обоснование, стоявшее за соответствующими положениями Устава, безусловно, сводилось к тому, что это были ведущие (в военном отношении) державы, против воли которых и без мощи которых ни одно решение не могло быть выполнено. Кроме того, как справедливо отмечает Гарри Алмонд, «если бы пять постоянных членов Совета Безопасности, в первую очередь отвечающие за установление власти в Совете, не были наделены правом вето, то учреждение Организации Объединенных Наций было бы маловероятно»⁶.

Неопределенность, связанная с использованием того, что сегодня называют «жесткой силой», в сфере «коллективной безопасности» (фраза, которая ассоциируется с идеей равноправия) обусловлена тем, что применение силы суверенными государствами — членами ООН должно контролироваться силами этих же государств. При этом привилегированная роль по Уставу отведена постоянным членам Совета Безопасности. Нормы права, а именно нормы о воздержании от агрессии, по сути приводятся в действие за счет авторитета этих государств и их союзников. Примечательно, что с момента нарушения баланса сил, существовавшего в эпоху холодной войны, в практику Совета вошло не только расширительное толкование мер по обеспечению соблюдения норм права согласно гл. VII (как в случаях введения режима широкомасштабных санкций, например в отношении Ирака в период с 1990 по 2003 г.)⁷, но и их кардинальная экспансия, которая

⁵ Подробнее см.: Шаткая природа международного права в отсутствии баланса сил // *Köchler H. (ed.) The Use of Force in International Relations: Challenges to Collective Security: studies in International Relations*. Vienna : International Progress Organization, 2006. Vol. XXIX. P. 15 ff.

⁶ *Köchler H. (ed.) The Reagan Administration's Foreign Policy: Facts and Judgment of the International Tribunal : Studies in International Relations*. Vienna ; L. : International Progress Organization and Third World Centre for Research and Publishing, 1985. Vol. XI. P. 438.

⁷ Подробнее о политике санкций, проводимой Советом в отношении Ирака, и несовместимости этой политики с фундаментальными правами человека см.: *Кехлер Г. (ред.) Иракский кризис и Организация Объединенных Наций: силовая политика vs. международное верховенство права. Меморандумы и декларации Международной организации за прогресс (1990–2003 гг.) // Исследования в области международных отношений*. Вена : Международная организация прогресса, 2004. Т. XXVIII. См. также отчет Научно-исследовательской группы Гарвардского университета.

серьезно подорвала легитимность этой международной организации. Наряду со способами воздействия, упомянутыми в Уставе, а именно — прерыванием связей и введением частичных или полных экономических санкций (ст. 41) с последующим использованием вооруженных сил (ст. 42), Совет добавил особые меры уголовного правосудия к тем методам, с помощью которых он приводит в действие свои резолюции, хотя такого рода меры нигде в Уставе не прописаны¹. Данная практика стала очевидна при учреждении Советом специальных судов (как в случае с бывшей Югославией, Руандой и в некоторых отношениях Ливаном) и обращении в Международный уголовный суд в соответствии со ст. 13b Судебного устава (как в случае с Суданом и Ливией).

Следует отметить, что любая резолюция о принудительных мерах требует установления Советом факта существования угрозы миру или нарушения мира (ст. 39) и — в случае использования вооруженных сил — также решения о том, что другие меры «будут неадекватны или доказали свою неадекватность» (ст. 42)². Однако Совет принимает такие определения (как и решения о соответствующих мерах) полностью вне рамок системы сдержек и противовесов, которая является привычной для внутригосударственной системы правосудия³. Нет четких критериев принятия подобных решений. Отсутствует механизм правового контроля решений, принимаемых согласно гл. VII. По сути Совет действует в качестве обвинителя, судьи и исполнителя приговора «в одном лице». Баланс сил — если он действительно должен существовать — между пятью постоянными членами⁴, который, как кажется, должно отражать положение о праве вето, предусмотренное ст. 27, очевидно, не стал противоядием от произвольных действий, как представляется, поощряемых положениями гл. VII. В период после окончания холодной войны структурный баланс в любом случае значительно ослаб.

Меры по обеспечению соблюдения норм права, принимаемые странами — членами ООН на основании резолюций согласно гл. VII, по сути, зависят от правомочий, предоставляемых законом, и опираются на «жесткую силу» постоянных членов Совета Безопасности. Эти меры отличаются от тех, что принимаются в целях исполнения норм права на национальном уровне. Отличия заключаются в следующем. Постоянные члены Совета Безопасности выбирают способ действий всецело по собственному усмотрению:

¹ Подробнее об очевидном самоуправстве Совета Безопасности см.: *Köchler H. The Security Council as Administrator of Justice? Studies in International Relations. Vol. XXXII. Vienna: International Progress Organization, 2011.*

² В данном случае в Уставе используется слабый термин «рассмотреть» (вместо «определить»).

³ Подробнее см.: Шаткая природа международного права в отсутствии баланса сил // *Köchler H. (ed.) The Use of Force in International Relations: Challenges to Collective Security. P. 15ff.*

⁴ См. авторский анализ: Смещающийся баланс сил и будущее суверенных государств / F. Matscher, P. Pernthaler, A. Raffener (eds.) *Ein Leben für Recht und Gerechtigkeit: Hans R. Klecatsky zum 90. Geburtstag. Vienna: Neuer Wissenschaftlicher Verlag, 2010, P. 359–370.*

См. также: *Köchler H. The Politics of Great Powers // The Global Community. Yearbook of International Law and Jurisprudence. 2009. Vol. I. P. 173–201.*

а) отсутствует система сдержек и противовесов; Уставом не предусмотрено разделение властей, не существует аналога Конституционного Суда (Международный суд Организации Объединенных Наций, «основной орган правосудия» ООН, имеет совершенно иной характер);

б) постоянный член Совета вправе наложить вето на юридически обязывающую (согласно гл. VII) резолюцию, даже если этот член сам вовлечен в рассматриваемый спор⁵, что равносильно иммунитету от наказания в случае агрессивной войны. Война НАТО против Югославии в 1999 году и вторжение Соединенных Штатов Америки в Ирак в 2003-м наглядно иллюстрируют эту проблему системы коллективной безопасности ООН. Что касается необязательности для постоянного члена воздерживаться от голосования «по вопросу, касающемуся его непосредственно», то здесь Устав ООН еще более отсталый, чем Устав Лиги Наций, в котором принципу «никто не может быть судьей в собственном деле» отводилась более серьезная роль⁶. В категориях международного верховенства закона подобная «привилегия», предоставленная определенным государствам, может рассматриваться только как внутреннее противоречие, которое глубоко делегитимизирует вверенную Совету Безопасности роль представителя всех стран — членов Организации Объединенных Наций (ст. 24 [1]).

Помимо политического произвола при использовании силы, обусловленного структурой Совета Безопасности и применяемой в нем процедурой голосования, юридически обязывающие резолюции, которые Совет принял в 1990 и 2011 годах по Ираку и Ливии соответственно, создали прецеденты, согласно которым любая страна — член ООН вправе (в определенных ситуациях, когда Совет разрешает прибегнуть к вооруженным действиям согласно гл. VII) использовать силу по собственному усмотрению. Магические фразы «все необходимые средства» (резолюция 678 [1990])⁷ или «все необходимые меры» (резолюция 1973 [2011])⁸ широко эксплуатируются заинтересованными странами для продвижения собственной военной повестки и придания ей видимости международной легитимности. Включение этой фразы в текст резолюций с провозглашаемой целью достижения определенных результатов, сформулированных Советом (таких как уход с оккупированных территорий⁹ или «защита мирного населения»¹⁰), фактически позволяет странам ве-

⁵ Это подразумевается ст. 27(3), согласно которой обязательство воздерживаться от голосования относится лишь к тем решениям, которые не имеют обязывающей силы в соответствии с гл. VI. См. подробнее: *Köchler H. The Voting Procedure in the United Nations Security Council. Ch. V/b: Circumventing the abstention clause. P. 29ff.*

⁶ *Köchler H. (ed.) The Reagan Administration's Foreign Policy: Facts and Judgment of the International Tribunal. P. 438.*

⁷ Принято 29 ноября 1990 года 12 голосами против 2, Китай воздержался.

⁸ Принято 17 марта 2011 года 10 голосами при 5 воздержавшихся (включая постоянных членов — Китай и Россию).

⁹ Так было в случае конфликта между Ираком и Кувейтом (1990ff). См. подробнее: *Köchler H. (ed.) The Iraq Crisis and the United Nations: Power Politics vs. the International Rule of Law.*

¹⁰ Это была провозглашенная цель относительно восстания и последующей гражданской войны, спровоцированной интервенцией под эгидой ООН, в Ливийской Джамахирии в 2011 году.

сти коалиционные войны, преследуя цели, полностью отличные от провозглашенных в соответствующей резолюции, и в такой манере, как если бы это были односторонние действия¹.

Это в очередной раз подтверждает, что механизм обеспечения Организацией Объединенных Наций соблюдения норм права в межгосударственных отношениях является не только несовершенным и фрагментарным (поскольку касается лишь определенных аспектов действий государств, включая угрозы или использование силы), но и фундаментально неполноценным. По структурным причинам, проистекающим из правовых противоречий в Уставе Организации Объединенных Наций, подобное обеспечение соблюдения правовых норм происходит а) даже без видимости сдержек и противовесов (которые неизбежны при верховенстве закона в любой системе) и б) на основе особой привилегии, предоставляемой самым влиятельным государствам, то есть за пределами баланса сил между всеми членами организации.

Заключение

Как мы определили в нашем анализе «антагонистических» отношений между властью и правом, любой политический субъект или субъект хозяйственной деятельности внутригосударственного или международного уровня, чтобы не быть обреченным на отставание, должен учитывать социальные реалии и динамику коллективного взаимодействия и осуществлять соответствующие процедуры. В отличие от идеальных условий, исходящих из предпосылки о совершенной природе человека, в реальном мире нельзя игнорировать взаимозависимость власти и права. И если (государ-

ственная) власть неизбежна для обеспечения соблюдения норм права, то ее реализация может быть подвергнута постоянному юридическому анализу и демократическому контролю. В межгосударственных отношениях это означает, что отстаивание национальных интересов суверенными государствами должно:

а) быть интегрировано в систему истинного баланса сил, учитывающего все регионы мира;

б) осуществляться на основании разделения властей внутри и между существующими межправительственными структурами (в плане процедур принятия решений такими организациями, как ООН, и взаимодействия между этими институтами);

в) регулироваться нормами, применяемыми единообразно, не выборочно и без дискриминации.

Реальная структура, правила и процедуры Организации Объединенных Наций далеко отстают от указанных требований.

Если бы были предприняты серьезные и комплексные реформаторские усилия по намеченным направлениям, то Организация Объединенных Наций могла бы в конечном счете обеспечить нормативные и институциональные рамки для многополярного миропорядка XXI века. Структурно реформированная ООН должна в первую очередь и главным образом исходить из правил принятия решений, ограничивающих использование жесткой силы и особенно вооруженных сил² теми мерами, которые необходимы для общего блага человечества, а не просто для выгоды наиболее влиятельных стран и их союзников. В условиях такой постоянной напряженности между властью и правом вынуждена работать Организация Объединенных Наций.

¹ Об использовании силы против Ливийской Джамахирии см.: Меморандум президента Международной организации за прогресс о Резолюции Совета Безопасности ООН 1973 (2011) и ее исполнении «коалицией доброй воли» под руководством Соединенных Штатов Америки и НАТО. International Progress Organization, Doc. P/22680c. Vienna, 26 March 2011. i-p-o.org/IPO-Memorandum-UN-Libya-26Mar11.pdf.

² «Жесткая сила», согласно определению Джозефа Ная, также включает все формы экономического принуждения, такие как эмбарго и санкции (к которым Совет Безопасности прибегает все чаще с момента окончания холодной войны). См.: Foreign Policy, 2006. February 23. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2006/02/22/think_again_soft_power

Г. Б. Клейнер¹

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРЕКЛЮЧАЮЩЕГОСЯ ЛИДЕРСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ СООБЩЕСТВЕ КАК ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ²

Глобальные риски, с которыми сталкивается мировое сообщество, охватывают широкий спектр проблем экономического, социально-демографического, экологического, технико-технологического и иного характера и требуют радикального пересмотра всего комплекса институциональных основ взаимодействия субъектов международных отношений. При этом должны быть преобразованы как формальные, так и неформальные институты, базирующиеся на определенных культурных ценностях³, а также на укоренившихся «стереотипах мысли» общественного и индивидуального сознания (яркие примеры преодоления таких стереотипов приводит А. С. Запесоцкий⁴). К числу таких институтов относится институт странового лидерства.

Сегодня в большинстве случаев суверенитет государств ограничивается различного рода гласными и негласными обязательствами и намерениями, относящимися к другим государствам. В силу этого влияние формальных и неформальных лидеров тех или иных группировок приобретает тем большее значение, чем более глобальным становится мир. Именно через институт лидерства во всем его многообразии могут решаться проблемы глобальных угроз в современном мире.

В условиях глобализации проблема формального и неформального лидерства в международном сообществе относится к числу наиболее острых. Борьба за международное лидерство между США, Китаем,

Россией и Евросоюзом выходит на первый план среди глобальных вызовов и рисков. Существенное значение имеет также конкуренция за лидерство в разнообразных международных союзах и организациях. В некоторых альянсах государств этот процесс формализован, и смена лидеров осуществляется в соответствии с заранее составленным расписанием. Такой способ определения лидера можно назвать плановым. Более плодотворной представляется идея ситуационного лидерства, согласно которой лидер определяется в зависимости от ситуации, возникающей внутри или вне данного сообщества. Такой выбор лидера может быть назван *адаптивным*. Наконец, возможна комбинация планового и адаптивного определений лидера. Здесь речь идет об априорном установлении правил, согласно которым выбор лидера происходит в той или иной ситуации. Естественно назвать такой способ *стратегическим*. Именно такой способ «лидерообразования» рассматривается ниже.

В докладе предлагается концепция переключающегося лидерства, в рамках которой лидер определяется в зависимости от стадии развития сообщества, прогнозируемых и испытываемых рисков, а также от особенностей стран — претендентов на лидерство. Несмотря на то что предложение носит дискуссионный и концептуальный характер, а его возможная имплементация столкнется с трудностями, можно надеяться, что представленная концепция послужит ориентиром для построения рациональной системы организации мирового сообщества.

В процессе формирования стратегии лидерства в зависимости от ситуации необходимо реализовать следующие этапы:

— классификация периодов и стадий динамики мирового сообщества в контексте глобальных рисков и кризисов;

— выбор признаков, отражающих разнообразие базовых характеристик стран — кандидатов на позицию лидера, и классификация таких стран;

— выбор признаков, характеризующих состояние стран — кандидатов на позицию лидера, и классификация таких состояний;

— определение рациональной стратегии выдвижения страны в качестве лидера данного сообщества государств.

При решении этих проблем мы исходим из предположения о цикличности развития долговременных социально-экономических систем, в том числе стран и мирового сообщества в целом. Рассмотрим эти задачи.

1. Глобальные вызовы, риски, кризисы

Структуризация глобальных вызовов и рисков, с которыми сталкивается сегодня мировое сообщество, представляет собой серьезную научную проблему. Обычно совокупность рисков изображается в виде

¹ Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук. Заведующий кафедрой экономики Государственного академического университета гуманитарных наук, заведующий кафедрой институциональной экономики Государственного университета управления, заведующий кафедрой системного анализа и моделирования экономических процессов Финансового университета при Правительстве РФ, профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Московской школы экономики МГУ. Главный редактор журнала «Экономическая наука современной России». Автор более 680 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Стратегия предприятия», «Микроэкономика знаний» (в соавт.), «Эволюция институциональных систем», «Эволюция системы экономических институтов в России», «Эконометрические зависимости: принципы и методы построения» (в соавт.) и др.; статей: «Эволюция капитала, экономические циклы, институциональная динамика. Базовые предпосылки экономической теории», «Государство—регион—отрасль—предприятие: каркас системной устойчивости экономики России» (ч. 1, 2), «Системная сбалансированность экономики: основные принципы», «Инновационные программы подготовки современных менеджеров», «Россия на пути к современной, динамичной и эффективной экономике», «Какая экономика нужна России: анализ на основе системного моделирования» и др. Председатель Научного совета РАН «Проблемы комплексного развития промышленных предприятий». Награжден медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени. Лауреат премии РАН им. В. С. Немчинова.

² Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00151.

³ *Степин В. С.* Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее—2045. Конвергентные технологии и трансгуманистическая эволюция / под ред. Д. И. Дубровского. М., 2013. С. 10–25.

⁴ *Запесоцкий А. С.* Размышления на злобу дня. Статьи в «Комсомольской правде». СПб.: СПбГУП, 2015.

перечня явлений, оказывающих наиболее вероятное и значимое негативное воздействие на ситуацию в мировой политике и экономике. В ряде случаев делается попытка установить возможные связи. Так, в докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальные риски–2015» (“Global Risk Report–2015”)¹ на основании опроса около 900 экспертов за десятилетний период выделяются 28 глобальных рисков, которые сгруппированы по пяти категориям: экономика, окружающая среда, мировая политика (геополитика), общество и технологии.

На наш взгляд, такая группировка рисков возможна, но не полностью отвечает научным требованиям и требованиям прагматического характера. Мы предлагаем альтернативную структуризацию глобальных рисков и вызовов, основанную на системном описании сфер и результатов человеческой деятельности.

Многообразие природных, биологических, социальных и духовных явлений целесообразно исследовать, помещая эти явления в четырехмерное пространство, координаты которого соответствуют различным аспектам человеческой деятельности. Значимость каждого явления предлагается исследовать в следующих аспектах:

- онтологическом, то есть в его реальных проявлениях;
- идеологическом, то есть с точки зрения отражения его в мире идей, концепций, представлений;
- гносеологическом, через призму процессов познания материального мира;
- праксеологическом, то есть в аспекте его влияния на процессы созидания или преобразования окружающего мира.

Ассоциация рисков с одной из этих сфер дает возможность в ряде случаев более точно установить источник и факторы риска. Так, риски неадекватной оценки недвижимости, приведшие к финансовому кризису 2008 года, имели гносеологическую природу.

Отметим, что названные четыре сферы представляют четыре типа систем — соответственно объектный, средовой, процессный и проектный типы (см. типологию систем²). Виды человеческой деятельности здесь отражены с помощью двух процессов — познания и преобразования окружающего мира, а результаты этой деятельности сводятся к преобразованию «мира идей» (сферы идеологии) и «мира вещей» (сферы онтологии).

Такая система координат позволяет разбить глобальные риски на четыре категории: онтологические, идеологические (мировоззренческие), гносеологические (познавательные) и праксеологические. Можно говорить и о смешанных рисках, однако в большинстве случаев, используя информацию о происхождении и факторах реализации рисков, в каждом из них можно выделить доминирующую компоненту.

Взгляд на структуру глобальных рисков через «философский квадрат» «онтология–гносеология–идеоло-

гия–праксеология» позволяет сделать вывод о том, что пространство рисков современного мира носит многослойный характер, в котором онтологические риски занимают не столь значительное место, как это обычно представляется. Более опасны идеологические риски, обусловленные распространением ложных радикальных идей, гносеологические риски, связанные с формированием искаженных представлений о действительности, и праксеологические риски, источником которых служат те или иные фундаменталистские концепции о возможности и необходимости создания рая на Земле с помощью революционного преобразования мира. В этих условиях усилия мирового сообщества должны быть направлены на создание комплексной системы противодействия рискам с учетом ментально-эпистемологического источника их возникновения. Это предопределяет необходимость разработки и широкого обсуждения глобальной антирисковой стратегии.

В последние годы в социально-политическом дискурсе для обозначения возможных негативных явлений часто используется слово «вызов». По нашему мнению, это понятие уместно употреблять по отношению к тем рискам, за возникновением которых стоит тот или иной субъект, сознательно бросивший вызов (уже в прямом, а не в метафорическом смысле слова) тем или иным политическим силам или субъектам. В остальных случаях более адекватным является понятие «риск».

Теперь с учетом предложенной схемы рассмотрим смысл понятия «кризис», тесно связанного с понятием «риск». Глобальные риски, как мы видели, могут возникать в каждой из четырех сфер: онтологической, гносеологической, идеологической и праксеологической. Происходит это тогда, когда значимые и негативные для мирового сообщества явления возникают одновременно во всех сферах. Иными словами, кризис рассматривается как квинтэссенция рисков. Именно кризисы представляют наибольшую опасность для мирового сообщества.

Мы исходим из предположения, что кризисы возникают периодически, хотя временные промежутки между глобальными кризисами могут иметь различную длительность. В итоге динамику мирового сообщества можно представить как последовательность кризисных циклов, каждый из которых включает чередование стадий: предкризисный период — кризисный период — межкризисный период — посткризисный период. В каждом из этих периодов лидерство должно принадлежать стране, способной в наибольшей степени сократить длительность кризиса, смягчить его негативные последствия, продлить межкризисные и предкризисные стадии.

2. Субъекты международных отношений: ограниченное разнообразие

Стратегия рационального определения лидера в обществе государств опирается на классификацию стран в зависимости от их существенных особенностей, сохраняющихся в течение обозримого промежутка времени. Мировое сообщество включает более 250 государств, обладающих индивидуальными признаками географического, политического, экономического,

¹ http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risks_2015_Report15.pdf

² Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа развития современной экономической теории // Вопросы экономики. 2013. № 6. С. 4–28.

социального и исторического характера. Мы исходим из предположения, что такое разнообразие не является случайным и отражает закономерности прошлого и будущего развития мировой геополитической системы. Каждая страна выступает носителем особой миссии, внося свой оттенок в палитру развития человечества.

Если рассматривать мировое сообщество в системном ключе, то есть считать мировое социально-экономическое пространство системой, а входящие в него страны — подсистемами, то функционирование отдельных стран следует анализировать в контексте роли, которую играет каждая страна в поддержании устойчивости своего развития и системы мирового сообщества в целом. Основными явлениями, препятствующими этому, служат войны, приводящие к изменению границ между странами; революции, вызывающие резкую смену социально-экономических укладов; истощение ресурсов пресной воды, здоровой пищи, свежего воздуха, пригодной для жизни суши и т. п. Если суммировать все факторы, то можно сказать, что устойчивому развитию препятствуют резкие изменения как условий жизни при переходе от одного периода к другому, так и условий при перемещении из одной страны в другую. Таким образом, устойчивое развитие связано с обеспечением допустимого сочетания стабильности и волатильности (во временном аспекте), однородности и разнообразия (в пространственном аспекте).

Для понимания роли разных государств в обеспечении этих условий необходимо оценить вклад, вносимый конкретной страной в мировую динамику и мировое разнообразие.

При рассмотрении социально-экономических систем в пространственно-временном ракурсе могут быть выделены четыре группы (типа): системы проектного, объектного, процессного и средового типов¹. Системы проектного типа отличаются высокой активностью в плане как экспансии пространственного разнообразия, так и распространения волатильности (изменчивости) во времени. Такие системы могут быть отнесены к числу проактивных. Средовые системы, напротив, поглощают активность других систем, распределяя их энергию в пространстве и времени. Такие системы могут быть отнесены к реактивным. Оставшиеся два типа систем могут быть названы полуактивными, поскольку демонстрируют активность в одном из двух аспектов — пространственном или временном — и пассивность в другом. Объектные системы активны в изменении конфигурации пространства и сохраняют устойчивость во времени; процессные системы, наоборот, делают более однородным пространство и изменяют условия функционирования в разные промежутки времени. Основываясь на концепции Й. Шумпетера об инновационном характере экономического развития, указанные четыре группы систем можно определить как инновационные, имитационные, экспедиционные и стабилизационные.

Многие системы сочетают в себе черты различных базовых типов, однако обычно для каждой системы можно выделить один доминирующий признак.

¹ Клейнер Г. Б. Системный ресурс экономики // Вопросы экономики. 2011. № 1.

Страны как социально-экономические системы также могут быть классифицированы по этим признакам. Яркий пример проактивной страны — США. Примеры полуактивных стран — Япония (страна объектного типа) и Китай (страна процессного типа). Наконец, Россия по своему географическому положению, территории и истории развития может быть отнесена к числу имитационных стран (страна средового типа, способная за счет размеров своей территории и особенностей исторического развития абсорбировать различные инициативы других стран).

Названные государства являются лишь примерами соответствующих страновых групп. Исследование состава этих групп и определение на основе исторических, природно-географических, демографических и экономических данных принадлежности конкретной страны к числу проактивных, реактивных или полуактивных представляет собой отдельную задачу.

Таким образом, совокупность стран делится на четыре группы (возможны небольшие пересечения) в зависимости от исторически сложившихся особенностей, определяющих интенсивность и направленность внутренней и внешней политики. Разнообразие стран сведено нами к четырем группам:

— страны-инноваторы (страны проектного типа, генерирующие социально-экономические и политические новшества);

— страны-имитаторы (страны средового типа, принимающие и адаптирующие социально-экономические и политические новшества);

— страны-экспедиторы (страны процессного типа, распространяющие социально-экономические и политические новшества);

— страны-стабилизаторы (страны объектного типа, фильтрующие новшества и закрепляющие их в виде общественных норм и институтов).

Можно ожидать, что странами-инноваторами с большей вероятностью станут государства, испытывающие недостаток территориальных ресурсов и не располагающие достаточным временем для постепенной модернизации. Позиции стран-имитаторов займут государства с обширной территорией и неограниченным временем для развития. Страна-экспедитором и странами-стабилизаторами станут соответственно страны, географически и исторически вынужденные приспособляться к временным или территориальным ограничениям.

В настоящее время в международном сообществе отсутствуют структуры, объединяющие входящие в эти группы страны. Такие структуры отсутствуют не только на организационном, но и на ментальном уровне. Проактивные страны ориентированы скорее на конкуренцию, чем на кооперацию. Для имплементации принципов стратегического лидерства необходимо формирование структур, представляющих интересы проактивных, реактивных и полуактивных стран. Именно эти группы должны стать первичными претендентами на выдвижение своих представителей на лидерские позиции.

Иными словами, процедуру выдвижения лидера следует рассматривать как двухэтапную: сначала в за-

висимости от ситуации, в которой находится мировое сообщество, выдвигается в качестве лидирующей одна из четырех групп стран (инновационная, имитационная, экспедиционная или стабилизационная), а затем победившая группа выдвигает из своей среды государство-лидера. Возможны и иные комбинации указанных процессов, в том числе аналогичные двухпартийным выборам президента США.

В целом для преодоления или смягчения кризисных явлений на стратегическом уровне требуются выявление и консолидация страновых групп активности и создание соответствующих международных структур.

3. Жизненные циклы стран и страновых систем

Каждая социально-экономическая система в рамках своего *внутреннего жизненного цикла* проходит определенные стандартные стадии (фазы):

- обновление (реструктуризация, переформатирование);
- становление (в рамках цикла — восстановление);
- развитие (совершенствование в рамках сложившейся тенденции);
- зрелость (стадия завершения и наиболее полной реализации трендов).

Эти стадии повторяются в указанной последовательности, образуя цикл. Каждая из них имеет свою длительность, определение которой представляет самостоятельную задачу (в данной работе не рассматривается).

Наиболее контрастными в рамках цикла представляются стадии зрелости и обновления. На стадии зрелости обычно происходит укрупнение структурных единиц в стране, после чего на стадии обновления рост инновационных компонентов приводит к разукрупнению и появлению новых структурных образований.

Переход от зрелости к обновлению связан и с изменением ориентации движущих сил страны. Если на стадии обновления вектор этих сил направлен на изменение внутренней структуры, то на стадии зрелости он обращается главным образом во внешний мир. Именно эта стадия является наиболее перспективной в плане лидерства страны среди ее окружения.

4. Ролевые циклы в динамике страновых групп

Влияние устойчивых страновых групп активности на развитие мирового сообщества в контексте лидерства может принимать различные формы. Надо полагать, что движение такой группы, рассматриваемое с точки зрения взаимоотношений с другими группами, странами и мировым сообществом в целом, также носит циклический характер. Стадия лидерства неизбежно сменяется тремя другими стадиями, отражающими спектр отношений от поддержки до оппозиции и различающимися по характеру участия в развитии мирового сообщества. Таким образом, выделяются следующие ролевые функции страновых групп активности:

- *лидерство* (в лице страны-лидера группа обладает значимым влиянием на мировое сообщество);
- *оппозиция* (через наиболее влиятельного участника группа корректирует действия лидера);

— *нейтралитет*;

— *поддержка* (активное участие членов группы в направлениях, определяемых текущим лидером).

Чередование ролевых функций данной группы в указанной последовательности образует ее *ролевой цикл*. Стадия *лидерства* обычно заканчивается разочарованием общества и формированием критической позиции в отношении лидерской группы, что соответствует стадии *оппозиции*. Она сменяется снижением напряженности взаимоотношений и переходом на стадию *нейтралитета*. В результате сближения позиций группы и мирового сообщества в целом их взаимоотношения переходят на стадию *поддержки*.

5. Стратегия переключающегося лидерства

Формирование стратегии лидерства в мировом сообществе, согласно излагаемой концепции, основано на синхронизации кризисного цикла сообщества и ролевых циклов, консолидированных «активными» группами стран. Синхронизация осуществляется на основе следующих предпосылок:

1) доэволюционные циклы четырех консолидированных групп стран организуются таким образом, чтобы лидерство инновационной группы приходилось на кризисный период, стабилизационной — на посткризисный период, имитационной — на межкризисный период, экспедиционной — на предкризисный период;

2) каждая из четырех консолидированных страновых групп представляет собой своего рода социально-экономическую систему и в этом качестве проходит полный жизненный цикл развития, включающий последовательно стадии зрелости, обновления, становления и развития;

3) на каждой стадии мирового кризисного цикла ведущая роль принадлежит той группе стран, которая находится на стадии зрелости;

4) в период кризиса ведущая роль отдана инновационной группе; на посткризисной стадии лидирующая роль должна принадлежать стабилизационной группе, поскольку именно она определяет перспективы преодоления последствий кризиса; на межкризисной стадии лидерство переходит к имитационной группе, ориентированной на неограниченное пространственно-временное развитие; на предкризисной стадии лидирующие функции должны быть сконцентрированы в экспедиционной группе, способной распространить достижения межкризисной стадии на все доступное пространство.

Эти предпосылки обуславливают создание модели ролевых функций подсистем (см. табл.).

Мы видим, что полученная модель обладает свойствами симметрии. По горизонтали показано движение по кризисному, ролевому и жизненному циклам, по вертикали — движение на стадиях последних двух циклов.

При такой организации взаимодействия субъектов мирового сообщества динамика сообщества в целом синхронизируется с динамикой консолидированных страновых групп, а устойчивость мировой системы обеспечивается за счет координации движения всего сообщества стран, согласования циклов во времени (кризисный и жизненный циклы) и пространстве системных взаимодействий (ролевой цикл).

Таблица

Согласование кризисного цикла международного сообщества, жизненных и ролевых циклов, консолидированных страновыми группами

Консолидированные группы стран	Периоды развития мирового сообщества			
	кризисный	посткризисный	межкризисный	предкризисный
Консолидированная группа стран-инноваторов	Лидерство	Оппозиция	Нейтралитет	Поддержка
	Зрелость	Обновление	Становление	Развитие
Консолидированная группа стран-стабилизаторов	Поддержка	Лидерство	Оппозиция	Нейтралитет
	Развитие	Зрелость	Обновление	Становление
Консолидированная группа стран-имитаторов	Нейтралитет	Поддержка	Лидерство	Оппозиция
	Становление	Развитие	Зрелость	Обновление
Консолидированная группа стран-экспедиторов	Оппозиция	Нейтралитет	Поддержка	Лидерство
	Обновление	Становление	Развитие	Зрелость

Концепция переключающегося лидерства вкуче с синхронизацией ролевых циклов страновых групп обеспечивает не только наиболее эффективный ответ на глобальные вызовы, обусловленные кризисными явлениями, но и наиболее полное использование потенциала стран, объединенных в консолидированные группы. Тем самым национальные интересы координируются с групповыми интересами и интересами мирового сообщества в целом. Очевидно, предлагаемая концепция предполагает совершенно иной уровень организации мирового сообщества по сравнению с сегодняшним, однако явственные тенденции его повышения делают идеи управляемого переключающегося мирового лидерства перспективными.

нируются с групповыми интересами и интересами мирового сообщества в целом. Очевидно, предлагаемая концепция предполагает совершенно иной уровень организации мирового сообщества по сравнению с сегодняшним, однако явственные тенденции его повышения делают идеи управляемого переключающегося мирового лидерства перспективными.

Г. В. Колодко³

НЕ «ВАШИНГТОНСКИЙ» И НЕ «ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС», А НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ

Вначале о главном. В краткосрочной перспективе экспансия социально-рыночной экономики не стоит на повестке дня, поскольку должны быть решены более актуальные проблемы. Однако в долгосрочной перспективе мировая социально ориентированная рыночная экономика представляется единственным разумным вариантом развития человечества. Социально-рыночная модель подразумевает, что ядро экономической деятельности базируется на праве частной собственности, мотивируется стремлением максимизировать прибыль и в то же время проникнуто заботой о социальной сплоченности. Власть рынка должна использоваться для содействия удовлетворению нужд людей, а не просто для их эксплуатации. Поэтому социально-рыночная экономика не просто несовместима с неолиберализмом, который служит интересам меньшинства за счет большинства, — она противостоит ему.

Но не будем наивными. При численности населения 7 млрд человек и перспективе ее увеличения

до 9 млрд в течение 35 лет, многочисленных различиях и противоречиях, многообразии трудносовместимых целей и повесток мир никогда не будет похож на модель социально-рыночной экономики социально-демократических стран Скандинавии. Однако он может быть менее конфликтным и более прогрессивным при условии сбалансированного и устойчивого развития. В своей книге я пишу: «Невозможно сделать мир совершенным, однако стоит продолжать к этому стремиться»².

Что касается неолиберализма, который путает средства экономической политики с ее целями, то это рецепт катастрофы. Человечеству необходимо избавиться от этого ангажированного типа рыночной экономики. Нынешний кризис должен этому поспособствовать, и странно, что до сих пор этого не произошло.

Ведет ли «пекинский консенсус» к социально-рыночной экономике?

В какой мере «пекинский консенсус» отвечает критериям социально-рыночной системы? К сожалению, действующая в Китае институциональная система и стратегия развития не способствуют в необходимой мере созданию социально-рыночной экономики, хотя, казалось бы, должны. В основном это объясняется тем, что Китай слишком сильно ориентирован на рост. Подобная стратегия действительно обеспечивает ощу-

¹ Вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института «TIGER» (Transformation, Integration and Globalization Economic Research) Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор. Автор 49 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т. ч.: «Мир в движении: экономический бестселлер», «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

² Колодко Г. В. Мир в движении / пер. с пол. Ю. Чайникова. М.: Магистр, 2011.

тимый рост ВВП, но в то же время порождает новые проблемы, которые не решаются тем способом, которым должны решаться в социально-рыночной экономике. Важнейшей проблемой в связи с этим является высокое (и продолжающее расти, служа фактором дестабилизации) неравенство доходов. Такая ситуация неустойчива, с ней нельзя долго мириться. Или эта проблема будет решена политическими методами, потому что рынок работает в обратном направлении, или возникнет серьезный социальный конфликт.

Что касается так называемого «пекинского консенсуса», как он понимается на Западе, то китайская модель больше походит на государственный капитализм, чем на социально-рыночную экономику. Несомненно, для Китая, как и для всего мира, было бы гораздо лучше, чтобы эта великая страна развивалась постепенно, эволюционируя от первого ко второму. Но, конечно, не в сторону неоллиберализма. Таким образом, стратегия экономического развития не должна опираться ни на «пекинский консенсус», ни на уже разочаровавшийся «вашингтонский консенсус». Она должна балансировать между ними.

Другим развивающимся странам, которые в последнее время чаще именуются развивающимися рынками, следует поучиться у Китая, но им также надо обратить внимание на опыт таких разных стран, как Бразилия и Польша и даже Канада и Швеция, разумеется, с учетом всех местных специфических факторов. Изучение опыта других — это многоаспектный процесс.

Почему новый прагматизм?

Существует огромная потребность в новом прагматизме. Почему «новом»? Во-первых, необходимо принимать во внимание все специфические факторы, характерные для страны: географическое положение, местную культуру, наследие прошлого, ресурсы, существующие структуры и институты. Универсального рецепта точно не существует. Во-вторых, политика, направленная на создание лучшего будущего, подразумевает отказ от догматизма. Догматичная доминирующая экономическая наука устарела. Новый прагматизм указывает на необходимость применения различных подходов, будь то неокейнсианство или монетаризм, неинституциональная или бихевиористская экономика, экономика развития или ордолиберализм. В-третьих, он новый в силу того, что должен учитывать не только традиционную микро- и макроэкономику, но и новую мегаэкономику взаимозависимого глобального мира. Поэтому существует необходимость в прагматической координации политики в международном масштабе. Все больше вызовов не может быть разрешено ни на уровне национальной экономики, даже если речь идет о таких могущественных странах, как Китай или США, ни на региональном уровне, например в Европейском Союзе или Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В-четвертых, этот подход является новым потому, что он должен учитывать новое положение транснационального капитала по отношению к национальным государствам. Традиционного регулирования и вмешательства государства в экономику категорически недостаточно.

Иными словами, политика Китая в течение двух последних десятилетий была весьма прагматичной: многие проблемы решаются поэтапно, и страна удваивает ВВП примерно каждые семь лет. Напротив, экономическая политика США вряд ли является прагматичной, коль скоро она привела к такому масштабному кризису. Тем не менее никакая из этих политик не является «новым прагматизмом», поскольку «новый» подразумевает также «глобальный», или «всемирный». Предстоит еще проделать большой путь.

Институциональный вызов взаимозависимой глобальной экономики

Возникла самая сложная проблема: как справиться с конфликтом интересов в поистине планетарном масштабе? Это по-настоящему крупный вызов, но нам следует найти прагматический путь развития. Основным механизмом должны стать транснациональные переговоры и согласованная глобальная координация мер политического реагирования. Мое предложение — двигаться вперед, к более социально ориентированной мировой экономической системе, в рамках специфического треугольника долгосрочного развития. Необходимо принимать во внимание не только заданное экономическое равновесие (в торговле, финансах, инвестициях, миграции рабочей силы), но и социальный баланс (своего рода мировую социальную сплоченность) и экологическую устойчивость (особенно снижение эксплуатации невозобновляемых природных ресурсов).

Вершинами такого треугольника являются ценности, институты, политика. Политика должна измениться и стать более ответственной, на этот раз уже *ради мирового общественного блага*. Институты (в бихевиористском, а не организационном смысле) имеют критическое значение. Цивилизация будущего нуждается в новом институциональном порядке глобальной экономики, который представлял бы собой новый свод правил ведения экономической игры и международного регулирования многочисленных форм экономической деятельности, включая международные финансы, миграцию и охрану окружающей среды. Однако должны также измениться и ценности. Они очень разные в Китае и США, Польше и России, среди богатых и бедных. В ценностях будущего должен произойти переход от алчности и желания иметь как можно больше к альтруизму и стремлению быть как можно лучше.

G-194, G-20, G-2 или какая еще G?

Путь к лучшему будущему действительно долг. Мы находимся только в его начале, и нынешний кризис парадоксальным образом может сослужить нам хорошую службу, если только подтолкнет нас в верном направлении. Произойдет ли это? Пока неизвестно. Поэтому все сильнее ощущается потребность в интеллектуальном лидерстве на транснациональном, если не на глобальном уровне. Мы нуждаемся в новых формах политической координации. Иногда это может быть формат G-194 ООН, в каких-то случаях лучше, чтобы это была «Большая двадцатка», а в каких-то — «Большая двойка», то есть Китай и США, или «Чаймерика». Но этого недостаточно. Я возлагаю не-

которые надежды на дальнейший прогресс в сфере региональной интеграции. Мир будущего, вместо того чтобы быть разделенным почти на 200 национальных экономик, должен состоять из примерно дюжины региональных объединений и, конечно, Китая, потому что Китай настолько велик, что ему не надо вступать в региональные объединения с какими-либо другими странами, а лучше представлять только себя на мировой арене. Тогда будет легче осуществлять координацию политики в планетарном масштабе и в интересах человечества.

Когда я говорю о том, что неолиберализм стал последней большой утопией XX века, я имею в виду утопию с точки зрения сбалансированного, равноправного и устойчивого развития мировой экономики. Однако с точки зрения меньшинства, обогащающегося за счет большинства, это довольно прагматическая концепция. Достаточно сказать, что в США в 1979 году на долю 1 % самых богатых людей приходилось лишь 10 % ВВП (немалая часть), а в 2007-м, накануне кризиса, эта доля составляла уже 20 %.

Запад был потрясен стремительным развалом плановой социалистической экономики в 1989–1991 годах. Не было никаких разумных идей по поводу того, как справиться с проблемами, кроме так называемого «вашингтонского консенсуса», опиравшегося на неолиберальную идеологию и экономическую мысль. Поэтому они были не просто рекомендованы, а навязаны России и странам Восточной Европы в начале 1990-х. Последствия оказались катастрофическими и в России, и в Польше, где был шок без терапии. В моей родной стране, Польше, такая пагубная экономическая политика проводилась в 1989–1993 годах, и результатом стали много страданий и мало преимуществ. Страна потеряла 20 % ВВП в первые три года, а уровень безработицы повысился с нулевого до более чем 17 %, или 3 млн человек. Цена оказалась намного выше ожидаемой, а результаты — намного ниже, чем могли бы быть. Такие вот шоковые перегрузки. Ситуация начала меняться в 1994 году, когда я стал заместителем премьер-министра и министром финансов и ввел комплексную не dogматическую программу реформ и развития, извест-

ную как «Стратегия для Польши». Вскоре после этого Польша была названа «европейским тигром», реальный ВВП за 4 года вырос на 28 % в расчете на душу населения, безработица сократилась на треть, а инфляция — на две трети, и в 1996 году моя страна стала членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Это был «новый прагматизм», воплощенный в жизнь.

Как можно было так долго заблуждаться?

Как же это стало возможно, что мир, включая часть Восточной и Центральной Европы и даже мою страну, на какое-то время оказался сбит с толку вредоносным неолиберализмом? Просто существовали (и по-прежнему существуют) группы частных интересов, выигрывающие от политики быстрой (а значит, дешевой) приватизации, хаотичного дерегулирования и жесткой налоговой и денежно-кредитной политики, рекомендованной «вашингтонским консенсусом». Они были очень сильны, идеологически заряжены, мотивированы примитивным антикоммунизмом. Неолиберализм представляет собой не просто идеологию и политику. Это доктрина, догма, которая может ввести в заблуждение многих. Конечно, этому содействуют и средства массовой информации, чем некоторые из них и занимаются с большим удовольствием.

Почему ущербность этой идеологии и политики ускользала от внимания так долго, пока она не вызвала большой кризис вначале в США, а потом и в мировой экономике? Главным образом по причине постоянного лоббирования групп частных интересов, коррумпированности политиков и СМИ, а также поддержки со стороны части «академических» кругов. Они изо всех сил добиваются общественного одобрения проводимой политики, которая не служит общественным нуждам, а противоречит им. Однако многие экономисты и чиновники, аналитики и политики, лоббисты и журналисты не были введены в заблуждение и осознавали последствия применения ложной экономической теории. Некоторые из них просто лгали, делая это по поручению групп, преследующих свои интересы. В настоящее время это явление планетарного масштаба.

И. В. Кондаков¹

НАЦИОНАЛИЗМ КАК МНИМЫЙ ГЛОБАЛИТЕТ

Представляемая здесь культурологическая концепция национализма основана на трех фундаментальных понятиях современной философии культуры. Два из них — глобалитет и мнимость. Первое связано с представлениями о глобализационных процессах и глобализации; второе — с виртуализацией социокультурных реалий в мире современных медиа. Наконец, третье — идентичность, то есть вхождение личности или группы в определенную культурную общность, сознательная принадлежность к какому-то реальному или воображаемому сообществу. Национализм — одна из разновидностей идентичности, а именно — национальной идентичности. Последнее понятие находится в ряду таких ключевых понятий, как национальное самосознание, национальные интересы, национальная обезличенность, национальное подавление и космополитизм. В отличие от всех этих и близких им понятий, национализм характеризуется болезненной абсолютизацией национальной идентичности.

1. Начнем с глобалитета. Это понятие призвано обозначить степень причастности той или иной национальной культуры к мировому культурному наследию и глобальным интересам человечества. Глобалитет культуры выражается в ее мировом значении, всемирном влиянии и всемирной отзывчивости, то есть в различных способах ее включения в мировую культуру. Глобалитет исторически изменчив и избирателен; на протяжении истории национальной культуры он может заявить о себе единственный раз (как в Древнем Египте или Месопотамии), но может возвращаться несколько раз (как в Греции и Италии, Франции и России, Японии и Китае). Есть культуры, которые ни разу за свою историю не были отмечены глобалитетом, более того, они не имеют шансов в обозримое время приблизиться к мировой культуре как ее субъекты (таких культур — большинство) [1]. Соответственно, локальные культуры, в той или иной степени обладающие или обладавшие глобалитетом, представляют редкое исключение.

История глобалитетов и глобализационных процессов гораздо древнее, чем принято считать. Так, эллинистическая культура — один из самых ранних примеров глобализации в истории мировой культуры. К ним также относятся процессы распространения мировых религий — христианства, иудаизма, буддизма, позднее — ислама; идеологических течений и художественных систем (ренессанса, барокко, классицизма, про-

свещения, романтизма, реализма, символизма и т. п.). В более поздние времена возникают такие исторические разновидности глобализационных процессов, как капитализм и империализм, колонизация и европеизация, социализм и международное коммунистическое движение, фашизм и нацизм, иные формы тоталитаризма, радикализм и консерватизм, либерализм и неолиберализм и другие идейные течения, распространенные в различных странах и национальных культурах. Последние из упомянутых разновидностей глобализации, помимо культурных атрибутов, несут на себе сильно выраженную печать политизации и социально-экономических отношений, имеющих религиозно-мифологические, идейно-философские и культурные составляющие. Все это — примеры глобализационных процессов в истории культуры.

Однако любой глобалитет недолговечен: нередко подготавливаемые веками взлеты, воспринимаемые нациями эйфорически, внезапно сменяются падениями, которые переживаются трагически и длятся тоже нередко века, если не вечно. Например, Египет ни в один из последующих периодов своей многотысячелетней истории не смог вернуться к глобальному статусу цивилизации Древнего Египта. Греция, трижды пережившая подъем своего глобалитета — в классический период (V–IV вв. до н. э.), затем, по-новому, в эллинистическую эпоху (III в. до н. э. — II в. н. э.) и в отдельные периоды существования Византии, — после завоевания ее турками-османами так и не смогла не только возродиться в качестве мировой культуры, но и вернуться к самому факту существования как государства. Сегодняшняя Греция занимает низшее положение среди европейских стран и культур, причем не только в экономическом, но и в собственно культурном отношении. Напротив, Китай после высочайшего подъема своего глобалитета в эпохи Тан и Сун (китайский Ренессанс, глубоко проанализированный академиком Н. И. Конрадом), надолго выпал из процесса мирового исторического развития, а в XIX веке даже стал наглядным примером застоя, кризиса, векового сна цивилизации. Однако сегодня мы наблюдаем, как Китай уверенно выходит в первый ряд мировых держав почти по всем параметрам научно-технического, военного, экономического и социокультурного развития.

Можно сослаться на глобалитет русской культуры, который волнообразно поднимался в момент крещения Руси, в период Москвы — Третьего Рима (XVI в.), во время высочайшего расцвета русской классики XIX — начала XX века (Серебряный век) и в кульминационные моменты развития СССР (после победы во Второй мировой войне и в период «оттепели»). Но та же русская культура переживала и драматические спады — в период монгольского нашествия, в Смутное время, во время Первой мировой войны, революционного и страшной Гражданской войны, исподволь подготовившей Большой террор; наконец, в постсоветское время, после распада СССР, краха коммуни-

¹ Ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, профессор кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета, доктор философских наук. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч.: «Введение в историю русской культуры», «От Горького до Солженицына», «Культурология. XX век», «Классика в свете ее современной интерпретации» (в соавт.), «Контрапункт: две линии в развитии русской культуры: славянофилы и революционные демократы», «Генезис тоталитаризма в русской культуре» и др. Вице-президент Научно-образовательного культурологического общества России, заместитель председателя Экспертного совета ВАК РФ по философии, социологии и культурологии.

стической идеи и конца биполярного мира [2]. Каждый из четырех периодов падения российского глобалитета воспринимался населением и деятелями русской культуры трагически: то как «погибель Русской земли», то как «конец России (или СССР)» и всегда — как крушение национальных идеалов и надежд на будущее. Подобные ситуации переживались и другими культурами в эпохи исторических потрясений и разочарований: затухание Английской и Великой Французской революций в XVII и XVIII веках, Веймарская республика и Третий рейх после поражения Германии в Первой и Второй мировых войнах; милитаристская Япония после ядерных бомбардировок в 1945 году и др.

2. Мнимости в культуре. Как убедительно показал в свое время отец Павел Флоренский (в книге «Мнимости в геометрии»), мнимые категории существуют не только в математике, но и в философии, политике, искусстве, религии и др. Своеобразие мнимых явлений в области культуры заключается в том, что их существование оказывается кажимостью и не подтверждается взаимодействием с реальностью. В то же время кажущееся существование может представлять собой «след» от некогда реальных, но переставших быть феноменов, оставшихся лишь в культурной памяти, коллективном бессознательном. В других случаях, напротив, это лишь становящиеся, но так и не ставшие реальными предметы, существующие лишь в «модусе ожидания», — гипотетические и воображаемые. И в том и в другом случае мнимые феномены представляют собой «пустые формы», которые наполнены условными и неопределенными смыслами и нередко при поверхностном осмыслении кажутся содержательными.

Обсуждение проблем мнимости в различных сферах ведет к углублению представлений о реальности. Особую актуальность сегодня приобретает осмысление мнимостей в культуре, поскольку различить действительные и мнимые культурные ценности в современном мире и культурном наследии особенно трудно.

В культуре возможны мнимости различного порядка. Прежде всего культурными мнимостями следует считать никогда не существовавшие артефакты. Например, никогда не существовала «Велесова книга» как памятник древнерусской языческой словесности VI–VIII веков. Точно так же никогда не происходили события, реконструируемые с помощью «Новой хронологии» Фоменко и Носовского. Нет романов Достоевского «Атеист» и «Дети» (неосуществленные замыслы писателя), второго тома «Мертвых душ» Гоголя (сожженного автором), «Хазарского словаря» как исторического документа или научного труда (роман М. Павича). Это мнимости, так сказать, онтологические.

Подобные (но не тождественные) мнимости часто возникают в проблемном поле культуры в результате некритического отношения к источникам и антиисторизма исследователя, приписывающего деятелю культуры участие в событиях, к которым он не имел и не мог иметь отношения (пространственно, хронологически, по обстоятельствам, идейно и т. п.); знания информации, которым он не обладал; убеждения, которых у него не было, то есть изымающего его из его

культурно-исторического контекста и помещающего в иной, чуждый ему. Эти мнимости культуры можно назвать гносеологическими.

Третьего рода мнимости в культуре имеют место в процессе творчества. Создание инновативных ценностей и смыслов — непривычных, выламывающихся из принятой парадигмы как содержательно, так и формально, — вольно или невольно ставит эти смыслы и ценности в ряд не только актуальных значений культуры, но и потенциальных, невольно обрекая самые новые и новаторские произведения на почти неизбежное непризнание, подчас резкое и длительное. К сожалению, лишь время истории, причем довольно продолжительное, может подтвердить или опровергнуть статус мнимости этих смыслоценностей культуры. Мнимости в культуре, связанные с резким ценностно-смысловым «опережением» творцом своих реципиентов, можно назвать эвристическими.

Четвертый тип мнимостей в культуре, напротив, связан не с новаторством, а с проблемой эпигонства. Сколько ценностей культуры (прежде всего искусства, в меньшей степени — науки и философии), поначалу представлявшихся яркими и значительными, впоследствии оказались ничтожными, подражательными, вторичными, пустыми... Тем чаще авторы подобных произведений всеми силами старались добиться успеха и признания, не пренебрегая при этом самыми низкими и примитивными, но эффектными средствами. Современная массовая культура переполнена эпигонскими мнимостями во всех видах творчества, жанрах и стилях. Недолговечность их популярности, хрупкость успеха и противоречивость оценок в общественном мнении — характерный симптом мнимости этих явлений.

Пятый тип мнимостей относится к числу спекулятивных. Все разновидности рекламы и саморекламы, того, что сегодня называется пиаром, порождают эффект искусственного раздувания ценности, смысла и значения тех или иных культурных явлений, которые в результате кажутся крупнее и значительнее, нежели являются фактически. Цели манипуляций с общественным сознанием и потенциальной аудиторией могут быть различными. Чаще всего манипуляторы стремятся прежде всего к коммерческому успеху («раскрутка», рейтинг популярности и т. п.), далее — к агитационно-пропагандистскому (социальный, политический и другой имидж), психологическому. В любом случае мнимая ценность того или иного спекулятивного явления культуры предопределяется целенаправленным применением соответствующих манипулятивных технологий, а не свойствами самих явлений культуры, вокруг которых совершаются манипуляции. Спекулятивные мнимости, как «шлейф», сопровождают все четыре предшествующих типа мнимостей культуры, то усиливая, то ослабляя ценность каждой из них, создавая вокруг них особый «ореол».

Культурное наследие, взятое в целом, состоит из действительных и мнимых культурных ценностей, не только сосуществующих, но и тесно взаимосвязанных (таковы мифы). В процессе сохранения культурного наследия постоянно возникает вопрос, что явля-

ется действительным, а что мнимым; каковы критерии и принципы их различения и отделения одного от другого; «от какого наследства мы отказываемся» и почему; что в наследии нужно охранять и спасать, а что критиковать, изменять и уничтожать (например, в процессе выбора между руинированным оригиналом архитектурного памятника и новоделом; между научным открытием и журналистской сенсацией).

Культура всегда многослойна, составляющие ее пласты противоречиво и конфликтно соседствуют друг с другом. То и дело возникающие смысловые оппозиции приводят к поляризации культуры одновременно в нескольких измерениях (наука и религия, наука и искусство, философия и обыденное знание и т. п.). Один и тот же артефакт нередко принадлежит разным культурным пластам одновременно, и в одном отношении является положительным, в другом — отрицательным. Например, эстетически положительное одновременно может быть нравственно-отрицательным; коммерчески позитивное может нести в себе эстетически негативное; явление религиозной культуры может иметь самодовлеющее эстетическое содержание и т. д.

Всякая ценностно-смысловая напряженность подобного рода порождает мнимость культуры. Существует множество механизмов и информационных каналов, которые поддерживают или дезавуируют мнимости культуры, способствуют переводу мнимых ценностей в действительные и наоборот. Важное место в истории каждой национальной и всей мировой культуры занимает борьба между действительными и мнимыми явлениями.

3. В каком смысле можно говорить о «мнимом» глобалитете? Великий русский историк В. О. Ключевский в небольшой, но очень емкой заметке «Об интеллигенции» (1897) охарактеризовал «русского книжника XVI века», который «посредством логического скачка пришел к убеждению, <...> что завет отцов и дедов дает ответы на все вопросы, которые могут возникнуть среди потомков» [3, с. 302]. После падения Византии, «оставшись без учителя, русский книжник сам почувствовал себя в роли учителя, самодовольно осмотрелся кругом, и мир преобразился в его глазах» [3, с. 303].

«Что же оставалось книжного и ученого в этом книжнике и учителя, который так презирал книги и всю книжную ученость? <...> Самонадеянный грамотей-мастер, уверенный, что можно все понимать, ничего не зная <...> и самой характерной особенностью этого типа были гордость личная и национальная». Однако, замечал В. Ключевский, «этот разум Христов, то есть христианское разумение жизни, было не столько разумением, сколько притязанием на разумение» [3, с. 304]. «Так гордый русский интеллигент, — иронизировал Ключевский, — очутился в неловком положении: то, что знал он, оказалось ненужным, а что было нужно, того он не знал» [3, с. 307].

Возникшее в XVI веке самоощущение Москвы как Третьего Рима — в качестве преемницы Византии, централизованного и независимого государства, огромной по своей территории империи, последнего православного царства, сакрального своим избранничеством и вселенской миссией, — породило взлет русского гло-

балитета, переживаемого русской культурой того времени как недостижимое религиозное и политическое величие нации. Однако оставалось незамеченным отставание в научном и техническом, философском и литературном отношении, в военном деле, промышленности и торговле и даже богословии. Многое объясняется закрытостью Московского царства, непроницаемостью его культурных границ.

Ю. М. Лотман назвал эту эпоху «периодом самоизоляции» и «принципиальной монологичности культурной ориентации». В такие времена «создается равновесная структура с высоким уровнем энтропийности». «Субъективно периоды равновесных структур переживаются как эпохи величия (“Москва — Третий Рим”) и метаструктурно, в самоописаниях культуры, склонны отводить себе центральное место в культурном универсуме» [4, с. 127]. Собственно, состояние культуры в подобные эпохи и иллюстрирует понятие «мнимого глобалитета».

Речь идет о том, что глобалитет этой локальной культуры очевиден лишь с точки зрения ее национального самоутверждения, а при сопоставительном анализе культур, находящихся на разных стадиях исторического развития, нередко кажется национальным самообманом, утопическим величием нации, не подтвержденным соответствующими артефактами культуры. Налицо расхождение субъективных (изнутри национальной общности) и объективных (извне) оценок культуры, а подчас и их драматический конфликт. В результате противопоставления и столкновения объективной и субъективной оценок культуры и возникает мнимый глобалитет культуры, когда кажимость величия вступает в вопиющие противоречия с реалиями исторической действительности.

Как и почему это происходит, сумел показать академик Д. С. Лихачев в небольшой заметке о границах между культурами. Ученый отмечал два типа таких границ: один тип представляет собой «полосу общения» — ту «наиболее творческую сферу, где культуры не только обмениваются опытом, но и ведут диалог, по большей части обогащая друг друга» [5, с. 97]. Другой тип границ — гораздо более проблемный; его Лихачев называет «стеной разобщенности».

«Как область ожесточенного неприятия “другого”, граница может в редких случаях служить оформлению собственной самобытности, собственной оригинальности, но под опасностью существенных потерь в “живой силе” культуры. Противопоставляя себя “другому”, культура по большей части упрощает сама себя, выдвигает вперед знамена с символами и знаками своей индивидуальности, капсулируется в мифах о “национальном характере”, “национальных идеях”, “национальной предназначенности” и т. д. Потери велики, ибо все это бывает связано, особенно на закате культур, с повышенными самооценками, с развитием агрессивности в отношении “других” и в конечном счете внутри себя и против себя» [5, с. 97].

Если границы первого типа воспитывают самознание культур и формируют «зоны творчества», «зоны формирования культур», то границы второго типа создают «зону разобщения». В последнем случае грани-

ца, выступающая как «стена разобщенности», «консервирует культуру, омертвляет ее, придает ей жесткие и упрощенные формы. Упрощенные потому, что такие формы культуры позволяют ей легче обороняться. Жесткие потому, что в культуре растет стремление к сохранению за счет стремления к развитию». Границы этого типа становятся «границами охраны себя от соседних культур» [5, с. 98]. Отсутствие «добролюбивого отношения к “другому”» [5, с. 100], консервативный отказ от стремления к развитию, апологетика в отношении национального своеобразия и тому подобные тенденции ведут к формированию «закрытых» культур, тяготеющих к воинствующему самоутверждению за счет ограничения и подавления всех иных культур. В этих условиях и формируются различные версии национализма, объединенные конструкцией мнимого глобалитета, с его характерной асимметричной субъект-объектной структурой и выраженной центростремительностью.

Такие версии национализма теоретик раннего евразийства князь Н. С. Трубецкой называл «ложными». Во-первых, это националисты, для которых «самобытность национальной культуры их народа совершенно неважна. Они стремятся лишь к тому, чтобы их народ во что бы то ни стало получил государственную самостоятельность, чтобы он был признан “большими” народами, “великими” державами как полноправный член “семьи государственных народов” и в своем беге во всем походил именно на эти “большие народы”» [6, с. 121]. Во-вторых, это воинствующий шовинизм, «основанный на тщеславии и на отрицании равноценности народов и культур, словом — на эгоцентрическом самовозвеличании». «Здесь дело сводится к стремлению распространить язык и культуру своего народа на возможно большее число иноплеменников, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность» [6, с. 122]. В-третьих, это «тот вид культурного консерватизма, который искусственно отождествляет национальную самобытность с какими-нибудь уже созданными в прошлом культурными ценностями или формами быта и не допускает изменения их даже тогда, когда они явно перестали удовлетворительно воплощать в себе национальную психику» [6, с. 122].

Все три разновидности «ложного» национализма отличаются сильной политизацией — стремлением к чисто политическому самоутверждению, и даже третья из них представляет политическую спекуляцию с культурой, благодаря которой культурное прошлое выдается за настоящее и будущее.

4. В каких условиях складываются мнимые глобалитеты, с неумолимой последовательностью порождающие национализм, который нередко принимает резкие экстремистские и даже террористические формы? Прежде всего это касается тех наций и культур, которые на протяжении длительного времени испытывали различные формы исторической травмы (подавления и унижения — политического, этнического или национального, религиозного, культурного, языкового).

Так, Московская Русь XVI века, только что преодолевшая экономическую и политическую зависимость от монголов; религиозно-конфессиональную зависимость от Византии, точнее — Константинопольской патриархии; собственную удельную раздробленность, — была снизу доверху убеждена в своем всемирном величии, богоизбранности и святости («Святая Русь»). Ее «непризнанность» в этих качествах европейским Западом и нехристианским Востоком лишь подхлестывала национальные и государственные амбиции, а заметное отставание в научнотехнической и других областях заставляло считать подобные критерии всемирной значимости несущественными, непринципиальными, ложными.

Нечто похожее происходило в XIX веке с раздробленными Германией и Италией, которые обладали цельной высокоразвитой культурой, но долгое время не имели централизованной государственности и сплачивающей патриотической идеологии. Позднее, после завершения Первой мировой войны, в этих проблемных полях европейской культуры возникли соответственно нацизм и фашизм. На развалинах мировой колониальной системы в XX веке расцвели негритюд, латиноамериканская мифология, гандизм и множество других идеологий национально-патриотического и прямо националистического толка. В этом же ряду оказались и воинственно-религиозные идеологии фундаменталистского и радикалистского толка, также зараженные национализмом (например, исламизм).

Аберрации в осознании локальной культурой себя во всемирно-историческом контексте без достаточных ценностно-смысловых оснований — либо в соответствии лишь со своими политическими амбициями, либо по причине пережитой исторической травмы — порождают ее мнимый, во многом лишь воображаемый глобалитет.

Литература

1. Кондаков И. В. Глобалитет локальных культур (к постановке проблемы) / И. В. Кондаков // Традиционная культура. Научный альманах. — 2005. — № 2. — С. 60–70.
2. Кондаков И. В. Глобалитет России (к постановке проблемы) / И. В. Кондаков // Современные трансформации российской культуры / под ред. И. В. Кондакова. — М.: Наука, 2005. — С. 83–118.
3. Ключевский В. О. Об интеллигенции / В. О. Ключевский // Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. — М.: Наука, 1983. — С. 298–308.
4. Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 3 т. / Ю. М. Лотман. — Таллин: Александра, 1992. — Т. 1: Статьи о семиотике и типологии культуры. — С. 121–128.
5. Лихачев Д. С. Два типа границ между культурами / Д. С. Лихачев // Очерки по философии художественного творчества / Д. С. Лихачев. — СПб.: Русско-Балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1996. — С. 97–102.
6. Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме / Н. С. Трубецкой // История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. — М.: Прогресс-Универс, 1995. — С. 114–125.

В. А. Конев¹ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ЛИЧНЫЕ ОТВЕТЫ²

Мы привыкли к тому, что если речь заходит о глобальных вызовах современности, то отвечать на них должны нации, народы, государства, коалиции государств, говоря голосами своих лидеров и представителей.

А что делать простому смертному? Слушать ответ да слушаться?

Когда Арнольд Тойнби писал свои 12 томов «Постижения истории», выдвигая модель развития цивилизации на основе «вызова-и-ответа», он утверждал, что ответ мог быть только «делом рук творческих личностей или творческих меньшинств»³, ибо такова была история рассмотренных им цивилизаций от самой древности до середины XX века. Но современная цивилизация (во всяком случае та, которую мы называем западной) кардинально изменилась. Это изменение касается прежде всего положения индивида в обществе, культуре, истории, а тем самым и того субъекта, на которого ложится ответственность за ответы на вызовы эпохи.

Глобализация и общество потребления поставили современную цивилизацию перед лицом многих вызовов: экологического (глобальное потепление, сохранение биологического разнообразия и пр.), истощения минеральных ресурсов, терроризма, разрыва между богатыми и бедными нациями, сохранения/потери национальной самобытности и т. д. Эти многочисленные исторические вызовы не пришли извне, они явились порождением самой техногенной цивилизации (В. С. Степин). Но если эти вызовы — результат действия тех экономических, социальных, политических и культурных факторов, которые характеризуют современное общество, то ответ на них не может быть найден *внутри* структуры данного общества, *внутри* тенденций существующей техногенной цивилизации. Эти вызовы свидетельствуют о кризисе современного индустриально-потребительского общества и той культуры, которая его утверждает и поддерживает.

Президент Будапештского клуба «Созидательные пути человеческой эволюции» профессор Эрвин Ласло, характеризуя нерадостные параметры нынешнего пути развития общества, отмечает, что если мы не изменим направление развития, то человечество окажется на пути к глобальному, общепланетному распаду⁴.

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор 270 научных и учебных публикаций, в т. ч. книг: «Критика опыта сознания: Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского “Символ и сознание”», «Метрика пространства человеческого бытия», «Три постулата философии ценностей», «Человеческое измерение времени», «Время как материал социокультурной действительности», «Что такое Левиафан и где он таится?» и др.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 15-03-00181.

³ Тойнби А. Дж. Постижения истории : пер. с англ. М. : Прогресс, 1996. С. 213.

⁴ См.: Ласло Э. Предисловие. На пути к планетарному сознанию // Аршинов В. И., Лайтман М., Свирский Я. И. Сфирот познания. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. С. 11–12.

Время кардинального изменения направления развития, по мнению Э. Ласло, уже наступило, так как современное общество находится в процессе макродвига, который начинается тогда, когда система, достигнув пределов своей стабильности, инициирует бифуркацию и открывает эру трансформации⁵. Кризис механизмов развития техногенной и потребительски ориентированной цивилизации вынуждает общества и культуры искать иные средства развития и точки приложения сил истории.

Парадокс глобализации заключается в том, что она осуществилась (глобальная экономика, глобальная информационная система, глобальная инфраструктура, унификация образа жизни и т. п.) благодаря инициированию креативной деятельности человека. И научно-техническая революция середины XX века, и особенно продолжившая ее информационно-коммуникативная революция рубежа XX–XXI веков не только были результатом творческих усилий определенных личностей, чьи имена можно просто перечислить, но и высвободили продуктивную силу миллионов жителей планеты во всех ее регионах. Однако возникший благодаря творческой энергии человека глобальный мировой порядок продолжает считать общественной ценностью не самого человека, а только результат его продуктивной деятельности. В обществе потребления, в техногенной цивилизации ценностью и общественной значимостью обладает продукт, *постав* (М. Хайдеггер), то, что можно использовать, что отчуждается от человека, а не продуктивная сила личности, не та *causa efficiens*, без которой нет продукта и *поставы*. Но в ситуации макродвига, который ведет к кардинальному изменению направленности движения современной цивилизации, происходит перенос акцента общественной значимости и ценности с результата на его созидание. Креативность становится точкой приложения тех сил истории, которые могут вывести цивилизацию на новую историческую орбиту.

Вошедшее в 1990-е годы в русский язык через рекламу прилагательное «креативный» как преобразованная транслитерация с английского *creative* (творческий) ввело в наше представление новое понятие для определения продуктивной деятельности человека. Наряду с традиционным для отечественной культуры представлением о творчестве как деятельности исключительной, абсолютно свободной, подчиненной только личному таланту и гению («*Procul este, profane* (Прочь, непосвященные). ... Подите прочь — какое дело / Поэту мирному до вас!..»), появилось представление о творчестве, включенном в прагматику повседневности и подчиненном этой прагматике. Понятие креативности позволяет по-новому увидеть отношение творчества и среды, свободы и действительности, а тем самым по-новому оценить и место отдельного человека в истории.

⁵ Ласло Э. Макродвиг. К устойчивости мира курсом перемен. М. : Тайдекс Ко, 2004. С. 23.

Можно сказать, что мы начинаем жить в иной истории. Раньше человек работал на историю, которая была представлена как полис, Бог, капитал (корпорация), нация, коммунизм. Эти объективации истории определяли выбор и направление деяний человека. Теперь история начинает работать на человека, она вкладывает в него то, что накопилось и случилось. Перед индивидом открыто все богатство истории. Новые средства объективации культурных достижений, информационные технологии, дигитальные формы создают практически неограниченные (или, по крайней мере, огромные) возможности подключения к разнообразным множествам произведений и событий. С этими множествами и работает человек. Он использует все, что его окружает. Человек, как кочевник, проникает в любую область культурного или социального множества и продуцирует свое событие-произведение. Это произведение войдет во множество других как случай, как «бросок кости», как камень в воду, распуская круги волн. Какие это будут круги — не забота того, кто свершил событие-произведение.

Волноваться о судьбе множества — забота не *этого* человека. Тогда чья же это забота? Или чем должен быть озабочен человек? Человек освободился от опеки полиса, Бога, логики разума, коммуны. Он свободен. Он по ту сторону установок трансцендентного для него начала. И это достижение *той* истории, на которую он работал (он же работал ради свободы!) и которая закончилась (Гегель, Маркс, Фукуяма). Но тогда что он может и что должен делать с этой свободой? Слово *должен* — из *той* истории, которая уже закончилась. Человек не *должен* быть свободным, он *обречен* на свободу (Сартр). Значит, появляется новое отношение к свободе, отношение понимания и переживания самой свободы, осмысление того, что *значит* для человека свобода, что значит для него та новая ситуация, которая не требует долга, а предъявляет ему себя как открытая возможность действия — «Бери от жизни все!». Это ситуация *вызова свободы*.

К этому новому глобальному вызову современной эпохи, как к фокусу, сходятся все те вызовы, которые породили макросдвиг нашей цивилизации, а потому ответ на этот вызов становится ключом к разрешению и всех остальных. Ответ же на вызов свободы может дать только конкретный человек тогда, когда он обретает *опыт свободы*. В самом общем смысле опыт свободы приобретается тогда, когда человек рассматривает свои действия в отношении предела, преодоления границ как испытание своих возможностей и способностей. Свобода — это напряжение трансгрессии, способность видеть пределы, к которым устремлены и которыми заряжены твои действия.

Именно такой смысл свободы открывает креативность. В традиционном понимании творчества акцент ставился на спонтанности и свободе творческого акта, креативность же накладывает на творческий акт ограничения ситуацией. В этом случае продуктивный акт связан не просто с созданием произведения (то есть образованием уникального), а с созданием такого произведения, которое становится продуктом (то есть на-

целено на тиражирование, воспроизводство) и продуцирует изменение цивилизационного пространства (то есть пространства предметного и социального действия человека). Креативность как деятельность, направленная на производство нетривиального результата, не может не учитывать ограничения возможными обстоятельствами будущего функционирования результата. Именно поэтому здесь свободное действие (свобода) обнаруживает свою зависимость от будущего, от того, *что* оно порождает. Свобода как опыт предела несет в себе содержание как свое сдерживание.

Возвращаясь к ответам на вызовы современности, теперь хотелось бы сказать, что эффективный ответ на них может дать только креативная деятельность *каждого конкретного* индивида. Спрашивается, как действия конкретного человека могут повлиять на сокращение выброса парниковых газов, чтобы предотвратить потепление климата? Конечно, для этого требуются действия государств, корпораций, принятие международных соглашений и т. д. Но вряд ли эти соглашения будут успешно реализовываться, если не изменится экологическое поведение *каждого* человека, если каждый из нас не будет своим поведением создавать экологически чистое окружение вокруг себя. А это и есть креативное поведение. В конечном счете таким будет поведение и директора завода, и министра, и главы государства. Конечно, для разрешения конфликта богатых и бедных стран и регионов потребуются усилия и действия многих национальных и наднациональных институций, и это займет немало времени. Но и эта глобальная проблема не будет решена, если усилия каждого из нас не будут направлены на оптимизацию и эффективное исполнение своего дела, каким бы оно ни было, и если твой кругозор не будет ограничен только этим делом.

В современном состоянии европейская цивилизация (а именно она определяет сейчас всемирное развитие) не только обнаружила изъяны потребительского общества и безоглядной эксплуатации природы, но и создала условия и раскрыла возможности свободы человека. Теперь именно от способностей человека пользоваться этой свободой, принимать решения действовать определенным образом или воздерживаться от действия зависит дальнейшая история человечества. Личный ответ на глобальные вызовы современности — это равнодушное отношение к конкретному окружению. Не равнодушие, а стремление укрепить свои интересы и ценности так, чтобы они могли укорениться в истории, — вот главный ответ на вызовы истории. А это необходимо влечет за собой включение своей личной судьбы, своего личного пристрастия сразу к двум началам — к своей национальной (региональной) культуре, так как ценности и идеалы живут только в культурном пространстве, и к социоцивилизационным реалиям, так как любые результаты деяния живут только в цивилизационном пространстве.

Синергия, слияние свободного личного действия с ценностями национальной культуры и существующими возможностями цивилизации рождает новую историческую ситуацию после «конца истории».

А. Б. Куделин¹

НЕСТИЛИЗАЦИОННЫЕ ПОДРАЖАНИЯ В ВОСТОЧНЫХ ЛИТЕРАТУРАХ: ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Современный читатель, имеющий представление о литературе, как правило, на основании знакомства с творчеством писателей XIX–XX веков, будет, вероятно, немало удивлен тем разнообразием видов подражания и той значительной ролью, которую они играли в средневековых литературах Ближнего и Среднего Востока. Чувство замешательства, впрочем, долгие годы не оставляло и специалистов, медиевистов-литературоведов, поскольку и они в данном случае столкнулись со своеобразным явлением в истории мировой литературы — со специфическими средневековыми взаимоотношениями авторов оригиналов и авторов подражаний и, более того, зачастую с особым случаем средневекового диалога культур-«доноров» и культур-«реципиентов». Непривычность подобного диалога в глазах современных наблюдателей нередко не только приводила их к серьезным просчетам в оценках творчества отдельных участников литературного процесса, но и создавала предпосылки для искаженного восприятия результатов межкультурного диалога с соответствующими далекоидущими последствиями.

Приведем только один пример. Родоначальник узбекского литературного языка и узбекской литературы Алишер Навои (1441–1501) в свое время рассматривался в отечественном и мировом литературоведении как подражатель персидско-таджикских поэтов. Такова была позиция выдающегося российского ученого В. В. Бартольда: «В XV в. В Средней Азии, сначала в Самарканде, потом в Герате жил поэт Мир Али-Шир, сделавшийся классическим поэтом для всех мусульманских турок... но и в то время и потом турецкая литература оставалась переводной или подражательной... на всем пространстве от Китая до Балканского полуострова и Египта турецкие писатели находились под влиянием персидских образцов...»² Развитие науки показало несостоятельность данного подхода. В практическом, историко-литературном, плане этот вопрос, можно сказать, решен в конкретном сопоставительном анализе произведений Навои с произведениями предшественников, выявившем несомненный оригинальный характер его сочинений. Более того, открывшиеся новые факты подтвердили воздействие трудов Навои, большой интерес к ним за пределами тюркоязычного

мира³. Однако в теоретико-литературном, поэтологическом аспекте данный вопрос, по нашему мнению, нуждается в более основательном рассмотрении.

Прежний взгляд во многом основывался на том, что значительная часть произведений Алишера Навои была создана по методу *назира*, который обычно интерпретируется как *подражание*. В связи с этим актуальным до нашего времени остается вопрос об определении степени творческой свободы Навои в рамках данного метода. Попытаемся кратко охарактеризовать *назира* в историко-поэтологическом аспекте.

В качестве экскурса в тему представляется полезным обратиться к труду Д. С. Лихачева о поэтике древнерусской литературы. Рассматривая художественные средства данной литературы, ученый останавливается для демонстрации различия «стилистических средств Средневековья и стилистических средств Нового времени», как на одном из «наиболее типичных», на «нестилизационных подражаниях». Он проводит разграничение между явлениями «стилизация» и «подражание». Согласно Д. С. Лихачеву, «явления подражательности так же стары, как и литература, стилизации же появляются сравнительно поздно — с развитием индивидуальных писательских стилей и сопутствующим им ростом ощущения чужого стиля». Во времена Пушкина то, что называлось подражанием, «по существу было подражанием стилизационным» и несло «творческий характер». «Менее творческий, но все же творческий характер носят и стилизации, в которых форма и содержание оригинала не типизируются, а как бы продолжают, — пишет исследователь. — Так, например, восточные продолжатели Хафиза использовали и форму стихов Хафиза, и их общее содержание, лишь несколько его варьируя от произведения к произведению... Их авторы искренне не считали себя их «авторами», а надписывая их именем Хафиза, как бы... считали Хафиза не только вдохновителем этих стихов, но и своего рода автором. Поэтика этих стихов не отличается, по существу, от поэтики стихов Хафиза». И далее Д. С. Лихачев переходит к подражаниям, которые «не являются стилизациями» и носят «механический характер»; заимствуя «отдельные готовые элементы формы своего оригинала», «они не дополняют и не развивают оригинал творчески». Такие подражания Д. С. Лихачев называет «нестилизационными»⁴.

В нашем докладе речь пойдет о явлениях, отличных от перечисленных Д. С. Лихачевым, как творческих, так и нетворческих подражаниях, но само терминологическое словосочетание «нестилизационные подражания», на наш взгляд, очень удачно может быть

¹ Научный руководитель Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, член Президиума РАН, профессор кафедры арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук. Автор более 200 научных исследований, в т. ч. монографий: «Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XIII в.)», «Средневековая арабская поэтика (вторая половина VIII–XI в.)», «Арабская литература: поэтика, стилистика, типология, взаимосвязи». Председатель редакционного совета журнала «Восточная коллекция», редакционных коллегий книжных серий «Литературные памятники» и «Памятники письменности Востока» РАН. Член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. Лауреат премии РАН им. А. Н. Веселовского.

² Бартольд В. В. Мусульманский мир (первая публ.: Пг., 1922) // Бартольд В. В. Соч. : в 9 т. М., 1966. Т. VI. С. 245.

³ Неоспоримым свидетельством средневекового диалога культур могут служить, например, специализированные фарсиязычные словари к его сочинениям на тюрки, например: Боровков А. К. «Бада'и' ал-лугат»: словарь Тали' Имани Гератского к сочинениям Алишера Навои. М., 1961. Известны и другие подобные словари.

⁴ Подробнее см.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 209, 184–185.

применено к большому классу своеобразных литературных явлений, получивших широкое распространение на Ближнем и Среднем Востоке в Средние века. Им мы и воспользуемся при изложении рассматриваемой нами темы.

Прежде всего скажем несколько слов о наиболее распространенных терминах для обозначения подражаний на Ближнем и Среднем Востоке. К их числу средневековые теоретики литературы относили *джаваб* (букв. «ответ»), *татаббу'* (букв. «следование»), *назира* (букв. «подобие»), о котором шла речь выше, *истикбал* (букв. «выход для почетной встречи»), *таклид* («подражание»), *найрави* (букв. «ступание след в след»), *мукабила* (букв. «выход навстречу») и другие, в целом более десяти терминов. Однако наиболее употребительными из них были первые три. Содержание этих терминов в авторитетных трудах на арабском, персидском, тюркских языках и урду точно не определяется, соответственно нет полной ясности и относительно границ определяемых ими явлений. Впрочем, нас сейчас интересуют не тонкие дефиниции, а существо явления, его наиболее характерные и повторяющиеся в большинстве видов подражания признаки.

Если подражание пишется на лирическое произведение, то в нем обязательно должны быть повторены метр, рифма, *редиф* (если он имеется), чаще всего тема и какой-либо художественный прием (*газель*, *рубай*, *касыда*). При сочинении подражания повествовательного характера необходимо повторить поэтический размер, главные элементы фабулы, количество глав и тому подобное (*месневи*). По мнению Е. Э. Бертельса, условия подражания эпическому произведению оказываются даже труднее, чем в лирике. «Берясь за такое произведение, — пишет ученый, — поэт должен заполнить промежуток между заранее намеченными узловыми точками совершенно по-новому, ввести иную мотивировку действий своих героев, изменить их характер и психологию»¹. Подражания могут быть написаны не только на отдельное эпическое произведение, но и на их собрание. Наиболее известный случай — так называемая пятерница («Хамсе») Низами (ок. 1141–1209), имевшая многовековую традицию написания подражаний.

Подражания на Ближнем и Среднем Востоке часто писались на языке, отличном от языка оригинала (например, на тюркском в подражание произведению на персидском). Приведем для иллюстрации несколько примеров. Панегирист мусульманской Испании Ибн Даррадж ал-Касталли (958–1030) сочинил по заказу правителя ал-Мансура касыду в подражание известному произведению выдающегося поэта аббасидского периода Абу Нуваса (756–758 — ок. 815). Андалусский поэт повторяет рифму, размер и некоторые ведущие темы произведения своего предшественника. Однако, трактуя темы, затронутые Абу Нувасом, Ибн Даррадж, как правило, развивает их несколько подробнее. В итоге андалусец успешно справился со своей задачей и создал произведение, принесшее ему широчайшую известность «на Востоке и на Западе»².

¹ Бертельс Е. Э. Навои и литература Востока // Бертельс Е. С. Избранные труды. Навои и Джами. М., 1965. С. 435.

² Подробнее см.: Куделин А. Б. Классическая арабо-испанская поэзия (конец X — середина XII в.). М., 1973. С. 52–55.

Фарсиязычный поэт Исфакхана Камал ад-Дин Исмаил (ок. 1172(1173)–1237) создал уникальное произведение, в котором в 94 строках (бейтах) 102 раза повторяется слово *му* («волос»). Сверхзадача поэта, по мнению З. Н. Ворожейкиной, состояла в том, чтобы, «строгая многие десятки поэтических высказываний на основе одного и того же слова, искусно обыгрывая его в словообразованиях, идиомах и каламбурах», использовать «все смысловые “валентности” заданной лексемы»³. Касыда «волос», причисленная знатоками к высшим достижениям поэзии, вызвала поток подражаний. Однако ни одному из последователей (в том числе и выдающемуся поэту Салману Саваджи) не удалось создать произведение, которое отвечало бы всем требованиям, предъявлявшимся к *назира*⁴.

Индийский персоязычный поэт Фани Кашмири (ум. в 1670 г.) написал свою поэму «Хафт ахтар» («Семь звезд») как подражание «Хафт пейкар» («Семь красавиц») Низами. Сюжетная основа первоисточника изменена, в ней отсутствуют образы царя-охотника Бахрама Гура, красавиц-рассказчиц. Одновременно Фани Кашмири вводит в поэму семь самостоятельных рассказов и т. п. Известная самостоятельность подражания очевидно, вместе с тем и его зависимость от «Семи красавиц» не вызывает сомнений⁵.

Любопытно посмотреть, какое место занимало сочинение подражаний в творчестве авторов Ближнего и Среднего Востока, в литературном процессе этого обширного региона в целом. Известно, что поэт XIII века Сайф Фергани в подражание одной касыде и 81 газели великого Саади (Са'ди) (1184–1298) создал около ста касыд и газелей. Таким образом, получается, что седьмая часть его касыд и газелей написана как подражание Саади⁶. В собрании произведений Абу Исхака Ат'има (ум. в 1433 г.) 90 газелей являются подражаниями на сочинения 24 поэтов XIII — начала XV века, и, следовательно, лишь 10 его газелей являются «оригинальными»⁷.

Широкое распространение подражаний на газели известных авторов нашло свое отражение в создании антологических сборников «Рада'иф ал-аш'ар» («Разряды стихов»), составленных из подобных произведений. Если судить по антологии Фахри Хираги, созданной в 1523 году, в XV — первой половине XVI века чаще всего создавались подражания на газели Амира Хосрова Дихлави (1253–1325): на 48 газелей-оригиналов создано 308 подражаний; Саади (1184–1298) — соответственно 31 и 231; Джами (1414–1492) — 27 и 135; Хафиза (ум. в 1389 г.) — 23 и 125. Всего же в антологии Фахри 234 газелям-образцам соответствуют 1399 газелей-назира, принадлежащих 276 поэтам⁸.

³ Ворожейкина З. Н. Исфакханская школа поэтов и литературная жизнь Ирана в предмонгольское время. XII — начало XIII в. М., 1984. С. 64.

⁴ Там же. С. 64–65.

⁵ Алиев Г. Ю. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока. М., 1985. С. 9.

⁶ Афсахов А. Сайф Фергани. Душанбе, 1976. С. 85. Цит. по: Афсахзод А. Лирика Абд ар-Рахмана Джами. Проблемы текста и поэтики. М., 1988. С. 123.

⁷ Мирзоев А. Абу Исхак. Душанбе, 1971. С. 26 (см.: Афсахзод А. Указ. соч. С. 124).

⁸ Афсахзод А. Указ. соч. С. 130–131.

Подражания создавались на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении всего Средневековья, начиная с X века и вплоть до XX. Интерпретация их природы средневековыми и современными учеными представляет для нас большой интерес. Общим элементом для тех и других является представление о подражании как о своего рода соперничестве, состязании. Из современных ученых впервые подобную точку зрения высказал, по-видимому, Х. А. Р. Гибб в конце прошлого века¹. Суть ее сводится к тому, что подражатель рассматривается не как бездумный копист предшественника, а как его соперник. И это при том непренном условии, что объектом для подражания должны были становиться не рядовые, заурядные произведения, а превосходные, образцовые в том или ином отношении газели, касыды, месневи, сборники поэм и т. п. Удачным подражание считалось лишь в том случае, если его автор смог превзойти предшественника в воплощении определенных элементов содержания или формы. Задача эта была необычайно трудной, и далеко не все подражатели оказывались на высоте.

Так, средневековый филолог пишет об одном из шедевров арабо-испанской лирики — касыде «Нунийа» Ибн Зайдуна (1003–1071): «И эта касыда в своей совокупности несравненна, подражали ей многие, но оказались не в состоянии превзойти ее»². Джамии писал об одном из поэтов: «Случилось так, что никто, как это требовалось, не справился с “ответом” на его известную касыду...»³ В другом источнике находим: «Знаатоки поэзии составили немало “ответов” на эту газель, но ни один из них не превзошел ее»⁴. Однако история литературы Ближнего и Среднего Востока знает, разумеется, и немало случаев, когда подражание превосходило образец⁵. Как бы то ни было, важно подчеркнуть, что сочинять подражания отваживался лишь автор, уверенный в своих силах, обладавший авторитетом в литературных кругах. Здесь будет достаточно сказать, что подражания на поэмы Низами писали такие выдающиеся авторы, как Амир Хосров Дехлеви, Алишер Навои, Джамии, Физули.

Большинство современных исследователей склонны рассматривать подражания как своего рода *соперничество, состязание*. В чем же состояла цель подобного соперничества? Бытует мнение, что подражание было действенным инструментом литературной борьбы между придворными поэтами, пытавшимися доказать свое превосходство над соперниками. Задача Алишера Навои, как видится Е. Э. Бертельсу, состояла, в частности, в том, чтобы создать такие произведения, которые «могли бы выдержать конкуренцию и обратили бы в бегство своего противника». *Назира* была идеальной формой для решения этой задачи, поскольку ставила соперничавших авторов в равные условия: «Читатель-знарок, беря в руки произведение, написанное на уже давно известную тему... видел, как ту же самую задачу, решение которой известно, решали по-новому и, может

быть, более изящным и оригинальным способом»⁶. Известны случаи, когда поэты проверяли мастерство друг друга или новичка с помощью *назира*, либо устраивали нечто вроде поэтического состязания, в котором все участники должны были написать «ответ» на одно и то же стихотворение. Таким образом, по формулировке А. Мирзоева, измерял «силу своего таланта талантом других поэтов»⁷.

Такой взгляд на подражание во многом оправдывается средневековой литературной практикой. Однако он не полностью раскрывает природу указанного соперничества. Обратимся в связи с этим к факту, который, по словам Е. Э. Бертельса, до известной степени раскрывает технику поэзии XV века. Венценосный автор Султан-Хусайн, написав газель, «пишет еще две газели с той же рифмой и с тем же редифом. Иначе говоря, он как бы пишет “ответ” (назира) на свои же собственные стихи»⁸. Подобный пример соперничества с самим собой был, по-видимому, относительно редок, но к нему, несомненно, примыкает более распространенное явление. Уже упоминавшийся поэт Сайф Фергани, написавший «ответы» на 81 газель Саади, 9 газелей своего великого современника удостоил двумя «ответами»⁹. В этом случае автор вступает в соперничество не только с предшественником, но и с самим собой.

Последние примеры говорят о том, что подражание не всегда было нацелено на то, чтобы «обратить в бегство своего противника». Можно даже сказать еще определеннее. Нормой для подражания является «мирное сосуществование» автора образца и авторов-подражателей, соперничавших с ним. Турецкий поэт Азери (ум. в 1585 г.) в поэме «Накш-и хайал» («Узоры воображения»), написанной как *назира* к «Махзан ал-асрар» («Сокровищница тайн») Низами, в следующих словах пишет о своих предшественниках-«соперниках»:

Предводитель всего этого каравана (поэтов),
Владыка страны познания и таланта...
Низами, отмеченный печатью красноречия...
Сочинил совершенную поэму «Махзан ал-асрар»...
За ним последовал Хосров...
И его «Хамсе» стало озаряющим мир светочем...
И сочинил он книгу «Восхождение светил».
После него раздался глас Джамии...
Теперь во владениях Рума живут красноречивые поэты,
И есть среди них великие мастера.
И каждый из них создал по одной поэме,
И написал ее в манере назире...¹⁰

Из данного отрывка вовсе не следует, что турецкий поэт хотел «побить своих соперников их же оружием, а для этого нельзя было выходить за пределы намеченного ими круга тем»¹¹. Вряд ли Алишер Навои, к которому относится последняя цитата из Е. Э. Бертельса, подражая «Хамсе» Низами, хотел «побить» своего великого предшественника. И тем не менее он вступал с ним в диалог, отношения спора и соперничества, при-

¹ См.: Афсахзод А. Указ. соч. С. 120.

² Куделин А. Б. Указ. соч. С. 54–55.

³ Афсахзод А. Указ. соч. С. 122.

⁴ Там же. С. 122.

⁵ Алиев Г. Ю. Указ. соч. С. 10.

⁶ Бертельс Е. Э. Указ. соч. С. 435.

⁷ Афсахзод А. Указ. соч. С. 120.

⁸ Бертельс Е. Э. Указ. соч. С. 61.

⁹ Афсахзод А. Указ. соч. С. 123.

¹⁰ Перевод цит. по: Алиев Г. Ю. Указ. соч. С. 10–11.

¹¹ Бертельс Е. Э. Указ. соч. С. 436.

знавая и подчеркивая генетические связи своего произведения с произведением Низами.

Представление о *соперничестве* (даже трактуемое весьма широко) как об основе подражания не объясняет всех странностей этой формы творчества для современного исследователя. Вернемся к фразе о том, что касыда «Нунийя» Ибн Зайдуна несравненна, «*подражали* ей многие, но оказались не в состоянии превзойти ее». Если сохранить в ней средневековое существо дела, но наполнить ее именами и названиями из мировой литературы XIX–XX веков, она зазвучит как нонсенс: «В подражание “Милому другу” Ги де Мопассана писатель О. написал “Милого друга”, но оказался не в состоянии превзойти предшественника». Не спасает положение и широко употребляемое сегодня понятие «творческое подражание» (вместо «подражание»), которое ставит акцент на обязательности внесения изменений в оригинал при составлении «ответа» на него. Современного читателя и исследователя здесь должно удивлять некорректное уравнивание в правах автора оригинала и автора подражания, а проще говоря, по нынешним представлениям, автора и его эпигона. Между тем такое уравнивание было совершенно обычным для средневековых писателей, читателей и ученых. В этом случае мы, несомненно, имеем дело со специфическими представлениями об авторской оригинальности в средневековой литературе Ближнего и Среднего Востока.

Подробнее других на данной стороне подражания остановился Е. Э. Бертельс. Многие его суждения и сегодня, по прошествии нескольких десятилетий, заслуживают пристального внимания. Ученый считает неверным называть авторов *назира* подражателями, ибо это свидетельствует об антиисторическом подходе и непонимании специфики литературы феодального общества, стремлении «мерить все явления прошлого на свой аршин». В этом обществе выбор тем был крайне ограничен «узостью интересов, замкнутостью жизни, медленностью самого ее темпа». По этой причине авторы, даже имевшие возможность обновить тематику (было бы просто нелепо, например, сомневаться в том, что Навои при желании мог бы ввести в литературу новую тематику), не стремились выходить за пределы намеченной традицией круга тем. Узость тематики при интенсивной литературной жизни привела к «чрезвычайной чувствительности к культуре слова» и разработке представлений, близких к концепции «искусства для искусства», поскольку «часто целью произведения был лишь показ мастерства в обработке хорошо известного сюжета». Вместе с тем было бы неверно полагать, что при таком взгляде на литературу значительно уменьшается ее общественная ценность, поскольку «талантливый писатель и в этих трудных, сковывающих полет его мысли условиях сумеет воздействовать на мысли и чувства читателя и раскрыть перед ним новые, ему доколе неизвестные стороны человеческой души»¹.

Суждения Е. Э. Бертельса о «трудных, сковывающих полет... мысли условиях», в которых средневековый автор создавал свои *назира*, были данью теоретико-литературным представлениям определен-

ной эпохи и сегодня нуждаются в корректировке. Средневековые литературы Востока и Запада отличаются ярко выраженным традиционализмом, обуславливающим специфику их художественной системы. Подражания типа *назира* были распространены не только на Ближнем и Среднем Востоке. В сборниках вагантов встречаются многочисленные произведения, разрабатывающие сходные мотивы и образы. Каждое такое произведение было результатом не переделок, а «подражания, это не “порча текста”, а творческое соревнование», — настаивает М. Л. Гаспаров². Разные виды подражания в средневековой литературе объединялись общей нацеленностью на творческое отношение к первоисточнику, на *соперничество* и *соревнование* с ним.

Понятие *состязания* было одним из центральных для системы средневековой литературы. Оно зиждилось на внеисторизме (аисторизме) традиционалистского художественного сознания. Произведения древнерусской литературы «жили многими столетиями», «в письменности было “одновременно”, а вернее вне-временно все, что написано сейчас или в прошлом», — говорит Д. С. Лихачев³. Аисторизм выражался в «снятии» хронологической дистанции при сопоставлениях: временной интервал в пятьсот и даже тысячу лет не смущал ученых, оценивавших результаты «состязания», не учитывалась принадлежность сопоставлявшихся авторов не только разным эпохам, но и разным литературам и культурам.

Непрерывным условием *состязания* в средневековую эпоху было твердое убеждение авторов «соперников» в единственности и неизменности во времени (сколь бы продолжительным оно ни было) самой цели, к которой они стремились. Идея абсолюта, недостижимого жанрового или стилистического канона, создавала базу для корректных сопоставлений. Оригинальный автор, создавший первое произведение на какую-либо тему, рассматривался всеми как человек, совершивший необходимый шаг к единой для всех цели. Оригинальный автор, в средневековом представлении, лишь «опередил» соперников в соревновании, «обогнал» на пути к объективно данной, предвечной, единой и обязательной для всех авторов цели.

Такое понимание оригинала, образца придавало ему две важные особенности. Во-первых, в глазах средневековых ученых он не мог быть совершенным, ибо истолкование предвечного положительно не могло быть исчерпывающим и окончательным. Во-вторых, оригинал в принципе не мог быть обнесен оградой собственности, ибо он был общей ценностью, являясь пусть первым, но все же одним из необходимых для всех шагов на пути постижения абсолюта.

Эти особенности определили характер отношения к произведению-образцу в литературной практике. Ни один образец не квалифицировался средневековыми учеными и авторами как раз и навсегда установленное лучшее достижение на пути к абсолюту. Последователи чувствовали себя обязанными совершенствовать «первооткрытие», чтобы еще дальше продвигаться по пути к абсолюту.

² Гаспаров М. Л. Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М., 1975. С. 471–472.

³ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 20, 94–95.

¹ Бертельс Е. Э. Указ. соч. С. 435–436.

Таким образом, отношение к образцам было двойственным. Как достижение на пути к абсолюту, они требовали от последователей своего воспроизведения. Как плод человеческого разума, они не могли быть адекватным воплощением абсолюта и в принципе должны были обладать рядом несовершенств. Поэтому следование им не только допускало, но и предполагало одновременное изменение унаследованных образцов с целью дальнейшего приближения к абсолюту. И именно поэтому *назира* нельзя квалифицировать как подражание, а авторов *назира* называть подражателями, копиистами и тем более эпигонами. Варьирование образцов в подражаниях последователей приобретало, таким образом, особый смысл, а индивидуальное и коллективное диалектически связывались между собой в цепи бесконечных взаимопревращений на пути безграничного совершенствования.

Рассмотрение проблемы *назира* в историко-поэтологическом аспекте дает возможность вернуться к вопросу, поставленному в начале нашего доклада. Идущая в отечественной науке от Д. С. Лихачева линия интерпретации поэтики как «системы всего мировоззрения и мироповедения», как «системы идеологически реагирующей на мир формы»¹ создает, как мы стремились показать, предпосылки для верного истолкования *действительных подражаний* в качестве одного из существенных инструментов межкультурного диалога в Средние века. Заложенные в лихачевском подходе потенциальные возможности культурологических обобщений позволяют подняться от поэтологической интерпретации отдельного явления до выводов более высокого уровня, вплоть до значительных обобщений на уровне оценки итогов средневекового диалога культур и литератур.

Мислав Кукоч²

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время глобализация является одним из самых широко распространенных культурных, экономических и политических явлений, которое в значительной степени предопределило дискурс гуманитарных и социальных наук в начале III тысячелетия, когда наблюдается конец старого и рождение нового, еще не определенного мироустройства.

После падения коммунизма старый двуполярный мир столкновения идеологий и противостояния двух систем в экономическом, политическом, социальном и военном отношении, то есть эпоха холодной войны, канул в Лету. Нарождающаяся эпоха вначале была определена (в негативном смысле) посредством различных «пост-измов»: *постмодернизма, или постмодерна; постиндустриализма, или постиндустриально-го общества; посткапитализма, постисторизма, или конца истории, посткоммунизма* и т. д.

Однако негативные коннотации приставки *пост-* служат характерной приметой, указывающей на кризис идентичности новой эпохи — периода, последовавшего вслед за окончанием четко определенного сегмента исторической реальности, отличительные черты и определяющие факторы которого еще не приобрели ясных очертаний.

Теория кризиса идентичности не является специфичной для нашего времени прежде всего потому, что она, как примета данной эпохи, красной нитью прохо-

дит через весь XX век, начиная с философии Эдмунда Гуссерля («Кризис европейских наук»). Общая критика нынешних «пост-измов» может быть обращена ко всем историческим феноменам такого рода, всем историческим эпохам, которые пытаются определить себя преждевременно, до момента своего расцвета и осуществления своей цели. Как пишет Г. В. Ф. Гегель в предисловии к «Философии права», «философия в качестве мысли о мире появляется лишь после того, как действительность закончила процесс своего формирования и достигла своего завершения <...> Сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»³.

Процесс глобализации уже управляет миром различными способами и окончательно предопределил структуру новой эпохи. Поэтому *сова Минервы не должна сохранять неподвижность*.

Парадигма глобализации, как представляется, получила всеобщее признание в качестве фундаментальной приметы новой, зарождающейся современной эпохи, нового этапа философии истории. Некоторые авторы полагают, что глобализация представляет собой не столько всеобъемлющий процесс трансформации, сколько процесс перехода к глобальному обществу или начала новой глобальной эры.

В этом смысле глобализация идентифицируется и определяется как *явление, лишенное ценности, объективная данность сегодняшнего дня*, сложный феномен с положительными и отрицательными сторонами, характеристиками и последствиями. Таким образом, глобализация — это сложный и противоречивый процесс формирования целостного мира путем создания глобальных институциональных структур и глобальных культурных форм, то есть форм, которые были

¹ Лихачев Д. С. Отзыв на работу С. С. Аверинцева «Ранне-византийская поэтика» // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 352.

² Старший научный сотрудник Института социальных наук им. Иво Пилара (Сплит, Хорватия), профессор, доктор. Автор более 100 научных работ и 5 монографий. Президент Совета по международному сотрудничеству Хорватского философского общества, вице-президент Хорватского общества биотехники, президент Научного комитета международной конференции «Философия и глобализация».

³ Hegel G. W. F. The Philosophy of Right. Kitchener: Batoche Books, 2001. P. 20.

произведены или трансформированы на глобальном уровне доступными средствами. Она обнаруживает себя в следующем: а) *свободная рыночная унификация мировой экономики* с едиными схемами производства и потребления; б) *демократическая интеграция мира* на основе общих интересов человечества, таких как равенство, защита прав человека, верховенство закона, плюрализм, мир и безопасность; в) *моральная интеграция мира* вокруг ряда центральных гуманистических ценностей, важных для устойчивого развития человечества¹.

Глобализм — родственное понятие, которое также часто используется как синоним глобализации. Однако в то время как понятие «глобализация» обозначает объективный феномен, лишенный ценности, глобализм имеет принципиально другие коннотации, выражая субъективную, волюнтаристскую и идеологическую точку зрения (как и многие другие *-измы*), и воссоздает доктрину и идеологию, которые отстаивают принципы взаимозависимости и единства всего мира, всех наций и государств в противовес национальному и государственному партикуляризму. В отличие от родственных понятий «*космополитизм*» (акцентирует внимание на культурной идентичности человека мира) и «*интернационализм*» (продвигает идеологию революционного братства между народами), идея *глобализма* базируется на постнациональной экономической, информационной и межкультурной планетарной взаимозависимости².

Проглобалистское понимание уравнило глобализацию с *вестернизацией* или *модернизацией*, особенно в американизированной форме³. Согласно этой идее, глобализация служит движущей силой, благодаря которой социальные структуры современности (капитализм, рационализм, индустриализм, бюрократизм и т. д.) распространяются по всему миру, разрушая прежде существовавшие культуры. Глобализация в этом смысле описывается как важнейший инструмент обеспечения продолжающегося доминирования Запада над остальным миром, как *гиперкапитализм*, как империализм “McDonald’s”, Голливуда и CNN⁴, а также как неокOLONИализм⁵. С этих позиций некоторые алармисты предположили, что сейчас миром правят глобальные корпорации⁶. Многие из этих критиков обвиняют международные агентства наподобие *Всемирного банка* и *Всемирной торговой организации*, обвиняя их

в узурпации власти, отнятой у государств и местных правительств⁷.

Глобализация закрепила (если не усилила) неравенство в отношениях между странами⁸. В этом смысле глобализация является постколониальным империализмом, который не только возобновил и усилил эксплуатацию Юга Севером, но и включил бывшие коммунистические страны в число жертв. Для бедных стран глобализация, скорее всего, означает постоянные финансовые и сопутствующие экономические кризисы, обнищание в результате структурных преобразований, навязанных *Международным валютным фондом* и *Всемирным банком*, дальнейшее подчинение в вопросах международной торговли, экологические проблемы без экономических преимуществ и культурный империализм в сфере глобальных коммуникаций⁹. Глобализация расстроила надежды и ожидания того, что деколонизация предоставит Югу равные возможности и право на самоопределение в международных делах.

Неолиберализм приобрел доминирующее положение в качестве преобладающей политической концепции в эпоху современной глобализации. Действительно, данный подход активно обслуживает могущественные интересы, особенно интересы доминирующих в современном мире классов и стран. Что касается многосторонних институтов, то такие агентства, как МВФ, ВТО и ОЭСР, последовательно связывают глобализацию с либерализацией. Лидеры неолиберальной глобализации в большом количестве представлены в коммерческих кругах, особенно на финансовых рынках и среди руководящего состава транснациональных компаний. Бизнес-ассоциации, например Международная организация работодателей (МОП) и Всемирный экономический форум, также стали оплотами неолиберализма. Средства массовой информации, основные деловые газеты вроде “The Wall Street Journal” и “Financial Times” поддерживают неолиберальный политический курс.

С учетом масштабного удерживания центров власти неолиберализм часто рассматривается как политический догматизм, связанный с глобализацией. И действительно, в последние годы неолиберальные идеи получили широкое, не подвергаемое сомнению признание в качестве разумных¹⁰.

Однако современная глобализация породила межкультурную напряженность и конфликты. Она обусловила рост транснациональных культурных и религиозных связей, особенно в универсальных религиях. В то же время укрепление религиозной коллективной идентичности зачастую в некоторой степени служит защитной реакцией на глобализацию. В этом смысле религиозное обновление перерождается в своего рода надтерриториальный культурный протекционизм. Однако современная глобализация различными способами

¹ Spajić-Vrkaš V., Kukoč M., Bašić S. Interdisciplinarni rječnik: Obrazovanje za ljudska prava i demokraciju (Interdisciplinary Dictionary: Education for Human Rights and Democracy). Zagreb : Croatian Commission for UNESCO, 2001. P. 178.

² Ibid. P. 179.

³ Spybey T. Globalization and World Society. Cambridge : Polity Press, 1996 ; Taylor P. J. Izations of the World: Americanization, Modernization and Globalization // Demystifying Globalization / C. Hay, D. Marsh (eds.). Basingstoke : Macmillan, 2000. P. 49–70.

⁴ Schiller H. I. Not Yet the Post-Imperialist Era // Critical Studies in Mass Communication. 1991. Vol. 8, № 1. P. 13–28.

⁵ Khor M. Adress to the International Forum on Globalization // New York City. 1995. Nov.

⁶ Barnett R. J., Cavanagh J. Global Dreams: Imperial Corporations and the New World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1994 ; Korten D. C. When Corporations Rule the World. West Hartford : Kumarian Press, 1995 ; Berger J. The Threat of Globalism // Race & Class. 1999. № 2–3 (40).

⁷ George S., Sabelli F. Faith and Credit: the World Bank’s Secular Empire. Boulder : Westview, 1994.

⁸ Inequality, Globalization, and World Politics / A. Hurrell, N. Woods (eds.). Oxford : Oxford University Press, 1999.

⁹ Globalization and the South / C. Thomas, P. Wilkin (eds.). Basingstoke : Macmillan, 1997.

¹⁰ Scholte J. A. Globalization: a critical introduction. N. Y. : Palgrave, 2000. P. 29, 35, 40, 242.

ми и путями поощряла религиозный ривайвализм. Религиозный ривайвализм восстал против современного секуляризма в контексте столкновения цивилизаций. Некоторые теоретики глобализации, в том числе Шольт (J. A. Scholte)¹, отмечают, что цивилизационная парадигма — маргинальная, одна из многочисленных манифестаций глобализации в сфере культуры и религии. Однако в противовес этому, если мы будем рассматривать глобализм как идеологическое сопровождение и движущую силу широко распространенной глобализации, то сможем описать глобализацию, более точно определяемую в рамках неолиберального глобализма всего лишь как инструмент (пусть и наиболее эффективный), используемый Западом для удержания своих господствующих позиций в продолжающемся столкновении цивилизаций.

Важнейшим положением в парадигме столкновения цивилизаций является то, что фундаментальный источник современного глобального конфликта имеет преимущественно не идеологические или экономические, а культурные основания. Цивилизационный фактор приобретает возрастающее значение в глобализованном мире по нескольким причинам. Наиболее важная из них — религия. Различия между цивилизациями не только реальные, но и основополагающие. Они коренятся в «истории, языке, культуре, традициях и, что важнее всего, в религии. <...> Они куда более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами»². Религия, как центральный элемент цивилизационной идентичности, находится в процессе глобального возрождения. Это возрождение подобно «десекуляризации мира»³, которая, по Хантингтону⁴, проникла на все континенты, в каждую цивилизацию и практически в каждую страну; Жиль Кепель⁵ в связи с этим говорит о «реванше Бога» (*“la Revanche de Dieu”*).

В середине XX века проглобалистское общество и интеллектуальные элиты предположили, что экономическая и социальная модернизация ведет к отмиранию религии как значимого элемента человеческого существования. Приверженцы модернизации и секуляризации были удовлетворены тем, в какой мере наука, рационализм и просвещение вытесняют предрассудки, мифы, иррациональность и ритуалы, которые формировали ядро существующих религий. Нарождающееся общество будет толерантным, рациональным, прагматичным, прогрессивным, гуманистическим и светским.

Экономическая и социальная модернизация обрела глобальный размах, в то же время ей сопутствовало глобальное религиозное возрождение. Однако это возрождение — «реванш Бога» — охватило не весь мир, а лишь некоторые незападные цивилизации. Запад,

особенно Европа, под влиянием либерализма и рационализма в духе Просвещения и секуляризма не принял такого рода религиозную экспансию, так что ривайвелистский антирационализм в европейском обществе стал тенденцией, подхваченной меньшинством, даже в христианских сообществах. С другой стороны, иначе дело обстоит в сообществах иммигрантов, принадлежащих к неевропейским цивилизациям и нехристианским конфессиям, особенно к исламу. Новый религиозный подход обрел формы, провозгласив своей целью уже не адаптацию к светским ценностям, а восстановление сакральных основ устройства общества путем его изменения, если понадобится. Выраженный различными способами, данный подход настаивает на отходе от модернизма и глобализма, которые не оправдали себя по причине отказа от Бога. Целью стала уже не модернизация ислама, а «исламизация модерна»⁶.

Имеет место глобальная экспансия религиозного возрождения. Во времена стремительных социальных перемен самоидентичность нуждается в переопределении, должны создаваться новые идентичности. Люди сталкиваются с потребностью ответить на вопросы: «Кто я такой? В чем мое предназначение?». Религия дает человеку убедительные ответы на эти вопросы, чувство идентичности и направление в жизни. В этом процессе люди вновь открывают для себя или создают новые исторические идентичности. Какие бы универсалистские цели они ни преследовали, религии создают идентичность, устанавливая базовое различие между верующими и неверующими, вышестоящими консолидированными и нижестоящими разобщенными группами⁷. Глобальное религиозное возрождение — это реакция против секуляризма, морального релятивизма и потворства своим желаниям, это повторное утверждение ценностей порядка, дисциплины, труда, взаимопомощи и человеческой солидарности. Нарушение порядка и принципов гражданского общества приводит к жертвам, которые используют религиозные, как правило фундаменталистские, группы.

Ученые, исследующие религиозную ситуацию, сложившуюся в Западной и Восточной Европе, обсуждают тот же феномен — более высокий уровень секуляризации и ослабление религиозности после падения коммунизма. Наконец, несмотря на протесты со стороны иерархов христианской церкви, в предлагаемой Конституции Европейского Союза не содержится упоминания о религии, то есть о христианстве, как духовной и культурной основе европейской идентичности. Однако в западных цивилизациях глобализация с ее важнейшими последствиями (либерализм, рационализм, секуляризм, сциентизм и т. д.) вытеснила религиозное возрождение. Хотя в Европе распространяются новые многочисленные формы духовности в духе New Age («Новый век», «Новая эра»), провозглашенная Кепелем «вторая евангелизация Европы»⁸ кажется переоцененной и необоснованной.

¹ Scholte J. A. Op. cit. P. 22–24, 176–177.

² Huntington S. P. The Clash of Civilizations?: The Debate, with responses by F. Ajami [et al.]. N. Y. : A Foreign Affairs Reader, 1993. P. 25.

³ Weigel G. Religion and Peace: An Argument Complexified // Washington Quarterly. 1991. № 14 (Spring). P. 27.

⁴ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y. : Simon & Schuster, 1996. P. 95–96.

⁵ Képele G. Revenge of God: The Resurgence of Islam, Christianity and Judaism in the Modern World. University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 1994. P. 2.

⁶ Képele G. Op. cit. P. 2 ; Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 96.

⁷ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 97 ; Al-Turabi H. The Islamic Awakening's Second Wave // New Perspectives Quarterly. 1992. № 9 (Summer). P. 52–55.

⁸ Képele G. Op. cit. P. 2.

Все политические идеологии XX века — *анархизм, коммунизм, марксизм, корпоративизм, социализм, социальная демократия, либерализм, консерватизм, национализм, национал-социализм, фашизм, христианская демократия* и другие — являются продуктами западной цивилизации. Никакая другая цивилизация не породила значимой политической идеологии. Однако Запад не создал ни одной основной религии. Все основные мировые религии — *иудаизм, христианство, ислам, индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм и синтоизм* — являются продуктами незападных цивилизаций¹. Очевидно, культура и религия стали важными инструментами сопротивления западному доминированию, используемыми незападными цивилизациями, особенно исламом, для отказа от западных идеологий, в том числе от новой идеологии неолиберального глобализма.

Как следствие, движения за религиозное возрождение являются антисекулярными, антиуниверсалистскими, антиглобалистскими и (за исключением редких христианских проявлений) антизападными. «Очищенному» исламу в современную эпоху предстоит сыграть роль, сопоставимую с ролью протестантской этики в истории Запада, как она теоретически показана Максом Вебером². Куда в большей степени, чем идеология неолиберального глобализма, религия дает смысл и направление нарождающимся элитам в обществах, переживающих модернизацию. Больше, чем что-либо другое, повторное утверждение ислама означает отказ от европейского и американского влияния на местные общества, политику и мораль. В этом смысле возрождение незападных религий служит наиболее мощным проявлением антизападничества в незападных обществах.

В настоящее время Запад пытается сохранить свое доминирующее положение в мире посредством глобализации. В предпринимаемых усилиях Запада можно выделить три аспекта: 1) сохранение военного превосходства за счет политики нераспространения и защиты от распространения ядерного оружия; 2) продвижение западных моральных и политических ценностей в качестве универсальных, принуждая другие общества уважать права человека, как они понимаются на Западе, и принимать западную демократию; 3) отстаивание культурного, социального и этнического единства западных обществ, ограничивая потоки незападных иммигрантов и беженцев. На всех этих направлениях Запад столкнулся с трудностями. Во-первых, представители незападных обществ не рассматривают права человека и демократию в качестве универсальных ценностей, которые послужили источником западной гегемонии. Во-вторых, в том, что касается этих ценностей, лицемерие и двойные стандарты являются постоянными атрибутами западного поведения, то есть имеет место расхождение между принципами и действиями: Запад продвигает демократию, но только если она не приводит к власти исламских фундаменталистов;

настаивает на нераспространении ядерного оружия применительно к Ирану, но не к Израилю; требует соблюдения прав человека в Северной Корее, но не в Саудовской Аравии³.

На силу ожесточенности конфликта между исламом и христианством в тот или иной временной период оказывали влияние демографический рост и спад, развитие экономической конъюнктуры, технологические изменения и степень религиозных убеждений. Сопоставимый комплекс факторов усилил конфликт между исламом и Западом в начале XXI века. Рост исламского населения вызвал увеличение количества безработных и недовольных своей жизнью молодых людей, которые стали наемниками в исламистских группировках и мигрировали на Запад. В последнее время наблюдается их миграция с Запада в Сирию для присоединения к «Исламскому государству». В то же время огромное количество мигрантов и беженцев перемещается в Западную Европу из ближневосточной зоны военных конфликтов.

Одновременные усилия Запада по универсализации своих ценностей и институтов, поддержанию собственного военного и экономического превосходства, вмешательству в конфликты в мусульманском мире порождают мощное сопротивление среди мусульман. Падение коммунизма ниспровергло общего врага Запада и ислама, в результате чего последние стали видеть главную угрозу друг в друге. Наконец, и в мусульманском, и в западных обществах резко снизилась толерантность к другим (после 11 сентября 2001 г. и в последнее время после террористических атак на европейские общества, в том числе во Франции, Германии, Нидерландах, Скандинавских странах и т. д.).

Современная культура, основанная на конфликтах, должна уступить место межкультурному диалогу, в ходе которого могут произойти переопределение и трансформация глобализации, формирование более человеческого облика глобализации. Глобализация неолиберальной экономики должна сопровождаться нормативным (социально-политическим и моральным) требованием *глобализации ответственности* в целях защиты общего будущего человечества и общего блага (от чистой питьевой воды до незагрязненной окружающей среды и озонового слоя, от богатого биологического разнообразия до богатого культурного многообразия)⁴. Более того, социальные «капканы», которые расставляются действующей идеологией неолиберального глобализма, продвигаемой корпорациями и навязываемой диктатом свободного рынка, должны стать очевидными, особенно сегодня, во времена глобального политического и экономического кризиса. Нынешний глобальный кризис актуализирует предложения о радикальной трансформации глобализации в том, что касается придания ей человечности.

³ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. P. 183–206.

⁴ Lenk H. Perspectives and Dimension of Globalization — With Special Regard to IT, Science and Economics // Interim World Philosophy Congress. New Delhi, 2006.

¹ Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.

² Weber M. The Protestant Ethics and The Spirit of Capitalism. N. Y. : Penguin Books, 2002.

Некоторые теоретики¹ говорят о глобальном надтерриториальном кейнсианстве и прогрессивном перераспределении мировых благ согласно так называемому налогу Тобина, об аннулировании долгов и переориентации международных финансовых институтов на обеспечение внутреннего экономического роста и полной занятости вместо роста, подстегиваемого экспортом.

Межкультурная глобализация этических и религиозных аспектов жизни, в частности взглядов на гума-

нитарные цели, права человека, международную глобализацию ответственности, обуславливает использование своего рода прикладной философии и этики в глобальных межкультурных реалиях. Особая этическая глобализация требует выверенного и тонкого межкультурного философского анализа, призванного содействовать тому, чтобы избежать покровительствующего давления путем навязывания моральных ценностей одной культуры другой.

В. А. Лекторский²

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И КРИЗИС КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сегодня международный терроризм стал одной из главных опасностей, с которыми столкнулось человечество. Речь идет о самом существовании западной культуры, вызове ее коренным ценностям. А если принять во внимание ту роль, которую эта культура играла в мире на протяжении последних столетий, то приходится признать, что эта проблема касается будущего мироустройства в целом. Конечно, терроризм возник не сегодня. На протяжении XIX и XX веков в Западной Европе и России появлялись и исчезали различные террористические организации. Ряд исследователей считает возможным говорить о государственном терроризме в СССР в сталинские годы и в Германии при Гитлере. Но современный международный терроризм имеет специфические особенности. Это феномен, подобного которому не было в истории.

Кажется, что он появился в последние годы совершенно внезапно и необъяснимо. Между тем он имеет

¹ *Hauchler I.* Weltordnungspolitik — Chance oder Utopie? Thesen an Steuerbarkeit globaler Entwicklung // *Globale Trends. Fakten, Analysen, Prognosen* / I. Hauchler (ed.). Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1995. S. 10–32 ; *Küng H.* A Global Ethic for Global Politics and Economics. L. : SCM Press, 1997 ; *Rupert M.* Ideologies of Globalization: Contending visions of a New World Order. L. ; N. Y. : Routledge, 2000 ; *Schulte J. A.* Op. cit. ; и др.

² Академик РАН, заведующий сектором теории познания Института философии РАН, заведующий кафедрой эпистемологии и логики философского Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), академик РАО, доктор философских наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия в современной культуре», «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре», «Философия в контексте культуры», «Философия, познание, культура», «Наука глазами гуманитария» (в соавт.), «Познание и сознание в междисциплинарной перспективе» в двух частях (ред.), «Проблема сознания в междисциплинарной перспективе» (ред.) и др. Главный редактор и один из авторов книжной серии из 21 книги «Философия России второй половины XX в.». Председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии», член редколлегии журналов «Эпистемология и философия науки», «Личность. Культура. Общество». Член Международного института философии (Франция), иностранный член Центра философии науки Питтсбургского университета (США), член Международной академии философии науки (Бельгия). Почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук, почетный член Национальной академии наук Республики Казахстан. Награжден орденом «Знак Почета», орденом М. В. Ломоносова, медалями им. Г. И. Челпанова I степени, Института философии РАН «За вклад в философию», «В память 850-летия Москвы».

глубокие корни. Существует точка зрения, согласно которой эти корни восходят к различию культур и лежащих в их основе религиозных верований. В соответствии с этим столкновение разных культур (в частности, западной и исламской) было неизбежно и рано или поздно должно было вызвать их вооруженное противостояние. Ведь, как известно, каждая культура предполагает деление людей на «своих» и «чужих», и поэтому в определенных условиях, когда она видит угрозу собственному существованию, защищает себя вооруженным путем. Думаю, однако, что это рассуждение не объясняет современный феномен, о котором я говорю. Ведь серьезнейшие столкновения западноевропейской и исламской цивилизаций имели место в прошлом, на протяжении столетий между ними шли жесточайшие войны. Но международный терроризм сегодня — это нечто другое, хотя в основном он связывает себя с исламом (так называемое «Исламское государство» на Ближнем Востоке, террористы в Европе).

Этот терроризм, конечно, связан с культурными различиями. Но его глубинные корни в другом — в особенностях современного мирового развития и тех кризисных явлениях (как социальных, так и культурных), которыми это развитие сопровождается. Я имею в виду процесс глобализации, который включает создание всемирного рынка, мировой коммуникационной системы, повсеместное распространение массовой культуры. Глобализация в том виде, в котором она развивалась до недавнего времени (Киссинджер называл ее американизацией, а другие авторы — вестернизацией), неизбежно приводила к вытеснению национальных культур, процессу культурной гомогенизации. Другое ее следствие — создание всемирного информационного общества, в котором возможность индивидуальной и коллективной самоидентификаций оказывается под вопросом. Высокий темп обновления знаний, характерный для информационного общества, влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации. Многие социальные процессы становятся чем-то эфемерным, существующим относительно небольшое время.

Интеграция прошлого и будущего в единую цепь событий, образующая индивидуальную биографию

и лежащая в основе личности, оказывается в некоторых случаях непростым делом. Любое рациональное действие предполагает не только учет его возможных последствий, но и соотнесение выбранных средств с существующими в обществе нормами поведения, коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, представлениями действующего субъекта о самом себе, своей биографии, принятых на себя в прошлом обязательствах, принадлежности к той или иной коллективной общности, то есть с тем, что называется индивидуальной идентичностью.

Между тем современный западный мир переживает кризис индивидуальной идентичности. Начинается кризис и ряда коллективных идентичностей, который связан с разрушением многих привычных норм, трудностью интеграции прошлого и будущего, разных коммуникационных потоков и разных систем социальных взаимодействий на индивидуальном уровне. Появляется все больше индивидов, характеризующихся полиидентичностью (или размытой идентичностью), сознание которых оказывается фрагментированным и которые не могут ответить на вопрос, кем они являются («Кто я такой?»). Это уже не человек в привычном смысле слова, так как важнейшее условие нормальной человеческой жизнедеятельности — существование единства сознания, как синхронного, так и диахронного. Но именно это единство сегодня находится под вопросом.

Это особенно актуально для молодых людей, которые родились в Западной Европе, но чьи родители приехали из других стран, особенно из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Кто они — европейцы (французы, бельгийцы, немцы) или арабы? Мусульмане, христиане или атеисты? Идеальная ситуация — если бы они смогли сформировать некую сложную

идентичность, в которой органически совмещались бы ценности разных культур (своеобразная поликультурная личность). Но это предполагает не только их собственные усилия, но и определенные шаги по их интеграции со стороны тех европейских стран, в которых они родились. А этого не происходит. Провозглашенная в Европе политика мультикультурализма не привела к настоящему диалогу культур, а на практике означала создание своеобразных анклавов — культурных гетто. В этих условиях пропаганда ислама в его воинствующей интерпретации попала на благодатную почву. Некоторые молодые люди не только находят таким образом свою идентичность, но и принимают террор как способ мести той цивилизации, которая (в их представлении) не принимает их.

Важно подчеркнуть, что современный международный терроризм — не просто внешняя реакция на глобализацию в том виде, в котором она происходила до сих пор. Он — порождение этой глобализации, не только потому, что его лидеры в большинстве своем воспитаны в странах Запада, используют технологии, созданные на Западе, включая информационные. Сам международный терроризм становится глобальным явлением и пытается навязать миру собственный вариант глобализации.

Таким образом, международный терроризм можно рассматривать как результат проблем, вызванных процессом глобализации в той уродливой форме, которую он принял в рамках развития мирового капитализма и потребительского общества. Безусловно, без силового противостояния терроризму с ним не справиться. Но нужно думать об уничтожении его корней, что связано с пересмотром ценностей цивилизационного развития.

А. Г. Лисицын-Светланов¹

БЕЛЫЕ ПЯТНА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Белые пятна в международном праве — это отношения, возникающие в результате изменений полити-

¹ Директор Института государства и права РАН, академик РАН, заведующий кафедрой публичного и частного права Государственного академического университета гуманитарных наук, доктор юридических наук, профессор. Автор свыше 100 научных работ, в т. ч.: «Порядок рассмотрения споров в связи с охраной и передачей прав на изобретения, ноу-хау и товарные знаки», «Арбитраж при осуществлении промышленного и научно-технического сотрудничества», «Правовые вопросы научно-технической и производственной кооперации», «Международная передача технологий: правовое регулирование» (в соавт.), «Законодательство США», «Международное частное право: современные проблемы» (в соавт.), «Правовое регулирование иностранных инвестиций в России», «Международное частное право: современная практика» (в соавт.), «Международный гражданский процесс: современные тенденции», «Права человека и современное государственно-правовое развитие», «Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу РФ» (в соавт.), «Новые вызовы и международное право», «Роль права в модернизации экономики России (на примере нефтегазового сектора)». Председатель редакционного совета журнала «Государство и право» и редколлегии «Трудов Института государства и права РАН». Член бюро Отделения общественных наук РАН. Награжден орденами Дружбы, Леопольда II (Бельгия) и преподобного Сергия Радонежского.

ческой карты мира, общественной жизни, порождаемые научно-техническим прогрессом, а также процессами, происходящими в природе. Эти процессы могут носить и объективный характер и возникать при воздействии человека, но так или иначе они требуют правового урегулирования.

Поскольку международное право есть продукт суверенных государств, инструмент, обеспечивающий их взаимодействие, оно во многом является отражением потребностей и характера такого взаимодействия. Если обратиться к мировой истории, то видно, что, возникнув как регулятор межгосударственных отношений, оно развивается с учетом их насущных потребностей. На первом этапе, когда созидательные отношения не имели достаточной материальной базы, а сила рассматривалась как основное средство обеспечения собственных интересов, на первое место выдвигалась проблема правил ведения войны и послевоенных отношений, то есть дипломатическое право. Этот этап, занявший несколько столетий, сформировал право «войны и мира».

XX век, испытав две мировые войны, продемонстрировал, что человечество достигло такого уровня как технических достижений, так и нравственного падения, когда даже победа в войне становится пирровой победой, поскольку плата за нее исчисляется не объемом репараций, территориальным господством или утверждением каких-либо идей, а миллионами смертей и побежденных, и победителей. Более того, военные достижения дали возможность сделать войну краткой и летальной для всего человечества. Может быть, именно поэтому в послевоенные годы сложилось новое международное право — право мирного сосуществования государств, запретившее оружие массового уничтожения и провозгласившее Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Эти принципы стали императивными нормами международного права. Принципами *jus cogens*.

Новейшая история отвела праву мирного сосуществования полвека. Венцом его стало окончание холодной войны. Кризис 1998 года ознаменовал собой начало новой эпохи в международных отношениях. Сложившаяся ситуация в мировой экономике дала толчок для серьезных изменений в международных отношениях. Однако было бы упрощением сводить современные проблемы международных отношений только к кризисным явлениям, а вопросы международного порядка идентифицировать с международным экономическим правом.

Происходящие изменения по своему характеру можно квалифицировать следующим образом:

— события и явления, принципиально новые и требующие самостоятельных подходов к их правовому решению;

— имеющие первооснову или тесную связь с известными явлениями и отношениями, но объективно нуждающиеся в самостоятельном регулировании;

— отношения и явления, возникающие вопреки действующему правопорядку и требующие сотрудничества государств в международно-правовом поле для недопущения их перерастания в зону (плоскость) жесткого противостояния, а возможно, и конфликтов.

Вряд ли можно сразу назвать весь массив международных отношений, где образовались белые пятна в международном праве, равно как и перечень его источников, способных восполнить соответствующие пробелы или скорректировать существующее регулирование. Попробуем определить некоторые, дабы положить начало исследованию.

В связи с этим встает вопрос: что нового создало человечество, требующего иных подходов к правовому регулированию, включая международно-правовое? Приобретение человечеством новых знаний о материальном мире побуждает людей, общество, государства реагировать на эти знания. Например, открытие новых земель в XVI веке или освоение космоса в XX веке создали такие отрасли международного права, как международное морское и международное космическое право. Бесспорно, этот перечень научных достижений может быть расширен. Вместе с тем человечество

генерирует не только естественно-научные достижения, но и идеи, формирующие условия общественной жизни и эволюцию национальных правопорядков, что со временем находит отражение и в международно-правовом регулировании. Этот процесс не столь ярко проявлялся на ранних стадиях формирования международного права, однако приобрел программное значение и остроту в правоприменительной плоскости во второй половине XX века. Доминирующую роль здесь следует отвести идеям защиты прав человека и формам защиты этих прав.

Отдавая должное мировому сообществу, создавшему международно-правовую базу для опосредования широчайших сфер международной жизни, нельзя не замечать и не реагировать на новые феномены, требующие новых правовых взглядов и подходов к решению.

При всем их многообразии следует обратить внимание на те, которые не могут быть решены исключительно на национальном уровне, а требуют международно-правовых усилий.

Регулирование в сфере виртуального пространства. В отличие от всех иных отношений, существовавших в реальном мире, происходящее в Интернете с точки зрения правового регулирования имеет принципиальное отличие. В реальном мире личные, вещные и исключительные права, а также соответствующие отношения изначально возникают в границах конкретных государств, которые имеют не только право, но и реальную возможность распространить на них свою юрисдикцию. То есть в традиционном смысле одним из исходных начал права является его территориальный характер. Даже нормы такого основного источника международного права, как договор, действуют на территориях государств, являющихся его участниками.

Формирование международного права исторически направлено не на поправку территориального начала национального права, а на формирование правопорядка, создающего общие нормы права или устанавливающего правила взаимного признания прав и правоотношений, возникающих в национальных юрисдикциях. Таким образом, до последнего времени сама философия построения и взаимодействия национальных правовых систем строилась от национальных принципов к возможности или необходимости осуществлять взаимодействие частных лиц и государств в транснациональной сфере.

Появление Интернета привнесло новую философию отношений и соответственно права. Как по своим «физическим свойствам» и целям, так и по техническим возможностям он возник и существует в качестве транснационального пространства, где одно государство не может достаточно эффективно осуществлять ни юрисдикционные, ни иные властные полномочия. Практика различных государств показывает, что правовые меры по «коррекции» информационного поля, будучи согласованными с представлениями власти о должном или недопустимом, не способны оградить население своей страны от информации извне. По своим техническим возможностям Интернет делает бес-

смысленным сравнение с трансграничными возможностями радиовещания.

С учетом этого представляется, что международные усилия по формированию правового поля в Интернете должны идти не по пути ограничений или стимулирования внешних источников информации и информационных ресурсов, а по пути универсальных международных правил организации интернет-пространства.

Техногенные угрозы. В настоящее время наиболее остро обсуждается и уже находит международно-правовое регулирование проблема, связанная с парниковым эффектом. Однако это не единственная техногенная проблема. Достаточно обратиться к энергетике. Будучи базисным фактором любой экономики, она всегда будет влиять на структурирование международных экономических отношений. Получившая развитие ядерная энергетика в результате пока немногих техногенных катастроф формирует по отношению к ней оппозиционный настрой. Например, в таком промышленном гиганте, как ФРГ, она закрывается, в другом — Японии — может закрыться. Принимаемые решения могут показаться странными на фоне сохранения атомных электростанций у государств-соседей. Радиация не признает государственных границ. Следовательно, рано или поздно придется решать противоречия между государствами в сфере «мирного атома», которым сейчас гордится человечество.

Современные войны и мир в контексте научно-технического прогресса и международного права. Право войны и мира стало в свое время первоосновой международного права. Войны предыдущего столетия привели человечество к здравому решению исключить жестокие формы ведения военных действий из сферы легитимности. Применение или угроза применения оружия массового уничтожения поставлены вне закона. Установлен контроль за его нераспространением. Весь арсенал антимилитаристских правил в настоящее время связан с традиционными видами вооружений — ядерным, химическим и бактериологическим. Однако следует ли не принимать во внимание разработки, связанные с психофизическими свойствами информации?¹

Другой формой активного противостояния, способного нанести катастрофический вред населению и государству в целом, могут быть преднамеренные кибератаки, по своим масштабам несравнимые с ху-

лиганскими или корыстными действиями отдельных правонарушителей, о действиях которых ежедневно сообщается по всему свету. В августе 1945 года мир узнал о новом оружии. Можно ли допустить внезапность новых катастроф, основанных на новых открытиях, сделанных человеком?

Переломные этапы в мировой истории также порождают новые международно-правовые проблемы. Завершение Второй мировой войны и крушение существовавшей колониальной системы открыли путь к формированию основных принципов международного права, среди которых в рамках рассматриваемой проблемы следует отметить принцип равноправия и самоопределения народов, а также принцип суверенного равенства государств. Из принципа самоопределения народов следовал конец колониализму. Реализация этого принципа была не простой, однако колониализм ушел из международной жизни. Но было бы странным подвергать сомнению право народов на самоопределение. Тогда возникает вопрос о том, каким народам современное международное право гарантирует это право. Проблема становится тем более актуальной, когда территории традиционных государств, населенные отличным этносом, а тем более государственно автономные образования, заявляют о своем праве на самоопределение. Как соотносить волю соответствующих народов с принципом суверенного равенства государств, содержание которого складывается в том числе из международно-правового признания территориальной целостности, с одной стороны, и права государства выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные ценности — с другой. Представляется, что в настоящее время ни заявленные правовые доктрины, ни практика межгосударственных отношений не выработали сбалансированного подхода к решению возникающих коллизий. Наиболее остро эти коллизии проявляются, когда территории или автономии заявляют о своей независимости по результатам проходящих там референдумов. Единственной гаванью для укрытия от возникающих проблем остается сегодня известный международно-правовой институт статуса непризнанного государства, существовавший не одно десятилетие в XX веке. Остается вопрос: как решить эту проблему в XXI веке, когда права человека признаются бесспорной ценностью?

¹ См.: Прокофьев В. Ф. Тайное оружие информационной войны: атака на подсознание. 2-е изд., расшир. и дораб. М.: СИНТЕГ, 2003.

Гэри Литтлджон¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС И ТЕРРОРИЗМ

Введение

На Лихачевских чтениях 2015 года я обозначил ряд проблем определения национального интереса, и некоторые из них были проиллюстрированы примерами из практики наднационального Европейского Союза (ЕС) и его энергетической политики. С тех пор стало очевидно, что неэффективность ЕС в разработке различных политик и общей стратегии привела к тому, что национальные интересы его участников все больше расходятся. Сейчас разнонаправленность интересов угрожает самому существованию ЕС. Может произойти так, что его основные институты останутся, но их будут все чаще игнорировать, и в итоге они превратятся в «зомби-учреждения». Однако есть и другая вероятность — что все закончится драматическим коллапсом. Как амбициозный проект, каковым изначально был ЕС, пришел к этому?

В число функций ЕС, на мой взгляд, входит задача стать институциональной ареной межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Мы утверждаем, что реакция Европы на миграционный кризис 2015 года была неправильной и привела к снижению международной солидарности между членами ЕС до такой степени, что одни группы стран ЕС действуют сообща в противовес политической позиции других, придерживающихся иных взглядов. Самый яркий пример — Вышеградская группа, включающая Чешскую Республику, Венгрию, Польшу и Словакию. Их подход к проблеме миграционного кризиса радикально отличается от подхода Германии и Франции. Кроме того, к Вышеградской группе, по сути, присоединилась Австрия, а также Республика Македония и Сербия, несмотря на то что две последние страны не являются членами ЕС.

Разнонаправленная реакция свидетельствует о том, что в ЕС наблюдаются явные признаки системного кризиса, таким образом, его участники должны везде (в том числе и внутри ЕС) искать пути урегулирования текущих проблем Евросоюза. Такая ситуация возникла в том числе и из-за разного подхода к таким вопросам, как, например, взаимосвязь между миграционным кризисом и международным терроризмом.

Проблема стала более актуальной в связи с неожиданным ростом потока беженцев и экономических мигрантов из стран Ближнего Востока (включая Афганистан) и Северной Африки. Основной маршрут миграции в Европу переместился из Северной Африки в Турцию, Грецию и Балканские страны, и это означает, что ни зима, ни опасности передвижения по морю не сократили потока так, как это происходило совсем

недавно. Это изменение повлекло за собой дополнительное экономическое бремя для Европы, а возникшая в результате напряженность привела к публичным разногласиям между странами относительно способов решения вопроса. Все это также проблемы, связанные с кризисом европейской валюты.

Принято считать, что основной причиной увеличения потока беженцев и экономических мигрантов стало усиление интенсивности военных действий в Сирии. Эта война, несомненно, высветила несостоятельность формирования политики и принятия решений внутри ЕС, однако есть и другое мнение, что миграционный кризис был вызван внешними силами, заинтересованными в нанесении удара по национальным государствам ЕС. На этой точке зрения мы остановимся позже. И все же, независимо от того, каковы причины и факторы такого резкого роста миграции, риторика ЕС о солидарности не была в полной мере применена в отношении Греции, на долю которой выпали тяготы, связанные с превращением ее в «ворота» в страны ЕС из Турции. Это усилило неразрешенный экономический кризис в Греции, а давление со стороны ЕС и Европейского центрального банка (ЕЦБ) привело к отмене программы против мер жесткой экономии, которая была предложена вновь избранной правительственной коалицией, возглавляемой партией СИРИЗА. Европейской комиссии и ведущим странам ЕС не удалось справиться с этим и другими проблемами, что привело к усилению кризиса легитимности валютной зоны Евросоюза и самого ЕС. Комплекс проблем, среди которых острейшая — миграционный кризис, говорит о том, что будущее Евросоюза находится под вопросом. Поэтому было бы целесообразно рассмотреть природу миграционного кризиса и его взаимосвязь с проблемой международного терроризма.

Миграционный кризис или скрытое вторжение?

Вторжение в Ирак в 2003 году привело к тому, что силами США в одном и том же лагере были заключены под стражу как задержанные члены партии Баас, так и воинствующие исламисты-джихадисты. Никаких мер для изоляции этих групп друг от друга принято не было, поэтому совместными усилиями они создали стратегию, которая должна была реализоваться после их освобождения. Этот союз можно считать ядром самопровозглашенного «Исламского государства» (ИГ). Присутствие среди них бывших военных-баасистов объясняет их возможности стратегического планирования и уровень тактического мастерства, более высокий по сравнению с другими джихадистскими террористическими группировками. Было заявлено, что ИГ всегда ожидало, что ему будет нанесено поражение в Ираке и Сирии (хотя они предполагали, что будут разбиты Соединенными Штатами Америки). Поэтому тот конфликт рассматривался как этап рекрутинга для подготовки ударов по Европе.

¹ Экономист, социолог (Великобритания). Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Социология Советского Союза», «Кризманизм и аграрные марксисты» (в соавт.), «Эндрю Шик и развитие советской африканистики» (в соавт.), «Кризис во время перестройки» и др. Участник международных научных конференций по проблемам экономики и социологии СССР, стран Восточной Европы и Африки.

Что касается Сирии, то журналист Би-би-си Radio 4 четко заявил о том, что во время проходивших в 2011 году мирных демонстраций против правительства некоторые люди вели стрельбу как по демонстрантам, выступавшим за правительство, так и по тем, кто выступал против властей. Такая же тактика позже была применена в феврале 2014 года на Майдане в Киеве. Это свидетельствует о том, что в обеих странах применялись скрытые планы смены режима. Миротворческой миссии, направленной в конце 2011 — начале 2012 года в Сирию Лигой арабских государств, удалось добиться некоторых успехов, после чего она запросила подкрепления для продолжения диалога между сторонами. Однако отчет группы был запрещен, а повстанцам направили средства и вооружение. Из запрещенного отчета, из которого позднее произошла утечка, видно, что различные арабские страны не воспринимали эту миссию мира серьезно.

Впоследствии вооружение из Ливии было переправлено через Турцию в Сирию к джихадистским группировкам, в том числе к ИГ. Утверждается, что одна из встреч, на которой обсуждалась дальнейшая переброска вооружения от «Аль-Каиды» в зону сирийского конфликта, закончилась убийством тогдашнего посла США в Ливии. Согласно общему пониманию, джихадистские организации, такие как ИГ и «Джабхат-аль-Нусра», продвигались на запад Сирии и имели возможность захватить Дамаск в 2015 году, когда Россия ввела свои силы с целью стабилизации ситуации, продавав это с ошеломляющим успехом. По отчетам западных источников, а также по заявлениям России, подтвержденным убедительными доказательствами, в Турции «отмывалась» нефть, поступающая из ИГ. Спутниковые изображения, представленные Россией, подтверждают это, но источники в США более подробно поясняют, что происходит с нефтью после того, как она оказывается в Турции. Биалал Эрдоган находится под судом в Болонье (Италия) по обвинению в отмывании денег, полученных за счет таких продаж нефти через болонские банки. Его защита утверждает, что он посещал Болонью с целью написания докторской диссертации в расположенном там университете. Такое фактическое сотрудничество между некоторыми элементами в Турции и ИГ заставляет задуматься, не замешана ли Турция в планах ИГ по распространению терроризма на территорию Европы в гораздо более крупном масштабе, чем мы наблюдаем в настоящее время.

Иными словами, возможно, что миграционный кризис в Восточной Европе был использован, чтобы скрыть проникновение туда так называемого «Исламского государства» (ИГ). В 2014 году ИГ заявляло о таком намерении, но большинство людей рассматривало это заявление в контексте миграции из Ливии через Средиземное море. После того как в 2015 году был отмечен резкий рост числа беженцев, прибывающих в ЕС, стали появляться различные утверждения, в том числе и о том, что этот поток, по крайней мере частично, представлял собой «контролируемую и тщательно спланированную миграцию». Стоит отметить, что, по прогнозам Федеральной разведывательной службы Германии (БНД), с потоком беженцев, число которых

в 2015 году неожиданно выросло до 1,25 млн человек, в Европу могло проникнуть до 20 тыс. членов ИГ. По оценкам Европола, в Европе находится не менее 5 тыс. членов ИГ, которые, предположительно, намерены совершить многочисленные атаки с использованием разных видов оружия. С учетом этого было весьма удивительно, что канцлер Германии Ангела Меркель запоздало отреагировала на свидетельства о том, что как минимум некоторые беженцы представляют угрозу для общественной и даже национальной безопасности.

Власти ряда стран, через которые в 2015 году прошли потоки беженцев, были перегружены административными вопросами и не смогли зафиксировать данные и зарегистрировать многих беженцев. Некоторые беженцы жаловались на плохие условия и даже «угрожали» вернуться на Ближний Восток. Это позволяет предположить, что у них были намеренно созданные завышенные ожидания в отношении условий проживания в Европе. Недавно было обнаружено, что кампания, поощряющая перемещение беженцев в Европу, была проведена через социальные сети. Анализ источников Twitter, задействованных в этом, неожиданно показал: время, когда проводилась эта кампания, указывает на то, что она велась с Западного побережья США. Представляется вероятным, что она была организована сторонниками ИГ в США. Один из глав сирийского сообщества в Нью-Йорке публично заявил, что ИГ присутствует в городе, и, таким образом, кажется как минимум возможным, что некоторые члены ИГ могут находиться на Западном побережье США. Таким образом, если даже этот поток миграции не является контролируемым, то некоторых мигрантов специально стимулировали и в ряде случаев финансировали.

Что касается Европы, то сирийские христиане, находящиеся в Германии, узнали некоторых членов ИГ в лагерях беженцев. Они не были арестованы, так как на тот момент не нарушили никаких законов. После терактов 2015 года в Париже ситуация, мягко говоря, внушает опасения.

В то время как ведущие западные средства массовой информации сначала, освещая события, называли мигрантов преимущественно беженцами из зоны конфликта в Сирии (хотя также признавали, что некоторые из них прибывают из других стран), вскоре стало ясно, что многие беженцы ранее находились в безопасности в хорошо финансируемых лагерях в Турции и имели средства для того, чтобы заплатить дельцам, занимающимся торговлей людьми, за транспортировку (зачастую небезопасную) в Грецию. Действительно, Турция публично заявила, что потратила около 6 млрд долларов на строительство и содержание этих лагерей. Почему же беженцы стремятся попасть в Европу, если они и так уже находятся в безопасности, имеют пищу и место для проживания? Можно предположить, что условия в таких лагерях вряд ли были идеальными, но стоило ли подвергаться риску, отправляясь в столь опасное путешествие в Европу, если для миграции нет еще каких-либо причин? Большинству беженцев уже удалось покинуть Сирию и попасть в лагерь беженцев и, таким образом, избежать всех ужасов разрушительной войны в регионе.

Турция публично заявила, что она больше не может позволить себе содержать так много беженцев, и потребовала от ЕС около 3 млрд евро за то, чтобы остальные не уехали из Турции. Ангела Меркель согласилась, хотя некоторые комментаторы назвали требование Турции вымогательством. Далее Турция потребовала возобновить обсуждение ее вступления в ЕС. И с этим требованием согласились. Можно только представить, что думает по этому поводу Греция, с таким трудом получившая займы от ЕС для решения проблем своего долга, который даже МВФ назвал непосильным. ЕС, очевидно, все-таки намерен передать Турции 3 млрд евро, хотя до сих пор не сделал этого. Такая медлительность подтверждает наличие у ЕС проблемы с реагированием на столь быстрое изменение ситуации. Также рассматривается возможность выплаты Турции дополнительных 6 млрд евро.

В зимние месяцы миграционные потоки в Европу не сократились, как это ожидалось. Фактически число мигрантов, прибывших в Грецию в первые месяцы 2016 года, возросло вдвое. В результате Греция (а не Италия, как это было в 2014 г.) несет бремя приема этого чрезмерно возросшего числа беженцев и прочих мигрантов. Тем не менее она получила очень небольшую помощь от ЕС, хотя некоторые меры были объявлены публично. Однако ЕС переносит на апрель 2016 года реализацию соглашения о безвизовом перемещении граждан Турции в пределах ЕС.

Реакция ЕС демонстрирует, что в результате миграционного кризиса Турция быстро добилась реализации своих важных внешнеполитических целей. Усиливает миграционный кризис (наплыв беженцев в Европу) и распространение так называемой «арабской игры в изнасилование». Она заключается в том, что женщин в публичных местах окружают большие группы мужчин, которые пристают к ним, оскорбляют и насилюют, стремясь запугать. Ведущие западные средства массовой информации, хотя и не рассматривают эти события как отдельные инциденты, все-таки не смогли дать всестороннюю оценку данному явлению. В результате они не увидели взаимосвязи между событиями, произошедшими в разных странах. «Арабская игра в изнасилование» не была распространена в Сирии — она появилась у мигрантов, прибывших в Европу. Рассказывая о беженцах и мигрантах, ведущие западные СМИ сосредоточили свое внимание на семьях с детьми, вызывая жалость и обеспечивая теплый прием со стороны многих европейцев, однако подавляющее большинство мигрантов (более 90 %) — молодые одинокие мужчины.

Таким образом, сейчас, помимо огромных организационных трудностей, вызванных притоком беженцев в ряд стран и связанных с их размещением и социальным обеспечением, Европейский Союз сталкивается с двумя проблемами, обусловленными миграцией. Это, во-первых, распространение «арабской игры в изнасилование», во-вторых, тот факт, что ИГ уже проникло в ЕС под прикрытием беженцев, о чем докладывают Европол и БНД.

На факты сексуального домогательства и иного неприемлемого или незаконного поведения в принимаю-

щих странах ЕС последовало два вида реакции. Первой реакцией было стремление сделать вид, что проблемы нет. Второй стала попытка научить мигрантов «правильному» поведению. Замалчивание стало огромной ошибкой, так как у беженцев-мигрантов возникло ощущение безнаказанности. Так произошло в Скандинавских странах, Финляндии, Германии, Австрии и Бельгии. Замалчивание подорвало доверие к политикам и правовой системе и к тому же привело к росту легальных продаж оружия самообороны и развитию иных технологий в области безопасности в ЕС. Опросы общественного мнения показали, что женщины Германии уже в некоторой степени настроены против беженцев, потому что не чувствуют себя в безопасности. 81 % немцев считают, что их правительство не справилось с проблемой. 29 % поддержали бы применение оружия для того, чтобы не допустить потоки мигрантов в Германию.

ЕС испытывает кризис легитимности частично в связи с тем, что вразрез со всей риторикой о том, что ЕС — это организация, построенная на правилах, договоры ЕС и Конституция Германии «прогнулись» под воздействием кризиса. Это обеспечило поддержку правым политическим партиям и движениям, а реакцией на такое усиление позиций со стороны действующих партий стали попытки политического маневрирования и подавления законных протестов. Неудивительно, что политические разногласия в результате только усугубились. Все больше европейцев выступают за проведение референдума о выходе из ЕС: 53 % во Франции, 49 % в Германии и более 40 % еще в трех странах.

Попытка организовать обучение в основном провалилась, так как мигранты уходили с занятиями по гендерным взаимоотношениям. А те, кто оставались, демонстрировали скептицизм и презрение по отношению к идеям, которые до них пытались донести. Так было в разных странах, таким образом, благодущие в этих вопросах не имеет никаких оснований.

Проблема стала еще острее из-за властных действий правительств Германии и Швеции, включающих выселение граждан Германии из государственного или арендуемого жилья. Это вызвало бурную реакцию. К ноябрю 2015 года полиции несколько раз пришлось обращаться за поддержкой *бундесвера* (армия Германии) для разрешения конфликтов в лагерях беженцев, потому что они не могли справиться самостоятельно. Между беженцами вспыхивали конфликты из-за религиозных и других разногласий, которые, по сути, были просто «привезены» из их родных стран. В итоге глава швейцарской армии официально предупредил о грядущих социальных беспорядках и призвал жителей вооружаться.

Кризис ложится тяжелым бременем на бюджеты стран — членов ЕС. Например, в Германии, согласно оценкам, ежегодные затраты составят 55 млрд евро, в то время как расходы на инфраструктуру, здравоохранение и образование не превышают 48 млрд евро. Тем не менее до марта 2016 года правительство Германии проводило политику «открытых дверей», лишь слегка ужесточив требования с целью облегчения депортации преступников. Даже основываясь на статистиче-

ских данных, можно было предположить, что в более чем миллионной группе людей найдется достаточное количество правонарушителей. На самом деле ведущие западные средства массовой информации систематически занижали данные по уровню преступности среди мигрантов, и это естественно привело к тому, что люди стали все больше полагаться на Интернет как основной источник информации. Доверие к немецким газетам существенно снизилось, число посещений их веб-сайтов упало в 2015 году примерно на 30 %.

Однако наибольшую тревогу вызывает тот факт, что уже зафиксировано несколько попыток поставок оружия боевикам ИГ в Европе. Были ли другие, оставшиеся незамеченными? Опыт Парижа говорит о том, что были. Полиция ЕС обнаружила и перехватила как минимум один грузовик с огнестрельным оружием — идеальным средством для поражения гражданского населения с близкой дистанции. Подтверждение того, что «арабские игры в изнасилование» в Кёльне были скоординированы, показывает, насколько легко сбить с толку полицию массовыми слаженными действиями людей, вооруженных огнестрельным оружием или даже мачете.

25 января 2016 года глава Европола процитировал веб-сайт *The Guardian*, сказав, что «Исламское государство» активно занимается подготовкой к крупномасштабным терактам в Европе, аналогичным парижским. Европол — организация, расположенная в Гааге, — координирует действия полиции ЕС, направленные на борьбу с терроризмом и организованной преступностью. Глава организации сказал, что ИГ «отработало новые возможности ведения борьбы, предполагающие крупномасштабные террористические атаки в мировом масштабе, особенно в Европе». На той же встрече министров внутренних дел в Амстердаме министр внутренних дел Франции сказал, что исламисты планировали теракт еще в одном концертном зале в Париже и массовое убийство людей на улицах города.

В последних материалах, опубликованных в СМИ в 2016 году, отмечается, что Германия отрицает существующее положение дел и пытается продолжать «радужный прием» беженцев. Это можно было бы назвать похвальным желанием, но оно говорит о том, что население, возможно, не знает, как БНД оценивает уровень опасности. Для того чтобы создать серьезные социальные волнения в обществе, необязательно проводить много вооруженных нападений. В настоящее время беспорядки имеют форму демонстраций против тех, кто выражает недовольство агрессивным поведением мигрантов, но такие протестные демонстрации именуется расистскими. Это отражает превалирующую точку зрения, которая, однако, начала меняться. Растущее убеждение в том, что полиция небеспристрастна, может привести к росту насилия, так как легитимность полиции и политиков неумолимо падает.

Жесткие действия в Лейпциге и других местах свидетельствуют о том, что для некоторых людей уже нет различий между мусульманами и джихадистами. Такая точка зрения, несомненно, станет распространяться, если в ЕС будут происходить массовые вооруженные нападения (а я думаю, что будут). Если не провести

границы между джихадистскими и остальными формами ислама, то все мусульмане могут стать потенциальными жертвами, а пропаганда ИГ может, в частности, начать рассматриваться как угроза безопасности каждой семьи. Масштабы последующего насилия могут легко сломить силы полиции и, возможно, армии. Европейские политики, описав идеологию ИГ как неверно истолкованный ислам, не указали, что корни этой идеологии лежат преимущественно в относительно новой для ислама традиции ваххабизма. В отсутствие дальнейших разъяснений *множество доктрин*, существующих в исламе, может стать неразличимым для широкой публики в Европе в условиях, когда теракты стимулируют негативное отношение.

В разных странах ответом на кризис, связанный с беженцами и мигрантами, стала в том числе их депортация, конфискация имущества в качестве компенсации расходов и (или) закрытие национальных границ внутри территории, которая ранее считалась единым европейским пространством согласно определению, содержащемуся в Шенгенском соглашении об открытых границах. Это вызывает эффект домино, так как Швеция и затем Дания закрыли границы на севере Германии, а Австрия закрыла свои границы с юга. В самой Германии бывший президент Баварии (расположенной вблизи Австрии) также посоветовал закрыть границы. Венгрия, Словения и Хорватия закрыли свои границы, а Сербия грозит сделать это, если не получится отправлять беженцев дальше. Республика Македония ищет способы дальнейшего усиления своих границ. Австрийские власти также заявили, что если другие меры не сработают, то они совместно с Балканскими странами разместят войска на Балканах, чтобы не допустить дальнейших потоков беженцев в Австрию. В результате этих событий в Греции образовался крупный затор беженцев/мигрантов, в то время как страна и без этого уже в течение ряда лет находилась в состоянии серьезного напряжения, вызванного мигрантами. Теперь стало очевидно, что Греция стоит на пороге гуманитарного кризиса. Нет ничего удивительного в том, что страна сопротивляется тенденции к закрытию границ внутри ЕС.

Польша заявила, что не будет принимать у себя ближневосточных беженцев, и не только потому, что она уже разместила у себя около миллиона беженцев из Украины. Она заявила, что не будет принимать мусульман. Все четыре страны — участницы Вышеградской группы — дали понять, что не примут мусульман. Это привело к серьезным политическим разногласиям внутри ЕС, и Комиссия столкнулась с тем, что ее напоминание об официальном принципе свободы передвижения внутри ЕС все чаще игнорируется. Обсуждается временное прекращение действия Шенгенского соглашения.

В свете этих проблем неудивительно, что видные европейские политики, включая президентов двух стран, заявляют, что в случае если ЕС не сможет решить свои актуальные проблемы, там может разразиться кризис, угрожающий его существованию. Благородная реакция на кризис беженцев и мигрантов, замалчивание и попытки подавления протестов, особен-

но в Германии, не только пошатнули позиции канцлера А. Меркель как лидера своей партии (ХДС) и страны, но и еще сильнее разделили страны ЕС на «встречающихся» и «отказывающихся принимать». В странах, испытавших на себе воздействие недавних притоков бе-

женцев, позиции людей можно описать как «встречающие», «отказывающиеся принимать» и «стремящиеся выгнать». Похоже, что это различие позиций может способствовать разжиганию гражданских волнений, и первые их признаки мы уже могли наблюдать.

В. А. Макаров¹

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОЛЕРАНТНОСТИ И МНОГООБРАЗИИ

В последнее время высказывается все больше сомнений относительно вечности человеческих ценностей. То, что считалось бесспорным столетиями, восходило к заветам Библии, Корана и других священных книг, стало подвергаться критике разного толка. Так называемая западная цивилизация движется в сторону пересмотра традиционных семейных отношений (равенство полов), «насмешливого» подчеркивания равенства рас и национальностей, превращения двойных стандартов и лжи в обыденную практику. Последнее приводит к увеличению количества убийств, противоречащих и действующему праву, и понятию справедливости, исходящему из религиозных заповедей. Это одно направление дискуссий в интеллектуальной среде.

Другое направление связано с растущим разнообразием общественных институтов и отношений. Казалось бы, новейшие информационные технологии и стремление к доминированию сильных держав должны снижать социальное разнообразие. Однако наблюдения обществоведов свидетельствуют об обратном. В Российской экономической школе работает лаборатория по изучению разнообразия, исследования которой подтверждают тенденцию к его увеличению.

Например, в доминирующей в течение последних десятилетий западной экономической науке считается непререкаемым утверждение, что так называемая классическая рыночная модель экономики является наиболее эффективной для любых стран и мир с неизбежностью придет к ее тотальному использованию. Таким образом, ни о каком разнообразии здесь речь не идет. В действительности же все наоборот. Разнообразие ти-

пов экономик в мире растет именно потому, что каждая страна имеет свою историю, культуру, традиции, социальные нормы, наконец. И такое разнообразие приводит к формированию собственной экономической модели, наиболее эффективной именно для этой страны. Даже внутри чисто рыночной модели, например, используемой США и Германией, немало различий. В США в торговлю акциями и другими финансовыми правами вовлечено все население, вплоть до домохозяйек. В Германии люди предпочитают поручать такую торговлю банкам или, по крайней мере, профессиональным брокерам.

Если говорить об остальном мире, то в Китае реализуется собственный тип экономики, по-своему совмещающий рыночный и плановый механизмы. В Арабских Эмиратах экономику часто называют семейной. А как называть экономику Бутана, затруднится ответить даже профессор экономики. Россия и другие страны с переходной экономикой до сих пор ищут свои оптимальные варианты².

Но при этом глобализацию никто не отменял. Мир неуклонно движется ко всеобщей электронизации, все более оцифровывается. Стандарты в этой и вообще в технической сфере становятся всеобщими. Постепенно в компьютерной области создается единый язык, независимый от родного языка носителей (русского или китайского). Но разнообразие здесь ни при чем: розетки для включения в сеть стандартные, а разнообразие гаджетов, использующих эти розетки, только растет.

Несколько слов о толерантности. Дискуссии о толерантности, связанные с явлениями расизма, религиозной нетерпимости, правами человека, ведутся давно, но в последнее время усилились из-за признания рядом стран однополых браков, потока беженцев в Европу, “Charlie Hebdo” и пр. Обсуждается понятие «мультикультурализм» в основном применительно к ситуации в Европе.

Толерантность — тонкая и чувствительная область взаимоотношений, каждый понимает ее по-своему. Например, мой знакомый с Украины гордится, когда его называют хохлом. Уверен, что среди представителей негроидной расы найдутся люди, для которых употребление слов «негр» или «черный» отнюдь не оскорбительно, а скорее, наоборот, говорит об их особенностях. Слово «бандеровец» для одних — похвала, для других — оскорбление. Степень толерантности зави-

¹ Академик РАН, член Президиума РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН, декан экономического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук, директор Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова, президент Российской экономической школы, доктор физико-математических наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Математическая теория экономической динамики и равновесия», «Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности» (в соавт.), «Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия», «Россия в глобализирующемся мире. Модернизация российской экономики», «Социальный кластеризм. Российский вызов». Главный редактор журнала «Экономика и математические методы». Член редколлегии и редакционных советов журналов: “Economics of Planning”, “Social Sciences”, «Кибернетика и системный анализ», «Экономическая наука современной России», «Науковедение», «Оптимизация» и др. Награжден орденами Дружбы народов, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии им. Л. В. Канторовича РАН, Демидовской премии и др.

² Макаров В. А. О разнообразии экономического и политического устройства в мире // Философия, методология и история науки. 2015. Т. 1, № 1. С. 55–67.

сит от среды, в которой люди общаются. На научных конференциях оппоненты используют мягкие выражения. В СМИ часто приводятся «крепкие» выражения для большей выразительности, что становится нормой. Однако в так называемой блогосфере никаких барьеров не существует, к примеру известное «Эхо Москвы» подает пример свободы словоизъявления.

Почему толерантность связывают с разнообразием? Если разнообразие в идеологической, религиозной, культурной сферах увеличивается, то, естественно, столкновений на этой почве становится больше. Чаще возникает потребность в поиске компромисса в отношениях. Толерантность — один из инструментов поиска компромисса. Но инструмент неэффективный, часто приводящий не к разрешению, а усугублению противоречий, как видно из недавних примеров.

В настоящем докладе обсуждается принципиально иной способ разрешения конфликтов, который не нарушает тенденцию увеличения разнообразия. История человечества показывает, что единственный эффективный способ разрешения конфликтов глобального характера — это война. Но, как уже говорилось выше, война способствует уменьшению разнообразия, навязывает одно миропонимание, и толерантность здесь неважна.

В основе обсуждаемого способа лежит «голосование ногами». Термин появился в палате лордов, где члены парламента должны были пройти в ту или иную комнату, чтобы выразить свое мнение. Американский ученый Чарльз Тибу в 1956 году написал статью¹, в которой предложил модель оптимального устройства штата, где местные сообщества (муниципалитеты, коммуны) имеют полную самостоятельность в установлении местных законов и правил, в частности налоговых норм. При этом жители могут свободно выбирать место жительства в соответствии со своими предпочтениями. Тибу предположил, что при стремлении местных властей привлечь к себе как можно больше жителей люди, «голосуя ногами», расселятся оптимальным образом — и наступит всеобщее счастье.

После данной публикации Тибу появилось огромное число статей разнообразного толка, прославлявших или критикующих данную модель. Математики нашли условия, при которых гипотеза Тибу об оптимальности действительно имеет место². Социологи провели прикладное исследование на примере штата Массачусетс, где подтвердили, что люди стремятся выбрать место жительства в соответствии со своими предпочтениями и уровнем дохода. При этом социологов тревожит доминирующий параметр «уровень доходов». Богатые предпочитают проживание в одних местах, бедные — в других. Налицо своеобразная сегрегация, не соответствующая представлениям о наилучшем устройстве общества. Подобные сообщества формируются также на национальной (чайна-тауны, мексиканские кварталы) и религиозной почве (старобрядцы и подобные коммуны).

¹ Tiebout C. A Pure Theory of Local Expenditure // Journal of Political Economy. 1956. № 64. P. 416–424.

² Bewley Truman F. A Critique of Tiebout's Theory of Local Public Expenditures // Econometrica. 1981. May. Vol. 49, № 3.

Тем не менее идея об образовании отдельного мира, существующего относительно независимо среди других, воплощается в различных формах. Вспомним, например, свободные экономические зоны, показавшие свою эффективность в Китае. Кстати, китайцы более мудро, чем другие страны (например, Россия), проводят различные реформы. Если необходимо ввести новый налог или монетизировать льготы, сначала проводится эксперимент на уровне деревни, района, провинции. Далее анализируются результаты, а потом реформирование распространяется или не распространяется на всю страну. Между прочим, известный Дж. Сорос предлагал в конце 1980-х годов построить капитализм в маленьком районе (отнюдь не в Москве). В этой идее был некоторый смысл, но в то же время слишком много политики.

В реальной жизни можно наблюдать отдельные островки относительно независимого существования, где население само определяет жизненные устои и не стремится навязать их другим (Бутан, Монте-Карло, Лихтенштейн и даже Швейцария). Эти островки, существующие много лет, не вовлечены в военные конфликты, но никто при этом не говорит о многополярном мире. Многополярный мир понимается как *доминирование* нескольких, а не одной супердержавы. Представьте, что мир состоит только из упомянутых маленьких (и необязательно маленьких) государств, которые и не помышляют о доминировании. Такой мир не имеет смысла называть многополярным. Он скорее многообразный, многоцветный, но не многополярный в современном понимании.

Такой многообразный мир (по схеме Тибу) может быть создан только при соблюдении жестких правил. Главное условие — отсутствие доминирующих государств или их блоков. Переход из одного государства в другое возможен лишь при соблюдении законов обоих государств, особенно принимающего.

Ясно также, что действия внутри одного государства могут противоречить представлениям других государств. Если в одном государстве принято отрубать головы за нарушение законов, то это не должно шокировать другие государства и они не имеют права вмешиваться.

Вполне можно рассуждать о государстве последователей Бандеры или Гитлера, которые строят свой мир, как им хочется. Вопрос только в том, что их идеология состоит больше в присвоении чужого, чем в созидательности. Поэтому представить миролюбивое бандеровское государство довольно трудно.

Таким образом, схема «голосования ногами», по Тибу, заработает только в том случае, если стремление властвовать будет распространяться лишь на своих единомышленников, а не на весь мир.

Причинами военных конфликтов можно считать:

1) стремление к доминированию одной страны над другими, управлять миром, которое всегда завуалировано благими намерениями (научить лучшей жизни, причем с помощью уменьшения разнообразия). Вспомним мечты Евклида и Александра Македонского, «Город солнца» Кампанеллы, коммунизм Маркса, Великобританию Черчилля, «Конец цивилизации» Фукуямы,

мировой халифат, единую мировую валюту по теории Мандела и пр.;

2) стремление расширить территорию, особенно если у соседа территория богаче природными ископаемыми;

3) подводные камни толерантности, которые сразу невидимы, но могут оказаться серьезной причиной конфликтов. Например, когда общество принимает законы и правила, согласно которым все расы, религии, культуры равны, и рационально мыслящее население логично считает это нормой, неприятие и даже ненависть другого уничтожить невозможно. Поэтому для внутреннего спокойствия страны вынуждены смириться с тем, что одна идеология будет доминировать над остальными. Иначе «голосования ногами» не произойдет.

Названные фундаментальные причины военных конфликтов не имеют значения, если страны (государства, популяции, сообщества) полностью изолированы друг от друга, то есть в каждой стране достигнуто единство в идеологической, религиозной, политической, социальной областях.

Стремление к власти, доминированию в разных сферах, в том числе в интеллектуальной, стремление

к распространению своего понимания мира, своей идеологии, религии на других неизбежно. Оно лежит в основе человеческой сущности. Поэтому следует искать другие — не с помощью войн — инструменты, институты, способы удовлетворения. В силу большого разнообразия мир, устроенный по Тиббу, будет состоять из относительно малых стран, не будет сверхдержав, но страны смогут образовывать коалиции, ассоциации, блоки и пр. В рамках этих блоков можно распространять свою идеологию, но уже не военным (или близким к нему) способом. Такие блоки могут быть большими, даже доминирующими, но военная составляющая в них должна отсутствовать. Можно проповедовать свои взгляды, но неагрессивно, не навязывая.

В заключение хочу сказать, что размышления относительно наблюдаемой тенденции к разнообразию и толерантности довольно фантастичны. Данная тенденция ведет, с одной стороны, к большей неопределенности будущего, а с другой — к движению в направлении мирного существования многоцветного мира, соответствующего истинной сущности человека.

Е. И. Макаров¹

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Социально-трудовые отношения в нашей стране, впрочем, как и в любой другой, чье благополучие связано с реальным производством, оказывают существенное влияние на экономическую систему, социальную и политическую стабильность общества. В силу глобального характера современного денежно-финансового устройства и международного характера экономических связей социально-трудовые отношения в Российской Федерации подвержены внешнему влиянию как с точки зрения системы их регулирования (нормативной базы), так и в части экономического содержания.

По этой причине глобальные вызовы, возникающие в каждый конкретный промежуток времени перед нашим обществом, находят свое преломление в системе социально-трудовых отношений и при осмысленном управлении могут предоставлять довольно значительные ресурсы для ответа на них. Речь идет о трудовом потенциале во всех его проявлениях: экономическом, технологическом (организационном), профессиональном, социально-биологическом.

¹ Заместитель председателя Федерации независимых профсоюзов России (с 2012 г.), научный руководитель Центра мониторинга и анализа социально-трудовых конфликтов СПбГУП. Председатель Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области (1991–2000). Заместитель (2000–2004), помощник (2004–2012) полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. Автор ряда публикаций по профсоюзной проблематике, тематике социально-трудовых отношений и конфликтов, в т. ч.: «Трудовые отношения и профессиональные союзы», «Трудовые конфликты. История, теория, методы мониторинга» и др. Действительный государственный советник 2-го класса.

Планируя любые производственно-технологические процессы, тем более предусматривающие творческую составляющую их участников (модернизацию, инновации и т. п.), необходимо прежде всего ответить на вопрос о человеческих ресурсах, способных эти процессы осуществлять. Любой замысел должен учитывать социально-психологические, социально-бытовые резервы и оценивать конфликтный потенциал принимаемых решений. Перечисленное является объективной реальностью и азбукой управления. Оно неизбежно будет проявляться на каждом шаге нашей экономической и социальной борьбы за выживание. Небесполезно в этом контексте проанализировать состояние социально-трудовых отношений в Российской Федерации, в том числе в его кризисных проявлениях, а именно — в условиях социально-трудовых конфликтов, сопровождающих текущие экономические отношения.

В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов с 2012 года действует Научно-мониторинговый центр, в задачи которого входят сбор, систематизация и анализ данных о социально-трудовых конфликтах, происходящих на предприятиях и в организациях Российской Федерации. На основе разносторонней и полной информации о столкновениях между трудом и капиталом специалисты Центра получили возможность вполне обоснованно находить объяснения происходящему в экономической и социально-трудовой жизни, особенно в ее конфликтных проявлениях. Анализ данных позволяет не только своевременно обнаружива-

вать, но и прогнозировать возникновение очагов напряженности, что в практическом плане дает возможность управлять возникшими конфликтами, предотвращать их и проводить профилактику. Статистическая аналитика позволяет вырабатывать подходы к снижению конфликтности, вырабатывать рекомендации по поведению в конфликтных ситуациях для сторон социального партнерства, дает богатый материал для исследователей, преподавателей и студентов. Попутно отмечу, что растущий объем данных о реальных конфликтах, при этом что каждое сообщение и событие проходят проверку на достоверность и полноту (проходят верификацию), позволяет применять этот массив для развития конфликтологии как научной дисциплины, все еще находящейся в начальной стадии своего становления. Обработанные данные позволяют нам ставить и решать задачи классификации социально-трудовых конфликтов, построения моделей, создания нормированных терминов и в целом — построения глоссария в этой сфере.

За прошедшие три с половиной года со дня начала сплошного мониторинга, осуществляемого с помощью автоматизированной информационной системы, накоплены данные о 490 конфликтах, оказавших влияние на социальную обстановку в регионах и на формирование атмосферы социально-трудовых отношений в пределах предприятий и отраслей. Этот богатый материал позволяет сделать некоторые выводы как о текущей ситуации на «трудовом фронте», так и об изменениях, происходящих по мере развития рецессии в экономике. Подробный разбор и анализ данных содержится на ресурсе industrialconflicts.ru и доступен для любого интересующегося.

Рассматривая через призму интересов профессиональных союзов в свете глобальных текущих конфликтогенов текущие события, можно выделить два политико-экономических фактора, оказывающих значительное влияние на развитие ситуации в стране. Прежде всего — глубокая экономическая рецессия, которая непосредственно связана с падением мировых цен на нефть. Не вдаваясь в поиски причин этого падения, нужно отметить, что в глобальном плане потери несет экономика не только России, но и других стран, прежде всего развивающихся, чья экономика тесно привязана к доходам от продажи нефти.

Данное обстоятельство осложняет общую картину, сужая набор доступных инструментов для выхода из рецессии. Можно ли считать этот фактор исключительно экономическим? По наблюдениям нашего Центра — нет, он носит политико-экономический характер в силу того, что влияние на ценообразование на рынке нефти оказывают отдельные государства и картели, которые руководствуются собственными или продиктованными извне внешнеполитическими соображениями, иногда в ущерб экономической целесообразности. Этот конфликтоген ведет к оскудению бюджета России со всеми негативными последствиями для нормального существования и развития секторов экономики, непосредственно связанных с бюджетом, а также для социально незащищенных слоев населения.

Второй фактор — секторальные экономические санкции, введенные в отношении целого ряда отрас-

лей и предприятий нашей страны по политическим мотивам. Обходя сложившуюся в последние два года конфигурацию «санкции–контрсанкции», примем во внимание главное для внутренней экономики — резкое сужение доступной денежной массы для кредитования реального сектора, что значительно снижает возможности нормального существования и развития предприятий государственного и частного секторов.

В совокупности эти два фактора оказывают значительное влияние на экономическое положение в стране и формируют питательную среду для социально-трудовых столкновений.

Анализ причин социально-трудовых конфликтов, завершившихся в конце 2014-го и в 2015 году, показывает, что основной проблемой, толкающей работников на митинги и забастовки, стала полная или частичная невыплата заработной платы. Более половины конфликтов непосредственно связано с недостатком собственных средств у предприятий. Из-за непомерной стоимости кредитов, предлагаемых коммерческими банками, предприниматели лишены возможности пополнения оборотных средств и зачастую идут на вынужденное банкротство, открывая путь к появлению второй из главенствующих причин социально-трудовых конфликтов — сокращению рабочих мест или увольнению в связи с полным закрытием предприятий.

Следует отметить, что перечисленные причины не являются уникальными для текущего периода — они существовали и ранее, до начала 2015 года. Однако ранее они не охватывали столь значительное количество отраслей и предприятий и не «лидировали» с таким значительным отрывом. Справедливости ради нужно заметить, что в требованиях работников мы не обнаруживаем указаний на низкие цены на нефть или секторальные санкции, так как это причины «непрямого действия». Однако при дальнейшем разбирательстве в судах или прокуратуре, а также в объяснениях работодателями своих мотивов невыплаты заработной платы фигурируют в первую очередь проблемы с нехваткой оборотных средств на счетах предприятий, невозможностью получить или вернуть ранее взятые кредиты. Если проанализировать отраслевое распределение конфликтов, то картина за прошедшие годы мало изменилась. Наиболее конфликтными остаются отрасли металлообработки, машиностроения, транспорта и строительства. Примечательно, что в прошлом году, так же как и в начале текущего года, увеличилась напряженность в моногородах — исторически сложившихся наиболее уязвимых социально-промышленных агломерациях, в которых крайне сложно проходит поиск приемлемых путей урегулирования противоречий.

На основании анализа текущих глобальных конфликтогенов и завершившихся в этот период (ноябрь 2014 г. — настоящее время) конфликтов можно ответить на вопрос, чего хотят добиться наши оппоненты, формируя описанную экономическую обстановку, поддерживая сложившуюся ситуацию на рынке сырой нефти или вводя против России санкции. Прежде всего — обескровить реальный сектор производства, особенно его высокотехнологичные и инфраструктурные

отрасли. С учетом того, что промышленность, энергетика и транспорт в СССР и в современной России стали не только техническими, экономическими, но и социальными институтами, отраслевые масштабные сбои и кризисы неизбежно ведут к социальным катаклизмам.

Вторая цель — разрушить трудовой потенциал в России, создать такие условия, при которых воспроизводство конкурентоспособных трудовых ресурсов станет невозможным. Здесь ключевыми вопросами являются снижение уровня доходов работающего населения, обесценивание накоплений, повышение налогового бремени и следующие за ними снижение качества здравоохранения, дальнейшее разрушение системы среднего технического и высшего образования и т. д.

Приближение к этим двум целям открывает путь для внешнего экономического и политического управления страной, для получения прямого доступа к ее национальным богатствам, нейтрализации ее оборонного потенциала с последующим устранением ее с геополитической арены как самостоятельного участника.

Профсоюзы России, неразрывно связанные с реальной экономикой, чьей базой являются те самые трудовые ресурсы, против которых ведется экономическая и идеологическая борьба, не могут отстраненно взирать на все происходящее и своей деятельностью противостоят разрушительным силам. Какие шаги необходимо предпринимать в сфере социально-трудовых отношений для того, чтобы избежать навязываемого нам негативного сценария развития событий, неуклонного воспроизводства кризисов?

Прежде всего необходимо принимать меры, направленные на поддержание и совершенствование системы социально-трудовых отношений, сформированной к началу 2010-х годов. Эту систему можно описать как несколько горизонтальных слоев социально-трудовых форматов и норм отношений (на федеральном, региональном уровнях, уровне предприятий и индивидуальном уровне). По вертикали эти слои пронизаны законодательством, налоговыми, социальными платежами и взносами, установленными государством, а также трудовыми стандартами, отраслевыми соглашениями и другими экстерриториальными регулирующими механизмами.

Такая структура придает экономике определенную прочность и устойчивость, позволяя проводить согласование интересов и регулирование противоречий без использования каждый раз рычагов «ручного управления». Однако сам факт существования этой системы не дает каких-то гарантий бесконфликтного прохождения трудных периодов. Весь вопрос — в качестве отношений, сформированных на каждом уровне и в каждой пронизывающей вертикали. Если не вдаваться в детали, то качество отношений можно описать на базе четырех условных моделей¹.

¹ Наименования моделей взяты в кавычки для фокусирования на сфере применения — исключительно в данном докладе, так как в общепринятом обороте их значения могут отличаться от приведенных ниже, кроме того, следует обратить внимание на отсутствие оценочных оттенков в наименованиях моделей, главной их целью является передача социально-экономического содержания.

1. «Социальное партнерство», которое характеризуется постоянным и конструктивным взаимодействием сторон этого партнерства, в ходе которого взаимно учитываются экономические, социальные и другие интересы, производится согласование ключевых решений на основе их баланса, происходит разделение либо объединение ответственности за принимаемые решения. В этом же формате вырабатываются меры по урегулированию конфликтов и противоречий. Как правило, сторонами социального партнерства являются представители государства (например, органы исполнительной, законодательной власти), объединения работников (профсоюзы), объединения работодателей (союзы работодателей).

2. «Трипартизм», который отличается от социального партнерства тем, что во главу угла ставятся экономические возможности и ограничения, социальные и другие интересы сторон учитываются, но по остаточному принципу. Выработка решений сопровождается диалогом работников (профсоюзов) и работодателей. При этом конфликты являются органичным способом смягчения противоречий. Принятие решений может быть сопряжено с недостижением баланса интересов, разделение ответственности происходит при условии фиксируемой договоренности. Урегулирование противоречий может передаваться судам, правоприменительным органам, третейским институтам или оставаться без внимания. Сторонами трипартизма могут являться такие же представители, как и в модели «социальное партнерство», либо представители работников и работодателей без участия других сторон.

3. Трудовые отношения «тейлористского типа» — во главу угла этой модели поставлены экономические и организационные аспекты трудовых отношений. Рамки переговорных процессов заданы темами максимизации прибыли, расценками труда и эффективности трудового процесса. Социальные запросы работников из рассмотрения исключены, их решение выведено в функцию управления персоналом и не подразумевает участия работников в их решении. Отношения этого типа могут быть построены на системе компромиссов и уступок во имя достижения общей цели экономического характера. Отношения такого типа характерны для классического капитализма, а также применяются в частных случаях современных трудовых практик (сезонный, вахтовый принцип работы; отходничество; работа в условиях вывоза производства в регион с более доступной стоимостью труда и низким налоговым давлением и т. п.).

4. «Неформальные» трудовые отношения, в основе которых лежит стремление (как правило, работодателя) не связывать себя формальными обязательствами и правилами, минимизировать любые экономические издержки, в том числе налоги и социальные платежи. Отношения такого типа, характерные для XIX века, продолжают встречаться и сейчас в сфере индивидуального предпринимательства, малых и средних предприятий, семейного бизнеса и т. п.

Как видно, чем ниже мы движемся по этим моделям, тем менее привлекательной с точки зрения долгосрочных интересов работников и общества они ста-

новятся. Очевидно, что общество менее заинтересовано в поддержании третьей и четвертой моделей, так как их общественный социально-экономический эффект меньше, чем у первой и второй. С индивидуальных позиций работников, имеющих различные социальные статусы на протяжении своей трудовой жизни, могут быть приемлемы третья, вторая, первая модели, а также их сочетания (в случае совместительства, временной или сезонной занятости). В российской реальности присутствуют все четыре модели, а также их разнообразнее сочетания и десяток менее типичных моделей, рассмотрение которых несущественно обедняет общую картину.

Что же следует предпринимать для совершенствования системы социально-трудовых отношений с учетом изложенного, есть ли в этой сфере резервы для ответа на глобальные вызовы?

Задача социальных партнеров — вывести каждый формат на более высокий качественный уровень, сводя до минимума роль четвертого формата и, по возможности, избегая третьего как устаревшего еще к 1920-м годам.

Кроме того, необходимо непрерывно совершенствовать существующие отношения в пределах моделей, исключая их редукцию на более низкий уровень. Так, в частности, факты ненаправления Правительством РФ в Российскую трехстороннюю комиссию проектов федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации в области социально-трудовых отношений, которые могут влиять на ведение коллективных переговоров и подготовку проекта генерального соглашения, организацию контроля за выполнением этого соглашения, указывают на ограничение поля применения этой модели Правительством РФ лишь пространством переговоров о заключении генерального соглашения. Из этого поля выведено многообразие текущей экономической деятельности, то есть редукция качества от первой модели ко второй.

Большое поле для совершенствования содержится в отраслевых соглашениях, заключаемых общероссийскими профсоюзами. Несмотря на большое количество этих документов, их содержание могло бы в большей степени оказывать влияние на экономическое положение в отраслях и более гибко отзываться на возникающие кризисы. Это можно сделать как в универсальном прагматическом ключе (например, в отношении базовых ставок тарифной сетки сквозных профессий), так и в стратегических вопросах защиты отраслей от дезинтеграции (как это происходит, например, в отношении муниципальных транспортных пассажирских перевозок).

Резерв, который приведен ниже, следовало бы поставить на первое место в силу его фундаментального значения. Этот резерв, как говорят социологи, — «социально-экономический человек». Прежде всего — наемный работник (в широком понимании — рабочий, специалист, инженер, менеджер, врач, учитель и т. д.), благодаря которому существует реальный сектор экономики. Мотивированный труд (ограничимся для краткости экономической мотивацией) за достойную за-

работную плату при соблюдении норм охраны труда, гарантиях на случай болезни и ясной перспективой получить после достижения пенсионного возраста отложенные ранее в пенсионный фонд средства, достаточные для самостоятельного доживания, — вот почти весь перечень условий, которые позволяют раскрыть более емкие и долговременные резервы, кроющиеся в социально-личностной и профессиональной сферах трудоспособного населения страны.

Осознать это, понять способы мобилизации такого резерва не на уровне абстрактных рассуждений о «низкой производительности труда», а на уровне долгосрочного и текущего (операционного) управления — довольно трудная и емкая задача. Она в значительной мере носит мировоззренческий характер, сопряжена с системой ценностей, утвержденных в обществе, неразрывно связана с экономической политикой. Для осознанного подхода к решению этой задачи необходимы, кроме всего прочего, научные усилия в сфере социологии труда, направленные на рассмотрение актуального состояния общества и реального положения дел в сфере социально-трудовых отношений. Можно с уверенностью братья за этот долговременный труд, если принять во внимание, что именно этим путем идут крупные конкурентоспособные предприятия и концерны (особенно инновационного типа), активно развивающие методы предельной мобилизации профессиональных и творческих ресурсов работников.

Возвращаясь к повседневности, можно отметить, что в настоящее время Правительство РФ не проявляет каких-либо признаков понимания, что этот ресурс имеется и готов к использованию. Общим местом стали призывы вернуть исходный смысл социальным стандартам, потерявшим свой изначальный смысл. Таким, например, как минимальный размер оплаты труда (МРОТ), применяемый для самых разнообразных целей, но с годами оторванный от прямого смысла этого термина (на федеральном уровне после 1 июля 2016 г. МРОТ должен примерно составлять 7500 рублей при прожиточном минимуме 10 187 рублей). К этой же категории можно отнести и размер пособия по безработице, уровень замещения заработка установленным размером пенсии и т. п. Однако уповать на мобилизацию этого резерва, рассуждая в категориях «минимумов», наивно и бесперспективно.

Необходимо приступить к созданию долговременных правил, позволяющих наемным работникам достигать приемлемого уровня благосостояния не только для себя лично, но и для членов семей с возможностью расширенного воспроизводства квалифицированной рабочей силы. Этому вопросу посвящено множество научных работ, однако практическое применение их в реальном управлении пока не отмечается. Напротив, с началом проблем по наполнению федерального бюджета и разработкой по этому случаю «антикризисного плана» посыпались предложения прямо противоположные: сэкономить на доходах населения, притормозить увеличение МРОТ до величины прожиточного минимума, снизить индексацию и провести сокращение рабочих мест в бюджетной сфере, повысить пенсион-

ный возраст, отказаться от полной индексации пенсий на размер инфляции, ввести новые подходы к налогообложению имущества (по рыночной стоимости объектов недвижимости — квартир) и т. п.

Еще раньше прозвучали предложения и были осуществлены шаги по «оптимизации» в сфере образования и здравоохранения, выразившейся в сокращении объема этих услуг в результате слияния учреждений здравоохранения и образования. Это привело к зримому ухудшению качества и доступности здравоохранения и образования для жителей малых городов и сел. Работодатели также не остались в стороне, развернув дискуссию о необходимости увеличения продолжительности рабочей недели и других смягчений в сфере эксплуатации работников. Совокупность этих и других действий однозначно указывает на то, что выход из очередного экономического кризиса видится Правительству РФ, как и в предшествующие годы, за счет изъятия средств у рядовых трудящихся.

По мнению российских профсоюзов, линия, проводимая Правительством РФ по поиску путей выхода из кризиса за счет урезания доходов работающего населения, ошибочна и не приведет к долгосрочному положительному результату. Мобилизуя в свое распоряжение с помощью административных манипуляций мате-

риальные ресурсы наемных работников, правительство игнорирует существование резерва человеческого ресурса. Упускает уникальную ситуацию, сложившуюся к настоящему времени, когда отсутствуют внутренние политические либо какие-то иные препятствия для раскрытия профессиональных, творческих, других личностных резервов трудящихся России, не связанных какими-либо внешними ограничениями. Все, что необходимо сделать, — создать социально-экономические условия для их раскрытия. Однако этот путь оказывается заблокирован либеральными догматиками, привыкшими уповать на «простые» решения.

Путаясь в неразрешимых противоречиях, присущих капитализму и теории свободного рынка, западной «экспортной» модели демократии, отвергая опыт, накопленный предыдущими поколениями в собственной стране, игнорируя очевидные вопиющие факты, указывающие на дефектность мировой финансовой системы, построенной на ничем не обеспеченных валютах, Правительство РФ продолжает пребывать в дилетантских заблуждениях и не делает попыток защитить национальные интересы в сфере социально-трудовых отношений, поставить на службу обществу огромный потенциал, заключенный в «социально-экономическом» российском труженике.

Гжегож Малиновски¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МОДЕЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Введение

В наши дни резкие перемены в технологиях и экономике идут рука об руку со стремительными изменениями традиционных ценностей и установок. В современном мире постоянная доступность Интернета, компьютера, телевидения или смартфона делает всех нас гражданами скорее глобализированного виртуального мира, а не мира физического, географического, реального. Но даже если люди считают себя жителями «глобальной деревни», основой политической архитектуры реального мира по-прежнему остается национальное государство.

Одной из основных характеристик национально-государства является территория, определяемая его границами. Признание и уважение границ считается принципом государственного суверенитета, соблюдения национальных интересов и территориаль-

ной целостности, формирующим отношения между странами.

Исторически сложилось так, что правители всегда присваивали себе право контролировать все происходящее на их территории, но есть области, которые избежали такого непосредственного контроля. Первая из них — это область науки и, в более широком смысле, идей. Независимо от того, шла ли речь о религии, суевериях или технике, распространение идей нельзя было остановить, даже в обособленных странах. Вторая область — это сфера торговли. Главы государств, как правило, всегда были весьма благосклонны по отношению к торговцам, поэтому для деловых людей границы всегда были открыты.

Стоит заметить, что и идеи, и торговля являются важными движущими силами мировой истории. Иногда их влияние усиливается, иногда ослабевает, но всегда имеет глубокий смысл. Хотя гипотеза, содержащаяся в настоящем докладе, свидетельствует о том, что в современном глобализированном мире появился третий важный фактор. Он присутствовал всегда, но до того, как экономика стала глобализированной,

¹ Доцент Исследовательского института «TIGER» Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук. Окончил Национальный университет Луи в Новом Сонче по специальности «Финансовый менеджмент», Университет Иоанна Павла II в Кракове по специальности «Философия».

его влияние было незначительным. Этот фактор можно определить как универсализацию западных моделей потребления. Он играет важную роль, особенно в развивающихся странах.

Глобализация и модели потребления

Не существует стран или социально-экономических систем, которые действовали бы в вакууме. Значительную роль в общем результате их деятельности играют такие факторы, как география, климат, культура или страны-соседи. Кроме того, все более важным фактором становится глобализация. Под глобализацией мы понимаем спонтанный исторический процесс либерализации вместе с сопровождающей его систематической интеграцией в единый самостоятельный мировой рынок товаров, капитала, технологий, информации и — с запозданием и в меньшем масштабе — труда, которые раньше являли собой обособленные или объединенные слабыми функциональными связями рынки¹. Важно отметить, что с точки зрения социально-экономических связей глобализация одновременно оказывает влияние, прямое или косвенное, на государство, общество и рынок.

Но как именно глобализация воздействует на функционирование социально-экономической системы? Чтобы ответить на этот вопрос, предлагаем взглянуть на процесс глобализации с определенного ракурса, а именно со стороны моделей потребления. Одним из возможных подходов к глобализации является отношение к ней как к процессу продвижения моделей потребления богатых стран. Мировой порядок часто ха-

рактеризуют как равновесие между самостоятельными территориальными единицами — странами, но в результате современных достижений в мировой торговле, технологиях и даже благодаря средствам международных социальных сетей границы между странами неуклонно стираются². Такая ситуация способствует постепенной гармонизации потребностей потребителей по всему миру. Именно в такой гармонизации господствуют западные продукты, и именно она отражает западный образ жизни, который можно охарактеризовать как западные модели потребления.

Каковы основные характеристики моделей потребления в богатых странах? Первая характеристика — это структура расходов домохозяйств. В развитых странах домохозяйства тратят на базовые потребности относительно небольшие суммы. Принимая во внимание пирамиду потребностей Маслоу³, модели потребления можно охарактеризовать таким образом, что пирамида (структура) расходов — это перевернутое изображение пирамиды потребностей (см. рис. 1). Откровенно говоря, на культуру, образование и развлечения люди тратят относительно больше средств, чем на питание или обустройство жилища. Данная закономерность отражена в статистических данных. Оказывается, в Германии домохозяйства тратят 9 % своего дохода на еду и напитки, в то время как на эти же цели поляки тратят 20 %, а индийцы — 50 %⁴. Данная модель проста и понятна: чем богаче страна, тем больше люди тратят на более высокие потребности. И если некая страна становится богаче, то одновременно снижаются расходы на базовые потребности.

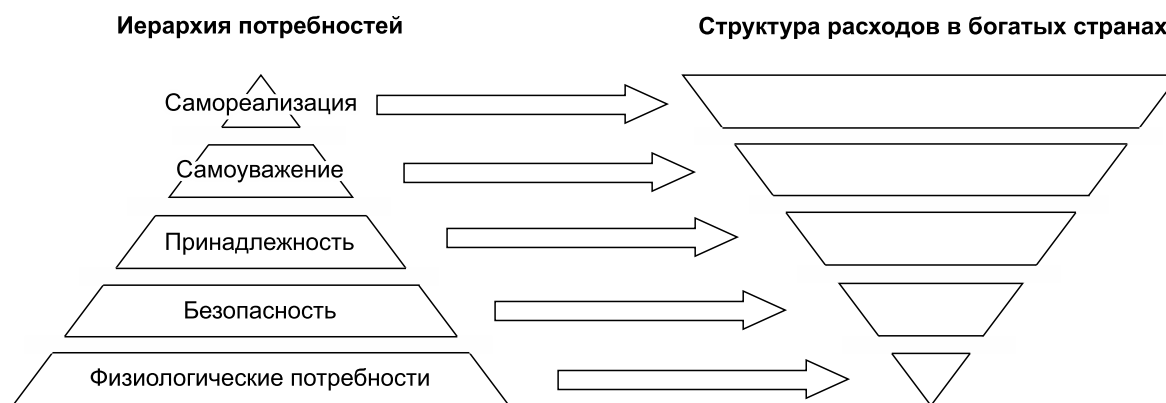

Рис. 1. Пирамида потребностей в сравнении с пирамидой расходов в богатых странах

Вторая характеристика касается глобализации брендов. Примечательно, что в наше время запросы потребителей унифицированы по всему миру посредством создания продуктов с глобальным охватом.

¹ Kolodko G. W. Truth, Errors, and Lies. Politics and Economics in a Volatile World. N. Y. : Columbia University Press, 2011.

² Kissinger H. World Order. N. Y. : Penguin Books, 2015.

³ Maslow A. Motivation and personality. N. Y. : Harper publishing, 1954.

⁴ The Next Mobile Frontier Report, 2014. URL: <http://www.upstreamsystems.com/2014-next-mobile-frontier-report/> (accessed: 21.01.2016).

В качестве подтверждения этого можно использовать многочисленные рейтинги из разных стран, представляющие наиболее популярные компании и бренды. Не имеет значения, где находится конкретная точка отсчета — в Польше, Германии или Индии, — Apple, Google и Coca-Cola всегда будут самыми мощными брендами. Стоит отметить, что речь идет не только о популярности, но и о желании. Из-за глобализации вообще и средств массовой информации и рекламы в частности желания всех людей, даже в отдаленных странах, одинаковы. Например, согласно докладу

«Следующий рубеж мобильности» (2014), когда речь заходит о смартфонах, респонденты из Нигерии, Бразилии, Индии, Китая и Вьетнама говорят о том, что хотели бы купить либо iPhone, либо Samsung, потому что это именно те бренды, о которых они мечтают. Та же самая модель применяется к большинству продуктов повседневного потребления. Таким образом, мир сталкивается с унификацией потребностей и одновременно — с их материализацией в виде конкретных брендов и продуктов. Данный процесс идет быстрыми темпами, не встречая сопротивления и обнаруживая с точки зрения экономики все признаки монополии.

Унификация моделей потребления и ее последствия

На данном этапе возникает решающий вопрос: «Что произойдет, если какая-либо слаборазвитая (или по меньшей мере развивающаяся) страна примет модели потребления, аналогичные тем, которые существуют в богатых странах?» Другими словами: что произойдет, если не очень состоятельные люди захотят покупать те же вещи, что и граждане богатых стран?

Первое последствие — в слаборазвитой стране потребности растут быстрее, чем возможность их удовлетворить¹. Общеизвестно, что имеется прямая корреляция между наличным доходом и уровнем по-

требления. В экономике данные взаимоотношения представлены функцией потребления. Аналогичные рассуждения, вероятно, можно применить к построению функции притязаний, которая отображает отношения между наличным доходом и уровнем притязаний, что можно определить как желанный, но реалистичный уровень потребления. При нормальном уровне, под которым понимается отсутствие доминирования моделей потребления из богатых стран, функция притязаний параллельна функции потребления. Тем не менее, как уже упоминалось выше, мы предполагаем, что в настоящее время важную роль играет дополнительный феномен.

В слаборазвитых странах из-за увеличения наличного дохода, с одной стороны, и из-за популярности моделей потребления, импортированных из богатых стран, — с другой, потребности растут быстрее, чем возможность их удовлетворения, что можно охарактеризовать как отделение функции притязаний от экономической реальности страны (см. схему). Желанный уровень потребления фиксируется на уровне, заданном богатыми странами, и, по нашим предположениям, является недостижимым для слаборазвитых стран. Он становится стандартом, которого хочет достичь каждый. Однако для большинства развивающихся стран это невозможно, по крайней мере в обозримом будущем.

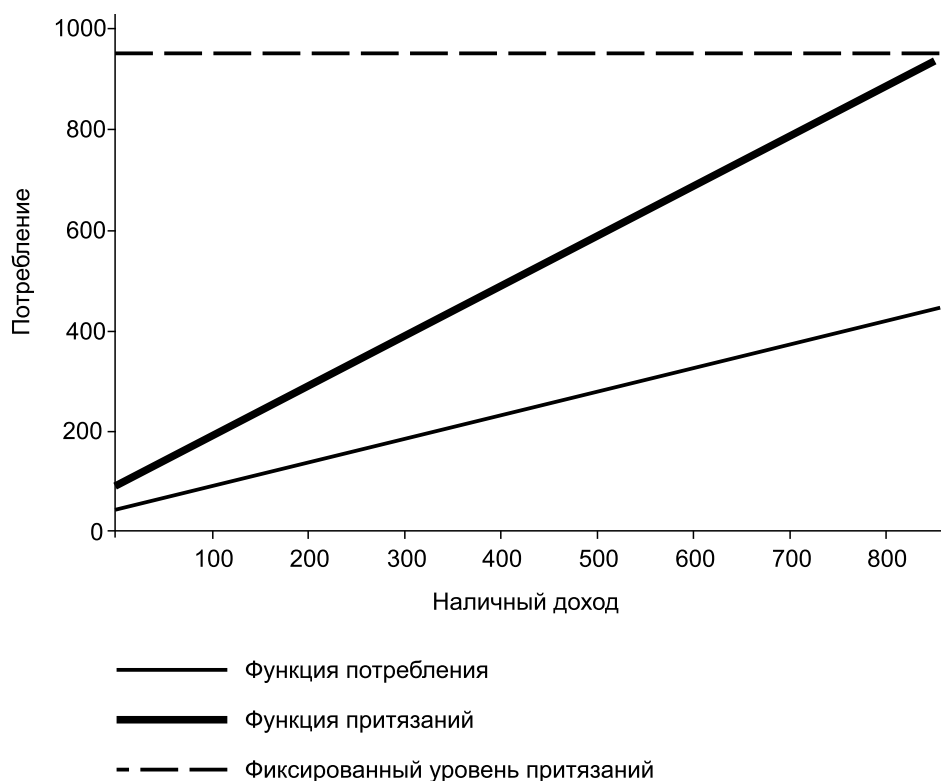

Рис. 2. Функция потребления, функция притязаний и фиксированный уровень притязаний

Откровенно говоря, импортирование моделей потребления из богатых стран создает ситуацию, ког-

¹ Kotodko G. W. Whither the World: The Political Economy of the Future. Houndmills; Basingstoke; Hampshire: Palgrave Macmillan, 2014.

да люди в Нигерии или Индии, у которых месячная заработная плата не превышает 300 долларов, хотя покупать такие же смартфоны, как немцы (хотя месячная заработная плата немцев превышает 2,5 тыс. долларов). Учитывая, что стоимость смартфона со-

ставляет примерно 700 долларов, сравнение покупательной способности различных стран заставляет задуматься.

В некоторых частях света неудовлетворенные потребности вызывают чувство безысходности. Это особенно важно в наше время в связи с широким распространением медиаиндустрии. Сто или двести лет назад люди из разных стран также желали достичь западного уровня жизни. Однако среднестатистический человек из прошлого, живший в экономически отсталой стране, скорее всего, не имел понятия о западном уровне жизни и не мог сравнить свою жизненную ситуацию с ситуацией среднестатистического немца или француза. В наше время благодаря Интернету и телевидению для жителя Чада или Индии это не является проблемой. Сравнение заработных плат и неудовлетворенных потребностей вызывает чувство разочарования¹.

При таких обстоятельствах возрастает давление на правительство с призывом «сделать что-нибудь» для изменения ситуации в максимально короткие сроки. Впрочем, с макроэкономической точки зрения значительные изменения, необходимые для сокращения расстояния до богатых стран, требуют времени, речь даже может идти о десятилетиях. Но во многих случаях правительствам не дают достаточно времени, даже при росте экономики недовольство увеличивается. Также во многих случаях такая ситуация приводит к тому, что правительства принимают радикальные решения, которые оборачиваются проблемами в экономике страны. В некоторой степени Польша является примером того, как данный механизм работает на практике. То, что Польша стала членом ЕС и переживает долговременный экономический рост, породило притязания и запросы поляков. Для них стало более привычным сравнивать свою ситуацию с материальным положением шведов, британцев или немцев, а не словаков, литовцев или болгар. И хотя считается, что высокие запросы — это, конечно, хорошо, но такие сравнения скорее создавали неуверенность в собственных силах, а не служили мотивацией. В результате было избрано новое правительство Польши с совершенно другим видением и достаточно популистскими характеристиками.

Рост нетерпения и неудовлетворенности сопровождается ростом экономической миграции или как минимум растущим желанием эмигрировать². Имеются многочисленные статистические данные, подтверждающие данную гипотезу, и в будущем мы можем ожидать увеличения мировой миграции. Как показывает история, люди всегда перемещались с территории с ограниченными возможностями развития в более благоприятную среду. В наши дни данная тенденция выражена еще более отчетливо, чем в прошлом, потому что людям известно материальное положение богатых стран и сам процесс перемещения стал в целом более безопасным, чем в предыдущие столетия.

¹ Skidelsky R., Skidelsky E. *How Much is Enough? Money and the Good Life*. L.: Penguin Books, 2012.

² Milanovic B. *The Haves and the Have-Nots*. N. Y.: Basic-Books, 2011.

Выводы

В последнее время был проведен целый ряд исследований в области неравенства доходов и равенства возможностей. Большинство таких исследований представляют национальную концепцию, что означает, что их основная задача состоит в определении некоторых последствий значительного экономического неравенства в конкретной стране. Такой подход неясен, особенно в случае развивающихся стран. Причиной тому является глобализация, которая изменила и продолжает менять точку зрения отдельных людей. Люди больше не сравнивают себя только с соседями и соотечественниками: гораздо чаще они сравнивают себя с жителями богатых стран или теми, кто уехал туда. Таким образом, с точки зрения достаточности исследования все более важную роль начинают играть не местные, региональные или национальные неравенства, а неравенства в общемировом масштабе.

Данное наблюдение важно не только на теоретическом уровне. Также политики и экономисты всякий раз, когда пытаются максимально увеличить уровень равенства возможностей, должны учитывать и тот факт, что максимальное увеличение равенства возможностей становится все более сложным делом, поскольку традиционная точка отсчета — национальное государство — заменяется новой, представляющей собой фиксированный уровень потребления, определяемый моделями, импортированными из богатых стран посредством медиаиндустрии. И на этом этапе у правительства нет инструментов для изменения положения дел.

С нашей точки зрения, есть два варианта смягчения последствий данного феномена. Первый вариант — пример богатых стран с высоким уровнем неравенства доходов, таких как США. Недовольство, вызванное высоким уровнем неравенства, до некоторой степени смягчается широко распространенными в стране мифами и легендами³. Например, миф об «американской мечте» заставляет людей верить в то, что все живущие в Соединенных Штатах имеют одинаковый уровень возможностей. Не имеет значения, что несостоятельность концепции «американской мечты» доказана в многочисленных исследованиях, постоянство данной идеи приводит к недоумению⁴. Таким образом, если аналогичный миф или идея популярны в какой-то стране, возможно, нет нужды беспокоиться о фиксированном уровне притязаний.

Второй вариант ограничен и полностью связан с социальными потребностями. Есть возрастающая потребность в их уменьшении. Получить такой результат сложно, и нельзя это сделать немедленно. Но неконтролируемый рост потребностей можно ограничить, уменьшив досягаемость рекламой индустрии. Хорошим примером такой политики может послужить скандинавское телевидение, на котором запрещена реклама во время показа детских передач.

Усилия правительства по сокращению неравенства могут считаться возможным средством решения про-

³ Malinowski G. *Percepcja nierówności społecznych a rzeczywistość // Nierówności Społeczne a Wzrost Gospodarczy*. 2014. № 38. S. 118–136.

⁴ Wilkinson R., Pickett K. *Duch równości*. Warszawa: Wydawnictwo Czarna Owca, 2011.

блем, вызванных фиксированным уровнем притязаний. Тем не менее это не было бы эффективным решением, поскольку сокращение неравенства в одной стране не меняет ситуацию в целом. Только значительное сокращение неравенства в мировом масштабе может приблизить нас к решению данной проблемы¹.

Именно тот факт, что благодаря глобализации и унификации западных моделей потребления большинство людей во всем мире имеют одинаковые стремления, может исказить ситуацию с точки зрения мирового порядка. Границы между странами постоянно исчезают или просто не замечаются идеями, бизнесом и технологиями — факторами, которые сами по себе создали виртуальную реальность, все чаще становящуюся более реальной, чем физическая реальность меж-

дународных договоренностей. В этих условиях управление становится все более сложным. Даже успешное правительство с прагматичной политикой, направленной на улучшение условий жизни граждан, может восприниматься как неэффективное, потому что в мире универсальных моделей потребления потребности растут быстрее, чем возможности их удовлетворения. Это создает опасную вероятность роста социального недовольства и одновременно популистской реакции правительств в развивающихся странах.

В настоящее время следует тщательно, опытным путем изучить влияние моделей потребления, установленных на фиксированном уровне, особенно с точки зрения его влияния на политическую стабильность страны.

В. К. Мамонтов²

РАДОСТЬ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ, И ПОЧЕМУ В РОССИИ ТАК НИКОГДА НЕ БУДЕТ

Недавно мне довелось поприисутствовать на заседании Аналитической ассоциации ОДКБ, где обсуждалась тема гибридной войны. Помимо того тезиса, что война уже идет полным ходом, а научного определения ей так и не дано (словно профессора ушли в ополчение озябшими руками окопы рыть), на заседании был высказан и ряд других интересных мыслей.

Поскольку нормальная война — дело дорогостоящее (управляемый снаряд стоит на порядки дороже саманного сарая, который высокоточно сметает с лица земли), то расцветают терроризм и партизанщина.

«Террористы — гастарбайтеры войны, — прозвучала такая формулировка. — Подрядчик нанимает их баснословно дешево по сравнению с контрактниками, увешанными электроникой и обремененными страховками. А рушат они быстро и качественно. Целые цивилизации деградируют и уходят обратно в пески буквально за считанные годы».

В случае с Украиной — обратно в черноземы, но тут и не пошлые террористы в пропотевших халатах действуют — евроинтеграторы. Разница есть.

Но есть и схожие черты. Мысль эта очень понравилась еще и потому, что уже давно не дает мне покоя. Помните, как Нуланд похвалялась, что за какие-то 5 млрд они взяли и перевернули Украину вверх тормашками, а теперь планомерно превращают в своего сателлита? А мы сотнями миллиардов который век вкладывались, а что в итоге? «Москаляку на гиляку?»

Почему так? На том же заседании услышал я ответ от политолога Сергея Михеева. Суть в том, какие такие ценности и блага (или антиценности, но приятные, увлекательные) предлагает наемнику вербовщик.

¹ *Milanovic B. Worlds Apart. Princeton: Princeton University Press, 2005.*

² Генеральный директор радиостанции «Говорит Москва», директор Фонда поддержки сетевых инициатив «Разумный Интернет». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический сплав», «Как сделать газету такой, чтобы ее читали?».

По его мнению (опять-таки созвучному моему собственному), так дешево купить поддержку западникам удастся ровно потому же, почему гастарбайтер оставляет патриотизм дома и соглашается на низкую оплату: ну, во-первых, ему и такая прежде не снилась.

Но это не все, и, может, не самое главное — к зарплате (возьмем, к примеру, Москву) прилагается Красная площадь, где можно весело встретить Новый год под бой курантов, умытое не без его помощи Садовое кольцо, полное удивительных соблазнов и дивных возможностей.

Его дети уже катаются на самокатах по торгово-развлекательным центрам — вах, ну почти как юные московские хипстеры, а иногда они даже плюхаются на европодушки в Парке Горького — и тоже тычут смуглыми пальчиками в планшет (ну, не в «Мас» — в китайский, но это пока).

В советское время была такая формулировка — «красивая жизнь поманила». Обычно она подходила к заметкам о том, как девушка (или юноша), увлекшись модными тряпками, новыми пластинками «Битлов», бросала учебу, начинала фарцевать, а там недалеко и до «агента влияния».

Тоже не бог весть какие расходы нес лукавый атташе, а поди ж ты, Союз рухнул (во всяком случае, атташе в своем финансовом отчете писал, что эпохальное событие произошло точно из-за его неустанной деятельности).

Поскольку у нас под боком вечно крутились гастарбайтеры из бывших советских республик, то россиянам как-то и в голову не приходило, что кто-то рассматривает в таком же свете их самих.

Меня как-то спросила молодая любознательная девушка: а почему в СССР так плохо знали английский? И сама же ответила: наверное, потому, что поездка в Англию была немыслима? А где еще применить язык? Журналы, и те выдавались под расписку из спецхрана.

Я уже был готов согласиться, но назвал другую причину, куда, на мой взгляд, более важную: я сам был «англичанином». Мой русский все вокруг учили, чтобы овладеть богатством знаний, накопленных... ну, и далее, старики помнят.

Моя цивилизация не заглядывала франкам и бриттам в рот, а германца бивала. Она широка была, страна моя родная, и Расул Гамзатов был мне как отец, Тынис Мяги — как брат, а я — ровней Глинке и Чайковскому с Бабаджаняном. «Битлз» классные, но знали свое место, и что “Come Together” означает, я узнавал, не читая Тимоти Лири в подлиннике, чего уж греха таить.

Так вот: Сергей Михеев довольно горько так сказал, что нам, россиянам, в особенности молодым (ну и не только нам), на этом рынке предлагаются страшно притягательные вещи, против которых устоять потруднее, чем против шмоток (просто потому, что шмоток полно).

Личная безграничная свобода, неосуждаемое обществом удовлетворение самых смелых фантазий, гарантированное место в демократическом строю, айпад, айфон и шестой сезон «Игры престолов». Вы бы устояли против такого? Только честно? Ах, устояли бы? Тогда прочь с дороги: вы, небось, еще и православнудый? Может, Достоевского читали и знаете, что если Бога нет, то все дозволено? Может, вам кажется, что без труда не выгатишь и рыбку из пруда? Может, вам кажется, что вы, поскольку гражданин великой и богатой страны, автоматом попадаете в уважаемые евролюди, не признавая однополой любви за ценность?

Может, вы думаете, что радио изобрел Попов? Вы еще скажите, что огромная ваша страна, доверху забитая лесом, рыбой, водой, газом, нефтью и золотом, принадлежит вам, а не всему (ну не всему, а цивилизованному) алчущему миру! Может, вы полагаете, что можно доверять ее управление только собственным царям и вельможам, а уж они договорятся, доторгуются с иноземными, себя не забыв — и вас немножко?

Какая отсталость! Долой царя и вельмож! Все к нам — в наш прекрасный демомир — ну а мы там у вас сами пошерудим, без этих ваших ротенбергов.

Какая же работенка за такую прекрасную плату предлагается нам, гастарбайтерам дядюшки Сэма, как написал бы я, если бы был советским журналистом, и как пишу, по факту им и являясь? На первый взгляд не пыльная, я вам скажу. Вот, к примеру, Болгария: помидор там скоро можно будет купить болгарский только у бабули из-за ограда.

Или Латвия — ни малейшей промышленности, ни ВЭФа, ни РАФа. Но! Зато Евросоюз дал денег на гигантский концертный зал и музей художника Ротко, который рисовал матрасы, стоимостью в десятки миллионов долларов. А в Бургасе засиял новыми велодорожками старый парк.

Не забыли на стенде написать — от щедрот Евросоюза. Старикам приятно, туристам: молодежь, правда, уехала выращивать помидоры и собирать автомобили туда, где их положено выращивать и собирать, согласно евроуложениям (а если честно, то дворы мести и сельтерскую разносить), но это не беда: они там точно как наши гастеры — празднуют Новый год на красивых

площадях и мечтают, чтобы дети катались на самокатах по торгово-развлекательным комплексам.

В сущности, нам тоже предлагается нечто подобное: веру оставьте, амбиции имперские скатайте в трубочку, недрами поделитесь — ну и на велодорожки. Тут, гляньте, и гей-парад, и мама не ругает.

Что сказать? Ставка в целом сделана верная. Не мной отчеканено: добродетель требует себе награды, порок же приятен сам по себе. Одна у меня надежда: все-таки мы не болгары. Помидоры их любили, факт. А так нет. Хрен нас заломает — но это я за себя, за молодых уже не вполне берусь судить. Очень уж они теперь ушлые, и обмануть их нетрудно, поскольку сами обманываться рады.

Но не только, к счастью. Обратимся к другой, но прочно связанной теме. То, что происходит сейчас на строительстве Керченского моста, который свяжет автомобильно, железнодорожно и кровеносно Крым с материком, холодному описанию не поддается. Тут работают совершенно новые технологии не только в забивке свай, но и в самом подходе к стройке. Во внутренней ее логике мне видится вот что: ходите, ходите мрачной урлой, братья-небратья, чадите факелами, ставьте памятники убийцам, выпрашивайте у хозяина виз да грошей. Перебирайте свою колоду Тимошенко-Порошенко.

А мы мост строим.

Мы строим его так, как научились за последние годы. Во Владивостоке натренировались, аж три штуки возвели. Мы, конечно, много чего за эти годы, пока живем с вами врозь, сделали неправильно. Начудили. Но и научились кое-чему. Вы, кстати, раньше тоже кое-что умели. Мы с вами. Через Днепр за 13 лет, с 1940-го по 1953-й (война помешала, конечно), был перекинут чудо-мост. Советский. Имени Патона. Первый в мире цельносварной. Без единого железного гвоздя-заклепки. И ведь стоит. Служит. По нему можно ходить толпой и скандировать «Хероям слава». Он железный. Он выдержит.

Но мы свой мост начинаем не со сварки. Не с песнопений. И даже не со свай. А с разминирования сотен снарядов Великой Отечественной, которые достаем из воды и из-под земли, а потом аккуратно штабелируем на бережку — и подрываем так, что можно подумывать, это вы Донецк бомбите. Нет, это мирный взрыв.

Это мы мост строим.

Еще мы строим его так: вслед за водолазами и минерами идут археологи. И достают фантастические греческие глиняные чаши, ржавые гвозди, кованные генуэзскими кузнецами. Наконечники славянских стрел, татарские украшения, монеты всех стран, что торговали здесь — виноградом, медом, рабынями в мокрых от слез одеждах... Простите, нас, братья-небратья: ничего из этого, ни черепка, ни гвоздочка не принадлежит древнему укру. Может, и хотелось бы вам потрафить, однако правда сурова: греки, скифы, италийцы, тюрки, славяне просматриваются сквозь толщу огненных лет; даже английские косточки тут лежат, не говоря уж о турецких. А ваши новоявленные предки, что были трехметрового роста и вола могли спрятать в кармане шаровар, — нет.

Следом за археологами идут биологи. Понимаете, какое дело... Это у вас теперь кровь людская — водичка. Те, кто не желает свято верить в укров, «хероев» и амеров, для вас не человек — вредитель-«колорад». А мы буквально каждую тварь божью бессловесную — жука, бурундука с зайцем, всякую птичку (будь она даже не гордый гоголь, а невзрачная авдотка), которые попали в зону строительства, — отселили на безопасное расстояние. Гнезда перенесли и норы вырыли. 117 видов. Заметьте, как тщательно мы их пересчитали: никаких «более 110». Или «около 120». Сто семнадцать — и точка. Тут точность нужна. Ум, доброта и квалификация. Это вам не советских истуканов валить.

Мы же мост строим.

Прежде чем привезти сюда основной контингент тружеников, мы отгрохали комфортабельный поселок — такого даже на БАМе не было. Помните, вы там силами УССР станцию Ургал построили? Неужто не помните? А мы тут согласовали тысячестраничный проект моста — на 30 гигабайт компьютерной памяти. И сняли об этом кино. На три минуты. Говорят, что наше нынешнее поколение дольше внимание не концентрирует. А уж ваше после печенок тем более. Но при случае поглядите. Осилите, думаю. Поймете посыл.

Что еще сказать, раз уж речь про клипы и фильмы? Вы как-то со слезой стишки декламировали, насчет «никогда мы не будем братьями». Слали нам, чтоб нас проняло. Строители моста записали другой стих: не для вас. Для себя. Они поздравляют всех женщин мира (ну и каждый свою) с 8 Марта и читают по одной строчке нашего великого поэта Александра Сергеевича Пушкина. «Я помню чудное мгновенье», — начинает геодезист. «Передо мной явилась ты», — продолжает экскаваторщик. «Как мимолетное виденье», — выдает шофер. А когда дело доходит до «Душе настало пробужденье», которую круплолицый крупногабаритный монтажник (каска едва на макушке умещается) произносит, словно меха на баяне рвет, тут уж совершенно ясно становится: построим мы этот мост. За два года. Если война не помешает. Но мы такого не допустим.

Главное, чему нас научила «Русская весна», воссоединение с Крымом, — себя лучше понимать. Что нам надо. Что нами движет. Без чего жизнь не мила. Мы ж тоже лет двадцать назад сильно верили в за границу, и ксендзы нас охмурили, и полагали мы, совсем как вы сейчас, что кто-то поможет нам, кроме нас самих. Ну и еще ближайшей родни.

Переболели. Нас не трогают ваши «вата», «совки»... Мы наследуем нашу с вами вековую историю, а вы бежите от нее как черт от ладана. Зря. Обруганный, любимый, ненавидимый, прекрасный, нескладный, такой нерушимый и такой уязвимый СССР продолжает питать нас не только фильмами и книгами. Не только электростанции (мы ж с вами на Днепрогэсе глину ногами месили, а вы теперь опоры пилите) и заводы его честно служат. Аэродром в Багерове под Керчью строили под возможную посадку космического «Бурана», принимал он тяжелые бомбардировщики, состарился. И на отсыпку основания нового моста пойдут его бетонные полосы.

Старые они, отработавшие свой срок, покрытые трещинами, словно морщинами, однако все равно — взлетные.

Тут хватаю себя за фалды: а может, это мой дежурный оптимизм? С чего бы мне за всех говорить? Но подоспело подкрепление. Романтик в душе Глеб Павловский написал однажды: «Август собирают из остатков, из остатков летнего сырья». Мне это так понравилось, что я даже продолжение написал, конкретизировав: «Из опавших яблок, из сухих початков, из пера стрижа и воробья».

Чувствуете, про что это я? Про то, что счастье генерируется в людях самыми разными способами. Чаще всего это события не особенно глобальные. Полет Гагарина, возвращение Крыма — это, к сожалению, нечасто. Конец войне — это нечасто, к счастью. А вот поднять утреннее яблоко из мокрой травы, глядеть, как ловко катятся внуки по снежному склону, найти старую записку ровным девчачьим почерком на бумаге в клеточку «Задача легкая, сам мог бы решить» может каждый, кто умеет добывать себе радость и счастье из того, что под рукой.

Этим искусством народ наш овладел в полной мере. Что подтверждается социологами. На днях ВЦИОМ доложил, что индекс счастья россиян вот уже на протяжении шести месяцев держится на уровне 25-летнего максимума. Максимальное счастье — 100 пунктов. Мы сейчас набираем около семидесяти.

Заметьте: мы вовсе не были так счастливы, когда избавлялись от тоталитарного наследия СССР. И даже когда цена на нефть достигала исторического максимума. Больше того: есть фундаментальные исследования Института социологии РАН, которые дают другую, не менее удивительную цифру: около 7 % россиян несчастливы всегда. Эта цифра не меняется ни в кризис, ни в тучные годы. Победили мы в четвертьфинале чемпионата Европы голландцев или вылетели с треском из отборочного турнира. Выдалось лето жарким или шли обложные дожди. Устраивается ли человек на хорошую работу или теряет ее. Из Костромы сыр или из Пармы. И есть объяснения, почему.

Они очень разные, от маленькой зарплаты до природного утюмства. Но суть их в следующем: человек считает, что его жизнь не удалась.

Чтобы понять, почему наш человек, несмотря на вороватых чиновников, кризис, санкции, козни Госдепа и тому подобное, практически двумя своими третями считает, что жизнь удалась, социологи ВЦИОМа поставили перед счастливицами ряд дополнительных вопросов. Например: сколько вам лет? Выяснилось, что лица от 18 до 24 счастливы почти поголовно. Они не слишком хорошо знают жизнь. Они не обременены разочарованиями. Полны надежд и адреналина.

Именно это помогает значительному числу из них со временем перебраться в другие категории счастливых граждан, которые фиксирует ВЦИОМ. Первая: те, кто считает себя материально обеспеченными. С этим все понятно. Поди плохо: квартира, машина. Радости жизни 16-летней выдержки; это я о виски. Горные лыжи в Австрии? Господь с вами, только в Норвегии, чтоб и фьордами любоваться.

Почти столько же счастливых не могут позволить себе фьорды и «форды», однако им это не мешает. Это люди с высоким уровнем образования и духовной организации. Они могут получить гигантское удовольствие от посещения выставки Серова, они плачут, когда слышат, как Горовиц играет Сонату фа минор Шопена, они водят внуков в музей Льва Толстого и тихо, с почти неощутимым оттенком зависти презирают (а что остается?) предыдущую категорию респондентов.

Но и те, и другие, и третьи, переживая кризис (у кого-то жемчуг мелкий, у кого-то суп жидкий), опору и утешение находят в семье, где обитают любовь и мир. В здоровье детей и внуков.

В старшем поколении срабатывает и еще один немаловажный фактор: они жили гораздо хуже, они знают, как это может быть на самом деле, они понимают, что с точки зрения простой обывательской жизни никакой это не кризис — это уровень, о котором 20 лет назад могли только мечтать.

Прочитав отчет ВЦИОМа, одна моя коллега сделала интересный вывод: мы счастливы потому, что не сбываются мрачные прогнозы. Санкции есть — голода нет. Рубль упал — никто не помер. Обострение на первом украинском налицо, казалось, война стучит в двери — вроде отпустило. И так во всем.

Похоже на правду. Только этот ресурс явно компенсаторный, явно психологический, и он конечен. Он драгоценен, им нельзя цинично злоупотребить, как злоупотребляли руководители СССР тем фактом, что многие советские бабули были на все согласны — лишь бы войны не было. Теперешние бабули ничуть не хуже, у нас замечательные бабули: несмотря на размеры своих пенсий, они против сокращения космической программы, сообщают нам социологи. Грех таких надувать.

На прямой линии с Владимиром Путиным один выступавший Христом-Богом молил президента не добиваться отмены санкций: только-только на ноги вставать стали, производим свое. Не знаю, какой процент готов у нас ковать счастье своими руками, но в перековку идет даже то, что представлялось другим жуткой бедой и концом света.

Может быть, и в этом тоже таится ответ на вопрос: «А чего это ты, россиянин, такой счастливый? Такой свободолобивый?». А по-другому не хочу. Не могу. Плохо получается. Мы который век обходимся без внешнего управления, а дадим слабину — выправляемся все равно.

Мы который век поглощаем беду и тьму — а производим свет и счастье.

Хуан Антонио Марк¹

АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ. МИР МЕЖДУ КОНФЛИКТОМ И СОЗИДАТЕЛЬНОСТЬЮ

Жизнь в начале XXI века характеризуется все возрастающей напряженностью между тяготением к новому миру, отмеченному стремлением к созиданию с помощью быстро развивающихся технологий, и деструктивными инстинктами — результатом отчаяния больших групп людей, ощущающих себя неудачниками в наше время, тех, кто чувствует себя аутсайдером новой эпохи. Еще никогда человечество не было способно создавать такие продуктивные общества, как сегодня. Еще никогда человечество не стояло на пороге таких разрушительных конфликтов, как тот, который предстал на горизонте в настоящее время, подпитываемый отчаянием больших групп людей.

Таким образом, важнейшим вопросом нашего времени является архитектура власти. Впервые в истории отдельные личности — не государства и даже не группы лиц или организации — обладают властью над ми-

ром. Сегодняшним миром правят личности. Но личностям все равно требуется общество. Им нужно, чтобы социальная и мировая среда не превратилась во враждебный элемент. А это может быть гарантировано только в случае правильного устройства архитектуры мирового политического порядка. В противном случае велика вероятность, что огромный положительный потенциал, направленный на созидание, внедрение инноваций и инициатив, которым располагают личности, останется заблокированным, лишится силы или даже будет разрушен хаосом, царящим в социальном устройстве. Нам как никогда ранее нужны выдающиеся политики... потому что все остальное практически в порядке; у нас есть личности, способные реализовать самые разные планы; у нас есть инновационные технологии, необходимые для того, чтобы открывать новые места для проведения самых разных мероприятий; у нас есть отличные финансовые возможности, чтобы воплощать в жизнь самые амбициозные проекты, и т. д. Чтобы дать пищу для размышлений, я бы сказал, что в современном мире самой высокооплачиваемой профессией должна быть профессия архитектора политического устройства. Именно от этих людей зависит, будет ли жизнь всех обществ процветающей и мирной либо погруженной в депрессию. В настоящее время положение дел таково, что мы, к сожалению, способствуем все большему ослаблению поли-

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в Российской Федерации (2008–2011). В 1989–1993 гг. — постоянный представитель Европейской комиссии при Комитете по поддержке организации по сотрудничеству и экономическому развитию. Работал генеральным директором Института Иbero-американского сотрудничества Испанского агентства по международному сотрудничеству, советником посольства Испании в Великобритании (1996–2001) и Мексике (2001–2004). Посол — постоянный представитель Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве (2004–2008). Автор книг «Жди меня в Гаване», «Ключевые стратегические вопросы в глобальном мире», ряда публикаций по проблемам современных международных отношений.

тического класса во всем мире и, следовательно, платим высокую цену за общую неспособность создать и наладить новый миропорядок, который мог бы сохранить мир и надежду во всем мире. Нет мудрого человека или группы людей, которые могли бы управлять современным миром. Кризисы случаются без предупреждения, а в мире существует только возможность эмпирического «предупреждения аварий».

Сегодня наибольшее беспокойство вызывает конфликт, который ждет нас в связи со столкновением исламского мира с современностью. Особенно тревожно, что этот конфликт назревал в течение последних 60 лет. Очевидно, что мы, международное сообщество, не смогли помочь арабам найти верный путь в новых условиях глобализации. Мы не справились с политическими проблемами, а они — с экономическими. В результате многие страны пребывают в смятении, а отчаяние их огромного населения готово выплеснуться наружу.

Почему мы не смогли справиться с экономической ситуацией? Во-первых, государство Израиль в центре ближневосточного региона было образовано неверно. Несомненно, это была сложная задача, но трагическая история еврейского народа, страдания, выпавшие на его долю во время холокоста, и ожидания развивающихся арабских стран, открывающих новую главу своей независимости, — все это могло бы породить более эффективную модель сосуществования. То, что был выбран неприемлемый вариант, привело к дестабилизации в регионе и дало толчок развитию движения исламского фундаментализма. Арабские страны вступили в современную эпоху после Второй мировой войны с чувством проявленной к ним несправедливости. В результате их многочисленное население стало противниками современности и придерживается архаических позиций. Во-вторых, не нашлось эффективной политической модели, которая могла бы направить в нужное русло потенциал общества и дать толчок развитию прогресса.

В некоторых частях планеты ряду стран удалось найти политическую модель, обеспечивающую их народам определенную гармонию и способную максимально использовать потенциал каждого гражданина, разрешать споры и находить решения, невзирая на амбиции. К сожалению, не так обстоит дело в арабском мире, где либо личности находятся под слишком сильным давлением определенных лидеров (в разных формах), либо извечные споры между разными группами постоянно оказывают разрушительное влияние и создают нестабильную обстановку.

Мы не можем винить в этом арабский мир, так как все общества знали в своей истории моменты успеха и неудач в попытке организовать свою жизнь. К несчастью для арабского мира, в тот начальный момент лидеры не смогли найти правильную модель, по которой можно было бы выстроить управление. Это привело к тому, что в арабском мире сформировалось чувство неудовлетворенности, изначально направленное против тех, кто удерживал власть в регионе, но впоследствии, после того как их отстранение не улучшило экономическую ситуацию, злоба была направлена против

международного сообщества и мирового политического порядка.

В-третьих, с новой силой разгораются внутрирелигиозные разногласия между суннитами и шиитами, которые используются для укрепления союзов и углубления конфликтов между народами. Все эти факторы вместе способствуют росту нестабильности и конфликтности, которые охватили значительную часть исламского мира и стали уже представлять угрозу стабильности на всей планете.

Вероятность этого тревожного сценария возрастает в связи со слабыми экономическими показателями арабских стран в ходе конкурентной борьбы на мировом рынке. Успешное вступление Китая в мировую экономику послужило для многих отраслей сигналом переместить туда свои производства, многие из них покинули арабский мир. Невозможность разрешить этот вопрос в арабском мире так же успешно, как он был разрешен в азиатских странах, низкий уровень развития науки и неэффективность, связанная с бюрократизацией, оказали серьезное негативное влияние на экономику арабских стран в условиях открытой конкурентной борьбы на мировом рынке.

Мы должны наконец осознать, что в мире идет очень жесткая конкурентная борьба, приводящая к тому, что все больше увеличивается разрыв между теми странами, которые по какой-либо причине имели преимущество в этой борьбе, и теми, которые по другим причинам оказались плохо подготовленными к ней. Периоды взлетов и падений становятся все короче, и не за горами политические конфликты, связанные с разочарованием в новой эре. Возможно, к первым таким конфликтам можно отнести столкновения, случившиеся в ряде арабских стран. Глубокие корни арабской культуры, многочисленные моменты славы и сложность достижения по-настоящему гармоничного прогресса в этих обществах в современном мире вызывают сильное негодование среди части населения этих стран, от которого не получается избавиться на современном этапе.

Природа нынешнего раздражения отличается от таковой в XX веке, после окончания эпохи колониализма. В то время многие народы были недовольны тем, что они жили под владычеством других стран, и тем, как их территории были поделены или перекроены внешними силами. Они были обижены несправедливостью, но полны надежд и уверенности в будущем. Враждебным было прошлое, а не будущее. В настоящее время чувство недовольства гораздо глубже. Оно подкрепляется пониманием того, что блестящее будущее для этих народов откладывается на неопределенное время. Люди сетуют на политические обстоятельства, сложившиеся фатально для их перспектив, однако причина проблем, к сожалению, кроется гораздо глубже. Она связана с их недостаточной конкурентоспособностью в масштабах мира по сравнению с другими развивающимися культурами и регионами. Поэтому после первой реакции, направленной против существующего устройства и господствующих сил на национальном уровне, многие из них обратили свой гнев на междуна-

родный миропорядок, намереваясь вести борьбу против него.

Одной из важнейших проблем, присущих этим обществам, является сложность создания квалифицированных рабочих мест для молодежи. В большинстве случаев нет понимания того, о какой специализации может идти речь, так как промышленники стараются располагать свои производства в других регионах, а для развития сферы услуг там нет благоприятных условий. Результатом становится растущая расползённость среди некоторых групп населения к современности и глобализации, и таким образом мы приближаем столкновение с международным миропорядком и стабильностью других стран.

Таким образом, серьёзная проблема, стоящая перед нами сегодня, заключается в различии между тем, как сами национальные сообщества видят возможность преуспеть, и тем, чего они могут на самом деле добиться в условиях глобального мира, целиком охваченного жесткой конкурентной борьбой, с учетом своих реальных сильных и слабых сторон в сравнении с остальными. Это несоответствие между национальными проблемами и ограничениями, обусловленными глобальным развитием, возможно, наиболее ярко характеризует мировую политику XXI века. Благодаря безграничным возможностям коммуникации национальные сообщества хорошо осведомлены обо всех положительных сторонах и новых стандартах, существующих в мире. При этом каждому хочется иметь возможность пользоваться любимыми доступными благами. Но в то же время человек не может рассчитывать на многое, если у него нет средств, чтобы купить товары или услуги. Средства появляются только тогда, когда их производит ваша реальная экономика.

Еще более жестоким признаком нынешнего века является отсутствие границ, которые могли бы помочь выжить неэффективным экономикам. Создавать и только создавать, то есть если кто-то более производитель, нужно добиваться такого же результата. Таким образом, для того чтобы внедрить эту мысль в умы, предстоит проделать огромную работу. Но воплощение этой идеи потребует огромных усилий и точности принимаемых решений. Такое заявление будет трудно и неудобно делать тем, кто хочет быть избранным или получить поддержку в условиях сложной политической жизни таких стран, где вас могут выбрать или оставить во власти в зависимости от того, что вы обещаете своим гражданам. Они хотели бы получать только «пряники» и никогда «кнут», поэтому предпочитают Санта Клауса требовательному тренеру.

Таким образом, сегодня политические лидеры вынуждены играть сложную роль преобразователей видений и целей своих народов. Чем большего им удастся добиться, тем легче будет сохранять стабильность и регулировать различные конфликты, существующие внутри их обществ. Поэтому национальные сообщества могут исправить ситуацию, только пройдя определенный круг, совершив ошибки, заплатив свою цену и возродившись более сильными, способными избегать прошлых ошибок. Этот круг может оказаться долгим и зачастую проходить через периоды упадка и бедности.

Возможно, именно это и происходит сегодня во многих национальных обществах арабского мира.

В настоящее время нет человека, подобного Уинстону Черчиллю, который перед угрозой начала Второй мировой войны пообещал своим гражданам победить нацизм, несмотря на «кровь, пот и слезы». В арабских странах не видно ни одного национального лидера, способного сказать своим народам, что, только пройдя длинные периоды усердной работы, дисциплины и грамотного управления, они смогут добиться безоблачного будущего. То же самое происходит во многих странах Латинской Америки и Европы. Лишь в странах Азии народ усвоил идею, что будущее можно обеспечить только путем тяжелейших усилий.

В конечном счете мы способствуем росту и без того глубокого недовольства во многих странах в тот исторический период, когда технологический прогресс достиг высочайшего уровня. Во многих странах люди считают, что их будущее мрачно из-за неграмотного государственного управления или коррупции. На мой взгляд, все это реальные негативные факторы, которые ограничивают возможности страны и снижают возможности развития. Но реальная причина, препятствующая гармоничному развитию, лежит внутри самого общества. Это отсутствие понимания того, что развитие общества определяется не только национальными факторами. Ключевым фактором является развитие других стран, а эти страны, возможно, не смогли провести у себя эффективную реорганизацию, необходимую для того, чтобы другие не смели их с пути. Это самое важное. Потому что, когда страна не в состоянии конкурировать, в ней наступает упадок, а значит, растет безработица, неопределенность в отношении будущего, взаимные претензии политических сил.

Занятость населения — это основной фактор, обеспечивающий благосостояние граждан и стабильность общества. В наше время занятость с каждым днем все больше связана с техническими навыками людей. В связи с этим особую важность приобретает способность системы образования обучить население таким навыкам. Человек, выполняющий автоматические операции, будет все менее востребован на рынке труда. С каждым днем будет расти потребность в интеллектуалах, способных управлять машинами. И это произойдет во всех сферах деятельности человека — от самых простых (работа на фабрике или управление автомобилем) до самых сложных (работа врача или исследователя). С каждым днем роль машин будет возрастать, а роль человека будет заключаться в том, чтобы лучше разбираться в машинах и лучше управлять ими (исполнители), или в том, чтобы, проявляя творческий подход и изобретательность, создавать новые машины и новые средства или технологии труда (исследователи). Внутренние усилия каждой из стран будут направлены на то, чтобы создать максимально эффективную систему образования, способную подготовить новые поколения к будущим потребностям экономики. А внешние усилия должны заключаться в том, чтобы создать вокруг страны благоприятное соседское и международное окружение.

Второй аспект представляет особый интерес в рамках нашей конференции. Мы не можем игнорировать тот факт, что то, как устроено политическое пространство с точки зрения стабильности и безопасности, начинает играть ключевую роль для будущего развития стран. В данном отношении ближневосточный регион по-прежнему пребывает в состоянии непрекращающегося хаоса. Совершенно очевидно, что после серьезнейшей ошибки США, совершивших в 2001 году вторжение в Ирак, в стране произошла дестабилизация обстановки. Война в Сирии в отсутствие четко определенной оппозиции стала еще одной ошибкой, приведшей к страшным разрушениям и появлению миллионов беженцев. По-прежнему не разрешен палестинский конфликт, и население региона все больше впадает в отчаяние. Последнее соглашение Группы 5+1 («Шестерка») с Ираном открывает новые надежды для этой страны, но в то же время способствует созданию новой напряженности между Саудовской Аравией и Ираном. К сожалению, интенсивность конфликта между суннитами и шиитами также может возрасти в ближайшем будущем, что приведет к усилению напряженности в регионе.

Падение цен на нефть, наблюдавшееся в течение всего 2015 года, стало тяжелым ударом по многим восточноевропейским экономикам. Экономика ряда стран сильно зависит от добычи нефти, а падение цен на нефть приостанавливает реализацию многочисленных проектов, начатых в странах Персидского залива, и, таким образом, снижает их влияние. В этих условиях ситуация в ближневосточном регионе становится непредсказуемой. Отсутствие грамотного лидерства и четкого представления о том, в каком направлении должны развиваться эти экономики, конфликты, лежащие в основе сложной ситуации, и растущее недовольство новых поколений — все эти факторы создают сумятицу в значительной части арабского мира.

Очевидно, что в XXI веке арабский мир столкнулся со сложной организационной проблемой, но так же очевидно и то, что отсутствие мирового политического управления исключает возможность внешнего решения проблем арабских стран. Ведущие политические силы продолжают действовать обособленно и не в состоянии нести ответственность, возложенную на них в мировом масштабе. Таким образом, мы находимся на сложном историческом перекрестке. Мы создали всемирную политическую организацию — ООН, которая, несомненно, все время своего существования выполняет важнейшие функции. Но так как ООН полностью зависима от стран-участниц, то она не может играть ведущую роль в решении мировых политических проблем. Она может привлекать внимание общественности к важным и сложным вопросам, но не обладает полномочиями для их решения.

Мы живем в состоянии стабильной нестабильности. Это означает, что система недостаточно хорошо организована, чтобы развиваться без напряженности и конфликтов сил, однако в настоящее время ни один из сильных игроков не хочет развязывать масштабный конфликт, который изменил бы имеющееся равновесие сил. Несмотря на то, что технический прогресс одина-

ково влияет на изменение жизни всех граждан всего мира, люди по-прежнему организованы под эгидой национальных политических структур. Груз принадлежности к той или иной нации по-прежнему очень значителен для многих людей. Это означает, что, если задеть что-либо из области национальной гордости или унижения, конфликт может вспыхнуть моментально, независимо от того, сколько людей пострадает и какие разрушения будут вызваны таким развитием событий.

Как будут эволюционировать ведущие мировые силы и какие конфликты представляются наиболее вероятными в ближайшей перспективе? Давайте остановимся на первой части — на основных существующих сверхдержавах.

Соединенные Штаты, по сути, являются главной силой, поддерживающей определенную стабильность во всем мире благодаря своему стремлению к экономической мощи и развитию. США — это не военный, а экономический проект. Тем не менее серьезная проблема США в контексте исполнения ими роли основной сверхдержавы в будущем заключается в сокращении населения страны в эпоху, когда другие, гораздо более крупные страны и политические образования будут демонстрировать бурное развитие. США удалось создать эффективную политическую структуру, обеспечивающую создание для населения страны благоприятных условий для личного развития. Проблема заключается в том, что США — страна с населением 300 млн человек — не имеют четкого представления о том, как обеспечить стабильный прирост населения в ближайшие несколько лет.

У Китая, напротив, таких проблем нет. Китаю удалось создать национальную политическую структуру, включающую 1,5 млрд человек, без каких-либо признаков взрывоопасных конфликтов внутри страны. Китай обеспечивает возможность быстрого развития для своего населения, и это заставляет нас думать о том, что не за горами дни, когда эта страна станет основной сверхдержавой в мире. Мы не можем игнорировать того, что уровень дохода на душу населения в Китае вырос с 380 долларов в 1983 году до 7500 долларов в 2013-м. За последние 30 лет уровень дохода на душу населения вырос в 20 раз! В прошлом веке нет другого примера крупной страны, продемонстрировавшей такое быстрое развитие! Помимо прочего, это стало возможно благодаря надежной национальной интеграции и сильной политической системе, исключающей любую неконтролируемую напряженность или конфликт.

Основным фактором, обеспечивающим будущее развитие, является сочетание политической стабильности, поддерживающей национальное единство, и масштаба развития. Страна с населением 1,5 млрд человек, которая растет на 5–8 % в год, имеет огромный потенциал силы. Поэтому не исключено, что в конце первой четверти века между Китаем и Соединенными Штатами может возникнуть серьезная политическая напряженность. Хорошо, что ни одна из этих стран по своей сути не является агрессивной державой, однако возможный переход мирового лидерства от США к Китаю не будет беспроблемным.

Кроме того, мы видим неопределенность будущего на европейском пространстве. Его закат вполне очевиден по причине увеличения доли пожилого населения. Постоянный прогресс в области медицины привел к тому, что люди живут все дольше. По прогнозам, к следующему десятилетию средняя продолжительность жизни в большинстве европейских стран достигнет 90 лет. Этот факт в сочетании с сокращением численности молодого населения, а также неповоротливостью и дороговизной государственных структур, приведет к застою в этой большой части планеты уже в следующем десятилетии. Тем не менее богатое историческое наследие, высокие образовательные стандарты и хорошо продуманная территориальная структура стран региона позволяет надеяться на то, что прежде чем станет слишком поздно, в странах Европы появится новая сила, которая их подстегнет.

Европе нужен политический проект, способный вновь мобилизовать граждан, чтобы не позволить им покориться судьбе, сулящей упадок. Мы видим, что Россия находится в такой же ситуации, так как здесь постоянно падает численность населения и к тому же не завершена модернизация, которая, к сожалению, осуществляется не такими быстрыми темпами, как требуется. Для обоих регионов возможным способом перехода из этой мрачной ситуации в более светлое будущее могло бы стать объединение сил для реализации общей амбициозной цели — создания нового единого пространства. Того, что мы определили как «Большая Европа». Сложность заключается в том, что после нескольких лет позитивного экономического развития мощь этого образования приведет к необходимости признания его в новом качестве великой сверхдержавы. Подобное всегда вызывает панику в столицах малых государств, так как история знает примеры, подтверждающие стремление европейцев слишком активно действовать на чужих территориях, когда, как им представляется, они должны выполнить некую миссию.

Таким образом, для благополучного развития этого проекта необходимо структурировать его самым тщательным образом. Мы должны быть уверены, что новое образование будет лишено рисков потенциального неокOLONиализма. Очень важно правильно организовать выборы лидеров, тех, кто будет исполнять роль капитана, таким образом, чтобы скрупулезно соблюсти представительство стран! Это очень серьезный вопрос, и на него необходимо найти умный ответ, так как результатом бездействия станет закат Европы

и России, принять который в XXI веке обеим будет очень непросто.

Таким образом, на мой взгляд, существует три потенциально великих державы нашего века: США, Китай и Большая Европа (общее пространство, включающее ЕС и Россию). Другие значимые страны также сыграют важную роль в развитии ситуации в мире. Думаю, что важными игроками являются Индия, Япония, ряд государств Латинской Америки и Ближнего Востока. Со временем к ним присоединятся страны Африки и некоторые страны Азии. Однако стабильность ситуации или возникновение конфликтов будут зависеть от того, как станут действовать три основных игрока. Это будет важнейшим вопросом. Признавая это, я подразумеваю, что в течение всего века власть в мире будет в руках стран, а не международных структур.

Итак, в данный исторический момент перед нами действительно стоит сложнейшая структурная задача: с одной стороны, наука объединяет всех людей, проживающих во всех регионах, предлагая им блага — от глобальной коммуникации до возможности пользоваться открытиями в области медицины, участвовать в запуске новых продуктов во всемирном масштабе. Тем не менее мы пока не способны создать мировое правительство на планетарном уровне, которое могло бы гарантировать всему человечеству мирный переход к всеобщему процветанию и исключить риски возникновения конфликтов, спровоцированных старыми национальными структурами. Науки развиваются быстрее, чем концепции и интересы, но нет никаких гарантий того, что старые концепции и влиятельные группы интересов не приведут нас к конфликтам прежде, чем развитие мировой науки даст возможность положить начало новой эре «граждан мира». Это может создать взрывоопасную ситуацию, чреватую серьезными последствиями!

Будем надеяться, что со временем эти риски будут исключены и что развитие мира продолжится — в условиях напряженности, но без серьезных столкновений. Однако по-прежнему внушает беспокойство тот факт, что еще ничего не определено и будущее, как и раньше, зависит от нашей мудрости и от нашего эгоизма. Чтобы сделать мир лучше, все основные интересы во всех странах должны быть сосредоточены в области мировой политики, а идея блага для граждан должна превалировать над национальной идеей или идеей национальной гордости. Так будет безопаснее и более позитивно для всех и каждого из нас. Давайте все вместе работать в этом направлении.

А. П. Марков¹

РОССИЯ VS ЗАПАД: ВОЙНА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

1. Информационно-психологические войны — атрибут постиндустриального общества

Ключевой проблемой и атрибутом современной цивилизации являются информационно-психологические войны, инициированные глобальными игроками, формирующими «новый мировой порядок». Специфика информационных войн состоит в их «консциентальном характере» (Ю. Громыко) — когда в противостояние вступают конкурирующие формы организации сознания, а предметом поражения становятся ментальные матрицы «врага». Это войны за умы и ценности, жизненные установки и поведенческие паттерны. Стратегическая задача информационно-психологических войн — «мягкими» методами дискредитировать ценности и смыслы национального мира противника, взорвать межэтнические отношения, разрушить традиционные основания национально-культурной идентичности, сформировать «внутренние» силы влияния — так называемые структуры гражданского общества, способные дестабилизировать действие ключевых социальных институтов, обеспечивающих функционирование государства и общества.

Поражающим оружием в информационно-психологической борьбе является информация, дискредитирующая национальных референтов, девальвирующая значимые события прошлого, деформирующая духовную основу общества и разрушающая социально-психологический климат, консолидирующий граждан в национально-культурную общность «мы». Технологический репертуар информационных войн включает широкий набор деструктивных приемов и манипулятивных практик, обеспечивающих: перемещение государства-мишени в «образ врага», в том числе путем оснащения этого образа устрашающей для мира символикой; «утилизацию» национальных культур, «перформативное» и деструктивное их духовных матриц (в том числе с помощью доказательства преимуществ привносимых в «мишень агрессии» ценностей либерализма и демократии, активного утверждения идеологии потребительства); «героическую упаковку» биографий и судеб представителей оппозиции; «демонизацию» политических лидеров страны-оппонента; дегуманизацию образа противника и т. д.²

Информационные кампании субъектов глобализации, позиционирующие себя как «ненасильственные»,

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор 138 публикаций, в т. ч.: «Отечественная культура как предмет культурологии», «Духовный опыт России как ресурс национально-культурной идентичности (аксиологические и антропологические аспекты)», «Проектирование маркетинговых коммуникаций: Рекламные технологии. Связи с общественностью. Спонсорская деятельность», «Становление культурологической парадигмы», «Культуроцентристская модель высшего образования» (в соавт.), «Эпоха информационных войн и проблемы обеспечения духовной безопасности общества» (в соавт.), «Национальная идея как смысл и судьба “русской цивилизации”» и др.

² См.: *Заесоцкий А. С., Марков А. П.* Эпоха информационных войн и проблемы обеспечения духовной безопасности общества // Вопросы культурологии. 2015. № 4.

по своей разрушительной силе приравняются к «боевым» информационным действиям — нередко их результатом становятся гражданские войны, разрушающие ключевые государственные институты тех стран, которые избираются в качестве «мишеней» агрессии. Опасность информационной войны состоит в том, что общество и власть атакуемой страны не всегда своевременно понимают и осознают степень реальной опасности информационного воздействия, поэтому интеллектуальная элита пока не выработала эффективных механизмов сдерживания деструктивных информационных потоков и энергий, способных уничтожить духовные матрицы национальных культур и нанести непоправимый урон душевному здоровью гражданского населения «врага».

2. Приоритеты информационных стратегий Запада

Для западного мира, и прежде всего для США, стратегическим объектом информационно-психологического воздействия является Россия. В основе информационной стратегии и политики Запада по отношению к России (и к миру в целом) лежат два приоритета.

Первый: *утверждение западного «цивилизационного проекта».* Запад уже много лет осуществляет глобальную геополитическую стратегию: транслировать и утверждать любым способом (в том числе и в рамках информационных войн) *либеральный проект модерна*, в основе которого лежит *модель человека, общества и государства.* Мировоззренческий стержень этой модели составляет гуманистический идеал человека, который изначально строился на ревизии христианской антропологии: «европейский гуманизм» утверждает приоритет разума, рациональности, он рассматривает человека как субъекта своей судьбы и его центра вселенной³. «Имиджевой упаковкой» западного проекта являются: ценности прав и свобод человека (включая их сегодняшнюю ультралиберальную версию), демократическое устройство политической системы, а также европейская модель «социального государства». Максимальную эффективность западному «цивилизационному проекту» обеспечивает его опора на национальную идею страны-агрессора. Именно американская идея «глобального порядка» стала ресурсом информационной экспансии США, радиус ко-

³ Однако в реальности «типичные европейские ценности» породили колониализм, расизм и нацизм, мрачные тоталитарные режимы с массовым террором и геноцидом. Европа стала источником многочисленных и страшных войн: крестовых походов, колониализма, двух мировых войн, в огне которых погибли десятки миллионов человек всех континентов. Средневековая Европа прославилась на весь мир печально знаменитой охотой на ведьм и кострами инквизиции. Крестовые походы XI–XIII вв. принесли страдания и жертвы народам Востока — европейцы предстали перед ними насильниками и завоевателями, и это осталось в генетической памяти на все века. С образованием колониальных империй слово «Европа» в различных регионах мира стало ассоциироваться не с достижениями науки, экономики, культуры, а с образом беспощадного «врага», угнетением и дискриминацией, имперской идеей превосходства «белой расы».

торой приобрел в последние десятилетия общемировые масштабы. Национальная идея этого государства стала основанием «американской мечты», которая создала Америку как геополитический центр и законодателя ценностей современного мира и до сих пор играет роль государственной идеологии и ключевого критерия национальной идентичности.

Второй: дискредитация образа России как главного конкурента за мировое влияние и господство (и прежде всего духовное). В рамках информационно-психологических войн усилия глобальных «игроков» направлены на подрыв доверия к России на международной арене.

Агрессивная и целенаправленная информационная политика стран — лидеров западного мира преследует вполне очевидные геополитические задачи: деформировать образ России в глазах мировой общественности, представив ее в качестве «врага» современной цивилизации. По всем каналам и направлениям идет жесткое противостояние возрождению России, ее попыткам руководствоваться национальными интересами во внешней политике. Стратегическая цель информационных кампаний — выдвинуть Россию из Европы и изолировать от цивилизованного мира, лишит экономическую иностранных инвестиций, создать предпосылки для установления в стране политического режима, способного выполнить волю мировых держав в осуществлении внешнеполитического курса, предоставить им контроль над использованием энергетических ресурсов (О. Малеева). Для реализации данной цели задействованы колоссальные административные, финансовые и интеллектуальные ресурсы — от массированных атак ведущих СМИ, индустрии Голливуда и до публичных антироссийских высказываний первых лиц западноевропейских государств (С. Н. Бухарин). Объектом разрушения становится прошлое, в том числе роль СССР и России во Второй мировой войне. Все активнее усилия, направленные на реабилитацию идеологии нацизма, следствием которой станет неизбежный пересмотр итогов войны. Смысл данного проекта — выбить из-под русской цивилизации базовое основание национально-культурной идентичности — *Подвиг*, и тем самым дискредитировать историческую миссию России, ее базовый вклад в спасение народов Европы от нацистской чумы. Неотъемлемым компонентом информационной экспансии Запада становится русофобия, которая сегодня объединяет обе стороны Атлантического океана. Ведущие западные СМИ целенаправленно пытаются представить Россию, с одной стороны, в качестве источника «мирового зла», с другой — как слаборазвитую в экономическом, политическом и социальном плане страну, пораженную коррупцией, включая высшие эшелоны государственной власти. СМИ изображают Россию как угрозу миру, используя выражения, уместные для характеристики тоталитарных режимов и расистских идеологий: «русское варварство», «русская агрессия» и т. д.

Информационная экспансия Запада заставляет нас совершенствовать «атакующий инструментарий», выработать программы и сценарии ответных действий. Россия в последние годы предпринимала значитель-

ные шаги по оптимизации своего образа в мире, однако результаты оказались весьма скромными, а по некоторым позициям привели к обратному эффекту. К сожалению, негативное отношение европейского сообщества к России продолжает усиливаться — сегодня образ России в глобальном информационном пространстве выглядит более негативно, чем во времена холодной войны (К. Косачев), а отношение к России влиятельных мировых СМИ хуже, чем к некоторым откровенно диктаторским режимам. О невозможности изменить отношение Запада к России свидетельствует празднование в 2015 году Дня Победы — события, которое спасло Европу и мир от нацистской чумы. К сожалению, Россия оказалась почти в одиночестве — Европа попыталась организовать бойкот 70-летнего юбилея Победы, и протокольное мероприятие, призванное подчеркнуть «союзнический дух антигитлеровской коалиции», внезапно превратилось в поле интенсивного культурно-символического конфликта (Е. Холмогоров).

3. Конфликт антропологических матриц — ключевой фактор негативного отношения Европы к России

Иллюзия быстрого и радостного «вхождения в мировую цивилизацию» и «возвращения к общечеловеческим ценностям» была рождена либералами в постперестроечные годы, которые видели Россию уже как «часть мирового сообщества» и «свободного мира». Мировоззренческим контрастом эйфории политической элиты от «темпов» вхождения огромной евразийской страны в «европейский дом» были статьи публицистов патриотического направления, которые выступили оппозицией по отношению к открыто заявленной в 1990-е годы политике «вхождения России в мировую цивилизацию». Они писали о бессмысленности усилий России улучшить свой образ в глазах западного мира, о преступности намерений решать эту проблему путем изменения духовного ядра русской культуры¹.

Дело в том, что негативное отношение Запада к России — исторически устойчивое явление, и нет оснований считать, что оно изменится в ближайшее время. Образ России в общественном мнении Запада, и прежде всего в сознании политической элиты, всегда был отвратительный, и такое отношение стало устойчивой традицией западного мира. И сами европейцы приводят много фактов и аргументов в пользу такой точки зрения, отмечая, что «в реальной политике Запад XXI века — это, по сути, Соединенные Штаты Америки, которые, в свою очередь, получают поддержку от своего верного сторонника и союзника — Великобритании»². Эти родственные по духу государства составляют ядро англосаксонского мира, который всеми средствами будет стремиться сохранить господ-

¹ Каменская Г. В. Имидж как сублимация // Имидж России: поиск инновационных технологий : материалы науч. конф. кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, 19 марта 2013 г. / под ред. И. А. Василенко. Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 16

² Пападопулос М. Русофобия: прочно укоренившаяся и неофициальная политика Запада // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 14–15 мая 2015 г. СПб. : СПбГУП, 2015. С. 145.

ство на мировой арене, воспринимая Россию как основную угрозу.

Причины негативного восприятия России Западом (и даже враждебного отношения Европы к России) давно известны — более ста лет тому назад Н. Я. Данилевский писал, что «Европа видит в России и славянстве не только чуждую, но и враждебную силу, эта враждебность сохраняется, несмотря на большие жертвы, которые Россия понесла во имя спасения Европы». Поэтому нам не следует «брать на себя напрасный труд по просвещению общественного мнения Европы» — причины «непонимания» или «неверного понимания» Западом внутренней и внешней политики России, движущих сил ее истории, психологии ее народа кроются не в дефиците информации о нас, они лежат «в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели»¹. Вражда Запада и России имеет провиденциальные корни, она отвечает божественному историческому замыслу о России. Причины этой вражды кроются в ментальном диссонансе, сказывается и разница в возрасте — Европа вступила в период упадка, в то время как славянская цивилизация входит в период расцвета своих творческих сил. Кроме того, Россия и Европа принадлежат к различным культурно-историческим типам: Россия — это еще культура, а Запад — уже цивилизация. Основная причина негативного отношения Запада к России — диссонанс антропологических матриц, лежащих в основе русской и европейской культуры. Европейский «гуманизм», начиная с эпохи Возрождения, — это возврат к языческой модели человека, ценностной доминантой которой являются автономия, успех, богатство, наслаждение.

Русская культура изначально формировалась как культура христианская, европейская (о чем неоднократно говорил и писал академик Д. С. Лихачев). Первое и самое прочное «окно в Европу» было прорублено князем Владимиром — «окно» в духовный мир Византии, откуда на Русь пришла аутентичная, подлинная христианская традиция, органично впитавшая гуманистический пафос и энергетику античной культуры. Русская культура сохранила дух и сущность подлинно христианской культуры (а значит, и подлинно европейской), вопреки всем выпавшим на ее долю соблазнам и тяжким испытаниям (а может быть, благодаря им).

Культура Западной Европы складывалась, безусловно, как христианская, но со временем утратила духовную сущность христианства. «Мировоззренческой развилкой», где разошлись пути русской и западно-европейской культуры, стали XV–XVI века. Именно в те времена Русь начинает осознавать свою духовную миссию во всемирной истории, сущность которой была выражена формулой: «Москва — третий Рим». Европа примерно того же периода переживает этап реформирования с противоположным вектором движения. Этот период известен как Реформация, которая была обусловлена глубинным духовным кризисом западно-

европейской культуры. Именно тогда сформировалась новая идеология (в рамках кальвинизма, протестантизма), составившая основу современной западной цивилизации (видимым толчком для реформ стали пороки церкви позднего Средневековья — торговля индульгенциями, продажность, разврат и т. д.). Ядром социально-экономической парадигмы западной цивилизации стала капиталистическая модель жизнеустройства, которая начала складываться еще в XVI–XVII веках и продолжила свою духовную экспансию в интеллектуальном пространстве Европы XVIII века. Процесс становления и культурной легитимации капиталистической системы носил концептуальный, ценностный, идеологический характер и состоял в принципиальной корректировке (а по сути — в смене) цивилизационной матрицы христианской культуры. Последующие изменения национально-культурного этоса и онтологического ядра европейской ментальности, определившие трансформацию антропокультурного типа, свидетельствуют о глубинном надломе христианского духа европейской культуры.

Сегодня в пространстве европейской цивилизации стремительно расширяется социальная база носителей «новой антропологии», в аксиологическом ядре которой доминируют ценности гедонизма, индивидуализма, стремление к успеху и материальному процветанию, а нравственность и духовность вытесняются на периферию. Данный антропологический тип оказывается в оппозиции к христианской антропологии, которая возвышала человека верой в добро, созидание и духовные возможности, утверждала эту веру в образах художественной культуры, текстах философско-религиозной мысли, этических и педагогических концепциях. Именно взаимоисключающие ценностные доминанты культурных систем стали причиной многовекового взаимопонимания России и Запада. Глубинная оппозиция русской культуры и западной цивилизации очевидна: если культура утверждает духовность, социальность, соборность, она стыдлива и греховна, то цивилизация агрессивна и самодостаточна, она не знает стыда и греха; если в культуре действуют моральные регуляторы, то в цивилизации доминируют сила и внешние формы принуждения, основанные на законе.

И сегодня *главный объект непонимания (и даже ненависти)* для политической элиты и европейского обывателя — *русский человек* с его ценностями, менталитетом, духовным вектором жизненных помыслов, которые всегда были немой упреком западному обывателю (повторившему в Новое время «подвиг» апостола Петра в своем отречении от этического идеала Нагорной проповеди Христа). В этом смысле мы всегда представляли «угрозу» существования западной цивилизации — своим образом жизни, способностью к самоотверженности во имя блага Родины. «Идеальная» устремленность русского сознания всегда была сущностной ментальной чертой: народ нередко демонстрировал глубинную жажду «космического преображения» жизни, готов был отдать свои силы и «положить живот» во имя спасения Святой Руси, защиты Отечества, строительства коммунизма и т. д. Русские класси-

¹ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 50.

ки, отмечая в русском народе сострадательность, невинность, жертвенность, считали, что именно русским суждено преобразовать мещанскую бездуховную западную цивилизацию, видели смысл русского мессианства «не в гордыне самоутверждения, а в жертвенном горении духа, в духовном порыве к новой жизни» (П. Гуревич).

Но в таком контексте оптимизация образа России в глобальном мире предполагает отказ от национально-культурной идентичности и копирования Запада во всех его «цивилизационных пакостях», включая официальное признание однополых браков, утверждение толерантности и политкорректности, благодаря которым откровенная содомия возводится в ранг национальной гордости, участие в легитимации педофилии и инцеста. Именно легализация «инициатив» европейских извращенцев становится обязательным условием вступления в ряды «цивилизированных стран» — в другом качестве Запад не способен принять нас в качестве равного субъекта европейской цивилизации. Следовательно, в сегодняшней ситуации оптимизация образа России по «западноевропейским сценариям» — это путь, ведущий к разрушению духовно-нравственных матриц русской цивилизации, а в конечном счете — к системной катастрофе России, ибо смерть национальной «души» неизбежно сопровождается гниением «тела» страны.

В условиях происходящих глобальных изменений и усиления международной конкуренции актуальной задачей внутренней и внешней политики становится, *во-первых*, разработка проекта своего ближайшего будущего. События последних лет говорят о том, что мир вступает в глобальную конкуренцию за смену гегемонии (С. Глазьев). И чтобы остаться субъектом мировой истории, России необходим инновационный «рынок» в экономике, требующий сверхусилий народа — в противном случае, и особенно после снижения ядерного потенциала, Россия неизбежно выйдет из состава ведущих держав мира¹. *Во-вторых*, стратегической задачей является повышение статусного положения России в мире, и прежде всего путем продвижения по глобальным каналам коммуникаций ее «культурно-символического капитала». Решение этой задачи предполагает: целенаправленную трансляцию миру (в том числе и через систему национальных брендов) историко-культурной уникальности страны, ментальной и духовно-нравственной самобытности ее народа, демонстрацию «картины будущего» — дружеского и конструктивного послания, обещающего народам мира историческую перспективу и гарантирующего справедливое устройство.

4. Цивилизационный проект России — базовый ресурс информационной политики

Стержнем образа России и утверждения ее в качестве полноценного субъекта международных отноше-

¹ Этот «рынок» возможен лишь в условиях «мобилизационной идеологии», которая в истории нашего Отечества выстраивалась с опорой на ключевые ценности русской культуры, а именно: доминанта духовного над материальным, общего — над личным, будущего — над настоящим, справедливости — над законом (Г. Малинецкий).

ний должен стать «цивилизационный проект» минимизации и разрешения глобальных проблем, который страна может адресовать миру. Основу такого проекта могут составить различные геополитические и социально-культурные модификации «национальной идеи», способные резонировать с проблемами, надеждами и чаяниями народов мира.

1. *Образ России как страны традиционных христианских ценностей с конкурирующим «полюсом смыслов».* Информационно-психологическая война — это не столько противоборство технологий, сколько конкуренция интеллектуальных возможностей народа, противоборство ментальных матриц, соревнование духовного потенциала противников. В этом плане Россия имеет ощутимое преимущество — ее гуманитарная культура, исторический и духовный опыт народа (в том числе и трагические уроки XX в.) в состоянии представить миру «плюс» ценностей и смыслов, альтернативный западному потребительству и в то же время привлекательный для народов и стран, стремящихся в условиях современного несправедливого миропорядка сохранить свою национально-культурную идентичность и отстоять цивилизационную независимость.

2. *Идея России как центра евроазиатской цивилизации*, характеризующая страну как особый культурно-исторический мир, синтезирующий в себе восточную и западную культуру, как уникальный и самодостаточный центр евразийского континента.

3. *Мессианская парадигма России как всемирного лидера народов-изгоев* (А. С. Панарин), духовным ресурсом которой являются духовность и аскетизм русской культуры, всегда стремившейся обеспечить человеку смысл и достоинство, помимо его социального статуса и экономического успеха.

4. Вполне конкурентоспособным является становление образа России как «центра гармонии цивилиаций» — пространства консолидации народов и государств на принципах сотрудничества и развития, гаранта сохранения миропорядка и противостояния системным угрозам глобального характера. Утверждение в информационном пространстве роли России как посредника между конфликтующими странами, которую она активно играет в последние годы, реально преодолеть противоречия мирового масштаба, будет способствовать разрушению стереотипа России как мирового полицейского и утверждению страны в качестве инициатора и сторонника открытых дискуссий на трибунах универсальных международных организаций. Для утверждения этой важнейшей грани образа России необходимо систематически вбрасывать в мировое общественное сознание информацию о событиях исторического прошлого, позиционирующих великую роль России как спасительницы европейской цивилизации — от монголо-татарского нашествия, османского ига, Наполеона, в XX веке ценой великих жертв Советский Союз спасает мир от нацистской чумы.

5. Важной для мирового сообщества гранью проекта «Россия — гарант сохранения миропорядка» станет *утверждение России как страны, обеспечивающей сохранение институтов и норм международно-го права*. Сегодня западные страны, преимущественно

члены НАТО, и прежде всего США, нередко игнорируют мнение ООН, считая эту организацию слишком устаревшей, относящейся к формату биполярного мира (Ю. П. Бойко). В такой ситуации Россия выступает адвокатом сохранения норм международного права, утверждая ООН как организацию, содействующую слаженности, взаимодополняемости и координации на глобальном уровне решений, обеспечивающих мир, порядок и развитие.

6. Россия может предложить миру *модель этнокультурной и религиозной толерантности*, основу которой составляет многовековой позитивный опыт межнационального и межконфессионального взаимодействия и сотрудничества в границах русского мира. Значимая составляющая указанного выше направления — *позиционирование государственного устройства России на демократических принципах федерализма*. Эта черта позволит улучшить имидж в глазах бывших союзников, отношения с которыми были разорваны в сложные для страны годы перестройки, когда страна ошибочно надеялась таким образом изменить негативное отношение к себе со стороны Запада.

В истории Россия была единственной из европейских империй, построенной не по принципу «метрополия (национальное ядро) — колониальные страны и зависимые территории (угнетенные нации)». Она была структурирована по принципу взаимовыгодного сосуществования народов на Восточно-европейской равнине (Ю. П. Бойко). Это наследие позволяет внести в образ современной России значимую для Европы черту, позиционируя страну как сохранившую толерантность в межнациональных отношениях задолго до того, как европейцы обратились к этому понятию. Для «русской цивилизации» этнокультурная и религиозная толерантность является естественным принципом организации национального бытия. Как известно, универсалистские, духовные основания идентич-

ности глубинно встроены в национально-культурную матрицу России. Русская государственность формировалась как полиэтничная цивилизация, и модель отечественной полиэтничности принципиально отличается от политики мультикультурализма (как и русское понимание и прощение — от идеологии толерантности). В русском мире национальность всегда была внеэтнической (надэтнической) системой идентичности. Русский здесь — это не «кто ты», а «чей ты». В «теле» русской нации этнический, родовой фактор в значительной степени вытесняется и замещается символом Родины как общности «мы» по месту рождения, территории. Данный критерий консолидации общности «мы» становится важнейшей гранью и символом национально-культурной идентичности, в том числе основой чувства патриотизма, которое не разделяет людей по этнической принадлежности. Общность Родины в древнерусских текстах схвачена концептом *Мир*, который включает смыслы духовного единства и организованного пространства совместного существования — мир как отсутствие войны и условие осмысленного совершенствования (В. А. Малахов).

Утверждение в мире «цивилизационного проекта» России, основу которого составят базовые модификации (или формулы) национальной идеи, сможет «облагородить» сегодняшний проект глобализации, модифицировать его в новый этап развития, в основе которого будет понимание человеческой цивилизации как «единого живого организма, во всем многообразии ее цивилизованных типов», а планеты — как нуждающейся в сбережении среды обитания (Л. Г. Ивашов). Консолидирующая парадигма цивилизационного проекта России станет альтернативой сегодняшней глобальной идеологии, основанной на конкуренции, угнетении и эксплуатации слабых, она будет расширять общее пространство развития, способствуя переходу цивилизаций от противоборства к диалогу и сотрудничеству.

В. В. Миронов¹ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К ЭЛЕКТРОННОЙ КУЛЬТУРЕ:
СЛОЖНОСТИ ПЕРЕХОДА

Нужно бояться не только спящего разума, порождающего чудовищ, но и чудовищности разума, страдающего от бессонницы.

Антонио Паскуали²

В настоящее время происходит становление электронной культуры, что сопрягается с целым рядом изменений, которые оказываются неожиданными для людей. Они существовали в культуре иного типа, которую, условно говоря, можно обозначить как классическая.

Мы рассмотрим культуру как семиотическую систему, то есть как систему закодированных знаков, значений и смыслов. Для представителя одной культуры смыслы другой закодированы мышлением и языком, поэтому могут быть непонятными, труднопонимаемыми или странными. Культура в этой испостижности выступает как относительно замкнутая, локальная система, и ее познание есть проникновение в текст. Текст хранит, ретранслирует и генерирует новые смыслы. Благодаря этому он обеспечивает память культуры, которая, по сути, представляет собой память текстов³. Главным инструментом кодирования выступает реальный язык, который включает историю своего создания и функционирования. «Язык — это код плюс его история»⁴. Локальность культуры определяла лицо человеческой культуры в целом, являвшейся сложной системой взаимодействующих локальных культур, то есть неким сложным типом единства разнообразного. Для индивида такая культура была почти застывшей и стационарной, так как изменения в ней выходили за рамки жизни индивида.

¹ Декан философского факультета, заведующий кафедрой онтологии и теории познания МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Единство разнообразия. Разнообразие единства», «Философия. Введение в метафизику и онтологию» (в соавт.), «Философия: учебник для вузов» (в соавт.), «Размышления о реформе российского образования», «Современные трансформации в культуре», «Человек как субъект и объект медиапсихологии» (в соавт.), «Образцы науки в современной культуре и философии», «Философия и метаморфозы культуры», «Университетские лекции по метафизике» (в соавт.); статей: «Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии», «Противоречивость реформ российского образования», «Трансформация экономики, политики и права в условиях глобализации», «Зачем нам философия сегодня?», «Об особенностях философской рефлексии и смысловом пространстве философии» и др. Председатель докторского Диссертационного совета по философским наукам в МГУ им. М. В. Ломоносова по специальностям «Онтология и теория познания», «Логика», «Философия науки и техники». Вице-президент Российского философского общества. Главный редактор журнала «Вестник Московского университета» (Сер. 7. Философия), член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Вестник Российского философского общества», «Философские науки». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, лауреат Премии им. М. В. Ломоносова.

² Эксперт ЮНЕСКО, руководитель Школы коммуникации Центрального университета в Каракасе.

³ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. С. 21.

⁴ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 13.

Общение между культурами здесь реализовывалось в пространстве «семиосферы» (термин Ю. М. Лотмана), в котором роль «живого» элемента выполнял живой язык, точнее живые национальные языки каждой культуры. Культуры пересекались между собой как языковые множества. Область пересечения в редких случаях могла быть большой, выполняя функцию проникновения в область нетождественного, а потому нетривиального и интересного. «Ценность диалога оказывается связанной не с той пересекающейся частью, а с передачей информации между непересекающимися частями»⁵. Желание и необходимость понимания увеличивали область смыслового пересечения, но этому препятствовало напряжение, возникающее в процессе диалога культур и связанное с тенденцией самосохранения внутренних смыслов культуры.

Становление электронной культуры как части общего процесса глобализации осуществляется через возникшее глобальное коммуникационное пространство, что значительно деформирует характер диалога культур, оказывая влияние на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Трансформация культуры здесь означает не просто изменение через эволюционную смену отдельных элементов системы, а внутренний процесс изменения, который, в отличие, например, от революции, в большей степени сокрыт от наблюдателя, ибо реализуется за счет встраивания в нее чужеродных элементов, внешне не разрушающих саму систему, но постепенно заставляющий ее работать иным образом. Можно провести условную аналогию с процессами трансфекции клетки, когда в нее встраивается фрагмент чужеродной ДНК. В этом случае клетка инфицируется, в результате чего запускается механизм ее трансформации, на генетическом уровне приводящий к изменению фенотипа.

В культуре реализуется схожий процесс — привнесение в нее «культурной инфекции» в качестве чужеродной составляющей может запустить механизм ее модификации изнутри. Условием этого выступает глобальное коммуникационное пространство, посредством которого локальные культуры атакуются «медиавирусами»⁶. Наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет системы, то есть ее культурный иммунитет. Проникновение однотипных «культурных инфекций» способно модифицировать всю человеческую культуру.

Погружение всех культур в глобальное коммуникационное пространство, своеобразный единый информационный мешок, деформирует семиотические

⁵ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 15.

⁶ См.: Рашкофф Д. Медиавирус. М., 2003.

условия диалога культур. Диалоговое пространство, определяемое новейшими возможностями и средствами коммуникации как условие адаптации культур, расширяется безгранично. Значительно упрощается сам характер общения, который осуществляется по законам и стереотипам, далеко отстоящим от сущности и традиций самих культур. Коммуникация превращается в самостоятельную субстанциональную структуру, а отдельные культуры оказываются внутри этой агрессивной среды. Совокупность информационных средств, умноженная на новейшие технологии, превращает пространство семиосферы (как условия адаптивно-адаптирующего диалога культур) в инфосферу (как особую реальность, в определенном смысле функционирующую независимо от человека, но делающую его и мир зависимым от нее).

Нынешняя массмедийная составляющая общества развивается столь мощно и стремительно, что вступает в противоречие с основами классической культуры, разрушая диалог между ними и переводя этот диалог в пространство коммуникационного монолога, в котором доминируют особенности глобальной коммуникативной системы.

Происходит разрушение культурных дихотомий. В рамках современной культуры *дихотомия «прикровенность—откровенность» исчезает*, и то, что раньше считалось необходимым скрывать, становится — в противоположность — открытым и доступным. Происходит «эротизация культуры» как проявление высшей свободы выбора индивидуального удовольствия, выводя образцы такой культуры за рамки индивидуальной интимности. Ю. М. Лотман оценивал сексуальную революцию как наиболее мощный таран антикультуры XX столетия.

Наносится удар по принципу завершенности, который господствовал в классической культуре, уступая место клиповому сознанию, основанному на поверхностном восприятии фрагментов реальности. Это сопряжено с потерей выявления сущностного и истинного характера явлений. Проблема истины как отражения сущностных характеристик объекта уступает место свободной интерпретации.

В мире господствуют интегративные языковые тенденции. Один из результатов этого — подчинение всех языков тому, который в наибольшей степени способен распространить себя в силу политических, научно-технических и других условий. Это способствует расширению псевдокультурного поля общения, диалог в котором осуществляется по принципу познания наиболее доступных, совпадающих или почти совпадающих смысловых структур, наименее содержательной, можно сказать, наименее культурной части культуры. Это общение ради общения, общение без насыщения смыслами по заданным стереотипам коммуникации.

Происходит резкое увеличение образований, претендующих на статус культурных. Старая система ценностей подвергается мощнейшему давлению и разрушению, а временные рамки адаптации не позволяют новым символам адаптироваться к традиционной смысловой системе ценностей.

Нарушается пропорция между высокой и низкой культурами. Последняя становится массовой не только по количеству вовлеченных в нее субъектов, но и по упрощенному качеству потребляемого продукта. В результате доминирующим фактором оказывается не смысл или качество продукта творчества, а система его распространения (тиражирования). В этих условиях возникает *феномен поп-культуры* как доминирование низовой культуры, ставшей массовой по характеру своего производства и потребления, продукты которой широко распространяются благодаря современным средствам коммуникации. Поп-культура принципиально отстранена от фундаментальных этнических, религиозных оснований и традиций. Ее условием является интегрированная информационная среда, а реализацией — массовые действия, которые мы ныне обозначаем как шоу.

Поп-культура — прекрасная среда для распространения медиавирусов¹. Принципом их распространения является узнаваемость в медиапространстве, на чем базируется вся поп-культура, будь то узнаваемость поп-звезд или поп-лидеров политики. Человек буквально во всем ищет зрелищность, и реальная жизнь подменяется бесконечными реалити-шоу как примером высшей степени симуляции, которая не так безобидна, ибо вырабатывает в человеке однотипные, а значит, стереотипные модели поведения, после чего им легко манипулировать.

Электронная культура, которая пронизывает все уровни культуры, порождает ряд новых особенностей, оказывающих влияние и на индивида. *Выделим лишь некоторые моменты этого процесса.* В электронной культуре изменяются роль *экспертизы и роль эксперта*. К. Поппер, проводя демаркацию между научным и ненаучным знанием, заметил, что здесь не срабатывает только принцип подтверждения (верификации), так как ссылкой на факты можно доказать что угодно². Электронная культура предоставляет безграничные возможности поиска в почти бесконечном массиве информации. Соответственно часто экспертиза сводится к поиску подтверждающей информации. Человек как бы выступает в качестве пользователя всех знаний, которые накопило человечество, что приводит к изменению традиционных эпистемологических представлений о характере и источнике знаний.

Свободный доступ к информации влияет на *изменение характера взаимоотношений людей разных поколений*. В традиционной культуре более взрослый человек являлся обладателем большей информации. Сегодня молодой человек имеет доступ к информации без посредника, как правило, он быстрее осваивает новые технологии, а поэтому более активно пользуется новыми возможностями. Это влияет на *изменение характера образовательного процесса*. В электронной культуре мир информации становится полностью доступным и функция преподавателя не может быть сведена к роли ретранслятора информации. Необходимо изменить парадигму процесса образования, используя новые возможности и обучая учащегося корректной рабо-

¹ См.: Рашкофф Д. Указ. соч. С. 15.

² См.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

те с информацией. Знание должно быть сосредоточено в голове, а не в кнопке поисковой системы. Поглощение информации порождает эйфорию всемогущества и кажимость безграничной власти над окружающим миром.

Электронная культура значительно влияет на мышление. Уже сегодня ряд функций памяти человека оказывается ненужным (номера телефонов). Мир переходит к пользовательской жизни, когда по любому поводу достаточно нажать на соответствующую кнопку. Но нажатие на кнопку меняет характер принятия решений. Сегодня доминирует ситуация, в которой человек сначала осуществляет действие, а потом начинает задумываться, правильно ли он сделал. Это следствие раннего погружения, в том числе и в компьютерные игры, которые построены именно на таком типе оперативного мышления. «Электронная культура в огромной степени полагается на авторитет специалистов; в ней преобладает тенденция больше доверять машине, нежели человеку». Фактически закрепляется алгоритмическое мышление, когда человек просто ищет алгоритмы действия, не вдумываясь, для чего он осуществляет его, и сам характер этих действий непрерывно упрощается. Алгоритмизация мышления несет опасность утраты понимания диалектичности и противоречивости окружающего мира.

Определенное воздействие может быть оказано на интуитивные способности человека, которые необходимы ученым и иногда значительно сокращают процесс научных поисков. Исследователь не всегда может идти по пути бесконечного перебора вариантов решения той или иной задачи. Обычно на помощь приходит интуиция, которая позволяет понять сущность изучаемого явления без дальнейшего перебора вариантов решения, без должного фактического основания. Дальнейшее обоснование интуитивно понятого решения показывает, что исследователь ухватил сущность закономерностей в данной области. Работа на компьютере часто направлена именно на перебор вариантов, количество которых не позволяет делать не только интуитивные, но зачастую и вообще аналитические обобщения.

Электронная культура порождает целый ряд коммуникативно-психологических проблем. Главная из них — проблема адаптации человека к значительно возрастающей информации и изменению ее качества. Увеличивается доля визуализации информации. На уровне образов она более доступна и оставляет более сильное впечатление в сознании. Но она может дальше отстоять от процесса смыслообразования.

Электронная культура возвращает нас к визуальным образам, создаваемым на новейшей технологической основе. Визуальная информация создает большую видимость объективности, чем понятийная, и на уровне обыденного сознания не всегда бывает представимо, что те фрагменты, которые выгledят на экране как единственно истинные, столь же легко подобрать и скомпоновать, как текст. Аудиовизуальные средства могут оказывать буквально гипнотическое воздействие на сознание (особенно детей и под-

ростков), так как воздействуют на низшие уровни человеческой психики, не требуют аналитической работы разума. В этом плане они возвращают человека в дописьменный, устный период своего развития. Особенность такой психики — в том, что смыслы возникают в результате прямого восприятия, которое может достаточно далеко отстоять от сознательной рациональной деятельности.

Электронная культура делает жизнь человека более комфортной (пластиковые карты, чипы и пр.). Человек редко отказывается от комфорта, даже если он превращается в свою противоположность. Мы настолько привязываемся к техническим средствам, что уже не можем ездить на машине без навигатора, чувствуем дискомфорт, если вдруг забыли дома телефон. В результате мы теряем, может быть, самое главное — свободное время, заполняемое бесконечным информативным потоком, который мы уже не в силах дифференцировать. Этот поток не является объективной информацией, ее отбирают за нас (поисковые системы, подготовленные новостные ленты и пр.) — в итоге мы становимся объектами безудержной манипуляции.

Философия — это самосознание культуры, отражающей конкретно-историческую стадию развития общества. Ее содержание не может не зависеть от новых условий, связанных с господством массовой культуры. Вследствие этого неизбежно *возникают популярные образы философии, адаптированные для восприятия массовым сознанием.* Далее, как это часто бывает, в культуре происходит метаморфоза (смысловое «оборачивание»), и превращенные образы становятся предметом серьезного профессионального философского интереса, например философия Симпсонов или доктора Хауса¹. Грань между реальным философским содержанием и его имитацией исчезает. Постмодерн в культуре породил соответствующие имитирующие формы философии, в рамках которой центральным стержнем выступает критическое отношение к рациональному мышлению и, кстати говоря, завершенному тексту как выражению классической культуры.

Постмодернизм, отражая нарастание степени внутренней свободы людей, не желающих опираться на готовые рефлексивные схемы, не дает ответа на вопрос о степени ответственности, которая может наступить после переживания пьянящего чувства свободы. За свободой мышления могут стоять банальность и упрощения, которые доминируют в современной культуре.

Конечно, философия выступает как реализация творческих потенций человеческого сознания, которая осуществляется на обширном первично-бытийном, коммуникационном и семиотическом пространстве, включающем как рациональное исследование феноменов бытия, так и конструирование новых смыслов, позволяющих взглянуть на мир с иной стороны. Тем не менее эта иная сторона должна находиться в рамках философского рефлексивного смыслового пространства, а не выступать имитацией философского мышления.

¹ См.: *Миронов В. В.* Философия и метаморфозы культуры. М., 2005.

Колин Б. Мойнихен¹

АКТУАЛЬНЫЕ ОБЩЕМИРОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

Введение

В 1991 году, вероятно, в поисках геостратегического эквивалента знаменитой теории «конца истории» Фрэнсиса Фукуямы президент США Джордж Буш-старший предложил доктрину «нового мирового порядка» для определения положения, сложившегося после холодной войны.

Однако вместо формирования более благоприятной и безопасной среды произошло нечто противоположное. Сегодня глобальную среду можно рассматривать скорее как «новый мировой беспорядок», обусловленный наличием «дуги нестабильности» в виде волнений и конфликтов, происходящих от Украины до Ближнего Востока и Северной Африки.

Спустя 25 лет после окончания холодной войны мир выглядит более нестабильным и беспокойным на фоне многочисленных случаев насилия и эскалации конфликтов. Вне зависимости от места возникновения конфликты могут поглотить всех из-за высоких скоростей экономической глобализации мира и цифровой революции, которые, как кажется, зачастую превосходят возможности национальных правительств и международных организаций эффективно на них реагировать.

Три года назад Уильям Хейг, в то время занимавший пост министра иностранных дел Великобритании, предупреждал о вероятности «системного беспорядка» и высказывал мысль, что Великобритания «переживает время отрезвления в международных делах». Позднее Филип Хаммонд, исполняющий обязанности министра иностранных дел в настоящее время, говорил о «новых и беспрецедентных» угрозах для нашего мира.

Даже если картина мира и не является более сложной, чем когда-либо, она, вне всякого сомнения, является сложной, как всегда. Многочисленность и разнообразие новых и уже имевшихся угроз временами поражает: терроризм, конфликты, мятежи, джихадизм, межконфессиональная вражда, оружие массового поражения, кибератаки, массовая миграция (зачастую вызванная гуманитарным кризисом), изменение климата, глобальные пандемии — от лихорадки Эбола до лихорадки Зика, устойчивость к лекарственным препаратам, коррупция, распространение ядерного оружия. Список можно продолжить.

В сложных условиях, когда проблемы, кажется, не имеют решений, либеральный порядок и демократические ценности свободного рынка, предусмотренные «Вашингтонским консенсусом», ставятся под сомнение, как никогда ранее, подвергая пересмотру целый

ряд исходных посылок, на которые опирались внешнеполитические деятели Запада.

Наверное, не стоит удивляться тому, что внешнеполитические принципы многих западных ведомств выглядят неубедительными и неопределенными на фоне современных вызовов. США, стремясь отказаться от принципа безотчетных действий, направленных вовне, которого они придерживались после окончания Второй мировой войны, развернулись к внутренним проблемам, и именно эта тенденция становится все более заметной в ходе предвыборной президентской гонки. Большинство экономик Европы пребывает в депрессивном состоянии, многие страны не имеют ни ресурсов, ни желания заниматься фантомной дипломатией.

Сегодня, когда проблемы более очевидны, чем способы их решения, — в условиях нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, сокрушительной трагедии в Сирии, непрерывного подъема так называемого «Исламского государства», или ДАИШ, и террористической угрозы, которую оно представляет, наплыва беженцев, решительного напора России, конфликта на Украине, напряженности в районе Южно-Китайского моря, продолжающихся ядерных провокаций со стороны Северной Кореи, не говоря уже о различных кризисах в странах ЕС, — легкие пути практически отсутствуют, что, по сути, рассматривается теми, кто разрабатывает ответные меры в области политики, в качестве «отравленной чаши».

Наиболее устойчивыми, острыми и потенциально разрушительными мировыми вызовами являются проблемы Ближнего Востока, имеющие разнообразный характер и значительный масштаб: терроризм, экстремизм, межконфессиональная вражда, мятежи, конфликты, коррупция, авторитаризм и отсутствие эффективного управления. В связи с этим настоящий доклад посвящена проблемам именно Ближнего Востока.

Ближний Восток: религия в огне?

В августе 2013 года министр иностранных дел Великобритании Уильям Хейг заявил, что преодоление нестабильности на Ближнем Востоке может «потребовать нескольких лет или нескольких десятков лет». Сегодня мало оснований сомневаться в точности такого анализа. Через два года, в декабре 2015-го, Аналитический центр Карнеги в Европе попросил семерых экспертов спрогнозировать важнейшие события международной политики на 2016 год, и четверо из них выбрали события на Ближнем Востоке.

Нынешний министр иностранных дел Великобритании Филип Хаммонд определил три основных приоритета для нынешней внешней политики страны: референдум о членстве в ЕС; вызовы, связанные с исламистским экстремизмом и терроризмом, и нестабильность на Ближнем Востоке (все более связанная с проблемами, обусловленными экспансией России).

¹ Государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента, бизнесмен. Председатель Британской олимпийской ассоциации (2005–2012). Министр по делам спорта в правительстве Маргарет Тэтчер (1987–1990), заместитель министра энергетики (1990–1992). Директор Лондонского организационного комитета Олимпийских игр и член Олимпийского совета, осуществлявшего надзор за соревнованиями (2012). Спортсмен, серебряный призер Московской Олимпиады–1980 (гребля).

Во многих странах ситуация становится все менее стабильной и более опасной. При взгляде на регион не просто найти хорошие новости. Ближний Восток, как всегда, погружен в трясину межконфессиональных беспорядков. Образовалась глубокая пропасть между суннитами и шиитами, которая порождает атмосферу глубочайшего недоверия и враждебности и, похоже, обрекает арабский мир на нестабильность. Самые мрачные прогнозы сводятся к тому, что в регионе может быть развязана такая же Тридцатилетняя война, как та, которую в XVII веке вели католические и протестантские государства за гегемонию в Европе.

Региональный порядок рушится под тяжестью сложных, многоуровневых политических проблем и конфликтов, межконфессиональной вражды, этнического и регионального разделения, и западная международная политика пытается справиться с этой ситуацией. Существует мнение, что исламский мир охвачен жестокой внутренней борьбой, а внешние силы рискуют быть втянутыми в гражданскую конфессиональную войну между суннитами и шиитами. Ситуация осложняется тем, что траектория изменения цен на нефть, достигших уже 30 долларов за баррель, также оказывает воздействие как на экономическую, так и на политическую стабильность в регионе.

Древние противоречия между суннитами и шиитами, основы которых коренятся в сердцевине ислама и которыми обусловлены практически все крупнейшие конфликты на Ближнем Востоке, не утратили остроты, а появление джихадистской группы ДАИШ в Ираке и Сирии нарушило существовавшее равновесие сил и в настоящее время ДАИШ находится в центре исламского противостояния не только на Ближнем Востоке, но и в странах Северной Африки, от района Сахель (страны Африки к югу от Сахары) до Афганистана и Пакистана. Процесс распространяется так же, как любая заразная болезнь, при этом террористическая сеть уже усилилась в Европе.

На вершине этой пирамиды находится конфликт в Сирии, выросший до размеров угрозы мировой безопасности и приковывающий к себе внимание международной общественности. Сирийские проблемы выходят на мировой уровень и распространяются через беженцев и международных боевиков подобного толка. Кризис миграции, постигший ЕС, наряду с «кинжалом» терроризма, нацеленным ИГИЛ в сердце Европы, в частности после атак 13 ноября в Париже, означает, что Европа больше не является сторонним наблюдателем. Сирийский кризис требует срочного разрешения, однако каким образом и кем решение будет найдено, остается неясно. Попытаемся ответить на этот вопрос.

Ядерная сделка с Ираном

При всей тяжести ситуации в регионе, возможно, следует начать с того, что многие расценивают как блистательную историю успеха, которая, однако, при этом не реализована полностью и остается чрезвычайно противоречивой. Речь идет о знаковом ядерном соглашении с Ираном. Если (а сомнения действительно велики) соглашение позволит добиться заявлен-

ных целей, которые заключаются в запрете приобретения ядерного оружия Ираном, а также предполагаемых целей, то есть такой трансформации взаимодействия Ирана с Западом в целом, которая превратила бы его в более адекватного участника региональных и глобальных событий через 14 лет после включения Ирана Дж. Бушем-младшим в печально известную «ось зла», то данное соглашение станет историческим достижением дипломатии Группы 5 + 1 («Шестерка»).

Соглашение все еще находится на ранней стадии реализации и сталкивается с критикой (и возможным отказом от его реализации) со стороны адептов «жесткого» курса как в Иране, так и в США, в то время как в регионе возможность снятия санкций с Ирана вызывает озабоченность Саудовской Аравии и Израиля.

По-прежнему остается серьезная проблема: Иран оказывает дестабилизирующее влияние на регион, угрожает Израилю, нарушает права человека в своей стране и поддерживает терроризм за рубежом. Однако Хасан Рухани, (относительно) умеренный президент Ирана, поставил на кон свою роль лидера государства, называя «день реализации» (снятие санкций) «золотой страницей» в истории своей страны.

Сторонники сделки справедливо расценивают ее как триумф многосторонней дипломатии, и западные их представители, в частности в связи с перспективами высокой доходности развивающегося рынка, наблюдали энтузиазм деловых и политических элит во время визита президента Рухани во Францию и Италию в конце января 2016 года.

Тем не менее есть и те, кто опасается, что, как ни парадоксально, вместо того чтобы положить начало новой эре стабильности и сотрудничества, это историческое ядерное соглашение может вывести геополитическую борьбу между Ираном и Саудовской Аравией на новый уровень, так как возрождение Ирана для Саудовской Аравии, уже пострадавшей от снижения цен на нефть, может стать началом нового этапа соперничества со своим историческим региональным конкурентом.

Саудовская Аравия и Иран

В начале 2016 года резко усилилась напряженность между Саудовской Аравией и Ираном. Несмотря на то что взаимные претензии этих стран имеют давнюю историю, обусловленную глубокими межконфессиональными противоречиями и усиливающейся борьбой за гегемонию в регионе, такие действия, как скандальная казнь шиитского проповедника шейха Нимр Аль-Нимра в Иране в январе, обострили противостояние. Кризис усугубился в результате попытки поджога посольства Саудовской Аравии в Тегеране в знак протеста и последующего разрыва дипломатических связей между странами.

Взаимоотношения двух региональных держав, казалось бы, находились в нижней точке в течение десятилетий, негативные последствия произошедшего угрожают усилением раскола и погружением региона в кризис. На фоне того, что жестокие гибридные войны уже начались в Йемене и Сирии, вероятность прямого

конфликта между этими двумя странами, как представляется, существенно возросла.

Помимо многолетнего недоверия, теперь и ядерная сделка Ирана с Западом, похоже, может нарушить политические расчеты в регионе и изменить баланс власти. Саудовская Аравия и ее союзники в Совете по сотрудничеству государств Персидского залива не знают, сыграет ли Иран как «адекватная» сторона, участвующая в принятии решений в регионе, конструктивную и умиротворяющую или, как они подозревают, дестабилизирующую и революционную роль, поддерживая вооруженные шиитские группировки, провоцируя межконфессиональную борьбу и усиливая конфликты в Сирии и Йемене.

Сегодня еще слишком рано предсказывать, какой эффект новое развитие событий в регионе окажет на конфликты на территории от Леванта (стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря) до Йемена. Много будет зависеть от того, как Иран воспользуется своей вновь обретенной легитимностью и сможет ли добиться своего Рухани, которого уже давно считают лицом, способным восстановить дружественные отношения с Саудовской Аравией.

В настоящее время даже возможность потепления отношений Тегерана с Западом и повторное открытие его рынков, несмотря на проблематичность воплощения этого в жизнь, увеличивают в Эр-Рияде страх перед усиливающимся Ираном, получившим возможность соперничать с Саудовской Аравией в политической, экономической, военной и культурной сферах за доминирование в регионе, особенно в свете того, что такие страны Персидского залива, как Катар и Оман, вероятно, смогут достичь взаимных договоренностей в области экономики и торговли.

«Арабская весна»: пять лет спустя

Последствия «арабской весны» 2011 года и появление сил, способствующих возникновению беспорядков и обусловивших начало переходного этапа, по-прежнему вызывают резонанс в арабских странах и во всем мире. Спустя пять лет регион охвачен кровопролитием и экстремизмом, и речь не идет о начале нового века демократии и реформирования, как многие надеялись. Вместо этого образовавшийся вакуум власти все чаще заполняется организациями ДАИШ и ее союзниками, что приводит к разрушительным последствиям.

Журнал «The Economist» от 9 января 2016 года опубликовал резкое заявление о том, что «арабы никогда не жили в более суровых условиях. Надежды, возникшие после «арабской весны»... разбиты. Отчаяние достигло предела».

Согласно официальной оценке, в течение пяти лет погибло 500 тыс. арабов, и эта цифра вряд ли является преувеличением. Возможность проведения политики, характеризующейся участием и ростом благосостояния, видится весьма отдаленной. Картина региона представляет собой в лучшем случае эпизодические проблески демократии и государственного порядка, а в худшем — полную катастрофу. Ливия и Йемен по-

грузились в хаос, гражданской войне в Сирии не видно конца, вместо этого в нее вступают новые силы, и все еще не побеждена ДАИШ. Тем временем Египет, который многие комментаторы считают индикатором ситуации в регионе, вернулся к режиму военного авторитаризма, приговорив к тюремному заключению президента Мурси и запретив организацию «Братья мусульмане». Находясь в состоянии экономического спада, страна все чаще сталкивается с жесточайшими беспорядками, которые устраивают исламисты на территории Синайского полуострова.

Даже Тунис, который считался единственным исключением, не смог избежать политической турбулентности и предотвратить появление воинствующих исламистов на политической арене после террористических атак на музей Бардо в марте 2015 года и в городе Сус в июне 2015-го.

Беспокойство вызывает и то, что многие причины, породившие «арабскую весну», по-прежнему сохраняются: речь идет о «смертельном союзе» демографических и экономических факторов. Ближний Восток — самый молодой регион мира, за исключением стран Африки к югу от Сахары, в то время как с точки зрения экономики надежды поколения хорошо образованных, но не имеющих достойной работы арабов рушатся из-за плохого управления страной вкпе с коррупцией. С учетом растущего раздражения Европы, вызванного миграцией, возможностей покинуть страну у этих людей все меньше. В результате мятежное молодое поколение становится жертвой идеологии ожидающего конца света джихадизма ДАИШ.

На фоне ощущения, что массовые протесты 2011 года, направленные на мирные изменения, были продиктованы наивными ожиданиями и привели к возобновлению споров о ценности стабильности в противовес демократии, существует вероятность, что недовольство и разочарование народов региона найдут в конце концов иной способ выражения, который, как минимум на краткосрочную перспективу, приведет к еще более сильным волнениям.

Ливия

Вероятность формирования эффективного правительства национального согласия в Триполи невысока. Еще большее опасение вызывает тот факт, что неуправляемый хаос и анархия в Ливии позволяют ДАИШ, которая уже присутствует в Сирте, остановить свой выбор на этой стране.

У Ливии нет сильной армии, чтобы сражаться с опытными джихадистами, и любое увеличение присутствия ДАИШ в стране приведет к дальнейшей дестабилизации ситуации в Тунисе и Египте. Все это создает для политиков западных стран, имеющих огромные активы в Ливии, в частности Великобритании, средства и престиж которой были задействованы в свержении Муаммара Каддафи, неизбежные проблемы в 2016 году, связанные с наличием на расстоянии менее 200 миль от береговой линии Европы террористического псевдогосударства, возможно, контролирующего нефтяные месторождения Ливии.

Сирия

Статистика пятилетнего кровопролитного вооруженного конфликта в Сирии ужасает, и в 2016 году возможность его прекращения все еще сомнительна. Последняя попытка мирных переговоров под эгидой США в Женеве провалилась спустя всего лишь два дня из-за взаимных обвинений сторон. На фоне усиленных обстрелов Алеппо правительственными войсками и воздушными силами России мгновение оптимизма, связанное с российско-американскими планами разрушения арсенала химического вооружения в 2013 году, кажется далеким воспоминанием в условиях конфликта, сложность которого с того времени возросла на порядок.

Возможность прорыва образовалась на проходившей в середине февраля Мюнхенской конференции по безопасности, в ходе которой мировые державы договорились добиваться «всеобщего прекращения враждебных действий» в Сирии. Государственный секретарь США Джон Керри признал, что это были «слова, изложенные на бумаге», и совсем другое дело — реализовать их на практике. Это станет проверкой готовности всех сторон — сирийского правительства, оппозиционных групп и внешних сил — прийти на основе данного соглашения к мирному процессу и покажет, не рухнет ли появившаяся надежда при первых трудностях. Последовавший в тот же день ответ президента Башара Асада, пообещавшего «вернуть контроль над страной, отняв его у войск мятежников», не добавляет оптимизма.

Сирийское кровопролитие было описано как мятеж, который вылился в гражданскую войну, превратившуюся в гибридную. Развертываются многочисленные конфликты, одни войны порождают другие, при этом на исходный конфликт накладывается целый ряд гибридных войн, число воюющих стремительно растет, а борьба становится все более ожесточенной: режим Асада против оппозиции, джихадистов ИГИЛ и ячейки «Аль-Каиды» — организации «Джабхат-аль-Нусра» (которые также сражаются между собой); турки против курдов, Иран и Саудовская Аравия борются друг с другом за гегемонию в регионе; а в последнее время США возглавили коалицию в противовес России, при этом обе стороны наносят авиаудары по Сирии.

Как подчеркнули на последней Конференции 2016 года «Поддержка Сирии и региона», прошедшей в Лондоне, страдают невинные и уязвимые, и нескончаемый поток беженцев, подвергшихся бомбежкам, пыткам, голоду и лишившихся жилья, вынужденно покидают страну, упрекая международную систему в провале урегулирования конфликта. Возможно, некоторое облегчение принесет решение, принятое международной группой поддержки Сирии в феврале.

Между тем никаких четких путей достижения мира не просматривается, как и признаков того, что воюющие стороны готовы объединиться вокруг поддержанного Советом Безопасности плана достижения мира, предполагающего прекращение огня и установление переходного периода, который должен завершиться выборами, или что воюющие стороны понимают, что сделка по заключению мира будет более выгодна для

них, чем разгром врага. Нет понимания того, что Джонатан Пауэлл, специальный представитель британского премьер-министра в Переходном правительстве Ливана, назвал «неприемлемым ни для кого безвыходным положением», и, несмотря на посредничество ООН в вопросах достижения мира, пока нет ни одного заслуживающего доверия внешнего посредника, способного принудить все стороны к компромиссу.

Участие России

Стратегические расчеты в Сирии были нарушены осенью прошлого года после неожиданного появления России на и без того «переполненном» поле боя. Помимо вопросов, связанных с необходимостью исключения конфликтных ситуаций в небе над Сирией, западные страны расценивают такое развитие событий как крайне нежелательное в связи с тем, что оно способно продлить войну, в которой нет надежды на победу. Предложенный режиму Асада план спасения продлит пребывание сирийского президента у власти, что неприемлемо для значительной части сирийского населения и подорвет международные усилия, направленные на поиск политического выхода из кризиса. Западные страны также привело в ярость последовавшее усиление ДАИШ, которое произошло, несмотря на многократные уверения России, что наносимые ею авиаудары направлены в первую очередь против террористов ИГИЛ. Кроме того, действия России были названы ее критиками причиной обострения миграционного кризиса, разжигания экстремизма и появления многочисленных жертв среди мирного населения в связи с беспорядочными бомбардировками.

Спор по поводу авиаударов происходит после периода резкого ухудшения отношений между Россией и Западом, подогреваемого напористостью Москвы. Такие события, как аннексия Крыма, кризис на Украине и непрекращающаяся сепаратистская война на Донбассе, расположенном на востоке страны, привели к наложению санкций на Россию, проведению символических военных учений и потоку резких высказываний, которые напоминают риторику эпохи холодной войны. Михаил Горбачев, бывший советский лидер, был вынужден выступить с предупреждением о том, что мир находится на пороге новой холодной войны. Двусторонние взаимоотношения Великобритании и России были еще более осложнены появлением в январе 2016 года отчета по делу Литвиненко, что усилило отчуждение сторон.

К ужасу Запада, Россия предпринимает больше стратегических действий и вооруженного вмешательства как в Сирии, так и на всем Ближнем Востоке, чем после холодной войны. Похоже, Запад сейчас, пытаясь реагировать на действия России в Сирии, находится в состоянии недовольства, схожего с тем, которое Россия испытывала в связи с интервенцией НАТО в Косово.

Подъем так называемого «Исламского государства» ДАИШ (ИГИЛ)

Несмотря на провозглашенную глобальную войну с терроризмом, США и их союзникам предстоит унич-

тожить единственную джихадистскую группу. Не избавившись от «Аль-Каиды», мир столкнулся с тем, что угроза безопасности приобрела глобальный характер, трансформировавшись в новый вид международного терроризма, не менее беспощадного, чем события 11 сентября.

Возникновение ДАИШ в Ираке и Сирии и ее философия насилия, террора и экстремизма вызвали повсеместное резкое осуждение. Целый ряд наводящих ужас кадров, изображающих казни невинных западных заложников, возвели эту организацию из ниоткуда до объекта «борьбы поколения» и «зла, против которого должен объединиться весь мир», как это сформулировал Дэвид Кэмерон. Практически в одночасье утверждение, что военные и дипломатические действия, предпринимаемые в последнее десятилетие Западом в Ираке и потребовавшие от него больших усилий и расходов, позволили создать стабильную политическую систему, дееспособную армию и добиться значительного снижения террористической угрозы, было опровергнуто.

Движение ДАИШ, которое два года назад не привлекло бы внимания парламента и вряд ли было бы упомянуто в средствах массовой информации и которое, по признанию президента США Барака Обамы, не получило должной оценки в отчетах разведки, быстро прогрессирует. Организация контролирует значительные территории Сирии и Ирака, которые она объявила принадлежащими халифату под предводительством Абу Бакр аль-Багдади, и пытается экспортировать свою жестокую и экстремистскую версию суннитского ислама. Доходы организации составляют 300 млн долларов в год, они захватили арсенал самого современного вооружения и заявляют о наличии у них 30 тыс. бойцов, среди которых есть и значительная доля иностранных боевиков. Важно отметить, что ДАИШ обеспечила себе возможность высококвалифицированного и эффективного присутствия в электронных средствах массовой информации, уровень которого, как отмечают многие комментаторы, позволяет говорить о создании нового «золотого стандарта» взаимоотношений террористических организаций с общественностью. Им удалось добиться успеха в социальных сетях: Facebook, Twitter, Instagram, чтобы пропагандировать свои идеи и привлекать молодых мусульман для исполнения своих экстремистских целей.

Вопреки многим прогнозам, ДАИШ оказалась более живучей на земле Ирака и Сирии, несмотря на продолжающиеся бомбардировки со стороны коалиции, и ее продвижение через Ближний Восток, Северную Африку и страны Африки к югу от Сахары продолжается, особенно на египетском Синайском полуострове и в Ливии.

На самом деле вполне может оказаться, что, одолевая нанесение авиаударов в Сирии, чтобы «отрубить» «змеиную голову» — руководство ДАИШ в Ракке, — британское правительство падет жертвой непонимания ДАИШ и природы современного джихадистского фундаментализма. Даже если ее существование в виде халифата в Сирии и Ираке окажется непродолжитель-

ным, организация ДАИШ очень живуча. Оккупировав в 2014 году Мосул, она не возникла из ниоткуда — ее корни гораздо глубже. И это не та организация, которую можно уничтожить, лишив ее лидеров. Это универсальное движение, идеологические «выкорышки» и последователи которого могут появиться там, где есть кризис управления или вакуум, созданный хаосом, который они могут занять без лишних усилий. Подобные зоны с недостатком управления были преднамеренно созданы такой политикой и интервенциями Запада, как катастрофический роспуск иракской армии в 2003 году и воздушные бомбардировки Ливии в 2011-м, приведшими к свержению Каддафи. В свете сказанного, вероятно, ДАИШ и связанные с ней организации будут влиять на всемирный джихад в течение как минимум следующего десятилетия.

Ближний Восток и политика Запада

На фоне тревожных событий способность внешних игроков повлиять на ситуацию выглядит ограниченной, как никогда ранее. При таком количестве проблем трудно понять, как эти игроки должны приступить к их разрешению и какую роль при этом играть.

Кроме того, в регионе ухудшается репутация Запада, в том числе и Великобритании. Несмотря на стандартные утверждения о глубоких и долгосрочных исторических связях и взаимоотношениях, основанных как минимум на соглашении Сайкса–Пико («Я хотел бы провести линию от “е” в слове “Аcre” до “к” в слове “Kirkuk”») 1916 года, Севрском мирном договоре, заключенном в 1920 году, на свержении шаха и нашей политике поставок вооружения Странам сотрудничества Персидского залива, неудивительно, что западная политика, зачастую обусловленная желанием обеспечить себе нефтяные потоки по приемлемым ценам и отсутствие каких-либо угроз поставкам, породила атмосферу предательства и недоверия.

В условиях, когда западные державы вовсе не являлись честным посредником, нетрудно заявлять о том, что именно они контролировали ситуацию в течение последних лет, когда произошли провалы на Ближнем Востоке, включая последние неверно истолкованные и ненужные войны в Ираке, Афганистане и Ливии. Сегодня в политике Запада отсутствуют стратегия и четкое понимание задач наряду с неудавшейся попыткой адаптировать все более ограниченные ресурсы к растущим обязательствам.

Проблемы Ирака и Афганистана, вместо того чтобы отойти на периферию мировой политики, на что многие надеялись, по-прежнему выдвинуты на авансцену. В последнем отчете ООН сказано, что уровень насилия против мирного населения в Ираке «остается ужасающим».

Мы в Великобритании не знаем, повышает ли наша политика на Ближнем Востоке и в Северной Африке нашу безопасность или мы провоцируем появление новых поколений террористов. И наши решения, когда мы их принимаем, не всегда являются тем, чем кажутся: несмотря на заявления правительства, объясняющие нанесение авиаударов по ДАИШ в Сирии, относительно незначительное их количество было на самом

деле совершено после голосования в парламенте 2 декабря, что наводит на мысль о том, что любые «значимые последствия», которые такие решения будут иметь, гораздо более тесно связаны с реальной политикой, чем ситуация на территории Сирии.

При этом мы не только не сделали ничего, чтобы предотвратить джихадистский ислам, но даже способствовали его распространению. В результате вряд ли стоит удивляться тому, что арабский мир нам не доверяет и мы утратили влияние на него. Несмотря на то что у нас есть серьезные стратегические интересы в регионе, зачастую мы не способны точно понять динамику его политического, религиозного и конфессионального развития.

Из Вашингтона и Лондона о возглавляемом США вторжении в Ирак и свержении Саддама Хусейна было заявлено как об устранении жестокого диктатора. Но в условиях воинствующего сектантства в регионе многие представители Стран сотрудничества Персидского залива воспринимают это как выдачу Ирака Ирану «на блюдечке». При этом все будет выглядеть так, как будто Иран является «победителем» в беспорядках, охвативших регион в 2003 году.

Мы никогда до конца не понимали сложных религиозных различий между суннитами и шиитами и зачастую вставали на сторону суннитов, преследуя стратегические экономические цели, в то время как более разумным было бы сохранение нейтралитета. Мы боремся с перекрестными течениями в регионе и направляем противоречивые сигналы: поддерживаем возглавляемую суннитами коалицию против шиитской группы хути в Йемене и при этом, хотя и менее открыто, привлечение шиитских отрядов в районе Багдада к борьбе против ДАИШ.

Политика Запада после «арабской весны»

По итогам знаковых событий «арабской весны» правительства стран Запада, включая Великобританию, пытаются сделать выводы. Надежды на то, что демократические устремления народов Северной Африки и стран Персидского залива позволят им сформировать правительства, которые будут более прозападными, закончились разочарованием, а крушение этих позитивных ожиданий поставило под сомнение целый ряд подходов Запада к региону, применявшихся после событий 11 сентября.

Политика была обусловлена почти автоматической готовностью к поддержке того, что выглядит как народно-освободительное движение, без какого-либо реального анализа его причин и движущих сил. При этом зачастую вопрос о согласовании либерально-демократических ценностей и выработке четкой единой повестки дня даже не стоял.

Теперь кажущаяся все более наивной концептуальная основа всех действий Запада на Ближнем Востоке, а именно представление о том, что демократия — либо привнесенная путем насильственного свержения диктаторов Ирака и Ливии, либо созданная в результате таких внутренних реформистских движений, как «арабская весна», — сможет обеспечить стабильность, существенно подорвана.

В результате от «демократической повестки» 2011 года пришлось отказаться. В борьбе между стабильностью и демократией победила стабильность. Западная политика, как оказалось, молчаливо поддерживает военные правительства и «спускает на тормозах» критику авторитарных монархий стран Персидского залива — тех сил в регионе, которые рассматриваются как приверженцы стабильности.

В настоящее время политика Запада в значительной степени направлена на оперативное экстренное реагирование, имея целью, как сказал Тарек Осман, «прекращение или если не прекращение, то сдерживание взрывов бомб». Основное внимание направлено на терроризм, миграцию и конфликты. И это в целом отражает обеспокоенность Запада, связанную с тем, что радикализация региона означает усиление террористической угрозы для западных стран.

Надежды на мирный переход к демократии сменились сомнениями в том, что она действительно является правильной моделью для региона и что ислам вообще совместим с демократией, и даже предположениями, что ислам и авторитаризм идут рука об руку. Но прежде чем мы поспешим признать неэффективность демократии как организующего принципа политики, необходимо вспомнить, что рождение демократии редко проходит гладко и быстро. Она появляется в виде «куколки» компромисса, как, собственно, это и происходило в Европе. Необходимо рассматривать события в перспективе, применяя стратегический подход, который позволит не вешать на арабские страны клеймо своего рода уникальных государств, невосприимчивых к широкому историческому контексту.

Тем не менее сегодня, на пепелище «арабской весны» в Саудовской Аравии, многие уверены, что западные силы, принимающие решения, не играют значительной роли из-за ограниченности ресурсов, воли и степени доверия и что теперь это арабская история.

Политика Запада в Сирии

Сирия находится в фокусе внимания Запада и является важнейшей точкой нашей серьезной неудачи. Можно подвести следующий итог действий Запада: дипломатия в смятении, установление мира в который раз отложено, происходит масштабный гуманитарный, миграционный кризис, кризис террористической угрозы, ведутся бомбардировки, при этом неизвестно, способствуют ли они устранению причин этих кризисов, и, что еще хуже, они могут подвергать опасности еще большее число жизней как на Ближнем Востоке, так и на Западе.

Западные политики столкнулись с комплексом краткосрочных требований и долгосрочных задач: поиском политического решения в Сирии, которое обеспечило бы эффективную борьбу против ДАИШ; необходимостью остановки потока беженцев. Западные державы четко заявляли, что эти процессы должны идти без участия Асада. Не имея иной стратегии и видения ситуации в регионе, мы связаны общим делом с так называемыми группами «умеренной оппозиции», единство которых не подтверждено и программа действий которых может не совпадать ни в чем, кроме намерения

свергнуть Асада. Мы говорим о правительстве с широким участием, которое, представляя интересы всех сирийцев, станет «естественным партнером» в борьбе против ДАИШ. Однако у нас нет уверенности в том, что группы, формирующие умеренную сирийскую оппозицию, смогут действовать сообща, чтобы решить колоссальные проблемы Сирии после Асада.

Мы справедливо осуждали Асада за жестокость и войну против собственного народа, но предположения о его приближающемся уходе от власти пока еще преждевременны. И здесь кроется дилемма, так как русские, возможно, решили, что Асад — лучший партнер для борьбы с ДАИШ и, таким образом, оказание ему поддержки соответствует национальным интересам России. Русские заявили, что Запад играет с огнем, пытаясь свергнуть Асада. Некоторые политики — и среди них бывший президент Финляндии Марtti Ахтисаари — считают, что шанс на установление мира был упущен в начале 2012 года и что европейского миграционного кризиса можно было бы избежать, если бы Запад принял предложение России об «элегантном» способе ухода для Асада.

Пока официальные лица Европы и США жалуются на то, что они называют непрозрачностью и двуличностью России, в противовес отсутствию стратегии у Запада президент Путин, кажется, имеет четкое долгосрочное понимание ситуации и план действий, а именно: в условиях зашедшей в тупик войны сместить баланс в пользу своего «клиента» — президента Асада, разбив силы оппозиции. Похоже, расчеты России заключаются в том, что лучше всех с этим справится Асад, который сможет сохранить статус-кво, имеющиеся региональные границы и границы страны от ревизионистов, эсхатологических сил ДАИШ. Этот факт, несомненно, является ключом к пониманию озабоченности России, особенно с учетом чрезвычайной важности вопроса безопасности Центральной Азии, уязвимой перед ваххабизмом: в регионе проживают 13 млн мусульман-суннитов.

И все же Запад настаивает на своем подходе. Пэдди Эшдаун, бывший Верховный представитель в Боснии и Герцеговине, сформулировал это следующим образом: «Сделать отстранение Асада коренным принципом нашей политики в условиях, когда у нас не было средств для осуществления этого, было явным безумием. Если у вас есть цель, у вас должны быть средства ее достижения, а у нас их не было, так как его поддерживали Россия и Иран».

Никакое решение по Сирии также невозможно без участия Ирана, и существуют два варианта, которые будут обусловлены политикой США и России. Первый предусматривает, что Иран после снятия с него санкций будет искать возможности достижения разумных согласованных договоренностей, позволяющих поддерживать ядерную сделку. Согласно второму варианту, геополитическая значимость Сирии для Ирана и подконтрольных ему сил возьмет верх, и Тегеран будет вынужден «играть по-крупному» и начать оказывать поддержку режиму Асада.

Иран четко сформулировал свою позицию: Сирия стратегически важна в качестве транзитного пути

для осуществления поставок организации «Хезболла» в Ливане, но иранцы также рассматривают Асада как необходимую силу, без которой Сирия погрузится в хаос, подобно Ираку. В свете последствий, наступивших в Ираке и Ливии, где насильственное отстранение Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи до сих пор не привело к миру, стабильности и демократии, кто может сказать, что они неправы? И есть ли свидетельства того, что в этот раз все пойдет по-другому?

2016 год задает целый ряд вопросов о будущем Сирии и о том, будет ли положен конец этой трагедии. Если Россия и Иран добьются своего, за этим может последовать расширение коалиции «4 + 1» в качестве новой возможной архитектуры обеспечения безопасности в регионе. Это может иметь далекоидущие последствия, если западные державы, что весьма вероятно, будут рассматривать такую архитектуру как враждебную и антагонистическую.

Но при наличии международной договоренности о необходимости поиска путей прекращения военных действий мы видим еще одну попытку бросить камень в сирийской игре со столь высокими ставками. Это первый, очень условный знак того, что безвыходное положение может быть преодолено. Не потому, что есть какое-либо соглашение или компромисс насчет будущей судьбы Асада, а потому, что Россия и США могут наконец работать над поиском урегулирования — давно назревшее признание со стороны США того, что если Россия является частью сирийской проблемы, то, конечно, это центральная фигура или даже ответ на решение проблемы.

Израиль–Палестина

Проблема палестино-израильских отношений в течение долгого времени считалась «открытой раной» всего мусульманского мира, но после того как фокус западной политики был смещен на Ближний Восток, процесс мирного урегулирования замер, и в области достижения решения двумя государствами нет никакого прогресса. Последняя война между Израилем и сектором Газа была всего 18 месяцев назад — это очень длинный срок для «зыбкого болота» Ближнего Востока, а в отсутствие каких-либо признаков того, что политические элиты с обеих сторон имеют серьезные намерения изменить текущее положение, конфликт резко понизил свои позиции в списке международных приоритетов.

Это не означает, что проблемы более не существует. Фактически ситуация ухудшилась. В то время как внимание мира приковано к другому региону, Израиль, расстроенный иранской сделкой, продолжает агрессивно реализовывать свою незаконную программу урегулирования. В то же время в сектор Газа и на Западный берег перебираются более жестокие экстремисты, что обещает напряжение и беспорядки в будущем. «Открытая рана» заживает плохо, и в 2016 году «нарыв» может вновь прорваться.

Заключение

Мы живем в мире, где глобальные угрозы требуют глобальных решений. Однако зачастую мы не в со-

стоянии найти такие решения. Вопреки своей миссии ООН слишком часто выступает в роли увеличительного стекла для изучения глубоких разногласий в международном сообществе, в то время как деятельность НАТО — организации, далекой от нового видения мирного процесса, — нацелена на гораздо более уязвимые ландшафты. Поиск взаимоприемлемых средств устранения угроз, с которыми мы столкнулись, требующих обязательного выхода за рамки узких интересов, но и в равной мере признающих важность национальной идентичности сторон, является, возможно, нашей главной задачей.

Более того, ни по одной из важнейших задач Запада, связанных с Ираном, Сирией, Северной Кореей, Украиной, невозможно найти решение без России. Западные государства могут не одобрять российскую политику и не доверять президенту Путину, но они не должны и не могут подвергать его остракизму. Роль России в мировой дипломатии слишком важна. Появление нового прагматичного подхода со стороны Запада — призна-

ние реальности и стремление справиться с ней для всеобщего блага — давно назрело, и я надеюсь, что сейчас в Сирии мы наблюдаем первые признаки этого. Установление там мира будет сопряжено с трудностями и потребует труднодостижимых компромиссов. Но если мы добьемся успеха, у нас появится шанс выполнить обещание «избавить грядущие поколения от бедствий войны», которое мы давали как учредители, подписавшие Устав ООН в 1945 году, после сокрушительной войны, через которую прошли европейские страны, Россия и США и которую мы не должны забывать.

Мы также существенно увеличим свои шансы на успех, если будем вместе бороться с ДАИШ как с общим врагом. Эта задача является высшим приоритетом как для Запада, так и для России. Мы можем использовать отдельные сферы влияния для деэскалации напряженности между Ираном и Саудовской Аравией. Если же этого не произойдет, они продолжат вести борьбу в других странах, и в образовавшемся хаосе единственным победителем будет ДАИШ.

Мануэль Ф. Монтес¹

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ООН–2030: ГЛОБАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

25 сентября прошлого года главы государств — членов ООН приняли документ под названием «Трансформация нашего мира: повестка дня 2030 для устойчивого развития» [8], цель которого — обеспечить успех программе развития в рамках Целей развития тысячелетия (ЦРТ) (далее — «Повестка дня 2030»).

Все государства — члены ООН согласны с тем, что общая цель «Повестки дня 2030» заключается в структурных преобразованиях, необходимых для устойчивого развития в трех сферах. Эти сферы — социальная, экологическая и экономическая — были согласованы странами — членами ООН еще в 1992 году в рамках программы развития XXI века «Повестки дня XXI». Этот документ и был преобразован в «Повестку дня 2030».

При внимательном изучении новой Программы развития ООН можно отметить ее следующие характерные особенности².

¹ Старший советник по вопросам финансов и развития Южного центра (Женева, Швейцария), доктор экономики. Ранее был руководителем направления стратегий развития Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам. Координатор региональной программы ПРООН (региональный центр в Коломбо, Шри-Ланка). Участник программы международной экономической политики Фонда Форда в Нью-Йорке (1999–2005). Координатор по вопросам экономики исследований в Центре «Восток–Запад» в Гонолулу (1989–1999). Адъюнкт-профессор экономики Университета Филиппин (1981–1989). Автор публикаций по проблемам макроэкономической политики, стратегии развития, неравенства доходов, изменения потока финансирования и промышленной политики. Имеет степень доктора философии в области экономики Стэнфордского университета.

² Автор выражает благодарность советнику Постоянного представительства Индии в ООН (Нью-Йорк) Амиту Нарангу за формулировку большинства из этих характеристик.

1. Она ставит задачу изменить скорее причины отставания, а не его симптомы, как в ЦРТ.

Ключевой пример: рассматривая экономический рост (ЦУР 8) и индустриализацию (ЦУР 9) как непосредственные цели устойчивого развития, Программа может способствовать сотрудничеству в области развития и внутренней политики для преодоления отсталости.

2. ЦУР направлены на решение проблем в долгосрочной перспективе, а не только на сиюминутные меры.

Всегда можно сказать, что некая часть населения улучшила свое благосостояние и перестала жить за чертой бедности, обычно измеряемой соотношением дохода/расхода в день на человека. Но при финансовом кризисе этот показатель в одночасье рушится.

Развивающиеся страны имеют большой опыт жизни в условиях финансовых кризисов. В конце 2015 года, после заключения соглашения по «Повестке дня 2030», многие развивающиеся страны стали испытывать трудности, так как кредитные условия стали более жесткими после семи лет благоприятных условий, когда многие набрали международные кредиты.

Без устойчивой диверсифицированной базы доходов и рабочих мест страны уязвимы для таких кризисов. Но диверсифицированную базу финансовых поступлений можно сформировать только при условии, что в стране будет диверсифицированная промышленность и рабочие места.

3. «Повестка дня 2030» призывает ко всеобщей ответственности.

Ответственность лежит на всех странах, а не только на развивающихся: каждая страна должна стремиться

ликвидировать нищету, и развитые страны тоже. Благодаря принципу всеобщей ответственности «Повестка дня 2030» может стать площадкой для анализа влияния политики северных стран на развивающиеся страны.

Принцип всеобщей ответственности особенно важен, поскольку «Повестка дня 2030» обращается к вопросу изменения климата. Программа заимствует идеи устойчивого потребления и производства из «Повестки дня XXI». Например, исследование показало, что в Великобритании углеродосодержащие выбросы в секторе производства значительно снизились. Однако с учетом выбросов углекислоты за счет внутривидового потребления фактически вклад Великобритании в глобальное потепление вырос. (Кстати, исследование показало, что потребление Великобритании базируется больше на импорте из ЕС, чем из Китая.) Половина выбросов углекислого газа в атмосферу в Великобритании приходится на потребление импортных товаров, произведенных по экологически вредным технологиям.

4. «Повестка дня 2030» настаивает на комплексном и целостном представлении о развитии.

Этот подход согласуется с первоначальной целью международного соглашения 1992 года об «устойчивом развитии». Это политическое соглашение основывалось на выводе, что бедность является важным фактором деградации окружающей среды. Например, бедные люди сжигали леса, чтобы получить бесплатную энергию. В результате леса были истощены, а водоразделы уничтожены. Такая логика ведет к снижению ответственности международной торговли и крупных предприятий за вырубку лесов, а значит, необходимо искоренить бедность, чтобы обеспечить экологическую устойчивость.

Позволительно ли развивающимся странам бесконтрольно строить угольные электростанции, чтобы иметь доступ к энергии, необходимой для удовлетворения ЦУР 6 и других целей?

Правовая база Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 года [4] в ст. 4.7 предусматривает, что:

Степень эффективности осуществления Сторонами, являющимися развивающимися странами, своих обязательств по Конвенции будет зависеть от эффективного осуществления Сторонами, являющимися развитыми странами, своих обязательств по Конвенции, связанных с финансовыми ресурсами и передачей технологии, причем в полной мере будет учитываться тот факт, что экономическое и социальное развитие и искоренение нищеты являются главными и доминирующими приоритетами Сторон, являющихся развивающимися странами.

Статья 1. Все Стороны, учитывая свою общую, но дифференцированную ответственность и свои конкретные национальные и региональные приоритеты, цели и условия развития, могут:

Развивающиеся страны могут строить угольные электростанции, если развитые страны-участницы не помогут им финансированием и технологиями для покрытия дополнительных расходов при строительстве экологически безопасных электростанций.

(РКИК говорит не только о минимизации воздействия на окружающую среду. Речь идет также об адаптации, убытках и ущербе, не говоря уже об обязательствах по передаче технологии, как указано в п. 4.7 Конвенции.)

Статья 9.1 Парижского соглашения [9] предусматривает, что:

Стороны, являющиеся развитыми странами, предоставляют финансовые ресурсы для оказания содействия Сторонам, являющимся развивающимися странами, в отношении как предотвращения изменения климата, так и адаптации в продолжение своих существующих обязательств по Конвенции.

Хотя в Парижском соглашении и не прописывается формулировка статьи РКИК 4.7 о том, что «степень эффективности осуществления Сторонами, являющимися развивающимися странами, своих обязательств по Конвенции будет зависеть от эффективного осуществления Сторонами, являющимися развитыми странами, своих обязательств по Конвенции, связанных с финансовыми ресурсами», тем не менее признается, что это обязательство является «продолжением их существующих обязательств».

5. Кроме перечня целей, как в программе ЦРТ, ЦУР также включают инструменты и средства их осуществления.

Некоторые из 17 целей на самом деле являются инструментами, такие как экономический рост (ЦУР 8), инфраструктура и промышленное развитие (ЦУР 9), обеспечение энергией (ЦУР 7) и устранение неравенства внутри стран и между ними (ЦУР 10). В Программе ЦРТ все средства осуществления были перечислены в цели 8: глобальное партнерство в целях развития.

Особенно заметно внимание «Повестки дня 2030» к роли технологий и финансов в возможном решении проблемы неравенства между странами севера и юга. Пункт 41 [8] гласит:

Мы признаем, что каждая страна несет основную ответственность за свое экономическое и социальное развитие. В новой Повестке дня речь идет о средствах, необходимых для реализации целей и задач. Мы признаем, что к ним относятся мобилизация финансовых ресурсов, а также наращивание потенциала и передача экологически безопасных технологий развивающимся странам на благоприятных условиях, в том числе с использованием взаимно согласованных льгот и преференций. Государственное финансирование как на национальной, так и на международной основе будет играть определяющую роль в предоставлении важнейших услуг и обеспечении общественных благ, а также в привлечении средств из других источников финансирования.

Как мировому сообществу достичь этих целей?

Будет справедливым отметить, что III Международная конференция по финансированию развития в Аддис-Абебе 13–16 июля 2015 года раскрыла нынешнее состояние многостороннего сотрудничества в области развития. Среди наиболее важных итогов конференции, принятых с большими трудностями при решительном сопротивлении некоторых развитых стран,

можно отметить два новых процесса: предложенный механизм содействия технологиям (МСТ) и последующий механизм Экономического и Социального совета по отслеживанию прогресса в финансировании развития (ФР).

Отсутствие новых обязательств

На самом деле в результатах конференции, зафиксированных в «Плане действий в области устойчивого развития, Аддис-Абеба» («АААА»), не предложено никаких новых источников финансирования развития. В ходе конференции развитые страны заняли твердую позицию, утверждая, что «План действий» должен стать основным и единственным средством реализации (СР) для достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Учитывая эту точку зрения, было бы логично, если бы в результате появились новые и дополнительные финансовые средства для поддержки новых универсальных целей устойчивого развития, еще более масштабных, чем предыдущие цели развития тысячелетия, потому что нынешние включают индустриализацию, занятость, экономический рост и развитие инфраструктуры.

Но развитые страны успешно лоббировали свою позицию непринятия дополнительных финансовых обязательств.

Сохранение господства развитых стран в экономической политике

Включить целый ряд проблем в «План действий» по результатам конференции в Аддис-Абебе было практически невозможно. Развитые страны стремились их обсуждать, решать и исполнять только на тех платформах, где они доминируют, например на площадке Международного валютного и финансового комитета Международного валютного фонда (МВФК), Комитета по развитию во Всемирном банке и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Но, по крайней мере, конференция в Аддис-Абебе еще раз подчеркнула решительную позицию развитых стран: не уступать господства в глобальной экономической политике. Последние полтора дня на переговорах в Аддис-Абебе участники обсуждали, будет ли Комитет экспертов ООН по сотрудничеству в вопросах международного налогообложения трансформирован в межправительственный орган. «Группа 77» и Китай имели свое мнение по этому вопросу, но в кризисной обстановке были вынуждены принять непреклонную позицию развитых стран, чтобы эти вопросы решались только межправительственным органом в ОЭСР.

В сущности то, что «План действий» конференции в Аддис-Абебе полагается на ОЭСР при установлении международных норм налогового сотрудничества, — это лишь одна из тех инициатив, которые выводят за пределы контроля ООН принятие решений и оперативное вмешательство в финансировании развития.

Учрежденный в Аддис-Абебе Глобальный фонд финансирования (ГФФ) в поддержку инициативы «Каждая женщина, каждый ребенок», что зафиксировано в п. 78 «Плана действий» конференции, предназначен для заполнения финансовой брешы в размере 33,3 млрд на ЦУР 3: «Обеспечить здоровый образ

жизни и содействовать благосостоянию для всех в любом возрасте» с помощью государственного и частного финансирования. Но только небольшая группа инвесторов ГФФ имеет право принятия окончательных решений. Согласно анализу Мирового политического форума (НПО) от июня 2015 года, «важные решения по финансовой поддержке национальных стратегий в области здравоохранения принимаются по усмотрению инвесторов группы ГФФ. Но группа инвесторов ГФФ — это самоизбранный эксклюзивный орган вне межправительственного контроля и взаимных механизмов подотчетности».

В целом документ «АААА» защищает и подтверждает доминирование северных стран при принятии международных экономических решений.

Существует ли пространство для стратегического маневра?

Именно стремление развитых стран господствовать в экономической политике стало причиной огромных затруднений в дебатах о признании «пространства для стратегического маневра» в развивающихся странах. В конце концов, «пространство для стратегического маневра» упомянуто в п. 9: «Уважать имеющееся у каждой страны пространство для стратегического маневра и ее ведущую роль в разработке и проведении в жизнь политики ликвидации нищеты и политики в области устойчивого развития при соблюдении соответствующих международных норм и обязательств». После принятия Декларации министров в Дохе [6] пространство для стратегического маневра стало ограничено рамками международных правил и обязательств. Проверить его реализацию можно лишь в определенных ситуациях, поскольку нарушать фактические границы государства допустимо только в судебном порядке, например на основании постановлений в процессе урегулирования споров в рамках Всемирной торговой организации. Наличие пространства для стратегического маневра особенно важно при работе с международными организациями, в частности с теми, кто предлагает финансирование, где доминируют развитые страны. Пункт 44 результатов конференции 2015 года (не результат финансирования развития) это подчеркивает: «Мы признаем важность взаимодействия финансовых институтов для поддержки, в соответствии с их мандатами, политического пространства каждой страны, в частности в развивающихся странах».

Общие, но дифференцированные обязанности в развитии сотрудничества и при изменении климата

Принцип общей, но дифференцированной ответственности (ОНДО), организующий принцип международного сотрудничества, следует понимать *не* как великодушный жест со стороны стран, имеющих относительное преимущество силы¹, а как вопрос целесо-

¹ Например, существует точка зрения «либерального контрактуализма», которая расценивает принцип ОНДО как приспособление сторон, получающих большую выгоду от общей цели (Эккерсли, 2009). Поскольку предполагается, что развитые экономики получают больше пользы от открытой торговой системы, они приспособливают под себя «потребности» менее развитых стран, которые получают от этого меньшую выгоду.

образности и эффективности. Под целесообразностью понимается практическое исполнение странами своих обязательств ради достижения общей цели; под эффективностью — сведение к минимуму чистых экономических затрат по достижению общей цели (стоимость минус любые прямые экономические выгоды, исключая экономические выгоды от самой общей цели, которые, как правило, на порядок больше).

Принцип ОНДО в международном сотрудничестве делает *универсальные* обязательства и действия *практически осуществимыми*. ОНДО обеспечивает *эффективность* международного сотрудничества. Применение принципа ОНДО позволяет избежать безрезультатного сотрудничества. Основа целесообразности и эффективности лежит отнюдь не в просвещенном эгоизме. Просвещенный эгоизм требует действий только от одной, более сильной стороны, а не от всех. Если же действуют все стороны, тогда это неписаная норма многостороннего международного сотрудничества. Когда международное сотрудничество требует действий всех сторон (так называемая универсальность), целесообразность и эффективность становятся крайне необходимыми.

Критерий эффективности учитывает чистые экономические затраты всех участвующих сторон. В случае внешнего долга неупорядоченное и несвоевременное его погашение может привести к отсутствию эффективности. Многие проблемы с внешним долгом начинаются как потеря ликвидности (недостаток валюты вследствие снижения цен на сырьевые товары, например). Критерий эффективности нарушается, когда несвоевременная и неприемлемая система разрешения долговых проблем преобразует кризис ликвидности в кризис платежеспособности; этот критерий также нарушают дополнительные расходы в результате возникшей несостоятельности. Предоставление ликвидных средств проблемным должникам — это дифференцированная способность кредиторов пересмотреть и (или) изменить свои требования к должникам.

При авторитарных режимах, таких как исторический колониализм, критерии целесообразности и эффективности рассматриваются как бесполезные. Авторитарные системы применяют сверхдифференциацию и нарушают другой важный критерий — справедливость. Нынешняя система разрешения долговых проблем вобрала в себя многие элементы принудительной системы. В ней применяется сверхдифференциация, с должников требуют уплаты по обязательствам, пока их платежеспособность не будет исчерпана. Принудительная система без колебаний жертвует целесообразностью и эффективностью при достижении общей цели. В случае системы урегулирования задолженности общая цель заключается в целостности кредитования капитала в различных юрисдикциях.

Когда речь идет не о принудительных механизмах, а о международном сотрудничестве, уместно использовать критерии целесообразности и эффективности в принципе ОНДО. Тем не менее каждый раз, когда задействуется принцип ОНДО, развитые страны испытывают почти иррациональный страх. После конференции по изменению климата в Дурбане в декабре

2011 года профессор Гарвардского университета Роберт Ставинс, ведущая фигура в МГЭИК, в своем годовом блоге 1 января 2012 года отметил исчезновение принципа ОНДО в Дурбане как праздник прихода новой эры. Но вскоре принцип ОНДО вернулся — в июле 2012 года, в результатах конференции ООН «Рио + 20».

Возможный сценарий долгового кризиса в развивающихся странах

Йылмаз Акюз предупреждал, что период достаточной ликвидности и роста цен на сырье в мире в конечном счете должен подойти к концу, так как эта ситуация была характерной чертой стратегии реагирования развитых стран на финансовый кризис [1]. Благоприятные условия скоро пойдут на спад и вызовут проблемы платежного баланса в развивающихся странах. Сейчас мы видим реализацию этого сценария: цены на сырье снижаются во всем мире, а страны в настоящее время чрезвычайно уязвимы к исчезновению ликвидности из-за нерегулируемых капитальных счетов, отсутствия контроля в финансовом секторе и нагрузки внешнего долга, взятого крупными корпорациями в развивающихся странах, пока можно было воспользоваться выгодными процентными ставками. Спад цен на сырье, особенно в сфере энергетики, был, конечно, очень выгоден развивающимся странам-импортерам. Тем не менее этим странам приходится бороться с существующим глобальным дефицитом спроса и предстоящим сокращением внешнего финансирования. Если макроэкономическая ситуация не будет скоординирована, мировой дефицит спроса станет частью экономического ландшафта в среднесрочной перспективе. История показывает, что цены на сырьевые товары могут оставаться на низком уровне в течение длительного периода.

Литература

1. *Akyuz Y. Capital Flows to Developing Countries in a Historical Perspective: Will the Current Boom End with a Bust? / Y. Akyuz // Research Paper / South Center. — Geneva, 2011. — № 37.*
2. *Eckersley R. Understanding the interplay between the climate and trade regimes / R. Eckersley (ed.) // Climate and trade policies in a post-2012 world: United Nations Environment Programme. — Geneva, 2009. — P. 11–18.*
3. *UK's Carbon Footprint [Electronic resource]. — Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/414180/Consumption_emissions_Mar15_Final.pdf (accessed: 28.10.2015).*
4. *United Nations Framework Convention on Climate Change. FCCC/INFORMAL/84. — United Nations, 1992.*
5. *The Monterrey Consensus: The final text of agreements and commitments adopted at the International Conference on Financing for Development, Monterrey, Mexico, 18–22 March 2002 [Electronic resource]. — Mode of access: <http://www.un.org/esa/ffd/monterrey/MonterreyConsensus.pdf> (accessed: 28.10.2014).*
6. *Doha Declaration on Financing for Development: Outcome document of the Follow-up International Conference on Financing for Development to Review the Implementation of the Monterrey Consensus, 29 November to 2 December 2008 [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.un.org/esa/ffd/doha/documents/Doha_Declaration_FFD.pdf (accessed: 28.10.2014).*
7. *Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development. A/RES/69/313. — Addis Ababa, 2015.*
8. *Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. A/RES/70/1. — Addis Ababa, 2015.*
9. *Adoption of the Paris Agreement. FCCC/CP/2015/L.9/Rev.1. — Addis Ababa, 2015.*

Мигель А. Моратинос¹**СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ****Задачи, риски, неопределенности
и возможности**

Глобальные проблемы носят транснациональный характер, и для их разрешения требуется множество людей и учреждений, поскольку это невозможно сделать в одиночку. Эти проблемы требуют совместных действий правительств, международных организаций, корпораций, университетов, общественных организаций и творческих личностей. Прогнозирование глобальных рисков стало важной задачей министерств иностранных дел по меньшей мере с 1970-х годов, когда были учреждены первые специализирующиеся на этом подразделения. Зачастую ассоциируемые с отделами планирования политики, эти ведомства нередко сочетают в себе опыт дипломатов со знанием ученых, исследующих глобальные тенденции в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

В области мира и безопасности научно-исследовательские и аналитические центры по всему миру представляют труды, содержащие статистическую и другую информацию о вооруженных конфликтах с конца 1945 года. Такая научная деятельность помогает дипломатам лучше определять приоритеты своей работы. Рассматривая данные, полученные за эти годы Центром системного мира, мы видим, что за этот более чем 70-летний период число межгосударственных войн резко сократилось. С учетом того, что появились новые виды конфликтов — внутригосударственные и социальные с этнической составляющей и высоким уровнем массового насилия, следует отметить, что с момента окончания холодной войны общее число политических конфликтов с применением силы непрерывно сокращается. Войны все больше концентрируются в определенных регионах. Они обладают специфическими повторяющимися характеристиками и включают ряд «частных акторов», что требует новых дипломатических стратегий (не только военных), предполагающих работу с различными государствами и людьми.

Расширение знаний в области таких научных и экспертных исследований поможет дипломатам и лицам, принимающим решения, справляться с возросшей сложностью и неопределенностью, вызванными повышением скорости изменений и взаимозависимости в современном мире. Современные конфликты тесно связаны с уязвимостью стран и обществ. В целях повышения глобальной стабильности дипломаты должны знать, как обращаться с хрупкими государствами, обществами с переходной экономикой, как налаживать

постконфликтные отношения и преодолевать гражданские волнения.

Дипломатическая неопределенность также включает сложную проблему: как справиться с глобальными рисками и угрозами. Каждый год Всемирный экономический форум (ВЭФ) публикует *Отчет о глобальных рисках* с анализом и прогнозированием глобальных вызовов на 10 лет вперед, где оцениваются вероятность и влияние будущих потенциальных кризисов. В нем также излагаются стратегии подготовки к таким событиям. В отчете за 2015 год ВЭФ сосредоточился на 28 глобальных рисках в 5 категориях: технологические, социальные, геополитические, экологические и экономические. Отчет проливает свет на взаимосвязи между этими видами рисков и делает акцент на необходимости разработки согласованных международных мер реагирования на перекрестные задачи. Такие стратегии не могут осуществляться в одностороннем порядке, и государствам определенно не следует действовать в одиночку с целью защиты и предотвращения конфликтов. Все участники международного сообщества должны научиться работать сообща, чтобы уменьшить воздействие появляющихся финансовых, социальных, геополитических и экологических кризисов.

Необходимость коллективного глобального сотрудничества делает особенно важной роль дипломатов и дипломатической практики. Все пять категорий рисков, выявленные в ходе Всемирного экономического форума, тем или иным образом связаны с международным обсуждением общих согласованных норм и правил. Здесь способность дипломатов к ведению переговоров на разные темы в различных контекстах является ключом к любой многосторонней стратегии. Сущность работы дипломатов, их способность обеспечить непрерывный переговорный процесс в стремлении к достижению долгосрочных политических целей помогут справиться с новыми задачами и возросшей неопределенностью.

Внешнеполитические ведомства правительств требуют лучшей структуризации, чтобы оптимизировать баланс между специалистами и универсалами, между экспертами и опытными переговорщиками. Если роль дипломата за рубежом (посольства, зарубежные представительства) была подорвана, то представляется, что его обязанности и способность действовать на межправительственном уровне лежат в основе его обновленных функций и задач.

Управление новым миром

О реалиях международного сообщества невозможно говорить, не ссылаясь на процессы так называемой глобализации. Нельзя отрицать, что термин «глобализация» стал одним из наиболее часто повторяющихся. Большинство определений и самых затруднительных вопросов содержат прилагательное «глобальный», поэтому логично, что этот термин возникает при решении вопросов «мирового управления».

¹ Дипломат, юрист и политик, министр иностранных дел и международного сотрудничества Королевства Испания (2004–2010), доктор. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Кризис на Ближнем Востоке», «Мир в эпоху устойчивого развития». Награжден орденами Сербского флага I степени (Сербия), Креста земли Марии I-го класса (Эстония), королевским орденом Карла III (Испания), гранд-офицер ордена Трех звезд (Латвия), кавалер королевского ордена Изабеллы Католической, рыцарь ордена «За гражданские заслуги» и др. Почетный доктор университетов Гранады, Мальты, Бен-Гурион и Аль-Куде (Израиль). Почетный доктор СПбГУП.

Таким образом, глобализация — это факт, и необходимо подчеркнуть, как это делает Гильермо де-ла-Деза, что «она не является неисчерпаемым источником пользы для человечества, как проповедуют одни, и не несет ответственности за те пороки развития, которые ей приписывают другие». Следовательно, можно констатировать, что ни «глобалофилия», ни «глобалофобия» необоснованны.

Следует уточнить, какое место занимают процессы глобализации во внешнеполитическом управлении. Когда речь идет о национальных интересах, мы должны сначала выявить основные изменения, произошедшие в последнее время. Давно прошли те времена, когда либералы, такие как Чарльз А. Берд, заявляли, что внешняя политика — логичное продолжение внутренней и что последняя определяет первую. Внешняя политика страны основывалась на внутренней, от которой зависели в том числе и вопросы войны и мира. Соответственно, особенности режима просто переносились на международную арену: демократия — это мир, самодержавие — война. Сегодня все изменилось. Движения международного масштаба влияют на внутриполитическую жизнь стран и модифицируют ее. Глобализация охватила политическую арену, и основные вопросы, влияющие на будущее человека, приобрели мировые масштабы: глобальное потепление, энергетический кризис, производство продовольствия, борьба с изменением климата, международный терроризм, природные катастрофы, пандемии... Все это не только формирует повестку национальной политики, но и заставляет государства включать эти вопросы во внутреннюю политику, хотя до сих пор они рассматривались в рамках международной политики и лишь изредка привлекали внимание и интерес той или иной международной научной конференции.

Если, как заявляет Э. Х. Карр, Лига Наций в свое время была попыткой применить принципы либерализма Локка к построению механизма международного порядка, то сейчас мы столкнулись с новым вызовом — идеей глобальной солидарности, которая требует нового международного управления. Национальные государства уже не решают масштабных проблем и не защищают международные общественные блага, принадлежащие всему человечеству. Этим занимаются другие структуры и органы, способные отвечать на современные вызовы. Таким образом, любая политическая программа в XXI веке должна учитывать сегодняшние реалии международной повестки, чтобы

должным образом отвечать чаяниям как государств, так и граждан.

Такой подход требует четкой международной мобилизации для реагирования на новые вызовы современности, в чем каждая страна должна быть неизменно заинтересована.

Справедливо утверждение, что национальные интересы не исчезли и в некоторых случаях продолжают оставаться «смыслом существования» многих действий в международной политике.

Основные кризисы, все еще представляющие угрозу для дипломатических сценариев, в целом основываются на различных не всегда четко определенных национальных интересах, а также поддерживаются ими. Главный вопрос, который мы должны задать себе: в какой степени эта так называемая защита национальных интересов действительно отвечает национальным интересам?

Если проанализировать ситуацию на Ближнем Востоке, обнаружим ряд противоречивых национальных интересов, которые конкурируют между собой.

Реальный вопрос должен быть другим: каким образом общая повестка, согласованная и определенная главными акторами, вмешивающимися в сирийский кризис, может быть гораздо более важной для национальных интересов всех этих народов?

На первый взгляд, могло сложиться впечатление, что США и Россия станут двумя главными победителями в этом конфликте, а Турция и страны Персидского залива в конце концов получают выгоду от определенного влияния в регионе. Мы не вполне уверены в этом. Я считаю, что все основные участники должны объединить силы, чтобы остановить войну, нейтрализовать ИГИЛ и создать систему коллективной безопасности на Ближнем Востоке, которая сможет лучше гарантировать национальные интересы всех народов.

Безусловно, национальные интересы будут по-прежнему присутствовать в глобальном мире, но было бы лучше, если бы способом их защиты стали инновационные международные механизмы, в рамках которых задачу всеобщего обеспечения безопасности можно гораздо лучше рассмотреть и разрешить.

Пришло время для нового подхода, в рамках которого национальные интересы сочетаются с глобальными вызовами, а международное сотрудничество и партнерство заменяют старые системы, в которых военные союзы и тайные соглашения препятствовали реальному решению проблем.

А. Д. Некипелов¹**МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

Без малого четверть века прошла после распада Советского Союза и начала радикальных экономических реформ в современной России. Роль внешнего фактора в развитии российской экономики в этот период существенно выросла по двум причинам. Первая носит, если так можно выразиться, чисто «технический» характер: превращение Российской Федерации в суверенное государство автоматически перевело экономические связи с бывшими союзными республиками в ряд международных. Вторая причина связана с процессом системных реформ: рыночная трансформация кардинальным образом изменила функции, а с ними и значение внешних хозяйственных отношений в функционировании российской экономики.

Как бы то ни было, страна самым активным образом встроилась в охвативший мир процесс глобализации. Совмещение во времени двух фундаментальных процессов — рыночной трансформации и открытия российской экономики миру — предъявляло особые требования к качеству экономической, в том числе и макроэкономической, политики. Ситуация еще более усложнялась изменениями, параллельно происходившими в самом мировом хозяйстве, прежде всего в его денежно-финансовой сфере. Обозначение основных проблем, с которыми пришлось столкнуться российской монетарной и бюджетной политике, а также оценка результативности принимавшихся решений и представляют предмет моего доклада. При этом следует иметь в виду, что за период, истекший с начала «радикальных реформ», российская экономика прошла целый ряд этапов, на каждом из которых разные стороны макроэкономической политики выходили на передний план.

Период радикальных реформ (1992–1998)

В момент начала радикальных реформ основная угроза в этой области была в общих чертах понятна: она состояла в опасности дестабилизации всей финансовой сферы (хаотическое изменение уровней и пропорций цен, непредсказуемое движение процентной ставки и валютного курса) и связанной с этим потерей ориентиров для реального сектора экономики. Вероятность такого развития событий имела как микро-, так и макроэкономические предпосылки.

Первые были связаны с мощнейшим структурным шоком, который предстояло пережить экономике в результате форсированного демонтажа централизованной системы управления. Рыночный спрос (как част-

ный, так и государственный), а не плановое задание становится решающим фактором формирования производственной структуры. Волны от цен к издержкам и от издержек к ценам, прокатывающиеся при этом по всей воспроизводственной цепочке, приводят к резким изменениям относительных цен и уровней доходности (убыточности) различных видов производственной деятельности. Ситуация усложняется тем, что параллельно действуют силы, направленные на реструктуризацию самих предприятий в соответствии с критерием максимизации отдачи на капитал. Наконец, рыночный шок существенно усиливался форсированно проводившимися в жизнь мерами по либерализации внешнеэкономических связей — снижению уровня таможенной защиты российской экономики и введением внутренней обратимости рубля.

Экономическая система не может мгновенно адаптироваться к новой структуре спроса. В частности, в силу материально-вещественной специфики факторов производства, применяемых в различных производственных процессах, возможности их реаллокации ограничены. Поэтому изменение системы индивидуальных и общественных предпочтений, связанное с переходом к рыночной экономике, приводит к тому, что не все имеющиеся факторы производства (включая человеческий капитал) могут быть использованы, по крайней мере в краткосрочном плане. А это обстоятельство имеет уже макроэкономические последствия. Кривая совокупного предложения «сдвигается влево», неизбежным результатом чего становится так называемая трансформационная стагфляция — одновременное снижение выпуска и рост уровня цен.

Кроме того, для экономики, переживающей структурный шок, большая опасность состоит в том, что процесс адаптации может затянуться настолько, что заметная часть материального и человеческого капитала окажется безвозвратно утерянной. Речь, таким образом, идет о возможности возникновения в условиях системной трансформации особой разновидности эффекта, получившего в макроэкономической теории название гистерезиса, то есть такой неблагоприятной ситуации, когда краткосрочные перемены имеют долгосрочные экономические последствия.

Наряду с «шоком со стороны предложения» на экономик, вступившую на путь осуществляемых в шоковом режиме рыночных преобразований, обрушивается «шок со стороны спроса». Это происходит в результате обретения «товарно-денежными инструментами» функций нормальных рыночных регуляторов. Деньги, «дремавшие» на счетах социалистических предприятий в силу отсутствия «фондов» на приобретение продукции, а отчасти во вкладах физических лиц, не обеспеченных товарным покрытием, в мгновение ока превращаются в подлинные платежные средства и начинают участвовать в формировании равновесного уровня цен, процентной ставки, валютного курса.

¹ Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзонады” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

Такие «оживающие» в процессе рыночной трансформации средства обращения в специальной литературе стали называться денежным навесом, с наличием которого следовало так или иначе считаться при проведении реформ.

Все эти обстоятельства, хотя далеко не всегда в полной мере, осознавались реформаторами. При этом они пребывали в убеждении, что проведение жесткой монетарной и финансовой политики в духе «вашингтонского консенсуса» довольно быстро приведет к нормализации макроэкономической обстановки, а вслед за этим и к функционированию всей экономики в нормальном рыночном режиме. Что же касается текущих издержек, то они, с их точки зрения, являлись неизбежной платой за «социалистические прегрешения».

Жизнь показала, что сила и продолжительность трансформационного шока, а следовательно, и способность общества перенести его были явно недооценены. Но выяснилось и иное. Простая децентрализация оказалась не в состоянии перевести экономику в рыночный режим функционирования. Поведение «раскрепощенных социалистических предприятий» коренным образом отличалось от поведения фирм, ориентированных на максимизацию отдачи на капитал. Отсутствие у таких предприятий жестких бюджетных ограничений приводило к их неадекватной реакции на рыночные сигналы, результатом чего стало быстрое наращивание взаимных неплатежей. Приватизация, проведенная варварскими методами в 1992–1994 годах, не улучшила, а ухудшила ситуацию: целевой установкой значительной части экономических агентов стало стремление к обогащению за счет растаскивания государственных активов.

Оказалось, что в условиях сформировавшейся «мутантной» экономики все попытки обеспечить макроэкономическую стабильность за счет проведения жесткой монетарной и бюджетной политики обречены на провал. Ограничения денежного предложения приводили не столько к снижению инфляции, сколько к нарастанию неплатежей. Сокращение бюджетных расходов, в свою очередь, вело не к уменьшению, а к увеличению бюджетного дефицита: нехватка бюджетного финансирования в определенной степени компенсировалась «поставками в обмен на неплатежи», а связанное с этим ухудшение финансового положения предприятий приводило к прогрессирующему уменьшению налоговых поступлений в государственную казну. Из-за этого в 1993–1996 годах государству пришлось постоянно наращивать объем размещавшихся на рынке долговых обязательств. Сформировалась своеобразная финансовая пирамида: с каждым новым выпуском государственных облигаций все большая часть доходов шла на обслуживание обязательств по этим ценным бумагам и все меньшая поступала в бюджет.

Сама логика событий потребовала от власти встать на путь открытия в 1996 году рынка государственных ценных бумаг для нерезидентов: только таким образом в условиях проводившейся экономической политики она могла обеспечить финансирование государственных расходов. Поначалу казалось, что эта политика дает положительные результаты. За 1997 год портфель-

ные инвестиции в Россию выросли на 46,4 млрд долларов (против прироста на 9,9 млрд долларов в 1996 г. и на 0,8 млрд — в 1995-м), номинальная доходность ГКО упала до 26 %. Но в результате российская экономика стала заложницей иностранного спекулятивного капитала, что сыграло решающую роль в разворачивании драматических событий 1998 года.

Несмотря на принимавшиеся драконовские меры по уменьшению дефицита государственного бюджета, он продолжал расти, вызывая у иностранных инвесторов все больше сомнений в способности российских властей обслуживать свои долговые обязательства. Как следствие, осенью 1997 года началось паническое бегство от рубля и деноминированных в нем активов. Обрушился фондовый рынок: в течение следующего года его капитализация уменьшилась на порядок (17 октября 1997 г. индекс РТС равнялся 532,9, а 16 октября 1998 г. — только 55,32). Для спасения рубля Центральный банк пошел на сокращение валютных резервов (с 20,4 млрд долларов в конце второго квартала 1997 г. до 10,9 млрд годом позже) и резкое повышение ставки рефинансирования (с 21 % на 11 ноября 1997 г. до 150 % — в конце мая 1998-го). Эти действия были связаны со стремлением предотвратить крах всех основных российских банков, которые в предшествующий период активно привлекали иностранную валюту в виде кредитов иностранных банков и депозитов, конвертировали ее в рубли и инвестировали в высокодоходные рублевые активы (ГКО и ОФЗ).

Но взлет процентной ставки привел к тому, что государственный долговой кризис приобрел катастрофические масштабы. Ситуация усугубилась значительным снижением мировых цен на главные товары российского экспорта, в первую очередь на нефть. Оказанная международными финансовыми организациями и Японией помощь под обязательство реализовать комплекс мер, зафиксированных в специально разработанной Программе стабилизации экономики и финансов, не дала даже передышки: рынок «не поверил» в способность властей спасти ситуацию. Отток капитала нерезидентов и бегство резидентов «из рубля в доллар» продолжались с прежней силой.

После того как стало очевидным, что полученная помощь на деле — инструмент безболезненного увода из страны иностранного спекулятивного капитала, исполнительная власть и Банк России решились на крайние меры. Была признана неспособность правительства выполнять свои обязательства по ГКО, резко расширен валютный коридор, объявлен трехмесячный мораторий на платежи по внешним долгам коммерческих банков. Такое необычное сочетание фактической резкой девальвации рубля и объявления о прекращении выполнения своих обязательств как государством, так и банковской системой страны оказалось вынужденным: одно лишь снижение курса рубля привело бы к быстрому обвалу банковской, а следовательно, и платежной системы страны.

Эти шаги российской власти имели тяжелые внешние последствия. Но и они не смогли предотвратить вступления российской экономики в чреватый многочисленными рисками период хаотического развития.

Полная потеря доверия к власти и национальной финансовой системе привела к грандиозной панике. Все основные коммерческие банки оказались в состоянии дефолта, была дезорганизована расчетно-платежная система, резко упала собираемость налогов. Обстановка неопределенности, в которой находились основные экономические агенты, усиливалась тем, что в течение некоторого времени валютный курс рубля не мог прийти в равновесное положение. Вслед за обвалом рубля вверх взметнулись цены, порождая панику на потребительском рынке.

Таким оказался печальный финал политики «шоковой терапии» в России. В целом же весь период с 1992 по 1998 год дал неутешительные результаты. Произошло практически двукратное падение валового внутреннего продукта, обрушился уровень жизни населения, страна лишилась значительной части высокотехнологичных производств, сформировалась враждебная экономическому росту макроэкономическая обстановка, характеризовавшаяся устойчиво высокой инфляцией, временами переходившей в гиперинфляцию.

Разумная альтернатива проводившемуся курсу, направленная на максимальное снижение социально-экономических и производственно-технологических издержек системных преобразований, состояла в следующем. С одной стороны, важно было обеспечить быстрое проведение ключевых институциональных реформ, направленных на формирование адекватной реакции основных экономических агентов на рыночные сигналы. Но именно эта институциональная часть преобразований была провалена на этапе радикальных реформ. А с другой стороны, необходимо было тщательно дозировать силу этих сигналов посредством постепенной, а не шоковой либерализации хозяйственной деятельности и активного проведения государством социальной и промышленной политики. При таком подходе имелись все возможности поддержания устойчивой макроэкономической ситуации в российской экономике. В частности, в целях снятия денежного навеса банковские вклады населения можно было на время заморозить, введя режим их индексации. Аналогичные меры были приняты и в отношении части денежных средств предприятий.

Период удвоения ВВП (1999–2008)

Правительство Е. М. Примакова и Банк России под руководством В. В. Геращенко смогли предотвратить катастрофические сценарии развития экономики после дефолта. Искусно маневрируя в денежно-кредитной и бюджетно-финансовой сферах, власти сумели сохранить отечественную банковскую (а следовательно, и платежную) систему, обеспечить контроль над инфляционными процессами и динамикой курса национальной валюты. Тогда же были введены более жесткие меры валютного контроля, начата борьба с коррупцией.

Лишь в результате этой черновой работы удалось воспользоваться возможностями, связанными с резким обесцениванием рубля: жесточайшим образом сократить импорт и придать импульс развитию импортозамещающих производств. Уже с октября

1998 года производство начало ежемесячно увеличиваться. В апреле 1999 года экономика вышла на уровень апреля 1998-го, а по результатам первого полугодия 1999 года продемонстрировала прирост в 3,1 % по сравнению с соответствующим периодом предшествующего года.

Начиная с 2000 года важным фактором экономического роста в России стало быстрое улучшение условий международной торговли в связи с ростом мировых цен на основные товары ее экспорта. За 1999–2007 годы мировые цены на нефть, выраженные в долларах США, выросли почти в четыре раза. Значительный приток в страну валютной выручки от экспорта энергоносителей подтолкнул к развитию внутреннего спроса, сначала потребительского, а после 2003 года — и инвестиционного.

Заниженный по критерию покупательной способности курс рубля к американскому доллару привел к формированию устойчивого актива по текущим операциям платежного баланса. Массированный приток иностранной валюты в Россию был чреват резким скачком вверх курса рубля, что, в свою очередь, могло подорвать только начавшийся рост экономики. В этих условиях правительство и Банк России приняли решение совместно осуществлять политику, направленную на постепенное, растянутое во времени повышение реального курса рубля. Функции распределились следующим образом. Центральный банк посредством интервенций на валютном рынке (главным образом покупки иностранной валюты) поддерживал желаемую динамику номинального курса рубля. Правительство, в свою очередь, производило стерилизацию избыточной денежной массы, направляя ее в Стабилизационный фонд.

В целом этот механизм оказался весьма эффективным. Экономика продолжала устойчиво развиваться, Банк России быстро накапливал валютные резервы, росли масштабы Стабилизационного фонда, федеральный бюджет неизменно сводился с крупным профицитом. Развернувшиеся в стране острые дискуссии касались не самого этого механизма, а направлений использования Стабилизационного фонда.

Многие специалисты критиковали правительство за то, что находящиеся в нем средства не использовались на цели развития отечественного производства, его модернизацию. Власть держала глухую оборону, ссылаясь на то, что вброс в экономику крупных рублевых инвестиций может подорвать макроэкономическое равновесие, вызвать разветвление инфляционных процессов. Между тем ряд экспертов выступал за то, чтобы средства Стабилизационного фонда использовались для импорта знаний и оборудования, необходимых для ускорения процесса модернизации российской экономики. Автор этих строк неоднократно предлагал правительству создать за счет средств Стабилизационного фонда специальную финансовую структуру, которая на сугубо рыночной основе открывала бы кредитные линии в валюте российским фирмам для импорта услуг и товаров, необходимых для реализации крупных инвестиционных проектов.

Благоприятные процессы в экономике подтолкнули правительство и Банк России к быстрому снятию

всех ограничений на движение как долгосрочного, так и краткосрочного капитала в страну и из нее. Доводы оппонентов, предупреждавших о том, что это решение серьезно увеличивает риски для российской экономики, не были услышаны. Среди оппонентов был и автор этих строк. Вплоть до 2008 года в России наблюдался масштабный приток краткосрочного спекулятивного капитала, что резко увеличивало нагрузку на механизм поддержания желательной траектории валютного курса и стерилизации избыточной рублевой ликвидности. Одновременно начали быстро накапливаться внешние заимствования частного сектора (как банков, так и крупных корпораций). Бизнес явно не разделял мнения власти об отсутствии в стране подходящих инвестиционных проектов.

Кризис

«Первый звонок» прозвенел в июле, когда начался уход капитала с российского фондового рынка. По мнению некоторых экспертов, такое развитие событий было связано с его перегревом. Мне кажется, причина в ином: иностранным инвесторам, игравшим ключевую роль на российском рынке ценных бумаг, срочно потребовались средства для покрытия огромных убытков от вложений в производные инструменты, уходившие корнями в американскую ипотеку. Неслучайно отток спекулятивного капитала произошел в этот период практически во всех странах, относимых к категории «возникающих рыночных экономик».

Процессы, происходившие на фондовом рынке, поначалу не вызвали особой обеспокоенности у властей. Однако уже в августе стало ясно, что они далеко не безобидны. Отток капиталов вызвал падение фондовых индексов и сильное давление на курс рубля в сторону его понижения. В результате критическим стало состояние внешней задолженности частного сектора, составлявшей в конце первого квартала 2008 года 436 млрд долларов (в том числе банковского сектора — 171 млрд долларов). Снижение курса рубля резко увеличивало стоимость обслуживания долга, а обесценивание акций требовало мобилизации заемщиками значительных средств для пополнения залога по привлеченным ими кредитам.

Поддержка рубля и заявление о готовности помочь российским банкам и корпорациям в рефинансировании внешних долгов стали реакцией правительства на эти угрозы. Однако меры по поддержанию курса рубля (уже к 19 сентября были израсходованы международные резервы на сумму 36 млрд долларов) приводили к уменьшению денежного предложения, обострению дефицита ликвидности в банковском секторе, заметному ухудшению условий кредитования реального сектора экономики. Кроме того, они фактически субсидировали дальнейший отток капитала из страны.

Правительство и Центральный банк прилагали усилия по увеличению количества платежных средств, предоставляя банковскому сектору дополнительную рублевую ликвидность. Однако эта политика имела успех лишь в августе, на конец которого денежная масса M2 достигла максимального за весь год значе-

ния (на 9,5 % больше, чем 1 января 2008 г.). В связи с укоренившимися ожиданиями постоянного внешнего обесценивания рубля в российской экономике сформировался механизм автоматической стерилизации рублевой эмиссии: поступающие в экономику рубли тут же обменивались на валюту, которую, в конечном счете, предоставлял Банк России. В результате к 1 января 2009 года денежный агрегат M2 заметно сократился и лишь на 1,7 % превышал уровень годовой давности. И это при том, что власти изо всех сил стремились противодействовать процессу «долларизации» повышением процентной ставки.

Новый мощный удар по российской экономике нанесло обвальное падение мировых цен на нефть, произошедшее в октябре-ноябре 2008 года. Ставшее следствием этого сокращение притока валюты в страну резко усилило давление на курс рубля в сторону понижения. Кроме того, экономика столкнулась с мощнейшим шоком со стороны спроса, поскольку нефтяные компании, адаптируясь к принципиально новым условиям, начали свертывать запланированные инвестиционные проекты. В ноябре 2008 года промышленное производство упало на 8,7 %, в декабре — на 10,3 %, в январе 2009-го — на 16 % и, наконец, в феврале — на 13,2 % по сравнению с соответствующими месяцами годичной давности. Начали нарастать неплатежи: общая величина просроченной кредиторской задолженности составила в ноябре 2008 года 1048 млрд рублей, превысив уровень октября на 7,2 %.

Правительство (в широком определении, включающем и денежные власти) продолжило расходование валютных резервов для обеспечения «мягкой девальвации рубля». В результате международные резервы к 1 февраля 2009 года уменьшились до 387 млрд долларов, то есть более чем на 200 млрд по сравнению с максимальным уровнем в 597 млрд долларов, достигнутым к 1 августа предыдущего года. Сохранялась политика высоких процентов: ставка рефинансирования Центрального банка была поднята 1 декабря 2008 года до 13 %. Были разработаны и начали реализовываться точечные меры по поддержке реального сектора экономики, принимались решения, нацеленные на помощь социально уязвимым слоям населения.

Представители власти, в том числе на самом высоком уровне, неоднократно высказывали удовлетворение тем, как России удалось пережить кризисный период. При этом они неизменно подчеркивали, что этот опыт подтвердил правильность политики накопления крупных золотовалютных резервов в предкризисный период. На мой взгляд, выводы должны быть совершенно иными.

Во-первых, очевидной стала степень уязвимости российской экономики в отношении внешних финансовых пертурбаций в связи с преждевременной либерализацией капитальных потоков. Характерно, что отток капитала из страны стал результатом чисто внешних причин, не имевших отношения к развитию российской экономики. Просто иностранным портфельным инвесторам понадобились средства для ликвидации пробоин в собственных балансах, которые возникли из-за их широкой вовлеченности в операции на рын-

ках производных финансовых инструментов, базирующихся на американской ипотеке.

Во-вторых, власти совершили большую ошибку, когда не согласились на введение ограничений по движению капитала в страну и из страны в начале осени 2008 года.

В-третьих, сконцентрировавшись на принятии точечных мер, власти не использовали возможностей запуска «волн спроса» по всей воспроизводственной цепочке. А возможности такие были.

Падение внешнего спроса в четвертом квартале 2008 года составило — это следует из данных о снижении российского экспорта — чуть меньше 40 млрд долларов. Могло ли государство компенсировать это падение? Да, могло, если бы снизило изъятие средств из отраслей-экспортеров, сохранив возможность полной реализации их производственных и инвестиционных программ, а пробою в бюджете финансировало бы за счет имеющихся у него валютных средств. В идеале экономика просто «не заметила» бы упавшего внешнего спроса. Не было бы спада производства, не нарастали бы неплатежи, налоги поступали бы в бюджет, не было бы необходимости расходовать огромные средства на пособия по безработице. Израсходованных на коррекцию курса рубля 200 млрд долларов хватило бы, при прочих равных условиях, на пять кварталов, то есть до конца 2009 года.

Посткризисная ситуация

Выход из мирового финансово-экономического кризиса начался для России весьма обнадеживающе. Валовый внутренний продукт в 2011 году вырос на 4,3 %, инфляция упала до 6,1 %. В 2012 году экономическая динамика пошла на убыль, однако это еще не вызывало серьезных опасений. В 2013 и 2014 годах сомнения в отношении возможности возврата экономики на предкризисную траекторию экономического роста усилились. Прирост ВВП продолжал последовательно сокращаться, составив соответственно 1,3 и 0,7 %. Но все же оставалась надежда, что, пережив период, который академик В. Ивантер назвал «инвестиционной паузой», исполнительная власть инициирует новые крупные проекты и тем самым придаст необходимый импульс экономическому развитию.

Однако в 2014 году страна столкнулась с экономическими санкциями и обвалом нефтяных цен на мировом рынке. В обычной ситуации ухудшение условий торговли привело бы к уменьшению «чистого экспорта» (превышению экспорта товаров и услуг над импортом). На деле же в 2015 году актив текущих статей платежного баланса заметно увеличился (с 58,4 млрд долларов в 2014 г. до 65,8 млрд в 2015-м) в силу того, что импорт сократился значительно больше, чем экспорт.

Резко увеличился спрос на валюту для погашения долгов частного сектора, ведь российские компании лишились возможности привлекать зарубежные кредиты для рефинансирования внешней задолженности. В результате перехода осенью 2014 года к свободному плаванию рубля его волатильность (неустойчивость) резко возросла. Увеличился спрос на валюту как финансовый актив, позволяющий экономическим аген-

там эффективно сохранять свое богатство. По данным Центрального банка, доля валютных депозитов в их общем объеме с начала 2015 года выросла у физических лиц с 26,1 до 30,1 %, у юридических — с 43,8 до 50,9 %. Существенная часть (31,5 %) кредитов населению и фирмам стала предоставляться в валюте. Связанное с этими факторами падение курса рубля могло бы оказаться еще более драматичным, если бы власти не пошли на существенное сокращение международных резервов — на 124 млрд долларов в 2014 году и на 17 млрд в 2015-м.

Произошло масштабное свертывание внутреннего спроса. Конечное потребление упало в 2015 году на 7,1 % (в том числе потребление домашних хозяйств — на 10,1 %), валовое накопление — на 18,3 % (в том числе накопление основного капитала — на 7,6 %). В итоге ВВП упал в 2015 году на 3,7 % при существенном росте инфляции (в 2014 г. — 11,4 %, в 2015-м — 12,9 %). Экономика попала в зону стагнации — крайне неблагоприятного состояния, характеризующегося одновременным снижением уровня выпуска и ростом цен.

Резкое сокращение импорта ударило не только по потреблению населения, но и по производству — в распоряжении реального сектора экономики просто оказалось меньше ресурсов, чем прежде. Воздействие этого фактора не удалось хотя бы частично компенсировать вводом в действие прежде незагруженных мощностей; напротив, их объем начал расти. Сказались резко усложнившиеся финансовые условия хозяйственной деятельности, прежде всего поднятая на очень высокий уровень ключевая процентная ставка и серьезные проблемы в бюджетной сфере. Падение в 2,5 раза курса рубля спровоцировало резкий рост цен на импортную продукцию, а сокращение предложения импортных товаров подтолкнуло вверх и остальные цены.

Власти предприняли шаги, направленные на побуждение экспортеров к своевременному возвращению в страну валютной выручки и ее продаже на валютном рынке. Центральный банк начал весьма активно использовать имеющиеся у него инструменты давления на коммерческие банки с целью не допустить слишком уж активной трансформации поступающих к ним ресурсов в иностранные активы. Широкое распространение приобрело оказание «точной поддержки» производителям, в частности путем субсидирования процентной ставки по предоставляемым кредитам.

Но переломить негативные тенденции никак не удается. Высокая процентная ставка блокирует доступ предприятий и к краткосрочным кредитам, необходимым для нормального ведения текущей хозяйственной деятельности, и к долгосрочным заимствованиям. Сокращение кредита вкупе с резко возросшими рисками невозврата заемных средств продуцируют кризисную ситуацию в банковском секторе. Затяжная лихорадка на валютном рынке подталкивает экономических агентов к поискам «валютного убежища», затрудняет принятие решений о производстве продукции, предназначенной как для экспорта, так и для импортозамещения.

Можно ли в принципе рассчитывать на лучшие результаты при столь неблагоприятном стечении внеш-

них и внутренних условий хозяйственной деятельности? Не лучше ли набраться терпения и, сохраняя линию на решение особо острых проблем в ручном режиме, дожидаться, пока естественный ход событий не приведет к нормализации экономической обстановки? Проблема в том, что никто не знает, сколько времени потребуется для адаптации экономики к новым условиям, а следовательно, и каков масштаб издержек, которые российской экономике предстоит понести на этом пути.

Ясно, что альтернативы максимальной мобилизации внутренних возможностей нет. Понятно также, что в краткосрочном плане путь к успеху лежит через нормализацию финансово-экономических условий хозяйственной деятельности и обеспечение на этой основе максимальной загрузки имеющихся производственных мощностей. Решить эту задачу невозможно без кардинального снижения процентной ставки.

Весьма распространено мнение, что для снижения процентной ставки необходимо повысить «уровень монетизации» экономики путем денежной эмиссии. А чтобы деньги не ушли на валютный рынок или не привели к повышению инфляции, их следует направлять на финансирование отобранных государством и находящихся под его контролем проектов.

Направление запланированной эмиссии на финансирование крупных проектов, несомненно, имеет привлекательные стороны. Но идея использовать этот канал для так называемой монетизации экономики, в моем представлении, ошибочна.

Во-первых, нет особых оснований беспокоиться об уровне монетизации. Отношение денежного агрегата M2 к величине ВВП неуклонно увеличивается все последние годы: в докризисном 2007 году — 32,8 %, в 2015-м — 45,1 %. Во-вторых, безоглядное наращивание эмиссии в условиях и без того высокого — двузначного — уровня инфляции сопряжено с серьезным риском дальнейшего усугубления финансовой ситуации. Надежды на то, что эмиссия под проекты способна кардинальным образом изменить такое развитие событий, безосновательны: деньги, выделенные на них, очень быстро перейдут в руки поставщиков материалов, оборудования, рабочих, после чего контроль за их

использованием станет невозможен. Небольшой первоначальный эффект, связанный с появлением новых заказов, очень быстро сойдет на нет из-за нарастания инфляции и оттока капитала из страны.

Единственный способ быстро переломить ситуацию — введение ограничений для юридических лиц по капитальным статьям платежного баланса. Речь идет о принятии норм, обязывающих экспортеров возвращать валютную выручку в страну и продавать определенную ее часть на валютном рынке, запрещающих приобретать валюту впрок, позволяющих Центральному банку официально ограничивать величину открытой валютной позиции коммерческих банков. Для ограничения масштабов спекулятивных трансграничных потоков капитала, оказывающих дестабилизирующее влияние и на валютный, и на фондовый рынок, следует ввести ту или иную разновидность «налога Тобина» (альтернатива — налог на финансовые операции). Ни в коем случае не нужно распространять ограничения на население: опыт показывает, что люди перестают бегать по обменным пунктам, как только ситуация на валютном рынке стабилизируется.

Предлагаемые меры не уничтожают валютный рынок. Они лишь ограничивают сферу его действия (экспорт и импорт товаров, обслуживание внешнего долга). Конечно, и в новых условиях изменения на мировом рынке нефти, газа, других наших экспортных товаров будут влиять на величину курса. Однако его волатильность резко сократится, так как эти изменения не будут многократно усиливаться быстро меняющимися свое направление трансграничными потоками спекулятивного капитала и бегством резидентов в «валюту и из нее». И, что важнее всего, появится возможность быстро снизить ключевую процентную ставку до нормального уровня. Такое снижение будет сопровождаться увеличением денежной массы, но происходить оно будет более или менее в соответствии с повышением спроса на деньги со стороны экономических агентов. Условия деятельности и реального, и финансового секторов экономики должны весьма быстро нормализоваться, о чем свидетельствует наш собственный опыт вывода экономики из глубочайшего кризиса после дефолта 1998 года.

Р. И. Нигматулин¹ ПРОСТЫЕ МЫСЛИ

Все мысли, которые имеют огромные последствия, всегда просты.

Л. Н. Толстой

Прежде чем высказать «простые мысли», я хочу прочесть стихи, чтобы проиллюстрировать, как я представляю миссию России. Это стихотворение написано нашим современником Игорем Шкляревским:

Клевер скосили. Жито поспело.
Жито собрали. Сад убирать.
Глянешь, а греча уже покраснела.
Гречу убрали. Лен колотить.
Лен посушили. Сено возить.
Сено сметали. Бульбу копать.
Бульбу вскопали. Хряка смолить.
Клюкву мочить. Дрова пилить.
Улья снимать. Сад утеплять.
Руки болять! Ноги болять!

Это миссия России — жить в самом холодном климате, саморазвиваться и строить комфортную жизнь, поддержание которой требует непрерывной творческой работы. Севернее, а точнее в климате с более холодной и продолжительной, чем у нас, зимой, цивилизация нигде не саморазвивается. Следует иметь в виду, что в Скандинавии, находящейся существенно севернее Москвы, из-за влияния теплого Гольфстрима в ее южной части, где живет основная часть населения Норвегии, Швеции и Финляндии, зима гораздо теплее, чем в основной части России. Зима в Осло и Стокгольме теплее не только по сравнению с Москвой, но и с Киевом.

Кроме холодной и продолжительной зимы, нашему климату на основной части территории России свойственны резкие климатические контрасты, которые вызывают у народа некое состояние неустойчивости. В этом году — хорошо, в следующем — засуха, а через год во время сенокоса или уборки урожая заливают дожди. Если ты талантливый хозяин (а талантливых всегда меньшинство), то тебе удастся собрать неплохой урожай и жить прилично даже в плохие годы, если нет, то ты бедняк и нищий.

Особенность условий предопределяет в нашем народе «колебательное» состояние с большой амплитудой. Мне представляется, что этим, в частности, объясняется *ожесточенность* в отношениях между людьми,

¹ Директор Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, академик РАН, член Президиума РАН, доктор физико-математических наук, профессор. Автор свыше 200 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий: «Основы механики гетерогенных сред», «Динамика многофазных сред», «Механика сплошной среды» (учебник), «Как обустроить экономику России: экономический манифест», «Как обустроить экономику и власть России: анализ инженера и математика» и др. Имеет 21 авторское свидетельство на изобретения. Главный редактор журнала «Океанология». Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии СССР, премии Правительства РФ в области науки и техники. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

которая сохраняется до сих пор и проявляется, в частности, в трактовке исторических личностей.

После смерти Сталина прошло уже 60 лет, но до сих пор сохраняются резко противоположные, полярные и эмоциональные оценки этой личности. Это разделяет наш народ, ожесточает одних против других. Каждая историческая личность нельзя ограничивать оценкой исторической личности нельзя ограничиваться одномерной шкалой, в частности «добрый–злой». И у Петра Великого были как достижения, так и жесточайшие преступные деяния. Ленин, Сталин, как и Петр I, уничтожали как своих врагов, так и невинных несчастных современников. Они «вздыбили» Россию. Но жесточайшего Петра I признают великим. Ныне популярный П. А. Столыпин ввел двухдневные полевые суды, которые приговорили к смерти несколько тысяч людей. В связи с этим Лев Толстой написал открытое гневное письмо «Не могу молчать» Николаю II и Столыпину. Мы знаем о жесточайших акциях, проводившихся при завоевании белыми европейцами Америки, но признаем и достижения последующих поколений при освоении и строительстве новой Америки.

Сталин правил страной в эпоху, следовавшую после жесточайшей братоубийственной Гражданской войны, когда гуманность и святость человеческой жизни отошли на второй план, а на первый план вышла цель победить и преобразовать страну по своим «лекалам» во что бы то ни стало. Я призываю не к оправданию преступлений и жестокости, а к всесторонней оценке прошлых эпох и исторических личностей с учетом условий, в которых они действовали, причем без эмоций и негодований, неуместных в науке. Лучше извлекать уроки из истории, чем негодовать.

Сейчас ведется много разговоров о том, каким должен быть учебник истории для народа, подрастающего поколения. На мой взгляд, нужно, чтобы он был позитивно заряженным. Не следует сеять раздор в общественном мнении за счет диаметральных оценок. У каждого царя и революционера и в каждой эпохе надо отмечать как достижения, так и провалы и даже преступления. В любом случае нужно воспитывать единое ощущение причастности к своему Отечеству и своей истории, чтобы время от времени возникали «пленительные воспоминания», а не только негодование и критика по поводу царей или революционеров.

В мае 1918 года в Санкт-Петербурге академик Иван Петрович Павлов (которому тогда было 69 лет) выступил с серией лекций «Об уме вообще, о русском уме в частности». Лекция начинается словами: «... в гнетущее время, которое мы все переживаем, ... у нас должна быть... одна потребность: ... смотреть на самих себя

и окружающее *без самообмана*», и далее: «главная задача ума — это *правильное видение* действительности, *ясное и точное познание* ее». Академик Павлов с горечью признавал, что этих качеств в тогдашнем русском и научном уме явно не хватало в научной деятельности и делах страны.

Критический анализ великого ученого актуален и для нынешнего состояния умов, когда страна снова находится в кризисе. Продолжаются разрушение производительных сил, деградация социальной сферы. Положение внутри страны, в экономике продолжает развиваться по кризисной траектории. Научная интеллигенция пока не дала ясного и четкого ответа на вопрос «Что власть должна сделать, чтобы страна начала выходить из кризиса?».

У нас в *общественной* мысли существуют два «уклона».

Первый — думать, что, пока все не рухнет, нет перспектив для изменения общественного и экономического порядка. Поэтому необходимо, чтобы нынешняя система разрушилась. Как только это произойдет, мы построим новый хороший мир. Это мы уже проходили.

Второй уклон и соответственно вторая беда — увлечение отвлеченными или тривиальными рассуждениями, облеченными в псевдонаучную фразеологию. «Грех» таких рассуждений (извините меня, математика и инженера) я явственно чувствую во многих выступлениях, в том числе и в выступлениях профессор-экономистов. В связи с этим я вспоминаю рассказ «Ложка столовая, гражданская», который прочитал в молодости в «Литературной газете». «Ложка столовая, гражданская, состоит из держала и хлебала. Чтобы ее использовать, надо правой рукой взяться за держало, зачерпнуть хлебалом, поднести ко рту, открыть рот...»

Беды нашего Отечества фундаментальные. Если мы говорим о стратегии, то, конечно, можно уйти в такие «эмпирии», которые будут тривиальными, или их никто не поймет, или они будут никому не интересны. Хотя некоторым «эмпирии» могут показаться умными. Иван Петрович Павлов назвал такие «эмпирии» бесплодной контрабандной натурфилософией. В слишком общей форме все верно. Истинное утверждение может быть актуальным только когда оно противостоит ложной антитезе, разделяемой заметной группой «специалистов» и обывателей.

Что сейчас главное для России? Преодоление всеобщей политэкономической неграмотности. У нас почти все профессора ничего не знают об экономике страны, какой внутренний валовой продукт (ВВП), какой его частью распоряжается государство, сколько мы добываем нефти, сколько мы ее вывозим, какие вообще зарплаты у региона. Знают ли они, что у более 50 % трудящихся зарплата ниже 20 тыс. рублей в месяц? Эта отвлеченность от конкретики свойственна нынешнему общественному сознанию, поэтому, на мой взгляд, важнейшая цель — донести простые, но фундаментальные истины.

Каковы важнейшие и жизненные цели для нашего народа и государства? Во-первых, надо снизить смертность населения, которая уже 25 лет в России является аномально высокой. За это время ушли из жизни рань-

ше срока 13 млн граждан России. Чтобы улучшить ситуацию, необходимо вкладывать более значимые ресурсы в социальную сферу: здравоохранение, образование, науку, культуру. Смертность очень быстро реагирует на любые позитивные изменения, в том числе на увеличение ресурсов, выделяемых на здравоохранение.

Далее мы должны остановить падение численности нашего народа и увеличить рождаемость. Для этого в каждой семье должно быть в среднем 2,5 ребенка. Для этого нужно каждой семье дать квартиру. Россия при нынешнем уровне производительных сил может это обеспечить. Только для этого необходимо освоить или мобилизовать хотя бы 30 % супердоходов (всего 30 %) очень богатых людей, составляющих меньше 1 % населения. Ведь значительная часть супердоходов растрачивается на роскошь и паразитизм. Подчеркиваю: никаких раскулачиваний. Нужна современная налоговая служба, способная освоить хотя бы 30 % выводимых через офшоры и другие каналы супердоходов. С этих доходов не платятся налоги, а они того же порядка, что и официальные доходы всего населения России, с которых налоги платятся. То есть половина реальных денежных доходов населения страны выводится из экономики. Так страна развиваться не может. Если народ не сумеет привлечь эти доходы, тогда живите, как сейчас.

В нашей Конституции записано, что Российская Федерация — социальное государство. Это значит, что у нас должно быть всеобщее бесплатное, то есть обеспечиваемое госбюджетом, образование. До 23–25 лет человек имеет право бесплатно учиться, если он *хочет* и *может*. Брать деньги с молодежи за обучение — грех. Даже в США, где высшее образование платное и дорогое, при наличии хороших показателей в учебе и отсутствии средств на оплату, имеется много фондов, которые будут оплачивать учебу в самых престижных университетах. Для этого в Европе и Северной Америке в государственном бюджете не менее 10 % ВВП тратится на образование, не менее 8 % — на здравоохранение, 3 % — на развитие науки, 2 % — на развитие культуры. В совокупности на эти социальные сферы в Европе и Северной Америке тратится около 25 % ВВП, а в современной России — менее 10 %. И нет тенденций, свидетельствующих о приближении к европейским нормам. Поэтому Российское государство вопреки своей Конституции не может называться социальным. Как можно именоваться социальным государством, если у нас зарплата профессора университета обычно составляет 10 % от зарплаты депутата парламента? Таких стран в мире нет. Такое государство должно называться чиновничьим.

На территории России должны развиваться русская культура, русский язык и культуры других российских народов. Нужно поднять престиж профессий учителя, врача, инженера, агронома,кратно увеличив их зарплаты за счет налогового сокращения сверхдоходов богатых. Но вместе с этим следует повысить и требования к учителям, врачам, инженерам и агрономам, требования в вузах, чтобы студенты учились более интенсивно и с самоотдачей. Теоретический уровень знаний мо-

лодежи катастрофически упал, она ослабла в волевой и интеллектуальной сферах.

Небольшое, но важное замечание по поводу ЕГЭ. В нынешнем виде этот экзамен обуславливает уничтожение школ, в которых дети изучают национальные языки, что впоследствии приведет к деградации национальных культур. К примеру, у меня два родных языка — русский и татарский. Благодаря этому я имею преимущества в творческом развитии. Мультикультурность и многоязычие — огромное благо России. Следует подумать над тем, что предпринять, чтобы это не исчезло. Для этого необходимо дать возможность выпускникам национальных школ сдавать ЕГЭ по языку в русско-татарском, русско-башкирском, русско-бурятском и других вариантах, где 60 % вопросов — по русскому языку, а 40 % — по национальному. Если же продолжать то, что делается сейчас, мы потеряем великую российскую миссию — развитие многоязычного народа.

Также важно сохранение природных ресурсов. Далее — безопасность с учетом возможного агрессора, которого мы должны предвидеть. Но сначала нужно поднять престиж России. Аномальное расслоение населения и траты российских богачей, скупающих дворцы и квартиры за рубежом, их непомерные траты на предметы роскоши (на фоне бедности основной массы) уронили авторитет России, в которой попорны основы справедливости.

Следующий важный пункт — сменяемость власти. Никто не должен избираться в органы высшей власти более чем на 10 лет! Ибо, как показывает исторический опыт, властная элита обладает возможностями создавать и внушать народу мифы о своей исключительности и незаменимости. Это тоже одна из национальных целей — внушить правильные истины, что способствует преодолению всеобщей неграмотности в области обустройства нашего Отечества.

К сожалению, в России базисные положения забываются. Приведу пример. Когда я начал работать депутатом Госдумы, мы обсуждали стратегию работы нового правительства Путина. Программу представлял Г. Греф. После этого было много выступлений. Вышел выдающийся академик Леонид Иванович Абалкин и сказал: «Единый двигатель экономики — это платежеспособный спрос, а в вашей программе нет ни одного слова о спросе». И до сих пор в программах правительства выдерживается эта линия. Представьте, что мы обсуждаем конструкцию будущего автомобиля (кабину, кресла, багажник, руль...), но ни слова не говорим о двигателе, его мощности, расходе топлива.

Спрос создает народ. Народ — не только производитель, но и покупатель. Если издержки, цены, зарплата сбалансированы, то, покупая, народ инвестирует. Поэтому имеет место теорема: **«Главный инвестор экономики — народ-покупатель, получающий сбалансированную зарплату»**. Народ, а не банкир, тем более иностранный. Это мало кто понимает.

Профессора забыли главное противоречие всех времен и народов — противоречие между аномально бедными и богатыми. Обычно это аномальное противоречие заканчивается революцией.

Как и в XIX веке, в России вновь актуальна трагическая проблема *передела доходов*. Она должна быть решена сверху. Если на ее решение будут подвигнуты низы, произойдет бунт, скорее всего «бессмысленный и беспощадный». Чтобы его предотвратить, деятели науки и культуры должны, следуя мысли Н. А. Некрасова, не только «сеять разумное, доброе, вечное», но и культурно и настойчиво «давить» на верхи и низы.

Главная идея — озвучивать народу базисные вещи, которые всегда просты. Но именно простые истины забываются и не понимаются. Великий русский композитор Георгий Свиридов сказал: «Не так просто понять простые вещи».

В. В. Попов¹

ЗАПАД В БОРЬБЕ С ДРУГИМИ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ИСПОЛЬЗУЕТ САМЫЕ РАЗНЫЕ МЕТОДЫ

Более пятисот лет мир был европоцентричным, то есть практически судьбы всех народов мира решал «концерт великих держав», в который входила и Россия. В XX веке к этому избранному клубу добавились США.

Бурное экономическое развитие, обогащение Западной Европы, способствовавшее подъему западной цивилизации, происходило в результате ограбления стран Азии, Африки и Латинской Америки, многие из которых были превращены в колонии или вассальные территории. Запад достиг могущества прежде

¹ Директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (Университет) МИД России, кандидат исторических наук, профессор. Чрезвычайный и Полномочный Посол. Заслуженный работник дипломатической службы РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. книг: «Персидский залив в планах и политике Запада», «Ближний Тунис» и др. Награжден орденом Дружбы.

всего благодаря техническому и технологическому превосходству над другими цивилизациями. Он был настолько упоен своими успехами, что появилась даже теория «конца истории». (В 1992 г. Ф. Фукуяма принес в мир «благую весть» о конце истории в связи с победой либеральной демократии, что в его видении знаменует окончание «исторических» конфликтов между государствами.)

В то же время глобализация, распространение информационных технологий способствовали ускорению модернизации и иных цивилизаций, активно шел процесс подъема развивающихся стран: выравшись из колониального гетто, они стали на путь политической и экономической трансформации. Ныне происходит смена драйвера всепланетарного развития. Мир находится в процессе реконфигурации геополитическо-

го пространства, идет формирование полицентричной международной системы, отвечающей реалиям и потребностям XXI века.

Особенность современной глобализации — беспрецедентные масштабы и скорость изменений. На авансцену мировой политики вступают новые государства и группы стран с потенциалом глобального влияния, способностью к изменению баланса сил, вовлечению в историческое творчество миллионов людей.

Исторический ренессанс переживают Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, да и вся Азия, выходящая в эпицентр глобального развития. Это видно прежде всего на примере Китая, где бурными темпами идет процесс модернизации, причем, что особенно важно, не по западной модели, а собственным уникальным путем, на базе традиций и философии конфуцианской цивилизации, что позволяет эффективно мобилизовать все население и осуществить рывок в наращивании экономического потенциала. Модернизацию переживают исламский мир, Латинская Америка, Африка. Важно, что и там этот процесс проходит не в форме вестернизации, а своим путем.

Приходит конец веками существовавшему порядку, когда дирижером движения человечества был Запад в его европейской, а затем и американской версии. Сегодня дописываются последние страницы в летописи доминирования Запада и мир вступает в новую эру, ибо миллионы людей, чья пассионарность освобождена, приобщаются, по выражению К. Н. Брутенца, к историческому творчеству¹.

Глобализация вызвала резкий скачок урбанизации: в 1979–1990 годах мегаполисы выросли в три раза. Стремительное развитие технологий приводит к замене живой рабочей силы машинами, оборачивается ростом безработицы даже в развитых странах, обострением социальных проблем в результате падения уровня жизни. Пожалуй, особенно опасен резко выросший разрыв между бедными и богатыми слоями населения в отдельных странах и в мире в целом. Об этом красноречиво свидетельствуют данные статистики. Так, в докладе «Международное объединение организаций по борьбе с бедностью» (ОКСФАМ), опубликованном 18 января 2016 года, указывается, что с 2010 года состояние самых богатых людей мира увеличилось на 0,5 трлн долларов и составило 1,76 трлн. За этот же период наименее обеспеченная часть человечества обеднела на 1 трлн долларов, потеряв 41 % своего состояния. Суммарно 62 самых богатых человека планеты владеют таким же количеством имущества, как 3,6 млрд наиболее бедных людей. Одной из причин такого перекоса называют распространение офшорных зон, благодаря которым сверхбогатые уходят от налогов. В период с 2000 по 2014 год количество инвестиций в офшорах увеличилось в четыре раза, 9 из 10 мировых концернов представлены хотя бы в одном «налоговом раю». В результате страны Африки теряют столько денег, что их хватило бы на решение проблемы детского голода на этом континенте. Неудивительно, что на последнем (январь 2016 г.) форуме в Даво-

¹ Брутенц К. Н. Великая геополитическая революция: промежуточные итоги // Международная жизнь. 2015. № 12.

се на этом вопросе, как никогда ранее, было заострено внимание, ибо наконец созрело понимание опасности последствий этого феномена в глобальном масштабе.

Все эти события разворачиваются в новых исторических условиях, когда доминирование Запада осталось в прошлом. Чтобы удержать свое господствующее положение, западные державы в условиях многополярного мира начинают прибегать к самым разным способам — от давления и шантажа, угроз и подкупов до прямых вооруженных интервенций. Однако принципиально новым методом стали попытки использовать в своих корыстных интересах такое мировое зло, как терроризм. К сожалению, начало XXI века весьма богато примерами такого рода.

На протяжении всей истории к террору прибегали, когда не удавалось добиться цели более простыми средствами или для того, чтобы быстрее и легче ее достичь. На протяжении XX века, особенно его второй половины, это явление начало быстрыми темпами разрастаться, наполняться новыми формами и ныне превратилось в чудовищных размеров мутанта, угрожающего жизни людей и целых народов. Имя ему — терроризм. Часто добавляют эпитет «международный», подчеркивая глобальный характер терроризма и его разветвленные связи, не стесненные государственными границами. При вступлении в XXI век борьба с терроризмом (наряду с комплексом экономических, финансовых, энергетических, экологических проблем) стала первоочередной задачей, ибо представляет прямую угрозу всему человечеству.

Все признают, что точки, свободной от терроризма, в мире нет, он перестал быть периферийной опасностью, охватив все континенты. Это явление можно описать медицинским термином «пандемия» (эпидемия, принявшая массовый и повсеместный характер). Его симптомы — нападения, зверские убийства, взрывы, захваты заложников, в итоге сотни погибших и раненых, причем в основном среди гражданского населения, страшные разрушения. Прогнозы на сегодняшний день неутешительны: почти невозможно просчитать, где и когда произойдет очередной взрыв или нападение, каковы будут их последствия. Как при лечении любой болезни, прежде всего надо выявить причины.

Некоторые ученые считают, что терроризм конца XX — начала XXI века отличается от того, который имел место до сих пор, — и целями, и методами, и средствами, и типом исполнителей. Это диктует необходимость выработки иных методов борьбы. Современный террор сформировался в значительной степени под воздействием двух процессов — современной глобализации и демографического взрыва. Помимо нарастания после 2008 года общемирового экономического кризиса, в настоящее время большое воздействие оказывает демографический фактор. Население планеты увеличилось до 7 млрд человек прежде всего за счет роста населения в странах Азии и Африки. Именно этот фактор, наряду с экономическим, во многом объясняет причины происходящего на планете крупнейшего переселения народов (первое масштабное планетарное переселение было 40 тыс. лет тому назад).

В развитых регионах мира налицо тенденция депопуляции, которая достигнет максимума к 2030 году. Между тем в ряде стран Азии, Латинской Америки, Африки, в мусульманском мире нарастает другая тенденция — к увеличению рождаемости. Это прежде всего касается Африки, где численность населения уже превышает миллиард и прогнозируется его дальнейший ежегодный прирост в 4 %, в результате чего к 2050 году население континента удвоится (больше всего в Нигерии — до 290 млн, Эфиопии — до 174 млн, Конго — до 128 млн, Египте — до 130 млн). Население в Китае (1,4 млрд человек) и Индии (1,6 млрд), по прогнозам, будет увеличиваться медленнее, чем сегодня.

Общий рост населения в развивающихся странах приводит к неспособности государств обеспечить людей социальными услугами, продовольствием, работой. При этом следует учитывать, что группы людей в возрасте от 15 до 25 лет составляют там половину населения. Среди них нарастает недовольство своим материальным положением — плохим питанием, жилищными условиями, транспортом, здравоохранением, экологией, отсутствием работы по специальности, низкой зарплатой. Значительная их часть, даже те, кто сумел получить образование и профессиональные навыки, не имеют работы и, как следствие, средств к существованию. Более того, сокращаются и перспективы для улучшения их положения в будущем.

Острота этого недовольства усугубляется в силу того, что все имеют возможность видеть жизнь, точнее, картинки жизни Запада и сравнивать с собственным положением. Огромная армия безработной молодежи из стран третьего мира становится постоянно пополняющимся резервом террористических групп, которыми легко манипулируют агенты оружейных монополий, получающих огромные барыши. В числе средств для вербовки и мобилизации молодежи в террористические группы, помимо материальных посулов, активно используется религиозный фактор, обработка сознания малограмотных молодых людей не представляется сложной. Им прививается представление о возможности легкой добычи, они деградируют как личности и превращаются в послушное орудие выполнения чужой воли.

Сегодняшний мир, особенно с учетом коммуникационной революции, больше всего страдает от дефицита справедливости. Особенно остро это ощущают граждане развивающихся стран. Практически во всех обществах растет поляризация: люди все меньше доверяют «истеблишменту».

Поляризация приводит к маргинализации и, как следствие, радикализации больших масс людей. Отчаяние и бессилие против несправедливости толкают потерявших надежду на крайние меры, чтобы они таким образом заявили протест и привлекли внимание мировой обществу к их несчастьям и страданиям. Недовольство усугубляется жесткими попытками Запада навязать свое восприятие мира, свои ценности, традиции, образ мышления и поведения, а также морализацией, насильственным насаждением демократии западного образца, нелиберальной модели развития, что вызывает резкое отторжение и нередко оборачи-

вается конфликтами. В данной ситуации террор — это ответная реакция, проявление недовольства узурпацией власти некомпетентными правителями, коррупцией, отчаянием, безысходностью. И все же главное — явное неприятие навязывания извне народам и государствам неприемлемых схем политического и экономического устройства, чуждой философии, поведенческой модели, образа мышления.

Кризис идеологии, культуры и религии западной цивилизации сопровождается распространением и ростом влияния ислама в его политизированном, радикальном виде, причем не только в странах, традиционно приверженных мусульманским ценностям, но и во всем мире.

Специфика современного терроризма в том, что он распространяется по собственной логике, трудно предсказуемой и, как правило, преднамеренно осуществляется в виде устрашающих варварских экзекуций. При этом существует реальная опасность использования террористами простых и дешевых видов борьбы — биологического и бактериологического оружия, «грязной» атомной бомбы.

Характерной чертой нашего времени становятся попытки Запада на разный лад использовать терроризм в своих корыстных интересах путем разжигания конфликтов, столкновения между собой этнических, национальных и религиозных групп. Именно из-за действий западных держав, и прежде всего США, появилась такая чудовищная структура, как «Исламское государство». Никогда прежде террористы не обладали столь крупными финансовыми ресурсами и не брали под свой контроль столь обширные территории¹.

Все больше видны фундаментальные различия между Западом и другими цивилизациями. Многие политологи напоминают о концепции «столкновения цивилизаций» американского историка С. Хантингтона. В его видении, в исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм и т. п.

За минувшие два десятилетия стало ясно, что концепция С. Хантингтона по существу предполагала болезненное окончание эры безраздельного господства Запада и наступление эпохи, когда ему будет противостоять не один главный противник в лице Советского Союза и стран социалистического лагеря, а много новых центров силы с выходом на авансцену мировой политики новых цивилизаций, которые ранее играли если не второстепенную, то подчиненную роль. С. Хантингтон кратко сформулировал это состояние: «Запад против остальных» и высказал прогноз, что на острие этой

¹ Нельзя не согласиться с авторами недавно вышедшей в Российском институте стратегических исследований книги «ИГИЛ как угроза международной безопасности». Основная опасность этой структуры заключается не столько в количестве боевиков и наличии у них современного вооружения, сколько в притягательности для многих мусульман идеи создания халифата, который они воспринимают как практическую реализацию мечты о «справедливом» государстве, построенном в противовес тоталитарным коррупционным правительствам Востока и чуждым мусульманскому миру идеалам и ценностям Запада. Именно поэтому невозможно победить «Исламское государство» и радикальный исламизм только военной силой. См.: ИГИЛ как угроза международной безопасности. М. : РИСИ, 2015. С. 6.

конфронтации будет находиться ислам как самая молодая монотеистическая религия, число адептов которой в мире постоянно и быстро увеличивается. Примечательно, что еще два десятилетия тому назад сингапурский профессор Кишор Махбубани делал аналогичный прогноз, отмечая, что осью мировой политики в будущем станет конфликт между «Западом и остальным миром»¹. В последнее время в западных политических кругах с помощью СМИ вновь стали акцентировать внимание на концепции С. Хантингтона, при этом усиленно навязывая идею разрушительной силы ислама, роста его популярности, возрождения исламского фундаментализма и как неизбежность — мусульманско-христианского столкновения.

Авторы теории модернизации утверждали, что научно-техническая революция приведет к утрате доверия к традиционным ценностям. Народам Востока предлагалось усваивать парадигмы иной, «подлинной» цивилизации и отбросить опыт собственного исторического пути. Однако на практике срабатывает инстинкт самосохранения, возрастает сопротивление попыткам унификации, защита идентичности — национальной, религиозной, языковой, стремление к сохранению традиционных ценностей. В каждой культуре и среде имеются своя система координат, разное понимание человека, его прав и свобод. Запад и не-Запад могут иметь разные видения, различные определения добра и зла, конфликта и сотрудничества. Это противоречивое единство и есть целостность мира, оно определяет его жизнеспособность как сложной динамической системы. Как никогда прежде, становится очевидной истина, что богатство мира — именно в многообразии.

Расширение демографического, экономического, политического влияния новых геополитических сил наталкивается на мощное противодействие США и Европы, пытающихся отстоять свое доминирование в мире. (Генри Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» признает уменьшение роли Европы и подчеркивает, что это снижает возможности Запада в целом на международной арене: «США, лишённые контакта с Европой в политике, экономике и обороне, превратятся в остров у берегов Евразии, а сама Европа может сделаться придатком Азии и Ближнего Востока»².)

Мировой экономический кризис приобретает цивилизационный характер. Он не просто отражает противоречия между планетарностью капитала и суверенитетом национального государства, но и обозначает новый виток межэтнических и геополитических столкновений, в основе которых лежит неприятие западного образа жизни выходящими на авансцену истории новыми цивилизациями.

XX век прошел в основном под знаком противостояния между капитализмом и социализмом, что в какой-то степени отодвинуло на второй план культурно-цивилизационные различия, которые до этого длительное время определяли ход мировой истории. После распада Советского Союза в западных державах росла уверенность в том, что доминирование Запада, и прежде все-

го Соединенных Штатов как единственной на этом этапе сверхдержавы, будет абсолютным и продолжительным. Свое безраздельное господство западные страны с учетом их исторического опыта управления колониями обеспечивали посредством проверенной политики «разделяй и властвуй» — путем ослабления иных цивилизационных объединений, создания контролируемых конфликтных ситуаций. В этом плане 1990-е годы принесли Западу заметные успехи.

В последнее десятилетие XX века в России представители «новой элиты», прибравшие в руки многие рычаги управления государственными институтами, не скрывали своих надежд стать частью западного мира и обрести новую культурную идентичность. Согласно концепции С. Хантингтона, для перехода страны в иную цивилизационную общность необходимы три условия: во-первых, чтобы политическая и экономическая элита поддерживала такой шаг; во-вторых, народ должен согласиться, пусть неохотно, на принятие новой идентичности; в-третьих, господствующая группа той цивилизации, в которую страна пытается влиться, должны быть готовы принять «новообращенного»³. Ярким примером такого стремления, возможно, может стать Мексика, где все три условия соблюдены. Что же касается России или, например, Турции, то достижение согласия по поводу единого культурного кода практически невозможно из-за почти очевидного сопротивления контрэлиты.

После победы, как считают на Западе, в холодной войне западные державы, тем не менее, решили сохранить свой военный потенциал, прежде всего блок НАТО, для обоснования этого требовалось найти образ нового врага. Выбор пал на бурлящий и нестабильный, переполненный конфликтами исламский мир, в котором антизападные тенденции набирали силы. В 1994 году тогдашний Генеральный секретарь НАТО Вилли Клас прямо заявил, что «основную угрозу Западу представляет ислам». Правда, такая откровенность стоила ему поста. Но, как говорится, «накаркали».

11 сентября 2001 года в США был совершен крупнейший в истории современного мира террористический акт, ставший зловещим предзнаменованием для XXI века. Это событие подтолкнуло здравомыслящих политиков в разных странах к поиску путей взаимодействия в целях обеспечения стабильности и безопасности. В связи с этим не может не вызывать досаду и горечь тот факт, что Соединенные Штаты, убежденные в своей исключительности и неуязвимости, фактически торпедировали все инициативы, которые были призваны способствовать налаживанию реального партнерства цивилизаций. Именно под их прямым или закулисным нажимом была провалена концепция «Диалога цивилизаций», выдвинутая иранским президентом М. Хатани в 1999 году, а также испано-турецкий проект «Альянса цивилизаций», который был представлен в 2004 году. О мотивации такого подхода обмолвился тогдашний премьер-министр Италии С. Берлускони: не заметив, что микрофоны остались включенными, он разглагольствовал о том, что Запад представляет собой высшую цивилизацию, а все остальные — низшую, по-

¹ Mahbubani K. The West and the Rest // National Interest. 1992. Summer. P. 3–13.

² Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: AST Publishers, 2015. С. 130.

³ Полис. 1994. № 1. С. 39.

этому реального равноправного диалога между ними быть не может.

В этих условиях американская политика пресечения любого нового конкурента, равного США по экономической, финансовой и военной мощи, обернулась жесткой линией на поощрение конфликтов внутри основных цивилизаций, оказание давления, шантаж, угрозы. Ради сохранения своего безусловного лидерства Вашингтон привел в действие все средства, в том числе и военный потенциал. Тут уместно отметить, что военный бюджет Соединенных Штатов превышает расходы на оборону всех остальных государств земного шара. Профессор Э. Васевич, авторитетный в США военный эксперт, признает: «Соединенные Штаты в последнее десятилетие не довольствуются обороной, а стремятся применять силу для расширения влияния и власти»¹.

А профессор Ф. Бамп составил список, хотя и не полный, американских «подвигов» — военных интервенций в последнее время. За 21 год, начиная с вторжения в Панаму в 1989 году, Соединенные Штаты ежегодно осуществляли авианалеты или вторжение как минимум в одну страну. В период с 1991 по 2003 год американцы регулярно бомбили Ирак, называя это «патрулированием бесполой зоны». В период президентства Клинтона периодически наносились ракетные удары по Ираку, а в 1998 году — удары по Судану и Афганистану. США предприняли злополучную попытку «государственного строительства в Сомали», которая завершилась гибелью 18 американцев, вторглись на Гаити, чтобы снова навязать свергнутого президента, бомбили сербов в ходе боснийской и косовской интервенции. При этом основной целью США, а за ними и других западных стран было ослабление потенциала Китая и России, в усилении которых они усматривают основную угрозу мировому господству Америки. В рамках этой политики — поддержка сепаратистских устремлений Тайваня, попытки создать проблемы в Гонконге, разжигание конфликтов между КНР и ее соседями и т. п.

Что касается России, то здесь главное направление — спровоцировать обострение ее отношений с бывшими республиками СССР. Оно включает поощрение русофобских настроений в странах Балтии, поддержание напряженности между Тбилиси и Москвой, подстегивание Нагорно-Карабахского конфликта, перетягивание Украины в «европейскую семью» — не ради блага украинского народа, а прежде всего чтобы создать новые затруднения для России. Примечательно мнение нынешнего лидера Лейбористской партии Джереми Корбина, изложенное в марте 2014 года в статье, подготовленной для коалиции «Останови войну». Он прямо раскритиковал «лицемерие Запада» и назвал причиной кризиса на Украине «попытку НАТО окружить Россию»².

Возможно, наиболее выпукло и масштабное нынешний внешний курс США на создание новых конфликтных ситуаций и разжигание религиозной и национально-этнической розни проявляется на Ближнем

и Среднем Востоке. Именно на США прежде всего лежит ответственность за обострение шиитско-суннитских противоречий. В целом на протяжении последних десятилетий отдельные разногласия между суннитами и шиитами быстро и мирно улаживались и адепты обеих сект добрососедствовали и взаимодействовали в решении даже сложных экономических вопросов, например в том, что касается цен на нефть, ограничения действий западных нефтяных монополий.

(«На Ближнем Востоке практически все разделяют уверенность в том, — утверждал в своем комментарии политический аналитик телеканала “Аль-Джазира” Марван Бишара 19 января 2016 г., — что беды арабов происходят от интервенции Запада и манипуляции им арабской молодежью, что в конечном счете приводит к росту разрушительных идей. И при этом на Западе повторяются уже набившие оскомину клише: арабы безнадежны, ислам несовместим с демократией».)

Западные державы, прежде всего США, для того чтобы не потерять рычаги управления мировыми процессами, утвердить свое превосходство, накрепко привязать экономики других стран к своей «колеснице», навязать свои нормы морали и нравственности, свои правила поведения, прибегают к самым неблагоприятным, а зачастую и незаконным средствам. Запад манипулирует военным и финансовым потенциалом международных организаций. Более того, США и их союзники в своих целях беззастенчиво используют террористические исламистские организации, не заботясь о последствиях, к которым приводят такие действия, а это означает еще большее обострение и затягивание конфликтов, провоцирование вражды и подозрительности между отдельными народами и группами населения и появление новых очагов экстремизма. Данный курс в последнее время наталкивается на растущее сопротивление, причем реакция принимает различные формы, в частности такую, как намерение КНДР создать собственное ядерное оружие с целью оградить страну от западного проникновения. Стремление исламистских радикалов создать свое мощное антизападное объединение — Халифат по правилам VII века — тоже своего рода ответ на претензии США на мировую гегемонию.

Разумеется, есть страны, готовые примкнуть к Западу, принять его ценности и институты. Но одновременно все больше набирает силу новая тенденция — формирование противовеса Западу на путях укрепления собственного экономического и военного потенциала, консолидации внутренних сил, развития сотрудничества с незападными странами. Речь идет о процессе модернизации на основе сохранения традиционных ценностей и институтов, обеспечения собственных интересов, а не за счет подстраивания под западную модель. Хорошие перспективы на этом направлении имеют созданные недавно объединения: Евразийский экономический союз, БРИКС, ШОС. Финансово-экономический кризис форсировал процесс перераспределения влияния и способствовал росту потенциала незападных центров силы (Китай, Индии, Бразилии и России), у каждого из которых определен-

¹ Лос-Анджелес таймс. 2014. 14 янв.

² Таймс. 2016. 19 янв.

но появились свои сильные стороны и растущее региональное и глобальное влияние. Но главное в том, что кризис наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран осуществлять эффективное глобальное управление и справляться с вызовами эпохи.

Сегодня налицо ослабление влияния и экономический упадок стран Запада, в первую очередь США. Об этом в своей недавней монографии «Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис» написал столь «любимый» российской академической элитой Збигнев Бжезинский. Он пришел к выводу, что «сегодня мало кто видит Европу серьезным политическим игроком в ближайшем будущем»¹.

Человечество сталкивается с огромным количеством общепланетарных проблем, прежде всего с международным терроризмом, который стал основной угрозой и все больше приобретает глобальный характер. Поэтому очевидно, что главное направление действий — борьба с террористами всех мастей. Противостоять этой опасности надо сообща, в мировом масштабе, сосредоточив силы и средства ведущих

держав, в тесной координации с региональными, роль которых неуклонно возрастает. В связи с этим уместно привести высказывание В. В. Путина, напечатанное в китайской газете «Жэньминь жибао» в начале июня 2014 года: «Сегодня глобальную повестку международных дел невозможно сформировать и реализовать “за спиной” России и Китая, без учета их интересов. Такова геополитическая реальность XXI века».

Сегодня нельзя придерживаться когда-то популярного тезиса, что насилие является повивальной бабкой истории. Человечество сталкивается с таким количеством глобальных проблем, что если мы не объединим свои усилия в поиске ответа новым вызовам, то нашей планете грозит страшная катастрофа. Поэтому в настоящее время единственный разумный способ урегулирования конфликтных ситуаций — это диалог и консультации. Чем скорее мы осознаем, что нужно отказаться от слов и дел, способных привести к эскалации и конфронтации, а акцент сделать на предупреждении негативного развития событий и профилактике кризисов, тем больше шансов сохранить мир, безопасность и стабильность на земном шаре.

Васил Проданов²

ОТ МОНОПОЛЯРНОГО К МУЛЬТИПОЛЯРНОМУ МИРУ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

1. Национальные интересы и национальные государства

Идее защиты национальных интересов предшествует идея защиты государственных интересов, которая впервые появляется в работах Никколо Макиавелли в начале XVI века. В дальнейшем она воплотилась в реальной политике Франции во время правления Ришелье и Тридцатилетней (религиозной) войны в Европе. Первоначальная версия — это понимание разума государства (*Raison d'État*), или интереса государства. Меркантилизм как экономическая политика становится типичной защитой государственных интересов. Эта идея получает свою легитимность в международном праве в Вестфальском договоре, заключением которого в 1648 году завершилась Тридцатилетняя война. В нем особо отмечается, что любое государство обладает высшим и абсолютным суверенитетом на соответствующей территории и задачей государства является защита этого суверенитета, который отстаивает интересы всех граждан, живущих в нем. Проводится в жизнь

¹ Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ, 2015.

² Профессор Университета национального и мирового хозяйства (София, Болгария), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук. Главный секретарь Болгарского философского общества (1978–1989), директор Института философской науки (1988–1992) и Института философских исследований БАН (1995–2010). Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дльжимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода» и др. Член редколлегии ряда научных журналов.

и идея политического реализма в международных отношениях, связываемого с ясной дефиницией соответствующих государственных интересов и обеспечением государственных усилий для их реализации.

Позднее, с появлением национального государства (последние десятилетия XVIII в.), государственный интерес становится национальным в результате гомогенизации населения и формирования нации как субъекта, легитимизирующего государство.

Можно выделить несколько основных элементов национальных интересов: а) экономический, связанный с увеличением национального богатства; б) политический, соотносимый с полным, целостным суверенитетом на соответствующей территории; в) культурный, связанный с необходимостью гомогенизации населения через общий язык, религию, культуру, историю, идентичность, для этого создаются национальные системы воспитания, образования, «мягкой силы», идеологический аппарат (в выигрышной позиции оказывается страна, создающая сильную идентичность, соответственно культурный и социальный капитал, и получающая возможность воздействия на другие страны); г) военный или силовой, обусловленный дефиницией современного государства как институции, обладающей возможностью принуждения на соответствующей территории, для чего ему необходимы сильная армия, полиция, разведка, контрразведка, эффективная карательная система. Когда все это начинает разрушаться, государство теряет способность защищать общие интересы. В наивысшем развитии государство в данном понимании (с превосходством на-

циональных интересов) существовало после Второй мировой войны до 1970-х годов.

Национальные интересы не есть нечто данное в готовом виде, они связаны с интерпретацией, которая может быть противоположной у различных политических сил и идеологий в одной стране. Когда политические силы связаны с каким-либо крупным государством, они трактуют национальный интерес в тесной связи с интересами данного государства. Именно поэтому такой глобальный гегемон, как США, вместе с исламским миром в последние десятилетия является основной структурой, создающей в мире глобализованные идеологические аппараты, интерпретирующие интересы различных государств в соответствующем идеологическом контексте, с тем чтобы формировать внутри них своих сторонников и предлагать данную интерпретацию.

В зависимости от места, которое занимают государства в мировой системе, они располагают различными ресурсами для защиты и формирования национальных интересов. Одни входят в государства капиталистического центра, где раньше начинает реализовываться политика такой защиты, другие находятся на полупериферии и периферии. В находящихся на периферии и в немалой части полупериферийных государств формируются компрадорские элиты, которые следуют интересам не своих государств и народов, а внешней силы, обыкновенно связанной с капиталистическим центром.

Еще сложнее обстоят дела с государствами, которые находятся не только на полупериферии, как, например, балканские государства, но и на геополитической периферии (где действуют крупные силы), и периодически попадают в альтернативные зоны зависимостей. Поэтому в них формируются фобии и фобии, связывающие национальные интересы с различными геополитическими силами. Это влечет за собой деструктивные последствия для формирования гомогенной национальной идентичности и приводит к феномену «Балканы — пороховой погреб Европы».

Даже в России мы имеем разделение на западников (либералов) и почвенников, преодоленное при ленинском варианте построения социализма в отдельно взятой стране, в котором сочеталась западническая универсалистская идеология марксизма со спецификой России. Однако на определенном этапе она проиграла битву идеологическому аппарату неolibерального американского капитализма, что привело к новому господству западников (либералов), результатом чего в 1990-е годы стали процессы распада. Сейчас, с упадком глобального гегемона, наблюдается возвращение к цивилизационной концепции национальных интересов и маргинализации западников.

2. Национальные интересы в биполярном, монополярном и мультиполярном мире

Формулирование и реализация национальных интересов осуществляются различным образом в условиях биполярного, монополярного и мультиполярного мира.

В условиях *биполярного мира* после 1945 года идеологическое и политическое противостояние двух

мировых систем в бывших социалистических странах утверждается с помощью идеи единства интернационализма и патриотизма, сочетающих национальные интересы и интересы всей общности. СССР делает акцент на интернационализме, но начиная с 1960-х годов в различных социалистических государствах возникают проявления национализма, акцентируются национальные интересы, что приводит к конфликтным ситуациям (прежде всего с Китаем, в дальнейшем в той или иной степени с Чехословакией, Румынией и др.). Перестройка, в сущности связанная с отказом Горбачева от интернационализма в отношениях с остальными государствами и восприятием экономической политики на чисто рыночной основе (оставив в стороне политические и военные интересы), привела не только к развалу СССР, но и к распаду Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Варшавского договора. Существенный акцент на национальных интересах был поставлен Ельциным, считавшим, что России лучше защищать свои интересы без более бедных республик Центральной Азии, что в сочетании со стремлением местных элит к автономии привело к распаду Советского государства. В сущности, проблемой и во время перестройки, и во время распада СССР было неадекватное понимание национальных интересов как чисто экономических, без учета военных, политических, геополитических, геокультурных, геознергетических измерений.

Так, в конце 1980-х годов мир приходит к *монополярности* во главе с США, которые задают правила игры и определяют, что является правильным или неправильным в поведении различных государств. Были объявлены три «конца» — конец истории, конец географии и конец государства.

«Конец истории» означал, что существует только одна легитимная модель развития — американская, которая должна везде насаждаться. В этом контексте были объявлены концепции «гуманитарной интервенции», под эгидой которой была проведена, например, бомбардировка Югославии.

«Конец географии» означал, что национальные границы уже не имеют своего прошлого (времен суверенных национальных государств) значения и мы движемся к глобализованному миру без границ и свободной миграции людей, товаров и капиталов. Теперь правила определяются с помощью так называемого Вашингтонского консенсуса Международным валютным фондом и Всемирным банком.

«Конец государства», объявленный ультралибералами, такими как Кэньити Омаэ, предполагает, что примерно к 2025 году государство постепенно превратится в формальную оболочку чего-то, что уже не имеет значения, за счет транснациональных корпораций и глобального рынка.

В этом контексте понятие «национальные интересы», связанное с границами, утратило свое значение. Получили развитие тенденции демонтажа государств, особенно в бывших социалистических странах. Идея национального интереса была заменена универсальными неolibеральными ценностями — так называемыми европейскими или евроатлантическими цен-

ностями. *Вместо учета интересов начали говорить о ценностях, которые, однако, представляли собой глобализованную универалистскую неолиберальную гегемонную идеологию США, с которой должны были считаться остальные.* Так, в международных отношениях политический реализм, обусловленный соотношением национальных интересов, был заменен политическим идеализмом, ставящим во главу угла государственные ценности — как прикрытие интересов одного государства, занимающего позицию гегемона. Там, где идеологическая мощь США была особенно сильной, начались процессы распада национальной лояльности, идентичности, единого понимания истории, уничтожение памятников, общих символов, разрушение общей ценностной системы, культурного и социального капитала.

Под лозунгами евроатлантических и демократических ценностей США проводили интервенции и «цветные» революции. Однако были получены результаты, обратные намерениям США. Везде вмешательство Америки привело к распаду и тяжелому кризису обществ, независимо от того, идет ли речь о Северной Африке или о постсоветском пространстве. Военные вторжения в Ирак, Югославию, Афганистан, Ливию и десятки других государств, в которых неофициально, через дроны или спецчасти действовали США, также привели к деструктивным для государств и соответствующих национальных интересов последствиям.

Либеральному мультикультурализму сопутствует тенденция этнонациональной фрагментации в результате возрастающего неравенства. Именно в условиях глобализованного неолиберального капитализма во главе с США ускорился распад государств. Только за последнюю четверть века появилось более 30 новых государств, каждое из которых преследует свои интересы, и наблюдается тенденция к их увеличению. В настоящее время европейский свободный рынок вызывает социально-экономические различия и противоречия между отдельными регионами, неравенство между ними, причем более богатые или считающие, что они выиграют в экономическом плане, стремятся к отделению (начиная от Шотландии и Каталонии и заканчивая проблемами разделения между Фландрией и Валлонией).

В конечном счете с начала XXI века в связи с процветанием Китая и других стран БРИКС, резким увеличением задолженности США, восстановлением России начали говорить о тенденции к *мультиполярному миру*. Оказалось, что страны, которые смогли сохранить свои государства и идентичность (в этом отношении типичным примером является Китай), обладают преимуществом. В этой ситуации предыдущие американизированные неолиберальные идеологемы о «конце истории», «конце географии» и «конце государства» начали распадаться. Даже отец идеи о «конце истории» Фрэнсис Фукуяма признал, что китайские лидеры принимают более рациональные экономические решения, чем американские¹. На место идеи о «конце географии» пришла идея о возвращении геополитики, которая пред-

¹ См.: Fukuyama F. The Future of History // Foreign Affairs. 2015. Jan./Febr.

полагает и возвращение государства, пытающегося осуществлять легитимный контроль на своей территории.

Появились концепции постглобализации и деглобализации в контексте резко увеличивающейся нестабильности и всякого рода опасностей. Это делает вопрос об усилении суверенитета государства на соответствующей территории особенно важным в контексте предотвращения нестабильности. На месте предыдущих уничтоженных стен между государствами началось ускоренное возведение новых. С 1945 по 1989 год было создано 19 стен между различными государствами; в конце холодной войны, в 1991 году, их число уменьшилось до 12. С зарождением мультиполярного мира количество стен резко увеличилось и в 2014 году уже составляло 64, то есть в шесть раз больше². Только в 2015 году 15 государств принимают решение начать возведение оградений³. Берлинская стена, падение которой было объявлено триумфом либеральной демократии и символом исчезновения ограничений коммунизма, — карлик по сравнению со стеной между США и Мексикой (3200 км). Возвращение границ — это возвращение национальных государств, которые сохраняют суверенитет и следуют своим интересам в рамках данных границ.

В этих условиях США ведут отчаянную борьбу за сохранение своей глобальной гегемонии с помощью нескольких основных механизмов: а) продвижение Транстихоокеанского и Трансатлантического соглашений о свободной торговле, с помощью которых будет обеспечено влияние американизированного глобального рынка и реализован процесс «обессиливания» государств в рамках трансатлантического и транстихоокеанского пространств (препоны России, Китаю, Ирану в рамках Евразии); б) действия по созданию контролируемого хаоса на территории Ближнего Востока, Центральной Азии, которые должны привести к «обессиливанию» России; в) новая холодная война, насыщенная новыми составляющими, начиная с кибер-, прокси-войн (с помощью частных формирований и агентств, занимающихся разведкой) и заканчивая сочетанием множества действий, характеризующих так называемую гибридную войну.

3. Тенденции возвращения национальных интересов и возрастающие конфликты в ЕС

Американизированная неолиберальная глобализация привела в рамках ЕС к кризису Вестфальской системы государственного суверенитета и обусловила возвращение средневековой ситуации ограниченного суверенитета, при которой отношения между государствами, регионами и Евросоюзом напоминают период до Тридцатилетней религиозной войны в Европе. ЕС, подобно Священной Римской империи германского императора, обладает ограниченными полномочиями на отдельных территориях, где переплетается множество различных суверенитетов. Это приводит к хаотичным, кризисным процессам и фрагментарности,

² *Borders F, Walls. State of Insecurity?* / ed. by E. Vallet. Ashgate, 2014. P. 2.

³ См.: More neighbours make more fences // The Economist. 2015. 15 Sept.

наблюдаемым в настоящее время в Евросоюзе, тенденциям, которые наблюдались и в конце существования Священной Римской империи. Налицо приватизация безопасности и войны, что было характерно для периода до Вестфальского мира, причем основная система безопасности передана в руки частных субъектов. Существует более 700 частных армий (5 млн человек), которые воюют в 110 государствах, их годовой доход превышает 240 млрд долларов. Это возвращает мир в эпоху международных отношений, существовавших до Вестфальской системы. В Болгарии количество людей, работающих в частном бизнесе, в несколько раз больше, чем работников государственных учреждений, но нестабильность, несмотря на это, намного выше, чем во времена социализма.

Рассмотрим в качестве примера Болгарию в составе ЕС. Впервые в своей Новой истории у нее официально резко ограничен суверенитет, что затрудняет формулирование и реализацию каких бы то ни было национальных интересов, в результате действия трех основных факторов: а) **политического**: большая часть законодательства ЕС зависима от влияния извне; при попытке проведения самостоятельной политики в отношении США существует опасность «цветной» революции; политическая элита зависима от иностранных посольств и служб разведки, при этом болгарские структуры безопасности почти ликвидированы; б) **геополитического**: на территории Болгарии размещены иностранные военные базы, ее армия почти ликвидирована, что создает предпосылки для вовлечения Болгарии как пассивного участника в новую холодную войну; в) **экономического**: Болгария существует в условиях свободного рынка, что приводит к ее периферизации и увеличению социально-экономической дистанции по отношению к западноевропейским странам.

Число государств в мире в период после Второй мировой войны до 2015 года возросло втрое, то есть мы наблюдаем ускоренную фрагментацию мира и создание новых государств, которые должны достичь гомогенности населения на своей территории и сформировать национальную лояльность и идентичность. Увеличивается число государств в Европе, за последние четверть века только на Балканах оно удвоилось. В начале 1990-х годов при посещении Центра стратегических и международных исследований Збигнева Бжезинского в Вашингтоне я увидел карту (сценарий) разделения Европы на двести небольших государств. Такая тенденция, как кажется, становится все более реалистичной не только для Европы. На Ближнем Востоке происходит радикальное изменение границ и числа государств.

Наряду с кризисом государства развивается и кризис национальной идентичности, которая была сформирована в прошлом в условиях сильных национальных государств, кризис социализирующих и систем воспитания (опирающихся на патриотизм), замененных либеральным индивидуализмом, атомизацией и лозунгами о правах человека и мультикультурализме, замещающем национальную идентичность. Ослабление государств резко затруднило формулирование как национальных стратегий и национальных интере-

сов, которые поддержало бы большинство населения, так и национальных интересов, с которыми они идентифицируются и которые оно было бы готово защищать. В ЕС (в высокой степени) наблюдаются утрата национальной лояльности и отсутствие готовности защищать национальные интересы. Согласно глобальному исследованию “WIN/Gallup International”, проведенному в конце 2015 года, 61 % опрошенных из 64 стран во всем мире готовы сражаться за свою страну, а 27 % этого бы не сделали. Самые низкие показатели характерны для европейских государств. В Нидерландах готовы сражаться за свою родину 15 % граждан, в Германии — 18 %, в Бельгии — 19 %, в Италии — 20 %, в Великобритании — 27 %, во Франции — 29 %. Показатели болгар близки к показателям западноевропейцев: 25 % болгар готовы сражаться за свою родину, в то время как 47 % — нет. В Российской Федерации готовы сражаться за свою родину 59 %, а в Китае — 71 %¹.

Однако реальность в Европе такова, что конфликты и опасности, которые требуют усиления государства, национальной лояльности, идентичности, готовности к защите национальных интересов, стремительно увеличиваются. Получает развитие серия конфликтов и противоречий (за счет общеевропейской солидарности и свободного рынка товаров, услуг и людей), которые укрепляют тенденцию к возвращению национального суверенитета и национальных интересов. Среди них — конфликт на Украине и новая холодная война с Россией, война на Ближнем Востоке, новое своеобразное Великое переселение народов из Азии, Ближнего Востока и Африки в Евросоюз, провал политики мультикультурализма и объединение социально-экономических и этнорелигиозных неравенств, возрастающие опасности, связанные с терроризмом. К ним добавляется неравенство как результат общеевропейского рынка, отодвигающего на периферию Южную, Юго-Восточную, Центральную Европу, а также возрастающее неравенство внутри отдельных государств. Проявляются существенные противоречия между свободным рынком и минимальными возможностями регулирования со стороны брюссельских институтов, так как политическая интеграция значительно запаздывает. Деструктивные последствия обуславливают противоречия между общеевропейской монетарной политикой и национальной фискальной политикой, разделение между шенгенскими и нешенгенскими государствами, между вступающими в Еврозону и находящимися за ее границами. В целом, в ЕС особенно сильно чувствуется ослабление национальных государств, обусловленное наднациональными корпорациями и утечкой капиталов, ограниченными возможностями налогообложения из-за налоговой конкуренции. В этих условиях наблюдаются кризис либеральной демократии и возрастающее усиление антисемитских движений и партий, ратующих за возвращение национального государства и национальных интересов.

¹ См.: Трое из пяти в мире готовы сражаться за свою страну, показывает глобальное исследование “WIN/Gallup International”. URL: <http://www.gallup-international.bg/bg/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/2015/220-WIN-Gallup-International%20E2%80%99s-global-survey-shows-three-in-five-willing-to-fight-for-their-country> (дата обращения: 18.12.2015).

Неолиберальный рынок сталкивается с идеей европейской солидарности, и если Трансатлантическое соглашение будет заключено, это усилит противоречия и вероятность конфликтов и распада Европейского Союза. В условиях возрастающего неравновесия такие процессы, как

выход Великобритании из ЕС после референдума, новые проявления сепаратизма в Шотландии, Каталонии или на Балканах, где Турция и исламский мир проводят новые цивилизационные разделительные линии, могут сыграть роль пускового механизма процессов распада.

Г. М. Резник¹

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: МУКИ СУБСИДИАРНОСТИ

Творцы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод отдавали себе отчет в том, сколь сложную задачу с ее помощью предстоит решить — примирить право и свободу. Обязанность договаривающихся государств соблюдать нормы конвенции в отношениях с лицами, находящимися под их юрисдикцией, не означала требования абсолютного единообразия — в решениях Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) красной нитью проходит идея о дополнительном характере механизма защиты, установленной конвенцией по отношению к национальным гарантиям прав человека. Субсидиарность как один из основных принципов деятельности ЕСПЧ имеет два аспекта — процессуальный и материальный. Первый требует исчерпания внутригосударственных средств защиты, второй состоит в признании за государством определенных пределов усмотрения. Периодически между правительствами некоторых стран и ЕСПЧ возникают острые противоречия по поводу постановлений, в рамках которых, по мнению этих государств, осуществляется недопустимое вторжение в сферу ведения национальных органов власти.

Такого рода коллизии возникают по двум категориям дел. Первая включает спор о так называемых относительных правах и свободах, нашедших отражение в конвенции. В отличие от абсолютных прав (таких как запрет пыток, обращения в рабство, применения смертной казни, повторного осуждения за одно и то же преступление, отступление от которых недопустимо даже во время войны или чрезвычайного положения), относительные права сформулированы более мягко, так как допускают определенные ограничения в целях защиты важных публичных и частных интересов. Конвенция перечисляет их в разных статьях: национальная безопасность; территориальная целостность; обществен-

ный порядок; экономическое благосостояние страны; предотвращение беспорядков или преступлений; обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия; охрана здоровья или нравственности; защита прав, свобод или репутации других лиц; предотвращение разглашения конфиденциальной информации.

Охрана таких интересов, как правило, предусматривается национальными законами, и ЕСПЧ в своей деятельности предоставляет внутригосударственным органам «право усмотрения»: «... именно национальным властям, и в частности судам, надлежит толковать и применять внутреннее законодательство: по природе своей местные власти гораздо лучше приспособлены для того, чтобы решать связанные этим вопросы» («Кэмпбэлл против Соединенного Королевства Великобритании»).

Осуществляя контроль за соблюдением конвенции, ЕСПЧ требует выполнения двух условий — правовой определенности национальных законов, которая позволяет заинтересованным лицам предвидеть последствия своих действий, и существования насущной потребности во вмешательстве государства в реализацию индивиду основных прав и свобод.

Вторая категория дел затрагивает вековые социокультурные традиции преимущественно в таких чувствительных сферах, как религия и нравственность.

Практика ЕСПЧ показывает, что оптимальное соотношение между принципом subsidiarity и развитием конвенционного права достигается, когда права и свободы изначально получают защиту на национальном уровне. Примером может служить дополнение конвенции в 1983 году протоколом № 6 об отмене смертной казни. К этому времени в целом ряде западноевропейских стран смертная казнь была уже отменена, в других странах приговоры к смертной казни не приводились в исполнение.

Примерно в таком же формате (но с большими трудностями) изменялась позиция ЕСПЧ в отношении ЛГБТ-сообщества. Первоначально отношения между однополыми партнерами не признавались ЕСПЧ входящими в сферу семейных отношений, защищаемых ст. 8 конвенции, а сами жалобы объявлялись неприемлемыми. Так, в первом подобном деле «Х. и У. против Великобритании» (1983) указывалось, что «несмотря на современную эволюцию восприятия гомосексуальности» отношения в однополый паре попадают в сферу права на уважение частной жизни, но не признаются семейной жизнью. Однако постепенно практика ЕСПЧ по данно-

¹ Вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Президент Адвокатской палаты г. Москвы (2002 — февраль 2015 г.). Автор более 300 публикаций по проблемам теории права, уголовного права и процесса, криминологии, в т. ч. монографий: «Личность преступника: правовое и криминологическое содержание», «К вопросу об определении понятия преступности», «Адвокат: престиж профессии», «Внутреннее убеждение при оценке доказательств», «Когда наступает ответственность», «Конституционное право на защиту», «Честь. Достоинство. Деловая репутация: споры с участием СМИ» и др. Член Общественной палаты РФ. Вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов. Член Совета по вопросам совершенствования правосудия при Президенте РФ. Награжден Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако, знаком общественного признания «Символ Свободы» Союза журналистов России. Почетный доктор СПбГУП.

му вопросу эволюционировала — сначала в отношении гражданских прав на наследование, уважение жилища, для защиты прав арендодателя, затем по существу отношений: в делах «Карнер против Австрии» (2003), «Козак против Польши» (2010) ЕСПЧ пришел к выводам, что «государство, выдерживая баланс между защитой семьи и правами сексуальных меньшинств, должно учитывать изменения, происходящие в обществе, в том числе тот факт, что частная жизнь может вестись не одним способом». И наконец, в постановлении «Р. В. и J. S. против Австрии» (2010) ЕСПЧ, сославшись на изменения в законодательстве многих европейских государств, заявил со всей определенностью: «Учитывая эту эволюцию, суд полагает искусственным утверждать, что, в отличие от разнополых пар, пары однополые не могут вести семейную жизнь в смысле ст. 8. Следовательно, отношения заявителей, сожительствующей однополкой пары, проживающей в стабильном фактическом партнерстве, включаются в понятие семейной жизни, как включались бы в него и отношения разнополкой пары в аналогичной ситуации». Наконец, в постановлении «Олиари и другие против Италии» (2015) ЕСПЧ мог констатировать, что уже 24 из 47 государств — членов Совета Европы приняли законы в пользу юридического признания однополых пар и «Италия — единственная западная демократия, которая до сих пор не предприняла никаких мер». При этом было отмечено, что, поскольку в Европейском Союзе нет консенсуса по вопросу о форме легализации однополых союзов, каждое государство решает его самостоятельно: полностью приравнивает к обычному браку либо регистрирует гражданское партнерство, позволяющее однополым парам пользоваться теми же правами, что имеют гетеросексуальные супруги. В России отсутствует официальное признание любых форм союзов для однополых пар. Учитывая, что именно отношение к правам ЛГБТ ныне используется в государственной пропаганде для противопоставления «растленного» Запада и «духовной» России, рассчитывать на юридическое оформление однополых союзов в ближайшее время не приходится. Но, думается, со временем политизированный накал спадет и легализация гражданского партнерства станет возможной.

Менее удачным оказалось вторжение ЕСПЧ в область избирательного права. Признав нарушением ст. 3 протокола № 1 к конвенции (свободные выборы) в делах против Великобритании, Италии и России запрет голосовать на выборах осужденных к лишению свободы, ЕСПЧ, как представляется, неосновательно вмешался в свободу усмотрения национальной правовой системы. Признанный авторитет в области правоведения, лорд Хоффман, точно отметил, что ЕСПЧ «не мог справиться с искушением расширить свою юрисдикцию и установить единые нормы для стран-участниц. Он приравнивает себя к Верховному суду США, устанавливающему федеральное законодательство для европейских стран». Данный вопрос является спорным и по-разному решается в национальных законах: одни позволяют всем осужденным голосовать, другие всем запрещают, третьи проводят селекцию в зависимости от тяжести совершенных преступлений или срока наказания. Но нельзя не признать, что запрет голосова-

ния основан не только на традициях, но имеет и весомые рациональные аргументы: условия несвободы искажают волеизъявление заключенного; кроме того, администрация тюрем имеет возможность манипулировать голосованием заключенных. Поэтому разумным было бы предоставить право решать эту проблему национальным парламентам.

Обращаясь к отечественному законодательству последних лет, нетрудно прогнозировать, где «заискрит» при его столкновении со стандартами ЕСПЧ. Так, обречена на признание нарушающей конвенцию норма об иностранных агентах, поскольку в ней содержится абсолютно безразмерное понятие «политическая деятельность». Отсутствие правовой определенности данного понятия признано уже всеми, включая президента страны В. В. Путина, председателя Совета по правам человека при Президенте России М. А. Федотова, Уполномоченного по правам человека, министра юстиции А. В. Коновалова, но никаких изменений в закон не вносится и чиновничий и судейский произвол продолжается, решая властный заказ — удалить из общественной жизни неудобные правозащитные организации.

Удивительная норма содержится в Федеральном законе РФ «О противодействии экстремистской деятельности». К таковой отнесена публичная клевета в отношении лица, занимающего государственную должность в Российской Федерации или государственную должность в субъекте Российской Федерации, соединенную с обвинением указанного лица в совершении деяний, квалифицируемых как экстремизм. Но не только в прецедентах ЕСПЧ, но и в постановлениях Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ указывается на необходимость большей терпимости публичных фигур (в первую очередь высокопоставленных государственных деятелей и политиков) к критике, даже несправедливым нападкам прессы. Хорошо, что это пока «спящая» статья закона — за 15 лет она ни разу не применялась.

Отдельного рассмотрения требует блок социальных, экономических, экологических прав. На конференции Европейского общества международного права (октябрь 2015 г.) в докладе судьи Европейского суда по правам человека Л.-А. Сисилианоса (от имени ЕСПЧ) анализировалось влияние на конвенционные права по меньшей мере четырех крупных проблем: экономического кризиса; кризиса мигрантов и беженцев; борьбы с терроризмом; вооруженных конфликтов. Докладчик указал на необходимость «придерживаться принципа субсидиарности во избежание вмешательства в решения, отражающие главные политические интересы в экономической сфере, которые зависят в конечном счете от суверенной власти государства».

16 мая 2013 года Комитет министров Совета Европы одобрил протокол № 15. Он включает в преамбулу к конвенции указание на принцип субсидиарности, согласно которому государства несут основную ответственность за обеспечение прав и свобод, гарантированных конвенцией и протоколами к ней, и пользуются при этом свободой усмотрения под надзором ЕСПЧ. Протокол № 15 открыт для подписания государствами-участниками. России следует его ратифицировать.

Том Рокмор¹

О КОНФЛИКТЕ СОВРЕМЕННОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА, КУЛЬТУРЕ И МЕЖДУНАРОДНОМ ТЕРРОРИЗМЕ

Данный доклад посвящен вопросу все более широкого распространения международного терроризма. Речь не идет о конфликте между международным терроризмом и культурой, поскольку последняя не существует сама по себе. Скорее это конфликт между различными национальными организациями, которые, естественно, отражают национальные и международные интересы, и международным терроризмом.

Если ограничить обсуждение событиями, последовавшими после 11 сентября 2001 года (9/11), то к недавним террористическим актам можно отнести турецкий конфликт с коренным населением Курдистана, продолжающиеся конфликты в Афганистане, Ираке и Пакистане, текущую ситуацию в Ливии и других частях Северной Африки, включая Тунис, Исламский халифат, известный как ДАИШ или ИГИЛ, Мали и Берег Слоновой Кости, а также ряд террористических атак в Западной Европе, в частности в Бельгии и Франции.

Я ограничусь двумя критериями. С одной стороны, здесь речь пойдет только о международном терроризме, то есть не будут затрагиваться недавние случаи, связанные (или преимущественно связанные) с определенным географическим пространством, например с ДАИШ, Боко Харам и т. д. С другой стороны, предполагается, что, поскольку история не состоит из серии отдельных событий, мы должны понимать, что текущий исторический момент является частью непрерывного исторического процесса. Далее я сделаю несколько замечаний о связи между международными террористическими актами и историческим объяснением. Сначала я обращусь к событиям, известным как 9/11, чтобы предложить заранее обдуманную и конструктивистскую модель объяснения человеческих поступков, которую затем буду применять к более поздним примерам международного терроризма.

О понимании событий 9/11

Дискуссия вокруг событий 9/11, как правило, сводится к трем концептуальным моделям: мнение, связанное с президентом Джорджем У. Бушем, что наши враги — плохие люди (а мы хорошие); культурная (или цивилизационная) модель, разработанная Самюэлем Хантингтоном; религиозная модель, ассоциирующаяся с Бернардом Льюисом.

Буш, будучи, так сказать, возрожденным христианином, демонстрирует сильное, но некритичное отождествление с библейскими источниками. Согласно Бушу, все американцы, граждане страны, которая является, если можно так выразиться, единственным законным представителем Бога на земле, имеют явное предназначение, выражаемое их политикой, цель которой — противостоять злу, творимому их врагами.

¹ Профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай), доктор философии. Специалист по Гегелю, Марксу и немецкой философии. Автор научных публикаций «Маркс после марксизма. Философия Карла Маркса», «Натурализм как антикантианство», «Социальные противоречия, глобализация и события 9/11» и др.

В 1990-х годах Хантингтон разработал видение будущих войн, причиной которых станут не экономические или политические соображения, а скорее то, что мы называем различиями между культурами или «цивилизациями». Позднее он использовал эту аргументацию, чтобы сделать вывод о событиях 9/11 как о новом этапе мировой политики. Его основное заявление: «Великое разделение человечества и главный источник конфликта будут лежать в плоскости культуры. Национальные государства останутся главными игроками на мировой арене, но принципиальный конфликт в глобальной политике случится между народами и группами различных цивилизаций. Столкновение цивилизаций станет линией будущих фронтов»².

Но это короткий шаг от «официальной» точки зрения Хантингтона, что события 9/11 можно объяснить столкновением цивилизаций, к более позднему мнению, что эти события можно объяснить столкновением религий. Данное заявление — это ситуативный тезис, специально придуманный Льюисом для объяснения событий 9/11. Согласно этому тезису, события 9/11 можно понимать как столкновение между двумя религиями: христианством и исламом, который плохо приспособлен для современного мира.

Льюис применяет свою теорию, что исламские страны, за исключением Турции, не способны модернизироваться. Это, в свою очередь, приводит к неприятию современности и тому, что Льюис называет возвратом к духовному прошлому, что благодаря средствам массовой информации становится все более явным.

Все три точки зрения перекрываются знакомым прозападным уклоном. Даже после событий 9/11 имела место устойчивая тенденция оценивать эту серию событий с дуалистической, западной точки зрения, основанной на предыдущем принятии западных стандартов, а также дальнейшая тенденция отказаться даже от подобия принятия, серьезного отношения и даже рассмотрения исламских стандартов оценки.

Этот прозападный уклон имеет два очевидных недостатка. С одной стороны, он оценивает борьбу между фундаментальным исламом и капиталистическим Западом только с моральной точки зрения. Но до того, как проблема определена, давать моральную оценку просто преждевременно. С другой стороны, отождествление себя с одной из сторон конфликта затрудняет или даже не позволяет сформулировать общую теорию, охватывающую все стороны в более широких рамках единого анализа.

Человеческие поступки и историческая ясность

Остается сформулировать приемлемую или даже широко распространенную точку зрения на эту серию событий. События истории можно понять тогда и только тогда, когда мы считаем их разумными и, следова-

² Huntington S. The Clash of Civilizations // The Globalization Reader / ed. by F. Lechner and J. Boli. Malden : Blackwells, 2000. P. 36.

тельно, понятными. Если история — это просто череда событий, то ее нельзя понять. Но если, как сказал бы Гегель, в истории есть смысл, тогда она разумна и может быть понята. История человечества разумна, следовательно, понятна, поскольку состоит из человеческих поступков, которые, как проявление человеческих стремлений, сами по себе разумны и, следовательно, понятны.

Три мыслителя помогают нам понимать события 9/11 как разумные, а не как неразумные. Аристотель — мыслитель, которого не волновала история, — указывает, что все человеческие поступки направлены на достижение определенной цели — получение блага для человека. Даже поступки кого-то, кто якобы психически болен, совершаются ради того, что данный человек считает благом. Гегель, будучи глубоко исторически мыслящим философом, указывал на частую разницу между тем, к чему мы стремимся, и полученным результатом — он называл это «коварством истории». Маркс, обладавший столь же историческим мышлением, отмечает, что основным двигателем современного этапа исторического процесса является экономика, поскольку основные потребности, удовлетворение которых возможно только посредством экономической деятельности, являются более существенными, а, следовательно, более важными, чем любые другие.

Социальные противоречия и события 9/11

События 9/11 не являются ни перерывом в ходе истории (в таком случае они были бы единственными в своем роде и недоступными для понимания), ни началом нового этапа исторического процесса. Наоборот, они находятся внутри непрерывного исторического процесса, который им предшествовал и следовал за ними. Они представляют собой взаимодействие, в данном случае ожесточенное, между двумя очень разными представлениями о том, что является благом для людей, что мы легко можем определить как капитализм и исламский фундаментализм.

В то же время, имеет место постоянная экспансия капитализма, который уже достиг того, что мы сейчас называем глобализацией. «Экономическая глобализация», не имеющая точного толкования, трактуется по-разному. Я под этим термином понимаю интеграцию национальных экономик в мировую экономику с применением различных способов¹. Далее я буду иметь в виду два взаимосвязанных феномена.

С одной стороны, капитализм, которому требуются постоянно расширяющиеся рынки, имеет тенденцию либо развивать существующие рынки, либо выходить на новые, распространяясь по всему миру. Данный процесс уже достиг, или однажды достигнет, кульминационной точки, в которой не останется ничего такого, чего бы он ни коснулся. В этой точке процесс экономической экспансии, характерный для капитализма, столкнется с естественной границей, своей “*terminus ad quem*” (конечной точкой), за которой не будет дальнейших возможностей для развития.

¹ См.: *Bhagwati J.* In Defense of Globalization. N. Y. : Oxford University Press, 2004. P. 3.

С другой стороны, существует влияние глобализации, за счет которой капитализм подчиняет себе и изменяет все, с чем соприкасается в стремлении максимально увеличить прибыли. Данный аспект глобализации, ни в коем случае не благоприятный, представляет собой исключительно опасную, даже смертельную угрозу для всех (исконных) форм социальной «организации», включая, помимо прочего, местные обычаи, традиции и экономические структуры, которые он стремится вытеснить при смене старой версии самого себя.

Экономическая глобализация принимает разные формы, такие как, например, создание взаимосвязанных, чрезвычайно сложных отношений между крупными банками. Эта ситуация, которая была доведена до сведения населения во время глубокого экономического спада начала 2008 года, известна как минимум с середины XIX века, если не раньше. Многие наблюдатели, в том числе Адам Смит, Гегель, Маркс и другие, подчеркивали социальные последствия постоянного расширения капитализма. Если сформулировать кратко и точно, то цена, которую придется заплатить за непрерывную экономическую экспансию, — это постоянная, устойчивая угроза всему, в том числе всем местным формам экономических, социальных и/или культурных норм самого разного толка, в отношении которых есть хоть малейшее подозрение, что они стоят на пути дальнейшего экономического развития. В наиболее крайней форме ярые сторонники экономической глобализации хотят убедить всех в том, что глобализация хороша сама по себе и при любых обстоятельствах, и несмотря на очевидные трудности, всегда лучше, чем ее альтернативы. Скептикам в этом отношении, например Дани Родрику², который считает, что риски экономической глобализации слишком велики, противостоят энтузиасты глобализации, такие как Джагдиш Бхагвати, который полагает, что глобализация пока, пожалуй, не продвинулась достаточно далеко³.

Бесконечная ориентация на экономическую глобализацию имеет определенные недостатки. Очевидная плата за нее — то, что такое видение иногда вступает в противоречие с совершенно другим видением хорошей жизни. Вместо синергии между экономикой и религией, которая, согласно Макс Веберу, якобы существует при капитализме, обнаруживается прямое противостояние не ислама и экономики, а ислама и капитализма.

Противостояние между капитализмом (включая экономическую глобализацию) и исламом разыгрывается в разных ипостасях как функция того вида ислама, о котором идет речь. В данном случае мы можем проводить различие между умеренным исламом, в котором часто вполне оправданно добиваться компромисса между различными сторонами современной жизни Запада, включая капитализм во всех разнообразных формах, и консервативными воззрениями ислама, которые меньше склонны к компромиссу и занимают жесткую

² См.: *Rodrik D.* Has Globalization Gone Too Far? Washington : Institute for International Economics, 1997.

³ См.: *Bhagwati J.* Op. cit.

позицию относительно идеи отказа от традиционно предписываемых исламом обычаев.

В наиболее консервативном варианте ислам принимает форму (если позаимствовать у протестантов термин «фундаментализм») исламского фундаментализма, преследующего две цели. С одной стороны, исламский фундаментализм ориентирован на восстановление якобы подлинной формы ислама, созданной при жизни пророком Мухаммедом, которая позднее могла или — в зависимости от толкования — не могла быть искажена. С другой — исламский фундаментализм отвергает любого рода противодействие социальной жизни, организованной полностью и исключительно по образцу фундаментального ислама. Короче говоря, фундаментальный ислам, так же как другие формы религиозного фундаментализма, направлен на непрерывное воспроизведение без каких-либо изменений формы жизни на основе первоначального видения ислама.

Противодействие изменениям сопротивляется любым попыткам обновить, переиначить или иным образом изменить имеющееся видение первоначальной формы ислама. Так, Саид Кутб, интеллектуальный лидер «Мусульманского братства», отвергал все компромиссы, утверждая, что это либо ислам, либо что-то другое, что следует отвергнуть в принципе¹. Такое отношение со стороны исламских фундаменталистов на практике приводит к внутриисламскому конфликту между радикальными исламскими фундаменталистами и другими, более умеренными сторонниками ислама. Имеет место мировоззрение исламских фундаменталистов, защитников исламского образа жизни без компромиссов на традиционном пространстве ислама, в частности на Ближнем Востоке, включая исполнителей теракта 9/11, которые защищают свое в высшей степени традиционное видение религии, противостоя (если нужно, то с помощью насилия) ощутимой угрозе, нависшей над целостностью традиционного исламского образа жизни. Исламские фундаменталисты понимают очевидное: продолжающаяся экспансия капитализма возможна только за счет гибели исламской мечты о воссоздании представления о хорошей жизни, которого придерживался Мухаммед соответственно исламским принципам.

Согласно Гегелю, миром движут противоречия². Если не говорить в целом, то ясно, что, по крайней мере, в данном конкретном случае западные и исламские убеждения в том, что считается хорошим для че-

¹ По мнению Кутбы: «Ислам не может идти на какие-то компромиссы с джахилией ни в том, что касается его концепции, ни в том, что касается его способов жизни, выведенных на основе этой концепции. Останется либо ислам, либо джахилия; ислам не может принять или согласиться с ситуацией, когда будет или наполовину ислам, или наполовину джахилия. В этом отношении позиция ислама совершенно ясна. Она подразумевает, что правда одна и ее нельзя разделить, если это не правда, то это ложь. Смешение и сосуществование правды и лжи невозможно» (*Qutb S. Milestones (Ma'alim fil Tariq) : English Translation. Indianapolis : American Trust Publications, 1990. P. 101–102, 112 ; Zeidan D. The Islamic Fundamentalist View of Life as a Perennial Battle // Middle East Review of International Affairs. Vol. 5, № 4. P. 5).*

² См.: *Hegel G. W. F. The Encyclopedia Logic, part one of the Encyclopedia of the Philosophical Sciences with the Zusätze / trans. T. F. Geraets, W. A. Suchting and H. S. Harris. Indianapolis : Hackett, 1991. § 119, addition 2. P. 187.*

ловека, совершенно различны. Западные представления связаны с современным индустриальным обществом, характеризующимся непрерывной экономической экспансией, которая требует постоянных изменений. Исламское представление о хорошей жизни, по крайней мере то, что изначально описывалось Пророком, требует воспроизведения без каких-либо изменений типа человеческого существования, указанного в Коране.

Экономическая модель и последние примеры международного терроризма

Предлагаю осмысливать крупные террористические акты, такие как теракт 9/11, через призму конструктивистской модели человеческого поведения, исходя из социального противоречия между экономической глобализацией, которая имеет место при ограничении традиционного ислама, и исламской религиозной идентификацией. Проиллюстрирую свою модель на примере недавних террористических актов во Франции и Бельгии.

13 ноября 2015 года в Париже и несколько месяцев спустя в Брюсселе была проведена скоординированная серия атак террористов-смертников, в которых участвовали до десятка молодых людей арабского происхождения, родившихся либо во Франции, либо в Бельгии. Террористы без разбора вероломно убивали тех, кого встречали на своем пути, с помощью взрывчатки, скрытой в так называемых «поясах смертника».

В объяснениях данных акций, как правило, делается упор на таких факторах, как крах традиционных устоев, низкий уровень занятости населения, агрессивная вербовка радикальными исламистами, особенно салафитами, которым, возможно, могли бы противодействовать находящиеся на территории Франции мечети, создавая французскую форму ислама, и т. д. Я считаю, что, напротив, сложность состоит не в приверженности исламу и не в исламе как религиозной системе, возможно, устаревшей, и не в вербовке теми, кто связан с ДАИШ.

Я всегда утверждал, что основной «причиной» событий 9/11 является очевидное противодействие из-за продолжающегося вторжения современного индустриального капитализма в традиционное исламское пространство. Аналогичные, в основном экономические, причины приводят к аналогичному же результату, хотя изначально молодые люди, родившиеся в Западной Европе у выходцев из Северной Африки, находятся в разных ситуациях. В наиболее консервативных арабских странах существует тенденция, кульминацией которой стали события 9/11. Она заключается в том, что молодые арабские мужчины отождествляют себя с консервативными формами ислама. Это выливается в акты насилия против капиталистического Запада, особенно Соединенных Штатов. Среди первого поколения европейцев арабского происхождения проблема самоотжествления ставится иначе, с учетом формы отчуждения.

Выше подчеркивалось, что в традиционных арабских обществах те, кто остается приверженцем наиболее консервативных форм ислама, часто считают, что

ислам подвергается нападкам со стороны так называемого западного образа жизни и прежде всего — расширяющегося порочного круга международного капитализма. На капиталистическом Западе обычное отождествление себя с надеждами и мечтами современного индустриального общества часто не происходит у первого поколения европейцев арабского происхождения, то есть у тех, кто по какой-либо причине не принимает единого, самого главного экономического проекта, проходящего красной нитью через весь современный мир. На кону принципиальная неспособность отождествлять себя, скажем так, с традиционными французскими ценностями — знаменитой триадой «свобода, равенство, братство», которые регулярно цитируются, хотя и не соблюдаются, часто высказываются, но так же часто нарушаются — но прежде всего с современным промышленно развитым капитализмом, который в настоящее время мы видим во Франции или в Бельгии. Поскольку такой человек не разделяет национальных ценностей страны, где он родился, то он открыт для отождествления себя с ценностями, которые ведут к терроризму и которые особенно хвалят те, кто занимается вербовкой.

Неэкономическое отчуждение современного индустриального общества и терроризма

Перехожу к выводам. Я описал конструктивистский подход к пониманию истории, в том числе таких террористических актов, как 9/11, и затем применил данную модель для понимания современного терроризма в Западной Европе.

Две формы международного терроризма имеют общий источник — мировой капитализм. Террактом 9/11 исламский терроризм противодействовал международным целям. При более поздних террористических актах в Европе европейцы в первом поколении по заданию исламских организаций атаковали страны, в которых они родились. Исходной причиной в обоих случаях является защита ислама — религии, которая, правильно это или неправильно, находится под экономическим давлением, оказываемым на нее посредством непрекращающейся экспансии мирового капитализма, или, по крайней мере, таким образом воспринимается своими приверженцами.

Закончу доклад замечанием относительно отчуждения. В 1840-х годах Маркс описал экономическую форму отчуждения, обусловленного обычным функционированием производственного процесса в индустриальном обществе. Есть и другая, неэкономическая форма отчуждения, которая возникает не в рамках, а скорее за пределами производственного процесса. Она происходит из того факта, что в современном индустриальном обществе некоторые европейцы в первом поколении, чьи родители были выходцами из Северной Африки, ведут себя так, будто стоят перед выбором из двух взаимоисключающих возможностей: отождествлять или не отождествлять себя со страной своего рождения. Те, кто не смог отождествить себя со страной, в которой родился и вырос, к сожалению, иногда видят основную альтернативу в «возврате» к (возможно) мифическому восприятию формы ислама, чтобы посредством международного терроризма придать смысл жизни, которая иначе не имела бы смысла.

Ашок Саджанхар¹

ПОЛИТИКА ИНДИИ “ACT EAST” — ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Руководство Национально-демократического альянса Индии заслуженно удовлетворено значительным прогрессом, отмеченным в рамках политики “Act East” (Act East Policy (AEP) — в переводе с английского «действуй на Востоке»), предложенной премьер-министром Н. Модии в Нейпидо, Мьянма, в ноябре 2014 года.

AEP — закономерная наследница политики “Look East” (Look East Policy (LEP) — в переводе с английского «смотри на Восток»), которая проводилась в 1992 году Нарасимхой Рао, занимавшим тогда пост премьер-министра, в совершенно иных геополитических и экономических условиях. Политика LEP была направлена в первую очередь на укрепление свя-

зей между Индией и странами — членами Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Экономика шести стран — членов АСЕАН (еще четыре страны присоединились позже, в 1990-х гг.) стремительно развивалась, что принесло им славу «азиатских тигров». «Владычество лицензий», введенное в Индии после получения ею независимости и нефтяных кризисов 1970–1980-х, напротив, привело к тому, что импортозамещение сократилось. Окончание холодной войны и распад Советского Союза в 1991 году предоставили Индии возможность установить отношения со странами Юго-Восточной Азии, чтобы извлечь выгоду из исторических, культурных и цивилизационных связей с этим регионом.

За 20 лет с начала реализации политика “Look East” показала впечатляющие результаты. Индия, став в 1992 году секторальным партнером АСЕАН, стала партнером по диалогу и членом регионального форума АСЕАН (ARF) в 1996 году. В 2002 году, в десятую годовщину LEP, было установлено партнерство в рамках саммитов «Индия–АСЕАН», а в 2003 году начались переговоры о заключении соглашения о свободной торгов-

¹ Секретарь Национального фонда общественной гармонии (Индия). Посол Индии в Швеции и Латвии (2010–2012), в Казахстане (2007–2010). Заместитель главы миссии в Европейском Союзе, Бельгии и Люксембурге (2005–2007). За вклад в развитие международного сотрудничества награжден медалью Президента Республики Казахстан, за укрепление и расширение двусторонних связей и дружбы — Национальной премией Правительства Латвии. Федерацией за всеобщий мир (UPF — организация, имеющая консультативный статус при ООН, Нью-Йорк) удостоен звания «Посол мира».

ле товарами (FTA, Free Trade Agreement). Переговоры завершились подписанием в 2009 году двустороннего соглашения, которое вступило в силу в 2010-м. Двусторонняя торговля и инвестиции продемонстрировали впечатляющие успехи в первом десятилетии XXI века. В период с 1992 по 2002 год объем двусторонней торговли вырос с 2 млрд до 12 млрд долларов США (ежегодный прирост увеличился на 12 %), 2012 году он увеличился до 72 млрд долларов США, а совокупный годовой рост превысил показатели предыдущих десяти лет на 22 %.

Однако в последние годы не удалось выполнить обещания улучшить партнерские отношения и подняться на следующий уровень. Даже Хиллари Клинтон, на тот момент занимавшая пост Государственного секретаря США, во время своего визита в Индию в 2011 году заметила, что Индия должна не просто смотреть на Восток, но и, что гораздо важнее, действовать и взаимодействовать с ним.

Политика “Act East” руководства Национально-демократического альянса, представленная в ноябре 2014 года, направлена не только на возрождение и укрепление отношений Индии со странами АСЕАН, но и на расширение сферы влияния Индии за пределами данного региона — от Южной Кореи и КНДР на севере до Австралии и Новой Зеландии на юге, от Бангладеш по соседству с Индией до островов Фиджи и стран Океании далеко на востоке. Во время визита президента Бангладеш в Индию в декабре 2014 года — первого после сорокалетнего перерыва — премьер-министр Н. Моди отметил, что политика Индии “Act East” начинается с Бангладеш.

Участие Индии в АСЕАН — шаг в правильном направлении

Вместе с тем основными партнерами, на которые направлена политика “Act East” в Индии, по-прежнему являются государства АСЕАН. Об этом свидетельствует активный обмен визитами между Индией и странами этого региона за последние 20 месяцев. Премьер-министр Индии Н. Моди дважды посетил Сингапур: первый раз, в ноябре 2014 года, — чтобы отметить 50-летие начала двусторонних отношений и установить стратегическое партнерство; второй раз, в марте 2015 года, — на похоронах первого премьер-министра Сингапура, легендарного Ли Куан Ю; посетил Мьянму, чтобы принять участие в Восточноазиатском саммите (EAS) и саммите «Индия–АСЕАН» в ноябре 2014 года, а также Малайзию в ноябре 2015 года с двусторонним визитом, чтобы принять участие в EAS и саммите «Индия–АСЕАН». Министр иностранных дел Сушма Сварадж за это время также посетила Индонезию, Вьетнам, Сингапур, Таиланд и Мьянму.

Индии нанесли визиты некоторые представители стран АСЕАН, включая премьер-министра Вьетнама (октябрь 2014 г.), президента Сингапура (в честь празднования 50-летия установления дипломатических отношений) и др. Некоторые государственные деятели также совершили визиты, чтобы стимулировать взаимодействие между сторонами.

Особое положение в контексте наших связей со странами — членами АСЕАН занимает Мьянма. Она граничит по суше с северо-восточным районом нашей страны — со штатами Манипур, Мизорам, Нагаленд и Аруначал-Прадеш (протяженность границы составляет 1700 км). Такие проекты, как трехсторонняя магистраль «Индия–Мьянма–Таиланд», могут в корне изменить взаимодействие Индии со странами — членами АСЕАН. Индия участвует в амбициозном проекте по созданию Трансазиатской железной дороги. Но едва ли можно признать удовлетворительной его реализацию в связи с неприемлемой политической позицией акционеров и неодинаковой протяженностью железнодорожной магистрали в странах — участницах проекта. Без надлежащего сообщения между государствами северо-восточные штаты Индии вряд ли смогут извлечь все преимущества из проводимой политики “Act East”.

Помимо северо-восточных штатов, территориальное расположение штата Западная Бенгалия может помочь ему сыграть значительную роль и получить наибольшую выгоду при реализации политики “Act East”. Мультиmodalный транспортный проект «Каладан» направлен на установление сообщения между Калькуттой и портом Ситтве в Мьянме, чтобы затем проложить маршрут дальше, в Лашию, через реку Каладан, а затем наземным транспортом в Индию, в штат Мизорам.

Таиланд также занимает особое место в реализации политики “Act East”. Помимо древних историко-культурных, судоходных, деловых, религиозных и языковых связей, огромная индийская диаспора, проживающая в Таиланде с конца XIX века, способствует упрочению развивающихся отношений между двумя странами. После успешного визита вице-президента М. Х. Ансари в Бангкок и Чиангмай в феврале 2016 года в ближайшие месяцы Индия примет несколько делегаций на высшем уровне, включая первый визит премьер-министра Таиланда генерала Праюта Чан-Оча, визит кронпринца Маха Вачиралонгкорна, наследника таиландского престола, а также принцессы Маха Чакри Сириндхорн для получения первой Международной премии «Санскрит». Это послужит толчком для двустороннего взаимодействия и укрепит связи между государствами, внося огромный вклад в политику “Act East”.

Такие страны — члены АСЕАН, как Индонезия, Сингапур и Вьетнам, установили прочные двусторонние отношения с Индией и доказали, что являются значимыми партнерами. Сингапур не только ведет с Индией динамичную торговлю и поддерживает экономические отношения, но и занимает второе место по объему прямых иностранных инвестиций в нашу страну и является первым государством АСЕАН, подписавшим с Индией Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (СЕРА). Сингапур всегда поддерживал тесные связи с Индией и странами АСЕАН. В 2004 году именно Го Чок Тонг, занимавший тогда пост премьер-министра Сингапура, сравнил АСЕАН с огромным авиалайнером, одним крылом которого является Китай, а вторым крылом должны стать прочные отношения с Индией.

Взаимосвязи Индии с Индонезией предоставляют значительные возможности для обеих стран, где действуют новые движущие силы и популярные руководители. Премьер-министр Индии Нарендра Дамодардас Моди провел результативную и продуктивную встречу с президентом Индонезии Джоко Видодо в рамках Восточноазиатского саммита в Мьянме в ноябре 2014 года. В дальнейшем отношения развивались, в том числе благодаря визитам министра иностранных дел Сушмы Сварадж в апреле 2015 года и вице-президента Хамиды Ансари в ноябре 2015 года. Индонезия стала вторым по величине торговым партнером Индии среди стран — членов АСЕАН. Несмотря на то что культурное и социальное взаимодействие между двумя странами развивается активными темпами, для дальнейшего расширения двусторонних коммерческих и экономических связей необходимо, чтобы индонезийские бизнесмены обратили свой взгляд на Индию.

Вьетнам является значимым торговым и стратегическим партнером Индии, включая оборону. Его значимость значительно возросла в связи с усилением позиции Китая по вопросу о Южно-Китайском море, когда он объявил этот вопрос одним из основных во внешней политике.

Во время визита в Малайзию в ноябре 2015 года премьер-министр Н. Моди заявил, что большую помощь в сближении Индии и стран АСЕАН окажет финансовая помощь (1 млрд долларов США), выделенная на содействие развитию связей между Индией и АСЕАН.

Индия, АСЕАН и китайская головоломка

Вопрос о владении, контроле, использовании и разработке месторождений нефти, газа, полезных ископаемых и рыбной ловли в Южно-Китайском море стал главным предметом споров между Китаем и некоторыми странами — членами АСЕАН, такими как Вьетнам, Филиппины, Бруней и Малайзия. Однако среди членов АСЕАН нет единодушия относительно решения данного вопроса. Эта проблема вызывает озабоченность Индии, поскольку более 40 % от общего объема торговли осуществляется по Южно-Китайскому морю. Кроме того, она заинтересована в использовании обширных ресурсов ископаемого топлива в регионе, чтобы соответствовать его потребностям в энергии. Индийская компания “ONGC Videsh Limited” (OVL) подписала с Вьетнамом соглашение об исследовании нефтяных блоков № 127 и 128 недалеко от Парасельских островов, которые находятся в экономической зоне Вьетнама. В недавних обсуждениях, включая Восточноазиатский саммит в Куала-Лумпуре (ноябрь 2015 г.), Индия наряду с некоторыми другими странами поддержала свободу судоходства, обеспечивающую морскую безопасность, оперативное разрешение споров в соответствии с положениями международного права, а именно Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года, разработку кодекса поведения, а также решение спора мирными средствами, с помощью диалога.

Премьер-министр Моди предпринимает настойчивые попытки установить отношения с другими странами Восточной Азии, чтобы добиться большей ма-

невренности и стратегического пространства, а также стимулировать развитие нескольких программ, реализуемых правительством для быстрого экономического развития страны (таких как “Make in India”, “Skill India”, “Digital India”), способствовать обеспечению энергетической безопасности, создать инфраструктуру, построить «умные города» и т. д. В то же время эти начинания помогут обеспечить большую гибкость и политическое пространство для борьбы с однополярным подходом, которого придерживается Китай.

На протяжении многих лет категоричная позиция Китая вызывала беспокойство стран Юго-Восточной Азии. Они предпочли бы, чтобы Индия играла более активную компенсирующую роль в регионе. Заинтересованность и намерения этих стран соответствуют инициативе Индии по установлению связей с государствами региона для выгодного обеим сторонам взаимодействия.

Создание торгового партнерства —

движение к Соглашению о свободной торговле

Переговоры по Соглашению о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP), начатые в 2012 году, должны завершиться в 2016-м. Группа стран, включающая, помимо десяти стран АСЕАН, Китай, Японию, Республику Корея, Австралию, Новую Зеландию и Индию, представляет 40 % мирового населения и 23 % мирового ВВП (17 трлн долларов США). С подписанием Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве в Окленде (Новая Зеландия) 4 февраля 2016 года для стран RCEP стало обязательным безотлагательное завершение переговоров по амбициозным, масштабным и равноправным сделкам. Индия должна удостовериться, что окончательный текст в полной мере защищает ее интересы, в отличие от Соглашения о свободной торговле товарами между Индией и АСЕАН. Впрочем, ожидается, что подписанное в 2014 году Соглашение о свободной торговле услугами и инвестициями между Индией и АСЕАН, которое должно вступить в силу в этом году, значительно расширит экспорт Индии на данном рынке благодаря сильному сектору услуг.

Партнерство Индия–Япония

Отношения Индии с Японией значительно улучшились, с тех пор как власть в Индии перешла к Национально-демократическому альянсу. Япония была первой страной, которую с двусторонним визитом посетил премьер-министр Н. Моди, помимо соседних стран Южной Азии. И Моди, и премьер-министр Японии Синдзо Абэ акцентировали внимание на тесном сотрудничестве стран, которое существовало между ними еще в то время, когда Моди занимал пост главного министра Гуджарата. Результатом визита стало намерение Японии инвестировать в Индию в течение следующих пяти лет 35 млрд долларов США, в том числе в некоторые передовые программы, такие как «умный город», промышленный коридор «Дели–Мумбаи», создание сверхскоростного пассажирского экспресса между Мумбаи и Ахмадабадом и некоторые другие. Эти программы по-

лучили толчок для развития во время ответного визита Абэ в Индию в декабре 2015 года. Наивысшим достижением в рамках визита Абэ стало решение заключить с Индией соглашение по мирному атому, которое обсуждалось на протяжении нескольких лет. Япония — последняя страна, принявшая участие в этой программе, поскольку данный вопрос в этой стране воспринимается крайне болезненно: японские города Хиросима и Нагасаки были стерты с лица земли в результате сброшенных на них атомных бомб в 1945 году.

Установление партнерства с Австралией и Южной Кореей

За последние 20 месяцев получили существенное развитие взаимосвязи между Индией и Австралией. В сентябре 2014 года, через несколько месяцев после прихода к власти Национально-демократического альянса, Индию посетил премьер-министр Австралии Тони Эбботт, который подписал соглашение по мирному атому. Особое значение данного соглашения обусловлено тем, что Австралия обладает крупнейшим в мире запасом урана. Данное соглашение крайне выгодно, поскольку Индия стремится расширить выработку энергии с помощью атомных реакторов (с 5000 мВт сегодня до 62 000 мВт к 2032 г.). Н. Моди нанес ответный визит в Австралию — первый со стороны премьер-министров Индии за 28 лет — после участия в саммите G-20 в Брисбене в ноябре 2014 года.

Моди воспользовался своим визитом в Канберру и Мельбурн в ноябре 2014 года, чтобы посетить Фиджи и пообщаться с 12 лидерами и представителями народов Океании. Это был первый визит премьер-министра Индии на Фиджи за 33 года. За ним последовала конференция с участием 14 стран Океании, проходившая в Индии в августе 2015 года. В перспективе эти связи окажутся полезными для Индии при обеспечении важной поддержки в вопросах общемирового значения, в частности касающихся реформ и расширения Совета Безопасности ООН, рассмотрения предложения Индии по заключению Всесторонней конвенции по борьбе с международным терроризмом и т. д.

Кроме того, Н. Моди установил связи с Монголией, став первым премьер-министром Индии, который посетил эту дружественную страну. С этой нацией Индию объединяют культурные, духовные и исторические связи. Подписание Монголией соглашения по мирному атому (в связи с наличием в Монголии обширных запасов урана) придает этому партнерству дополнительный вес.

После визита в Китай и Монголию Н. Моди отправился в Южную Корею, чтобы укрепить двустороннее коммерческое и экономическое партнерство с этой страной, экономика которой стремительно развивается. Начались переговоры об обновлении двустороннего соглашения о свободной торговле товарами до сбалансированного и равноправного Соглашения о всестороннем экономическом партнерстве.

Индия–США: партнерство в регионе

Во время визита президента США Б. Обамы в Индию в качестве почетного гостя на праздновании Дня республики в январе 2015 года премьер-министр Моди в своем выступлении на бизнес-саммите «США–Индия» заметил: «Индия и США слишком долго смотрели друг на друга через Европу и Атлантику. Когда я смотрю на Восток, я вижу западные берега Соединенных Штатов». Совместное заявление «Объединение усилий — прогресс для всех», сделанное во время визита президента США, гласило: «Отметив, что политика Индии “Act East” и программа США “Восстановление равновесия в Азии” дают возможность Индии, США и другим странам Тихоокеанского региона работать в тесной связи для усиления региональных связей, лидеры объявили о создании Совместного стратегического проекта в целях координации деятельности в регионе».

Заключение

Политика Индии “Act East” направлена на укрепление сотрудничества со странами — членами АСЕАН. Партнерство способствует экономическому возрождению страны благодаря реализации Соглашения о свободной торговле услугами и инвестициями между Индией и АСЕАН и расширяет стратегическое сотрудничество в борьбе с терроризмом, обеспечении свободы судоходства, морской безопасности, а также сотрудничество в области обороны. Кроме того, используются средства «мягкой силы», например буддизм, туризм, контакты между отдельными людьми из разных стран и культурные связи с регионом.

Политика “Act East” должна ориентироваться на улучшение транспортного сообщения между Индией и странами АСЕАН, в частности между Северо-Восточной Индией и Мьянмой, с помощью трехсторонней магистрали и мультимодального транспортного проекта «Каладан», со странами BIMSTEC (The Bay of Bengal Initiative for Multi-Sectoral Technical and Economic Cooperation) для обеспечения мира и процветания Северо-Восточного региона.

Помимо стран АСЕАН, Индия должна работать над укреплением связей с Восточной Азией, в частности с Японией, а также с Республикой Корея и Австралией, как в стратегической, так и в экономической сфере. Обмен технологиями, сотрудничество в области мирного атома, вопросы обороны и инновации — важные области, в которых необходимо сотрудничать.

Что касается Китая, то необходимо расширить сотрудничество с этой страной при постоянном взаимодействии сторон, особенно в области экономики. Поскольку Индия является вторым по величине акционером Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и равноправным партнером Нового банка развития БРИКС, необходимо удостовериться в том, что в ближайшие десятилетия конфликты будут сведены к минимуму, а экономическая интеграция будет эффективно использоваться в интересах обеих стран.

Винсент делла Сала

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЕГО МНОГОЧИСЛЕННЫЕ КРИЗИСЫ

В 2005 году Марк Леонард, основатель и директор самого влиятельного мозгового центра — Европейского совета по международным отношениям, написал книгу, которая разошлась в Европе большим тиражом. Само ее название — «Почему в XXI веке править миром будет Европа» — звучало как музыка для ушей политических элит Брюсселя и европейских столиц, разделявших пылкую веру Леонарда в то, что за Европейским Союзом будущее. Спустя всего 10 лет уже мало кто будет всерьез утверждать, что будущее за Европейским Союзом, не говоря уже о том, что он станет господствующей силой нового мирового порядка. Будучи далекой от доминирования в этом столетии, Европа — и особенно ЕС — рискует стать источником нестабильности в международной системе из-за своего хрупкого валютного союза, неспособности решить вопрос миграции и подъема популистских движений.

Что стало с европейской мечтой о создании «постоянно крепнущего союза» суверенных государств, которые испокон веков были заклятыми врагами? Было ли это всего лишь фантазией о том, что страны могут забыть свою историю и построить новый мировой порядок на основе эрозии суверенитета? Мне хотелось бы донести мысль о том, что Европа — или, точнее, Европейский Союз — находится сегодня на перепутье, и существует очень немного вариантов, которые гарантировали бы стабильность и процветание. Она оказалась в таком положении не потому, что исходная идея о стремлении к более тесному сотрудничеству между европейскими государствами была утопической, а потому, что многие уверовали, будто новый мировой порядок может быть построен без учета власти, государственных интересов или национальной идентичности.

Почему многим показалось, что будущее на самом деле принадлежит Европе и европейскому интеграционному проекту? В чем они могли быть правы? Я попытаюсь показать, что европейские элиты в период холодной войны были движимы почти идеологическим энтузиазмом по поводу того, что Европейский Союз якобы формирует новый мировой порядок. Эта вера в то, что многие назвали бы европеизмом, ослепляла их, не давала увидеть реальных проблем и понять, каким образом меняется мировая система. Кроме того, я рассмотрю некоторые вызовы, с которыми сталкивается ЕС, и проблемы, угрожающие подорвать процесс европейской интеграции и создать нестабильность в Европе и за ее пределами.

Европейская мечта?

Идеи и идеалы европеизма выражаются разными способами — от указания на историческую общность, уходящую корнями в Античность, во времена Древней Греции и Римской империи, до взывания к европейским «ценностям». Однако центральное место в этой вере в Европу отводится мифу, будто Европейский Союз отходит от принципа, согласно которому международная система основывается на наци-

ональных интересах, суверенитете и, что самое важное, власти, понимаемой в первую очередь как военная сила и принуждение. Леонард говорит о «слабости власти» и о том, что она «устарела»; бывший председатель Европейской комиссии Жозе М. Баррозу сказал, что те международные игроки, кто по-прежнему верит во власть и суверенитет, «попались в капкан истории». ЕС рассматривается одновременно как альтернатива и авангард будущего мирового порядка, при котором действия будут определяться не столько национальной историей, идентичностью и властью, сколько общей заинтересованностью в решении общих проблем.

Важной составляющей этого видения будущего, принадлежащего Европейскому Союзу, является понятие «трансформирующей силы» Европы. Имеется в виду убежденность в том, что «мощь» ЕС основана на способности изменять общества и тем самым создавать новую мировую систему. Леонард говорит о том, как «однажды попал в сферу его [Европейского Союза] влияния, страны меняются навсегда» (Введение). Эта трансформирующая сила выражается в официальных позициях, которые стремятся представить ЕС как модель для других обществ в иных частях мира. Написаны толстые тома академических исследований, в которых предпринимается попытка проанализировать способы, с помощью которых ЕС трансформирует общества и мировую систему. Важно отметить, что большая часть этих исследований финансируется самим Европейским Союзом посредством различных программ.

Что не так с этими предсказаниями будущего? Во-первых, это не эмпирическое заявление. Да, 28 стран — членов Европейского Союза пережили трансформацию в послевоенный период, но это может быть в значительной степени обусловлено членством в ЕС. Экономического процветания достигали и достигают многие страны, и не всегда это происходит благодаря либеральным принципам, на которых строится европейская интеграция. Существуют альтернативные модели управления экономикой, которые все более привлекательны и, вероятно, не обременены грузом нормативного регулирования, являющегося частью европейского проекта.

Во-вторых, притязание на то, что будущее принадлежит Европе, можно выдвинуть, только если (ошибочно) забыть прошлое. Страны — члены ЕС все еще связаны со своим прошлым как во внутренней, так и во внешней политике. Ожидание того, что эти связующие узы просто исчезнут лишь за счет тесного экономического сотрудничества, — предположение либерализма, не укорененное в истории и не подтвержденное эмпирическими свидетельствами. Об этом свидетельствуют трудности, с которыми столкнулась Европа при поиске путей выхода из своих многочисленных кризисов.

В-третьих, в этих оценках удивляет почти полное отсутствие соображений насчет того, что трансформирующая сила Европы может быть навязанной и движимой материальными интересами. В духе миссио-

нерства XIX века делается предположение, будто общества для своего блага нуждаются в трансформации и принятии европейских ценностей и институтов.

Предсказания Леонарда и надежды европейских элит на ведущую роль ЕС в формировании мировой системы не сбылись. Будет большим упрощением сказать, что европейская мечта разрушена кризисом, который зародился за пределами Европы. Однако, как мы увидим далее, кризисы лишь высветили проблемы Европы, а не вызвали их.

Бесконечный кризис евро

В июле 2015 года греческое правительство Алексиса Ципраса приняло план спасения, который в основном содержал те же условия, что были отвергнуты на референдуме несколькими неделями ранее. Европа вздохнула с облегчением, так как создалось впечатление, что наконец гарантировано выживание единой европейской валюты. В большинстве частей еврозоны возобновился рост, снижение цен на сырьевые товары способствовало сокращению издержек, а решение Европейского центрального банка о количественном смягчении помогло стабилизировать рынки. Что еще более важно, основные правила и новые структуры, которые появились в период кризиса, укрепляли транснациональное управление экономикой и способствовали переходу к созданию банковского союза. Возникло ощущение, будто произошедшие в течение года события подтвердили то, что многие считали основной чертой истории ЕС: что любой кризис ведет к принятию мер, направленных на усиление интеграции.

Однако те, кто предсказывает стабильный рост в ЕС и еврозоне в кратко- и среднесрочной перспективе, остаются в меньшинстве. Безработица держится на неприемлемо высоком уровне, а безработица среди молодежи в таких странах, как Испания, Греция и даже Италия, достигла угрожающего уровня (свыше 40 %). Это перестало быть просто проблемой экономических циклов, а переросло в структурную и поколенческую проблему. Появилось поколение работников, особенно молодых, которые не имеют стабильной работы более пяти лет, и невелики шансы на то, что их положение улучшится в ближайшее время. Это социальный кризис, и правительства, стремящиеся выполнить жесткие требования бюджетно-налогового пакта в части государственного финансирования (правила, регулирующие систему государственного финансирования в странах зоны евро), даже не приступали к его разрешению. Хотя, как казалось, греческий кризис был преодолен в 2015 году, правительство еще должно внести некоторые изменения, в частности урезать пенсии на сумму, равную 1 % ВВП. После шести лет, в течение которых жесткая экономия не привела к значимому экономическому росту, она по-прежнему остается рецептом, который, как предполагается, должен вернуть процветание на периферию еврозоны.

Более того, правительства и политические элиты не считают с тем, что единая валюта основана на экономической модели, которая не получила и, вероятно, никогда не получит широкого консенсуса по всему Евросоюзу. Очевидно, ЕС нуждается в своего рода финансово-бюджетном союзе, чтобы согласовать общий

инструментарий борьбы с асимметричными шоками в ходе следующего кризиса. Франция и Италия призвали к использованию некой формы финансово-бюджетных трансфертов и «коллективизации» государственного долга. Однако эти же государства не согласятся с тем, чтобы такой финансово-бюджетный союз управлялся централизованным органом и регулировался экономическими правилами, предусматривающими более строгую финансово-бюджетную дисциплину и ограниченное вмешательство со стороны государства, — правилами, которые рассматриваются как минимальные условия такими странами, как Германия, Нидерланды и Финляндия. Не вполне ясно, как при отсутствии подобного консенсуса будет развиваться экономический проект, предусматривающий, что некоторые страны будут «приговорены» к более длительной внутренней девальвации из-за понижения заработной платы, урезания государственных расходов и роста безработицы.

Границы и безопасность

Исследования общественного мнения неизменно показывают, что одно из самых ценных достижений и ощутимых преимуществ европейской интеграции — свободное трансграничное передвижение. Возможность беспрепятственно ездить по делам или с целью отдыха стала фактом жизни для европейцев. Это важнейший элемент реализации концепции единого рынка — обеспечение свободы передвижения товаров, услуг, капитала, людей. Несмотря на широкий консенсус по вопросу о том, что стирание внутриевропейских границ стало значительным достижением, в 2016 году оно грозит обернуться крахом.

Человеческая трагедия мигрантов, спасающихся от войны и нищеты в поисках убежища в Европе, стала самым большим вызовом, с которым столкнулся Европейский Союз. Дело не в том, что большое количество беженцев и мигрантов представляет угрозу: миллион прибывших в ЕС, где живет 550 млн человек, не нарушит социального равновесия. Культурные различия тоже вряд ли будут проблемой. Культурное разнообразие является проблемой лишь тогда, когда общества не имеют в своем распоряжении средств и структур для интеграции различий. Реальный вызов, спровоцированный мигрантами, заключается в том, что в очередной раз высветилась проблема несовершенства интеграционного проекта и все еще не достигнутого согласия относительно путей дальнейшего развития.

Стирание внутренних границ означает либо слепую веру в то, что суверенные государства, сохраняющие контроль над своими территориями, будут управлять внешними границами в соответствии с общими критериями, либо управление внешними границами и контроль над ними на уровне ЕС, как это и происходит сейчас. Таким образом, суверенные национальные государства, уже делегировавшие полномочия по проведению денежно-кредитной политики, откажутся от контроля над своими территориями. Они больше не будут решать, кто и на каком основании может въезжать к ним. Установление общих границ означает четкий сигнал о том, кого представляет и чем является Европа. Именно в этом коренится проблема миграционного кризиса. Европа будет способна решить проблему

мигрантов как единое сообщество, когда она осознает, что является единым сообществом с единым видением, общими идеями и идентичностью, а не просто смутной аллюзией на сообщество с общими ценностями.

Вероятно, Евросоюз попытается найти привычное для себя поэтапное решение миграционного кризиса. Руководство ЕС оказывает и будет продолжать оказывать давление на Грецию, чтобы получить контроль над ее внешними границами, а потом станет критиковать Грецию (и Италию), когда будут происходить трагические инциденты в море. Будет вестись поиск решений по оттеснению мигрантов в Северную Европу, что приведет к скоплению большого количества перемещенных лиц (в основном молодых мужчин и множества беспризорных детей) по всей территории Балкан и частично в Средиземноморье. Это будет рассматриваться в качестве решения ЕС, однако станет бомбой замедленного действия, которая будет ждать своего часа, чтобы вызвать ряд социальных и политических конфликтов.

Вопрос с мигрантами также заставил обратить внимание на проблему выработки единого подхода к обеспечению внутренней безопасности ЕС. На фоне террористических актов в Париже и других местах приток мигрантов вызвал тревогу по поводу потери контроля над границами. Политические партии начали разыгрывать эту карту и подогревать страхи в то время, когда большая часть европейского общества все еще чувствует влияние экономического кризиса. Миграционный кризис показал: «европейские ценности», которые, как считалось, столь сильны и служат основой нового мирового порядка, внутри границ ЕС могут быть более хрупкими, чем были готовы признать сторонники евроинтеграции. Как и в случае с экономическим кризисом, страны продемонстрировали недостаточную солидарность друг с другом (и еще меньшую солидарность по отношению к мигрантам), потому что у них по-прежнему есть национальные интересы, находящие отклик в национальных сообществах.

Возвращение геополитики в Европу

Утверждение, что XXI век будет принадлежать Европейскому Союзу, основывалось на предпосылке, что стратегический и геополитический расчет на использование силы более не является составляющей динамики отношений между государствами Европы и не только. Однако ряд событий — от «арабской весны» и конфликта в Сирии до вопросов энергетической безопасности — наглядно показал: национальные интересы и политика силы все еще в значительной степени являются частью мирового порядка. Для сторонников Европейского Союза, таких как Марк Леонард, это представляет собой дилемму, так как означает, что ЕС должен стать стратегическим игроком, готовым определять цели и выработать средства — вплоть до военных — для их достижения. Мы должны задаться вопросом, возможно ли это.

Есть три причины, по которым этого не может быть. Во-первых, основной структурой в европейской архитектуре безопасности остается НАТО, и такое положение дел вряд ли скоро изменится, не в последнюю очередь потому, что по-прежнему довольно велико влияние Соединенных Штатов на систему европей-

ской безопасности. Между 28 странами — членами ЕС мало согласия относительно какого-либо плана замены НАТО иной формой. Особенно это относится к некоторым странам Восточной и Центральной Европы. Во-вторых, существуют сильные экономические мотивы для того, чтобы не отказываться от НАТО в пользу более независимой политики безопасности в ЕС. Большинство членов ЕС просто не готовы (а многие и не в состоянии) увеличить оборонные расходы, что потребует для проведения более независимой политики в этой сфере. Послевоенное процветание и благоденствие в Европе стали возможны отчасти потому, что военные нужды не составляли значительную долю расходной части бюджета, так как НАТО и США обеспечили «зонтичную» систему безопасности. В период, когда правительства сокращают все формы государственных расходов, маловероятно, чтобы у них был политический капитал для их увеличения в сфере безопасности во имя проведения стратегической внешней политики на европейском уровне. В-третьих, обладание стратегической мощью означает консенсус относительно долгосрочных целей и политическую волю для принятия мер по их достижению в кратко- и среднесрочной перспективе. Однако отсутствуют доказательства такого консенсуса или наличия у правительств политического капитала и готовности его использовать для достижения общеевропейских целей.

Референдум в Британии

Правительство консерваторов, возглавляемое Дэвидом Кэмероном, пообещало в 2016 или 2017 году провести в Соединенном Королевстве референдум, на котором британцам предстоит решить, останется ли их страна в составе Европейского Союза. Когда все внимание приковано к Греции, мигрантам и геополитическому кризису, обсуждение возможности выхода Британии из ЕС, кажется, переместилось на последние страницы газет. Однако выход Британии из ЕС в корне изменил бы ход истории, означая конец идеи необратимости европейской интеграции, постоянно углубляющейся в сфере политики и расширяющейся с присоединением новых участников. Что еще важнее, он бы отразился на динамике многих процессов в ЕС. Германия потеряла бы важного союзника в борьбе за еще большую либерализацию экономик, а некоторые страны Восточной и Центральной Европы, входящие в ЕС, лишились бы партнера, являющегося более ярким сторонником атлантизма. Франко-германский союз более не имел бы противовеса по другую сторону Ла-Манша.

Кампания за проведение референдума и попытки британского правительства пересмотреть условия членства пришлись на времена, когда ЕС столкнулся с экзистенциальными кризисами сразу на многих фронтах. Как выразился один часто цитируемый немецкий дипломат, «дом в огне, а Британия хочет обсудить, как переставить мебель». В то время как ЕС нуждается в единстве и сплоченности, он рискует погрузиться в сложные переговоры с Британией, чтобы прийти к пакету соглашений, которые убедили бы участников референдума проголосовать за сохранение страны в составе ЕС. В случае если большинство голов будет отдано за выход, то грянут еще более слож-

ные переговоры о согласовании условий «развода». Если бы Британия захотела выйти из ЕС, она бы создала нестабильность не только на континенте, но и внутри Соединенного Королевства. В Шотландии, которая в 2014 году проголосовала за сохранение в составе Великобритании с небольшим перевесом голосов, сегодня сильны проевропейские настроения, и весьма вероятен еще один референдум.

Европейский Союз на перепутье

Ни Европейский Союз, ни Европа не будут править миром в XXI веке. Кульминация разнообразных кризисов способствовала возврату некоторых неприглядных сторон политики прошлого столетия. Дело не только в том, что европейские страны все меньше доверяют друг другу, но и в том, что в их внутренней политике наблюдаются все более нетолерантные формы популизма. Призывы к «европейским ценностям» пусты, когда члены ЕС воздвигают заборы и рассматривают любых чужаков как потенциальную угрозу.

Европейские кризисы реальны, но найти практические решения мешает то, что на европейском уровне плохо осознается: Евросоюза, который, как ожидалось,

будет править миром в XXI веке, не существует, как нет и международной системы, которая позволила бы ему существовать и решать конкретные проблемы. Власть по-прежнему имеет значение, и политические сообщества формируются потому, что они хотят использовать власть для достижения своих целей, главным образом чтобы гарантировать собственную безопасность и благоденствие. Именно национальные государства обеспечивают сообществам онтологическую безопасность, дающую им ощущение значимости и принадлежности. У ЕС есть будущее, если политические элиты смогут осознать масштабы возможного и понять, что взаимозависимость национальных государств является всего лишь способом для их народов почувствовать себя в безопасности в этом все более угрожающем мире.

У него нет будущего, если он рассматривает себя в качестве правоустанавливающей и трансформирующей силы, желающей менять другие общества и мировую систему. События последнего десятилетия дают мало свидетельств того, что ЕС будет способен отреагировать на описанные здесь вызовы. Это сделает Европу и мировую систему намного более нестабильными и уязвимыми.

Жак Сапир¹

МИРОВЫЕ ФИНАНСЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Рост глобальных финансов угрожает национальным интересам. Приток крупного капитала одновременно является и удачей, и фактором экономической дестабилизации в краткосрочной или долгосрочной перспективе. Фактически данный поток оказывает крайне незначительное влияние на прямые инвестиции. Только 5 % всего потока связаны с реальными инвестициями и финансовой глобализацией 1980-х. 1990-е же годы не оказали влияния на процесс инвестирования². Однако международные финансы могут занять первое место в повестке любого государства. Текущее состояние дел в России — яркий пример такой ситуации.

Россия столкнулась с западными санкциями в 2014 году на фоне кризиса на Украине. Финансовые санкции в значительной степени нанесли ущерб российской экономике прямо или косвенно (страх многих запад-

ных банков, что они попадут под санкции правительства США, если будут работать с российскими предприятиями и банками). Влияние данных финансовых санкций следует рассматривать в рамках российской модели развития, которая в 2002–2012 годах в основном базировалась на внешних финансах (и займах от иностранных лиц) для финансирования своего роста. Было выявлено, что данная модель уязвима для решений правительства США — тем самым создаются проблемы для реализации российских национальных интересов. Но в более широком смысле предстоит подвергнуть сомнению зависимость российских предприятий от глобализованных финансов, обеспечивающих финансирование их развития³.

Модель развития после 1998 года и ее противоречия

Рост российской экономики, впечатляющий с 1998 года, был связан с различными факторами. Сразу после кризиса 1998-го оживление ВВП было в основном связано с прямыми и косвенными последствиями быстрой девальвации рубля. Импортные товары за одну ночь стали слишком дорогими, что предоставило возможности местным производителям. Девальвация рубля умножила их прибыль и заставила значительно увеличить мощности производства, чтобы соответствовать спросу

¹ Профессор экономики Высшей школы социальных наук (EHESS, Париж), директор Центра исследований индустриализации СЕМИ-EHESS, визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Сталинизм и нацизм — сравнение двух диктатур» (в соавт.), «Экономические изменения в СССР в 1941–1985 гг.», «Работа и рабочие в СССР», «К экономической теории неоднородных систем — опыт исследования децентрализованной экономики», «Российская трансформация — 20 лет спустя» (в соавт.), «Суверенитет, демократия, светское государство». Консультант Министерства иностранных дел и Министерства обороны Франции. Член редакционных коллегий ряда научных журналов Франции.

² Rodrik D., Subramanian A. Why Did Financial Globalization Disappoint? // IMF Staff Papers. 2009. Vol. 56, № 1. P. 112–138.

³ Durand C. Pourquoi les firmes métallurgiques russes s'internationalisent-elles? Une perspective institutionnelle et systémique // Revue d'études comparatives est-ouest. 2007. Vol. 38, № 1. Mar. P. 151–194.

су. Таким образом, были активизированы запасы, а затем, с 2001 года, и инвестиции. Значительное увеличение производства позволило удерживать затраты на достаточно низком уровне. Крах большей части спекулятивных рынков (то есть рынков для государственных краткосрочных облигаций) подразумевал, что в данном сегменте они использовались не для экономии, а для инвестиций.

К 2002 году, когда цены на товары начали расти, стал формироваться новый механизм. Крупный приток капитала от экспорта сначала был выгоден населению, но также он привел к постепенному росту курса валют (приблизительно после 2006 г.). Увеличение доходов, связанное с прямым (восстановление экономики)

и косвенным (реальная девальвация курса) механизмами, обеспечивало внутренний спрос. Значительное количество предприятий были представлены в России не только импортируемой продукцией, но и посредством собственных производственных мощностей, что повышало эффективность экономики России. Эта ситуация стала более очевидной в связи с ростом цен на углеводороды. Экономический рост был тесно связан с потреблением. В России наблюдалось большое отставание в сфере потребления с 1980-х годов, когда зародилось потребительство. Постепенно становится заметно, как глобальные финансы оказывают влияние на Россию. Открытие рынка иностранной валюты сделало рубль уязвимым к притоку или оттоку капита-

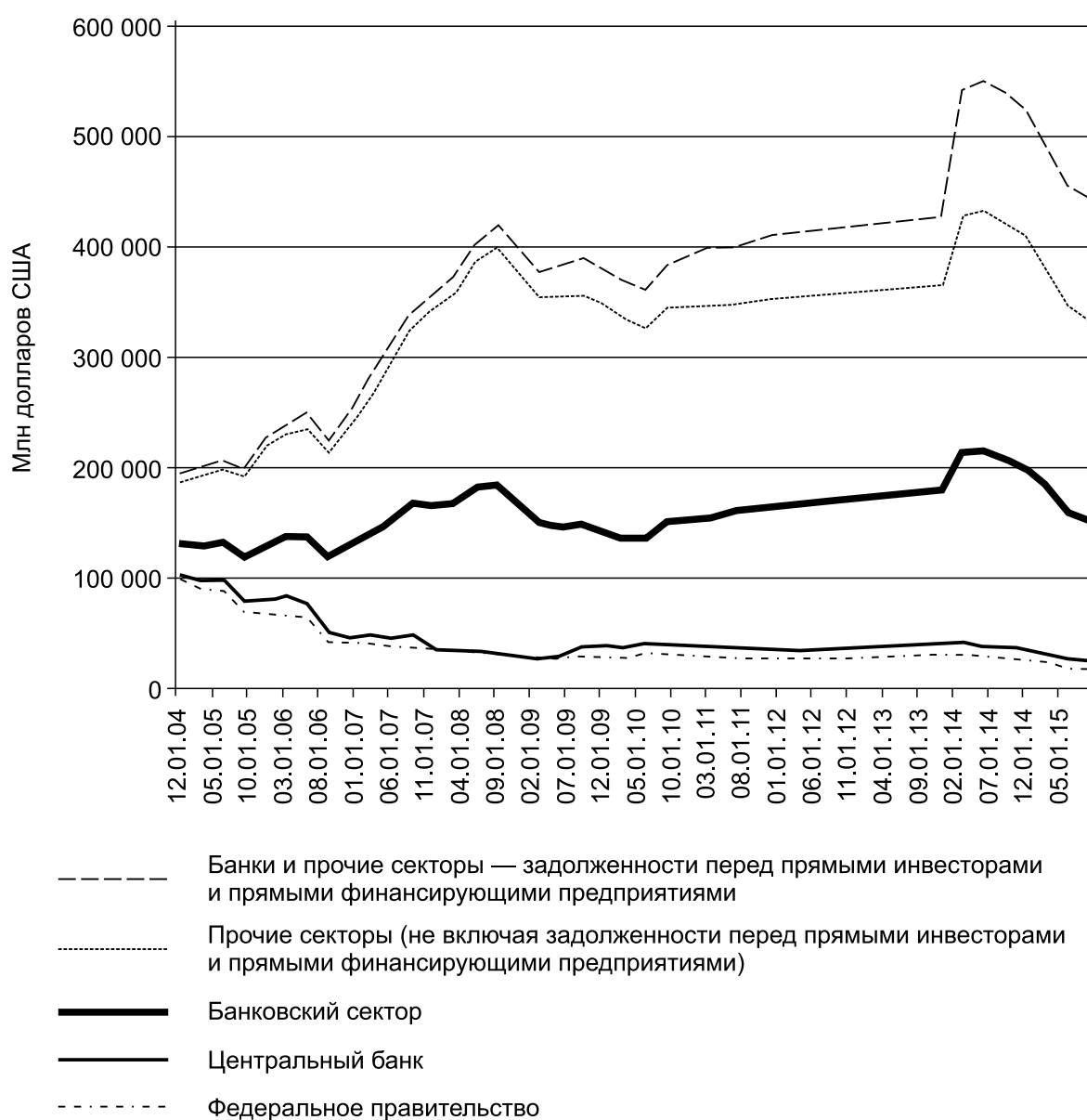

Рис. 1. Российский долг перед нерезидентами в иностранной валюте

Источник: Центральный банк РФ.

ла по причине спекулятивных ожиданий¹. Это движение рассматривалось как необходимость для привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику, но в то же время оно сделало Центробанк «горячей точкой». Центробанк России поставил задачу стабилизации рубля: как в связи с укреплением национальной валюты (когда цены на нефть выросли), так и с сильной девальвацией (когда цены на нефть упали).

В ретроспективе в эти годы была создана особая модель развития, в рамках которой Россия не только занималась экспортом сырья, но и стала зависимой от западной банковской системы, финансирующей ее развитие (это одна из серьезных проблем для российской суверенитета). Экспорт капитала на фоне существенного торгового избытка использовался как своего рода гарантия для западных займов. Данная тенденция имеет сложные причины. Безусловно, тот факт, что на международных финансовых рынках процентные ставки были ниже по сравнению с Россией, влияющий на укрепление реального обменного курса, в этой ситуации сыграл важную роль.

Политика Центрального банка РФ (с предпочтением высоких процентных ставок и устаревшей стратегией, корни которой уходят в монетаристскую парадигму²) стала сильнейшим стимулом для предприятий и банков обращаться за финансированием к западным банкам и финансовым рынкам. Кроме того, состояние российской банковской сферы также способствовало желанию российских предприятий занимать деньги за рубежом, чтобы финансировать промышленное развитие. Но и это было не единственным фактором. Непростые отношения между российскими промышленниками, акционерами и нынешним российским правительством, неопределенность российской институциональной системы, коррупция — все это сыграло свою роль при использовании иностранных финансовых механизмов. Этим можно объяснить, почему российские банки и крупные предприятия стали настолько зависимы от иностранной валюты, даже несмотря на то что имелись внутренние финансовые возможности, которые можно было использовать для финансирования экономического развития. Но в таком случае возникала явная зависимость российской экономики от внешних финансовых факторов³, которые могли бы возникнуть в случае крупного мирового экономического кризиса или политических оснований. По сути, финансовая глобализация по всему миру создала цепочку, состоящую из слабых звеньев⁴, отдельные звенья могли быть разрушены даже при незначительном происшествии.

¹ Kaminsky G. L., Reinhart C. M., Végh C. A. When it Rains, It Pours: Procyclical Capital Flows and Macroeconomic Policies // Paper prepared for the NBER 19th Conference on Macroeconomics. Washington, 2004. 13 Aug.

² Galbraith J. K. The collapse of monetarism and the irrelevance of the new monetary consensus // Levy Economics Institute of Bard College. 2008. URL: <http://www.levy.org>

³ Sapir J. Global Finance in Crisis // Real-World Economic Review. 2008. № 46. May.

⁴ The Asymmetric Effect of Diffusion Processes: Risk Sharing and Contagion / M. Gallegati [et al.] // Global Economy Journal. 2008. Vol. 8, № 3. URL: <http://www.bepress.com/gej/vol8/iss3/2>

Как изменить модель развития?

Данная модель развития была фактически подорвана мировым финансовым кризисом 2008–2010 годов. Но на самом деле она потерпела крах после введения США и Евросоюзом так называемого санкционного режима. Следует понимать, что материальные санкции в основном были неэффективны⁵. Но если говорить о финансовых санкциях, вырисовывается иная картина.

Кризисная ситуация совпала со значительным спадом цен на нефть, что ослабило рубль. Как известно, если доля углеводородов в ВВП достаточно низка, их значимость для внутренних финансов высока. По сути, углеводороды (нефть и газ) не играют важной роли в глобальном производстве, где их совокупная доля составляет от 10 до 12 % ВВП. Но они важны для бюджета, так как составляют около 37 % от всей прибыли (табл. 1). Такой дисбаланс между долей производства и финансовой долей углеводородов — яркая иллюстрация так называемой сырьевой проблемы, а также долгосрочных последствий самой стратегии, обусловленных слишком высокой зависимостью от международных финансов. В определенной степени (эта тенденция усилилась при полном открытии рынка иностранной валюты в 2006 г.) Россия полагалась на цены на энергоносители, чтобы поддерживать свой финансовый сектор и содействовать иностранным займам. Влияние цены на нефть на российскую экономику было очевидным (но точный характер этих связей зачастую не устанавливается).

Одно из возможных решений в сложившейся ситуации — фискальное. Оно может привести к созданию простых отношений между ценами на нефть (и газ) и валютным курсом. Так как налоги выплачиваются в рублях, чтобы покрыть расходы в рублях, очевидное решение — девальвация рубля при падении цен или укрепление при их росте. Но такая точка зрения на зависимость между углеводородами и экономикой является крайне упрощенной.

Во-первых, так как часть российских товаров импортируется, девальвация (или укрепление рубля) имеет непосредственное влияние на потребление. Семьи с более высокими доходами потребляют пропорционально больше импортных товаров, чем семьи с низкими доходами. Поэтому укрепление или девальвация валюты сильнее ощущается группой с более высокими доходами. Но эти же группы потребляют больше остальных. Поэтому девальвация рубля после падения цен на нефть приведет к падению уровня глобального потребления и затронет отрасли, не связанные с углеводородами. Такое воздействие на глобальное потребление обычно сопровождается всплеском инфляции. При девальвации рубля растут не только цены на импортные товары, но и дорожают местные товары, так как производители пользуются возможностью увеличить свою прибыль. Поэтому, даже если цены на местные товары растут медленнее, чем на импортные, они

⁵ Asford E. Not-so-Smart sanctions // Foreign Affairs. 2016. Jan.-Febr. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2015-12-14/not-so-smart-sanctions>

Таблица 1

Доля бюджета от экспорта нефти и газа (%)

	Для консолидированного бюджета				
	2010	2011	2012	2013	2014
Нефть и нефтепродукты	28,5	31,9	32,7	32,2	33,2
Газ	2,3	3,2	3,7	4,3	4,1
Прочее	69,2	64,9	63,6	63,5	62,7

Источник: FCS, Федеральное казначейство России.

также увеличиваются, что будет способствовать уменьшению внутреннего потребления.

Цены на нефть используются в финансовом секторе в качестве ориентира для определения платежеспособности и ликвидности российских предприятий. Вторая косвенная связь между ценами на нефть и экономикой носит финансовый характер. Когда цены падают, рубль девальвируется. Когда рубль девальвируется, экономические агенты, имеющие кредиты в иностранной валюте, сталкиваются со сложностями в погашении кредита и процентов по нему. В итоге значительное падение цен на нефть усложняет жизнь агентам с задолженностью. Но это не единственная проблема.

Из-за финансовых санкций российские предприятия и банки остались без традиционных источников финансирования. Они не могут погасить имеющуюся задолженность. Соответственно растет сумма выплат по долгам. Поток иностранной валюты по этим выплатам также оказывает отрицательное влияние на валютный рынок.

Финансовые санкции, отсоединяющие российские банки и крупные предприятия от западных финансовых рынков или по меньшей мере существенно ограничивающие их способность занимать средства, обусловили возникновение серьезных препятствий. Российская задолженность перед нерезидентами быстро снизилась, а сумма выплат увеличилась (табл. 2).

Таблица 2

График выплат по внешней задолженности Российской Федерации (млн долларов США)

	III кв. 2015 г.	IV кв. 2015 г.	I кв. 2016 г.	II кв. 2016 г.	III кв. 2016 г.	IV кв. 2016 г.	I кв. 2017 г.	II кв. 2017 г.	Итого
Федеральное правительство	686	200	397	212	495	596	201	1686	4473
Центральный банк	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Банки	8766	7400	4951	7241	2963	4116	5960	7102	48 499
Прочие секторы	27 299	25 012	10 992	17 876	8 939	17 806	11 434	12 182	131 540
Итого	36 752	32 610	16 340	25 328	12 397	22 518	17 595	20 970	184 512

Источник: Центральный банк РФ.

Важно, что основная нагрузка этих выплат должна быть распределена между предприятиями до II квартала 2017 года. Выплаты предприятий составляют 71 % от всех выплат. Это показывает, насколько российские предприятия (в основном крупные) использовали внешнее финансирование для своего развития.

Формирование экономических отношений под воздействием глобализированных финансов

Рубль существенно пострадал с конца лета 2014 года. Но не это стало основной причиной кризиса, который Россия сейчас испытывает. Таковой стала реакция Центрального банка РФ. Политика Центробанка была направлена на самоуничтожение. Основная причина кризиса была обусловлена не западными санкциями или падением цен на нефть, а действиями Центрального банка. Рассмотрим реакцию Центробанка на рост инфляции, обусловленный падением рубля. Центробанк России стремится реализовывать политику, «направленную на инфляцию»¹. Правильно это или

¹ Bernanke B. S., Mishkin F. S. Inflation Targeting: A New framework for Monetary Policy // Journal of Economic Perspectives. 1997.

нет², сложно сказать, но мы не считаем верной политику, направленную на увеличение инфляции³. Центробанк России увеличивает процентные ставки каждый раз, когда наблюдается рост инфляции (рис. 2). Более того, если девальвация рубля будет происходить стремительными темпами, то Центробанк будет увеличивать свои ставки настолько, чтобы пресечь спекуляцию (это можно было наблюдать в декабре 2014 г., когда Центробанк повысил свои ставки до 17 %). На наш взгляд, это была грубая ошибка. Высокие процентные ставки еще никогда не предотвращали спекуляцию валютой⁴. Это оказалось справедливым и для рубля.

Vol. 11, № 1. P. 97–116. См. также: Inflation Targeting: Lessons from International experience / B. S. Bernanke [et al.]. Princeton : Princeton University Press, 1999.

² Глазьев С. О таргетировании инфляции // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 1–12.

³ Arestis P., Sawyer M. A Critical Reconsideration of the Foundation of Monetary Policy in the New Consensus Macroeconomics Framework // Cambridge Journal of Economics. 2008. Vol. 32, № 5. P. 761–779.

⁴ Kim S., Kim S.-H. Financial Panic and Exchange Rate Overshooting During Currency Crises // International Economic Journal. 2007. March. Vol. 21, № 5. P. 71–90.

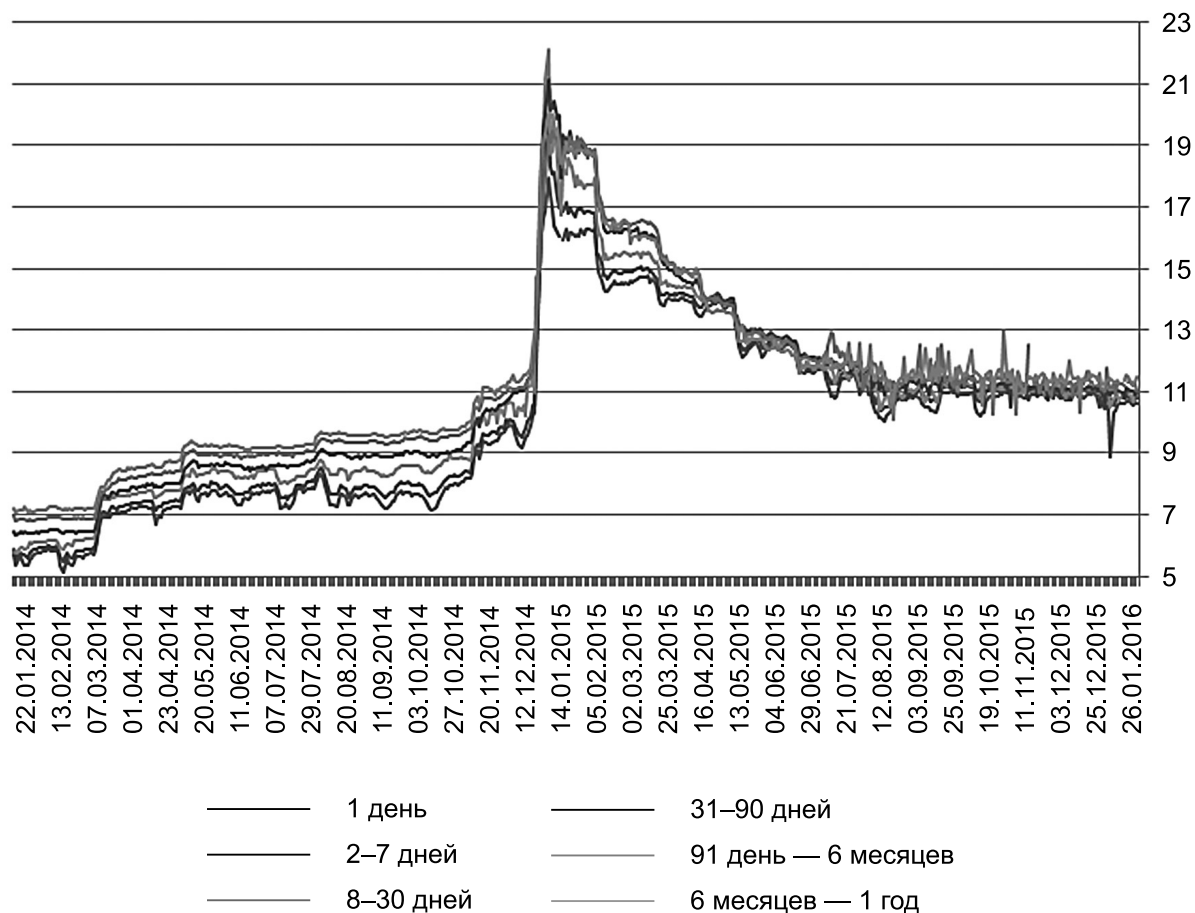

Рис. 2. Средняя ставка по межбанковским операциям для кредитов в рублях

Источник: Центральный банк РФ.

Резкое увеличение процентных ставок крайне отрицательно сказалось на экономике. Подводя итоги, следует отметить, что цены на нефть создают крайне неблагоприятную финансовую среду для населения и предприятий. Население уменьшает (или, если говорить точнее, сдерживает) свою задолженность, связанную с потреблением, а предприятия — инвестиции. Это параллельное снижение инвестиций и потребления отрицательно сказывается на экономической деятельности. И специалистам это хорошо известно.

Как можно оценить связь между ценами на нефть (обычно по показателю марки *Brent*) и курсом рубля? Корреляция валютного рынка с ценами на нефть важна во всех прогнозах. Ранее курс снижался со скоростью один рубль за доллар при уменьшении цен на нефть в размере один доллар за баррель, где 85 рублей за доллар соответствовало 30 долларам за баррель. Но нельзя отрицать и тот факт, что слухи могут вызвать панические действия на уже неликвидном рынке. Кроме того, финансовые санкции дестабилизировали курс рубля, что можно было наблюдать в декабре 2014 года и в течение I квартала 2015 года. При этом были проведены исследования, которые показали, что линейного отношения не существует и надеж-

ность отношений снижалась начиная с 2012–2013 годов. В определенной степени в эти годы валютный курс был больше связан с ценами на нефть, если сравнивать с 2014–2015 годами.

Какова альтернатива?

Очевидно, введение мер контроля за капиталом могло бы стать более эффективным. Даже Международный валютный фонд сегодня рекомендует вводить меры контроля за капиталом в конкретных ситуациях¹, так как колебания курса могут оказать сильное влияние на экономику². Некоторые российские авторы придерживаются этого мнения³, но дискуссии на данную тему продолжаются⁴.

Введение такой системы позволило бы России развивать промышленный сектор, чтобы обеспечивать

¹ Capital Inflows: The Role of Controls / J. Ostry [et al.] // IMF Staff Position Note. Washington, 2010.

² Hutchison M. N., Noy I. Sudden Stops and the Mexican Wave: Currency Crises, Capital Flow reversals and Output Loss in Emerging markets // Economic Policy Research Unit. Institute of Economics, University of Copenhagen, 2002.

³ Глазьев С. Эксперименты ценою в суверенитет // Эксперт. 2015. № 28 (951).

⁴ Шибанов А. Сергей Глазьев и политика ЦБ РФ // Троицкий вариант — Наука. 2015. № 190. С. 6–7.

и внутренний, и внешний (экспортный) рынок без вмешательства глобализированных финансов. Такой стратегии придерживаются несколько стран Восточной Азии¹, а также Франция (с 1945 по 1975 г.)². Подобная тактика не подразумевает прекращения развития сырьевого сектора. Фактически нефтегазовый сектор можно считать основным потребителем российских товаров, что способствует развитию сектора высоких технологий. Основной вопрос заключается в том, как обеспечить развитие сектора производства товаров без ущерба для сырьевого сектора. Речь идет не только о создании новых производств, но и об изменении всей структуры российской промышленности, так как для развития новых производств необходимо значительное количество новых предприятий. Их развитие в условиях, где все зависит от крупных интегрированных групп, является непростой задачей. Справедливо говорить о том, что российское правительство многие годы отдает приоритет развитию современного производственного сектора. Но когда украинский кризис повлиял на формирование международных отношений,

Россия не отказалась от своей традиционной модели. В некоторой степени кризис в международных отношениях оказывает прямое влияние на необходимость изменения модели. В то же время менять модель в условиях кризиса очень сложно. Пока Россия застряла на переходном этапе, но времени остается все меньше.

При этом все же наблюдается некоторый прогресс. Отчасти сильная девальвация рубля способствовала повышению конкурентоспособности товаров и росту экспорта оружия. Независимо от этого Россия обладает сильным потенциалом в сфере экспорта товаров³. Доля товаров, которые производятся в России, на внутреннем рынке также быстро растет. Но проблема определения новой модели интегрированного развития все еще остается нерешенной, о чем свидетельствуют снижение объемов инвестиций и все еще сохраняющиеся займы на иностранных финансовых рынках. Поэтому потребуется финансовый протекционизм или изоляционизм, если Россия желает сохранить свои национальные интересы на фоне проблем с глобализированным финансированием.

А. В. Смирнов⁴

ОСУЩЕСТВИМ ЛИ СЕГОДНЯ ИСЛАМСКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ?

Это рассуждение построено вокруг четырех вопросов:

- Почему стоит говорить об исламском цивилизационном проекте?
- Хочет ли ислам сегодня предложить свой цивилизационный проект?
- Существовал ли исламский цивилизационный проект исторически и был ли он привлекательным?
- Чего не хватает современным исламистским течениям, чтобы стать цивилизационным проектом?

¹ *Amsden A.* Asia's Next Giant. N. Y. : Oxford University Press, 1989 ; *Wade R.* Governing the Market. Princeton University Press, 1992.

² *Monnet E.* Financing a Planned Economy: Institutions and Credit Allocation in the French Golden Age of Growth (1954–1974) // Behl working paper series. WP. 2013 ; *Idem.* Monetary policy without interest rates. Evidence from France's Golden Age (1948–1973) using a narrative approach // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2014. Oct. Vol. 6, № 4. P. 137–169.

³ *Hansl B.* With the ruble depreciation, 'Made in Russia' could once more become a worldwide trademark // Brookings Institution. 2015. 3 Nov. URL: <http://www.brookings.edu/blogs/future-development/posts/2015/11/03-ruble-depreciation-russia-hansl>

⁴ Директор Института философии РАН, руководитель Высшей школы философии, политологии и востоковедения Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), член-корреспондент РАН, доктор философских наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Логика смысла. Теории и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры», «Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство», «Мистическая философия и поиск истины», «О подходе к сравнительному изучению культур», «Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл», «Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема» (в соавт.), «История арабо-мусульманской философии: антология» (в соавт.) и др. Ответственный редактор книжной серии Института философии РАН «Философская мысль исламского мира». Главный редактор «Философского журнала».

Вопрос первый: почему стоит говорить об исламском цивилизационном проекте?

Ответ: глобализация — эпоха массированного наступления западного цивилизационного проекта, грозящего культурным нивелированием. Как массово исчезают языки, так же массово начинают исчезать и культуры. Это очевидный факт. Достаточно вспомнить о Хайдеггере и его «Черных тетрадах», чтобы подтвердить, что об этом давно говорили философы. Исчезновение культуры — необязательно ее уничтожение, исчезновение может проходить и в форме внешнего сохранения. Важно, что культура маргинализируется: она начинает пониматься исключительно как бытовое своеобразие, но не как стержень мировоззрения, определяющий самопонимание человека и его отношение к другому человеку, обществу и миру. Культура превращается в музей особых форм приготовления пищи, одежды, музицирования (уже используются термины «этнокухня», «этномузыка» и т. п.; интересно, что феномены европейской культуры обычно лишены префикса «этно», видимо, им уготована участь общечеловеческой культуры — это еще один способ маргинализации незападных культур), она перестает быть тем, что формирует человека в его целостности.

В эпоху глобализации устоять может только та культура, которая опирается на собственный цивилизационный проект. Но чтобы она могла именно *устоять*, сопротивляться исчезновению и маргинализации, проект должен быть привлекательным. Разговор об исламе интересен тем, что в этом случае можно ставить вопрос о собственном цивилизационном проекте.

Вопрос второй: хочет ли ислам сегодня предложить свой цивилизационный проект?

Ответ: в этом трудно сомневаться. Через несколько лет Иран будет отмечать 40-ю годовщину Исламской революции, которая ознаменовала (теперь уже можно с большой долей уверенности об этом говорить) новую эпоху в истории современных исламских стран — эпоху попыток практического осуществления исламского цивилизационного проекта.

В суннитском мире выявляются два основных вектора таких попыток. Во-первых, это традиционные исламские режимы Аравийского полуострова, которые сегодня проводят определенные реформы и стремятся показать миру привлекательное лицо исламского цивилизационного проекта. Ни для кого не секрет, что эти страны стремятся распространить свое влияние далеко за пределы Аравийского полуострова, с тем чтобы и на других территориях осуществить на практике свое видение цивилизационного устройства.

Во-вторых, это пресловутое «Исламское государство» (ИГ). Безумные деяния ИГ известны всем, и совершенно очевидно, что они не вписываются в рамки не только цивилизованности, но и варварства. Эти деяния, ратифицированные СМИ, выпадают из всех классификаций, которые придуманы человечеством для систематизации добрых и злых (и даже преступных) деяний.

В этом нет сомнения. Проблема в том, что феномен ИГ невозможно свести лишь к такого рода деяниям. ИГ не только давно потеряло бы массовую поддержку, но и вряд ли возникло бы в том виде, в котором существует, если бы не эксплуатировало самым беспощадным и беспардонным образом то массовое психологическое состояние, которое, с моей точки зрения, характеризует исламские общества начиная со второй половины XX века. Я имею в виду феномен, который в литературе обычно обозначают термином «исламское сознание» (*сахва исламиййа*).

Что такое это исламское сознание? Этот перевод не вполне передает смысл арабского термина, лучше было бы передать его словами «чуткость», «способность обостренно воспринимать» и т. п. Это массовый психологический феномен, своего рода «коллективное бессознательное», характерное для исламских стран. Исламское сознание выражается прежде всего во внешних проявлениях — желании носить исламскую одежду, поддерживать исламский внешний вид, следовать исламским нормам в быту, повседневном общении и т. д. Но исламское сознание предполагает не только копирование внешних форм организации жизни классического исламского общества, оно нацелено на большее — на осуществление всей системы классического исламского жизнеустройства.

Откуда это массовое психологическое стремление? Ответ на этот вопрос ясен и не составляет секрета: вся система исламского вероучения и мировоззрения создает у мусульманина стойкое убеждение, что ислам обеспечивает наилучшее, более успешное, нежели у соседей-инноверцев, устройство как этой, дольней жизни, так и жизни будущей. Что касается потусторонней жизни, то пусть конкурентные преимущества ислама обсуждают те, кому это положено по статусу и профессии. Но что касается успехов ислама в устройстве земной жизни, то есть именно исламского цивилиза-

ционного проекта, то в наших силах судить о том, был ли он исторически предложен исламом, привлекателен для своих последователей и успешен.

Вопрос третий: существовал ли исламский цивилизационный проект исторически и был ли он привлекательным?

Ответ: безусловно, классический ислам предложил комплексный цивилизационный проект, основанный на разработанной идеологической системе, определяющей во всех значимых деталях мировидение и мироощущение мусульманина. Этот проект включал разработанную этику, подчеркивающую необходимость продуманного и сугубо индивидуального решения мусульманина, которое служит движущей силой фактически любого его поступка. Такое понимание резко противопоставляло исламский цивилизационный проект в части этики доисламскому (джахилийному) коллективистскому проекту. Исламская этика детально разработана как систематизация предписаний, регулирующих отношения человека с другим человеком и человека с Богом. Этическая система напрямую сращена с исламским правом, хотя далеко не тождественна ему. Исламское право представляло собой важнейший регулятор жизни классического исламского общества. Социальные взаимоотношения, экономика и особые экономические формы, характерные для ислама, наконец, политика и формы политического устройства — все это было детально разработано в классических исламских науках и находило свое воплощение в практике жизни исламского государства и общества.

Был ли исламский цивилизационный проект привлекательным? Приведу высказывание известного христианского автора IX века, жившего в Кордове, Альвара Павла: «Многие из моих единоверцев читают стихи и сказки арабов, изучают сочинения мусульманских философов и богословов не для того, чтобы их опровергать, а чтобы научиться как следует выражаться на арабском языке с большей правильностью и изяществом. Где теперь найдется хоть один, кто умел бы читать латинские комментарии на Священное Писание? Кто среди них изучает Евангелия, Пророков и Апостолов? Увы! Все христианские юноши, которые выделяются своими способностями, знают только язык и литературу арабов, читают и ревностно изучают арабские книги, тратят громадные суммы, чтобы составить себе большие библиотеки, и во весь голос провозглашают, какого удивления достойна эта литература. Если им говорить о христианских книгах, они с презрением отвечают, что эти книги не заслуживают никакого внимания. О горе! Христиане даже забыли свой язык, и едва найдется один на тысячу, который сумел бы написать приятно сносное латинское письмо. Наоборот, бесчисленны те, которые умеют выражаться по-арабски в высшей степени солидно и сочиняют стихи на этом языке с большей красотой и искусством, чем сами арабы».

Ислам осуществлял свои обещания в части успешности цивилизационного проекта и позже, когда вплоть до эпохи европейского Возрождения оставалось очевидным культурное и экономическое превосходство исламских стран над Европой. И хотя мусульмане зна-

ли о тех удивительных открытиях и достижениях европейской мысли, которыми европейская культура была обязана эпохе Возрождения и последовавшему за ней научному и техническому взлету, в целом на уровне массовой психологии прежняя уверенность в успешности исламского цивилизационного проекта, порождавшая своего рода успокоенность исламских интеллектуальных кругов, сохранялась по инерции еще многие века. Своеобразный перелом наступил, как на это часто указывают исламские авторы, после экспедиции Бонапарта в Египет (1798–1801). Когда европейцы по своему усмотрению принялись хозяйничать на исламских землях, сохранять прежнюю спокойную уверенность в собственной успешности стало фактически невозможно. XIX и XX век — это эпоха отрезвления, когда исламский интеллектуальный мир начинает искать ответ на вопросы «Кто виноват в нашей цивилизационной отсталости?» и «Что делать, чтобы эту отсталость преодолеть?».

Освобожденные от колониальной и полуколониальной зависимости арабские и исламские страны в XX веке опробовали различные модели государственного устройства и социально-экономического развития. Однако в любом случае это были модели, привнесенные извне, — различные варианты европейского цивилизационного проекта, будь то вестернизация или социалистическая ориентация. Упразднение халифата в результате Кемалистской революции в Турции в начале XX века стало серьезным шоком для традиционного исламского сознания. Хотя в реальности халифат как единственно верное политическое устройство исламской мировой уммы если и существовал, то разве что в эпоху первых четырех праведных халифов. Однако для исламского сознания он всегда продолжал играть роль идеала, без которого немислима вся система исламского мироощущения. Халифат еще в классические времена превратился скорее в символ; но для культуры и массового сознания символы порой обладают большей реальностью и мощностью, нежели фактически существующее. Реакция на упразднение халифата последовала незамедлительно. Абд ар-Разик и ряд его последователей выступили с теорией светского характера ислама как сугубо духовного феномена, утверждая, что политическая и социальная жизнь должна быть организована без оглядки на ислам как систему идеологии. Однако их было не так много. Значительная часть исламских интеллектуалов ответила на упразднение халифата целым спектром теорий, которые сегодня принято обозначать общим термином «политический ислам». Их суть сводится к тому, что ислам — это комплексный феномен, в котором социально-экономическая и политическая стороны неотъемлемы от мировоззренческой и духовной. В этом утверждении, следует признать, авторы таких теорий вряд ли ошибаются. Эти построения я бы рассматривал в целом как попытку исламских интеллектуалов что-то противопоставить ускользающему бытию исламского жизнеустройства, попытку закрепить хотя бы в теории то, что уже не существует на практике.

Таким образом, массовый рост исламского сознания, который прослеживается на уровне общественной

психологии, коллективного бессознательного, подкрепленный идеологическим обеспечением в виде целого спектра исламских политических теорий, утверждающих комплексный характер ислама как системы цивилизационного устройства, — это реальность второй половины XX века и начала века текущего. Именно этот массовый феномен и эксплуатируют идеологи и заправилы ИГ. Однако если мы хотим правильно оценить характер процессов, которые привели к появлению ИГ, то должны учитывать этот колоссальный массовый психологический процесс, который проходил на протяжении XX века в исламских странах и который был вызван экзистенциальной тоской по собственному, исламскому, цивилизационному проекту.

Вопрос четвертый: чего не хватает современным исламистским теориям, чтобы стать цивилизационным проектом?

Ответ: думаю, что не хватает двух фундаментальных вещей — экзистенциальной составляющей и разработки вопроса о рациональности.

Современные теории исламского жизнеустройства неслучайно именуют политическим исламом. Их авторы ограничивают себя обсуждением вопроса о том, какие именно формы исламского политического правления должны быть реализованы в жизни современных государств. По сути, это лишь попытка реанимировать старые формы политического устройства, не обращая внимания на их подлинное цивилизационное содержание. И совсем не случайно, что там, где в суннитских странах проповедники этих теорий получали возможность осуществить их на практике, они терпели фиаско или по меньшей мере вызвали массовое неприятие со стороны большей части исламского мира, будь то недолгое правление исламистов в Египте после отстранения от власти Хосни Мубарака или «Исламское государство» в ряде современных арабских стран. Уродливость попыток осуществить исламский цивилизационный проект в тех формах, которые мы наблюдаем, вытекает именно из данного обстоятельства — выхолащивания цивилизационного содержания.

Что можно понимать под экзистенциальной составляющей гипотетического исламского цивилизационного проекта? Вот что говорит об этом Фадва эль-Гуинди в одной из своих книг¹: “One can locate the rhythmicity of interweaving spatiality and temporality of Islam in scripture. When combined with Muslim life, as described in the various chapters, a Muslim web of life is revealed that has been developing out of a creative idea since the seventh century. Moving in and out of the five daily prayers (salat) establishes a particular quality to the pattern of the day. It creates a distinctive Muslim rhythm, which is established by this interweaving of daily prayers in daily life. More than any other daily practice or task, intermittently praying throughout the day weaves a rhythm of fluid, interwoven temporality and spatiality that makes daily life of and for a Muslim distinctive and unique” (p. 137).

“There is no doubt that a Muslim feels and lives Islam and experiences time and space in interweaving rhythm. This is what immigrants in an adopted homeland must miss — Islam’s rhythm. They might be missing it despite

¹ By Noon Prayer: the Rhythm of Islam. Oxford ; N. Y., 2008.

regular praying at home and in mosque, fasting, participating in Islamic community life” (p. 123).

Чем создается, согласно эль-Гуинди, этот пространственно-временной ритм, составляющий экзистенциальную ткань исламской жизни? Отметим, что дело не в свершении ритуальных обязанностей: иммигранты-мусульмане следуют всем ритуальным предписаниям в тех странах, куда они перебрались. Дело в другом, трудно артикулируемом — и тем не менее властном, что ощущается мусульманином как подлинная реальность.

Что можно понимать под рациональностью, которая должна подкреплять исламский цивилизационный проект? Это особый разговор. Сошлюсь лишь на два примера. Современный марокканский философ Му-

хаммад Абид аль-Джабири в своей известной работе «Критика арабского разума» (в 4 т., 1982–2001) развивает теорию арабского разума, сопоставляя его с западным (греческим) разумом и противопоставляя их. Сошлюсь также на М. Аркуна, который развивает теорию исламского разума¹.

Если исламский цивилизационный проект и может быть успешным сегодня, то это будет достигнуто только при опоре на две составляющие — экзистенциальную и рационалистическую. Пока не существует такого исламского цивилизационного проекта, который учитывал бы это обстоятельство и имел бы шансы быть успешно осуществленным на практике. Будет ли это сделано в будущем? Посмотрим.

В. С. Степин²

ТРАНСМУТАЦИИ ЦЕННОСТЕЙ И ИНТЕРЕСОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Национальные интересы изменяются в зависимости от исторического этапа развития того или иного типа общества. Их трансформация наиболее радикальна, если видоизменяются фундаментальные ценности, определяющие тип цивилизационного развития. Современная эпоха обострения глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией, все более настоятельно ставит вопрос о выборе новых стратегий развития. А это, в свою очередь, предполагает критический анализ ценностной базы и интересов конкретных обществ, вступивших на путь техногенного развития.

Взаимодействие стран и регионов мира в процессе глобализации пока разворачивается в русле уже апро-

¹ Подробнее об аль-Джабири и Аркуне и их теоретических построениях см.: Фролова Е. А. Дискурс арабской философии. М., 2016.

² Руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, заведующий кафедрой философии науки и философии культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор. Автор более 700 научных работ, в т. ч. 28 монографий: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации», «Философия науки и техники», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» (2000, пер. на исп. яз. — *Stiopin V. S. El Saber Teorica. Estructura, Evolucion Historica*, 2004; на англ. яз. — *Stepin V. Theoretical Knowledge*. Springer, 2005), «Философия науки: общие проблемы», «Цивилизация и культура», «Научное познание в социальном контексте», «История и философия науки», «Человеческое познание и культура», «Философия и методология науки», «Философская антропология и философия культуры» и др. Президент Российского философского общества. Иностраный член национальных академий наук Белоруссии, Украины, действительный член Международного института философии (Париж), действительный член Международной академии философии науки (Брюссель), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (ФРГ), почетный доктор Новгородского государственного университета, Ростовского государственного университета, почетный профессор Института философии Академии общественных наук КНР (Пекин), почетный профессор Белорусского государственного университета (Минск). Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Награжден орденами Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

бированных стратегий: экономики расширяющегося рынка и ускоряющегося технологического прогресса.

В последние десятилетия на глобальном рынке обозначились тенденции нового разделения труда. Их выражением стала нередко применяемая метафора: Китай — это мировая фабрика, Америка — мировая научно-технологическая лаборатория, Россия — поставщик сырья, кладовая сырьевых ресурсов.

Разумеется, как и всякая метафора, данная формула многое упрощает и схематизирует. Но некоторые главные тенденции последних десятилетий она улавливает. Во всяком случае, в национальные интересы Китая и США указанные позиции включены. Что же касается России, то было время, когда завоеванное ею место в мировой экономике в качестве сырьедобывающего актора рынка воспринималось как выражение ее национального интереса.

Был этап, когда понимание будущего российской экономики выражал тезис «Россия — великая энергетическая держава». Этот тезис ориентировал прежде всего на увеличение добычи нефти и газа и их транспортировку на мировой рынок, дополняемый высокотехнологической продукцией атомной энергетики. Полагалось, хотя и особо не артикулировалось, что все остальное, необходимое для развития страны (в том числе и новые технологии), выгоднее приобрести на полученные от экспорта доходы.

Сегодняшняя ситуация падения мировых цен на энергоносители и возросшей конкуренции на рынке углеводородного сырья продемонстрировала уязвимость такого рода стратегий. Выяснилось также, что приобретение новых технологий на мировом рынке наталкивается на серьезные препятствия. Ими могут быть не только экономические санкции, продиктованные политическими интересами, но и простое стремление сохранить преимущество в конкурентной борьбе на мировом рынке, ограничивая возможности своих конкурентов.

К этому следует добавить, что в целом выгода от продажи сырья (не только нефти) на порядок ниже, чем от продуктов его высокотехнологической переработки. Кроме того, если иметь в виду долгосрочную перспективу, то все большее значение будут иметь природоохранные меры, что, в свою очередь, повысит затраты на освоение ресурсов. А поскольку большинство сырьедобывающих производств связаны со значительным загрязнением среды, рост издержек в этой области неизбежен.

Очевидно, что решение этих проблем потребует развития новых технологий и технологического обновления производства. Соответственно изменятся приоритеты в системе национальных интересов в сфере экономики.

О необходимости технологического перевооружения российской экономики говорится уже достаточно давно. Нелишне напомнить, что еще в 1970-е годы, когда Запад осуществил новую технологическую революцию, перед страной (тогда Советским Союзом) возник исторический вызов — преодолеть наметившийся технологический разрыв.

Решение этой проблемы воспринималось как очередная догоняющая модернизация. Конкурировали две стратегии развития: 1) модернизация с сохранением основ советского социализма при селективном использовании западного опыта рыночной экономики и 2) либеральный проект копирования западного опыта без ограничений.

Горбачевская перестройка была попыткой ответить на исторический вызов путем первой стратегии. По многим причинам внутри- и внешнеполитического характера эта стратегия не была реализована. После распада СССР реформы проводились в русле либеральной программы. При этом произошел сдвиг ценностных приоритетов. Рыночные реформы уже не рассматривались в качестве условия и средства будущего технологического прорыва, а представляли как самоценность и главная цель социальных трансформаций. Об итогах этой стратегии уже сказано и написано немало: деиндустриализация страны, доминирование олигархического капитала и его влияние на политику, снижение уровня образования, углубляющееся технологическое отставание от развитых стран.

Осознание российской правящей элитой необходимости ответить на исторический вызов и соответственно скорректировать либеральную стратегию произошло с опозданием. Идея системного технологического перевооружения производства стала активно обсуждаться, пожалуй, лишь в последнее десятилетие. Причем в этих обсуждениях первоначально доминировал опять-таки свойственный неолиберализму подход — копировать Запад, ориентируясь на ценности сложившегося здесь потребительского общества. Стратегия современного технологического развития по-прежнему понималась как вариант догоняющей модернизации.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов еще была иллюзия, что переход от советского социализма ко второму российскому капитализму откроет новые возможности партнерских отношений с США и Евросоюзом,

а это, в свою очередь, будет способствовать модернизации, росту экономики и усилению экономического и политического влияния России в глобализирующемся мире.

Эта иллюзия рассеивалась по мере того, как в реальных экономических и политических действиях все отчетливее выявлялось столкновение национальных интересов США и России. Претензии США на особую и доминирующую роль в глобализирующемся мире включали политику «сдерживания» России, ограничение ее развития.

Это обстоятельство побудило российское руководство четко заявить о неприемлемости концепции однополярного мира, противопоставляя ей идею многополярного глобализирующегося мира, ориентированного на сотрудничество стран с учетом их национальных интересов (мюнхенская речь В. В. Путина и его последующие заявления о нежелании США налаживать равноправные партнерские отношения: «США не нужны партнеры, им нужны сателлиты»). Принципы безопасности, целостности страны и ее суверенитета были обозначены в качестве базовых ценностей и главных составляющих национальных интересов России.

В последние десятилетия российской истории давление на нашу страну со стороны США постоянно возрастало. Серия «цветных революций» на Ближнем Востоке, а затем и в странах постсоветского зарубежья (Киргизия, Грузия и, наконец, Украина) была направлена против интересов России, а применяемая политика санкций преследовала цель, по выражению президента США, «включая разорвать российскую экономику».

То обстоятельство, что усилился по «отбрасыванию» России не приводят к желаемому результату, пока не воспринимается США как контрпродуктивная стратегия. Ранее маскируемое, не артикулируемое стремление к тотальному контролю над миром сегодня провозглашено открыто, причем в терминах изоморфных провалившимся претензиям гитлеровской Германии на мировое господство. Согласно утверждению президента США Обамы, Соединенные Штаты — это особая нация, призванная контролировать мир; любая из современных наций может исчезнуть, кроме американской. Такое понимание национальных интересов недвусмысленно показывает, что курс США на мировое доминирование долговременный и определяется в качестве базового национального интереса.

Отсюда следует, что в ходе технологического перевооружения российской экономики не только не приходится рассчитывать на поддержку со стороны США и их союзников, но и, скорее всего, придется преодолевать возводимые ими препятствия. Без целенаправленных усилий государства и общества решить эти задачи вряд ли возможно. Но потенциал для такого решения есть. И последние успехи отечественного ВПК в технологическом перевооружении российской армии являются тому свидетельством.

Важно еще раз подчеркнуть, что неолиберальная программа модернизации не согласуется с реальными ситуациями сложившегося взаимодействия России и Запада, когда идеи равноправного сотрудничества постоянно наталкиваются на стратегию доминирова-

ния США и стремление ограничить возможности конкурентов.

Но есть и еще более глубокие основания для критического отношения к неолибералистской стратегии модернизации. Я уже не раз высказывал и обосновывал точку зрения, согласно которой человечество вошло в эпоху смены типа цивилизационного развития. И на этом пути будут соперничать стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, со стратегиями, ориентированными на поиск новых ценностей, способствующих выходу из глобальных кризисов.

С этих позиций следует рассматривать либеральную программу российских реформ, основанную на копировании ценностей и паттернов современного общества потребления. Эта программа, несмотря на явные неудачи, упорно продвигается с начала 1990-х годов. Пожалуй, только в последнее пятилетие ее критика вышла за рамки дискуссий внутри экспертного сообщества и стала предметом широкого публичного дискурса. Тем не менее реальная практика проведенных в этот период неудачных реформ в сфере образования и науки свидетельствует, что неолиберальный подход по-прежнему укоренен в нашей реформаторской деятельности. Тем важнее проанализировать возможные риски и отдаленные последствия этого подхода, учитывая, что в его русле разрабатываются стратегии развития страны на будущие десятилетия.

В связи с этим следует решить две кардинальные проблемы: 1) создаются ли обществом потребления условия и предпосылки для преодоления обостряющихся глобальных кризисов, порожденных современной цивилизацией (экологического и антропологического, к которым сводятся все остальные); 2) обеспечит ли копирование идеалов и образцов деятельности, укоренившихся в потребительских обществах, решение проблемы технологического перевооружения России и ее выхода на передовые рубежи научно-технологического развития.

Вначале о первой проблеме. Я уже высказывался, в том числе и на Лихачевских чтениях, что в доминирующих ценностях общества потребления не содержится сколь-нибудь серьезных запретов, препятствующих обострению экологического кризиса. В целях логической целостности аргументации сжато воспроизведу высказанные ранее соображения.

Социально-экономическая политика потребительских обществ ориентирована на идеал постоянного роста потребления, основанного на экспансии рынка во все новые сферы социальной жизни. В рамках этого идеала выражено особое понимание природы и человека, которое репрезентирует ценностную матрицу техногенной культуры в ее современной версии, характерной для эпохи глобального капитализма. Отношение человека к природе и человека к человеку в современном обществе потребления определяется прежде всего организацией экономики всеобъемлющего рынка.

Понимание природы как своего рода неисчерпаемой кладовой ресурсов для человеческой деятельности сформировалось еще в эпоху становления техногенной цивилизации. Потребительское отношение к при-

роде как к среде человеческого обитания усиливалось по мере экспансии рыночных, товарно-денежных отношений в различные сферы человеческой деятельности. Возникновение общества потребления в качестве идеала человеческой жизнедеятельности утвердило принцип «Чем больше мы потребляем, тем лучше живем».

Экономика развивается как сложная система, где между спросом и предложением установлены прямые и обратные связи. В экономике общества потребления все большую роль играет искусственное стимулирование спроса. Здесь уместно еще раз напомнить о приведенных известным футурологом Э. Ласло свидетельствах, что еще в середине прошлого столетия, когда создавались условия и предпосылки для продвижения к потребительскому обществу, идеологами рынка была предложена новая (для тех времен) стратегия роста потребления. Ее достаточно ясно выразил американский аналитик розничной торговли Виктор Лебов: «Наша огромной производительности экономика требует, чтобы мы сделали потребление нашим образом жизни, чтобы мы превратили покупку и потребление товаров в ритуалы, чтобы мы искали в потреблении духовное удовлетворение, удовлетворение собственного «я». Экономике необходимо, чтобы вещи потреблялись, сжигались, изнашивались, выбрасывались и заменялись со все возрастающей быстротой»¹.

Нетрудно увидеть, что современная экономика общества потребления реализовала эту программу. Более того, она распространяется на глобальный рынок. Платой за этот тип экономического роста являются расширяющиеся масштабы загрязнения среды, в том числе изменение климата (геологический цикл глобального потепления вследствие возрастающего антропологического давления на биосферу протекает на порядок быстрее, чем в предшествующие циклы, то есть те климатические изменения, которые должны были происходить, допустим, за 300 лет, теперь осуществляются за 30²). В итоге получается, что принцип «Чем больше мы потребляем, тем лучше живем» начинает превращаться в свою противоположность.

Сложившаяся в обществе потребления система экономического роста не только инициирует обострение экологического кризиса, но и порождает углубляющийся антропологический кризис. Он также связан с экспансией экономики потребления во все новые сферы человеческой жизнедеятельности и их подчинением рыночным отношениям. Сегодня уже никого не удивляет подход к человеку как к товарной единице, стоимость которой может варьироваться от стоимости его рабочей силы до стоимости его отдельных органов, потенциально пригодных для трансплантации.

Система образования, медицины, сферы художественного творчества, науки, правовых и нравственных регулятивов рассматривается преимущественно в аспекте формирования человеческого капитала. Отсюда, конечно, не следует, что в обществе потребления не существует иных отношений, что люди не общаются, не создают профессиональные и внепрофессио-

¹ Цит. по: Ласло Э. Макродвиж (К устойчивому миру курсом перемен). М., 2004. С. 70.

² См.: Данилов-Данильян В. И., Лосев К. С. Экологический вызов и устойчивое развитие. М., 2000.

нальные сообщества, основанные на живой коммуникации. Речь идет о доминирующих и системообразующих отношениях социальной жизни. В культуре им соответствуют смыслы универсалий «человек», «деятельность», «личность», «рациональность». Эти смыслы программируют людей и обеспечивают воспроизводство того или иного типа социальности.

На ранних стадиях техногенной цивилизации выдающиеся мыслители великих эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения развили идею гуманизма, заложенную христианской культурной традицией. Человек — высшее творение Бога, одаренное разумом и продолжающее в своих деяниях акты божественного творения. Он — самоценность, субъект творческой деятельности, суверенная личность, рационально регулирующая свои социальные отношения посредством общественного договора, системы правовых и нравственных норм.

Это понимание человека обеспечивало развитие техногенной цивилизации, в том числе и ее главного варианта, связанного с формированием рыночной экономики капитализма. Но по мере ее развития происходило определенное видоизменение сложившихся гуманистических ценностей. Они были трансформированы в идеал человека продающего и потребляющего. Причем продающего любую продукцию, востребованную рынком, в том числе и свою способность к труду, результаты труда, образы и переживания, выраженные в произведениях искусства, свои органы, сексуальные способности и т. п.

Монетарный подход, присущий экономике современного глобального рынка, определяет человека и его способности как человеческий капитал. В таком измерении человек предстает прежде всего как средство и предмет, свойства которого могут быть полезны в той или иной области деятельности и социальных отношений.

В свое время К. Маркс характеризовал такого рода подход как путь к деградации человека в качестве универсального, творческого начала. Он подчеркивал, что человеческие отношения основаны на том, что за ум платят умом, за дружбу — дружбой, а за любовь — любовью. Но когда все качества человека превращаются в товары, имеющие денежный эквивалент, то за ум можно платить деньгами, за дружбу — деньгами и за любовь — тоже деньгами. Но, покупая эти качества, человек их не приобретает, а утрачивает.

В середине прошлого столетия эти идеи Маркса были акцентированы Франкфуртской школой при анализе процессов отчуждения в условиях современного капитализма. Г. Маркузе для характеристики кризиса человека в зарождающемся обществе потребления применил понятие «одномерный человек».

Все эти изменения в структуре ценностей сегодня дополняются новыми аспектами обострения антропологического кризиса. Они связаны с рисками возможностей биологической трансформации человека на современном этапе научно-технологического развития. Разработка конвергентных технологий открывает перспективы лечения многих ранее неизлечимых болезней, продления жизни человека, усиления его способ-

ностей. Но здесь же создаются возможности кардинальных изменений биологической природы человека.

Сегодня уже обозначены программы создания идеального солдата, который посредством генетических изменений и внедрения в мозг особых чипов обретет способности видеть и слышать в значительно большем диапазоне, чем обычный человек, обладать большей быстротой ответных реакций и иметь иной (сниженный) инстинкт самосохранения. В этом ключе двигают идеи о производстве нового типа субъектов деятельности, способных успешно выполнять работы в условиях, крайне опасных для обычных людей. Существуют проекты генетических изменений, позволяющих человеку наращивать мускульные усилия, преодолевать кислородное голодание при длительных нагрузках (выращивание будущих олимпийских чемпионов) и т. п.

В принципе, сегодня такого рода проекты вполне реализуемы. Некоторые из них уже разрабатываются. В связи с этим возникает ряд вопросов. Как будет воспринимать мир человек, превращаемый в идеального солдата, если у него зрительные и слуховые образы будут кардинально отличаться от обычных? Весь строй человеческой психики и поведенческих реакций в этом случае может радикально измениться. Как возможна коммуникация обычных людей с этими искусственно сконструированными индивидами? Как их рассматривать — в качестве людей иной расы или в качестве киборгов? Какова возможная судьба, допустим, идеального солдата, когда он утратит необходимые функции в процессе старения и с появлением более совершенных образцов? Если он киборг, вид биоробота, то вполне допустима его утилизация как непригодного изделия, а если он человек, то должен продолжить свою жизнь и после увольнения из армии. Но он узко специализирован (своего рода военная машина) и может зарабатывать на жизнь, например, превратившись в киллера или террориста. Не перерастет ли создание идеального солдата в процесс производства «идеальных» террористов?

Тенденция конструирования самых различных узкоспециализированных индивидов, генетически приспособленных для осуществления строго определенных видов деятельности, может радикально изменить структуру общественной жизни. Не произойдет ли трансформация человеческого общества в нечто подобное таким популяциям насекомых, как, например, муравейник, где есть генетически запрограммированные особи — муравьи-солдаты, муравьи-няньки, муравьи-рабочие, муравьиная матка и т. п.?

Человек — биосоциальное существо. Его жизнедеятельность регулируется двумя типами взаимосвязанных программ — биогенетическими программами и культурой. И если трансформируется биогенетическая составляющая человеческой жизнедеятельности, то это неизбежно приведет к трансформации культуры. Ценности, вырабатываемые человечеством на протяжении многих столетий социальной эволюции, могут быть разрушены.

В своей книге «Наше постчеловеческое будущее» известный американский политолог Фрэнсис Фукуя-

ма отмечает, что ценности правового равенства и прав человека потеряют свою значимость, если биотрансформация создаст радикально отличные друг от друга постчеловеческие «квазирасы»¹.

На первых этапах исторического развития технологической цивилизации идеи гуманизма и научно-технологического прогресса согласовывались друг с другом. Этот подход разделяли даже альтернативные идеологии — либерализма, с одной стороны, и социализма и коммунизма — с другой. Но во второй половине XX и особенно в начале XXI века ситуация радикально изменилась. Ядерные технологии и их риски (атомное оружие, аварии на атомных электростанциях — Чернобыль и Фукусима), современные конвергентные технологии обозначили спектр сценариев научно-технологического развития, среди которых есть и угрожающие самому существованию человечества. И в этом пункте наметилась конфронтация между либеральными идеалами рыночной экономики и идеями контроля над технологическим прогрессом с целью избежать наиболее опасных для человека сценариев. Осуществление такого контроля сегодня рассматривается как важнейший аспект стратегии «управления рисками». В рамках этой стратегии были разработаны идеи и технологии социально-гуманитарной экспертизы научно-технологических программ и проектов. Но нужно отдавать себе отчет в том, что сегодня обострились противоречия между монетарно-рыночным подходом и проблемой гуманизации научно-технологического прогресса.

В системе ценностей потребительского общества идеалы традиционного либерализма, развивавшегося в русле христианского гуманизма, были модифицированы в неолибералистские. В них акцент сделан прежде всего на росте потребления как главной ценности, которая обеспечивается саморегуляцией рынка. Понимание человека как предмета и средства рыночных отношений открывает пути к внедрению самых рискованных технологий «биокибернетической модернизации». Современный рынок в принципе готов принять эти технологии совершенствования человека как очередное ноу-хау, способное приносить огромные прибыли, так же как приносят их технологические новации в области машиностроения, изготовления новых материалов, компьютерных разработок и т. п.

Инвестиции в программы биологического совершенствования человека воспринимаются как наращивание человеческого капитала, который открывает возможности получения сверхприбылей. Соответственно стимулируются затраты на информационную поддержку этих программ с использованием всех возможностей современных СМИ, включая формирование необходимых ментальностей потребителя.

Здесь уместно отметить, что уже сложившийся и господствующий менталитет потребительского общества включает ряд основополагающих принципов, которые действуют в этом направлении. Эрвин Ласло определил их как мифологемы, которые подлежат пересмотру. Он выделяет следующие принципы: «Все,

что может быть изобретено, то и должно быть сделано и может быть продано, и это выгодно для нас и экономики»; «Все новое лучше старого»; «Ценность всего, в том числе и людей, может быть выражена в деньгах»; «Будущее не наша забота. Каждое поколение должно само заботиться о себе»².

Эта система мифологем выражает императивы культуры потребительского общества. И до тех пор, пока они действуют и распространяются в качестве идеала, человечество будет двигаться по пути нарастания кризисов, ведущих к экологической и антропологической катастрофе.

Неолиберальная стратегия развития, предполагающая копирование идеалов и образцов потребительского общества, в этом отношении не имеет позитивных перспектив. Но эта стратегия малоперспективна и в более локальном плане, при решении задачи нового этапа технологического развития России.

Технологический прогресс западных потребительских обществ только на первый взгляд может быть скопирован. Он представляет собой сложную систему, сложившуюся во второй половине XX века и видоизмененную в начале XXI столетия. Эта система включала рыночные запросы ноу-хау, инвестиции конкретных фирм и корпораций в их разработку, рекламу и другие виды информационной поддержки, формирующей необходимое общественное мнение; инвестиции в крупные целевые проекты (в том числе оборонного характера) под контролем государства; государственное финансирование фундаментальной науки и образования и т. д.

В этой системе важнейшую роль играют привлечение необходимых специалистов (от фундаментальных научных исследований до технологических разработок и проектов, внедряемых в производство), организация их работы, затраты на оборудование рабочих мест (система приборов, экспериментальных установок и т. д.). Все это требует огромных и не разовых, а систематических капиталовложений.

В первой половине XX века, когда только начиналось формирование общества потребления, специалисты, обеспечивающие генерирование научно-технологических инноваций, в большей части формировались в рамках национальных систем образования и науки. Исключение составляли США, в которые после Второй мировой войны эмигрировали многие выдающиеся ученые Европы.

По мере формирования общества потребления произошли изменения в национальных системах подготовки специалистов. Приток эмигрантов из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки в качестве рабочей силы сопровождался снижением планки образования. Пресловутая Болонская система обеспечивала адаптацию к новым условиям притока рабочей силы, но была недостаточна для подготовки высококлассных специалистов в научно-технологической области. Более того, стиль жизни сложившихся потребительских обществ ориентирует большую массу людей не на профессиональную деятельность и достижение в ней успеха, а на развлечения, личный досуг,

¹ См.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004. С. 159–163, 306–308.

² Ласло Э. Указ. соч. С. 73.

поиск легких занятий. Известный английский социолог и философ Э. Геллнер в начале XXI столетия писал, что в современном обществе потребления рациональная мысль и связанные с ней формы деятельности становятся малопривлекательными. Эту же ситуацию зафиксировали американские социологи, констатируя, что статус науки по сравнению со второй половиной XX века в наши дни значительно снизился.

Компенсацией всех этих издержек стали выделение сети престижных университетов, обучение в которых требует больших денег, создание системы национальных научных центров и привлечение зарубежных специалистов, частично обучавшихся в западных университетах либо подготовленных в других странах. Среди них немало ученых из России, которые в период распада СССР и либеральных реформ 1990-х годов не смогли продуктивно продолжать свои исследования.

Копировать западный опыт технологического развития, как это предлагает неолиберальная стратегия, для нашей страны непродуктивно и в чем-то просто невозможна из-за огромных капиталовложений, которых сегодня для этой цели у нас пока нет. Мы скопировали худшие стороны западного опыта общества потребления, не имея возможности компенсировать его недостатки. Нам необходимо самим готовить высококлассных специалистов, тем более что есть советский опыт такой подготовки.

Очевидно, что стратегию научно-технологического развития страны следует менять. Из опыта Запада целесообразно селективно заимствовать лучшее, соединив с лучшими продуктивными элементами советского опыта. Рынок сам по себе этих задач не решит, нужна целенаправленная государственная политика. Конкретно, что и как заимствовать из уже накопленного за последние полвека исторического опыта, должно стать предметом особого анализа и обсуждения, и не в узких, приближенных к власти группах, а в ученых советах университетов и исследовательских институтов, в дискуссиях на специальных конференциях ученых, политиков и представителей бизнеса. Выработка новой продуктивной программы действий по технологическому перевооружению российской экономики и ликвидации технологического отставания — это лишь один из аспектов наших национальных интересов. В перспективе при последовательном проведении новой стратегии образования и научно-технологической политики Россия могла бы ставить своей целью систематическое создание конкурентных технологий, удовлетворяющих требованиям экологической и антропологической защиты, а также выход на ведущее место мирового рынка технологий. Если мы хотим быть великой державой, тогда такого рода цели и соответствующие национальные интересы должны быть обозначены.

В. А. Тишков¹

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ГЛОБАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

В то время как в отечественном обществознании в 1990-е годы рождались этнокантавры в виде этнопсихологии, этносоциологии, этнополитологии и прочих, в мировой науке, прежде всего в философии, утвердилось понятие *этнометодологии*, мимо которого фактически прошли отечественные гуманитарии. Сборники начала 1990-х годов под редакцией С. В. Соколовско-

го с названием «Этнокогнитология» и «Этнометодология» содержали не только некоторые инновационные и разъяснительные тексты, но и материалы охранительного характера типа «Этносы неприкосновенны» и особого продвижения в науке не отражали. Один из авторов (М. В. Крюков) вообще считал, что этнографы должны разработать более адекватную и чувствительную диагностику, чтобы точнее определять этническую номенклатуру населения нашей страны и наделение той или иной культурно отличительной общности статусом «этнос» по строго научным критериям². Все, что касалось социального конструктивизма, огульно причислялось к постмодернизму с явно уничижительной коннотацией.

Как известно, этнометодология представляет собой одно из направлений социального конструктивизма, ставшего в начале XXI века доминирующим философско-социологическим и одновременно антропологическим направлением, использующим опыт этнографического исследования «примитивных» культур для понимания современной социальной реальности и порождаемых ею культурных форм и проявлений. Здесь в центре находятся этнографический момент наблю-

¹ Академик-секретарь Отделения историко-филологических наук и член Президиума РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Автор свыше 400 научных и научно-публицистических работ, в т. ч. монографий: «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады», «Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология», «Общество в вооруженном конфликте», «Опыт этнологического мониторинга», «Наука и жизнь. Разговоры с этнографами», «Устойчивость и подвижность этнокультурных границ», «Российский народ: история и смысл национального самосознания» и др. Член редакционных коллегий журналов «Этнографическое обозрение», «Федерализм», «Ethnic and Racial Studies» и др. Член Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, научных советов при Совете безопасности и министре иностранных дел РФ, совета Российского гуманитарного научного фонда и др. Лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники, Государственной премии РФ в области науки и технологий. Награжден орденом Почета, медалью «За трудовую доблесть», орденом Святого благоверного князя Даниила Московского III степени Русской православной церкви.

² Этнокогнитология / под ред. С. В. Соколовского. М., 1994. Вып. 1: Подходы к изучению этнической идентификации.

дения и «плотного описания» повседневных символических взаимодействий, поиск культурных смыслов в разных сферах человеческой деятельности, включая, например, культуру насилия или антропологию этнической «чистки», которую следовало бы расшифровать на примере этнополитических конфликтов.

В последние годы этот сложный альянс социально-культурных антропологов с философской антропологией стал более явным. Особенно отчетливо он проявляется в исследованиях разных субкультур за пределами привычных этнических групп, а также в антропологии времени, пространства, движения, смыслов, памяти, молчания, идентичности и т. д.¹ Это один из вариантов инновационной междисциплинарности, когда не одна дисциплина использует несколько методов других дисциплин, а несколько дисциплин (или дисциплинарных арсеналов одного исследователя) анализируют один культурный феномен. Тем не менее среди гуманитариев, включая антропологов, преобладает настроение растерянности перед современными культурными сложностями и теми общественными разломами, которые образуются на основе этносоциокультурных и профессиональных различий и которые непросто расшифровать с помощью принятых подходов и монодисциплинарных методов.

Рассматривая открытые конфликты и внешнее вмешательство на Ближнем и Среднем Востоке, известный востоковед В. В. Наумкин обращается к концепту глубоко разделенных обществ и делает важное замечание: «Ни одна из существующих теорий в гуманитарных науках не может исчерпывающим образом объяснить названный феномен, речь идет лишь об использовании инструментов возможно большего числа концепций и подходов для достижения адекватного знания о столь сложном предмете»². При этом В. В. Наумкин затрудняется проводить грань между глубоко разделенными обществами и просто разнородными обществами, как и устанавливать критерии такого различия. Слишком много факторов могут актуализировать различия и разобщенность странового общества, доведя его до открытого конфликта. И есть много факторов, которые обеспечивают деволюцию раскола на уровень совместного и кооперативного существования. Феномен постконфликтной реконструкции в Чечне показывает пример такой трансформации конфликта.

Многие специалисты к наиболее разделенным обществам склонны относить не те, где высока степень этнической или религиозной фрагментации, а те, которые проходят по линии так называемых бинарных оппозиций, где есть два-три основных культурно (включая религию) отличительных сегмента в населении страны, которые претендуют на главное или равное место в центральной власти. Два других типа этнической структуры государственных сообществ (один — это

¹ См., например: *Богданов К. А.* Ното Тасенс : очерки по антропологии молчания. СПб., 1998 ; *Антропология насилия* / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Бочарова. СПб., 2001 ; *Головнев А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009.

² *Наумкин В. В.* Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // *Вестник Московского университета. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика.* 2015. № 1. С. 66–96.

доминирующее большинство плюс меньшинства, второй — это много меньшинств без группы большинства и претендентов на центральную власть) действительно менее конфликтногенны, хотя никак не застрахованы от больших коллизий на этой почве. Но и, казалось бы, в «двоичных» обществах реальная сложность выходит за рамки простой конфликтной пары.

Как отмечает В. В. Наумкин, «двоичный» Ирак на самом деле имеет троичное деление — на арабов-суннитов, арабов-шиитов и курдов. «В рамках этого деления пересекаются конфессиональные и этнические идентификационные маркеры (не говоря уже о прочих, в первую очередь родоплеменных), поэтому, на наш взгляд, можно говорить скорее о двух линиях бинарного разделения: арабы–курды и мусульмане–шииты–мусульмане–сунниты (с учетом того, что большинство курдов являются суннитами)»³. Разделенность усугубляется, когда этнические групповые границы совпадают с конфессиональными, но даже в этнически однородных арабских обществах религиозные различия между основными мусульманскими общинами и даже внутри общества суннитов могут быть не менее глубокими, чем по линии этничности и языка. И все же, как до сих пор считают многие, этническая фрагментация, как наиболее часто встречающаяся и мозаичная по своей природе, — типичная основа для значимой общественной поляризации.

Соглашаясь с фактом актуализации этноконфессиональной сложности современных наций даже в таком ареале, как арабский Восток, где преобладают одна мировая религия и один язык со страновыми вариантами, выскажемся по поводу самого феномена этнической фрагментации страновых сообществ, который привлекает внимание исследователей. Приведу выводы из одного научного проекта по этой проблеме. 16 мая 2013 года американская газета «*Washington Post*» опубликовала материал под названием «Карта самых многоэтнических и самых моноэтнических стран мира». Эта карта была составлена группой обществоведов Гарвардского института экономических исследований. Авторы насчитали всего 650 этнических групп в 190 странах. Степень этнической фрагментации измерялась с учетом различий в ответах на вопрос об этнической принадлежности. В итоге были составлены многочисленные таблицы корреляций, но на их основе американские коллеги сделали, на наш взгляд, как тривиальные, так и спорные выводы.

Конфликты, по их мнению, чаще имеют место в многоэтнических странах, но это может быть и от бедности, ибо этническое разнообразие коррелирует с низким уровнем развития. Богатые страны более моноэтничны, как и сильная демократия больше коррелирует с моноэтничностью, но последняя не является ее обязательным условием (примеры Индии и Швейцарии). Действительно, во фрагментированных обществах наличие этнических сообществ накладывает ограничения на политическую свободу из-за стремления одних групп обеспечивать контроль над другими. Существование культурно отличительных групп требует своих лидеров, манипулирования, лоббирования, а полити-

³ *Наумкин В. В.* Указ. соч.

ки, в свою очередь, используют фрагментацию в целях мобилизации «своих» или для исключения «других». В более моноэтнических обществах управлять демократическим путем легче по причине меньшего числа конфликтов. Поскольку проект выполнялся главным образом экономистами, то самый важный для авторов вывод состоял в том, что этническая и языковая (но не религиозная) фрагментации коррелируют с показателями экономического развития, социальными условиями и качеством институтов управления, но твердых и убедительных закономерностей авторам выявить не удалось¹.

В некоторых аспектах наши наблюдения совпадают с данными выводами, но в главном мы расходимся: *разнообразие — это в большей степени ресурс, а не источник риска, а стабильность и развитие не имеют прямой корреляции со степенью этноязыковой фрагментации населения*. Так же обстоит дело и с уровнем демократии. Достаточно сказать, что моноэтничность некоторых стран может быть результатом жесткой дискриминации и даже насилия по обеспечению этнической «чистоты» некоторых сообществ. Наконец, судьба 15 республик бывшего СССР при их выстраивании по степени сложности этнического состава — от моноэтничной Армении до самой полиэтнической Российской Федерации — не совпадает ни с показателями экономического развития (душевого дохода, ВВП) и демократичности устройства, ни с наличием или отсутствием конфликтов. Моноэтничные Армения и Туркменистан пребывают на крайних полюсах по степени демократизации. Средняя степень фрагментации не уберегла Грузию и Молдову от открытых конфликтов, но позволила сохранить стабильность и мир в схожих по численности этнических групп Литве, Узбекистане и Казахстане. Видимо, есть другие факторы и обстоятельства, которые определяют стабильность и согласие разных обществ без жесткой корреляции с числом и обликом входящих в это общество культурно отличительных групп. А вот *само этническое и языковое разнообразие в большинстве случаев есть историческая данность для многих государств. Эта данность зачастую имеет собственную динамику, в чем-то подвизную, а в чем-то не меняющуюся десятилетиями и даже столетиями*.

Этот вывод, казалось бы, позволяет сделать шаг в сторону признания примордиальных корней существующих этнических общностей и тенденции, которую я называю неопримордиализмом. Уж очень стойко и с нарастающей манифестностью в последнюю четверть века этнический фактор действует на мировой арене. Причем не только в ареале бывшего СССР и зоне его влияния. Это мировая тенденция. Но о чем она говорит и где надо искать ответ? Наиболее стой-

кие критики конструктивизма и новых подходов к этничности видят проблему в том, что явление этноса до сих пор до конца не познано и по этой причине ученые не могут дать ему приемлемое определение. Внутри самой дисциплины таких «упорных» не так много, и подобные взгляды высказываются или выходцами из этнологии, или неофитами этнической тематики из других дисциплин. Так, Б. Е. Винер считает, что «приемлемое определение этноса и этничности в нашей науке появится еще не скоро», но исходить нужно из того, что этнические общности «в своем нынешнем виде образованы благодаря деятельности людей в прошлом»². Круг искателей истинного определения этноса сегодня ограничен в самой этнологии, но, как мы видим, народилось новое племя сторонников этноса в смежных гуманитарных дисциплинах.

Для выхода из методологического тупика необходимо переосмыслить происходящие в мире изменения в более широком контексте: не только в экономике и политике, но и в культуре. На отсутствие адекватной теории, объясняющей глобальные коллизии современного мира, сетуют отечественные и зарубежные ученые, которых занимают новые реальности: углубляющиеся глобально-региональные разломы, миграционные и этноконфессиональные коллизии, новые роли и поведение наций-государств. «Очевидно, что нынешнего понятийного аппарата, который решает проблему с помощью, в частности, использования сложносоставных терминов (таких, например, как этнонационализм, этнофедерализм или мультикультурность/мультикультурализм), оказывается для этого недостаточно. Подобный способ трактовки природы современных конфликтов говорит скорее об ограниченности возможностей современного научного знания в постижении их природы. В контексте анализа дисбалансов и противоречий современного развития в прояснении нуждается, в частности, понимание этнического самосознания и этничности как фактора социальной динамики в современном мире»³.

Критикуя этнокентавры, в данном случае мы можем принять предлагаемое понятие «этносоциокультурный конфликт как результат взаимодействия существующих в мире множества этнических, межконфессиональных, социальных и культурно-цивилизационных конфликтов»⁴. Такого рода конфликт действительно может иметь долговременный характер, который обычными договоренностями и деволуцией преодолеть сложно. Как считают коллеги-международники, во многом «этносоциокультурный конфликт обусловлен фундаментальными демографическими, миграционными и социокультурными сдвигами, которые являются необратимыми и будут оказывать многообразное воздействие на различные стороны жизни как развитых, так и развивающихся стран на протяжении ближайших десятилетий»⁵. Насколько необратимыми

¹ Fractionalization / by F. Alesina Flberto [et al.] // Harvard Institute Research Working Paper. 2002. № 1959. P. 17–18. По этой проблеме см. также: Alesina A., Baqir R., Easterly W. Public Goods and Ethnic Divisions // Quarterly Journal of Economics. 1999. Vol. 114, № 4. Nov. P. 1243–1284; Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities // Quarterly Journal of Economics. 2000. Vol. 115, № 3. Aug. P. 847–904; Easterly W., Levine R. Africa's Growth Tragedy: Policies and Ethnic Divisions // Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 111, № 4. Nov. P. 1203–1250.

² Винер Б. Е. Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8, № 3. С. 128.

³ Этносоциокультурный конфликт: новая реальность современного мира / под ред. Е. Ш. Гонтмахера, Н. В. Загладина, И. С. Семененко. М., 2014. С. 24.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 20.

и сколько десятилетий — это вопрос для дискуссии, ибо мы уже писали об открытости и стохастической природе современного исторического процесса, о так называемой «текущей модерности» (выражение З. Баумана)¹.

Едва ли наш общий интеллектуальный ресурс в силах предвидеть глубинные сдвиги культурной эволюции, не говоря уже о переменных в науке и политике, которые произойдут через десятилетие. Но некоторые константы выделить можно. Одну из них сформулировал пионер немецкого просвещения Лессинг, заявив, что «различия между людьми будут с нами до конца мира». Культурные различия — это не временное явление, и разнородность человеческого рода будет длиться так долго, как существует сам человеческий род. Лессинг считал, что мы всегда будем жить в положении разногласия, предпочитая разные вещи, любя разные способы жизни, и что развитие культуры, творчество возникает в ситуации разногласия. Уже упоминавший-

ся наш старший современник З. Бауман согласен, что «все новое, действительно захватывающее рождается из спора, дискуссии, диалога, разногласий». И в основе этой вневременной динамики лежит усложнение производимых человеком культурных форм. В России одной из фундаментальных и ранних форм организации человеческих коллективов считалось то, что обозначалось префиксом «этно», но эта позиция была существенно пересмотрена современной наукой (включая физических антропологов и археологов), показавшей, что общинность, клановость, религия, подчинение — более ранние и более мощные основы социальных группировок людей (а не их культурно-языковая схожесть). Последнее есть результат более позднего времени, порождение эпохи государственных образований. В этом случае нет гарантии, что «этно» останется с нами навечно и не уступит приоритет другим коалициям людей (если это уже не происходит и только ждет своих объяснений).

П. П. Толочко²

УКРАИНА: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ БУДУЩЕЕ БЕЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ПРОШЛОГО?

Наблюдая за всей драматичностью украинского евроинтеграционного процесса, который привел, к большому сожалению, к территориальным потерям и многочисленным человеческим жертвам, трудно оторваться от мысли, что брак между Европой и Украиной совершается не по любви, но по расчету. Причем с украинской стороны — копейному, рассчитанному на возможность для бедных людей без приложения собственных усилий европейские стандарты жизни, а для богатых — легализовать свои европейские счета и «хатынки». У американских и натовских стратегов ставки куда более крупные, можно сказать, геостратегические. Свято веря в доктрину Бжезинского, что Россия без Украины не может быть великой державой, они упорно добиваются ее полного отрыва от России.

«А что плохого в том, что Украина посредством ассоциации получит возможность более тесного эконо-

номического сотрудничества с Евросоюзом?» — постоянно вопрошают евроинтеграторы. Там передовые технологии, которых у нас нет, и гигантский рынок с более чем полумиллиардным населением. И трудно отказать такому аргументу в убедительности. Но в нем ведь только часть правды. Вся правда в том, что Евросоюз и США меньше всего интересуются Украиной как экономическим партнером. Единственное, что для них важно, — это обрести политического и военного союзника, получить в лице Украины такой антироссийский «таран» непосредственно у ее границы.

Решение этой задачи объективно сопряжено с коренными изменениями самой Украины. По замыслам натовских стратегов, она в этом новом статусе не может оставаться добрым и дружественным соседом России. Иначе натовский плацдарм на ее территории просто невозможен. В связи с этим принимаются различные меры по реформативанию традиционной жизни Украины во всех областях: политической, экономической, военной и даже культурной.

Многие полагают, что это началось со времен киевских майданов, но в действительности — значительно раньше. По существу — сразу же после распада Советского Союза и обретения Украиной независимости. Майданы явились результатом системной работы западных спецслужб по созданию на Украине мощного проевропейского и проамериканского лобби среди ее новой политической элиты. Первый ее приход к власти в 2004 году не во всем оправдал надежды американско-европейских политических кругов, второй — в 2014 году — судя по всему, их вполне устраивает. Новый украинский режим еще на Майдане определился со своим евро-американским выбором и антироссийской позицией. К тому же он оказался вполне управляем из США и ЕС.

¹ См.: *Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 491–530.

² Директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 25 книг: «Древний Киев», «Древняя Русь», «Древнерусский феодальный город», «Историчні портрети» («Исторические портреты»), «Русские летописи и летописцы X–XIII вв.», «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине»), «Древнерусская народность, воображаемая или реальная», «Власть в Древней Руси X–XIII вв.», «Украинцы в России» и др. Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии. Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского, премии Макариевской и Александра Невского (Россия). Награжден орденом князя Ярослава Мудрого III–V степеней, орденами «Знак Почета», Дружбы (Россия).

Сегодня от украинских и европейских политиков можно услышать сожаления по поводу решения России о прекращении беспошлинной торговли с Украиной. Но это чистое притворство. В действительности произошло то, чего Запад и добивался. Украина, тесно связанная с Россией экономически, ему не нужна. Да и началось это не 1 января 2016 года. Украина еще раньше инициативно ограничила сотрудничество с Россией в промышленной сфере, к тому же поддерживала экономические санкции, наложенные США и ЕС.

Свою лепту в разрушение экономических кооперационных связей между Украиной и Россией внес Запад, поддержавший строительство газотранспортных систем в обход Украины. Как оказалось, не без дальнего умысла. Теперь Украина покупает российский газ у европейских стран. И, как свидетельствуют некоторые украинские экономисты, в целом по более дорогой цене. Еще до фактического вступления в зону свободной торговли с ЕС Украина отказалась от авиационного сообщения с Россией. Это привело к тому, что пассажиропоток между двумя странами, который существенно не уменьшился, осуществляется через Беларусь и ей же приносит доходы.

О том, сколь чувствительной для Украины является потеря российского рынка, свидетельствуют следующие данные. До Майдана торговый оборот России с Украиной почти равнялся торговому обороту Украины со всеми странами ЕС. К концу 2015 года он сократился в пять раз, а после вхождения Украины в беспошлинную торговую зону Евросоюза и вовсе устремился к нулю. В результате оказались разрушенными целые отрасли украинской промышленности — космическая, авиационная, судостроительная, в значительной мере химическая и др. После отказа России от беспошлинной торговли с Украиной и введения ответных зеркальных украинских мер экономическая ситуация еще более ухудшится. Особенно если учесть, что доля России на рынке Украины в 2015 году составляла 16,37 %, а Украины на рынке России — только 2,70 %.

Действительно, Европейский Союз имеет неизмеримо больший рынок, чем Евразийский, и, наверное, мог бы стать для Украины более привлекательным. Но это возможно при одном непременном условии, что ЕС предоставит Украине статус наибольшего благоприятствования, равно как и вложится финансово в модернизационные проекты на Украине. Но этого не происходит. Пока массово посещающие Украину европейские и американские чиновники ограничиваются советами и рекомендациями относительно проведения реформ, а не реальными инвестициями в экономику Украины.

В канун Нового года премьер-министр А. Яценюк с энтузиазмом поведал украинцам, что «2016 год явится годом настоящей европейской интеграции», чему будет содействовать вхождение Украины в «наибольший европейский рынок». По существу, то же самое он произносил и с майданной трибуны. Но если тогда это еще можно было как-то понять, то после почти полуторалетнего пребывания на столь ответственном посту страны и доведения ее до состояния банкротства

новые оптимистические обещания многими воспринимаются как свидетельство его профнепригодности. Не исключено, правда, что премьер элементарно обманывает своих сограждан. Ведь не может же он не знать, что «настоящая евроинтеграция» в экономической сфере рассчитана не на один год, а на десять. Что и после этого останутся квоты и нетарифные ограничения на поставки украинской продукции в ЕС. Что после подписания Соглашения об ассоциации экспорт из Украины в ЕС упал на 30 %, а квота украинского зерна на европейском рынке определена всего в 0,9 млн тонн. Судя по массовым протестам украинских фермеров в декабре 2015 года, вылившимся в том числе и в блокирование автострад, в премьерские сказки никто не верит.

Таким образом, политические руководители Украины с помощью западных советников экономически оторвали-таки ее от России. Наверное, надеялись, как и в свое время режим президента В. Януковича, на то, что такое усердие будет вознаграждено Западом миллиардными вложениями в Украину. Но ничего такого не случилось. Где же здесь национальные интересы Украины?

Следующей областью украинских коренных изменений является идеология. Здесь преследуется та же цель — полный отрыв от России и адаптация к европейским демократическим стандартам. Яркой демонстрацией этого является принятый Верховной Радой закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики».

Можно сказать, прошились катком по коммунистической идеологии, запретили не только ее символы (пятиконечную звезду, серп и молот), но и нынешнюю компартию Украины. Трудно сказать, является ли это самостоятельностью майданных младореволюционеров, стремящихся всеми силами понравиться своим западным хозяевам, или последние их надоумили, но совершенно очевидно, что столь немотивированный идеологический радикализм ничего хорошего Украине не принесет — ни для общественного взаимопонимания внутри страны, ни для ее международного авторитета. Подумали ли президент и Верховная Рада о том, как после такого проклятия и запрета коммунистической идеологии они будут общаться с коммунистическими странами — Китаем, Вьетнамом, Кубой? Или с некоммунистическими, которые используют в качестве государственных символов красное знамя, пятиконечную звезду и серп с молотом? Логично было бы разорвать нормальные отношения и со странами Евросоюза, в которых вполне легально действуют коммунистические партии (в некоторых даже по две).

Учитывая все это, трудно отрешиться от мысли, что нынешние власти Украины, стремясь как можно дальше дистанцироваться от России и своего прошлого, живут в мире полного абсурда, определенно саморазрушительного. Убедительным подтверждением этого является и вторая часть вышеупомянутого закона, касающаяся запрета национал-социалистической (фашистской) символики. Она в несколько раз меньше, чем первая и в значительной мере формальная. Некоторые на-

цистские символы то ли по неграмотности законотворцев, то ли по определенному умыслу вообще не попали в реестр запрещенных.

Но здесь абсурд заключается даже не в этом, а в том, что формальное «осуждение» нацистских символов произошло тогда, когда они фактически стали приметой новой украинской власти, запестрели на кашках и нарукавных шевронах добровольческих отрядов, борющихся с донецкими «сепаратистами», когда националистическая идеология ОУН–УПА (Организации украинских националистов — Украинской повстанческой армии) стала на Украине официальной. На ее знамени — портрет С. Бандеры, который тесно сотрудничал с национал-социалистами Третьего рейха. Сегодня именно он стал символом новой Украины. В Галичине ему возводятся памятники, его именем называются улицы, школы, дни рождения отмечают ночными факельными шествиями в Киеве, Львове, Днепрепетровске, Одессе и других городах, напоминающими шествия национал-социалистов 1930-х годов, на его биографии воспитывается молодое поколение.

Наверное, в этом не было бы ничего драматического, если бы С. Бандера был героем всей Украины, а его националистическую идеологию разделяли бы все украинцы. Но этого не было в прошлом и нет сегодня. Для большей части украинского общества национализм Бандеры совершенно неприемлем. Его решительно отвергают этнические украинцы, проживающие в центре, на востоке и юге страны, граждане Украины других этнических групп — русских, поляков, евреев, испытавших в годы Великой Отечественной войны на себе все ужасы радикального национализма. Стоит ли доказывать, что насильственное утверждение такой идеологии раскалывает украинское общество, провоцирует скрытое и открытое сопротивление.

Не знаю, насколько корректным является определение военного мятежа на Донбассе как «этнической гражданской войны», о чем пишут в порыве откровенности национально сознательные патриоты, но то, что одной из главных его причин, как и выхода из состава Украины Крыма, стал фактор их этнокультурной несовместимости с галицким национализмом, несомненно.

Власти США и Евросоюза выразили Украине решительную поддержку в связи с понесенными ею территориальными потерями, обвинили во всем Россию, наказали ее экономическими санкциями — и ни слова о своей собственной вине. А ведь не прояви они в конце 2013 года столь откровенного нетерпения в связи с отсрочкой подписания Украиной соглашения об ассоциации, не подтолкну так называемый Евромайдан к вооруженному государственному перевороту 22 февраля 2014 года — и никакой аннексии Крыма и мятежа на Донбассе не было бы. Не приходили же эти сепаратистские мысли на ум в условиях политической стабильности в стране.

Одним из драматических последствий интеграции Украины в Европу, как теперь становится понятным, должно стать изменение ее цивилизационной идентичности. Всем памятно, как режим Януковича в полном единении с политическими оппонентами постоянно твердил о том, что европейский выбор для Украины

не только безальтернативный, но еще и цивилизационный. Вначале казалось, в том числе и автору этих строк, что все это от элементарного непонимания содержания понятия «цивилизация». Даже как-то странно было это слышать, зная, что наш цивилизационный выбор в пользу христианского православия был сделан еще в конце X века Владимиром Святым. Но постепенно прояснилось, что это не от неграмотности, а от стремления интегрироваться с католической и протестантской Европой не только политически и экономически, но еще и культурно.

По существу, эта тенденция исподволь утверждалась на Украине в течение всех лет независимости. Свидетельством того было превращение Украинской католической церкви из институции региональной во всеукраинскую. Сакральный ее центр из Львова был перенесен в Киев, причем на левый берег Днепра, что должно было символизировать распространение этой церкви дальше на восток. Заметное оживление на Украине получили римско-католическая и протестантская церкви.

Одновременно с этим велась системная работа по расколу украинского православия. Приложили к этому руку и первые лица государства, одержимые идеей создания на Украине единой поместной православной церкви, независимой от Московского патриархата. Из этой затеи ничего путного не вышло. К единству не пришли, но зато еще больше «разодрали» украинское православие. Теперь на Украине три православные церкви, оспаривающие одна у другой не только право на всеукраинскость, но и на имущественное наследие, что сопровождается ожесточенным противостоянием, нередко с трагическими последствиями.

Поразительно, что подогревается этот раздор людьми, часто никакого отношения к православию не имеющими. Их лозунг — «Независимой Украине нужна независимая православная церковь» — ничего общего с радением за «нэньку» Украину не имеет. Это циничное политиканство, направленное на эрозию православной общности. Примечательно, что такая претензия предъявляется только к Украинской православной церкви, пребывающей лишь в молитвенном единении с русской. Ничего похожего не слышно по отношению к тем украинским церквям и конфессиям, которые связаны с зарубежными центрами не только канонически, но и административно.

Еще одной претензией к православию является якобы его архаичность, неспособность адаптироваться к нынешнему быстро меняющемуся миру. Иногда высказывается даже сожаление, что князь Владимир не на того «коня» поставил. Вот если бы принял христианство из Рима, то сейчас и мы были бы на том уровне, на котором находится католический Запад.

Одним из наглядных свидетельств утраты Украиной своей православной сущности является активное внедрение в церковную праздничную обрядность католических традиций. Деда Мороза, который был неприменным символом новогодних торжеств на Украине, теперь заменили Санта-Клаусом. Его неизменную спутницу Снегурочку и вовсе упразднили. Празднованию католического Рождества придали всеукраинский

размах. Правда, называют его почему-то «европейским». То ли потому, чтобы лишний раз не травмировать православных, то ли потому, чтобы подчеркнуть, что Рождество, отмечающееся 7 января, не является европейским. раздаются призывы, в том числе и от высокопоставленных государственных деятелей, вообще отказаться от празднования Рождества Христова в январе и проводить его только в декабре. Удивительно, что такую готовность выразили также предстоятели Украинской православной церкви (Киевский патриархат) и Украинской греко-католической церкви, правда, оба оговорились, что на это надо бы получить согласие верующих.

Практически полный разрыв между Украиной и Россией произошел в культурной и научной сферах. Появились черные списки невыездных на Украину российских артистов, музыкантов, писателей, запретные перечни российских фильмов, литературных произведений. раздаются даже призывы почистить украинские библиотеки и освободить их от «русскоязычной макулатуры». Постепенно разорвались научные контакты, академические и университетские, не стало централизованного обмена литературой, прекращено функционирование двусторонних научных комиссий, проведение конференций. От этого плохо всем, но в большей мере это негативно отражается на уровне украинской науки и культуры, которые заметно провинциализируются. Наверное, в области точных и естественных наук потери из-за разрыва связей с Россией можно будет с течением времени (и то длительного) компенсировать налаживанием связей с Западом. Но в области гуманитарных наук, в частности исторических, где у нас единый предмет исследования, такая компенсация в принципе невозможна. Правда, учитывая, что финансирование на украинскую науку каждый год сокращается, нетрудно убедиться, что эта сфера не является приоритетной для новой Украины.

В системной работе по отрыву Украины от России большое место отводится переоценке их исторического прошлого. Новые этноисторики и этнополитологи, по существу, изъяли Украину из общевосточнославянского и общероссийского исторического контекста. В учебниках для средней школы и вузов теперь утверждается, что украинцы генетически не имеют ничего общего с русскими, что объединение с Россией в 1654 году было навязано нашим предкам коварными москалями, что советскую власть принесли на Украину на штыках русские большевики, что никакой Отечественной войны у украинцев не было, что пакт Молотова–Риббентропа, в результате которого удалось присоединить к Украине ее западные регионы, — не что иное, как преступный сговор двух агрессоров, а освобождение народов Европы от фашистской чумы было их поражением Советским Союзом...

Можно сказать, произошла тотальная перелицовка украинской истории. Из ее полноправного субъекта украинцы по недомыслию национал-патриотов превращены в объект. Но, во-первых, это совершенно расходится с объективной реальностью, которая неоспоримо свидетельствует, что они такие же сотворцы общей истории, как и русские. А во-вторых, это плохая ус-

луга нынешнему украинскому обществу, поскольку формирует в нем негативное историческое самосознание, воспитывает комплекс неполноценности. Ведь если у народа в прошлом были одни беды и несчастья, то где гарантия, что в будущем станет по-другому? Определенно, это слишком высокая цена за призрачную возможность стать европейцами.

Брутальная евроинтеграционная непреклонность майданных политических элит, ставших новой властью, спровоцировала тенденции разрушения украинской государственности. Наглядным свидетельством тому являются регулярные кулачные бои в Верховной Раде, скандалы в правительстве и окружении президента, атаманщина командиров добровольческих батальонов, неподконтрольных силовым структурам, мусорная люстрация, подрывы линий электропередач и др. Похоже, этот управленческий хаос на руку западным опекунам Украины, поскольку создает благодатную почву для их востребованности и в этой области. Наблюдая за тем, как встречают высшие государственные чиновники вице-президента США Д. Байдена, трудно отгрезиться от мысли, что именно он и является верховным сувереном Украины. Характерно, что до его последнего приезда в ноябре 2015 года в прессе усиленно муссировались слухи о скорой отставке премьера А. Яценюка. Был организован даже мини-Майдан у стен кабинета министров. Однако после его отъезда об этом все в одночасье позабыли. И, видимо, не случайно мудрый народ сочинил поговорку: «Вот придет Байден, Байден нас рассудит».

О разрушении украинской государственности свидетельствует также широкое привлечение на ответственные управленческие посты — министерские, губернаторские, прокурорские и другие — иностранцев, не обязательно американцев, но непременно их ставленников. Президент немедленно снабжает их гражданскими паспортами, правда, от этого они не становятся украинцами. Практически все не могут связать и двух-трех предложений на «соловьинной мове». В критические моменты, как в случае скандала между министром А. Аваковым и губернатором М. Саакашвили, прекрасно пользуются «ненавистным» на Украине русским языком. К сожалению, некоторые из них руководят ведомствами, не имея соответствующего профильного образования. И судя по тому, что экономика и финансы (при министрах-иностранцах) оказались почти полностью разрушенными, руководят не лучше украинцев.

Объясняя назначение иностранных «ловцов счастья и чинов» на высокие правительственные должности, президент Порошенко отметил, что эти люди не связаны на Украине родством и кумовством, а следовательно, не будут подвержены коррупции. Аргумент более чем сомнительный, но если руководствоваться им, тогда логично распространить это условие также на премьера, президента, а может, и на народных депутатов. Здесь ведь тоже не обходится без кумовства и коррупции. Правда, из обнародованной видеозаписи конфликта между Саакашвили и Аваковым выяснилось, что коррумпированность не является специфической особенностью только украинцев. Грузин и ар-

мянин, судя по их взаимным обвинениям в воровстве, также не свободны от этого порока.

Из сказанного следует, что послемайданная Украина обладает весьма относительной государственностью вообще и украинской в частности. Евро-американские наставники не озабочиваются такими сантиментами, как самолюбие и достоинство украинцев, поэтому несколько и не щадят их. Но наших национал-патриотов, которые при каждом удобном случае кричат о тысячекратней украинской государственности, это должно бы оскорблять. Оказывается, не оскорбляет. Если в Европе, то можно и без национальной гордости.

Трудно сказать, станет ли Украина когда-либо полноправным членом Европейского Союза, но что касается ее интеграции в Североатлантический альянс, здесь у украинских руководителей оптимизма значительно больше. Можно сказать, что де-факто Украина уже там. НАТО, не в пример ЕС, оказывает финансовую поддержку Украине в проведении военных реформ, осуществляет поставки вооружения и военного снаряжения, электронного оборудования, на постоянной основе обучает украинских солдат военному делу, выделяет деньги на развитие и обустройство пограничной инфраструктуры. Не ожидая, когда украинские вооруженные силы будут отвечать всем стандартам НАТО, в сентябре 2014 года было подписано соглашение о формировании литовско-польско-украинской бригады. Украина заключила договоры о сотрудничестве со странами Прибалтики и Польши, что узаконивает получение ею военной помощи от НАТО. В 2015 году на территории Украины (Львовская область) были проведены масштабные международ-

ные учения войск США, Канады, Германии, Бельгии, Великобритании, Турции, Польши и других стран. Генсек альянса Йенс Столтенберг провел переговоры в Киеве о доведении сектора обороны Украины до полномасштабных стандартов НАТО.

Видимо, этому подчинен и военный бюджет Украины на 2016 год, о котором министр обороны С. Полторак с удовлетворением сказал, что он «очень хороший». Нет ни малейшего сомнения и в том, что ничего подобного не сможет сказать ни один из руководителей всех остальных министерств и ведомств. На образование, науку, здравоохранение, социальную сферу, культуру денег нет, а военный бюджет «очень хороший». Он будет еще лучше, когда на территории Украины появятся военные базы НАТО. О том, что это неизбежно, свидетельствует опыт соседних с Украиной стран. По существу, не отрицает этого и министр обороны Украины, заявивший, что пока так вопрос не стоит. «Обнадеживает» также и Госсекретарь Д. Керри, отметивший, что США «рассчитывают получить на Украине дополнительные возможности», которых требуют их национальные интересы.

Подводя итог вышесказанному, нельзя ожидать, что Украину ожидает в Европе светлое будущее. Во-первых, она придет туда измененной до неузнаваемости, а во-вторых, претендующей на опасную роль антироссийского «тарана». Неужели это в интересах украинского народа?

Р. С. Социологические опросы показывают, что и сегодня, после столь резкого ухудшения отношений с Россией, около половины населения Украины не поддерживает ее вступление в НАТО.

Ж. Т. Тошенко¹

НОВЫЕ ЛИКИ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Прежде всего напомним имеющиеся трактовки национализма: 1) официальная идеология и политика государства, обычно выраженные в национальных доктринах (концепциях) и законодательных актах; 2) специфически ориентированное мировоззрение и его реализация в деятельности националистических слоев, социальных групп, выражающих их интересы политических и общественных организаций; 3) особая, специфическая форма состояния межнациональных отношений.

Научная трактовка понятия «национализм» неразрывно связана с такими категориями, как нация, этнос,

¹ Заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 650 публикаций, 19 монографий и 5 учебников, в т. ч.: «Парадоксальный человек», «Социология труда», «Тезаурус социологии», «Вехи социологии» (отв. ред.), «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Политическая социология» (отв. ред.), «Социология управления», «Фантомы российского общества» и др. Почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского.

народность, национальность, этносоциальные, этнополитические и межнациональные отношения. В зависимости от уровня и степени его выраженности предлагаются многочисленные неоднозначные интерпретации сущности и содержания национализма.

Первая точка зрения представлена позицией, трактующей национализм как нечто позитивное, отождествляемое с национальным возрождением, национальной самобытностью и активным участием в достижении своей государственности, в развитии национальной самосознания и национальной культуры, их защите и поддержке. Такая позитивная оценка особенно наглядно проявилась в период распада колониальной системы, национально-освободительных революций и становления новых независимых государств Азии и Африки в XX веке [3, 14]. Отношение к национализму как созидательному явлению было продемонстрировано в политике поддержки процесса распада таких многонациональных государств, как СССР, Югославия, Чехословакия (З. Бжезинский).

Вторая точка зрения не менее распространена. Она базируется на том, что национализм — противоречи-

вое явление, которое имеет как положительные, так и отрицательные характеристики. Так, Бердяев в своем четвертом письме «О нации» в книге «Философия неравенства» делил национализм на агрессивный, разрушительный и творческий, созидательный, способный вести народы по пути прогрессивных социальных изменений [5]. Аналогичная постановка вопроса была характерна и для Ленина, полагающего, что национализм, пробуждающийся у угнетенных народов, имеет «историческое оправдание» [9, т. 39, с. 330]. Еще раньше он утверждал, что «в каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем» [9, т. 25, с. 275–276].

Третья точка зрения характерна для значительной части как зарубежных, так и советских (российских) обществоведов, утверждающих, что сущность и основу национализма составляют идеи национальной исключительности и превосходства, стремления к национальной замкнутости, местничеству, недоверия к другим народам, что нередко перерастает в межнациональную вражду. Данная позиция приближает трактовку национализма к объяснению смысла шовинизма и расизма, различая их только по степени своего выражения в политике и идеологии правящих партий и соответствующих социальных сил. Такой подход ставит национализм в ряд таких общественных явлений, которые надо ограничивать, непременно преодолевать и устранять всеми доступными средствами.

Исходя из такой постановки вопроса, национализм искали во всех возможных вариантах, везде, где возникала хотя бы малейшая напряженность в межнациональных отношениях, где появлялись нерешенные вопросы, имеющие этнический характер: при рассмотрении проблем развития национальной культуры, языка, образования, отношения к обычаям, традициям и правилам поведения. Кроме того, национализм нередко обвинялся в мимикрии, перевоплощении, желании скрыть свои эгоистические цели, антинародные (против других наций) устремления, прикрытые псевдопатриотическими лозунгами, обещаниями, национальными ценностями и интересами. Согласно этому подходу национализм оперирует национальными символами, лозунгами общенационального характера, эксплуатируя при этом национальные чувства людей [2, 6, 10].

В данном докладе автор акцентирует внимание не столько на характеристике теоретических концепций, рассмотрении идей и полемике об истории появления этого термина, сколько на анализе реальной ситуации, сложившейся в пространстве национальных и межэтнических отношений. А так как эта социальная реальность стремительно меняется, то мы дадим анализ *новых ликов национализма* или его серьезных модификаций, которые особенно наглядно проявили себя на современном этапе развития как всего мира, так и нашей страны.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что *национализм все чаще стал выступать в этноконфессиональном облике*. Национально ориентированные интересы все чаще прикрываются знаменами той или иной религии (конфессии). Для этого каноны и догмы

используются, чтобы убедить возможно большее количество населения в непререкаемых преимуществах следования религиозным постулатам и ориентирам. Это ярко проявляется в религиозной войне на Ближнем Востоке. Рядятся в одежды защитников религиозных интересов и националистические движения на Кавказе [1]. Уже нет прежних непререкаемых утверждений со стороны националистических сил, что отстаивается культура и самобытность чеченского (кабардинского, дагестанского и др.) народов. Но все чаще слышны доводы об исламе, народном или истинном, о том, что религия является духовной скрепой народа. Иначе говоря, этнонациональные цели и поползновения со стороны так называемых национальных элит камуфлируются под маской заботы о «вечных» ценностях народа [12].

К этому этноконфессиональному аспекту практически всегда примыкают *религиозные войны*. В известном смысле мир вернулся в Средневековье, когда эти войны были широко распространенным явлением. Так, национализм в процессе распада Югославии проявил себя в виде кровавого противостояния православных, католиков и мусульман в лице сербов, хорватов и боснийцев. Нечто подобное мы наблюдаем и в феномене «Исламского государства», которое взяло курс на уничтожение всех, кто не принадлежит к суннитам. Его действия направлены не только против христиан, иудеев и других религий, но и против единоверцев, представляющих другое течение в исламе — шиитов. Этно-религиозные войны ведутся между тамилами и сингалами в Шри-Ланке (Цейлон), между христианами и мусульманами в ряде стран Африки, Ближнего Востока, Индонезии.

Результатами этих войн становятся этнические чистки (изгнание «другой», «чужой» национальной группы), как это было в Хорватии по отношению к сербам. Нужно особо отметить, что эти чистки могут проходить под флагом «моральной» войны, когда создаются условия для невозможности продолжения нормальной жизни на прежнем месте жительства. Именно этим можно объяснить исход миллионов русских и русскоязычных из республик Средней Азии, Азербайджана и Грузии. Это стало характерно и для ряда республик Северного Кавказа, в первую очередь Чечни и Дагестана, где количество русских сократилось до нескольких процентов от общей численности [7].

Эти чистки могут перерасти и в политику геноцида, который в современный период в наиболее наглядном виде проявился в уничтожении в 1994 году в Руанде 800 тыс. представителей народности тутси. Чистки осуществлялись со стороны другой народности — хуту, хотя эти народы обладали одной культурной и языковой общностью. В результате конфликта погибло суммарно около миллиона человек (14 % населения Руанды) [20].

На этой основе и (или) под прикрытием религии сформировался и такой лик национализма, который связан с *терроризмом*. Нормой практически всех террористических актов стало декларирование защиты этноконфессиональных интересов. Особенно наглядно это проявляется в среде мусульманских радикальных

националистических движений. Даже простое употребление слов «Аллах акбар» при каждом террористическом акте говорит о том, что они взяты на вооружение для мобилизации отдельных групп населения (особенно молодежи) на «бескомпромиссную войну с неверными». Этот и подобные слоганы достаточно глубоко проникли в сознание и образ жизни многих приверженцев этой религии. Причем эти акты применяются не только против представителей других народов и религий, но и против представителей других конфессий в рамках ислама, о чем свидетельствуют кровопролитные события в противостоянии суннитов и шиитов, а также в акциях движения «Талибан» против единоверцев в Афганистане, а с недавних пор и в Пакистане. Почти также себя ведут и сторонники «Правого сектора» на Украине, которые величают себя «христианскими талибами», что позволяет им применять насильственные действия против единоверцев, оставшихся верными Московскому патриархату.

Отметим, что эти проявления национализма, особенно его радикальные формы, являются в известной мере продуктом глобализации и углубления социального неравенства. Национализм во многом базируется на протесте против глобализации, который на деле оказывается американизацией или вестернизацией. Именно эти претензии диктовать всему миру свои нормы и правила вызывают противостояние навязываемым образцам, которые могут привести к потере уникальности культуры и самобытности народов. А если к этому добавить реальное социальное положение народов стран Азии и Африки, которым навязывают эту политику, то националистические группировки получают дополнительную аргументацию для противопоставления себя всему миру, и в первую очередь европейскому и американскому.

Национализм стимулировал процесс возникновения и проникновения в государственную политику сравнительно нового явления под названием *войны памяти*. Под прикрытием восстановления исторической истины акцентируется внимание на негативных событиях и эпизодах прошлого, создавая на этой основе образ врага не только в лице государства, но и в лице представителей других народов. Именно под такой установкой формировалось понимание сегодняшней России, всех русских и русскоговорящих в странах Балтии. Более того, в Латвии и Эстонии была провозглашена так называемая этническая демократия, которая фиксировала преимущества (первенство) одной нации над другой [4, с. 94]. Особое место в этих войнах памяти занимает история, вернее трактовка событий прошлого с позиций националистической политики и идеологии, когда преувеличивается значение одних, другие замалчиваются, третьи интерпретируются в угоду государственным предпочтениям. Причем такая политика недалеко уходит от примитивизма и анекдотического изложения исторических процессов. Так, битва русских стрельцов с крымскими татарами, поляками и несколькими казачьими отрядами под Конотопом в 1668 году преподносится нынешними украинскими политиками как образец победы в войне за независимость Украины.

Очень модной стала тематика осуждения российской оккупации не только в странах Балтии (в которых функционируют даже музеи оккупации), но и в Казахстане, Узбекистане, Туркмении и Таджикистане. Предпринимаются попытки осудить политику России в период Кавказских войн XIX века. А чего стоит прямое обвинение России в «захвате» Грузии в начале того же века, даже игнорируя такие факты, как: а) Грузии как таковой не существовало, а было несколько грузинских царств и княжеств; б) была реальная угроза включения грузинских земель в состав Османской империи; в) имелись официальные документы с просьбой о включении этих земель в российское подданство; г) стремление и желание грузинского Католикоса войти в зону влияния православия и не быть уничтоженным в результате неизбежного давления ислама.

Интересен и такой факт: *превращение (или замещение) гражданского национализма* в лице общественных движений («Солидарности» в Польше, Национальных фронтов в Латвии и Эстонии) в *этнический национализм*, активными носителями которого становятся националистические и псевдопатриотические организации, базирующиеся на идеологии противопоставления своего этноса другим, да еще нередко сдобренный и антирусизмом [4, с. 96].

Особое место занимают проявления национализма в общественном сознании, мировоззренческих ориентациях, идеологии. Изначальной формой, когда национализм начинает перерождаться и накапливать деформированные и ущербные методы и формы своего выражения, выступает *этноограниченность*, то есть нежелание налаживать контакты за пределами своего этноса. Это проявляется в повышении интереса к созданию мононациональных семей (происходит уменьшение доли смешанных браков), в предпочтении работать в однонациональных коллективах, в создании искусственных условий для консервации родного языка, в монополизации руководящих постов всех уровней в руках представителей одного народа. Вторая, более высокая по напряженности форма — *этноэгоизм* — означает стремление к обеспечению преимуществ своему народу за счет других народов. Это явление получает все большее распространение. Согласно социологическим опросам 1990-х годов, до 30–40 % коренного населения бывших и новых республик считало естественным получение преимуществ перед другими народами, проживающими в них.

Этноэгоизм может перейти в третью, наиболее опасную форму — *этнофобизм*, который характеризуется прямой враждебностью, непримиримостью по отношению к иным, «не своим», чужим народам. Он уже проявился в ряде конфликтов (ингуше-осетинском, армяно-азербайджанском, грузино-абхазском и др.), когда на всех официальных и неофициальных уровнях уже длительное время продолжает бушевать пожар ненависти, неприязни и обвинений друг друга. Прикрываясь интересами нации, этнофобизм обостряет национальные трения до предела, разжигает конфликты, провоцирует насилие и кровавые эксцессы. Некоторые его формы, проповедующие национальную исключительность и превосходство, способны порождать мимикри-

рующие и наукообразные (не только лобовые, прямолинейные) оценки и рассуждения об особых, прирожденных качествах своего народа, споры о том, у кого самая древняя культура и богатая история [11]. Но это не меняет его сущность: он всеми своими проявлениями направлен на возвеличивание собственного народа и унижение других народов, представителей других наций рассуждениями об их «примитивизме», о недостатках их национальных черт, тех или иных сторон их жизни.

Эти формы вызревания национализма нередко поддерживаются недалекими и близорукими действиями официальных органов, спровоцированными узкоэгоистическими акциями и решениями политических деятелей, нередко поддержанных и некоторыми представителями научной сферы. Это проявляется в продолжающихся этнократических поползновениях со стороны правящих национальных элит, которые они камуфлируют под маской заботы о вечных ценностях народа. Именно на этой основе возникла этнизация всех субъектов власти, не только политической, но и экономической и культурной. Именно на этой почве выросли претензии о создании Великой Румынии, Великой Хорватии [8]. Более скрыто, но неуклонно ведет свою политику Турция по созданию если не единого государства, то целого комплекса под ее эгидой. Стоит особо отметить, что этнократические устремления получают различные модификации и все большее распространение [13].

Современный национализм паразитирует на политике по отношению к национальным меньшинствам. Это не только вопрос о цыганах, к которым во многих странах Европы относятся с предубеждением. Это проявилось и в отношении к сербам в Хорватии, когда та стала самостоятельным государством. Аналогичная ситуация сложилась и в Боснии (босняки–сербы). В Румынии это проявилось в политике по отношению к венграм, в Македонии — к албанцам, в Болгарии — к туркам. Яркий пример бегства грузин из Абхазии после гражданской войны в начале 1990-х годов в этой республике. И совсем уникальная ситуация с русским этносом, который в новых независимых государствах после распада СССР в одночасье превратился в национальное меньшинство. Это привело даже к тому, что в ряде новых государств (Латвия, Эстония) русские стали «негражданами» под предлогом сохранения латышского/эстонского этноса [15, с. 96–170; 21, с. 143].

В заключение остановлюсь на анализе двух уникальных явлений, которые проявились сравнительно недавно. В 1990-е годы при анализе различных зигзагов национализма возник ожесточенный спор о том, есть ли такой феномен, как *этническая преступность*. Прошло время, и о ней заговорили как о состоявшемся процессе, который нужно не только признавать, но и решать вопрос о том, как на него реагировать, какими методами и в какой последовательности. С 1998 года в инициативном порядке, а с 2001-го — официально в структуре департамента МВД по борьбе с организованной преступностью существовали подразделения по борьбе с этнической преступностью. То есть факт существования этнических преступных группировок

юридически признан на уровне подзаконных актов Российской Федерации. Одной из причин возникновения таких группировок является их нежелание раствориться в коренном населении в условиях плохого или ухудшающегося социального положения. Людям одной этнической принадлежности легче находить общий язык друг с другом в условиях иноэтнического окружения, часто они живут вместе, в одном районе города, образуя некое подобие гетто. Эта питательная основа становится оправданием и основой для противоправных действий, создания организаций, идеологией которых становится этническая близость их участников.

Не менее уникально еще одно явление, обнаруженное социологами и политологами и выявившее следующее: возник и крепнет такой феномен, как *этническое электоральное голосование*. Оно стало фактом для многих стран Латинской Америки [18, 19]. Проявилось это и на выборах в США, где за своего этнического «собрата» голосуют до 75–80 % от численности соответствующей этнической группы [16]. Стало отмечаться такое явление и в республиках России, когда предпочтение отдавалось тому кандидату, который представлял данный этнос [17]. Первые попытки анализа выявили целый аспект причин такого голосования: а) осознанный выбор по принципу поддержки «своего», от которого можно ждать более внимательной политики по отношению к нуждам и интересам «своего» народа; б) предубежденность ко всем «чужим» как в силу мировоззренческой замкнутости и ограниченности, так и в силу недоверия ко всем нациям, кроме своей; в) в ситуации сомнения, когда нет определенной убежденности в момент выбора, все же чаще срывается эффект этничности как более «правильное» голосование. Иногда в такое голосование вмешиваются и официальные власти, нарезая мажоритарные округа так, чтобы гарантировать прохождение необходимых им кандидатов, особенно если сама власть прямо или косвенно страдает «этническим недомоганием».

Таким образом, национализм не только продолжает функционировать, но и приобретает новые или модифицированные формы своего существования. Но несомненно одно — на эти процессы и явления в жизни каждого общества и всего мира следует не только обращать более пристальное внимание, но и выработать формы противостояния, снижать (если не ликвидировать) его разрушающее воздействие на возможность устойчивого развития человечества.

Литература

1. Абдулатипов Р. Г. Парадоксы суверенитета: перспективы человека, нации, государства / Р. Г. Абдулатипов. — М., 1994.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — М., 2001.
3. Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. — М., 2003.
4. Баринев И. И. Траектории нациестроительства в странах Восточной Европы / И. И. Баринев // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 12. — С. 90–98.
5. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. — М., 2006.
6. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. — М., 1991.
7. См., например: Дзидзоев В. Д. Национальные отношения на Кавказе / В. Д. Дзидзоев. — Владикавказ : СОГУ, 2000.

8. *Задорожнюк Э. Г.* Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности / Э. Г. Задорожнюк // *Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности* / под ред. Ю. С. Новопашина. — М., 2000.
9. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. — М., 1981.
10. *Ноженко М.* Национальные государства в Европе / М. Ноженко. — СПб., 2007.
11. *Перин Р.* Психология национализма / Р. Перин. — СПб., 1999.
12. *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. — М., 1997.
13. *Тощенко Ж. Т.* Этнокрафия: история и современность / Ж. Т. Тощенко. — М., 2003.
14. *Шин А. С.* Национально-демократические революции: некоторые вопросы теории и практики / А. С. Шин. — М., 1981.
15. *Устинова М. Я.* Национальные меньшинства Латвии: История и современные проблемы соблюдения прав / М. Я. Усти-

нова // *Очерки о европейской идентичности и многокультурности* / под ред. М. Ю. Мартыновой. — М., 2013.

16. *Фарушкин М. Х.* Проблемы этнического голосования в зарубежном дискурсе / М. Х. Фарушкин // *Социологические исследования*. — 2016. — № 5.
17. *Федоров В. В.* Русский выбор. Введение в теорию электро-рального поведения / В. В. Федоров. — М., 2010.
18. *Bareto M.* ISI. Se Puedro! Latin Candidates in Mobilization of Latin Voters / M. Bareto // *The American Political Science Review*. — 2007. — № 101 (3).
19. *Madrid D.* Ethnic Proximity and Ethnic Voting In Peru / D. Madrid // *Journal of Latin American Studies*. — 2011. — № 43 (2).
20. *Scherrer Ch. P.* Genocide and crisis in Central Africa: conflict roots, mass violence, and regional war / Ch. P. Scherrer. — Westport : Praeger, 2002.
21. *Tabuns A.* National, State and Regime Identity in Latvia / A. Tabuns. — Riga : Baltic Study Center, 2001.

В. Т. Третьяков¹

МОЖЕТ ЛИ ДИАЛОГ КУЛЬТУР ОСТАНОВИТЬ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ?

То, что сейчас Западом развернута информационная война против России, для меня является очевидным. Многие эксперты как на Западе, так и в России утверждают, что уже можно говорить о новой холодной войне (причем инициированной Западом). Даже если эта оценка несколько преувеличена, во-первых, в любом случае можно констатировать, что информационная война против России ведется и элементы новой холодной войны просматриваются. Во-вторых, в данном случае лучше проявить излишнюю бдительность, чем не заметить опасность.

Холодная война нацелена на решение тех же задач, что и «горячая», то есть на уничтожение или поражение противника, в данном случае — информационное, а значит, и психологическое.

Информационные войны чаще всего либо сопутствуют реальным войнам, либо подготавливают последние и поэтому фактически ведутся по их правилам (за исключением применения боевого оружия). Но между информационными войнами, ведущимися во время реальных войн и в мирное время, имеются существенные различия, которые нужно учитывать, если необходимо остановить такую войну. Перечислим характеристики, отличающие информационные войны, ведущиеся в мирное время и в ходе военных конфликтов.

1. Реальная война объявляется открыто и официально (соответствующим заявлением, разрывом дипломатических отношений и др.) или фактически — так или иначе по территории наносятся удары с при-

менением оружия, уничтожающие людей, здания, инфраструктуру и прочее, войска противоборствующей стороны переходят границу и пытаются захватить как можно больше территории противника и, главное, столицу. Ничего подобного не происходит при инициировании информационной войны.

2. Вся существующая в мирное время инфраструктура противника, находящаяся на территории страны, которой объявлена война (посольство, официально действующие и нелегальные разведывательные центры и сети, представительства фирм и банков, образовательные учреждения, системы связи, корреспондентские пункты СМИ, представительства разного рода фондов, а также обычные граждане и пр.), не может быть ликвидирована или существенно ограничена в свободе действий. Между тем все это может использоваться для ведения информационной войны (в большей или меньшей степени, например отдельные граждане).

3. Современная информационная война ведется в условиях свободы СМИ и соблюдения всех остальных свобод, отсутствия цензуры (даже военной), абсолютной прозрачности границ для трансляции информации (Интернет), (начиная с кинофильмов, телепродукции и заканчивая агентурной информацией, для передачи которой даже не нужно использовать тайные или кодированные системы связи).

4. В настоящее время информационная война против России разворачивается в условиях, когда объем информационного продукта США (кинофильмы и пр.), распространяемого в России, многократно превосходит объем российского информационного продукта в США. Причем большая часть информационного продукта США передается в нашей стране с помощью российских средств: телевидения, киносетей, шоу-бизнеса, СМИ, отечественной системы образования, особенно высшего, а также учебников английского языка, изданных за рубежом, и пр.

¹ Декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор и ведущий программы «Что делать?» (телеканал «Культура»). Автор более 2500 научно-публицистических статей и учебных работ, в т. ч. книг: «Русская политика и политики в норме и в патологии: взгляд на события российской жизни, 1990–2000», «Нужен ли нам Путин после 2008 года?» (сборник статей), «Как стать знаменитым журналистом: курс лекций по теории и практике современной русской журналистики», «Что делать?», «Теория телевидения. ТВ как неоязычество и как карнавал» и др. Лауреат премии ТЭФИ, премии «Золотое перо» Союза журналистов России, кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание».

5. Информационная война против России ведется как на русском, так и на английском и других иностранных языках. И в этом у США априорное преимущество, так как десятки миллионов граждан России хорошо знают английский и другие западные языки, а абсолютное большинство граждан США не знают никакого другого языка, кроме английского.

6. Большинство населения стран, вместе с США участвующих в информационной войне против России, не знают русского языка, но хорошо владеют английским. Таким образом, в информационную войну, направленную против России, вовлечены не только россияне, но и население других стран.

7. В ходе реальной военной агрессии никому и никогда не удавалось захватить всю территорию России (начиная с возникновения Московского царства), тогда как зона покрытия информационной войны — вся страна, включая столицу. Можно говорить о том, что с начала ведения информационной войны территория России (как и любой другой страны) и все население нашей страны, включая детей, попали в оккупацию, представленную в облегченной — информационной — форме.

8. Коллаборационисты, которые в военное время появляются в любой стране, в ходе реальных военных действий вынуждены открыто переходить на сторону врага и действовать под его знаменами, вызывая соответствующие чувства у населения и военных. Во время информационной войны коллаборационисты имеют возможность действовать на территории противника, при этом будучи защищены законами и обладая законными правами и свободами. Это одна из ключевых опасностей информационной войны.

9. Использование оружия в ходе реальной войны всегда причиняет боль и страдания населению (причем мгновенно и непосредственно). А воздействие орудий информационной войны, напротив, связано с удовольствием (например, просмотр кинофильма), появлением альтернативной информации (иногда лживой, но все равно привлекательной своей альтернативностью) и вкушении запретного плода, то есть притягательно по определению.

Важно понимать, что информационные войны ведутся по всем правилам реальных войн (кроме применения боевого оружия), включая шпионаж, контршпионаж, провокации, обман, поиск предателей, подкуп военачальников, создание альтернативных правительств, заброску диверсантов, высадку десантов и пр. То есть если по каким-либо соображениям человек, желая за-

щитить свою страну, ограничивает арсенал своих боевых действий, то он либо не умеет вести такую войну, либо предатель.

Хочу задать три вопроса тем, кто уже многие годы пытается теоретически разработать и практически реализовать политику диалога культур:

1) почему мы спокойно наблюдаем за новой информационной войной, которая с каждым днем становится все масштабнее;

2) можем ли мы попытаться остановить эту войну;

3) что для этого нужно сделать?

Ответ на первый вопрос, по-моему, самый печальный: мы либо слишком беспечны, либо чувствуем свое бессилие.

Ответ на второй вопрос: мы можем уменьшить накал информационной войны и, возможно, остановить ее. Параллельно с ведением информационной войны между противоборствующими сторонами продолжают сотрудничество и взаимодействие, часто весьма интенсивное. Эта особенность информационной войны существенна и может быть использована для минимизации последствий информационной войны, а в идеале — для ее прекращения.

Ответ на третий вопрос: как минимум нужно осознать опасность сложившейся ситуации, серьезно обсудить ее и предложить (возможно, правительству и средствам массовой информации) стратегию прекращения нынешней информационной войны с перспективой ликвидации такого рода войн в принципе. Это полезная и достойная цель нашего форума, которую возможно достичь (если не сегодня, то на следующем собрании, проведя соответствующую работу в течение года).

В связи с этим я хотел бы обратиться к представителям тех стран, которые непосредственно не затронуты нынешней информационной войной (хотя, если быть точным, она ведется по всему миру, но направлена в первую очередь против России): именно вам принадлежит здесь главное слово, ведь вы представляете нейтральную сторону, наблюдаете за войной со стороны, поэтому можете выступить в качестве организаторов сначала перемирия, а затем и переговоров.

Конечно, полной аналогии с перемирием и переговорами, которые могут остановить настоящую («горячую») войну, быть не может. Но и считать, что информационные войны неизбежны, а потому единственный способ их прекращения — поражение одной из сторон, тоже, по-моему, недостойно тех, кто считает себя интеллектуалами, да еще выступающими с платформы диалога культур!

Ташансу Тюркер¹

ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ, ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ДЕМОКРАТИИ В ЗАПАДНОМ МИРЕ

За последние четыре десятилетия различные сферы социальных наук (особенно политическая философия) были охвачены вопросами современности, ее актуальности и сопутствующими темами. Очевидно, что содержание и преобладание таких вопросов растет буквально день ото дня. Здесь я не хотел бы углубляться в дискуссию по поводу политической философии. При этом в рамках настоящего доклада стоит упомянуть книгу “State of Crisis” («Кризисное состояние») Зигмунта Баумана и Карло Бордони (Zygmunt Bauman, Carlo Bordoni, 2014). В данной книге авторы просвещают читателей в области социологии, политологии и политической философии. Концепция «текущей современности» была принята в качестве аналитического инструмента для выхода на этап «современности в кризисе», при этом использовались ссылки на политическую философию, дискуссии на политологические темы и теории на основании социологических наблюдений.

Утверждается, что современность находится в двустороннем кризисе: с одной стороны, *несостоятельность государств*, с другой — *радикальные изменения в социальных структурах*. Результаты же кризиса современности можно разделить на политические и социальные. Наиболее заметный политический результат, который я хотел бы подчеркнуть, можно назвать утратой идентичности или коллективного сознания, которое формировалось национальными государствами в процессе их существования, и вся международная система опять же зависит от них. Такая идентичность или коллективное сознание имеет две стороны: местную, касающуюся внутренней жизни государства — языка, религии, истории и так далее, что обеспечивает единство в рамках *границ* страны, и универсальную, связанную с безопасностью, справедливостью, демократией, правами человека посредством обеспечения целостной системы ценностей, в том числе международной. За рамками дискуссий по поводу универсализма и партикуляризма, полагаю, можно допустить, что частные проблемы национальных государств зависят от универсальных ценностей, которые формируют международную систему. Это означает, что нельзя недооценивать существенное размывание универсальных ценностей. Другая сторона политического результата может быть определена как слабость государства в отношении политических требований масс, когда осуществляется поиск законных и эффективных путей управления. Здесь посредством требований масс социальные результаты можно связать с политическими. Можно говорить и о том, что требования масс также изменились. В социальных дискуссиях отмечается,

что массы не знают, чего они хотят, но хорошо знают, чего не хотят, что затрудняет управление обществом при помощи современных способов, таких как представительство, парламент или партии, даже в гражданском обществе. Другая сторона социальных результатов — массовое стремление к потреблению. В рамках концепции авторов *потребительское общество* является новой реальностью для всех социальных и политических сфер, а не только граждан, и это превращает потребление в новую цель (*греч. telos*).

Кризис современности и текущая изменчивость, о которых говорилось выше, фактически означают кризис *суверенитета* и кризис *демократии*, в том числе и для современного мира. Умберто Эко писал о подобной ситуации, обозначая ее как постмодерн, нарушающий границы пока еще неведомых обстоятельств будущего. Для Эко кризис современности и текущая изменчивость также являются нарушением границ, где будущее современного мира формируется на фоне *безвестности и вопросов*. Современность снова находится в поиске своего будущего, как это было в XIX веке, который, по моему мнению, стал основополагающим для последующих веков. Определения универсальности, государства, суверенитета, идентичности, представительства, экономической трансформации и социальной структуры подлежат переосмыслению в том времени, в котором мы пребываем сейчас.

Здесь я должен отметить, что данный доклад основан скорее на вопросах, а не на ответах. Это вопросы об универсальных ценностях, международной системе, коллективном сознании (сознаниях), управлении, политических системах, социальных движениях, экономических моделях и т. д. Хотелось бы адресовать эти вопросы не только странам Запада, но и другим, например России и Турции, которые можно описать как идеальные примеры модернизации за последние три века и которые могут формировать категории если не современности, то модернизаций с их уникальными чертами. (Я здесь не касаюсь дискуссий по поводу *евроцентризма*, так как согласен с тем, что критика в отношении евроцентризма полезна, но в то же время безопасна для любого консерватора, который рассматривает локальность как аварийный выход для любой необходимой инициативы реформирования. Я также не хотел бы прибегать к дискуссии по поводу классической схемы модернизации и *множественных современностей*, поскольку моя цель заключается не в том, чтобы их описать, а в том, чтобы дополнить вышеуказанные дебаты посредством поиска отражения кризиса современности в различных точках мира с разными историческими предпосылками.) Я решил сравнить российский и турецкий опыт с западным не потому, что я родом из Турции, а площадь Лихачева находится в России, но поскольку уверен в том, что сравнение этого опыта в исторической перспективе формирует благодатную почву для всех социальных наук и я ча-

¹ Директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция). Сфера научных интересов: история Османской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Османской и Российской империй и вопросам современной международной политики.

сто прибегал к этому источнику в моей академической карьере. Так как историю можно считать лабораторией социологии, а модернизация сама по себе представляет скорее процесс, чем ситуацию, я хотел бы использовать исторические ссылки, чтобы перейти к следующим политическим вопросам, связанным с темой кризиса современности. Процессы, с которыми столкнулись обе страны в рамках своего опыта модернизации, дают возможность сравнивать их не только друг с другом, но и по отдельности с течением времени. Это может открыть способ категоризации и концептуализации данного опыта по разным моментам, что является единственной возможностью получения хоть каких-нибудь ответов, а не только вопросов.

Хотя идентичность сегодня является более сложной и многослойной, чем раньше, а коллективное сознательное относится не только к государственной идентичности, но и к политическим системам, сравнение двух опытов трансформации идентичности в хронологическом аспекте может стать хорошим подспорьем в понимании отражения кризиса современности в наших странах и, кроме того, может обеспечить важные подсказки для прогнозирования нашего будущего. (При этом я буду избегать обращения к западной модели в связи с ограниченностью объема данного доклада и достаточной осведомленностью о ее характеристиках.) Полагаю, что процессы идентичности в этих двух практиках модернизации являются основными вопросами описания более широкого диапазона с собственными характеристиками и отношениями к восприятию и отражению Запада в наших странах. Кроме того, в этой сфере можно увидеть признаки, которые будут характерны для наших политических систем в прошлом и будущем.

Когда мы говорим об идентичности и политической легитимности в наших странах во время их прошлых или, другими словами, классических периодов, первым следует упомянуть «римский универсализм» в обоих государствах. Мехмет II Завоеватель часто называл себя Цезарем, пренебрегая иными исламскими или турецкими титулами. И, конечно, все помнят, что «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать». На самом деле это не должно никого удивлять: ведь Рим был единственным источником легитимности для любого государства до XVII века в этой части мира, то есть по существу во всей Европе. Вольтер утверждал, что новая имперская модель в Центральной Европе формировалась вовсе не Священной Римской империей, а скорее толпой немцев. Такая легитимность зависела от признания «*ойкумены*» (греч. «вселенная») как целого, и государство в *ойкумене* также должно быть целостным. Поэтому каждое государство утверждало, что именно оно есть государство, а значит, Рим. Даже на досовременном этапе «международной системы», которая на самом деле не существовала, присутствовало это общее правило или ценность для мира. Также это было основой политических систем в государствах: *преданность Цезарю*. Таким образом, поиск какой-либо идентичности в качестве инструмента политики на досовременном этапе является нереалистичным. В рамках процесса в Европе XVII века идентичность как вопрос поли-

тики была важна как отдельный компонент современности. Коллективное сознание, заменяющее Цезаря или Принца как высший идеал, и представительство такой коллективности стало основой для современности впоследствии. Надо было подождать XVIII века, пока это появится в России и Турции, совпав с началом модернизации. В данном аспекте можно обоснованно полагать, что современность, модернизация и отражение соответствующих тем в России и Турции всегда были связаны не только с идеями, касающимися *концепции* Запада, но и с *фактическими политическими отношениями* с Западом. Можно просто заявить о том, что идеальные и политические отношения с Западом всегда были определяющими в этих случаях модернизации. Здесь мне придется обратиться к моему докладу, представленному в прошлом году на Лихачевских чтениях.

С начала XIX века в Османской империи начался период распада, и интеллигенция, наряду с управляющей страной элитой, была хорошо осведомлена о ситуации. Это понимание определило базовую динамику основных попыток реформ, и удивительно, что данные реформы никак не были связаны с модернизацией или вестернизацией, а, напротив, проводились в рамках борьбы с Западом с намерением защитить государство и *статус кво*. По сути, такое состояние сохранялось до конца XIX века, а единственное различие заключалось в признании не только технического, но и всестороннего превосходства Запада, что привело к расширенным реформам с начала XIX века. Независимо от их объема, изначальной задачей реформ была защита государства. Процесс реформирования начался в связи с этой ситуацией, но, как было сказано выше, реформы начинались в целях удовлетворения требований, связанных не с обширной вестернизацией, а с устранением недостатков империи. Уже во времена Селима III и Махмуда II реформы стали активно воплощаться в жизнь, а процесс, который сегодня называется вестернизацией, начался позднее и продвигался медленно. Несмотря на то что вестернизация стала менять все сферы жизни империи и общества, основное влияние определялось появлением интеллигенции, знакомой с западной культурой.

В то время как западная культура набирала вес, националистические настроения в основном зависели от христианских субъектов, а впоследствии были приняты и мусульманскими субъектами, кроме Турции. Турецкий субъект в основном концентрировался на идее «*спасения империи*». Концепция национализма не существовала в традиционной структуре этой империи, которая была основана на системе *милла*, с религиозными группами, которые говорили на множестве разных языков и состояли из разных этнических групп с их собственными администрациями под опекой центральной имперской власти. Такое состояние сознания быстро развивалось в течение XIX века и в конечном счете ниспровергло Османскую империю. Во всем этом основные интересы османской интеллигенции в итоге были противопоставлены национализму, так как для спасения империи от него следовало бы отказаться. На этом фоне османская интеллигенция не могла сформировать идеологию тюркизма, и, кроме того,

превратилась в агентов имперской структуры против националистического процесса.

Если изучать идеи Запада и противостояния Западу, становится понятно, что для османской интеллигенции развитие систематического антизападного идеала в итоге было запоздалым и слабым. Идея вестернизации пошла на спад, а скептическая по своей сути концепция вестернизма, которая являлась основной характеристикой реформ, затрудняла или, по крайней мере, снижала объем противостояния. Однако в целом наблюдалось стремление примирить западные ценности с традиционной структурой, а значит, сохранить империю. В этом смысле и должна рассматриваться идеология *османизма*. Западные понятия *родины* и *патриотизма* были объединены с традиционной *преданностью* и *справедливостью*, чтобы попытаться сформировать «*османскую нацию*». Провал этой попытки нельзя объяснить исключительно недостаточным уровнем сложности. Очевидно, что сила государства — обязательное требование такой политики, но у Османской империи этой силы в XIX веке больше не было. Самый важный этап османизма — эра реформ *Танзимат*, с лояльностью султану (традиционным направлением лояльности), которая исчезла под влиянием бюрократической элиты, а концепция *лояльности* была заменена концепцией *родины*. Новая османская философия также добавила понятие родины к концепции «равного и либерального подхода к понятию гражданства». Хотя представление о том, что участие во всех элементах процесса управления должно возлагаться на государства, может показаться очень простым, оно органично вписалось в контекст.

Предметом еще одного направления новой османской философии стал описанный выше антивестернизм. Новая османская идея, в рамках которой *Islahat Fermanı* (Указ о реформе 1856 г.), объявленный во время конференции в Париже, рассматривался как западное вмешательство, также представила первую систематизированную антизападную идею. Но это следует толковать как требование независимости или противодействие вмешательству в рамках «патриотизма», а не как конфликт. Данное противоречие стало первой трещиной в османизме. В связи с этим немусульманские элементы рассматривались как инструмент западного вмешательства, и идеология османизма, опять же при внешнем вмешательстве, испытала серьезный упадок во время первого внутреннего конфликта. В результате того, что количество немусульманских элементов в империи уменьшалось, имперское сознание приняло ислам как свою новую идентичность. Эта идеология, которая представляется как панисламизм, может рассматриваться как западная, потому что процесс, в рамках которого ислам перестал быть религией и начал обозначать идентичность современной идеологии, был основан на западных ценностях.

Примечателен тот факт, что даже для сторонников панисламизма его идеология может представляться весьма спорной и нуждающейся в защите. Но идея сохранения государства трансформировалась в продолжение того, что осталось, с одной стороны, с заметным влиянием исламской идентичности, с другой — с усилиями, направленными на то, чтобы не подвер-

гать остракизму немусульманские элементы. Такая исламская идентичность была антинационалистической почти на уровне утопии. Интернационализм исламских элементов вышел на первый план с утверждением о том, что подчеркивание различий несет в себе угрозу исламу. В то же время развивались процессы арабского и особенно албанского национального самосознания, что, в конечном счете, повысило влияние идеологии тюркизма.

Слово «*тюркизм*» стало использоваться намного позже появления национального самосознания у всех субъектов Османской империи. Похоже, впервые термин возник в начале XX века, хотя всеобщую поддержку эта идеология получила после войн на Балканах и даже Первой мировой войны, до тех пор скрываясь в исламских идеях. Несмотря на то что *тюркизм*, подобно *панисламизму*, имеет характеристику «пан», он никогда не был эффективной идеей. Внутри страны это проявилось на этапе становления Республики Турция, когда был взят курс на вестернизацию. Тюркизм и вестернизм развивались вместе как современные формы национализма. На этом этапе характеристика «общности» тюркизма исчезла и появилась идея равной и независимой турецкой нации среди современных наций, то есть идеология, которая, как прежде не раз, заявляла о своем имперском наследии и продолжала идею «*комплексности*» вместо «*исключительности*» (основной идеи национализма). В этом смысле современная Республика Турция и проект кемализма появились в результате смешения понятий «родины» и «нации», модели, которая ориентирована на Запад, но в то же время чувствует себя неуютно в этом русле, хочет принять западные ценности, но в то же время сохранить целостность государства; которая относится к тюркизму, но основана на «*гражданстве*».

Что касается России, то первый важный факт заключается в том, что, в отличие от Османской империи, Россия была страной, влияние которой постоянно росло. В России систематический ход вестернизации, начавшейся с реформ Петра I, привел к увеличению мощи империи. В течение XIX века трудно было найти какое-либо объединение европейских стран, в котором не участвовала бы Россия. Опять же, в отличие от Османской империи, в России была сформирована центральная власть, а оппоненты автократии устранились. Помимо экономического роста, имели место невероятные достижения в области образования и культуры. Развитие аристократической элиты благодаря западному образованию почти превзошло таковое на Западе и не ограничивалось техническим прогрессом, а характеризовалось также высоким уровнем социальных наук и искусств. Основным моментом в связи с темой настоящего исследования является вера русской интеллигенции в эту «*великолепную*» Россию. Пока османские интеллектуалы были озабочены «спасением государства», российские имели возможность заниматься куда более сложными вопросами. Еще один момент — аристократическое происхождение российской интеллигенции. В то время как османские интеллигенты были типичными примерами мелкой буржуазии, российская интеллигенция в большинстве своем имела

аристократическое происхождение. При изучении реформ Петра I и периода Екатерины II, когда эти реформы были регламентированы, обнаруживается важный факт. В России реформы с самого начала внедрялись систематически и решительно, без промедления, в отличие от *нерешительной модернизации* в Османской империи. В результате в России систематическое и обширное противостояние Западу с начала XIX века продолжалось так же жестко, как и сами реформы, чего никогда не было в Османской империи. Антизападные настроения в России порождали вопрос, кем «мы» являемся относительно Европы, и естественным образом определяли содержание этого «мы». Процесс, который можно рассматривать как ранний консерватизм, следует оценивать как интеллектуальную среду, где основное значение имеют первые современные попытки формирования «российской» идентичности.

С другой стороны, западные настроения, наблюдающиеся в тот же период, которые можно определить как ранний либерализм (запавший в душу декабристов 1825 г.), явно относятся к сфере преобладания идей, которые поддерживают процесс вестернизации в России и желание сформировать новую социальную структуру с западными ценностями. На первое место выходит сотрудничество через политическую борьбу концепций «родины» и «патриотизма», возникающую на Западе. В результате анализа становится понятно, что возникает новое представление о сути исследуемых нами проблем — политическое утверждение, касающееся концепции современного понятия «родина». И тут будет правильно отметить, что концепция аналогична концепции османизма, так как западная модель организации и политики формируется на основании концепции «родины» в обеих странах.

Либерализм вступил в противостояние с антизападными настроениями в России. Основные признаки этого конфликта наблюдаются в дискуссиях 1840-х годов. Это противостояние, называемое конфликтом *западников и славянофилов*, раскрывает тот факт, что *западники* сохранили свои либеральные воззрения, но, несмотря на это, ранний консерватизм по-прежнему определял российскую идентичность, и эта идея становилась более системной. Здесь следует отметить, что российская идентичность формируется не как национальная, а как идентичность цивилизации. Это не только системное формирование, но и национальное состояние сознания, которое не принимает концепцию границ и включает имперские составляющие. Еще одна (деструктивная) характеристика данного определения включает своего рода свободу, которая не принимает противостояние авторитарии и увеличивает политическую апатию.

Изменение настроений имело место из-за того, что российская аристократическая интеллигенция утратила веру в Европу. Это разочарование, в частности, отмеченное А. И. Герценом после *Крымской войны*, привело к появлению идеи, что российская идентичность должна быть политизированной. Очевидно, что Герцен — *западник*, объявивший о несостоятельности Запада, в итоге повысил уверенность и самосознание, связанных с российской идентичностью на фоне западного мира. Политизация этой уверенности и са-

мосознания России состоялась благодаря Данилевскому, который вернул идею панславизма на стыке немецкой философии и французской революционности. Данилевский в своей работе *«Россия и Европа»* сформировал концепции цивилизации на достаточно высоком уровне, став первопроходцем для Шпенглера и Тойнби, и разработал концепцию славяно-русской цивилизации, противопоставив ее западной. Хотя такая формулировка в основном подразумевает единство славян, в центре этого союза находится концепция российской идентичности, которая является самой значительной силой в этой цивилизации. Отсюда и утверждение, что Россия, как старший брат или даже отец (а не ровня), должна сформировать данный союз и выступить как новая и могущественная цивилизация мира. Западная аналогия здесь снова выступает основным фактором, и промежуточной концепции в этих дискуссиях нет. И опять же, в соответствии с этой идеей, Россия была империей для большого населения за ее границами и могла демонстрировать это.

Такая политика прекратилась во время внутренних волнений в период царствования Александра III. Хотя триада «Православие, Самодержавие, Народность», сформулированная как официальная идеология в середине века, оставалась неизменной, внутри страны одновременно проводилась политика быстрого обрусения. И все-таки эта триада, как официальная идеология традиционной империи, продолжала удерживать ее на стадии национализма. Хотя политика и идеи в рамках концепции «родины» на данном этапе продолжали проводиться в жизнь, было признано, что Россия отличается от Запада, и это различие возмечивалось всеми. Другими словами, влияние тех, кто защищал концепцию единой «родины» в западном ключе, было сведено к минимуму. Набирали силу другие идеи, которые в общем подчеркивали российскую идентичность. Несмотря на все эти дискуссии, тенденция преобразования Российской империи в империю «Русь» (территориальную имперско-этническую национальную / российскую-русскую империю) закончилась на ленинском этапе, который предпочел концепцию «родины» на основе пролетарского интернационализма как главной идентичности, поддерживающей единство народов. В рамках этой идеологии, которая признает право на самоопределение народов, понятие «родины» утверждается вместо «народа». Мечта декабристского движения, которое определяется как ранний либерализм начала XIX века, сбылась на век позже — период, когда все элементы объединились идеологией социализма и гражданских связей под эгидой коммунистической партии, начиная с Октябрьской революции.

Как упоминалось выше, процесс идентичности в двух случаях не только связан с коллективным сознанием, но также касается отношений двух стран с Западом и их политических процессов. Также неизбежно отсутствие связи этих двух сфер с социальными вопросами. Общество, гражданство, государственная идентичность, легитимность управления и реформ в политической и экономической сферах составляют сущность модернизации. При этом можно предположить, что эта сущность не была обязательной до вышеуказан-

ной «текущей современности». Два идеальных сценария реформ в правительстве и экономике, но не в политической сфере, можно обнаружить во времена правления Абдульхамида II и Александра III. Оба были консерваторами и в то же время автократами-реформаторами, их политику можно назвать примером консервативного реформизма в конце XIX века. Убежденность обоих в необходимости реформ, исключая политические, привела к политике «необъявленного» мира в отношении друг друга и защиты от Запада; и даже сегодня у них есть консервативные поклонники в России и Турции. Их понимание реформ было аналогично раннему турецкому реформизму XVIII века: реформировать, а не изменять существующую политическую и социальную ситуацию в империях. Момент общего и частного реформизма империй закончился частным в конце столетия. В следующем веке, в то время как Турецкая Республика после Первой мировой войны снова выбрала путь тотальных реформ, Советский Союз продолжал реализовывать реформы в рамках собственного суверенитета и заниматься детализацией своей модернизации.

Еще один аспект, который необходимо упомянуть, — демократический выбор обоих государств. Османская империя выбрала путь представительских реформ в третьем десятилетии XIX века, Россия — более авторитарную модель с момента провального восстания декабристов. После Крымской войны определились два противоположных направления для двух сценариев. Многие историки утверждали, что основная причина Русско-турецкой войны 1877–1878 годов была в большей степени связана с османской конституцией и парламентом 1876 года, чем с панславизмом или независимостью Болгарии. Опять же после Первой мировой войны эти противоположные направления определили пути двух сценариев модернизации в отношении современных демократических ценностей. Еще один аспект — экономические тенденции и успех или провал каждой из них, которые следовало бы упомянуть. Но я не буду развивать эту тему, а вместо этого напомним общие характеристики нынешней Турции и России в том, что касается экономических возможностей и уровней развития обеих стран с учетом их возможностей интегрироваться в мировую экономику.

Если проследить эти основные исторические направления, можно, наконец, задать вопросы по поводу проявлений кризиса современности. Во-первых, разница в пути развития разных стран на Западе и два разных сценария модернизации говорят о преимуществах или недостатках нынешнего политического развития.

Например, если говорить об идентичности и вопросах цивилизации, можно вспомнить Бакунина, который утверждал, что будущее мира зависит от незападной части мира, то есть будет формироваться на российских и османских землях, так как оба сценария не были «ухудшены» западной цивилизацией. Или триста лет модернизации заключались только в том, чтобы следовать за Западом и приспосабливаться к нему, а когда на Западе появится новый статус-кво, модернизация в своем исходном значении продолжится? Суверенитет государства, который остался неизменным благодаря инстинкту защиты в процессе модернизации, —

это преимущество или, если отношения между государством и народом ослабляются, это недостаток — при отсутствии инфраструктуры и предпосылок для наднациональных гибридных политических организаций? Неустановленные и трансграничные идентичности между цивилизациями или смешение понятий родины и нации — являются ли они преимуществами или уже устарели, а значит, новая идентичность после них не будет формироваться? Несформированные демократические институты и культура являются достоинствами для нового авторитаризма, который станет реальностью завтрашнего дня, или это опять состояние недоразвития, в то время как новая реальность будет куда более современной демократией со своими сложными характеристиками? Или же состояние несформированной демократии означает возможность адаптации к более совершенной модели? Гражданственность, которая не смогла выйти на современный уровень, является преимуществом для трансформации в систему сообществ, или недоразвитый вариант гражданственности приведет к тому, что результатом этих двух сценариев будут федерации гетто? Если с политической точки зрения гражданин утрачивает свое место в неполитическом субъекте, цель которого заключается только в потреблении, является ли это преимуществом в управлении сценариями модернизации или приведет к полной атомизации? Если потребление будет единственной целью, будет ли все сведено к товарам и услугам? Могут ли слабые политические и социальные сообщества обеспечить население потребительскими товарами? Как экономический успех связан с политической надежностью? Экономическое развитие идет альтернативными путями на Западе — совместимы ли они? Возможен ли экономический успех при политической конфронтации с Западом, без универсального закона и эффективной политической системы? Будет ли высокий уровень потребления гарантией политической стабильности или все запросы народа будут ограничены мечтами о потреблении? Если не мечты, а ложное восприятие кошмаров будет определять социальные требования, как можно будет управлять новым периодом иллюзий?

Любой может добавить сюда свои вопросы. Однако основная проблема заключается в том, что на фоне разных исторических предпосылок кризис модернизации будет сказываться на ее сценариях, причем, возможно, наиболее неблагоприятным образом. Я полагаю, что баланс этих сценариев находится между идеями прогресса и консерватизма, универсальности и частности реформ, гибкости и конфронтации с Западом, нового надежного патриотизма с эффективным государством или классическим патриотизмом с сильным государством, демократизацией и авторитаризмом, более сложным представительством или экстернализацией новых идентичностей, успеха или провала экономических свершений, интеграцией или изоляцией и т. д.

В конце я бы хотел повторить, что этот доклад состоит скорее из вопросов, а не ответов. Думаю, все эти вопросы необходимо исследовать и дополнительно обсудить. Все ли твердые вещества тают в воздухе или текучесть того, что еще не затвердело, не позволит ему раствориться?

Н. А. Хренов¹**СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ:
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В XX ВЕК**

Создавшаяся сегодня ситуация, связанная с отторжением и изоляцией России, кажется беспрецедентной. Такой она кажется до тех пор, пока мы не начинаем ее рассматривать на уровне взаимоотношений между цивилизациями. Та вертикаль власти, которая, видимо, в современной России сегодня достигла апогея, лишь возвращает к ситуации первой половины XX века. Это возвращение к исходной точке цикла, начавшегося с приходом к власти Сталина. Нет, неслучайно мысль постоянно возвращается к нему. Несмотря на его чудовищные преступления, масса людей сохраняют о нем память. Что же, в конце концов, совершил Сталин, что его образ продолжает быть живым? Может быть, Россия сегодня снова оказалась в такой же ситуации, в какой находилась, когда к власти пришел Сталин, когда провидению было угодно, чтобы пришел лидер такого типа?

Проблема Сталина и отношения к нему сегодня лежат не в плоскости нашего актуального и меняющегося отношения к революции, а в плоскости нашей способности осознать ту ситуацию, которую в XX веке переживала российская цивилизация. Проблема России предстает таковой на той стадии мировой истории, когда возникает фаза, названная Шпенглером фазой цивилизации, то есть финальная. Естественно, у философа речь идет о финальной фазе прежде всего западной цивилизации. Если согласиться с ним, то новая ситуация, связанная с утратой лидерства Запада, приводит к свертыванию процесса вестернизации. Но это означает, что в новой ситуации Россия как цивилизация, ценностные ориентации которой в последние столетия определялись Западом, должна была снова задуматься о своей идентичности.

Вместе с закатом западной цивилизации уходил в прошлое и отрезок российской истории, который связан с историей петербургской России. Об этом, в частности, свидетельствовал и распад Российской империи в ходе начавшихся в XX веке революций. В дневнике З. Гиппиус — свидетельницы Февральской революции — есть замечательные страницы, которые читаются как летопись русской революции. В си-

туации массовой анархии либеральная власть оказалась перед необходимостью диктатуры [1, с. 154]. Когда отшумел гул революции и народ изжил свой *ressentiment*, Россия вновь оказалась в ситуации кризиса, в какой она, собственно, и была до революции, когда распадалась империя. Идеализация революции и превращение ее в единственно значимое событие, отныне определяющее ход истории, отвлекало от кризиса, понимаемого уже не как кризис империи и даже не как кризис революции, а как кризис цивилизации, что гораздо серьезнее.

Империя, конечно, не цивилизация. Цивилизация существует в больших временных рамках. В их границах формы политической, а следовательно, и государственной власти могут меняться. Однако длительный период российской цивилизации функционировала лишь в форме империи. Это свидетельствует о том, что для российской цивилизации это была наиболее оптимальная форма. Это объясняется тем, что российская цивилизация объединяет в своем составе множество разных народов и конфессий. Собственно, само строение цивилизации здесь тоже предстает в имперской форме. Именно поэтому в истории осознается распад империи, но не типа цивилизации.

Однако распад империи в России не может не затрагивать и цивилизационную основу. Все свидетельствует о том, что любое совершающееся в XX веке в границах политической истории событие необходимо рассматривать под цивилизационным углом зрения. Есть необходимость так же рассматривать и революцию, и, в частности, восстановление империи после прихода Сталина к власти. Причем, если революцию часто связывают исключительно с распадом империи, то деятельность Сталина требует уже иных уровней рассмотрения. Самоопределение России в новых условиях стало следствием заката западной цивилизации и распада Российской империи. Оно обязывает русских размышлять о будущих политических и цивилизационных трансформациях, уже не связанных исключительно с Западом.

Русская революция продемонстрировала отход России от Запада, хотя этот отход разворачивался на основе заимствованной на Западе системы идей (модерна и марксизма как варианта модерна) и обращенной против него. Возникающие после революции политические структуры оказались нежизнеспособными и вскоре завели в тупик. На повестке дня актуальными оказались и проблема выхода из внутреннего тупика, и проблема взаимоотношений с Западом, которые с появлением национал-социализма в Германии необычайно обострились. Столкновение с Западом казалось неотвратимым. Приближался второй акт Первой мировой войны — Вторая мировая. В этой ситуации необходим был «творческий ответ», который бы смог не только разрешить внутренние проблемы, но и отстаивать самостоятельность российской цивилизации. Ста-

¹ Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук. Автор более 600 научных публикаций, в т. ч. книг: «Мифология досуга», «“Человек играющий” в русской культуре», «Кино: реабилитация архетипической реальности», «Зрелища в эпоху восстания масс», «Воля к сакральному», «Культура в эпоху социального хаоса», «Русский Протей», «Образы великого разрыва. Кино в контексте смены культурных циклов», «Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики», «Публика в истории культуры. Феномен публики в ракурсе психологии масс», «Социальная психология искусства: переходная эпоха», «Избранные работы по культурологии. Культура и империя» и др. Председатель Комиссии междисциплинарного изучения художественной деятельности при Научном совете РАН «История мировой культуры», член Союза кинематографистов России, член Союза театральных деятелей России.

лин такой ответ дал с помощью реабилитации исторического опыта России, о чем свидетельствует данный им сигнал о реабилитации истории, на что отреагировало искусство.

Сегодня, в первые десятилетия XXI века, мы вновь оказываемся в такой же ситуации, на которую на рубеже 1920–1930-х годов Сталин дал «творческий ответ». Значит, осмысление возникшей в XX веке ситуации лежит не только в плоскости политической истории. Мы сегодня вспоминаем и не можем забыть Сталина не потому, что он велик и гениален или чудовищно жесток и кровав, а потому, что проблема, которую ему пришлось решать, для нас снова стала актуальной, вернулась к нам. Речь, следовательно, идет уже не только о судьбе империи, к которой попытался вернуться Сталин, а о судьбе цивилизации в целом. Распад империи в России в сталинском варианте во второй раз обязывает русских мыслить в цивилизационном духе, то есть в больших протяженностях истории.

Ставя какую-либо задачу, которая, казалось бы, способна реализовать самую благую идею, просветить и облагородить человечество, тот или иной народ, используя неверные средства, способен нанести вред не только себе, но и человечеству, что постоянно в истории и происходит. Ведь для того чтобы реализовать идею добра, справедливости и братства, русские должны быть не только нравственно способными к этой акции, но и сильными. Но чтобы быть сильными, необходимо вызвать к жизни мощное государство, которое оказывается империей, а каждая империя, возникнув, стремится распространить свое влияние на весь мир. Такова уж природа империи. Но, чтобы распространиться в мировом пространстве, империя должна милитаризоваться. На этой основе возникает культ силы. А там, где сила, там и язычество. Чем больше язычества, тем быстрее угасают те нравственные ценности, которые принесло с собой христианство. Именно это усиление языческого начала на Руси усматривал В. Соловьев в связи с укреплением Иваном Грозным государственности [2, с. 572]. Со временем под воздействием имперского комплекса происходит перерождение. Ничего другого, кроме подавления других народов, этот уверовавший в себя народ дать уже оказывается неспособным. Мечта оказывается нереализованной, да и несостоявшейся. Это произошло в XX веке с Россией. Это в XXI веке происходит и с Америкой.

Сталин реабилитирует государственность и на развалинах царской возводит новую империю, хотя так ее и не называя. Эта империя оказалась в изоляции, когда во всем мире империи разрушались. Возвращение к империи и реальность тоталитарного государства означают одно и то же. Тоталитаризм означает жесткую регламентацию всего, что существует в государстве, вплоть до личной жизни людей. Ставя вопрос именно так, мы уже вводим его рассмотрение в пространство истории, понимаемой и как история культуры, и как история цивилизации. В данном случае мы следуем методологии изучения истории, используемой А. Тойнби, который развел историю государства и историю цивилизации, понимая последнюю шире, ибо в нее могут

входить несколько государств, как это демонстрирует, например, Запад [3, с. 407].

Сталинская тоталитарная система — вовсе не новая политическая конструкция, а дань и политической, и культурной традиции, сформировавшейся еще в глубокой истории, в ту эпоху, когда русские многое заимствовали у Византии. Следовательно, вопрос о генезисе тоталитаризма — это вопрос не только курса Сталина, но и истории и судьбы российской цивилизации. Оценки деятельности Сталина должны исходить из того, что им сделано такого, что в свое время позволило продлить жизнь России как особой цивилизации, независимо от того, осознавал это вождь или нет.

Как уже отмечалось, противостояние России и Запада имеет глубокие исторические корни. Заимствуя многое у Византии, Россия включалась в то противостояние, которое связано с противостоянием Запада и Византии. Конфликт, который получил во время Второй мировой войны выражение в столкновении России и Германии, уходит своими корнями глубоко в историю, в отношения между Римом первым и Римом вторым, то есть Византией. Когда эти великие цивилизации угасли, их противостояние передалось более молодым народам. Эту расстановку сил в истории Н. Данилевский представляет так: «Но и Рим, и Византия уже изжили свои творческие силы и должны были передать свое наследие новым народам. Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии — славяне; и в этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом» [4, с. 308].

Ставя вопрос о взаимоотношениях между цивилизациями, А. Тойнби решительно относит Россию не к западной, а именно к византийской цивилизации, доказывая, что некогда усвоенные византийские формы продолжают быть активными [3, с. 370]. Некогда сделанный русскими выбор в пользу Византии продолжает определять ориентации России и по сей день. Именно эта, как выражается А. Тойнби, упрямая приверженность византийской цивилизации и породила в истории «враждебное отношение Запада» к России [там же, с. 372], что не могло не проявиться и в войнах XX века. Собственно, именно это отношение Запада к России и является вызовом.

Спрашивается, а причем тут византизм, когда Сталин исходил прежде всего из марксизма как доктрины, рожденной вовсе не византийской, а именно западной цивилизацией? Но в том-то все и дело, что, возникнув на Западе, марксизм, как система радикальных идей, меньше всего оказался реализованным в жизнь именно там. Будучи усвоенной русскими, и прежде всего русскими радикалами, эта система претерпела трансформацию. Она здесь реализуется в контексте и в формах византийской традиции. Ни одна цивилизация, заимствуя опыт другой цивилизации, не использует его в чистой форме, то есть в форме, присущей другой цивилизации. Чтобы этот опыт прививался, он должен был быть переведен на язык культуры, усваивающей чужой опыт. Поэтому история революции, как и политическая история, в России принимает визан-

тийский вид и предстает уже как порождение византийской цивилизации.

Чтобы выйти из ценностных ориентаций западной цивилизации, в соответствии с которыми Россия развивалась со времен Петра, нужно было опереться на какую-то уже существовавшую в истории основу. Ею и стала византийская традиция. Но в романтическую эпоху революции этот процесс еще не был очевидным. По-настоящему византийская традиция стала судьбой России в тот момент, когда власть сосредоточилась в руках Сталина, а еще точнее — в экстремальной ситуации, какой и явилась Вторая мировая война. Следовательно, империя в ее новой, сталинской, редакции — это реабилитация византийской традиции, которая была так упакована в марксистскую терминологию, что, казалось, ни о какой активности этой исторической традиции не могло быть и речи. Тем не менее это именно так. А византийская традиция в ее государственной форме известна как второй Рим.

Но если Сталин реабилитировал византийскую традицию, то было бы уместным назвать возводимую им вертикаль власти новым «третьим Римом». Нет, неслучайно некоторыми людьми Сталин воспринимался в образе первого архитектора Третьего Рима — Ивана Грозного. Возрождение византийской традиции возвращает Россию к оппозиции с Западом, поскольку Византия всегда была альтернативой западному миру, который во многом, во всяком случае в не меньшей мере, чем мусульманский мир, способствовал закату византийской империи. Стало быть, реабилитация идеи «Третьего Рима» автоматически приводит к противостоянию с Западом, а это противостояние, как утверждает А. Тойнби, характерно для всей российской истории.

Актуализация византийской традиции предполагает и соответствующее отношение к Западу. Когда выяснилось, что большой альянс, созданный в годы Второй мировой войны, после ее окончания сохранить не удастся, и стало очевидным, что Америка стремится лидировать в мире и диктовать свой императив, Сталин, прилагавший массу усилий по обеспечению равновесия и утверждению роли СССР в деле мира, переключился на создание и укрепление советского блока в странах Восточной Европы. Его план сохранения и развития демократизации в этих странах сменился жесткой советизацией. Соответственно изменился и курс во внутренней политике. Сталин справедливо рассчитывал на большее понимание со стороны западных держав, и для этого были основания. Во всяком случае, после Второй мировой войны для этого оснований было больше. Однако готовность Сталина открыться Западу не встретила ответной реакции. Диктатору не доверяли. Он ассоциировался с Востоком, а Восток для Западного мира — травма на протяжении всей предшествующей истории. Война с участием армии имела своим продолжением то, что в своей Фултонской речи 1946 года Черчилль назвал холодной войной. Такое ощущение, что, низвергнув с помощью одного диктатора (Сталина) другого (Гитлера), Запад начал наступление на первого, еще недавно бывшего его союзником. Так возникшее сближение сменялось все более

утверждающим себя отчуждением. Начиналась холодная война. Ощущая недоверие со стороны Запада, Сталин отвечал тем же.

Реабилитируя империю, спасал ли Сталин общество, или же предпринимаемая им реабилитация империи была продиктована необходимостью спасения цивилизации? Может быть, кризис, который начали ощущать после революции, на самом деле был кризисом уже не только общества, но и российской цивилизации в целом? Осознавал ли сам Сталин смысл предложенного и реализуемого им «творческого ответа» до конца, а именно как творческого ответа на надлом российской цивилизации, который казался только постреволюционным кризисом России?

Независимо от того, осознавал ли Сталин смысл своего творческого ответа, предпринятые им действия имеют отношение к судьбе российской цивилизации в целом. Возвращение к жесткой государственности, происходящее по инициативе и под руководством Сталина, означало не только реабилитацию империи, но еще и реабилитацию политических ценностей, определяющих ту часть российской истории, которая исчерпывается петербургским периодом. Вместе с реабилитацией империи происходила и реабилитация столь значимой для России византийской традиции, которую следует понимать в самом широком смысле, в том числе под такой традицией надо подразумевать и традицию политической культуры. Ведь жесткая государственность — это именно византийская традиция. Реабилитация империи оказывается реабилитацией той традиции, которая начиная с XVII века постепенно угасала, уходила в подсознание русских людей. Несмотря на регресс, судя по всему, сталинский творческий ответ оказался в тех условиях единственно возможным.

Каким странным это ни покажется, Сталин в XX веке был первым славянофилом, хотя известно, что славянофилы не были государственниками. В самом деле, когда война уже началась и Сталин 7 ноября 1941 года выступал на параде на Красной площади, он вспоминал исторические фигуры предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьму Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Самое интересное — это то, что сам Сталин называл себя славянофилом, точнее «новым славянофилом». Это определение он позволил себе в тот момент, когда казалось, что международная обстановка и отношение западных лидеров к России были благоприятными, то есть после Ялтинской конференции в 1945 году. Такую почти леонтьевскую мысль он высказал, когда говорил о необходимости единения славян перед лицом угрозы со стороны Германии во время приема в честь приезда чехословацкой делегации. «Мы, — говорил вождь, — новые славянофилы-ленинцы, славянофилы-большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага — немцев» [5, с. 338]. Совсем неслучайно Сталин дает сигнал реабилитировать русскую историю, которая началась с Алек-

сандра Невского, сделавшего выбор в пользу Великой степи, что определило всю последующую историю России, как и ее весьма непростые отношения с Западом [6]. Хотя со времен Петра I Россия радикально повернула на Запад, тем не менее она никогда полностью не могла порвать ни с византийскими, ни с восточными традициями, столь существенными для ментальности русских. Это-то и ощутил Сталин, выводя коллективное бессознательное русских в сознание и возводя на этой ментальной основе свою государственную вертикаль.

Курс Сталина предполагал формирование новой идентичности русских на основе древнейших традиций, тех традиций, которые пытались выявить русские философы-эмигранты, коих мы знаем как евразийцев. Неслучайно Сталина часто называют азиатом. Его можно назвать и славянофилом, и евразийцем. Это только подчеркивает, что в своем курсе он оказался очень далеко и от революции, и от модерна. Следовательно, его курс нужно осмысливать совсем на другом уровне, а именно на глубинном цивилизационном уровне, прорвавшимся в период, когда модерн был еще в апогее.

Данный Сталиным творческий ответ может быть понятен лишь в том случае, если кризисы XX века осмысливать под углом зрения надлома цивилизации. Творческий ответ Сталина имеет цивилизационный смысл. Осмысливать его деятельность на дру-

гих уровнях бессмысленно. Но если этот ответ рассматривать в контексте цивилизационных процессов, то это предполагает, что во внимание следует принимать особую длительность цивилизации, а также те фазы, которые каждый тип цивилизации проходит. Время цивилизации отличается от времени общества, это время больших временных протяженностей. Похоже, что современная ситуация и в России, и в мире способствует прорыву в осознании того, что история России — это все же история того типа цивилизации, который постоянно вынужден вспоминать о своих истоках и возвращаться к ним. Это и есть циклическая логика функционирования этой цивилизации в больших длительностях истории.

Литература

1. *Гиппиус З.* Живые лица. Стихи. Дневники / З. Гиппиус. — Тбилиси, 1991.
2. *Соловьев В.* Византия и Россия / В. Соловьев // Соч. : в 2 т. / В. Соловьев. — М., 1989. — Т. 2.
3. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. — М., 2003.
4. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М., 1991.
5. *Робертс Д.* Иосиф Сталин. От Второй мировой до холодной войны, 1939–1953 / Д. Робертс. — М., 2014.
6. *Вернадский Г. В.* Два подвига святого Александра Невского / Г. В. Вернадский // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. — М., 1944. — Т. 2.

В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²

СТРАТЕГИЯ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ, ГЛОБАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ И МЕТОДОЛОГИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ

Настоящее всегда воспринималось в России как находящееся в состоянии кризиса. И это типично для русской истории. Вспомните: были ли в России эпохи, которые воспринимались бы их современниками как вполне стабильные и благополучные?

Д. С. Лихачев. *Раздумья о России*

Предметом дискуссий сегодня становятся не столько методы и эффективность долгосрочного стратегического планирования и прогнозирования в отдельных странах, сколько сама возможность заглянуть в будущее в условиях «устойчивой глобальной нестабильности», уже давно качественно деформирующей сферу международных отношений. Нестабильность подобного типа, которую А. С. Панарин назвал *стратегической*, можно рассматривать одновременно и как следствие, и как причину системного кризиса, приобретающего характер *глобального цивилизационного*, затрагивающего одновременно и сохранность самого человеческого вида (риски «общецивилизационного» характера), и право на существование локальных цивилизаций, в том числе и русской.

¹ Председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор. Автор и соавтор многих научных открытий и изобретений, более 700 научных работ, в т. ч. 34 монографий, 14 книг: «Имунофизиология», «Альфа-фетопротенин», «Имунологические и генетические факторы нарушения репродуктивной функции», «Биологические законы и жизнеспособность человека. Метод многофункциональной восстановительной биотерапии», «Физиолого-гигиеническая концепция спелео- и солелечения», «Социально-демографическая безопасность России», «Демографическая политика страны и здоровье нации» и др.; 2 руководств по изучению комбинированных радиационных поражений и по клинической иммунологии; 6 учебников; 11 учебных пособий для вузов. Президент Российского научного общества иммунологов. Главный редактор «Российского иммунологического журнала» (“Russian Journal of Immunology”), «Вестника Уральской медицинской академической науки», Вестника УрО РАН «Наука. Общество. Человек», «Имунология Урала». Награжден орденами Дружбы, «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006) и премии Правительства РФ в области образования (2012). Почетный доктор СПбГУП.

² Профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, почетный работник высшего образования РФ, государственный советник 3-го класса. Автор более 400 научных публикаций, в т. ч. 20 монографий и учебных пособий: «Природа самоидентификации: русская культура, славянский мир и стратегия непрерывного образования»; «Колодцы мира. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам»; «Философия и методология политического планирования»; «Цивилизационное наследие славянского мира»; «Умная политика и культура планирования» и др. Заместитель председателя Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия. Награжден орденами ООН — Авиценны и «Единение». Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (2006).

За проблемами сугубо экономическими и финансовыми все чаще просматриваются крайне опасные противоречия. Важнейшее из них — стремление унифицировать человечество, подавляя любые проявления уникальности и самостоятельности со стороны отдельных стран и регионов под предлогом необходимости централизации власти в глобализирующемся мире перед лицом общих вызовов времени, и стремление государств и народов сохранить фундамент государственного суверенитета и свою конфессионально-цивилизационную идентичность.

В подобной ситуации многое зависит от того, какой смысл мы вкладываем в представление о вызовах времени, трактуя их либо как широкий спектр угроз, в том числе природных, социально-экономических и техногенных, которые носят глобальный характер или распространяются на большую часть государств, требуя скоординированной позиции, либо как особую формулу-заклинание, снимающую ответственность за последствия унификации. В последнем случае вызовы времени представляются уже не как обоснование «неизбежной однополярности», а совершенно иначе — как хитроумное изобретение политиков, которое позволяет и оправдать внешнее управление, и снять ответственность за некомпетентность, совершенные ошибки или преступления, списав все риски «на время». Это оно, время или «дух эпохи», ведет себя непредсказуемо, лишает нас способности предугадывать ход событий и заранее видеть угрозы.

В связи с этим внимания заслуживают не столько методы определения приоритетов стратегического развития в условиях рисков, сопряженных с фактором глобальной нестабильности, сколько наши знания о природе совершенно особых рисков, сопровождающих сам процесс определения приоритетов. Нежелание считаться с этими рисками — одна из причин грубых и зачастую непоправимых политических ошибок, которые, как известно, хуже преступления.

Суть проблемы заключается в том, что выбор приоритета или набора приоритетов — это не только и не столько разрешение на какую-то деятельность, сколько скрытый или явный запрет. Если быть предельно лаконичными, можно воспользоваться формулой: определение приоритета в сфере внутригосударственной или

международной политики, а также при принятии геополитических стратегий — это умение сказать «нет». «Нет» всему тому, что по каким-то причинам не воспринимается как заслуживающее первоочередного внимания. Но если кто-то из нас что-то отвергает, это его личное дело. Совершенно иная ситуация возникает, когда «нет» говорит государство или все мировое сообщество, отсекая тем самым все «ненужное». Зачастую это «нет» звучит как приговор, не подлежащий обжалованию.

Такой вывод вдвойне верен, когда отказ в поддержке «неприоритетных» направлений или проектов исходит от государства, еще не научившегося делиться своими правами, ресурсами и функциями с гражданским обществом, которое в идеальном варианте должно было бы взять на свои плечи социальное бремя, брошенное государством. Гражданское общество в России, делающее первые шаги в своем развитии после почти столетнего паралича и амнезии, пока не обладает для этого ни необходимыми ресурсами, ни правами, ни опытом.

Кто может точно оценить, сколько рисков несет в себе нераздельное право государственной власти или международных структур, обладающих особыми полномочиями с учетом норм международного права, определять приоритеты государственной или международной политики? Думается, мы не погрешим против истины, если скажем, что большая часть губительных социальных потрясений и экологических катастроф глобального масштаба, но локального происхождения, которые произошли в ряде регионов мира, в том числе и в нашей стране, — это следствие неправильного определенных приоритетов. На ум приходит известная фраза Микеланджело: «Я просто беру глыбу мрамора и отсекаю все лишнее». Легко представить, что стало бы с бесценным мраморным монолитом, из которого гений вырубил своего Давида, если бы за дело взялся не Микеланджело, а кто-нибудь из дождей — правителей Венеции...

В этом контексте особый интерес представляет северная политика России, которая до недавнего времени напоминала дорогую глыбу — ценность воистину глобального масштаба, попавшую в руки государственных чиновников. Они, если называть вещи своими именами, за многие годы уже откололи от нее все, что казалось им «несущественным» для данного этапа освоения ресурсов Севера. Существенна, по их мнению, лишь одна функция — функция «ресурсной кладовой». Но наша северная политика просто обязана подняться на качественно иной уровень осмысления, она должна соответствовать масштабам самой большой страны мира, ее «удельному весу» на мировых ресурсных и интеллектуальных рынках.

Любая ошибка, заложенная в методологию общенациональной стратегии, в том числе и северной, может перечеркнуть и обесценить все достижения страны за всю ее многовековую историю и более того — поставить под вопрос сохранность и шансы на развитие человеческой цивилизации! Цена проблемы, прямо скажем, совершенно несоизмерима тому уровню ее обсуждения и понимания, к которому мы при-

выкли. Обычно, пытаясь построить отраслевую стратегию (социальную, ресурсно-экономическую или экологическую), мы не сомневаемся в том, что главное в этом непросто деле — определение приоритетов. Хотя главное заключено именно в способности сомневаться в эффективности такого подхода и помнить о его ограниченности. Забытые, «неприоритетные» проблемы имеют вредную привычку срастаться между собой, превращаясь в трудноразрешимые и даже неразрешимые. И тогда наступает их очередь входить в число «избранных» и приоритетных.

Чаше всего наши нынешние приоритеты — не что иное, как прежние ошибки. А отсутствие приоритетов подобного рода — верный признак хорошей работы наших предшественников. Если, к примеру, мы не говорим сегодня, что на российском Севере необходимо создавать с нуля научные центры по всем основным фундаментальным направлениям, без которых немыслима модернизация, то только потому, что такие центры были своевременно организованы по решению руководства страны, причем в самые трудные для нее годы.

Определение приоритетов — задача, требующая колоссальной работы по *разграничению компетенций* органов власти с учетом растущих полномочий неправительственных организаций и местного самоуправления (речь идет о распределении функций не только в рамках отдельных государств, но и в международном плане). Столь же важным является и требование *высочайшей компетентности* со стороны экспертного сообщества и тех, кто принимает решения с учетом позиций, которые отстаивают эксперты. Сама процедура определения приоритетов невольно превращает в мыслителей, методологов и даже философов даже тех сугубо прагматически настроенных политиков, чиновников и экспертов, которым интересны только ближайшие выгоды и экономическая конъюнктура, но совершенно чужды «абстрактные рассуждения о каких-то высших ценностях» или об ответственности перед грядущими поколениями.

Никто, разумеется, не рассчитывает на то, что интеллектуальная и политическая элиты в национальном, а тем более в глобальном масштабе сблизятся до такой степени, когда политическая сфера деятельности станет образцом научной объективности. Подобная цель недостижима и даже нежелательна, ибо подмена функций политики и науки порождает больше проблем, чем способна решить. Однако разрыв между этими группами власти (политической и интеллектуальной) не должен превращаться в пропасть. Такая пропасть становится в тысячу раз опаснее на фоне чудовищного разрыва между сверхбогатством и массовым обнищанием, одним из проявлений которого является так называемая «нищета работающих».

Говоря о российских реалиях, напомним, что к группе повышенного социального риска в России относится основная часть интеллектуальной элиты страны, а среди факторов, качественно усугубляющих и стагнирующих ситуацию, важнейший — «углеродная зависимость российской экономики», принуждающая к неэквивалентному обмену природной рен-

ты на ренту интеллектуальную. На этом фоне политика перерождается во всех своих проявлениях. Это касается и социальной, и экологической политики, но в первую очередь все же экологической. Если о социальных приоритетах молчать невозможно в принципе, то приоритеты экологической политики, по сути, перестают сегодня быть сколько-нибудь заметными и для политического класса, и для населения. Не исправила ситуацию даже Экологическая доктрина Российской Федерации, принятая в 2002 году, в инициации и разработке которой мы принимали участие.

Так в чем же основная причина глобальной неустойчивости? Думается, что она заключается прежде всего в отсутствии приоритета социальной и экологической политики. Как бы точно и грамотно мы ни опре-

делили все иные приоритетные направления, это ничего не изменит до тех пор, пока основным приоритетом не станет социальная политика и защита природного наследия как единая основа долгосрочной и долгосрочной стратегии.

Причина этого единства заключается в том, что главная цель социальной политики — повышение качества жизни — зависит не только от социальных программ и национальных проектов, но и от состояния среды обитания. Последний фактор является, во-первых, одним из центральных в сбережении народов планеты, а во-вторых, решающим, поскольку ухудшение экологической ситуации способно не только резко снизить качество жизни большей части населения страны и мира, но и оборвать саму жизнь миллионов людей...

Ю. С. Шемшученко¹

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ НАУКОЙ НА УКРАИНЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Хорошо известно, что государство, не опирающееся на науку, не имеет будущего. Но наука не может развиваться сама по себе. Для этого нужны, во-первых, достаточные для развития фундаментальной и прикладной науки денежные ассигнования и, во-вторых, основанная на передовом мировом опыте система правового регулирования и управления наукой.

В этом контексте представляет интерес проводимое сейчас на Украине реформирование в соответствующей сфере. Речь идет прежде всего о новой редакции Закона «О научной и научно-технической деятельности», принятого 26 ноября 2015 года. Априори этот Закон определяет правовые, организационные и финансовые начала функционирования и развития в сфере научной и научно-технической деятельности, создает условия для проведения такой деятельности, удовлетворения потребностей общества и государства в технологическом развитии путем взаимодействия образования, науки, бизнеса и власти. Конкретная реализация этих целей, однако, будет зависеть от многих факторов.

Возьмем, в частности, вопросы финансирования науки. Еще соответствующим Законом в первой его редакции было установлено, что государство обеспечивает бюджетное финансирование научной и научно-

технической деятельности в размере не менее 1,7 % валового внутреннего продукта (1991). Но почти за 25 лет этот показатель не поднимался до единицы. Для сравнения отмечу, что в Южной Корее на финансирование науки в последние годы выделяется 4 % ВВП, в Японии — 3,36 %, в Швеции — 3,37 %, в Германии — 2,84 %, в США — 2,84 %. Новой редакцией Закона «О научной и научно-технической деятельности» предусмотрено обеспечить до 2025 года увеличение объема финансирования науки за счет всех источников до 3 % ВВП. Этот показатель определен Лиссабонской стратегией ЕС.

На Украине более 50 % расходов на научные исследования финансируются за счет государственного бюджета и только около 30 % — за счет предпринимательского сектора. В ЕС ситуация обратная. Таким образом, европейская наука получает средства в основном от корпораций, заинтересованных в сроках и качестве получаемых результатов. Позитивное значение имеет создаваемый в соответствии с Законом Национальный фонд исследований на Украине. Это государственное бюджетное учреждение, основной задачей которого является грантовая поддержка фундаментальных и прикладных научных исследований. Средства, выделяемые для поддержки проектов, распределяются на конкурсной основе. К сожалению, существуют проблемы с наполнением Фонда. Вопрос сейчас осложнен военным конфликтом на юго-востоке страны, на который Украина вынуждена тратить значительные средства.

Такой же важной является проблема налаживания механизма управления наукой. На Украине сейчас функционирует около 1200 организаций, выполняющих научные и научно-технические работы, в том числе 350 — в академическом секторе. Функции управления в этой сфере осуществляют Кабинет министров, Министерство образования и науки, функциональные и отраслевые министерства и ведомства, Националь-

¹ Директор Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины. Автор свыше 800 научных работ, в т. ч. книг: «Местные Советы и обеспечение законности», «Человек, природа, закон», «Академическая юридическая мысль», «Государственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», «Правовые проблемы экологии», «Природа и закон», «Правовой статус Академии наук Украины»; научных статей: «Экологическая конституция земли: концептуальные подходы», «Современная система энергетического законодательства Украины и основные направления ее совершенствования», «Проблемы развития аграрного права в Украине» и др. Академик Академии правовых наук Украины. Главный редактор ежегодника научных работ «Правовое государство». Лауреат премии НАН Украины им. М. П. Василенка, Государственной премии Украины в области науки и техники.

ная академия наук Украины и пять отраслевых государственных академий. Все они «формируют и проводят политику» в области науки, но делают это не всегда согласованно и эффективно.

В связи с этим Законом «О научной и научно-технической деятельности» предусмотрено создание Национального совета Украины по вопросам развития науки и технологий при Кабинете министров страны. Это постоянно действующий консультативно-совещательный орган для обеспечения эффективного взаимодействия представителей научной общественности, органов исполнительной власти и реального сектора экономики в формировании и реализации единой государственной политики в сфере научной и научно-технической деятельности. Составными частями Совета являются Научный и Административный комитеты, председателем Совета по должности — премьер-министр Украины.

К основным функциям Совета относятся: подготовка и представление Правительству Украины предложений, касающихся формирования начал государственной политики в сфере научной и научно-технической деятельности; подготовка проектов, касающихся интеграции отечественной науки в мировое и европейское пространство с учетом национальных интересов; рассмотрение и предоставление заключений, касающихся проектов концепций государственных целевых и научно-технических программ; предоставление правительству рекомендаций, касающихся формирования государственного бюджета в части объединения общих объемов финансирования научной и научно-технической деятельности; подготовка ежегодного доклада о состоянии и перспективах развития сферы научной и научно-технической деятельности Украины; взаимодействие с соответствующими органами иностранных государств и международных организаций.

Национальный совет Украины по вопросам развития науки и технологий будет действовать на началах открытости и гласности. Его решения, касающиеся отдельных центральных органов исполнительной власти, являются обязательными для рассмотрения соответствующими органами.

С целью предоставления государственной поддержки научным учреждениям независимо от формы собственности, деятельность которых имеет особо важное значение для науки, экономики и производства, образуется Государственный регистр научных учреждений, которым предоставляется поддержка государства. Такой регистр будет вестись Министерством науки и образования Украины. Научные учреждения, включенные в данный регистр, пользуются налоговыми льготами; не могут менять научную и научно-техническую деятельность на другие виды деятельности; обязаны не менее 50 % дохода от своей деятельности направлять на проведение научной или научно-технической деятельности, а также на развитие научно-технической базы, необходимой для проведения научных исследований и научно-технических (экспериментальных) разработок.

Значительно расширены и обновлены положения Закона «О научной и научно-технической деятельности», касающиеся Национальной академии наук Украи-

ны и отраслевых государственных академий. НАН Украины определена как высшая научная самоуправляемая организация, основанная на государственной форме собственности. Установлен предельный состав Академии — не более 200 академиков и 400 членов-корреспондентов.

Академия наделена правом управления своей деятельностью, владеет, пользуется и распоряжается имуществом, пребывающим в государственной собственности и принадлежащим ей на праве хозяйственного ведения в соответствии с законодательством и Уставом НАН Украины. Государственное имущество передается Академии в бессрочное и бесплатное пользование без права изменения формы собственности. Устав НАН Украины принимается общим собранием Академии и регистрируется в Министерстве юстиции Украины.

Государственное управление научной и научно-технической деятельностью Академии осуществляется в соответствии с действующим законодательством. При этом не допускаются нарушения ее принципов самоуправления и свободы научной деятельности.

Как высшая научная организация, НАН Украины наделена координационными функциями. В связи с этим при ней создается Межведомственный совет по координации фундаментальных и прикладных научных исследований. Положение об этом Совете утверждается Кабинетом министров Украины.

Координационными функциями наделен также Совет президентов академий наук Украины. Он является постоянно действующим коллегиальным органом, объединяющим президента НАН Украины, а также президентов отраслевых академий — аграрных, медицинских, педагогических и правовых наук, а также Национальной академии искусств Украины.

НАН Украины и входящие в нее научные учреждения имеют право учреждать высшие учебные заведения для подготовки специалистов разных квалификационных уровней, в том числе магистра и доктора философии.

Самоуправление НАН Украины состоит: а) в самостоятельном определении тематики фундаментальных и прикладных научных исследований и научно-технических (экспериментальных) разработок, формировании своей структуры, решении научно-организационных, хозяйственных, кадровых вопросов, осуществлении международных научных связей; б) выборности органов управления.

Высшим органом самоуправления НАН Украины является общее собрание, состоящее из академиков и членов-корреспондентов Академии. Общее научно-организационное руководство текущей деятельностью НАН Украины осуществляет Президиум Академии в составе президента, первого вице-президента, вице-президентов, главного ученого секретаря, академик-секретарей отделений, членов президиума, избираемых на пять лет, но не более чем на два срока. Исключение сделано только для всемирно известного ученого, академика Бориса Евгеньевича Патона, который возглавляет Академию с 1962 года.

Национальные отраслевые академии наук также являются государственными научными организация-

ми, созданными для проведения фундаментальных и прикладных научных исследований в отдельных отраслях науки и практики. Их организационная структура, материально-финансовое обеспечение и гарантии деятельности определяются также Законом Украины «О научной и научно-технической деятельности» с учетом некоторой специфики, установленной действующим законодательством.

Следует отметить, что в Российской Федерации в ходе академической реформы 2013 года медицинская и сельскохозяйственная академии были объединены в единую — РАН. Было также образовано Федеральное агентство научных организаций, выступающее собственником по отношению к имуществу РАН.

На Украине также остро дискутировались эти вопросы, но не пошли таким путем. И после принятия новой редакции Закона «О научной и научно-технической деятельности» НАН Украины и отраслевые государственные академии сохранили свою самостоятельность и статус главных распорядителей выделяемых на их содержание бюджетных средств.

При всем значении осуществленного в последнее время реформирования правового регулирования деятельности НАН Украины его нельзя признать достаточным. Национальная академия наук Украины является главным научным учреждением страны, под эгидой которой работает около 200 институтов и других научно-исследовательских организаций (около 36 тыс. сотрудников). Однако в Законе «О научной и научно-технической деятельности» Академии непосредственно посвящена только одна статья — 17-я (из 66). Поэтому многие вопросы отношений между государством и Академией остаются за пределами их регулирования Законом.

Следует отметить, что в последние годы в ряде государств приняты специальные законы об академиях наук. Этот вопрос более 20 лет тому назад был поднят и на Украине. В декабре 2013 года Президиум НАН Украины принял Концепцию развития НАН Украины на 2014–2023 годы, а в 2014-м был подготовлен проект Закона «О Национальной академии наук Украины».

Целью этого Закона является комплексное совершенствование отношений между государством и Академией. Речь, в частности, идет об отношениях, касающихся: правового статуса Академии; определения ее места в формировании государственной научной и научно-технической политики; взаимосвязей Академии с органами государственной власти, отраслевыми академиями, образовательными центрами, хозяйственными структурами и научными общественными организациями; кадрового, информационного, материально-технического и другого обеспечения деятельности Академии как высшей научной организации.

Глобальный аспект развития науки продолжает поддерживаться через Международную ассоциацию академий наук (МААН). Эта международная неправительственная организация была создана в Киеве более 20 лет назад. Ее членами являются национальные академии наук стран СНГ, Вьетнама и других государств, известные научные организации, университеты и фонды. Бессменным президентом Ассоциации является академик Б. Е. Патон.

К целям МААН относятся вопросы углубления связей между учеными, сохранения научного потенциала, интеграции науки и образования, подготовки научных кадров, содействия социально-экономическому развитию соответствующих стран.

При МААН действует более десяти научных советов. Работают Высшие курсы для молодых ученых. МААН имеет консультативный статус при ЮНЕСКО и статус наблюдателя при других международных организациях. МААН продолжает позитивно влиять на развитие науки не только в национальном, но и в международном масштабе.

Также представляет интерес вопрос об интеграции науки и образования. На Украине, в частности, периодически высказывается мнение о целесообразности переподчинения академических научных институтов действующим университетам. Польза от такого мероприятия весьма сомнительна. Нечто подобное было осуществлено в Республике Казахстан. Однако через некоторое время начался обратный процесс. Но восстановить бывшие академические научные институты оказалось делом непростым.

Более перспективным представляется образование высших учебных заведений в системе академической науки. Об этом свидетельствует опыт образования в 1995 году Высшей школы права при Институте государства и права НАН Украины. Костяк преподавательского коллектива этого учебного заведения составили квалифицированные научные сотрудники Института. В дальнейшем Школа была преобразована в Киевский университет права НАН Украины, который стал одним из ведущих юридических высших учебных заведений страны. Сейчас он представляет собой академический научно-образовательный комплекс, готовящий квалифицированных юристов. Университет имеет тесные связи с национальными правоохранительными органами, а также со многими европейскими юридическими научными и образовательными центрами. Вместе с Институтом государства и права НАН Украины Университет издает журнал «Вестник КУП НАН Украины», готовит и печатает учебники по всем основным учебным дисциплинам.

А. В. Яковенко¹**ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

В 2015 году человечество отметило юбилей значимых событий, в свое время предопределивших международное развитие на десятилетия вперед. Семьдесят лет назад участники антигитлеровской коалиции приняли важнейшие решения в интересах формирования международной архитектуры безопасности в послевоенный период, включая создание Организации Объединенных Наций. Семидесятилетие Победы во Второй мировой войне, которое широко отмечалось во всем мире, напоминает о том, к каким катастрофическим последствиям способны привести вера в собственную исключительность, попытки обеспечить глобальное доминирование, архаичная логика геополитических игр «с нулевым результатом». Очевидно, что многочисленные вызовы и угрозы современности, включая беспрецедентный всплеск терроризма и экстремизма, требуют активизации солидарных усилий с опорой на принципы международного права и центральную координирующую роль ООН в мировых делах. Россия будет и впредь этому всемерно содействовать.

В целях снижения конфронтации в контексте bipolarного противостояния в 1975 году был подписан Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), заложивший основы взаимоотношений в Евро-Атлантике. Окончание холодной войны положило конец идеологическому противостоянию, но основа для споров и геополитических противоречий не исчезла. Попытки любыми средствами продвигать модель одностороннего доминирования привели к разбалансировке систем международного права и глобального регулирования. Не может не вызывать беспокойства систематическое нарушение в современный период ключевых принципов ООН и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), что приводит к усилению конфликтности и усугублению хаоса на международной арене. Приобретенный после двух мировых войн антивоенный иммунитет стал ослабевать.

В 2015 году получили дальнейшее развитие тревожные тенденции, которыми характеризуются международные отношения на протяжении последних лет. На фоне разрастания региональных кризисов, нако-

пления элементов нестабильности в мировой финансово-экономической системе, повышения межконфессиональной напряженности продолжалось обострение глобальной конкуренции, обусловленной попытками ряда государств повернуть вспять объективный процесс формирования полицентричного миропорядка и сохранить свое доминирование в мировых делах.

В этих условиях особое значение приобретает упорная дипломатическая работа, основанная на подлинном партнерстве основных мировых центров силы и влияния в интересах нахождения оптимальных ответов на общие масштабные вызовы и угрозы. Опыт последнего времени наглядно подтверждает, что солидарные действия способны обеспечить реальный прогресс в решении самых сложных проблем. В качестве примера можно привести урегулирование иранской ядерной проблемы. На очереди — политическое урегулирование кризиса в Сирии и нанесение поражения «Исламскому государству» (ИГИЛ).

Залог успеха — опора на Устав Организации Объединенных Наций, которая за семь десятилетий плодотворной деятельности убедительно доказала свою востребованность в качестве эффективного механизма поддержания мира и безопасности, урегулирования региональных конфликтов, решения масштабных социально-экономических и гуманитарных проблем. Непростая ситуация в современном мире требует от всех государств удвоенных усилий в интересах создания надежных механизмов управления многополярной архитектурой.

Лавина беспрецедентных террористических актов, накрывшая многие страны в начале XXI века, и инспирированные ИГИЛ атаки в последнее время наглядно продемонстрировали безотлагательную необходимость согласованного ответа на новые вызовы и придания глобальным процессам управляемого характера. Приоритетной задачей должна стать выработка такого мироустройства, которое гарантировало бы стабильность и безопасность на всех уровнях, содействуя нейтрализации нынешних вызовов и угроз и не допуская появления новых. Есть объективные предпосылки для выстраивания демократического миропорядка, при котором каждое государство несло бы свою долю ответственности за будущее человечества, а мировое сообщество оберегало бы международное право и законные интересы каждого из его членов. Наш базовый принцип: безопасность и процветание через широкое международное сотрудничество при сохранении национальной самобытности.

В этом — российское понимание многополярности, разделяемое многими нашими партнерами. Многополярный мир — это не столкновение полюсов и соперничество между ними, а утверждение в международной жизни коллективных начал, тесное взаимодействие ведущих государств мира на основе равноправия и партнерства. Российский подход лишен элементов

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (с 2011 г.), доктор юридических наук (международное право), профессор. Почетный работник Министерства иностранных дел РФ. С 1976 года работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате МИД России и за рубежом. Заместитель министра иностранных дел России (2005–2011). Автор ряда книг по международному космическому праву, а также более 200 публикаций по международным отношениям и вопросам внешней политики, науки, образования, культуры. Действительный член РАЕН, член Российской академии космонавтики, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, член Совета РАН по космосу, Международного института космического права (ISL, Париж), Международной академии астронавтики (IAA, Париж), почетный профессор Эдинбургского университета (Великобритания). Награжден орденами Почета, Дружбы, медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, грамотами Правительства и Президента РФ.

конфронтации и соперничества. Прочный антитеррористический фронт невозможно создать, если одни члены мирового сообщества при обеспечении собственной и коллективной безопасности будут использовать методы, противоречащие законным интересам других. Игры «с нулевым результатом» и «двойные стандарты» тут противопоказаны.

При всей важности практического антитеррористического аспекта в международной деятельности им ограничиваться нельзя. Требуется постоянный широкоформатный анализ причин, которые подпитывают международный терроризм. Одна из них — неурегулированность региональных или внутригосударственных этнических и конфессиональных конфликтов. Зримое подтверждение тому — конфликты, вспыхнувшие в странах Ближнего Востока и Северной Африки. В фокусе внимания российской дипломатии находились усилия по мобилизации международного сообщества, направленные на организацию отпора международному терроризму и экстремизму, которые приобрели беспрецедентный масштаб в контексте действий ИГИЛ и других террористических группировок в Сирии и Ираке.

В выступлении на 70-й юбилейной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке Президент России В. В. Путин выдвинул инициативу формирования широкой международной антитеррористической коалиции, действующей на прочной правовой основе (при центральной роли Совета Безопасности ООН). Начатая в ответ на обращение официальных властей Сирии операция Воздушно-космических сил РФ в этой стране стала свидетельством решимости России противостоять современному варварству, бороться с террористами на дальних подступах к нашим рубежам.

Важная часть усилий в этом направлении — работа по противодействию финансированию терроризма и феномену иностранных террористов-боевиков. Советом Безопасности ООН при активном участии России подготовлен и принят ряд важных документов, среди которых — резолюции № 2199 от 12 февраля 2015 года и № 2253 от 17 декабря 2015 года, направленные на пресечение финансирования ИГИЛ и других террористических организаций в Сирии и Ираке. В этом плане особое внимание уделялось перекрытию каналов финансирования ИГИЛ за счет нелегальной продажи нефти, похищенной с месторождений Сирии и Ирака и транспортируемой через границы этих государств с Турцией.

Наша страна не обошла вниманием и гуманитарный аспект сирийского конфликта. Приступили к гуманитарной операции действующие в Сирии Воору-

женные силы РФ. Помощь направляется в город Дейр-эз-Зор, который уже в течение четырех лет находится в осаде террористов. С использованием российских парашютных платформ самолетами сирийских ВВС в этот город доставлена первая партия грузов. Работа в этом направлении будет продолжена.

Отдельного упоминания заслуживают и наши усилия по запуску политического процесса в Сирии на базе Женевского коммюнике от 30 июня 2012 года, договоренностей, достигнутых в рамках Международной группы поддержки Сирии 30 октября и 14 ноября 2015 года, а также Резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 от 18 декабря 2015 года.

Не менее важна перестройка отношений «Север–Юг». Из них нужно искоренить все, что порождало или сопровождало развитие терроризма на мировой арене: поднять уровень жизни большей части населения земного шара, которая находится за пределами «золотого миллиарда» (хотя сводить причины возрастания международного терроризма исключительно к бедности Юга, конечно, не следует). Требуется искоренение диспропорций развития в самом широком смысле. Одним из современных вызовов и в то же время следствием этих диспропорций стал беспрецедентный поток беженцев в Европу.

Нового осмысления также требуют отношения Запада и Востока. В XX веке государства, относящиеся к этим блокам, определялись не по географическому принципу, а по политическим мотивам. Этот раскол следует преодолевать, когда речь идет о биполярности в сфере стратегической стабильности и насущной необходимости достижения договоренностей по трем взаимосвязанным проблемам обеспечения международной безопасности: недопущению милитаризации космоса, противоракетным системам и нераспространению оружия массового уничтожения.

Россия остается одним из самых активных игроков на мировой арене, от которого зависит, какая модель устройства возобладает в мире. Наша цель — создание условий, гарантирующих безопасность и процветание всех государств. Достичь ее можно только в случае, если мировое сообщество будет следовать базовым принципам межгосударственных отношений, которые нет нужды изобретать заново, уже на современном этапе мирового развития. В условиях глобальной турбулентности и растущей взаимозависимости государств и народов уже не имеют перспектив попытки строить отдельные «оазисы спокойствия и безопасности». Единственно надежная страховка от возможных потрясений — соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности, в том числе в Евро-Атлантике.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)
- А. А. АКАЕВ Президент Киргизской Республики (1990–2005), академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор
- С. Р. АМЕЛИ вице-президент Тегеранского университета (Иран), доктор философии, профессор
- П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджана
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Г. М. ГАТИЛОВ заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- С. Ю. ГЛАЗЬЕВ академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента РФ В. В. Путина
- Д. А. ГРАНИН писатель, Герой Социалистического Труда СССР, Почетный доктор СПбГУП
- А. А. ГУСЕЙНОВ научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. Л. КВИНТ заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- А. Б. КУДЕЛИН научный руководитель Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, академик РАН, доктор филологических наук, профессор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ заведующий сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- В. Л. МАКАРОВ директор Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Х. А. МАРК Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ (2008–2011)
- К. МОЙНИХЕН государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
- А. МУСА генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Р. И. НИГМАТУЛИН директор Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
- Г. М. РЕЗНИК вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Т. РОКМОР профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай), доктор философии

А. САДЖАНХАР	секретарь Национального фонда общественной гармонии (Индия)
В. делла САЛА	профессор Университета Тренто (Италия)
М. САНАИ	Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ
В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ТИШКОВ	академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
П. П. ТОЛОЧКО	директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Т. ТЮРКЕР	директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция)
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Мы начинаем работу XVI Международных Лихачевских научных чтений. Позвольте мне сказать несколько слов от имени Оргкомитета Чтений. Начало Лихачевским чтениям было положено в 1993 году инициативой Почетного доктора СПбГУП академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, выдающегося ученого-гуманитария, ставшего символом российской культуры.

Дням науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов после ухода из жизни академика Лихачева было присвоено его имя. Мы с писателем Даниилом Граниным обратились к Президенту России Владимиру Путину с просьбой об увековечивании памяти академика Лихачева. В. Путин отреагировал на наше обращение немедленно, указ был выпущен через три дня после поступления нашего письма в аппарат президента. Это невиданный случай в современной, а может быть, и вообще в российской истории, когда научный, гуманитарный вопрос был рассмотрен президентом в такие короткие сроки. С тех пор наши Чтения носят название «Международные Лихачевские научные чтения».

Чтения, проходящие ежегодно в мае начиная с 1993 года, приурочены, как хотел Дмитрий Лихачев и как мы задумывали, ко Дню славянской письменности и культуры, Дню святых Кирилла и Мефодия, создателей славянской письменности. Лихачевские чтения за последние 8–10 лет стали крупнейшим форумом научного гуманитарного знания во всем мире.

Помимо взрослой аудитории, в Чтениях участвует молодежь — 750 лучших школьников России, которые написали научные работы, посвященные трудам академика Лихачева. В этом мы видим продолжение дел Дмитрия Сергеевича. Таким образом, ежегодно в Лихачевских чтениях принимает участие порядка полуто-

ра тысяч человек, представляющих разные поколения, отрасли научного знания и т. д.

Международные Лихачевские научные чтения — междисциплинарный гуманитарный форум, в котором принимают участие не только крупнейшие ученые-гуманитарии планеты, но и выдающиеся общественные, государственные деятели, деятели науки, культуры и искусства. В 2016 году в Чтениях принимают участие более 20 членов Российской академии наук и зарубежных академий наук, свыше 50 профессоров ведущих университетов мира, около 60 зарубежных общественных и государственных деятелей из 28 стран мира.

Особенность формата проведения Лихачевских чтений заключается в том, что доклады не зачитываются полностью. Все участники представляют свои доклады в письменном виде, и они заблаговременно публикуются на сайте Университета, а после форума — в сборниках, которые затем поступают в ведущие библиотеки мира. В этом году, кроме традиционных форм проведения Чтений (пленарное и секционные заседания), мы используем новый формат — панельные дискуссии.

Попечительский совет СПбГУП возглавляет многолетний участник Международных Лихачевских научных чтений, один из видных государственных деятелей не только нашей страны, но и мирового сообщества, занимающий ряд важнейших постов в крупнейших (и по численности, и по значению) международных организациях, Михаил Викторович Шмаков.

М. В. ШМАКОВ¹: — Уважаемые участники XVI Лихачевских чтений, рад приветствовать вас в на-

¹ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета профсоюзов Международной конфедерации профсоюзов, Президент Всеобщей конфедерации профсоюзов. Председатель Совета попечителей СПбГУП, Почетный профессор СПбГУП. Автор научных трудов

шем Университете и желаю, чтобы Чтения прошли так же интересно и эффективно, как и в предыдущие годы.

Хочу зачитать приветственную телеграмму Президента Российской Федерации Владимира Путина: «Уважаемые друзья! Приветствую вас по случаю открытия Международных Лихачевских научных чтений, которые на протяжении многих лет проходят в нашей Северной столице.

Ваш авторитетный форум, собирающий элиту российской и мировой интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры, стал по-настоящему большим событием и замечательной традицией в общественной, духовной жизни страны. Важно, что в повестке встреч — всегда наиболее актуальные гуманитарные, цивилизационные проблемы, имеющие исключительное значение для настоящего и будущего России.

Сегодня вам предстоит обсудить такую фундаментальную тему, как “Современные глобальные вызовы и национальные интересы”, обменяться опытом, подвести итоги совместных проектов. Уверен, предложения и рекомендации, выработанные в ходе Чтений, послужат бережному сохранению отечественного культурного наследия, делу развития гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Желаю вам плодотворных, взаимопользных дискуссий, успехов и всего самого доброго».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется заместителю министра иностранных дел РФ Геннадию Михайловичу Гатилову.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Уважаемые участники Лихачевских чтений, организаторы и гости! Позвольте мне зачитать приветствие министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Викторовича Лаврова, в котором, в частности, говорится: «Актуальность тематики нынешних Чтений трудно переоценить. Сегодня, когда мир сталкивается с многочисленными глобальными вызовами, включая беспрецедентный всплеск терроризма, особое значение приобретает нахождение разумного баланса между обеспечением национальных интересов и коллективной дипломатической работой с опорой на международное право и Устав ООН.

Россия продолжит работу по налаживанию коллективных усилий в интересах формирования отвечающей реалиям XXI века полицентричной архитектуры глобального управления, будет способствовать выстраиванию взаимоуважительного межцивилизационного партнерства».

и книг по вопросам социально-трудовых отношений, социальной политики, теории и практики рабочего и профсоюзного движения, в т. ч.: книги «За достойный труд» — избранные выступления и публикации; статей для научных сборников, среди них — «Совершенствование деятельности профсоюзов в условиях глобализации», «Двадцать лет на защите трудовых прав и жизненных интересов работников»; учебных пособий для профсоюзных работников и активистов: «ФНПР в меняющемся обществе» и др.; руководитель авторских коллективов «Комментария к Трудовому кодексу Российской Федерации», книги «История профсоюзов России». Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Член Административного совета Международной организации труда. Награжден орденами «Знак Почета», «За заслуги перед Отечеством» III, IV степеней.

Отталкиваясь от этих мыслей, со своей стороны хотел бы сердечно поприветствовать всех присутствующих и сказать, что этот авторитетный форум по традиции собирает представительных специалистов, экспертов в научных кругах, общественных деятелей, политиков, экономистов из многих стран мира. Это является свидетельством растущей заинтересованности в осмыслении ключевых культурно-цивилизационных проблем современности. Проблемы, возникающие ежедневно, требуют глобальных подходов. Растет конкуренция в научной и технологической областях, которая приобретает цивилизационные измерения. Все чаще мы наблюдаем соперничество, борьбу за умы людей. В связи с этим встает вопрос о том, как реализовывать национальные интересы и обеспечивать безопасность государства так, чтобы не наносить ущерба другим, но в то же время отстаивать собственные позиции.

Сегодня мы столкнулись с терроризмом — главной угрозой, требующей выработки общих солидарных подходов, поиска способов противостояния этому злу, которое распространилось практически по всему миру (всем известно, что происходит на Ближнем Востоке, как зарождался терроризм на территории Ирака и Сирии). К сожалению, приходится констатировать, что несколько лет назад, когда возникла реальная проблема опасности терроризма, наши западные партнеры старались закрыть на нее глаза по одной причине — они использовали терроризм и радикальные группировки для свержения режима Башара Асада.

Теперь же, когда терроризм приобрел угрожающие масштабы и чудовищные формы, все говорят о необходимости объединения усилий в борьбе с этим злом. Россия готова к этому, российская дипломатия поддерживает тесные контакты с партнерами, включая американских. Хочется надеяться, что наши общие усилия в конечном счете принесут позитивный эффект.

За последний год появилась новая проблема — миграционная. Это результат той политики, которую проводили наши западные партнеры на Ближнем Востоке. Она породила миграционные потоки, которые уже захватили всю Европу. И сегодня Европа пытается отгородиться, строит заборы, чтобы предотвратить наплыв беженцев, вместо того чтобы решить проблему в корне. Фактически Евросоюз пытается откупиться, с тем чтобы мигранты не приезжали в европейские страны. Это еще одна негативная сторона межцивилизационных отношений и того, по какому пути сейчас развивается этот конфликт. Мы наблюдаем размежевание и непризнание иных культурных ценностей, проблем, с которыми сталкиваются другие народы. Все это требует серьезного осмысления того, как эту проблему нам решать совместно.

В области культуры происходит то же самое. Террористы в Пальмире уничтожили памятники, история которых исчисляется тысячелетиями, расстреляв их из крупнокалиберной артиллерии. Ни о какой культуре террористов речи быть не может, есть лишь попытка разрушить культуру. Концерт симфонического оркестра Мариинского театра под управлением В. Гергиева имел колоссальный эффект, прежде всего на местное сирийское население. С каким вниманием и благодар-

ностью они воспринимали это мероприятие! Важно, что ситуация с Пальмирой объединяет всех, кто выступает за налаживание межкультурного диалога, сохранение истории, архитектурных памятников. В этом плане Россия занимает лидирующие позиции, предложив наладить международное сотрудничество для того, чтобы восстановить Пальмиру. У нашей страны для этого есть большие возможности. В Пальмире, в частности, побывали директор Эрмитажа М. Б. Пиотровский и целый ряд представителей российских музеев. Сейчас обсуждается вопрос о том, чтобы на базе ЮНЕСКО составить план мероприятий по восстановлению этого исторического и культурного памятника. Это хорошая площадка для объединения усилий международного сообщества.

Следующий вопрос также связан с межкультурными, межгосударственными отношениями — процессы, происходящие сейчас в области информации. В настоящее время ведутся информационные войны с использованием глобальных средств массовой информации, происходят фальсификации, подтасовка фактов и т. д. То беспрецедентное информационное давление, которое оказывается на Россию, требует объективного и адекватного ответа.

Недавно наша страна отпраздновала 71-ю годовщину Великой Победы. Надо сказать, что во многих странах помнят и чтят подвиг советских воинов и армии союзников и на этом фоне абсолютно недопустимыми выглядят попытки принижения роли нашей страны в Великой Победе и освобождении народов Европы от нацизма. Никакого комплекса вины у нас нет и не должно быть. Мы будем твердо отстаивать нашу правду о Второй мировой войне и гордиться теми завоеваниями, которые появились в результате войны, в частности созданием Организации Объединенных Наций. Устав ООН — незыблемый документ, на основе которого должно строиться международное сотрудничество и международные отношения.

Надеюсь, что в ходе дискуссий, которые будут проходить на Лихачевских чтениях, наши зарубежные друзья и партнеры сделают свои выводы, дадут оценки и, вернувшись в свои страны, будут отражать те мысли, которые прозвучат здесь. Желаю участникам и гостям Чтений продуктивных и насыщенных дискуссий!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется председателю Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, академику РАН Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые коллеги, студенты, все слушатели XVI Лихачевских чтений, я хочу поприветствовать вас от имени Государственной Думы и Президиума Российской академии наук.

Прошло 10 дней после празднования Дня Победы и менее 10 дней остается до очередного дня рождения Санкт-Петербурга. Недавно я прочитал воспоминания 90-летнего немецкого солдата, который написал, что немцы тогда были очень наивными и не понимали, что идеология и политика определяют очень многое:

«Мы в 1942 году не понимали, для чего шли на Ленинград и Сталинград. Если бы мы в 42-м знали, что в то время города с такими названиями не сдаются... А мы не могли этого понять — и все потеряли». Эта мысль перекликается с темой XVI Лихачевских чтений — «Современные глобальные вызовы и национальные интересы».

Политику во многом определяет наука. Вторая мировая война в 1939 году называлась войной моторов. В 1942 году наступил перелом, ознаменовавшийся подъемом советской промышленности, которая произвела вооружения в два раза больше, чем Германия и Европа, вместе взятые. Случилось интеллектуальное чудо, когда мы создали технику лучше, чем была у передовой американской армии. С этого момента войну стали называть войной интеллектов. Тогда в той войне советская наука победила — это ни у кого не вызывает сомнений — ценой невероятных потерь: 27 млн погибших. В 1941 году, согласно переписи населения, в СССР проживало 95 млн человек, в 1946-м — 68,5 млн. С 1939 по 1940 год прирост населения в Советском Союзе составил 3 млн. С 1941 по 1946-й за пять лет не родилось 15 млн человек. Это настоящие потери.

Несколько слов о великом переселении народов. Сегодня 1 млн 200 тыс. человек эмигрировало из Африки в Европу в течение года, и это привело к большим проблемам. В Советском Союзе во время войны за четыре месяца 20,5 млн переселились на восток страны (из Москвы — 2 млн, из Ленинграда — более 800 тыс. и т. д.). Но не было никаких волнений на национальной почве. Население Урала до войны составляло 11 млн, во время войны увеличилось до 22 млн.

Произошел и профессиональный переворот: 60–70 % работающих на предприятиях во время войны — дети, старики, женщины. Синергетический эффект духа, нравственности, усилий народа и привел к Победе. И когда 24 апреля 1944 года в Европу вошла 12,5-миллионная советская армия, то равных ей не было — это была самая технически оснащенная, обстрелянная и, главное, имеющая четкие нравственные устои армия — она защищала свою Родину.

Через три месяца после долгожданной Победы 9 мая мир вновь висел на волоске. Американцы сбросили две атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. Оказалось, у союзников было такое оружие массового поражения, которого не было у СССР. И что бы мы делали, если бы в 1943 году по предложению двух академиков, Вернардакского и Ферсмана, Сталин не открыл лабораторию № 2 в Пыжиковом переулке, которую в феврале 1943 года возглавил 40-летний доктор наук Игорь Васильевич Курчатov. В сентябре 1943 года в Москве на общем собрании Академии наук его избрали академиком. В 1947 году наши спецслужбы и внешняя разведка доложили, что в Америке сформирован план «Троян», по которому 1 января 1950 года по Советскому Союзу должен быть нанесен удар — 300 ядерных зарядов и 20 тыс. обыкновенных бомб. И что бы мы делали, если бы у нас уже пять лет не работала лаборатория, занимающаяся созданием атомной бомбы? Курчатov прожил 57 лет, Королев —

59 лет. И только третий — Келдыш — одолел 60-летний рубеж. Они работали сутками и свободно вздохнули 29 августа 1949 года, когда на Семипалатинском полигоне было произведено испытание первой советской атомной бомбы. Паритет был восстановлен. Вот что такое политика и наука.

В современной ситуации происходит то же самое. Россия — ведущая энергопоставляющая страна, один из столпов энергетики. За пять последних лет в этой отрасли благодаря науке и наукоемким технологиям произошли колоссальные изменения. В США разразилась «сланцевая» революция. Добыча сланцевого газа ведет к изменению глубоких слоев почвы и нарушению экологии. За последние пять лет США из потребителя углеводорода № 1 стали одним из главных его поставщиков. Европа сейчас заполнена сланцевой нефтью, сланцевым газом. Это послужило тому, что Китай стал первым потребителем природного газа, а Россия — одним из ведущих производителей. Нефтегазовый, энергетический диалог Европы с Россией уменьшился, более того, послужил базой для геополитики, чтобы конфронтационный механизм запустить по всем направлениям, вплоть до санкций.

Нашей стране сегодня нужны мощный наукоемкий прорыв, передовые технологии — не просто продажа сырой нефти, а переработка до нанопродуктов, которые стоят в сотни раз дороже. И такие технологии у нас есть. 17 июня в Петербурге на экономическом форуме президент будет вручать ежегодную премию «Глобальная энергия» — российский вариант Нобелевской премии по энергетике — российскому академику Парамонову.

Нам нужен прорыв, подобный тому, что мы совершили в 1941–1945 годах. Нужно проводить такую же экономическую политику, с таким же результатом, которого мы добились тогда, реализовывать социальную политику с человеческим лицом, чтобы войти в двадцатку развитых экономических стран и по уровню, и по качеству жизни (чтобы россияне жили больше 80 лет, сегодня продолжительность жизни составляет 71 год, 122-е место в мире). Это будет обыкновенное чудо, которое российский народ совершал и еще неоднократно совершит за свою тысячелетнюю историю.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Впервые в Лихачевских чтениях принимает участие один из выдающихся представителей арабского мира господин Амр Муса.

А. МУСА¹: — Благодарю за приглашение принять участие в Лихачевских чтениях. На меня произвели большое впечатление выступления, которые я услышал. Международная ситуация вызывает обеспокоенность происходящими событиями. Необходим новый формат взаимоотношений, особенно в связи с теми событиями, которые произошли в мире, волной терроризма и неправильной международной политикой, которая сейчас проводится. Сегодня мир переживает период глубоких перемен. Это уже не тот мир, который суще-

ствовал раньше. Постоянно возникают новые серьезные вызовы, например политический курс, приведший к разрушениям в отдельных регионах мира — на Ближнем Востоке, в арабском мире. Нам нужны перемены, поэтому в нескольких странах мира и произошли революции. Мы не можем жить по-прежнему, так, как жили в XX веке. Нужно открыться другим странам, необходима взаимосвязь в новом, XXI веке.

Итак, мир изменился. Именно перемены характеризуют Ближний Восток сегодня. Мы уважаем Россию, потому что она стремится к налаживанию дружественных отношений со всеми странами и народами. Я согласен с тем, что сказал заместитель министра иностранных дел России господин Гатиллов о Пальмире, разрушении культурных объектов и восстановлении такого важного города. Но хотел бы добавить, что разрушение Пальмиры — это разрушение истории, которое также можно сравнить с разрушением жизни. Сегодня на Ближнем Востоке на смену процессу разрушения приходит восстановление на основе дружбы. Важно понимать, что нам нужен новый региональный порядок, связанный с вопросами безопасности.

Сегодня молодежи арабского мира (основная масса арабского населения на Ближнем Востоке — это молодежь до 35 лет, которая составляет более 70 %) нужны не только работа и рабочие места, но и признание и уважение. Ближний Восток и Средиземноморье будут меняться и двигаться в направлении другого порядка и мироустройства.

Сегодня политика ООН утрачивает свои позиции. Совет Безопасности ООН работает недостаточно эффективно и не служит опорой Уставу этой организации. Мы встречаемся с молодежью на международных конференциях, посвященных ситуации в Сирии и Ливии, и на других форумах. Зачем в таком случае нам нужен Совет Безопасности ООН? Мы хотим, чтобы ООН работала последовательно, но когда речь идет о вопросах войны и мира, позиции этой организации перестают быть актуальными. Между региональными интересами и международной политикой существует пропасть. Наблюдаемые сегодня мировые глобальные вызовы и национальные интересы несовместимы. Мы должны добиться их совместимости. Думаю, что мы движемся в правильном направлении. Достичь результатов помогут наука и техника. Ради этого было принесено много жертв в ходе Первой и Второй мировых и других войн.

Ближний Восток особенно нуждается в региональном порядке. Какими должны быть взаимоотношения с великими державами? Мы уважаем Россию и в то же самое время видим, что многие западные страны, проводя свою политику, оказывают на нас негативное воздействие. Взаимоотношения между великими державами соответствуют письменным договоренностям. Учитываются ли в них надежды и чаяния людей Ближнего Востока? Я не вижу здесь искренности, как и большинство жителей этого региона. Нам нужны другой миропорядок, другие взаимоотношения. Люди полны ненависти из-за разрушений. Региональная политика сейчас находится в печальном состоянии — на Ближнем Востоке хаос.

¹ Генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001). В 2012 г. баллотировался на пост президента Египта (за него было отдано более 2,5 млн голосов). Награжден орденом Иерусалима.

Мы видим, какой огромный вклад вносит Россия в борьбу за права людей и как твердо выступает против разрушения стран, городов и уничтожения их жителей. Народ Сирии сейчас уезжает из своей страны в разные уголки мира. Силы, которые вызвали этот процесс, до сих пор препятствуют нормализации процесса. Россия не придерживается мнения, которое распространено среди определенных западных стран, считающих, что они должны только управлять проблемами (организуя одну конференцию за другой), но не решать их.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Лихачевские чтения за многие годы сложились как философско-культурологический форум, поэтому я хочу предоставить слово выдающемуся философу, академику Вячеславу Семёновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Сегодня мы переживаем беспрецедентный рост различных кризисов, которые ранжируются от локальных до глобальных. Глобальные кризисы можно свести к трем вызовам: рост терроризма, надвигающаяся экологическая катастрофа и антропологический кризис. Тот тип цивилизации, в которой мы сейчас живем, основан на следующей стратегии развития — это, с одной стороны, рост и экспансия мирового рынка во все новые сферы социальной жизни и подчинение этих сфер рыночным отношениям, с другой — ускорение научно-технологического прогресса, появление новых технологий (которые изменяют наше понимание жизни и саму жизнь). В рамках этой стратегии разворачивается современная глобализация.

Как оценивать эту стратегию, проблемы и вызовы, которые она породила? Для этого нужен принципиально новый масштаб видения — следует рассматривать современные процессы с точки зрения смены типов цивилизационного развития. В истории человечества, после того как оно преодолело стадию варварства и вступило в стадию цивилизации, существовали два типа развития — это традиционалистские общества и особый техногенный тип цивилизации, которая зародилась в европейском регионе, начиная с эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения. В эти эпохи сформировалась духовная матрица нового типа цивилизации.

Я называю эту цивилизацию техногенной, поскольку в ее основе лежит научно-технологический прогресс, порождающий ускоряющиеся изменения предметного мира, в котором человек живет, изменения системы социальных отношений и человеческих коммуникаций.

Техногенная цивилизация в относительно короткий срок человеческой истории внедрила свои ценности в традиционалистские культуры и перевела многие традиционные общества на путь техногенного развития. Этот переход был связан с процессами модернизации, которые затем переросли в современную глобализацию.

Если рассматривать современные кризисы с этих позиций, то возникает вопрос о базисных ценностях, лежащих в основании техногенной цивилизации, о ее

трансформации и переходе к качественно иному типу цивилизационного развития, что предполагает формирование новых фундаментальных ценностей. Или это произойдет, или кризисы будут нарастать и завершаться потерей цивилизационных завоеваний, и даже гибелью человечества.

Современные стратегии глобализации, реализуемые экономически развитыми странами Запада, прежде всего США, основаны на пролонгации уже сложившихся ценностей техногенного развития, на базе которых в этих странах сформировалось потребительское общество. Оно и провозглашено в качестве идеала, а всеобъемлющие рыночные отношения, регулирующие технологический прогресс, — кардинальным сценарием будущего развития человечества.

Но возникает вопрос о последствиях такой стратегии. Как она соотносится с экологическим и антропологическим кризисом? В данном случае нужно критично отнестись к неолиберальному обоснованию этой стратегии. Да, она повысила качество жизни, обеспечила рост потребления, продлила срок жизни людей, создала новую медицину, современные информационные технологии. Но плата за эти достижения оказалась чрезвычайно высокой — глобальные кризисы в режиме обострения.

Существуют системные основания, которые не позволяют преодолеть глобальные кризисы в рамках неолиберальной стратегии и тактики. Первое основание — это организация экономики. В ее фундаменте (об этом прекрасно написано в книге «Макросдвиг» Эрвина Ласло) лежит принцип, который провозгласил еще в середине XX века американский экономист, глашатай свободного рынка Виктор Лебов: нужно сделать ускоренное потребление образом жизни, покупку и потребление товаров превратить в ритуалы, в главный фактор человеческого самоутверждения, необходимо приучать людей изнашивать, ломать, выбрасывать вещи, заменять их более модными со все возрастающей быстротой. Если экономика будет и дальше развиваться в этом русле, то Эрвин Ласло прав — это путь к экологической катастрофе.

Второе основание — это судьбы человека в рамках всеобъемлющих рыночных отношений. Человек предстает здесь прежде всего как производитель и потребитель товаров и услуг, как объект производства и потребления. Такое отношение к человеку приводит к тому, что все человеческие качества и все продукты его деятельности рассматриваются с монетарных позиций и подлежат монетарному измерению. Здесь уместно вспомнить слова Маркса, который, критикуя капитализм, видел его главный изъян именно в превращении человека в товарно-денежный объект. Как отмечал Маркс, в нормальном человеческом обществе за ум надо платить умом, за дружбу — дружбой, за любовь — любовью, а в капиталистическом обществе, где все человеческие качества становятся товаром, можно, имея деньги, платить за ум деньгами, за дружбу — деньгами и за любовь — тоже деньгами. Но тогда человек, который относится к другому как к монетарно исчисляемой совокупности качеств, сам лишается подлинно человеческих качеств, становится, как подчер-

кивал Г. Маркузе, «одномерным человеком». Современный антропологический кризис в его многочисленных проявлениях порожден доминирующими отношениями к человеку как к капиталу и товару.

Перед человечеством сейчас стоит серьезная задача преодолеть многочисленные проявления антропологического кризиса. Новые технологии открывают невиданные возможности изменения человека, его биологии, усиления тех или иных человеческих качеств, но здесь возникают риски и угрозы, которые могут нивелировать человека и человечество. В расширенном тексте моего доклада, который размещен на сайте Лихачевских чтений, обозначено несколько реальных сценариев и новых аспектов антропологического кризиса, которые могут привести к такого рода катастрофическим последствиям. Напомню слова великого советского и российского поэта Андрея Вознесенского: «Мир — не хлам для аукциона. Я — Андрей, а не имярек. Все прогрессы — реакционны, если рухнет человек».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Андрей Вознесенский — Почетный доктор СПбГУП.

Мы получили большое количество приветствий, телеграмм в адрес Лихачевских чтений. Хочу зачитать несколько выдержек из поздравлений. Председатель Правительства РФ Дмитрий Медведев отмечает: «Наступает понимание того, что политика мультикультурализма, которую активно продвигали на Западе, зашла в тупик. Глобализация, считавшаяся естественным процессом взаимодействия народов и государств, высветила противоречия между разными культурами и цивилизациями. Сегодня все громче заявляет о себе идея интеркультурализма, где ставка делается не только на культуру, но и на другие сферы — рынок труда, образование, гражданскую ответственность людей разных национальностей и вероисповеданий за свою страну и планету, будущее своих детей. Об этом и многом другом, что вмещает в себя понятие “диалог культур”, вам и предстоит поговорить на нынешней встрече».

Фрагмент приветствия президента Российской академии наук академика В. Е. Фортова: «...трудно переоценить значение вашего научного форума, посвященного актуальнейшей проблеме современных глобальных вызовов и защите национальных интересов. Желаю всем участникам XVI Лихачевских чтений плодотворных научных дискуссий, личных и профессиональных достижений, новых научных открытий на благо России».

Позволю себе сделать одно небольшое замечание. Периоды благополучного развития мировых событий чередуются с периодами необычайных обострений международной жизни. В периоды таких осложнений особое значение в мировой политике, диалоге культур приобретают личности, которые смело отстаивают принципы диалога и сотрудничества.

В 1980 году, в преддверии Олимпийских игр, когда наш Университет готовился принять в студенческой гостинице посланцев со всего мира, московской Олимпиаде был объявлен бойкот. Маргарет Тэтчер посоветовала британским спортсменам не выступать

на Олимпиаде. Но один молодой человек, капитан команды по гребле, решил послушаться, и вся его восьмерка приехала и выиграла серебряную медаль.

Человек, который побудил своих товарищей в 1980 году приехать в Москву, сегодня здесь — это член палаты лордов парламента Великобритании Колин Мойнихен. Кстати, госпожа Тэтчер после этого поступка пригласила господина Мойнихена занять пост министра в своем правительстве.

К. МОЙНИХЕН: — Олимпийские игры 1980 года в Москве стали впечатляющим событием, учитывая перемены, которые происходили в обществе. Когда я прекратил свою деятельность в качестве министра в правительстве Великобритании (сначала у Маргарет Тэтчер, а затем у Джона Мейджора), наступило очень интересное время. В 1991 году закончилась советская эпоха (это геостратегически когда-то прогнозировал Фукуяма). Президент Буш предложил концепцию нового мирового устройства. На мой взгляд, эту глобальную среду можно было бы назвать не новым мировым порядком, а новым мировым беспорядком. Потому что мы сейчас вернулись к временам нестабильности, о чем свидетельствуют события на Украине, Ближнем Востоке, в Африке. Через 70 лет после окончания Второй мировой войны мы видим, что мир становится неуправляемым, постоянно происходят акты насилия, наблюдается эскалация конфликтов. Причины этого — глобализация, участие мировых СМИ и использование цифровых технологий. Даже если мировая ситуация не была бы такой и не породила столько вызовов, настало время (и данная конференция подчеркивает эту необходимость) решения существующих проблем, связанных с джихадизмом, терроризмом, кибератаками, массовой иммиграцией, изменением климата, глобальными эпидемиями, пандемиями, коррупцией, распространением ядерного оружия (этот перечень можно продолжить).

Выступления, которые мы сегодня услышали, характеризуют ситуацию на Ближнем Востоке. В мире происходят перемены. Глобальные угрозы требуют глобальных решений. Часто мы не можем найти решения этих проблем. Несмотря на свой мандат, ООН слишком часто не может помочь миру увидеть реальные проблемы. В итоге мир становится все более хрупким.

Существуют разные потребности, которые необходимо удовлетворять. И национальное самоопределение имеет чрезвычайно важную роль. Конфликты в Иране, Сирии, Северной Корее, на Украине не могут быть решены без участия России. Роль России в мировой дипломатии чрезвычайно высока. Новый западный прагматизм основан на нейтрализации фундаментальной позиции России. Но ООН не верит в такой подход. Первые признаки этого мы наблюдаем в Сирии. Обеспечение мира там связано с огромными трудностями. Если общими усилиями мы достигнем компромисса, то сможем добиться цели, которая в свое время была поставлена ООН, рассчитывающей в 1945 году помочь человечеству решить все проблемы, возникшие в связи с мировой войной.

И в заключение хочу отметить момент, связанный с той работой, которую мы проводим на конференции, посвященной современным вызовам и национальным интересам. Если говорить о вызовах со стороны международного терроризма, то у нас будет гораздо больше шансов на успех, если мы вместе (с участием России) будем решать проблемы, связанные с ИГИЛ и угрозами терроризма. Идеологические защитники этого международного движения стремятся к тому, чтобы породить беспорядки во всем мире. Неуправляемое мировое пространство часто формируется вследствие политики, которую проводят западные страны, в частности можно назвать авиационные бомбардировки Ливии, когда погиб Каддафи. Такая политика дает возможность для распространения глобального джихада в ближайшие десятилетия.

Также важно, что сейчас увеличивается молодое население. Так, 50 % населения Саудовской Аравии (так же как и в Египте и др.) — это молодые люди. Обсуждение этих проблем с молодежью (в том числе на Лихачевских чтениях) важно для решения вышеназванных вопросов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну академика А. Д. Некипелова, выдающегося экономиста, человека, которому российская наука обязана отстаиванием своих интересов, своей высокой миссии на протяжении длительного периода, когда он был вице-президентом Российской академии наук.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Я всегда с огромным удовольствием принимаю участие в работе Лихачевских чтений, потому что считаю, что это удивительная площадка, где собираются представители всех общественных наук, люди, которые активно действуют в политике, экономике, культуре. Мне, как экономисту, это важно, потому что позволяет преодолеть те разделительные линии, которые естественным образом возникают, когда мы непосредственно занимаемся своим делом — исследуем экономику, занимаемся анализом культурных ценностей, изучаем историю, международные отношения.

Мне кажется, что удобная позиция разделения социума на политическую, экономическую и культурную сферы является чрезмерным упрощением. При таком разделении никто, конечно, не отрицает взаимосвязей, существующих между этими областями, но на самом деле речь должна идти о взглядах на единый социум, но под различными углами зрения.

Распространено представление о том, что экономика — это рынок, особенно сейчас, когда рыночная система стала универсальной и охватила весь земной шар. Одновременно стало привычным говорить о вмешательстве политики в экономику, а потому приходится сталкиваться с рассуждениями такого рода: экономически ясно, как надо было бы поступить, но не очень понятные, особенно для экономистов, политические соображения приводят к принятию решений, далеких от экономического идеала. Это большая ошибка. Рынок — необыкновенно мощный инструмент. Приходится только удивляться, каким образом этот инструмент

координирует деятельность колоссального количества людей и почему в ситуации, когда отдельные люди, предприятия, фирмы самостоятельно принимают решения, результатом является не хаос, а более или менее скоординированное развитие огромной современной экономики.

Но рынок — не всемогущий инструмент, потому что он согласует только часть интересов человека, часть его предпочтений. Речь идет, если пользоваться определением Адама Смита, о предпочтениях «экономического человека». Эту задачу рынок решает достаточно успешно.

Но каждого из нас в большей или меньшей мере интересуют и другие проблемы, помимо удовлетворения узкоэгоистических интересов. Нам безразличны и состояние социума — дифференциация доходов, состояние окружающей среды, и те ценностные предпочтения, которые в этом социуме преобладают. Эту часть наших предпочтений рынок выявить не может, и данную проблему приходится решать иными путями. Но поскольку она связана с распределением ресурсов, то есть с тем, чем занимается экономическая наука, то, с моей точки зрения, чрезмерным упрощением является выведение проблематики за рамки экономики.

В экономической теории есть загадочная проблема (минимум три Нобелевские премии были присуждены за ее разработку, но до сих пор она остается неразрешенной), касающаяся социального выбора. Для того чтобы определить социально лучшие решения, приходится договариваться о том, какого рода процедуры при этом будут использоваться. Мы в некотором смысле попадаем в тавтологическую ловушку, когда для того, чтобы договориться, найти форму согласования интересов, нужно предварительно согласовать, каким образом мы будем это делать. Эта проблема, с одной стороны, создает большой логический дискомфорт, а с другой — позволяет объяснить многие вещи, которые происходят, когда те или иные социумы вначале формируются, потом распадаются и т. д.

Эта проблема имеет отношение и к современной мировой обстановке. Мы находимся в ситуации, когда сами «правила игры» поставлены под вопрос, идут взаимные обвинения в несоблюдении международного права всеми сторонами. У каждого своя правда, но задача останется неразрешимой, если не удастся спокойно заняться согласованием правил международного общежития в тех пунктах, где возникли очевидные различия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Александровичу Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — Прежде всего, помимо поздравления и приветствия от президента РАН В. Е. Фортова, хочу поприветствовать вас от имени того отделения Российской академии наук, членом которого состоял всю свою жизнь, будучи академиком, Дмитрий Сергеевич Лихачев. Это бывшее Отделение литературы и языка, а последние 13 лет — Отделение историко-филологических наук, академиком-секретарем которого

го я являюсь. Такое отделение существовало и в Петербургской Императорской академии наук.

В настоящее время отмечается усложнение феномена общества на уровне как личности, так и коллективов, социальных коалиций людей. И порой непонимание этой сложности (отсюда некачественное управление такими сообществами, прежде всего государственными, политиями) приводит к различным кастрофическим реакциям или изоляционизму. Идут поиски преодоления этой ситуации, о чем сегодня говорил академик Степин.

Но при всех наших рассуждениях о том, что нас ждет в будущем, на горизонте человеческой эволюции пока нет ничего более оптимального, чем то, что придумало человечество с точки зрения создания человеческих коллективов, — это государство. Прежде всего имеется в виду National state, то есть национальное государство, каковым является Российская Федерация. Государства владеют всей нашей ойкуменой, за исключением, может быть, Антарктиды, части Арктики.

Нужно думать о том, как улучшить управление. Здесь возможны разные варианты. Можно положить в основу этнический или религиозный принцип: каждой этнической общности по государству. Но есть понимание того, что каждой страной, регионом и миром в целом накоплен опыт, как жить, существовать и развиваться большим государствам, к каковым относится и Россия. Возможны разные системы государственного устройства, прежде всего федерализм и культурно чувствительная политика, допустим, официальное двуязычие или многоязычие. Те общества, которые не признают этого, не хотят организовывать жизнь более сложно и чувствительно по отношению к налогоплательщикам. Власть по-прежнему настаивает на том, что она должна говорить на одном языке, а налогоплательщики говорят на разных, хотя должно быть наоборот — власть должна говорить на языке налогоплательщиков. Такие общества будут иметь серьезные конфликты.

Поэтому национальные государства — это не монокультурные государства, а сложные многоэтнические сообщества. Сегодняшние нации — это не просто жесткий, культурно очерченный тип, а культурная сложность всех современных наций. Сегодня нет наций, которые говорили бы только на одном языке и члены которой молились бы только одному богу.

Помимо сохранения и улучшения правления в государствах, возникает вопрос о качестве управляющей элиты. Для нашей страны этот вопрос очень актуален. В связи с разными процессами поколенческой смены в стране и изменениями от экономики до идеологии, не очень качественной системой образования, уже породившей учеников не очень грамотных профессоров, мы наблюдаем деградацию качества управленческой элиты (начиная с научной интеллигенции и заканчивая политической элитой, управленцами). Это очень сложный вопрос, который нужно разрабатывать.

Другой вопрос связан с воздействием различных механизмов или систем субъективных предписаний, с тем, что я называю индоктринацией. Мы никогда не жили в такой ситуации, когда в течение буквально нескольких недель на уровне всей страны или народа резко ме-

нялись настроения. Отношения России с Украиной показывают, что поменять такие настроения с достаточно доброжелательных, позитивных среди значительной части населения на враждебные и тем самым вызвать серьезный конфликт, сегодня несложно. Для этого применяются разные механизмы, начиная с телевизионных ток-шоу, вещающих с утра до вечера, и заканчивая сетевыми информационными сообществами и др.

Индоктринация и рекрутирование в пользу таких порой упрощенных идеологий — серьезный вызов, о котором нам нужно думать и которому нужно что-то противопоставить. Кстати, последнее наблюдение, связанное с «Евровидением», показало, что манипулирование со стороны элит не всегда влияет на массовые настроения. По результатам голосования видно, что в настроениях сохраняется нечто фундаментальное.

Проблему индоктринации следует исследовать, потому что отсюда вытекает третья проблема — экстремизм, включая терроризм. Экстремистские радикальные идеологии и практики понять сегодня непросто. Мы долгое время связывали их с социальной деградацией или насилием, пережитыми историческими травмами. Это действительно имеет место и порой используется как оправдательный аргумент того, для чего люди становятся живыми бомбами. Как паренек из деревни, иногда будучи студентом МГУ, совершает этот путь в разряд живых бомб, людей, которые готовы отдать свою жизнь, — этот процесс нами не осознается. Эта проблема отношений или связи якобы служения святому и большому делу — важный момент, который не оправдывается социальными, историческими, биологическими и даже религиозными аргументами.

Нам нужно исследовать вопрос, откуда берутся большие проекты, которые привлекают людей, особенно молодых, имеющих небольшой жизненный опыт. Эта опасность упрощенных проектов, я их иногда называю большими или освободительными (будь то священная война или война за освобождение своего народа, собственное государство, суверенитет), для нас нова. Совместными усилиями мы — Российской академия наук и национальные академии наук — создали новый проект по изучению феномена, корней и природы современного терроризма.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну Посла Ирана в Российской Федерации господина Санаи.

М. САНАИ¹: — Несколько слов по теме конференции — о глобальных вызовах и национальных интересах. В настоящее время возникли серьезные вызовы в международном масштабе, потому что размыты границы между национальными и глобальными интересами, потому что были нарушены международные нормы и международное право. Проблема определения гра-

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ, кандидат политических наук. Директор Группы исследования России Тегеранского университета (2005–2013), депутат Меджлиса Исламского совета (2008–2013). Автор книг «На Великом шелковом пути», «Право и политика в исламе» (учебник), «Ирано-российские отношения» (в соавт.), «Возрождение ирано-исламской цивилизации», «Отношения Ирана и Центральной Азии», научных статей. Почетный член Союза писателей России, член Казахской академии общественных наук.

ниц между национальными интересами, международным правом и международными нормами существовала всегда. Может быть, именно международное право играло решающую роль и в течение десятков лет помогло соблюдать порядок в мире.

Но процесс глобализации развивался не вполне удачно и проявил себя не как процесс, а как проект, который затронул национальные интересы других стран и нарушил международные нормы и международное право. Может быть, самый серьезный этап глобализации как проекта — стандарты, которые были заявлены западными странами в течение последних лет. Когда страны увидели, что не определены границы международных глобальных и национальных интересов, они начали укреплять свои позиции, что породило новые серьезные вызовы в международном и глобальном масштабе.

Одна из важных задач — определить границы национальных и глобальных интересов. Единственный выход в нынешней ситуации — многополярный мир и диалог. Принципов, опираясь на которые в мире был установлен порядок, уже не существует. Нужен многополярный мир, о чем говорил профессор Амр Муса, изменения на международной арене, в международном масштабе и регионе. Если мы не предусмотрим эти изменения, то их будут диктовать угрозы и разные вызовы.

Я представляю Исламскую Республику Иран. Наша страна обладает древнейшей историей и цивилизацией и выступает за диалог и многополярный мир. Иран в последние годы выступил инициатором теории диалога цивилизаций. Мы с Россией плодотворно сотрудничаем в этом направлении. В последние годы наши взаимоотношения развиваются в разных форматах — и в двухстороннем, и в международном, и по региональным вопросам мы тоже сотрудничаем очень тесно. В этом контексте развиваются наши научные и образовательные контакты. В прошлом году была создана Ассоциация университетов двух стран — Ирана и России, и сотрудничество в этом направлении активно развивается. Между СПбГУП и одним из крупнейших университетов Ирана был подписан договор, в рамках которого мы провели совместную конференцию. Этот диалог развивается и способствует прогрессу международного и глобального диалога и решению различных проблем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется судьё Конституционного Суда РФ Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Лихачевские чтения — единственная возможность преодолеть пагубные последствия специализации знаний. Общение с коллегами из Академии наук, вне всякого сомнения, приносит большую пользу. Сегодня академик В. С. Степин размышлял о кризисе. Академик А. Д. Некипелов говорил о том, что в мире существует структурный сложный кризис — познавательный. Когда нам нужно пересмотреть основные правила общежития, выработать основные конституциональные правила (то, о чем говорил нобелевский лауреат Джеймс Бьюкенен) — это

и есть ситуация кризиса. Вне всякого сомнения, кризис затронул и международное право. Можно спорить о том, какой это кризис — жесткий или мягкий, можно искать разные определения, но очевидно, что кризис существует.

В латинском языке понятие “res” сделало колоссальную «карьеру». Первоначально оно означало материальную вещь. Потом у Сенеки появилось выражение “res sacra” — «вещь священна» (это уже имело отношение к человеку). У Фомы Аквинского слово “res” уже обозначает общую вещь (закон). Потом появилось выражение “res publica” — тоже общая вещь. Речь Посполитая в Польше с XIV века — это тоже “res publica” на польском языке.

Я вспомнил об изменении значения латинского слова “res”, чтобы сказать, что у современного человечества есть общее достояние, своего рода юридическая вещь — это права человека. Все дело в том, как относиться к этой концепции. Можно говорить о том, что существует некая теология прав человека. Я не разделяю этот подход — стремление обожествить, сакрализовать то, что обожествлять не надо. К правам человека надо относиться предельно рационально. Американские ученые говорят, что надо выводить права человека из области, которая подлежит оценке, подвергается оптимизации, взвешиванию, ссылаясь на то, что это некие платонические формы (как у Платона), не имеющие оценки. Я считаю, что это нерациональный подход.

В плане публичной политики научная идея, по сути теология прав человека, оборачивается абсолютно ненужным и вредным мессианством. И представители юридической элиты США, профессор конституционного права Барак Обама — типичный представитель такого юридического мессианства.

По моему мнению, к правам человека надо относиться совершенно иначе, более рационально. Это значит, что права человека — это достояние всех людей, которые организованы в нации (здесь заключено некое двуединство). Надо понимать, что права человека сохраняют и традиционность (это одна ипостась), и это традиционное начало надо уважать. Мы не должны подвергать идею прав человека предельной универсализации — в этом таятся опасность и главная угроза для мира. Поэтому мы должны бороться за совершенно другую модель.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — К микрофону приглашается господин Азиз, наш гость из Пакистана.

Ш. АЗИЗ: — Нам нужно ответить на возникающие вызовы, форсировав диалог и обсуждения между всеми заинтересованными сторонами. Сегодня ООН не работает так, как должна работать согласно своим положениям. Мы должны найти новую парадигму решения этой проблемы.

Сегодня в мире единство, диалог и обсуждения нужны больше всего и должны цениться превыше всего. Мы видим, как люди и страны выходят из различных альянсов и союзов, — например в Великобритании почти половина жителей ратует за выход из Евро-

союза. Чтобы решить эти проблемы, нужно сформировать больше взаимосвязей между странами. Таким образом мы сможем гарантировать мир. Люди будут по-другому сотрудничать друг с другом, если не будут жить в изоляции. Необходимо постоянное участие людей в решении различных проблем.

Следующий вопрос — нынешняя ситуация с безопасностью. Современная стадия нашего существования связана с терроризмом. Войны завтрашнего дня будут связаны с участниками, которые обязательно являются странами. В мире меняются парадигмы, и негосударственные участники войн используют другие методы. Поэтому традиционные методы борьбы на такой войне не работают. Здесь очень важно трансграничное сотрудничество. Даже когда речь идет о террористах и экстремистах, следует искать выход.

Следующий вопрос — миграция. Это гуманитарный вопрос, но в некоторых случаях миграция служит только прикрытием для того, чтобы проникнуть в определенную страну и спровоцировать там проблемы. Мы должны не только развивать человеческий аспект миграции, но и учитывать проблему терроризма, возникшую в результате человеческих лишений (небольшие доходы, недостаточное обеспечение прав человека, свободы слова и пр.). Необходимо действовать в русле реалистического подхода. Речь идет не просто о борьбе за обеспечение безопасности — мы должны бороться за сердца и умы людей. И в данном случае победить труднее, чем даже в борьбе с террористами. Мы должны осознавать факторы, которые стоят за терроризмом, и находить необходимые средства.

Следующий пункт — геополитические перемены, происходящие в мире. Мир меняется, но многие сейчас отказываются это признавать. Появляются новые силы, новые державы. Сейчас такой державой стал Китай, и мы должны это учитывать. Инициативы, которые реализует Китай, — налаживание экономических взаимоотношений со своими соседями. В частности, Китай обратился к Ирану с предложением предоставить помощь в 65 млн долларов для создания железных дорог, портов, что, несомненно, ведет к расширению сотрудничества.

Еще один вопрос — интернет-технологии, которые сегодня используются, например коммерц-системы Alibaba, Amazon и пр. Новые технологии изменяют динамику современного мира, повышают эффективность работы государства, доходы людей и компаний. Мы должны учитывать эти возможности и рассматривать новые технологии не как угрозу, а как фактор роста и развития.

Следующий вопрос связан с тем, что в мире не хватает лидеров. Сегодня мир страдает от различных дефицитов, например доверия и т. д. Но самый серьезный дефицит — дефицит лидерства. В русле подходов, которые используются при рассмотрении различных вызовов, необходимы мощные инновационные решения. Таким образом, лидерство следует формировать. Мы должны признать, что сегодня изменяется то, что раньше было константами. Нужны люди, которые поведут нацию в правильном направлении. Там, где есть такие лидеры, все хорошо.

Еще один вызов — изменение климата. На конференции по климату в Париже было достигнуто соглашение, которое теперь надо реализовывать. Существуют глобальные проблемы, которые мы должны решать общими усилиями.

Еще один вызов связан с демографией: во многих частях света наблюдается мощный прирост молодежи. Мы должны интегрировать молодежь в жизнь общества.

Также актуален вопрос бедности. В мире 800 млн людей до сих пор страдают от бедности, голода, заболеваний и т. д. Мы должны найти способы борьбы с этими бедствиями. Необходимо дать этим людям возможность развития.

И последний вызов — кибератаки. Для кого-то это образ жизни. Мы становимся жертвами кибератак, которые могут парализовать мир и нашу жизнь. Мы не хотим оказаться в такой ситуации, поэтому нужно исследовать эту проблему и найти выход.

Господин ректор, то, что Вы делаете, очень важно. Я признателен Вам за предоставленную возможность поделиться своими мыслями.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Гэлбрейту.

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — 25 лет прошло с того времени, как закончилась холодная война. Две системы, которые в прошлом были великими, сегодня вновь находятся в противостоянии, и надо подумать о том, как кризис в одной из них может отразиться на другой. Научились ли мы чему-то за прошедшие 25 лет? Похоже, что нет. Государственный долг Соединенных Штатов в настоящее время достиг беспрецедентных размеров, и нет никаких признаков того, что эта проблема решается. Почти три десятилетия мы слышим различные обещания, но не видим реальных действий. В Китае совсем недавно наблюдался экономический бум, сейчас же последовал спад. Цены на ресурсы нестабильны, изменения климата грозят катастрофой. Необходимо искать радикальные решения, поскольку проблемы становятся все более острыми и неотложными.

Мечта о мире и процветании для всех пока не сбылась. Почему? Если та или иная стратегия не имеет успеха, значит, она неверна. Однако если «отделить теологию от догмы», то экономика не является чем-то сложным и непостижимым. Если вы все верно понимаете, то и считать будете правильно. Энергетические ресурсы, от которых мы все зависим, возможно, и не оскудели, но их все труднее добывать, приходится тратить на это все больше сил и капиталов. Чтобы уменьшить выброс углекислого газа в атмосферу, также необходимо вкладывать все больше средств в новые технологии. Надо находить новые способы сокращения выбросов, иначе затраты на борьбу с ними станут неприемлемо высокими. Таким образом, если подсчитать наши возможности, то мы имеем все меньше средств, каналов для инвестиций и потребления. С учетом производственных издержек расходуются очень большие объемы ресурсов.

Когда мы прогнозируем показатели использования ресурсов в будущем, необходимо учитывать, что во многих странах растет численность населения. То есть мы должны либо лучше использовать то, что у нас есть, либо какие-то группы населения лишать доступа к ресурсам. Если мы не будем учитывать этот факт, это обойдется очень дорого. Сегодня мы видим первые итоги реализации стратегии рационального использования ресурсов. В конечном счете это позволит повысить уровень жизни всех людей на планете. Качество жизни зависит также от развитости систем социальной защиты, нормирования и регулирования, от успехов в борьбе с различными злоупотреблениями. Мы должны сокращать затраты на банковскую сферу, но не можем позволить себе урезать финансирование культуры, искусства, образования и т. д. Это вопрос понимания идеи. В моей стране в рамках прагматической и философской традиции, основанной на институциональной экономике, идеи не могут быть экономическими понятиями. Идеями нельзя торговать, это не имущество и не собственность, а предмет диалога и обсуждения. Как здесь уже упоминалось, это “*res publica*” — общественное достояние. В этом и состоит значение Лихачевских чтений, и я рад, что приглашен на эту конференцию уже второй раз.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, в наш адрес поступило приветствие от генерального директора ЮНЕСКО госпожи Боковой. С удовольствием цитирую: «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов — одно из ведущих образовательных учреждений в России, обучающее и воспитывающее своих студентов в духе лучших российских культурных традиций, активно используя и развивая наследие академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Основная задача ЮНЕСКО — охрана культурного наследия человечества. Хочу поблагодарить организаторов Международных Лихачевских научных чтений за приверженность этим целям и идеалам. Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова».

Позвольте также зачитать фрагмент из приветствия министра культуры Российской Федерации господина Мединского: «Желаю всем участникам Чтений плодотворной и эффективной работы, содержательных дискуссий и новых достижений в деле сохранения российской культуры».

Уважаемые коллеги, приглашаю на трибуну Чтений академика Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Уважаемые коллеги, хочу обратить ваше внимание на то, что в Лихачевских чтениях произошло смещение акцентов, отраженное в том числе и в формулировке темы форума. До прошлого года мы в большинстве случаев говорили о глобализации с точки зрения диалога культур, сейчас (уже второй год подряд) — о глобализации в ее соотношении с нациями и национальными интересами. Над этим полезно задуматься. С одной стороны, эта перемена диктуется внутренней логикой Чтений, с другой стороны — глобализация вышла за те пределы, где она была предметом дискуссий, и стала реальностью.

У нас есть более или менее ясное представление о том, каково сегодня де-факто содержание глобализации, какой она должна быть, чтобы отвечать критериям морали и права. В связи с этим на первый план выходит вопрос о субъекте глобализации, о том, кто должен гарантировать ее осуществление. На современном этапе основным является вопрос не о том, что такое глобализация, а о том, кто решает, что такое глобализация, в чем ее содержание. В этом смысле изменение темы наших Чтений является симптоматичным. В качестве такого субъекта выдвигаются нации и национальные интересы.

Формулировка темы — «Глобальные вызовы и национальные интересы» — внутренне противоречива. Понятно, что глобальные вызовы касаются всех людей, в этом и есть их глобальность. Они затрагивают основания самого существования человечества. Наконец, сама глобализация является вызовом — новой стадией общественного развития, с которой нам надо справиться. Что же касается нации (любой) и ее интересов, то это явление локальное, частное. Даже если взять нации-государства, то их насчитывается около двухсот. Можно сказать, что глобальные вызовы сталкиваются с национальными интересами, а национальные интересы встают на пути глобальных вызовов. На мой взгляд, поставленный вопрос надо рассматривать именно в таком ракурсе.

Надо подумать, могут ли нации объединиться в некое целое в ходе дальнейшего развития исторических форм общности и таким образом «подняться» до уровня субъекта глобализации. Я думаю, что это исключено по определению. Нация структурируется таким образом, что, объединяя и сплачивая определенную группу людей, она в то же время отделяет ее от других групп. Свои и чужие (или как минимум другие) — это базовая структура, без которой нация не может существовать. Даже тогда, когда речь идет об очевидных глобальных вызовах, нация подходит к ним с точки зрения собственных интересов.

Один из очевидных примеров — ядерная опасность. Всем понятно, что это одна из глобальных угроз. В Чикаго сделали специальные часы, которые показывают время, отделяющее человечества от потенциальной ядерной войны и гибели, возможно, не только человечества, но и всего живого. Но как подходят к этому нации? Одни обзавелись ядерным оружием, другие мечтают об этом, надеясь таким образом обеспечить свою безопасность. Во всяком случае, дело не идет к тому, чтобы объединенными усилиями избавиться от этой угрозы. Если потепление климата зависит от многих неопределенных факторов, включая научные основания, точность прогнозов и другие, то ядерное оружие — полностью рукотворное зло, это очевидно. И все равно преодолеть его не получается.

Когда мы говорим о возможном субъекте глобализации, рассуждаем о том, может ли человечество стать единым управляемым целым — в виде государства или какой-либо новой наднациональной общности, то на этот вопрос можно взглянуть и с другой точки зрения. Возможно, глобализация обретет адекватного субъекта не через организацию человечества как не-

кой квазигосударственной структуры, а через поведение отдельных индивидов, некие абсолютные императивы, которые могут управлять поведением человека. То есть мы должны подумать над новым уровнем личностного развития, адекватным эпохе глобализации. В этом отношении может быть плодотворной аналогия с биологической эволюцией. Сохранность видов в природе, в том числе и человека, обеспечивается тем, что определенные видовые признаки присущи каждой отдельной особи. Они не существуют отдельно, сами по себе, а являются неотъемлемой частью индивида. Я полагаю, что надо рассматривать именно эту возможность, учитывая и реальный опыт развития, и наши теоретические размышления.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю на трибуну Михаила Викторовича Шмакова.

М. В. ШМАКОВ: — Я хотел бы сформулировать несколько соображений с точки зрения рабочего движения. Если подойти к концепции нынешних Лихачевских чтений формально, то их цель — оценить уровень различных вызовов, стоящих перед современной цивилизацией, и сопоставить их с национальными интересами. То есть в терминологии британского историка и культуролога XX века Арнольда Тойнби — попытаться сформулировать национальные ответы на интернациональные вопросы. Социальный вызов, стоящий перед современной цивилизацией, относительно прост. В 1960-х годах в Западной Европе и США при поддержке государства и существенной части бизнеса сформировалось общество, ориентированное на рост доходов основной части работников, на формирование среднего класса, развитие социальной поддержки. Причиной его появления была прежде всего конкуренция двух глобальных проектов. Однако после разрушения СССР, в середине 1990-х, внезапно выяснилось, что поддерживать жизненный уровень и доходы большинства работников на высоком уровне уже обязательно. С этого момента начались, как мне кажется, два процесса. Во-первых, ускоряющийся процесс глобализации, в частности неограниченное движение капитала и поддержка спекулятивной экономики, а также снижение производственных издержек в развитых странах за счет перемещения производства в страны с низкой заработной платой. Сегодня мы наблюдаем, как финансовый капитал берет верх над производственным. Маркс описывал основное противоречие капитализма как противоречие между трудом и капиталом. Но сегодня появляется и обостряется новое противоречие: между финансовым и производственным капиталом.

Во-вторых, идет процесс демонтажа социального государства, снижения социальных гарантий, которые еще недавно воспринимались как безоговорочное завоевание общества. Во всех странах происходит давление на организации, защищающие работников, прежде всего на профсоюзы. Это наблюдается и в Российской Федерации, хотя нам немного повезло, потому что мы вошли в капитализм «с другого входа». В начале 1990-х годов мы в романтическом порыве, опираясь прежде всего на идеи Международной организации

труда, начали развивать трипартизм, то есть трехстороннее сотрудничество работников, предпринимателей и государства. И создали общегосударственную систему трехсторонних комиссий. Сегодня эта система работает, и она уникальна, больше ни в одной стране мира подобных систем нет. Надо добиваться, чтобы она работала более эффективно, и это возможно, потому что создана необходимая структура.

Оба процесса, о которых я говорю, шли параллельно, ускоряясь и принося своим участникам, в первую очередь транснациональным корпорациям, прибыли, сопоставимые в историческом масштабе с прибылями Испании после покорения империи инков и ацтеков. Однако сейчас, если демонтаж социальных достижений цивилизации еще находится на полпути, то в отношении процесса глобализации его можно считать почти завершенным. На планете ограниченное число стран, жители которых могут быть использованы корпорациями в качестве работников для извлечения прибыли. В момент, когда некоторые транснациональные корпорации начали перевод своего производства из Китая в Африку с целью экономии на зарплате, стало ясно, что снижение издержек не может продолжаться бесконечно. Граница снижения социальных гарантий тоже уже видна. В ряде стран Европы был повышен пенсионный возраст, а, например, в Великобритании были приняты ограничительные законы в отношении профсоюзов, однако счастья в виде роста экономики пока не последовало. Корпорации и государства не знают, на чем еще можно сэкономить.

Между тем мы наблюдаем процесс, требующий осмысления, от которого нельзя отмахнуться, — роботизацию производства. Это ведет к отказу от «живого» труда в реальной экономике, за которым неизбежно последует избыточное предложение на рынке труда. В связи с этим надо обратить внимание на пример Швейцарии, где предлагается каждому гражданину дать основное пособие, а работники станут фрилансерами, то есть будут работать по возможности и по желанию. В качестве ответной реакции нарастают националистические настроения, направленные против стирания границ, призывы отказаться от единой Европы и вернуться к прежней модели закрытых государств. Однако неизвестно, что будет происходить в этих государствах с правами работников и социальными гарантиями. Другая тенденция — попытка заменить открытую глобализацию закрытыми клубами. Я имею в виду экономические договоры о трансатлантическом и трансатлантическом сотрудничестве, которые сейчас пытаются протолкнуть США и ряд других стран. Нет сомнений, что рамки этих договоров развяжут руки транснациональным корпорациям для нового цикла выдавливания прибыли из работников и как экономических субъектов, и как потребителей.

Через недолгое время мы можем столкнуться с совершенно новой конфигурацией экономических отношений, выстроенных в виде вертикально интегрированных компаний — ТНК, выведенных из подчинения национального законодательства, в том числе и трудового и социального. Останется ли у нас в этом случае иллюзия демократических механизмов разре-

шения проблем? Думаю, что останется, потому что с помощью иллюзий легче управлять людьми. России, с одной стороны, проще, поскольку никакие внешние силы не втягивают ее в процесс закрытой глобализации, а с упомянутыми договорами может произойти та же история, что и с ВТО. (Мы вошли в ВТО в тот момент, когда эта структура уже стала бессмысленной.) Кроме того, в социальном смысле Россия движется из другой точки: от безусловных социальных гарантий государства работникам к дискуссионным социальным услугам. Общие социально-экономические тенденции затрагивают весь мир, который из-за алчности корпораций и политических претензий мировых жандармов может снова погрузиться в Темные века. Неслучайно Тойнби формулирует концепцию «вызов–ответ», оперируя в том числе и опытом цивилизаций, путь которых не дал ответов на вызовы, а закончился надломом и упадком. Времени для коллективного ответа на сегодняшние вызовы осталось немного, и нам, как практикам, безусловно, важны выводы, которые будут сделаны по итогам этих Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю выступить академика Аскара Акаева.

А. А. АКАЕВ: — Уважаемые коллеги, я хочу продолжить тему противоречий современного капитализма. Великий Карл Маркс был прав, хотя и ошибся в сроках: капитализм ждет неминуемый крах. Поэтому сегодня надо задуматься вот над чем. Мы почти 100 лет назад приступили к строительству социалистического общественного строя, который, к сожалению, к концу XX века потерпел крушение. Но мы оказались не готовы безболезненно перейти на капиталистический путь развития. Поэтому, заглядывая в будущее, давайте подумаем: будем ли мы готовы без катаклизмов перейти к альтернативному общественному строю, который придет на смену современному либеральному капитализму? У меня нет ответа.

Год назад вышла в свет книга «Есть ли будущее у капитализма?», написанная квинтетом выдающихся современных зарубежных социологов во главе с профессорами Валлерстайном и Коллинзом. Они считают, что в мире накапливается все больше объективных причин для грандиозного структурного кризиса, который, по их подсчетам, в конце 2030-х — начале 2040-х годов приведет к краху либерального капитализма. Авторы приводят сильнейшие аргументы, обосновывая реальную возможность крушения мира и экономики, основанной на современных капиталистических принципах. Следует напомнить, что Валлерстайн и Коллинз в 1970-х годах на основе своих теоретических концепций предсказали поражение социализма через 20 лет. Сегодня они же прогнозируют, что через 20 лет грянет гибель капитализма. Интересно, что альтернативы капитализму эти ученые не видят.

В отличие от Валлерстайна и Коллинза, их соавтор Манн считает, что капитализм, в общем, можно усовершенствовать, как мы хотели улучшить социализм, пытаясь построить социализм с человеческим лицом.

А вот еще один соавтор, профессор Калхун, уверен, что лучшей альтернативой капитализма является тот самый госкапитализм, который сегодня строит наш дружественный сосед Китай. Действительно, есть над чем призадуматься, ведь Китай успешно сочетает прогрессивные ценности капитализма и социализма. Думается, разумную альтернативу предложил 55 лет назад великий русский социолог Питирим Сорокин. Он писал, что в будущем человечество не станет развиваться по коммунистической или капиталистической модели, а будет некий интегральный общественный строй, включающий ценности и той и другой системы, то есть произойдет конвергенция их позитивных ценностей. По-моему, Питирим Сорокин был прав.

Учитывая, что сегодня принимают крайнюю остроту проблемы изменения климата и охраны окружающей среды, биосфера находится на грани катастрофы. В связи с этим вспоминается учение русского естествоиспытателя Владимира Ивановича Вернадского о ноосфере и идея другого выдающегося ученого Никиты Николаевича Моисеева: выживание биосферы можно обеспечить только путем коэволюции человека и природы. Поэтому я полагаю, что альтернативой нынешнего либерального капитализма, крах которого мне тоже представляется несомненным, является интегральный гуманистически-ноосферный общественный строй Питирима Сорокина и Владимира Вернадского. Призываю обратить внимание на эту концепцию, поскольку современные вызовы требуют междисциплинарного анализа и продуманных стратегий.

Каков наш национальный интерес сегодня? Я привел пример Китая, о котором профессор Калхун говорит, что это лучшая альтернатива сегодняшнему либеральному капитализму. Россия, как и Китай, имеет социалистическое прошлое, в котором были созданы ценности, отличные от капиталистических. Поэтому у России есть хороший шанс добиться оптимальной конвергенции прогрессивных ценностей капитализма и социализма и таким образом стать лидером мирового развития в XXI веке.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Гжегожу Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Действительно, ситуация в мире меняется быстро, многие процессы происходят одновременно. 25 лет назад, когда закончилась холодная война, мы думали, что это конец истории. А теперь считаем, что через 20 лет наступит крах капитализма. На мой взгляд, это слишком радикальный подход, хотя понятно, что через 20 лет мир будет совсем другим. Ученые-гуманитарии в этом уверены. Я же, как экономист, всегда думаю о международном сотрудничестве. Конечно, у нас слишком много проблем, надо исследовать их причины и искать решения. Экономическая наука не имела бы большой ценности, если бы не могла объяснять происходящие процессы и подсказывать решения на будущее. Поэтому она не только описывает и объясняет причины нынешнего экономического кризиса — почему случилось так, что 25 лет назад, когда распался СССР, ВВП России был в два раза больше,

чем у Китая, а сегодня у Китая ВВП в шесть раз больше российского, — но и в состоянии предсказать, как это отразится на будущем.

Я рассматриваю будущее в двух измерениях. Конечно, будущее неотвратимо настанет, хотим мы этого или нет. Объективные процессы ведут к тому, что человечество будет единым, а численность населения превысит 9 млрд человек. Представьте себе, что к 2020 году в мире будет не 40 млн беженцев, как сейчас, а, может быть, 400 млн — из Ливии, Сирии, Иордании и т. д. Но еще важнее то, что это будущее может и не настать, поскольку многое в мире зависит от результатов президентских выборов в США.

Экономика — не просто научная дисциплина, она должна быть основана на междисциплинарных знаниях. Нам необходимо знать, как связаны между собой экономика и социология, экономика и политика, экономика и технический прогресс, чтобы прогнозировать будущее. Экономисты должны выходить на уровень антропологии, философии и истории — еще и поэтому я высоко ценю Лихачевские чтения, в которых участвую второй раз. Это действительно междисциплинарный форум, где встречаются историки, антропологи, экономисты и другие ученые для того, чтобы обсудить, что и почему происходит в мире, какую политику необходимо разработать, чтобы создать желаемое будущее.

Часто приходится слышать, что в наше время мало лидеров. Но в России есть настоящий лидер — Владимир Путин, в Китае — президент Си Цзиньпин, в Америке на смену Обаме скоро придет новый президент. Во времена глобализации надо заботиться о том, чтобы учитывать национальные интересы. Но еще один важный момент состоит в том, что нет такого политбюро, которое руководило бы глобализацией. Я совершенно уверен, что глобализация — явление необратимое, несмотря на сильную турбулентность, провал «арабской весны», волны беженцев и массу других проблем. В то же время, с точки зрения экономиста, это спонтанный процесс, включающий либерализацию и интеграцию, взаимосвязь между самыми разными рынками для продажи товаров, движения капиталов и рабочей силы. То, что происходит в одном месте, вызывает отголосок в других регионах мира. Существуют определенные конфликты интересов. Если бы их не было, экономисты были бы не нужны. Поэтому вопрос на будущее: как решать проблемы, связанные со смещением акцентов в конфликтах интересов? Подобных проблем очень много, поэтому я до некоторой степени согласен с резкими критическими высказываниями профессора Гэлбрейта. На основе событий, произошедших 5–20 лет назад, мы не можем выстроить путь дальнейшего развития. Как нам двигаться вперед? Здесь опять встает вопрос о политкорректности.

Академик Акаев говорил о Китае, но я думаю, что как нет будущего для неолиберального «вашингтонского консенсуса» (неолиберальная политика в России при Ельцине потерпела неудачу), так нет его и для другого — «пекинского» — консенсуса. Мы должны смотреть дальше этих горизонтов. Я отношусь к сторонникам неопрагматизма. Необходимо рассматри-

вать баланс между экономикой и социальными и экологическими проблемами. Профессор Запесоцкий раздал участникам конференции труды, опубликованные Университетом. Я в свою очередь, пользуясь случаем, вручаю ему мою книгу, которая недавно вышла на русском языке, — «25 лет трансформации: от неолиберальных провалов к прагматическому росту». Это о нашем будущем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, я очень тронут. Уважаемые коллеги, я предоставляю слово профессору Петру Дуткевичу.

П. ДУТКЕВИЧ: — В прошлом году я делился с участниками Лихачевских чтений своими взглядами на пять причин глобальной стратегической нестабильности, и сегодня я кратко напомню эти причины и изложу возможные последствия этого явления.

Первой причиной глобальной политической нестабильности стало то, что из-за кризиса, который начался в 2008 году и продолжается до сих пор, мы перестали верить не только в Хайека и Фридмана, но и в Кейнса. Мы не доверяем ни рынку, ни государству как регулятору экономических отношений. Об этом говорил Хаджун Чанг, профессор из Кембриджа. Второй пункт: мы видим, что правительства едва справляются с проблемами на всех фронтах и испытывают дефицит власти для реализации своей политики, потому что им приходится оперировать локальными инструментами в условиях глобальной взаимозависимости. Об этом писал известный макросоциолог Зигмунт Бауман. Третий пункт. Я цитировал известного французского политолога Мойзеса Наима, который сказал, что завоевать власть стало легче, использовать труднее, а потерять — особенно легко. Это третья причина нестабильности. Четвертая заключается в том, что из-за трех предыдущих правительства стремятся вернуть своим государствам суверенитет, усиливая национализм и наращивая военную мощь с целью укрепления безопасности, и всеми силами стараются убедить граждан в том, что кругом враги, — с целью консолидации общества. Так происходит почти по всему миру. Но тут возникает проблема. В процессе усиления суверенитета можно дойти до такого предела, когда «суверенные» элиты отчуждаются от народа, между ними возникает глубокая пропасть. Пятая причина: правящие элиты в принципе выхолостили понятие демократии, так что этот термин потерял первоначальный смысл, и они просто покупают демократию, что сегодня видно хотя бы на примере выборной кампании в Соединенных Штатах Америки.

Каковы следствия перечисленных факторов? Прежде всего это регионализация глобального порядка. Я согласен с профессором Колодко в том, что глобализация будет продолжаться. Но она становится региональной: появляются региональные мегаблоки, которые стараются воздвигать барьеры, одновременно поддерживая хорошие экономические связи с другими мегаэкономическими блоками. Новый мир отрицает объединение, универсальные ценности и универсализм вообще. Новая конкуренция распространяется на уровень ценностей. То есть в мире нет «конкурса» на луч-

шую систему ценностей, а идет борьба за возможность сосуществования нескольких различных моделей развития — европейской, китайской, американской и т. д. Тесная взаимосвязь и одновременно жесткая конкуренция не только не исключаются, а сочетаются и побуждают к сотрудничеству.

Это означает, что мы должны задуматься о том, каким будет новый порядок не с точки зрения многополярности, которая уже наступила и заменила однополярность, а с точки зрения «многопорядка», в котором будут существовать как разные системы ценностей и норм, так и различные мультинациональные экономические блоки. Это первое, очень значимое следствие — мультиценностный мировой порядок.

Второе следствие — тот факт, что увеличивается разрыв между элитами и остальным населением. Растущее неравенство приводит к тому, что все меньше людей имеют выгоды от демократического порядка. По сути, это процесс освобождения элит от общества, начало тирании и того, что я назвал отовариванием демократии. Демократия становится товаром класса люкс, которым будут пользоваться немногие. Это вызывает протестные настроения и появление таких политиков, как Дональд Трамп. Его успех свидетельствует о том, что данное следствие уже воплощается в жизнь.

Третье. В последние 25–30 лет мы пытались решить дилемму: что выбрать — свободу или безопасность. Подразумевалось, что увеличение одного ведет к уменьшению другого. Кому-то хотелось больше свободы, кому-то — больше безопасности. Сейчас у нас такого выбора нет, потому что решение принято за нас: безопасность важнее свободы. Этому выбору способствовали участвовавшие случаи терроризма в мире. Но последствия безопасности, обеспечиваемой в ущерб свободе, — огромные: наступает то, что мы называем секьюритизацией. Секьюритизация охватывает все сферы — политику, экономику, торговлю, возможность миграции и доступ к информации, и это существенно меняет нашу жизнь.

Четвертое следствие тесно связано с третьим: это новое лицо войны. Во всем мире возрастает роль военной мощи — как во внутренней политике, так и в международных отношениях, и не видно предела этому росту. Военная сила наращивается на уровне государств, война становится делом, которым занимаются частные компании. Известно, что в некоторых конфликтах их участие оценивается в 60–70 %, как это было в Ираке незадолго до ухода американцев.

Пятое. Поскольку мир меняется беспрецедентными темпами, многополярность, которая заменила идею универсальности, превращается в то, что я называю мультипорядком. Это означает, что мы будем действовать в рамках макрорегиональных экономических институтов, таких как ТТIP, причем не просто по другим правилам, но по правилам, связанным с культурными и цивилизационными ценностями. Это будущее, в котором нам всем предстоит жить.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Послу Азербайджана в Российской Федерации Поладу Бюльбюль оглы.

П. БЮЛЬБЮЛЬ оглы: — Как представитель культуры, я затрону тему национальных интересов в контексте современных глобальных вызовов на примере культуры Азербайджана. Как известно, распад Советского Союза и мировой системы социализма стал поводом для выдвижения на новом историческом этапе идеи конца истории, сформулированной в виде своего рода манифеста в известной одноименной статье американского исследователя Фрэнсиса Фукуямы. Однако за прошедшие 25 лет многочисленные научные критики, да и сама жизнь как основной критерий истинности любых теорий, доказали поспешность сделанных заключений. Другой довольно часто упоминаемой концепцией объяснения мира в эпоху после холодной войны стала наиболее четко структурированная Сэмюэлем Хантингтоном модель столкновения цивилизаций. Рассматривая, в отличие от идей конца истории в его либеральном толковании, различные альтернативы развития, эта парадигма создавала условия для многополярного понимания мира. Анализируя протекающие в мире процессы, необходимо брать в расчет то, что ни одна из общих концепций не в состоянии дать универсального объяснения из-за присущих им объективных ограничений и невозможности учета всех факторов. Всегда найдутся случаи, не вписывающиеся в старательно выстраиваемые схемы. Азербайджан как раз и является тем ярким примером, который сложно адекватно проанализировать, опираясь на любую из указанных моделей.

Анализируя долгий исторический путь, пройденный Азербайджаном, можно определить, что по своему геополитическому положению страна всегда находилась на стыке цивилизаций и ощущала сильное воздействие как Запада, так и Востока. В начале первого тысячелетия нашей эры Азербайджан оказался под воздействием различных культур и религий. Именно в результате этого в нашей стране исторически возникла среда высокой толерантности, терпимости в отношении к разным религиям. На формирование нашей богатой культуры на всех этапах, безусловно, оказали воздействие как зороастризм, иудаизм, христианство, так и ислам. Находясь на пересечении караванных путей, Азербайджан, являющийся одним из важных центров Великого шелкового пути, ощущал воздействие различных политических взглядов, экономических отношений и форм государственности.

Важным этапом в развитии истории Азербайджана является период 1918–1920 годов, когда существовала Азербайджанская демократическая республика — первая республика в мусульманском мире. Хотя она просуществовала всего 23 месяца, осуществленные в ней государственные преобразования, прежде всего в области обеспечения политических прав и свобод, впечатляют. Так, в Азербайджане было провозглашено светское государство, в котором гарантировалось равноправие граждан независимо от их религиозной и этнической принадлежности, социального происхождения. В стране было установлено всеобщее избирательное право, в том числе и для женщин, чего в тот момент не было даже во многих западных странах. А в парламенте, включающем 11 фракций, были представлены

все этнические группы и общины, составляющие население страны. Таким образом, недолгое существование той республики стало ценнейшим опытом построения светской демократической национальной государственности.

Третьим этапом политической истории Азербайджана в XX веке стал советский период (1920–1991). Безусловно, в качестве союзной республики Азербайджан был участником всех как позитивных, так и негативных процессов, которые протекали в Советском Союзе. В результате репрессий оказалась уничтожена значительная часть национальной интеллигенции, более 50 тыс. человек были расстреляны, более 100 тыс. оказались в ссылке в Сибири и Казахстане. Во время Великой Отечественной войны свыше 600 тыс. жителей Азербайджана отправились на фронт, из них более 300 тыс. человек не вернулись. Баку обеспечивал фронт нефтью, почти 90 % нефтепродуктов шли из Азербайджана. В послевоенный период в Азербайджане началось бурное развитие экономики, культуры, науки.

Но самым большим достижением нашего народа в XX столетии можно считать создание независимого государства. Азербайджан, восстановивший свою независимость, сумел создать прочную основу для формирования демократического правового светского государства. Анализируя сегодняшнюю внутреннюю и внешнюю политику государства, проводимую под руководством президента Ильхама Алиева, а также социально-экономические и культурно-идеологические процессы, определяющие облик сегодняшнего азербайджанского общества, приходишь к заключениям, которые могут быть интересны не только для нашей страны, но и для типологической характеристики изменений, происходящих на значительно более широких пространствах.

На примере Азербайджана со всей очевидностью предстает огромная ценность, которую имеет суверенная национальная государственность в глазах народа, рассматривающего ее как свое основное историческое достижение на протяжении двух последних веков. Именно национальное государство осознается создавшим его народом наиболее эффективным инструментом в отстаивании собственных интересов в это сложное время, полное различных рисков и опасностей в современном мире. Азербайджанская идентичность, как было отмечено, сформировалась на путях взаимодействия и взаимообогащения Востока и Запада, Севера и Юга. Она органически вобрала в себя и творчески преобразовала в гармоническом симбиозе элементы различных цивилизаций и традиций, а следовательно, неслучайно в современном Азербайджане попытки противопоставления, столкновения религий, наций, культур воспринимаются не только как подрывающие глобальную стабильность, но и как нацеленные на расшатывание многовековых устоев собственной идентичности.

Азербайджан оказался вовлечен в процесс гармонизации культурного и цивилизационного климата по наиболее актуальным в современной мировой повестке дня линиям искусственно провоцируемых разломов — Восток–Запад, ислам–христианство. Ны-

нешний год у нас объявлен годом мультикультурализма. В современных условиях, когда в ряде стран стали говорить о фиаско мультикультурализма, решительная и принципиальная позиция Азербайджана по его пропаганде в глобальном масштабе не может не представлять интерес и обладает большим значением с точки зрения перспектив международного мира и стабильности. Это делается ради преодоления разломов между Востоком и Западом, ради гармоничного сближения народов, через доверительное взаимодействие и общение во имя достижения общего блага грядущих поколений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А сейчас несколько слов скажет удивительный человек, необычайно важный для всех нас. Это писатель Даниил Александрович Гранин.

Д. А. ГРАНИН¹: — Все, что я услышал сегодня здесь, интересно и не вызывает никаких возражений. Для меня основная проблема, которая все больше обостряется, — противоречие между человеком и государством. Было бы хорошо, если бы государства было меньше, а человека больше.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Даниил Александрович. Приглашаю на трибуну человека, с которым по ряду позиций мы имеем разные мнения, но по большинству вопросов современной жизни России все же придерживаемся одной и той же точки зрения. Ученый, правозащитник, один из самых знаменитых адвокатов в нашей стране, публицист Генри Маркович Резник.

Г. М. РЕЗНИК: — Прежде всего хочу сделать заявление: я буду выступать как патриот. Патриотизм — это понятие, к которому я отношусь скорее положительно, чем отрицательно. В каком смысле? Из двух составляющих темы наших Чтений я сосредоточусь на национальных интересах. Считаю, что первейший национальный интерес — разобраться в своей истории.

Что сейчас происходит в российской внешней политике? Политическое противостояние, некоторый антизападный тренд, транслируемый по нашим телеканалам. В этом нет ничего необычного, политическое и экономическое противостояние — это нормально, такое возникает периодически между разными странами. Но беспокоит то, что оно переходит в противостояние

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции, Почетный гражданин Санкт-Петербурга. Автор книг: «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Священный дар», «Интеллегенды», «Д. А. Гранин — Университетские встречи. 33 текста», «Причуды моей памяти», «Как работать гением», «Место для памятника», «Скрытый смысл», «Все было не совсем так» и др. Член Общественной палаты РФ. Лауреат Государственных премий СССР и России, премий Президента РФ в области литературы и искусства, Правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры, премии Гейне. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Дружбы народов, «За заслуги перед Отечеством» III степени, крестом за заслуги I класса — Офицерский крест (ФРГ), орденом Святого апостола Андрея Первозванного и др. Почетный доктор СПбГУ.

ценностное. Даниил Александрович одной фразой выразил то, ради чего я поднялся на трибуну. Есть ценности, которые существуют в каждой культуре, — человек, общество и государство. Проблема состоит в том, как выстроить их иерархию. Мы только что выслушали страстную речь о колоссальных достижениях Советского Союза, и я могу с этим согласиться, но испытываю при этом чувство ужаса, потому что весь мир в XX веке вздрогнул, увидев, сколь эффективен может быть преступный тоталитарный режим. А советский режим был преступным изначально. Напомню, с чего начали большевики: разогнали Учредительное собрание. Не получив большинства при голосовании, они развязали гражданскую войну. Слава богу, что города перестали называть именами двух величайших преступников всех времен и народов — Владимира Ленина и Иосифа Сталина.

Каким образом были достигнуты успехи СССР? За счет уничтожения свободы, превращения всего населения в крепостных государства. Чему нас может научить пример Китая? Какой государственный капитализм? У нас был государственный капитализм в чистом виде, потому что это был никакой не социализм. Всякая экономика включает две составляющие — капитал и рабочую силу. В те годы в России был избыток дешевого труда (85 % населения страны были крестьянами), а капитала не было. Преступный режим не может привлекать капитал из-за рубежа, потому что он противопоставил себя всему миру. Какие ценности провозглашались? Победа коммунизма во всем мире, перманентная революция и пр. Сталин сообразил, что государство надо спасать — именно с тем преступным режимом, который он возглавлял. Сейчас у всех на виду восточный вариант СССР — Северная Корея. Никаких свобод, люди мрут, зато есть атомная бомба, проводятся ядерные испытания. Подобных чудес нашей стране уже не выдержать.

Ценностное противостояние с Западом — катастрофа для России. Сейчас вновь стало модно говорить об особом пути России, но этот путь ведет к гибели. Слово «либерализм» стало ругательным. Но разве либералы выступают против закона? Все эти ценности записаны в Конституции. Естественно, все системы эволюционируют, но до сих пор не придумано ничего лучше того, что сделано на Западе с точки зрения развития экономики, взаимоотношений гражданина и государства, и все это закреплено в международных правовых актах.

На свете есть режимы, где государство — главная ценность. Академик Степин зачитал нам текст Маркса, одну из его публицистических статей. Маркс, конечно, был выдающийся публицист. Когда в советские времена я читал лекции в вузе и хотел что-то противопоставить «режиму социалистической законности», то говорил студентам: «Почитайте молодого Маркса». Тем не менее не все хлесткое в публицистике соответствует действительности.

Маркс не был капиталистом. Капиталистом был Энгельс, и Маркс жил на его деньги. Почему-то ему не нравились деньги. У людей, которые не зарабатывают и живут на чужие средства, часто возникает такой

комплекс. И вот академик Степин привел слова Маркса о том, что за деньги можно купить дружбу, любовь и идеи. Рискну поспорить. Дружба не продается. Можно купить преданность, но искреннее чувство дружбы — нет. Можно купить секс, но не любовь. А вот идеи, ум, как утверждал Маркс, — это купить можно. Здесь говорилось о том, что идея — не материальная субстанция и не является товаром, но, извините, это смотря что за идея. В титрах к американским фильмам пишут: «Автор идеи — такой-то».

Завершу цитатой из Губермана: «Мне Маркса жаль: его наследство свалилось в русскую купель. Здесь цель оправдывала средство...» Давайте менять воду в этой купели. Это не получилось сразу, да и невозможно было — слишком далеко страна зашла за 70 лет. Но можно для начала хотя бы не говорить о том, что у нас есть преемственность с преступным тоталитарным режимом. Думаю, что если двигаться в этом направлении, то через какое-то время из нашей жизни уйдет и тот гимн, который был гимном тоталитарной державы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Для Лихачевских чтений чрезвычайно важен дух открытости и интерес к различным точкам зрения, в том числе и не совпадающим с нашими. В этом смысле мы приветствуем разномыслие. В данном случае я буду оппонировать Резнику. Его выступление оказалось провокационным — исключительно в научном смысле. Генри Маркович затронул сложнейшую проблему. Неслучайно он вначале сделал ремарку: «Я патриот». Дело в том, что сторонники либеральной идеи в России сегодня оказались в положении ненамного лучше, чем сторонники коммунистической идеи 25 лет назад. Тогда все удивлялись, когда я, став ректором, не выгонял сотрудников-коммунистов. Но они были прекрасными преподавателями, политическую деятельность внутри Университета не вели, а взгляды — что взгляды? Любой человек имеет право на свое мировоззрение, не запрещенное законом.

Вообще я считаю, что и либеральная идея, и социалистическая — важнейшие достижения цивилизации. Но почему я хочу возразить Генри Марковичу? Он сам считает, что в жизни надо избегать крайностей, чрезвычайно важно иметь чувство меры. Но сегодня он построил свое выступление на одной из крайностей, хотя на самом деле его взгляды намного шире. Беда в том, что Россия никак не перестанет быть страной крайностей, и мы продолжаем ожесточенно спорить друг с другом.

Сегодня мы услышали много интересных выступлений на экономические темы. Я с огромным интересом слушал и польского коллегу Гжегожа Колодко, и Аскара Акаевича, и американского экономиста Джеймса Гэлбрейта. Говорили о том, что современная модель капитализма испытывает кризис. Безусловно, у капитализма есть будущее, но на смену нынешней модели скорее всего придет другая. Наверное, и у социализма есть будущее, хотя мы это отрицали, уничтожая социализм в нашей стране. Видимо, воплотится теория конвергенции. Для меня это одна из самых интересных тем в Лихачевских чтениях.

Все страны берут от социализма и от капитализма то, что находят лучшим для себя. Но это не означает, что лучшее — одно и то же для всех. Необходимо учитывать национальные культуры и другие условия в каждой стране. Для Китая оптимальными становятся одни решения, для США — другие, для России — третьи. Это не означает, что у нас исключительный путь, внепланетный. Естественно, мы имеем много общего с другими, конечно, надо изучать и анализировать чужой опыт и вдумчиво применять его. Но трагедия современного либерализма в России заключается в том, что многие из тех, кто называет себя либералом, понимают его поверхностно, для них это означает полностью копировать, скажем, те же Соединенные Штаты.

В чем я не согласен с Резником? Возможно, я неправильно понял, но мне показалось, что Генри Маркович считает лучшей именно американскую модель. Да, в США развитая демократия и очень сильная экономика. Но тем тревожнее от того, что там сейчас происходит. Мы видим, что именно США зашли в тупик. Часто говорят, что американцы переживают кризис и пойдут дальше, это циклические колебания. Нет, не переживут. Это кризис глубочайший, пронизывающий все Соединенные Штаты. Верно говорит Петр Дуткевич: в США действительно идет торговля демократией с помощью мощных манипулятивных механизмов. Это не народное волеизъявление, не та демократия, которую мы себе представляли, когда впервые после свержения коммунистического режима избирали Думу и региональные органы власти. В итоге мы получили совсем не то, что предполагали, и теперь не верим, что западная демократия может служить для нас образцом.

В России беда либерализма в том, что те, кто считает себя либералами, ведут себя непатриотично. Я понимаю, Генри Маркович, почему Вы так настаиваете на том, что Вы патриот, но мы и так в этом не сомневаемся. Мы для того здесь и собираемся, чтобы вместе искать пути выхода из той сложной ситуации, в которой находится и Россия, и мировое сообщество. Большое спасибо за Ваше выступление, и давайте продолжать спорить друг с другом, проявляя взаимное уважение и интерес к мнениям, отличным от наших.

А сейчас приглашаю на трибуну профессора Петра Петровича Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Уважаемые коллеги, моя тема — глобализация и национальные интересы Украины. В то время, когда рушился Советский Союз, мне довелось беседовать с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, и он говорил в своей обычной спокойной манере: «Что поделаешь, Петр Петрович, раз так произошло — пусть все уходит. Но три славянских народа должны быть вместе». Не получилось. Мне тоже думалось тогда, что глобализация и евроинтеграция не смогут разорвать нашу общевосточнославянскую общность. Теперь в этом есть большие сомнения. Оказалось, что объединенной Европе не нужна Украина, помнящая свое родство с Россией, а тем более сохраняющая с ней дружественные отношения. В связи с этим

предпринимаются попытки переформатировать историческую память украинцев, показать их исконную связь не с русскими, а с европейцами.

В новых учебниках по истории Украины Киевская Русь — не колыбель трех братских народов, а украинское государство. Во времена Богдана Хмельницкого Украина не добровольно вошла в состав России, а была насильно присоединена ею. Социализм на Украину принесли на штыках банды Муравьева, а Великая Отечественная война — и не отечественная, и не великая. И так, практически, до сегодняшнего дня. Академик Тишков показал, что при помощи новых технологий можно переформатировать любое сознание. Сегодня это происходит на Украине. Не думаю, что евроинтеграция стоит таких жертв. При таком подходе меняется естественный ход истории, из восточнославянского контекста исключается целый народ, целая страна одновременно перемещается в совершенно иной цивилизационный контекст, в котором она никогда не была.

Я бы погрешил против истины, если бы сказал, что уже все украинцы переформатированы. Осталось много таких, которые привержены прежним взглядам на историческое развитие Украины, хотя им и не просто придерживаться своих убеждений. Неожиданно обманутыми оказались и те, кто поверил в европейскую мечту. Оторвав Украину от России, Запад устами своих высокопоставленных чиновников неожиданно заявил, что в ближайшие 20–25 лет Украина не может рассчитывать на членство в ЕС. Спрашивается, зачем надо было тогда устраивать Майдан и государственный переворот?

Гораздо лучше обстоят дела с интеграцией Украины в НАТО. Фактически она уже стала членом этого альянса. На ее территории проводятся натовские военные учения, создаются польско-литовско-украинские воинские подразделения, вооруженные силы Украины переводятся на натовские стандарты, получают западное вооружение и др. По существу, Украина все больше и больше превращается в натовский форпост у границ России.

Принесла ли подобная глобализация Украине пользу? К сожалению, не принесла. До распада Советского Союза население страны составляло 53 млн человек, а Украина, по оценкам авторитетных экономистов, занимала 10-е место в Европе по экономическому развитию. За 25 лет население сократилось до 40 млн, страна опустилась на 100-е место в общемировом рейтинге. Для этого не потребовалось ни войн, ни катастроф. И в чем заключаются национальные интересы Украины? Наверное, стоит задуматься — или модель, которую нам предложила Европа, несовершенна, или мы не готовы к ней.

И последнее. Когда-то в Киевской Руси князья, борющиеся за великий Киевский стол, оправдывали свои действия тем, что они были единого деда внуками. Черниговские Ольговичи заявляли киевским Мономаховичам, что они «не угры, не ляховы, но едино есмь мы деда внуци, и сколько вам до Киева, столько и нам». Очень не хотелось бы, чтобы Киев в Новое время перестал быть символом украинцев, русских и белорусов, которые тоже являются «единого деда внуками». Раз-

рыв их культурно-исторической общности, к чему прикладываются все усилия евроамериканские глобализаторы, представляется противоестественным и безнравственным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Приглашаю к микрофону академика Сергея Юрьевича Глазьева.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Дорогие друзья, коль скоро Александр Сергеевич объявил меня советником, должен оговориться, что скажу только то, что думаю лично я. Никакого отношения к официальной политике и позиции Российского государства это не имеет. Начну с темы, которую обоснованно поднял Петр Петрович. Если опуститься на уровень политических и экономических реалий, то Украина сегодня — это оккупированная территория, лишенная суверенитета. Экономический суверенитет передан Брюсселю, политический — Вашингтону. Ни одно руководящее лицо в украинских органах власти не выбирается народом, а по сути назначается американским посольством или согласовывается с Европейской комиссией. Почему это произошло? Попытаюсь кратко описать достаточно сложную тему переходных процессов в нашем обществе.

Современная ситуация характеризуется сразу тремя серьезными сдвигами или структурными кризисами. Первый кризис — технологический: смена технологических укладов. Происходит технологическая революция, старые производственно-технические системы уже не обеспечивают экономического роста. Капитал даже в передовых странах вынужден покидать устаревшее производство, с трудом пробивая дорогу к новым технологиям, и зависает в финансовом секторе, формируя финансовые пузыри. Этот переходный процесс начался, как обычно, с резкого повышения цен на энергоносители и сегодня заканчивается схлопыванием финансовых пузырей и выходом на новый технологический уклад, который растет примерно на 35 % ежегодно в комплексе нано-, биоинженерных, информационно-коммуникационных технологий, вытягивая передовые страны на новую длинную волну роста Кондратьева.

Второй переходный процесс — смена мирохозяйственных укладов. Мирохозяйственные уклады — это система институтов, определяющих воспроизводство экономики и отношения между людьми. Они более инерционны, чем технологические связи, потому что здесь учитываются экономические интересы. Смена мирохозяйственных укладов — это то, что марксисты называли революцией, обосновывая свой закон соответствия производительной силы и производственных отношений. Если формулировать современным языком, то это институциональная революция, когда старые институты больше не обеспечивают нормального воспроизводства экономики. Ведущие страны мира создали нынешний мирохозяйственный уклад, который мы воспринимаем как либеральную глобализацию и в основе которого лежат транснациональные корпорации, а центр экономического развития совпадает с центром эмиссии мировых валют. Именно за счет эмиссии ми-

ровых валют создаются массы фиатных, ничем не обеспеченных денег. Сегодня реализуется экспансия американского, европейского, японского капитала, фактически контролирующего глобальную экономику. Эта экспансия подошла к черте, за которой устойчивость производства больше невозможна.

В основе современной мировой финансовой системы лежат пирамиды государственных и негосударственных долгов. Пирамиды начали рушиться еще в 2007 году, но с тех пор их объем только вырос и ведущие страны мира, эмитенты мировых валют, пытаются латать прорехи безграничной эмиссией денег. Количество долларов за последние восемь лет, с начала кризисного периода, увеличилось более чем в три раза. Количество евро выросло в полтора раза, йены — в два (я говорю о денежной базе). То есть идет колоссальная денежная накачка с очень низким КПД. Сегодня для того чтобы произвести дополнительную продукции на один доллар, нужно эмитировать четыре доллара, то есть экономика буксует.

В это время создается новый мирохозяйственный уклад. То, о чем сказал Александр Сергеевич, — классическая модель конвергенции. Экономика социализма с китайской спецификой — пример нового мирохозяйственного уклада, который преодолевает ограничения предыдущего. В нынешнем мирохозяйственном укладе главное — деньги, и неважно, какой ценой они получены. Поэтому финансовая олигархия, присосавшаяся к центрам эмиссии мировых денег, получает сверхприбыль, ничего не делая и даже создавая хаос вокруг себя. В новом мирохозяйственном укладе, который формируется сейчас, главное не деньги, а производство материальных благ. Назовем его интегральным — термин, который ввел Питирим Сорокин, рассуждая как раз в категориях конвергенции о том, что же будет после капитализма и социализма. Он тогда провидчески говорил о том, что возникнет новая система, в которой будут сочетаться преимущества того и другого и отсутствовать их недостатки. В итоге родилась система на основе советского опыта, но с опорой на механизмы рыночной самоорганизации. В Китае реализуется классическая модель конвергенции, включающая централизованное планирование и рыночную самоорганизацию, государственную собственность в основных сферах, прежде всего в финансовом секторе, и широкое частное предпринимательство везде, где только возможно. Государство в этой модели занято гармонизацией интересов.

Экономика — это не только сложная хозяйственная деятельность, но и не менее сложная человеческая среда. Научно-технический прогресс требует частной инициативы и предприимчивости, и в то же время нужно создавать такие условия, при которых частная инициатива идет на пользу всему обществу. В этой модели, в отличие от американоцентричной глобализации, главное не деньги, а народное благосостояние, как было в СССР, и государство регулирует экономику таким образом, чтобы частные интересы хозяйствующих субъектов работали на общее благо — повышение качества и уровня жизни, конкурентоспособности и т. д.

Опасность переходных периодов заключается в том, что мы их не замечаем. Находясь в ортодоксальных схемах, мы с трудом осознаем смену технологических укладов. В этих условиях стратегия экономического роста должна быть смешанной. Безусловный приоритет — опережающий рост нового технологического уклада, а для этого — создание механизмов льготного кредитования и государственное субсидирование инновационной активности в новых направлениях роста. Необходимо динамическое намерствование в тех сферах, где мы немного отстали и имеем возможность догнать, и догоняющее развитие за счет импорта технологий и прямых иностранных инвестиций там, где мы отстали безнадежно. Все это требует гибкой системы кредитования, сочетания стратегического планирования и рыночной инициативы, частно-государственного партнерства и создания механизмов совместной деятельности государства и бизнеса, где бизнес берет на себя обязательства расширять и модернизировать производство, а государство обеспечивает дешевыми долгосрочными кредитами под цели развития производства и создает стабильные макроэкономические условия.

Для того чтобы справиться с современными технологическими вызовами, надо как можно быстрее перейти к новому мирохозяйственному укладу. Необходимо восстановить те институты, которые мы утратили, на новой основе. Речь не идет о копировании чужей модели. Новый мирохозяйственный интегральный уклад — это не только Китай, но и Индия, конституция которой провозглашает главенство общественных интересов над частными и позволяет государству планировать и серьезно влиять на развитие экономики. Это японская модель, в основе которой, как и в южнокорейской, лежит частный бизнес, но где интересы общества и развития также ставятся выше интересов олигархии. Государство за этим следит, и там невозможны такие валютные колебания, когда манипуляция курсом становится главным источником прибыли.

К сожалению, до сих пор смена мирохозяйственных укладов проходила через войны. Агрессия США сегодня — это реакция американской элиты на утрату лидерства. Так было всегда — так отвечали англичане, когда рушилась Британская империя. Это логика политико-экономического процесса. Соединенные Штаты и их союзники теряют лидерство в мире, они уже проиграли экономическую конкуренцию Китаю, и каждый раз, когда страна-лидер теряет доминирующие позиции в мире, она стремится использовать все возможности для сохранения периферии под своим контролем. После распада СССР все постсоветское пространство в политэкономическом смысле было периферией американоцентричной финансово-экономической системы. Поэтому главный удар американской агрессии наносится именно по нашему пространству. И в силу сочетания субъективных и объективных факторов центром этого удара стала Украина, что вполне логично вписывается в англо-германские геополитические доктрины еще XIX века. Понятно, что дело не в европейском выборе. Украина сегодня — оккупированная территория, которая используется для дальнейшего про-

должения и развязывания гибридной войны, потому что американские властные элиты думают, что таким образом они избавятся от бремени лишних долгов, усилят свои конкурентные преимущества за счет контроля над периферией. Контроль над нами, с точки зрения традиции англо-германской политики, дает им контроль над всем миром.

Для того чтобы избежать войны, мы должны одновременно двигаться по пути опережающего технологического развития, наращивать свои конкурентные преимущества, создавать коалицию на базе институтов нового мирохозяйственного уклада. В отличие от либеральной глобализации, новый мирохозяйственный уклад базируется на признании в международных отношениях национальных интересов, национальных суверенитетов. Здесь нет стремления сломать границы, поэтому либеральная глобализация заканчивается, вместо нее приходит разнообразный и поливалютный мир разных экономических пространств. Необходимо создание антивоенной коалиции стран на новых принципах на базе институтов нового мирохозяйственного уклада, исходя из уважения суверенитета и разнообразия всех участников. И наконец, последний переходный период, который мы переживаем сегодня, — это, возможно, смена мировоззренческого уклада. Но это, вероятно, должно стать темой следующих Лихачевских чтений.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю к микрофону Почетного доктора нашего Университета господина Мигеля Моратиноса.

М. МОРАТИНОС: — Снова я вернулся в этот Университет, уже в четвертый раз, и благодарю за это моего друга Александра Запесоцкого. Вновь передо мной уважаемая аудитория, включая студентов. Я выступал здесь по разным вопросам и темам, и чрезвычайно рад выступить еще раз. Также я испытываю огромную ответственность за то, что нам предстоит сделать. У нас не так много времени, и мы должны успеть дать молодым определенным посыл, направить послание. В этом перепутанном мире существуют очень трудные вопросы, поскольку война — это сложное глобальное явление, полное неопределенностей. Все говорят о глобализации, глобальном мире, и мы сегодня поговорим о глобальных вызовах и национальных интересах и о диалектике их взаимоотношений, потому что они находятся в процессе борьбы друг с другом.

Итак, мы уже привыкли к глобализации. Советник Президента РФ В. В. Путина только что говорил о том, что нужно вернуться к национальному суверенитету и независимости. Я согласен с тем, что даже если мы этого не хотим, мы должны уважать национальные интересы каждого государства. Тем не менее мир изменился. И мы понимаем, что раз это случилось, то нам будет трудно вместе преодолеть наши разногласия, чтобы объединиться. Глобализация — это то, что все понимают, но для того чтобы руководить этим процессом с учетом интересов каждой нации и каждого суверенного государства, нам нужна глобальная политическая система. А такой системы нет. У нас есть глобальная

финансово-экономическая система, которая действует, но у нас нет глобального сообщества, которое бы могло учитывать национальные интересы каждой нации.

Мир — это сложное явление. Студенты сегодня учатся в университетах, пытаются понять сложность сегодняшнего мира. Это уже теперь не вопрос национального государства и различных субъектов отношений. Сейчас все эти элементы взаимодействуют друг с другом, возникают другие отношения, и необходимо найти решение тех вопросов, которые не решаются. Надо понять квинтэссенцию нового мира, который мы построили. Поэтому, когда у нас существует какая-то сложность, необходимо находить сложные ответы и сложные средства решения.

Мир полон неопределенности. Я сегодня разговаривал с А. Муса, моим большим другом, и выразил ему искреннее сочувствие по поводу того, что происходит в Средиземноморье на Ближнем Востоке. Мы не знаем, что может произойти в любой момент — или какая-нибудь экологическая катастрофа, или атака террористов. Мы не можем этого предсказать. Нам нужно научиться понимать, что может случиться. Такова реальность. Каким образом мы можем совместить национальные интересы с глобальными рисками и интересами? Должен сказать, что вообще нам нужно задаться многими вопросами. Что такое национальные интересы? Кто решает, что это такое? Как лучше защищать национальные интересы — действиями самой нации или каких-то региональных, мировых сил? Как нам понять, что такое национальные интересы? Конечно, более или менее мы понимаем, что традиционно у каждого государства есть исторические, географические, экономические, политические интересы, у всех нас есть свои интересы. Но в сегодняшнем мире традиционный подход, что внешняя политика — это продолжение внутренней политики, изменился.

Очень важно, чтобы в повестку дня мира были включены национальные вопросы — точно так же, как вопросы глобального терроризма, миграции, беженцев, потому что они тоже актуальны сегодня. А национальные страны должны как-то выстоять перед лицом этих глобальных вызовов. В XIX–XX веках внешняя политика была продолжением внутренней политики, но сегодня мы отходим от этой ситуации, потому что возникают новые вызовы во всем мире. В этом проблема, которую надо преодолевать. Как мы будем ее решать? На основе международного сотрудничества, на основе гораздо более согласованных решений. Посмотрите на Сирию, на Ближний Восток, который сегодня является парадигмой развития мира. Это грозит мировой войной, потому что оружие пересекает самые разные границы. Мы до сих пор не нашли окончательного решения по взаимоотношениям Палестины и Израиля. Но одновременно с этим у нас возникают новые сценарии, в которых существуют гигантские противоречия, например между религиями. Часто бывает так, что между странами установлены хорошие отношения в одних вопросах, но в то же время они расходятся в других. Вот такая сложность. И единственный способ преодолеть ее, преследуя поистине национальные интересы, — это создание общей повестки дня,

принципов взаимодействия, чтобы обеспечить надежное будущее для всего человечества. И такое решение можно найти.

Сегодня мир изменился, я уже говорил об этом и раньше. Но даже сегодня, в 2016 году, мы должны осознавать и быть еще более уверенными в том, что возврата назад, к прошлым временам и режимам, не будет. Это нельзя повторять, надо смотреть в будущее с точки зрения налаживания системы коллективной безопасности. Поэтому необходимо провести выборы нового секретаря ООН, чтобы изменить само качество работы организации. Вот что я предлагаю: не смотреть в прошлое, а идти в будущее. И при этом проводить такие интерактивные диалоги друг с другом. Уважаемые друзья, я европеец и долгое время был представителем Европейского Союза здесь, в Санкт-Петербурге. Я хочу сказать, что Россия должна теснее работать с Европой, и российские министры об этом прекрасно знают. Нельзя просто говорить, что ЕС оккупировала Украину. Европейцы должны вместе с Россией работать в направлении преодоления кризиса, а не развития антагонизма и противоречий.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Валерию Леонидовичу Макарову.

В. Л. МАКАРОВ: — Лихачевские чтения — это совершенно уникальная площадка, где можно говорить на совершенно разные темы, не боясь, что тебя обольют зеленкой. И поэтому я не боюсь сказать такую вещь, которая, может быть, некоторым не понравится. Человек по своей природе так устроен, что хочет найти что-то, что является наилучшим или оптимальным, с его точки зрения, и стремится к этому, прилагая огромное количество усилий, но очень часто это ни к чему не приводит. Например, он находит, по его мнению, наилучшую политическую систему или наилучшее экономическое устройство и говорит: все, теперь будем жить так.

Многие философы знают такого ученого — Теодора Ильича Ойзермана, который недавно отметил свой 102-й день рождения. Он относительно недавно написал книгу под названием «Метафилософия». Смысл книги такой: есть много великих философов, которые разрабатывают свою систему мира, свое понимание того, как устроен мир, и многого, что с этим связано. У одного ученого одно представление, а у другого великого — другое. Так вот Теодор Ильич говорит: прекрасно, что их много, что есть такое многообразие. Если бы все философы сошлись в одном, то все, дальше никакого развития науки бы не было, произошло бы что-то непонятное.

То, что я хочу рассказать, относится к тем, кто любит чистую науку, компьютеры. На нашем веку было три гения: Алан Тьюринг, придумавший универсальную машину, которая может вычислять все что угодно; Джон фон Нейман, разработавший концепцию создания клеточных автоматов, которые могут сами себя воспроизводить (возможность создания жизни из мертвой материи); и ныне здравствующий Стивен Вольфрам, который придумал компьютерное искус-

ственное общество и провел с ним огромное количество экспериментов, результаты которых собрал в книге «New kind of science» («Новый вид науки»). Ключевой тип экспериментов, о которых он говорит, касается того, что если искусственное общество стремится к тому, чтобы стать единой идеологической, политической и тому подобной системой, то есть какой-то единой конструкцией, то все, общество останавливается в своем развитии. В компьютерном эксперименте оно обозначено просто неподвижной точкой. Настоящего развития нет, хотя общество продолжает жить. А развитие получается только тогда, когда в обществе нет каких-то идеалов, а есть существа, которые все время создают хаос. Ну, у Вольфрама это называется хаос, а мы можем это называть по-разному, например деятельностью творческих личностей.

Творчество возникает тогда, когда есть элементы хаоса. Когда большая часть общества соглашается идти в определенном направлении, а меньшая часть, которая создает хаос, говорит: «Нет, давайте что-то делать по-другому». И тогда, говорит Вольфрам, действительно происходит дальнейшее развитие общества, и оно может длиться бесконечно. Конечно, люди могут не верить в результаты компьютерного эксперимента, хотя это на самом деле так. Ученым разработана большая система, которая называется «Вольфрам-математика», и в ней можно смоделировать все что угодно. Этот пример показывает, что надо друг друга слушать и не считать, что только твоя точка зрения правильная, оптимальная, а другие люди ничего не понимают. На самом деле все время в обществе должно присутствовать многообразие интересов, и когда оно уменьшается или доходит до того, что нет другого мнения, — все, это конец развития, конец истории, как говорил Фукуяма. Так что давайте друг друга слушать и уважительно относиться к любой точке зрения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Следующим выступает академик Владислав Александрович Лекторский, один из крупнейших мировых философов.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Сегодня уже прозвучало много интереснейших выступлений, высказана масса идей, попробую свои мысли соотнести с тем, что уже было сказано. Тема нашей дискуссии «Глобальные вызовы и национальные интересы». Раньше мы говорили о глобализации, сейчас — о глобальных вызовах. Вопрос: это одно и то же или нет? Я думаю, что есть некоторые различия в нюансах. Какое-то время назад мы говорили о глобализации и считали само собой разумеющимся, что этот процесс идет, его нельзя остановить, и это, так сказать, главный тренд развития человечества. Но я хочу вам напомнить о том, что когда разговоры о глобализации только начались и пришли на смену идей Фукуямы насчет конца истории, этот процесс мыслился как распространение на весь мир некоторых экономических механизмов: рыночной экономики, финансовых механизмов и транснациональных корпораций. Это одна сторона дела. А вторая сторона — это новые технологии, прежде всего коммуникационно-информационные, которые распространяются повсюду,

и никто не может избежать этого процесса. Считалось, что когда этот процесс охватит весь мир, то все будет развиваться на основе ценностей определенной культуры — западной, и поэтому западная культура распространится по всему миру. Помню, лет 15 назад я читал тексты, в том числе и российских авторов, о том, что сама проблема национального государства, национальных интересов — это анахронизм. Что значит национальные, когда у нас все единое, целое, происходит объединение мира?

Валерий Леонидович только что сказал, что гомогенизация — это опасная вещь, что должны быть плюрализм, разнообразие, элементы, не укладывающиеся в единую схему. Да, это верно. До недавнего времени царили мысли о том, что мир будет единым, поэтому проблема национальных культур, национальных государств — это вроде бы дело прошлое. Однако жизнь показала, что глобализация в таком виде не работает. Считалось, что процесс глобализации основан на мировой экономике — механизме, который вроде бы не зависит от культурных ценностей. Другой компонент глобализации — развитие науки и технологии, а это тоже процесс, не зависящий от той или иной культуры. Однако оказалось, что в действительности дело обстоит не так, а гораздо сложнее, потому что процесс глобализации — распространение определенных экономических, финансовых и политических механизмов, институтов на весь мир — натывается на сопротивление тех культур, которые есть, и с этим нельзя не считаться.

Теперь несколько слов о международном терроризме. Этот феномен — все-таки новое явление в истории. Раньше такого не было. Были другие вещи: происходили столкновения цивилизаций, о которых писал Хантингтон. В течение столетий шли столкновения, скажем, мусульманской и христианской европейской цивилизаций. Происходили войны, арабы завоевывали средиземноморский ареал, потом были походы крестоносцев на Восток. В общем, много чего было. Но это другое. Международный терроризм в том виде, в котором мы имеем его сейчас, — это в каком-то смысле продукт глобализации в довольно уродливом виде. Современный международный терроризм — это противодействие глобализации. И вместе с тем он пытается быть некоторой глобальной силой. А люди, участвующие в нем, охотно используют современные информационные технологии в своих целях. Это мы хорошо знаем. Так что это новый феномен, который нуждается в специальном обсуждении.

Сейчас все чаще говорят, что речь идет не столько о глобализации, сколько о глокализации. То есть какие-то глобальные процессы идут, и они, видимо, неизбежны, но одновременно сопровождаются созданием некоторых локальных структур. И без этого развития не будет. Глобальные вызовы — это более точная формулировка происходящего, чем просто глобализация, хотя последняя тоже имеет место. Вопрос в том, что если глобальные вызовы возникают, то как на них ответить? Можно суметь ответить, а можно и не суметь. Если та или иная сторона, тот или иной культурный регион не могут найти ответов, их ждет незавидное будущее,

если вообще ждет. Многие утверждают, что сейчас мир по разным причинам вступил в стадию, когда трудно что-либо предсказать, сделать прогнозы даже на год, не говоря уже о более длительном периоде.

Вообще социальные процессы предсказывать очень сложно. Известный классик философии XX века Поппер даже написал книгу, где попытался обосновать тезис о том, что предсказывать большие социальные изменения в принципе невозможно. Когда мы предсказываем, например, движение планет на небосводе, то можем точно вычислить, в какой момент времени и в каком месте будет то или иное небесное светило, и наши предсказания не влияют на его движение. А когда мы имеем дело с обществом, то наши предсказания влияют на поведение людей, меняют тем самым социальную ситуацию. Поэтому предсказывать социальные процессы довольно сложно. Тем не менее какие-то прогнозы делать, конечно, можно, но только в самом общем плане.

В связи с этим хотелось бы сказать, что связанная с глобальными процессами и вызовами смена технологических укладов, о которой говорил Сергей Юрьевич Глазьев, — это не просто новый этап экономического развития, новая ступень, новый уровень, а вызов человечеству. И это вызов существующим культурам и системам ценностей, потому что новые технологии вмешиваются в человеческую жизнь и меняют ее. Сейчас обсуждается идея трансформации человеческой телесности и психики, очень популярна идея улучшения человека “Human enhancement”. Улучшить человека можно с помощью нано-, био-, информационных и когнитивных технологий и генной инженерии. Как? Якобы можно сделать людей более выносливыми, более умными, даже, с точки зрения сторонников этого подхода, как ни странно, более нравственными и эмоциональными. Я не согласен с этой идеей и писал об этом. Не буду сейчас об этом говорить. Таких вызовов очень много, и все они глобальные.

Эти вызовы возникают при наличии разных культур с их системами ценностей. И самое главное — все эти культуры при всем их разнообразии сталкиваются с одними и теми же вызовами и пытаются на них отвечать. Очень важно, чтобы эти культуры не замыкались в себе. Философ Г. Лейбниц считал, что весь мир состоит из некоторых монад, которые не могут взаимодействовать друг с другом, потому что каждая монада замкнута сама на себя и не имеет выхода к другим. Так вот культуры не могут быть самозамкнутыми, они должны быть открыты и, главное, понимать другие культуры, их ценности, нужды, пытаться взаимодействовать с ними. Поэтому если мультикультурализм понимается как сосуществование замкнутых в себе культур, то, конечно, в таком виде он нежизнеспособен, обречен на провал. Но это не исключает того, что мультикультурализм возможен в том случае, если разные культуры стараются понять друг друга, пытаются взаимодействовать и меняться в процессе этого взаимодействия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Тому Рокмору, специалисту по философии из Китая.

Т. РОКМОР: — Я преподаю в Китае. И поскольку я там работаю, то, конечно же, должен был познакомиться с марксизмом. Как известно, Китай — это марксистская страна. А здесь я удивился, узнав, что существуют противоречивые мнения о Марксе и марксизме. Сегодня говорили, что тот капитализм, который имел в виду Маркс, исчезнет, может быть, через 10–20 лет. У Маркса была теория перехода от капитализма к коммунизму, и если мы внимательно изучим различные публикации, то увидим, что существует несколько моделей. Одна из них основана на подъеме пролетариата как всемирного явления. Тогда он говорил, что пролетариям нечего терять. Сейчас мы осуществляем какие-то вещи, о которых говорил Маркс. Но когда он обратился к экономическому переходу от капитализма к коммунизму, то сказал, что капитализм обречен. Но центральное место в выводах Маркса занимает его мнение, что обязательно возникнет неуправляемый конфликт, который капитализм не сможет разрешить, и придется менять схемы ответов. Маркс считал, что это логический процесс.

Дело в том, что экономические явления не происходят как логическая необходимость. Марксистские взгляды на упадок капитализма связаны со снижением прибыли, но это весьма противоречивая точка зрения. С тех пор его мнение подвергалось критике многократно, последнее замечание состоит в том, что у нас вообще нет информации о снижении прибыли, что это просто фантазия революционных умов. Какой вывод можно из этого сделать? Что Маркс в XIX веке формулировал идею о переходе от капитализма к коммунизму для решения определенной социальной проблемы. Но если переход от капитализма к коммунизму не стоит в повестке дня и даже если он и произойдет через 10–20 лет, то как нам смириться с тем, что капитализм не исчезнет, что он выдержит испытания? Может быть, это будет другой вид капитализма. Проблема состоит в том, чтобы использовать достижения капитализма для решения проблемы, которую проанализировал Маркс еще в XIX веке и на основе которой наметил пути для перехода от капитализма к коммунизму.

В заключение хотелось бы высказать еще одну мысль. Профессор Лекторский уже говорил о взаимоотношениях между экономикой и терроризмом. Я не согласен с тем, что говорили экономисты в отношении глобализации, но расширение капитализма тесно связано с этим процессом. И мне хотелось бы отметить, что расширение капитализма — это важное явление, с которым связано и распространение терроризма. Раз нас волнует проблема терроризма, мы не должны забывать, что капитализм в какой-то мере вызывает рост этой угрозы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Ташансу Тюркеру из Турции.

Т. ТЮРКЕР: — Уважаемые участники конференции — члены президиума, представители органов власти, ученые разных уровней! Аудитория здесь очень авторитетная, но я думаю, что самые главные здесь — студенты, которые будут создавать завтрашний день

и жить в новых условиях. XIX век был временем, когда все развивалось и основывалось. Сегодня по всем прозвучавшим выступлениям я увидел, что все сходится в одном — что в мире происходят гигантские изменения, и все согласны с тем, что ситуация непонятная, неопределенная, достаточно темная. Изменения всегда происходили в истории. Не было таких периодов, когда бы не было изменений. Даже когда была какая-то статичность в развитии, все равно изменения продолжались. А сейчас они происходят очень быстро. Кто-то, говоря об истории, сказал, что сейчас такой сильный ветер, что никакие англы не могут помочь с ним бороться. Речь идет не об отдельной системе, не о национальном государстве, не о войнах или революциях, которые мы видели в истории. Речь идет о социальном укладе. Кто-то здесь говорил о кризисе современности, и это действительно так — современность находится в кризисе. Современность — это то, что переживает весь мир, или то, что он переживал до недавнего времени. Этот кризис связан с самоопределением подлинно национальных государств. Но также он связан и с ценностями, о которых мы говорим сейчас.

Сегодня пропадают многие константы, основанные на фундаменте современности, но сейчас существует и другой подход. Мы можем говорить и о том, и о другом. Например, в XIX веке была только одна цивилизация. Кто создал эту цивилизацию? Кто пользуется ее достижениями? Откуда идет социальное обеспечение? Все это было плодом цивилизации, но затем произошло нечто обратное. Пришла Вторая мировая война, которая стала гуманитарной катастрофой. А сейчас мы наблюдаем множество таких катастроф, которые происходят повсеместно. Поэтому константы утратили свою силу, и не только в цивилизованном мире, но и во всех странах это происходит, и страны третьего мира уже находятся не на периферии, а именно в центре современности. И это увеличивает существующие вызовы. Поэтому я считаю, что через два-три десятилетия появятся новые интеллигенты, мыслители, как и в XIX веке. Я призываю студентов, которые здесь сидят, стать такими мыслителями, интеллектуалами. Поскольку хаос вызывает появление новых возможностей, то университеты и академии должны предложить новые мысли.

В заключение очень кратко отмечу то, что касается модернизации страны. Мы говорим о кризисе современности, но я из Турции, древнего государства. В прошлом году я здесь говорил, что если сравнить Турцию и Россию, то можно увидеть много общего, в том числе и в нашей истории. Между нашими народами сложились хорошие отношения. Я так говорил в прошлом году и говорю об этом сейчас. Мы сотрудничали в последние 300 лет, модернизировались. Поэтому концепция Запада является основной фигурой интеллектуальной жизни и общества Турции. Но что может вскоре произойти? Я думаю, что наши страны, так же как и в XIX веке, пойдут одной дорогой. И мы, конечно, будем следовать возникающим процессам или сопротивляться им. Мы считаем, что должны находиться в русле этих процессов. Это будет лучше и безопаснее для всех нас.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Александру Борисовичу Куделину.

А. Б. КУДЕЛИН: — Уважаемые коллеги, мне очень приятно выступать в таком замечательном собрании. Я хотел бы сказать, что, с моей точки зрения, как и с точки зрения большинства присутствующих, самая сильная сторона Лихачевских чтений (о чем говорил, в частности, заместитель министра иностранных дел РФ Г. М. Гагидин) состоит в сочетании хорошей теоретической базы с практическими выводами, которые вытекают из методологических оснований той или иной науки. Это замечательный форум. Я хотел бы сказать, что Дмитрий Сергеевич Лихачев, как всем известно, был выдающимся специалистом прежде всего по древнерусской литературе и культуре, но выводы, которые он делал на этом материале, имеют широкое прикладное значение. И совершенно справедливо, что Чтения носят имя академика.

Каждый год мы продолжаем в Санкт-Петербурге традицию, заложенную Лихачевым. В связи с этим хотелось бы затронуть проблему глобализации в определенном аспекте. Как-то по приглашению ректора Университета А. С. Запесоцкого я читал здесь лекцию о гениальном произведении Гёте «Западно-восточный диван». Думаю, что сегодня подобное произведение не могло бы вызвать того резонанса, который произошел после его публикации в 1819 году. Таковы результаты глобализации.

Сегодня уже говорили о «Евровидении». Я хочу сказать не о результатах, а о другом. Согласно неписанным правилам «Евровидения», выступления обязательно должны петь на английском языке. В первых конкурсах «Евровидения» артисты выступали на разных языках, а сегодня практически все поют по-английски. К чему это приводит? В Европе есть масса народов с прекрасными музыкальными традициями — я имею в виду не только фольклор, но и эстрадно-пение. Например, Испания, Франция, Италия, Украина, Грузия — можно перечислять бесконечно, но все должны петь по-английски. На Чтениях присутствовал Полад Бюльбюль оглы из Азербайджана. Так вот в 2011 году азербайджанцы выиграли конкурс «Евровидение». Но выиграли они не с азербайджанской народной музыкой, а с песней, прозвучавшей на английском языке. Я уже не говорю про украинское пение, которым мы всегда восхищались, и т. д. Но попробуйте сегодня выиграть европейский конкурс с песней, восходящей к истокам народной музыки! Это невозможно.

Я вспоминаю выдающегося петербургского ученого Игоря Михайловича Дьяконова. Это был замечательный специалист по древним письменностям. Ему на 80-летие подарили адрес, исполненный клинописью. Так вот однажды во время обеденного перерыва его ученик рассказывал ему о своих новых открытиях относительно Александра Македонского. Ученик видит, что Игорь Михайлович пьет чай и совершенно не обращает на него внимания, и говорит: «Игорь Михайлович, я же вам рассказываю совершенно новые вещи про Александра Македонского». Как гласит молва, Дьяконов посмотрел на него задумчиво и ска-

зал: «Молодой человек, Александр Македонский — это вчерашняя газета, а вы знаете, газет я не читаю». На этом разговор и закончился: Александр Македонский в глазах выдающегося ученого был слишком современен, был только «газетой», пусть и «вчерашней», а потому и не мог быть достоин внимания специалиста по древним культурам. Я вовсе не призываю здесь заниматься древностями и другими высокими теоретическими проблемами, я призываю к тому, чтобы мы, изучая древнюю, средневековую культуру в духе разысканий Дмитрия Сергеевича Лихачева, оценивали настоящее и смотрели в будущее. Потому что народ, который не знает своего прошлого, не имеет будущего, и подобный подход тоже является частью системы национальной безопасности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю на трибуну доктора Ашока Саджанхара, нашего гостя из Индии.

А. САДЖАНХАР: — Уважаемые коллеги, я хотел бы выразить глубокую благодарность за теплый прием, который оказал нам Университет. Тема этих Чтений — «Современные глобальные вызовы и национальные интересы». Это действительно очень важная тема. Я хотел бы очень кратко обрисовать инициативы внешней политики и нового правительства Индии и показать, как Индия пытается решать существующие проблемы глобальных вызовов. Я думаю, большинство из вас слышали о том, что наше правительство во главе с премьер-министром Моди пришло к власти ровно два года назад, 19 мая 2014 года. И надо сказать, что мы считали тогда, что внешняя политика будет самым слабым звеном по сравнению с нашими основными отраслями. Мы к тому времени достигли огромных успехов во всех остальных отраслях, но у нас не было опыта в сфере международных отношений. Я думаю, что за последние два года деятельность Моди показывает и подтверждает, что он — один из наиболее успешных специалистов в области внешней политики Индии.

Хотел бы сейчас остановиться на нескольких инициативах, с которыми он выступил. Прежде всего это политика, которая в первую очередь учитывает интересы добрососедства, хороших отношений с соседними странами, для того чтобы обеспечить максимальный результат с точки зрения сотрудничества и дружественных связей. Когда Моди занимал свой пост, он пригласил руководителей соседних стран региона приехать для участия в церемонии присяги, которую он давал. После этого он посетил разные страны. Первой страной, в которую он приехал с визитом, был Бутан, затем Непал, после он посетил другие соседние государства. Затем очень импровизированно на пути из Индии в Россию состоялся визит в Пакистан и Афганистан.

Один из главных аспектов его политики — это прежде всего быстрое развитие экономики. Индия — одна из крупнейших быстро растущих экономик. Уровень роста ВВП составил 7,6 %, то есть 72 млрд долларов. И самое важное здесь — это то, что если Индия будет расти экономически, то и соседние государства также будут развиваться. Еще один важный момент — это запуск спутников, к которому Индия сейчас готовит-

ся. Кроме того, в сельском хозяйстве, рыбном хозяйстве и других отраслях мы также тесно сотрудничаем с соседями. Второй аспект, который я хотел бы отметить, — это экономическое сотрудничество с Восточной Азией. Сейчас основной упор делается на расширение связей и единства не только в области экономики, но и в области обороны и культуры.

Хотелось бы также отметить такой важный момент, как сотрудничество с Китаем, Новой Зеландией и рядом других наших крупных соседей. Двенадцать стран Тихоокеанского региона подписали соглашение о сотрудничестве. Также необходимо сказать о наших взаимоотношениях с Россией и Центральной Азией. Моди — первый премьер-министр Индии, который посетил страны Центральной Азии. Он побывал на встрече с президентом Путиным. Сначала была короткая встреча, а затем на саммите. Россия поставила 12 ядерных реакторов, она является самым крупным поставщиком такого оборудования к нам.

И далее два момента, которые касаются руководства. Здесь уже говорилось сегодня о вопросе лидерства. И прежде всего это касается такой важной деятельности, как борьба с терроризмом, и в этом плане Индия сотрудничает с разными странами Азии и других регионов. Например, недавно господин Моди побывал с визитом в Иране. Мы в отношениях с этими странами всегда обращаем особое внимание на вопрос терроризма. Последний очень важный момент, который хотелось бы отметить, касается изменения климата. В этом смысле Индия испытывает дефицит энергоносителей, и поэтому мы сейчас движемся к испытанию новых возобновляемых источников энергии. Новые источники будут вырабатывать 175 гигаواتт энергии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я приглашаю к микрофону академика Роберта Искандеровича Нигматулина.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Уважаемый Александр Сергеевич, как Вам удалось собрать столько чрезвычайно интересных людей? Я восхищен организацией Чтений и большинством выступлений. Для меня большая честь выступить с этой трибуны.

Великий физик Джозайя Гиббс сказал, что одной из задач науки является найти такую точку зрения, с которой изучаемое явление представляется простым. Это чрезвычайно актуально и для современных наук, которые заняты проблемами глобализации.

Мы чувствуем, что наша история, история России, русская история — особая. Я даю этому климатическое объяснение — мы живем в условиях самой длинной и холодной зимы, а также непредсказуемого лета. Миссия России — строить цивилизацию в этом климате. Напомню, что в Скандинавских странах и Канаде зимы гораздо теплее, чем даже на Украине.

Наш климат самый неустойчивый: в этом году засуха, в следующем — заливают урожаи и т. д. Если ты рачительный хозяин, то живешь более или менее нормально, можешь содержать семью. Но таких меньшинство. А другие время от времени испытывают неурожайные годы. И это для них потрясение. Они хотят добиться своей «справедливости». Эта жестокость,

колебательные настроения характерны для нашей истории. Ни один из наших царей, генсеков, президентов прошлого не пользовался всеобщим уважением. До сих пор мы яростно спорим о Сталине и Ленине. Например, Генри Маркович Резник охарактеризовал Ленина и Сталина как преступников. Это вызвало одобрение как минимум половины зала. А если кто-то, допустим, будет восхвалять Ленина и Сталина, это тоже вызовет у половины слушателей одобрение.

Я человек технократического круга, свои утверждения формулирую в виде теорем. Выскажу несколько из них.

Несправедливость сильного может вызвать звериную реакцию у слабого. И тот терроризм, который мы сейчас наблюдаем, часто инициируется несправедливостью сильных по отношению к слабым. 70 лет назад Россия несправедливо поступила с чеченским, крымско-татарским и другими переселенными народами. И мы до сих пор чувствуем отголоски чеченской мести и ее кровавого следа.

Подавляющую часть энергоресурсов (90 %) потребляют только 25 % населения Земли. Остальная часть населения Земли (75 %) в основном живет за счет мускульной энергии. Поэтому когда мы говорим об экономии ресурсов, в том числе и во имя предотвращения изменения глобального климата, следует иметь в виду экономию в относительно богатых странах.

Далее, в России на душу населения добывается 3,7 т нефти в год. Из них 2,7 т вывозится в виде сырой нефти или простейших нефтепродуктов малого передела (бензин, дизельное топливо и др.) за границу. Именно за счет импортируемых природных ресурсов богатые люди покупают квартиры в Лондоне, виллы на южном побережье Франции. Как долго люди, испытывающие материальные лишения, могут все это спокойно терпеть?

Уважаемый писатель Даниил Гранин высказался за то, чтобы было поменьше государства. Конечно, моя либеральная душа хочет, чтобы было поменьше бюрократов (надо сократить этот раздутый госаппарат), поменьше ограничений и несправедливости со стороны государства. Но здесь надо не перестараться. Слом «сильного» государства может привести к такому его ослаблению, что власть захватят экстремисты и неподготовленные к управлению страной партии. Пока они научатся и наведут порядок, как показывает история XX века, они смогут истребить миллионы людей. Такое произошло в 1917 году, когда Временное правительство оказалось слабым, неэффективным и даже неспособным защитить себя и государственный порядок.

Конечно, сейчас у нас «хорошее» государство по сравнению со сталинским периодом. Оно не такое «злое». Но есть одно «но». К 1991 году показатель смертности в нашей стране примерно соответствовал показателям в Западной Европе и новых странах Европы. После 1991-го в «старых» европейских странах они немного снизились, а в новых странах показатели сохранились на том же уровне. А у нас после прихода к власти демократического правительства смертность скакнула вверх и достигла уровня, называемого в демо-

графии сверхсмертностью. И если мы проинтегрируем потери нашего народа за «либеральные годы» (с 1991 по 2015 г.), то получится, что за 25 лет раньше срока умерли 13 млн человек: 5 млн в ельцинский период и 8 млн в путинский. Это в мирное-то время! Это тоже надо учитывать при оценке «новой» России.

На протяжении всего XIX века в России была проблема, связанная с аномальной бедностью основной массы народа и богатством его малой части. Отмена крепостничества не решила земельную проблему. Главным тормозом развития производительных сил и жизни народа стала проблема передела земли. Сначала декабристы, потом разночинцы, затем народники, позже ожесточившиеся народовольцы и террористы вели борьбу с государством под эгидой решения этой кардинальной проблемы. Но так и не решили ее. В результате получили 1917 год, Гражданскую войну, становление нового режима, отягощенного миллионами жертв. А сейчас такой проблемой развития производительных сил и подъема страны стала проблема передела доходов. Полпроцента населения присваивает себе 10 трлн рублей в год. А весь федеральный госбюджет страны составляет 15 трлн. При таком «слабом» бюджете государство не может обеспечить нормы (в долях ВВП) социального государства на развитие человека (здравоохранение, образование, науку и культуру), которые стали привычными при советской власти. А нынешние государственные мужи и слышать не хотят об используемой во всех европейских и североамериканских государствах прогрессивной налоговой шкале. Именно она в какой-то мере выравнивает социальное неравенство и гармонизирует двигатель экономики — покупательский спрос. В соответствии с европейскими нормами богатые должны в большей мере пополнять государственный бюджет.

И закончить я хочу теоремой, которую 95 % здесь присутствующих наверняка не разделят. Но я глубоко убежден, что в современном сложном технократическом мире государством должен управлять не политолог, не экономист, не юрист, а инженер. Это стало глобальной проблемой мира.

Выдающийся человек, великий композитор Георгий Васильевич Свиридов, музыку которого мы помним и любим, высказал очень верную мысль: «Не так просто понять простые вещи». Господа философы, экономисты, политологи и юристы, думайте, что делать, и разберитесь в простых вещах. Вы часто путаетесь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Кстати, Свиридов — наш Почетный доктор, мы его хорошо помним. Но, думаю, эти его слова не относятся к нашим гостям, присутствующим здесь философам и экономистам. Уважаемые коллеги, я приглашаю на трибуну профессора Амели, гостя из Ирана.

С. Р. АМЕЛИ: — Мы сегодня говорим о глобальных вызовах и национальных интересах. И я хотел бы пояснить, что имеется в виду под глобальными вызовами. Это институциональные глобальные вызовы или же технологические, экономические, культурные, климатические глобальные вызовы? Что именно мы имеем в виду, говоря о глобальных вызовах?

Я хотел бы подчеркнуть несколько моментов относительно институциональных и технологических глобальных вызовов. С точки зрения институциональных вызовов мы должны здесь думать о Соединенных Штатах Америки. Мы постоянно их критикуем за то, что они создали мир, где доминирует их политика. Мы все время говорим о том, что они делают, но, тем не менее, США продолжают проводить эту политику независимо от того, нравится нам это или нет. Хотя мы видим некоторые изменения в позиции Обамы, но все равно политика США является основной причиной глобальных изменений. Дело не в том, что люди не могут говорить друг с другом, а в том, что существует очень много разных мнений. Мы знаем, что в XX веке множество людей погибло от войн, в 20 раз больше, чем в XIX веке. Поэтому мы приветствуем процесс рационализации, но, тем не менее, мы не стали относиться к войнам более рационально.

Происходит транснационализация мира. Происходит дальнейший рост коммуникационных технологий — это положительный признак, который показывает, что у нас существует глобальное соседство. Кто-то говорил сегодня о дефиците лидерства. Я считаю, можно даже говорить о его уничтожении. Если так и дальше будет продолжаться и если мы не будем этим процессом управлять, то у нас будет нехватка лидеров. С той же позиции надо рассматривать национальные интересы, которые основываются на культурном лидерстве. Если мы будем налаживать культурную сферу, тогда перестанем терять в экономике. Как мы можем этого достичь? Только посредством YouTube, Google и других подобных технологий, которые пришли из США и используются для доминирования в мире. Реально говорить, что мы сейчас живем в двойственном пространстве — физическом и виртуальном. Если мы утратим свои позиции в виртуальном пространстве, мы также утратим их и в реальном мире.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы пригласить на трибуну академика Владимира Львовича Квинта.

В. Л. КВИНТ: — Александр Сергеевич, большое спасибо за приглашение на этот замечательный форум. Здесь просто симбиоз великих мыслей, идей, которые рождаются прямо здесь, в стенах этого замечательного Университета. Тема моего выступления касается экономических последствий и стратегии борьбы с глобальным терроризмом и экстремизмом. Этой проблеме была посвящена одна из моих последних книг. Я бы не хотел вступать в дискуссию о глобализации, но, к сожалению, вынужден. Потому что глобализация, на взгляд стратега, — это одна из многих наиболее мощных глобальных тенденций, закономерностей, которые определяют, хотим мы этого или нет, экономические, социальные и даже в какой-то степени политические проблемы человечества. Как любая закономерность, она рождается, набирает высокую степень зрелости и в конце концов умирает. И далеко не одна закономерность глобализации действует сейчас в мире, также действует регионализация. Когда эти закономерности взаимодействуют, возникает такая изу-

чаемая и используемая экономистами закономерность, как глокализация.

Бесспорно, продолжают действовать крупные экономические и социальные закономерности. Я не хочу всего этого касаться сейчас, но в книге анализирую десять из этих закономерностей. Но предметом моего исследования глобального терроризма как одного из негативных глобальных трендов, глобального экстремизма являются в наибольшей степени две глобальные закономерности: сама глобализация и технологическая революция. Действительно, демократизация, как глобальный тренд, который зародился гораздо раньше, и регионализация, возникшая тогда, когда появились крупные региональные блоки, привели к тому, что национальные границы несколько размылись, стали более прозрачными. И этим воспользовались далеко не только позитивные силы, но и страшные силы невежества, малограмотности. Это прежде всего терроризм. Говорят, что терроризм рождается в неграмотности, в бедности, в среде нелегальной эмиграции. Это, конечно же, так, если мы посмотрим на то, что происходит, но откуда у бедных, малограмотных людей, лишенных социальной защиты, наиболее уязвимых, могут появиться идеология и финансирование в таких размерах, которые им позволяют наносить урон столь крупного масштаба?

О масштабах и экономических цифрах я скажу несколько позже. А вот что интересно: идеологизация и финансирование терроризма приходят из более богатых структур. Например, возьмем Саудовскую Аравию и то, что послужило, так сказать, толчком к началу глобальной борьбы с терроризмом. Теракт 11 сентября 2001 года, как вы знаете, совершили выходцы из Саудовской Аравии, далеко не самой бедной страны. Но там 21 % населения — неграмотные, только 59 % детей школьного возраста посещают школу, 41 % не посещает, в то время как они должны получать поддержку государства, семьи. Значит, образование само по себе не просто недостаточно финансируется, оно не является еще национальной идеей, ценностью. Вообще происходит конфликт цивилизаций. Чем быстрее идет глобальная интеграция (другая закономерность — чем больше усиливается тенденция глобализации), тем быстрее возникает конфликт цивилизаций — культурный, религиозный и даже образовательный. И этот конфликт цивилизаций воспламеняется наиболее ортодоксальными идеями, которые могут возникать в любой среде, и совсем необязательно в мусульманской. Возьмите норвежский феномен, где мусульмане были совсем ни при чем. И таких примеров очень много.

Что такое терроризм и экстремизм? Чтобы разработать и реализовать стратегию победы, нужно понять этот феномен. Как говорил Дмитрий Лихачев, если существует какое-то явление, его нужно категоризировать, определить. Вот и нужно определить терроризм. Разные международные многонациональные институты, такие как Лига Наций, пытались делать это с 1937 года. Но до сих пор нет единого определения этой категории, принятого Организацией Объединенных Наций. Чтобы разработать стратегию, нужно какое-то определение. Я, например, считаю так: тер-

роризм — это целенаправленный, неспровоцированный удар, направленный на невооруженных людей и невоенные объекты, когда с оружием атакуют безоружных, разрушают гражданские объекты и т. д.

Что можно сказать о глобальном терроризме? Несколько примеров того, какой удар он нанес. Например, в следующие два дня после 11 сентября только авиация понесла убытки в 660 млн долларов; в течение 1,5 лет самый большой урон из всех отраслей экономики понесла индустрия страхования — 50 млрд долларов. В Нью-Йорке за 1,5 года после теракта безработица выросла в 21 раз, больше, чем за предыдущие 17 лет. Международная торговля наиболее сильно пострадала. Международная торговля и страхование в течение 1,5 лет после 11 сентября понесли ущерб в размере 3,3 трлн долларов, что сравнимо с национальными доходами многих государств. Терроризм — это социальная манифестация зла, и он должен быть уничтожен, но для этого необходимо объединить людей. Я, например, против того, чтобы создавать какие-то глобальные институты. Я в свое время изучал Яна Тинбергена, который одним из первых получил Нобелевскую премию по экономике в 1969 году. Он писал о том, что хорошо бы создать глобальное правительство. Я считаю это очень вредной идеей. А вот координация и кооперация на глобальной, международной основе для уничтожения манифестации зла терроризма очень поможет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас выступит знаменитый российский журналист Виталий Товиевич Третьяков.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Многое из того, о чем я буду говорить, вызвано тем, что говорилось до меня в этом зале. Кстати, я считаю, что сегодня проходит одна из самых фундаментальных по разнообразию и одновременно глубине дискуссий, которые когда-либо велись в рамках Лихачевских чтений.

Прежде всего сделаю три маргиналии на полях уже развернувшейся здесь дискуссии о либерализме, во всяком случае в российском его проявлении. Первая маргиналия: российский либерал (не знаю, как западный) представляет общественно-политическую жизнь как шведский стол в хорошей гостинице, куда он приходит и выбирает те блюда, которые ему нравятся. Причем он часто меняет этот набор на следующий день, но при этом заставляет всех остальных есть те же самые блюда и в тот же самый день, когда они ему понравились. Вторая маргиналия: либерализм, по крайней мере российский, лучше, чем российские либералы каждый в отдельности — если судить по их словам, и особенно по делам. И третья маргиналия: российские либералы очень много воруют, у них болезнь такая. Возможно, мы бы полюбили либерализм, если бы российские либералы не были такими алчными.

Теперь о глобализме, глобализации. По-моему, глобализация всем надоела. И я предчувствую, что скоро она надоест всем окончательно и мы сметем ее совместными усилиями. Обращаю ваше внимание на то, что на смену тем правительствам, элитам, которые

не заботятся об интересах собственного народа, рано или поздно приходят националисты, очень жесткие, радикальные националисты, иногда с оружием в руках. Так что национальные интересы, которым бросает вызов глобализация в том аспекте, о котором я сейчас говорю, безусловно, рано или поздно защитят себя сами. И дай бог, чтобы до этого времени нашлись умные, рациональные правительства, выдающие банальности, те простые вещи, в которых призвал разобраться академик Роберт Нигматулин. Если они не разберутся в этих банальных вещах, то все будет довольно печально. Так что не нужно национализм заносить в черный список или думать, что он потерял способность к сопротивлению. Здесь еще многократно говорилось о конвергенции. А я в нее не верю. Конвергенция — это такой рай, когда из всяких обществ мы выберем все хорошее и будем при этом жить. Никогда такого не будет, рай на земле невозможен, равно как и ад под названием «абсолютная глобализация», потому что это тоже единообразие.

Другое дело, что Запад рекламировал нам глобализацию как нечто полезное, но имея в виду не наши интересы, а собственные. Потому что предполагалось, что глобализация — это когда вредное производство переносится в Азию, Африку и прочие «ближние восток», а деньги поступают, естественно, туда, где люди сами себя называют цивилизованными, в отличие от этих варваров. И тогда в теплые страны по туристическим путевкам ездят отдыхать разнеженные европейцы и американцы, а оттуда на Запад приезжают люди, только специально подготовленные через систему образования, которая тоже глобальна и поэтому отмирает. Образование тоже глобально распространяется из США и стран Европы. Его получают только специально отобранные люди, которые нужны этому обществу. Но оказалось, что глобализация — вещь несколько более сложная, как и все в жизни. Туда, на Восток, едут по путевкам, купленным в туристических фирмах, а оттуда вдруг в Европу приехали 1,5 млн человек безо всяких путевок. Ни у кого нигде разрешения не спрашивали, виз не получали — просто приехали. В том числе и террористы — это те самые варвары, с точки зрения европейцев. Но только глобализация обеспечила то, что раньше у варваров были копыта, а у «цивилизованных людей» мушкетеры. А теперь атомные бомбы — что у тех, что у других, только у одних грязная, а у других якобы негрязная. Так что не будет никакой глобализации, в конечном счете она рассыплется, и это хорошо. Как это произойдет — уже другой вопрос.

Несколько слов о проблеме языка, которая здесь тоже затрагивалась. Кстати, эта важнейшая проблема относится и к борьбе с терроризмом. В последнее время я многократно с разных трибун призывал отказаться, по крайней мере в России, от разделения на цивилизованные и нецивилизованные страны, цивилизованных людей и варваров. Все, что есть у человечества, — это часть одной цивилизации или разные части мировой цивилизации. И то, что нам кажется варварским, или непонятным, или каким-то иным, еще не значит, что это не цивилизация, просто это другая цивили-

зация. А мы в России привыкли ставить себя в униженное положение, говоря, что нам нужно стать цивилизованной страной. Мы сами себя считаем варварами, и что ж тогда удивляться, что таковыми нас считает и Запад, если мы сами к себе так относимся. Здесь говорилось о новом человеке в несколько ином аспекте, но я скажу так: плохие сценарии будущего ужаснее, чем представляется, во всяком случае, чем было заявлено сегодня в этой аудитории. Правда, замечательные сценарии будущего тоже есть.

Что касается языка, то если мы переходим на один язык — это тоже глобализация, единообразие. И тот, кто владеет этим языком, руководит процессом перехода на единый язык, будет владеть — уже владеет — и нашими мыслями, и нашим сознанием. Я категорически против того, чтобы вся научная литература в мире создавалась и цитировалась только на английском языке. Я сейчас не беру китайский — это другая проблема, я говорю о том, что касается бывшей христианской цивилизации, ныне распавшейся. Движение к единому языку — движение к смерти цивилизации.

И последнее: о морали. Тот, кто создаст нового человека — будет ли это биоробот, или соединение человека и робота, — создаст для него и новое мышление. Но так же не бывает, чтобы машину создал один, а программу в нее ставил другой. И в связи с этим у меня вопрос: а если этого нового человека создадут не российские ученые, а, допустим, опережающие нас английские или американские, то какое сознание они заложат в него — англосакса или русского? Я уверен, англосакса. Зачем им новый человек с сознанием русского? Отсюда и делайте выводы, кто должен создать этого нового человека, и что будет, если не мы первые это сделаем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется нашему другу из Испании господину Хуану Антонио Марку.

Х. А. МАРК: — Я в нескольких тезисах представлю свое видение того, что происходит, обрисую общие черты. Для меня основной вопрос в том, что глобализация навязывает свои законы, и так было с возникновением первобытнообщинного строя и до сегодняшнего дня. Такова динамика развития человечества. Как развивается национальная идентичность? Здесь только два варианта, и в этом дилемма. В худшем случае, если люди недовольны, если они не мотивированы, это может вести к катастрофе, и мы наблюдали это в истории много раз. Представьте себе, что произошло в Римской империи, и в современной истории происходит. Существует множество культур, которые переживали очень сложные времена.

И другой момент — это то, что люди должны понимать, каков закон глобализации, и надо думать о перспективах будущего, и здесь есть определенные наработки. Каковы сегодня ведущие силы этого процесса? Это огромные возможности человека. И здесь не существует каких-либо больших различий. Раньше люди были только рабочей силой, а сегодня они — это своего рода компьютерная инновация. У каждого из нас

есть свои идеи, инициативы, и это главный момент для общества XXI века. Мощь людей сегодня основана на огромных возможностях каждого индивидуума. Другое дело, что эти люди живут в обществе, и здесь главное то, как эти группы индивидуумов будут работать в этом обществе. Потому что, если они настолько сильны, но не смогут должным образом все организовать, возникнет хаос. И мы наблюдаем, как это может происходить. Например, мы видим, как развивается, разрастается Сан-Паулу, и там появляется хаос.

И с этой точки зрения люди должны думать и понимать, что сегодня государство не должно давать им ничего другого, кроме хорошей организации жизненного пространства. Государство не должно давать людям деньги, защиту, поддержку, потому что по отношению к человеку оно может давать только то, что индивиды дают ему. Это мысль об организации пространства: если государство будет обеспечивать это пространство, то и индивидуумы будут давать государству свою долю. Главное в глобальном пространстве — это то, что все эти участки развиваются по-разному. За последние 30 лет Китай развивался фантастическими темпами. В этой стране с 1952 до 1982 года, где люди каждое утро вставали в 6 утра, работали весь день, за 30 лет зарплата поднялась с 300 всего до 380 долларов. А с 1992 до 2013 года доход дошел с 380 до 7,5 тыс. долларов, то есть зарплата возросла в 20 раз. Посмотрите, что может произойти в одной стране.

В заключение я хочу сказать, что, находясь здесь, в этой части мира, я вижу, насколько актуальна для нас проблема, как организовать новую Европу. Мы, по-моему, не очень мудро поступали с точки зрения развития Европейского Союза. Мы не смогли наладить нужные отношения с Россией, но мы думаем, что она может нам помочь поставить перед собой гораздо более честолюбивые цели, добиться многого в наших взаимоотношениях, потому что у нас было великое прошлое и нас ждет великое будущее. Когда-то мой хороший знакомый Анатолий Чубайс сказал, что большое преимущество современной России состоит в том, что там очень хорошо получается превращать деньги в науку, а превращать науку в деньги — не очень хорошо. А это значит, что для того чтобы превращать науку в деньги, нам нужны тысячи малых и средних предприятий, в этом смысле мы в Европе достигли хороших результатов. Эта система у нас должна будет наращиваться, так как к 2040 году уже будет очень большое количество жилого населения, и поэтому нам нужен экономический рост, чтобы обеспечить великое будущее.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я не хотел бы разочаровывать Хуана Антонио, но господин Чубайс — специалист совсем по иным превращениям денег, у него в науку деньги, по-моему, никогда не превращаются. Я прошу к микрофону профессора Винсента делла Сала, нашего гостя из Италии.

В. делла САЛА: — Я очень рад приехать сюда снова, чтобы выступить на тему о глобальных вызовах

и национальных интересах. Мне понравились сегодняшние выступления разных специалистов. Я попытаюсь, может быть, как-то резюмировать определенные вопросы, которых мы сегодня касались. Доктор Моратинос говорил о том, что нам надо не смотреть в прошлое, а двигаться вперед. В Италии есть такое выражение: чтобы оставаться теми же самими, нам нужно меняться. Мы должны меняться, а не делать вид, что меняемся, если хотим развиваться.

Я не знаю, как мы решим вопрос глобализма, какая нам нужна архитектура, но считаю, что мы можем резюмировать все эти проблемы, используя очень полезную концептуализацию, о которой нам говорили как о политической трилемме, что есть три хорошие вещи, но мы можем выбрать только две из них. И проблема в том, от чего мы можем отказаться. У нас существует глобальная взаимозависимость. Доктор Азиз сегодня говорил, что мы можем получить суверенитет и глобализацию, но тогда нам придется отказаться от третьего

хорошего, а именно — от демократии и самоопределения, когда правительство государства учитывает мнение людей.

Итак, у нас могут быть демократия и суверенитет, но тогда не будет глобализации, то есть из этих трех концепций мы вынуждены отказываться от чего-то. Я думаю, что спор, который у нас был сегодня, о том, как нам отказаться от одного из этих трех позитивных элементов, будет продолжаться. С точки зрения глобального общества абсолютно ясно, что у нас нет консенсуса относительно того, что нам нужно. У нас нет консенсуса внутри наших обществ и между обществами. И подобные конференции, как наша сегодняшняя, дают нам возможность поспорить, какую из этих трех позитивных вещей мы должны взять и как нам управлять процессом. Мы видим, что у нас существует множество вызовов, но также есть множество хороших идей и очень много доброй воли, чтобы найти решение.

Панельная дискуссия МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

20 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол (модератор)
Ш. АЗИЗ	премьер-министр Пакистана (2004–2007)
Г. ГАЛИС	президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI, Швейцария)
Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН, доктор политических наук, профессор
П. ДУТКЕВИЧ	директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
К. МОЙНИХЕН	государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
М. А. МОРАТИНОС	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. МУСА	генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
В. И. РОССМАН	профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, США), приглашенный профессор факультета международных отношений Экономического университета (Братислава, Словакия)
А. САДЖАНХАР	секретарь Национального фонда общественной гармонии (Индия)
М. САНАИ	Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в РФ
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые друзья! Мы начинаем новое для нашего Университета дело в рамках Лихачевских чтений — цикл панельных дискуссий. Сегодня у нас их запланировано четыре. Мы открываем первую панельную дискуссию, посвященную межгосударственному взаимодействию в борьбе с терроризмом.

Прежде чем предоставить слово модератору дискуссии Геннадию Михайловичу Гатилову, я бы хотел сказать несколько слов о том, что Оргкомитет Лихачевских чтений хочет получить от этой дискуссии. Я бы хотел высказаться как ученый, а не как дипломат. Я понимаю, что многие из присутствующих являются дипломатами. Мы попросили Геннадия Михайловича участвовать сегодня не в качестве представителя Министерства иностранных дел РФ, а как дипломата, то есть в личном качестве. По высказываниям господина Моратиноса я понял, что дипломаты сильно связаны дипломатическим протоколом. У нас научный форум, и я бы хотел объяснить как ученый, почему мы так активно сотрудничаем с Министерством иностранных дел.

У нас в стране есть разные министерства, к которым в научном мире разное отношение, я скажу совершенно прямо. Есть, например, такое министерство, которое в научном мире считается министерством развала отечественной экономики. Я не буду его называть, но у него такая репутация, и поэтому мы с ним не сотрудничаем. Также у нас есть министерство, причастное к развалу науки и образования. Мы с ним сотрудничаем только в той степени, в которой это положено по закону. Но есть министерства, с которыми мы сотрудничаем, потому что считаем, что, будучи полезными в сотрудничестве с ними, мы можем быть полезны стране в целом. И Министерство иностранных дел относится к числу таковых. Мы эту ситуацию стали понимать примерно 10 лет назад, когда в ходе Лихачевских чтений начали встречаться с руководством МИДа. Я хочу отметить, что у нас в Университете за последние 10 лет побывало четыре заместителя министра иностранных дел Российской Федерации, которые участвовали в разных мероприятиях. Они представляли свои доклады, мы с ними дискутировали. И мы абсолютно убеждены в том, что Министерство иностран-

ных дел РФ реально служит России и отстаивает ее интересы.

Еще хочу сказать, что мы — и у нас в Университете, и в научном сообществе — стараемся активно поддерживать Президента Российской Федерации Владимира Путина по той же самой причине. Я хочу сказать своим зарубежным коллегам, что фигура Путина очень часто демонизируется зарубежными СМИ, но мы считаем, что внешняя политика России делается абсолютно чистыми руками. И это происходит в первую очередь потому, что глава государства Владимир Путин сам курирует проблемы внешней политики — такова специфика его юридического образования. Например, Дмитрий Анатольевич Медведев, с которым я много работал как с юристом, — высококлассный специалист по хозяйственному праву, по правовому обеспечению деятельности крупных корпораций. Это очень во многом определяет его взгляд на мир. А Путин по образованию юрист-международник, отсюда его глубочайшее убеждение в необходимости приоритета в международной политике не права силы, а права закона, права лучшего из того, что выстрадано в ходе развития мировой цивилизации, права традиций, которые закреплены в законе.

И если во внутренней экономической деятельности у нас есть много претензий к чиновникам, то во внешней политике научный мир России абсолютно солидарен с политикой нашего государства. Хорошо зная международные законы, мировое право, деятельность мирового сообщества, Владимир Владимирович курирует Министерство иностранных дел и соответственно работает с кадрами. Отсюда и определенный подбор кадров. Нам представляется очень интересным построить общение с присутствующими здесь крупнейшими учеными, государственными деятелями, представляющими самые разные страны, части мира, научная честность, принципиальность, гражданская позиция которых хорошо известны в мировом сообществе. Считаю уместным, чтобы Геннадий Михайлович сегодня задал этим людям вопросы в области мировой политики, которые лично ему представляются интересными.

Такая постановка вопроса, думаю, поможет нам, организаторам Чтений, правильно сфокусировать целый ряд наших подходов. Это не означает, что мы со всеми соглашаемся, но здесь каждый имеет право высказать свое мнение, которое, может быть, в чем-то и не очень приятно для России. Но наша задача — совершенно открытый диалог, выработка общей позиции, потому что правильная позиция России будет способствовать укреплению ее авторитета в международном сообществе и увеличению позитивной роли страны в международных делах. Мы ради этого здесь и собираемся, чтобы сформировать результаты интеллектуальной деятельности, которые были бы полезны различным правительствам, странам, министерствам и мировому сообществу в целом. Здесь присутствует целый ряд уважаемых людей, мнения которых очень важны и для мирового сообщества, и для Международных Лихачевских чтений, и для Оргкомитета. Геннадий Михайлович, уступаю Вам место ведущего и предлагаю начать сегодняшний разговор.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Александр Сергеевич, спасибо за такое субстантивное вступительное слово, которое задает вектор нашей дискуссии. Действительно, проблемы терроризма вышли на первый план, и на пленарном заседании, и на секциях так или иначе этой проблемы касались практически все выступающие. Задача определения путей борьбы с этим злом имеет приоритетное значение, и, думаю, не надо объяснять почему. Я не буду долго об этом говорить, лишь выделю некоторые аспекты. Прежде всего нас беспокоит то, что происходит сейчас на Ближнем Востоке, а конкретно в Сирии: «Исламское государство» расширяет свои границы, пытается навязать свою радикальную идеологию и даже создать свое государство — халифат. Все это новые моменты, о возникновении которых мы не подозревали еще несколько лет назад, и поэтому, конечно, такая угроза приобретает теперь более масштабный характер. Речь идет о вмешательстве во внутренние дела государств, свержении неугодных режимов и т. д. И здесь встает вопрос о том, как международное сообщество должно реагировать на все эти явления. А ведь бороться с этим необходимо, и, видимо, нам придется это делать еще долгое время.

С моей точки зрения, борьба может вестись только на платформе объединения усилий всех государств, и для этого нужно проводить честную политику без двойных стандартов. К сожалению, со стороны некоторых наших партнеров мы все еще усматриваем двойные стандарты. Я уже говорил о том, что нельзя делить террористов на плохих и хороших и делать вид, что хорошие террористы могут оказаться полезными для достижения собственных геополитических целей. Поэтому объединение усилий всех государств — это главное. К сожалению, в последнее время такого совместного подхода не было по известным причинам. Вы все знаете, что некоторое время назад наши западные партнеры прекратили сотрудничество с Россией на контртеррористическом фронте. Если у нас до этого были такие механизмы взаимодействия, как Россия–НАТО, были вполне конкретные взаимоотношения с Евро-союзом, то после украинских событий, присоединения Крыма такое сотрудничество, к сожалению, было прекращено, и сделано это по инициативе наших западных партнеров.

Естественно, это не могло не сказаться на эффективности борьбы с терроризмом. Вполне возможно, что катастрофа с нашим самолетом «Когалымавиа» в Египте не произошла бы, если бы такое сотрудничество в тот момент продолжалось. Потом, как вы знаете, последовали террористические акты в Париже, Тунисе, Турции, Индонезии и, наконец, в Брюсселе. Все это теперь несет угрозу безопасности странам не только Ближневосточного региона, но и Европы. И это факт, от которого теперь уже не отмахнуться. И, надо сказать, наши западные партнеры начинают уже это осознавать весьма остро и говорить о том, что нужно восстанавливать эффективную совместную борьбу с терроризмом. А такой фактор, как «джихад-туризм», и тот факт, что многие террористы появляются из стран Западной Европы, конечно, всю эту ситуацию еще больше усугубляют.

Забегая вперед, хотел бы предложить нашим участникам попытаться осветить эту проблему, оценить, насколько это угрожает странам Европы и другим странам, и подумать, как бороться с феноменом иностранных террористов-боевиков. К сожалению, приходится признавать, что, конечно, у нас нет оснований говорить о сколько-нибудь существенном, тем более об окончательном преодолении террористической угрозы. И все, что необходимо сейчас сделать, — понять, что эта угроза исходит главным образом с Ближнего Востока, и объединить усилия в борьбе с ней. Потому что получается так, что наши успехи, скажем, в борьбе с терроризмом в Сирии приводят к тому, что боевики просто переходят в другие страны, такие как Афганистан, сейчас уже — Ливия, Нигерия, где очень активно формируются и укрепляются террористические группировки.

Я не могу не отметить, что питательной средой для такого радикализма остается неурегулированность палестино-израильского конфликта. Может быть, господин Муса расскажет об этом более подробно, потому что обострившиеся отношения между палестинцами и израильтянами, конечно, способствуют радикализации. Этот неурегулированный на протяжении десятилетий конфликт создает очень негативный фон для всей политической ситуации на Ближнем Востоке, отсюда и волна беженцев, мигрантов, хлынувших в Европу, которая начинает отгораживаться от этой проблемы. Этот вопрос меня тоже очень интересует, и я надеюсь, что кто-нибудь из участников более подробно остановится на этой теме.

Говоря о необходимости объединения усилий, конечно, прежде всего мы имеем в виду площадку ООН. Как вы знаете, на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент РФ В. В. Путин, выступая с трибуны, призвал сформировать широкий международный антитеррористический фронт, опирающийся на нормы международного права и действующий с согласия и в тесной координации с государствами региона. Именно опора на международное право, о чем, кстати, только что говорил Александр Сергеевич, с моей точки зрения, является главным условием эффективности борьбы с терроризмом. Поэтому объединение усилий государств должно происходить на твердой правовой основе. Мы не можем говорить о том, чтобы отдельные государства проводили какую-то свою политическую линию без опоры на нормы международного права.

В связи с этим надо сказать, что сейчас на разных международных площадках проводится множество всяких форумов, посвященных борьбе с терроризмом, объединению государств и т. д. Одна такая американская инициатива была запущена пару лет назад — это так называемое «предотвращение насильственного экстремизма». Если вы обратите внимание, это несколько отличная от терроризма формулировка. Так вот что за этим стоит, как наши американские партнеры пытаются реализовать борьбу с насильственным экстремизмом и в чем разница между насильственным экстремизмом и терроризмом — эту тему я бы тоже попросил кого-нибудь из участников осветить. Вот такие вопросы хотелось бы сейчас обсудить.

Передаю слово господину Мигелю Моратиносу.

М. МОРАТИНОС: — Я приехал из Испании. Наша страна хорошо знакома с таким явлением, как терроризм. Лет 10 тому назад он был, так сказать, национальной особенностью Испании. Страна страдала от национального терроризма, который отличался резким националистическим подходом. Как уже говорилось, сейчас терроризм стал не национальной, а глобальной угрозой, он приобрел глобальный характер. Он касается всех нас, преодолевая границы и барьеры. Против нас идет война, но это другая война.

Я приведу в пример Испанию, потому что мы добились успеха в этой борьбе. В Испании существовали оба типа терроризма — национальный и международный. Национальный — это баскский терроризм; националистическая организация ЭТА в течение долгого времени вела борьбу с центральным правительством, и это происходило практически весь период развития демократии в Испании. В 2004 году баскский терроризм все еще оставался вызовом и проблемой для Испании. Однако через некоторое время он исчез, он был побежден с помощью мер безопасности, которые приходилось принимать, ведения разведки и сотрудничества между спецслужбами, посредством международного сотрудничества и политического руководства, которое решилось покончить с терроризмом в Стране Басков. Тогда премьер-министр Испании Сапатеро вступил в очень трудный диалог с организацией ЭТА. Его критиковали, но он пытался найти политическое решение проблемы терроризма. Террористы отвечали взрывами бомб, но впоследствии их полностью делегитимизировали. И тогда я, будучи министром иностранных дел и международного сотрудничества, и премьер-министр Испании получили полную поддержку всей нации и испанского правительства в том, чтобы не оказывать никакой поддержки группировке ЭТА.

Однако после этого, 11 марта 2004 года, в столице Испании Мадриде произошел один из очень серьезных террористических актов, когда 200 человек погибли и более 2 тыс. были ранены. За этим терактом стояла «Аль-Каида», исламские радикалы, джихадисты, проникшие в Испанию. Как мы могли поступить в данном случае? Первой реакцией было объявить войну терроризму. Но мы не использовали слово «война». Потому что когда вы объявляете войну, то тем самым легитимизируете террористов как сторону конфликта. То же самое происходит с «Исламским государством». Вы как бы признаете его государством, воюющим с вами. Но как же тогда с ними бороться? Те боевики, которые совершили террористические атаки в Мадриде, прибыли из Северной Африки, в основном из Марокко. Должны ли мы были объявить войну Марокко? Должны ли мы были послать авиацию бомбить Марокко? Нет, у нас с Марокко особое международное сотрудничество, включая сотрудничество спецслужб. И это сработало в Испании, потому что сразу после того, как мы победили на выборах, мы начали укреплять отношения с Марокко и с Северной Африкой в целом. Нам была предоставлена вся информация, мы работали совместно со службами разведки, мы использовали также и политические меры. Надо было придумать что-то новое, для того чтобы положить конец этой угрозе. Надо

было понять, в чем заключались причины джихадизма, того, что делала «Аль-Каида». Коренятся ли они в экономике, политике или обществе? Мы хотели объединить усилия с другими странами, чтобы понять, в чем заключается основная проблема, и решить ее.

Например, палестино-израильский конфликт всегда считался одной из причин, в результате которых возникает терроризм и разрастается как раковая опухоль. Как можно оправдывать террористические атаки, или даже поддерживать их, если вы придерживаетесь принципа верховенства права? Именно неправовой характер отношений угрожает нам всем. И сейчас конфликт между Западом и исламом угрожает цивилизации в целом. Арабские, мусульманские страны, Америка, Европа должны искать элементы, которые всех объединяют, а если нет таковых, то разработать их, чтобы помочь всем жить друг с другом мирно и толерантно. Сейчас, когда мы становимся мишенью варваров, мы должны укреплять сотрудничество в следующих вопросах: 1) безопасность; 2) разведка; 3) политические меры; 4) экономическая и общественная ситуация; 5) культура. Если всем этим заниматься, то у нас будет гораздо больше шансов одержать победу. Сейчас пока террористы побеждают. Почему? Террор пытается привести нас в ужас, и мы приходим в ужас, мы страдаем. Мы не можем спокойно сходить в синагогу, в мечеть, не можем даже просто выйти на улицу, потому что боимся стать мишенью для террористов. Мир наполнился страхом и тревогой. Главное — не поддаваться панике, потому что именно в этом состоит цель террористов. Как этого добиться? Мы должны продолжать мыслить, мы должны быть выше этого и вместе работать над тем, чтобы одержать победу.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется профессору Вадиму Россману.

В. И. РОССМАН: — Я не специалист по терроризму. Просто хотел бы высказать несколько кратких тезисов, которые вряд ли являются очень оригинальными или новыми, и выделить, как мне кажется, очень важные моменты. Вчера прозвучало несколько мнений, которые связывали причину роста важности темы терроризма в современном мире с глобализацией. Мне кажется, тут есть и еще более важный момент — это дополнительные риски и уязвимость, связанные с современными технологиями. То есть речь идет о том, что, с одной стороны, степень оснащенности, финансирования, технологической сложности террористической деятельности резко возрастает, а с другой — сама инфраструктура современных городов, промышленных объектов, ресурсных предприятий является чрезвычайно уязвимой. Поэтому технологии создают эту уязвимость, но в то же время мы видим огромный прогресс в технологиях, которые позволяют бороться с терроризмом. Это, как я понимаю, один из аспектов нашей дискуссии сегодня — не только провалы и ошибки, но и успехи в борьбе с терроризмом.

То есть со своей стороны, как урбанист, я вижу огромный прогресс, который достигается такими компаниями, как Cisco, IBM, Siemens. Многие консал-

тинговые компании сейчас фокусируются на технологических средствах борьбы с терроризмом, то есть в плане идентификации источников риска, использования социальных сетей и различных информационных технологий. Это огромная тема, но мне бы хотелось это отметить в качестве одного из элементов успеха международной кооперации в деле борьбы с терроризмом.

Второй аспект, на который я хотел бы обратить внимание, состоит в том, что бремя расходов и ответственности за террористическую деятельность очень неравномерно распределено. Основное бремя по борьбе с терроризмом, по моему мнению, несет в данный момент западное общество, то есть США и Европейский Союз. И огромные расходы. Мне кажется, что могут быть найдены более эффективные механизмы распределения этих финансовых расходов, поскольку те страны, которые как-то косвенно или непосредственно причастны к террористической деятельности, не всегда делят бремя этой ответственности. Прежде всего я имею в виду страны Персидского залива, в частности Саудовскую Аравию, то есть не очень бедные страны. И в то же время мне кажется, что их участие в этой прежде всего финансовой ответственности является не очень пропорциональным.

Третий аспект, на котором я хотел бы остановиться, связан скорее с неудачами международной кооперации в деле борьбы с терроризмом. С одной стороны, это объективные факторы, связанные с определением террористической деятельности, а с другой — это в какой-то степени естественные попытки некоторых стран представить свою борьбу с политическими оппонентами внутри страны, с этническим сепаратизмом в качестве своего участия в деле борьбы с международным терроризмом. То есть это, скажем, уйгурский или мусульманский вопрос в Китае, в Тибете; в Турции тоже существуют подобные проблемы. И я не буду распространяться об этом, поскольку это достаточно известные факты.

Еще я хотел бы отметить, что средства массовой информации зачастую дают неадекватную или не совсем объективную оценку некоторых звеньев цепочки борьбы с терроризмом. Мне кажется, что палестино-израильский конфликт занимает непропорционально место, поскольку является частью огромного фронта. Мы очень мало знаем из средств массовой информации о том, что происходит в африканском регионе, где тоже идет противостояние христианских и мусульманских стран. Множество африканских стран разделены именно по этому признаку, и страшные террористические акты, которые происходят, скажем, в Нигерии, Сомали, Судане, не получают пропорциональной оценки и освещения в средствах массовой информации. В Юго-Восточной Азии, к примеру в Индонезии, Таиланде, тоже случается множество конфликтов, о которых большинство людей просто ничего не знают, потому что об этом не пишут мейнстримные средства массовой информации.

Завершая свое выступление, я хотел бы упомянуть еще об одном важном негативном факторе, который имеет место в связи с образованием мегарегио-

нов. Происходит некая децентрализация ответственных за террористическую деятельность. Это связано с определенной долей утраты суверенитета национальных государств, которые делегировали, по сути дела, многие свои полномочия каким-то транснациональным организациям. И в последние два года это вызвало хаос в Европейском Союзе, о котором мы все так хорошо знаем.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Это действительно новый феномен разрастания терроризма. Арабо-израильский конфликт сейчас немного отодвинут в тень из-за того, что происходит в других странах. Но это неправильно, потому что от процесса решения палестино-израильского конфликта во многом зависит борьба с терроризмом во всем регионе Ближнего Востока и Северной Африки.

Вероятно, на эту тему выскажется коллега из Египта Амр Муса. Господин Муса, Вам слово.

А. МУСА: — Вы подчеркнули, что нам нужен честный подход, отказ от двойных стандартов. И когда господин Запесоцкий открывал наше обсуждение, он призывал говорить откровенно, насколько это возможно. Из этого и буду исходить.

Здесь действительно есть два обстоятельства. Ранее выступивший коллега напомнил о многочисленных случаях терроризма в странах Африки и Азии. Но им не придают такого большого значения, как тем терактам, которые происходят в Европе и Америке. Однако терроризм — это не только то, что случается в странах Запада и широко освещается в СМИ. Во всем мире происходят страшные события, связанные с насилием, кровопролитием и терроризмом, которые вызывают огромное возмущение у многих людей. Когда мы говорим о международном терроризме, надо понимать, что он угрожает всем регионам — Северу и Югу, Западу и Востоку.

Кроме того, многие крупные страны придерживаются мнения, что в борьбе с терроризмом не надо стремиться его победить — достаточно сдерживать, потому что некоторые международные террористические организации могут быть полезны. И мы видим это в действительности. Например, ИГИЛ по определенным причинам концентрировался на территории Сирии и Ирака — и вдруг мы видим сотни сторонников этой террористической организации в Ливии. Как они туда попали — из Западной Азии в Северную Африку? Ведь современные средства слежения увидят даже муху над Средиземным морем. Как же люди смогли незаметно переместиться через это огромное пространство, с одного континента на другой? Кто их перевез? На какие средства? В связи с этим возникают вопросы о реальных мотивах некоторых держав, которые так или иначе становятся пособниками террористов. В мировой политике действуют двойные стандарты. Но пока международное сообщество будет закрывать глаза на факты, пока оно не начнет придавать такое же значение кровопролитиям в странах Востока, какое придает терактам, происходящим в странах Запада, терроризм будет продолжаться уносить жизни людей.

Временем зарождения современного терроризма можно считать 1970-е годы, когда он возник в Афганистане. В начале XXI века в Ираке началась вторая волна. Сначала была создана «Аль-Каида», потом ИГИЛ. Это следствие не национальных особенностей, а международной политики, которая несет разрушения в мусульманские арабские страны. Борьба с терроризмом мешает плохое государственное управление, причем не только в странах Азии и Африки, но и в некоторых частях Европы. Все это вызывает гнев и создает атмосферу, когда насилие приветствуется и одобряется.

Сегодняшние примеры — Сирия и Палестина. В частности, в Палестине намеренно проводится политика двойных стандартов в отношении двух стран. Когда-то палестинцы обнаружили, что остались без земли, они были насильно выселены с привычных мест обитания, а деревни были перестроены или вообще стерты с лица земли. Как может вести себя человек, когда обнаруживает, что его дом уже не принадлежит ему, он больше не может войти в него?

Важно, чтобы к палестинскому вопросу в мире отнеслись по-другому, а не так, как сейчас, потому что двойные стандарты не помогут. Ситуация в Палестине может выйти из-под контроля в любой момент, и тогда вновь разгорится кровопролитный конфликт. А самая мощная страна в мире абсолютно поддерживает Израиль, не задумываясь о том, насколько это справедливо. Почему? Это политика двойных стандартов, и она должна измениться. Сейчас, когда на Ближнем Востоке происходят перемены, мы призываем израильтян также скорректировать свою политику. Без решения палестинского вопроса у нас не будет спокойного мирного будущего. Поэтому я обращаюсь к участникам сегодняшней конференции с просьбой вместе со мной обратиться к Израилю с призывом пересмотреть свою политику в отношении Палестины. Мы не говорим о войне. Но если все останется по-прежнему, то проблема терроризма и насилия не найдет решения.

В Сирии терроризм действительно существует, но ситуация в стране в настоящее время не является его следствием, так же как и разрушение городов и потоки беженцев вызваны не только угрозой террора. Это результат неправильных политических решений по самым разным вопросам. На Ближнем Востоке происходят радикальные перемены. Прежний Ближний Восток уже не вернется. Нашим народам невозможно навязать тот или иной режим, но перемены нужны и они происходят, потому что время нельзя повернуть вспять. Однако правила игры необходимо менять, решения в рамках международного сообщества должны быть направлены на объединение и сотрудничество. И мы должны иметь возможность обращаться в Совет Безопасности ООН, открыто голосовать за те или иные резолюции. Борьба с терроризмом должна стать всеобщей задачей, а не стремлением только крупных держав обезвредить отдельные группы террористов.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Большое спасибо, господин Муса. Конечно, странам Ближнего Востока необходимы перемены, но, с моей точки зрения, главное, чтобы они не были навязаны извне, а все решения прини-

мались бы самими народами этих государств. Вы подняли очень важную тему финансирования терроризма. Борьба продолжается, удары по террористам наносятся, но проблема не исчезает. Финансирование уже приобретает такие формы, как контрабанда нефти с территории Сирии и Ирака. Идет торговля артефактами, что я видел лично, когда посетил музей в Пальмире: там со стен сняты все экспонаты и вывезены на аукционы или в частные коллекции. И так далее. Все это подпитывает терроризм.

Еще один важный вопрос затронул господин Росман: новые технологии рекрутирования террористов. Здесь две стороны — одни и те же средства используются и для борьбы с терроризмом, и для рекрутирования новых террористов. Не последнюю роль в этом играют средства массовой информации. Возможно, Виталий Товиевич Третьяков расскажет нам об этом. Пожалуйста, Виталий Товиевич.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Спасибо, Геннадий Михайлович. Обращаюсь в первую очередь к присутствующей здесь молодежи, которой в будущем предстоит работать в средствах массовой информации.

Выступление на публичной дискуссии сродни террористическому акту. Ты должен своим выступлением идеологически «убить» как можно больше оппонентов и вызвать максимальное потрясение в аудитории. В этом и проблема: современное общество с его массовой культурой идеально подходит для терроризма. Оно моментально отзывается на любую информацию подобного рода и игнорирует, как правило, информацию позитивную и нейтральную. Поэтому люди, работающие в средствах массовой информации, иногда готовы сами выдумать теракт, потому что это событие гораздо более привлекательно, чем какое-нибудь «обыденное» происшествие.

Как решать эту проблему? Прежде всего надо разработать стратегию информационной борьбы как против собственно терроризма, так и против того эффекта, который террористические акты оказывают на общество. Речь идет о решении вопроса, что можно цензурировать в средствах массовой информации, включая сетевые, а что бесполезно и бессмысленно. Этот вопрос необходимо тщательно изучать. Но я уверен, что, во-первых, этим никто не будет заниматься всерьез, хотя бы потому, что страны Запада, Россия и другие заинтересованные участники, если состоится фундаментальная дискуссия, не смогут договориться между собой. И мы будем жить с терроризмом в его нынешнем виде, по крайней мере, еще несколько десятилетий, потому что за меньший срок эту проблему не решить.

Во-вторых, надо определить, что именно цензурировать и запрещать. Вопрос, повторяю, весьма проблемный, дискуссионный и по нему очень трудно договориться. Но для меня совершенно очевидно, что по меньшей мере не нужно рекламировать террористов. Если ты не можешь не сообщить о самих терактах, то хотя бы не рассказывай о тех, кто их готовит, организует, обеспечивает идеологически и пр. Я как журналист, естественно, всегда выступаю за максимальную свободу слова и понимаю, что сейчас ее

практически невозможно ограничить. Но, на мой взгляд, недопустимо, чтобы журналисты брали интервью у террористов. Если обществу нужна информация о личности преступника, то ее должны давать только спецслужбы. Потому что любое интервью приведет к предсказуемому эффекту. Публика скажет: «А ведь у этого человека есть правда. Есть причины, по которым он это делает. Нужно над этим задуматься». Чем больше интервью, тем убедительнее будет террорист.

В-третьих, я считаю, что непременно надо наложить запрет на «тематическую» кинопродукцию. Иначе мы должны осознавать, что воспитываем фильмами, в первую очередь голливудскими, некоторое количество молодых людей таким образом, что они неминуемо рано или поздно совершат теракты. На любой почве — религиозной, социальной, националистической и т. д. Можно составить длинный список художественных кинолент, которые, независимо от намерений авторов, рекламировали терроризм — часто под видом разоблачения и борьбы с ним. Мы все знаем о реальных случаях угона самолетов и захвата заложников. Так вот, фильмов на эти сюжеты снято бесконечное количество, они популярны и приносят большие доходы, особенно если в них участвуют звезды. И в каком бы ключе ни подавался сюжет, любая из этих картин есть реклама террористического акта.

В-четвертых, как уже говорили коллеги, нельзя делить террористов на хороших и плохих. В первую очередь об этом должны договориться, наконец, Россия и Запад. Я бы начал с того, что рекомендовал бы Западу исключить Россию из списка главных угроз наравне с международным терроризмом. Если сравнить число публикаций в западных СМИ относительно того, какая плохая Россия, как она угрожает Западу в разных смыслах, и число публикаций об угрозе терроризма, то я уверен, что это будет сопоставимое количество материалов. Но это же неправда. Россия не может быть равновеликой угрозой хотя бы по исторической логике. Еще одна сторона этой фобии — негативный образ России как некоей опасной для мира страны. Этот образ имеет давнее происхождение. Даже царь Иван IV, который получил прозвище «Грозный», по-английски зовется «Ivan the Terrible», то есть «Ужасный», а слово «terrible» имеет тот же корень, что и «terror».

И еще два важных пункта. В странах Запада сегодня организуются частные армии, которые направляются в другие страны для борьбы с неким злом. Это террористы или нет? На мой взгляд, это легализованные террористические организации. Кто им — группе частных лиц — давал полномочия действовать с оружием на территории другой страны? За ними стоит государство, которое позволяет создавать такие фирмы, получать заказы и идти кого-то убивать. Тем не менее я считаю их террористами. Возможно и другое мнение, но взгляните на них глазами тех, кто на той территории сталкивается с частными армиями. Не есть ли это раскручивание терроризма?

Проблема терроризма очень серьезна, и простыми способами она не решается. Во многих странах организации и движения, которые начинали свою деятельность как террористические, впоследствии стали го-

сударственной властью. Об этом нечасто говорят, но все политики это знают. И, безусловно, знают историки. Даже большевиков, которые совершили переворот в 1917 году в России, многие до сих пор считают террористами. Говорят, что это была подпольная группа, которая захватила власть и потом террористическими методами руководила государством. Я не поддерживаю эту точку зрения и не оспариваю ее, а просто говорю о том, что есть такое мнение, и по ряду показателей оно обоснованно. В современном мире полно подобных примеров, особенно в Латинской Америке и на Ближнем Востоке. И у некоторых политиков возникает вопрос: сегодня они террористы, а завтра, как это часто бывало в истории, станут властью на этой территории. Сейчас мы с ними поссоримся, а потом это будет иметь негативные последствия для нас. Так стоит ли это делать?

В настоящее время эта проблема стоит и перед нашими дипломатами. Киевский режим утверждает, что ополченцы Донбасса и Новороссии — террористы. Правда, они борются с режимом на своей территории, а террористы — это, как правило, те, кто совершает свои страшные действия в другой стране. Но это отдельный вопрос. Как бы то ни было, здесь очень много интереснейших вопросов для серьезной дискуссии.

И последнее. Я хотел бы предложить Университету организовать для студентов политическую ролевую игру. Допустим, проблема Донбасса: ДНР, ЛНР, представители Киева. Одни говорят, что ведется борьба за свободу и независимость, другие утверждают, что в Донбассе воюют террористы. Обе стороны приводят аргументы, а потом обсуждение. На мой взгляд, это было бы не менее полезно, чем иные лекции на тему о терроризме и борьбе с ним.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Спасибо большое, Виталий Товиевич, за интересные мысли. Думаю, последнее Ваше предложение руководство Университета возьмет на заметку. Что касается оценок цензуры в СМИ, то я во многом разделяю Ваши соображения, хотя, как Вы сами сказали, возможно и другое мнение, особенно среди журналистов и работников СМИ.

Сейчас я хотел бы предложить выступить представителю Ирана господину Санаи. Пожалуйста, господин посол.

М. САНАИ: — Весь мир понимает, что терроризм — это огромная проблема для международного сообщества. Я сделаю акцент на нескольких моментах. Когда начались революции в арабских странах (так называемая «арабская весна»), мы наблюдали очевидную и уже привычную реакцию со стороны Запада. Революция в Египте получила поддержку, в Тунисе тоже, а в Бахрейне и Йемене — нет. В разных странах по-разному. Известный писатель Джозеф Най тогда сказал, что, видимо, до сих пор во внешней политике отдается приоритет национальным интересам, а не правам человека и не демократии. И действительно, страны Запада во внешней политике руководствуются в первую очередь национальными интересами. Большую проблему представляет то, что между предпочтением

глобальных и национальных интересов нет четкой грани. Но если все страны будут действовать на международной арене исходя из своих национальных интересов, то каждая станет толковать одни и те же события по-своему, и тогда будет невозможно ни о чем договориться.

Но нельзя игнорировать тот факт, что терроризм — проблема общемировая. Если возникает конфликт на Ближнем Востоке, то его невозможно ограничить какой-то территорией. Мир сегодня таков, что если есть опасность в одной точке, то она угрожает всем.

Терроризм везде имеет одни и те же корни. Это нищета, в которой до сих пор живут большие группы населения, слабая экономика многих стран, несправедливость, проблемы в образовании, в том числе религиозном. Двойные стандарты, которые сводят на нет легитимность международного права, вызывают сильное недовольство многих народов.

Коллега Муса затронул очень важную тему Палестины. На Ближнем Востоке эта проблема волнует многих. Сегодня мировоззрение мусульман во многом базируется на факте оккупации Палестины. Причем оккупация переходит в агрессию, но весь мир молчит, в том числе и Запад, хотя в последние годы погибло много людей, среди жертв были и дети. Об этом говорили и писали средства массовой информации, но никто не хочет решать этот вопрос. Так что пока вопрос несправедливости и проблем Палестины не решается. Агрессия со стороны Израиля — подспорье террористов, потому что обычная молодежь в мусульманских странах уже не слушает своих учителей, умеренных муфтиев и шейхов, и все больше подвержена экстремистским настроениям.

Сегодня терроризм обусловлен и новыми явлениями. В последние 20 лет интенсивно идут два процесса: общий для всех — глобализация, но одновременно во многих странах еще и процесс создания государства-нации. Получилось так, что некоторые страны испытывают двойное давление, и именно в этих странах зарождаются экстремистские движения. Все это корни терроризма.

Но в качестве прямой причины террористических актов я могу назвать вмешательство Запада. Мы должны открыто сказать, что страны Запада, особенно Америка, вмешиваются в дела региона, который не знают, и это усугубляет проблемы. К чему привели их действия в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии? Что бы они ни делали, проблемы только обостряются, а положительных результатов нет никаких.

Региональные проблемы должны решать государства, входящие в этот регион. Но здесь возникает другая проблема — ослабление института государства-нации. На Ближнем Востоке несколько лет назад были очень сильны институты национальных государств, они в том числе контролировали растущее недовольство со стороны молодежи. Сейчас таких государств нет.

В персидском языке есть выражение: «Если чужой человек возьмет на руки ребенка, который кричит и плачет, то он еще больше закричит и заплачет. Старикам советуют в этом случае оставить ребенка, и он не будет больше плакать и кричать».

Так сегодня в современном мире решается проблема терроризма — ее предпочитают оставить в стороне. Однако необходимо выработать единый подход, как справедливо отметил господин Гатиллов. Все должны (и это официальная позиция Ирана) объединить усилия и применять единый подход в борьбе с терроризмом. Нужно прекратить поддержку террористов, потому что они до сих пор ее получают, хотя по телевидению и официально их все обвиняют. То есть проблема терроризма, по сути, не решается.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Колину Мойнихену.

К. МОЙНИХЕН: — Я на личном опыте знаю, что такое терроризм. 12 октября 1984 года после встречи с коллегами в гранд-отеле «Брайтон» мы вышли из гостиницы на улицу, где взорвалась бомба. В тот день я потерял много соратников. С тех пор террористические угрозы преследуют меня всю политическую жизнь.

История терроризма насчитывает много лет. В частности, вопрос о независимости Ирландии от Великобритании подпитывал терроризм. В начале XX века были убиты русский царь, король Югославии и испанский премьер-министр. Это было начало международного права, которое действует и сегодня. По моему мнению, не существует разделения между хорошим и плохим терроризмом. Проблему террористической угрозы необходимо решать, основываясь на международном праве. К сожалению, использование насилия еще не определено его нормами. Необходимо выстроить международное право таким образом, чтобы не допустить иного отношения. Мы до сих пор не наладили настоящего сотрудничества, а иного способа борьбы с терроризмом не существует.

На Западе слишком много внимания уделяется тому, чтобы победить в войне, но не добиться мира, не завоевывать умы и сердца людей. Так было в Афганистане и во многих других странах. Возможно, так было и в Советском Союзе, когда его войска вошли в Афганистан.

Нужно изучать причины терроризма, как мы в свое время поступили с Северной Ирландией, найти способы примирения, решения этой проблемы. Это важно для тех, кто страдает от терроризма. Примирение необходимо. Невозможно завоевать мир без идеологической борьбы, например в Сирии, основываясь лишь на воздушных бомбардировках. Только в том случае, если мы будем сотрудничать с местным населением, можно достичь настоящего мира. Я считаю, что нам нужно отказаться от стремления добиться победы в войне.

СМИ, современные средства, технологии используются для проведения высокоэффективных кампаний. Мы не видим прямого воздействия глобализации на терроризм. Но существуют глобальные средства, которые могут использоваться террористами для пропаганды своего дела. Поэтому я разделяю ту ответственность, которую несут СМИ. И пока на этот факт Запад также не обращал особого внимания.

В заключение отмечу, что правильным ответом на акты терроризма, которые происходят в разных странах, будет формирование законодательных норм, которые не будут нарушать личную свободу и права людей. Политики должны провести разделительную черту между личной свободой и вызовами, которые бросают террористы. Это важный вопрос, который необходимо постоянно отслеживать политикам всего мира, чтобы укреплять международную правовую систему, делать ее более справедливой. Помощь в решении различных проблем возможна, если мы будем сотрудничать с местным населением и завоевывать умы людей.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Слово предоставляется господину Габриэлю Галису.

Г. ГАЛИС: — Я разделяю мнения, которые только что были высказаны. Но, к сожалению, не был отмечен ряд моментов.

Является ли терроризм сегодня главной опасностью? Этот вопрос, пожалуй, заслуживает более продолжительных дебатов. В книге «Война без границ», посвященной Китаю, речь идет о том, что в XXI веке терроризм связан с угрозами, а в предыдущих мировых войнах велись военные действия. Террористы финансируются различными пособниками. Часто их финансируют США, некоторые арабские страны, но не только великие державы мира пособничают войнам джихада.

Существует рынок насилия. Террористические группы продают и покупают — так они зарабатывают деньги.

Нельзя забывать о подноготной той картины, которую мы наблюдаем. Мы должны понимать, что предпринимаются антитеррористические действия. Необходимо, чтобы политики делали то, что уже назрело.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Господин Дуткевич, Вам слово.

П. ДУТКЕВИЧ: — В 1979 году Сэмюэль Хантингтон написал статью, в которой заключил, что глобализация приводит к универсализации норм и ценностей и порождает реакцию. Это в основном проявляется в том, что появляются двойные стандарты как реакция на универсализацию. Слабые страны будут защищаться другими способами. Двойные стандарты — это новая норма.

По моему мнению, нужно создавать нормативную систему, с которой согласятся все. А пока в международном праве отсутствует такой термин, как терроризм. До сих пор нельзя было посадить в тюрьму за терроризм. Пока не будет единого понимания термина «терроризм» в международном праве, мы будем бороться с этим явлением неформальными и почти нелегальными способами.

Современный терроризм — это проблема распределения или соотношения власти и силы. Пока есть сильные, которые могут принуждать других к определенным действиям, будут и слабые, которые будут использовать другие методы сопротивления. Это про-

блема не глобализации, а соотношения сил в международных отношениях. В экономике употребляется термин «аутсорсинг», когда полномочия передаются другим фирмам, компаниям в других странах. Терроризм предполагает аутсорсинг: его представители дешевым, неадекватным, асимметричным способом создают больше проблем, чем могут решить сами. Аутсорсинг проблем связан с проблемой неравенства в глобальном масштабе.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Интересный подход к терроризму как к аутсорсингу. Слово предоставляется Алексею Анатольевичу Громыко.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Лорд Мойнихен вспомнил эпизод из личной жизни, когда он пережил террористическую атаку. Я хочу вспомнить один эпизод, который можно трактовать как влияние на мою жизнь со стороны потенциального терроризма. В начале 1970-х годов мой отец работал в советском посольстве в Вашингтоне. В посольство стали приходить письма с угрозами от украинских ультранационалистов, которые после Второй мировой войны проживали в США, о похищении сына, то есть меня. В результате семья была вынуждена уехать из Вашингтона, и мы продолжили нашу жизнь уже в другой столице в Европе. То есть мы говорим о явлении, с которым Европа, США и другие страны мира сталкивались не только в последние годы, но и в предыдущие десятилетия.

Терроризму, если его не сужать до узких определений, столько же веков, сколько и истории человеческой цивилизации. Но раньше мы в основном говорили о различных проявлениях внутринационального терроризма, как, например, в Испании или Великобритании, на Корсике или в Южном Тироле, но не о международном терроризме. Это достаточно новое явление, которому не более 15–20 лет. Этот тип терроризма не связан с борьбой внутри государства, с борьбой радикальных элементов с государством, с национально-освободительной борьбой. У него иная природа, когда террор осуществляется не государствами против отдельных личностей, их категорий или других государств, и не террористическими организациями против конкретных стран. Борьба идет против определенной системы ценностей, образа жизни, идентификации, наконец, против цивилизации.

Для международного терроризма неважно, с какой страной вести борьбу, главное, чтобы человек воспринимал мир в дихотомии «черное–белое». Для международного терроризма 99 % мира окрашено в черную краску. В этом причина того, что международный терроризм, в отличие от терроризма басков или Ирландской республиканской армии, нельзя победить военным путем. Военным путем можно подавить наиболее яркие его проявления. Но главная опасность заключается в том, что идеология международного терроризма сидит глубоко в головах нескольких десятков, даже сотен тысяч людей по всему миру. Это можно назвать доктринерством или варварством — как хотите, но многие верят в то, что делают, и стреляют в людей далеко не только за деньги, как не за день-

ги (по крайней мере для себя лично) превращаются в живые бомбы.

В чем корни терроризма? Дело не только в том, что кто-то беден, а кто-то богат, хотя это тоже важно. В данном явлении смешались причины внутренние и внешние. Международный терроризм так же неизбежен, как и сама глобализация, потому что по какой бы модели глобализация ни следовала, она ведет к диспаритетам. Там, где, например, социальное неравенство превышает определенные пределы, всегда найдутся люди, готовые за некую идею вести борьбу, в том числе террористическими способами. Но в масштабе международного терроризма «виноваты» примерно в равной степени как внешние причины, так и внутренние.

Во многом то, что сейчас происходит в мире, — это рукотворное явление, а не объективный процесс. На Западе распространено то, что в английском языке называется “state of denial” (отрицание очевидного). Там мало кто из политиков готов признать, что внешняя политика многих европейских стран и США послужила одной из причин того, почему международный терроризм принял такие масштабы и формы.

Победить эту болезнь ни одна страна мира в одиночку не сможет. В ближайшие годы этого, к сожалению, не случится. Во-первых, потому что для большинства ведущих стран мира (назовем их странами «ядра») международный терроризм не превратился в экзистенциальную угрозу. Они считают, что в их системе приоритетов и рисков международный терроризм опасен, но все-таки стоит не на первом месте, как бы декларативно о его опасности ни сокрушались.

Во-вторых, очаги международного терроризма расположены далеко от большинства стран «ядра». Сейчас костяк международного терроризма составляет примерно 30–40 тыс. человек, которые сконцентрированы в пяти странах: Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии и Йемене. Для США в этом смысле международный терроризм — опасное проявление, но все же сконцентрированное на другой части планеты. В этом смысле и дальше одни страны будут больше заинтересованы в борьбе с международным терроризмом, а другие — меньше. Поэтому терроризм, к сожалению, будет еще долго нести миру беды. Речь идет о том, будет ли это явление разрастаться или мировое сообщество сможет взять его под контроль.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Пожалуйста, задавайте вопросы.

Р. И. НИГМАТУЛИН, директор Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук (вопрос из зала): — Допустим, господин Х украл миллиард долларов в России, обездолив многих граждан (которые отдали деньги, допустим, на строительство жилья), потом уехал в Лондон, где купил себе дворец, и умер. Его имущество перешло к сыну. Суд на родине постановил, что деньги должны быть возвращены. Великобритания отказывается сотрудничать по этому вопросу. Справедливо это или нет?

К. МОЙНИХЕН: — Я не готов отвечать на вопрос о гипотетическом мистере X, но Вы затронули актуальную тему отмыwania денег. Сейчас многие согласны с тем, что это серьезная проблема международного уровня. Тот факт, что мы сейчас отслеживаем денежные потоки, международное «отмывание» денег, способствует сокращению финансовых преступлений и международного террора.

Ш. АЗИЗ: — В этой аудитории я, пожалуй, единственный, кто стал жертвой атаки террористов: на меня напали боевики «Аль-Каиды», и я едва успел спастись. Корни терроризма необходимо исследовать. Сложность заключается в том, что мир рассматривает терроризм как проблему безопасности, а на самом деле эта проблема заключена в сердцах и умах. Мы никогда не сможем побороть терроризм, если будем бороться с симптомами, а не с причинами. Причины терроризма — лишение имущества, денег, работы, разрешение споров, прав. Поскольку причины терроризма — в сердцах и умах, мы никогда не искореним его, остается лишь произносить красивые речи.

Люди используют терроризм в геополитических целях и для решения собственных проблем — против оппонентов. Решить проблему терроризма возможно, только если будет жесткое решительное руководство.

А. САДЖАНХАР: — Сегодня много говорилось о необходимости господства международного права. Кто-то из ораторов сказал, что до сих пор нет определения терроризма. Организация Объединенных Наций приняла конвенцию по международному терроризму. Сегодня высказывается даже мнение, что бывают хорошие и плохие террористы. Почему бы не посмотреть на результаты террора и истоки терроризма? Мы сетуем на то, что сегодня нет международного закона. Если бы мы не предпринимали действий против преступности, отмыwania денег, то не приняли бы конвенцию ООН о противоборстве финансированию терроризма.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Действительно, определения терроризма нет, потому что существуют националь-

но-освободительные движения, которые согласно этому определению могут быть причислены к террористическим (но не все страны с этим согласны). То, что невозможно заключить всеобъемлющую конвенцию по терроризму, не означает, что у нас нет других инструментов в борьбе с этим явлением. Существует порядка 16 других конвенций ООН, которые затрагивают практически все аспекты борьбы с терроризмом. Кроме того, есть всеобъемлющая контртеррористическая стратегия ООН, принятая в 2004 году, в которой обозначены все задачи борьбы международного сообщества с терроризмом, в том числе и те, о которых говорил наш пакистанский коллега. Корни терроризма — в образовании, подходах к воспитанию и т. д. Сейчас главная задача — чтобы все, что записано, исполнялось на деле. К сожалению, пока этого нет, очевидно, к этому нужно стремиться.

Г. ГАЛИС: — Мы обсуждали проблему терроризма, но не упомянули о неэффективности терроризма. Господин Азиз рассказал, что террористы охотились на него, но не смогли убить. Значит, терроризм неэффективен.

Г. М. ГАТИЛОВ: — Все, что было сказано в рамках дискуссии, сводится к тому, что необходимо, несмотря на то что есть недостатки, двигаться вперед. Террористическая проблема затрагивает много сторон и охватывает много аспектов, в том числе средства массовой информации, новые технологии и т. д. Дискуссия, которая сегодня состоялась, не дает ответа на вопросы, связанные с борьбой с терроризмом, но по крайней мере помогает понять то, в каком направлении нужно двигаться.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемый Геннадий Михайлович, уважаемые коллеги! Я хочу поблагодарить вас за выступления. Все, что здесь сегодня было сказано, будет использовано в дальнейшей работе по искоренению мирового терроризма. Конечно, не хотелось бы еще долгие годы жить при такой угрозе.

Панельная дискуссия НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

20 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (<i>модератор</i>)
С. Ю. ГЛАЗЬЕВ	академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента РФ В. В. Путина
Р. С. ГРИНБЕРГ	директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Д. К. ГЭЛБРЕЙТ	профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (США)
Б. ДЕГАРДЕН	генеральный директор “Banque Eric Sturdza SA” (Женева, Швейцария)
Г. В. КОЛОДКО	вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
М. А. МОРАТИНОС	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — За последние 20 лет в ходе многочисленных дискуссий мы здесь пришли, по-моему, к общему пониманию и мнениям относительно экономики. Нам чрезвычайно важно видеть экономику в контексте общего развития, в котором она представляет собой одну из подсистем культуры наряду с правом, политической подсистемой, комплексом нравственных и этических понятий, менталитетом. Та модель экономического развития, которая вместе с некоторыми историческими особенностями позволила Соединенным Штатам Америки сделать блестящий экономический рывок и стать лидерами неолиберальной экономики, возможно, подходит к завершению. Для нас это чрезвычайно важно, поскольку весь мир в первую очередь сравнивает себя с Соединенными Штатами как с экономическим лидером. Эта модель техногенного развития, как определяет ее Вячеслав Семенович Степин, исчерпывает себя, и в мире идет широкий поиск новых моделей. При этом необходимо учитывать опыт Китая, Европейского Союза, Японии и другие варианты построения экономических систем. Главное для нас — понять, куда мы идем. Движемся ли мы к изменению капитализма, дополнению его социализмом? Как дальше будет развиваться этот извечный спор двух систем? Какова будет судьба теории конвергенции?

Нас также интересует, какова роль национального фактора в развитии экономик. В последнее время рассматривается тезис, что каждая страна должна отобрать от капитализма и социализма лучшее для себя сообразно национальным традициям и тому, как те или иные черты разных экономических моделей сочетаются с национальной культурой, менталитетом и уже сложившимися экономическими реалиями.

Придем ли мы к унификации экономики в мире, будут ли все жить по одинаковым правилам? Может ли быть так, что для всех стран окажутся применимы некие универсальные стандарты? Если наблюдается разнообразие в социальной сфере (например, в одной стране можно иметь четырех жен, в другой только одну, а в третьей требуют уравнивать в правах традиционные и однополые браки), то возможна ли в принципе унификация экономических законов и процессов?

И, конечно, важный вопрос для нас: что происходит в России? Целый ряд ученых придерживается точки зрения, что сейчас при определении государственной экономической политики доминирует некое шарлатанство. Государство в постсоветский период отказалось от того, чтобы следовать рекомендациям академической науки, и наряду с институтами Академии наук создало институты, мягко выражаясь, сомнительной

научности. И именно на них при принятии решений в первую очередь опираются Правительство Российской Федерации, Центробанк и другие экономические ведомства. Эта лженаука слепо копирует то, что происходит в других странах, но, возможно, к экономическому развитию России надо подходить совершенно иначе. Это серьезный вопрос.

Предлагаю Александру Дмитриевичу Некипелову высказаться первым. Прошу Вас.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, хотел бы привлечь внимание к тому, что в области социальных наук мы нередко оперируем понятиями, которые до конца не определили. Что такое глобализация? Как она соотносится с формированием единой, однородной экономической системы во всем мире? Это одно и то же или нет? Мы не обсуждаем это, а говорим о частных следствиях. Если определять процесс глобализации именно таким образом, то естественными точками опоры будут два следующих обстоятельства: в рыночной экономике основными ее экономическими участниками являются отдельные фирмы, люди, производители и потребители, а развитие средств коммуникации, транспорта, цифровых технологий подталкивает к невиданному усилению технологической взаимозависимости национальных хозяйств. Но почему тогда постоянно возникают препятствия, мешающие распространить такую однородную рыночную модель на мир в целом, почему постоянно возникают межгосударственные противоречия? Обычно мы ссылаемся на государственные интересы, но понимаем ли мы до конца их природу? Боюсь, что нет: мы просто исходим из того, что страны преследуют некие цели, у них есть традиции, которые проходят через всю их историю. Но структура мирового хозяйства очень сложна: в нем действуют фирмы, потребители, транснациональные корпорации — удивительные образования, в которых международные связи являются одновременно частью их внутрифирменных отношений — национальных государств. Действуют, наконец, всевозможные договоренности в международной сфере, формирующие институционально-правовую среду, межгосударственные и надгосударственные институты, в основном в крупных региональных объединениях. В связи с этим возникает много вопросов. Например, само формирование крупных региональных объединений — это часть процесса глобализации, так как структура мировой экономики укрупняется, становится более глобальной? Или это, наоборот, проявление новых разделительных линий, и в этом смысле некий откат в новых исторических условиях от процесса интернационализации экономической жизни?

Сегодня мировая экономика развивается в рамках сложной системы. В ней действуют участники с разными устремлениями, которые к тому же не всегда могут точно определить свои цели. Эта ситуация вызывает дискомфорт у специалистов в области естественных наук. Роберт Искандерович Нигматулин, выдающийся математик, даже призывал нас к радикальному решению этого вопроса при помощи инженеров. Я был бы

очень рад, если бы это было возможно, но боюсь, что события будут развиваться иначе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Дмитриевич, Вы говорите, что участники экономического процесса имеют разные ожидания. Но хочу напомнить, что российский экономический курс критикуют люди, для которых экономика вообще не главное. Многие считают, что в России сформирована совершенно неправильная парадигма. После многих столетий развития цивилизации экономисты почти отказались от гуманитарных ценностей, необходимости учитывать интересы других. От того, что было раньше, и в первую очередь в западной экономике, в европейской протестантской этике. Теперь же нравственность отброшена, причем на всех уровнях, побеждает сильнейший, законы можно не исполнять. На международной арене правительства снова, как это уже неоднократно было, выступают субъектами, которые устраивают войны в целях победы тех или иных экономических групп. У людей, которые не обязательно мечтают быть очень богатыми, но хотят жить в цивилизованном обществе, заниматься культурой, наукой, искусством, обучением детей, возникает вопрос: почему мы опять возвращаемся к уродливому типу экономики, навязывающему всем представление о том, что деньги в жизни — главное? Скоро иссякнут все полезные ископаемые — и ради чего мы до этого доводим? Чтобы все потребляли как можно больше, ели по три котлеты на обед, чтобы у кого-то вздувались денежные «мыльные пузыри»? Поэтому встает вопрос о том, что нужна новая экономическая парадигма. Возможна ли она?

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Александр Сергеевич, даже когда мы говорим о рыночной экономике, то не должны забывать, что в ее основе лежат определенные ценности. «Экономический человек Адама Смита» — это человек, у которого есть ценности. Другое дело, нравятся ли они нам.

Что касается альтернативной модели хозяйственного устройства, то я глубоко убежден (и пытаюсь это в различных исследованиях обосновать), что никакой оптимальной, годной во все времена модели не существует — именно потому, что нет однозначного решения проблемы социального выбора. Эти решения формулируются в каждый исторический отрезок времени и связаны в том числе с правилами игры, которые признают справедливыми члены социума. Насколько я знаю, коллеги Гжегож Колодко и Джеймс Гэлбрейт разделяют этот подход. Гжегож рассматривает его с позиции «нового прагматизма», и это действительно тот подход, которому мы на практике все с большим или меньшим успехом следуем. Это не означает, что абстрактные теоретические исследования не нужны. Они позволяют понять очень многое, для начала то, чем объект общественных дисциплин отличается от естественно-научных объектов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дискуссию продолжит господин Гэлбрейт.

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Я хотел бы напрямую ответить на ряд вопросов, которые были поставлены Алек-

сандром Сергеевичем. Конечная цель рыночной экономики — вовсе не создание полностью однородного пространства. Речь идет о том, чтобы выстроить определенную иерархию людей и капиталов на основе повышения жизненных стандартов, достижений техники, финансирования. Предпринимались также попытки дегуманизации на основе военной силы. Я не думаю, что это возможно, поскольку система, которая развивается, будет в таком виде неприемлема для большей части человечества и не сможет устойчиво развиваться. Региональные системы интеграции также вызывают вопросы в связи с глобализацией.

Что касается самого наглядного примера, который сейчас представляет Европа, эта система изначально была рассчитана на то, чтобы обеспечить политическую стабильность на длительный период. Но сейчас мы видим, что она стала инструментом для того, чтобы навязывать определенную идеологию и экономические догмы. В результате Европейский Союз и еврозона превратились в неустойчивые с экономической точки зрения регионы, где не меняются политики, идеи, институты. Тем не менее я уверен, что в Европе грядут перемены, которые отразятся и на России. Здесь много экономических проблем, но основная — общая нестабильность капитального финансирования. И это не новость. Мы знаем, к чему это привело в 1920-х годах. В то время экономики стран были локализованы, и их развитие не было синхронным. Глобальная экономика возможна только в глобальных масштабах. Это означает, что сила финансирования вмешивается в процесс, в котором задействованы самые разные участники, включая регуляторов, которые должны обеспечивать соблюдение определенных норм. Пока это не достигнуто, возможно продолжение и даже усиление кризиса. Поэтому мы можем сказать, что основные проблемы с точки зрения вызовов для национальной экономики связаны с нехваткой финансирования.

К сожалению, современная экономика — это по сути не наука, и если сейчас и используются те или иные теории, то они не являются актуальными. Поэтому было бы очень полезно, если бы были разработаны новые теории, и только потом можно было бы переходить к практическим мерам.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Джеймс, сейчас часто высказывается мнение, в том числе и в американских экономических журналах, что американская экономическая модель, которую долгое время все воспринимали как идеальную, утратила свой динамизм. Даниил Александрович Гранин высказал, на мой взгляд, классическую либеральную идею: хочу, чтобы государства было как можно меньше, а человека было как можно больше. Но мы видим, какой интерес вызывает, например, экономика Китая, несмотря на возникшие в последнее время проблемы, и другие азиатские модели. Многие экономисты говорят, что надо возвращать государственное регулирование, и даже в самих Соединенных Штатах оно сегодня очень сильно. Вопрос только в том, чтобы оно было квалифицированным и направленным на пользу экономики в целом.

И второй вопрос, который волнует многих. В сфере, скажем так, идей Соединенные Штаты активно продвигают свое понимание свобод и других ценностей. Но в рамках этого понимания главной ценностью считаются деньги. Это действительно так или на самом деле американская мысль видит доминирующую роль каких-то других ценностей наряду с материальными? Как Вы это видите, так сказать, изнутри?

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Мы можем вспомнить о том, как обстояли дела до эпохи Рональда Рейгана. Конечно, успехи экономики США в период после 1933 года были основаны на «новом курсе», который способствовал развитию государства. Джонсон продолжил эту тенденцию строительства общества. Возникали важные институты, такие как социальное обеспечение, инфраструктурные инвестиции. Сегодня они продолжают служить фундаментом развития экономики США. И есть также успешные регулятивные инициативы, которые касаются использования технологий.

Понятно, что по сравнению с XVIII–XIX веками многое изменилось. Я утверждаю, что успех развитых экономических стран состоит в том, что у них есть эффективно работающая регулятивная система, которая позволяет людям быть уверенными в экономическом прогрессе. Дело не в образовании — оно в основном доступно широким массам. Очень важно, чтобы использовались передовые производственные технологии. Вопрос не только в том, чтобы иметь порты и железные дороги, гораздо важнее, чтобы действовали соответствующие нормы и законы, которые обеспечивают высокие жизненные стандарты. Известно, что в социалистических странах качество производимой продукции оставляло желать лучшего. И в Китае в 1990-х годах, несмотря на бурный рост, проблемы с качеством были не по причине чрезмерного навязывания воли государства, а, напротив, из-за невмешательства государства и отсутствия необходимых норм регулирования. Таким образом, свободный рынок сам по себе не гарантирует экономического роста, это иллюзия. Он может стимулировать развитие тех отраслей, которые сеют разрушения, и наоборот, не поддерживать жизненно важные сферы. И здесь, повторю, корень проблемы лежит в финансовом секторе. Без выверенных законодательных норм, которые будут способствовать развитию экономики, финансовые инструменты не будут действовать, а «естественный» ход событий может привести к разрушению. Соединенные Штаты преодолели эти проблемы в свое время, сегодня, с начала XXI века, с ними сталкивается Европа. Это касается, в частности, налогообложения транснациональных компаний. В данной ситуации трудно прогнозировать, как будет дальше развиваться ситуация.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Сейчас выступит господин Колодко. Напомню, что Польша, где он на протяжении ряда лет занимал ключевые позиции в финансово-экономической сфере, намного раньше России начала рыночные реформы. Поэтому будет очень интересно узнать точку зрения господина Колодко по обсуждаемым вопросам.

Г. В. КОЛОДКО: — Я здесь выступаю не как политик, а как ученый, поэтому не стоит на меня ссылаться как на вице-премьера и министра финансов. Меня пригласили работать в правительство, потому что я хороший экономист. Несмотря на то что политический шлейф тянется за мной всю жизнь, я считаю, что мне повезло, потому что я могу заниматься экономикой как наукой.

Польша доказала, что в стране, находящейся в центре Европы, в эпоху глобализации можно построить нормальную рыночную экономику, которая в большой степени будет ориентирована на человека.

Академик Некипелов сказал, что не существует согласованного определения глобализации. На мой взгляд, таких определений много, в том числе предложенный московскими экономистами (которые не всегда понимают то, о чем говорят). Например, бытуют странные термины «мировая глобализация» или «глобализация мировой экономики» — это тавтология. Главное здесь — слово «экономика» (движение рабочей силы, денег, капитала), а не «глобальный». Вокруг глобализации вращаются культура, экономика, безопасность. Глобализация — исторический, спонтанно протекающий открытый процесс. Либерализация и интеграция могут происходить, одинаково интегрируя местные и мировые рынки в единую глобальную взаимосвязанную, взаимозависимую систему.

Глобализация — необратимый процесс. Она может не нравиться нам, но мы не можем ее остановить, поэтому нам придется к ней приспособиться, в том числе используя знания экономической науки. Я выступаю против экономических утопий. Мы хотели построить рыночную экономику в Польше, России, Швейцарии и так далее, но рыночной экономики не может быть без капитализма. Сегодня капитализм распространен везде, а мы говорим о нем так, как будто речь идет о конце истории. Но это не так. До сих пор возникают конфликты интересов, которым мы должны положить конец.

В моем институте «TIGER» (сокращение от слов «трансформация», «глобализация», «экономика» и «развитие») говорят о глобализации, капитализме с человеческим лицом. Эти слова можно использовать как лозунг, но ни в коем случае не как термин. Поэтому не следует стремиться к утопии — глобализации с человеческим лицом. Конкретные страны (Россия или Польша, Индия или Пакистан) в мировом масштабе должны проявлять человеческое лицо, а именно социальную заботу об обществе, развитии социальных институтов, удовлетворении социальных нужд, развитию «зеленой» экономики. Россия во времена Ельцина пошла по пути неолиберализма и из этого ничего не получилось. Польша пережила шоковую терапию в 1990-е годы. Можно довести явление до определенной степени, но конца этой борьбе не предвидится.

Очевидно, что Китай не будет господствовать в мире. В Китае построен такой же капитализм, как и везде, основанный на различных ценностях, которые вызывают конфликты. Но именно в их решение экономика должна внести свой вклад. Как сделать мир менее иррациональным? В мире существует столько противоречий, что необходимо перепоручить компьютеру най-

ти разумное начало в том, что делают люди. Экономисты занимаются тем же, чем и все человечество: они намеренно или ненамеренно пропагандируют тот или иной курс (иногда плохой, иногда хороший).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Господин Колодко, Вы выступаете на нашем форуме не как политик, а как выдающийся экономист, книги которого хорошо известны в России. Просто Вы один из немногих экономистов, кто имел возможность существенную часть своих экономических воззрений внедрить на практике.

Позволю себе маленькое замечание по поводу глобализации. Сейчас многим ученым, в частности культурологам, все представляется не таким однозначным. Когда мы смотрим на то, что происходит в мире, судьба глобализации не кажется такой безоблачной и неотвратимой.

Первый пример — тенденция дезинтеграции Евросоюза, которая реализуется вопреки глобализации. Второй пример — развитие Азии. На Лихачевских чтениях прозвучало несколько интересных докладов специалистов из Азии. В частности, они отмечали, что их не устраивает модель глобализации по образцу Запада и что они будут реализовать свою модель глобализации. Третий пример — Россия, в которой экономика в ряде случаев вообще не выходит на первое место. В России многие сегодня высказываются в том плане, что мы не будем не только есть швейцарский и французский сыры, потреблять западные товары, но и вступать в процесс глобализации по правилам, которые диктует нам Запад.

Господин Колодко, в начале своего выступления Вы сказали очень интересную фразу, что в период Вашего руководства Польшей были достигнуты большие успехи, активно развивалась экономика. На Ваш взгляд, в чем заключается урок Польши, осуществившей успешный переход от социализма к капитализму? Господин Алексащенко, который 25 лет назад был крупным руководителем в банковской системе, подробно анализировал проблемы перехода от социализма к капитализму и пришел к выводу, что нет прецедентов подобной практики. Венгрия, как и Польша, попыталась перейти от социализма к капитализму и достигла чуть большего, чем Россия. Что делать России?

Г. В. КОЛОДКО: — В конце социалистического периода (времени, о котором в Польше говорят как о коммунизме, хотя коммунизма в нашей стране никогда не было), 27 лет назад, мы обрели независимость и свободу. Сколько я себя помню, мы всегда жили в свободной стране. Чего мы добились? У нас была неолиберальная экономика под руководством коррумпированного финансового сектора. Сейчас озвучивается иная история, например Бальцеревич написал статью в «Wall Street Journal», в которой отметил, что к власти пришло правительство национального уничтожения.

Для преодоления негативных тенденций прежде всего необходимо грамотное руководство, лидеры. Наш коллега из Пакистана господин Азиз сказал, что без лидера не будет движения. Но лидеры могут ошибаться (как Мубарак, Каддафи, Мао Цзэдун, которые

тоже были лидерами). Нужен просвещенный лидер, который понимает, что такое прогресс и глобализация. Мы можем предпочитать российский сыр швейцарскому, но таким образом мы не сделаем российский сыр лучше.

Польша должна иметь свое видение, программу. Это не программа или план Колодко, а стратегическая программа, то есть стратегия устойчивого долгосрочного развития и интеграции с Европейским Союзом, потому что мы являемся частью Европы, а не Юго-Восточной Азии или Латинской Америки.

Нормальная экономическая теория заложила основы устойчивого длительного стратегического развития Польши. Мы учим своих студентов тому, что жадность не есть благо. Я вижу свою работу в обеспечении прогресса, движения в будущее на основе ценностей. Речь идет о ценностях, а не о деньгах. На этом пути будут и успехи, и неудачи.

Западная пресса (газеты, журналы, такие как "Economical", "Financial Times") считает, что Венгрия и Польша — по-прежнему самые успешные страны в Центральной Европе. Положение в Польше сейчас лучше, чем на Украине, но не лучше, чем в России. Китай находится в более выгодном положении, чем Россия. Сейчас Россия потерпела неудачу в развитии глобализации, по-видимому, неправильно отнеслась к этому явлению, в отличие от Китая, который выиграл в ходе глобализации. Возможно, глобализация еще полностью не оформилась в России, является неустойчивой, кроме того, неправильная политика мешает идти по правильному пути. Здесь еще не раз будут возникать конфликты интересов, и мы должны извлекать уроки как из успехов, так и из неудач.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется господину Дегардену.

Б. ДЕГАРДЕН: — Я думаю, что в результате процесса глобализации не создается модель развития мировой экономики. Дело в том, что мир плоский, у каждой страны — свои мерила успеха, свои пути его достижения, и глобализация сама определяет пути своего развития. В Европе нельзя сравнивать немецкую, французскую или итальянскую модели. Италия не может стать Германией, чтобы улучшить свое экономическое положение. В Азии капитализм в Китае оказался самым успешным. Еще в 1994 году на Китай приходилось всего 2 % мирового ВВП, а сейчас — 13 %. Если раньше Китай давал 3 % мирового экспорта, то сегодня — 18 %. И на этом пути Индия вряд ли догонит Китай, хотя у нее есть свои преимущества, а у Китая — ограничения (стране сложно инвестировать 50 % ВВП в идеи развития, а в последние годы Китай занимался именно этим). То есть единой экономической модели не существует.

Если говорить о региональной интеграции в сравнении с мультикультурализмом, многосторонним миром, то можно сказать, что политика мультикультурализма была необходима, но сейчас она ограничена двумя-тремя центрами. Многополярность не так распространена. Существование этих двух-трех центров

обусловлено региональными экономическими соглашениями. Так, Америка подписала соглашение с Мексикой и Канадой, а также с десятью странами Азии.

Будущее — за региональным партнерством. В Европе 70 % торговли осуществляется между европейскими странами, в Америке 50 % товарообмена совершается между США, Мексикой и Канадой. То же самое происходит в Азии. А на Ближнем Востоке или в Африке товарооборот составляет всего 12 %. Этому есть объяснение: торговать становится сложнее, когда в дело вступают африканские страны, которые могут стать конкурентами и продают друг другу одни и те же товары.

Я считаю региональные торговые соглашения полезными. Такие соглашения могут заключаться между Россией и другими странами. Пятьдесят лет назад генерал де Голль, который говорил о Европе от Атлантики до Урала, сказал, что мы должны преодолеть все трудности.

Еще один вопрос связан с рисками финансового сектора, прежде всего банковского. Мы должны рассматривать это явление в ином ракурсе. В 2008 году в ряде стран, в частности в Швейцарии, объем банковского сектора был в 6–7 раз больше, чем объем ВВП этой страны. В последние годы наблюдается определенный прогресс в решении этой проблемы, но риск остается. Финансовые риски также обусловлены войной валют. Господин Абэ в Японии пытался провести девальвацию йены более чем на 30 %. В конечном счете Японии это не помогло. Так и в Европе, где курс евро упал с 1,60 до единицы, это тоже не увенчалось успехом. В любом случае девальвация национальной валюты ведет к давлению и инфляции. Финансовые риски также связаны с международной мобильностью капиталов. Мы наблюдали это в России в конце прошлого века и в прошлом году. Сложно преодолеть эту проблему, особенно России, у которой курс национальной валюты упал на 30–50 %. В такой ситуации сложно вести экономическую политику.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я хотел бы обратить внимание на то, что господин Колодко связывает большие перспективы с глобализацией, а господин Дегарден — с регионализацией. Это два разных направления, которые сочетаются в развитии экономики.

К сожалению, Россия стремительно теряет Запад как идеал. 25 лет назад мы хотели быть как Запад, влиться в западное сообщество и брать пример с США. Теперь не хотим. Еще 10 лет назад мы восторгались Евросоюзом, тем, как он сплотился на основе общих ценностей, какой получил экономический выигрыш. Теперь мы наблюдаем дезинтеграцию Европейского Союза.

Господин Дегарден, мне хотелось бы узнать Ваше мнение (Вы находитесь внутри ЕС, исследуете процессы, происходящие в экономике всего мира) в первую очередь о Евросоюзе. Почему сегодня Евросоюз находится в таком сложном, как считают многие западные коллеги, драматическом положении, при котором его будущее не определено? Дело ведь не только в проблеме миграции. Существуют серьезные проблемы эконо-

мической интеграции. Может быть, главные проблемы лежат не в экономике, а в совершенно иных сферах? В чем корень сегодняшних проблем Евросоюза и как они будут преодолеваются?

Б. ДЕГАРДЕН: — Я не уверен, что мы можем называть этот процесс дезинтеграцией Европы. Возможно, появятся новые инициативы по развитию интеграции внутри Европы. Существует много возможностей развития в этом направлении, в частности, современная бюджетная политика такова, что коэффициент должен повышаться.

Кроме того, необходимо способствовать интеграции и развитию инфраструктуры, энергетической политики, создавать новые направления сотрудничества между странами. За последние 17 лет к ЕС присоединилось 16 новых стран. Нужно думать о том, как с помощью западных партнеров развивать интеграцию — это возможный вектор будущего развития.

Несколько слов о мигрантах. Население Европы составляет 500 миллионов человек, а прибывших мигрантов — 1 миллион. Такая страна, как Франция (где более 36 тысяч городов), должна была принять 30 тысяч мигрантов, и они не должны были стать проблемой. Существуют проблемы, связанные с не очень благополучным экономическим положением, краткими временными сроками и пр. Но я считаю невероятным, что Европа не сможет принять увеличение численности ее населения на 0,2 %.

На мой взгляд, гораздо правильнее развивать отношения между Россией и Европой или, точнее, между Россией и ЕС, чем между Россией и Китаем. У Европы и России много общего, а Китай — по многим направлениям конкурент России. Сегодня Китай проводит политику, направленную на реализацию собственных интересов. Россия активизирует торговлю с Китаем и поставляет свои товары в эту страну (это положительный момент). Но представьте, что на берегах Амура с китайской стороны проживают 50 миллионов китайцев, а с российской стороны — почти никто, — это может привести к конфликту. Поэтому нужно развивать сотрудничество между Россией и Европой.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Как культуролог скажу, что Евросоюз никогда не сможет «переварить» и, соответственно, привить свою культуру миллиону мигрантов, которые приехали туда. Яркий пример — то, что случилось в Югославии, когда маленький этнос с иной культурой, оказавшись внутри страны, нанес мощный удар по Югославии. Никогда Евросоюз не сможет ассимилировать тех, кто сегодня туда приехал.

Господин Дегарден, правильно ли я понял, что большие проблемы Евросоюза вызывало стремление быстро интегрировать те страны, которые находились за его пределами и были доступны для освоения? Если бы это происходило в меньших масштабах и более медленно, то сейчас сложилась бы иная ситуация.

Б. ДЕГАРДЕН: — В настоящее время в Европейском Союзе проживают 12 миллионов мусульман. Поэтому нельзя говорить о том, что население Евросоюза

увеличилось всего на 0,2 % людей с другой культурой. Интеграция никогда не была простым явлением. В свое время велась кровопролитная борьба между бельгийцами и французами, испанцами и французами и др.

По прошествии многих лет можно высказать надежду, что если интеграция была возможна в прошлом, то возможна и сейчас. Вопрос не в том, что нужно полностью открыть границы, а в том, что мы должны быть способны ассимилировать миллион беженцев. Кроме того, в таких странах, как Германия, численность населения снижается. Сегодня в Германии на семью приходится 1,2 ребенка, а нужно 2, чтобы сохранить численность населения, а в Италии — нужно 1,4. Должны ли мы сделать то же, что и Япония (где проживают 127 млн), которая закрыла свои границы?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В России благодаря государственной политике Д. Медведева и В. Путина резко увеличилась рождаемость.

Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Руслану Семеновичу Гринбергу, экономисту, исследующему современные процессы развития экономики в нашей стране, внимательно изучающему реформы Горбачева, Ельцина, хорошо знакомому с нынешней ситуацией.

Руслан Семенович, Вы высказывали мнение, что у Горбачева не было иного пути, кроме того, что он сделал, то есть мы все время находились в определенных обстоятельствах, в рамках которых вынуждены были действовать. Но высказывается и иная точка зрения. Например, академик Богомолов считал, что руководством страны на протяжении длительного исторического периода допускались ошибки, проявляющиеся в игнорировании уроков западного опыта, в частности Венгрии и Польши. Кроме того, М. С. Горбачев не хотел учитывать опыт Китая, где лидеры проводили реформы начиная с 1970-х годов. Конечно, следовало учитывать азиатский, в первую очередь китайский, опыт выхода из социализма и т. д.

Как Вы относитесь к тем метаморфозам, которые происходили? Допустил ли кто-либо серьезные ошибки в выборе экономического пути или все время у нас выбирались неизбежные варианты развития? И куда нам двигаться дальше?

В. С. ГРИНБЕРГ¹: — Важно подчеркнуть, что существовали большие различия в стартовых условиях китайской и русской трансформаций. Дело в том, что в Китае тогда фактически был голод, умирали десятки тысяч людей. Об этом, в частности о Мао Цзэду-

¹ Директор Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Экономическая социодинамика» (в соавт.), «Индивидуум & государство: экономическая дилемма» (в соавт.) и др.; статей: «Экономика современной России: состояние, вызовы, перспективы», «Восстановить доверие в треугольнике Запад, Украина, Россия», «Интеллектуальная катастрофа России», «О новой концепции внешней политики Российской Федерации» и др. Президент Новой экономической ассоциации. Лауреат премии им. М. В. Ломоносова за научные работы II степени. Награжден орденом Дружбы, почетной грамотой Президиума РАН, Почетным знаком Института экономики РАН.

не, который довел ситуацию до этого, сказал господин Колодко.

Горбачев хотел очеловечить общество, и общество хотело этого, а также свободы и справедливости. Но он переоценил наши качества, дал нам свободу, которой мы воспользовались так, как воспользовались. Это был несколько наивный взгляд: если победит демократия в России, то он станет великим лидером, если не победит, то в учебниках про него будет написано две строчки, как про новгородское вече, например.

Теперь я хочу сказать о том, что меня больше всего волнует в контексте Лихачевских чтений. Мне кажется, что данный форум с каждым годом становится все более глубоким. Обычно отсылки к тому, что мы должны междисциплинарно подходить к объекту, человеку, обществу, ничем не заканчиваются. Мне кажется, что мы здесь нащупываем почву для того, чтобы междисциплинарные исследования состоялись и были сделаны выводы.

Когда в 1990-е годы на пресс-конференции западный корреспондент спросил Б. Н. Ельцина: «Можете ли Вы одним словом охарактеризовать, как обстоят дела в российской экономике?», он ответил: “Good”. — «А поподробнее, двумя словами?». Ельцин сказал: “Not good”. Такая ситуация наблюдается во всех странах мира.

Мы сегодня говорили о Соединенных Штатах Америки, о том, что их модель нам не подходит. Они и сами не знают, по какой модели хотят строить жизнь. Еще недавно слово «социализм» в Америке было ругательным, а сейчас мы наблюдаем стремительный рост социалистических тенденций. Бернес Андерс утверждает, что в Америке сегодня происходит что-то не то: впервые молодое поколение белых образованных людей живет хуже, чем их отцы.

Что касается проблемы мигрантов в Европе, то я соглашусь с господином Колодко, что Европа, несмотря на все имеющиеся проблемы, в состоянии решить их сама и тем более абсорбировать один миллион мигрантов (другое дело, если приедут десятки или сотни миллионов мигрантов). Здесь играют серьезную роль средства массовой информации, которые предпочитают не писать о хорошем.

Мне кажется, важно здесь, в Университете, где присутствует много молодых людей, обозначить следующую позицию. В связи с этим хочу вернуться к тезису А. Д. Некипелова по поводу отсутствия научно обоснованной хозяйственной модели жизни. Следует отказаться от иллюзии, что кто-то знает, что это правильно, а это — нет.

Сегодня утром по радио обсуждали материал, который вышел в газете «Ведомости». Владимир Путин созвал экономический совет, на котором будут бороться две позиции — его экономического советника Андрея Белоусова (бюджетное стимулирование — мне близка эта позиция) и Алексея Кудрина (бюджетная консолидация). На совете будут спорить о том, что надо делать: одни выступают за увеличение бюджетного финансирования, другие — за частное государственное партнерство.

Чтобы приблизиться к смутно угадываемой нами идеальной модели экономической жизни, нет способа лучше, чем демократизация процедур выбора. Чем больше людей участвуют в выборе той или иной модели, тем меньше вероятность ошибки.

Существует различие между польской и русской реформами, хотя было много правильного и общего. Лешек Бальцеревич и Егор Гайдар — люди одной школы — догматической. Но когда догматики находятся у власти долго, то это становится катастрофой для страны. Не случайно США и Китай — две великие державы, которые правят бал в этом веке, — методом проб и ошибок пришли к тому, что сменяемость власти — панацея от несчастий. Известно выражение: «Если вы не занимаетесь политикой, то политика займется вами». Молодые люди должны перестать быть подданными и должны стать гражданами, ходить на выборы, изучать программы, взять свое будущее в свои руки.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Иногда я смотрю и думаю: это было бы замечательно, а иногда — не дай бог.

Сергей Юрьевич, у нас в Университете и среди участников Чтений Вы хорошо известны своими блестящими докладами, но я, может быть, не все читал внимательно. Поясните мне, пожалуйста, одну вещь. Ваша экономическая теория и Ваши предложения по выходу из ситуации, в которой оказалась Россия сегодня, как мне кажется, базируются на двух китах. Один кит — это проблемы, связанные с переходом на новый экономический уклад, и второй кит — это политический вектор, необходимость решительного очищения от коррупции, от того, что мешает экономике нормально функционировать. Как Вы считаете, болезни сегодняшней экономики России можно излечить классическими экономическими методами (с точки зрения набора существующих экономических теорий) или все-таки у нас есть какие-то специфические явления, для которых нам нужно изобретать рецепты, вытекающие из особенностей нашего исторического пути и культуры?

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Александр Сергеевич, спасибо за вопрос. Господин Гэлбрейт уже выразил отношение к экономической науке, и я с ним, в общем-то, солидарен. У нас под экономической наукой часто понимаются некоторые идеологические клише, которые фактически отражают те или иные интересы. И мы можем бесконечно теоретизировать, что надо было бы сделать, но для российской ситуации приходится констатировать прежде всего утрату управляемости. То, что сейчас декларируется, и то, что происходит в экономике, — диаметрально противоположные вещи. Эта утрата управляемости есть следствие негодных рекомендаций, которые реализуются не потому, что кто-то заблуждается, а потому, что это кому-то выгодно.

Любая экономическая политика — некая сумма экономических интересов. Так же как глобализация в том виде, в котором мы сегодня ее обсуждаем, где основную роль играют транснациональные корпорации, прежде всего американские, европейские, японские, связанные с эмиссиями мировых валют, — это глобализация в интересах крупного финансового ка-

питала, который подпитывается за счет чистой эмиссии денег начиная с послевоенного периода в Европе и с 1971 года — в Америке. И, конечно, такая экспансия американско-европейского транснационального капитала выгодна тем, кто является собственником этого капитала, и невыгодна тем, кто не может воспользоваться такими конкурентными преимуществами, как получать дешевые кредиты и эмитировать мировые деньги. Если говорить о нынешней экономической модели в России, мы единственная страна в «двадцатке», которая сегодня находится в кризисе. Везде идет оживление экономики. Можно посчитать, сколько мы потеряли с тех пор, как Центральный банк объявил о таргетировании инфляции — примерно 3 трлн рублей непроизведенного валового продукта. Но в это же время финансовые спекулянты на московской бирже, манипулируя курсом рубля, получили 25 млрд долларов прибыли за счет обесценивания рублевых сбережений и доходов. И так же глобализация: мы видим в этой модели бенефициара и проигравших. Россия, скажем, в этой модели теряет примерно по 120 млрд долларов чистого трансферта капитала ежегодно.

Сейчас нет времени анализировать, почему это происходит. Я лишь хотел бы заметить, что эта модель уже заканчивается, и фактически та либеральная американоцентричная глобализация, с которой мы этот термин связываем, сегодня достигла пределов своего роста. Это выражается и в финансовых пирамидах деривативов, с которых начался глобальный финансовый кризис, — они стали только больше с тех пор, и в финансовой пирамиде американских долговых обязательств. И эта модель пробуксовывает. Мы видим, что даже при отрицательных процентных ставках и, по сути, при безграничной денежной эмиссии эффект для экономического роста крайне мал: на один доллар прироста ВВП приходится тратить дополнительно 3–4 доллара денежной «накачки». То есть экономика в этой модели буксует. Одновременно появилась новая модель, которую мы связываем обычно с Китаем, о чем здесь много говорилось, а также в значительной степени с Индией, Вьетнамом, Кореей, Малайзией — странами, в которых деньги не являются главной целью экономической деятельности.

Главной целью экономической деятельности является производство товаров, услуг и подъем общественного благосостояния. И государство в этой модели занимается гармонизацией самых разнообразных экономических интересов. Это проявляется и в регулировании прав собственности, и в сочетании планирования рыночной самоорганизации, и в выравнивании возможностей разных людей для реализации своего творческого потенциала. Эту модель мы называем интегральным строем или интегральным мирохозяйственным укладом. Из этой модели вытекают совершенно разные требования к международным экономическим отношениям. Скажем, если либеральная глобализация, по сути, идет путем принуждения — никто никого особо не спрашивает и не церемонится, то регионализация, а потом, думаю, и глобализация в рамках нового мирохозяйственного уклада — путем соглашения.

В качестве примера проиллюстрирую наши взаимоотношения с Европейским Союзом. Как вы знаете, инициатива нашего президента построить единое экономическое пространство от Лиссабона до Владивостока не была воспринята Брюсселем по одной простой причине, которую мы наблюдаем на примере Украины: либерализация и регионализация в рамках существующей модели, где правит крупный капитал и все делается в его интересах, реализуются через принуждение других к участию. Мы же в рамках евразийской интеграции договариваемся, у нас действует правило консенсуса и все вопросы решаются путем поиска компромиссов и в общих интересах. А на переговорах с Европейским Союзом нам заявили: «Нет, слушайте нас. Вот такие-то директивы Европейского Союза вы обязаны исполнять, а участвовать в выработке директив вы не можете». И Украине, как мы видим, просто навязали такую колониальную модель, где нужно исполнять все, что принимается в Брюсселе, но повлиять на эти решения совершенно невозможно. Поэтому я называю эту интеграцию бюрократической империей, в то время как интеграция в рамках нового мирохозяйственного уклада основывается на договоренностях и соглашениях.

И, кстати, важным признаком деградации существующей модели либеральной глобализации является, по сути, эрозия международного права. Сегодня оно фактически не действует, не затрагивает эмиссию мировых валют, но де-факто действует мировое правительство в виде Федеральной резервной системы США. Если мы говорим о глобализации на новых принципах, на которых мы сегодня выстраиваем евразийскую интеграцию и которые соответствуют новому мирохозяйственному укладу, то нужно думать о восстановлении фундаментальной роли международного права, в том числе в части эмиссии мировых валют, формирования общемировых программ. Я думаю, что уместно через систему ООН реализовать идею глобальных функций с общим бюджетом за счет налога Тобина. Новый мирохозяйственный уклад намного сложнее, он не однополярный и не плоский и основан на реанимации национальных суверенитетов, на праве голоса каждого участника. В общем, это поиск гармонии в сложности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, переходим к вопросам.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ, *заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ* (вопрос из зала): — Вопрос господину Колодко. Вы сказали, что глобализация — процесс необратимый. Есть такой биологический закон: процесс интеграции сменяется процессом дифференциации. Мы еще знаем из Екклесиаста, что бывает время разбрасывать камни и время собирать камни. И есть мир, который развивается циклически, а не однолинейно. Я понял, что Вы вообще предлагаете однолинейный процесс. И полагаю, что

глобализация — это необратимый, но не однолинейный процесс развития.

Г. В. КОЛОДКО: — Мы живем в мире экономики. Почему глобализация необратима? Это мощь, сила, ее нельзя остановить. В западных экономиках обращают внимание в первую очередь на технологии, которые хорошо подпитывают глобализацию. А у финансового сектора меняются интересы, происходит рост национальных корпораций, и они пытаются определять законы, уложения и диктовать свою волю. Глобализация затрагивает уже все — от обмена мнениями до нашего приезда в Петербург для участия в этой конференции. Но необратимость глобализации не означает, что мы все время будем только бурно развиваться. Мы будем развиваться сначала бурно, потом замедляться, потом, может быть, отступать назад, у нас будут возникать разные проблемы, в том числе и региональные. Но глобализация необратима, если только мы в скором времени не начнем очередную мировую войну.

М. А. МОРАТИНОС: — У меня есть один комментарий к выступлению Бруно Дегардена о будущем Европейского Союза. Я полагаю, что мне надо бы подкрепить его утверждение. Сейчас говорят, что Европа близится к закату, что скоро Евросоюз распадется. Но этого не случится. У Европы есть проблемы, как у любого игрока, но это весьма привлекательный регион. Американская экономика основывается на институтах, а мы пошли дальше. В чем заключается европейская модель? Социальные услуги, образование, инклюзивная экономика — это все уже история успеха. Я не думаю, что что-либо рухнет в Европе. Каждый раз, когда она сталкивается с кризисом, она становится намного крепче. Посмотрите, сколько было кризисов за последние 60 лет. Но Джеймс Гэлбрейт, мой хороший друг, сказал, что Европа рухнет. Господин Колодко, а как Вы думаете?

Г. В. КОЛОДКО: — Думаю, я смогу ответить на этот вопрос и заодно коснуться предыдущего вопроса по поводу биологических циклов. Я писал о физическом подобии в экономике. Интеграция хороша, когда ресурсы дешевы и в изобилии. Когда же ресурсов становится меньше, они дорожают, поэтому, когда возобновляем энергию, то все институты государства становятся хрупкими и тогда могут распасться. Я думаю, что это и произойдет. Что касается конкретно Европы, дело в том, что существуют очень серьезные противоречия и разногласия между зажиточными регионами севера Европы и более бедными и отягощенными долгами регионами юга. Я не думаю, что распада Европы нельзя избежать, но если мы исходим из того, что долги так или иначе надо возвращать, то с любым государством может произойти то же самое, что, скажем, с Грецией. Государство фактически было ликвидировано. Были массивные банкротства, была ликвидирована вся государственная собственность, была продана практически вся береговая линия (ее сейчас приватизируют). Мне кажется, что идут процессы дезинтеграции. Я не убежден, что текущее мышление возобладает. Такие инсти-

туции, как государство всеобщего благоденствия, образование, здравоохранение, — все это может довести только до постоянной стагнации.

Что касается глобализации, у нас есть глобальные учреждения, но глобализация — это не учреждение, а скорее возможность для всех обратиться ко всем и к каждому и возможность для каждого обратиться ко всем. Это не проблема одной страны. Сейчас проблемы создаются для нескольких стран, целых регионов, и интеграционная европейская экономика, интеграционная мировая экономика, вторгаясь в отдельные регионы, разрушает как их экономику, так и ценности. Говорят, что либеральная экономика свободна от идеологии, но это ведь не так.

Р. И. НИГМАТУЛИН, директор Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук (реплика из зала): — Уважаемые коллеги, Александр Сергеевич, хочу сказать, что разочарован многими выступлениями. В связи с этим я вспомнил фразу Стива Форбса из первого номера «Форбс» за прошлый год: «Поразительная неспособность экономистов и политических лидеров оценить, чем сегодня болеет большинство экономик, и назначить правильное лечение, удручает и свидетельствует об их твердолобом отказе изучить факты глубинной эмоциональной приверженности фальшивым идеям и умственной лени». Все-таки для экономической теории представляется актуальной проблема стать естественной наукой с выработкой математических моделей, основанных на экономических балансах и экспериментальных данных. Многие из вас в своих выступлениях ни одной цифры не озвучили.

Приведу один пример по существу, относящийся к экономическому порядку в России. Зарплата российского профессора в 10 раз меньше зарплаты депутата парламента. Пятьдесят процентов трудящихся России получают зарплату менее 20 тыс. рублей. Переведите их в доллары. Как в таких условиях, в таком несбалансированном спросе можно говорить о развитии экономики? Организатор послевоенного немецкого экономического чуда Людвиг Эрхард сформулировал теорему: «Покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности». Это сейчас главная экономическая проблема не только для России, но и для западных стран. Хотя в западных странах она менее критична, но и там богатый класс стал присваивать избыточную часть национального дохода, уменьшая покупательский спрос. Там решают проблемы однополых браков, проблемы дезинтеграции, а в России проблема покупательского спроса настолько остра, что нам до этих проблем еще очень далеко. Нам нужно навести элементарный порядок с покупательским спросом.

Я должен отметить, что в выступлениях экономистов не используются главные макроэкономические параметры, характеризующие современные экономики. К таковым относятся доли в ВВП на оплату труда и госрасходы, децильный и центильный коэффици-

енты. Именно они характеризуют состояние покупательского спроса, являющегося двигателем производительных сил.

Р. С. ГРИНБЕРГ: — Я должен сказать, что страстное выступление академика Нигматулина говорит о полном непонимании того, что есть экономическая наука. И особенно мне забавен его призыв к ее математизации. Экономическая наука, в моем представлении, страдает от излишних математических моделей. И самое интересное заключается в том, что его жалоба на то, что зарплата профессора в 10 раз меньше зарплаты депутата Государственной Думы, вообще не имеет никакого отношения к экономической науке. Кстати, экономическая наука исходит из различных школ мышления, и ваш покорный слуга говорил о том, что это действительно очень вредная история. Надо обратиться к политикам и заниматься именно политическими вопросами, потому что это чисто политическая сфера.

Б. ДЕГАРДЕН: — Я хотел бы обратиться ко всем собравшимся здесь студентам. Если вы спросите меня, закончился ли кризис, который начался в 2008 году если не во всем мире, то в его части, я отвечу — нет. На вопрос, сколько времени потребуется для ликвидации кризиса, я отвечу, что нужно будет очень много времени. Проблемы, о которых здесь говорится, есть не только в России, они существуют везде в мире. Проблемы у молодежи с поиском работы возникают во всем мире, но это не проблема, связанная с глобализацией. Я думаю, вам нужно рассматривать мир, глобализацию как возможность, но не как угрозу. Ведь только 10 % работ в промышленности сокращается, может быть, за счет глобализации, что составляет 20 % чистого экспорта от ВВП — это не так много. Что касается мигрантов, они составляют 3 % от населения Земли. Но если вы посмотрите на студентов, которые учатся за границей, — не более 2 %. Я могу еще много привести цифр. Так что глобализация не настолько всеобъемлющая, как нам кажется, и она не настолько опасная, как нам часто пытаются это представить.

Г. В. КОЛОДКО: — Что касается глобализации, то один из самых больших вопросов относительно ее будущего — это ее реинституционализация. Необходимо, чтобы в будущем были созданы хорошие институты мировой экономики. В Европейском Союзе, например, есть какая-то институционализация, в Соединенных Штатах есть, в России тоже есть. И сейчас самый большой вызов с точки зрения экономики — это реинституционализация мировой экономики. А то, что сказал академик Нигматулин — член Российской академии наук, но, конечно, не специалист по экономическим наукам, — экономист бы не сказал. Здесь продолжается междисциплинарная дискуссия, потому что экономика — это прежде всего не математическая, а социальная наука. Мы говорим о людях, обществе, а другие говорят о деньгах.

И последний момент. Как можно цитировать «Форбс»? Я хочу сказать, что хороший экономист ни-

огда не должен ссылаться на «Форбс». Это журнал неолибералов, их орудие в борьбе с другими представителями общества. Мы, экономисты, не читаем «Форбс», мы читаем хорошие книги. И дело не в российской Государственной Думе, потому что мы сейчас присутствуем на научных Лихачевских чтениях. И я также хотел сказать, что мысль о том, чтобы ссылаться на Стива Форбса, когда он говорит о Европе 2000 года, очень оригинальная, надо будет изучить этот вопрос. Мне вообще-то до сих пор такая мысль даже в голову не приходила.

С. Ю. ГЛАЗЬЕВ: — Я тоже хочу обратиться к студентам. Коль скоро мой коллега академик Нигматулин бросил экономистам вызов, я хочу на него ответить таким образом. Экономика — это сфера мысли, которая вращается вокруг интересов. И она несвободна от этих интересов. К сожалению, приходится констатировать, что мейнстрим экономической мысли до сих пор всегда был апологетическим, будь то марксистская политэкономия социализма или современная экономика на основе неоклассического синтеза, о котором вы читаете в учебниках. Этот мейнстрим оправдывает интересы властвующей элиты и весьма далек от реальной жизни. Он сконцентрирован на вопросах обмена результатов труда и производства, потому что нужно легализовать то распределение в общественном сознании, которое мы имеем по факту. А если говорить об экономической науке в правильном смысле, она должна заниматься вопросами развития экономики. И если мы с такой точки зрения подойдем к требованиям экономической науки, она действительно становится похожа на инженеррию, конструирование механизмов развития, регулирование экономических отношений в целях роста благосостояния общества. Это наука нового мирохозяйственного уклада, она уже рождается.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, я хотел бы сказать, что математика действительно очень широко используется в экономической науке по двум направлениям. Первое — это область абстрактных теорий, моделей. Эти абстрактные модели, по моему мнению, очень полезны для того, чтобы понимать, как в принципе работает эта система, но не имеют никакого отношения к управлению этой системой. Второе направление моделирования в экономической науке — в рамках эконометрики, где исследуются факты. К сожалению, исследование фактов не дает оснований для окончательных, верных на все времена выводов. Оказывается (и как раз в этом отличие экономической сферы), что примерно в одних и тех же условиях могут быть разные следствия, в отличие от естественных наук. Есть проблема ожиданий: в одних случаях у людей одни ожидания, как говорят экономисты, в других — другие.

Выдающийся экономист и математик Кеннет Эрроу, нобелевский лауреат, в одном из интервью, как бы подводя общий итог своим исследованиям, сказал, что, к сожалению, пришел к выводу, что экономика слишком сложна для математики. И это очень глубокий вы-

вод человека, который всю жизнь посвятил именно математическим исследованиям, правда, у него хватало сил и для философского осмысления экономических процессов.

И последнее. Здесь один из наших выдающихся философов говорил о том, почему возникают проблемы с прогнозированием в области экономических исследований. Да потому, что прогнозы сами влияют на поведение людей. То есть, в отличие от естественнонаучной сферы, мы имеем дело с совершенно особыми субъектами, которые реагируют на все, что происходит, адаптируются, меняют институты и т. д.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ, декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова (вопрос из зала): — У меня два коротких вопроса, на которые я попрошу ответить одного зарубежного участника и одного участника из России. Сейчас в мире насчитывается, по-моему, уже около тысячи миллиардеров. Первый вопрос: в каком году в мире появится первый триллионер? И второй вопрос: правильно ли я понимаю, что человек, у которого сейчас на счете в банке лежит миллиард долларов, в миллион раз талантливее человека, у которого в банке лежит всего тысяча долларов?

Б. ДЕГАРДЕН: — Конечно, правда, что за последние 25 лет во всем мире увеличилось количество миллиардеров. Тем, что поднимаются фондовые рынки, пользуется очень небольшая доля населения. Это объясняет, почему есть миллиардеры. Но я думаю, что мы с этим когда-нибудь покончим. Я сейчас не могу себе представить появление триллионеров.

Р. С. ГРИНБЕРГ: — Это, конечно, очень экзотический вопрос, но я постараюсь ответить серьезно и коротко. Я надеюсь, что такой момент никогда не наступит. Дело в том, что наш мир всегда находился в кризисе, а сейчас — в особенно глубоком. И за 20 лет он пришел к тому, что, во-первых, нужно ограничивать неравенство, и уже возникает серьезная солидарность по этому вопросу; а во-вторых, надо заканчивать с тем, что финансовый сектор командует реальным. И в связи с этим я лично верю в то, что состоится какой-то тип конвергенции, где свобода, то есть либерализм, будет сочетаться с равенством, то есть справедливостью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, на этом наша панельная дискуссия подошла к завершению. Всем спасибо!

Панельная дискуссия КОНФЛИКТЫ КУЛЬТУР И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ

20 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (*модератор*)
- А. А. ГУСЕЙНОВ** научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Г. КЁХЛЕР** президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- М. КУКОЧ** старший научный сотрудник Института социальных наук им. Иво Пилара (Сплит, Хорватия), профессор, доктор
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ** заведующий сектором теории познания Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор
- Г. М. РЕЗНИК** вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Т. РОКМОР** профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай), доктор философии
- В. С. СТЕПИН** руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- В. А. ТИШКОВ** академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Наша дискуссия посвящена конфликтам культур и международному терроризму. Игорь Семенович Кон когда-то сказал мне, что если существует теория, она может быть изложена на пальцах. Если же четкой теории нет, то о ней можно говорить часами.

В. С. СТЕПИН: — Когда теории нет или она находится в процессе создания, выдвигаются гипотезы и вводятся предварительные определения ключевых понятий. Эти определения уточняются в процессе дискуссий, где каждый дискутирующий оставляет за собой право что-то изменить или дополнить. Так развивается научное знание.

Что же касается определения терроризма, то думаю, что исходный мотив террора состоит в следующем. Человек хочет реализовать какую-то социальную цель и убежден, что эта цель оправдывает любые средства. И он начинает убивать ни в чем не повинных людей, которые никоим образом не противодействуют ни ему, ни его цели. Он убивает для того, чтобы создать атмосферу нестабильности и угрозы и таким образом заставить лиц, облеченных властью, удовлетворить его требования. В этом я вижу суть терроризма.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А есть ли связь между терроризмом и культурой?

В. С. СТЕПИН: — Ответ надо начать с другого вопроса: что есть культура? Это система надбиологических программ человеческой жизнедеятельности. У человека есть два вида программ. Во-первых, биологические, генетические — это коды, доставшиеся нам в процессе эволюции и переданные родителями. Во-вторых, надбиологические, определяющие нашу связь с другими людьми: поведение, нормы жизни, деятельность. Надбиологические (социальные) коды образуют сложноструктурированную систему, в которой есть глубинные программы, базовые ценности и жизненные смыслы, организующие множество других, более конкретных программ деятельности, поведения и общения людей. Всю эту систему можно обозначить словом «культура».

Дальше возникает следующий вопрос. Обычно культура понимается как нечто такое, что должно гуманным образом способствовать развитию, совершенствованию человека. Это «настоящая», подлинная культура. Но есть и другие типы программ — обычаи, правила, ритуалы, привычки, которые не укладываются

ся в парадигму нравственного и физического совершенствования человека. В обыденном понимании это скорее не культура, а антикультура. Например, культуру фашизма мы признаем как антикультуру.

Таким образом, важно договориться об определениях. В широком смысле — да, терроризм связан с определенной культурой и коренится в ней. Например, во многих восточных культурах есть обычай кровной мести: если у вас убили родственника, то вы должны найти убийцу и отомстить, возможно, убив его близких.

Когда происходят такие процессы, что целые этносы ставятся в условия выживания под внешним давлением, когда идут войны, то подобные обычаи могут привести к действиям, которые можно обозначить как терроризм, то есть убийство невинных людей, никоим образом не навредивших террористу, но связанных с той общественной структурой или государством, которое он считает виноватым, например, в смерти своих близких и т. п. То есть получается, что терроризм связан с культурой.

Есть такие культуры, в которых этот обычай официально признается нормальным. В системах права европейских государств этого нет, но во многих архаичных этносах это одна из норм регулирования общественной жизни. Думаю, что корни терроризма надо искать в подобной архаике. Но как получается, что в современном глобализирующемся мире эти архаические корни выходят на поверхность и начинают играть главную роль? Эту проблему надо обсуждать и исследовать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Пожалуйста, господин Кукоч, прошу Вас продолжить.

М. КУКОЧ: — Я считаю, что необходимо дать точное определение этому явлению, которое будет основано не на идеологии или предрассудках идеологического или политического характера. То есть мы не должны называть наших врагов террористами, а наших союзников — борцами за свободу. Надо быть очень конкретным. Например, украинское правительство и украинский президент не являются террористами, потому что Украина — это независимое государство. Режим Башара Асада в Сирии также не является террористическим, поскольку Асад — президент суверенной страны. Акты террора в Париже, Брюсселе и где-либо организует не Асад, а «Исламское государство», поэтому мы должны называть вещи своими именами. Не следует исходить из идеологических соображений, в противном случае мы создадим хаотичную ситуацию и не будем знать, кто террорист, а кто нет.

Можно дать простое определение терроризму исходя из понятия «террор». Терроризм означает запугивание, убийства безвинных людей для достижения определенной политической, идеологической и прочих целей. Различия между прежним терроризмом и сегодняшним, века глобализации, хорошо иллюстрируют примеры Испании, Великобритании. Терроризм до того, как наступила глобализация, имел национальные корни. Он был основан на идеологии — например в Италии существовали «Красные бригады», по-

добного рода организации были во Франции и Германии и т. д. Но современный терроризм в глобальном масштабе связан не с политической, а с культурными и религиозными идеями. Поэтому в эпоху глобализации мы до сих пор наблюдаем столкновения разных культур и цивилизаций.

Радикальный исламский фундаментализм использует терроризм в своих целях. В то же время неизвестны случаи, чтобы терроризм поддерживался светскими режимами. В западной культуре, христианстве нет оснований для акций подобного свойства. Секуляризм начался в век Просвещения и продолжается до сих пор, он является отличительной характеристикой западного общества.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Несколько странно, что Вы связываете терроризм только с религией. Советский Союз в свое время поддерживал многие повстанческие движения, которые по современным меркам вполне можно назвать террористическими. Афганистану и ряду иных государств страны Запада тоже оказывали большую помощь, в том числе и «Аль-Каиде». Действия секретных служб западных государств на деньги западных налогоплательщиков послужили возникновению ДАИШ (ИГИЛ). В мире много примеров, когда терроризм спонсируется светскими режимами. Что Вы об этом думаете?

М. КУКОЧ: — Возможно, светский режим будет поддерживать терроризм, чтобы достичь собственных целей. Но сегодня терроризм полностью основан на определенных религиозных и культурных корнях. Я не считаю, что можно сравнивать сегодняшний глобальный терроризм с национальным терроризмом, который доминировал в прошлые времена, когда в эпоху холодной войны происходило столкновение идеологий. Ультралевые силы в Германии, Италии, Ливане организовывали национальные группы террористов для достижения национального суверенитета, как это было у басков или Ирландской республиканской армии (ИРА) в Великобритании.

Такого рода терроризм, когда происходит столкновение идеологий, мы сейчас не наблюдаем. Он существовал в XII веке, преобладал в XX веке. Сегодня совсем другие конфликты и другой терроризм. Поэтому, когда говорится о столкновении цивилизаций по Сэмюэлю Хантингтону, эта точка зрения характерна для парадигмы, существовавшей в 1990-х годах, но та парадигма отличается от оптимистической, которую развил Фукуяма в конце XX века.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В утопии Фукуямы вообще никакого терроризма не было. Слово предоставляется академику Тишкову.

В. А. ТИШКОВ: — Если говорить о дефиниции, я бы сказал, что терроризм — это открытая масштабная форма насилия или феномен насилия в форме устрашения с целью добиться политических или других целей. Зерном здесь являются открытые, масштабные, недискриминированные формы насилия, то есть

не выборочные, в отличие от революционных террористов, которые сошли с исторической арены, потому что в то время, когда они взрывали губернаторов или царских особ, страдали и другие люди.

Сегодня терроризм — это в значительной мере другой феномен. Безусловно, он направлен на устрашение, потому что сам факт террора не приносит желаемого результата с точки зрения победы над противником, но он сеет страх, рассчитан на то, чтобы вынудить предполагаемого противника сделать определенные уступки или принять условия. Сегодня это наиболее общепринятая формулировка определения террора в политической антропологии (дисциплине, в которой подробно рассматривается феномен террора). А философы менее всего разрабатывают это понятие.

Существует классификация современного международного терроризма. В отличие от международного, при государственном терроризме источником террора может быть само государство, власть (мы это пережили в нашей стране, не говоря уже о других регионах мира).

Характеризуя современный международный терроризм, нужно назвать ряд факторов. Прежде всего это феномен культуры. Под моей редакцией (вместе с профессором из Санкт-Петербурга Бочаровым) несколько лет назад вышла книга «Культура насилия», где есть раздел, раскрывающий различные аспекты терроризма. Важна доктрина или прагматика современного террора — чем и как он обосновывается. На первом месте — религиозный фактор, особенно связанный с одной из мировых религий, где возможны жесткие трактовки. Само понимание ценности жизни в мусульманской религии отличается от религиозной христианской или буддистской доктрины: ценность жизни здесь, особенно для тех, кто вне этой религии, нулевая.

Существуют и другие моменты, связанные с террором и террористическими действиями, — это разные освободительные проекты, борьба за освобождение от колониального гнета или зависимости, за суверенную государственность. Ирландская республиканская армия (ИРА), Страна Басков и Ольстер — это не мейнстрим, они находятся в подполье и используют террористические методы, в основном взрывы и теракты; здесь религиозный компонент фактически нулевой.

Другая сложная проблема касается агентов: кто участвует в терроре? Высказываются разные точки зрения, что это в основном протест маргиналов, малообразованных людей или зажатых в рамках жесткой доктрины и прошедших определенную идеологическую обработку. И то и другое верно, потому что нет однозначного ответа.

Третий важный момент — процедура рекрутирования в террор. Как проходит индоктринация, какими методами (начиная с простых брошюр типа «Мой джихад»)? Что такое джихад? Какова азбука русского террориста или националиста? Слава богу, здесь пока мы не наблюдали террора, но такая опасность существует. И убийства, и террористические акты планировались организациями, стоящими на позициях крайнего национализма, особенно в его этнической форме. Индоктринация происходит в том числе через медийные

пространства, особенно психологическая индоктринация жертв различных драм, например семейных (молодые женщины, потерявшие в конфликтах близких).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Валерий Александрович, я хочу Вас вернуть от форм вовлечения в терроризм к несколько другим вещам. Сегодня в нашей беседе уже прозвучало несколько мнений, связанных с проблематикой, которая лежит в основе терроризма. Точного определения, наверное, мы не дадим, но примерное понимание у всех одинаковое. Вы высказали свое мнение, так же как и Вячеслав Семенович, господин Кукоч, но, тем не менее, прежде всего это первобытно-родовая месть за свой клан, то есть это тема выживания, устойчивости своего клана. Второе мнение — это национально-освободительное движение. Третье, что сегодня прозвучало, — это борьба за какие-то социальные моменты, допустим, те же «Красные бригады», или «Баадер–Майнхоф», или российские революционеры. Четвертое — это ИГИЛ, идеологическое обновление, отрицание всего того, что делается в другой культуре, переосмысление ислама, причем весьма спорное и разнообразное.

Валерий Александрович, я Вам хочу задать простой вопрос. На днях в Москве человек захватил банк с заложником, хотел таким образом получить деньги. Но мы ведь не говорим, что это террорист, мы говорим, что это бандит. Что отличает акты бандитизма от актов террора?

В. А. ТИШКОВ: — Дело в том, что если говорить об участниках террора, осуществляющих террористические акты, а не об идеологах, как правило, взрослых умных дядях, то там действительно очень много людей с особым типом психики, которые легко внушаемы, воздействованы или вообще не очень нормальны (так называемые «пограничники»). И это уже дело психологов, я бы даже сказал, антропологов, политологов и философов. Есть категория особенных людей, которых привлекают войны, конфликты, насилие. Где только случается какой-то открытый конфликт, они стремятся туда. Я наблюдал в Чечне, когда занимался анализом чеченского конфликта и войны, что туда слетаются авантюристы со всего мира, которым хочется повоевать. Фактор того, что есть определенная порода людей пограничного психологического, психического склада, которые готовы участвовать в различных экстремальных проектах и действиях и стать их исполнителями, необходимо брать во внимание. Так что здесь следует учитывать психологию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть террорист всегда психопат?

В. А. ТИШКОВ: — Почти всегда.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо, Валерий Александрович. Абдусалам Абдулкеримович, Вам слово.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Несколько замечаний по намеченным вопросам — по поводу определения терроризма. Мы рассматриваем терроризм в наших дискус-

сиях сегодня как некое обычное объективное явление и как бы включаем его в наш, так сказать, принятый научный дискурс: определение, социально-психологические причины, различие форм и т. д. И здесь есть опасность того, что наши рассуждения строятся таким образом, что оказываются формой легитимации насилия, его оправдания. Ведь известно: понять — значит оправдать. И поэтому первое, что мне хочется сказать: хотя мы не знаем определения терроризма, мы знаем, что это такое. Скажем, бомбист, который идет в толпу взорвать себя или подрывает самолет, — мы ясно понимаем, что это террорист. У нас нет определения зла тысячи лет, но, тем не менее, люди знают, что зло — это то, с чем надо бороться. Это первое, что мы должны установить при обсуждении этого вопроса. Терроризм — это то, чего не должно быть. И, следовательно, обсуждать его мы должны только под этим углом зрения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — В Российской академии образования один коллега как-то высказал очень интересную мысль: главная задача школьного образования — даже не выучить закон природы, а научиться отличать добро от зла.

В. А. ТИШКОВ: — Конечно, эти нелегитимные формы насилия — очень важная тема.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Теперь что касается связи терроризма и культуры. Те понимания культуры, которые сейчас существуют, — разные. Все они позволяют террористам апеллировать к культуре как к одному из аргументов и основанию своей деятельности. И все эти определения позволяют их сторонникам сказать, что террористы злоупотребляют этим определением. И мой второй ключевой тезис состоит в следующем: до тех пор пока мы даем такое определение культуры, в рамках которого проводим различия между легитимным и нелегитимным насилием, а следовательно, нравственно оправдываем какие-то формы насилия, мы никогда не дадим такого определения, которое бы сторонники террористов не могли использовать в качестве своего прикрытия. Чтобы теоретически, философски осмыслить и на уровне философии, теории закрыть дорогу терроризму, мы должны как бы вывести само насилие за рамки нравственно оправдываемого явления нашей жизни. Всякое насилие — применяет ли его какое-то государство, или террористическая организация типа ИГИЛ — это насилие. Конечно, между этими формами есть различия, но это все равно нравственно недопустимо.

Третье мое замечание: терроризм эксплуатируется, в том числе и властями. Здесь господин Кукоч говорил о том, когда своих противников называют террористами, и поэтому очень важно отличать терроризм от форм восстания, политических акций, направленных против государств, правителей, — от того, что называется революциями, восстаниями, национально-освободительными движениями. Нельзя путать одно с другим. Может быть, это положит конец или по крайней мере затруднит использование борьбы с террориз-

мом как повод для поправки каких-то правовых норм. Вы посмотрите, что делается даже у нас в стране. Окружают танками, стреляют, говорят, что там были террористы, и непонятно, где право, где закон.

И последнее мое замечание. Вячеслав Семенович апеллировал к архаике как к одному из психологических идеологических корней терроризма — в этом, конечно, нет никаких сомнений. Тем более что вообще современный международный терроризм принципиально выступает как ретроградное явление, апеллирует, так сказать, к прошлому и т. д. Но надо учесть то, что терроризм является извращенной, неадекватной, ложной, но реакцией эпохи глобализма. Мы не можем сказать, кто в глобализме является субъектом. А вы можете сказать, кто является субъектом международного терроризма, какая сила за ним стоит? Одна из особенностей современного терроризма, над которой надо думать, в том, что он действительно существует как глобальное явление в самой ужасной форме. Он снял различия между этносами, религиями, между Африкой, Азией, Европой и т. д. И люди идут к ним и чувствуют себя как бы в своей родной среде. Нам надо подумать над тем, что террористы быстрее среагировали на реальность глобализма и глобализации, чем мы, которые, конечно, за глобализацию и против терроризма.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я думаю, что все-таки первыми глобалистами были философы, вторыми — банкиры. Слово предоставляется господину Рокмору.

Т. РОКМОР: — Очень интересно слушать эту дискуссию, очень умные люди здесь собрались, и у всех разные соображения относительно того, что происходит. Что же такое терроризм? Я бы хотел высказать несколько тезисов по этому вопросу. Прежде всего нужно все-таки найти определение терроризма в современном мире, но мне кажется, что любое такое определение все-таки будет произвольным. Поэтому мы не сможем прийти к определенному соглашению, так как разные люди по-разному понимают, что такое терроризм. Я думаю, что точно так же, как есть разные виды терроризма, есть разные виды сил, в том числе такие, которые эксплуатируют терроризм только ради одной цели. Надо сказать, что мы пока совсем не говорим об экономическом терроризме, а ведь в действительности терроризм возникает по разным причинам и есть разные его виды. Часто он связан с экономическими факторами.

Приведу пример: я в силу ряда особых обстоятельств проявляю большой интерес к исламскому терроризму, это связано с моей биографией. Хотя это не имеет отношения к ИГИЛ, но меня интересуют корни и причины исламского терроризма. Мне кажется, когда говорят о причинно-следственной связи — а на этом форуме много говорилось о глобализации экономики, что бы это ни означало (звучали разные мнения), — не учитывают, что ислам — это религия, которая самовоспроизводится, то есть воспроизводит собственные традиции. Ислам — это религия, у которой нет истории. Мне кажется, что глобализация, встроенная в экономику, стремится к бесконечному

расширению для того, чтобы выйти за пределы, при этом нарушая границы, которые возвели вокруг себя исламские государства. Это все основано на желании людей, которые живут при капитализме, контролировать все вокруг без всяких границ. Но у людей, которые становятся жертвами такой эксплуатации, есть желание поддерживать собственный способ жизни.

В заключение я хотел бы отреагировать на то, что здесь было сказано. Я согласен с тем, что действительно существует государственный терроризм. Меня беспокоит то, что когда речь идет о терроризме, то не только отдельные индивидуальности, но и государства могут эксплуатировать идею религиозных различий. Если мы сможем разглядеть эти вещи, то, конечно, сможем решить проблему.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется академику Владиславу Александровичу Лекторскому.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Точную дефиницию терроризма, наверное, дать трудно, хотя можно в общих чертах сказать о том, что под этим понимается. Это использование насилия для достижения каких-либо целей, которые представляются справедливыми тому, кто это делает, и при этом террорист не считает с тем, что погибнут невинные люди. Современный международный терроризм имеет специфические особенности, отличающие его от терроризма, который был ранее. Терроризм существует давно — он был и в России, и в Западной Европе. Кто-то сказал, что если мы хотим понять какие-то явления, то тем самым как бы оправдываем их. Это не так. Если я вижу, что молния ударила в человека и он погиб, я могу это объяснить. Это не значит, что я оправдываю гибель человека от удара молнии. Но если я знаю, отчего могут погибать люди в таких случаях, я могу принять меры для того, чтобы этого не произошло. То же самое и с терроризмом. Если мы понимаем корни терроризма, знаем условия, благоприятствующие ему, мы получаем средства не для того, чтобы оправдать терроризм, а как раз для того, чтобы с ним бороться.

Как могут люди прийти к оправданию терроризма? Приведу пример. Известный философ Георг Лукач в 1910-х годах изучал Достоевского и плакал над рассуждениями Алеши Карамазова о том, что ни одна слезинка невинного ребенка не должна пролиться. Прошло несколько лет — Лукач вступил в Коммунистическую партию Венгрии и нашел способы оправдывать расстрелы и терроризм. На эту тему писали многие. Сартр писал об этом в своих книгах и пьесах. Камю анализировал феномен русского эсера Каляева, убитого генерал-губернатора Москвы. Есть интересная книга у Мерло-Понти «Гуманизм и террор». В общем, это большая проблема: и философская, и психологическая. Я помню, что, когда в 1970-е годы в Западной Европе появились террористические «Красные бригады» (в Италии), группы «Баадер–Майнхоф» (в Германии), люди это осуждали, но отдельная группа интеллигентов, включая известного писателя-гуманиста Генриха Белля, им сочувствовала. Считалось, что ради

великого, справедливого, по их мнению, дела они готовы были жертвовать собой и другими.

Есть такое понятие, как «государственный террор», который существовал в фашистской Германии, в Советском Союзе. Это немного другое явление. А то, что сейчас называется международным терроризмом, — все-таки специфический феномен, который хотя и связан с тем терроризмом, который был ранее, но имеет свои особенности. И они связаны с культурой.

Мы сегодня говорили об отношении международного терроризма к экономическим, политическим, геополитическим и прочим проблемам, это был интересный и важный разговор. Но мне кажется, если мы хотим понять современный международный терроризм, его специфику, особенности, то проблему культуры мы никак не можем обойти, как и проблему ценностей. Ведь в основе культуры лежит система ценностей. Если мы не будем это учитывать и анализировать, то в современном терроризме будет трудно разобраться.

Сегодня некоторые экономисты говорили о том, что глобализация — вещь абсолютно неизбежная: она началась и будет продолжаться, и никто не может этому помешать. Для меня этот вопрос более сложный. Конечно, если когда-то возникла система, которая называется рыночным капитализмом, то она, развиваясь, на каком-то этапе неизбежно должна была бы привести к процессу, который получил название глобализации. В этом смысле глобализация неизбежна. Но глобализация бывает в разных формах. И та форма, в которой она стала осуществляться, не обязательно единственно возможная.

Когда впервые заговорили о глобализации, то Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США, сказал: «Давайте, дорогие друзья, признаемся честно, что глобализация — это просто американизация». Изначально это так и было. То есть это не просто распространение некоторых экономических механизмов, рыночной экономики, транснациональных корпораций и финансовых учреждений на мировой рынок, но и глобальное распространение информационно-коммуникационных технологий и особой культуры, с этим связанной, прежде всего массовой культуры. Последняя стала вступать в противоречия с теми традиционными культурами, которые существуют во многих странах мира. Поэтому глобализация — это не просто экономические процессы, а процессы культурные, и при этом очень конфликтные.

Вот тут-то и возникла проблема противодействия глобализации со стороны существующих культур, как сказал об этом сегодня Том Рокмор. Речь идет о вызове определенному образу жизни, который складывался веками и тысячелетиями. Дело не просто в конфликте культур, о котором писал Хантингтон. Разные культуры были и раньше, и происходили войны между исламом и Европой, но это другое. Сейчас речь идет о подрыве самих основ исламской и других культур на Востоке и в Африке. И международный терроризм — это извращенный способ противодействия этому наступлению. Дело в том, что если люди, живущие в традиционных обществах, начинают осваивать западную массовую

культуру, они теряют свою идентичность. А проблема идентичности — не экономическая или политическая, а культурная и социально-психологическая. Чтобы быть и осознать себя кем-то, человек должен вписываться в какие-то коллективные идентичности. Эти идентичности, связанные с культурой, традициями, разрушаются, подрываются, и само понятие личности в связи с этим размывается. И что остается делать? Или смириться, или каким-то образом пытаться этому противодействовать. Другое дело — как? Современный международный терроризм — это извращенный способ такого противодействия.

Среди террористов много людей малообразованных, может быть, не вполне вменяемых, но не в этом дело. Ведь идеологи терроризма — это люди, которые получили хорошее образование на Западе и владеют современными информационными технологиями. Конечно, среди причин современного международного терроризма есть и экономические. Там переплетается все. Но если мы не учтем самого чувствительного для человека феномена — проблему его идентичности, которая сегодня подрывается, — то не поймем глубинных истоков терроризма и тем самым не решим проблему борьбы с ним.

Борьба с международным терроризмом, бесспорно, включает и силовое противодействие. Конечно, терроризм — недопустимая вещь, величайшее моральное зло. Для того чтобы искоренить терроризм, нужно также находить способы улаживания политических и экономических проблем в разных регионах. Но этого недостаточно. Если мы хотим победить терроризм, нам необходимо понимать и уважать чужие традиции. А понимание — сложнейшая вещь, потому что порой бывает так, что мы разговариваем с представителями других культур о каких-то проблемах, и кажется, что мы говорим об одном и том же, а на самом деле у нас совершенно разное понимание этих проблем. Это определяется разностью культур. Так что проблема международного терроризма — это еще и культурологическая, и философская проблема.

В заключение несколько слов о том, как рекрутируются террористы. Почему такие люди появляются в России? Почему студентка философского факультета, которая хорошо училась и была вроде бы неглупой, пыталась попасть в ИГИЛ? Я думаю, что это связано все с той же проблемой идентичности, которая и в Европе сейчас весьма актуальна. Например, человек родился в западной европейской стране — во Франции или Бельгии, куда приехали его родители, он там вырос, знает язык, вроде бы живет в культуре принимающей его страны. Но на самом деле не вписался полностью, не интегрировался. И такие анклавные гетто людей, которые живут в странах Европы и все равно не интегрируются, для этих стран большая проблема. Кто эти люди — французы, или арабы, или кто-либо еще? Это для них проблема. Они не могут найти свою идентичность. Эти молодые люди легко становятся жертвами воинствующих проповедей.

Как противодействовать терроризму? Как я сказал, нужны и силовые способы, и способы диалога культур, о чем мы и говорим на Лихачевских чтениях. Я хочу

обратить особое внимание на то, что для европейской культуры важнейшие ценности — это свобода и защищенность. Сейчас говорят, что в связи с борьбой с терроризмом приходится частично жертвовать свободой в пользу защищенности. Но в связи с этим хочется задать вопрос: не слишком ли дорогую цену мы платим за это и не приведет ли это к тому, что ценность свободы как таковой постепенно исчезнет? Такая опасность ведь тоже существует.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Складывается интересный диалог крупных ученых, когда никто не спорит, а выступления взаимно дополняют друг друга: каждый обращает внимание на разные грани происходящего.

В. С. СТЕПИН: — Но в разных подходах есть инвариантное содержание, нечто общее, касающееся понимания и определения терроризма. Все согласны, что терроризм — это определенный способ посеять страх, чтобы решить политические, идеологические и другие проблемы.

Определение терроризма важно для правовой системы. Имеет ли человек право уничтожать террористов, например, в ситуации, когда группа людей готовит взрыв жилого дома? Их блокируют и убивают на месте. Возникает вопрос: имеют ли право правоохранительные органы уничтожать террористов без суда и следствия? Все эти правовые аспекты надо уточнять. Я согласен с Валерием Александровичем Тишковым, что уточнение определения терроризма должно опираться на уже проведенные исследования. И здесь приоритет, конечно, имеют те, кто знаком с содержанием данной проблематики.

Другой фундаментальный вопрос — о культуре и цивилизации. Владислав Александрович Лекторский обозначил ряд проблем современной цивилизации, которые связаны с особенностями современного терроризма. Чаще всего терроризм связывают со столкновением культур. Но для понимания его истоков нужен более широкий масштаб рассмотрения. Тип цивилизационного развития, который возник на Западе и постепенно трансформировал традиционалистские общества, породил обостряющиеся глобальные кризисы. В принципе, терроризм является одним из аспектов этих кризисов. И тогда проблемы истоков терроризма и борьбы с ним должны рассматриваться в контексте поиска новых стратегий цивилизационного развития.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я думаю, что после этой дискуссии у нас появится больше поводов для размышлений, а не однозначное представление по какому-либо вопросу. Академик Тишков сказал, что террорист — это определенный тип личности. У Гумилева есть понятие пассионария — это такой тип личности, который идет впереди социума, готов собой пожертвовать, предпринимать резкие действия. Уместно, на мой взгляд, Владислав Александрович вспомнил о справедливости. Вообще, в основе любого террора, возможно, лежит извращенное понимание справедливости. Когда человек понимает справедливость иначе, чем власть, господствующие в обществе силы.

Необходимо поразмышлять над огромным количеством исторических фактов с точки зрения их соотношения с понятием «терроризм». И чем больше мы будем размышлять, тем лучше будем понимать, что терроризм является иной формой насилия. Современный ИГИЛ (ДАИШ) по степени пренебрежения к человеческой жизни, жестокости, садизма можно сравнить с тем, что делал Гитлер, войска Германии (в частности, с блокадой Петербурга, когда перед армией была поставлена задача уничтожить все мирное население огромного города). Здесь можно вспомнить и походы крестоносцев, захват Константинополя, флибустьеров и т. д. Современный ДАИШ можно сравнить с молодежными протестами на Западе в 1968 году. Тогда молодежь, хорошо образованный социальный слой, сказала: «Мы отрицаем ценности общества взрослых, буржуазной культуры и хотим обратиться к чему-то другому». Сейчас у ДАИШ мы наблюдаем очень сомнительную, неприемлемую для мусульман переинтерпретацию мусульманской религии. Нам есть о чем подумать, и мы продолжим этот разговор на Лихачевских чтениях.

Слово предоставляется Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК: — Я с большим интересом слушал всех выступающих. Но должен сказать, что проблема, которая для философов довольно абстрактна, абсолютно конкретна для юристов. Потому что в Уголовном кодексе есть норма, которая так и называется — терроризм. Там есть диспозиция, то есть содержание этой нормы, определение терроризма. Это определение должно ограничивать терроризм от других преступлений, которые связаны с насилием, убийством, причинением значительного ущерба имуществу (так называемая конкуренция норм). Верное определение терроризму дали Валерий Александрович Тишков и Вячеслав Семенович Степин.

Я не думаю, что можно дать философское определение терроризму, отличное от того, что существует в праве: терроризм — это воздействие с помощью насилия на власти предрасположенные в определенных политических, идеологических и религиозных целях. Мне не представляется плодотворным обсуждать терроризм в целом. Он имеет совершенно разные формы, и здесь важно провести разграничения. Вообще явление для науки начинает представлять интерес, когда становится массовым. Индивидуальный акт, допустим, Брейвика — чисто психологический. Существует много идей, которым можно поклоняться. Когда явление становится массовым, тогда оно представляет интерес для социологов и вообще для ученых.

Россия — родоначальница индивидуального террора. Борис Савинков был террористом, потому что преследовал цель, как и все анархисты, повлиять на власть с целью принятия определенных решений. А Вера Засулич не была террористкой, потому что она просто мстила за поругание, которому подвергся ее товарищ по движению. Сейчас на второй план отступил терроризм идеологический, коммунистический и пр. Реально в мире существует исламский терроризм — это сейчас актуально и должно обсуждаться.

Я определил терроризм как давление на власть, причем необязательно с целью принятия политических решений. Мотивация может быть различной. Первая мотивация — «мы хотим жить как вы, а вы нам не дадите». Вторая — «мы вообще не хотим, чтобы вы жили, должны жить только правые». И третья мотивация — «мы не хотим жить как вы, мы хотим жить, как мы традиционно живем, не мешайте нам жить, как мы хотим». Это мотивации в рамках реакции на определенную политическую ситуацию.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Генри Маркович несколько раз сказал слово «должны», но философы не существуют ради юристов. Философы и культурологи обсуждают интересные для них проблемы. Юристы, если захотят, могут воспользоваться их выводами. Из разговора, который здесь идет, многое можно почерпнуть для социологии, психологии, других наук и, кстати, для профилактики преступности.

Слово предоставляется господину Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Я хочу поделиться наблюдением, которое мой коллега из США высказал здесь, — что террористические действия надо рассматривать как военные преступления, когда они совершаются против гражданских лиц. Второй момент касается определенных — нельзя исключать практики терроризма, которые совершаются государствами. Потому что это делает процесс более масштабным, нежели если теракты совершают отдельные люди. Таким образом, терроризм может являться военной тактикой (используется даже английский термин “terra bombing”, то есть бомбардировки для запугивания).

Необходимо договориться об общем всеобъемлющем подходе к рассмотрению освободительных движений и акций, которые проводят государства или большие группы людей. Трудно сказать, хорошее освободительное движение или нет и может ли оно использовать террористические методы. На мой взгляд, насилие не может быть оправдано, если оно используется по политическим и культурным требованиям.

Ж. Т. ТОЩЕНКО, *главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент РАН* (вопрос из зала): — Я согласен с тем, что определить терроризм так же трудно, как и понятие «зло». Но одно дело — личность, субъект, другое — организация, третье — социальная группа или государство.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Разве мы к чему-нибудь приблизимся в понимании международного терроризма, если будем исходить из субъекта? В данном случае субъект неясен. Вы не можете сказать, для каких целей осуществляется терроризм, какая политическая сила или страна за ним стоит. Это совершенно другой феномен. Я согласен с коллегами, которые связывают его с культурной идентичностью, ценностными представлениями о мире. Если мы исходим из этого, то тогда ценностные представления

и идентичность любого субъекта становятся последним основанием.

Все сошлись на определении, что терроризм — это применение насильственных методов по отношению к невинным людям. Эмпирически можно сказать, кто виновен, а кто — нет, а в философском смысле все не так просто. У Гегеля есть высказывание: «Невинного страдания не бывает». Поэтому я могу помыслить такой ценностный взгляд на мир и такую культурную идентификационную позицию, когда тот, что с нашей точки зрения и по всем эмпирическим показателям является невинной жертвой (ибо никак не связан с тем, кто совершает террор), тем не менее в рамках перевернутых ценностных представлений выглядит как виновный.

С. Б. БАЙЗАКОВ, *научный руководитель Института экономических исследований (Казахстан), доктор экономических наук* (вопрос из зала): — Филосо-

фы должны искать форму существования терроризма как покушение на жизнь чужого человека, нарушая принятый порядок общежития в стране. В экономическом плане форму существования личности определяет уровень ее жизни. Кем бы человек ни был, он должен существовать нормально. Если человек осуществляет целесообразную или нецелесообразную деятельность, он идет на это ради своих экономических интересов, не находя другого выхода из создавшегося трудного положения. Идеологические, культурные, духовные ценности обязательно должны связываться уровнем развития экономики страны, социально-культурной и образовательной средой человека. Можно ли назвать терроризмом, например, случай, когда женщина выбрасывает своего новорожденного ребенка в мусорный ящик?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Это не терроризм, что понятно из хода нашей дискуссии.

Благодарю всех за участие в панельной дискуссии!

Панельная дискуссия БЕЛЫЕ ПЯТНА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

20 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор (<i>модератор</i>)
Ч. ВАРГА	почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Г. КЁХЛЕР	президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
В. Н. ПЛИГИН	председатель Комитета Государственной Думы РФ по конституционному законодательству и государственному строительству
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Мое общение с юридической общественностью на протяжении последних 20 лет протекало непросто. Я считаю, что юриспруденция, как и экономика, является подсистемой огромного комплекса, который называется культурой.

Юриспруденция, так же как и экономика, — относительно обособленный по целому ряду признаков культурный комплекс, как и многие другие подсистемы. Юриспруденция связана огромным количеством невидимых нитей со всем массивом культуры (экономикой, политической деятельностью и многими другими подсистемами). Эти связи еще не полностью изучены и не полностью осознаны. Коллеги-юристы, доктора юридических наук, говорили мне: «Речь идет о правовой культуре, о том, что граждане не понимают законы»? На мой взгляд, речь идет не об этом, а о том, что существование правовых механизмов — по сути, явление культуры в нашей жизни и подчиняется тем же законам.

Последние 20–25 лет мы постоянно старались вписаться в международную правовую ситуацию, выстроить право в России по правилам, которые приняты в международном сообществе. Россия отставала от имплементации этих правил международного сообщества и хотела быстро войти в эту систему, чтобы все встало на свои места. Мы знали, что существуют германская и англосаксонская системы права. При этом выяснилось, что проблемы существования права в огромной системе координат культуры не сводятся к тому, знают граждане законы или нет, выгодно применять законы или нет. Оказывается, сама возможность функционирования права является производной от исторических

корней данного государства, национальных традиций, национального менталитета, всего культурного комплекса.

Мы это увидели в конкретных проявлениях. Многие сейчас политизируют проблемы ЮКОСа, полагают, что Россия просто не хочет платить деньги, поэтому отказывается от западных юрисдикций. Но ситуация намного глубже и серьезнее. Даже если не учитывать дело ЮКОСа, останется проблема понимания права Европейским судом по правам человека, потому что существуют культурные, исторические отличия судов в России и Европе. У Евросоюза много внутренних проблем, а также проблем с США. Многие договоренности подвергаются эрозии. Но в любом случае надо учитывать фактор национальных культур.

В данной дискуссии имеются в виду белые пятна не в географическом смысле (то, что не нанесено на карты), а в праве — позиции, по которым не достигнуто всеобщего международного понимания юристами высочайшего уровня. Мы не сможем сегодня здесь обсудить все белые пятна, я прошу коротко, по существу обозначить наиболее острые, ключевые проблемы, по которым международное сообщество не может договориться. Эта невозможность договориться, имеющая глубокие корни (не политические, а именно культурные), создает большие проблемы.

Слово предоставляется модератору — академику Лисицыну-Светланову.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Жизнь в государстве либо в мировом сообществе весьма динамична

и развивается в различных направлениях. Право все-гда консервативно. Оно на протяжении истории, включая современность и будущее, будет отставать от тех процессов, которые происходят в политической, экономической, социальной и других сферах. Разный темп развития общества и формализации регулирования этих процессов в праве порождает то, что я назвал бы белыми пятнами. Они существуют во внутреннем праве, и когда мы обсуждаем эти проблемы на примере национального законодательства, они отчетливо видны. Но когда речь идет о международном праве, мы не можем говорить о какой-то одной стране (даже если она населена большим количеством людей, как Китай, либо сильна в экономическом и политическом смысле, как США). Мы говорим о мировом сообществе (это не абстрактная категория) — государствах, которые являются членами ООН. Наша задача — посмотреть, какие именно процессы развиваются в сфере международных отношений и насколько существующее международное право на сегодняшний день адекватно этим процессам.

Слово предоставляется Владимиру Николаевичу Плигину.

В. Н. ПЛИГИН¹: — Глубокоуважаемый Андрей Геннадьевич, уважаемые дамы и господа! Для меня большая честь второй раз присутствовать в вашем динамично развивающемся Университете.

Тема, которая рассматривается сегодня, не может быть исчерпана в рамках одной дискуссии (сложно даже приблизиться к этой теме).

Я согласен с мыслью, озвученной ректором А. С. Запесоцким, — право является частью культуры, но, будучи ее частью, оказывает огромное влияние на культуру. Эта многогранная дискуссия о взаимном влиянии права и культуры уже сама по себе интересна. Начало ей было положено на Петербургском международном юридическом форуме.

Что касается белых пятен в сфере международного права, то мы должны понимать, что международное право — это нечто идеальное, но, будучи идеальным, оно функционирует. Развитие права происходит в зависимости от того, что происходит в мире. В ближайший период времени, к сожалению, основной чертой, которая характеризует мировое развитие, будет фрагментация. После Второй мировой войны сложилась более или менее стабильная система. Сегодня эта система ушла в прошлое, она не возвратится, будет происходить фрагментация, в том числе центров силы. Появится больше центров силы и исчезнет классическое представление о суверенитете.

Новое белое пятно — как увязать, с одной стороны, уходящую идею суверенитета, с другой — уважение к суверенным государствам? Другое белое пятно —

¹ Депутат Государственной Думы РФ IV–VI созывов, председатель Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ. Автор ряда публикаций в сфере правоведения, в т. ч.: «Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений в странах ЕС и ЕАСТ», «Управление государственным имуществом» (в соавт.) и др. Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Почета.

что значит переход от суверенитета к наднациональным образованиям? Следующее белое пятно — произвольное использование новых подходов вместо ранее согласованных. Была выстроена система международной торговли, пронизанная большим количеством правил и подразумевавшая скрупулезное отношение к таким категориям, как частная собственность, свобода предпринимательства. Но на эту систему наложили отпечатки последние процессы, происходящие в мире.

Нужно провести серьезную дискуссию по поводу изменяющейся роли прав человека, о том, каким образом сохранить действующую концепцию прав человека, которая была начата в Конституционном Суде РФ. В рамках четырех вызовов: 1) миграционного; 2) исчерпания ресурсов; 3) изменяющегося климата; 4) распространения вооружений — будет происходить фрагментация. По оценкам германских ученых, то, каким образом выстраивается концепция прав человека, в ближайшее время будет касаться миллиардов людей.

Чтобы заполнить эти лакуны, белые пятна, нам придется провести серьезный разговор о ценностях (справедливость, истинность и пр.). И если нам это удастся сделать, мы сможем понять главное — как сохранить баланс, который существовал ранее, в каких объемах он должен сохраняться, какие нормы должны быть изменены, какие международные институты продолжают выступать гарантом международного права?

В деревне, расположенной неподалеку от Берлина, на международном форуме 10 человек из США, 10 человек из Германии и 10 человек из России в течение трех дней говорили о понятии «ценность». Трехдневный разговор показал, что мы приближаемся к этим ценностям и общему пониманию, но у нас глубинно разные представления, которые нужно уравнивать. Попробуем заполнить сегодня хотя бы одно белое пятно.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Владимир Николаевич затронул фундаментальные проблемы. Пожалуй, задавайте вопросы.

С. Б. БАЙЗАКОВ, научный руководитель Института экономических исследований (Казахстан), доктор экономических наук: — Тема ценностей интересна сама по себе. На каком определении Вы остановились?

В. Н. ПЛИГИН: — Мы пытались определить то, что является ценным, хотя это задача не юристов, а религий. Все великие религии и человечество объединены одной важной ценностью — уважением к праву на жизнь. Но, как показывает современная практика, даже в приближении к теме мы начинаем расходиться. И если в том месте, которое мы называем цивилизованным миром, приблизились к пониманию права на жизнь, существует огромное пространство (распадающиеся или слабые государства), которое охватывает сотни миллионов людей, где попирается право на жизнь. К сожалению, они, как черные дыры, вовлекают в этот процесс и другие территории.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Принимая во внимание философские категории, которые были

затронуты в праве, я предоставляю слово профессору Кёхлеру, чтобы он высказал свои соображения по поводу того, что же с точки зрения философии права служит причиной возникновения белых пятен.

Г. КЁХЛЕР: — Что означает международное право, в частности международное господство права? Эти термины часто употребляются в выступлениях Генерального секретаря ООН и многих других международных деятелей. Это нормы, которые используют систему принуждения. Норма не будет являться таковой, если не применять средства принуждения, что осуществляется государством, в котором доминирует право.

Сегодня важно цивилизованное поведение: государство ведет себя цивилизованно, если там главенствует право (причем на устойчивой основе), право отделено от власти, — это относится к суверенным государствам. Но так происходит, когда речь идет о системе норм, которые управляют отношениями между государствами, — я имею в виду международное право. Не существует единой системы международных норм, международного государства (и, наверное, не нужно стремиться к его созданию).

Итак, нет единой системы, нет единых мер сдержек и противовесов, ранее существовала рудиментарная форма. Я говорю об организации, которая сейчас называется всемирной, — ООН. Это самая крупная межгосударственная организация, которая объединяет почти все государства (за небольшим исключением). Один из главных принципов ООН состоит в том, что использование силы незаконно во взаимоотношениях между государствами. Ни одному государству не разрешается использовать силу против другого суверенного государства или угрожать использованием силы. Это благородный принцип, но если он предполагается как краеугольный камень международной системы права, то должна существовать система принуждения. Поэтому в 7-й главе Устава ООН регулируются действия властей, Совета Безопасности в случае нарушения этого правила, если одно государство нападает на другое или угрожает войной другому.

Проблема заключается в том, что применение права несовершенно, потому что все зависит от согласия пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. Мы упускаем еще один момент — параграф 3 ст. 27 Устава ООН гласит, что общий принцип справедливости неприменим к решениям Совета Безопасности ООН по вопросу международной безопасности и мира. Это означает, что если какое-либо государство напало на другое государство и является членом Совета Безопасности, то оно все равно имеет право голосовать в качестве члена Совета Безопасности, несмотря на то что это правило не соответствует принципам справедливости. То есть такое государство может действовать незаконно в отношении основ Устава ООН. Если на мировом уровне установится баланс сил, как было в то время, когда была образована ООН, то проблема перестанет быть такой острой.

Нарушение существующего баланса сил подводит меня к вопросу, связанному с другим краеугольным камнем Устава ООН, — суверенитетом. В Уставе ООН

этот принцип предполагает суверенное равенство государств — членов ООН. Это можно трактовать как попытку создать условия для справедливого участия всех членов международного сообщества (независимо от того, большое государство или маленькое, богатое или бедное и т. д.). Все смогут голосовать в рамках ООН.

Реальность, в которой действуют международное сообщество и ООН, такова — всегда существует воздействие различных сил. Приведу пример. В 1999 году проходили консультации Совета Безопасности ООН по вопросу вторжения Ирака в Кувейт. Несколько государств, которые не входили в число постоянных членов Совета Безопасности ООН, отказались предоставлять все права Совету Безопасности воздействовать на Ирак, используя все средства, находящиеся в их распоряжении. В ООН проводились тайные консультации, в ходе которых оказывалось воздействие на ряд более слабых государств, не входящих в число постоянных членов Совета Безопасности. Какова же ценность голоса непостоянного члена Совета Безопасности, если на него оказывается давление и в отношении него применяется сила? Какую силу имеет подпись под подобным документом, если она достигнута путем принуждения?

Хочу отметить еще один аспект — белые пятна в вопросе о правах человека. Сейчас мы пытаемся создать систему наказания, новую сферу — так называемое международное уголовное право. Никто (ни генерал, ни премьер-министр, ни король и пр.) не сможет избежать международной ответственности за преступления против человечества и т. д.

Уже 14 лет действует Международный уголовный суд. Рассматривались преступления против человечества, которые совершались в странах к Югу от Сахары, против руководителей государств и т. д. Проблема заключается в том, что некоторые страны, обладающие крупным военным потенциалом, не подписали этот договор, а значит, он уже не так силен. Было невозможно достичь компромисса во время утверждения Устава Международного уголовного суда. Право передавать дела в Международный уголовный суд, даже если страна не подписала этого документа, было предоставлено Совету Безопасности ООН. Таким образом, Совет Безопасности может определять юрисдикцию Международного уголовного суда (так произошло в случае с Суданом и Ливией). Проблема в том, что резолюция, которую принял Совет Безопасности, о передаче дел в Международный уголовный суд, содержит положения, согласно которым возможные нарушения международного уголовного права странами — членами военных контингентов, которые входят в эти страны, не подлежат наказанию. Таким образом, это особое законодательство, которое принято Советом Безопасности ООН по политическим мотивам.

Как можно говорить, что создание Международного уголовного суда является величайшим достижением человечества, если в нем существуют недостатки (когда он занимается судебным преследованием только тех людей, которые живут в более слабых государствах)? Государства, которые не представлены в этом суде, мо-

гут потребовать судебного производства в отношении государственных лиц и стран, которые не относятся к компетенции этого суда (так было с Суданом и пр.).

США много раз подчеркивали, что они никогда не ратифицируют договор о создании Международного уголовного суда, потому что считают это нарушением национального суверенитета. Данный факт выступает как фактор деморализации международного сообщества. Как другая страна может подчиняться его решениям, если великая держава отказывается ратифицировать договор о создании этого суда?

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — В выступлении господина Кёхлера прозвучало несколько принципиальных моментов, которые отличают международно-правовую сферу регулирования от национальной. Часто мне, как международнику, коллеги по внутригосударственному цеху задавали вопрос: чем Вы руководствуетесь, когда нет инструментов принуждения, то есть в международном праве нет таких положений, которые существуют в национальных юрисдикциях? Аналогично тому, что было сказано господином Кёхлером, высказываются юристы в России.

В докладе было проиллюстрировано, что существуют определенные области, в первую очередь в сфере международной уголовной юрисдикции, где действует механизм принуждения. Но одновременно возникает каверзный вопрос: государства все равны, но среди них есть более равные? Когда мы говорим о Ливане, Судане, Сомали, сложно представить аналогичную ситуацию. Безусловно, проблема существует, и со временем она должна быть решена, на это требуется не один год, может быть, не одно десятилетие. На Лихачевских чтениях мы можем задать вектор ее решения.

Слово предоставляется специалисту в области права, олицетворяющему суверенитет страны, судье Конституционного Суда РФ профессору Г. А. Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Мне бы хотелось поговорить о такой части международного права, которая называется «международное гуманитарное право». Это право, которое регламентирует самое главное для человека — права человека. В этом сегменте международного права есть инструменты, как обеспечить права, во всяком случае, в той части мира, которая считается Европой. И, по моему глубокому убеждению, Россия была Европой, является Европой и будет Европой, кто бы что ни говорил. Мы так ментально сформированы, что все-таки являемся европейцами, я постоянно это повторяю и тем самым выражаю свою позицию. В этой части международного права тоже очень много противоречий, и с равным успехом эти противоречия и проблемы можно назвать белыми пятнами.

Расскажу одну очень занятную историю, понятную даже тем, кто не учится на юридическом факультете. Два российских далеко не самых законопослушных гражданина, которые отбывали наказание в тюрьме, обратились в Европейский суд по правам человека и попросили признать их права нарушенными. Они были осуждены за убийство к смертной казни, потом это наказание было заменено на пожизненное лишение

свободы и после кассации дошло до 15 лет. Во время отбывания наказания они решили заявить о том, что поддерживают президента и хотят за него голосовать. Но по Конституции Российской Федерации (а не по избирательному закону) лица, которые отбывают наказание по приговору суда, голосовать не могут. Они пожаловались, и их жалоба поступила на рассмотрение Европейского суда. Суд выразил свою правовую позицию исходя из того, что среди европейских государств складывается некий консенсус. Он еще не до конца сформировался, но уже есть некое ядро. Согласно представлениям европейского права, даже если человек находится в местах лишения свободы, надо уважать его личность, его достоинство, надо думать о том, как бы его ресоциализировать, связать с обществом, а значит, ему надо дать право голосовать.

Европейский суд по правам человека признал, что права этих двух граждан нарушены, после чего дело поступило в Россию для исполнения. И тут возникла заминка, потому что органы государственной власти сказали: «Да, но у нас самым главным является внутренний закон, Конституция, а не международное право». Появилась неопределенность, которая состоит в том, что патриоты скажут, что, безусловно, Конституция важнее, чем международное право. Но в то же время в ней есть и такие положения, которые могут позволить сделать и другой вывод. В одной из статей Конституции говорится, что мы в Российской Федерации признаем права человека, гарантируем их исходя из общепризнанных принципов международного права. Некая отсылка к тому, чего нет в Основном законе, но что мы признаем и что объективно существует. А в международном праве в качестве общепризнанного рассматривается принцип пропорциональности. Философы хорошо знают, что такое золотая середина, человечество до этой идеи додумалось много тысячелетий назад. Но в этом случае золотую середину найти не очень легко.

С одной стороны, есть гуманитарный интерес дать человеку, даже если он находится в местах лишения свободы, возможность общаться, в том числе путем голосования. Но есть и другая правовая ценность — это свобода выбора. И эту конституционную ценность государство должно гарантировать. Проблема в том, можно ли обеспечить в местах лишения свободы в России свободу голосования. Можем ли мы гарантировать эту свободу? Вот вам реальный конфликт. И как выходить из этой ситуации? Вопрос стоит так: что выше — национальное право в виде Конституции, высших норм российского права, или же все-таки надо руководствоваться международным правом? Скажу, каким было решение Конституционного Суда. Он не стал говорить, что не надо выполнять решения Европейского суда, хотя такая возможность, конечно же, существовала, потому что каждый из членов суда, вступая в должность, приносит клятву соблюдать Конституцию Российской Федерации, а значит, и статью о том, что человек, который находится в местах лишения свободы, не должен голосовать. Вот такая непростая ситуация. Выбор оказался все-таки в пользу пропорциональности, необходимости искать оптимальное

и рациональное решение, несмотря на прямую запись в Конституции. И это означает, что законодателю при наличии текста Основного закона надо думать, как соизмерять и то, что содержится в европейском праве, и то, что содержится в Конституции РФ. Кому-то может показаться, что это нерешаемая задача, но нет, она с трудом, но решаемая.

Какие тут возникают проблемы, даже если отталкиваться от этого примера? Проблемы в том, что у европейского права, у международного гуманитарного права явно обозначилась тенденция сделать свои нормы предельно универсальными. То есть это некие стандарты, которые международное право хотело бы обнаружить в каждой стране. Но не каждая страна готова эти стандарты «переварить», потому что, по правде говоря, не все государства находятся на одном культурном уровне. И некоторые европейские страны очень легко согласились на этот каталог прав, не понимая, что это может являться свидетельством того, что вообще юридически суверенных стран в мире 200 или около того. А если говорить по существу, на самом деле суверенных стран не так уж и много, если иметь в виду, что суверенитет — это понятие не только формально юридическое.

У каждого народа есть свои традиции, представления. Я сейчас говорю не об отсталых традициях, не о предрассудках, а о том, что у каждого народа есть своя культурная идентичность. Она есть у индусов, у китайцев, у бразильцев, она есть в Южной Африке и в России. Удивительное дело: именно эти пять стран образовали международное объединение. Это очень показательное. У этого объединения есть не просто экономические и не только политические причины, хотя, наверное, дипломаты считают, что это самое главное. У этих пяти стран есть очень серьезные юридические предпосылки для того, чтобы быть вместе в мировом сообществе. Желание отстоять свою культурную идентичность порождает, я бы сказал, не противоречия, а определенную напряженность в истолковании того, что такое права. Да, об этом могут быть разные представления, но в этом нет ничего удивительного и тем более трагичного. Это нормальный процесс, который рождает спокойный, нормальный диалог. И с помощью этого диалога можно обо всем договориться.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо большое. Коллеги, пожалуйста, задавайте вопросы.

А. Н. ЧУМАКОВ, *главный редактор журнала «Век глобализации»* (вопрос из зала): — Интересная постановка вопроса. Мы здесь раньше обсуждали вопросы глобального терроризма. Ясно, что проблемы терроризма на национальном уровне, как тут было показано, в принципе решаемы, и прежде всего потому, что на уровне национальных государств существует национальное право и более или менее выстроен комплекс мер, который приводит если не к полной ликвидации, то к снижению этой опасности. Если говорить о международном, глобальном терроризме (а мы живем в глобальном мире), то, очевидно, национальное право здесь не инструмент. Но похоже, что не инструмент здесь

и международное право, о котором много говорится. И только вскользь прозвучала речь о создании универсального права. Может быть, тогда лучше назвать его в этом ключе глобальным правом, если мы решаем эту глобальную проблему, а это только одна из глобальных проблем — мировой терроризм. И коль скоро мы живем в глобальном обществе, мой вопрос такой: не должны ли мы стремиться к созданию универсального глобального права, и если должны, то насколько это в принципе возможно? Сегодня это скорее философская проблема, но мнение юристов будет очень важно.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Я так понял, Ваш вопрос сводится к тому, что можно провести различия между международным и неким пока не существующим глобальным правом. Возможно, эта постановка вопроса не лишена смысла, потому что уж слишком много белых пятен обнаружилось в международном праве. Вы говорите о проблемах с терроризмом. Слава Богу, этим явлением охвачен не весь мир, конечно, большие территории, но большая часть мира все-таки свободна от этого явления. Возьмите проблемы Интернета, которым пользуется весь мир. А есть ли международные договоры об Интернете? Конечно, нет. Они должны быть? Конечно, да, и здесь тоже возникает проблемность. В общем-то, можно говорить о том, что международное право сейчас находится на смене парадигм, в режиме кризиса. Наверное, о кризисе можно спорить, есть он или нет, но, с моей точки зрения, моей квалификации, это мягкий кризис международного права. Говорить о том, появится ли какое-то глобальное право, на мой взгляд юриста, чье мышление несколько косное, преждевременно. Я думаю, что это невозможно, мы можем только пополнить и восполнить пробелы в международном праве.

В. С. ГЛАГОЛЕВ, *профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук* (вопрос из зала): — Мой вопрос тоже касается белых пятен международного права, но в довольно специфической области — области международных соглашений о контроле над ядерными вооружениями. Как вы знаете, первое испытание ядерной бомбы произошло почти 71 год тому назад, в июле 1945 года, и с тех пор непрерывно происходило совершенствование ядерного оружия всеми, кто его разработал. И я полагаю, что то оружие, которое было получено в 1945-м, к настоящему времени стало традиционным. А появились достаточно специализированные виды оружия не только по мощности, но и по дифференцированности воздействия на различные объекты потенциального противника. Как Вы считаете, в какой-то мере и на закрытых совещаниях, о которых говорил господин Плигин, и в международной юридической прессе обсуждается возможная система совершенствования операций и процедур, касающихся контроля за нетрадиционными видами вооружений, которые существуют на май 2016 года?

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Спасибо за Ваш вопрос, но ответ будет очень короткий. Я судья, а не политик, в отличие от Владимира Николаевича, и поэтому в закры-

тых совещаниях участия не принимаю и соответственно не имею доступа к такого рода информации, которая сейчас Вас интересует. Боюсь, что в этом смысле я для Вас совершенно бесполезен.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я попробую ответить на этот вопрос. На одном из международных политических форумов, которые проводятся в Ярославле, обсуждались вопросы международного права. И такой же вопрос, какой Вы сейчас задали, я направил в сообщество юристов-международников и людей, работающих в сфере политики. Мы обсуждали вопросы, связанные с безопасностью, и у нас есть совершенно определенные конвенции, которые запрещают ядерное, химическое, бактериологическое оружие. А за стеной проходила другая встреча, связанная с развитием технологий. И трудно найти в человеческой истории случай, когда бы эффективная технология не использовалась в военных целях. Поэтому совершенно правильный Ваш вопрос о том, может ли мир столкнуться не с ядерной катастрофой, не с химическим или бактериологическим ужасом, а хотя бы с информационным ужасом, в том числе воздействующим на психику человека. То есть та сфера, которая под правовое регулирование в настоящее время не подпадает. Я задал этот вопрос, и все замахали на меня руками, восклицая: «Господи, да разобраться бы с тем, что есть. Эх куда Вы зашли!» Но я очень рад, что этот вопрос был задан, и ответ, я думаю, понятен, что если обсуждается все очень закрыто, то это не очень эффективно.

У меня, Гадис Абдуллаевич, одно провокационное рассуждение. В частности, в Вашем выступлении и в той широкой дискуссии, которая велась в отношении внутреннего и международного права, использовались такие определения, как «выше», «важнее» и т. д. Знаете, я обратился к своим юным годам, когда писал кандидатскую диссертацию, где у меня было достаточно много высказываний и суждений — больше, быстрее, лучше, хуже. А мой руководитель на полях сделал мне замечание: «Андрей, а на каких весах Вы это взвешивали или какой линейкой Вы это мерили?» После этого я сравнительные степени применительно к праву перестал использовать, если только совершенно случайно. Внутренне у меня есть какой-то стопор.

В настоящее время, когда мы говорим об общих и императивных принципах международного права, мы имеем в виду совершенно определенный международно-правовой документ. Он называется «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН», так называемые принципы *jus cogens*. Они стали универсальными нормами международного права, появившись в Декларации, тем не менее приняты как общепризнанные нормы. Поэтому сравнивать их и говорить об их приоритете, наверное, невозможно, так как мы видим, что эти принципы практически инкорпорированы в законодательство даже тех стран, которые относятся, например, к БРИКС.

Вторая группа норм, которые, может быть, могут нарушаться, но являются обязательными, — это нор-

мы международного договора. А что такое международный договор? Это соглашение определенного круга участников, допустим государств, по определенному кругу вопросов, которое становится частью международного права. Поэтому я не совсем воспринял тот накал страстей, когда рассуждали о том, что важнее. Есть определенные сферы регулирования, совершенно безусловные *jus cogens*, которые так и называются — императивные нормы международного права. Более того, раскрыто содержание каждого из этих принципов. Международные договоры различаются по участникам и по предметам регулирования. Я в данном случае противоречий не наблюдаю. Может быть, я все слишком упрощенно понимаю, не знаю. Поэтому я призываю аудиторию во всех дискуссиях обращаться к документам ООН, в частности к этим принципам. Можно просто посмотреть на них — может, что-то интересное и найдем для ответа на многие возникшие вопросы.

Перейдем к следующим вопросам. Я хотел бы предоставить слово профессору Варга для того, чтобы он высказал свои соображения по поводу обсуждаемых проблем.

Ч. ВАРГА: — Право имеет отличительную особенность — оно описывает само себя. Сейчас мы выслушали представителя парламента, представителя Конституционного Суда, мы прослушали выступление о нормах закона с 1965 года. Я уже 51 год в Академии наук Венгрии изучаю проблемы права, но использую другие формулировки. Если говорить о праве в целом, то когда мы разрабатываем закон, мы придаем ему объективность, даем ему направленность. Что для нас означает закон? Закон — это составная часть нас, потому что мы его применяем. И поэтому закон — это составная часть любой культуры. Невозможно отделиться от закона, от права, поскольку это часть человеческой культуры. Таким образом, здесь существует движение в разных направлениях: с одной стороны, ограничение, с другой — расширение областей права. Поэтому споры — это тоже составная часть правовой культуры. Мы только связаны ссылками на те документы, которые применяются в данном обществе.

Международное право — это та планка, которая задана. Поэтому неважно, будет ли какой-то вопрос относиться к Совету Безопасности или к международному суду, потому что, как специалист по международному праву, я должен знать, какого рода метод действует с точки зрения международного права. Само по себе право — это не активная сила, а воображаемая, на которую мы ссылаемся, и особенно любят это делать профессиональные юристы. В этом качестве право имеет очень чувствительные особенности. Например, Вестфальский мирный договор XVII века предусматривал государственное право и международное право, но международное право само по себе и закон сам по себе могут действовать только как символическая сила.

С точки зрения национального права должна существовать определенная социальная цельность. Если российское общество распадется, тогда закон прекратит действовать. Но если культура выступает за право, то закон будет сильным с точки зрения международно-

го права. Существует такое понятие, как баланс сил. Например, ни одна страна не хотела бы, чтобы ее оккупировала другая страна, но в некоторых случаях ради баланса сил это возможно. В данном случае можно говорить только об условном признании международного права. Так что сейчас речь идет о том, что существует односторонний подход к международному праву.

Я бы хотел сделать небольшой комментарий относительно природы прав человека. Прежде всего права человека в целом с точки зрения закона — это то, чего мы желаем. Когда юристы нам говорят о правах человека, то, в общем-то, эти права нигде не зафиксированы. Но когда создается движение в защиту прав человека, это служит для того, чтобы получить от законодателя позитивное решение, используя внутреннее право, как уже отмечал наш австрийский коллега. Консерватор Берк в Англии в свое время отмечал, что французские революции смогли нам что-то сказать о правах человека. А испанский священник впервые в истории человечества заговорил о праве человека на достоинство. Это было еще в начале XVI века, когда шла борьба против колонизации Южной Америки. Это значит, что любой человек где угодно имеет право требовать соблюдения прав человека. Но Берк ответил на это — нонсенс, то есть англичане отказались от этого понятия. Однако если оно будет преобразовано в позитивное право, тогда уже это переходит в ценности. На самом деле все, кроме французов, выступали с декларациями такого рода. А французы выступили с декларацией о правах человека, и в течение более полутора веков это входило в преамбулу Конституции Франции. Но в этом случае мы видим, что закон — это то, что нужно вводить, что требует санкционирования.

Я хочу сказать, что, будучи правоведом, в начале 1970-х годов опубликовал большую монографию о том, что французская Декларация прав человека и гражданина не имела юридической силы. Что же касается Всеобщей декларации прав человека, то здесь надо учитывать ее двойственное, даже сомнительное происхождение. Надо отметить, что Советский Союз, а точнее Сталин, который руководил страной, победил во Второй мировой войне и вообще был очень сильным политиком, поддерживал ее. В то время самая большая сила, которая выступала против существования Всеобщей декларации прав человека, была учреждена ООН — это Американская антропологическая ассоциация. Она утверждала, что говорить о Всеобщей декларации прав человека — абсолютный нонсенс, потому что антропология изучает разных людей. Например, у русских, живущих в европейской части, — одна антропология, у живущих в Сибири — другая, у тех, кто живет на Камчатке, — третья, и т. д. И тогда антропологи в первый раз заявили, что это ведет к деградации человеческого вида. Потому что существует столько различных правовых систем в мире, что только люди на европейском континенте, не включая сюда Великобританию и Соединенные Штаты Америки, могут основываться на главенстве права. А в других государствах, где распространены иудаизм, ислам и другие религии, — там, где это мотивируется этиологиче-

ски, люди потеряют свою веру, если право будет править ими.

Так что право может существовать только здесь, на европейском континенте. И это означает, что права человека находятся в весьма любопытной ситуации. Если вы просто изучаете права человека, это означает, что они не относятся ни к уголовному праву, ни к имущественному праву. Но если вы организуете какое-то движение, чтобы бороться за какие-то права, скажем женщин, опять же вы возвращаетесь к идеологическому значению. Я думаю, что когда речь идет о конституционной справедливости юстиции, надо учитывать мнения российских органов права. Хорошо, что вы использовали понятие мягкого решения. В Венгрию современная правовая культура пришла из Германии, из Пруссии. Там право — это наиболее абстрактная категория на всем европейском континенте.

А в континентальном праве не существует понятия мягкого права, в то время как в Европейском Союзе право было смягчено. А взять, например, Китай. В свое время газета «Жэньминь Жибао» была создана как официальное печатное издание Коммунистической партии Китая и постоянно освещала все публичные выступления Мао Цзэдуна. То же самое было и в Албании, почти то же самое происходит сейчас в Северной Корее, и в ГДР то же самое происходило, когда Советский Союз доминировал. В Китае все должны были слушаться Мао Цзэдуна. Поэтому мы и говорим о смягчении права в Европе. Но сейчас в Европейском Союзе существуют самые разные направления развития правовых материй, на которых основываются страны при реформировании своего права. И надо учитывать абсолютно все. Это означает, что идеологически здесь права человека выходят на важное место. Так что наша сегодняшняя ситуация очень сложная, и вы должны понимать, что не существует собственно права, это нечто идеальное. Все зависит от того, как мы это рассматриваем.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Спасибо, господин Варга. Вами были затронуты очень интересные вопросы как сегодняшней актуальности, так и определенной ретроспективы. Слово предоставляется известному адвокату Генри Марковичу Резнику.

Г. М. РЕЗНИК: — Друзья, мне легко выступать, поскольку каждый из предыдущих ораторов «откусывал» по кусочку от того, что я хотел сказать. Выскажу два посыла. Первое: вполне естественно, что право, законодательство — все это продукты определенного культурного уровня, которого достигает человечество или какая-то его часть и определенным образом выражает изменившиеся представления. Я могу связать это с предыдущей темой — темой терроризма. В свое время в царской России существовало понятие политического преступника. Таковыми считались люди, которые применяли любые средства только по своей мотивации, например для борьбы с правящим режимом. Террористы, бомбисты, которые не осуждались к повешению, тоже признавались политическими заключенными.

Сейчас ситуация изменилась, определяющим стало насилие. Когда человек применяет насилие, он не считается политическим преступником, а политические преступники — это те, которые выражают свои взгляды мирным путем. Так и здесь. Мы говорим о международном гуманитарном праве. Хочу обратить внимание на то, что законы пишут люди, люди их применяют и люди же их нарушают. Владимир Николаевич сказал вещь, которая меня немножко насторожила: что сейчас опять нужно обсуждать основополагающее положение о правах человека. Мы уже обсуждали и пришли к выводу, что все-таки право человека, которое не подлежит абсолютно никакому обсуждению, — это право на жизнь. Я его скорректирую. Я считаю, что основное право человека в той естественно-правовой концепции, которая шагнула в законодательство, в международное, национальное право, — это право на достоинство человеческой личности, отсюда выводится и право на жизнь.

Что имеется в виду? Дело в том, что где-то применяется смертная казнь, может быть легитимное насилие, но нельзя применять пытки, должно быть исключено рабовладение. Как было бы хорошо, если бы можно было формулировать все права как абсолютные! Но в европейской конвенции, по которой, соб-

ственно говоря, нужно жить, в том числе и России как члену Совета Европы, есть права абсолютные и права относительные. И, кстати сказать, там перечисляются те ценности, которые ограничивают это право.

И второе. Пользуясь тем, что здесь присутствует Гадис Абдуллаевич, я хочу сказать, что готов аплодировать последнему постановлению Конституционного Суда. Понимаете, есть нормы исключительные, абсолютные, которые не нуждаются в толковании, но большинство норм сформулированы таким образом, что их нужно толковать. И толкуются они как раз для того, чтобы примирить разные ценности, которые друг другу противоречат. Мы живем в противоречивом мире. Можно было принять еще более, я бы сказал, радикальное решение, потому что Конституцию можно истолковать таким образом, что нельзя умалять права человека. Но именно здесь очень важен стиль, устраняющий конфронтацию, которую, я считаю, необоснованно породило это постановление суда. И мое личное мнение, что Европейский суд изменил принцип субсидиарности не впервые — он изменил его в отношении Великобритании, и я действительно полагаю, что лица, которые находятся в местах лишения свободы, голосовать не должны именно по тем рациональным соображениям, о которых говорил Гадис Абдуллаевич.

Секция 1

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

20–21 мая 2016 г. Конференц-зал гостиницы “Radisson Royal”

Руководители секции:

Г. М. ГАТИЛОВ	заместитель министра иностранных дел РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол
С. Ю. ГЛАЗЬБЕВ	академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента РФ В. В. Путина
Ал. А. ГРОМЬКО	директор Института Европы РАН, доктор политических наук, профессор
М. А. МОРАТИНОС	министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), доктор, Почетный доктор СПбГУП
А. МУСА	генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

Халил Акинчи¹

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО

В Википедии национализм определяется как ощущение группы людей, проживающей в одном географическом и иногда демографически однородном регионе и стремящейся к независимости своей культуры и(или) этноса. Согласно тому же источнику, глобализация является процессом международной интеграции, возникающей на основе взаимного обмена товарами, идеями, взглядами на мир и другими составляющими культуры.

Ознакомившись с данными упрощенными определениями, мы должны изучить, как эти процессы развивались в историческом контексте.

Формирование национальных государств — относительно новое историческое явление. Как правило, государства создавали и возглавляли династии. Государства даже получали свои названия по фамилиям династий. До Вестфальского мира (1648) страны рассматривались как личные владения их монархов. Вестфалия положила этому конец и ввела в международные отношения понятие суверенного национального государства. Однако Французская революция добавила новое значение: это государства, основанные на нациях/национализме. Нация понималась как образование, сплоченное за счет объединения похожих с точки зрения религии и культуры, хотя иногда и разных, групп, где до-

минировал один официальный язык/этническая группа на определенной территории. Такие государства обычно представляли собой единое экономическое пространство, взаимодействующее с соседями в границах, определяемых их суверенной правовой системой. Государственный аппарат носил инструментальный характер, сохраняя единство таких образований, задавая правила работы внутренних дополнительных экономик, которые также являлись основополагающими для поддержания и продолжения их существования.

Глобализация, представляемая как новое явление конца XX — начала XXI века, была широко распространена в мире до Первой мировой войны. В то время она включала свободную торговлю, свободное движение факторов производства (в теории оно охватывает и трудовые ресурсы, которые, однако, на практике в большинстве случаев не обладали свободой перемещения), но материализовалась в виде зависимости экономик мира от европейских экономических систем, а в конце XIX — начале XX века — и от американской экономики².

Европа, начиная с эпохи Великих географических открытий и последующего развития судоходных технологий, начала доминировать в мировой торговле. Международная торговля между Азией и Европой концентрировалась в Средиземном и Черном морях и нахо-

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в РФ (2008–2010). Старший научный сотрудник, председатель Совета по вопросам стратегии и политики Хазарского стратегического института.

² Здесь я в основном ссылаюсь на опыт Британии, так как именно британцы усовершенствовали систему колониальной империи.

дилась под контролем итальянских торговых портов, таких как Генуя и Венеция. В итоге она постепенно сошла на нет и на смену ей пришла океанская торговля, которую в основном контролировали Англия и Голландия. Франция и другие европейские страны присоединились позднее. Начиная с XVI века торговля развивалась в тесной связи с колониализмом.

В отличие от государственных/организованных испанских завоеваний в Южной и Северной Америке с целью поиска сокровищ во вновь открытых землях, английские, голландские и позднее французские завоевания начались с деятельности частных компаний, которая сопровождалась поселениями белых, особенно в малонаселенных и слабо защищенных местах, таких как Америка, а позднее Австралия и Новая Зеландия¹. Эти коммерческие компании, законность которых подтверждалась уставами, выпущенными соответствующими правительствами, действовали подобно государствам и имели собственные армии и дипломатических представителей. (Зарплаты первым послам Великобритании в Стамбуле и Дели выплачивались компаниями Levant и East India соответственно.) Суверенность данных государств в отношении земель, контролируемых компаниями, была установлена позднее. Индия официально стала частью Британской империи после восстания 1857 года.

В XVI веке пришло осознание, что, в отличие от подхода классических империй, помимо военной власти есть другие инструменты для установления господства.

Европейские колониальные государства, сохраняя барьеры в виде таможенных пошлин и экспортных сборов при пересечении границы товарами от традиционных экспортеров, например Индии (текстиль), могли свободно диктовать свои условия торговли за счет компаний, созданных на основании королевского указа. Постепенно, благодаря нескольким инструментам, разработанным этими государствами, остальная часть мировой экономики стала зависеть от них. Например, «Лондонский вексель»², выпущенный Сити, значительно продвинул торговлю. Так как Сити гарантировал оплату, британские торговцы, для которых в основном и был выпущен данный вексель, получили привилегии по сравнению с другими. Поэтому Европа, которая обладала экономическим превосходством и устанавливала правила торговли, закономерно считала себя центром мира (даже карты мира рисовались в такой проекции, чтобы это показать) и стала диктовать свою политическую волю на международной арене. Начав с контроля над экономикой, европейцы постепенно брали на себя фактическое управление странами.

Правила устанавливались доминирующими силами. Новая концепция международного права работала

на интересы Европы и гарантировала их. Европейцы даже установили трехмильный предел для территориальных вод, чтобы британский флот мог свободно перемещаться по морю, служа инструментом навязывания воли Британии, при необходимости с использованием военной силы.

Венский конгресс, созванный после поражения Наполеона/Франции, декларировал объединение Европы с целью сокращения межгосударственных конфликтов. После этого конгресса большая часть стран мира превратилась в колонии, которые производили продукцию для промышленности стран Европы и в то же время выступали рынками для изготовленных в ней товаров. Исключением в течение большей части XIX века были колонии белых/доминионы Британии, такие как Австралия, Новая Зеландия и Канада, а также бывшая колония Соединенные Штаты Америки. Подчинение «независимых» стран европейским властям гарантировало законность таких неравных условий и дополняло их экономическое превосходство в XIX веке. Иначе говоря, теоретическая независимость/автономность многих стран сводилась на нет из-за экономических и правовых ограничений, которые на них налагались.

Традиционные государства Евразии и Африки, такие как Османская империя, Иран, Китай, Индия, Марокко, постепенно превращались в полные колонии или полукolonии, особенно в XIX веке. Основными характеристиками данного периода стали политическое и экономическое превосходство Европы и колонизация Азии и Африки.

Большинство национальных государств, присутствующих сегодня в Европе и на Ближнем Востоке, появились в результате распада традиционных империй, в частности Османской и Австро-Венгерской, после Первой мировой войны. В то время как после распада Австро-Венгерской империи возникло несколько суверенных национальных государств, после падения Османов государства просто поменяли хозяев, став полными колониями или полукolonиями, и продолжили занимать невыгодные политические и экономические позиции. Например, Египет, несмотря на британскую протекцию, смог отказаться от подчиненного положения только после Второй мировой войны, через двадцать с лишним лет после Турции, которая была единственным государством, получившим полную независимость после распада Османской империи. Другая империя, Российская, которая никогда никому не подчинялась и была одной из основных европейских сил, несмотря на территориальные потери, осталась в основном неизменной, несмотря на новый режим, и сохранила свои позиции в качестве основной мировой силы.

Ни в одном из новых государств, ставших отчасти наследниками многонациональных империй, население не было этнически однородным и включало несколько этнических групп. До Второй мировой войны около 30 % европейского населения состояло из этнических меньшинств, проживающих на территориях других, титульных наций. Многие историки рассматривают это в качестве одной из причин Второй мировой войны. Между двумя великими войнами XX века эт-

¹ Экспансия России в Сибирь происходила одновременно с началом работы данных компаний. Однако, хотя оба явления подразумевали перемещение населения, они не были сопоставимыми. Поселения белых на Западе были в основном организованы частными компаниями, в то время как сибирские поселения стали результатом обустройства там отдельных крестьян, охотников, авантюристов и лиц, имеющих те или иные причины сбежать от непосредственного контроля центрального правительства.

² Те, кто получал «Лондонский вексель», могли обналечить его в Лондоне в виде любой мировой валюты или обменять на партию товаров.

ническая принадлежность считалась важнее гражданства. Связь человека с государством в качестве гражданина ослаблялась и рассматривалась как необязательная, хотя и была единственной закреплённой законодательно.

Кризис мировой экономики в 1929 году и ее медленное возрождение укрепили националистические настроения титульных наций и привели к порабощению других этносов, составлявших государство. Вина за бедность и лишения возлагалась на эти этнические группы, несмотря на их вклад в развитие государства, в котором они живут, и их преданность ему. Расизм потопил патриотизм с печальными последствиями для человечества.

Между двумя мировыми войнами «глобализация до Первой мировой войны» была забыта. Государства, которые становились более националистическими, проводили протекционистскую экономическую политику. Изыскивались средства преодоления слабости мировой экономической системы, которая так явно проявилась во время кризиса 1929 года. Государственное вмешательство даже в самых капиталистических из капиталистических стран рассматривалось как средство защиты. В качестве примера, наверное, можно привести «социалистическую экономическую систему», которая впервые в мировой истории была внедрена в Советском Союзе. Глобализацию положили на полку до последнего десятилетия XX века — почти на сто лет.

Вторая мировая война просигнализировала о закате колониальных империй. Движения за независимость набирали силу. Во Вьетнаме уже во время войны шли приготовления к восстанию против Франции. Индии была обещана независимость. После войны можно было наблюдать ухудшение положения в таких странах, как, например, Франция и Британия, и развитие Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в качестве двух доминирующих мировых держав. США взяли на себя роль основной западной и в каком-то смысле колониальной силы, ранее принадлежавшую Британии, хотя колоний в классическом понимании у них не было. Поддержку Соединенными Штатами колониальных сил Британии и Франции после Второй мировой войны в борьбе с движениями за независимость нельзя объяснить исключительно стремлением воспрепятствовать распространению коммунизма. На том этапе Советский Союз выступал в качестве модели и надежды для африканских и азиатских колоний.

Процесс деколонизации достиг пика в 1950-х — начале 1960-х. Однако деколонизация не обеспечивала суверенность и экономическую самостоятельность бывших колоний. Сохранялась их функция в качестве производителей товаров на условиях торговли, диктуемых их бывшими хозяевами. Помощь, предлагаемая Советским Союзом так называемому третьему миру, не была достаточной, чтобы гарантировать их суверенность и экономическую независимость. Кроме того, в Африке начались гражданские войны. Бывшие хозяева в своих интересах подстрекали различные племена, чья идентичность подавлялась колониальными правителями, к требованию признания их этносов. Пример — граж-

данская война в бельгийских Конго и Нигерии, вспыхнувшая сразу после обретения «независимости».

В конце Второй мировой войны начали создаваться новые институты для регулирования мировой экономики, такие как МВФ и Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). Задачей было подготовиться и устранить экономические и финансовые проблемы, которые могли возникнуть в отдельных странах, и регулировать международную торговлю, чтобы сделать ее более либеральной. Еще до появления этих институтов была учреждена Организация Объединенных Наций, состоявшая из наций, которые фактически противостояли странам нацистского блока или требовали заменить Лигу Наций другим институтом. Важной структурой ООН стал Совет Безопасности, в который вошли победители во Второй мировой войне.

Все эти институты свидетельствовали о новом подходе к наднациональному порядку, вводя правила, которые были одинаково действительны и обязательны для каждого государства.

Кроме того, предполагалось, что победители будут обеспечивать стабильность и предотвращать войны — в противоположность Венской системе, принятой после победы над Наполеоном. Эта новая система предотвращала войны между членами Совета Безопасности, но не смогла предотвратить опосредованные войны и участие членов Совета Безопасности в войнах с третьими странами, как и ее предшественница — «объединение Европы». Трудно отрицать роль таких опосредованных войн и войн с третьими странами в поддержке терроризма и усилении негосударственных игроков в международных отношениях.

Когда воспоминания о мировом экономическом кризисе и кровопролитных войнах несколько поблекли, начался новый этап глобализации в благоприятных политических условиях. В конце XX века политическая обстановка во многом напоминала условия конца XIX века, до Первой мировой войны. Однако новая волна отличается от прошлой множеством аспектов.

Следует взглянуть на характеристики современной глобализации с этой точки зрения. В то время как первая фаза глобализации (XVI–XIX вв.) концентрировалась на свободной торговле, где правила и условия диктовались Европой, и политическом контроле, глобализация XXI века является всеобъемлющей, хотя экономически обоснованной и обусловленной теми же условиями, что и первый этап. Она направлена на регулирование всех аспектов жизни человека: политической системы, экономики, культуры, идентичности. Данная фаза глобализации — комплексная, она включает свободную рыночную экономику, институт частной собственности и демократию. Она поддерживается экономической мощью Соединенных Штатов Америки, дополняющей их политическую и военную силу. Кроме того, США являются родиной механизмов, которые помогают контролировать потоки и даже содержание информации впервые в мировой истории.

Кроме того, английский язык с культурной и прагматической точки зрения стал настолько доминирующим, что изучается в качестве первого иностранного языка в высших учебных заведениях по всему миру.

Более того, почти в каждой стране есть университеты с преподаванием на английском.

Мир наводнен голливудскими фильмами. Даже мода разрабатывается в Америке. Очень трудно защитить национальную культуру от натиска англоговорящего мира. Это новое явление в глобализации. Еще никогда у государства/нации не было настолько влиятельной экономики, культуры и информационных технологий одновременно.

Когда мы обсуждаем перспективы нации, национализма и глобализации, возникает ряд вопросов:

— Если мы признаем глобализацию, то должны ли нации продолжать свое существование в прежнем качестве, или их заменит новая структура, проходящая сквозь национальные границы?

— Является ли глобализация необходимой и неизбежной? Если да, то кому она полезна?

— Привела ли глобализация к экономии за счет роста масштабов производства товаров по более низкой стоимости и упрощенному распространению технологий?

— Способствовала ли она закону сравнительных преимуществ?

— Внесла ли она вклад в обеспечение и поддержание безопасности и стабильности?

— Способствовала ли она достижению социальной справедливости за счет справедливого распределения доходов?

— Создала ли она новые рабочие места для растущего количества безработных в мире?

— Почему все факторы производства свободно перемещаются, а трудовые ресурсы — нет?

— Не могло ли свободное перемещение трудовых ресурсов способствовать предотвращению кризиса беженцев?

Хотя глобализация подготовила основу для свободного обмена идеями и содействовала продвижению гражданских свобод и демократии, ответы на перечисленные вопросы вряд ли будут положительными. Правила, регулирующие глобализацию, составлены для укрепления господства крупных экономик мира. Между тем преимущества такого господства для благополучия остальной части мира весьма сомнительны. Блага в разных странах и социальных группах распределяются все более неравномерно, продолжает расти неравенство. Богатые становятся еще богаче, увеличился разрыв между Севером и Югом.

Таким образом, очевидно, что глобализация не предоставляет средства для защиты и продвижения интересов лиц, составляющих подавляющее большинство населения в мире. То же относится и к отдельным нациям. Мы также не можем сказать, что глобализация сделала мир более безопасным или стабильным. Хотя прямой связи между терроризмом и глобализацией нет, растущее количество террористических актов во всех уголках мира за последние годы — это факт. Поэтому мы можем утверждать, что глобализация как система не является достаточным условием для предотвращения терроризма.

Кроме того, современные информационные технологии позволяют бедной части человечества узнавать

об условиях жизни в богатых странах. Эта осведомленность стала одной из причин кризиса беженцев (мигрантов). Ограничения перемещения трудовых ресурсов только усугубили ситуацию.

Нации, стоящие во главе процесса глобализации, получают от нее наибольшую пользу, но при этом они не отказались от своей идентичности и продолжают говорить о национальном интересе как отличном от глобального интереса. Все еще трудно согласовать и сформировать определенное решение глобальных вопросов, угрожающих будущему человечества, таких как изменение климата, выбросы углекислого газа, дефицит воды, несмотря на риторику о глобальной деревне/общей ответственности, так как национальные интересы все еще преобладают над глобальной ответственностью.

Выживания национализма в этих странах достаточно, чтобы способствовать возрождению национальной идентичности остальных стран в качестве защитного механизма.

Поскольку глобализация используется как инструмент продвижения национальных интересов некоторых стран и не приносит такую же пользу остальным, необходимо изыскать способы и средства противостояния превосходству тех наций, которые устанавливают правила защиты и продвижения своих интересов. Одним из инструментов достижения этой цели могло бы стать региональное сотрудничество. При этом тот, кто наблюдает за экономическими и коммерческими отношениями между евразийскими странами, сразу отметит, что их экстрарегиональная торговля существенно превосходит внутрирегиональную, несмотря на преимущества более низких транспортных расходов и взаимодополняемость. В некоторых странах это частично обусловлено недостатком спроса, но для большинства стран приходится искать другие объяснения. Коммерческая деятельность регулировалась правительственными решениями и директивами, которые не всегда основывались на экономических интересах Евразии. По сути, процессы принятия решений зависели от множества факторов, включая политические.

Эта традиция все еще преобладает в нашем регионе. Даже если государство открытым образом не налагает ограничения, бизнесмены внимательно относятся к инструкциям и отношению правительства, несмотря на право частной собственности, пришедшей на смену государственной. К сожалению, многие правительства по разным причинам продолжают руководить экономическими отношениями, определяя, что считать приемлемым или, напротив, недопустимым. СМИ все еще делают выводы на основе сигналов от властей и участвуют в гонке за формирование общественного мнения в том направлении, которое указывают или подразумевают властные структуры. Однако мы должны помнить, что в современном мире с беспрецедентными возможностями в области транспорта и коммуникаций торговые и экономические отношения могут легко сменить направление в ущерб заинтересованным сторонам, несмотря на преимущества региональной торговли.

Очевидно, что только двустороннее и региональное экономическое сотрудничество между соседними

странами может сдерживать давление крупных экономических сил. Такое сотрудничество надо налаживать, не позволяя политическим разногласиям препятствовать экономическим и коммерческим отношениям. Однако так не получается. Политические факторы все еще влияют на экономические отношения.

С другой стороны, между соседями неизбежны конфликты по тем или иным поводам. Поэтому мы долж-

ны в наших общих интересах найти способы разрешения политических разногласий, чтобы они не наносили ущерб долгосрочным отношениям. Поэтому межгосударственные конфликты не должны превращаться в конфликты между нациями и людьми, иначе они могут стать неуправляемыми и воспрепятствовать возрождению сотрудничества и добрососедства, в которых мы все заинтересованы.

Насрин Мосаффа¹

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГЛОБАЛИЗИРОВАННОМ МИРЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И ОБЩИЕ ЗАБОТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ВЗГЛЯД ИРАНА

Стремительно меняющаяся международная обстановка не изменила основных черт, свойственных внешней политике². В сущности, внешняя политика государства состоит в том, чтобы отстаивать национальные интересы не только в узком смысле политики и национальной безопасности, но и в смысле всеобщего понимания экономики и культуры³, которые так же важны для власти, престижа и выживания страны. С появлением принципа *международного сотрудничества*, рассматриваемого в рамках мультилатерализма, возникло и новое понимание национального интереса. Любое исчерпывающее определение внешней политики, национальных интересов и международного сотрудничества требует обсуждения из-за нежелания сторон признать, что нельзя добиться безопасности одной стороны в ущерб другой. Иными словами, эгоистичная безопасность по принципу «кто кого» неустойчива и должна уступить место всеобщей безопасности. Следовательно, первый шаг в международном сотрудничестве заключается в том, чтобы осознать: если считать общей заботой человечества достижение национальных интересов с использованием международного сотрудничества в узких эгоистичных целях, это приведет лишь к разрушению существующих структур и порядка. Проще говоря, превращение международного сотрудничества из способа укрепления общественного блага в театр одного актера для выгоды лишь части международного сообщества пагубно для всего, что мы считаем «международным» и «общечеловеческим». Эти понятия определяют общие угрозы и заботы, интеграцию и справедливость, а не изоляцию и неравенство.

¹ Профессор кафедры международных отношений Тегеранского университета, доктор политологии. Президент Иранской ассоциации по изучению ООН.

² Подробнее см.: *Carlsnaes W. Foreign Policy // Handbook of International Relations / ed. by W. Carlsnaes, Th. Risse, B. A. Simons. L. : Sage, 2007. P. 331–347.*

³ В этом контексте становятся понятны такие термины, как «культурная война» или «экономическая война», а также все возрастающая зависимость от односторонних (или многосторонних) санкций. По вопросам экономики см.: *Baldwin D. A. Techniques of Statecraft // Baldwin D. A. Economic Statecraft. Princeton : Princeton University Press, 1985. P. 8–28 ; Bracken P. Financial Warfare // Orbis. 2007. Vol. 51, № 4. P. 685–696 ; Pape R. A. Why Economic Sanctions do not Work // International Security. 1997. Vol. 22, № 2. P. 90–136.*

Что касается международного сотрудничества, то на словах существует консенсус относительно его необходимости. Разногласия начинаются тогда, когда встает вопрос, как и с какой целью оно должно осуществляться. Безусловно, история взаимодействия нации с международной системой и организациями влияет на обсуждение того, как проводить политику международного сотрудничества. Определенные модели превращаются в опыт. Так, например, в случае с Ирано-иракской войны. Хотя война закончилась соглашением в соответствии с мандатом ООН, непринятие и безразличие международных институтов (и общества) в годы войны подорвали уровень сотрудничества и по-прежнему бросают тень на возможное общее будущее.

Приведу краткий обзор онтологии и истории международного сотрудничества, затем постараюсь осветить текущие глобальные угрозы и то, что можно назвать общими заботами человечества. В заключение представлю некоторые мысли о том, каким образом Исламская Республика Иран и Российская Федерация могут стать ключевыми игроками в международном сотрудничестве, используя свои уникальные ценности не только для защиты национальных интересов, но и для гарантии всеобщего мира и процветания в будущем.

Онтология международного сотрудничества

Сотрудничество⁴ определяют как способ «урегулирования различий и парадоксальных интересов», зависящий от предмета сотрудничества, внешней обстановки (международных условий) и стиля политики. Часто сотрудничество подразумевает достижение гармонии, но само состояние *гармонии* достигается, когда «политика, проводимая в интересах одного государства, автоматическим образом способствует достижению целей других» (Кохэн, 1984). При сотрудничестве методы и поступки политических деятелей не обязательно находят-ся в гармонии друг с другом, но они сближаются или

⁴ О проблемах сотрудничества на международной арене см.: *Jervis R. Cooperation under the Security Dilemma // World Politics. 1978. Jan. № 30. P. 167–214 ; Axelrod R. The Evolution of Cooperation. N. Y. : Basic Books, 1984 ; Keohane R. O. After Hegemony. Princeton : Princeton University Press, 1984.*

изменяются в процессе переговоров и (или) совместных действий, чтобы прийти к решению ради достижения общей цели. В международном сотрудничестве приоритеты и цели одной стороны становятся общими приоритетами и целями. Независимо от того, для чего осуществляется сотрудничество, его природа однозначно политическая, поскольку оно требует оказания (чрезмерного) влияния или схожих действий для изменения моделей и шаблонов поведения (Кохэн, 1984).

Однако благодаря организации новых структур и процессов из пепла Второй мировой войны возникают новые компоненты и потребности международного сотрудничества. На макроуровне ст. 1 (3) Устава ООН неопровержимо доказывает, что основным элементом международного сотрудничества является разрешение «международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, независимо от расы, пола, языка и религии». Устав проложил путь новым областям для сотрудничества, несмотря на разграничение политических курсов и интересов, что расширило масштабы международного сообщества. Расширение сотрудничества не привело к достижению гармонии, но послужило началом интеграции.

Глобализированный мир и общие заботы человечества

Международное сотрудничество получает все большее признание в современном мире, где угрозам и проблемам не нужны паспорта и визы, чтобы оказываться в соседней стране. Чтобы защитить национальные интересы в мире без границ, необходимо постоянное совместное использование ресурсов и неограниченная кооперация. Однако совместное использование ресурсов и общие усилия часто получают неверное направление. Вместо решения общих забот человечества интернациональные силы нередко используются для того, чтобы наказать или изолировать какую-либо страну просто потому, что ее действия противоречат чьим-то геополитическим интересам. Это приводит к сокращению доходов и росту издержек международного сотрудничества, подрывая международный порядок и, как следствие, ослабляя усилия, направленные на борьбу с общими угрозами.

Более того, предпринимаются попытки международной интервенции (военная форма сотрудничества), когда геополитическую угрозу причисляют к общим угрозам, что ведет лишь к хаосу, нестабильности и ослаблению международного порядка. Такие избирательные действия понизили легитимность международного сотрудничества, поскольку данный подход предполагает не реализацию национальных интересов посредством борьбы с общими угрозами, а использование общих забот для реализации национальных интересов. В связи с этим крайне важно прояснить, что считается общей заботой человечества в глобализированном мире.

Суверенитет. Суверенитет государства, который часто нарушают с целью международной кооперации и интервенции, является первостепенным фактором

соблюдения международного порядка и борьбы с общими угрозами. Гарантия неприкосновенности суверенитета не только добавляет уверенности международному сотрудничеству и соглашениям, но и способствует сопротивлению трудностям и угрозам, таким как терроризм. В конце концов для укрепления международной кооперации требуются самостоятельные местные силы.

Терроризм, насилие и экстремизм. Это общий враг, с которым можно бороться с помощью международной кооперации. Сотрудничество и его разнообразные механизмы не только должны быть нацелены на борьбу с группами и организациями, которые завоевывают местности и атакуют города, но и выявлять корни этого движения, такие как неравенство, несправедливость и лишения. Возможно, рост терроризма — пример того, какие неприятности доставил подход «с нами или против нас», равно как и взращивание безумия хаоса с помощью вооружения отдельных группировок, тем, кто финансировал это. Единственный национальный интерес в борьбе с терроризмом, насилием и экстремизмом — поддержать международное сотрудничество для обеспечения мира и безопасности во всем мире. Например, нельзя близоруко и бесконтрольно поощрять террористов и экстремистов в Дамаске и ожидать, что они останутся в границах страны. В случае с данной общей угрозой позиция стороннего наблюдателя может привести к распространению этого явления по всему миру, и справиться с ним можно будет только с помощью кооперации в рамках общей безопасности.

Изменение климата. Природа данной угрозы делит мир на тех, кто вынужден действовать, и тех, кто мог бы действовать по своей доброй воле. Однако консенсус связан с необходимостью масштабного международного сотрудничества на благо будущих поколений. Можно утверждать, что недавние успехи Конференции по изменению климата в Париже¹ во многом обусловлены сдвигом парадигмы, пусть и незначительным, и теперь национальные интересы совпадают с общими заботами человечества, а результат оказался беспрецедентным. Переговоры в Париже обозначили необходимость более радикальной смены парадигмы в условиях международной кооперации: от попыток извлечь пользу для себя и одержать верх над остальными к разделению успехов и обязанностей.

Права человека. Один из наиболее важных аспектов основополагающих прав человека, которым пока пренебрегают, — искреннее международное сотрудничество. Устав Организации Объединенных Наций называет его жизненно важным способом поощрения и защиты прав человека. К сожалению, права человека все чаще упоминаются в политическом ключе (опять же из-за эгоистичной позиции), и это не дает международной кооперации возможности для укрепления международных механизмов и стандартов. Права челове-

¹ Результат переговоров в Париже стал началом решения проблемы изменения климата, но он также повлечет за собой идейный прорыв в том, что касается восприятия нациями их общих задач, структурируя существующее сотрудничество в вопросах изменения климата и придавая ему силы. Подробнее см.: <http://www.theguardian.com/environment/live/2015/dec/12/paris-climate-talks-francois-hollande-to-join-summit-as-final-draft-published-live>

ка часто используют как геополитический инструмент для продвижения частных национальных интересов, а не ради сохранения человеческого достоинства.

Наркотики, организованная преступность и финансовая стабильность. Наркобизнес, подневольный труд и другие формы организованной преступности имеют социальные и финансовые последствия. Расширение международного (и регионального) сотрудничества поможет не только победить социальное зло, но и добиться стабильности и прозрачности финансовой системы, что благоприятно сказывается на обществе и национальных интересах. Неудача в этом деле будет иметь далеко идущие последствия и заразит общества и финансовые системы за пределами государств. Есть несколько примеров того, как в некоторых странах, которые руководствовались в своих действиях только национальными интересами и игнорировали более широкие цели, усилились позиции наркобаронов и преступников.

Иран и Россия

Две страны с уникальной и все же общей историей взаимодействия с международной системой принадлежат к числу знаменосцев самых важных принципов Устава Организации Объединенных Наций, в частности суверенитета как одной из основополагающих общих забот человечества. Иран и Россия сталкиваются с бесчисленным множеством угроз и сложностей — местных и международных. Несмотря на сомнения в намерениях и результатах деятельности некоторых альянсов, обе страны глубоко вовлечены в совместное использование ресурсов и сотрудничество. Хотя кто-то, возможно, скажет, что эта кооперация носит временный и тактический характер, статус и стремления обеих стран требуют долгосрочной стратегии, чтобы гарантировать общую безопасность — не ради национальных интересов, а ради защиты от более масштабных общих угроз.

Активное взаимодействие Ирана и России также сократило бы расходы других государств со схожими целями на сотрудничество и повысило риск односторонней изоляции. Одна из платформ для продвижения такого сотрудничества — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Помимо значительного участия в деятельности ООН и других международных институтов, ШОС может способствовать кооперации государств-единомышленников, особенно в борьбе с терроризмом, насилием и экстремизмом. Вероятно, одним из первых шагов в возобновлении международного сотрудничества будет официальная поддержка Россией (и Китаем) заявки Исламской Республики Иран на вступление в ШОС¹.

Такая политика и модель поведения не только гарантируют соблюдение национальных интересов, усиливают власть и влияние, но и ограждают международную кооперацию от множества односторонних, но шумных действий. Также важную роль играет исполнение главных и второстепенных ролей в рамках международных подходов и альянсов. Обе страны способны на это с географической, культурной и экономической точек зрения.

Кроме того, у каждой из стран есть возможность оценить различные международные и региональные организации. Иран, будучи лидером среди мусульманских стран, является членом Организации исламского сотрудничества (ОИС), а также ключевым участником Движения неприсоединения и Организации экономического сотрудничества (ОЭС). Естественно, в дальнейшем Россия, несомненно, воспользуется возможностью сыграть конструктивную роль в решении общих проблем человечества; например, положение члена-учредителя Евразийского экономического союза (ЕАЭС), члена ШОС, Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), Черноморского экономического сотрудничества (ЧЭС) и Содружества независимых государств (СНГ) обеспечивает идеальные условия, чтобы играть ведущую роль в международной кооперации.

Заключение

В современном глобальном мире жители отдельных местностей (обычные люди, живущие насущными заботами) обособлены, но на них влияет международная ситуация. Невозможно оставаться в безопасности, навлекая опасность на других. Финансовая стабильность, социальная сплоченность, борьба с наркографиком и изменением климата неосуществимы без международного сотрудничества и согласованности действий. Кроме того, попытки проводить политику по принципу «кто кого» полностью провалились, исключительно из-за недооценки значения международной кооперации: она существует для того, чтобы добиться осязаемых результатов на уровне международных, а не только национальных интересов.

Неудача в международном сотрудничестве сродни землетрясению, которое губит все. Его толчки ощущают не в соседнем городе — они моментально распространяются по всем уголкам глобализованного мира. Таким образом, международная кооперация требует смены парадигмы не для того, чтобы страны отказались от своих национальных интересов, а для того, чтобы понять, что их можно достичь только при условии разрешения общих проблем человечества.

¹ В настоящий момент Иран является членом-наблюдателем. Россия несколько раз заявляла о своей поддержке полноценного членства Ирана в ШОС, особенно после разработки Совместного комплексного плана действий по ядерной программе Ирана. В январе 2016 года Китай поддержал заявку Ирана на полноценное членство, см.: Xinhua. China supports Iran's application for full membership of SCO (23 January 2016). URL: http://news.xinhuanet.com/english/2016-01/23/c_135038723.htm (Accessed on 07.04.2016).

С. Г. Мусиенко¹

ВЗГЛЯД НА СИТУАЦИЮ ВОКРУГ УКРАИНЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МИНСКОГО ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА

Великий русский ученый академик Дмитрий Сергеевич Лихачев умел не только замечать в окружающем мире доброе и прекрасное, но и действовать, несмотря ни на что, и реально помогать людям. В частности, он говорил: «Забота объединяет людей, крепит память о прошлом и направлена целиком на будущее».

Геополитическое наследие СССР предопределяет совместное развитие Беларуси и России. Еще долгие годы Минск и Москва останутся самыми близкими и доверительными партнерами в вопросах международной политики. Какая бы ситуация ни складывалась вокруг наших стран (сначала РФ вела диалог с ЕС, а Беларусь находилась под санкциями, теперь положение изменилось), мы всегда будем поддерживать друг друга. Хотя в сложных для России условиях Беларусь могла бы действовать более свободно на внешнем поле в общих интересах, как это делала Россия в период санкций для Минска.

Отношение Беларуси к России проявляется в том числе в позиции по Украине. Беларусь (с учетом своего географического положения) — одна из стран, более всего заинтересованных в нормализации ситуации на Украине. Нестабильность в соседнем государстве негативно сказывается на взаимном торговом сотрудничестве. Консервация, а не принципиальное решение проблем способствует сохранению напряженности, неудовлетворенности в украинском обществе, что провоцирует «экспорт» нестабильности в соседние страны. Поэтому белорусское руководство без промедления согласилось создать условия для интенсивных переговоров на высшем уровне по урегулированию мирного процесса.

Состоявшаяся 11–12 февраля 2015 года в Минске встреча глав государств «нормандской четверки», подписанные по итогам Минские соглашения имели ключевое значение для изменения ситуации — от военных действий к переговорам.

Исходя из своих национальных интересов (содействие ликвидации очагов нестабильности в регионе, противодействие милитаризации Восточной Европы, наличие сбалансированных отношений со всеми партнерами, отказ от блокового мышления), Минск в 2015 году принял все зависящие от него меры для мирного разрешения конфликта, прекращения вооруженных столкновений, соблюдения сторонами договоренностей, достигнутых по итогам Минского саммита в «нормандском формате».

Как показал опыт, в разрешении украинского кризиса договоренности «Нормандия–Минск» являются

единственным действенным механизмом, альтернативы которому сегодня нет. Это признается и вовлеченными в конфликт сторонами, об этом заявляют все партнеры Беларуси, а также авторитетные международные организации — ОБСЕ и ООН.

Высказывается несколько аргументов в поддержку этой позиции:

— минская площадка на данный момент устраивает все стороны (в том числе логистически). Кроме того, трудно представить, чтобы делегация киевских властей охотно приезжала в Москву, а представители самопровозглашенных республик — в страны Европы;

— Минск не оказывает давления ни на одну из сторон, не вмешивается в процесс, создав для всех равные условия. Как представляется, иные места проведения переговоров прямо или косвенно могут создать преимущества для одной из сторон (например, в лучшем обеспечении работы одной из групп, создании более выгодного информационного фона и т. п.);

— минский формат приносит конкретные результаты. Так, существенно сократилось количество военных и гражданских жертв конфликта. После начала реализации минских договоренностей стороны обменялись 308 военнопленными (о которых объявлено публично);

— у наблюдательной миссии ОБСЕ на Украине появились реальные возможности обратить внимание на гуманитарную ситуацию в регионе;

— Беларусь — вероятно, единственная страна в регионе, которая не использует конфликт на Украине в качестве повода для наращивания вооружения. Это лучшее подтверждение добрых намерений. Не вдаваясь в подробности относительно мотивов, можно констатировать, что большинство стран Восточной Европы продолжает наращивание военного потенциала. Страны НАТО привлекают американских солдат и тяжелое вооружение, создают мобильные группы и проводят масштабные учения. Например, Польша выразила намерение разместить на своей территории ядерное оружие, стягивает силы к восточным границам. Примерно так же поступают страны Балтии. Более 25 тыс. военных из более 20 стран НАТО и партнерских государств примут участие в учениях «Анаконда–16», которые пройдут в июне 2016 года в Польше.

Россия продолжает модернизировать свои вооруженные силы, проводит внезапные проверки боеготовности, одновременно предпринимая попытки оптимизировать размещение войск.

Беларусь остается приверженной необходимости прекращения огня, предотвращения новой фазы обострения ситуации, прекращения взаимных обстрелов, решения гуманитарных и экономических вопросов. В связи с этим сохраняется убежденность в необходимости продолжения переговорного процесса в 2016 году до полного выполнения Минских соглашений.

¹ Руководитель Аналитического центра «ЕсооМ» (Минск), член правления Союза писателей Беларуси. Автор книги «Куда идем? Беларусь, Россия, Украина» (в соавт.). При его участии подготовлены: сборник материалов международной конференции «20 лет без СССР – СНГ – Евразийский Союз», книги «Республика Беларусь между Востоком и Западом», «Государственность. Национальная идея Беларуси», «Belarus: Independence as National Idea», «Bialorus: model państwa i gospodarki» («Беларусь: государственная и экономическая модель») и др.

Наше государство позитивно оценивает роль ОБСЕ в урегулировании украинского конфликта. Эта организация вносит реальный вклад в снижение напряженности и стабилизацию ситуации с помощью Специальной мониторинговой миссии и посреднических усилий в рамках Трехсторонней контактной группы.

Беларусь продолжает принимать меры по содействию нормализации обстановки. Так, исходя из добрососедских отношений с Украиной, 30 августа 2014 года был издан Указ Президента Беларуси № 420, в котором упрощается порядок временного пребывания граждан Донецкой и Луганской областей на территории Беларуси. Для них предусмотрен ряд финансовых льгот и упрощенный порядок при оформлении документов, получении вида на жительство и медицинской помощи, трудоустройстве, оформлении пособий, обучении. Фактически вынужденные мигранты получили права, максимально приближенные к тем, которыми пользуются белорусские граждане.

С февраля 2014 года в Беларусь прибыло более 160 тыс. граждан Украины, подавляющее большинство — выходцы из юго-восточных регионов страны (по данным Агентства ООН по делам беженцев). Беларусь не рассматривает это как особую проблему. Для сравнения: министр внутренних дел Швеции (10 млн жителей, как и в Беларуси) Андерс Игеман недавно заявил, что из 163 тыс. человек, которые ходатайствовали о предоставлении убежища в Швеции в прошлом году, в стране смогут остаться чуть более половины.

По оценке Агентства ООН по делам беженцев, правительство Беларуси предоставляет украинцам доступ к социальным услугам и в целом обеспечивает более благоприятные условия по сравнению с другими иностранцами.

Конфликт на Украине привел к повышению уровня риска на южных границах Беларуси. Участились случаи незаконного ввоза оружия с территории Украины, проезда лиц, принимавших участие в боевых действиях и придерживающихся радикальных взглядов. Беларусь в зоне своей ответственности реагирует на это, усиливая контроль на границе. Такие меры направлены на пресечение любых попыток дестабилизации обстановки и распространения экстремизма не только в нашей стране, но и в Европе в целом.

К сожалению, в 2015 году условия, которые могли бы стать основой для урегулирования конфликта, существенно не улучшились. Основным дестабилизирующим фактором продолжает оставаться вооруженное противостояние между центральной властью и самопровозглашенными республиками на Востоке Украины. На этом фоне в 2016 году на Украине продолжилось ухудшение социально-экономической ситуации. Отмечаются общее падение уровня жизни, рост цен на продовольственные и потребительские товары, тарифы и коммунальные услуги. Был отменен ряд социальных гарантий государства. Эти условия спровоцировали рост социальной напряженности, разочарование отдельных слоев населения в политике правительства и общее снижение авторитета власти.

Выделенные странами Евросоюза значительные организационные, материальные и экспертные ресурсы не были использованы для политической и экономической стабилизации, укрепления государственных и социальных механизмов. Продолжились падение промышленного производства и деиндустриализация. ВВП Украины в 2015 году сократилось на 11 % (при прогнозе 9 %). Европейский рынок сбыта не компенсировал украинским предприятиям потерю российского рынка после введенных Украиной и Россией взаимных торговых ограничений.

Уменьшение доверия к власти в 2016 году усугублялось противостоянием президента и премьер-министра, обострением противоречий между «Блоком Петра Порошенко» и союзниками по коалиции — «Народным фронтом», «Батькивщиной», «Самопомощью», «Радикальной партией». Деятельность Верховной Рады была сведена к непрерывному механическому законодательному процессу в соответствии с требованиями Международного валютного фонда, Всемирного банка ради получения очередных финансовых траншей. Как результат — Верховная Рада Украины назначила премьер-министром страны Владимира Гройсмана.

Есть основания полагать, что жесткие антикризисные меры (распродажа объектов госсобственности, повышение тарифов для населения и т. п.) будут продолжены в текущем году.

Ситуация на территориях, подконтрольных ДНР и ЛНР, также остается сложной. Правовой статус населения не определен. Ввиду ограниченности ресурсов до минимума свернуто социальное обеспечение. В связи с разрушением привычных связей промышленные предприятия приостановили свою деятельность. Наладившиеся в последнее время поставки угля на прилегающие территории без глобальных рынков сбыта не могут стать основой для автономной экономической модели. На этом фоне в 2015 году обострилась борьба за власть руководства самопровозглашенных республик.

Можно ожидать, что в 2016 году Украина под разными предлогами будет и дальше медлить с созданием политических условий для принятия законодательных инициатив, необходимых для выполнения обязательств по Минским соглашениям (внешение изменений в Конституцию, касающихся особого статуса Донбасса).

Вероятно, обе стороны продолжают использовать угрозы эскалации ситуации на Донбассе как способ достижения тактических уступок в переговорном процессе в «нормандском формате».

Беларусь будет максимально содействовать нормализации ситуации, в том числе обеспечит условия для переговоров по урегулированию конфликта на Украине на самом высоком уровне, как это было в феврале 2015 года в Минске.

В связи с этим не следует забывать слова Д. С. Лихачева: «Демократия без нравственности — абсурд. <...> А в безнравственном обществе никакие экономические законы не действуют. И все распоряжения гаснут. Распоряжения президента, правительства не выполняются безнравственными людьми».

Мануэла Паллюа¹**СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ:
ШВЕЙЦАРИЯ — ИСКЛЮЧЕНИЕ**

Для обсуждения современных проблем, с которыми сталкивается Швейцария, мы должны понимать сложность ее политики, которая зачастую остается тайной для не-швейцарцев. Обратимся к истории. Я вовсе не отклоняюсь от темы, но хотелось бы отметить, что с самого начала современная Швейцария отчасти обязана России своей политической структурой. Вам, должно быть, интересно узнать, какие идеи и установки Швейцарии могут представлять интерес для России.

Почему эта маленькая страна, территория которой всего 40 тыс. кв. км, интересует необъятную Россию? Можно ли сравнить наши страны с Гулливером и лилипутами?

С долей юмора давайте вспомним, что Швейцария создала в России (по приглашению царя Александра I) единственную колонию в истории страны².

В 1822 году 12 семей сформировали колонию в Шаббо, недалеко от Одессы, рядом с заливом под названием русский Днестровский лиман!³ Швейцарская колония просуществовала до 1941 года, последний мэром Шаббо Давид Бессон еще был швейцарцем⁴.

За несколько лет до этого российский царь Александр I предлагал швейцарцу Шарлю Пикте де Рошмону, который в будущем станет крупной фигурой в истории мировой дипломатии, 12 тыс. га земли в том же районе для разведения овец породы мериносов, пользующейся большим спросом. Стадо из 900 животных прибыло из кантона Женева в новое имение Пикте под названием Новой Ланси на берега Черного моря, площадь которого впоследствии увеличилась до 28 тыс. га с сопоставимым поголовьем овец!

Почему же Александр I предлагал помощь швейцарцам?

Вспомним историю, что до XIX века Швейцария была бедной страной. В учебниках по географии говорилось, что это страна, «богатая бесполезными рудниками» (то есть там не было рудников, приносящих реальные доходы). Главным ресурсом страны с позднего Средневековья до XVIII века были люди. На протяжении всей своей истории швейцарцы нанимались на работу в соседние страны, особенно во Францию. Например, во время Великой французской революции в 1792 году швейцарские гвардейцы защищали Тюильри. Они также участвовали в битве на Березине. А сегодня Ватикан и папу римского по-прежнему охраняют швейцарские гвардейцы.

Швейцарские кантоны не могли выжить иначе, кроме как нанимаясь к соседям и таким образом получая

финансовую возможность жить в стране, где жизнь была трудной, а сельскохозяйственная деятельность в горной местности — практически невозможной.

Поскольку Александр I был любимым внуком Екатерины Великой, она выписала для него швейцарского гувернера Фредерика Сезара де Лагарпа. Александр с интересом слушал о маленькой стране, родине своего наставника, и проникся либеральными идеями. Император всю жизнь был благодарен Лагарпу за это.

Александр сыграл для Швейцарии важную роль на Венском конгрессе (1815), где по «делу Швейцарии» прошло обсуждение и было вынесено решение. Император использовал свою власть, чтобы сохранить Швейцарию, которая в то время не смогла избежать Наполеоновских войн и находилась на грани гражданской войны. Из 19 кантонов была образована Швейцарская Конфедерация, которую Конгресс наделил конституцией. Но прежде всего Александр I дальновидно добился от других государств признания постоянного нейтралитета Швейцарии. Наш нейтралитет не раз критиковали, но он по-прежнему является ключевым условием структуры Швейцарской Конфедерации.

Но вопрос о том, почему российский самодержец видел судьбу Швейцарии подобным образом?

На первый взгляд это неочевидно, но те решения отвечали его интересам: он хотел закрепить границы в Европе, чтобы любой ценой избежать союза между Швейцарией и Францией или Австрией, который мог бы привести в дальнейшем к новым войнам, в которые России, возможно, пришлось бы вмешаться.

Таким образом, Россия повлияла на всю внешнюю политику Швейцарии путем непосредственного вмешательства в ее историю, и это продолжается до сих пор, поскольку нейтралитет все еще является частью нашей конституции. Это имеет преимущества, но является одной из причин того, что Швейцария не вступает в НАТО⁵ или ЕС. Швейцария стала 190-й страной, которая присоединилась к ООН, это произошло только 11 сентября 2002 года.

Другой русский царь, Николай II, ответствен за то, что на Конференции Гаагской конвенции 1907 года впервые в письменном виде были зафиксированы права и обязанности нейтральных стран в случае войны. Отношения между Россией и Швейцарией не всегда складывались гладко, а в XX веке с 1923 по 1946 год отсутствовали дипломатические отношения. Однако главное — два принципиально различных представления о государстве.

В России главными всегда были права самодержца; в Швейцарии — права граждан. В России власть насаждается сверху, в Швейцарии ее источником слу-

¹ Секретарь Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI, Швейцария).

² *Грица О. Swiss Winemakers of the Tsar / ed. Ketty & Alexander, Chappelle-sur-Moudon. S. 38.*

³ С XVII века до 1917 года в Россию эмигрировали 20 тыс. швейцарцев. Это очень много, особенно если учесть, что многие из них занимали высокие должности и заработали состояние (Ханс-Ульрих Йост).

⁴ Давид Бессон был арестован и выслан в 1942 году в Сибирь, где через полгода скончался.

⁵ Хотя Швейцария не является членом НАТО, она активно участвует в партнерстве с НАТО, особенно в части гуманитарных миссий, гуманитарного права, прав человека, военно-гражданского сотрудничества и прозрачности и демократического контроля вооруженных сил. В 1996 году Швейцария присоединилась к Партнерству ради мира (ПРМ).

жит общество. В далеком прошлом русские призвали к власти варяг, что немисливо в Швейцарии, изгнавшей в 1291 году иностранных правителей. Как живет и работает эта маленькая страна? Она находится в самом сердце Европы, но отказывается присоединиться к Европейскому Союзу.

В глобальном контексте Швейцария весьма необычна. 8 млн человек, населяющих страну, исповедуют две религии — католичество и протестантство, говорят на четырех языках, принадлежащих к двум противоположным группам — романской и германской, и все это в рамках одного государства, и все граждане живут в согласии. Их знак признания — красный флаг с белым крестом — реет на крышах и горных хижин, и правительственной резиденции — Федеральному дворцу в Берне.

Для ответа на вопрос, каковы национальные интересы и современные проблемы, влияющие на Швейцарию в международном масштабе, уместно вспомнить некоторые другие факты. С XII века наблюдается интерес к передвижению между северными и южными европейскими странами, особенно между Германией и Италией. Для перехода с севера на юг или наоборот надо было пересечь Альпы, пройти через Готард. Этот перевал был ключевой стратегической осью, связывающей север и юг Европы. Свободные крестьяне владели землей на этом маршруте. Обслуживание маршрута и другие виды труда требовали, чтобы крестьяне встречались для обсуждения необходимой работы, таким образом, они были в центре основных торговых путей между севером и югом (здесь лучше не использовать слово «европейский»). Эти крестьяне платили крупные налоги за использование маршрута самой влиятельной семье Европы — Габсбургам, которых также называют «австрийской семьей». Первое достижение этих трех небольших горных общин (будущих кантонов) состоит в том, что они освободились от гнета Габсбургов и судей, которые были направлены Габсбургами для навязывания законов и сбора налогов.

В 1291 году Ури, Швиц и Унтервальд заключили пакт, позволивший им получить независимость от Габсбургов. В пакте они заявили: *«Клянемся, что мы не будем признавать никаких получивших должность судей, которые не происходят из наших долин или не являются членами наших общин»*. Это утверждение основательно укоренилось и до сих пор живо в сознании каждого швейцарца.

Таким образом, сначала Швейцария объединила три, потом еще восемь, а после этого еще тринадцать небольших кантонов, связанных общими интересами. Это объединение носило в большей степени социальный характер и не было направлено на создание государства.

В XVI веке, когда Франция продолжала реализовывать свои экспансионистские амбиции, в период завоеваний и географических открытий Швейцария отказывается от расширения своих границ. Конфедераты прислушались к совету монаха-отшельника св. Николая из Флюэ: *«Бойтесь Бога и будьте сильными»*. Таким образом, каждый кантон сконцентрировался на своих внутренних делах.

Как же в современных условиях Швейцария рассматривает европейские проблемы?

Мы должны вновь обратиться к прошлому, когда после религиозных войн, практически уничтоживших страну, был достигнут *Pax Helvetica*. После этих событий швейцарцы реализуют свои права голосованием, которое имеет место на трех уровнях: города, кантона и Конфедерации.

Город — самая малая форма местного управления. В стране насчитывается более 2 тыс. городов, есть муниципальный совет, наминающий мини-парламент — законодательную ветвь власти, и административный совет — исполнительный орган.

Кантонов всего 26, в каждом своя конституция. В них есть парламент, правительство и суды, то есть законодательная, исполнительная и судебная власть.

Конфедерацией управляет центральная администрация, состоящая из Федерального совета (7 федеральных советников, которые по очереди исполняют функции президента в течение года, каждый отвечает за свой департамент (экономика, сельское хозяйство, финансы и т. д.) и двух палат: Совета кантонов с двумя представителями от каждого кантона и Национального совета, представляющего народ (200 депутатов пропорционально населению кантонов).

Также, разумеется, существуют федеральные суды, которые представляют судебную власть. Люди обращаются в них, когда решения местных судов кантона противоречивы.

Гражданин Швейцарии голосует в принципе на трех уровнях, потому что имеет основные политические права. С ним консультируются путем референдума Федеративного государства по вопросам каких-либо изменений, которые влияют на Конституцию. Он также имеет право выразить свое мнение, предложив поправки или дополнения в Конституцию. Ему просто нужно собрать 100 тыс. подписей. Это называется «право на инициативу». Таким образом, Федеральный совет разрабатывает свою политику, консультируясь с народом три-четыре раза в год посредством голосования.

Таким образом, давайте еще раз рассмотрим главный вопрос: как Швейцария разрешает современные проблемы, сохраняя при этом национальные интересы? Может ли Швейцария не участвовать в международных проблемах? Какие возможности у нее есть для этого? Насколько она может принять «потерю своей души» — той души, которая существует на протяжении семи веков, где есть группы людей, говорящих на четырех языках (это также означает разные культуры), и где сосуществуют две религии? Проблемы велики, поскольку они влияют на основы швейцарского государства.

Однако следует отметить некоторую амбивалентность.

Экономическая мощь в мировом масштабе

Эта маленькая, до XIX века бедная страна, несмотря на все трудности, стала мировой экономической державой. Рост ВВП в настоящее время замедлился, но ему все еще можно позавидовать; Швейцария занимает лидирующие позиции в рейтингах глобальной

конкурентоспособности, опубликованных Всемирным экономическим форумом. Уровень безработицы в стране, к сожалению, растет, но до сих пор составляет всего около 3,8 %, затрагивая 163 644 человек¹.

Страна небольшая, но в ней работает много транснациональных компаний, известных на международном уровне. На предприятиях “Nestlé”, “Novartis”, “Givaudan” и “Swatch Group” работают более миллиона человек по всему миру. Швейцарские часы много лет выдерживают натиск конкурентов. Несмотря на кризис, сильный франк и некоторые провальные голосования² (один из недостатков прямой демократии!), швейцарский колосс продолжает расти. Конфедерация получает выгоды от глобализации: почти 3 млн человек работают в швейцарских компаниях за рубежом против 5 млн на ее территории³.

Швейцарский франк

Это неоправданно сильная валюта для такой маленькой страны. Отказ от банковской тайны — идеальный способ для США получить международных клиентов швейцарских банков. Новые налоговые гавани создаются в США, и странно, что это не вызывает никакой реакции несогласия, несмотря на штрафы в 5 млрд долларов, наложенные США за уклонение от уплаты налогов на двух банковских гигантов — UBS и CS. Хотя в этих банках все еще ведется расследование, они активно ищут клиентов.

Юридический и политический статус

Швейцария считает себя независимой и нейтральной. Однако так ли это на самом деле? Ее самый крупный торговый партнер — ЕС во главе с Германией. В 1992 году граждане Швейцарии проголосовали против вступления в Европейскую экономическую зону, что обязывает заключать двусторонние соглашения

с каждой страной для получения взаимного доступа на рынок.

Тем не менее ни одна из стран Европейского Союза не отвечает требованиям Шенгена так полно, как Швейцария. Стране с дефицитом государственного бюджета, не превышающим 1,4 %, могут позавидовать многие соседи. Швейцарцы постоянно находятся в курсе требований Брюсселя и принимают их. Как долго это может продолжаться? Смогут ли они принести в жертву свои гражданские права? Как будет затронут легендарный нейтралитет, закрепленный в Конституции? Еще важнее, что будет со Швейцарией без Европы. Швейцария не позволяет другим диктовать свою политику, но долго ли она сможет избежать европейских законов?

Как проголосуют граждане, за которыми всегда было последнее слово и которые будут принимать решение о вступлении в ЕС? Если положительно, то как будет выглядеть прямая демократия? Что произойдет с правом граждан на вето в противодействии политической элите? В состоянии ли ЕС удовлетворить эти фундаментальные ценности?

С другой стороны, приведет ли присоединение Швейцарии к перерождению ЕС в Европу регионов, уважающую региональные особенности, о которых говорится все чаще (вспомним Каталонию и Шотландию)?

Если при голосовании по вопросу о целесообразности присоединения к ЕС будет получен ответ «нет», это приведет к тому, что на границах Швейцарии будут воздвигнуты виртуальные барьеры, вероятно, еще более угрожающие, чем те, которые мы видим вокруг некоторых стран — членов Европейского Союза. Это может привести к погружению Швейцарии в глубокую изоляцию.

Будущее может потребовать кардинальных политических перемен. Этих сложных вопросов, стоящих перед Швейцарией, нельзя избежать.

¹ Согласно данным SECO (Государственный секретариат Швейцарии по экономике).

² 9 февраля 2015 года: Инициатива националистической партии (UDC) ввести ежегодный потолок иммиграции и вернуться к системе квот.

³ Согласно данным SNB.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Ш. АЗИЗ премьер-министр Пакистана (2004–2007)
- Х. АКИНЧИ Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой Республики в РФ (2008–2010), председатель Совета по вопросам стратегии и политики Хазарского стратегического института
- С. Р. АМЕЛИ вице-президент Тегеранского университета (Иран), доктор философии, профессор
- Е. ВЯТР министр образования Польши (1996–1997), депутат Сейма Республики Польша (1991–1997, 2001), доктор социологии, профессор
- Г. ГАЛИС президент Международного научно-исследовательского института мира в Женеве (GIPRI, Швейцария)
- Ал. А. ГРОМЬКО директор Института Европы РАН, доктор политических наук, профессор
- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- Б. ДЕГАРДЕН генеральный директор “Banque Eric Sturdza SA” (Женева, Швейцария)
- П. ДУТКЕВИЧ директор Центра управления и государственной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. ИНГИМУНДАРСОН профессор современной истории факультета истории и философии Университета Исландии, доктор философии
- В. Л. КВИНТ заведующий кафедрой финансовой стратегии МГУ им. М. В. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- Г. КЁХЛЕР президент Международной организации прогресса (Вена, Австрия), профессор Университета Инсбрука, доктор философии
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- Г. ЛИТТЛДЖОН экономист, социолог (Великобритания)
- В. К. МАМОНТОВ генеральный директор радиостанции «Говорит Москва»
- К. МОЙНИХЕН государственный и общественный деятель Великобритании, член палаты лордов британского парламента
- М. А. МОРАТИНОС министр иностранных дел Королевства Испания (2004–2010), Почетный доктор СПбГУП
- Н. МОСАФФА профессор кафедры международных отношений Тегеранского университета, президент Иранской ассоциации по изучению ООН
- А. МУСА генеральный секретарь Лиги арабских государств (2001–2011), министр иностранных дел Египта (1991–2001)
- С. Г. МУСИЕНКО руководитель Аналитического центра «ЕсооМ», член правления Союза писателей Беларуси
- А. САДЖАНХАР секретарь Национального фонда общественной гармонии (Индия)
- В. делла САЛА профессор Университета Тренто (Италия)
- П. П. ТОЛОЧКО директор Института археологии Национальной академии наук Украины, академик НАН Украины, иностранный член РАН, доктор исторических наук, профессор
- В. А. ЧЕРЕШНЕВ председатель Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН, академик РАН, доктор медицинских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По традиции несколько слов от имени Оргкомитета Лихачевских чтений. На форуме собрались 1,5 тыс. человек (экономисты, юристы и т. д.). Есть и секция, на которой 750 школьников будут обсуждать гуманитарную проблематику.

То, что происходит в Университете, имеет большое значение, поскольку здесь интегрально обсуждаются мировые проблемы с позиций разных отраслей гуманитарного знания. Большое количество различных научных конференций в мире организуются по политическому заказу: правительства собирают ученых для того, чтобы услышать то, что хотят. Наш Университет независим от власти. Суть происходящего здесь не зависит от политических интересов, это свободная трибуна, где каждый высказывает все, что считает нужным. Мы всегда просим гостей высказываться без выпадов в адрес других государств, потому что это не арена для политических конфликтов, а место, где мы обмениваемся идеями.

Я дорожу присутствием здесь целого ряда ученых из стран, у которых сегодня сложились политически сложные отношения с Россией. Я рад, что на XVI Лихачевских чтениях выступают ученые из Украины, Турции, Польши. Нам важно участие Швейцарии, которая интегрирует разные тенденции в Евросоюзе и достойно выполняет миссию нейтрального государства.

В сложные моменты, когда отношения между странами на мировой арене обостряются, особая роль принадлежит ученым. Когда перестают вести диалог между собой политики, дипломаты, ученые должны продолжать общаться друг с другом и обмениваться идеями. У нас никогда не будет единого взгляда на события в мире. Смысл Лихачевских чтений — в том, чтобы услышать представителей различных отраслей гуманитарного знания из разных стран и сделать это в уважительной, доверительной обстановке. Важно, чтобы наше научное общение не было монологом.

Чем сложнее отношения между различными странами, тем важнее вести диалог и говорить то, что мы думаем, именно с позиции науки, а не преследуя чьи-то политические интересы. В ином случае, наверное, Лихачевские чтения не имели бы смысла, потому что Д. С. Лихачев — не просто один из крупнейших российских ученых-гуманитариев, а человек, заслуживший огромное уважение в России своей независимой позицией по отношению к власти, своим прямым принципиальным разговором с ней, который был основан на высоконравственных и научных позициях. Нравственность и наука — величайшие ценности, которыми мы никогда не сможем поступиться.

Я благодарен вам за то, что вы приехали в Петербург на Лихачевские чтения, и желаю вам успешной работы!

Ал. А. ГРОМЫКО: — Тема нашей секции «Международное партнерство и национальные интересы» предоставляет широкий простор для дискуссии. Но вторая часть темы — национальные интересы — настраивает нас на то, чтобы мы отталкивались в первую очередь от дискурса, который развернулся не-

сколько лет назад о ренессансе понятия «национальное государство», о том, в какой системе координат позиционируют себя на международной арене Россия, Евросоюз, США и другие страны.

Россия, которая четверть века выстраивала отношения с частью Европы, расположенной к западу от ее границ, все время находилась в рамках дискурса о том, что вместе с глобализацией происходит постепенное размывание границ национальных государств. Евросоюз долгое время являлся ярким примером того, что национальное государство добровольно при вступлении в эту общность, а тем более будучи его членом, отказывалось от части своего суверенитета и делегировало его наднациональным структурам. Еще 10 лет назад было модно говорить о том, что аналогичные процессы будут происходить по всему миру, что европоцентризм в плане постепенного размывания государственного суверенитета продолжит шагать по планете.

Мне представляется, что в последние годы в этом дискурсе произошли значительные изменения. Многие страны заявили о том, что национальный суверенитет и суверенная внешняя и внутренняя политика являются фундаментом их развития в XXI веке. И хотя часто рассуждения о национальном суверенитете слишком прямолинейны, все согласны с тем, что мир взаимозависим, что любые серьезные решения как во внешней, так и во внутренней политике не должны приниматься без учета международного или регионального контекста.

На сегодняшний день Европейский Союз — единственная региональная организация на планете с так называемым пулом суверенитетов (pull of sovereignty). Такие же страны, как США, Китай, Россия, Индия, Бразилия и многие другие, регулярно подчеркивают, что ими движут национальные интересы и что они не готовы вступать в какие-либо структуры, где речь идет о делегировании части их суверенитета.

Существует такая уникальная организация, как Организация Объединенных Наций. В 1945 году Совет Безопасности ООН стал прототипом полицентричного мира. Тогда в Совбез ООН вошли не только европейские страны и США, но и Китай. В ООН был заложен механизм по ограничению (в определенных случаях) государственного суверенитета, в том числе по исполнению главной роли или функции ООН — принуждения к миру.

Размывание государственного суверенитета возникло не в последние годы. В разных видах мы можем его проследить и в XX веке, и в более ранние периоды истории. Например, «концерт держав» после Венского конгресса 1814–1815 годов стал своего рода формой ограничения государственного суверенитета. Или Вестфальский мир, хотя там речь шла об утверждении принципа государственного суверенитета. Но было утверждено, что суверенитет одного государства заканчивается там, где начинается суверенитет другого государства, что само по себе уже ограничение.

Я прошу вас порассуждать на эту чрезвычайно интересную тему и предоставляю слово нашему гостю из Беларуси Сергею Григорьевичу Мусиенко.

С. Г. МУСИЕНКО: — Хочу поблагодарить Александра Сергеевича Запесоцкого, который, на мой взгляд, совершил гражданский поступок, пригласив П. П. Толочко с Украины, меня, как представителя последней диктатуры Европы — Беларуси, и гостя из Турции.

Сделано домашнее задание по теме Лихачевских чтений — недавно в Нью-Йорке вышла в свет моя книга «Государственность — национальная идея Беларуси». Она издана и в России на русском языке с небольшими дополнениями, но не опубликована в Беларуси. Сейчас готовится ее перевод на сербский и немецкий языки. Кроме того, мы сняли фильм о Беларуси «Национальная безопасность» (в двух частях), который получил высшую национальную награду — премию «Телевершина».

Хотелось бы ответить на вопрос про сумму активов более 100 млрд долларов, заданный господином Третьяковым в первой части нашего заседания. Я думаю, что у Ротшильдов и Рокфеллеров подобный объем ресурсов уже давно есть. Просто они контролируют рейтинг «Форбс», поэтому не будут об этом писать.

Основываясь на опыте Беларуси, могу сказать, что если бы экономический блок России возглавили такие люди, как Глазьев, Делягин, Хазин, то через два года вы увидели бы результаты, которых мы достигли в нашей стране, потому что у России гораздо больше ресурсов.

Экономика — прежде всего теоретическая наука. С хорошей теоретической базой честные люди достигают больших успехов. И мы это наблюдали в Беларуси. Во многом наша страна избежала экономических проблем, возникших в России, потому что у нас не было такого количества экономических школ и институций. Либерал Богданкевич, который был руководителем Национального банка до прихода к власти А. Г. Лукашенко, достиг небывалого результата, установив мировой рекорд — 43 900 % инфляции. На смену ему пришла другая команда: Владимир Владимирович Шимов стал министром экономики и кропотливым, тяжелым трудом исправил эту ситуацию. Практический подход к решению экономических проблем может приносить результаты независимо от того, насколько глубоко проработана эта теория.

В проекте, который я упоминал, представлены взгляды 20 исследователей из США, Италии, Швейцарии, Болгарии, России, Польши и других стран. Первоначально мы хотели сделать проект, в рамках которого о Беларуси должны были писать только иностранцы, побывавшие в этой стране. Но потом пришлось добавить в исследование мнения белорусских специалистов, потому что были не решены некоторые вопросы (были вещи, о которых, например, мы не могли написать). Вчера агентство «Fitch» на конференции в Минске признало, что ВВП на душу населения в Беларуси на 40 % превышает по паритету покупательную способность стран-соседей.

Махатма Ганди говорил, что реальное богатство — это здоровье, а не золото и серебро. В своих книгах мы описываем систему здравоохранения Беларуси, в частности уровень детской смертности в нашей стране на-

ходится на уровне Швейцарии, Франции, Бельгии. Беларусь по уровню жизни занимает 50-е место среди 180 стран и относится к категории высококоразвитых.

В своем кратком выступлении я не могу изложить многие факты о Беларуси, их можно узнать, прочитав книгу «Государственность — национальная идея Беларуси», это первый подобный проект за 25 лет.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется Послу Турецкой Республики в России, эксперту Халилу Акинчи.

Х. АКИНЧИ: — Несколько слов об историческом развитии глобализации. Этот процесс начался после Второй мировой войны. В настоящее время проходит уже не первая волна глобализации. Один из основных ее принципов — свободная торговля. Этой проблеме были посвящены международные конференции. Правила торговли определяются европейскими странами. Все началось с действий Британского флота, которые способствовали появлению глобализации. Но настоящее развитие глобализации связывают с немецким конгрессом 1815 года, когда был создан Германский союз. Тогда европейские нации разработали договор, который действовал до конца XIX века. Вторая волна глобализации наступила после экономического кризиса 1929 года и подготовила начало Второй мировой войны. Здесь уже упоминали Организацию Объединенных Наций, но существовали и другие международные организации, например Лига Наций.

Однако о глобализации в полной мере нельзя говорить вплоть до 1980-х годов. Именно тогда был подготовлен доклад под председательством Вилли Брандта «Север–Юг: программа выживания». После 1980-х годов появилось новое измерение глобализации. Теперь уже не прилагаются усилия по возобновлению диалога, при продвижении идей руководствуются политикой.

На пленарном заседании Лихачевских чтений говорилось о том, что глобализация неизбежна. Что нового она несет? После 1980-х годов, особенно в 1990-х, размеры государств уменьшились. Эта тенденция продолжилась и в 2010-е годы. В частности, Ливия распалась на три государства, Сирия и Ирак находятся в таком же положении. Следует заметить, что там либо все закончилось мирно, либо военные действия оттуда перекинутся на другие части света. Мы не знаем, что произошло с недавно потерпевшим крушение самолетом компании «EgyptAir», но вполне может быть, что определенные силы сыграли свою роль в крушении этого самолета.

Сегодня все — и американцы, и европейцы — хотят потреблять, несмотря на то что их доходов уже не хватает. В моей стране на руках у граждан находится 20 млн iPhone. Даже деревенские жители в тех местах, где нет сотовой связи, покупают пятые и шестые iPhone. Что ж, таким образом тоже происходит распространение цивилизации.

Нам следует ответить на ряд вопросов: каково будущее цивилизации? Предоставит ли глобализация людям какие-либо преимущества или права? Следует заметить, что только 5 % финансового развития связано

с инвестициями. Может быть, усилится безопасность? Или мы начнем получать правдивую информацию?

В настоящее время рабочая сила не может свободно передвигаться по миру. В XIX веке по этой причине произошла промышленная революция. Мы не можем трактовать понятие «глобализация» узко, но в любом случае нужно ответить на следующий вопрос: как устранить отрицательные воздействия процесса глобализации? Необходимо развивать региональное сотрудничество между тихоокеанскими странами, США, Европейским Союзом и др.

Региональная кооперация должна начинаться с сотрудничества соседей. Когда соседи вступают в конфликт, возникают проблемы. Но могут восторжествовать и другие стратегии поведения. Должен быть механизм, с помощью которого можно решать конфликты, чтобы конфликт между двумя государствами не перерос в конфликт между двумя народами. Мы должны приложить все силы для решения проблемы и нормализации ситуации.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Господин посол, Вы затронули несколько серьезных вопросов. В частности, была затронута тема необходимости определения понятийного аппарата и предложена распространенная и аргументированная точка зрения на то, что такое глобализация. Были выделены ее периоды начиная с Первой мировой войны, как глобализация развивалась после Великой депрессии и стала полноформатной в 1980–1990-е годы. Существуют и другие точки зрения на глобализацию.

Вы напомнили о соотношении межнациональных государств и глобализации, о том, что в последнее время национальные государства вновь находятся под угрозой. Какие-то оказались несостоятельными, другим «помогли» таковыми стать, как, например, Ливии.

В 1945 году Устав Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско подписали более 50 государств. К 2016 году в ООН состояло более 190 членов. То есть во второй половине XX века произошло увеличение количества национальных государств и соответственно национальных интересов почти в четыре раза. Вопрос заключается в том, как международные отношения, точнее — их система может справиться с увеличением количества субъектов.

Слово предоставляется польскому политику, законодателю, социологу господину Ежи Вятру.

Е. ВЯТР: — Хочу обратиться к вопросу о национальном суверенитете и сказать, что не принадлежу к числу тех, кто говорит, что суверенитет государств и суверенные государства находятся на смертном одре. Полагаю, что они будут существовать еще много столетий.

Сегодня суверенитету национальных государств брошены три вызова. Один из вызовов — это глобализация. Здесь важен не только экономический фактор, но и коммуникации, связь (диктаторские режимы не могут контролировать поток информации, как несколько десятилетий назад). Когда я был молодым, такие радиостанции, как «Голос Америки», «Свободная Европа», глушились государственными средствами

радиоподавления. Правительства не могут ничего противопоставить воздействию глобализации, да это и невозможно. Глобализация имеет как отрицательную, так и положительную сторону.

Второй вызов, о котором стоит сожалеть, но очень трудно его предотвратить, — навязывание сильными державами своей воли более слабым государствам. Это происходит по всему миру. Сегодня супердержавы навязывают свою волю более слабым партнерам. Это можно сказать и о Советском Союзе, и о его сателлитах в Центральной Европе, и о США и союзных государствах. Некоторое время мы считали, что навязывание мнения — это дело прошлого, но, к сожалению, мы ошибались. Сильные державы все еще нарушают суверенные права более слабых государств. Вопиющий случай — американское вторжение в Ирак. К сожалению, это произошло при участии Польши. Тогда я не поддержал свое правительство и отрекся (в том числе на страницах печати) от акта американского вторжения в Ирак. Как европейское сообщество может предотвратить такое грубое нарушение международного права, если нарушитель — одна из самых сильных или, может быть, даже самая сильная страна? Можно было бы устроить демарши в ООН, но вряд ли это принесло бы какую-нибудь пользу.

Третий вызов — добровольное подчинение независимых государств международным правилам и документам, начиная с Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека. Эти документы противоречили положениям Вестфальского договора. Сейчас страны не могут делать то, что хотят, существуют ограничения правил поведения государств. Например, нельзя навязывать людям определенную религию, поэтому правительству моей страны в настоящее время придется изменять законодательство, независимое и суверенное, потому что оно противоречит правилам, принятым международными организациями, Евросоюзом. Я считаю, что это достойное ограничение суверенитета, потому что оно в интересах свободы, демократии, прав человека, чтобы граждане не оставались наедине со своим правительством. Я считаю это положительным явлением и приветствую его.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Господин Вятр, Ваше выступление содержит много пищи для размышлений. Хочу отметить один из пунктов о том, что существуют международно-установленные правила, которым все должны следовать. Международное право, как и любая система права, состязательно. Судебный процесс предусматривает две стороны — адвоката-защитника и прокурора-обвинителя, которые спорят друг с другом. В международном праве действует много принципов, которые могут находиться в гармонии или столкновении друг с другом, как, например, принцип самоопределения и государственного суверенитета. В идеале все должны следовать международно-установленным правилам, но, как всегда, существуют разные трактовки и интерпретации принципов Устава ООН, в каком соотношении эти принципы должны соблюдаться.

Слово предоставляется профессору Гжегожу Колдоку.

Г. В. КОЛОДКО: — Когда речь идет о глобализации, то говорим о проблемах. Проблема — это одновременно и шанс, и риск. Мы должны быть открыты рискам, если хотим воспользоваться шансами и решить проблемы. С точки зрения экономики шансы — это свободный доступ к источникам капитала, прямые иностранные инвестиции, новые технологии, более высокая квалификация трудовых ресурсов, образование, наука и т. п. Но само по себе ничего не происходит — все это результат глобализации. Нужно обратить эти шансы в экономические, социальные, политические и прочие преимущества. Но здесь заложены и риски: можно потерять капитал, компания может обанкротиться, конкуренты могут победить, лучшие рабочие силы — уйти.

Двенадцать лет назад Европейский Союз был обеспокоен проблемой, связанной с тем, сколько людей сможет принять каждая страна. В настоящее время в Польшу приезжает больше людей, чем уезжает из нее. 80 % из них — молодые люди до 30 лет, квалифицированные специалисты, обладающие предпринимательским талантом и желающие работать на благо страны. Но временно наша страна закрыла двери. И если мы предоставим деньги, организуем стартапы и поможем их запустить, то сможем продать все, что изготовим, при условии нашей конкурентоспособности. Более 7 млн человек могли бы довести нашу промышленность до банкротства, если бы они не смогли уехать из страны.

Эта игра называется динамической глобализацией. Как же воспользоваться ее преимуществами, избежав рисков? Что несет глобализация Польше, Украине, Белоруссии, Чешской Республике, Австрии и т. д.? Каковы ее результаты по сравнению с затратами? Каковы затраты, обусловленные плохим управлением? Беларусь и Украина, Чили и Аргентина, Доминикана и Гаити, Никарагуа и Коста-Рика, Филиппины и Малайзия, Бангладеш и Мьянма, Китай и Россия — все эти страны являются соседями. В чем же различия между ними? Коста-Рика — это история успеха, а Никарагуа — история неудачи. Почему Турция до недавнего времени была выигршной стороной в мировой экономической игре? Почему Польше все удается лучше, чем Украине? Двадцать пять лет назад человеческий капитал на Украине находился в гораздо лучшем положении, чем в Польше, хотя в этих странах одинаковый климат, ресурсы, уровень образования. Эти государства отличаются разной стратегией.

Глобализация затрагивает все страны: маленькую Коста-Рику, среднюю Беларусь и большие Индию и Китай. У них есть национальная стратегия. Польша утратила часть суверенитета, чтобы присоединиться к Европейскому Союзу. Мы сами стремились вступить в Евросоюз, а не Евросоюз хотел присоединить нас. Мы вели переговоры с Европейским Союзом, и после того как это произошло, все осталось на прежнем уровне, поскольку реальность иногда не совпадает с желаемым. В этом случае люди могут проводить митинги, протестуя против евро или толерантности. Однако во все периоды существовала стратегия.

В новых обстоятельствах, которых нельзя было избежать, необходима новая стратегия. Как экономист,

могу вас уверить: физически невозможно разработать достойную стратегию развития экономики, если она не увязывается с долгосрочными целями. Это может произойти только с помощью разработанного теоретического аппарата.

Итак, мы призываем выработать стратегию, основанную на хорошей экономической теории. Политические факторы тоже имеют значение, это не просто экономическая игра, но и престиж и пр. К удивлению, в Бангладеш мы не наблюдали подобного успеха и не сможем добиться роста этой страны, если не будет разработана стратегия.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Один из ключевых вопросов, который Вы задали: несет ли глобализация блага? Действительно, к глобализации нельзя подходить с ценностными ориентирами. Это то, что можно использовать или во благо, или во вред себе. Вопрос стоит так: хороша ли конкретная политика по использованию преимуществ, которые может дать глобализация, и по минимизации рисков или негативных факторов, которые она несет?

Хотя глобализация неизбежна, это не природное явление, а то, что люди могут направлять, чем они могут манипулировать. Я уверен, что, как в рыночной экономике могут существовать различные модели, так и у глобализации могут быть разные модели в зависимости от того, какие группы стран или какая школа экономической мысли задают тон.

Слово предоставляется профессору Амели.

С. Р. АМЕЛИ: — В настоящее время наметилось понимание экономических, политических и культурных вопросов, которые не должны увести нас в сторону от намеченного направления. Сегодня многие изменения связаны с глобализацией и распространением Интернета. В этой модели мира действуют два типа технологий. Глобализация использует технологии, которые развиваются в физическом и виртуальном пространстве.

В настоящее время возникают кризисы, связанные со смешением культур. Сто лет назад не было такого интенсивного развития транспорта, коммуникаций между разными частями света, как сегодня, но изменения все равно происходили. Необходимо понять логику управления жизнью. Это двусторонняя парадигма. В Библии мы наблюдаем обращение ко всем народам мира. Идея христианства распространилась на все человечество. Можно сказать, что уже тогда было глобальное отношение к людям. Сейчас в мире также наблюдается глобальность коммуникаций. Начало этому процессу положил Морзе, который использовал технологии для связи между людьми, что и изменило мир. Виртуальная реальность позволяет делать покупки или развлекаться через Интернет.

Вместо слова «глобализация» следует использовать термины «транслокализация», «перенос», «перемещение». Если мы примем это положение, то на физическую и виртуальную глобализацию будем смотреть иначе.

В глобальном мире культура, как и национальные интересы, очень важна. Главный вопрос в сфере куль-

туры — ее централизация. Таким образом может проявиться ее индивидуальный характер, несмотря на действующие в обществе нормы.

Возможности выбора расширились: граждане одной страны могут выбирать иное гражданство. Существуют три типа миграции: физическая, когда меняется место обитания, виртуальная, когда изменяется принадлежность (мы можем жить в России или Иране, но духовно принадлежать другому месту), и виртуально-физическая, когда меняются гражданство, родина, политика, общество. Здесь проявляются различия между понятиями «дом» — место, где мы можем жить, и «дом», к которому мы духовно принадлежим, Родина.

Полагаю, что нужно заново формировать национальную политику. Она должна затрагивать не только физическое пространство, мы должны думать о привлечении людей к географическим, геополитическим и виртуальным возможностям.

В Америке возникли новые виртуальные общности (например, в Голливуде), и мы понимаем, какие силы окружают нас в этом виртуальном мире. За счет них США распространяют свою культуру в виртуальном пространстве. Например, 75 % интернет-запросов осуществляется с территории Соединенных Штатов Америки, 75 % населения используют для поиска Google, а остальные — Yahoo и иные поисковые программы. Википедия — самая крупная энциклопедия в мире, с ее помощью создается содержание для Google, информация поступает с серверов Google. Перед нами стоит серьезная культурная проблема, этот вызов культуре может распространиться и на другие сферы.

Хотел бы задать лингвистический вопрос. В русском и польском языках не различаются два названных значения понятия «дом», а на фарси это разные слова, как и в английском языке. Как в этом случае происходит смыслообразование?

Ал. А. ГРОМЫКО: — В каждом языке можно найти слова или понятия, которые по значению не совпадают со словами в других языках. Если говорить о home и house, то в русском языке home — это очаг, а house — это дом. Вообще тема лингвистического измерения глобальной политики в последние годы стала очень важной.

Вы затронули понятия «транснационализация» или «глобализация». В российской политологии шли споры о том, как понятия «интернационализация», «транснационализация», «глобализация» соотносятся друг с другом. Считаю, что транснационализация и интернационализация являются частью глобализации. Глобализация является зонтичным понятием, которая включает в том числе то, о чем Вы говорили.

Крайне интересна тема виртуальной иммиграции. Здесь можно привести еще один термин — капсулизация. Когда человек, попадая в инородную культурную среду, не ассимилируется, а наоборот, создает вокруг себя некую непроницаемую среду, своего рода добровольное гетто. И это гетто отторгает от себя ту культуру, которой оно окружено в той или иной стране.

Слово предоставляется господину Азизу.

Ш. АЗИЗ: — Вопрос глобализации необходимо рассматривать в более широком контексте. Когда я работал министром финансов Пакистана, наша экономика была очень традиционной, на все были необходимы разрешения, допуски, лицензии, бюрократия была очень сильна, а реформы — минимальны. У нас была только одна возможность что-то предпринять для улучшения ситуации. Экономика строилась на тарифах и нетарифных барьерах. Глобализация и дерегулирование экономики — это единственный путь, которым должен был следовать Пакистан. Но у каждой страны свои особенности, поэтому нельзя сказать, что один рецепт подойдет всем. Если вы сможете обеспечить связи с различными рынками мира в максимальном масштабе, то получите широкую аудиторию и соответственно большое количество клиентов. Переход к такой системе — сложный путь. Но это позволит перестроить экономику, получить выгоду от ее открытости. Поэтому Пакистан будет продолжать реформы.

Моя философия заключается в трех словах — либерализовать, приватизировать, дерегулировать. Необходимо было, во-первых, либерализовать экономику, оставить частный сектор в покое и не мешать ему развиваться. Мы приватизировали всю банковскую систему из-за ее неэффективности и неумения работать. Все наши действия были прозрачными, мы привлекли иностранные финансовые учреждения для осуществления банковских платежей, все банки перешли в руки местных предпринимателей, а также под управление ближневосточных банков. Они обусловили много возможностей и пробудили желание работать.

Кроме того, мы урегулировали телекоммуникационный бизнес. Мы объединили три вида лицензий на телефонные сети и телевидение и начали продавать их с аукциона. Если та или иная группа не имела денежных средств, то это означало, что у нее в будущем могло не быть телевидения и телефонии. Лучшие фирмы мира оценили наши реформы. Итак, мы продали с аукциона телефонную и телевизионную сети, причем каждый из покупателей должен был предоставить финансовое обеспечение в размере 10 млн долларов. Если они проигрывали на аукционе, то получали деньги обратно, если выигрывали, то деньги оставались у государства. Лицензии на телевидение продавались по 200 млн долларов. Таким образом мы получили деньги на развитие — это была первая приватизация в нашей стране. После этого процессы приватизации и дерегулирования пошли своим чередом.

С телефонной сетью было немного иначе: телефонная связь распространилась везде, и люди, которые никогда не видели телефона, стали им пользоваться. Например, один водопроводчик рассказал мне, что теперь у него есть телефон и ему по нему присылают заказы на работу. То есть вся система ожила, ее как бы гальванизировали.

В такой приватизации, конечно, заложены риски. Нам говорили, что, продавая секретные активы правительства, тем самым можно разбазарить государство. Теперь у нас продается все больше лицензий и на телекоммуникации, и на телевидение, а количество проданных телефонов достигает 1 млн в месяц.

По моему мнению, не должно быть веры в глобализацию или неверия в нее. Нужно подо все процессы подводить философское основание. В ходе экономических реформ страна, какая бы она ни была (развивающаяся, развитая, суперразвитая), должна верить в них. Хорошие реформы помогут перескочить сразу через две ступени развития. Возможна и критика, потому что страна продает государственное имущество и ценности и все могут узнать наши секреты. Но сегодня всем и так известно о наших секретах с помощью спутников, которые размещены над территорией нашей страны. Все действия должны быть прозрачными. Рост экономики нашей страны составил от 6 до 8 %. Но в каждой стране эти процессы будут происходить по-разному. Главное — реформы и поощрение креативной силы частного сектора.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Господин Азиз, вокруг Вашего выступления можно было бы выстроить отдельную дискуссию. Пример того, как определенная экономическая, рыночная модель принесла пользу Вашей стране, свидетельствует о том, насколько важен правильный выбор.

Термины «дерегулирование», «децентрализация», «приватизация» были написаны на «знаменах» во времена тэтчеризма и рейганомии. Фридрих Фон Хайек и Милтон Фридман были тогда повелителями умов. Но в Европе сейчас практически никто не говорит о «государстве — ночном стороже» или о «невидимой руке рыночных сил». Европейские страны, в том числе и Россия, уже прошли этот этап и по-другому стали относиться к названным категориям.

Россию часто критикуют за экономически неэффективную модель. Но с точки зрения либеральных принципов экономического развития страна формально может занимать высокое место. Например, в России консолидированный бюджет составлял в районе 36 % ВВП. В большинстве развитых рыночных экономик этот показатель далеко за 40 %. У России низкий бюджетный дефицит, небольшой государственный долг и низкая безработица.

Вы справедливо заметили, что дело даже не в слепом выборе тех или иных принципов и не в доктринерстве, а в том, что государство должно иметь четкую стратегию, политическую волю по ее выполнению, чтобы, когда проявятся первые положительные результаты внедрения этой стратегии, сделать все возможное по ее развитию. Если выбор был неправильным, необходима также политическая воля, способность признать свои ошибки и выбрать иной путь.

Слово предоставляется профессору Валуру Ингимундарсону из Исландии.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Мы обсуждаем разрушительные элементы политических структур, такие как глобализация, терроризм, миграция, финансовые кризисы. Хотел бы сказать несколько слов о явлении, которое подпитывается этими элементами, — об активности правых партий в Европе. В данном случае возникают исторические параллели с фашизмом. Крайне правые все выше поднимают голову в Европе. Влияние

этих воззрений разнообразно проявляется в различных группах, а препятствия им воздвигаются электоральной системой перед выборами, потому что правым партиям и сочувствующим им противостоит другая часть населения.

Несмотря на противоречия между правыми и левыми, в повестке дня европейской партийной политики сегодня первое место занимает процесс миграции. Во многих странах, предоставивших беженцам убежище, эта проблема вышла на первое место. В Западной Европе усилились фашистские настроения, все ярче проявляют себя такие партии, как «Национальный фронт» во Франции, Австрийская партия свободы и пр. Эти партии усвоили основные доктрины для очищения системы и прибегают к оперативным решениям. Никто не желает войны и расширения пространства за счет военных действий. Самые успешные из этих партий сочетают националистическую идеологию с консервативными ценностями и социальной защитой.

Можно обнаружить сходство между сегодняшними правыми радикальными партиями и их историческими предшественниками. Эти партии, так же как отдельные партии в 1920–1930-е годы, предлагают Европе наднациональные проекты, стремясь охватить всю Европу. В основном объектом их борьбы становятся беженцы, эмигранты и те, кто ищет убежища. Это касается практически всех партий, за исключением Австрийской партии свободы. Большинство популистских партий влияет на политику правительств, даже если их представители не занимают какого-либо видного места во властных структурах, парламенте или выборном органе. Последние несколько лет мы наблюдали соперничество между социал-демократическими партиями, которые начали смещаться в более правую часть спектра, навстречу правым партиям либо в соответствии с пожеланиями большинства, либо стремясь привлечь меньшинство.

В том, что касается традиционных ценностей эмиграции, возможно, правительствам европейских стран удалось бы лучше воплотить свои требования, удовлетворяющие националистов, если бы не активная борьба последних, подстегивающая правительства противодействовать им. Традиционные политические партии сейчас теряют доверие избирателей, но продолжают занимать важное политическое место. Такие проблемы, как глобализация, радикальный ислам, беженцы, нанесут ущерб европейскому супернациональному проекту и самой идее Европейского Союза.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Вы затронули блок тем, которые можно обсуждать долго. В частности, изменения в партийно-политической системе стран Евросоюза под влиянием обстоятельств, в результате появления новых сил (радикальных левых, радикальных правых), активизации сил, которые еще недавно считались маргинальными, а сейчас в некоторых странах входят в правительства или возглавляют их, как в Греции.

Мы следим за выборами в Соединенных Штатах Америки. И когда кандидат в президенты США Л. Сандерс называет себя социалистом, это многое значит. Причем он самый возрастной из претендентов,

а большая часть его электората — это молодые люди. В США — бастионе либеральной модели капитализма — «коммунизм» и «социализм» еще в недалеком прошлом были ругательными словами. Значит, в обществе происходят важные процессы.

В 1950–1970-е годы в Европе много обсуждали и писали о том, как кадровые партии превращались в массовые, классовые партии. Были партии трудящихся, крупных собственников в Великобритании, например лейбористы и консерваторы, потом появились универсальные партии (catch-all-parties), которые ориентировались на средний класс, составлявший 60–80 % населения. В настоящее время происходит размывание среднего класса, в том числе в США. Вновь начинают расти социальные диспаритеты, появляются партии, которые в каком-то смысле можно назвать классовыми, — они делают ставку на наимущих или наиболее богатых.

Слово предоставляется профессору делла Сала.

В. делла САЛА: — Господин председатель, мне понравилось Ваше высказывание относительно понятия «суверенность». На мой взгляд, эта концепция определяет многое из того, о чем мы говорили на Лихачевских чтениях.

Что представляет собой суверенность, суверенитет? Известный британский политический философ Исая Берлин в свое время сказал, что нельзя иметь суверенитет наполовину, а наполовину — не иметь. Если строго подходить к этому понятию, то сейчас суверенных государств на Земле не существует. Следует разбираться, насколько это понятие гибко и необходимо при описании современного мирового порядка.

Возникновение понятия «глобализация» как ведущего принципа национальной организации страны можно отнести к 1648 году. Как и когда мы должны применять это понятие и в какой степени оно легитимно? Вместе мы должны постараться ответить на этот вопрос и подумать о том, какие государства соотносятся с понятием суверенитета в условиях глобализации.

Настоящая фаза глобализации отличается важными особенностями, причем не только количественными, но и качественными. Она отделяет государства друг от друга, меняя их внутреннее строение. Правила принимаются всеми, но изменяются внутри отдельных стран. Этот процесс, который определяет новый порядок действий государства, называют новым конституционализмом. Вероятно, он стал возможен потому, что мы постоянно меняем правила игры и не спрашиваем людей о том, хотят ли они, чтобы эти правила изменились.

То же касается и такого движения, как евроскептицизм. Должны ли мы проводить опросы по поводу нового порядка? К чему приведет гибкий суверенитет, часть которого утрачена, а часть проявляется не должным образом? Когда процентное соотношение мигрантов начнет угрожать суверенитету и институтам государства? Это вопрос не количества или конфликтов, а состояния государства. Если у нас «выключенное» государство, то мы обычно его замечаем, когда оно выполняет фискальную функцию (собирает налоги) и пр.

Приведу пример. Когда продавца зелени, продающего в том числе и сицилийские бобы, спрашивали: «Откуда фасоль?», он никогда не говорил «французская фасоль» или «итальянская фасоль», а отвечал: «Сицилийская фасоль». По правилам он должен был бы написать «итальянская фасоль», потому что Сицилия — это часть Италии. Люди, покупавшие эту фасоль, воспринимали Сицилию как отдельное государство. Подобные моменты способствуют распространению евроскептицизма. Государства в Европе пока не могут справиться с целым рядом проблем, в том числе управлять миграционными потоками. Характерный признак — продавец зелени, который применяет понятие «суверенитет» даже к фруктам и овощам.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Когда государства передают часть своих полномочий Евросоюзу, они не только сами меняются, но и меняют систему изнутри. В политологии есть целое направление изучения политических пространств, в которых работает эта обратная связь. Многие представляют Евросоюз как некую организацию, которая меняется в одном направлении — сверху вниз. На самом деле, чем больше стран вступают в Евросоюз, тем больше он меняется изнутри под воздействием самих членов.

Слово предоставляется господину Саджанхару из Индии.

А. САДЖАНХАР: — На Лихачевском форуме мы пришли к выводу, что глобализация развивается очень быстро и является необратимым процессом. Хотелось бы определить некоторые временные параметры. Например, Великий шелковый путь существовал начиная с XII века и использовался для перевозки товаров караванами из Китая, Индии в страны Азии и, в конце концов, в Европу. Он назывался шелковым потому, что шелк был одним из основных товаров. Также поставлялись пряности из Индии, золото, драгоценные камни.

Глобализация сегодняшнего дня похожа на глобализацию раннего времени, то есть происходит перемещение не только товаров, но и идей, мыслей, разных религий. Буддизм из Индии по Великому шелковому пути достиг западной части Китая.

Глобализация — необратимый процесс. Самое важное — скорость, с которой происходят изменения. В наибольшей степени они касаются новых технологий, Интернета, связи, путешествий, телекоммуникаций. Люди путешествуют в поисках работы, образования, досуга, туризма, бизнеса и постоянно должны контактировать друг с другом. Поэтому было введено понятие «мультикультурализм». Физическое пространство, которое занимают люди, тоже сужается. Люди переезжают с одного места на другое, чтобы быть вместе. То есть отношения между людьми изменились под влиянием глобализации.

Глобализация имеет свои достоинства. Например, перед моей страной стоит важная задача сокращения смертности. Мы решаем эту проблему с тех пор, как начали вести открытую рыночную экономику в начале 1990-х годов. Мы уберегли 1 % нашего населения от обнищания. Уровень смертности с 38 % уда-

лось снизить до 8 %. Конечно, нам помогли в том числе и иностранные инвестиции, приток капитала и пр. Транснациональные корпорации стали крайне мощным орудием, даже более мощным, чем государства.

Но у глобализации есть и недостатки. Во-первых, бесчеловечное использование окружающей среды ведет к изменению климата. Во-вторых, мы смогли преодолеть бедность, но разница в доходах между богатыми и бедными очень велика и продолжает увеличиваться. В-третьих, вопросы безопасности пока находятся не под нашим контролем. Где бы ни проходили заседания ВТО, комитетов ООН или международных организаций, всегда находятся люди, сомневающиеся в том, что глобализация — это хорошо, поэтому они борются с этим явлением. Необходимо решать проблемы и на внутригосударственном уровне, в частности объединить важные сегменты общества и сделать их активными участниками рынка.

Ал. А. ГРОМЫКО: — В дискуссии мы открыли новую грань глобализации — это глобализация идей и мировых религий (христианство, ислам, буддизм). Это свидетельствует о том, что о глобализации можно говорить и по отношению к периоду истории более 2 тыс. лет назад. Глобализация идей состоялась несколько тысяч лет назад.

Господин Саджанхар, Вы сказали, что транснациональные корпорации могут быть сильнее, чем государства. Действительно, бюджет некоторых транснациональных компаний больше, чем ВВП отдельных стран. Но эту идею надо обсуждать в контексте. Например, когда Великобритания вступала в войну в Ираке вместе с США, то крупный бизнес, британские нефтегазовые ТНК, были против этой войны и напрямую высказывали свое мнение Тони Блэру. Но политика взяла верх. То же самое касается санкций против России и контрсанкций с нашей стороны. Крупный европейский бизнес был против введения санкций и лоббировал решение, но политика победила. То есть экономика, пусть даже в виде крупных международных ТНК, не всегда превалирует в механизмах принятия решений.

Слово предоставляется профессору Гэлбрейту.

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Я хотел бы вернуться к тому, с чего мы начали сегодняшнее обсуждение и о чем говорил профессор Амели. До какой степени глобализация в ее современной форме американоцентрична? Даже раньше описываемых явлений, уже в 1970 году, США имели повышенные энергетические мощности и ресурсы на внутреннем рынке. После этого мировая валютная система была перестроена. Все это открыло возможности для финансовой системы, которая сложилась после 1970-х годов. Так что в некотором смысле мировые системы развились симметрично. Цивилизация опирается на собственные финансовые ресурсы.

Кроме того, до 2000 года произошла психологическая революция, имеющая два аспекта — физический и виртуальный. Началась национализация американских достижений в области науки и техники, авиации, авионики. Несмотря на то что в Японии в то время

бюджет был менее милитаризован, американоцентричный характер изменений, происходивших после войны, остался прежним.

Последствия трех волн глобализации и ресурсо-финансового доминирования, компьютеризация технологий послужили причиной образования гражданского общества. В богатых странах, городах, финансовых центрах мира возник политический вопрос, что могут сделать эти страны. В данном случае для национальных государств доступны управление землей и природными ресурсами, осуществление контроля над своими системами снабжения и электричеством. Последовало инфраструктурное развитие электросетей, что, скорее всего, было бы невозможно ранее.

Появляется возможность возникновения национальных противовесов, но необходим выбор средств контроля за капиталом в течение всего периода. В 1885 году финансовая система была сформирована, но не предполагалось широкого распространения таких схем развития инвестиций. Инвестиционная и тарифная политика далеко не всегда успешно применяется. Существуют и другие инструменты, которые нигде не действуют, кроме как в Китае, где существует единое руководство. Современные правительства, граждане, государства дрейфуют в направлении развития потребления.

Успех глобализации в разных странах вряд ли был возможен без политических изменений, которые могут быть разными в различных странах и привести к появлению определенных политических явлений, в том числе политического кризиса, связанного с тем, что молодые избиратели иначе понимают социальные механизмы. Это особенно отчетливо проявилось в настоящее время в США, где пожилой кандидат-еврей привлекает молодых американских избирателей под знамена социализма. Многие тенденции в Европе развиваются в этом направлении.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется профессору Тегеранского университета госпоже Насрин Мосаффа.

Н. МОСАФФА: — Хочу поблагодарить организаторов Лихачевских чтений за приглашение выступить на этой конференции. Мой доклад посвящен теме международного сотрудничества, международного порядка и проблемам, стоящим перед всем человечеством. Хотела бы обратить ваше внимание на следующий момент: в течение двух рабочих дней я — первая женщина, которая выступает здесь с докладом. (Как правило, участие женщин в конференции в качестве докладчика воспринимается отрицательно.)

Также хотела бы обратить внимание на судьбу женщин и детей во время военных действий. Как объяснить страдания женщин, причиненные им ДАИШ и «Бoko хаарам» в Нигерии? Как с экономической точки зрения можно объяснить проблемы, которые затрагивают национальные интересы всех стран, глобализацию в восточной части Азии и других частях мира? Мир велик, поэтому наделение женщин дополнительными полномочиями, властью — одна из необходимых

мер для мирового сообщества. Может быть, стоит избрать женщину на пост Генерального секретаря ООН? Женщины должны участвовать в конференциях, делать доклады и рассматривать «женские» вопросы во всех аспектах.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Слово предоставляется со-руководителю нашей секции господину Моратиносу.

М. А. МОРАТИНОС: — Я рад, что мы обсуждаем интересную тему связи между национальными интересами и международными делами. Чтобы прийти к какому-либо выводу, надо выслушать различные точки зрения. Думаю, что подобные дискуссии важны как для академической аудитории, так и для политиков.

Большинство из нас придерживаются мнения, что глобализация необратима. Но я считаю, что это обязательно так. Вопрос состоит в том, что мы не хотим признать сложности нового мира. Профессор дела Сала сказал, что нам нужен гибкий суверенитет государств. Мы должны приветствовать новых авторов международных отношений, среди них могут быть и национальные государства.

Мир изменился. Но кто сегодня правит миром? Таких «правителей» много. Пятьдесят лет назад это были супердержавы, затем наступила эпоха американского мира — *Rex Americana*. Возможно, когда-нибудь мир превратится в многонациональную корпорацию, а править будут неправительственные организации. Или, например, женские ассоциации. Как бы то ни было, все структуры в этом участвуют и содействуют становлению нового мира. Так что у нас появились новые действующие лица, и мы должны попытаться адаптироваться к сегодняшней реальности. Это означает появление новой повестки дня: новые вызовы мирового масштаба, новый терроризм, изменение климата, безопасность, миграция, новые инструменты решения проблем.

Многое меняют современные технологии, виртуальный мир. Нужны другие институты, поэтому мы должны реформировать старые институты и учредить новые. Как мы это сделаем? Необходимо, чтобы они обладали легитимной властью и авторитетом, дабы иметь возможность изменить мировую систему. И придется вернуться к тем ключевым темам, о чем сказал профессор Джеймс Гэлбрейт: это ресурсы, финансы и власть. Мы с самого начала пытаемся внедрить какие-то новые правила и процедуры, в течение двух дней обсуждаем наше «планетарное братство», как говорил профессор Джеффри Сакс. Природные ресурсы принадлежат всем людям, а не только отдельным государствам. Как сделать мир устойчивым и развивающимся? Мы должны согласовать это со всем международным сообществом. Что касается финансов, то нам надо решить, должна ли сохраниться Бреттон-Вудская система, которая ввела механизмы, предотвращающие финансовые кризисы в Европе. Но сейчас они уже не могут защитить сами себя. Алексей Громько говорил, что идет, видимо, охота за ресурсами. Когда Голландский банк начинает влиять на решения Европейского центрального банка, как

должен на это реагировать рынок? Что делать с финансами в институциональном плане?

Надо также регулировать Интернет. В этом должны участвовать мы все, для этого есть большие возможности. Успех возможен только там, где частный сектор, гражданское общество, средства массовой информации — все работают слаженно на одну цель. Это новый мир и новая дипломатия. То есть вопрос не в национальных государствах, а в создании институтов, которые могли бы способствовать новой реформе с участием всех действующих лиц. Это то, что мы должны сделать в ближайшем будущем.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Вопрос о том, кто правит миром, в России называют вопросом на миллион долларов. С точки зрения теории глобального регулирования и управления вопрос о том, кто будет править миром в XXI веке, — ключевой. В России большинство специалистов по международным отношениям придерживаются концепции полицентризма. В Евросоюзе распространена концепция многосторонности, которая близка, но отличается от концепции полицентризма. И споры на эту тему будут вестись еще долго.

Полицентризм, как и глобализация, неизбежен, но возможны разные модели полицентризма. Скорее всего, полицентризм будет иерархическим, в нем будут эшелоны (первый, второй, третий). Другое дело, что между ними не будет непроницаемых перегородок, можно будет передвигаться из одной категории в другую. То есть это будет динамичная модель, и, надо надеяться, в целом стабильная.

Господин Моратинос, Вы сказали, что ООН требуется глубокая реформа. Это бесспорно, но нужно осторожно реализовывать идею о реформировании, потому что в ходе непродуманной реформы можно выплеснуть «ребенка вместе с водой» и погубить то, что было хорошего.

Слово предоставляется профессору Литтлджону.

Г. ЛИТТЛДЖОН: — Я хотел бы поговорить о миграционном кризисе в Европе и о трудностях, с которыми столкнулась Еврокомиссия при определении стратегии его разрешения. Мир меняется очень быстро, и приходится реагировать на эти изменения. Кризис беженцев связан с проблемой терроризма, активизировавшегося в Западном полушарии. Политики проигнорировали предупреждения, поступающие от специальных служб, и частично поощряли беженцев, а иногда и заставляли людей покидать свои родные места. Многие беженцы к ним обращались по социальным сетям, таким как Twitter, и видно, что деятельность ИГИЛ в Twitter особенно активизировалась в то время суток, которое совпадает с временным поясом Калифорнии. То есть ИГИЛ представлен и в Америке, вероятно, в Калифорнии. Это говорит о том, что группировка достаточно сложно организована, и на это нельзя не обращать внимания. Кроме того, безусловно, практикуется принуждение, и вдобавок ИГИЛ действительно получал очень много денег — до тех пор, пока некоторые пути поставок не были прерваны. Как бы то ни было, ИГИЛ располагает большими финансовыми ресурсами.

ми. Есть по крайней мере одно сообщение (правда, не подтвержденное), что террористы прибыли в Европу через Украину и будут пытаться получить визу в европейскую страну. Не знаю, правда ли это. Оценки числа беженцев, прибывших в Европу, различаются, но чаще всего говорят о 55 тыс. человек. Германские источники оценивают их количество в 20–25 тыс. человек. Не знаю, отмечались ли случаи контрабанды оружия (думаю, что нет, сейчас люди слишком напуганы), но прибытие в Европу боевиков с вооружением декларирувалось ИГИЛ. Сейчас греки сообщают о полном контейнере оружия с патронами, который был конфискован на одном из судов.

В связи с беженцами Европа сталкивается с особыми проблемами, в частности с беспорядками, возможно, подогреваемыми ДАИШ. Но проблема еще и в том, что в Западной Европе плохо налажено сотрудничество между службами разведки. Террористические акты произошли в двух больших городах, где полицейские говорят на одном языке, и связь между этими событиями, безусловно, была. То есть нападение могла осуществить одна и та же ячейка боевиков. Почему эти проблемы вообще возникают? В Великобритании имеется служба разведки, и она была бы рада поделиться информацией и получить в ответ информацию от коллег из других стран.

Возможно, еще более актуальная проблема, с которой мы встречаемся каждый день, — то, что на адаптацию беженцев требуется время, и европейцы должны с этим смириться. Необходимо обратить внимание на различные факторы и наращивать свои возможности в борьбе с терроризмом, как это было в конце 1980-х годов. Надо разработать стратегию борьбы с терроризмом, присоединиться к «вашингтонскому консенсусу» и одновременно, конечно, осуществлять собственную стратегию. Но пока Европейский Союз опаздывает, не успевает вовремя реагировать на изменения в мире.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Профессор Галис, Вам слово.

Г. ГАЛИС: — Уважаемые коллеги, чтобы избежать путаницы понятий глобализации и глобализма, предлагаю прочитать статью Генри Киссинджера в газете “Washington Post” от 5 октября 1998 года. Я прочту две важные строчки из нее: «Вся идея глобализма зависит от мировой политической и экономической организации. В отличие от экономики, политика делит мир на национальные образования. И почему политические лидеры принимают до некоторой степени страдания политические, чтобы развить экономику? Они не могут согласиться с принуждением их к таким производным от их вопросов, которые насаждаются из-за рубежа».

Ал. А. ГРОМЫКО: — Спасибо за то, что Вы привлекли наше внимание к принципиальной разнице между этими двумя терминами.

Слово предоставляется лорду Мойнихену.

К. МОЙНИХЕН: — В Великобритании сейчас в самом разгаре дебаты о суверенитете в рамках Ев-

ропейского Союза. Рискну сделать прогноз: скорее всего, решение остаться в Евросоюзе будет принято, но с очень малым перевесом голосов.

При традиционном полном суверенитете любое государство руководствуется прежде всего национальными интересами и заботами страны. В обществе идут споры о том, ограничивать ли применение национального суверенитета в Великобритании. Мы пожертвовали частью своего суверенитета, когда присоединились к объединенной Европе в 1973 году. А в рамках Европейского Союза мы можем обсудить уровень суверенитета, который нам требуется. Есть aberrации, одна из них — сицилийская фасоль. Я бы рекомендовал говорить «итальянская фасоль с Сицилии».

Важно, что каждое правительство может рассмотреть форму и объем суверенитета. Мы делегируем свой суверенитет НАТО, Европейскому Союзу, но думаем ли мы, что у нас есть возможность вернуть его? В условиях глобализации мы, британцы, часто обсуждаем свои национальные интересы и суверенитет. Способность сохранить суверенитет подразумевает возможность отказаться от законов, которые его ущемляют.

Есть интересная точка зрения относительно Google-платформы. Google не обязательно обеспечивает эту платформу. Google формируется в алгоритме, который имеет наибольший спрос у пользователей. Как они представляют это себе, в каком порядке?

Как мы сотрудничаем, что мы должны делать? Я не могу не согласиться с тем, о чем говорил Джеймс. Он выступает против дерегуляции, но делает много оговорок, и я думаю, что мы все от этого выиграем. Конечно, он может лучше судить о том, что хорошо и плохо в этих вопросах. Наконец, я верю, что результат дебатов приведет к общему выигрышу и позволит создать более сильную Европу. В данном случае понимаю граждан стран — участниц Европейского Союза. Мы ничего не можем сделать идеально, но должны бороться за то, чтобы наилучшим образом отражать волю людей, которых мы представляем, в разных сферах — политической, социальной, образовательной и т. д.

В заключение выражу согласие с высказанной точкой зрения об усилении роли женщин в международных выборных органах, в том числе и в ООН. Похвально, что коллеги подняли этот вопрос.

Я очень благодарен ведущему нашей конференции и рад, что смог принять в ней участие.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, слово предоставляется академику Валерию Александровичу Черешневу.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Я не политолог, не гуманитарий, я врач-иммунолог. Мы здесь сегодня обсуждаем международное партнерство и национальные интересы. Я хочу поговорить о науке в международных отношениях, в партнерстве, потому что благодаря науке мы здесь сидим, обсуждаем разные вопросы независимо от того, у кого какие отношения складываются. Наука интернациональна, но, как писал Пастер, мы-то все национальны. И та держава впереди, где наука на пер-

вом месте. То есть наука определяет очень и очень многое. Что такое «Большая двадцатка»? Это передовые страны в научном отношении — все без исключения. Если 10 стран делают науку фундаментальную, примерно восемь фундаментальных направлений, начиная от математики и заканчивая науками о земле, о жизни, то в остальных есть общемировая градация на науки экономические и гуманитарные. Во всех этих государствах впереди наука.

А мы тем более должны поговорить о науке здесь, потому что Санкт-Петербург — колыбель российской науки. В 1724 году Петр I издал указ о создании Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Позже ее разделили, и Санкт-Петербургская академия потом стала Российской, потом Академией наук СССР, сейчас она опять называется Российской академией наук. Петр, как известно, много раз бывал в Голландии, Англии, Германии, и 25 лет думал о том, как в неграмотной стране России, где было всего два высших учебных заведения церковной направленности — Спасские школы и Киево-Могилянская школа (ну еще Дерптский университет, но там преподавали на немецком языке), построить светский университет. Когда Ломоносов приехал в Германию в 1736 году, первое, что его поразило, — то, что Марбургский университет отмечал свое 250-летие. Он сказал: «Как же так? Там 250 лет отмечают университету, а мы имеем две церковные школы». Поэтому, вернувшись в Россию, он воплотил свою идею о создании Московского университета в 1755 году. Так что университет в Москве — это рукотворное дело Михаила Васильевича Ломоносова и графа Ивана Ивановича Шувалова, который ему помогал.

Ломоносов написал свое знаменитое письмо Шувалову «Рассуждение о размножении и сохранении русского народа», где указал: «Величие, могущество и богатство всякого государства состоит в сохранении и размножении русского народа». Это был 1761 год. Это письмо считается первым трудом по демографии в России. А сегодня мы что видим? Появился специальный термин в медицине и социологии — социоптоз, обозначающий уничтожение собственного народа. Уже три года существует этот термин, который, кстати, взяли из иммунологии, преобразовав из апоптоза — уничтожения раковых клеток киллерами иммунной системы, а тут социоптоз — уничтожение собственного народа. Такого никогда не было, а сейчас это появилось в ряде стран.

Я хочу сказать, что ученые, конечно, много работали, много делали, чтобы помочь Петру I найти решение, как создать академию в России, где не было ни одного доктора наук. Нашли гениальное решение. Петр сразу создает при академии университет, а при университете — гимназию. А кто академики? Семнадцать приглашенных — из Швейцарии, Германии, Франции. Самый молодой — Леонард Эйлер (19 лет), самый старший — Якоб Герман (42 года), оба из Базеля, Швейцария. Они сразу избираются академиками. Эйлер, великий математик, за два года до приглашения в Россию окончил медицинский факультет, а в России сразу стал академиком. Кстати, оба величайших

ученых — Ломоносов и Эйлер — похоронены здесь, в Александро-Невской лавре, на старом кладбище. То есть иностранцы принесли свою научную культуру, но наши потом 150 лет боролись с тем, чтобы российские ученые все-таки в своей стране вышли на передовые позиции. Уже при Николае I, когда завершалась Крымская кампания, произошел очередной кризис, и наука в России при Александре II стала очень бурно развиваться. И последние 290 лет, что существует Академия наук, Россия всегда находится в первой мировой научной десятке.

Мы говорим о технологических укладах, их смене и т. д. А кто это все придумал? Это придумал 45-летний российский, советский профессор Николай Дмитриевич Кондратьев, который был расстрелян в 1938 году за то, что доказал, что, оказывается, движение экономики и общества зависит не только от классовых борьбы, но и от смены технологических укладов. Он выделил шесть укладов начиная с 1780 года. То есть уже более 100 лет можно было анализировать. Первые уклады — это антропогенная техносфера, которая существует уже 200 лет, а до того был первозданный мир. То есть 200 лет промышленность развивается по нарастающей. Сейчас апогей техносферы. Владимир Иванович Вернадский, один из основателей Украинской академии наук, Симферопольского университета, выдающийся ученый, стоявший во главе атомного проекта Советского Союза, создал учение о ноосфере (от *грек.* νόος — разум и σφαῖρα — шар). Он утверждал, что вслед за техносферой неизбежно придет ноосфера, иначе мы сами себя уьем, погибнем в техносфере. И вот получается: с 1780 по 1830 год — 50 лет, далее 50 лет до 1880-го и еще 50 лет — до 1930 года. В 1930–1940-х годах заканчивается третий уклад, а Советский Союз все еще находился во втором укладе, когда доминировали паровые двигатели, потому что 90 % населения проживало в сельской местности.

Великая Отечественная война явилась тем мощным толчком, как сейчас говорят, инновационным прорывом, который стимулировал развитие страны по всем направлениям. Кондратьев подсчитал, как история показывает, что каждый уклад длится примерно 50 лет. И он рассчитал, что пятый уклад сменит четвертый в 1985–1990 годах, начнется в 1990-м и закончится в 2040-м, а потом наступит шестой уклад. Он не знал, что это будет за уклад, он не сказал, что это будет период развития робототехники, НБИКС-технологий (нано-, био-, инфо-, когнитивные и гуманитарно-социальные технологии). Но он сказал, что будет примерно шесть укладов, шестой закончится в 2090–2095 годах. Сейчас социологи утверждают, что чем выше уклад, тем ускорение нарастает, и уже не 50, а 35–40 лет достаточно для развития уклада. Мы видим: в 1990 году начался век микроэлектроники, прошло 26 лет — и уже в развитых странах «Большой семерки» на 20–30 % развился шестой уклад. Сейчас на взлете развитие НБИКС-технологий и робототехники, значит, если такое же ускорение будет продолжаться, то шестой уклад закончится примерно в 2050–2070-х годах.

Конечно, ученые все это предсказывают, но как это реализуется в реальной жизни? Россия нарушила оче-

редность укладов — это подтверждают все — и с 1930 по 1970 год перепрыгнула из эпохи парового двигателя в эру тяжелого машиностроения, потому что, повторю, высшим катализатором явилась война, унесшая 27 млн жизней, что вызвало огромное напряжение всего народа. Вся Академия наук работала на производство — делали, делали и делали. Например, Евгений Оскарович Патон, директор Института электросварки на Украине в Киеве (также работал в Нижнем Тагиле), создал новую броню для танка Т-34, который сегодня называют «мерседесом» на поле боя за то, что он проходимый, легкий и т. д. Это лучший танк Второй мировой войны, что признано всеми специалистами (я только повторяю то, что говорят инженеры). И поэтому, конечно же, наука вносит очень многое в развитие страны, сколько бы мы ни говорили о том, что развитие науки зависит от состояния страны, традиций и т. д.

Сегодня многие страны владеют ядерным оружием, но кто сделал ядерное оружие от нуля до изделия? Первыми были Соединенные Штаты Америки и Советский Союз. Другие страны только заимствовали у нас. Почему? Не потому, что там нет ученых, но попробуйте создать все от и до — это же огромная махина, чистый плутоний. Нужны соответствующая транспортировка, меры защиты и безопасности, испытательные полигоны и т. д. В то же время наука показывает: а где сейчас проводятся испытания атомных, ядерных, водородных бомб? Мы 30 лет уже ничего об этом не слышим — в Неваде не взрывают, в Семипалатинске не взрывают, нигде на Большой земле не взрывают. А куда делись практические испытания? Наука, математика, компьютерное моделирование позволили избежать реальных испытаний. В программу закладывается по несколько тысяч параметров для испытания новейшего оружия — и компьютерное моделирование все показывает и рассказывает: какая смертность, какая ударная волна, какое облучение и т. д. Все, опять наука.

Вернемся к истории. Авторитет Российской академии наук в XVIII–XIX веках был достаточно высок. Кстати, она располагалась на Васильевском острове в здании, построенном в 1783 году архитектором Кваренги по личному указанию Екатерины II (сейчас там располагается Санкт-Петербургский научный центр РАН, возглавляемый Жоресом Ивановичем Алферовым). Это прекрасное здание, где сохранилась панорама из мозаики «Полтавская битва», собственноручно собранная Ломоносовым, на которой изображен Петр I. Конечно, многое меняется в нашем менталитете. Когда лет 20 назад я был под Полтавой (на конференции в Полтавском мединституте), мы ездили на место, где состоялась Полтавская битва (в которой русские войска разгромили шведов). И я в первый раз увидел небольшой памятник, сложенный из ядер, без постамента — и доска «Моим учителям шведам. Петр I». Сейчас такое себе трудно представить. Вот такое отношение к учителям при любом раскладе.

Надо анализировать, понимать, что есть общечеловеческие ценности, а есть свое, национальное. Бывает так, что проходят годы, и тот, кто был первым врагом, даже испытывал ненависть, становится лучшим дру-

гом. Такова человеческая психология. Единственное, что нужно сделать, — растянуть во времени, потому что вначале слишком сильны аффекты, а когда все это пролонгируется, то все переосмысливается, переоценивается, приходит понимание всех обстоятельств. Мы должны уделять огромное внимание научным исследованиям, стремясь сделать нашу страну обязательно развитой с точки зрения, пускай маленькой, вузовской, какой-то прикладной, но науки. Потому что наука заставляет мыслить, оценивать, объективно подходить к международным событиям.

И я хочу закончить свое выступление напоминанием, что раньше у нас наука высоко ценилась, а Академию наук с почтением называли «Василеостровским Ватиканом». Она была таким же неприступным, недоступным, величественным «государством в государстве», куда невозможно попасть — только единицы могли это сделать, и тогда они определяли все. Если академик писал прошение царю, то по регламенту он должен быть принят не позже, чем на третий день, а может быть, даже на второй. Таково было отношение к Академии наук в России в то время. Я завершаю свое выступление словами Ломоносова: «Наука — самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека... везде верный и безотлучный спутник». Я понимаю, что он относил это к своему времени, но это должно быть актуально и в наши дни.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Валерий Александрович затронул тему, которая у нас еще не освещалась, — это функция науки в обществе и вообще в истории. Я думаю, эта тема говорит еще об одном — о наличии или отсутствии в развитии той или иной страны, того или иного общества стратегического мышления. Мне кажется, что ни одно государство, и Валерий Александрович об этом очень ясно сказал, не может достичь высоких целей и выбиться в лидеры в той или иной сфере, если у него нет стратегии. А наука — это, безусловно, всегда стратегия. Очень интересная мысль о техносфере и ноосфере. XX век, и особенно Карибский кризис 1962 года, очень ярко показал, насколько человеческое мышление может отставать от развития техники и тем самым ставить мир в буквальном смысле слова на грань самоуничтожения. Спасибо, Валерий Александрович.

Слово предоставляется нашему гостю с Украины профессору Петру Петровичу Толочко.

П. П. ТОЛОЧКО: — Дорогие коллеги, проблема противоречий глобализации и национальных (или региональных) интересов, которую мы обсуждаем, — в общем-то, не нова. Она стоит на повестке дня человечества с давних времен. И мы должны отдавать себе отчет, что глобализация — это не благотворительная акция, а борьба сильного за обладание территориями, ресурсами и подданными слабых. Между глобализатором и глобализованными никогда не было ни мира, ни гармонии, хотя справедливости ради следует сказать, что в исторической перспективе глобализация оказывалась позитивной и для вовлеченных в нее народов. Вспомним, как Римская империя своей цивили-

защией охватила половину европейского материка, что сообщило потом покоренным народам ускоренное развитие по сравнению с теми варварами, которые не вошли в Римский лимес. Через какое-то время глобализованные варвары сами превратились в глобализаторов, сокрушив Рим и его блестящую цивилизацию.

Что-то похожее произошло в наше время с Советским Союзом. Он не был идеальным образованием, но определенно обеспечил условия для формирования государственности народов, входивших в его состав. Союзные республики в нем получили свои институты управления, четкие границы. Были сохранены также национальные языки и культуры. После распада Союза они продолжили свое независимое развитие уже в готовых организационных формах. В знак «благодарности» за это все дружно прокляли государство, в котором состоялись.

Оба примера свидетельствуют о противоречивости процессов глобализации. С одной стороны, она обеспечивает господство сильного, с другой — создает условия и для развития слабых — покоренных — народов. Одним народам это удается лучше, другим — хуже. К примеру, Польша, имевшая стартовые условия более низкие, чем Украина, в результате вовлечения в западный глобализационный проект ушла далеко вперед, а Украина растеряла даже те преимущества, которые были ей сообщены предыдущим этапом советской глобализации.

Здесь я просто констатировал факт. Отражает ли он несовершенство механизмов глобализации, которая пришла на Украину из Европы и Соединенных Штатов, или же свидетельствует о неумении воспользоваться ее возможностями, сказать сложно. Это вопрос, который требует исследовательского ответа.

Еще несколько слов о смутившем меня вчерашнем заявлении господина Моратиноса о том, кто же должен управлять миром в будущем. Мне оно показалось неожиданным, поскольку я был убежден, что международное сообщество уже давно нашло на него ответ, создав сначала Лигу Наций, а затем Организацию Объединенных Наций. Если дипломат высокого ранга именно так формулирует вопрос, значит, он не верит в будущее ООН. Но если Организация Объединенных Наций не будет «править миром», тогда это будет делать глобализатор. Сегодня — Соединенные Штаты Америки, завтра, возможно, Китай, послезавтра — кто-либо еще. Я не думаю, что это тот путь, по которому должно идти человечество. Убежден, что нельзя ставить под сомнение авторитет Организации Объединенных Наций. Разумной альтернативы ей просто нет.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Спасибо, Петр Петрович, в том числе за то, что Вы подняли тему роли Организации Объединенных Наций. Мы помним, как в начале этого столетия очень серьезно ставился вопрос о том, нужна ли вообще ООН. В период неоконсервативной внешней политики Соединенных Штатов на очень высоком уровне делались заявления о том, что ООН не является для ведущей страны мира авторитетом и площадкой, на которую надо обращать внимание.

Слово предоставляется господину Брюно Дегардену.

Б. ДЕГАРДЕН: — В годы холодной войны я был студентом, международная политика характеризовалась выражением «Невозможно, но тем не менее вероятно». Сейчас контекст, конечно, совершенно другой. Мы живем в открытом мире, и национальные интересы должны сопровождаться международным партнерством. Я постараюсь это доказать двумя тезисами.

Во-первых, сегодня многие страны имеют столько смертоносного оружия, что в состоянии уничтожить планету, и это может произойти непреднамеренно. На долю США — самой развитой и сильной державы — приходится 20 % мирового ВВП. За всю историю этой страны они участвовали в пяти войнах. Во Вьетнаме, Афганистане и Ираке Соединенные Штаты не добились успехов, хотя, как казалось, могли легко это сделать. А сегодняшний опыт многих государств свидетельствует, что они не в состоянии контролировать миграцию. 20 крупнейших стран производят 85 % мирового ВВП. Возникает вопрос: почему же на остальные приходится всего 15 %? Это говорит о том, что они очень слабые и отсталые.

Во-вторых, демократические режимы во всем мире сегодня подвергаются испытанию — по внутренним и внешним причинам. Внутренние вызовы — социальные, порождающие популизм, и экономические (дефляция). Внешний вызов — террористическая угроза.

Глобализация — не настолько большая угроза, как представляется многим. Она направлена на то, чтобы капитализм перестал развиваться бесконтрольно, чтобы наши экономики открывались для внешнего мира, а не изолировались с помощью протекционизма.

Когда мы плыли на катере по Неве, наслаждаясь красотами Петербурга, нам рассказывали, что город был создан Петром I, а до него Россия была слаборазвитой страной. Позднее, в годы царствования Екатерины Великой (которая, между прочим, имела немецкие корни), страна изменилась еще больше, хотя модернизация и произошла с некоторым опозданием по сравнению с европейскими странами. Дело в том, что Петр I, когда стал царем, провел 18 месяцев в Западной Европе, чтобы почерпнуть там лучшие идеи. Он приглашал в Россию европейских ученых и архитекторов — итальянцев, французов, голландцев. Мы и сегодня видим успех этой политики, так же как и достижения страны во времена Екатерины II.

Политика изоляции и закрытия границ не имеет будущего. История знает примеры Китая с его Великой стеной, протянувшейся на 800 км, Соединенных Штатов, которые продолжают конфликтовать с Мексикой, несмотря на тесные связи в экономике и культуре. Сейчас израильтяне пытаются возвести стену между своей страной и Палестиной. Народ хочет перемен, открытости навстречу другим странам и народам. Экономически Европейский Союз (16,5 % мирового ВВП) лишь немного уступает американскому, и я думаю, что наше партнерство приносит большую пользу. У Европы есть возможность углубить и укрепить солидарность, нам это нужно в международном контексте.

Наконец, протекционизм, как свидетельствует история, никогда не приводил к успеху. Что происходит в экономике в результате протекционистских мер? Мы

начинаем производить внутри страны то, что можем импортировать за гораздо меньшую цену, увеличивая таким образом свои расходы. Давайте представим, что сейчас страны еврозоны, например Италия или Испания, решат вернуться к национальным валютам. Процентные ставки у них вырастут, инфляция тоже, в результате снизится жизненный уровень.

Мы уже далеко ушли от Вестфальского мирного договора 1648 года, когда делегаты европейских стран собрались на конгресс и прекратили Тридцатилетнюю войну. Сегодня у нас все по-другому, но мы все разделяем одни и те же ценности.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Вы рассказывали о том впечатлении, которое произвел на вас Санкт-Петербург. Я хочу сказать, что Петербург, возможно, был одним из наиболее успешных проектов Петра. Но возникает вопрос, который можно назвать вопросом цены прогресса. Петербург был построен высокой ценой человеческой жизни. Есть расхожее выражение, что этот город стоит на костях его строителей, и я думаю, что можно привести множество таких примеров из истории: например, промышленная революция в Англии тоже была проведена ценой человеческих жизней.

Интересная тема касалась вестфальской системы. Ни одна из моделей международных отношений, которые существовали в предыдущие века, не пропала. Из них какие-то ключевые принципы перетекали в новые модели, и вестфальская система дала нам принцип национального, точнее, государственного суверенитета (национальных государств в современном смысле тогда еще не было). Удивительно, как проходили встречи, которые привели к заключению Вестфальского мира. Тогда этот принцип суверенитета был возведен настолько высоко, что протокол встреч предполагал, что в зал руководители государств должны входить одновременно. Открывалось несколько дверей, и одновременно все входили в зал, чтобы не возникало какой-либо очередности — кто-то входит первым, кто-то вторым и т. д.

Слово предоставляется господину Амели.

С. Р. АМЕЛИ: — Я коснусь национальных и международных аспектов решения конфликтов в международном масштабе. В связи с этим вернусь к концепции глобализации, которая, как я полагаю, включает понятие глобального соседства. Образно выражаясь, мы все находимся в одной лодке. То, что случается в моей стране, влияет на вашу жизнь, происходящее в вашей — отражается на моей. Поэтому дискриминация меньшинства всегда эквивалентна дискриминации большинства. Если в Европе загорится исламофобия, то это коснется всех. Например, в Лондоне живет 1 миллион мусульман. По сути, это угнетенное меньшинство, живущее в страхе. И не только в Лондоне. Согласно опросам общественного мнения, проведенным в Германии, Франции, Великобритании, Соединенных Штатах и других странах Запада, практически 80 % мусульман испытывают постоянный страх.

Мы часто говорим о том, что времена менялись. Но как взаимосвязано физическое время и виртуаль-

ное? Время в физическом мире — это категория, о которой говорил еще Ньютон. Мы воспринимаем время как движение, расстояние и скорость. Это три компонента, к которым время имеет прямое отношение. Чем больше скорость, тем меньше расстояние. А что происходит в виртуальном пространстве? Там нет расстояний. Мы преодолеваем концепцию времени, но остается понятие движения и скорости. Мы говорим о синхронизированном времени: семь дней в неделе, 24 часа в сутках, 365 дней в году. Но сегодня, когда речь заходит, например, об Африке с точки зрения американцев или об Иране с точки зрения Великобритании или России, мы воспринимаем Африку как нечто находящееся рядом, а не где-то далеко. Поэтому надо уметь разрешать конфликты. Политики, высказывая свои мнения о тех или иных вопросах, зависят при этом от своих партий. Мы часто не говорим того, что хотим сказать. Более реалистичными стараются быть ученые. Они не связаны партийной принадлежностью и их не ограничивают традиционные догмы. Порой нам необходимо «разнакомиться» — отбросить все, что было известно до сих пор, похоронить прошлое и начать все заново, с чистого листа. Возможно, это постмодернистский подход, но он может оказаться полезным.

Десять библейских заповедей говорят о том, что хорошо для вас и для других, и о том, что плохо для вас и для вашего соседа. Сегодня мы должны руководствоваться новой идеей: то, что хорошо для моего соседа, хорошо и для меня. А зло может вернуться бумерангом. Поэтому наше прошлое может выстрелить в настоящее и будущее.

Давайте посмотрим на мир трезвым взглядом. Нужны ли нам сегодня большие армии, когда один человек в состоянии сделать столько, сколько никакая армия не сможет? Насилие не является производной от мусульманства или христианства — его творят преступники, дурные люди.

Перед нами стоят три препятствия, мешающие разрешению конфликтов в международном масштабе. Первое — это политические догмы, когда люди руководствуются только политическими целями или интересами отдельно взятой страны. Второе препятствие — военный бизнес, стоящий за многими международными конфликтами. В результате появляются такие меры, как санкции, распространяются такие настроения, как, например, русофобия. В XX веке перед обеими мировыми войнами именно военно-промышленные круги создавали японофобию. Когда произошли события в Хиросиме и Нагасаки, американцы не возмутились, не ужаснулись. Напротив, многие говорили: «Почему не разбомбили всю Японию?». Сегодня похожие пожелания звучат в отношении Ирана, потому что существует иранофобия. Триллионы долларов расходуются на военные цели. Это бизнес, и тем, кто им занимается, нужно такое состояние, чтобы продавать свои орудия убийства.

Третье препятствие — средства массовой информации. Они создают иллюзию понимания, изменения реальности. Люди, впервые приезжающие в Иран, говорят, что представляли его совершенно другим. Дело в том, что у СМИ свои задачи. Западные журналисты

хотят показать, что они беспристрастны и справедливы, но это не так. А я хочу сказать, что плохое понимание создает и плохое представительство. Мутации, изменения приводят к тому, что человек становится никем. А когда человек не представляет собой ценностной единицы, ему надо доказывать свою значимость. Поэтому мы вынуждены снова завоевывать признание и уважение.

Ал. А. ГРОМЬКО: — Господин Амели, в связи с тем, что Вы сказали, хотел бы вспомнить о том, что недавно новым мэром Лондона был избран мусульманин Садик Хан, что, конечно, является очень примечательным событием. По-моему, до сих пор ни одну европейскую столицу не возглавлял мусульманин, и в Британии это событие показывает, что заявления о смерти мультикультурализма поспешны. Большинство тех, кто приезжает в Европу и оседает там, — законопослушные граждане, которые вносят свой вклад в жизнь этого континента. Вопрос в том, что делать с теми, кто этого не делает.

Несколько лет назад в Великобритании второй по населению город в стране — Бирмингем — перешел определенный рубеж: теперь там более 50 % населения — не белые граждане, и среди большей части населения Бирмингема большинство — это мусульмане. Кто бывал в Бирмингеме 30 лет назад и в последнее время, может явно сравнить, как город сильно изменился, в том числе визуально, но в целом мир между религиями и этносами там поддерживается. Ни одного крупного террористического акта в Бирмингеме не было. Этот пример говорит о том, что для Европы смешение населения, которое происходило здесь тысячелетиями, и в XXI веке не обязательно должно стать проблемой, если, конечно, искусственно не нагнетать страсти.

Советский Союз на 40 % был мусульманской страной. В России сейчас этот процент в два раза ниже, но все равно страна знает о мультикультурализме не понаслышке — это то, что было присуще ей на протяжении многих веков. Поэтому обогащение опытом, о котором мы говорили сегодня на примере того же Петра I, видимо, так же важно для наших стран в XXI веке, как это было в предыдущие периоды.

Дальше слово предоставляется господину Саджанхару.

А. САДЖАНХАР: — Я кратко остановлюсь на опыте моей страны. Индия начала включаться в глобализацию в начале 1990-х годов. С точки зрения экономического и политического климата это было не лучшее время для нас, чтобы стать открытой страной. Мы имели большие возможности, правда, не все их использовали. Когда в начале 1990-х распался Советский Союз, который был для нас важным партнером во всех областях, Индия пережила настоящий шок. Государственных валютных резервов оставалось на 10 дней. В это сложное время Индия вступила в эпоху глобализации.

В Индии для любой частнопредпринимательской деятельности надо было получать лицензию и при этом

выполнить ряд условий. Но затем началось развитие в области торговли, инвестиций, производства, в том числе с участием иностранного капитала. В последние 25 лет Индия сделала большой рывок, хотя часто приходится слышать, что надо двигаться гораздо быстрее и еще больше открывать нашу экономику. Но мы не хотим использовать шоковую терапию, как это было в России, а выступаем за контролируемый и регулируемый процесс.

Сегодня, после 25 лет реформ, наш ВВП достигает 2,3 трлн долларов по номиналу и около 8 трлн долларов по паритету покупательной способности (3-е место в мире). Темпы роста — более 7 % в год. Я считаю, что это обнадеживающая динамика. Понятно, что в стране решены далеко не все проблемы. Еще многое предстоит сделать в области образования, здравоохранения, сельскохозяйственного производства, потому что до сих пор 65 % населения живут на селе. Но мы понимаем, что если мы не увеличим размер «пирога», то и доли, которые достаются отдельным «едокам», больше не станут. Надо помнить и о том, что глобализация касается не только товаров, финансов, технологий и т. д. Главное — мы уже стали на путь развития экономики знаний. В настоящее время без этого ни одна страна развиваться не может.

Для того чтобы сократить разрыв между доходами богатых и бедных слоев населения, необходимо развивать частное предпринимательство. До сих пор большую роль играло государственное регулирование, контроль частного сектора. Сегодня у нас гораздо больше возможностей с точки зрения налаживания инвестиционного климата, создания современных норм и правил. В этом контексте большое значение имеет деятельность международных организаций, с помощью которых можно гармонизировать национальные и глобальные интересы. В связи с этим хотелось бы упомянуть два аспекта. С одной стороны, отличную инициативу предприняла ООН, создав глобальную программу для частных предприятий на основе соблюдения этических требований. Там указано, что необходимо стимулировать рентабельность частного сектора, поскольку его развитие способствует процветанию всего общества в целом. Это беспроигрышная стратегия. Таким образом, Индия действует в интересах своих граждан. С другой стороны, в стране работает большое количество транснациональных корпораций.

В заключение скажу, что роль Организации объединенных наций в международном сообществе должна возрасти. На пороге нового века ООН провозгласила задачи тысячелетия в области культуры, здравоохранения, образования и т. д. Но за полтора десятка лет мы почувствовали, что, хотя эта программа реализуется, но только в развивающихся странах. А к развитым никаким требованиям не предъявляется, как будто они уже достигли идеального состояния. Сейчас мы говорим о задачах устойчивого развития, которые были сформулированы 25 сентября прошлого года на Генеральной ассамблее ООН. Думаю, что это гораздо более реалистичная программа, так как в ней предъявляются требования ко всем странам — и развивающимся, и экономически развитым, которые должны изменить свои

стандарты потребления и производства. Это очень важно. Когда мы говорим, например, об изменении климата, то рассчитываем, что бизнес в каждом государстве на всех континентах будет добиваться одних и тех же показателей с точки зрения экологии и других факторов, влияющих на климат.

В США проживает 300 млн человек, или 4 % населения Земли. В Индии — 17 % населения планеты, а производим мы всего 4 % мирового ВВП — пока еще очень мало. Рано или поздно нам потребуется больше энергии. Сегодня 33 % моих соотечественников лишены доступа к энергии, и в стране очень мало природных энергоресурсов. С учетом провозглашенных задач устойчивого развития мы стремимся к изменению жизненных стандартов, достижению баланса между потреблением и производством. Это очень важно. Что касается международного партнерства, то необходимо разрабатывать правила, которые будут соблюдаться всеми странами, и направлять усилия на определенные направления для того, чтобы обеспечить достойную жизнь для всех.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Мне кажется, что в прогнозах на XXI век фактор Индии не учитывается настолько, насколько он этого заслуживает. В Европе еще 10 лет назад было очень популярно писать о том, что XXI век станет веком так называемой евросферы, ядром которой будет ЕС. Потом эти надежды разбились о конституционный кризис в Евросоюзе, а затем о мировой экономической кризис. Много писали о том, что XXI век будет веком Китая, но мало — о том, что точно так же он может быть и веком Индии. Для меня эта страна представляет собой нечто вроде полудреmlющего гиганта, который скоро проснется и скажет свое слово в XXI веке.

Следующим выступает профессор Литтлджон.

Г. ЛИТТЛДЖОН: — Я хотел бы сослаться на последние тезисы господина Черешнева: мы должны смотреть не в прошлое, а в настоящее. В России высоко-развитая наука и огромный военный потенциал, который, думаю, недооценивается. В настоящее время сложилась довольно опасная ситуация, напоминающая известный Карибский кризис. Возможно, кто-то считает, что Россией можно пренебрегать, но я думаю, что это большая ошибка. Поэтому обращаюсь к дипломатам: пожалуйста, тщательно взвешивайте каждое слово и выверяйте каждый шаг. Мы видели успешные действия России в Сирии.

Потенциал российской науки также очень высок. В 1993 году я имел возможность убедиться в этом лично, посетив Институт атомной энергетики в Обнинске. Еще раз подчеркиваю: давайте будем внимательными и аккуратными в словах и действиях.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Профессор, Вы сказали о значении науки, и в том числе в нашей стране, и абсолютно ясно, что наука всегда подразумевала модернизацию, реформы. Надо сказать, что реформы реформам рознь. В России сейчас идут жаркие споры о том, что, я бы даже сказал, не реформы, а реформаторство

может не столько продвигать науку, сколько тормозить ее развитие. У нас проводятся довольно масштабные реформы, в том числе в академической науке, но, надо сказать, насколько хорошие реформы могут способствовать развитию интеллекта страны, настолько непродуманные могут наносить вред. Поэтому реформы, конечно, всегда нужны любому государству и обществу, но если они не продуманы, то это может приводить к отрицательным результатам.

Слово предоставляется господину Кёхлеру.

Г. КЁХЛЕР: — Я хотел бы поделиться мыслями о национальных интересах на глобальном и региональном уровне. Напомню о высказанной в XVIII веке максиме Валиевского, которая сейчас почти забыта. Она гласит следующее: «Задача дипломатии состоит в том, чтобы забывать о собственных интересах ради блага мира во всем мире». Александр Валиевский был министром иностранных дел Франции с 1855 по 1896 год. С тех пор прошло очень много лет, но его позиция сегодня актуальна, возможно, еще больше, чем тогда, особенно с точки зрения национальных интересов. Эта концепция, означающая необходимость баланса между национальными и всемирными интересами, должна стать основой нового мироустройства. Баланс между интересами не будет достигнут, если с этой задачей не справятся межгосударственные организации — ООН, Евросоюз и др. Обоснование национальных интересов содержится в одном из базовых принципов ООН, закрепленном в Уставе. Это принцип суверенного равенства. Суверенитет означает право каждого государства и населенного пункта жить по собственным правилам и преследовать свои интересы, но на основе равенства и взаимности.

Я начал свое выступление с максимы графа Валиевского, поскольку осознаю, что на международной арене одни государства сильнее других, и они ведут себя сообразно своим национальным интересам — так, как будто это общие интересы всего человечества. Проблему же я вижу в том, что хартия ООН в ее нынешнем виде упрочняет позиции сильных государств. Так сложилось в результате баланса сил, существовавшего во время холодной войны. Такая однополярная структура будет существовать, пока не разовьется новая, многополярная.

В Организации Объединенных Наций, решения которой обязательны для всех суверенных государств международного сообщества, Совет Безопасности все еще организован таким образом, что он несовместим с идеями равенства и партнерства, поскольку только пять государств имеют решающие голоса. Эти государства воплощали баланс мировых сил в 1945 году и пользовались некоторыми привилегиями, когда писалась хартия. Однако ООН должна соответствовать меняющимся временам. Надо изменить хартию так, чтобы те регионы и даже континенты, которые сейчас исключены из системы безопасности (Африка, Латинская Америка, весь исламский мир и т. д.), могли иметь своих постоянных представителей в Совете Безопасности. Сегодня же мы видим вопиющий дисбаланс. Национальные интересы крупных регионов представлены

недостаточно, тем самым подрывается легитимность всей ООН. Необходимо принять новую хартию, в которой был бы предусмотрен иной баланс сил, а иначе ООН ждет та же судьба, что и ее предшественница.

Мы можем опереться на опыт Евросоюза. Хотя там тоже существует очевидный дисбаланс в том, что касается национальных интересов и общих интересов Евросоюза. Это проявилось, в частности, в Совете Европы, когда принимались решения, связанные с кризисом миграции. Отчуждение многих граждан (так называемый евроскептицизм) привело к тому, что многие недовольны действиями Брюсселя, и следствием может стать столкновение интересов ряда стран — членов Евросоюза, которые не смогут решить эту важную политическую проблему.

В прошлом году огромное количество мигрантов прибыло на территорию определенных государств, в частности Австрии, Германии, Швеции. Многие даже не имеют никаких документов. Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, Македония, Сербия, Хорватия, Словения объединились в альянс для отстаивания своих интересов. Многие не соглашаются с политикой распределения беженцев по странам, заявляя: «Мы не можем отвечать за последствия политики отдельных членов Евросоюза». Наши политические лидеры и население не готовы подчиняться одному из крупнейших государств ЕС — Германии. Идут горячие споры, мнения разделились. Это может привести к отрицанию идеи солидарности и сотрудничества на европейском уровне, что уже проявилось в Австрии: большинство австрийцев голосуют за выход из Евросоюза.

И здесь основным вопросом являются национальные интересы — нужды граждан страны, недовольство тем, что доминирует одно государство, а политика, которую оно проводит, часто противоречит интересам других стран. Для нас в Европе это является одним из прямых и очевидных свидетельств того, что национальные интересы необходимо определять на основе взаимности и равенства. Люди практически не могут воздействовать на более сильные государства Союза. Подобные настроения нарастают, что в итоге способно вызвать кардинальное изменение политического ландшафта. Сегодня мы уже наблюдаем это в Австрии, хотя ничего похожего нельзя было предположить еще несколько лет тому назад. Это тектонические сдвиги. Я говорю об Австрии, потому что это моя страна, но и в других странах происходит то же самое.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Господин Кёхлер, Вы подняли вопрос, конкретное решение которого может как внести свой вклад, так и затормозить развитие глобального управления и регулирования в XXI веке. Это вопрос о реформе Организации Объединенных Наций, в том числе реформировании Совета Безопасности. Действительно, 1945 год был уникальным временем. Несколько месяцев, прошедших между победой над Германией и последними днями войны в сентябре 1945 года, и событиями, которые начали вслед за этим быстро разворачиваться, — это было мизерное с исторической точки зрения окно возможностей для создания таких организаций, как ООН, и на тех принципах.

Сейчас то, что Совбез работает с использованием права вето, консенсуса, — само собой разумеется. А тогда вокруг этого шли большие споры, и несколько месяцев между конференциями в Думбартон-Окс и в Сан-Франциско СССР и США не могли выработать договоренность о праве вето. О том, какие страны могут войти в Совет Безопасности, говорят уже много лет, но мы прекрасно знаем, с какими проблемами связано любое предложение по его расширению. В Совбез уже входят три страны из Европы, и все другие регионы мира считают, что увеличивать число европейских представителей в Совбезе за счет той же Германии представляется проблематичным.

Идея о том, чтобы Евросоюз занял место в Совбезе, связана с тем, что Франция и Великобритания должны отказаться от своего места, но ни та, ни другая не собираются этого делать. Что касается Японии, то она до сих пор не заключила мирный договор с одним из членов Совбеза (Россией), и, естественно, эта ситуация невозможна для решения проблемы о членстве. То есть на сегодняшний день есть несовершенная Организация Объединенных Наций, несовершенный Совбез, но это лучшее, что мы имеем. Вы упомянули о том, что завтра в Австрии пройдет второй тур выборов в президенты. Уникальное явление, когда претенденты обеих ведущих партий страны в первом же туре выбывают из борьбы. Как президентская кампания в Соединенных Штатах, так и то, что происходит в политической жизни Австрии, — это проявление глубоких сдвигов в развитии стран и регионов.

Дальше выступает доктор Ежи Вятр.

Е. ВЯТР: — Я хотел бы высказать два замечания. Организация Объединенных Наций с самого начала строилась на принципе компромисса, а за компромиссы всегда приходится платить. Новый формат ООН может покончить с принципом баланса интересов ведущих держав. Это далеко не идеальное решение, но альтернативой может быть только разрушение ООН. Было время холодной войны, когда Советский Союз постоянно оказывался в меньшинстве при голосовании в ООН. Другое государство, Соединенные Штаты Америки, также часто оставалось без поддержки на заседаниях Генеральной ассамблеи ООН. Реформирование ООН если и возможно, то не радикальное, а всего лишь «косметическое», так как ее основной принцип организации состоит в том, что между ведущими державами необходимо поддерживать баланс их национальных интересов.

Теперь о Европейском Союзе. Наступил ли кризис? Я считаю, что да, хотя все зависит от того, как мы толкуем это понятие. Кризис — это не смертельная болезнь, а точка поворота. Полагаю, что Европейский Союз будет вынужден принять сложное решение, чтобы исправить предыдущие ошибки и последствия неоконченного процесса интеграции.

Интеграция в ЕС изначально основывалась на базовой теории рынка. Сегодня политики в моей стране хотят вернуться к общему рынку. То есть из всех преимуществ объединения они выбирают только общий рынок — без сторонних вмешательств в дела тех госу-

дарств, которые правильно или неправильно относятся к своим гражданам. Думаю, что надо двигаться именно в этом направлении. Но нам предстоит сделать как минимум еще один шаг. Я считаю, что в Европейском Союзе неизбежно будут усиливаться механизм координации и ограничение суверенитета государств с учетом их отношения к своим гражданам. На мой взгляд, здесь нет пути назад. Это трудный процесс, но он будет продолжаться.

Следующая проблема — преодоление последствий ошибок. Прежде всего, в чем заключались эти ошибки? Назову три главные. Во-первых, неправильное отношение к «арабской весне». Европейцы исходили из идеалистического представления, что уход диктатора — всегда позитивное событие. Теперь мы знаем, что это было неверно. Во-вторых, односторонний подход к кризису на Украине, рассматриваемому в черно-белом спектре: Майдан — это все белое, а Россия — черное. В итоге ЕС утратил возможность действовать как доброжелательный посредник в этом конфликте, чтобы не допустить ухудшения отношений между ЕС и Российской Федерацией. Я уверен, что это временное осложнение и оно будет преодолено в ближайшие годы. В-третьих, неправильное отношение к проблеме беженцев. Эта ошибка была допущена руководителем самой сильной страны Европейского Союза, а теперь к другим странам обращаются с просьбой урегулировать проблему беженцев, хотя раньше их не спрашивали, хотят ли они открыть свои двери для огромной волны. Большинство мигрантов не являются беженцами в традиционном смысле. Сегодня ошибку необходимо исправить, и это будет трудно. Ошибаться всегда легче, чем преодолевать последствия, но я считаю, что мы это сможем.

Вывод у меня такой. Евросоюз должен глубоко реформировать свою политику, изменить стиль руководства и выбирать лидерами тех людей, которые будут обладать проницательностью и дальновидностью, а не исходить из идеологических догм. Нельзя упрощать философию демократии. Нельзя сказать, что демократическая идея сама по себе неверна — речь идет только о догматическом подходе, как это было во время арабской весны. Иногда подобные перемены хороши, а иногда лучше найти альтернативное решение. В политике надо не пытаться минимизировать плохое, а стремиться максимизировать хорошее.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Доктор Вятр, вы затронули тему, о которой мало было сказано, — кризис на Украине. Пospорил бы с тем, что недостаточная политическая субъектность Европейского Союза была одной из причин этого кризиса, потому что, с моей точки зрения, Евросоюз имел полную возможность принудить новые власти в Киеве выполнить соглашение, заключенное 21 февраля 2014 года. В этом соглашении было все, что нужно оппозиции, и через несколько месяцев она получила бы практически ту же власть, которую получила 22 февраля, но законным и легитимным путем, а не путем вооруженного переворота.

Слово предоставляется господину Азизу.

Ш. АЗИЗ: — У меня три соображения по обсуждаемым вопросам. Первое. Мы много говорим о глобализации, один из ее наглядных символов — упомянутый здесь новый мэр Лондона, сын водителя автобуса из Пакистана. Это, конечно, хорошо, но мы не должны забывать, что в глобализации участвуют не только политики, но и экономические субъекты, и частные предприятия. Естественно, существует разница между национальными компаниями и международными, которые работают по всему миру под самыми разными флагами. Одна из таких компаний, в которой я работаю, — Ситибанк. Топ-менеджмент — председатель банка и 6 исполнительных директоров — символ настоящей глобализации: один из наших директоров родом из Индии, другой — из Пакистана и т. д. Во всем, что мы делаем, мы исходим из принципа глобальности. За 30 лет карьеры мне удалось достичь довольно высокого уровня, и для любого человека всегда открыта возможность работать в любой компании.

Структурные реформы — это непрерывный процесс. Но проблема открытости для реформ в любой стране или компании остается одной из самых сложных, к тому же многие программы грешат неполнотой, так как трудно предусмотреть все нюансы. Поэтому необходимы определенные нормативные рамки. Невозможно изменить структуру управления за один день, надо все рассматривать в развитии, а от бюрократии необходимо избавляться.

Однажды генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и премьер-министр Мозамбика Луиза Диогу попросили меня создать рабочую группу в составе бывших руководителей государств, чтобы разработать проект реформирования ООН. Серьезная реформа действительно нужна, с этим согласились все участники нашей группы, особенно в том, что касается роли и статуса постоянных членов Совета Безопасности. Существует много различных вариантов, чтобы сделать ООН более представительной и оперативно откликающейся на актуальные проблемы. И ООН готова реформироваться, завтра она будет совершенно не такой, как сегодня.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Дальше выступает Владимир Константинович Мамонтов.

В. К. МАМОНТОВ: — Поскольку я журналист, то все вижу со своей журналистской, возможно, полемической (и точно публицистической) «колокольни». Петр Петрович Толочко, говоря о глобализации, задал интересный вопрос: «Чего хочет глобализатор?» То есть он предполагает (и я с ним совершенно согласен), что существует некий субъект (и мы его, честно говоря, хорошо знаем), который продвигает, если не сказать навязывает, глобализацию такой, какой она видится и выгодно ему. Помимо того, что она, безусловно, объективно вытекает из логики мирового развития. В связи с этим я подумал вот о чем: а нам-то что сулит эта глобализация? Что предлагается в качестве плодов глобализации России? Петр I ездил в Европу за новыми знаниями, идеями, просветительскими технологиями. А давайте представим, что новый русский

царь в наши дни отправился бы в Европу с той же целью. Что он там найдет? Петр I привез Эйлера, а кого и что привезет гипотетический современный царь?

Это важный для нас вопрос. Сегодня здесь спикеры из Австрии и Польши очень интересно говорили о том, какое огромное расхождение сейчас существует между тем, что планирует и проводит в жизнь европейская, или западная, элита, и тем, как на это реагируют простые люди, европейцы. Что, прикажете нашему гипотетическому царю этот опыт тоже перенимать? Нет, я был бы против. Многоуважаемый Ежи Вятр хорошо говорил про ошибки. Он перечислил важнейшие ошибки последнего времени, которые были допущены в Европе по отношению к России и Украине. В связи с этим у меня создалось странное впечатление: а заранее нельзя было этого предвидеть? Разве можно допускать такие ошибки, если у тебя есть базовое высшее образование и мало-мальский политический опыт? Как можно это допустить и сделать? Остается предположить, что тот самый глобализатор, о котором говорил Петр Петрович, действует так успешно, что люди преодолевают в себе высшее образование, собственные политические интересы и служат некой общей цели, которая, возможно, им самим и не нужна, как рассказывают нам сейчас господа из Австрии и др.

Это очень интересный для меня вопрос, на который у меня нет ответа. Ну поедем мы сейчас изучать политический опыт Европы, и что? Мы должны будем удивляться, радоваться тому, что значительной частью суверенитета, в моем представлении высочайшей национальной ценности, оказывается, спокойно поделились за какие-то выгоды и теперь вынуждены от этого страдать. Может быть, не надо было так отчаянно делиться? Может быть, нужно было подумать о том, что у каждой страны действительно есть такие интересы, с которыми не стоит расставаться, которые не нужно куда-то делегировать, даже в столь прекрасные объединения, как Евросоюз? Конечно, там есть много хорошего. Зачем сейчас едут туда те же беженцы (точнее, те, кого мы называем беженцами)? Кроме решения каких-то политических задач, вообще-то за комфортом. Да, в Европе созданы комфортные условия для жизни, но за это, как и за утрату суверенитета, она платит очень высокую цену, на мой взгляд, переставая быть настоящим лидером и той грандиозной силой, которая в свое время заставила Петра прорубить туда окно. Нет сегодня ощущения этой мощи, этой силы, этого интеллектуального двигателя, или оно, по крайней мере, довольно слабое.

Что меня беспокоит больше всего и чего нам точно не стоит перенимать, потому что у нас самих этого хватает, — это какого-то странного, пренебрежительного отношения к собственным гражданам, к тому, что они высказывают, чего хотят. В ходе наших дискуссий в Университете я несколько раз слышал любопытную мысль. Мол, на официальном уровне против России вводятся санкции, нас хотят подвинуть, задвинуть, пострадать и так далее, но на неофициальном уровне, как только мы покидаем разные залы заседаний, то и дипломаты, и политики говорят, что понимают нас. А зачем это? Что это такое,

как не лицемерие? И зачем нам импортировать его, учиться этому странному лицемерию? Мы не хотим. Я не проголосую за ту партию или за того лидера в стране, который будет рассказывать мне о том, что он импортирует такие «блага» из Европы или из западного мира. Честно скажу, что и «бородатую женщину», победившую на «Евровидении», я не хочу видеть. У нас с вами серьезнейшая встреча, в которой участвуют политики, дипломаты, но мы не раз вспоминали «Евровидение». Почему? Потому что это очень забавный и яркий пример того, как действуют политические элиты. Они говорят, что России надо насыпать соли под хвост, поэтому ее певец Лазарев никогда не победит. И посмотрите, как реагирует народ — европейцы, украинцы и россияне, — прямо противоположно. Но разве такому расхождению нам стоит следовать?

Еще раз повторяю: я не ученый, не политик, не дипломат, я журналист, и у меня нет ответов на эти вопросы, но я вам точно скажу, что мои читатели вместе со мной их задают. Я читаю комментарии к собственным заметкам, а здесь я не сказал ничего такого, чего бы не написал или не напишу, я читаю отзывы и отклики, и меня явно окружает сочувствие.

Мне кажется, что у нас с вами идут очень интересные дискуссии, и их глубокая сила в том, что они откровенны, что они находятся за пределами холодноватой дипломатической отстраненности. В мире много реальных сложностей, и нам с вами не стоит друг друга в чем-то обманывать или скрывать какие-то важные вещи. Или пытаться мягко называть ошибками то, что мы в России понимаем как целенаправленную враждебную политику. Собственно говоря, ценность искренности для меня очень важна, и я надеюсь, что благодаря ей и глубине тех мыслей, которые вы здесь высказываете, наша дискуссия будет полезна. Такую дискуссию я, как гражданин России, как человек, как журналист, готов принимать и впитывать. За ней готов отправиться в Европу, хотя я и не царь Петр.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется господину Акинчи.

Х. АКИНЧИ: — Как всем известно, существуют двойные стандарты, но если мы будем пытаться избавиться от них, то могут возникнуть стандарты тройные, пятикратные и т. д. Лет 20 тому назад — до распада некоторых стран, появления новых государств, войн, кредитных кризисов и тому подобного — кризис с беженцами не был таким острым, все это было тогда не настолько серьезно. Тогда причины были в основном экономические, а сейчас дело уже не только в них. Люди действительно боятся за свою жизнь. Возвращаясь к теме двойных стандартов, например в экономической сфере, надо отметить, что если кто-то накладывает экономическое эмбарго без санкций из политических соображений, то это может быть оправданным. Думаю, что это и есть двойные стандарты. Это может быть сделано в национальных или в глобальных интересах. Возьмем изменение климата. Это представляет интерес для всего мира. Все остальное необходимо

основывать на соблюдении и согласовании национальных и глобальных интересов.

Хотелось бы сказать о том, что принес глобализм в XIX век. Тогда такая мощная страна, как Индия, была доведена до уровня бедной страны. Она смогла вернуться в мир, только обретя независимость. В XIX веке глобализм принес капитализм в Китай и практически разрушил эту страну. Возьмите Оттоманскую империю и ее наследие. Египет долгое время находился под британским протекторатом, но настоящую независимость получил в 1936 году. То есть правила устанавливаются сильными, и эти правила должны быть полезными для всего общества. Если вдруг правила устанавливаются в интересах определенных стран — если мы говорим о региональной кооперации, о региональном сотрудничестве, — то такое сотрудничество может быть губительным, пагубным для остального мира, потому что оно не учитывает интересы остальных государств. Что же делать, если будет продолжаться такое сотрудничество или же если оно будет построено на положении главенства национальных интересов какой-либо одной страны? Надо постараться сделать его полезным для всех остальных стран, потому что, если от него выигрывает только какое-то определенное количество стран, а именно самых богатых, как это было в XIX веке, тогда оно будет пагубным для всех экономик, для всех стран. Я понимаю, что есть какое-то противоречие в моих словах, но, тем не менее, такие два наблюдения мне довелось сделать.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Следующим выступает профессор Дуткевич.

П. ДУТКЕВИЧ: — Мне бы хотелось свести воедино общество, политику и экономику. Все это глобальные вызовы, глобальные проблемы. Я думаю, что мы сильно разделяем экономику, политику и до некоторой степени роль общества. Я начну с очень комфортного времени в начале 1990-х годов, когда сложился биполярный мир. Все было сбалансировано — и политика, и экономика. Мы вели эту политику в течение долгого времени, и баланс сохранялся. В это время шел экономический рост, который фактически изменил систему. Часто забывают один важный момент в экономической истории: в 1960-х годах был очень короткий период экономического равновесия, когда Советский Союз догнал Соединенные Штаты Америки.

Затем мы перешли на другую стадию — от биполярного мира к однополярному. И это было значимым явлением, поскольку воцарился дисбаланс и в политике, и в экономике. Политэкономия мира снова изменилась. И главными признаками этого были войны в Ираке и Афганистане и кризис 2007–2008 годов, который до сих пор продолжается. Сейчас Россия и некоторые другие страны, к примеру БРИКС, хотя чего-то другого и добиваются этого. Они говорят о многополярном мире. Но в этом случае вся система разрушится, потому что мы живем в мире, который политически очень разнороден, но экономически очень объединен. Мы говорим, что есть разные варианты рынка, экономик, разные национальные государства. Но в целом мы объеди-

нены одними и теми же экономическими принципами, одной логикой рынка, одной экономической логикой. При многополярности, а это незнакомый нам феномен, появляются негосударственные факторы.

Есть группы людей, может быть их всего 500, которые берут на себя экономическую власть и переворачивают все в мире. Есть очень мощные экономические группы, негосударственные организации. И эти факторы угрожают суверенитету национальных государств, которые, в свою очередь, начинают реагировать, и часто реагируют очень болезненно на сокращение своего суверенитета. Они создают новые механизмы движения, военизированные группы. И тогда у меня возникает вопрос, над которым я буду работать в своей книге вместе со своими коллегами (она будет называться «Остальное за пределами Запада»). Вопрос такой: может быть, нам стоит перейти не к многополярности, но к многостороннему порядку? Если мы сейчас отличаемся в политическом смысле, но объединены экономически одними и теми же правилами игры, может быть, нам создать порядок, различный в политическом смысле, но не отличающийся по нормам и правилам, как это делается в экономике? Я думаю, можно будет такой порядок установить. Крым — очень хороший пример. Европейский Союз утверждает, что Россия нарушила его законы, нормы, стандарты, а Россия в ответ говорит: «Нет, мы преследовали только свои цели и ценности». Мы находимся на одном континенте, но у каждого из нас совершенно разный набор ценностей и стандартов. И это касается не только Европейского Союза — это касается всего мира.

Придет время, и экономический успех таких стран, как Индия, Китай, Иран, покажет миру, что каждая страна представляет свои ценности, нормы, отличные от других, и их надо уважать. И что мы будем делать тогда в глобальном масштабе с глобальным порядком? Он закончится к этому моменту. У меня есть еще много вопросов, на которые, я надеюсь, прольет свет наша книга. Главное — понять, что необходимо учитывать политическую экономию глобального масштаба, глобальных перемен.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Разрешите мне предоставить слово соруководителю нашей секции господину Мусе.

А. МУСА: — Сегодняшнее утро обогатило нас очень большим количеством идей, которые были все со знаком вопроса. Но есть определенный вывод, который мы должны сделать. Глобализация не исчезнет, это общая тенденция, образ жизни. И как уже объяснял профессор Черешнев, наука — это важнейший элемент глобализации, или должна быть таковой. Если мы перечислим преимущества глобализации, то среди них будут сотрудничество науки и технологий, обмен наукой и технологиями, — это положительный момент. А отрицательный момент — это терроризм и много других зол, таких как нищета, изменение климата и пр. Мы должны сотрудничать по всем этим моментам.

Если говорить о мире и глобализации, то я думаю, что наиболее серьезный вопрос, которым занимают-

ся многие научные центры, правительства, организации, — это новый мировой порядок. Мозговые центры по всему миру рассуждают о том, что это за порядок, кто борется за лидерство, способны ли определенные нации вынести такое бремя, могут ли они реформироваться, можно ли их вообще реформировать. Я бы сказал так: Организация Объединенных Наций не так уж и провалилась, результат ее работы в целом положительный. Может быть, можно реформировать и добавить эффективности всем ее подразделениям, потому что, когда речь идет о мире и безопасности, видно, что этого недостает. Совет Безопасности является средоточием того, где мы и ощущаем недостатки, которые служат причиной немощи ООН. Он не может брать на себя ответственность. В Совет Безопасности входят пять постоянных членов и два, три, иногда четыре непостоянных, которые рассматривают все на свете с точки зрения собственных интересов, в полном противоречии глобальной идее и общемировым интересам. Очень много разных документов и книг публикуется по этим вопросам, но они все неэффективны.

Я много критикую мозговые центры, потому что в ряде западных стран они сильно влияют на международную жизнь. Именно в них придумали двойные стандарты. Именно там ввели понятие о том, что проблему не надо решать, ей надо управлять, с ней надо просто справляться. Там работают люди, и их много, которые приложили массу усилий к тому, чтобы все время что-то обсуждать. И этого было достаточно. Урок, который мы почерпнули из ситуации в Палестине, состоит в том, что это один из самых негативных наших опытов, когда мы пришли к текущему положению дел по палестинскому вопросу. Все дело, конечно, не только в двойных стандартах, попытках как-то управлять процессом, откладывать проблему, затирая ее. Но, тем не менее, все эти попытки не ликвидировали палестинского вопроса, он актуален, и он еще не раз перед нами возникнет в обозримом будущем.

Сейчас много говорят о так называемой творческой, креативной анархии. Именно она как раз полностью и разворачивается на Ближнем Востоке, причем это абсолютно противоположно интересам улучшения мира. Это ведет к разладу и подрыву такого рода принципов и правил. Посмотрите, как это произошло в Ираке. Это привело к вводу войск в Ирак, к его агрессии, к уничтожению самых разных институтов власти при отсутствии каких-либо планов дальнейшего развития. Это привело к анархии и разладу там. Такая страна, как Ирак, богатая и большая, сейчас находится в таком состоянии, что я не думаю, что в обозримом будущем она вернется к своему прошлому авторитету. Такова ситуация на Ближнем Востоке, в арабском мире. Я не хочу умалять ошибок различных правительств на Ближнем Востоке, конечно, эти ошибки также повинны в том, что там происходит. И если бы этих ошибок не было, может быть, та самая креативная анархия не достигла бы такого уровня нестабильности.

Что касается ООН, то она основана на определенных принципах, причем самый важный состоит в том, что организация должна спасти последующие поколе-

ния от проклятия войны. Но проблема не в проклятии войны, а в проклятии многих других зол. Это проклятие бедности, изменения климата, это вмешательство в экологию — вот самые реальные угрозы для международного мира и безопасности. Количество жертв цунами и прочих последствий изменения климата, которые сейчас еще больше выходят на поверхность, будет гораздо выше, чем то, которое понесло человечество в мировых войнах. Поэтому человечество должно рассматривать эти проблемы под другим углом. И, в частности, Совет Безопасности должен по-новому решать эти вопросы, потому что недостаточно только разбираться с существующими конфликтами, надо думать о том, что будет в перспективе возникать при перемене климата и т. д.

Не так давно в ООН прошли обсуждения новых вызовов, в частности права вето. Я считаю, невозможно, чтобы у пяти государств — членов Совета Безопасности было такое право постоянно, надо подумать, что с этим делать. Совет Безопасности иногда голосует так: 14 государств-членов по какому-то вопросу выступают за, а один — против, используя право вето. Подумайте: если подавляющее большинство членов Совета Безопасности за какое-то решение и всего один — против, возникает вопрос о запрете использования права вето. Можно просто сказать, что я не согласен, но я не буду использовать право вето, хотя и могу это сделать. И эти решения надо ограничить такими вопросами, как военные преступления, геноцид, прекращение военных действий, прекращение огня. Как можно использовать право вето, когда речь идет, в частности, о военных преступлениях? Такой небольшой шаг, как запрет на использование права вето по определенным вопросам, может повлечь за собой дальнейшее реформирование ООН. Потому что это позорно, когда одно вето аннулирует решение 14 членов Совета Безопасности.

И еще два наблюдения. То, что касается субъектов не-государств. Я не думаю, что существует такая ситуация, когда субъекты не-государств борются с субъектами государств. Я думаю, что речь идет об агентах государств, которые отстаивают интересы каких-то крупных держав. И такого рода практике надо положить конец. Как только прекращают их финансировать, они прекращают так поступать. И я считаю, что мы должны хорошо подумать об этих агентах, не являющихся государствами, о том, что они просто выполняют чьи-то распоряжения.

И еще один момент по поводу Европейского Союза. Мы живем по одну сторону Средиземного моря, и нас, естественно, волнует, что происходит по другую его сторону и в Европейском Союзе. Мы не инопланетяне. Существуют мощные экономические личности, но очень слабые политики. И это вызывает много проблем, которые будут отражаться на действиях Европейского Союза. Конечно же, у Евросоюза несколько иной путь, чем у США. Но, тем не менее, он все равно движется за Соединенными Штатами, а я считаю, что Европейский Союз должен очень четко обозначить свою позицию как участника международной политики.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Напомню о том, что эта ставшая знаменитой фраза об экономическом гиганте и политическом карлике впервые была произнесена, по-моему, в 1981 году бельгийским премьер-министром, и с тех пор вот уже 35 лет эту фразу продолжают повторять.

Слово предоставляется академику Владимиру Львовичу Квинту.

В. Л. КВИНТ: — Всю свою жизнь я пытаюсь быть как можно дальше от политических дискуссий. Я экономист, но поскольку уже более 40 лет занимаюсь стратегией, то вольно или невольно все время сталкиваюсь с политическим фактором и его вовлечением и влиянием, чаще всего негативным, на принятие экономических решений. Глобализация, как и ряд других глобальных закономерностей, — это объективная категория, это как ветер, как волны в океане, как цунами, и было бы смешно говорить, что существует какой-то глобализатор, который этот ветер, эти волны создает. Или предполагать, что существует какое-то закулисное правительство, а если кто-то пытается присвоить себе роль глобализатора, то это не менее наивно и примитивно. Когда мир был наиболее стабилен? Наименее стабилен мир был на нескольких экономических этапах своего развития, когда это было биполярное развитие. Наиболее стабилен — в процессе многополярного развития, то есть наибольшая стабильность достигается в многополярном мире. Однополярный мир тоже более стабилен, чем биполярный, но когда он рассыпается, то процесс перехода от однополярного мира к многополярному становится очень конфликтным.

Неслучайно после самой страшной в истории человечества войны возникла Организация Объединенных Наций как мягкая форма создания правил и процедур кооперации стран под влиянием многонациональных институтов, на добровольной или необязательно добровольной основе. Замечательно, что существует Совет Безопасности и что он имеет право вето. В то же время, анализируя, например, стратегические проблемы, глобальные вызовы, мы понимаем, что глобальный миропорядок нужен именно для решения проблем массовых заболеваний, эпидемий, глобальных катастроф, форм, которых мы даже до сих пор не знаем, климатических проблем, даже проблем бедности и неграмотности, терроризма. Эти проблемы требуют глобальной кооперации, и поэтому нужно иметь механизм. Но как только мы делаем шаг дальше, в сферу политики, как сделал уважаемый мной экономист, нобелевский лауреат 1969 года Тинберген (я изучал его динамические модели), то получается, как с ним — он стал довольно наивным и предложил существование глобального правительства. На мой взгляд, это очень вредная идея. Все решения должны приниматься правительствами конкретных стран, то есть национальными институтами, реализующими национальные интересы, в том числе решения, в какой степени им кооперироваться на глобальной арене. И для этого существует замечательная платформа — Организация Объединенных Наций. Поэтому глобальное правительство или какой-то там фиктивный глобализатор, если он себе такие функции при-

сваивает, — очень вредное явление. Но сегодня, к счастью, на мой взгляд, этого нет.

Вообще говоря, как только мир создает консенсус, всеобщее согласие, как только возникает равновесие, баланс, то, согласно теории одного замечательного химика, нобелевского лауреата, любая система сразу стремится к нарушению всего этого, потому что это не предполагает дальнейшего развития. Поэтому мы всегда будем сталкиваться со сложными проблемами, с поиском решений для выхода на новый уровень развития. Это явление называется энтропией. А Нобелевская премия за теорию энтропии была присвоена в 1979 году замечательному российскому физико-химику Илье Пригожину. Поэтому я думаю, что существование Организации Объединенных Наций, принятие решений на добровольной основе и обязательная их реализация — это то, что миру сегодня нужно. Не надо думать, что появятся какие-то две мощные нации, которые и будут определять или тем более присваивать себе роль такого института. Сегодня развиваются мощные экономические силы в Латинской Америке, Индии, Китае, которыми ни в коем случае нельзя пренебрегать. Россия, США и эти региональные супердержавы должны искать консенсус и принимать решения на демократической основе. Без России, США, Индии, Китая, Бразилии как лидера Латинской Америки, Египта как одной из мощнейших стран арабского мира нельзя принимать решения, которые потом на основе решений Совета Безопасности становятся практически обязательными.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Слово предоставляется профессору Галису.

Г. ГАЛИС: — У меня вопрос и замечание. Вопрос касается национальных интересов, интересов простых людей, населения страны. Я приведу классический пример фармацевтической промышленности. Сейчас опять разгорелся спор относительно швейцарской компании Novartis. Хотя сложно сказать, швейцарская она или же международная. Так вот, между ней и правительством возник спор о монопольном праве компании на лекарство от СПИДа, и поэтому она может навязать очень высокую цену. То есть человеку в год лечение их лекарством может обойтись в 20 тыс. долларов. «Это неправильно», — говорит правительство. Надо создавать генерики, чтобы удешевлять эту продукцию. Подобная проблема есть и в Индии, где правительство обратилось в суд и выиграло дело. Вопрос в том, какие критерии надо здесь применять по международному праву, куда обращаться — в ВОЗ или же в ВТО, потому что для ВОЗ самое главное — это обеспечение здоровья людей, а для бизнеса — обеспечить свою прибыль. Вот такой вопрос.

Теперь замечание. Один наш коллега говорил о протекционизме. Я считаю, что это очень интересный академический спор, но на практике все правительства объединяют протекционизм и свободную торговлю. Это делается по-разному, у одних правительств это получается хорошо, по уму, у других — плохо. Представьте себе: в XIX веке английская хлопковая

промышленность развивалась тогда, когда англичане выступали против американцев, у которых не было таких заводов. Американцам пришлось с этим бороться, и так возникла новая отрасль. Тогда была сформулирована теория протекционизма в противовес свободной торговле. И ее описывали так, что англичане навязывали свою мощь Американскому государству, Индии, Бразилии. Они пытались продвинуть интересы своих компаний. Но в чьих интересах это делалось — компаний или населения? Этот вопрос остается открытым, на него нет ответа. Хлопковая промышленность, например, была очень важна для Соединенных Штатов, и жаркие дебаты по этому поводу велись во Всемирной торговой организации. Дело в том, что не всегда ясно, как говорили наши коллеги, что такое международная компания, что такое глобальная компания, а что такое национальная компания. Но в ряде случаев так называемые международные компании поддерживают и национальные правительства.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Следующим выступает лорд Мойнихен.

К. МОЙНИХЕН: — Уважаемые коллеги, наша конференция проходит на высоком уровне, здесь обсуждаются очень важные вопросы. Но вначале я хотел бы отметить, что конкурс «Евровидение» — это хорошая площадка для улучшения международных отношений. Меня радует, что, например, песню для российского певца может написать европеец. И совершенно необязательно на «Евровидении» петь по-английски, здесь нет диктата, не нужно этого делать. Так что это серьезный показатель.

Я бы хотел обратить ваше внимание на два момента. Первое: важно понимать, почему на выборах мэра Лондона победил Садик Хан, типичный представитель своего поколения. Он вовсе не умеренный мусульманин, он имеет связи с экстремизмом, и население именно так его и воспринимает. Он постоянно говорил о своей биографии, что он сын водителя автобуса и жил в предоставленном государством жилье. Он выступал против кампании Консервативной партии Великобритании, а я как раз являюсь членом палаты лордов и представляю Консервативную партию. Но несмотря на это он поддерживает идеи мультикультурализма, о котором мы говорили. У мультикультурализма много значений. Главные, на мой взгляд, — это потребность политической идентификации, необходимость избавиться от наклеивания ярлыков, от стигматизации, уничтожить доминирование одной группы над другой. Это ведет нас к политическому климату, в котором преобладают толерантность, уверенность и уважение. И я думаю, что мы этого в огромной степени добились для Лондона. Это окно возможностей, которое создано не только политическими, но и другими факторами. И мы не должны недооценивать роль национального и международного спорта. Когда в Лондоне проводились Олимпийские игры 2012 года, олимпийская деревня не стала ограниченной территорией для олимпийских команд. Вся страна стала олимпийской деревней. Мы оказывали уважение и теплый при-

ем всем гостям, невзирая на их гражданство и национальность. А проблемы при проведении Игр возникали и будут возникать всегда.

Второе: я бы хотел сослаться на то замечание, которое сделал наш председатель, о том, сможет ли выжить и добиться успеха страна, находящаяся за пределами торговых союзов. По-моему, это ключевой момент в наших спорах, в том числе и в Англии. Здесь важно то, что крупнейшие экономисты мира полагают, что Великобритания сможет добиться успеха и за пределами Европейского Союза. Я это говорю с точки зрения политологии. Многие англичане считают, что Евросоюз тормозит развитие, очень во многом ограничивает бизнес, взимает с Англии многие миллионы фунтов стерлингов, ничего не давая взамен. Некоторые, правда, верят, что «Соединенные Штаты Европы» — это возможная реальность, примерно 50 % населения говорят о согласовании тарифов, о развитии в союзе с экономистами мира и о том, что новые правила необходимо согласовывать через Брюссель. Но многие считают, что нас ограничивает то, что мы входим в число 29 стран Евросоюза, и поэтому лозунг «Выгодная Британия для Европейского Союза» рассматривается как главный. Все это важные факторы, которые необходимо учитывать, утверждая, что и Евросоюз, и Великобританию немедленно ждут потери, если она выйдет из его состава. Таковы взгляды экономистов Великобритании.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Приглашаю к микрофону профессора Ингимундарсона.

В. ИНГИМУНДАРСОН: — Я хотел бы развить те взгляды, которые высказал мой коллега профессор Кёхлер о балансе сил в Европейском Союзе. Профессор Вятр упомянул о той ошибке, которую сделала Меркель с точки зрения Германии. Что касается роли Германии в Евросоюзе, то она меняется некоторым образом. Я разговаривал со многими немецкими политиками, в том числе с одним в прошлом видным политиком, который сказал, что Германия слишком велика для Европы, но слишком мала для всего мира. И многие полагают, что после Второй мировой войны, когда возник проект Европейского Союза, в основном речь шла о германском национализме и европеизме, который тогда хотелось поддерживать всеми силами. Было задумано так, что можно сыграть более важную роль, чем просто на национальном уровне, в Германии и на континенте в целом. И сейчас взгляды Германии на европейцев меняются. Конечно, это влияет на процедуру управления в Европейском Союзе. Помните, всегда говорили об оси Франция–Германия, немецко-французском векторе. Сейчас в контексте Евросоюза уже никто не говорит о французах, будь то финансовый кризис или кризис с беженцами. Все считают, что здесь главную роль играет Германия. Я хотел обратить внимание именно на эту точку зрения.

Ал. А. ГРОМЫКО: — Уважаемые коллеги, подвести итоги нашей дискуссии я попрошу нашего сопредседателя, академика Валерия Александровича Черешнева.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ: — Уважаемые коллеги, мы завершаем работу нашей секции. Я хочу всех поблагодарить за хорошие, доброжелательные слова, сказанные и в отношении России, и в отношении других народов. Это нормально и правильно. Мы действительно должны понимать психологию и менталитет друг друга.

Например, многое о менталитете россиян может сказать следующая ситуация. Допустим, мы говорим, что XVIII век был женским веком правления России. Только 30 лет правили мужчины: 25 лет — Петр I, меньше года — Петр III, муж Екатерины II, и 4 года — правнук Петра I Павел I, сын Екатерины II. А все остальное время правили женщины. И среди них только одна россиянка — младшая дочь Петра Елизавета Петровна (1741–1761), а в 1762-м — уже Екатерина II, которая правила 36 лет. Павел был обижен, что мать не давала ему престол. Первое его решение — отменить наследование российского престола по женской линии. К чему это привело — вы знаете. Женщины бы сами никогда не сняли с себя царский сан, это точно. Кстати, все жены — и в XIX веке, и в начале XX века — были из Австро-Венгрии, то есть у нас был англо-германо-русский двор. Невесты из Германии, женихи из России, и наоборот. Наши великие князья становились мужьями немецких, австрийских, венгерских и других принцесс. Это было нормой. Но к чему это привело? В замкнутом обществе генетика изменялась, и поэтому Алексей, единственный сын Николая II, болел гемофилией. Это болезнь узкого круга, элиты. Вот в чем дело. Это многое говорит о нравах России того времени.

Еще один показательный пример. Я уже не один раз его рассказывал. В 1850–1853 годах послом Германии в России был великий Отто фон Бисмарк. Его избрали главой дипломатического корпуса в столице России Санкт-Петербурге, потому что он великолепно знал русский язык. И он понимал, что еще лучше язык можно изучить, погрузившись в язык народа. Он очень любил ходить на ярмарки, базары, на всякие представления, гуляния и тому подобное и впитывать в себя русский дух. И его поразило, когда он в первый раз приехал в Россию, вышел на улицу и спросил прохожего: «Как Вы считаете, какая сегодня погода?», а там дождик мелкий. Тот говорит: «Да ничего пого-

да, хорошая». Через два дня вышел, а там солнце ярко светит. Он говорит: «Посмотрите, какое хорошее утро. А какая погода будет днем?» — «Да ничего». — «Да что такое? И дождь — ничего, и солнце — ничего». Приходит на рынок: «Мясо хорошее?» — «Ничего». Думает: «Черт возьми — опять ничего». Сидят в компании дипломатов, Бисмарк спрашивают: «Вы видели эту французскую балерину?» — «Да, прекрасная». А русского фельдмаршала спрашивают: «Как вам, граф Апраксин?» А он говорит: «Ничего, ничего балерина». И так три года он не мог понять, почему у русских на все один ответ — «ничего».

Пришло время уезжать из России. Осень, первый снег. Подъезжает экипаж, они с другом садятся в экипаж. И только поставили сундук назад — скрипнула ось. Бисмарк кучера спрашивает: «Слушай, ржавая, наверное, что так скрипит?» — «Да ничего, барин. Все нормально». Ну, поехали. Только выехали на большую дорогу, первый овраг — полетели. Карета перевернулась, ось треснула. Действительно она была плохая. И вот они лежат, стекло на них упало, поранило обоих. Кучера перевернули карету, вытащили их. Один кучер держит дипломата и говорит: «Ничего, живой, живой». После этого он, наконец, понял, что означает это слово.

В мире никому не понятно, а в России это слово — успокоитель, оптимист, надежда, даже судья. Бисмарк все это описывает в своих воспоминаниях о России. У него была трость с серебряным набалдашником, подаренная великим князем. Когда он приехал в Германию, то пошел к знакомому ювелиру, снял этот набалдашник и попросил сделать из него перстень-печатку на безымянный палец, и еще попросил гравировщика выгравировать русскими буквами «ничего». Потом он стал рейхсканцлером, возглавил правительство, и когда происходило бурное обсуждение каких-то сложных вопросов, уже все закипало, он смотрел на этот перстень, поглаживал и приговаривал: «Ничего, ничего, господа». И, обращаясь к своим министрам, говорил: «Господа, только не делайте резких движений в отношении России, ответ может быть очень непонятным и для многих неадекватным». И при нем никаких серьезных противодействий России не было. Мне кажется, это многое в нас объясняет. Спасибо всем большое.

Секция 2

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

21 мая 2016 г. Научная библиотека им. Д. А. Гранина СПбГУП

Руководители секции:

- А. А. ГУСЕЙНОВ научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Т. РОКМОР профессор Института иностранной философии Пекинского университета (Китай), доктор философии
- В. С. СТЕПИН руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- В. А. ТИШКОВ академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ДОКЛАДЫ

В. А. Авксентьев¹

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ²

Геополитические конфликты вокруг Украины и в Сирии показали, сколь важными в современном глобальном переустройстве являются гуманитарные технологии. Наряду с применением военной силы большой акцент делается на использование «мягкой силы», ядром которой является политика идентичности. Против России развернута информационная война, которая приняла беспрецедентный характер: впервые за многие десятилетия не средства массовой информации или общественные деятели, а политики, находящиеся у власти, выступают с обвинениями в адрес персоналий в российском руководстве, в том числе в адрес президента страны. Если говорить об информационной войне в контексте украинского кризиса и кон-

фликта в Сирии, Россия не проиграла в этой войне, но и не выиграла ее.

Сегодня геополитические оппоненты России по большей части отказались от попыток смены политической элиты методом «цветной революции», поэтому упор будет делаться на «позиционные» методы борьбы. Главной мишенью такой борьбы является идентичность, которая в современном мире представляет собой такой же важный фактор безопасности, как армия и вооружение.

Используемый инструментарий нередко, как показал опыт Украины, дает противоречивый результат. В этой стране был выбран ускоренный «брутальный» вариант построения постсоветской идентичности. Это был не собственный выбор Украины, а результат политики идентичности, которая проводилась на Украине при поддержке западных государств, прежде всего США и Канады, через различные фонды и неправительственные организации. Стратегами политики идентичности были сделаны две важнейшие ошибки: антироссийский вектор новой украинской идентичности и концепция «Галичина — украинский Пьемонт». В результате вместо национальной консолидации произошел глубокий раскол, который и сделал возможным превращение Украины в поле геополитического соперничества. Эфемерный мир, выстроенный поколениями националистов, оторванных от родины, оказал-

¹ Заведующий отделом политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ставрополь), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка» (в соавт.), «Метафизика и геополитика российской цивилизации» (в соавт.), «Состоялся ли возврат на умеренный конфликтологический сценарий Северо-Кавказского региона?», «Идентификация этнического конфликта как проблема этноконсалтинга и этноконфликтологической экспертизы», «Ставрополье многонациональное: оплот стабильности или перекресток проблем?» (в соавт.) и др. Вице-президент Международной ассоциации конфликтологов.

² Материал подготовлен в рамках проекта РГНФ № 16-03-00038 «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности».

ся параллельным миром по отношению к украинской действительности. Украинцы привыкли в большинстве своем жить в составе СССР — в государстве, в котором частная инициатива не поощрялась. Поэтому воспринять новые идеи, предлагаемые националистами, было сложно¹.

Происходящее в гуманитарной сфере на Украине не было секретом ни для российских политиков, ни для научного сообщества. О том, что пишется в новых украинских учебниках по истории о России и российско-украинских отношениях, говорилось и в СМИ, и на научных конференциях. Россия недооценивала роль «мягкой силы» в международной политике. Представление, что «Украина никуда не денется», сыграло пагубную роль. Тем более что в советский период инструмент «мягкой силы» широко использовался, несмотря на то что термин был неизвестен ни советским политикам, ни идеологам. Вообще, приемы, относимые сегодня к «мягкой силе», известны с древности и даже закрепились в народной мудрости: «Вода камень точит», «Не везде сила; где умение, а где и терпение», «Силою не все возьмешь» и т. д.

Автором концепции «мягкой силы» считается американский политолог Дж. Най-младший, который отмечает: «Привлекательность США зависит и от ценностей, находящих свое отражение в существе и стиле внешней политики... “Мягкое” могущество проявляется в привлечении других к сотрудничеству без угроз и поощрений; следовательно, отчасти оно зависит от того, как мы формулируем наши цели. Политику, основанную на всеобъемлющих и перспективных целях, легче сделать привлекательной для других, чем имеющую узкий и близорукий характер»².

Лишь во втором десятилетии XXI века российские политики стали говорить о «мягкой силе». На высшем политическом уровне задача использования политики «мягкой силы» была поставлена Президентом России В. В. Путиным в выступлении на совещании послов и постоянных представителей Российской Федерации 9 июля 2012 года³.

В России за последние годы достигнуты значительные успехи в формировании общероссийской гражданской идентичности, продвигается идея российской цивилизационной идентичности. Однако российская идентичность все еще остается недостаточно устойчивым образованием и поэтому является удобным объектом манипулирования. Технологии противодействия формированию общероссийской идентичности концентрируются вокруг нескольких идеологем, которые периодически «вбрасываются» в общественное сознание, а некоторые обрели широкую популярность. В большинстве своем такие технологии имеют «облагороженный» характер, облачены во вполне грамотно разработанные идеи и концепции, что делает их трудно идентифицируемыми и даже привлекательными.

¹ Бондаренко К. Блеск и нищета украинского национализма // Зеркало недели. Украина. 2002. 4 янв. URL: http://gazeta.zn.ua/POLITICS/blesk_i_nischeta_ukrainskogo_natsionalizma.html (дата обращения: 17.03.2004).

² Най Д. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль—XXI. 2004. № 10. С. 33–41.

³ См.: Президент России. Официальный сайт. URL: <http://президент.рф/news/15902/> (дата обращения: 20.08.2012).

Ярким примером тому является концепт толерантности, настолько прочно усвоенный отечественной гуманитарной наукой, что сама постановка вопроса о том, что идея толерантности, акцентирующая различия, является препятствием для формирования идентичности, то есть тождества, встречает неприятие в профессиональной среде. Между тем западные психологи отмечают, что толерантность помещает «другого» в негативный спектр восприятия (эффект «через-себя-переступания»).

Другим механизмом противодействия идентичности является формирование так называемой негативной идентичности, когда образы России формируются исключительно в негативном ключе. Одному из изобретателей голографического метода, английскому ученому венгерского происхождения, нобелевскому лауреату Деннису Габору принадлежит изречение: «Будущее нельзя предвидеть, но его можно изобрести». Применительно к России можно сказать, что «изобретение будущего» идет скорее в негативном направлении. Средства массовой информации, публицистика, нередко и научные изыскания наполнены, как правило, мрачными прогнозами. Современная российская идентичность связана с такими понятиями, как кризис, стагнация, с такими словесными образами, как «Россия в состоянии вечного развала», «Россия — безнадежное болото», «Россия умерла, но этого никто не заметил», «Катастрофическая история» и т. д. «С Россией кончено», — писал в ноябре 1917 года Максимилиан Волошин. Этот афоризм можно использовать в качестве эпиграфа ко многим изысканиям постсоветской эпохи. Понятие «кризис» было одним из самых употребляемых в массовой коммуникации даже тогда, когда объективно Россия была на подъеме. Сложился кризисный модус поведения, когда на основе устойчивого восприятия состояния окружающего социума как кризисного формируются соответствующее мировоззрение и стереотипы поведения, связанные с фрустрацией, негативистским и агрессивным отношением к действительности, эскапизмом и т. д.

Для многонационального государства, каким является Россия, большую опасность представляют националистические идентичности, негативные по сути. Украинский кризис дает в этом плане хороший урок для России: националистическая идентичность — источник внутреннего раскола в полиэтничном обществе. В качестве примеров идеологем в российском националистическом дискурсе можно привести противопоставление русского и российского, например демонстративное использование понятия «россиянский» вместо «российский», причем обязательно в уничижительном контексте. К этому арсеналу относятся такие понятия, как «РЭФия» и «эрефянский».

Таких, по сути деструктивных идей, оформленных иногда во вполне благозвучные формы, иногда в демонстративно уничижительные, немало. Их необходимо выявлять и эксплицитно деструктивный для формирования общероссийской идентичности характер, а также предложить механизмы купирования их негативного эффекта.

А. В. Агошков¹

ЕДИНСТВО РОССИЙСКОЙ НАЦИИ: ФАНТОМ ИЛИ ЦЕЛЬ?

Тема сплочения российской нации является одной из ключевых в современном политическом дискурсе и одновременно одной из самых сложных. Действительно, трудно говорить о единстве народа, разобщенному по мировоззренческому, экономическому и ряду других признаков. Вместе с тем последние данные социологических исследований показывают, что единство нации существенно укрепляется на фоне роста международной напряженности и внешнего давления на Россию. С 2012 по 2015 год доля опрошенных, согласных с тем, что в России есть народное единство, выросла с 23 до 54 %. У молодежи (60 % от 18 до 24 лет) и обучавшихся в вузах (57 %) это чувство сильнее, чем у пожилых (51 % старше 60 лет) и малообразованных (46 %). Ощущение сплоченности народа прежде всего объясняют тем, что жители страны всегда объединяются в трудные минуты (18 %). Чаще стали отмечать, что единство заложено в нашем менталитете (с 4 % в 2014 г. до 13 % в 2015-м). И, напротив, реже сегодня в качестве объединяющих факторов указывают мирное сосуществование наций между собой (с 22 % в 2012 г. до 9 % в 2015-м) и стремление к взаимопомощи (с 15 до 7 % соответственно). Доля тех, кто не чувствует единения людей, в настоящее время составляет 35 % (с 56 % в 2012 г.)².

Эти сведения подтверждают наше предположение, что в общественном сознании россиян преобладает негативная мотивация к объединению, в частности возможность сплотиться перед лицом всеобщей внешней

угрозы; сильнейшим мотивом к объединению может стать серьезная угроза всему обществу и государству, например масштабная вооруженная агрессия. Позитивная мотивация (социальная стабильность, материальный достаток, общность территории и родного языка и пр.) занимает существенно более низкую позицию.

Стоит признать — для этого есть весомые исторические и культурные причины. Российская цивилизация оказалась слишком идеалистична, небуржуазна, чтобы целиком перенять западноевропейские идеалы времен Адама Смита. Как проникновенно пишет лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 года С. А. Алексиевич: «...мы — цивилизация борьбы и страдания. Мы встали перед вызовом другой жизни, которой живет остальной мир, — слишком человеческой, когда цель жизни — просто жизнь. Смею утверждать, что мы все потерпели катастрофу идеи, потому что в нашей культуре отсутствует смысл счастья и интереса к жизни как просто жизни, у нас нет такого опыта, нам не на что опереться. В каждой семье бабушки, дедушки, мамы, папы и наша литература учили или умирать, или страдать. Я бы даже сказала, что ГУЛАГ мы как общество — несмотря на жуткие потери и Отечественную войну, несмотря на всю кровь, которой мы залили пол-Европы, — перенесли с большим достоинством, чем деньги. Это соприкосновение ГУЛАГа и двенадцатиперстной кишки»³. Это удивительно, но это похоже на правду. Народ, столетиями привыкший жить в условиях войн, неурожаев, голодовок, сложно приучить извлекать радость из повседневной жизни.

Впрочем, нельзя утверждать, что позитивная мотивация совершенно не свойственна нашему общественному сознанию. Ценности, связанные с мирной повседневной жизнью, способны объединить значительное число россиян. «Семья с большим отрывом лидирует среди самых значимых для россиян понятий. В первой пятерке, кроме безопасности и достатка, также мир и справедливость. Система ценностей москвичей заметно отличается от общей. Жители столицы реже остальных россиян выбирают ценности первой пятерки. В то же время для них более значимы такие понятия, как справедливость (на втором месте после семьи), достоинство, права человека, совесть, терпимость и демократия»⁴. Важность семьи подтверждают 65 % соотечественников, безопасности и достатка — 46 и 38 % соответственно. При этом нынешняя молодежь, по сравнению с молодежью начала нулевых, «считается более целеустремленной и трудолюбивой. Среди целей, которые, по мнению россиян, ставит перед собой молодое поколение, — карьера, образование, деньги и мате-

¹ Главный редактор издательства «Наука и культура», кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости» (в соавт.), «Патриотизм и интернационализм: к вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов в международном левом движении» (в соавт.), «Модернизация России — социальное измерение» (в соавт.), «Справедливость как высший закон? Социогуманитарно-экономические этюды из истории культуры России», «Диалог культур прошлого и будущего: “экономический век” и “общинный социализм”» и др.

² 3 ноября 2015 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные опроса о том, есть ли в России народное единство. Чувство единства в нашем обществе сегодня сильно как никогда в последние годы. Главным разобщающим фактором называют человеческий эгоизм (32 % от тех, кто считает, что в России нет народного единства), однако с 2012 года эта доля несколько снизилась (с 39 %). Также отмечают, что единение невозможно в стране, где столь велика разница между доходами богатых и бедных (10 %), политические силы не способствуют или даже мешают объединению (10 %), общество многонационально (9 %) и т. д. Существенно реже в качестве препятствия на пути к единству народа стали указывать на отсутствие национальной идеи (с 14 % в 2012 г. до 5 % в 2015-м). Комментируя результаты исследования, директор по коммуникациям ВЦИОМ Алексей Фирсов отметил: «Данные опроса подтверждают общий тренд — консолидацию общества перед лицом внешних и внутренних вызовов. В такие моменты на первый план выступает национальная идентичность, понятия “мы”, “наше”, а не внутренние различия и границы. Происходит эффект социального сжатия вокруг идеи или политической повестки». Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ был проведен 17–18 октября 2015 года. Опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5 %. См.: в трудные времена россияне объединяются : пресс-вып. № 2966. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115448>

³ Алексиевич С. А. Проблемы маленького человека нашего времени // Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международ. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб. : СПбГУП, 2008. С. 207.

⁴ См.: Чем мы дорожим? URL: <http://fom.ru/TSennosti/10994>. Схожие данные предоставляет ВЦИОМ. См.: Что в жизни главное? : пресс-вып. № 2770. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115141>

риальный достаток»¹. Проблема, на наш взгляд, в том, что «позитивное объединение» не достигает такого мобилизующего эффекта, как негативное; положительная мотивация имеет скорее «отложенный» характер, который сыграет свою важную роль, но в будущем.

Когда наступит это будущее? Сложно сказать. Возможно, оно уже наступает. Чем большее место в нашей жизни занимает мирное созидание, неразрывно связанное с трудом (как ценностью и повседневной практикой), тем выше шанс у русской цивилизации осознать себя не как борющуюся и страдающую, а как строящую и созидательную. Уважение к труду как главному источнику общественного благосостояния может и должно снова встать во главу угла.

Увы, этот путь не будет коротким и гладким. Связь между трудом и благосостоянием никогда не была в России крепкой; значимость и ценность труда в современном российском обществе недостаточно исследованы². Не единожды и не одним автором указывалось, что легитимность и законность собственности в России всегда были нашим «слабым местом». Так, Г. Гачев, ссылаясь на В. В. Розанова и П. Б. Струве, писал: «В России вся собственность выросла из “выпробованной”, или “подарил”, или кого-нибудь “обобрали”. Труд в собственности очень мало. И от этого она не крепка и не уважается»³. Однако чего мы стоим, если не попытаемся изменить эту ситуацию?! Ведь дорогу осилит идущий...

Б. В. Аксюмов⁴

«РУССКИЙ МИР» И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ⁵

Прошло уже более двух лет с момента начала драматических событий на Украине, решительным образом повлиявших не только на ситуацию внутри этой страны, но и на развитие всего современного мира. За этот промежуток времени было написано огромное количество научных и публицистических статей, высказано множество точек зрения, в которых украинские события получали различную, часто взаимоисключающую, интерпретацию в зависимости от политических позиций, взглядов на историю, понимания цивилизационных и социокультурных процессов в современном глобализирующемся мире. Наибольший интерес к украинским событиям был проявлен в российском научном и общественно-политическом дискурсе, причины чего вполне понятны, если учесть многочисленные исторические и культурные связи между Россией и Украиной. Эти связи настолько крепки и органичны по своей сути, что само противопоставление «Россия–Украина», выраженное в слове «между», имеет во многом искусственный характер. По крайней мере в рамках концепции «Русского мира», согласно которой русские и украинцы — это по сути один и тот же народ,

носитель одной и той же культуры, имеющий одну и ту же историю.

Следует отметить, что смысловая конструкция «Русского мира» не столь проста и понятна, как кажется на первый взгляд. «Выражение “русский мир” взято теперь в оборот едва ли не всеми СМИ и всеми без исключения политиками, но от того оно не стало ни прозрачнее, ни понятнее»⁶. Сложность данного понятия обусловлена в первую очередь многообразием контекстов, в которых оно употребляется. Во-первых, «Русский мир» понимается как геополитическая реальность, стремящаяся вернуться к своим естественным границам. Во-вторых, «Русский мир» осознается с геоэкономических позиций как сеть сообществ, где происходит концентрация и повышается производительность русского капитала с целью формирования инновационной экономики, развития человеческих ресурсов и совершенствования институтов в ядре русского мира — России. В-третьих, «Русский мир» воспринимается как уникальная этнокультурная общность людей, объединенных русским языком, своей историей, нормами и ценностями и проживающих не только в России. Наконец, в-четвертых, «Русский мир» позиционируется как православная цивилизация, включающая под именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову⁷. Отметим, что здесь перечислены только наиболее распространенные интерпретации «Русского мира», которыми богатейший смысловой потенциал данного понятия далеко не исчерпывается.

Несложно заметить, что все вышесказанное трактовки «Русского мира» так или иначе выходят за границы Российской Федерации и апеллируют как минимум к постсоветскому пространству. Также важны и хронологические рамки «Русского мира» — они простираются глубоко в историческое прошлое, и это

¹ См.: О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности. URL: <http://fom.ru/TSennosti/11748>

² См.: Миронов Н. Уволили — лежу на диване. Работа сама меня найдет! // Вечерняя Москва. 2014. 16 окт. № 191 (26894).

³ Гачев Г. Русская дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991. С. 66.

⁴ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор 115 научных работ, в т. ч.: «Формирование цивилизационной идентичности как социальный капитал современной России», «Идеологические основы религиозно-политического экстремизма и терроризма на Северном Кавказе», «Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона» (в соавт.), «Конфликт цивилизаций: Pro et contra (мнение экспертов)» (в соавт.), «Кризис гражданской идентичности и цивилизационный код России», «Конфликт цивилизаций в контексте современных глобализационных процессов» и др.

⁵ Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Технологии противодействия укреплению общероссийской идентичности как фактор рисков национальной безопасности», грант РГНФ № 16-03-00038а.

⁶ *Расторгуев В. Н.* «Русский мир» и цивилизационная идентичность // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1. Богословие. Философия. 2015. № 3 (59). С. 152.

⁷ *Кочеров С. Н.* Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5-1. С. 164.

отнодь не случайно, поскольку почти в любой конструкции «Русского мира» настоящее и будущее всецело детерминированы прошлым. Если окинуть данный пространственно-временной континуум даже поверхностным взглядом, первым объектом в нем после самой России, заслуживающим внимания, будет Украина, которая составляет важную и даже атрибутивную часть «Русского мира», без которой последний существовать не может. Более того, Украина — это не просто часть «Русского мира», а его сущностное ядро, генетическое в культурном и этническом смысле начало. Именно на территории современной Украины Владимир Красное Солнышко крестил Древнюю Русь, именно здесь он сделал исторический цивилизационный выбор, определяющий развитие российской цивилизации по сей день. Российская цивилизация — это отнюдь не только Российская Федерация. По словам патриарха Кирилла, «Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем “Русским миром”. “Русский мир” — это не мир Российской Федерации, это не мир Российской империи. “Русский мир” — от киевской купели Крещения. “Русский мир” — это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, называющие сегодня себя разными именами — и русские, и украинцы, и белорусы»¹.

Однако приходится констатировать, что сегодня в ядре «Русского мира» наметился серьезный раскол, и касается это не только Украины. В Белоруссии все последние годы идет процесс белоруссизации², который направлен не столько на суверенизацию социокультурного пространства, сколько на отрыв белорусского социума, особенно молодежи, от России и «Русского мира». В этом смысле белорусский опыт весьма напоминает украинский, хотя в Белоруссии гораздо меньше внутренних социокультурных и исторических предпосылок для антироссийского Майдана.

Что касается украинского Майдана, в России закрепились тенденции оценивать события 2013–2014 годов как полностью или почти полностью детерминированные извне. Действительно, как признал сам Барак Обама, США способствовали передаче власти на Украине. Можно вспомнить в связи с этим и посещение Киева В. Нуланд в разгар Майдана, и частые визиты Дж. Байдена, которого на Украине всегда принимают с особыми почестями, а однажды даже усадили в премьерское кресло. Можно вспомнить, наконец, и о 5 млрд долларов, которые американцы, по собственному их признанию, потратили на подготовку определенных политических сил, интеллектуальной и культурной элиты украинского общества к событиям на Майдане и соответствующую оценку данных событий. Учитывая эти факты, а также многие другие, появляющиеся буквально каждый день в недолгой еще истории «постмайданной» Украины, невозможно отрицать огромный вклад США во все эти драматиче-

ские события, приведшие к существенному изменению внешнеполитического курса украинского государства, но, главное, отчетливо высветившие крайне агрессивно-негативную настроенность некоторой части украинского социума к «Русскому миру» вообще и России в частности.

Однако было бы большим заблуждением полагать, что подобная негативная настроенность стала следствием действий России, связанных с ювелирно проведенной операцией по воссоединению с Крымом и той поддержкой, преимущественно информационной и гуманитарной, которую Россия оказала и продолжает оказывать Донбассу. Во-первых, эти действия России имели ответный характер, но самое главное — украинский национализм, исторически проникнутый отчаянной русофобией, возник достаточно давно. Его возникновение было связано с процессом становления украинской нации, который с самого начала основывался на принципиальном и непреодолимом противопоставлении Украины России, а украинцев — русским. Существовая долгое время в качестве маргинального проекта, интересовавшего лишь некоторую часть украинской интеллигенции, симпатизирующую Европе, украинский национализм всплывал на поверхность сознания украинского социума только во времена великих потрясений, как, например, в 1918 году после распада Российской империи. Когда в 1991 году впервые в истории возникло независимое украинское государство, перед украинским национализмом открылись новые перспективы. Антироссийский украинский национализм развивался весь постсоветский период, пока в результате «революции гідности» не превратился в национальную идею Украины.

Концентрированным выражением украинской ультралиберальной антироссийской позиции стали различные публикации, в которых множатся предельно одиозные ультранационалистические призывы: «убить “Русский мир”», «регулярно очищать свое жизненное пространство от русни» и т. д. При этом «Русский мир» характеризуется как «мир дураков, предателей и подлецов»³. Следует подчеркнуть, что в украинских средствах массовой информации ведется постоянная пропагандистская работа, направленная на еще большее раздувание националистической истерии. Целью этой кампании, идеологически и финансово подпитываемой местной проамериканской элитой и получающей всестороннюю поддержку со стороны США, является окончательное отторжение украинского социума от России.

Важным последствием и в то же время индикатором доминирования ультранационализма в сознании современного украинского социума является процесс декоммунизации, который на практике часто выливается в тотальное отрицание всего того, что связано с Россией, «Русским миром», российской культурой и историей. Переименовывают отнюдь не только улицы с советскими названиями, но также улицы, названия которых были даны в честь выдающихся деятелей рос-

¹ Официальная хроника Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html> <http://www.pravoslavie.ru/news/73458.htm> (дата обращения: 30.01.2016).

² Цинко А. Не может быть внешнего могущества без внутреннего. О непреодоленных иллюзиях постсоветской интеграции // Независимая газета. 2014. 24 дек.

³ Русский мир — это мир дураков, предателей и подлецов. URL: <http://evroua.com/russkij-mir-eto-mir-durakov-predatelej-i-podlecov> (дата обращения: 30.01.2016).

сийской истории и культуры. Например, в Ивано-Франковске были переименованы улицы Дмитрия Донского, Багратиона, Кутузова, а также бульвар Пушкина¹. То же самое происходит и в других городах Украины (и отнюдь не только в западных областях).

Разумеется, речь не идет о том, что все украинцы — националисты и русофобы, никогда не считавшие Украину частью «Русского мира». Действительно, необходимо признать, что за последние два года отношение к России на Украине значительно ухудшилось, однако в последний год проявилась обратная тенденция. Так, по данным исследования Института Горшенина (Украина), проведенного в начале 2016 года, «среди стран в целом украинцы хуже всего относятся к России. Как точно плохое свое отношение к РФ оценил 41 % опрошенных, скорее плохо к России относятся 21 %, скорее хорошо — 17,9 %, точно хорошо — 10,5 %, затруднились ответить — 9,6%»². Однако если сравнивать эти данные с прошлогодними опросами, можно сделать вывод о том, что в украинском обществе улучшилось отношение к России. Если год назад к ней хорошо относились 24,7 % опрошенных, то сейчас — 28,4 %. Доля негативно настроенных граждан снизилась почти на 5 % — с 66,9 до 62 %.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что раскол в украинском обществе на, условно говоря, про-российский Восток и проевропейский Запад не преодолен, более того, сегодня он проявляет себя в форме открытого гражданского конфликта. Представители радикальных националистических группировок, составлявшие силовой костяк Майдана, при поддержке верховной власти, которая стала таковой только благодаря этим группировкам, пытаются распространить свой антироссийский и антирусский национализм на все украинское общество и сделать его полноценной национальной идеей. После трагических событий в Одессе 2 мая 2014 года мало кто отваживается открыто им противостоять внутри Украины. Сторонники России и «Русского мира», которых на Украине очень много, вынуждены скрывать свои подлинные чувства и даже иногда в целях самосохранения применяют антироссийскую риторику. В этой ситуации Россия, как центр «Русского мира», просто обязана своей активной политикой оставлять этим людям надежду на позитивные изменения в скором будущем. Борьба за Украину — это борьба за саму Россию, за возможность реального существования «Русского мира», и проиграть эту борьбу нельзя.

В. Н. Балмаев³

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И МУЛЬТИВИДЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА

Среди системных вызовов современной цивилизации особого внимания заслуживают вопросы соотношения культурного многообразия и процессов глобально-культурной гомогенизации мира. В условиях возрастающей целостности и взаимозависимости мира стремление индивидов сохранить разнообразные формы своей этнокультурной идентичности, защитить свои традиционные практики и модели жизни можно рассматривать как ответ на культурную унификацию, попытки избежать негативных последствий процессов глобализации. Нередко эти тенденции принимают достаточно жесткие и противоречивые формы.

За всей неоднозначностью и неопределенностью современной мировой ситуации можно усмотреть тен-

денции перехода прежде централизованной глобальной силы в другие регионы мира; формирование новых экономических центров в Азии; отход от прежней одно- и биполярной системы международных отношений. Мир оказался непредвиденно сложным.

Процессы глобализации изменяют устоявшиеся представления о центре мировой цивилизации и траекториях ее развития. Каждая точка в глобально-цивилизационном пространстве (в силу динамично изменяющейся рыночно-экономической конъюнктуры, технико-технологических и информационных обменов, международных миграционных потоков и т. д.) в любой момент может быстро превратиться в мировой центр глобально-сетевых отношений. И также стремительно исчезнуть. Указанные процессы демонстрируют глубокие противоречия в развитии современной цивилизации, некогерентность и негармоничность, нелинейность и турбулентность мировых процессов. Все это требует переосмысления роли и места локального в глобальном, так же как и глобального в локальном. Именно в данном ключе возможен поиск наиболее перспективных вариантов синхронизации процессов глобализации и этнокультурной локализации, диалога культур, конфессий и цивилизаций.

Собственно говоря, данные вопросы в том или ином контексте всегда стояли перед народами. И народы, цивилизации по-своему отвечали на эти вызовы своей эпохи и истории. Так, например, в начале VII века, в 604 году, японский принц-буддист Сетокуня принял конституцию кемпо (одну из самых либе-

¹ В Ивано-Франковске переименовали бульвар Пушкина. URL: http://society.lb.ua/life/2015/08/01/312523_ivanofrankovske_pereimenovali.html (дата обращения: 30.01.2016).

² Отношение украинцев к странам: хуже всего к РФ, лучше — к Польше. URL: http://news.liga.net/news/politics/9503118-otno-shenie_ukraintsev_k_stranam_khuzhe_vsego_k_rf_luchshe_k_polshe.htm (дата обращения: 11.03.2016).

³ Заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова (Элиста), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 165 научных публикаций, в т. ч.: «Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ)», ««Восточное» в глобальном: столкновение или диалог?», «Межконфессиональный диалог: культурное измерение», «Eurasianism as a «philosophy of nation»», «Мультикультурализм и толерантность: вызовы современного мира», «Евразийская идея и вызовы глобализирующегося мира», «Культурная самобытность монголоязычных народов в контексте теории незападной современности» и др. Член Российского философского общества.

ральных для того времени, известную как «конституция семнадцати параграфов»). В ней говорилось: «Мы не должны обижаться на то, что у других есть иная точка зрения, отличная от нашей. У каждого человека есть сердце, а у каждого сердца — своя склонность. Их правота — для нас заблуждение, а наша правота — заблуждение для них»¹. Человек, имеющий и настроенный лишь на одну идентичность, рассматривает окружающий его мир сквозь призму только этой идентичности. Отсюда непонимание других, отсутствие диалога и, как следствие, неизбежные конфликты.

Другой пример. В 1572 году мусульманский правитель Индии Акбар провозгласил религиозную толерантность основой государственной политики. Заметим — мусульманский правитель, что отвергает современные представления, отождествляющие ислам с фундаментализмом и терроризмом.

Эти мысли, высказанные в древности, созвучны современности. Так, например, профессор Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1998 год Амартия Сен в своей работе “Identity and Violence: The Illusion of Destiny”, подчеркивая связь между идентичностью и проблемами насилия, отмечает, что каждый человек в каждый момент времени имеет множество социальных ролей, и далеко не обязательно какая-то одна из них оказывается основной². В противном случае будут утрачены многие ценности человеческой жизни, и индивиды окажутся как бы помещенными в «маленькие ящички», что автор называет «миниатюризацией человека». А. Сен выводит простую логическую цепочку: навязывание идентичности ведет к отказу от многообразия социальных ролей; сужение социальной роли ограничивает кругозор личности; в этой ситуации малейшие отступления от того, что кажется верным, воспринимаются как оскорбление; оскорбление требует отмщения; финалом становятся религиозная или национальная ненависть и насилие. Единственное, что необходимо в этой ситуации, — признать, что мы все «особенному различны».

Народы, индивиды действительно должны отказаться от жестких рамок неизменной и фиксированной идентичности, чтобы вступить в диалог друг с другом. В диалоге важно не только то, что нация, индивид думают о себе, но и то, что другие нации, индивиды думают о них. Ведь чтобы исчезла почва для конфликтов, народы должны увидеть друг друга, принимая несходство за благо, а не за оскорбление. А для того, чтобы увидеть другого, прежде необходимо увидеть себя, самоидентифицироваться.

Отметим, что ценностные установки на налаживание диалога есть во многих религиозно-культурных традициях. Так, например, главный раввин Великобритании лорд Сакс в своей книге с символическим названием «Достоинства различия. Как избежать столкновения цивилизаций» отмечает необходимость научиться жить в разнообразном мире, постигнув обогащающее

мир достоинство различия³. Он приводит притчу, где рассказывается о двух людях, которые всю жизнь переносят камни. Один переносит бриллианты, другой — булыжники. Однажды каждому из них было поручено отнести мешочки с рубинами. Кто из них сможет оценить новую ношу? Тот, кто привык переносить бриллианты, знает, что камни могут быть ценными, даже если это не бриллианты. А тот, кто переносил только булыжники, думает о камнях только как о тяжести. Он не знает их ценности. Рубины — вне его разума. То же самое и с верой. Если мы ценим нашу веру, тогда мы поймем ценность и других верований. Мы можем воспринимать нашу веру как бриллиант, а другую — как рубин, однако мы знаем, что обе они — драгоценные камни. Но если мы видим в вере только тяжесть, мы не оценим ни нашу веру, ни веру другого.

В этом плане особое значение приобретают универсальные (в позитивном смысле) ценности, ориентиры, которые утверждают все культуры и религии мира (мир, толерантность, гуманизм, ненасилие и др.). По мнению Его Святейшества Далай-ламы XIV, очень важно воспитывать в себе чувство, которое он называет «всеобщей ответственностью»⁴. То есть универсальные ценности, признаваемые всеми религиями мира, могут стать основой глобального диалога, подтверждая тезис «сила в единении, а не в одинаковости».

Особым примером здесь является первая в истории встреча глав двух христианских церквей — Папы Римского Франциска и Святейшего патриарха Кирилла, которая состоялась 12 февраля 2016 года на Кубе. В принятой ими совместной декларации отмечается необходимость межрелигиозного диалога: «Различия в понимании религиозных истин не должны препятствовать людям разных вер жить в мире и согласии»⁵.

Конечно, это очень сложно. Более того, сегодняшняя реальность показывает, что наш мир, к сожалению, еще не избавился от войн, конфликтов, но ведь все зависит от самого человека, от самих народов. Приведем в связи с этим одну восточную мудрость. Индийский ученый и практик буддизма Шантидева однажды заметил, что, хотя мы не можем и надеяться отыскать столько кожи, чтобы покрыть всю землю, уберечь свои ноги от колочек, на самом деле это и не нужно. Вполне достаточно прикрыть подошвы наших ног. Другими словами, хотя мы не можем всегда изменять обстоятельства так, чтобы они нас устраивали, мы можем изменить свое отношение к ним. Быть может, это и будет первым шагом на пути к диалогу и предотвращению конфликтов.

Философское осмысление диалога культур и цивилизаций во многом должно опираться на мультивидение глобального мира и мультиидентичность современного человека.

³ Сакс Д. Достоинства различия. Как избежать столкновения цивилизаций / пер. с англ. Б. Дынина. М.: Гешарим / Мосты культуры, 2008.

⁴ Далай-лама XIV. Этика для нового тысячелетия. СПб.: Нартанг, 2001.

⁵ Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего патриарха Кирилла // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html> (дата обращения: 14.03.2016).

¹ Доклад о развитии человека за 2004 год. Культурная свобода в современном многообразном мире. М.: Весь Мир, 2004.

² Sen A. Identity and Violence: The Illusion of Destiny. N. Y.; L.: W. W. Norton & Co., 2006.

И. М. Быховская¹**КУЛЬТУРА ЗДОРОВЬЯ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ
И ФОРМА «ПОЗИТИВНОГО НАЦИОНАЛИЗМА»**

Консолидация нации, укрепление ее позиций, статуса и самооценки, очевидно, предполагает наличие той или иной объединяющей идеи, своего рода ценностного «навигатора». Такого рода идей, на наш взгляд, наряду с иными возможными вариантами, может и должна стать идея продвижения и укрепления культуры здоровья как одного из «общих знаменателей» для различных социально-демографических и социально-культурных групп населения России. Важно изначально подчеркнуть, что эта идея является по своей сути той, которую можно было бы обозначить (используя известный термин) как идею глокальную, если в качестве глобального контекста рассматривать российское население в целом, а в качестве локальной единицы — конкретные группы и даже «локальность» отдельного индивида. Утверждение и реализация данной ценности в аксиологическом пространстве макро-, мезо- и микросистем нации — непростая задача. Однако, несомненно, такого рода цель является благородной и высокозначимой для нации и всех ее составляющих, для формирования подлинного гуманистически ориентированного «национализма», обеспечивающего укрепление своей национальной самооценки без стремления к принижению достоинств иных наций (что обычно характерно для «плохого» национализма).

Выдвигая указанную аксиологическую парадигму как одну из консолидационных национальных идей, обратимся к некоторым принципиальным характеристикам того, что можно обозначить как культуру здоровья в общенациональной, групповой и личностной версиях.

Здоровье человека является одной из самых важных жизнеобеспечивающих ценностей человеческого существования, многое в самом существовании определяющей. Вряд ли у кого-либо вызовет сомнение это утверждение — и применительно к отдельной личности, и в отношении социального организма в целом. Находя этому множество подтверждений в истории целых народов, в жизни человека любой культуры и любой эпохи, особенно остро человечество стало ощущать такого рода зависимость в условиях современной цивилизации, когда проблемы сохранения здоровья становятся

все более сложными, а возможности его утраты — все более обширными и неожиданными.

Супертехника и технологии, сумасшедший темп их развития, возможность перепоручить уже не только физические, но и самые сложные интеллектуальные действия машине, погружение (нередко в прямом смысле слова) во все более комфортные бытовые, производственные, транспортные условия собственного бытия — все эти блага имеют очевидные негативные, «оборотные» последствия для физического и психического здоровья человека. Даже не занимаясь специальным научным анализом, каждый из нас сумеет назвать явно не одно такого рода следствие (к сожалению, нередко имеющее отношение к нему самому). Это как минимум все увеличивающаяся гиподинамия, рост количества и многообразия стрессовых ситуаций, пагубное влияние на организм человека невероятно загрязненной окружающей среды; несбалансированность питания, широкое распространение генетически модифицированных продуктов с возможной отложенной реакцией организма и т. д.

Эти тенденции, которые объективно делают проблему здоровья человека, его физического существования все более острой, социально «горячей», несомненно, являются типичными для всей современной цивилизации, однако очевидно и то, что степень этой остроты в разных странах и, что особенно важно для нас, в разных социокультурных пространствах, отнюдь не одинакова. К сожалению, Россия на сегодняшний день, как известно, принадлежит именно к тем странам, где показатели здоровья населения в целом не только невысоки, но и в каких-то аспектах просто тревожны. Неудивительно поэтому и то особое место, которое данная проблема занимает среди других, в социальной сфере сегодняшнего общества, и все более осознаваемая потребность в объединении усилий специалистов, представляющих совершенно различные области научной и практической деятельности, которые так или иначе связаны с комплексным феноменом под названием «здоровье».

В широком смысле здоровье людей может рассматриваться как одна из интегративных характеристик социокультурной ситуации в целом, и в этом смысле — одним из наиболее явно выраженных симптомов ее благополучия или, напротив, кризисности. Это объясняется тем, что, с одной стороны, показатели состояния здоровья разных групп населения являются своего рода проекцией уровня развития всех систем жизнеобеспечения в каждом конкретном обществе. Здоровье в этом отношении является производной от организации, эффективности функционирования системы здравоохранения, от экологической ситуации, связанной со степенью загрязнения окружающей среды, от уровня производственного, транспортного, бытового травматизма и тому подобного, что в совокупности отражает уровень экономического развития общества в целом,

¹ Профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва), доктор философских наук, заслуженный работник культуры РФ. Автор более 300 научных работ, в т. ч.: «Методология социального исследования», «Человеческая телесность в социокультурном измерении: традиции и современность», «Морфология культуры: структура и динамика» (в соавт.), «Социально-гуманитарное знание в структуре профессиональной подготовки специалистов в области физической культуры и спорта: “запрос-ответ” в динамике социокультурного пространства», «Культурология в системе научного знания и образовательной практики», «Культурологические опыты», «Homo Somatic: аксиология человеческой телесности», «Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований», «Спорт: культурологические векторы анализа феномена», «Прикладной вектор культурологии: искомое и сущее», «Социальное сквозь призму культурного» и др.

его *объективные* возможности — материально-технические, финансовые, научно-информационные, кадровые — обеспечить определенный уровень здоровья людей. Существование тесной взаимозависимости в виде формулы «здоровье ↔ общественное развитие» *объективно* диктует необходимость превращения сферы здоровья в то, что можно было бы назвать «зоной повышенного внимания», имея в виду и социальный, и индивидуальный ее аспекты.

Однако, как это ни парадоксально, безусловное понимание значимости ценности здоровья не ведет *автоматически* к соответствующей *деятельности*, к развитию того, что можно было бы обозначить как систему *здоровьеобеспечивающих* социальных и индивидуальных практик, направленных на формирование, поддержание, укрепление здоровья. Действительно, если посмотреть на весь этот процесс более внимательно, то нетрудно будет заметить, что немалое влияние на *отношение к здоровью* и, как результат, на объективные *показатели* в этой области оказывают не только материально-технические обстоятельства, развитие инфраструктуры медицинской отрасли, но и то, какое место ценность здоровья вообще занимает на *аксиологической (ценностной)* шкале того или иного общества (группы, отдельной личности); какие *культурные традиции, стереотипы, модели поведения*, связанные с вопросами здоровья, доминируют в той или иной культуре (субкультуре); какие *идеалы, «образцы для подражания», нормы* образа жизни задаются той или иной идеологией, господствуют в сознании и поведении различных социальных групп.

Позитивно-ценностное или же, напротив, негативно-незаинтересованное отношение к проблемам здоровья, тесно связано с более широким мировоззренческим, социально-культурным контекстом, с *культурными традициями*, отражающими этническую, гендерную, возрастную, конфессиональную, социально-территориальную (город–село, столица–провинция) принадлежность субъекта; особенности аксиологического пространства каждой конкретной группы, субкультуры. Ситуация с состоянием здоровья в общественном и индивидуальном измерении — это в большой мере проекция содержательного наполнения и силы воздействия мотивационной системы, ориентирующей на *значимость использования* тех или иных здоровьесберегающих практик (например, развивающей двигательной активности, форм активного досуга, определенных систем оздоровления и т. п.) или, напротив, на их *игнорирование, вытеснение на периферию* социально существенных (престижных, востребованных) видов деятельности. Более того, можно найти и немало примеров (как в истории различных культур, так и в современности) ценностных установок, с тем или иным обоснованием ориентирующих на «здоровьеразрушительные» формы человеческого существования.

Еще раз подчеркнем: *здоровье не является феноменом «одномерным»*, а потому для его полномасштабного анализа, наряду с факторами экономического, экологического, медицинского и другого характера, в поле зрения должны быть в полном объеме вклю-

чены и факторы социокультурного толка. Это необходимое условие и для собственно *изучения*, понимания здоровья как социального феномена, и для выработки тех или иных *управленческих решений*, принимаемых на различных уровнях (в которых, как мы уже отмечали, присутствие культурной составляющей является скорее исключением, чем правилом), и для обеспечения *эффективного формирования* культуры здоровья у разных социально-культурных групп населения. Без этого невозможны серьезные изменения в *реальной практике* использования повседневных здоровьесберегающих технологий, а значит, и позитивных изменений в показателях и качестве здоровья, физического благополучия, а в конечном итоге — в возможностях *полномасштабной* самореализации как отдельного человека, так и нации в целом. Культура здоровья — одна из составляющих социального аксиологического пространства, задающего статус, «рейтинг» данной проблематики в каждой конкретной культуре или субкультуре.

Культура здоровья как полноправная, социально значимая составляющая культуры нации в целом и отдельной личности, как один из *жизнеобеспечивающих* компонентов существования человека культурного может быть определена как совокупность знаний, ценностей, норм, идеалов, установок:

— связанных с представлениями о здоровье/нездоровье, *выражающих отношение* к нему как к ценности (или, напротив, неценности) определенного ранга;

— выполняющих *регулятивно-ориентирующие* функции в отношении тех *видов деятельности*, которые обеспечивают формирование, поддержание и укрепление здоровья (или же, напротив, его разрушение), а также

— *результаты* этой деятельности, включая и последствия деятельности *непосредственного* характера (объективное состояние здоровья) и *опосредованного, символического* толка, — например, «здоровый» или «нездоровый» вид как свидетельство определенного образа жизни и т. п.

Аналитический взгляд на проблему здоровья как социокультурный феномен, на возможности использования различных (в том числе и социально-коммуникативных) механизмов для воздействия на ситуацию в данной области предполагает, на наш взгляд, выделение (и последующую работу с ними) следующих проблемных блоков.

1. *Объективные воздействия* на состояние здоровья человека, включая экологические факторы; особенности образа жизни, связанные преимущественно с социально-экономическим укладом изучаемых социальных групп; влияние значимых для данной проблемы социальных институтов (здравоохранения, образования, воспитания).

2. *Образы, модели, нормативные представления* о здоровье/нездоровье человека — как в структуре обыденных представлений, массового сознания, так и специализированного знания, характерного для изучаемого социокультурного среза; ценностный «ранг» проблем, связанных со здоровьем, в аксиологических системах изучаемого общества, группы, индивида;

смысловая, знаковая, символическая интерпретации здоровья/болезни в культуре изучаемого общества.

3. Особенности сложившихся в обществе (в системе деятельности его институтов) подходов к формированию валеологического сознания и поведения человека, анализ того, что можно было бы назвать целенаправленным *процессом трансляции*, освоения и развития ценностей, знаний и навыков, связанных с сохранением/разрушением здоровья человека, включая анализ факторов такого рода социализации, их динамики; особенностей агентов и механизмов процесса валеологической инкультурации в различных субкультурных пространствах.

4. Деятельно-практическое отношение к характеристикам здоровья как актуализация содержания, смысла, направленности валеологических представлений и ориентаций, их объективация: контроль, ограничения, «дисциплинирование» (М. Фуко) тела человека в социальной практике; инструментальное и экспрессивное использование двигательных характеристик человека; целенаправленное формирование показателей здоровья, двигательных навыков на основе принятых ценностей, норм, идеалов, образцов.

Культура здоровья — это не область непосредственной «работы с телом», с «физическим» в человеке, как традиционно принято считать, хотя именно телесно-двигательные качества человека являются здесь предметом интереса. Как сфера культуры, это, прежде всего, работа с «духом» человека, с его внутренним, а не внешним миром, поскольку изначально здесь — это формирование и закрепление соответствующей аксиологической установки. Культура здоровья включает в себя *потребность и способность* индивида к максимальной *самореализации* в качестве социально (ориентированного на взаимодействие с другим) и индивидуально значимого субъекта на основе использования средств, отпущенных природой (телесно-двигательных характеристик) и преобразованных, в соответствии с этими целями и принципами культуросообразности, в пределах их нормального функционирования.

Построение соответствующих практик для формирования и поддержания культуры здоровья, несомненно, должно сопрягаться не только с исходной теоретико-методологической схемой анализа проблемной области, но и — что более чем очевидно — учитывать динамику происходящих в данной области процессов «здесь и сейчас».

Забота о здоровье в советском обществе традиционно рассматривалась более как *проблема государства*, чем как *индивидуальная*, личная проблема, поскольку и само здоровье провозглашалось общественным достоянием. Лозунги вроде «Тренируй свое тело для военного дела», «Будь готов к труду и обороне» и тому подобные были отражением государственной идеологии здоровья. Призывая к выполнению обязанности «быть здоровым» ради успешной деятельности на благо общества, Советское государство обеспечивало бесплатность медицинских услуг для индивида, создало достаточно разветвленную здравоохранительную систему, что, несомненно, было определенным социальным достижением.

Но вместе с тем этот подход формировал и закреплял *патерналистские ориентации* в сфере сохранения и укрепления здоровья. Имея свои преимущества, они порождали типичное для человека советской эпохи личностно незаинтересованное отношение к собственному здоровью, весьма низкую в среднем активность по его поддержанию и укреплению. Отсутствовала и экономическая заинтересованность быть здоровым — даже при достаточно небольшом стаже работы индивид имел право на сохранение 80–100 % зарплаты при временной нетрудоспособности, а количество потерянных им дней по болезни весьма слабо влияло на карьеру, профессиональный статус и прочее в условиях распределительной экономики.

В современной России важными социокультурными обстоятельствами, влияющими (как позитивно, так и негативно) на характер этих процессов, являются и такие факторы, как формирование экономики рыночного типа; процесс социальной дифференциации, появление новых, стремящихся к утверждению не только своего статуса, но и внешней атрибутики групп; бурное развитие технологий ведения избирательных кампаний, борьбы за политическое реноме; все большее осознание необходимости формирования своего внешне привлекательного облика для успешного «предложения» себя на рынке труда. Все это сделало вопросы поддержания собственного здоровья, создания имиджа, соответствующего социальному запросу (работодателя, избирателя, спонсора и т. п.), существенным моментом социального бытия личности в современном обществе. Необходимость завоевания определенного статуса, адаптации к новым социально-экономическим условиям стимулируют формирование позитивно-ценностной установки на заботу о собственном здоровье, на понимание здоровья как своего рода «капитала», на рассмотрение своего физического имиджа как весьма значимую в рыночных условиях визитную карточку личности.

Современные тенденции общественного развития, с одной стороны, дают нам множество подтверждений того, что феномен культуры здоровья, ее аксиологического ядра тесно сопряжен с социально-культурной динамикой в целом, а с другой — ставят острые вопросы о необходимости целенаправленной, общественно значимой деятельности в данной области. Переход от конкретных установок к их реализации на поведенческом уровне в большой мере обеспечивается созданием необходимых инфраструктурных предпосылок в обществе (экономических, организационных и других, уже упомянутых выше).

Одним из эффективных механизмов формирования культуры здоровья является изменение общественного мнения через средства массовой информации, одна из важных задач которых — разрушение еще достаточно распространенных стереотипов «внеценностного отношения» к здоровью, здоровому образу жизни. Диверсификация социально-культурных технологий формирования, их интенсификация — важное условие сохранения, приращения, актуализации того колоссального потенциала, которым обладает российская нация и каждый, кто ей сопричастен и неразличен.

Т. А. Воронцова¹

НАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ПАРАДОКСЫ ЯЗЫКА

Содержание понятий «нация» и «национальность» на протяжении длительного времени является предметом дискуссий в самых разных областях гуманитарного знания. Однако в современном русском языке данные слова функционируют не только в качестве терминов. Они входят в общеупотребительную лексику и широко представлены в разных типах дискурса. Как известно, за каждым словом стоит концепт — ментальная единица коллективного когнитивного пространства, поэтому анализ употребления слов «нация» и «национальность» в русском языке позволяет увидеть процессы, происходящие в коллективном языковом сознании.

Слова «нация» и «национальность» являются одно-коренными и с точки зрения словообразования соотносятся как производящее и производное.

Слово «нация» появилось в русском языке в Петровскую эпоху как заимствованное из латинского через посредство польского — *nacja*². Как свидетельствуют материалы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)³, в текстах XVIII века данная лексема в основном употреблялась в значении «народ, жители данной области, страны, государства, объединенные по этническому признаку и (или) подданству»⁴. Применительно к данному периоду можно говорить об определенном лексико-семантическом синкретизме⁵ слова «нация»: в картине мира XVIII века этническая общность не отделялась от политической. Вместе с тем отдельные примеры свидетельствуют о том, что данная лексема могла обозначать и этническую общность. Ср.: *на другой день франкфуртские жидаы прислали сказать директору комедии, что ни один из них не будет ходить в театр, если сия драма, в которой обругана их нация, будет представлена в другой раз* (Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. 1793) [НКРЯ].

Впервые слово «нация» зафиксировано в Словаре церковнославянского и русского языка (1847): «**Нация** — то же, что и народ»⁶, где **народ** — «жители

ли страны, государства, говорящие одним языком, племя»⁷. Аналогичное толкование находим и в словаре В. И. Даля (1863): «**Нация** ж. фр. — народ, в обширном знач., язык, племя, колено; однородцы, говорящие одним общим языком, все сословия»⁸. Как видим, в этих определениях синкретизм сохраняется.

В одном из первых советских словарей — под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940) — данное слово представлено в двух значениях: 1. *Исторически сложившаяся часть человечества, объединенная устойчивой общностью языка, территории, экономической жизни и культуры*. 2. *перен. Государство (полит. дипл.)*⁹. В более поздних толковых словарях, XX–XXI веков, в первом значении словосочетание «часть человечества» заменяется словосочетанием «устойчивая общность людей». Однако такое определение не дает четкого представления о том, какая общность имеется в виду: этническая или политическая. Еще более запутывает картину иллюстративный материал к данной словарной статье. Например, в Малом академическом словаре¹⁰ данное толкование сопровождается следующими примерами: *Сближение наций* (этносов? — Т. В.). *Социалистические нации* (государства? — Т. В.)¹¹. В Большом толковом словаре русского языка (1998): *Право нации на самоопределение* (этносов? — Т. В.). *Интересы нации* (государства? — Т. В.). *Равноправие наций* (этносов? — Т. В.)¹².

Исключение составляет только словарь Т. Ф. Ефремовой, где есть указание на этническую составляющую: *Нация* — исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни, а также на основе специфической только для данного этноса (выделено нами. — Т. В.), добровольно и естественно принимаемой всеми национальной культуры и формируемого на ее основе национального интереса¹³.

Слово «национальность» в толковых словарях XIX века отсутствует. В материалах НКРЯ самая ранняя фиксация данного слова относится к 1826 году. Это, конечно, не означает, что слово «национальность» ранее в языке не употреблялось. Скорее всего в данный период оно функционировало не слишком активно.

До 1860-х годов данная лексема употребляется в текстах преимущественно в значении «этническая специфика». Ср.: *...Национальность характера и климат имеет влияние как на искусства, так и на войну* (Пушкин А. Взгляд на военное состояние Турецкой империи // Сын Отечества. 1826) [НКРЯ].

⁷ Словарь церковнославянского и русского языка... С. 399.

⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб. ; М., 1881. Т. 2.

⁹ Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938. Т. 2.

¹⁰ Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. (Малый академический словарь). М., 1986. Т. II.

¹¹ Там же.

¹² Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

¹³ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М., 2006.

¹ Профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, доктор филологических наук. Автор ряда публикаций, в т. ч. монографий: «Речевая агрессия как свойство информационного пространства» (в соавт.), «Язык СМИ и политика» (в соавт.), «Лингвистика речи. Медиалингвистика» (в соавт.), «Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты» (в соавт.) и статей: «Особенности полилогической коммуникации в публичном дискурсе», «Оценка коммуникативной компетентности в публичном диалоге», «Риторическая культура диалогического медиадискурса», «Формирование объектов речевой агрессии в коллективном когнитивном пространстве», «Стратегии и тактики презентации специальных знаний в научно-популярном дискурсе» и др.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993. Т. 1. С. 562.

³ Национальный корпус русского языка — информационно-справочная система, основанная на собрании русских текстов в электронной форме. URL: www.ruscorgo.ru

⁴ Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. З. М. Петрова. СПб., 2004. Вып. 14.

⁵ См.: Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как явление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.

⁶ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 2. С. 419.

К середине XIX века наряду с данной семантикой у лексемы «национальность» активизируются еще два значения: 1) *этническая общность* и 2) *принадлежность к той или иной этнической общности*. Ср.: 1. *Румынская национальность во время переселения народов сохранилась на юге от Дуная...* (Иловайский Д. И. Начало Руси. 1876) [НКРЯ]. 2. *Национальность того ученого или тех ученых <...> мы с намерением всегда отмечали* (Иловайский Д. И. Начало Руси. 1876) [НКРЯ].

Обратим внимание на то, что именно в этот период (вторая половина XIX в.) наблюдаются, во-первых, более или менее четкое расхождение значений «этническая общность» и «политическая общность» у слова «нация», во-вторых, более частое употребление слова «нация» в значении «этническая общность» (≈ 45 % всех словоупотреблений). Возможно, это способствовало развитию и закреплению новых значений у производного слова «национальность». Таким образом, к концу XIX века в русском языке слово «национальность» было представлено в трех словообразовательных значениях: «качество» (*национальность характера*), «принадлежность» (*национальность человека*) и «совокупность лиц» (*разные национальности*). Эти три значения фиксируются в толковых словарях русского языка XX — начала XXI века. Ср.: *национальность* ж. 1. То же, что нация. 2. Принадлежность к какой-л. нации. 3. Совокупность национальных черт, свойственных какому-л. народу; национальная самобытность¹. При этом в материалах НКРЯ, относящихся к этому периоду, данное слово встречается фактически только в двух значениях: 1) *этническая общность*; 2) *принадлежность к этнической общности*.

Толкование слова «национальность» через существительное «нация» свидетельствует о том, что данные образования в значении «этническая общность» являются лексическими дублетами. Дублетность как избыточность обычно устраняется языком либо путем выведения одного из слов в пассивный запас, либо за счет смыслового расхождения дублетных лексем. В данном случае такое расхождение становится возможным за счет того, что у слова «нация» изначально существует еще одно значение — «политическая общность» (*совокупность граждан одного государства*). Причем тексты НКРЯ позволяют говорить о безоговорочном преобладании (≈ 80 %) данного значения в XX–XXI веках. Возможно, это происходит под влиянием экстралингвистических причин. В современном мире политическая общность уже не ассоциируется с этнической: моноэтнических государств становится все меньше. К тому же в западноевропейских языках слово «нация» обозначает совокупность граждан страны, государства независимо от этнической принадлежности. В этом же направлении развивается данное слово и в русском языке. Следовательно, теоретически слова «нация» и «национальность» могли преодолеть дублетность, разойдясь в значениях: *национальность* — этническая общность, *нация* — политическая общность (граждане одного государства), но у слова «национальность» есть еще одно значе-

ние — «принадлежность к этнической общности». И если «нация» теряет значение «этническая общность», то возникает своеобразный парадокс, когда субъект и объект принадлежности обозначаются одним и тем же словом: *национальность* — это принадлежность к национальности. В словарях «национальность» в этом значении соотносится со словом «нация». Однако «нация» в современном русском языке постепенно приближается к международным стандартам, где *нация* — это общность политической. Ср.: *лидер нации, здоровье нации, цвет нации, совесть нации, единство нации, американская нация, кубинская нация* и др. Следовательно, в соответствии со словообразовательной соотнесенностью и слово «национальность» должно постепенно приобретать значение принадлежности к политической общности, то есть национальность = гражданство. Именно такое значение имеет данное слово в большинстве западных языковых культур. Однако в этом случае возникает неудобная омонимия: *национальность* — этническая общность и *национальность* — гражданство².

Получается, что при любом развитии событий в связке «нация — национальность (общность) — национальность (принадлежность)» один из элементов оказывается лишним. С точки зрения языковой системы третьим лишним оказывается слово «национальность» — этническая общность, следовательно, именно у него есть все шансы уйти в пассивный запас. Слово переходит в пассивный запас в двух случаях: во-первых, если концепт, стоящий за данным словом, утрачивает свою актуальность (как, например, слово «класс» в значении «политическая общность»); во-вторых, если в лексической системе языка появляется другой, более удобный знак для обозначения данного концепта (синоним), например: *аэроплан* → *самолет*.

Однако слово «национальность» в значении «этническая общность» продолжает активно функционировать в русском языке, а слово «национальность» в значении «принадлежность» не двигается вслед за формальным производящим «нация», сохраняя «верность» этнической смысловой составляющей. Хотя на первый взгляд может показаться, что в современном российском дискурсе слово «национальность» в значении «гражданство» употребляется применительно к представителям других государств: *испанец по национальности, кубинец по национальности*. Однако для носителя любого языка при восприятии внешнего мира этнографическая карта, как правило, совпадает с политической. Достаточно вспомнить, что за границей всех граждан России называют русскими. Используя по отношению к иностранцам слово «национальность», носитель российского языкового сознания имеет в виду не гражданство, а принадлежность к этносу, но к этносу чуждому, маркерами которого на внешнем уровне являются другая страна, язык, культура. Применительно к российским реалиям «национальность» употребляется исключительно в значении либо «этнос», либо «принадлежность к этносу».

² Неудобство создает одинаковая сфера употребления данных омонимов. Если довести этот процесс до логического конца, то вполне можно представить следующий контекст: *представители этих национальностей по национальности россияне*.

¹ Ефремова Т. Ф. Указ. соч.

Итак, постепенное закрепление за словом «нация» в качестве основного значения «политическая общность» приводит к разрушению лексико-словообразовательных связей с производным «национальность» и появлению вопреки языковой логике связки «национальность (этническая общность)» и «националь-

ность (принадлежность к той же общности)». Данная языковая ситуация свидетельствует об определенном противоречии, существующем в коллективном языковом сознании, где, с одной стороны, актуализируется концепт «политическая общность», с другой — сохраняет свою значимость концепт «этническая общность».

В. С. Глаголев¹

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЦИОНАЛИЗМА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Глобализационные процессы радикально изменили инфраструктуру социума, системы транспорта и связи. Списки достижений техники, интенсифицирующей и разнообразящей человеческое общение, можно продолжать до бесконечности. Но как воздействуют эти чудеса на этнические и религиозные структуры современного мира, отличающиеся повышенным консерватизмом и нередко занимающие позиции «круговой обороны» по отношению к непривычным новшествам?

Речь идет прежде всего о внутренней структуре и типах организации этнонациональных и этнорелигиозных групп. Часть из них по ряду причин готова взаимодействовать с более крупными общностями, уже принявшими технологическое и социально-организационное обновление коммуникаций, принесенных глобализацией. То есть могут занять позицию «младшего брата». Обычно подобные процессы сопровождаются локализацией в использовании материнского языка меньшей по численному составу и влиятельности группы, размыванием исторически сложившихся этнических традиций и параллельно их активной демонстрацией в проявлениях обрядовости и верований более крупной общности («народные религии» ряда групп, попавших под влияние национальных и мировых религий). Интеграционная политика, направленная на консолидацию сограждан по принципу государственно-территориальной принадлежности, наталкивается на сложности поведения групп, гетерогенных по этническому составу.

Родоплеменные структуры отчаянно сопротивляются унификации своей жизни со стороны государства. Часть из них терпит поражение. Компенсацией данной тенденции, связанной с производственными процессами, урбанизацией и интенсивностью сетевых коммуникационных процессов, становятся модификации и возрождения одного из древнейших семейно-духовных объединений — клана. Посвященность во внутреннюю жизнь клана была иерархизирована, что создает дополнительные преимущества руководящей верхушке.

В наши дни клановые отношения, где «свои» — часто некрвные родственники, но те, кто связан путями

обрядовых обязательств, — сохраняются и воспроизводятся. Руководствуясь непосредственными интересами экономической выгоды и обеспечивающих ее властных преимуществ, кланы время от времени идут на обострение отношений с государством массы подчиненных им людей, периодически развязывая открытые племенные этнонациональные войны. Наиболее часто это происходит в спорных районах, где государственные границы на протяжении длительного времени отличаются большой подвижностью; там, где сталкиваются государственные интересы нескольких стран².

Кланово организованные родоплеменные сообщества с собственной иерархией, жесткой дисциплиной, взаимовыручкой среди своих членов и традициями кровной мести по отношению к обидчикам становятся значимой картой в геополитических играх современности. Афганская ситуация последних десятилетий, участие курдов в политической жизни стран, на территории которых они жили задолго до того времени, как сформировалось современное государственно-территориальное устройство Турции, Сирии, Ирака и Ирана, делает их своеобразной разменной монетой в политике соседей каждой из перечисленных стран, центробежной силой в жизни того государства, на территории которого они проживают.

Нетрудно заметить племенной характер множества потрясений, пережитых в последнее время Йеменом и Ливией, Ираком и Сирией, Ливаном и Суданом. При этом приобщение к научно-техническим достижениям, которые несет с собой глобализация, коснулось племен и народов, переживающих драмы гражданских войн, в которых активно дает о себе знать племенная основа. И, как водится, приобщение к новейшим достижениям цивилизации в условиях подготовки и развертывания гражданских войн имеет специфический характер: оружие, военное обмундирование и снаряжение, транспорт и средства, которые можно использовать как в мирных, так и в военных целях, выступают на первый план. Хотя сепаратистские движения подобного рода в военно-техническом отношении уступают государственным возможностям, партизанские средства ведения гибридных войн и систематическое использование тактики «пятой колонны» (засланных казачков, говоря по-русски) увеличивают их действенность. Верность обязательствам клана, жесткая дисциплина исполнения и суровость наказания родственников от-

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор философских наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Герметичность религии как проблема социологического исследования», «Религия караимов», «Религиозно-идеалистическая культурология: идейные тупики», «Практическая психология для дипломатов», «Межкультурная коммуникация в условиях глобализации» (в соавт.), «Cooperation of technologic and scientific knowledge in development» и др. Член Российского философского общества.

² См.: Мнацаканян М. О. Национализм и глобализм. Национальная жизнь в современном мире. М.: Анкил, 2008.

ступника, начиная с его семьи и заканчивая отдаленными сородичами, дают кланам дополнительные преимущества.

В сознании обездоленных западные страны (а к ним люди этой категории относят и индустриальные административные центры России) олицетворяют собой то зло, с которым представители родоплеменных сообществ имеют дело. Это «зло» подстерегает их на каждом шагу во всех случаях, когда им приходится выходить за пределы прямых родоплеменных отношений. Удаленность Запада, его образ, построенный на абстракции тотальной унификации и механической жестокости, объединяют чувством ненависти миллионы членов различных племенных сообществ, то есть людей, реально разделенных как минимум множеством языков и разницей культурных традиций. «Пятиминутки ненависти», описанные Дж. Оруэллом, затягиваются в часы и дни пропагандистских акций, становящихся способом зомбирования, не менее эффективным, чем те, которые практикует мало популярное в этой среде политизированное телевидение. Хотя для племенных партийных активистов такое телевидение, ведущее вещание на местных языках, также играет роль консолидирующего и директивного идеологического фактора¹.

Высокая смертность на территориях, где обитают сообщества родоплеменного типа организации, дополняется высокой рождаемостью и, как правило, безработицей там, где происходит рационализация традиционных трудовых занятий. Сельскохозяйственные и скотоводческие усовершенствования исподволь освобождают от работы молодежь. Армия безработных — типичное явление в городах, но клановая родоплеменная солидарность не дает мужчинам умирать с голоду. Вербовка в банды, племенные армии и экстремистские боевые организации является для молодых людей квазиэффективным способом повышения самооценки, социального статуса. И в то же время — реальным доступом к материальным благам с помощью грабежа и наркотрафика.

Нет оснований идеализировать образ подобных «борцов за свободу». Им изначально нужно ослабленное и потому готовое на сговор с ними государство, имитирующее властные полномочия, но не способное реализовать их сколько-нибудь последовательным образом. Паразитическая составляющая подобного образа жизни как привлекательна, так и заразительна. Главное в этом способе — посадить на нужные места своих людей: в систему оформления государственной документации; в частные компании, которые своевременно предоставят достоверную информацию о людях и капиталах; в полицию, способную отвернуться, когда прикажет главарь, или имитировать повышенную разыскную активность на пустом месте по ничтожным поводам; в бухгалтерию государственной или корпоративной структуры, чтобы вывести средства для криминальных организаций; наконец, в СМК, чтобы блокировать разоблачительные материалы и популяризировать привлекательный образ местных деятелей. А самое главное — расставить своих людей в те точки городов и поселков, откуда в назначенное время можно мобилизовать десятки, а то и сотни тысяч людей на ту или иную акцию.

Время от времени подобное можно было наблюдать в Ливии, Турции, Египте и других странах, где традиции клановой организации и дисциплины до сих пор живы и активно проявляют себя.

Конечно, традиционные кланово-племенные уклады мало-помалу подтачивает логика глобализационных процессов. В ней действуют рациональность организации, экономия средств для обеспечения стандартных технологических, транспортных, организационных эффектов, оптимизации массовых коммуникаций, образования и многих других позитивных явлений современности. Но она действует вопреки основам родоплеменного и кланового сознания и используется политиками, опирающимися на эти структуры, преимущественно в целях сохранения собственной власти и влияния. Социальные эффекты глобализации остаются амбивалентными и на этом направлении.

¹ Малащенко А. В. Заметки по национальному и иным вопросам // Дружба народов. 2015. № 3.

**В. В. Горшкова¹,
А. А. Мельникова²**

СВОЕОБРАЗИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ РОССИИ КАК ОСНОВАНИЕ ЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКИ

Размышляя над прогнозом успешности России в цивилизационной динамике, правомерным и продуктивным представляется обращение к специфике нашей ментальности — уверенность социологов в том, что «особенности российского, а точнее, русского менталитета несомненно влияют на успешность текущих трансформаций»³, выражается в наличии целого ряда исследовательских работ подобного рода. В качестве стандартного метода выступает сравнение характеристик по российским выборкам с характеристиками «модерной личности», которая и служит неким эталоном, носителем модернизационного потенциала⁴. Причем характеристики такой личности сформулированы западными исследователями, которые, хотя и не всегда совпадают в своих мнениях, однако пересекаются в базовых параметрах. Так, индивидуализация как форма адаптации к социальным переменам, принятие плюрализма мнений, мобильность (социальная, географическая, культурная), готовность к инновациям, ценность образования у Инкелеса⁵ перекликаются с переменными, предложенными Ш. Шварцем⁶: автономия (соотносится с индивидуализацией), в том числе и интеллектуальная (соотносится с плюрализмом мнений), стремление к изменению среды «под себя» и отсюда — ценность мастерства (у Инкелеса — образования) и та-

ланта (соотносится с открытостью инновациям), равноправие (опять плюрализм). Согласно этим критериям россияне не обладают чертами личности с модернизационным потенциалом⁷.

При анализе данных параметров обращает на себя внимание факт схожести характеристик «модерной личности» с ценностями индивидуалистических культур. Однако не только получающие высшие баллы по перечисленным критериям американцы или немцы лидируют при сравнении экономических достижений, но и демонстрирующие прямо противоположные характеристики японцы и китайцы. Таким образом, сопоставление результатов в экономике поднимает проблему неоднозначности (как минимум) критериев модернизационного потенциала личности.

Сопоставление же выделенных критериев с «побочными» результатами цивилизационной деятельности проявляет другой параметр выявленной неоднозначности, не только указывая на возможности цивилизационной динамики для «немодерновой личности», но и поднимая вопрос о соответствии выделенных в качестве основы модернизационного потенциала характеристик умению решить вставшие перед цивилизацией актуальные задачи. Экологические катастрофы, происходящие в результате потребительского отношения к природе, экономические и политические кризисы, связанные с деятельностью «модерной личности», заставляют переосмыслить взятые за основу как способствующие успешной цивилизационной динамике признаки модерности. Ощущение себя автономным плюс стремление изменить среду под себя, усиленные акцентом на личные достижения, являлись позитивной основой для профессионализации, оттачивания мастерства, способствовали научно-техническому прогрессу. Однако эти же качества не просто приводят к изменению природы, но и к уничтожению ее; ориентация только на свои интересы при игнорировании интересов других наций обуславливает политические и экономические кризисы. Для гармоничного существования на Земле цивилизация в лице представляющих ее стран должна решить вопрос не изменения под себя (природы, других наций), а согласования. И в этом аспекте культурные паттерны России подходят гораздо лучше, чем нормы американской и западноевропейской культур.

Каковы эти паттерны? В качестве базового, безусловно, выступает коллективизм — сейчас, с возникновением новых задач, коллективизм предстает в ином свете. Именно он формирует у своих членов ощущение всеобщей связанности, причем не только со своей группой, но и в целом — с миром. Такой подход, соединенный с характерной для коллективистов забо-

¹ Декан факультета культуры, заведующая кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор. Автор более 400 научных публикаций, посвященных проблемам педагогики, философии и технологии образования, в т. ч. 30 монографий и учебных пособий: «Проблема субъекта в педагогике», «Межсубъектная педагогика: тенденция развития», «Взрослый как субъект непрерывного профессионального образования», «Педагогическая философия Джона Дьюи», «Образование взрослых как феномен культуры, социальный институт и образовательная метасистема», «Диалог в образовании человека», «Мир конфликта: субъект и реальность» и др. Член редакционного совета «Педагогического журнала». Награждена медалью К. Д. Ушинского «За заслуги в области педагогических наук».

² Профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор культурологии. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Политика глобализации и глубинные основания культур», «Культуролого-лингвистический аспект образовательной стратегии», «Универсалии цивилизации vs глубинных оснований русской культуры: причины противостояния», «Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка», «Национальное мировидение в языке: формы отражения», «Язык и этнические характеристики» и др.

³ Ядов В. А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. СПб., 2009. С. 65.

⁴ Руднев М. Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран : дис. ... канд. соц. наук. М., 2009.

⁵ Inkeles A. A model of the modern man: theoretical and methodological issues // Comparative Modernisation / ed. C. E. Black. N. Y. : Free Press, 1976. P. 320–348.

⁶ Schwartz S. H. Beyond individualism/collectivism: New cultural dimensions of values // Individualism and collectivism: Theory, method and applications / eds. U. Kim, H. C. Triandis, G. Yoon. Thousand Oaks, CA : Sage, 1994. P. 85–119.

⁷ Маргун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности—2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами // Социологические исследования. 2010. Т. 49, № 4. С. 3.

той, при соответствующих социальных акцентировках представляется необходимой основой для цивилизационной динамики нового типа — согласованной трансформации.

Дополняет полученную картину анализ ментальных доминант россиян. Результат выделения доминирующих тем и порядок их ранжирования следующий¹. В русской выборке: 1) 32 % всех ответов — целенаправленность (с противоположными полюсами «бесконтрольность» и «самоконтроль»); 2) 29 % — оценка (аморальность/моральность); 3) 14 % — сила личности (уверенность/неуверенность). Именно деятельность обозначилась в качестве главного фактора при ранжировании в российской выборке, то есть деятельностная активность имеет доминирующую значимость в пространстве русской ментальности. Причем для русской ментальности основным является целенаправленность деятельности. Результаты ранжирования не только разводятся по биполярному принципу, но и внутри выделенного класса произошла группировка по пяти (!) уточняющим особенностям целенаправленности подкластерам. Такая детализация, с одной стороны, подтверждает значимость данного фактора, а проработанность показывает еще и намерение, промаркировав проблемы, успешно с ними справиться; с другой стороны, такая детализация открывает направленность на вычленение особенностей, тонкостей, различных составляющих деятельностного процесса. Эти пять подкластеров проявляют значимые для русского менталитета моменты целенаправленности (объекты критического внимания и корректировки). Значимость фактора «целенаправленность» позволяет предположить, что в русской ментальности важна деятельность не сама по себе, как любой вид труда, а именно соответствующая определенным, культурно значимым целям-ценностям.

Важность данного результата особенно видна в контексте теории М. Вебера. Немецкий ученый, анализируя специфику современной западной цивилизации, в качестве доминирующей тенденции отмечал замену внутренней приверженности следованию ценностям

на доминирование соображений интереса за счет вытеснения ценностных нормативов. Исследуя динамику оснований экономического поведения человека нового поколения, Вебер отмечал постепенное вытеснение поведения, основанного на традиции, поведением, основанным на эмоциях; последнее вытесняется ценностно-рациональным поведением, при котором значимым является не только цель, но и то, какими ценностями при этом руководствуется человек. Современное же состояние западной цивилизации трактуется им как время, когда ценностно-рациональное поведение вытесняется целерациональным, при котором как предметы внешнего мира, так и другие люди выступают лишь средствами для рационально направляемых и регулируемых целей. В то же время для российской ментальности, как показало вышеприведенное исследование, характерным является именно соотношение целевой направленности с ценностными ориентирами.

Осмысление глубинных оснований русской культуры открывает их оппозиционность базовым принципам западной (прежде всего американской) культуры. Однако если раньше несоответствие, даже противопоставление трактовалось как свидетельство нашего отставания от цивилизационной динамики, основой для которой выступала наша внутренняя «немодерность», то теперь возникает новое видение этой оппозиционности, при которой ставятся другие акценты: внутренняя духовность / внешняя религиозность, коллективизм/индивидуализм, эмоциональность/рациональность, справедливость / формальная законность, нестяжательство / культ денег — этот ряд можно продолжить. В таком контексте осмысление оснований нашей национальной ментальности, включающих ориентацию на ценности, важность сообщества людей, а не только личности как отдельной единицы, значимость контакта с миром, гибкость при вписывании в ситуацию, еще раз подтверждает наш вывод: именно в специфике российского менталитета заложены принципы, соответствующие новым целям и задачам цивилизационной динамики.

Ю. А. Гранин²

СТОЛКНОВЕНИЕ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Когда летом 1993 года журнал “Foreign Affairs” опубликовал статью Сэмюэля Хантингтона «Столкно-

¹ Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005. С. 240–273.

² Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой истории и философии науки Академии медиаиндустрии, доктор философских наук, профессор. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Глобализация, нации и национализм: история и современность», «Национальные государства в глобализирующемся мире: социально-философский анализ», «Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее» и др.; статей: «Глобализация: диалектика исторических форм осуществления», «Национальная идентичность перед вызовами глобализации», «Модернизация России: в колее “зависимого развития”» и др.

вение цивилизаций» (позднее трансформировавшуюся в книгу), многие восприняли ключевую идею автора скептически. Писали, что в ущерб научной строгости он использовал хлесткую метафору. Однако многотысячные волны мигрантов с Ближнего Востока, Северной Африки и Афганистана, захлестнувшие Европу в 2014–2015 годах и быстро превратившие многие страны благополучной Европы в «Новый Вавилон», заставляют более внимательно отнестись к пророчествам Хантингтона. Многих смущает не столько экономическая нагрузка на национальные европейские государства, вынужденные содержать десятки и сотни тысяч мигрантов, сколько откровенное нежелание по-

следних интегрироваться в новую конфессиональную, социальную, политическую и культурную среду. Они предпочитают жить общинами, сохраняя собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную «этническую экономику». Многие члены этих общин склонны ассоциировать себя с государствами происхождения, даже натурализуясь и становясь участниками политического процесса в европейских странах.

Разумеется, это случилось не вчера и в первую очередь связано с процессом глобализации, ее неолиберальной версией, спровоцировавшей кризис традиционных (религиозных, национальных и др.) идентичностей благодаря формированию массовой мультикультурной среды существования, появление которой вызвано действием институтов неолиберальной глобальной экономики и распространением информационных технологий, связавших человечество анонимными системами власти.

Как показал Ж. Бодрийяр, в условиях фрагментации культуры гражданская и культурная идентификации осуществляются через потребление. Принципиальное отличие культурной идентификации, присущее современности: она идет не через идеологическую мобилизацию и политическое участие, а через доступ к удовольствиям. Сам доступ контролируется, а потребитель получает во фрагментированной культурной среде специфическую идентичность, которая не является результатом его внутреннего развития, но сошла с конвейера, поставлена на поток. В свою очередь растущая множественность самоидентификаций (религиозная, этническая, экологистская) снижает степень политической мобилизованности граждан, превращая их в демократически индивидуализированную массу.

Массовая культура так или иначе находится в руках элиты и превращена в современный механизм символической интеграции, формирующий новую *идентичность глобального потребителя*, в которой сочетаются нивелировка и допущенная (более того — «изготовленная») мера своеобразия. Экономическая борьба становится все в большей степени борьбой информационной, борьбой за сознание, отсюда стремление ТНК при помощи правительственных органов контролировать сбор и распространение информации. Свобода предпринимательства оборачивается насаждением определенных культурных моделей ради усвоения их потребителем и роста прибылей. В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растет манипулирование, в культуре будет преобладать потребление как образ жизни.

В настоящее время угрозы всем национальным и многонациональным государствам Европы связаны с эрозией их «культурного фундамента» (культурного кода), на котором выстраиваются национальные идентичности. Вызовы последним инспирируются не только практикой ТНК и формированием идентичности глобального потребителя, идеологией неолиберализма, воплотившейся в политических принципах толерантности, политкорректности и мультикультурализ-

ма, но и распространением комплексного идейного течения (мировоззрения) постмодернизма¹, выразившего трансформацию духовности евроатлантической цивилизации, ее отказа от ценностей христианства и Просвещения.

Характерной чертой этого мировоззрения, формирование которого началось в 1960-х годах на волне кризиса «старых» западных либеральных демократий, студенческих «революций» в Западной Европе, борьбы за права и свободы расовых меньшинств в США, с одной стороны, и деколонизации мира — с другой, стала *установка стратегического релятивизма*, поставившего под сомнение ценности, практики и институты эпохи модерна. После вступления США, Канады и Западной Европы в постиндустриальную фазу развития, обеспечившую беспрецедентный экономический рост и формирование в этих странах «общества потребления», она была поддержана политическими и экономическими транснациональными элитами, абсолютизовавшими идею «свободы» от государственного регулирования не только экономики, но и от других унаследованных из эпохи модерна (традиционных) форм общежития. Так возникла «постсовременность» (постмодерн) с ее культом «личной свободы» и абсолютизацией «равенства», выразителем которой стал «постмодернизм».

Подняв на щит идею равноценности и равноправия всех истин, культур и идентичностей, постмодернизм бросил интеллектуальный вызов не только национальной идентичности и национальным формам общежития. Под сомнение, повторю, были поставлены интеллектуальные и культурные скрепы всей претендующей на глобальное господство евроатлантической цивилизации: классическая наука с ее пафосом рационального познания мира и презрением к религиозным догмам и суевериям и культура модерна с ее вниманием к общечеловеческим ценностям и классическим образцам. В социальных науках упор был сделан на «эпистемический поворот»: переход к новой теоретической оптике, характеризующейся отказом от парадигмальных образцов естествознания и равноправностью дискурсов любого рода, а в культуре — на ее плюрализацию, виртуализацию и визуализацию.

Модернистской установке на искусственную гомогенизацию, «выравнивание» социокультурного пространства постмодернизм противопоставляет якобы естественную плюральность последнего: растущее множество отдельных и вполне конкурентоспособных образований — картин мира, идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик, образов жизни и т. п. Тем самым в культурное пространство современного Запада вернулись, казалось бы, давно вытесненные из него архаичные дискурсы и практики: мифы, древние формы религиозных культов, алхимия, астрология, магия. Вы-

¹ Не вдаваясь в дебри дискуссий о содержании понятий «постмодерн» и «постмодернизм», под первым мы будем понимать историческую эпоху в развитии евроатлантической цивилизации, последовавшую за эпохой модерна и начавшуюся в конце 1960-х годов, а под вторым — не какое-то отдельное течение в литературе, архитектуре, науке, философии и тому подобном, а общее выражение мировоззрения эпохи постмодерна.

рос интерес к противопоставляемой национальной расовой и этнической реальности, маргинальным объектам и ситуациям — языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, «безумию», порнографии, однополым бракам и сексуальному насилию.

Эти явления являются закономерным результатом многолетней политики мультикультурализма. Последний — это не только имманентная часть стратегии глобального доминирования ТНК, большинство которых имеют прописку в странах G7, но и важная составляющая политики многих государств по адаптации мигрантов. В качестве политического концепта, отмечают исследователи, это философско-политическая идейная система, политический проект, постулирующий культурную неоднородность в качестве стержневого принципа организации социума.

Постмодернистские корни определяют своего рода генетический код современного мультикультурализма, его глубинный смысл, месседж, посылаемый либеральными конструкторами концепта различным иммигрантским общинам (прежде всего исламским, но не только), в значительной части в принципе не ориентированным не только на культурную, но и на социальную, правовую, политическую интеграцию. Такие общины, повторю, сохраняют собственный культурно-ценностный код и социальный уклад, разветвленные связи со странами происхождения и родственными диаспорами в других государствах Европы, создают собственную «этническую» экономику.

Казалось бы, стремительный рост в США и Европе количества переселенцев, не желающих интегрироваться, занимающих нижние ступени социальной лестницы и пополняющих ряды криминала, должен был вызвать массовые протесты коренных граждан и в политическом классе. Но их сдерживают пресловутые толерантность и политкорректность, формирующие по сути эзопов язык, который рекомендуется употреблять во многих странах Запада. Над ним можно было бы лишь посмеяться, если бы не вполне реальные юридические последствия для журналистов и представителей других профессий, которые называют вещи своими именами. Например, вот что заявила в интервью газете «Московские новости» несколько лет назад постоянный секретарь Французской академии, историк с мировым именем Элен Каррер д'Анкосс: *«Французское телевидение настолько политически корректно, что это просто кошмар. У нас есть законы, которые трудно даже себе представить при Сталине. Вы пойдете в тюрьму, если скажете, что по телевидению показывали пять евреев или десять черных. Люди не могут выразить свое мнение об этнических группах, о Второй мировой войне и многих других вещах».*

Колоссальным недостатком практики политкорректности является абсолютизация принципа толерантности, выводящая за пределы оценки не только этически и культурно сомнительные, но и уголовно преследуемые деяния. Если бы не усилия американских, а вслед за ними немецких феминисток, в западном либеральном мире не росло бы как снежный ком количество гей-, лесбийских и подобных клубов, не проявлялась бы лояльность к одним из наиболее омерзитель-

ных преступников — педофилам, не практиковалась бы в массовом масштабе «коррекция» пола и сексуальной ориентации. «Поневоле заподозришь, — справедливо отмечает К. С. Шаров, — что вовсе не гендерно-нейтральный новояз формирует новую политкорректную социальную реальность, терпимую ко всему, а определенные феминистские и иные сочувствующие им политические круги пытаются выдумать этот новояз как удачное прикрытие для их социальных амбиций. При прочих равных условиях во Франции, Великобритании или Скандинавских странах на работу возьмут женщину, а не мужчину. В Швеции или Дании при одинаковом балле на вступительных экзаменах в вуз возьмут человека, отметившего в анкете, что он «сексуально нетрадиционно ориентирован», а нормальный будет изгнан вон. Самой социально защищенной фигурой в США является неработающая черная лесбиянка, которая в прошлом была мужчиной (она получает от государства пособие в 6500 \$/мес.)»¹.

Эти и другие примеры свидетельствуют об очевидной деформации культурной матрицы (культурного кода) евроатлантической цивилизации, постепенно утрачивающей свой христианский характер. Свидетельство тому — усиливающийся тренд легализации содомии. Сегодня однополые браки легализованы в 16 странах мира, а также в некоторых штатах США и Мексики. Среди них: протестантские Нидерланды, Бельгия, Канада, ЮАР, Норвегия, Швеция, Дания, Великобритания, Новая Зеландия; и католические страны — Испания, Португалия, Исландия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Уругвай, Франция.

Но и это, увы, не все. Современные европейские ценности включают толерантность к уже совсем диким (то есть нецивилизованным) формам общественного бытия, например каннибализму, который открыто практикуется в некоторых телешоу². Проводимые там «перформансы» и «креативы» по сути являются пошаговым приучением Запада к толерантности по отношению не только к каннибализму, но и к нарушению других фундаментальных цивилизационных табу. Таким абсолютным табу практически во всех культурах являлся инцест. Однако в ЕС уже началось обсуждение легализации инцеста³. Некоторые европейские политики открыто в прессе и на телевидении представляют инцест как европейскую «гендерную норму». При этом по аналогии с «гомофобией» предлагается ввести понятие «инцестифобия», за проявления которой следует наказывать. Одновременно с этим в некоторых странах Европейского Союза обсуждают и легализацию педофилии. К этому стоит добавить специфические программы обязательного раннего сексуального просвещения, которые широко обсуждались общественностью. Каковы же в этом контексте перспективы сохранения и развития национальных и многонациональных государств?

Хотя ведущие национальные государства Запада остаются основными субъектами глобальной экономики и политики, продолжая выращивать и контроли-

¹ Шаров К. С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 41.

² <http://www.youtube.com/watch?v=IzS6mrdYPI0>

³ <http://www.odnako.org/blogs/o-legalizacii-incesta/>

ровать на своих территориях глобальные ТНК, и даже обрели новые функции¹, в грядущих цивилизационных битвах их ждет незавидная судьба «самоупражнения» в ходе тотального изменения культурно-национального ландшафта. После выхода скандальной, но во много пророческой книги Тило Сарацина «Германия упраздняет себя» о необходимости отказа от политики мультикультурализма стали откровенно говорить не только ученые интеллектуалы (Н. Больц, М. Вевьорка, Дж. Сартори, П. Нольте, Г. Хайнсон и др.), но и ведущие государственные деятели (А. Меркель, Д. Кэмерон и Н. Саркози), официальные заявления которых в 2010–2011 годах о крахе мультикультурализма произвели эффект разорвавшейся бомбы. Но значительных политических последствий этот демарш до сих пор не возымел.

Поэтому перспективы отказа Запада от принципов мультикультурности, толерантности и политкорректности многие связывают с приходом к власти неоконсерваторов, делающих ставку на традиционные ценности — семейные, гражданские и национальные. Они бьют тревогу, показывая, что современные демографические процессы в развитых странах, неразрывно связанные с необратимыми изменениями морального климата, могут привести к гибели традиционной Европы в ходе тотального изменения ее национально-культурного ландшафта.

На этом фоне перспективы России как особой локальной цивилизации, так и не решившей спор западников и славянофилов, но фактически отказавшейся от поиска собственной национальной идеи, совсем не радужны. Евроатлантические ценности и институты в массовом сознании остаются чем-то необязательным и условным, а собственные традиции в ряде случаев сведены к этнографически-рудиментарному состоянию. В настоящее время они реально объединены по принципу абсурдной дополнительности, а не в рамках долговременного проекта строительства национального государства, об отсутствии которого приходится только сожалеть. Если массовая культура современной Японии представляет собой кентаврическое образование, в котором западные и национальные ценности соединены на основе общественного консенсуса, то в России такое согласие отсутствует не только в обществе, но и в политическом классе.

Свидетельство тому — содержание программ нашего телевидения. Формально государство взяло под контроль важнейшие эфирные каналы. Но почему тогда в сетке вещания «Первого канала», ВГТРК, «ТВ Центр», НТВ и ТНТ продолжают преобладать не только американские боевики, но и низкопробные сериалы, многочисленные ток- и реалити-шоу: «Камеди Клаб», «Дома-2», «Уральские» и прочие «пельмени», где подвизаются кривляки-кавээнщики? Почему с телеэкранов льются высосанные из пальца сенсации и скандалы, пропагандируются мистические истории, битвы экстрасенсов, X-версии и другая псевдонаучная чушь?

¹ О них см.: Гранин Ю. Д. Национальное государство. Прошлое. Настоящее. Будущее. СПб., 2014. С. 183–191.

Рационально объяснить это можно как минимум двумя причинами: либо госструктуры, имеющие контрольные пакеты акций в указанных телекомпаниях, не контролируют произведенный ими телеконтакт, либо он их вполне устраивает, поскольку соответствует их культурному багажу. Последнее звучало бы абсурдно, если бы не опыт последних российских модернизаций (реформ в сфере образования и науки), которые успешно буксуют на месте².

И это закономерно в обществе, которое переживает культурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяются СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. Итогом стало изменение системы координат массового сознания, в иерархии ценностей которого наука оказалась в самом низу пирамиды. Нелучайно протесты ученых против поспешной реформы РАН не были поддержаны не только народом, но и вузовскими преподавателями. О политических и иных элитах даже не хочется говорить: они утратили навыки понимания сложной структуры и значимости социальных функций науки, в том числе благодаря телевидению.

В условиях почти полного отсутствия качественной аналитики в печати и на телевидении ставка сделана на политические ток-шоу, где толкуются одни и те же лица, имитируется столкновение мнений с заранее заданным результатом за счет искусно подобранного состава участников. Это явление, разумеется, не только российское. Но следует понимать, что виртуализация (экранизация) политического процесса и пропаганда идеологии «просвещенного консерватизма» и патриотизма может быть эффективной лишь в условиях реального плюрализма мнений просвещенных и образованных людей. А в обществе, где научное мировоззрение целенаправленно заменяется мифами и лженаукой, а высокая культура становится уделом немногих, пропагандистский порыв власти неизбежно упрощается до самых примитивных и крайне опасных форм. но власти предрасположенные, похоже, этого не замечают.

В итоге символическая система общества — общества с размытой национальной идентичностью — оказывается уязвимой в настоящих и грядущих культурных сражениях стремительно глобализирующегося мира. Главное, что вызывает тревогу, — это то, что российская культура-цивилизация вступает в эти сражения, по сути, символически обезоруженной, с пустыми руками и в своей деконструированной беззащитной телесности. Шансы такого символически разоблаченного общества перед вызовами чужих и агрессивных символических систем выглядят достаточно проблематичными.

Что делать? Как и на Западе, перспективы России в качестве особой цивилизации связаны с «консервативным поворотом» В. В. Путина, продуманной государственной политикой, сочетающей традиции и современность для сохранения национальной идентичности.

² Подробнее см.: Гранин Ю. Д. Желтые пятна на мантии российского телевидения // Журналист. Социальные коммуникации. 2014. № 2. С. 60–74.

Литература

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. — М. : Весь Мир, 2004.
2. Бек У. Трансформация политики и государства в эпоху глобализации / У. Бек // Свободная мысль. — 2004. — № 7.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления / Ж. Бодрийяр. — М. : Республика : Культурная революция, 2006.
4. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура / Д. Хелд [и др.]. — М. : Праксис, 2004.
5. Гранин Ю. Д. Глобализация и национальные формы глобальных стратегий / Ю. Д. Гранин // Вестник РАН. — 2014. — Т. 84, № 3. — С. 47–54.
6. Гранин Ю. Д. Желтые пятна на мантии российского телевидения / Ю. Д. Гранин // Журналист. Социальные коммуникации. — 2014. — № 2. — С. 60–74.

7. Гранин Ю. Д. Проекты грядущего мирового порядка: между «национальным» и «космополитическим» / Ю. Д. Гранин // Вестник РАН. — 2012. — Т. 82, № 9. — С. 807–813.
8. Журавский А. В. Субъекты миропорядка XXI века / А. В. Журавский, О. В. Садов, А. В. Фетисов // Глобализация и столкновение идентичностей. — М. : Центр этнорелигиозных и политических исследований РАГС, 2003. — С. 60–83.
9. Хабермас Ю. Политические работы / Ю. Хабермас. — М. : Праксис, 2005.
10. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. — СПб. : Наука, 2001.
11. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. — М. : АСТ : Транзиткнига, 2004.

Г. А. Гриценко¹МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

Одним из сложных полиэтничных регионов Российской Федерации является Северный Кавказ. Нередко его называют Вавилоном — здесь произошло смешение более 40 языков: в Северо-Кавказском регионе говорят на языках индоевропейской, алтайской и кавказской семей. Действительно, вряд ли в мире можно найти столь небольшой участок земли, на котором проживает столько разных этносов: сегодня на Северном Кавказе живут свыше 50 народов, не только говорящих на разных языках, но и имеющих разные культуры, исповедующих различные религии. Православие соседствует здесь с разными течениями ислама и древними языческими культами.

Северный Кавказ всегда был сложным регионом, но на протяжении последних 20 лет из-за высокого конфликтогенного потенциала в этнополитической сфере он превратился в нестабильный регион. Межнациональные взаимоотношения в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО) стали той болевой точкой, через которую разного рода «доброжелатели» России пытаются «раскачать» ситуацию внутри страны с далеко идущими целями — ослабить российскую государственность на Северном Кавказе.

Современные межэтнические и межконфессиональные отношения в Северо-Кавказском регионе испытывают также мощное воздействие геополитическо-

го фактора. Исторически территория Северного Кавказа была не только естественным мостом между Европой и Азией, зоной контакта христианской и исламской цивилизаций, но и объектом столкновения внешнеполитических интересов великих держав: США, стран Евросоюза, Турции, России и др. Настоящее время характеризуется резким обострением международной обстановки: боевые действия ИГИЛ в Сирии, бесконтрольный поток беженцев в Европу, усиление геополитической оси Вашингтон–Анкара–Евросоюз, террористические акты в европейских странах, террористическая деятельность боевиков в Афганистане, попытки создания новой геополитической оси Вашингтон–Ереван–Тбилиси, военный конфликт на юго-востоке Украины, финансово-экономические санкции западных стран против России и т. д. В последнее время Российская Федерация испытывает давление со стороны ряда стран, где набирают политическую силу пантюркские и панисламские организации, которые испытывают большой интерес к конкретным этническим сообществам СКФО как северокавказского, так и некоренного происхождения: армянам, азербайджанцам, татарам и др.

С учетом новаций «большой геополитической игры» сохранение стабильности и межэтнического согласия на Северном Кавказе важны для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Ведь СКФО в силу своего геополитического положения и специфики развития может стать тем «слабым звеном», через которое могут реализовать планы по вытеснению Российской Федерации из региона и созданию или единого мусульманского государства, или некой мусульманской конфедерации².

Именно с целью предотвращения деструктивного варианта развития этнополитической ситуа-

¹ Главный научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии (Ставрополь) Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Право как социокультурное явление: состояние проблемы и перспективы решения», «Правопонимание: антропологические и социокультурные аспекты», «Модели социокультурных стратегий современного студенчества» (в соавт.), «Поселок-“призрак” — точка на карте Юга России» (в соавт.), «Поселок-“призрак”: образ прошлого в новых реалиях Юга России (опыт социологического анализа)» (в соавт.), «Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка» (в соавт.) и др. Региональный вице-президент Российского общества социологов. Член редколлегии журнала «Universum: общественные науки».

² Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе : эксперт. докл. / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН ; Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2013. С. 14.

ции в СКФО, обеспечения межэтнического согласия, а также артикулирования национально-государственных интересов России в отношении Северного Кавказа в 2014 году произошла реорганизация управления макрорегионом. Было создано Министерство РФ по делам Северного Кавказа, что привело к перераспределению функций полпредства в пользу административно-управленческой деятельности за счет экономической. Знаковым политико-управленческим событием стала ротация полномочного представителя Президента РФ в СКФО и назначение в мае 2014 года на эту должность командующего Объединенной группировкой войск по проведению контртеррористических операций на территории Северного Кавказа. Замена проектного менеджера А. Г. Хлопонина на силовика С. А. Меликова является косвенным признанием недостаточной результативности выбранной в 2010 году модели системного антиконфликтного менеджмента, ориентированного на радикальные изменения обстановки в полиэтничном регионе через масштабные преобразования в экономике. Хотя часть экспертов предупреждала, что регион, где постоянно происходят подрывы, диверсии, теракты, вводится режим контртеррористической операции, не может стать привлекательным для серьезных инвестиций и массового туризма¹.

Некоторые аналитики считают «реконструкцию управления» в СКФО после успешного завершения Олимпиады в Сочи оправданной², поскольку за счет активных и профессиональных действий силовиков, обеспечивавших безопасность во время проведения зимней Олимпиады и после ее окончания, удалось достичь относительного межнационального согласия и этнополитической стабильности в Северо-Кавказском регионе.

В складывающихся условиях перед новым полпредом и его командой стоят сложные задачи. Прежде всего ему предстоит обеспечить дальнейшее укрепление межэтнического согласия и развитие общегражданских элементов российского общества, его консолидацию и интеграцию на основе общероссийских ценностей с опорой на местные этнокультурные и конфессиональные организации, конструктивно настроенные и выступающие за сохранение Северного Кавказа в составе Российской Федерации, противодействующие радикализации традиционных верований и практик — Ставропольскую и Невинномысскую митрополии РПЦ, Пятигорскую и Черкесскую епархии, Координационный центр мусульман Северного Кавказа и др. Кроме того, важно продолжить формирование новых акторов политико-управленческого слоя, состоящего из представителей этнополитической элиты ре-

спублик Северного Кавказа, отличающихся российским государственно-патриотическим мышлением; новых институтов управления, особенно в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений; повышение качества деятельности правоохранительных органов и прокуратуры с целью нейтрализации экстремистских и иных криминальных группировок, обеспечения правопорядка и законности.

Однако поддержание межнационального согласия в Северо-Кавказском регионе осложняется не только и, может быть, даже не столько отъездом добровольцев в ИГ, сколько *возвращением воевавших боевиков обратно на Северный Кавказ*. Ведь в «нужный момент» они могут быть использованы для подготовки или непосредственного совершения терактов на территории СКФО, что неизбежно приведет к резкому возрастанию межэтнической напряженности. Именно поэтому полпред Президента РФ в СКФО С. Меликов заявил, что усилия силовиков направлены на недопущение возвращения в Россию боевиков, которые могут пополнить ряды местных бандгрупп³.

Таким образом, геополитический фактор с точки зрения его негативного влияния на этнополитическую ситуацию в Северо-Кавказском макрорегионе становится все более значимым. Это означает, что власти необходимо активно и последовательно концентрировать усилия на снижении остроты внешнеполитических угроз, на противодействии разыгрыванию «исламской этнополитической и геополитической карты» при организации диалога со всеми конструктивными силами, признающими суверенное право России на обладание Северным Кавказом. Однако важно помнить, что Северный Кавказ никогда не был единым цивилизационным регионом. Все очарование Кавказа — в его многоликости: и культурной, и религиозной, и языковой. Вся региональная история учит тому, что Северный Кавказ многолик и разнообразен. В этом есть и трудности, и политическая сила. Необходимы переосмысление федеральным центром этнополитической, социально-экономической, этноконфессиональной ситуаций на Северном Кавказе, модернизация политических технологий с целью обеспечения в СКФО российских национально-государственных интересов. Также важна реализация трансрегиональных проектов, связывающих северокавказские республики между собой, объединяющих СКФО с другими российскими макрорегионами, на основе доверия и открытости, уважения и готовности понять друг друга. Все это и может стать фундаментом для межнационального согласия и этнополитической стабильности в Северо-Кавказском полиэтничном макрорегионе.

¹ Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / В. А. Авксентьев [и др.] ; под ред. Г. Г. Матишова, Н. И. Голубевой, В. А. Авксентьева. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 363–371.

² Состояние межнациональных отношений и религиозная ситуация в СКФО : эксперт. докл. / под ред. В. А. Тишкова. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2014. С. 5–7.

³ Выходцы с Кавказа воюют на стороне ИГИЛ // Ставрополье. tv. 2015. 27 марта. URL: <http://www.stavropolye.tv/state/view/80236>

Г. В. Драч¹

ЭТНОС (НАЦИЯ) В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Современное состояние вынесенной в заголовок проблемы характеризует не только широкий круг работ, но и обсуждения, происходящие как в федеральных, так и региональных центрах России. Введением в проблему может послужить известная работа Энтона Смита «Национализм и модернизм», переносица читателя в центр современных дискуссий о национализме [8]. Но серьезные основания для теоретических размышлений по обозначенной теме содержит и классическая работа Л. Гумилева «Этногенез и биосфера земли» [3]. Недавние обсуждения этнической (национальной) проблематики, состоявшиеся в Сухуми [5] и Грозном [6], создают проблемное единство, о содержании и специфике которого стоит поговорить. Исходным может выступить замечание Б. И. Пружинина: «...Важно было бы поговорить прежде всего о рефлексивном уяснении тех оснований, которые позволяют человеку воспринимать себя как представителя определенного этноса... о том, как возможно ясное критическое сознание своей этнической принадлежности и что нужно и можно сделать, чтобы сформировать ясное рациональное осознание индивидом и социумом опыта этнического самосохранения» [5, с. 5].

Оговоримся, что мы разделяем органицистское понимание нации как модификации и продолжения развития этноса. Нация в определяющей степени представляет собой результат трансформации этноса в процессе исторического развития. Другое дело, что такого рода процессы происходят в определенной природной среде и при взаимодействии с другими этносами. Исторические процессы resultируются в межэтнических взаимодействиях, приводящих к образованию племенных союзов и государств. Понятно, что одни этносы играют в этих процессах доминирующую роль, другие — подчиненную, результатом становится образование государства, но когда этнос становится нацией? Обычно это явление относят к эпохе буржуазных революций, когда территориальная общность и компактность проживания перестают быть определяющими и им на смену приходят политико-правовая общность и политические, выдаваемые за национальные, интересы. Государство же, защищающее эти интересы, становится национальным. Суперэтнос и полиэтнические образования могут послужить также фундаментом цивилизационного развития. Важно, что определяющим онтологическим фактором в этом случае выступают этнические ценности, его сакральное ядро (язык и вера) и т. д. Различия этносов, умноженные цивилизационными особенностями, приводят к конфликту цивили-

заций, как писал С. Хантингтон. Привести мир к единообразию и «концу истории» оказалось невозможным

Понятия «глобализация», «глобализирующийся мир», с одной стороны, расширяют наши представления о пространстве взаимодействующих этносов, наций и цивилизаций (макроуровень), а с другой — конкретизируют рассмотрение глобализационных воздействий на них в повседневной среде, семейных отношениях и т. д. (микроуровень). На макроуровне исследуются процессы межкультурной коммуникации, на микроуровне — механизмы регуляции поведения и адаптации личности, миметические и шире — культурные практики в различных типах обществ. Культура выступает внебиологически выработанной системой значений и смыслов, которые нормируют коллективное поведение и становление индивида. По сути, они поддерживают чувство коллективной солидарности, цементирующее человеческое сообщество на всех этапах его исторического развития (идеи французской социальной антропологии, идущие от Леви-Строса и Марселя Мосса). Культура возвращает человеку утраченное на долгом историческом пути единство и солидарность, форматируя коммуникацию прежде всего как национальную. Через коммуникацию культура усваивается, модифицируется и изменяется от поколения к поколению, сохраняя нацию. Культурологическое видение этноса (нации) позволяет поставить вопросы коммуникации, личности, морального выбора, онтологической безопасности.

Если говорить о макроуровне — глобализации, этнокультурном (многонациональном) мире в условиях глобализации, то И. А. Гобозов, например, характеризует глобализацию как «нарушение естественного исторического процесса», насильственно навязанное человечеству Западом [2]. А. Н. Чумаков же подчеркивает объективность глобализационных процессов [9]. Невозможно не заметить, что глобализацию не останавливают национальные границы, она подчиняет национальные экономики господству транснациональных корпораций и унифицирует национальные культуры. В то же время важнейшие процессы глобализации, рассматриваемые в этнокультурных измерениях, выдвигают этнос (нацию) как микромир и средоточие глобальных проблем. В. Н. Бадмаев отмечает: «Каждая точка в глобально-цивилизационном пространстве... в любой момент может быстро превратиться в мировой центр глобально-сетевое развитие. И также стремительно исчезнуть» [6, с. 48]. Локальное — этнос (нация) и глобальное — цивилизация оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми.

В этой взаимосвязи и взаимозависимости определяющими, на наш взгляд, выступают процессы, происходящие на микроуровне. Глобализация унифицирует, стандартизирует и примитивизирует социальный мир. Часто говорят о «насилии глобализма» и господстве массовой культуры. Самые малочисленные этносы, глубоко чтущие и сохраняющие свои традиции, под-

¹ Профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч.: «Сущность и особенности духовной культуры», «Идея культурологии: традиции, наука, образование», «Античная парадигма науки: Аристотель», «Парадокс Сократа», «Культурология: краткий тематический словарь», «История мировой культуры», «Культурология» (в соавт.) и др. Вице-президент Российского философского общества.

чиняются ей и уступают. Глобализация влияет на город и село, разрушая привычный уклад жизни и реанимируя тем самым архаические культурные нормы, например, в далеком дагестанском селе так называемое «престижное потребление», характерное для социально дифференцирующегося гомеровского мира [6, с. 263–268]. Вопрос состоит в том, в какой степени такого рода процессы влияют на этническое (национальное) самосознание и тем самым на глобальные изменения человека и человечества. Прежде всего они ослабляют примордиальные связи, поскольку формируют новое информационное пространство, в котором становится невозможен существовавший ранее диалог (полилог) культур. Для жителя «мировой деревни» теряется особая роль этноса, нации, личности как творца и носителя культуры, становятся невоспроизводимыми рефлексивные основания национальной идентичности.

Каков же выход из создавшегося положения? Миметическое освоение культуры и сохранение существующих в традиционных культурах «практик тела» позволяет этносу войти в мировую коммуникацию, хотя размышления на эту тему, оговаривается К. Вульф, и выводят за пределы европейской культуры [1, с. 21]. Этнокультура (национальная культура), как особый тип экосоциальной системы, преодолевает последствия перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, а иногда и к постиндустриальному. Но при этом не могут не затрагиваться этнические ценности и установки, которые по-прежнему служат исходным материалом при формировании так называемых нормативных антропологий. Если европейские образы и ценности, определяющие восприятие окружающего мира и поведение человека, не являются таковыми для неевропейцев, то как влить старое культурно-антропологическое содержание в меха глобализации? Центральным звеном такого рода процессов выступает коммуникативная деятельность на индивидуальном и групповом, но достигающем гражданского, уровнях. Специфические формы общения в современном мире служат одновременно фактором глобальным и региональным, национальным и интернациональным.

Речь должна идти о том, на какой основе будет происходить консолидация общества и установление его социокультурных границ, что будет объявлено приоритетным. Видимо, в первую очередь надо учесть масштаб и скорость разрушения личности вне системы этнических констант, позволяющих учитывать антропологические границы воспроизводства личности, известные из этнологических исследований «перформативной» культуры и «практик тела», базовые ментальные установки, опирающиеся на ресурсы бессознательного, хранящегося в языке и образе (фольклоре, поэзии, литературе и музыке). Моральный выбор на основе традиционных ценностей делает возможным справедливый и равноправный культурный диалог народов с разной историей и культурой. Но здесь и возникает проблема политической (гражданской) равнооценности, которую поставил еще Платон. Профессиональные различия не отвергали у греков гражданского равенства. А этнические? Известно, что

в Афинах проживали не только греки, но и представители других этносов, так что иногда говорят об «античном мультикультурализме» [10]. Проблема состоит в том, что гражданские права имели только греки. Античная культура обнажает разрыв греков с традиционными культурами, можно говорить о моральном выборе и новой системе ценностей. Базовые из них — верховенство закона и личная свобода — предполагали отказ от тотальности мифа и родовой системы социальной стратификации.

Проблема, по нашему мнению, состоит в том, что традиционные культуры, которые оказались втянуты в мировой цивилизационный процесс, имеют совершенно иной исторический и культурный (этнический и национальный) опыт, чем тот, который лежит в основании развития Запада. При этом они не могут ни отказаться, ни противостоять современному образу жизни, принятому в развитых странах, в то время как сами они не имеют тех научных и технических достижений, которые гарантировали бы им успех в экономической гонке. В свое время М. К. Петров описывал ситуацию «двуязычия» мифа и разума, опираясь на исследования англичанина Дарта и индийца Прадхана и преимущества стран, использующих науку [7]. Но сегодня мир становится иным. Речь идет о модернизации традиционных культур и трансплантации науки в иную культурную среду. И ряд таких стран, как Япония, Китай, Индия, ставшие на путь модернизации, не отказываясь от традиционной культуры в пользу «транзитивной демократии», становятся лидерами современного экономического развития.

Рассмотрение особенностей этнокультуры сквозь призму античной культуры позволяет сделать выводы об особенностях вхождения этносов (наций) в современное пространство глобализации. В их случае развитие культуры может рассматриваться как гетерономный синтез взаимодействий индивида и общества при доминировании коллективистских установок и ценностей, а создание сферы социума как результат радикальных требований этического разума, что позволяет в настоящее время сохранить культурное и социальное бытие многонациональной России как государственное и благодаря этому — цивилизационное. С учетом данного обстоятельства на передний план выступает формирование гражданского сознания как общенационального, происходит позитивная трансформация этнокультур. Только в пространстве гражданского самосознания оказываются сохраненными традиционные культурные ценности, которые начинают превалировать над локальными этнокультурными различиями.

Будущее этносов многонациональной России определяется сегодня не столько политическими и административными воздействиями на носителей национального сознания, сколько рефлексивными процедурами самосознания, в основу которого должно быть положено осознание равных возможностей в формировании гражданского сообщества, которое не может строиться по идеальным моделям Запада. Исходное взаимоотношение микро- (тело, традиции, память) и макро-процессов (государство и глобализация) может быть построено на осознании путей и возможностей сохра-

нения этнической (национальной) безопасности и реализации адаптивных (инновационных) возможностей этноса к современным социальным и экономическим реалиям. Двуединство индивида и государства, декларируемое как «политическая равнооценность», проявляется со времен Античности. Однако культурные достижения греков, которые легли в основу европейского образования и науки и в конечном счете привели к достижениям и результатам европейской техногенной цивилизации, уникальны, копировать их (в частности, «транзитивную демократию») было бы непродуктивно. В современных условиях этносы выступают в качестве антропологического и этнического потенциала нации и многонационального государства, а сохранение этничности, системного единства и безопасности этносов — необходимой предпосылкой встраивания их в гражданское сообщество и формирования единого культурного пространства страны.

Литература

1. Вульф К. Антропология в глобализованном мире. На пути к новой антропологии / К. Вульф. — М. : ИДЕЯ-ПРЕСС, 2015. — 171 с.

2. Гобозов А. И. Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? / А. И. Гобозов. — М. : ЛИБРОКОМ, 2013. — 200 с.

3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли / Л. Н. Гумилев. — М., 1979. — 499 с.

4. Драч Г. В. Этнокультура в пространстве глобализации (обзор международного конгресса в Грозном) / Г. В. Драч // Вопросы философии. — 2015. — № 8. — С. 208–213.

5. Культурная идентичность малого народа в условиях глобализации : материалы круглого стола // Вопросы философии. — 2015. — № 8. — С. 5–27.

6. Пространство этноса в современном мире : материалы I Междунар. конгресса. — Грозный : Изд-во ЧГУ, 2014. — 447 с.

7. Петров М. К. Научно-техническая революция и философия / М. К. Петров // Историко-философские исследования. — М. : РОССПЭН, 1996. — С. 19–289.

8. Смит Э. Национализм и модернизм / Э. Смит. — М. : Праксис, 2004. — 458 с.

9. Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения / А. Н. Чумаков // Век глобализации. — 2014. — № 2 (14). — С. 39–51.

10. The Cultures within Greek Culture. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 285 p.

В. Ю. Дунаев¹

ГРАЖДАНСКИЙ И ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СТРУКТУРАХ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

В политической теории общепринятым является разделение национализма на гражданский (государственный), исходящий из понимания нации как политической общности или согражданства, и этнический (культурный), рассматривающий нацию как дополитическую данность. Идеально-типическая модель соотношения этих форм национализма в политической философии нелиберализма выстроена Юргеном Хабермасом.

Национальное государство воплощает в себе два гомогенизирующих политическое пространство и вместе с тем гетерогенных начала — республиканство и национализм, или гражданственность (политическую нацию как договорную территориально-государственную общность — Staatsnation) и народность (Volksnation — дополитическую коллективную идентичность, возникшую естественно-историческим путем на основании единства происхождения, культуры, языка, обычаев, традиций, национального духа — Volksgeist —

¹ Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч. индивидуальных и коллективных монографий: «Человек и социальное государство» (в соавт.), «Социальная политика: модели и стратегии» (в соавт.), «Онтологические основания социогуманитарной рефлексии», «Логическая структура и экзистенциальный смысл философской онтологии» (в соавт.), «Социоинженерные технологии в управлении трансформациями казахстанского социума» (в соавт.), «Социокультурное развитие Казахстана в условиях виртуализации информационно-коммуникативных практик» (в соавт.), «Философия познания: век XXI» (в соавт.) и др.

и существующую независимо от политического мнения и волеизъявления самих граждан). Согражданство как новый уровень юридически опосредованной солидарности граждан, вырванных из пут корпоративных общностей и традиционных коллективностей, вводит также новый тип легитимации политической власти, в отличие от династической и религиозной форм легитимности. Однако оборотной стороной могущества национального государства является напряженность отношений между особенным характером нации как культурной общности и всеобщим характером юридического сообщества. «Эта напряженность может быть снята при условии, что в ряду конституционных принципов демократии и прав человека приоритет будет принадлежать космополитическому пониманию нации как нации граждан, а не этноцентричной трактовке нации как дополитического единства»². Гражданский национализм апеллирует именно к политической нейтральности культурной идентичности. В этом случае республиканская идея будет ограничивать партикуляристские ценностные ориентации и структурировать социальное пространство согласно универсалистским моделям.

Таким образом, проводимое Ю. Хабермасом разделение либерально-демократической политической культуры и метафизического (ориентированного на истину и ценности) сознания устранивает национальное са-

² Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Нации и национализм. М., 2002. С. 371.

мосознание из легитимного политического процесса. Но Ю. Хабермаса смущает вопрос о том, не является ли такая политическая культура гражданской нации (и конституционный патриотизм как ее выражение) слишком тонкой нитью для скрепления сложных многосоставных обществ.

Формирование постнационального политического самосознания гражданского общества имеет и еще один внешний источник — глобализацию на основе неолиберальных стандартов и единого свободного рынка, — который ставит под угрозу не только суверенитет, но и само существование национального государства. Изоморфизм нации-государства мировому рынку выражается в феномене, обозначенном Ю. Хабермасом как денационализация национального государства. Транснациональные сети глобализации ставят государства в зависимость от процессов интернационализации мировых рынков. Национальным государствам не остается ничего другого, как приспособлять национальные экономические системы к требованиям мирового рынка, «не препятствовать дальнейшему высушению источников социальной солидарности»¹, что оборачивается, в частности, эрозией гражданства и ростом деклассированных элементов как балласта политического сообщества. Спасти республиканское наследие, по мнению Ю. Хабермаса, можно, только выйдя за пределы национального государства, приведя «свои способности к политическому действию в соответствие с глобализацией саморегулирующихся систем и сетей»².

А. С. Панарин выделяет три уровня эволюционной динамики: глобальный (цивилизационный), национальный (национально-государственный), племенной (этнический). Идеология глобализма вычеркивает средний термин силлогизма — государство-нацию, смыкая постиндустриализм с племенной архаикой. Разрушение среднего термина рождает логику взаимопревращения глобального в племенное. «Глобальная идеология прав человека и мораль “граждан мира” оказались вполне совместимыми с прорвавшимися наружу демонами племенной архаики, воспользовавшейся ослаблением национально-государственных структур классического модерна»³.

Рассуждения Ю. Хабермаса о коммуникативной рациональности и перекрещивающемся консенсусе как процедурах реализации демократии служат в конечном счете обоснованием стратегии построения нового мирового порядка, новой транснациональной системы глобального мироустройства. Из концепции Ю. Хабермаса логически следует сформулированное им положение, согласно которому «свою традиционную внешнюю политику государства лишь в том случае начнут согласовывать с императивами мировой внутренней политики, если всемирная организация сможет под собственным командованием применять вооруженные силы и осуществлять полицейские функции»⁴.

¹ Хабермас Ю. Европейское национальное государство... С. 378.

² Там же. С. 379.

³ Панарин А. С. Искушение глобализмом. М., 2000. С. 86.

⁴ Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб., 2001. С. 310–311.

По поводу этого положения Ю. Хабермаса А. С. Панарин указывает, что нельзя не отметить революционную методологическую новацию современного либерализма: «Оказывается, наряду с традиционной мировой политикой, субъектами которой выступают суверенные государства, существует еще и *мировая внутренняя политика*, где такой суверенитет не действует»⁵. Действительно, в некоторых концептуальных моделях миропорядка эпохи постмодерна постулируется возникновение нового типа политического суверенитета и его субъекта.

М. Хардтом и А. Негри американская модель суверенитета рассматривается как противоположность европейской модели национального государства. Этот суверенитет возникает из взаимодействия всей совокупности самоорганизующихся сил, объединенных в сети. В идее «империи свободы» Томаса Джефферсона, являющейся в то же время демократической республикой, власть выступает как процесс саморегуляции открытой диссипативной системы. Важнейшей особенностью такого понимания суверенитета является принцип экспансии, непрестанно отодвигаемого фронта как механизм преодоления внутренних ограничений. Соответственно такому устройству экстенсивного пространства было устроено и внутреннее, интенсивное, пространство нации как смешения, постоянной гибридизации, плавильного котла этносов. Новая нация не могла быть ничем иным, как продуктом управления смешанными идентичностями. Экспансионизм имманентной концепции суверенитета является включающим: расширяясь, этот суверенитет не аннексирует или уничтожает политическое пространство других государств, а включает их в сеть. В отличие от традиционного империализма, империя, понятая как открытое пространство универсальной республики, распространяет модель сетевой власти в международном масштабе, причем безразличную к характеру подвластных субъектов. Используя терминологию Ж. Делёза и Ф. Гваттари, можно сказать, что империя территоризуется в рифленом пространстве национальных государств как в гладком номадическом пространстве «машины войны».

«Империя» в геополитической модели Майкла Хардта и Антонио Негри есть принципиально новое качество мироустройства эпохи постмодерна, возникшее в результате слияния «государства» и «машины войны» Феликса Гваттари и Жюль Делёза. «Империя» в контексте постмодерна является сетевой (а не пространственной) структурой. Эта «империя» отнюдь не противоположна гражданскому обществу, но практически совпадает с ним. Она основана на абсолютизации либеральных ценностей и принципов, а отнюдь не на архаических системах иерархий. Империя занята масштабным производством легитимности в мировом масштабе, движимой собственной логикой структурирования тотальности через расширение консенсуса, поддерживающего ее власть, и относительно автономной по отношению к суверенным национальным государствам.

⁵ Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. С. 158.

Легитимация политического синтеза социального пространства осуществляется индустрией коммуникации имперской машины. «Это форма легитимации, которая основывается только на себе самой и непрерывно воспроизводится, развивая собственный язык самоподтверждения»¹. Поэтому коммуникативная рациональность как основа нового мирового порядка формируется не на основании кантовского публичного применения разума и механизмов делиберативной демократии, а в соответствии с ризоматической логикой сетевых структур. Имперская высокотехнологичная виртуальная машина сама себя легитимирует и воспроизводит, вырабатывая социальную ткань в лингвистическом производстве реальности, «непрестанно разрушая историю и идентичность в типично постмодернистской манере»², хотя при этом не уничтожая, вопреки Ж.-Ф. Лиотару, но воспроизводя идеологические метанарративы как язык собственной легитимации в унифицированном мире.

Моральное вмешательство, в том числе посредством деятельности разного рода неправительственных гуманитарных организаций — своего рода странствующих орденов «империи», становится передовым способом имперской интервенции. Такого рода вмешательство, осуществляемое «по инициативе снизу» и во имя справедливости, предваряет чрезвычайное положение, вводимое имперской властью, готовит сцену для военной интервенции.

М. Хардт и А. Негри полагают, что построение «империи» является шагом вперед (в том же смысле, в каком Маркс раскрывал превосходство капитализма над предшествующими формациями), что заставляет отказаться от любой политической стратегии, направ-

ленной на укрепление национального государства или поиск национальных и региональных очагов сопротивления господству глобального капитала. Предлагаемая же М. Хардтом и А. Негри позитивная программа борьбы с «империей» воспроизводит постмодернистские установки интеллектуального номадизма: «...борьба против рабской принадлежности к нации, к идентичности, к народу и потому бегство от суверенитета и ограничений, налагаемых им на субъективность, полностью позитивны. Номадизм и смешение народов оказываются здесь образцами добродетели, первыми этическими практиками на территории империи»³. Вместо славословий в адрес локального нужно разрушить стены, формируемые нацией, этничностью, расами, препятствующие циркуляции и смешению; следует напрямую связать локальное с глобальным, дабы учредить конкретную всеобщность пространства сингулярного номадизма и вавилонского смешения народов. Как видно, гражданская и этнокультурная нации удаляются со всемирно-исторической сцены не только «империей», но и ее альтернативой в виде постмодернистской политики различия.

Однополярный мир (глобальный рынок как свободное от протекционизма туземных экономик перераспределение ресурсов мировой империей) сводит к исчезающей малой величине суверенитет государств, отстаивающих свои национальные интересы. Соответственно, как это ни парадоксально, именно государственный национализм (а не мультикультурализм как политика поощрения культурного многообразия) становится формой реального сопротивления проектам гомогенизации мира, нового имперского порядка планетарного космополитизма.

Т. И. Ерохина⁴

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ: PRO ET CONTRA⁵

Осмысление национальных стереотипов в условиях глобализации и интеграции, взаимодействия и взаимовлияния национальных культур, развития межкультурной коммуникации и миграционных процессов не только актуально, но и онтологически зна-

¹ Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. С. 45.

² Там же.

³ Там же. С. 336.

⁴ Проректор по учебной работе Ярославского государственного театрального института, заведующая кафедрой культурологии Ярославского государственного педагогического университета, доктор культурологии, профессор. Автор более 130 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Личность и текст в культуре русского символизма», «Коды массовой культуры» (в соавт.), «Российский дискурс массовой культуры: эстетические практики и художественный образ» (в соавт.), «Культурфилософское обоснование трансформации российского опыта в контексте взаимодействия глобального и локального» (в соавт.). Член Союза театральных деятелей России. Награждена почетной грамотой Министерства образования и науки РФ.

⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант № 14-18-01833 «Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс».

чимо для современной социокультурной ситуации. Террористические угрозы, развитие национализма и шовинизма, реально происходящее и подчас провокативно инспирируемое обострение национального вопроса, который, с одной стороны, становится естественной ответной реакцией на геополитические вызовы, а с другой — оборачивается войнами и насилием на национальной почве, обуславливают необходимость изучения национальных стереотипов в междисциплинарной парадигме. Таким образом, национальные стереотипы становятся предметом исследования философии и социологии, психологии и педагогики, политологии и культурологии.

В этом контексте осмысление функций и роли национальных стереотипов в современной массовой культуре обусловлено рядом дополнительных причин. Во-первых, актуализация национальных стереотипов прямо пропорциональна распространению вне-национальной и транснациональной массовых культур. Во-вторых, природа массовой культуры оказывается

близкой природе бытования национальных стереотипов, поскольку тяготеет к стереотипизации и клишированию, а также к воспроизведению архетипов, среди которых национальное, понимаемое в соотношении с коллективным бессознательным и культурной памятью, становится своего рода маркером «своего» и «чужого». В-третьих, массовая культура, как и национальные стереотипы, имеет достаточно устойчивый (в своей «воспроизводимости») и тяготением к стабильности) и эмоционально выраженный (в восприятии и оценке) характер, что также позволяет обнаружить определенную взаимосвязь и взаимозависимость функционирования массовой культуры и репрезентации национальных стереотипов. В-четвертых, значимость осмысления национальных стереотипов в контексте массовой культуры определена и тем, что все чаще национальные стереотипы коррелируют с пониманием национальной идентичности и именно массовая культура становится фактором формирования и репрезентации национальных стереотипов.

Дефиниция «национальный стереотип» в современном гуманитарном знании представлена в различных теоретических аспектах: как этнический и этнокультурный стереотип, дискурс, конструкт, часть ментальности, «элемент обыденного сознания» (И. Кон), «относительно устойчивый в сознании, эмоционально окрашенный образ этнической группы или ее представителей»¹, предрасположение и т. д. Не останавливаясь на содержательном аспекте национального стереотипа, поскольку в массовой культуре так или иначе востребованы все указанные выше коннотации, обратим внимание на то, что содержание национального стереотипа априори отличается двойственностью, противоречивостью, амбивалентностью.

Как всякий стереотип, он имеет негативную функцию — упрощает и схематизирует образ нации, закрепляется в культурной памяти на идеологическом и эмоциональном уровнях, что, как правило, способствует формированию субъективной оценки, ограничивает сферу общения между представителями разных культур, в том числе формирует образ врага. Безусловно, подобный негативный аспект национальных стереотипов характерен прежде всего для гетеростереотипов, моделирующих образ «другой» нации. Положительная функция национальных стереотипов производна от негативной: национальные стереотипы способствуют формированию национальной идентичности, отражают механизмы преемственности, способствуют формированию «мест» культурной памяти, являются основанием межкультурной адаптации и мотивации поведения, имеют познавательную и прагматическую составляющие — эти и другие положительные смыслы национальных стереотипов представлены в первую очередь в автостереотипах нации.

Современная массовая культура актуализирует и негативный, и позитивный аспекты национальных стереотипов, которые наиболее ярко представлены в рекламе, кинематографе и средствах массовой информации (на телевидении).

¹ Гурьева С. Д. Межэтнические отношения и конфликт. СПб., 2009. С. 63.

Национальные стереотипы в рекламе неоднократно становились предметом пристального изучения, поскольку рекламный продукт в его национальном дискурсе не только отражает специфику авто- и гетеростереотипов, но и имеет маркетинговую составляющую. Отметим, что национальные стереотипы в рекламе (наряду с гендерными) являются наиболее востребованными и наделяются рядом функций: они апеллируют к культурной памяти, актуализируя определенные исторические эпохи и круг исторических личностей («пантеон легендарных предков»²). При этом показательным и парадоксальным является то, что национальные стереотипы, представленные в отечественной рекламе и воспринимаемые априори позитивно, практически ничем не отличаются от стереотипов, которые можно обнаружить как в рекламных роликах зарубежных производителей, адресуемых российскому зрителю, так и в рекламных текстах, обращенных к зарубежному зрителю, где отдельные черты русской ментальности скорее оцениваются негативно или иронично (концепты державной власти, старинного быта, фольклорные образы, исторические личности)³. К этому ряду необходимо добавить ставшие популярными образы и персонажи советской эпохи, вызывающие ностальгию у отечественного потребителя и более «зловещие» воспоминания — у зарубежных зрителей (образ советского солдата, красный флаг/цвет, хор Красной армии и т. д.). Парадоксально и одновременно характерно, что те позитивные маркеры, которые оказываются востребованными в национальных стереотипах отечественной массовой культуры, играют прямо противоположную роль в зарубежной рекламе. В связи с этим особенно показательны социальные ролики, в которых неожиданным образом представлены маркеры национальных стереотипов (например, ролики правозащитников “Amnesty International” 2010 г., по-новому интерпретирующие символику матрешки). Безусловно, зарубежная реклама не столь активно обращается к историческому контексту русской культуры, в силу того что он не слишком хорошо известен зарубежному зрителю, поэтому чаще всего востребованными оказываются вневременные стереотипы: матрешки, медведи, водка, олигархи, балалайки и автоматы Калашникова. Впрочем, отметим, что и отечественная реклама (за редким исключением) обращается к нешаблонным национальным стереотипам (надолго запомнившимся зрителям исключением стала серия рекламных материалов банка «Империал» режиссера Т. Бекмамбетова, ставшего одним из самых успешных в современном кинематографе).

Национальные стереотипы также представлены в современном отечественном кинематографе на уровне актуализации наиболее российских тем, которые в контексте формирования национальной идентичности можно обозначить как патриотические. Это идео-

² Николаева Е. В. Исторические символы в российском рекламном дискурсе как конструкты национальной идентичности // Семнозис и культура : сб. науч. ст. / под общ. ред. И. Е. Фадеевой. Сыктывкар, 2006. Вып. 2. С. 237.

³ См.: Шарафадина К. И. Концепт национальной идентичности «русское» в современном рекламном дискурсе. URL: http://www.lhachev.ru/pic/site/files/lihcht/2015_Sbornik/2015_Dokladi/2015_sec2_042.pdf

логизированные фильмы, которые способствуют формированию национальной идентичности, обращаясь к своего рода «сакральным», мифологизированным стереотипам, что прежде всего нашло отражение в выборе тем: Великая Отечественная война, космос и спорт. Великая Отечественная война — одно из самых знаковых событий в истории России, которое оценивается позитивно всеми поколениями россиян. Война становится элементом национальной идентификации, некой точкой отсчета. В связи с этим показательно, что тема Великой Отечественной войны — наиболее эксплуатируемая как в кинематографе на большом экране («Мы из будущего», «Мы из будущего-2», «Брестская крепость», «Сталинград», «Битва за Севастополь», «Дорога на Берлин» и др.), так и в телесериалах («Разведчицы», «Жизнь и судьба», «Ночные ласточки» и др.). Не менее популярны отечественные фильмы и сериалы о спорте («Легенда № 17», «Чемпионы», «Фетисов», телесериал «Молодежка») и космосе («Гагарин»). Отметим также, что еще одной востребованной темой, как и в рекламе, стала тема советского прошлого («Восьмидесятые», «Стиляги» «Черная молния», «Оттепель» и др.). Национальные стереотипы, данные в патриотическом ракурсе, позволяют выстроить иерархию ценностей, которые однозначно интерпретируют понятия добра и зла, предлагают маркеры советской действительности, способствуют сакрализации вариантов национальной идеи.

В зарубежном кинематографе можно выделить две тенденции обращения к национальным стереотипам. Первая — экранизация русской классики, которая, как правило, осторожно воспринимается российским зрителем, «не узнающим» себя в воспроизводимых якобы национальных стереотипах (телесериал по мотивам одноименного романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», Джулиан Джаррольд, 2002 г.; мини-сериал по мотивам одноименного романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго», Джакомо Кампиотти, 2002 г.; «Анна Каренина», Джо Райт, 2012 г.). Вторая — образы русских в зарубежном кинематографе, которые вызывают, как правило, негативную реакцию российских зрителей, поскольку предлагают чаще всего столь же негативную (или неоднозначную) трактовку черт российской ментальности (наиболее показателен образ русского космонавта в фильме «Армагеддон», в котором акмулированы вышеназванные патриотические идеи: перед нами русский космонавт в майке с красной звездой и надписью «СССР»).

Особую роль в формировании и распространении национальных стереотипов играют средства массовой информации, прежде всего телевидение. Не останавливаясь на особенностях информационной войны как средства пропаганды и манипуляции, обратим внимание на то, что содержание и функции национальных стереотипов на российском телевидении практически не меняются: национальные стереотипы по-прежнему имеют познавательную составляющую, которая наиболее явно востребована в серии телепередач о культуре, обычаях, нравах, ментальности, истории разных народов («Непутевые заметки», «Вокруг света», «Их нравы», «Орел и решка» и др.); эмоциональную со-

ставляющую, которая представлена в оценках и, как правило, актуализирует именно те черты демонстрируемого национального характера, которые вызывают любопытство, удивление, неприятие, то есть наиболее яркий эмоциональный отклик; прагматическую составляющую, которая способствует формированию идеологической и политической позиции и национальной идентичности (в связи с этим наиболее показательны новостные сюжеты о Крыме и Украине, позволяющие реализовать эмоциональную и прагматическую функции национальных стереотипов, а также сюжеты о мигрантах в Германии, Франции, Турции и т. д.). Отметим, что история развития СМИ (не только в отечественной, но и в зарубежной практике) содержит яркие примеры формирования образа врага посредством актуализации национальных стереотипов, которые приобрели демонические черты: образ тоталитарного правителя, коррумпированной государственной системы, неприятия демократии, нарушения прав личности, ограничения свободы слова и т. д.

Таким образом, в обозначенной нами системе работы с национальными стереотипами «pro et contra» содержится не только попытка осмыслить роль национальных стереотипов в развитии современной культуры и решении межнациональных конфликтов, но и обозначение изначальной, «природной», амбивалентности самих национальных стереотипов.

Анализ культурных практик, динамики воплощения национальных стереотипов в изучаемых сферах позволяет выделить ряд теоретических проблем, которые происходят, казалось бы, из локальной проблемы национальных стереотипов.

Национальные стереотипы присущи не только массовому сознанию, но и индивидуальному. И если стереотипы массового сознания являются устойчивыми, консервативными, мифологизированными, практически не поддающимися изменению, существующими уже вне времени и пространства на уровне мифа, символа, знака, то индивидуальные стереотипы (стереотипы мышления) формируются стихийно, «в процессе межкультурной коммуникации, межнациональных столкновений, с помощью средств массовой коммуникации»¹.

Нивелировать негативную составляющую национальных стереотипов (особенно гетеростереотипов) практически невозможно и, по-видимому, не нужно, поскольку именно национальный стереотип позволяет выстроить необходимую в культуре бинарную оппозицию «свое—чужое». В связи с этим дискуссионным является утверждение Т. Адорно, что национальный стереотип — предрассудок, предубеждение. Вместе с тем нельзя недооценивать роль национальных стереотипов, в том числе автостереотипов, поскольку их отрицание может привести к утрате основ национальной идентичности, самобытности, преемственности в культуре.

Национальные стереотипы могут способствовать консолидации нации и росту национального самосознания. Главная опасность, которая содержится в противопоставлении негативных и позитивных оценок

¹ Ильюшкин В. В. Роль национальных стереотипов в межнациональном взаимодействии // International scientific review. 2015. Fasc. 5 (6). URL: <http://cyberleninka.ru/>

роли и места национальных стереотипов, заключается в потере динамического равновесия, баланса “pro” и “contra”. В ситуации, когда различия между авто- и гетеростереотипами начинают доминировать и утрачивается здоровое понимание относительности стереотипов в культуре, национальный стереотип становится

враждебной психологической установкой, ведущей к дискриминации и шовинизму, непреодолимым предубеждением, вызывающим национальную рознь и конфликты, поскольку а также очередной националистский миф, формирует комплекс «обиженной нации» или миф о националистской угрозе.

О. П. Зубец¹

ФИЛОСОФИЯ В «СЕРОЙ ЗОНЕ»

Философское обращение к понятиям «нация» и «национализм» более не может ориентироваться только на задачу теоретического *описания* некоторой эмпирической реальности, наличия в человеческом мире этнических различий, национальных образований и наций, после того как националистическая идея стала мировоззренческим стержнем нацизма. Трагедия Аушвица опиралась на широкий спектр аргументов, которые претендовали на научную доказательность и философскую основательность, более того, она была порождена многими признанными достижениями человеческой цивилизации, в том числе духовными. Философия оказалась втянута в эту воронку истории, а осознание ею своей ответственности стало определяющим в критическом видении самой себя и традиционных идей, среди которых — описание человека и общества с помощью понятия «национальность».

После того как открылись ужасы нацистских лагерей, потрясенные мыслители дали на них единственно возможный ответ, сказав, что мир после Аушвица не может оставаться таким, каким был до него. Это означало, что в существовании Аушвица виновны не только те, кто непосредственно задумал и осуществил эту трагедию, но также мир, в котором она оказалась возможной. Так возникла тема «После Аушвица», в рамках которой необходимо рассмотреть вопрос о том, какую роль сыграла философия в самой страшной трагедии современности, непосредственно связанной с национализмом и понятием нации. В силу того что философия не описывает мир в качестве объекта научного исследования, но ставит вопрос о его бытии, которое задает или лишает оснований, она не может рассматривать вопрос о нации и национализме вне трагедии Холокоста. Философия не может оставаться прежней «после Аушвица», как и социология, история, религия, теология и любые формы осознания человеком самого себя. Иными словами, философия «после Аушвица» мыслит иначе и мир (в том числе и прежде всего в его национальной многокачественности), и саму себя (как принадлежащую этому миру). Речь

идет о том, что понятие национальности более не может мыслиться не столько вне опыта Аушвица как исторического факта, сколько — и это главное — вне стремления ценностно преодолеть радикальное зло (Х. Арндт).

Осознание себя в духовно-интеллектуальном пространстве «после Аушвица» стало сквозной темой многих выдающихся мыслителей: К. Ясперса, Т. Адорно, Ж.-П. Сартра, Х. Арндт, З. Баумана, Дж. Агамбена; под сомнение поставлены наиболее фундаментальные положения и приоритеты, ценности Просвещения, исходные этические идеи, оценка цивилизации, культуры и человека как такового. На смену самообольщению, доминированию радостно-просветленной и позитивной оценки человека как носителя блага, добродетели приходит убеждение, которое выразила Ханна Арндт: «Мне стыдно, что я человек». Кардинальность изменения заключается в том, что подорвано доверие не к отдельным человеческим проявлениям, но к человеческому началу как таковому. Можно ли после Аушвица в прежней интеллектуальной тональности говорить о цивилизации, культуре, морали, праве?! И можно ли говорить в нововременном позитивном ключе о нации и национальности, использовать эти понятия в их прежнем научно-социологическом содержании, когда за ними тянется кровавый след, все более углубляющийся геноцидами и погромами последнего времени?!

Понятие «серой зоны» было введено Примо Леви в его книге «Канувшие и спасенные» и означает стертость нравственных границ и определений, территорию двойственности, всеобщего соучастия в зле, так же как и отсутствие права выживших судить погибших. Расширив это понятие, можно сказать, что соучастниками Аушвица были не только члены зондеркоманды или капо, но и люди, отделенные от них и пространством, и временем: ученые, инженеры, мыслители, творцы той цивилизации, которая привела к Аушвицу, причем не в результате некой случайности или ошибки. Именно в этом смысле можно говорить о соучастии философии, ее попадании в «серую зону». Рассмотрим некоторые (лишь немногие) философские идеи — соучастники Аушвица, которые как минимум сопутствовали тому, чтобы узники становились членами зондеркоманды.

1. Идея предпочтения хорошей жизни по сравнению с жизнью как таковой, их ценностной неравнозначности была высказана в Античности и имела характер очевидной истины. Непосредственно с ней свя-

¹ Старший научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, кандидат философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Мораль: разнообразие понятий и смыслов», «Предпочтение жизни самого себя», «Об одном месте из “Никомаховой этики”», «От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте», «Ложь как самоустранение», «Аристократизм как основание поступания», «Динамика нравственной жизни. Ценностное сознание и социальное время», «Возраст: особенности нравственной жизни», «Ответственность за все», «Этический проект Абду-салама Гусейнова» и др.

заны и две другие ценностно несоизмеримые пары: жизни живого существа и жизни человеческой, то есть полисной и владеющей речью, а также жизни хорошей (добродетельной) и дурной. Все эти ценностные оппозиции в конечном счете допускают мысль или создают предпосылку для мысли о членении человеческой жизни на ту, которую следует поддерживать, за которую стоит бороться и беречь, и другую, которая всего этого не заслуживает и, более того, должна быть прервана. В «Горгии» Сократ говорит, что «человеку нецелесообразно жить с плохим телом, ибо в таком случае неизбежно и жить плохо» (Gorg. 505a2–3); «порочному человеку лучше не жить, ибо он по необходимости будет жить плохо» (Gorg. 512b2). Для Платона «меньшее же [зло], если такой (порочный, но обладающий неморальными благами. — О. З.) человек останется живым как можно более короткое время» (Leg. 661c5). Совокупность данных идей задает некие мыслительные условия, с одной стороны, допускающие моральную санкцию убийства порочного человека, а с другой — лишает санкции чистое стремление к сохранению жизни, пусть и в ее животном качестве. Кроме того, они обуславливают возможность градации, дифференциации жизни по ее моральному качеству, проще говоря, деление людей на добродетельных и порочных.

Эти идеи явно и неявно связаны с трагедией Аушвица, которая, в свою очередь, ставит их под фундаментальное сомнение. (Состояние узников Аушвица, называвшихся мусульманами, было таково, что к ним уже неприменимы никакие определения человеческой жизни, тем более в ее моральном качестве. Означало ли это, что философия санкционировала их быстрейшую гибель?!)

Нацисты провозглашали идею совершенного общества и делили человеческую жизнь на достойную и недостойную: последнюю следовало дистанцировать, а при невозможности этого — уничтожить (З. Бауман). Лишь трусливый самообман отказывается увидеть связь этой идеологии и практики с теми идеями, которые лежали в основе философской этики и до сих пор не осмыслены критически.

Философское осмысление границы человеческого, помимо задания оснований человеческого, было связано с различением человека и нечеловека (зверя, бога, женщины, раба, чужеземца и т. п.): в сущности, любое качественное определение человека (даже если оно содержит моральные критерии) является основанием для отношения к другому существу как к недочеловеку. Можно сказать, что любое определение специфики человека чревато убийством («решением вопроса», «гигиеническим мероприятием», «борьбой с вирусом человечества», «очищением» и т. п.). Единственное определение человека, практически не сформулированное в истории философии, — как «существа неубиваемого», что свидетельствует о том, что к решению этой мыслительной задачи философия подходила научно, то есть пыталась раскрыть сущность эмпирически данной реальности. В результате она санкционировала то, что с ходом истории признавалось недопустимым (в этом смысле обвинения, адресованные Аристотелю в связи с его оценкой рабства и женщин, в не меньшей

степени могут быть обращены к любому, в том числе современному, мыслителю, проводящему границу между человеком и недочеловеком).

Философия в своих определениях человека (как существа политического и обладающего речью, а позднее — как социального существа) формулирует исключение животной жизни как таковой, ее преодоление как задачу, как суть государства и общественной жизни (Дж. Агамбен).

2. Философия «изобрела» понятие человека вообще, абстрактного человека (философия не могла обойтись без него), но, как отмечает З. Бауман, именно это понятие позволило оперировать идеей «абстрактного еврея» («абстрактного армянина, курда, китайца, кавказца и т. п.»), представить которого вредоносным вирусом, олицетворением зла намного проще, чем конкретного человека, так называемого «одного знакомого еврея, хорошего человека».

3. Идея о том, что сущность человека предшествует его существованию, видится З. Бауману как основание расизма. В «Актуальности Холокоста» он пишет: «Человек существует до того, как он начал действовать. Ничто из того, что он делает, не может изменить его сущность. В общих чертах это и есть философская сущность расизма»¹. Узники Аушвица столкнулись с тем, что отсутствовала какая-либо связь между их судьбой и поступками: в газовую камеру были отправлены и борцы с нацизмом, и сотрудничавшие с ним. Возможно, известный тезис Сартра о том, что существование человека предшествует его сущности, является реакцией на трагедию Холокоста.

4. Идеи расы, этноса, национальности принадлежат пониманию человека как эмпирического, то есть полностью детерминированного, существа. Его национальное качество предзадано ему, оно немислимо как результат выбора или поступка. Поэтому это то, что можно только искоренить, но не исправить (З. Бауман). Философская подмена субъекта (лишенного каких-либо определений) личностью в ее социально-природной определенности привела к кажущейся неустранимости качественных градаций и делений людей.

5. Х. Арендт замечает, что десять заповедей запрещают убийство в числе прочих проступков, которые, на наш взгляд, не могут по тяжести преступления сравняться с ним. Тем не менее моральная философия настойчиво принимает и декалог, и Нагорную проповедь в качестве исходных, не разводя имеющие абсолютный смысл запреты, очерчивающие границу человеческого бытия (а к таким можно отнести запрет на убийство и ложь), и запреты, которые возможно преступать много раз, прощать, увековечивать раскаянием и т. п. В результате убийство и ложь оказываются в ряду ситуативных грехов, своего рода средств, оправдываемых благими целями.

6. Понимание морали как формы социальности человека (формы ценностно-нормативной регуляции), превращение объекта этического рассмотрения в эмпирическое социально-психологическое явление, отказ от идеи абсолютности морального субъекта и противопоставленности морали эмпирической реально-

¹ Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 81.

сти, морализация технологий, подмена самодостаточности поступка его результатом, обоснование идеи выбора меньшего зла, ситуативное рассмотрение допустимости насилия и лжи — все эти «достижения» этики можно считать прямыми соучастниками Аушвица. Особо задействованы подмена моральной ответственности правовой и ее гносеологизация. Доминирующее в этике ситуативное обоснование права на убийство и ложь ради высшего блага (а Аушвиц, как и все злодеяния, совершается именно «ради блага человечества») является саморазоблачением. Более того, есть основания думать, что сама идея иерархии ценностей опасна и спекулятивна, как опасна любая иерархизация и дифференциация людей через понятия, классификации, определения (пол, возраст, национальность, вероисповедание и т. д.). В Аушвице критерий отбора людей в газовую камеру постоянно менялся: это мог быть рост, длина прыжка и случайный взгляд — сама значимость была подвергнута полному разрушению.

7. Многие мыслители указывают на то, что Аушвиц — прямое порождение идеалов Просвещения, культа разума, науки и инженерного подхода к обществу. Одним из важнейших его оснований является то, что вопрос об убийстве был отдан в ведение человеческого разума, на его усмотрение. То есть в его ведении оказалось то, что предшествует самому разуму, рассудительности, познанию, является условием их возможности. Вопрос о жизни человека был отдан на откуп разуму таким образом, как если бы он был результатом, выводом, одним из возможных выводов разума в качестве обслуживающего нужды эмпирического существования, выводом ситуативного, инструментального разума.

8. Виновата ли философия в своих отдельных идеях или в самом своем существовании? Известно высказывание Х. Арндт о том, что мышление всегда опасно. Оно разрушает любую идею, подвергает сомнению любую норму, никогда не останавливается на позитивном ответе. Но отсутствие мышления еще опас-

нее, так как означает отсутствие субъекта: именно отсутствующая субъектность сотворила Аушвиц. Ничто и никто не может поставить мышлению границу, нормировать его, так же как это невозможно и в отношении философии как самодостаточного мышления. Но между мышлением и поступком — особые отношения: мышление в своей предельности является поступком в силу субъектности, а в качестве поступка оно есть авторское дело, то, на что человек решает-ся и от чего может отречься. Человек не волен выбирать мысль, но он может отказать ей, не принять ее и тем более опровергнуть ее поступком деяния (несовершения) и речи (непроговаривания), подобно тому как Сократ дает ответ на рассуждение о допустимости лжи тем, что сам не лжет. В любом случае философия не может не задаться вопросом, как мыслить дальше, после Аушвица, вопросом о собственных основаниях. И единственным ответом видится осознание разумом собственных границ, то есть абсолютное выведение из сферы его ведения решения об убийстве, признании того, что запрет на убийство является не выводом разума, а его условием.

Даже если идея о хорошей жизни включает запрет на убийство, сама она означает меньшую ценность жизни. Только абсолютность запрета, независимость его от ценностных дифференциаций и качественных различий людей преодолевают их разрушительность, защищают живое существо от морального. Если в Аушвице соучаствовало все, что считалось высшим достижением человеческого разума, духа, морали, то единственным ответом может быть абсолютная автономия вопроса об убийстве от этих высших достижений, исходное полное недоверие человеку. Если нечто становится основанием убийства, покушения на жизнь, выполняет обосновывающую или критериальную функцию (то есть ради чего убивают и как отобрать объект убийства), это достойно особого взгляда «после Аушвица». И такого взгляда в полной мере заслуживает понятие «национальность».

С. Ю. Иванова¹

МНОГОЛИКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ СОВРЕМЕННОГО МИРА: ИДЕОЛОГИЯ БЕЗ ТЕОРИИ

К числу острейших проблем не только России, но и всего мирового сообщества относится рост чис-

¹ Главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 228 научных публикаций, в т. ч.: «Современный российский патриотизм», «Проблемы формирования патриотических убеждений в современной России», «Проблема патриотизма в поликультурных государствах», «Мультикультурализм и идентификационные процессы в полиэтничном социуме: российский опыт и проблемы», «Потенциал системы образования в гражданской консолидации полиэтничного социума», «Современная российская идентичность: цивилизационное и историко-культурное измерение» и др. Член Российской ассоциации политической науки, Российского философского общества. Награждена почетными грамотами Министерства образования и науки РФ, Президиума РАН.

ла межнациональных конфликтов и противоречий, вызванных в ряде случаев обострением национализма и внутреннего сепаратизма. В связи с этим важными представляются анализ конкретных проявлений националистических взглядов, а также их сопоставление с проблематикой патриотизма.

На всех современных нациях лежит отпечаток влияния как территориальных, так и этнических принципов и компонентов, и все они представляют собой не вполне гармоничный сплав более поздней «гражданской» и более древней «генеалогической» моделей социальной и культурной организации. Ни одна будущая нация не может выжить без территориального отечества или мифа об общности происхождения.

Дуализм концепции нации неизбежно порождает глубокую двусмысленность в современных отношениях между этносами и государствами. Концепции нации присуща нечеткость, приводящая к колебаниям между двумя полюсами — этносом и государством, которые она стремится преодолеть и соединить. Немногим современным нациям удалось преодолеть эту полярированность и достичь полного совпадения этноса и государства¹. Согласно получившей широкую известность концепции Б. Андерсона, становление наций обусловлено секуляризацией общественной жизни, воздействием «печатного капитализма» и распространением грамотности.

Можно утверждать, что национализм, отражающий устремления наций (в этническом и гражданско-политическом понимании этого термина), представляет собой в современном мире наиболее универсальную и распространенную идеологию. Но его трудно сравнивать с такими идеологическими течениями, как либерализм, консерватизм, социал-демократия и т. д. Национализм не имеет собственной теории, общих постулатов, классиков и существует не как общее течение, а исключительно как категория, применяемая для обозначения национализма у разных народов.

Я. Розель рассматривает этнический и национальный факторы не только как инструмент идеологии, но и как средство идентификации. «Национализм в своей специфической форме этнического национализма может трансформировать этничность в новый политический инструмент. Этнический национализм приводит к политизации настоящих и предполагаемых этнических слоев и групп и, делая упор на праве определенной этнической группы на политическую и национальную автономию, создает новые политические «этнические конфликты»². Тем не менее национализм обладает также и огромной притягательной силой для миллионов людей, побуждая их нередко жертвовать даже своей жизнью.

Разобраться во всем многообразии и причинах успеха (либо провала) национализма можно, рассматривая его как идеологию и движение, нацеленные на защиту национальных интересов, общим знаменателем которых является обеспечение оптимальных условий для существования нации. Поэтому конкретный национализм представлен в виде нескольких течений и обладает сложной внутренней структурой, включающей определенный комплекс интересов (целей, ценностей), символов и автостереотипов культурного и исторического свойства.

В современном мире предрасположенность многих людей к той или иной форме этнического национализма зачастую не столь иррациональна, как это порой представляется его критикам, которые, иногда сами того не замечая, фактически отстаивают идеи государственного национализма. Любой национализм всегда конкретен, его доминирующее течение определяется ближайшими и долгосрочными целями, прежде всего согласно интерпретации доминирующих групп.

¹ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford ; N. Y., 1986. P. 149–150.

² Цит. по: Этнонационализм : сводный реферат // Россия и ее соседи. М., 1998. С. 10.

Этим можно объяснить сложные коллизии, связанные с пониманием национализма и его дифференциацией от патриотизма, которые проявлялись на постсоветском пространстве. Известно, что понятие «патриотизм» в перестроечные годы стало подаваться в продемократических средствах массовой информации как сугубо негативное, если не ругательное. Но попробуем разобраться, в патриотизме ли здесь дело. Очевидна подмена понятий. То, с чем, как правило, приходится иметь дело, — обыкновенный национализм, причем зачастую представленный в крайних проявлениях, исторически имеющий глубокие корни.

При противопоставлении патриотизма и национализма довольно часто ссылаются на высказывания Д. С. Лихачева, который, разделяя эти два понятия, подчеркивает, что патриотизм — «это даже не чувство, это важнейшая сторона личной и общественной культуры духа, когда человек и весь народ поднимаются над самими собой и ставят себе сверхлические цели»³. Национализм же, по его мнению, — «самое тяжелое из несчастий человеческого рода... Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и той части своего народа, которая не разделяет националистических взглядов»⁴. Отсюда и выводы: во-первых, что национализм базируется на чувствах неуверенности и неполноценности, а во-вторых, что «сознательная любовь к своему народу не может сочетаться с ненавистью к другим народам»⁵.

Патриотизм — феномен нравственный и обращен к той сфере ценностного мира человека, которая лежит в основе нравственной самоидентификации того или иного народа, формирования, по Д. С. Лихачеву, его «культуры духа»⁶. Иное дело — национализм, который восходит своими корнями к этнонациональной сфере. И если он и обретает нравственное содержание, то в связи с ней.

П. Ковалевский полагал, что «национализм — скорее понятие психолого-антропологическое, а патриотизм — историко-географическое». Еще в начале XX века М. Катков отмечал: «Какого бы ни были происхождения русские граждане, они не должны иметь иного отечества, кроме России. Нельзя требовать, чтобы все были ревностными русскими патриотами, но должно, чтобы русские подданные не имели иного патриотизма, кроме русского. Государственное единство допускает широкий простор для всякого разнообразия, но оно не может терпеть никаких государств в государстве, не может допустить, чтобы какие бы то ни было части страны могли организовываться в смысле особых политических национальностей. Единое государство — значит, единая нация»⁷. Актуальны эти мысли и спустя столетие.

Патриотическое сознание не отчуждает себя от национально-государственных ценностей и реалий, так

³ Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем, завтрашнем. М., 1987. С. 27.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ См.: Душков Б. А. География и психология: подход к проблеме. М., 1987.

⁶ Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г. Указ. соч. С. 25.

⁷ Там же. С. 260.

же как и патриотическое движение никогда не вычленило себя из целостности национально-народного бытия. Поэтому можно определить патриотизм как способ и форму национального самосознания, а патриотическое движение — как способ реализации национальных интересов народа. Патриотизм не противостоит осознанию человеком своей принадлежности ни к своему этносу, ни ко всему человечеству.

Гносеологические причины превращения национального в националистическое, патриотизма — в этнонационализм коренятся в противоречивости отражения такой сложной формы общественного бытия, как Отечество, на разных уровнях самосознания данной социально-этнической общности. Отсюда возникает различие между национализмом и патриотизмом по ряду следующих параметров:

— в антропологическом контексте: патриотизм по сути является гуманным, предполагает терпимость к проявлениям иной национальной самобытности. Национализм же отличается нетерпимостью к проявлениям инационального, жестким и жестоким давлением на лиц иной национальности;

— в практическом аспекте: патриотизму свойственны взвешенность и рациональное использование форм, методов и средств достижения целей, националистическая политика характеризуется неуравновешенностью, абсолютизацией силовых способов достижения целей, пренебрежением к сохранению материального и духовного богатства других наций;

— по характеру обособления: если у патриотизма интегративная функция не прекращается и на уровне наиболее значимой общности (скажем, тяготение к Отечеству не препятствует формированию чувства «всечеловечества»), то национализм прекращает интегративные, центростремительные тенденции на уровне «общности полного предпочтения», и по отношению к остальным действуют дифференцирующие, центробежные ориентации, превращаясь в этнический, религиозный или идеологический изоляционизм.

Образования националистической психологии характеризуются большой устойчивостью и заразительностью. Катализаторами националистических настроений выступают конфликтная или кризисная ситуация, экономические трудности, когда люди испытывают чувство неуверенности, конфронтация с внешним противником (именно поэтому формирование образа врага зачастую преследует внутриполитические цели).

В полиэтничных и поликультурных государствах этнический национализм является почвой для сепаратизма и угрозой целостности государства, разрушая его основы, в том числе патриотизм. В современной России повышение гражданственности, укрепление общероссийского патриотизма могут стать инструментами снижения межэтнической напряженности. Сегодня истинный патриотизм защищает социальные и государственные институты от давления не только «справа» (консервативных сил общества), но и «слева» (экстремистски, националистически настроенных элементов).

С. Н. Иконникова¹

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА КУЛЬТУРЫ

Национальный характер и ментальность относятся к числу наиболее дискуссионных проблем широкого спектра гуманитарных наук. Дискуссии относительно исторического образа народа, стиля отношений с другими народами, почитания уникальных памятников и событий, использования языка как средства межкультурного взаимодействия и другие проблемы находятся в центре внимания специалистов по социологии, этнологии, культурной антропологии, культурологии. Научное обоснование соотношения понятий «этнос»,

«народ», «национальность» содержит немало противоречий и требует согласования.

Глобализация культуры, опасения утраты самобытных черт и достоинств этнического и национального облика усиливают интерес к реконструкции национального характера и ментальности. К числу традиционных проблем прибавились новые: необходимость анализа взаимоотношений в коллективах транснациональных производственных и торговых предприятий; особого внимания требует международная трудовая миграция в российских мегаполисах; студенческие обмены в системе высшего образования; организация международного туризма; виртуальные сети массовой коммуникации; международные спортивные состязания и фестивали искусств.

Рассматривая эти проблемы в культурологическом измерении, можно выделить ряд вопросов, актуальных для обсуждения: как соотносятся понятия «ментальность» и «национальный характер»; какие черты сознания и поведения являются базовыми, составляют кристаллическое ядро национального характера и ментальности; какие исторические события ведут к коренному изменению и даже утрате национального характера; какие черты ментальности подвержены переменам

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 400 научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Диалог о культуре», «История культурологических теорий», «Контур исторической культурологии», «Философские основы развития культурологии», «Хронотоп культуры как основа диалога поколений», «Энергия творчества и обаяние личности», «Гармония "цветущей сложности" — союз этики и эстетики», «Теория культуры», «Культурология», «История культуры повседневности» и др. Член редколлегии журнала «Вопросы культурологии». Президент Санкт-Петербургского культурологического общества. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденом «Знак Почета».

и в чем заключается матрица ментальности; создает ли глобализация тип человека всемирной ментальности и в чем его достоинства и утраты? Этот ряд можно продолжить и задать другие вопросы, относящиеся к решению сложных социальных и культурных проблем.

Национальный характер выражает наиболее устойчивые черты сознания и поведения народа в исторически сложившихся обстоятельствах. Именно поэтому национальный характер используется для описания портрета конкретного народа: русского или испанца, француза или англичанина. Но черты подобного описания дают представление о наиболее общих свойствах и привычках человека, типичных чертах антропологического облика, способах и формах поведения в различных ситуациях общения. Особенности национального характера закреплены в распространенных привычках, типичных формах поведения, отношениях между поколениями, мужчиной и женщиной, начальником и подчиненным и в других устойчивых формах коммуникации. Они проявляются в процессе повседневного поведения и влияют на формирование стереотипа о характере народа, обуславливают ситуацию ожидания от встречи с представителем иного этноса. В определенном смысле знание национального характера создает установку на предстоящие контакты: радость встречи или настороженность, тревогу и опасения. Именно поэтому столь важно формирование справедливого описания черт национального характера, влияющего на отношения между народами. Это тем более важно, что в национальном характере закрепляются черты далекого прошлого, но они в силу инертности повторяются в этнических особенностях сознания и поведения. Именно эти черты создают мифы о национальных привычках и склонностях поведения народа в современной ситуации¹.

Образы нации нередко не совпадают полностью с индивидуальным обликом конкретного человека, так же как общие черты городской жизни отличаются от облика конкретного горожанина. В национальном характере различно сочетаются грани общего, особенного и единичного.

Возникшие стереотипы представлений о национальном характере содержат немало предрассудков, предубеждений, мифов и легенд, которые влияют на отношения между народами, вызывают иронию, недоверие, иногда презрение и вражду. Возникшие стереотипы о национальном характере передаются от поколения к поколению, распространяются в массовом сознании, вызывают негативные эмоции, столкновения, конфликты, состояние группового безумия и слепоты. Именно поэтому столь важно проводить исследования и уметь предотвращать подобные ситуации, содействовать взаимному уважению и пониманию в отношениях между народами.

Национальный характер выражает исторически сложившиеся психологические и культурные черты сознания и поведения народа, его интеллектуальные и эмоциональные особенности, которые определяют ценностные ориентации и поведенческие сценарии: нормы повседневного распорядка жизни и ритуалы ре-

лигиозных и светских праздников, распорядок семейных обязанностей и особенности отношений между родными и близкими, отношение к религии и светской власти. Они отражаются в портретах, узнаваемости родословных черт родных и дальних членов семейного клана. В последние годы стали популярны обращение к семейной родословной, составление семейного древа с упоминанием родных мест, основных занятий и достоинств, сохранение фотографий.

Национальный характер воплощается и проявляется в мифологии и фольклоре, пословицах и поговорках, загадках и анекдотах, символах и образах, сказаниях и легендах, песнях и танцах, прикладном народном творчестве и национальной художественной литературе и искусстве, религиозных заповедях и нормах. В описании национального характера все проявления наделены определенным историческим и культурным смыслом. Особого внимания заслуживает антропологический облик человека, его принадлежность к определенному этносу. Антропологический тип и внешний облик личности, символика жестов и интонаций, мимическое выражение радости и печали, дистанция в общении и ритмы беседы, формы гостеприимства и кулинарные особенности повседневного и праздничного застолья, особенности обычной и праздничной одежды, убранство дома и всего места обитания — все это находит отражение в национальном характере, содержит модели сходства и различия. Национальный характер — своеобразный эскиз к портрету этнической общности, в котором органично сочетаются индивидуальные черты и массовые формы образа мысли и поведения человека.

В концентрированном виде национальный характер представлен моделями ментальности, которая является наиболее устойчивым элементом культурного организма, характеризуя образ мысли и фиксируя тип мировосприятия, определяя модели отношения к окружающей жизни, выражая унаследованные черты народа относительно истории и современности, прошлого, настоящего и будущего. В поведенческих сценариях обнаруживаются представления о смысле жизни, надежды и опасения, предчувствия и прогнозы. Ментальность определяет критерии и основания идентичности, экзистенциальные матрицы культуры, которые находят свое выражение в смысловых полях базовых концептов, соответствующих культурным универсалиям (понимание смысла жизни, свободы, справедливости и т. д.). В ментальное ядро входят символические образы и смыслы культуры, которые отражаются в самосознании и оценке действительности, определяя характер религиозных верований, достоинства и недостатки народа.

Российская культура и цивилизация имеют тысячелетнюю историю, на протяжении которой происходило немало перемен. Русский народ располагает огромным историческим опытом социальной и культурной устойчивости, успешного освоения новых экономических моделей и политических форм. Динамика социального развития России сопровождается национальной устойчивостью и сохранением основных матриц национального характера, оснований русской идентичности и моделей самосознания. Известный философ Нико-

¹ Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. М., 2007. С. 17.

лай Бердяев писал: «В истории мы видим пять разных Россией: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую советскую Россию»¹. Несмотря на исторические перемены и социальные трансформации, Россия остается страной традиционной, старой культуры, сохраняющей исторически устойчивый облик и национальный тип, духовные ценности православия и богатство русского языка, открытость и сочувствие к другим народам. Для русского народа характерны совмещение язычества и православия, многообразие восточных и западных культурных ценностей, природная стихийность христианского аскетизма, сочетание послушания и бунтарства, трудолюбия и лени, сострадания и соборности. Однако устойчивость российской культуры сопровождается исторической изменчивостью, возникновением новых форм и отношений, ценностей и символов.

Идею трансформации российского национального характера под влиянием Октябрьской революции выразил русский философ Г. П. Федотов: «Каждая нация, проходя через революционные катастрофы, меняет свое лицо, создавая новый культурный тип, непохожий на своих предков. но означает ли это новое лицо, что навсегда утрачены черты национального характера, что исчезла “русскость”, отличающая данный народ от других народов»². Размышляя о национальном характере русского народа, Г. П. Федотов предлагает проникнуть в таинственную глубину истории славянства, попытаться обнаружить основное ядро русской души. Эти древние пласты «русскости» он называл «подземной галереей славянской Психеи», состоящей из трех пластов. Первый пласт связан с почитанием природной стихии матери-земли, без которой человек утрачивает жизненные силы. Второй слой образует православная вера, стремление к общинности и соборности. Третий слой связан с удельно-вечевым периодом бунтарства и непокорности, склонности к кутежам и разгулу, веселью и безалаберному артистизму русской души.

Исторический подход к проблеме описания черт национального характера позволяет увидеть немало новых культурных пластов. При сохранении основного ядра в национальном характере возникают временные отклонения. Революция устранила авторитет и преимущества прежних культурных слоев: аристократии, дворянства, чиновничества, духовенства. Возникает новый тип национального характера, который Г. П. Федотов называет европо-американским. В нем преобладают прагматические установки, стремление овладеть техникой, деловитость, образованность, ин-

терес к спорту (парашютизм), популярность воинской службы. Г. П. Федотов называет эти изменения в национальном характере рационализацией русского сознания, романтической верой в политические идеалы и перспективы новой жизни.

Современная Россия переживает переходный период. Изменился общественный строй, политические структуры власти, экономические основы общества. Современное общество именуют по-разному: информационным, сетевым, открытым, предпринимательским, рыночных отношений. Социальные процессы определяются глобализацией, модернизацией, трансформацией.

Эпоха перемен — особое состояние социальной и духовной жизни общества, имеет как позитивные, так и негативные черты, сопровождается надеждами и разочарованиями, предчувствием катастрофы и ностальгией по прежним временам. Постепенно или стремительно отмирают старые социальные институты и структуры, вместо них создается фундамент нового строя, конструируется новый порядок. Распространение новых технологий и средств массовой информации, свобода слова и творчества, потребительское изобилие, развитие туризма — это свидетельства позитивных перемен. В то же время всеобщее недовольство вызывают неравенство жизненного уровня, социальное расслоение, распространение коррупции и преступности, снижение уровня образования, примитивность культурных интересов и вандализм. Нарастание этих проблем наносит «социальную травму» национальному характеру, разрушая ментальные матрицы субъекта культуры.

Мир культуры предстает сегодня как открытое произведение: пространство неограниченных возможностей и стилей, когда нет центра и периферии, много дорог и перекрестков, когда элитарное становится массовым, общее — индивидуальным, бесплатное — коммерческим. Современная культура стремительно впитывает разные стили и ценности, соединяя Восток и Запад, сближая Север и Юг. Пространственное поле культуры постоянно меняет свои очертания. На поверхности культурного ландшафта различают мозаику событий, когда правое становится левым, трагическое — комическим, праздничное — повседневным. Современная культура стремительно впитывает разные стили и направления, архаичные ценности и практики, смешивая восточные мотивы и западные практики. Все эти стремительные перемены отражаются в национальном характере современного человека, деформируя его аксиологические доминанты и поведенческие сценарии.

¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

² Федотов Г. П. Судьба и грехи России : в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 163.

Е. А. Кайсаров¹ИМПЕРСКИЙ ДУХ И МЕССИАНСКОЕ СОЗНАНИЕ
КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ

В истории России можно выделить несколько имперских формаций, прежде всего Московское царство. Крушение Византии в XV веке сделало Московское княжество единственным православным государством в мире. со всех сторон оно оказалось окруженным странами с иной верой. Русская церковь с середины XV века превращается в автокефальную, то есть в самостоятельную организацию, независимую от Константинопольского патриарха. Она продолжает укреплять и возвышать русское централизованное государство. Именно в церковной среде в начале XVI века сложилась теория «Москва — Третий Рим» (идея псковского старца Филофея, высказанная в его послании Василию III). Ее создатели доказывали, что Москва, Русское государство, великокняжеская власть являются истинными наследниками итальянского Рима и византийского Константинополя. Русская церковь считала, что первый Рим был погублен католичеством, второй Рим — Константинополь — погряз в грехах и по наущению Божьему был уничтожен турками. Теперь только православная Москва способна стать мировым центром истинного христианства, а русское централизованное государство должно выполнить свою мировую миссию и спасти человечество от разного рода ересей и стать мировой державой. Именно в это время авторы новых сказаний и летописных сводов, которые создавались также церковными деятелями, обосновали идею о том, что род Рюриковичей восходит к римскому императору Августу, чья власть имела божественный характер. Русь начинает именовать себя святой, великой и гордиться своей исключительностью, избранничеством.

Правители Московского царства жестко придерживались линии самостоятельности и независимости от Европы. Так, великий князь Московский Иван III категорически отверг предложение римского цесаря получить от него королевский статус и заявил: «Мы Божией милостью государи на своей земле... изначала, от первых своих прародителей, а поставление есмь наперед сего не хотим ни от кого...»² Этим актом закреплялась идея преемственности цесарства от византийских императоров. Так, в конце XV века была сформулирована национально-государственная идеология, на многие столетия определившая ход российской истории. Российское государство стало расширяться, в основном за счет слабозаселенных территорий на Востоке, и превратилось в могущественную импе-

рию. Целостность огромной страны, присоединившей к себе районы с разнообразным этическим составом населения, держалась на централизованной самодержавной власти.

Классической формой империи стала петровская Русь. Российская империя со всеми ее институтами, учреждениями, ритуалами — главное цивилизационное творение Петра I. Русские представительства в Европе долгое время пытались добиться признания императорским царского титула, но это не дало результата. Тогда 22 октября 1721 года в Петербурге по инициативе Сената состоялась официальная церемония поднесения Петру I титула императора. Этим действием высшая власть в России санкционировалась не только Божьей милостью, но и светскими институтами, кроме того, была зафиксирована независимость от Европы политического статуса русских государств в России. Петр обладал беспредельной властью восточного деспота. Он распоряжался имуществом и нередко свободой и жизнью своих подданных, в то время как западноевропейский властитель мог воплощать в жизнь это в известных пределах, установленных законом или обычаем.

Осуществляемые Петром реформы были проникнуты пафосом секуляризации и разделили единую до того культуру на светскую и религиозную. Получившая мощное развитие светская культура — в различных художественных, научных, образовательных, политических и технических формах — пришла в неизбежное столкновение с церковной монополией на культуру, выталкивая ее на периферию национально-исторического развития. Церковная реформа, вытесняя из государственного обихода традиционно понимаемую святость и сакральные ценности Святой Руси, способствовала сакрализации важнейших светских институтов и феноменов культуры. Это вело, с одной стороны, к отчуждению светской власти от религии, с другой — к порождению и распространению в массовом сознании нового и специфического для русской культуры феномена — «светской святости», которая выражалась в таких явлениях, как политическая сакрализация личности императора, культ государства и нации, апология русских армии и флота и их военных побед и т. п.³ Это во многом объясняет, почему впоследствии многие политические действия носили религиозный или религиозноподобный характер (включая веру в светлое будущее, светский культ государственных деятелей и вождей, уподобление политических партий религиозной общине или секте и т. п.).

Российская империя, направляя религиозную энергию русской души на решение мирских проблем, в XVIII веке заняла передовые позиции в Европе и мире. Анализируя мессианизм русских, Н. Бердяев отмечал прежде всего стремление русской на-

¹ Заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 90 научных и учебных публикаций, в т. ч. учебных пособий «Культурология», «История культуры и искусства», мультимедийных учебников «История культуры Петербурга. XVIII век», «История культуры Петербурга. Пушкинский Петербург» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Азеев О. Г. «Величайший и славнейший более всех городов в свете» — град святого Петра (Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в.). СПб., 1999. С. 42.

³ Кондаков И. В. Культурология: история культуры России. М., 2003. С. 169–170.

циональной культуры находится в русле мирового развития. При этом России в лице ее выдающихся политиков, мыслителей, деятелей культуры хотелось находиться не в хвосте мирового процесса, а в авангарде, то есть возглавлять ведущие тенденции развития человечества, подавать пример, задавать тон всемирной истории. Так, уже в 1720-е годы появляется нацеленная в будущее идея Петербурга как одного из мировых центров культуры и центра «русского мира», выраженная в концепции четвертой северной российской монархии.

Имперская идеология за пять веков завоевала прочные позиции в русском обществе. Она проникала в умы аристократов и простых людей, закрепившись в качестве культурной традиции. На ее почве развивалось мессианское сознание — представление о данном от Бога великом предназначении России в истории человечества. Провозглашались превосходство православного русского духа, несущего в мир добро, и его грядущее торжество над темными силами мирового зла.

Исследуя становление, развитие и упадок империй, ученые оценивают их преимущественно с точки зрения гуманизма и справедливости, указывая на их авторитарный и эксплуататорский характер, а также на шовинистическую сущность по отношению к покоренным народам. От западной пропаганды нелестные оценки достались России, получившей определение «тюрьма народов», а также ее преемнику — Советскому Союзу, к которому был приклеен ярлык «империя зла». Нельзя ни идеализировать, ни демонизировать имперский путь развития. Становление империй зачастую связано с насилием. Сильный распространяет власть на слабых, не согласуясь с их жизненными интересами и традициями. В то же время именно имперский путь обеспечивает человечеству максимальный прогресс. Так, благодаря распространению власти европейских стран на другие материки в их закрома стали стекаться богатства со всего мира, обусловив бурное экологическое развитие. Аналогичное ускорение было свойственно и России, использовавшей огромные территории и природные ресурсы в азиатском регионе¹.

Внедрявшийся западной пропагандой в сознание людей зловещий образ советской империи не имел ничего общего с реальностью. Именно это имперское государство оказалось способным создать мощную индустрию, передовую науку, высокую культуру, выстоять и победить в схватке с немецким врагом, первым отправить человека в космос. Все это требовало огромного напряжения сил общества, жесткой централи-

зации системы управления. В отличие от многих империй, в Советском Союзе не было метропольного центра и колониальной периферии. Экономическим развитием были одинаково охвачены все регионы страны. В некоторых национальных республиках, например, уровень развития промышленности и сельского хозяйства был даже выше, чем в самой России. Во всех национально-государственных образованиях с помощью метрополии были подготовлены собственные управленческие кадры, национальная, научная и творческая интеллигенция.

С чем был связан распад советской империи? Прежде всего это естественный процесс старения имперской системы. В русской культуре силы единства и распада, находясь в постоянном противоборстве, уравновешивали действие полярных тенденций, как бы нейтрализовали взаимоисключающие начала. На этапе старения системы набирают силу процессы раздвоения единого, что проявляется в оппозиционном недовольстве интеллектуальных элит, ставящих под сомнение разумность существующего государственного мироустройства. Оказали свое воздействие и внешние факторы. Советскому Союзу помогли «умереть» западные страны, прежде всего США, навязывая ему гонку вооружений, расшатывая идеологические основы государства, осуществляя экономические санкции, культивируя ненависть к русскому народу.

Крушение потерпела советская империя, но не имперская идея. Она оказалась поразительно живучей. И сегодня Россия, пусть хрупкая, робкая, усеченная, но империя. Империя — это не самоцель и не комплекс. Это просто реальность и необходимость. Россия не может не быть империей. Противостоять наступлению НАТО, мировому терроризму, Россия вынуждена быть империей, отстаивая собственные военно-политические интересы на рубеже своих земель. Появление Таможенного союза, планируемое Россией создание Евразийского союза (по принципу Евросоюза), с включением в него и других стран постсоветского пространства, ставит Российскую Федерацию на один уровень с такими империями, как Евросоюз и США. А ведь есть еще Русская православная церковь с ее канонической территорией, русский язык, получивший широкое распространение в ряде стран, понятие «русский мир», русский народ и т. п. Важную роль в сохранении имперского духа играют огромные территориальные пространства страны, полиэтничность и поликонфессиональность населения. Не исключено, что исчезновение имперского комплекса России станет заключительной фазой ее развития, ознаменовав в конечном счете гибель российской цивилизации.

¹ Толочко П. П. Империи как вершины мирового культурного развития // Диалог культур: ценности, смыслы, коммуникации : XIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 16–17 мая 2013 г. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 174–175.

В. М. Капицын¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В «КРЫМСКОЙ ВЕСНЕ» 2014 ГОДА

Политический кризис на Украине, оживляя исторические травмы, меняет идентификационные границы в сознании граждан России и Украины. Наиболее ярко это проявилось в связи с самоопределением Крыма в 2014 году («Крымская весна»).

Идентификационные корни политического кризиса на Украине 2013–2015 годов уходят в социально-политические процессы конца XIX — начала XX века. Оживление «исторических травм» происходило во время перестройки и распада СССР. Идентичности в постсоветских государствах страдали неопределенностью относительно привязки к политико-географическим и демографическим референциям. Характер украинской национальной идентичности выражался и в том, что в 2010 году лишь 12 % жителей юга Украины идентифицировали себя через национальную принадлежность; 14 % из них самоидентифицировались как советские люди. Но перед политическими элитами был поставлен выбор между постсоветской реинтеграцией и ориентацией на Европу. На Украине шло противоборство нового юнионизма, апеллирующего к европейской ориентации, с влиянием авторитета России, особенно на юго-востоке. Нерешенная судьба Крыма способствовала артикуляции пророссийской идентичности.

До 2013 года разновекторные идентичности крымчан — украинская (государственническая), крымско-татарская и пророссийская — уживались в составной национально-государственной идентичности. Пророссийская идентичность была массовой, но носила в основном «оборонительный характер» (термин А. Турена). Важным ее символом оставался Черноморский флот России.

На всей территории Украины в разных регионах усиливались региональные идентичности. В частности, на Левобережной Украине отмечалось оживление исторических идентичностей Гетманщины и Слобожанщины². Ключевые вопросы социологов на Украине касались отношения: а) к целостности Украины; б) к России; в) к вступлению Украины в НАТО; г) к ассоциации Украины с ЕС; д) к интеграции с Таможенным союзом. В Крыму социологи также задавали вопрос об отношении к возможной автономии Крыма в составе России.

¹ Профессор кафедры сравнительной политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Правовое обеспечение социальной работы» (в соавт.), «Приручить Левиафана. Молодежь в меняющемся мире политики», «Социальная политика Московской области на пороге XXI века» (в соавт.), «История политических и правовых учений» (в соавт.), «Права человека и механизмы их защиты», «Социальная работа с мигрантами и беженцами» (в соавт.), «Политическая идентификация и политическое участие», «Политология» (в соавт.) и др. Член редакционных коллегий журналов «Общество. Государство. Политика», «Европейский омбудсмен», «ПолитБук», «Научный результат», «Инновационная Россия». Член Российского философского общества, Российской ассоциации политических наук, Российского общества социологов.

² Крылов М. П., Грищенко А. А. Идентичности на Украине: вызовы современности — эхо прошлого? // Мир перемен. 2015. № 2. С. 143–144.

Ответы на эти вопросы, а также разные события выражают сложное переплетение ожиданий элит и жителей разных регионов. На политическом уровне отношения Украины с Россией развивались неравномерно, но необходимость отказа от сотрудничества с Россией элитами Украины прямо не обозначалась. Л. Кучма осуществлял многовекторный курс. Майдан 2004 года и опасный антироссийский крен В. Ющенко³ начал частично выправляться при В. Януковиче. Но антироссийские силы, выступая как парламентская оппозиция, контролировали до 14 комитетов в Верховной Раде.

В повседневности идентификационные процессы шли сложнее. Сказывалась работа антироссийских партий и НПО по отчуждению сознания украинцев от совместной с Россией истории. Начиная с Майдана 2004 года, значительно усиливалась антироссийская идентификация, в том числе идентичность Галичины. Она долгое время оставалась одной из региональных контридентичностей, но к 2013 году последовательная работа на уровне школьных программ, работы СМИ, деятельности НПО принесла свои плоды. Национальная идентичность Галичины стала серьезно влиять на национально-государственную идентичность почти на всей территории Украины. Меньше всего такое распространение затронуло население Крыма.

Секрет такой метаморфозы раскрывается благодаря исследованию позиции церковей, школьных учебников истории, деятельности НПО, институтов государственной власти. В основе таких изменений лежит доминирование негативных этнических идентичностей (контридентичностей)⁴.

Одним из четких маркеров противоборства национальных (региональных) идентичностей стал вопрос о вступлении Украины в НАТО. Еще в 2011 году за вступление в НАТО по всей Украине выступали только 25 % населения (60 % были против)⁵. На востоке и юге Украины против вступления в НАТО выступали 75 % опрошенных (12 % — за)⁶. В Крыму проводились акции «АнтиНАТО» (Феодосия) в июне 2006 года⁷ и «Всекрымский народный референдум» 16 декабря 2006 года⁸. В 2008 году к вступлению Украины в НАТО

³ Бабенко В. Н. Украина–Россия 1991–2010. Через противостояние к сотрудничеству? М. : ИНИОН, 2010.

⁴ Капицын В. М. Политизация этнических идентичностей в «гибридной войне» // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI в. / под ред. П. А. Цыганкова. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. С. 145–167.

⁵ Correspondent.net. 2011. 24 мая. URL: correspondent.net/Ukraine/evets/1220620 (дата обращения: 19.09.2015).

⁶ Там же.

⁷ Феодосийцы 26 дней противостояли включению инфраструктуры района в проведение совместных учений кораблей США и Украины «Sea Breeze 2006». Инициативу поддержали местные органы власти (городские советы Феодосии и Севастополя), Верховный Совет Крыма. Формальный повод для протеста: Верховная Рада Украины не принимала решений по поводу данных учений в 2006 году. По сути, эти учения были сорваны (См.: Операция АнтиНАТО. Феодосийская модель. М. : Европа, 2006).

⁸ Голосование проходило неофициально в палатках, на остановках транспорта, на рынках. Участвовали 897 тыс. (58,21 % от числа избирателей); 98 % из принявших участие высказались против вступления Украины в НАТО.

89 % крымских респондентов отнеслись отрицательно и только 7,5 % — положительно¹.

«Крымская весна» 2014 года сопровождалась пробуждением «младороссийской» идентичности. В противовес распространению идентичности Галичины в Крыму (как и на Донбассе), способствующей активной маргинализации идентичности крымчан (ярлык «ватники», «неполноценные» и т. д.), начался переход от «оборонительной» российской идентичности к «наступательной», что мы и обозначили как «младороссийская» идентичность. Этот переход, благодаря анализу динамики общественного мнения, рассмотрел, в частности, А. В. Филиппов². На начальном этапе в Крыму неприятие Майдана (ноябрь 2013-го — февраль 2014 г.) проявилось в попытках создать Антимайдан в Киеве (по опыту 2004 г.). И на это были весомые причины. После отсрочки подписания соглашения об ассоциации Украины с ЕС антироссийская идентичность Галичины стала преподноситься как историческая основа национальной идентичности³.

Радикализм активистов этого направления пугал жителей Крыма, опасавшихся силовых актов для внедрения идей С. Бандеры и Р. Шухевича в механизмы региональной и центральной власти. Активисты Майдана устроили Корсунский погром в ночь с 20 на 21 февраля 2014 года. Крымские активисты, возвращавшиеся из Киева на восьми автобусах, попали в засаду в Корсунь-Шевченковском районе Черкасской области. Автобусы были сожжены, а сотни людей подвергнуты избиениям и унижениям. Несколько человек пропали без вести. Уголовные дела по этому факту не были заведены⁴.

Корсунское побоище — детонатор усиления «младороссийской» идентичности. В условиях углубления раскола национально-государственной идентичности на Украине «младороссийская» идентичность означала противодействие незаконной власти в Киеве, пробуждение реформаторства в среде крымской пророссийской элиты, выражение протеста против радикализма украинцев и крымских татар. Требования независимости Крыма переросли в призывы к воссоединению с Россией.

В истории известны культурные и политические течения, получившие атрибуцию «младо-»: младосербы (конец XIX в.), младотурки (революция в июле 1908 г.), младолатыши (движение против германизации 1850–1880 гг.), младохорваты (начало XX в.) и т. д. Было и младоукраинское движение (1890-е гг.) в Галиции,

¹ Опрос ($N = 1478$) проводился центром SOCIUM 11–23 сентября 2008 года. 67 % опрошенных хотели бы стать гражданами России, 29 % — Украины, 1,5 % — Турции. На вопрос о необходимости предоставления двойного гражданства жителям Украины 78 % ответили положительно, 19 % — отрицательно (Опрос: Крымчане против вступления в НАТО и за базирование Черноморского флота в Севастополе // Корреспондент.net. 2008. 30 сент. URL: correspondent.net/Ukraine/politics/600886 (дата обращения: 18.09.2015).

² Филиппов А. В. Крым выбрал Россию и не пожалел об этом // Lenta.ru. 2015. 13 февр. URL: lenta.ru/articles/2015/02/13/crimea/

³ Крылов М. П., Грищенко А. А. Указ. соч. С. 156.

⁴ Фильм «Корсунский погром» снят Группой информации по преступлениям против личности (IGCP) с участием операторов ФРГ в 2014 году с использованием интервьюирования десятков пострадавших.

отделяющее себя как от Австрии, так и от России⁵. Аналогичная атрибуция применима к течениям, решающим задачу культурного и политического самоопределения в Крыму, на Донбассе, в Луганске.

«Младороссийская» идентичность в Крыму проявила себя как подъем настроений, сначала направленных на возврат Украины к прежней составной национально-государственной идентичности, но затем переориентировавшихся на суверенитет Крыма. Она была связана также с призывами к гражданскому патриотизму. Этому соответствовали изменения в государственном строительстве: Крым и Севастополь получили повышение и институциональное оформление своего конституционно-правового статуса, который им не удалось реализовать, будучи в составе Украины. В качестве государственных языков Крыма закреплены русский, украинский, крымско-татарский. Позднее была обеспечена энергетическая независимость Крыма от Украины.

На усиление «младороссийской» идентичности играет также негативация украинских властей в связи с устраиваемыми украинскими националистами провокациями против Крыма. Идентификационная негативация имеет зеркальный характер: рост антироссийской пропаганды и провокаций украинских националистов усиливает отрицательную реакцию крымчан на политику Киева. Прекращение водообеспечения из Днепра по Северо-Крымскому каналу вызвало острый дефицит воды в Крыму. Продолжением таких провокаций стали продовольственная блокада поставок продуктов с Украины в Крым, энергетическая блокада с подрывом опор электропередачи, создание крымско-татарского батальона для атак на энергетические системы и другие объекты инфраструктуры Крыма.

Негативация украинской и усиление «младороссийской» идентичности идут на фоне обострения отношений между Россией и Турцией, когда украинские власти проявляют солидарность с действиями президента Р. Эрдогана, а тот поддерживает политику украинских властей в формировании националистических военизированных подразделений для вмешательства в дела Крыма.

Сохранение и использование потенциала «младороссийской» идентичности в Крыму зависит от оперативности российской политики, адекватного противостояния провокациям, бесперебойного снабжения населения энергией и продуктами, решения коммунальных проблем и т. д. А также от грамотного использования потенциала гражданской и патриотической активности населения, общественных объединений и политических партий. «Младороссийская» идентичность создает предпосылки к формированию гражданского общества в Крыму. Здесь сложились уникальные условия, когда активность граждан дает возможность обеспечить демократию «корней травы», строительство гражданского общества «снизу» в сочетании с государственным строительством. В этом ряду также стоит институционализация местного самоуправления с на-

⁵ Марчуков А. Украинское национальное движение. УССР. 1920–1930-е годы. М. : Центрполиграф, 2015.

хождением соответствующей формы, встраивающейся в многообразие исторических форм местного самоуправления¹.

Один из важнейших выводов: в Крыму сложилась уникальная ситуация, когда население смогло сохра-

нить «оборонительную» российскую идентичность и затем в условиях кризиса придать ей новое качество («наступательная», «младороссийская»), несмотря на информационную войну с использованием Интернета. Этот опыт достоин дальнейшего изучения.

Г. Г. Коломиец²

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОИНСТВО ЧЕЛОВЕКА В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Осмысление глобализационных процессов, охватывающих разные сферы жизненного мира — экологическую, экономическую, демографическую, социокультурно-коммуникативную и другие, — при всем противоречии мировоззренческих, религиозных и национальных взглядов указывает на новые условия глобализирующегося мира, когда, с одной стороны, усугубляется его расколотовость, а с другой — осознается необходимость более тесного взаимодействия благодаря технологическому прогрессу, определяющему будущее всего человечества. Идут поиски путей гармонизации человеческого бытия при одновременной задаче увеличения рейтинга и статуса наций, государств, личностей, сосредоточия власти и богатств в локальных точках. Современная философская мысль и широкая общественно-информационная среда призывают к чувству толерантности, ответственности, признавая гуманизм духовной основой человеческого существования. При этом поиски решения проблем глобализирующегося мира не могут миновать фундаментально обоснованные всечеловеческие ценности, культурные универсалии, процесс становления нового сознания как субъективного фактора мирового развития, вышедшего на виток новой, четвертой промышленной революции XXI века. В эпоху глобализации возрастает *ценность человеческого достоинства*.

В связи с рассмотрением национального достоинства человека отметим, что существенное значение приобретает переосмысление базовых основ человеческого поведения, где ядром выступает этика, постулирующая диалектику добра и зла, отношение к долгу,

ответственности, свободе, справедливости, жизненным ценностям любви, семьи, смыслу жизни. Классические добродетели, нормативная этика долга и утилитарная этика счастья в условиях глобализирующегося мира способны выполнять транскультурную, наднациональную функцию, наполняясь расширенным и всемирным содержанием, раскрываясь в новом свете относительно свободных пространственных связей.

Трагический пафос национального человеческого достоинства в нынешнем существовании состоит в *неготовности возвыситься до этики долга с осознанием причастности к всечеловеческому Целому*. Этика человеческого достоинства в условиях глобализации, согласно нашему представлению, в качестве одного из своих основных критериев выдвигает фактор ненасилия, ответственность в творчески-созидательной деятельности, мудрость в следовании договорностям и в поиске компромиссов в современном мире, который наполнен актами напряженных военных действий и нерешенностью проблемы защиты прав человека. В этих условиях недостаточно говорить об идеалах должностования, справедливости, общечеловеческих ценностях с точки зрения этико-философских учений, религиозных позиций, традиционных национальных культур.

Учитывая большие миграционные потоки и в связи с этим трансформацию чувства собственного национального достоинства с возможной утратой длительной укорененности этнонациональных традиций и ценностей в чистом виде, мировое сообщество вынуждено декларировать умеренность в приоритете ценностей общества потребления и выдвигать на передний план всечеловеческие ценности, которые приобретают обновленное значение в глобализирующемся мире как наднациональные.

Однако мировое сообщество составляют конкретные люди, психологически переживающие чувство собственного достоинства, но подчас пренебрежительно или поверхностно постулирующие достоинство человека, имея в виду каждого и человечество в целом, что вызывает напряженность в проблемном поле современной этической практики. Здесь мы обращаем внимание на иммунитет от неразумной гордыни, амбиций как отдельной личности, так и на уровне коллективного целого, то есть национальной, религиозной, государственной политики. Акцентируем внимание на труднодостижимом равновесии проявления свободы индивидуальной самости и способности вос-

¹ См.: Акмалова А. А. Особенности организации местного самоуправления на отдельных территориях. М.: РАГС, 2010.

² Профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 150 научных работ, в т. ч.: «Национальное и сверхнациональное в искусстве: из евразийских идей. Евразийская интеграция», «От либеральных к наднациональным ценностям в современном культурном пространстве», «Искусство как способ быть в мире, или К вопросу о коммуникативной функции искусства», «Функции музыки в социуме. Фундаментальные проблемы культурологии», «О тенденции сближения научного и художественного способов познания. Научное искусство»; «Философия искусства: о творчестве, творческом процессе и вдохновении», «О достоинстве, толерантности, ответственности в “точках роста” новых ценностей», «Этика человеческого достоинства в Новое время», «К вопросу о новых тенденциях прагматической эстетики», монографий: «Ценность музыки: философский аспект», «Музыкально-эстетическое воспитание: аксиологический подход» и др. Член Президиума Всероссийского научного совета по музыкальному образованию, член Российского философского общества.

принимать себя как достойного человека, ориентирующегося на всеобщие сверхнациональные ценности.

Если в нормативной этике базовой основой человеческого достоинства являлись совершенствование, выдвинувшее стремление к абсолютному добру, и должностование, опирающееся на разум и добрую волю с осознанием поступать согласно долгу, основанному на уважении, поскольку гарантом нравственного закона выступает высшее благо, то в современной ненормативной этике человеческое достоинство приобрело психологический, чувственный, национально переживаемый аспект. Современное понимание достоинства человека в глобализирующемся мире предполагает, на наш взгляд, человека, ответственного за свою созидательную, технологически-творческую деятельность, способного к ненасилию в высшем проявлении своего существования. Следовательно, *требуется симбиоз добродетельной эвдемовой этики с этикой долга и стремления к совершенному образу жизни, социальной этики и индивидуальной этики.*

О человеческом достоинстве сложилось неоднозначное представление. Здесь в обыденном сознании присутствует чувство собственного достоинства, идущее от благополучия и социального статуса. Оно сталкивается с рефлектирующим сознанием трансцендентальной нормативной этики совершенства и с чувством сопричастности к антропологическому целому, выводящему достоинство человека на всечеловеческий подиум. Индивидуальная этика счастья полагает переживаемое собственное достоинство, проектирующее свое будущее. Социальная этика находит место достоинству человека, оценивая его статус согласно моральным нормам культуры. Достоинство человека в своей внутренней самооценке оказывается культурно-диалогическим, обусловленным диалогом культур. Таким образом, *диалог культур становится диалогом человеческих достоинств на разных уровнях субъектных отношений.*

Проблема заключается в том, какие качества человека считать достойными в той или иной национальной среде, сообществе, социуме, поскольку в каждом культурно-цивилизационном пространстве вырабатываются свои представления о достойных качествах человека. Можно ли констатировать тот факт, что ни долг, ни добродетели с «золотой серединой», ведущие к счастью, ни вера, ни разум в социальной и индивидуальной этиках не стали доминантой сознания сегодня. Пожалуй, *доминантой сознания в современном человеческом бытии является достоинство, претендующее на признание субъекта.* Для национального человеческого достоинства стало важным не просто существовать, а существовать достойно, то есть быть признанным участником диалога культур. Достоинство личности, нации, государства заключается в том, чтобы быть услышанным, признанным, авторитетным в диалоге культур.

Когда мы говорим о национальном достоинстве, то предполагаем два подхода к пониманию сущности национального начала, учитывающие *национально-этнический и национально-гражданственный факторы.* Так, согласно «Новой философской энциклопедии»,

нация обозначает «совокупность граждан одного государства как политического сообщества», где члены нации отличаются общегражданским самосознанием, чувством общей исторической судьбы и единого культурного наследия. Под национализмом понимают доктрину и политическую практику на основе представлений о социокультурных системах, составляющих нации как целые общности. Исходя из трактовок понятия нации, различают две формы национализма — гражданский, или государственный, и этнический, или этнонационализм¹.

Понятие этноса трактуется в смысле этнической общности людей, имеющих общие корни названий и языка, общие элементы культуры, историческую память об общем происхождении, демонстрирующих чувство групповой солидарности. Поскольку понятие этноса предполагает наличие гомогенных, функциональных и статичных характеристик, то доминируют определения этноса как этносоциального или биосоциального организма². Заметим, что в массовом сознании преобладает этнонациональное понятие. Этнонационализм считает, что нация является высшей формой этнической общности, имеющей исключительное господство в государстве.

Обращаясь к проблеме национального достоинства человека как в антропологическом (этническом), так и в личностном (национальная идентичность личности) аспектах, которое трактуется нами как высшая этическая ценность в глобализирующемся мире, сопровождающемся комплексом глобальных проблем, следует заметить, что «если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, — как пишет Д. С. Лихачев, — то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, активно миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям»³. Что касается национализма в этнонационалистическом контексте, то это, согласно Д. С. Лихачеву, проявление слабости нации, а не ее силы. В нравственной составляющей национального характера Лихачев выдвигал чувство собственного достоинства как центральную личностную характеристику: в жизни каждого человека обязательно должно быть одно правило — прожить жизнь с достоинством⁴. Чувство собственного достоинства, по Лихачеву, значит не отступать от своих максим, то есть при всех сложных и непредсказуемых поворотах истории следовать собственной позиции, «жить в согласии с собственной совестью»⁵. Как видим, оценка поступков, характеризующих человеческое достоинство, осуществляется с точки зрения абсолютного добра, нормативной этики, которой, очевидно, в современном жизненном мире не следует пренебрегать. Однако, как было изложено выше, жить по нормативной этике, то есть этике, ориентируемой на мораль-

¹ Новая философская энциклопедия : в 4 т. URL: <http://iph.ras.ru/enc.htm>

² Там же.

³ Цит. по: *Запесоцкий А. С.* Культурология Дмитрия Лихачева. 2-е изд. СПб. : СПбГУП, 2012. С. 210.

⁴ См.: *Лихачев Д. С.* Письма о добром. СПб. : БЛИЦ, 1999. С. 151.

⁵ Там же.

ное совершенство, пока не представляется возможным. В связи с этим нами выдвигается *мысль о ценности надэтнического вектора развития национальных отношений, базирующихся на признании надэтнического пласта национального достоинства человека. В таком случае национальное достоинство человека во многом определяют региональные взаимопроникающие связи.*

За примером обратимся к некоторым выводам, которые приводит Т. М. Джани-Заде по вопросу этнического фактора в культуре исламской цивилизации¹. Автор отмечает, что при использовании понятия исламской цивилизации речь не идет об «общемусульманской культуре» и не раскрывается конкретно-религиозный смысл. Он исходит из понимания исламской цивилизации как историко-региональной системы, которая базируется на единстве форм культурной гетерогенности, при которой цивилизационная общность культуры характеризуется синтезом трех субкультур: арабской, персидско-тюркской и турецкой. Исламская цивилизация, по мнению Джани-Заде, завершила свое развитие еще в XVII веке, когда мусульманские народы обнаружили неуклонное стремление к созданию собственных национальных государств и локальных культурных традиций, вмещающая накопленный опыт,

что, в частности, проявляется в надэтническом характере исламского творчества. Учитывая надэтнический вектор развития исламской культуры, в частности посредством музыкального искусства, в исламе важными оказались не столько этнические, сколько региональные (регионально примыкающие и проникающие) музыкальные стили. Значительным здесь выступает не столько этническое родство народов, сколько их долгая историческая и региональная связь. На данном примере исламской культуры можно говорить о надэтническом векторе развития национального достоинства как целого в культуре и о надэтническом пласте национального достоинства человека в условиях глобализирующегося мира.

Современное представление о национальном достоинстве человека, как нам видится, далее будет строиться не на этносе, а на надэтническом пласте национальной идентичности, обусловленном региональной сопряженностью (в том числе и межгосударственными отношениями), и все более будет связано с этикой долга, этикой ненасилия, этическим симбиозом. В оптимистическом взгляде на национальное достоинство человека в глобализирующемся мире другого пути пока мы не видим.

С. С. Комиссаренко²

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНТРАПУНКТЫ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ

Возникшая в середине XIX столетия полемика между западниками и славянофилами не теряет своей актуальности и в культурном пространстве современной России. Острота проблемы национально-культурных ориентиров развития страны, географически расположенной на двух континентах и подвергнутой Петром I насильственной вестернизации, сегодня имеет продолжение. Поставленные вопросы так и не разрешили онтологических разногласий: развиваться ли России по западному типу или оставаться верной своей национальной природе? Тектонический сдвиг в умственной жизни России произошел давно, а его последствия ощущаются и сегодня, ибо сама постанов-

ка проблемы является оправданием тревоги за судьбу России.

Полемика зародилась в обществе московско-петербургских литераторов и по существу затронула болезненную тему национально-культурной идентичности. Возникает вопрос: почему в середине XIX века проявилась социальная значимость этой проблемы? с чем связаны искания лучших мыслителей России? Жить локально, изолированно уже не представлялось возможным. Немецкая философия вторглась в русскую действительность, и русская мысль тесно соприкасалась с западноевропейской. Менялся мир, а с ним — и интеллектуальная жизнь России.

Кризис национальной идентичности связан с тем, что были исчерпаны идеи прошлых лет, несмотря на то что было отведено слишком мало времени для реализации главной идеи России, сформулированной С. С. Уваровым: «Православие, самодержавие, народность». Данная идея отражала внутреннюю стратегию национального развития, но не могла ответить на главный вопрос: способна ли Россия развиваться вне ориентации на Запад или может быть вполне самодостаточной и изолированной по отношению к иным культурам? Ответы на эти вопросы связаны с осмыслением себя в мире через развитие социально-исторической мысли в России. П. Я. Чаадаев первым из русских мыслителей не поставил вопрос, а дал четкий ответ: «У нас

¹ Джани-Заде Т. М. Этнический фактор в культуре исламской цивилизации // Музыкальная культура в исламо-христианском контексте. Казань, 2009. С. 44–54.

² Профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Формирование личности: концепции, институты, технологии», «Элита российской культуры», «Культурные традиции русского общества», «Клуб как социальное явление» и др.; статей: «Российский этос: социально-культурный дискурс», «Гуманизм как основа диалога культур в эпоху глобализации», «Духовные миры отечественной культуры: модели современных трансформаций», «Мир пушкинского бытия: ценностно-смысловые доминанты», «Проект “новой породы людей” в социокультурных преобразованиях Екатерины II», «Взаимодействие социального и культурного: проблема доминантности», «Современные проблемы связей с общественностью на политическом поле России» и др.

совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам бог весть откуда... Мы растем, но не созреваем; движемся вперед по кривой линии, то есть по такой, которая не ведет к цели»¹.

П. Я. Чаадаев, доказывая культурную несостоятельность России, первым обнародовал русскую жизнь. Но его взгляды, изложенные в «Философических письмах», уже явились доказательством существования в России различных идей: «Исторический опыт для нас не существует; поколения и века протекали без пользы для нас. <...> Одинокое в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили»². Он бросил зерна в разрыхленную почву русской действительности и еще при жизни получил плоды. Первым ему дал ответ А. С. Хомяков (он был одним из тех почвенников, кто связывал национальную идею России с ее прошлым): «Если б мы не жили мощными впечатлениями времен прошедших, мы бы не гордились своим именем, мы бы не смели свергнуть с себя иго монголов, поклонились бы давно власти какого-нибудь Сикста V или Наполеона, признали бы между адом и раем чистилище и, наконец, давно бы обратились уже в ханжей, следующих правилу “нести зла в прегрешении тайном”». Кому нужна такая индульгенция, тот не найдет ее в наших постановлениях Церкви»³.

Постановка проблемы в то время была контрапунктной. Европейцы отказывали русскому народу в культурной состоятельности, тогда как «славянская партия» требовала «именно утверждения за ним громадной политической, творческой и моральной репутации, великой организаторской силы, обнаружившейся в создании Московского государства и открытии таких общественных, семейных и религиозных идеалов существования, каким ничего равносильного не могут противопоставить наши позднейшие и новые порядки жизни»⁴.

Письма Чаадаева обозначили противостояние двух философских течений — западников и славянофилов. Непримируемость их взглядов на прошлое, настоящее и будущее России разделила русскую мысль. При этом напряженность эпохи 1840-х годов не служила проявлением раздвоения самосознания русской культуры — она была результатом этого раздвоенного самосознания национальной культуры. Русские мыслители лишь зафиксировали и оформили в научные идеи то, что являлось реальной практикой русского бытия.

Что касается великого разъединения русской мысли, то оно продолжилось и в современной России, не изменив вектора разногласий. Контрапунктность современной социально-гуманитарной мысли отража-

ет ту же проблематику в ее исключительном противоречии и противопоставлении одной концепции развития страны другой. Вопрос и сегодня звучит без изменений: куда двигаться России?

Западники, выступающие в роли современных либерал-демократов, предлагают использовать европейские лекала для построения общего российско-европейского дома. Этот дом начали быстро и без особых мудрствований возводить еще в 1990-е годы. И к 2000-м годам сломали, например, стройную, организационно оформленную в советское время систему высшей школы, введя Болонскую модель образования (две ступени «бакалавр–магистр»). Однако вскоре эта концепция утратила перспективы, поскольку развитие отношений между Россией и Западом приостановлено на весьма неопределенный срок. Западные ориентиры были отринуты, также весьма невнятной оказалась новая модель современного образования. Еще во второй половине 1990-х годов ученые В. В. Ильин, А. С. Панарин и А. С. Ахиезер писали: «Путь вестернизации не объединяет, а разъединяет всех. Неудачники образуют большинство. Меньшинство — маргиналы культуры. Внизу вестернизация рождает пролетариев, вверху — нигилистов. <...> Вестернизация, накрывшая Россию, дала результаты: деморализация, денационализация, предельная популяризация»⁵.

Славянофилы в лице современных национал-патриотов ратуют за развитие России за счет внутренних экономических, социальных, интеллектуальных, культурных, национальных ресурсов и связывают ее будущее с ее имперскими ареалами и устремлениями. Один из ярких представителей современного славянофильства — писатель и общественный деятель А. А. Проханов — в частности, пишет: «Русская история — это история русских империй. Россия как цивилизация всегда формировалась и складывалась в имперские периоды. Под империей надо понимать не обязательное существование метрополии или колонии, необязательное существование императоров, централиста, под империей надо понимать симфонию, гармоническое соединение пространств, народов, культур, верований. Когда достигается то, чего отдельно взятый народ достичь не может. Имперская общность порождает грандиозные школы, произведения искусств, лидеров. Цивилизация движется империями»⁶.

Возникает вопрос: почему развитие России должно протекать в условиях крайностей — либо западничество, либо славянофильство? Почему евразийство не может стать срединной идеей? К сожалению, идея евразийства, возникшая в искусственных условиях русского зарубежья в 1920-х годах, не может в полной мере отразить сложную культурную конструкцию России в ее реальных целеполаганиях, в том числе вне политического контекста. Сегодня евразийство также с большим трудом взращивает ростки евразийских идей.

Россия будет искать ответы на заданные вопросы до тех пор, пока не осознает своей цели как результа-

¹ Чаадаев П. Я. Статьи и письма / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. 2-е изд., доп. М., 1989. С. 44.

² Там же. С. 47.

³ Из русской мысли о России / авт.-сост. И. Т. Янин. Калининград, 2002. С. 432–433.

⁴ Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 // Анненков П. В. Литературные воспоминания / вступ. ст. В. И. Кулешова. М., 1989. С. 266.

⁵ Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С. Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса. М., 1996. С. 265, 320.

⁶ www/nakanune.ru/articles/17854

та этих поисков. Ее умственная энергия будет связана с контрапунктными процессами противопоставления одной идеи другой. Хотя еще в 1847 году В. Г. Белинский говорил о «нелепости противопоставлять национальность общечеловеческому развитию, как будто эти

явления непременно должны исключать друг друга, между тем как, в сущности, они постоянно совпадают. Общечеловеческое развитие не может выражаться иначе, как чрез посредство той или другой народности, оба термина даже и немислимы один без другого»¹.

В. А. Курганская²

ДИСКУРС НАЦИОНАЛИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ПОСТМОДЕРНА

Постмодернизм характеризуется Ж.-Ф. Лиотаром как выход из употребления метанарративного механизма легитимации и всех основанных на нем социальных, политических, интеллектуальных практик. В связи с этим представляется важным и актуальным исследование тех стратегий делегитимации традиционных форм нациестроительства и поиска принципиально новых оснований теоретического дискурса и политико-правовой реализации легитимности гражданской и этнокультурной идентичности, которые разработаны в политической антропологии постмодерна.

Дискурс национализма может проводиться в различных дисциплинарных и междисциплинарных пространствах. Относительно новая дисциплина — политическая антропология — небезосновательно рассматривается как одна из наиболее перспективных областей исследования феноменов нации, национальной идентичности и политической идеологии национализма.

Согласно одному из определений, «политическая антропология — наука о “человеке политическом”»: о субъекте политического творчества, его возможностях, границах, специфике его воздействия на социальную и духовную среду общества»³. Такому расширительному определению предмета политической антропологии непосредственно противоречит положение о том, что политическая антропология «стремится к описанию и анализу политических систем (структуры, процессы и представления), свойственных обществам, считающимся примитивными или архаическими»⁴. В сопряжении этих предметных областей и исследовательских интенций политической антропологии формируется особая проблемная ситуа-

ция: каким образом анализ архаических типов политической организации, давно сошедших с исторической сцены или ютящихся в анклавах и на задворках современной постиндустриальной цивилизации, может служить способом осмысления человека как субъекта политической жизни современного государства?

Разрешение этой проблемы в политической антропологии постмодерна связывается с радикальным изменением социального контекста эпистемологии. В «королевской науке» мысль заключает себя в универсальный образ — форму-государство. Повиновение государству есть повиновение чистому разуму. Поэтому неудивительно, что философ стал государственным служащим.

Исторически философия ретерриторируется в национальном государстве соответственно духу того или иного народа. Поэтому история философии отмечена национальными чертами, и становится возможной геофилософия как изучение географии и этнологии разума. Жак Деррида утверждал: «Национализм не только входит как акциденция или как некое зло в философию, которая ему чужда и которая по своему сущностному призванию космополитична и универсалистична, но национализм по существу философичен, он — философия, он — дискурс, структура которого философская»⁵. Однако имманентная связь философии и национализма не означает необходимости их подчинения форме-государству.

Современные национальные государства представляют собой модели реализации имманентной аксиоматики денежных, трудовых, товарных потоков мирового капиталистического рынка — аксиоматики, уничтожающей дополнительные трансцендентные кодировки в виде своеобразия национального характера и культуры. Эти модели реализации могут быть самыми разными, но все они изоморфны в своем отношении к мировому рынку. Поэтому философские концепты, принимая форму-государство, мутируют в «мысли-для-рынка».

Между тем «номадическая наука» выпадает из формы-государства и предписываемого ею конформизма. Из определения Ж. Баландь видно, что политическая антропология не связывает феномен «человека политического» с существованием административно-политического аппарата государства. С точки зрения поли-

¹ Анненков П. В. Указ. соч. С. 259.

² Главный научный сотрудник отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения (Алматы, Казахстан), доктор философских наук, профессор. Автор более 180 научных публикаций, в т. ч. книг: «Метафизика всеединства: личностный смысл мировоззренческих универсалий», «Правосознание этнических групп Казахстана: социокультурный контекст формирования», «Казахстанская модель межэтнической интеграции» (в соавт.), «Постиндустриальные тренды в стратегии инновационного развития Республики Казахстан» (в соавт.), «Управление рисками в сфере внутренней политики Республики Казахстан» (в соавт.), «Экология культуры в формировании современной картины мира» (в соавт.) и др.

³ Ильин В. В., Панарин А. С., Бадовский Д. В. Политическая антропология. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1995. С. 88.

⁴ Баландь Ж. Политическая антропология. М.: Научный мир, 2001. С. 13.

⁵ Деррида Ж. Национальность и философский национализм // Деррида Ж. Позиции. М.: Академ. проект, 2007. С. 137.

тической антропологии политика как отношение распределения власти между индивидами и общественными группами характеризует все типы общества. Тем самым теряет свою принципиальность дихотомия сегментарных догосударственных и централизованных этатистских обществ. Данное положение особо актуально для понимания сути политики и определения базовых политических категорий в современном мире обществ сетевой морфологии.

Социокультурное пространство мира постмодерна эволюционирует по бифуркационной диаграмме доминирования двух взаимоисключающих трендов: 1) стирание граней, разделяющих классы, расы, нации, государства; 2) дробление макроскопических социальных образований на малые группы со своей локальной культурой (субкультурой). Такого рода микрогруппы Ж. Делез и Ф. Гваттари назвали «номадическими племенами», имеющими собственную «племенную культуру». Новый трайбализм или новый номадизм — форма проявления процессов демассификации личности и культуры и вместе с тем форма социальной фрагментации.

Утверждение фрагментарного характера множественности социальных идентичностей используется в философии постмодернизма как способ деконструкции бинарной логики господства и исключения, как вызов тотализирующим дискурсам со стороны мышления в категориях множественности и гетерогенных смесей («сборок»). В эпистемологии постмодерна, в стратегиях деконструкции «речь уже идет не о том, чтобы извлекать константы из переменных, а о помещении самих переменных в состояние непрерывной вариации»¹. В политической антропологии постмодерна этот принцип применяется и к сфере коллективной (национальной, этнической) идентичности, которая принимает форму дрейфа по ризоморфным траекториям произвольно фрагментированного мира. Дезавуирование органических целостностей, формирующихся на основе механизма наследственно-преемственной эволюции, замещает их сингулярными сборками «воображаемых сообществ» (Б. Андерсон), где этногенез принимает форму инволюции — коммуникативного инфицирования. В построении соответствующих моделей идентичности закономерно фигурирует далекий от традиционного субъект этногенеза: «Вампир не размножается, он заражает»². Инфекционная форма сборок идентичностей обладает такой особенностью, как мгновенная трансформация идентичности (туннельный переход между онтологическими состояниями с нулевой рефлексией), в отличие от становления (челночной работы рефлексии в промежуточных состояниях). Поэтому вампир — «настоящий мастер трансцендирования»³ устойчивых идентичностей.

Философско-политическая антропология постмодерна лишает исторических перспектив национальное государство посредством дискредитации легитимирующих функций как нации-государства, так и при-

ципа нации в целом. Например, Кэтрин Вердери пишет о том, что в современном мире традиционное понятие нации утрачивает свою актуальность, но вместе с тем нация меняет референтные группы, возникают новые основания, на которых выделяется национальная идентичность. В частности, получают право на существование такие концепты, как «нация арабов» или «нация гомосексуалистов». «В атмосфере ксенофобии и мультикультурализма эти идентичности превращаются в норму в качестве базовых элементов»⁴ социальной стратификации и концептуального переопределения национальной идентичности.

«Любая мысль — уже племя, она противоположна Государству»⁵. Видя очевидную опасность и «возможный позор» перехода темы племени-расы и гладкого пространства мысли в расизм, сектантство, реактивацию фантазмов фольклора, всеохватывающий фашизм и микрофашизмы, Ж. Делез и Ф. Гваттари вводят «достаточно легкий» критерий: «Племя-раса существует лишь на уровне угнетенной расы... Пария и полукровка — вот подлинные имена расы»⁶. Однако этот «легкий критерий» — лишь внеконцептуальная оговорка. Сами же Ж. Делез и Ф. Гваттари ссылаются на вывод Кеннета Уайта о том, что композит племени-расы и пространства-среды «вдохновляет собственно номадическую мысль, которая сметает английскую литературу и создает американскую»⁷. Американскую «расу» с натяжкой можно отнести к классу полукровок, но уж никак не к миноритарному, униженному и угнетенному племени.

Политическая антропология постмодерна, замещающая просвещенческий принцип гражданского и национального самоопределения принципом произвольности сборок социальных отношений и идентификаций, оказывается в двусмысленном положении. Лишая философской легитимности политические идеологии, опирающиеся на национальное государство и соответственно на гражданский и этнокультурный национализм, постмодернизм вынужден легитимировать маргинальные или искусственно сконструированные типы общностей и девиантные социальные практики. Постмодернистская деконструкция тотализирующих структур и сущностных идентичностей и легитимация маргинально-экзотических типов групповой солидарности вряд ли могут служить теоретическим базисом действенных альтернатив процессам делегитимации национального государства и лежащим в его основе формам национальной идентичности.

Вместе с тем необходимо отметить, что всегда парадоксальные и подчас эпатажные модели «вампирической эпистемологии» индивидуальных и коллективных идентичностей являются отнюдь не произвольными плодами изощренной фантазии интеллектуалов, но во многом конгруэнтны картине мира в новой мировоззренческой и общенаучной парадигме, связанной с междисциплинарными разработками в области синергетики, теории диссипативных структур, теории

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. Кн. 2 : Тысяча плато. С. 620.

² Там же. С. 398.

³ Секацкий А. Прикладная метафизика. СПб. : Амфора, 2005. С. 170.

⁴ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм» // Нации и национализм. М. : Праксис, 2002. С. 305.

⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Указ. соч. С. 633.

⁶ Там же. С. 637.

⁷ Там же.

динамического хаоса и т. д. Нетрудно убедиться, что сингулярные трансформации и «машинные сборки» идентичности происходят в соответствии с бифуркационными диаграммами самоорганизации социального, культурного, информационного, эпистемологического пространства, приобретающего структуру динамического хаоса, описываемую фрактальной геометрией самоподобных объектов.

Анализ ключевых для политической антропологии постмодерна текстов, обращающихся к проблеме национальной (этнической) стратификации, должен исходить из того, что как сами анализируемые концепты, так и описываемая ими реальность представляют собой полиморфные комплексы и мультимодельные сборки, находящиеся в метастабильном состоянии и претерпевающие прерывную, катастрофическую эволюцию.

Соответственно критический анализ и нелинейное моделирование этих конструкций исходит из следующих презумпций: а) перехода от детерминистского языка описания к вероятностно-гипотетическому языку метафорической синергетики человекомерных систем; б) перевода плюрализма точек зрения и равноправия конфликтующих интерпретаций на уровень методологического принципа; в) признания того, что дискурс национализма является моделирующей структурой или способом самоорганизации его семантического поля.

Следование этим методологическим презумпциям означает, в частности, что полученные на их основе результаты и выводы компонуют не блок категоричных утверждений и однозначных оценок, но открытую когнитивную среду новых циклов коэволюции многообразия форм национализма и их теоретических моделей.

М. С. Курманова¹

К ВОПРОСУ О КАЗАХСТАНСКОЙ МОДЕЛИ ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ОБЩЕСТВЕННОГО СОГЛАСИЯ В МНОГОСОСТАВНОМ ОБЩЕСТВЕ

За годы независимости Казахстан выработал собственную модель поддержания межэтнической толерантности и общественного согласия, обеспечивающую участие всех этносов республики в политической жизни. В данном исследовании рассматриваются основные характеристики этой модели. Этнически неоднородный Казахстан представляет собой пример многосоставного общества². По результатам переписи 1999 года, из более ста различных этносов, проживавших в Казахстане, казахи составляли 53 %, русские — 30 %, а представители других этнических групп — более 16 %³. Подобные общества называют бивитническими, ибо в них преобладают два этноса. По результатам последней переписи населения 2009 года, соотношение двух ведущих по численности этносов изменилось: 63,1 % — казахи, 23,7 % — русские и более 13 % — иные этносы⁴. Эти изменения связаны с продолжа-

ющейся эмиграцией за рубеж славянского населения, программой репатриации казахов из-за рубежа в Казахстан и высокой рождаемостью у казахов. Таким образом, Казахстан превращается в бивитническое общество со значительным преобладанием одного из двух ведущих по численности этносов.

Принятая в Казахстане модель развития, которую некоторые исследователи определяют как авторитарную модернизацию, не являясь идеальной, все же обладает одним несомненным преимуществом — она создает условия для достижения политической стабильности, межнационального согласия в многосоставном обществе, обеспечивает условия для экономической и социальной модернизации общества. Казахская модель поддержания межэтнической толерантности и общественного согласия (МЭТОС) включает многие подходы, описанные А. Лейпхардом для общественной демократии, примененные в преобразованном и приспособленном виде для уникальных условий Республики Казахстан. С нашей точки зрения, таких подходов семь.

1. *Президентская форма правления.* В Казахстане всенародно избираемый и наделенный широкими властными полномочиями президент и его администрация стали основными проводниками стратегии межэтнического мира с учетом интересов всех этнических сегментов общества. Если в странах парламентского правления во главу угла ставятся приоритеты демократии и пропорционального представительства, то в Казахстане в первые десятилетия после обретения независимости акцент был сделан на эффективность управления, способность власти осуществить успешную модернизацию, гарантировать представительство и включенность всех этнических сегментов общества в политико-социальные процессы. Президент Казахстана Н. А. Назарбаев в качестве одного из ос-

¹ Доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Алматинского филиала СПбГУП, кандидат исторических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Древний Восток и Античность в историческом зеркале противостояния и взаимовлияния», «Образование как фактор модернизации общества: исторические примеры», «О причинах Первой мировой войны: дебаты в современной английской историографии», «К вопросу об индустриализации в Казахстане и о формировании общества индустриальной культуры», «К вопросу формирования казахского просветительства (На примере жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова)» и др.

² Это общество, разделенное «сегментарными различиями», существующими там, «где линии политического противостояния частично, а особенно полностью, совпадают с линиями социального разделения общества, в особенности с наиболее важными из существующих внутри общества границ» (*Лейпхард А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М., 1997. С. 38*).

³ Национальный состав населения Республики Казахстан. Т. 1. URL: <http://www.stat.gov.kz/getfmg?id=WC16200031101> (дата обращения: 02.03.2016).

⁴ Итоги Национальной переписи населения Республики Казахстан 2009 года : аналит. сб. URL: <http://www.stat.gov.kz/getfmg?id=WC16200032648> (дата обращения: 02.03.2016).

новых приоритетов своей программы провозгласил курс на поддержание межэтнического мира и согласия, включающий законодательные, политические, институциональные и информационные меры.

2. *Принцип представительства.* Особую роль в представлении и защите прав этносов играет Ассамблея народа Казахстана (АНК)¹, учрежденная в 1995 году при Президенте РК с консультативно-совещательными полномочиями. Ассамблея создана в качестве специального государственного органа для представительства совокупных интересов этносов Казахстана в высших органах власти и выработки принципов государственной этнополитики. Гарантированное представительство основных этнических групп в парламенте страны обеспечивается избранием Ассамблеей народа Казахстана 9 депутатов нижней палаты парламента (всего в Мажилисе 107), призванных представлять совокупность интересов всех этносов. В 2012–2015 годах в Мажилисе 21,4 % депутатов представляли различные этносы Казахстана (помимо титульной нации), в Сенате — 19,1 %; на государственных должностях — примерно 13 %, а в государственных органах, непосредственно подчиненных президенту, — спецслужбах, Генеральной прокуратуре, Верховном суде и других — 21,4 %². По мнению исследователя М. Б. Касымбекова, «при решении межнациональных вопросов упор сделан на эффективности правления и предсказуемости политических процессов, которые по объективным причинам доминируют над императивами представительства интересов сегментов такого общества»³.

3. *Языковая политика, отражающая интересы основных этнических групп.* В Казахстане выработана взвешенная языковая политика: сохранение фактического двуязычия в государственной сфере на первые десятилетия после обретения независимости и постепенный переход к преимущественному использованию казахского языка государственными органами и в общественной жизни (при сохранении использования национальных языков, включая русский, в жизни национальных общин). Соблюдение этих двух принципов базируется на следующих нормах — казахский язык

имеет статус государственного, а русский язык наделен статусом межнационального общения, фактически обеспечивающим ему положение второго официально-го языка.

4. *Запрет на деятельность этноориентированных политических партий и пропаганду идей, подрывающих МЭТОС.* При наличии 140 этносов формирование политических партий осуществляется исключительно на общегражданской основе, так как этническая основа партии может повлечь конфликтность и дискриминацию. В политике доминируют политические партии и умеренная оппозиция, не ставящая под сомнение принципы МЭТОС. Отсутствие этноориентированных партий обеспечивает вертикальную политическую интеграцию представителей всех этносов и является гарантом стабильности в обществе.

5. *Равенство возможностей в экономической и социальной жизни.* Одним из важнейших факторов, способствовавших сохранению межэтнического мира в Казахстане, стало создание широких возможностей в экономической жизни для представителей всех этносов.

6. *Эффективное информационное обеспечение МЭТОС.* Информационная поддержка идей толерантности и межэтнического согласия является важнейшей частью информационной политики государства.

7. *Возможность получить образование на национальном языке и широкие возможности для социального и культурного развития всех этносов.* Одним из основных вопросов, определяющих комфортность проживания в Казахстане для представителей всех этносов, является возможность получения образования на родном языке.

Современное развитие МЭТОС связано с концепцией гражданской идентичности. Если после обретения независимости приоритетом было становление государства и создание благоприятных условий для проживания всех этносов, то с укреплением государственности приоритетной стала выработка стратегии интеграции этносов в единую гражданскую полиэтническую нацию — Доктрина национального единства⁴, концепция казахстанской идентичности «Мангилик ел».

¹ <http://assembly.kz/ru/ob-utverzhdenii-koncepcii-razvitiya-assamblei-naroda-kazahstana-do-2025-goda> (дата обращения: 01.03.2016).

² Ашимбаев Д. Классической этнократии у нас нет. URL: <http://www.kazbio.info/?S=198> (дата обращения: 20.02.2016).

³ Касымбеков М. Б. Теоретические аспекты демократической стабильности в многосоставном обществе. URL: <http://kisi.kz/ru/categories/politicheskaya-modernizaciya/posts/teoreticheskie-aspekty-demokraticheskoj-stabil-nosti-v-> (дата обращения: 01.03.2016).

⁴ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30501158 (дата обращения: 01.03.2016).

В. А. Кутырев¹ГЛОБАЛИЗМ: ВМЕСТО НАЦИЙ — РЕГИОНЫ,
ВМЕСТО ОБЩЕСТВА — ТЕХНОС

При поверхностном взгляде на глобализацию она предстает как усиление взаимосвязей между людьми разных стран, национальных этносов и культур, ведущее к формированию из населения земного шара единого человечества. Радоваться бы этому! О жизни «без границ и контрибуций» мечтали самые благородные умы. Однако в который раз подтверждается, что реализация некогда желанных целей часто порождает больше проблем, чем решает.

Преобразование человечества в целое амбивалентно с точки зрения его блага. Если для производства, экономики, техники соединение разрозненных усилий дает эффект эмерджентности, способствует росту, то те сферы жизни, где самоценны различия, деградируют. На начальном этапе усиление взаимодействия может происходить при сохранении качества составляющих систему частей. Возникает феномен комплексности, предполагающий функциональное единство компонентов при их предметной гетерогенности. В отношении общества, если говорить содержательным языком, это интернационализация. В дальнейшем при отсутствии противонаправленных тенденций процессы обычно идут в сторону стирания различий между частями. Компоненты системы становятся одинаковыми, и вся она — гомогенной. Это глобализация. Именно такой характер приобретает сейчас взаимодействие людей на планете, заставляющее беспокоиться о судьбе наций, культур, традиций, сохранении собственно человечности. Мир давно, по крайней мере с Нового времени, становился единым, но теперь он переходит в органически однородное состояние. Однако это не живой организм, а все более искусственная система, во многом подобная органической.

При втором взгляде на глобализацию мы видим, что ей как будто противоречит, противопоставляет регионализация. Если глобализм — это «конец истории» как духовной и личностной формы жизни людей, когда мир превращается из состояния «цветущей сложности» в однообразный «мир-экономику», то кажется, что регионализация увеличивает разнообразие и многоцветье мира. Она предстает «движением к множеству», направленным против единой, стирающей социально-культурные различия между нациями и народами глобализации. Такой вывод, однако, можно сделать, если смотреть на ситуацию «внешне», блуждая в трех соснах и не дальше хода e2–e4. Если же взглянуть глубже, то регионализация, ведущая к раздроблению национальных государств, служит тому, что эти регионы станут легкой добычей глобализма. Регионы

легче «проглотить», у них нет исторических корней, их идентичность в значительной мере сконструирована, причем обычно на экономических основаниях (более богатый регион хочет пользоваться благами отдельно от остальных частей страны). Или просто на каких-то произвольных, нередко странных, иллюзорных и поверхностных, но «других основаниях», детерминированных интересами транснациональных корпораций. Недалекие европейцы толкуют о «Европе регионов», не додумывая, чтобы не пугать себя последствиями, что это образование придет на смену «Европе наций», ее национальных культур, национальных традиций, национальной истории.

По своей глубинной сути регионализация — это механизм разрушения этнокультурных форм существования человечества. Это диалектически коварная форма глобализации в виде движения по ленте Мёбиуса к конечной «кластеризации» мира, когда стираются границы между государствами, внутри государств, между культурами, религиями, нациями и даже полами. Образуется всеобщий космополитический «микс», части которого если и различаются, то на новых, нетрадиционных принципах: «пространственно», корпоративно, внеисторически, постэтнически. Если провести аналогию с идеями К. Маркса, то осуществляется мировоззренческий переход от конкретно-потребительной стоимости вещей/явлений к их абстрактному денежному выражению, в котором исчезают все особенности вещей. При получении торговой прибыли топор и мешок пшеницы уравниваются друг с другом, если продаются по одной цене. Так и люди — все одинаковые, кроме разницы в величине приносимой ими прибыли. Это называется «капитализацией человека». Если воспользоваться терминологией Ж. Деррида, то мы являемся свидетелями перехода от различия вещей/людей/обществ к их различанию. От качества к количеству. И когда говорят о региональной идентичности, то опять-таки не договаривают, что она будет *вместо* национальной. Постнациональной. А фактически не будет никакой, так как ее не на чем основывать, кроме как на разнице уровней экономического развития. В дальнейшем все эти поиски обернутся ликвидацией какой-либо идентичности и торжеством общемирового техноэкономического стандарта, то есть глобализацией. Глобализация — не одномоментный, а многоуровневый поэтапный процесс, в котором регионализм может стать или уже является ее частью. Троянским конем.

Если посмотреть на глобализм в третий раз — не только диалектически, но и сущностно, то это процесс технологизации мира с заменой духовно-ценностных регуляторов жизни внешним контролем. Глобализм означает, что способом бытия человека становятся технологии, особенно по мере распространения Ni-hume технологий. Современная цивилизация предполагает целерациональные отношения между людьми, а это, по сути, технологический подход к миру,

¹ Профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук. Автор большого числа научных публикаций, в т. ч. монографий: «Культура и технология: борьба миров», «Философский образ нашего времени (безжизненные миры постчеловечества)», «Человеческое и иное: борьба миров», «Бытие или Ничто», «Время Mortido», «Последнее целование. Человек как традиция» и др.

даже если он еще не воплотился в «железо» или товар. Сейчас она устремилась к своему идеалу: некоему саморазвивающемуся, все более производительному социотехническому образованию, в котором человек — только средство этого развития. Идеальным воплощением глобализма-технологизма являются виртуальные коммуникационные процессы в медиасфере. На повестке дня — технологизация всего и вся, вплоть до процессов творчества. В пределе, если исключить «пережитки культуры» и взять глобализм в действии, это состояние, когда все вопросы регулирования жизни решаются технологически (социо- и психотехники, сексуальные технологии, техника общения и т. п.). Возникает глобальная цивилизация универсальных систем и сетей (цусс). Или пусть будет — *Технос*, как глобальная открытая цивилизация, сначала раздробленная на регионы, а потом единая — это уже *постобщество*. Или, если воспользоваться понятием, введенным А. Зиновьевым, — технологически регулируемый челове(йни)к.

По мере роста возможностей технологического манипулирования людьми культура как духовность, как механизм поддержания их социальности устаревает, становится ненужной. Отмирает и личность, и даже «актор» (функциональный, но самостоятельный индивид), на смену им идет то, что от них остается: техноиды. Человеческий фактор (социотехнической системы) — зомби (мыслящий без о-сознания, зачем и для чего мыслит), агент (компьютерных сетей), персонаж (виртуальный концепт человека). Для традиционного общества, живого и исторического человека это означает процесс «*деградации в новое*», завершающей стадией которого будет техночеловек (гомутер) — киборг, биоробот, просто робот. Если в перспективе и вместе — робове(йни)к?

Технос не просто сфера наряду с другими (техносфера), а именно то, что, как когда-то культура, пронизывает все. Торжествует принцип пользы, расчета, автоматической обязательности. Если при приеме на работу практикуют предварительное тестирование и проверку на детекторе лжи, то совесть и профессиональная честь большой роли не играют. Если брак заключают как контракт, а ребенок рождается от «совокупления» шприца с пробиркой, то вопрос о любви и чувствах людей снимается. Все решается «извне», в том числе в интимно-внутренней жизни, в сфере духа. Вместо воспитания и образования личности возникает (следите за реформами в образовании) «управление знаниями», которое с легкостью перерастет в информационное и психопрограммирование вплоть до деконструкции и перекодирования. Наиболее последовательные техноиды мечтают об изначальном конструировании человека — о дизайн-бэби.

Замену хотя и стандартных, одномерных, но культурных отношений между людьми на технологические можно считать рубежом превращения глобализации в глобализм. Этот «-изм» отражает переход к жизни без оценки поступков с точки зрения греха и воздаяния, добра и зла, прекрасного и безобразного. Главное — не нарушать правила игры, требующие из всего извлекать пользу, вписываться в потребности дальнейшей

го роста производства и совершенствования техники. В традиционных обществах спорили о высоких целях, в глобальном постобществе — о высоких технологиях и комфорте, которые стали целями человечества. «Комфорт» по-русски синоним «удобства». Цели современного человека, провозглашаемые в том числе и в России на государственном уровне, — «удобства». Чтобы как можно больше и как можно ближе. Их наличие отождествляется со счастьем.

Внешнеполитические дискуссии о «масштабах» глобализма заглушают другую опасность для Homo sapiens, исходящую со стороны технологической экспансии, уничтожающей наш традиционный образ жизни, субъектность, этничность и какую-то, пусть и остаточную, но свободу. Возникающий технологический человек, бурно протестуя против ограничения свободы национально-культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими. Лишение индивида имени, замена его номером и тем более «клеймение» всегда воспринималось как надругательство над достоинством человека. Но если номер обещают ставить лазерным лучом и хранить в компьютере, то у «прогрессивной общности» особых возражений нет. Протестуют консерваторы, фундаменталисты и прочие антиглобалисты. Слежка за гражданином, наружное наблюдение и письменные доносы — тоталитаризм, стукачество, но если посредством телекамер просматриваются целые кварталы, это воспринимается как необходимость обеспечения общественной безопасности. Обыск в форме ощупывания одежды руками отвергается как нечто унижительное (хотя теперь его открыто практикуют), но если по телу водят электронной палкой, все стоят как покорные бараны. И т. д. Лишь бы не со стороны живых людей, не от имени культуры, а техникой — и защитники прав и свобод соглашаются на самый тотальный контроль.

Современные либералы и прогрессисты незаметно, возможно, для самих себя, перерождаются в техно(идов)кратов. Так называемое открытое гражданское общество становится поли-техническим, оно закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционные, национальные и культурные, различия лишь в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая. Идущие в авангарде прогресса страны — за(от)крытые образования, идеалом которых является «электронное общество», фактически электронный концлагерь типа Сингапура. В нем отброшены главные ценности буржуазной демократии: право на частную жизнь, невмешательство государства в дела семьи, тайна личных отношений и т. д. *В условиях глобализма политическая демократия заменяется технократией.*

Глобальное распространение технологий NBICS не сопровождается сдерживающими регуляторами. Они даже не обсуждаются. Или обсуждение есть, но минимальное, несоизмеримое с без(д)умной болтовней о благах, вплоть до виртуального бессмертия, которые по(на)стигнут людей. Или оно сопровождается фаталистическими заклинаниями, что «прогресс не остановишь». Как от смерти не уйдешь, хотя че-

ловек противится этой неизбежной перспективе. Мы окажемся в антиутопии New brave world как зомби, незаметно, что, однако, станет концом (нашего) света. Глобальный челове(йни)к — это общество, которое предсказывали фантасты-утописты начала XX века. Одни с упованием, другие с ужасом. Технологическое постобщество — это и есть конец истории, точнее, *конец социально-культурной истории человечества*, в ходе которой сформировался традиционный Homo sapiens как разумное, но телесное, чувственное, ценностно-духовное, а не виртуально-информационное существо. Очевидно, что все считающие себя представителями этого типа бытия должны бороться за сохранение наций и культур. Кажется бы, защитники демократии и прав человека в свете таких тенденций должны рвать на себе волосы и биться головой о стену, но мы видим почти олимпийское спокойствие, они оживают, только когда речь идет о культурных ограничителях, особенно если те нужны ради продолжения человеческого рода. Современные либералы, сами того не замечая (в изумлении от коварства истории, повторим еще раз), стали сторонниками тоталитаризма, только не политического, а технологического. *Знамя свободы выпало из рук прогрессистов (фаталистов), отныне его несут консерваторы (защитники свободы).*

Глядя на эти тенденции, любой честно мыслящий автор — невольник, понуждаемый объективными обстоятельствами, обязан признать, что *вместо deca-*

dence (утрата воли к жизни), о котором в свое время писал Ф. Ницше, наступают ценности mortido (отказа от жизни и воли к смерти). Под лозунгами прав человека, регионализма, политкорректности и толерантности господствуют ценности самоотрицания и техницизма, идеология автогеноцида. Человечества! Его Бытия! Именно из-за давления этих сил человека пора заносить в Красную книгу. Потому что он становится традицией, сохранение которой равнозначно продолжению его дальнейшего существования.

Сегодня, когда провозглашенная в постмодернизме «смерть человека» воплощается на практике, когда началась революция мутантов, задача ответственной философии заключается в том, чтобы побуждать людей преодолевать охвативший весь мир стихийный технологический глобализм в пользу управляемого развития (*controlled development*) и общества, основанного на мудрости (*wisdom based society*). Хотя бы бороться за него. *Наше положение безнадежно, значит надо (с) делать все, чтобы его изменить.* Задачей философии становится раскрытие закрываемых техногенной катастрофой мировоззренческих глаз человечества. Смысл и надежду на продолжение его существования (при) дает борьба за то, чтобы *остановить без(д)умную историю инновационизма!* Опираясь, в том числе в духе археоавангарда, на новейшую науку, которая допускает бытие возможных миров и полагает любое развитие многовекторным. **Нужна консервативная идеология сопротивления.** Так продлимся...

Д. Э. Летняков¹

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ЧТО В НЕМ ОСОБЕННОГО?

При всем различии в интерпретациях понятия «идеология» и дискуссиях вокруг него² этот концепт обычно подразумевает некий набор ценностей, политических убеждений и символов, которые формируют определенную картину мира, на основе которых происходит мобилизация людей на политические действия и которые служат для легитимации или делегитимации существующего политического порядка.

Принимая это определение идеологии, что мы можем сказать о национализме? Подходит ли он под эту дефиницию? С одной стороны, безусловно, да. Нацио-

нализм действительно предлагает своим сторонникам некоторую систему убеждений и верований, в центре которых стоит национальная идея; не может быть поставлен под сомнение и мобилизационный потенциал национализма (достаточно вспомнить роль соответствующих настроений при распаде СССР). Таким образом, национализм вроде бы обладает всеми ключевыми признаками политической идеологии. Неслучайно одно из самых авторитетных учебных изданий, вышедших в России по этой тематике, называется «Национализм как политическая идеология»³.

Но с другой стороны, есть ряд соображений, которые заставляют задуматься об определенной специфике национализма в сравнении с классическими политическими идеологиями вроде либерализма, социализма или консерватизма. Прежде всего обращает на себя внимание *отсутствие в национализме четкого ценностного ядра.* Разумеется, любое идеологическое течение внутренне неоднородно, однако при всей расплывчатости идейного содержания, когда мы говорим о либерализме, мы понимаем, что он зиждется на идее свободы и правового государства; мы знаем, что социализм предпо-

¹ Заместитель заведующего сектором истории политической философии Института философии РАН, старший научный сотрудник, кандидат политических наук. Автор более 20 научных публикаций, в т. ч.: «Очерки истории русской политической мысли» (учеб. пособие), «Революция 1991 г.: к обоснованию понятия», «Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии», «Всегда ли «культура имеет значение»? О продуктивности культурноцентричных подходов в политической науке», «Существует ли «российская цивилизация»? Опыт критического анализа цивилизационных концепций», «Истоки гражданской политической традиции в России», «Полемика нестяжателей и иосифлян как предмет политологического исследования» и др. Член Российской ассоциации политической науки.

² Малинова О. Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–29.

³ Малахов В. С. Национализм как политическая идеология : учеб. пособие. М. : КДУ, 2005.

лагают идеи равенства и справедливости (пусть разные теоретики и интерпретируют их по-своему) и т. д. А что мы можем сказать о национализме? Например, под маркировку «немецкий националист» вполне попадают такие разные персонажи, как Бисмарк и Гитлер, под знаменем национализма совершались геноциды и этнические чистки, и в то же время индийским националистом был такой апостол ненасилия, как М. Ганди. У национализма нет отцов-основателей вроде Дж. Локка (либерализм) или К. Маркса (марксизм), нет великих текстов, прочитав которые, можно было бы понять суть этого учения. Под определение «национализм» попадают прямо противоположные политические стратегии — так, националистами были поддерживавшие русификацию монархисты-черносотенцы и борющиеся за культурную автономию деятели грузинского или латышского национальных движений; можно говорить о таких разновидностях рассматриваемого феномена, как лингвистический национализм (когда правящий класс проводит политику доминирования в государстве одного языка), экономический национализм (его теоретиком был, например, немец Ф. Лист) и пр.

Короче говоря, национализма как такового вообще не существует, поскольку каждый раз мы имеем дело с совершенно разной интерпретацией понятий «нация» и «национализм», с той или иной разновидностью националистического дискурса. Следовательно, национализм как идеология имеет практически полую структуру, которую участники националистического дискурса заполняют самыми разными смыслами и символами в ходе политической борьбы. Ведь базовое понятие «нация», которым так или иначе оперируют идеологи национализма, может интерпретироваться совершенно по-разному — от биологического родства, принципа «крови и почвы» до общности людей, основанной на согражданстве.

Поэтому национализм невероятно сложно включить в какую-либо из известных классификаций идеологий — мы не можем однозначно расположить его ни на оси «правые/левые» политические силы, ни по принципу «радикалы/реформисты/реакционеры». В течение большей части XIX века слово «национализм» было окрашено скорее в революционные тона, ведь оно ассоциировалось с борьбой за свободу, конституцию и представительное правление — принцип нации как сообщества граждан, от имени которого осуществляется управление государством, впервые был озвучен в ходе Великой французской революции; от имени польской нации шла борьба с гнетом николаевской России в ходе восстания 1830–1831 годов. И лишь ближе к концу XIX века национализм стал смещаться на правый фланг, вступив в союз с консерватизмом.

Еще один момент состоит во «всеядности» национализма, в его способности к альянсу с самыми разными политическими силами. Конечно, мы знаем подобные примеры и с другими идеологиями — существует вариант либерально-консервативного синтеза (Б. Н. Чичерин), соединения религии и политической идеологии (европейские христианские демократы) и пр. Но все же, как правило, такие идеологические симбиозы имеют какой-то предел. Скажем, невозможно представить

себе политическую партию, сочетающую либеральные и фашистские взгляды. Национализм же, очевидно, как раз в силу его внутренней пустоты, непроясненности ценностного ядра готов на любые союзы. Кажется, нет ни одной идеологии, с которой национализм не мог бы взаимодействовать: известны примеры либерально-национализма¹, союза национализма и социализма (включение в программу большевиков пункта о праве наций на самоопределение).

Далее можно сказать, что в современном мире национализм превратился в такую всепроникающую идеологию, отдельные элементы которой пропитали собой все общество. Так, в умах подавляющего большинства людей, вовсе не считающих себя националистами, тем не менее господствует так называемый методологический национализм, в рамках которого современный мир рассматривается как естественно поделенный на национальные государства, что является якобы единственно возможной формой существования человечества²; национальные лояльности, национально-центричный взгляд на проблемы (скажем, представление о территории своей страны как «священной», «исконно нашей» и т. д.), национально-центричное образование (прежде всего гуманитарное и особенно историческое) рассматриваются как сами собой разумеющиеся, без какой-либо проблематизации и рефлексии. Иначе говоря, современное общество настолько сильно индоктринировано националистическими идеями, что многие элементы этого идеологического дискурса рассматриваются как принятые на уровне здравого смысла.

Наконец, последний момент, который выделяет национализм в ряду других политических идеологий, состоит в следующем. Как и в случае с любой другой идентичностью, принадлежность к определенному идеологическому спектру предполагает разделение на «мы» и «они». Для всех остальных идеологий «они» — это всегда сторонники других доктрин, с которыми мы ведем политическую борьбу. Национализму же свойственно проводить идентификационную границу поверх идеологических предпочтений, поскольку для него «мы» — это все члены нашей нации. Принадлежность к национальному «телу» обычно является более важной, чем идеологические, конфессиональные или какие-то другие лояльности. Например, шотландские националисты борются за независимость Шотландии как национального государства для всех шотландцев, неважно, правые они или левые, атеисты, католики или протестанты и т. д.

Обозначенные выше моменты заставляют нас смотреть на национализм как на особую форму идеологии, которая часто не укладывается в привычные рамки и критерии этого политического феномена. Так или иначе, очевидно, что, несмотря на все глобализационные тенденции и возникновение новых форм идентичности в современном мире, национализм как доктрина, как политическое мировоззрение и как чувство еще долго будет оставаться важным фактором политики.

¹ Малинова О. Либеральный национализм (середина XIX — начало XX века). М.: РИК Русанова, 2000.

² Wimmer A., Glick-Schiller N. Methodological Nationalism and the Study of Migration // European Journal of Sociology. 2002. Vol. 43, № 2. P. 217–240.

И. В. Малыгина¹

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

События последних лет привели мир, и без того находящийся в постоянном движении, к новому витку миграционных процессов, по своим масштабам несопоставимых с аналогичными процессами в новейшей истории человечества. При этом большая или меньшая степень пластичности государственных рубежей в значительной мере компенсируется нарастающей плотностью культурных границ, обнаружением ментальных различий и ростом националистических настроений. Данное противоречие заметно не только в странах Западной Европы как реакция на массовую миграцию, стимулирующую столкновение цивилизаций, культур и идентичностей. Подобные тенденции характерны и для государств, демонстративно манифестирующих свои транснациональные внешнеполитические приоритеты и векторы ожиданий. Например, Украина, с одной стороны, ориентированная на европоцентристский тренд социокультурного, политического и экономического развития, а с другой — демонстрирующая взрыв националистических настроений как в среде определенных слоев населения, так и в стратегиях реализации новой государственной идеологии, обоснования «альтернативной» украинской истории частью национальных элит.

В материалах XV Лихачевских чтений нами было предложено определение национализма как идентификационной стратегии, сформировавшейся на определенном этапе историко-культурной динамики. При этом в каждой конкретно-исторической ситуации национализм актуализирует специфические основания социальной консолидации, мотивацию, механизмы формирования и формы манифестации этнокультурной идентичности. Как правило, это зависит от того, какой грани национальной целостности угрожает опасность — реальной или воображаемая. Отсюда многообразие форм национализма (лингвистический, религиозный, основанный на «крови и почве» и пр.).

Последние два столетия человек жил в мире, в котором национальные государства (нации) выполняли функцию основных «единиц выживания», а важным основанием социальной консолидации и идентичности была национальная культура. Этот достаточно новый по меркам истории человечества принцип организации мирового пространства, метафорой которого стала известная сентенция Наполеона «одна нация — одно государство», можно считать исходным момен-

том дискурса национализма. Национализм как «идея нации» привел к совмещению политических и культурных границ: одна нация — один народ — одна культура — одно государство. «Национальные государства и культуры пришли на смену трансграничным полиэтническим династическим государствам и существенно ограничили культурное разнообразие мира. Нации «либо вырастали из прежде существовавших государств и (или) высоких культур, либо извлекали свою культуру из существовавших народных традиций и уже на основе полученной таким образом новой высокой традиции строили политическую единицу»².

Формирование национальных государств современного типа сопровождалось осмыслением культурно-исторических целей и интересов нации как культурной и политической общности, выработкой ее прогнозистических измерений, в определенном смысле уравнивая народы в проекте общего будущего, в отличие от такого различного прошлого, отягощенного культурными травмами. Для нации на начальной стадии ее развития культурная память и мифологизация прошлого становятся не столько интегрирующим, сколько дифференцирующим основанием, способным провоцировать межэтнические внутринациональные конфликты. Поэтому «дар забвения»³ как отказ народов, образующих нацию, от претензий на исключительность своей культуры, истории и судьбы был провозглашен главным условием национального развития, формирования национальной «идеи» и идентичности.

Глобализация изменила контуры мироустройства и со всей отчетливостью обозначила проблему субъектов нового миропорядка. Нации и национальные государства утрачивают статус суверенных субъектов мировых политических, экономических, а соответственно и культурных процессов, делегируя эти функции военно-политическим блокам, экономическим союзам, транснациональным сетевым корпорациям и т. д. Компенсация этой утраты достигается формированием новых модусов и оснований социальной консолидации, «припоминанием» или мифотворчеством, связанным с конструированием национальной культуры, истории и идентичности. И чем меньше доверия заслуживает это мифотворчество, тем в более агрессивных формах оно проявляется.

При понимании, что почти любой тренд в ситуации геополитической пограничности и информационной плотности глобального мирового пространства претендует на универсальность, невозможно исключить опасность трансферта деструктивных форм национализма в российское социокультурное пространство.

Опыт формирования и реализации национальной культуры под названием Россия универсален и уникален одновременно. Если говорить о его специфике, невоз-

¹ Заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор. Автор более 100 публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Uniwersalne cechy i społeczno-kulturowe właściwości rosyjskiego nacjonalizmu», «Россия на рубежах истории и границах цивилизаций», «Российская идентичность в контексте культурных “разломов” глобального и локального», «Идентификационный ресурс культурной памяти: от “помнящей культуры” к “культуре забвения”». Член Президиума Российского культурологического общества.

² Гелнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класа // Нации и национализм. М., 2002. С. 192.

³ Там же.

можно абстрагироваться от ставшей «общим местом» идеи полярности отечественной культуры и ее маятниковом характере. В эту концепцию в полной мере вписывается известное суждение о России как самой нешовинистической стране в мире, стране национального бескорыстия и одновременно стране «невиданных эксцессов национализма» (Н. А. Бердяев).

Для каждого из слагаемых этой антитезы есть достаточная доказательная база. Тезис о России как стране, лишенной националистических предрассудков, со слабовыраженными национальной гордостью и национальным достоинством обретает дополнительную смысловую глубину, если иметь в виду целый ряд особенностей историко-культурного развития страны.

Культура России, как известно, формировалась на границах цивилизационных и культурных миров Запада и Востока под сильнейшим внешним влиянием: славянские культурные традиции веками переплетались с традициями византийской, западноевропейской, мусульманской, языческой кочевой культур. Как результат: российский социум во все времена отличалась высочайшая степень полиэтничности, а вся отечественная история отмечена тенденцией к наращиванию этнического, культурного и конфессионального многообразия.

Еще одна специфическая черта — длительное отсутствие общенационального языка, его разобщенность на социально-функциональные «протоязыки». Общенациональный литературный русский язык сформировался преимущественно в течение первой половины XIX века.

Огромная пространственная протяженность России при слаборазвитой системе экономических и информационных коммуникаций объясняет еще одну особенность — отчужденность основной массы населения от наиболее важных, судьбоносных для страны исторических событий и инертность по отношению к ним. Концентрация социальной жизни, а соответственно и формирование национальной общественной мысли осуществлялись в нескольких крупных городах (Киев, Петербург, Москва).

Перечисленными обстоятельствами (да и рядом иных) во многом обусловлена социальная разобщенность как по горизонтали (между территориальными локализациями), так и по вертикали (между сословными субкультурами российского общества). Этот разрыв был настолько значительным, что образование нации-государства не получило в России достаточного развития и было замещено установлением имперской по своей сути политической структуры. Формирование общенациональной культуры и соответствующей формы идентичности произошло достаточно поздно: вплоть до конца имперского периода она не имела сколько-нибудь большого значения и сохраняла маргинальное положение по отношению к иным основаниям и формам социальной консолидации: родовой, сословной и, конечно, конфессиональной. При этом население России во все времена отличалось выраженной индифферентностью по отношению к инородцам, отсутствием интереса к их иному происхождению и стремлением никак не выделяться из своей среды.

Но в таком случае каковы истоки и особенности русского национализма, который, появившись на мировой арене в XIX веке, получил мощное развитие в Российской империи как политика культурной унификации или *русификации* полиэтничного населения страны?

Существенным отличием русского национализма от европейских аналогов стала определяющая роль государства: «...великий национальный всполох пошел в России не снизу вверх (как в Европе), а сверху вниз»¹. Общегосударственный масштаб политика русификации приняла в конце XIX века. Повсеместное введение русского языка в качестве государственного (и в первую очередь в сферу образования) преследовало две главные задачи: постепенную культурно-языковую унификацию населения империи и подготовку национальных кадров, без чего не может быть самодостаточной экономики, формирования общенационального рынка, укрепления армии, системы образования и т. д. Насколько важной представлялась эта задача правительству, свидетельствует тот факт, что в 1893 году был закрыт один из лучших университетов империи — Дерптский — и именно по причине использования немецкого языка в образовательном процессе².

К началу XX века национализм в России обрел организационно-политические формы. В этот период оформился, в частности, «Союз русского народа» (так называемое движение черносотенцев), отличавшийся крайней степенью нетерпимости по отношению к иным народам. Несколько более умеренной и при этом близкой по идейному содержанию политической организацией этого исторического периода явился Всероссийский национальный союз (ВНС). Провозгласив в качестве программного лозунг «Россия для русских...», его идеологи последовательно проводили политику русификации инородцев, которая предусматривала две основные формы реализации: политическую (частичную) и культурную (полную).

Националистические идеи и движения в России начала XX века не отличались многообразием. Разница заключалась лишь в интерпретации оснований национальной идентичности: так, одни выражали откровенную приверженность расово-биологическому объяснительному принципу (в случае черносотенства), другие же, подобно ВНС, пытались скрыть ее за размышлениями о духовно-культурном происхождении нации, в духе высказывания В. А. Бобринского: «...без православия нет русского народа в культурном и национальном значении этого слова»³. Добавим к этому, что «Союз русского народа» (деятельность которого, по некоторым данным, поддержал император Николай II) участвовал в деятельности Первой Государственной думы, а Всероссийский национальный союз служил серьезной парламентской опорой премьер-министра

¹ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 80.

² См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. С. 109.

³ Бобринский В. А. Пробный камень славянского братства // Лад. СПб., 1911. С. 138.

⁴ Markov N. Der Kampf der dunken Mächte. Erfurt, 1935. S. 4.

П. А. Столыпина. Таким образом, националистическую активность этих организаций можно рассматривать как попытки артикуляции национального проекта, то есть проявления государственного национализма.

Образование Советского Союза, казалось бы, принесло концептуально противоположную парадигму государственного развития, основанную на идеях интернационализма. Однако в реальности основой национальной политики Советского государства была все та же культурная унификация, в результате которой народы СССР (и прежде всего русский) постепенно трансформировались в «новую историческую общность — советский народ», консолидируемую общей идеологией и языком межнационального общения. Таким образом, государственная форма национализма в явной или скрытой форме сохраняла свою актуальность до середины 80-х годов XX столетия.

В перестроечной России на фоне либерализации общественной мысли, дискурса демократических западных ценностей как ориентира национального развития, как ни парадоксально, проявился широкий спектр идеологии национализма: от примитивной демонстрации идей расизма до более тонких форм, связанных с интерпретацией российской истории и культуры.

Тем не менее идеология национализма в ее негативных формах всегда занимала в российском обществе маргинальное положение. С одной стороны, радикальные национал-патриотические силы традиционно находились в оппозиции по отношению к официальной политике государства. С другой стороны, идеология нацистских, фашистских и иных ультранационалистических организаций и объединений (неформальных или обладающих организационной структурой) никогда не находила массовой поддержки у россиян. Вопреки типовым историческим сценариям официальный или государственный национализм в России не породил массового русского национализма ни в качестве своего продолжения, ни в качестве антипода. Возможно, потому, что русский народ, являясь государствообразующим, всегда составлял основу государства, его этническое большинство. Под защитой «своего» государства, в отсутствие угрозы собственной целостности и культурной самобытности проявления национализма всегда были локализованы в масштабах и во времени.

Но что если такая угроза появится? Культура по-прежнему остается самым непредсказуемым игроком в сценарии глобального проекта...

Ф. Т. Мамедов¹

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ

Современный мультикультурный мир переживает трудные времена, отмеченные не только опасными климатическими изменениями, болезнями и кризисными ситуациями, но и турбулентностью процессов развития мировой культуры и цивилизации, осложняющих решение сложных глобальных проблем. Всеобщую озабоченность человечества вызывают опасности, порожденные экстремизмом и терроризмом разных форм, распространение насилия и пренебрежение человеческим достоинством, что угрожает разрушением мира и справедливого гуманного порядка в мировой цивилизации. Большому испытанию подвергаются общечеловеческие ценности.

Мы являемся свидетелями контрастов развития, когда выдающиеся достижения научной и инженерной мысли сосуществуют с культурной отсталостью, с мышлением и поведением, ориентированными на со-

зерцание и потребление, пассивное приспособление к жизни. При этом новая парадигма глобального развития, обусловленная грядущей четвертой промышленной революцией, сулит усиление мировой конкуренции и установление нового промышленного порядка, исчезновение целых традиционных отраслей. Ожидается, что инновации, базирующиеся на комбинациях технологий, дальнейшее стирание граней между физическими, цифровыми и биологическими сферами окажут серьезное воздействие на человеческую жизнедеятельность и отношения, условия труда и быта. Скорость и размах изменений, происходящих в мировой цивилизации, системный характер последствий масштабных перемен в науке, технике и технологии, которыми сопровождается новая промышленная революция наряду с возможностями значительного повышения производительности труда и качества жизни, вызывают определенную озабоченность ученых и специалистов. В контексте Всемирного экономического форума, состоявшегося в январе 2016 года в Давосе, эти проблемы рассматриваются аналитиками либо как предупреждение о новых социальных вызовах гуманизму, связанных с разрушением рынков труда, либо как «сознательное программирование человечества на фатальное углубление социального неравенства». Стремительное развитие науки и техники, усиление мировой конкуренции, глобальное потепление — вызов традиционным культурам многих стран, требующий новых,

¹ Профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики (Баку), доктор исторических наук. Автор более 200 научных и научно-просветительских работ по истории и теории культуры и науки, научных концепций и проектов, нацеленных на модернизацию и социальный прогресс азербайджанского общества и государства. Среди них — фундаментальные труды: «Культурология: вопросы теории и истории», «Культурология как путь к эффективной жизнедеятельности», «Культура управления. Опыт зарубежных стран», отмеченные национальными премиями «Умай» и «Интеллект», «Культурология, культура, цивилизация». Президент Ассоциации культуры Азербайджана. Председатель Общества культурологов Азербайджана. Главный редактор международного культурологического журнала «Симург».

компетентных научных подходов к развитию, отвечающих национальным интересам и удовлетворяющих меняющимся условиям и новым потребностям устойчивости, конкурентоспособности и безопасности.

Проблемы неравномерности развития усугубляются трудностями, связанными с конфликтом культур, нередко обусловленным непродуманной политикой и неправильным управлением мультикультурными обществами, что порождает новые вызовы национальным интересам государств. Конфликт культур разрушает устойчивое развитие и представляет угрозу безопасности не только народов и государств, но и всего человечества. Деструктивные процессы в мировой цивилизации требуют непрерывного корректирования культурного взаимодействия народов, выработки надежных научных стратегий и механизмов для эффективных и своевременных ответов на вызовы времени, обеспечивающих разумную, бесконфликтную и безопасную жизнь во всем мире. Во имя спасения человеческой цивилизации от разрушения, в целях преодоления современных кризисов, выживания и устойчивого развития важно ускорить переход от диалога культур к разработке и осуществлению инновационных культурологических технологий управления процессами совместной жизни.

Неоценимое значение для решения этой глобальной задачи имеют Международные Лихачевские научные чтения — один из крупнейших в мире гуманитарных форумов ученых, деятелей культуры и искусства, политиков и общественных деятелей. Своей масштабной созидательной деятельностью этот культурологический по характеру международный конгресс, ежегодно организуемый в Санкт-Петербурге в Гуманитарном университете профсоюзов, вносит серьезный вклад в диалог культур и сохранение мира, взаимопонимание и сотрудничество между народами Запада и Востока.

Новые возможности для успешного решения указанных проблем также открываются благодаря стратегической программе ООН по устойчивому прогрессу развитых и развивающихся стран на 2015–2030 годы, которая предполагает разработку новых управленческих стратегий, обеспечивающих устойчивое социальное, экономическое и экологическое развитие, а также сохранение мира и обеспечение справедливости. Программа предусматривает предотвращение терроризма, содействие развитию доступного для всех качественного образования, культуры производства и потребления, обеспечению занятости и достижению благополучия, утверждению здорового образа жизни, гендерного равноправия, сокращению неравенства внутри стран и между ними. Новые цели ООН по устойчивому развитию закладывают основу для научно обоснованного ответа на перманентные вызовы глобализации путем разработки и осуществления профилактических мер по устранению основных причин, способствующих социально-политической нестабильности. Большое значение для этого имеет и деятельность международной организации «Альянс цивилизаций», миссия которой состоит в построении мостов взаимопонимания, сотрудничества и партнерства между цивилиза-

циями, в преодолении поляризации и противостояния между ними путем направления энергии и усилий народов в созидательное русло сотрудничества.

Сложность этой задачи обусловлена множественностью культур, этносов, религий и моделей поведения людей, которые на разном уровне представлены в большинстве современных стран Запада и Востока. Культуры весьма устойчивы, и каждая из них по-своему относится к религии, правде, человеческим отношениям. Вместе с тем в каждой культуре имеют место мышление и поведение части индивидов, не характерное для этноса в целом. Людям свойственны разные уровни не только личной культуры, но и восприимчивости к культуре вообще. Ричард Льюис обращает внимание на наблюдения психологов, утверждающих, что если приобщение к определенной культуре начинается с раннего возраста, то в течение 12 лет полностью формируется культурный характер, сохраняющийся всю жизнь. Определенное влияние на формирование культуры, образа мышления и поведения человека оказывают такие факторы, как воспитание, образование, социальное происхождение, этнические традиции, место рождения, место проживания, профессия, работа, пол, возраст, религия, а также индивидуальная психология. Не менее важны природно-географические условия, генетический код культуры, социальная среда, историческая обстановка и культурный обмен. Именно сочетанием этих постоянных и переменных величин во многом определяется разное видение мира. Поэтому совместимость культур требует осуществления специальных программ языковой и культурологической подготовки, предполагает разумные компромиссы. Используя возможности образования и воспитания, следует настойчиво выработать идентичность в мышлении и поведении людей разных национальностей, культивируя ценности общечеловеческого характера, при условии поддержания благоприятных социально-экономических условий.

Конфликт культур, имеющий место в Европе сегодня, во многом обусловлен и тем, что в форс-мажорных условиях военных столкновений невозможна быстрая культурологическая подготовка беженцев. Следовательно, процессы аккультурации и инкультурации, лекции и тренинги по межкультурной коммуникации и мультикультурализму в разных странах мира необходимо осуществлять заблаговременно с целью формирования менталитета *Nomus culturalis* и выработке на этой основе глобальной культурной идентичности в мировой цивилизации. Такой подход будет способствовать взаимопониманию, сохранению мира, предупреждению конфликтов и взаимовыгодному сотрудничеству между народами и государствами.

Важным условием стабильного развития человечества является сохранение мира и суверенитета государств на основе международных правовых норм, развитие взаимовыгодного сотрудничества, международное содействие поддержанию социальной, экономической и экологической безопасности различных стран, предупреждающей вынужденную миграцию. Культура мышления, восприятия и общения, модели поведения, этические и правовые нормы разных людей и народов

должны быть гармонизированы, что невозможно без специальной культурологической подготовки. Необходимость в такой международной подготовке, призванной адаптировать нормы поведения мигрантов к действующим в принимающей стране стандартам жизнедеятельности, обусловлена тем, что культура представляет собой сложный социальный феномен.

Особого внимания заслуживает разработка основанных на системном подходе эффективных культурологических технологий и действий, обеспечивающих трансформацию общественного сознания. Речь идет о долговременных когерентных механизмах воспитания, способствующих программированию позитивного менталитета детей в разных странах. Независимо от генетического кода культуры человека, в программировании его менталитета должны участвовать семья, школа, трудовой коллектив, общество и государство. Не менее важно переформатирование менталитета взрослых с целью повышения общего уровня духовной культуры народов, их взаимопонимания, идентичности и солидарности на основе базовых ценностей гуманизма, справедливости и устойчивого развития. Культурологическое «программирование» менталитета человека должно способствовать выработке благородства характера как универсального качества для всех людей планеты, во многом определяющего идентичность их поведения.

Особо хотелось бы подчеркнуть важность распространения в обществе универсальных культурологических знаний о мировой культуре. Интеллектуальное и нравственное обогащение людей способствует системному видению мира. Оно дает важное преимущество, обусловленное гибкостью и широкой панорамой видения, повышает шанс на выбор правильных решений в сложных ситуациях, открывает новые возможности для гармоничного развития. В процессе жизнедеятельности в разных странах человек непременно общается с другими людьми, представляющими различные нации и религии, разное мировоззрение, характер и модели поведения. При коммуникации каждый должен корректировать свою речь и поведение с учетом системы этических ценностей, принятых в других культурах. В общении с людьми разных национальностей следует учитывать также различия в культуре речи. Важно знать особенности речи представителей разных народов, разбираться в смысле их слов и интонаций, особенно если имеет место кодированная речь. Поэтому целесообразно на основе единых международных программ осуществлять в каждой стране обучение людей сущности и особенностям мировой культуры и цивилизации. В процессе такого обучения особенно важно формирование присущей мультикультурализму вежливости и толерантности, ибо в сложных или критических ситуациях, а нередко и при непонимании «запускается программа» поведения, соответствующая психическим особенностям национальной культуры, что может спровоцировать конфликты.

В отличие от цивилизации, в которой сосуществуют добро и зло, созидание и разрушение, культура является символом, процессом и результатом креативной жизнедеятельности, объединяющей интеллектуаль-

ные, нравственные и материальные компоненты. Для устойчивости социально-культурного развития следует обеспечивать разумный баланс рационального подхода и нравственных ценностей в отношении индивида и общества. С учетом этого на международном уровне целесообразно выработать, согласовать и принять новые, отвечающие требованиям времени, базовые культурные принципы и критерии, так как в разных культурах существуют разные представления о ценностях, добре и зле, правде и правильности. Решение этой стратегической задачи требует более активного и результативного сотрудничества ученых и политиков, направленного на выработку и распространение универсальных стандартов высокой культуры, синтезирующих разумные, испытанные временем стандарты жизнедеятельности разных народов. Практическое воплощение в мировой цивилизации таких стандартов, отвечающих потребностям и стратегическим интересам миллионов людей, будет способствовать достижению устойчивого развития, гармоничного и надежного будущего человечества.

Несколько слов об азербайджанской модели мультикультурализма, прошедшей испытание временем. В Азербайджанской Республике толерантность является не только базовым принципом современной политики, но и главной сущностью истории народа. Компаративный анализ дает основание полагать, что наряду с другими культурами мира, воплощающими позитивный социальный опыт человечества и высокие стандарты культуры жизнедеятельности, гуманистическая культура Азербайджана может быть одним из наиболее продуктивных примеров формирования современной политики мультикультурализма. В течение столетий культурное многообразие в Азербайджане было источником активного культурного обмена между представителями разных этносов и религий, служило и служит обогащению национальной культуры азербайджанского народа, сохранению и развитию его богатого и самобытного культурного наследия.

В Азербайджане, расположенном в центре исторического взаимодействия и взаимовлияния цивилизаций Востока и Запада, мультикультурализм, эмпатия и альтруизм — это образ жизни народа, сложившийся в течение многих столетий совместного проживания представителей разных этносов на общей территории. Политика азербайджанского государства, независимо от исторического времени и строя, традиционно строилась с учетом необходимости поддержания гармонии культур и интересов представителей разных этносов и религий, на основе таких стратегических политических ценностей, как мир, безопасность и социальное развитие.

Азербайджанцы обладают уникальными культурными особенностями, в которых удачно синтезировались основные черты линейно-активной, мультиактивной и реактивной культуры, преимущества индивидуалистской культуры Запада и коллективистской культуры Востока. В древней и богатой азербайджанской духовной культуре, уходящей корнями в античный период мировой истории, гармонично сочетаются высокие стандарты гуманизма и этические нормы многих

этносов и религий. В исторической памяти азербайджанского народа сохранены ценности зороастризма, христианства и ислама, эллинистической, тюркской, индоевропейской, кавказской и иудейской культур. В Азербайджане в течение столетий в мире и дружбе совместно проживают турки, курды, евреи, таты, русские, талыши, лезгины, татары, украинцы, грузины, аварцы, удины, хыналыги, ингилойцы, армяне и представители других народов, гармонично интегрированных в азербайджанскую национальную культуру в результате длительного этногенеза. Одним из показателей и катализаторов этого единства и культурной интеграции является множество смешанных браков. Азербайджанцы рассматривают культуру как выбор добра, высокой этики и созидания на благо людей. Они исходят из того, что истинным критерием ценности человека является его культура.

После распада СССР народ Азербайджана, бывшее одной из самых интернациональных республик, сохранил традиционную толерантность, и в новых исторических условиях страна стала проводить целенаправленную политику мультикультурализма. В соответствии с ценностями демократии азербайджанское общество носит инклюзивный характер, то есть построено на признании ценности человека независимо от национальности и религии, места рождения, места проживания или профессии. Это общество без дискриминации и предубеждений, в котором уважаются и ценятся все люди, в котором каждый человек независимо от его достижений может быть услышан и рассчитывать на взаимопомощь. Сегодня в Азербайджанской Республике создаются равные права и возможности для жизнедеятельности и развития представителей всех национальностей и вероисповеданий. Каждому предоставляется возможность выбора профессии и наилучшего использования своих способностей для своего и общественного блага. Такой подход предупреждает конфликт культур и интересов, позволяет избежать этнорелигиозных водоразделов и экстремизма, лежащих в основе большинства человеческих трагедий. Достижения в этой области стали возможны во многом благодаря культуре государственного управления, основанной на системном научном подходе к проблеме устойчивого развития и мультикультурализма. Не ограничиваясь диалогом культур, такой подход предусматривает разработку и внедрение инновационных культурологических технологий государственного управления, адекватных меняющимся условиям и потребностям нацио-

нального развития. В частности, государство стремится вовлекать все категории населения в решение задач, отвечающих национальным интересам, в процессы общественного производства и распределения. С этой целью осуществляются крупные общенациональные проекты развития человеческого капитала, сплачивающие людей разных национальностей и вероисповедания, укрепляющие чувство их востребованности. Правильность такой политики подтверждена историческим опытом. Она отвечает национальным интересам страны в условиях глобальных вызовов мировой цивилизации.

В ситуации стремительного расширения спектра глобальных проблем, угрожающих существованию человечества, необходимо объединение международных усилий в области дальнейшего поиска подходов к достижению гармонии между культурами и цивилизациями. Гармония же требует, чтобы субъекты коммуникации были культурно совместимы, осознавали собственную уникальность и общность судеб всего человечества.

«Человеческим» фактором предупреждения и решения общечивилизационных проблем является утверждение в системе образования и воспитания, средствах массовой коммуникации антропологической модели «*Homo culturalis*», в основу которой будет положен принцип глобальной культурной идентичности, опирающейся на ценности справедливости и солидарности, взаимопонимания и добра. Для этого необходимо формировать профессиональную компетентность кадров, занимающихся вопросами межкультурных коммуникаций и мультикультурализма, хорошо знающих культуру разных народов и способных вырабатывать компромиссные коммуникативные модели. Актуальной задачей является подготовка международных специалистов по «синтезу» культур на основе селекции лучших принципов, стандартов и норм жизнедеятельности и обучению этому людей в различных странах. Такой подход требует международной солидарности и объединения усилий ученых и специалистов, преподавателей и политиков всего мира для разработки и реализации специальных культурологических просветительских программ по реформатированию сознания и выработке универсальной идентичности в целях спасения человечества от разрушительных процессов и катастроф. Глубоко убежден, что это нелегкий, но единственно возможный путь, ведущий к преодолению терроризма и ксенофобии, путь к «свету в конце тоннеля».

В. Э. Манапова¹

ЭТНИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ И НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Глобализация, качественно трансформируя всю структуру общества, ведет к глубинным сдвигам, ломке многих устоявшихся национально-традиционных форм и не всегда однозначным последствиям. Это усложняет процесс адаптации к новым жизненным условиям и способствует консервации патриархального, отжившего, архаичного под видом подлинно национального, тем самым тормозя его последствия. Этническое самосознание на обыденном уровне содержит много предрассудков и заблуждений. Наиболее характерными их чертами являются рациональная необоснованность и наличие штампов. Как отмечает И. Кон², стереотипы являются неотъемлемым элементом обыденного самосознания, так как никто не в состоянии реагировать на все встречающиеся в жизни ситуации. Самоидентификация неотделима от образа «другого», чужой культуры. В межкультурной коммуникации принято разделять гетеростереотипы, то есть стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и автостереотипы, то есть мифы о самих себе, существующие внутри данной культуры. Зачастую автостереотипы конструируются при помощи литературы, средств массовой коммуникации, фольклора. И нередко автостереотипы не совпадают с гетеростереотипами. Представители определенной культуры бывают крайне удивлены, узнав, как их воспринимают со стороны. Например, американцев поражает то, что русские характеризуют их как «улыбающихся, но неискренних»³. Во многом стереотипизация образов американцев и русских объясняется многолетней холодной войной между странами, которую американские психологи назвали «войной слов». Слова Н. С. Хрущева «мы вас закопаем» спровоцировали чувство враждебности у миллионов американцев, так же как и метафора Р. Рейгана, отозвавшегося об СССР как об «империи зла» (*evil empire*), имела серьезные политические последствия.

А. П. Садохин указывает, что разделение на «чужих» и «своих» может привести к отношениям как сотрудничества, так и конкуренции. В связи с этим культурная идентичность может рассматриваться в качестве одного из важнейших инструментов, который оказывает влияние на сам процесс коммуникации. Сталкиваясь с представителями других культур, человек отмечает много необычного и странного для себя. Исходя из этого обстоятельства в межкультурной

коммуникации понятие «чужой» приобретает ключевое значение. Ж. Деррида, цитируя Левинаса, пишет: «Другой как Другой есть не просто *alter ego*. Он является тем, чем я не являюсь». «Приличие» и «текущая жизнь» напрасно нас уверяют, что «иной познается симпатией, как другой “я сам”, как *alter ego*»⁴. Таким образом, если для Гуссерля «другой» — это «другой», а «не камень или бессловесное существо в моей реальной экономике», то для Левинаса «чужой» является бесконечно иным, потому что ничто не может отразить субъективной стороны его переживания так, как оно было пережито им. В этом и проявляется асимметричное отношение к «другому». Иными словами, «чужой» — это тот, кто никогда не станет «своим» в силу «инаковости».

По утверждению Г. Зиммеля⁵, «чужой по самой своей природе не владеет землей, причем землю надо понимать не только в физическом смысле, но также в переносном смысле жизненной субстанции, фиксированной... в идеальном пространстве общественного окружения». Следовательно, для Г. Зиммеля чужой — это тот, кто не имеет почвы, «фундамента», а значит, он легче приспосабливается к новым условиям, ассимилируется и легко добивается успехов в новом месте. Другая сторона этого явления заключается в том, что в сознании коренного населения чужаки ассоциируются с теми, кто нарушает привычный образ жизни, ломает привычную систему ценностей, а потому они вызывают негативное отношение и даже ксенофобию. Нельзя не отметить тот факт, что в сознании этноса образ «чужого» обретает определенные черты, призванные проводить демаркационную линию между «своими» и «чужими». Мифы и мифологемы воплощают идеальные представления этноса о своем происхождении, основных событиях развития, выстраивается очертавание будущего. В настоящее время в рамках этнической психологии рассматривают типичные мифологемы, характерные для самосознания конкретных этносов. Но помимо типичных исследуются также универсальные «повторяющиеся мифы, кочующие по разным временам, странам, народам»⁶. К универсальным мифам этнического самосознания В. А. Шнирельман относит мифы об автохтонности, прародине, лингвистической преемственности, этнической семье, культуртрегерстве, этнической однородности, заклётом враге — этническом единстве.

Говоря об автохтонности, то есть о необычайной древности (если не исконности) своей этнической культуры, хотелось бы привести несколько примеров из современной истории. Как пишет Ф. С. Эфендиев⁷,

¹ Доцент кафедры гуманитарных дисциплин Дагестанского государственного университета народного хозяйства (Махачкала), доктор философских наук. Автор 62 научных публикаций, в т. ч.: «Межкультурный диалог и коммуникативные помехи», «Культурное многообразие и глобализационные процессы», «Традиционная этническая культура: этикетные нормы и семиотика жилища», «Проблема понимания в диалоге», «Миграция как фактор конфликтогенности», «Национальный характер: истоки формирования и стереотипы поведения», «Диалогизм восточной культуры в прошлом и в современности» и др.

² Кон И. Психология предрассудка // Новый мир. 1966. № 9.

³ Там же. С. 258.

⁴ Деррида Ж. Насилие и метафизика. М., 1967. С. 686.

⁵ Померанц Г. Долгая дорога истории // Знамя. 1991. № 11. С. 183–187.

⁶ Горелова В. Н. Обыденное сознание как философская проблема. Пермь, 1993. С. 152.

⁷ Эфендиев Ф. С. Этнокультура и национальное самосознание. М., 1999. URL: <http://www.i-u.ru/forum/>

горские интеллектуалы выдвигают множество идей и создают различные этногенетические мифы о древнейшем происхождении своего народа, языка и культуры. К примеру, адыги признают себя самым древним народом Кавказа, ингушские авторы считают себя прямыми потомками алан, а чеченские ученые выдвигают концепцию о существовании прямой преемственности между вайнахами и хуррито-урартами. В результате развития этой этногенетической концепции считается, что прямые предки чеченского народа стояли у истоков создания всех древнейших государств Передней Азии. Тем самым создаются мифологемы, приписывающие цивилизационную миссию чеченскому народу, как на Кавказе, так и в Малой и Передней Азии. Следует также оговориться, что идею создания этногенетического мифа и формирования образов великих предков чеченцев поддерживал и санкционировал бывший президент Чеченской Республики, генерал Джохар Дудаев. В частности, в одном из своих выступлений он сказал, что, будучи «древнейшим народом на Земле», «чеченцы самим космосом и Аллахом были призваны возглавить все кавказские народы и вести их к великому будущему». Эта идея неоднократно внедрялась в массовое сознание народа. Каждому чеченскому ребенку вменялось в обязанность уметь разбирать урартскую клинопись как ценное этническое наследие чеченского народа. В этот период активно разжигались этнический национализм, нетерпимость, происходила манипуляция массовым сознанием, а также мировоззрением подрастающего поколения посредством национально-мифологических идей.

Ингушские историки также мифологизируют историю своего народа. На республиканском уровне часто муссируется идея о том, что древнейшим языком на Земле является ингушский. Якобы ингушский язык нашел широкое распространение в древнейших мировых цивилизациях, о чем свидетельствуют топонимы многих стран Европы, Азии, Америки и Африки. По мнению этих ученых, ингушский язык служил основным «фундаментом при формировании индоевропейских и некоторых азиатских языков». Таким образом, мы можем утверждать, что современные этнические мифологемы горских интеллектуалов не ограничиваются пространством Северо-Кавказского региона, так как охватывают все регионы земного шара.

Аналогичными этногенетическими мифами увлечены и некоторые дагестанские ученые, в частности кумыкские и лезгинские интеллектуалы. Так, кумыкские ученые доказывают, что палеотюрки («протокумыки») стояли у истоков всех цивилизаций и всех многокультурных групп Старого Света. А лезгинские ученые по-

лагают, что древнейшие народы — это шумеры, хурриты и урарты, которые произошли от «кутиев-протолезгин» в результате расселения из районов Ван и Урмия Юго-Восточного Кавказа.

Подобная трактовка истории, попытки переписать историю и исказить исторические факты приводят к межнациональным конфликтам и дестабилизируют межнациональные отношения. Мифологемы не являются строгой, логически выверенной мыслительной формой, как, например, научные понятия. Мифы могут допускать внутреннюю неоднозначность, так как в значительной степени подвержены модификации. Современные мифологемы порой настолько расходятся с архаичными, что не всегда представляется возможным их опознать в этническом самосознании. Такова, к примеру, мифологема «отца нации», перекликающаяся с древними мифами. Как известно, в первобытной мифологии функцию борьбы со злыми силами берут на себя культурные герои. В современном обыденном этническом сознании та же задача возлагается на лидера, вождя. Несмотря на кажущееся различие данных образов, механизмы мифологизации остаются аналогичными, происходят идеализация образа, его героизация и сакрализация.

Зачастую конструирование «я-концепции» сопровождается формированием образа врага. По мнению И. Б. Гасанова, «в различных обществах и культурах, у различных народов “образ врага” приобретает некоторые общие черты. При всех различиях в причинах и обстоятельствах конфликтов и войн, на протяжении истории существует повторяющийся набор изображений противника — некий архетип врага, который создается, как мозаика, по частям. Враг изображается чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком, преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью»¹.

Россия также не осталась в стороне от данного явления. По словам Т. Г. Стефаненко², в последние годы — в ситуации социального и экономического кризиса — постоянно раздаются голоса о геноциде русского народа, заговоре против русских со стороны международного сионизма и кавказской мафии, формируются общественные защиты русских в России.

В структуре этнических интересов представлены как собственные интересы этнической группы, так и более масштабные общезначимые интересы, которые предполагают уважение других народов. На уровне этнического самосознания наиболее значимые для этноса ценности отражаются в понятии «идеал», частью которого являются идеи, комплекс которых принято называть национальной идеей.

¹ Гасанов И. Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М., 1994. С. 3–7, 23–39.

² Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pcihol/stef/

М. А. Мануильский¹

РОССИЙСКИЙ ЧИНОВНИК КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ВТОРОГО ПЛАНА

Говоря с молодыми литераторами, он [Ф. Булгарин] утверждал, что существенной разницы между ним и Пушкиным не было.

— Всегда оба старались быть полезными по началству.

Ю. Тынянов. Малолетний Витушищников

Характерной чертой российского национально-го сознания является мессианизм — идея об особом предназначении России. Долгое время эта установка выражалась в идеологии «Москва — Третий Рим», затем — в идее построения коммунизма. Сегодня на смену пришла пока еще не очень отчетливо сформулированная концепция новой демократической России в многополярном мире.

Всякий мессианский проект имеет сложную структуру, включает ряд сопутствующих идей, касающихся условий его реализации, лидеров и сторонников, с одной стороны, противников — с другой, и т. д. В российском национальном сознании к числу таких «идей второго плана» относятся идея власти и персонифицирующая ее фигура чиновника. Лучшие отечественные умы посвятили этой теме сотни страниц своих произведений. «Номенклатура» благодаря М. Восленскому стала неотъемлемой чертой образа России на Западе. Любопытно, что с точки зрения мессианской парадигмы тандем «власть–чиновник» играет противоречивую роль. Первая в лице государства выступает локомотивом, последний — тормозом.

Естественно, образ государя (служилого) человека несопоставим по масштабам с концепцией мессианизма, претендующей на цивилизационную значимость. Вместе с тем в силу особенностей исторического развития страны концепт чиновника был и остается по сию пору призмой, сквозь которую вольно или невольно рассматриваются любые существенные новации в национальном сознании и жизнеустройстве. Начало этому положила опричнина; петровская Табель о рангах придала проекту общенациональный характер, свое всеобъемлющее воплощение бюрократическая машина получила в советской административно-командной системе.

Несмотря на тотальный характер, фигура чиновника остается для массового сознания загадочно-демонической: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно

¹ Заместитель главного редактора журнала «Человек» Президиума РАН, старший научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук. Автор ряда научных публикаций по проблемам философии и культуры, в т. ч. книги «Новая школьная энциклопедия. Человек»; статей: «Максими должного, парадоксы сущего», «Энциклопедические контуры человека», «Биография в структуре жизненного мира индивида», «Комплексное познание человека в единстве социальных и биологических качеств», «Постижение человека» (в соавт.), «Из архива “Социологических исследований”» и др. Член редколлегии журналов «Человек», «Социологический журнал». Награжден почетными грамотами Президиума РАН.

и лаяй»². Одна из причин тому: рационально-теоретический дискурс по поводу бюрократии всегда жестко контролировался властью. Сегодня ситуация меняется. Во-первых, резко возрос интерес к проблемам корпоративной этики как одному из важнейших факторов формирования гражданского общества. Неслучайно в последнее время кодексы профессиональной этики приняты во многих ведомствах — в Министерстве внутренних дел, Прокуратуре РФ, Федеральной антимонопольной службе и т. д. Во-вторых, и в теории, и на практике наметился переход к новому государственному управлению. Концепт базируется на доверии как основе власти, трактовке государства как поставщика услуг, освобожденного от любых политических интересов, кроме удовлетворения запросов потребителей.

Вместе с тем анализ литературы показывает, что в работах по государственному строительству, теории управления, социологии власти развернутое понятие чиновника отсутствует. Теоретические построения сводятся к разделению чиновников³ на гражданских управленцев и сотрудников силовых структур, а также к детальной проработке прав и обязанностей государственных служащих; последние изложены в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Таким образом, в теоретическом плане образ современного чиновника носит преимущественно дескриптивный, а не аналитический характер, отягощен набором мифологем и стереотипов, по большей части с отрицательным знаком. Сегодня при слове «чиновник» у рядового гражданина обычно возникают следующие ассоциации: принадлежность к «аппарату» как некой тесно связанной официальными и неофициальными отношениями и закрытой от внешнего мира структуре управления (власти); интеллектуальная ограниченность; отсутствие специфических знаний и умений; некомпетентность в своей зоне ответственности; доступ к общественным благам как функция места, а не собственных профессиональных и личностных качеств; дефицит моральных ограничений, демагогичность, лицемерие, бездушие, формализм, низкий официальный заработок, коррумпированность, амбициозность, чиновничество.

² Согласно Википедии, фраза означает: «Чудовище тучное, гнусное (либо грубое), огромное, со ста пастями и лающее».

³ В их общей совокупности принято выделять сотрудников государственных и региональных (муниципальных) органов управления. В данном случае мы отходим от этих различий.

Не отрицая справедливости приведенных характеристик, подчеркнем: необходимо реконструировать образ государственного служащего, который способен выполнять и выполняет сложные задачи по поддержанию и развитию общественного организма.

Государственные служащие являются предметом изучения различных наук: государства и права, истории, психологии, социологии, теории управления. Можно выделить несколько подходов к проблеме — психологический, исторический, институциональный. Отечественная наука также располагает эмпирической базой по рассматриваемой теме¹. Учитывая сложность и многообразие феномена чиновничества, наличие превращенных и латентных форм его бытования, наиболее адекватным, на наш взгляд, является междисциплинарный подход к проблеме. В рамках такой парадигмы предлагается следующее определение: *государственные (муниципальные) служащие* — социально-профессиональная группа, объединяющая лиц преимущественно с высшим образованием, занимающихся деятельностью, связанной с управлением в различных сферах общественной жизни, то есть с ее планированием, организацией и распределением ресурсов, в системе личностных регулятивов которой (деятельности) преобладает опосредованная (или так называемая отложенная) мотивация, закрепленная в корпоративных нормах и ценностях.

Рассмотрим проблему более подробно.

1. Под различными сферами общественной жизни понимаются локальные социальные пространства (социальные институции), формирующиеся как поле столкновения разнонаправленных интересов, проблем, требующих решения². Для их согласования, в идеале — оптимизации, необходимы особые социальные (управленческие) технологии, граничащие порой с искусством. Главным из таких искусств является умение «решать вопросы».

2. Опосредованная мотивация рассматривается как оппозиция непосредственной мотивации деятельности. Среди ее важнейших стимулов: ожидание, что высокие показатели в работе обязательно (или с большой долей вероятности) повлекут рост материального вознаграждения; высокая удовлетворенность трудом; возможность систематически проявлять свои творческие способности и т. п. В опосредованной мотивации эти параметры предстают как потенциальные или реализуемые в долгосрочной перспективе. Так, материальное поощрение в управленческих структурах госслужбы непо-

средственно не коррелирует с эффективным решением, предложенным специалистом. Во-первых, потому что в социальной сфере положительные последствия принятых мер, как правило, проявляются по прошествии определенного времени. Во-вторых, система государственного управления устроена таким образом, что всякое гениальное решение (предложение, проект), прежде чем будет реализовано, должно пройти массу согласований, после чего проблема «авторства» теряет смысл. Поощрением в такой системе выступает накопление социального (символического) капитала, обеспечивающее карьерный рост.

3. Неотъемлемым, системообразующим качеством чиновника (государственного служащего) выступает язык общения. Наличие профессиональной лексики — обязательное условие существования любого корпоративного сообщества. С этой точки зрения упомянутый параметр не может рассматриваться в качестве необходимого и достаточного. Вместе с тем значение специфического языка общения выходит за рамки жизнедеятельности управленческой корпорации. В известном смысле чиновники для того и существуют, чтобы транслировать, разъяснять, доводить до сведения населения законы, юридические нормы, распоряжения власти, то есть переводить канцеляризм на обывательский язык.

Резюмируя сказанное, отметим: специфический характер мотивации и языка представляет собой важнейшее слагаемое «я-концепции» чиновника и одновременно элемент корпоративной этики. Это обязательный элемент характеристики социально-профессиональной группы государственных служащих наряду с наличием специального образования и навыков, с такими личными качествами, как ответственность, исполнительность, коммуникабельность, моральная чистоплотность.

Дальнейшая разработка концепта «чиновник», помимо теоретических и прикладных задач, имеет большое значение для демифологизации фигуры чиновника, демонтажа сложившегося вокруг него ореола национального символа (пусть и сомнительного). По моему мнению, понятие «чиновник (государственный служащий)», как и представление о любой другой общественно полезной профессии, не имеет отрицательных коннотаций. Более того, чиновник, добросовестно выполняющий свой профессиональный долг, отстаивающий интересы граждан, по праву может считаться и защитником национальных интересов.

¹ Мануильский М. А., Соколова И. Ф. Как стать министром (должностное продвижение управленческих кадров) // Социологические исследования. 1988. № 1 ; Писарькова Л. Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3–4 ; Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих / под ред. Д. М. Рогозина. М. : Ин-т социологии РАН, 2015.

² С социологической точки зрения управленцы ОАО «Российские железные дороги» являются государственными служащими не только потому, что работают в государственной компании, но и в силу того, что решение основной задачи — оказание транспортных услуг — предполагает согласование и учет интересов различных групп людей и организаций: персонала, пассажиров, заказчиков, получателей грузов, местного населения, занятого обслуживанием железных дорог, и т. д. Иными словами, вокруг основной задачи складывается пространство частных задач,

которое в случае с РЖД имеет общенациональный характер. Если бы компания была частной, суть дела бы не изменилась, только государственный служащий назывался бы менеджером, но по-прежнему оставался бы чиновником.

А. А. Маршак¹

КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Глобализация в сфере культуры — объективный процесс, в ходе которого происходит обмен тем лучшим, что накоплено разными нациями и народами в ходе исторического и цивилизационного развития.

Проблема глобализации культуры может быть рассмотрена в аспекте межнациональных культурных отношений. Развитие каждой нации характеризуется двумя противоположными тенденциями. Во-первых, национальная культура всегда в той или иной степени открыта для культурного обмена. И как бы культура ни была уникальна и самобытна, она постоянно так или иначе связана с культурами других народов, мировой культурой, обогащает их и обогащается сама их ценностями, опытом, идеями, инновациями. Это означает, что все нации по своей природе интернациональны и содержат элементы других культур (причем делают это избирательно и в своих национальных интересах). Во-вторых, культурный взаимообмен предполагает сохранение их уникальности, самостоятельности.

Таким образом, в культурных отношениях между народами постоянно присутствует момент ограничения, обособленности и раздельности того, что объективно не позволяет нациям культурно отождествляться друг с другом, утратить культурную неповторимость. В связи с этим глобализация не может быть инструментом культурного насилия и эксплуатации. Только в сочетании интеграционных культурных процессов, объективных для современного мира, с культурными особенностями, интересами и стремлениями отдельных стран и их народов видится общечеловеческая гуманитарная функция глобализации. Только на этом пути можно избежать международных, межгосударственных культурных конфликтов. Усвоение чужого культурного опыта приносит пользу лишь в том случае, если этот опыт тактично и гармонично вписывается в самобытный культурный опыт нации, не разрушая тонкой культурной ткани. Насильственное же внедрение чужой культуры неизбежно ведет к внутреннему и внешнему конфликтам. В России этот конфликт был спровоцирован неолiberaлами «ельцинского набора», когда национальная русская культура буквально выдавливалась американской. Несколько менее активно этот процесс продолжался и в начале 2000-х годов.

Способность нации противостоять культурной экспансии, сохранять свою культурную самобытность и независимость, вбирая все лучшее из культур других народов, и есть способность к выживанию.

Каждая нация воспринимает и осваивает окружающий мир по-своему; именно это и представляет интерес и ценность для всего мирового сообщества. Чем богаче культура отдельной нации, тем богаче мировая культура в целом. Культурная уникальность обусловлена национальной ментальностью народов и историей их развития.

Сегодня, после развенчания коммунистической идеологии и продолжительного периода деидеологизации, уязвимость России в значительной степени определяется образовавшимся ценностно-целевым и духовным вакуумом.

В последние годы трудно найти страну, которая пережила бы столь бурные политические, экономические, социальные и культурные потрясения, как Россия. В результате радикальных реформ в ней сложилась абсолютно иная культурная ситуация, которая не разрешила прежних противоречий, но добавила новые, став еще более уязвимой. Поэтому необходимость в ее позитивной социально ориентированной трансформации чрезвычайно актуальна, что требует мировоззренческого, методологического обеспечения реформирования этой сферы жизнедеятельности общества.

Комплексное исследовательское решение данных вопросов может содействовать совершенствованию общественной, государственной, художественной и иных видов деятельности, а также пока плохо осуществляемой идее единства культуры и цивилизации.

С течением времени становится все более ясным, что выход из кризиса возможен только на основе отхода от старых способов мышления и устаревших или слепо заимствованных культурных идеологем — на базе современной методологии, организации социальных процессов, гуманистического мировоззрения, инновационных идей, сформированных с учетом новой реальности. Главные задачи сегодня — сохранение самостоятельности и развитие многообразного единства российской культуры.

Работа о государственной и национальной безопасности является приоритетом для всех государств, следовательно, и для России. Культура — этот продукт интеллектуальной и вообще духовной деятельности — всегда будет на страже интересов государства.

Гибель государства и разложение нации, как показывает история, как правило, связаны с разрушением основ культуры и духовности, внедрением ложных и чуждых идей, уничтожением моральных принципов, подменой ценностей, что лишает возможности формулировать адекватный ответ историческим и геополитическим вызовам, обеспечить безопасность не только духовную и культурную, но и военную. В условиях мирового духовного кризиса, возрастания целого ком-

¹ Главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 450 научных публикаций, в т. ч. 8 монографий, 3 учебников и более 10 научно-методических пособий: «Социокультурная динамика в современном российском обществе», «Социология», «Общая социология», «Социология культуры», «Молодежь и культура села», «Становление социально активной личности», «Социальные проблемы культурного развития современной молодежи», «Социология культурно-духовной сферы», «Культурология», «Культура: социологические смыслы и социальные реалии», «Социокультурная модернизация» (в соавт.) и др. Член редакционных советов журналов «Власть», «Социологические исследования» (СОЦИС), «Социологическое образование», «Общество и право», «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». Член Союза журналистов и Союза писателей России.

плекса глобальных проблем культурная составляющая активной борьбы за передел мира все чаще начинает приобретать военно-стратегический характер.

Обеспечение духовной, культурной безопасности является приоритетной задачей, так как состояние культуры выражает моральный дух нации, ее способность отвечать на исторические вызовы времени.

Исследование процессов развития мировой культуры и культур разных народов ведется на протяжении трех столетий. Однако и сегодня знания в этой важнейшей для развития человечества области разрознены, работы философов, социологов, культурологов, искусствоведов трудно сопоставимы. Та же ситуация сложилась и с исследованием российской культуры, которая является основой развития общественных процессов и во многом формирует определенные стандарты миропонимания. Однако эти стандарты изменяются под воздействием различных факторов. В зависимости от этого одни и те же события прошлого и настоящего воспринимаются по-разному, часто получая совершенно противоположные оценки и толкования. Современная российская культура в целом и культура отдельно взятой личности существенно зависят от того, какие культурные артефакты и образцы предлагают им средства массовой информации и коммуникации, какие политические, экономические, культурные и прочие цели и задачи они ставят перед собой.

Культура безопасности связана прежде всего с воспроизводством таких отношений на повседневном и профессиональном уровнях, которые способствуют формированию и эффективному применению способов, средств предотвращения уничтожения людей и защиты их в различного рода чрезвычайных ситуациях.

Сегодня все чаще раздаются мнения о кризисе культуры в России, разрушении культурных основ народной жизни. Объясняется это обычно экономическими проблемами и нехваткой бюджетных средств. На самом деле кризис культуры всегда связан с духовными основаниями, кризисом духовности.

Преодоление кризиса культуры, конфликтности в межнациональных отношениях возможно, в частности, путем возврата государства и творческой интеллигенции к духовным ценностям российской культуры и бережного восстановления ее глубинных пластов.

Тенденции мирового развития, такие как глобализация социокультурного пространства, с одной стороны, открывают перед населением возможность более активного включения в мировые культурные процессы посредством новых информационно-коммуникативных систем и технологий, доступных и используемых в основном молодежью, с другой стороны, усиливают стремление к сохранению культурного своеобразия, которое связано с желанием не утратить национальную самобытность, уникальность собственной культуры. Однако возникает множество других следствий глоболизирующегося культурного пространства, которые необходимо предвидеть, например формирование противоположной тенденции — усиление культурной, досуговой пассивности населения, резкое сокращение востребованности традиционных учреждений культуры, о чем свидетельствуют характерные варианты проведения свободного времени (теле- и радиомания, рост популярности индивидуальной аудиотехники, компьютерная психологическая зависимость, отношение к Интернету).

Глобализация как некая тенденция общественно-го развития несет в себе и позитивные перспективы для национальных отношений, и угрозы. В преодолении последних значительную роль играет культурная безопасность. С ее помощью возможно не только преодоление негативных (конфликтных) явлений в национальной культуре, но и постепенное возрождение и становление новых черт национальной культуры.

Таким образом, ключевыми моментами в преодолении конфликтного состояния современной национальной российской культуры в условиях глоболизирующегося мира являются два следующих положения, доказанных опытом культурного развития России. Во-первых, верность национальным интересам проистекает из идей, целей и задач, являющихся основой государственной культурной политики. Во-вторых, методологически профессиональная доктрина деятельности в сфере культуры не должна основываться исключительно на эксплуатируемых в настоящий момент теориях общественного развития, которые нередко оказываются ошибочными и не обеспечивают глубокого проникновения в сущность самого культурного процесса.

А. В. Медведев¹

АПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

Понятие «национализм» на протяжении последних десятилетий XX и в начале XXI века обросло многими смыслами и вызывает противоположные оценочные суждения — от пафосно-возвышенных до отрицательно-уничижительных. Сам факт повышенного внимания к содержанию данного понятия, подчас ожесточенные споры, возникающие в интеллектуальной среде и общественном сознании, весьма показательный, знаковый, свидетельствует о важности социально-исторических, социальных и культурных процессов современности. Характерная тенденция современности — глобализация — своим противоречивым содержанием и последствиями актуализирует проблематику, связанную с бытием нации, межнациональными и межэтническими отношениями как внутри стран, так и между странами.

Отечественные и зарубежные исследователи предлагают разнообразные определения, в которых в зависимости от социального контекста акцентируются различные оттенки смысла². Это разнообразие представляет собой следствие разнообразия исходных методологических принципов, философских позиций, мировоззренческих систем. Исходным, однако, для всех является понимание того, что национализм — производное от бытия нации, состояния национально-самосознания.

Немецкий просветитель Г. Лихтенберг, вспоминая Руссо, говорившего: “Ein Kind, das nur seine Eltern kennenlernt, das kennt auch diese nicht” («Дитя, которое знает лишь своих родителей, не знает даже их»), заметил: “Sehr schon und wahr” («Чрезвычайно верно и прекрасно»)³. Следует согласиться, что мысль Руссо прекрасна, а главное — верна. Эти слова были сказаны в то историческое время, которое именуют эпохой Просвещения. Это не случайное совпадение, оно свидетельствует, что именно тогда, в Новое время, когда в борьбе с феодальными экономическими, социально-политическими отношениями зарождались новые рыночные, капиталистические отношения, требовавшие более активных и многосторонних экономических связей, формировались национальные сообщества, национальное самосознание, доминантной чертой которого

был национализм. Именно тогда стали активно складываться новые формы связей между странами, этносами, государствами, что требовало не только знания и понимания «другого», но и в равной степени осознания своей индивидуальности. Ведь «чтобы жить сообща с другими, разве не следует для этого знать себя?» (К. Валишевский)⁴. Логика, заключенная в словах немецкого просветителя и польского мыслителя, выражает закон общего характера. Известны слова М. М. Бахтина о том, что общение с другой культурой есть необходимое условие познания своей. Эта мысль дублировалась неоднократно теми исследователями, которые разрабатывали проблему диалога культур, культурных коммуникаций, взаимодействия культур: «Важен принцип взаимодействия культур, который позволил бы одной культуре постичь сущность другой» (М. С. Каган, Е. Г. Хилтухина)⁵; «Насильственное разъединение душ, прекращение обмена ценностями культуры, ее смыслами обрекает на немощь и безотзывность, которые, в свою очередь, парализуют душу культуры...» (В. И. Топоров)⁶. Можно множить подобные высказывания, которые проблему взаимодействия разных «я» рассматривают с бесконечного числа ракурсов. Мы же обращаем внимание на один из них, который касается проблемы формирования личного самосознания, национальной идентичности. Чтобы знать себя, чувствовать и понимать своеобразие, уникальность своего «я» — личности, нации, нужна встреча с иным, чужим, другим. Встреча культур — необходимое пространство, та атмосфера, в которой и рождается национализм. Осмысление требует, по крайней мере, так представляется автору этих строк, стереофонического взгляда, единственный ракурс рассмотрения априори будет недостаточным, обедняющим понимание сути феномена национальности.

И. А. Ильин писал: «Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... у каждого народа свое особое чувство права и справедливости; иной характер; иная дисциплина; иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт.

¹ Профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (Екатеринбург), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 140 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Священные книги», «Сакральное как причастность к абсолютному», «История и философия религии», «Культурология» (в соавт.), «Священные книги в истории культуры», «Библия как памятник культуры»; статей: «Поворот на Восток. Россия и Восток: культурные связи в прошлом и настоящем», «Диалог с Козьмой Прутковым о проблемах современности или о границах толерантности», «Взаимодействие культур: проблема терминологии» (в соавт.), «Искусство как форма социального эксперимента» и др.

² См., например: Науки и национализм : пер. с англ. / Б. Андерсон [и др.]. М., 2002 ; Геллер Э. Нации и национализм. М., 1991 ; Коротеева В. В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et contra. 1997. № 2 (3).

³ Lichtenberg G. Ch. Fixsterne. Der Kinderbuchverlag. Berlin, 1979. S. 42.

⁴ Валишевский К. Первые Романовы. М., 1996. С. 10.

⁵ Каган М. С., Хилтухина Е. Г. Проблема «Восток–Запад» в культурологии: взаимодействие художественных культур. М., 1994. С. 57.

⁶ Топоров В. И. Пространство культуры и встречи в нем // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. IV. С. 6.

Словом: у каждого народа иной особый душевный уклад и духовно-творческий акт»¹. Столь длинная выписка из работы отечественного мыслителя (тем более что она говорит о якобы тривиальной истине) сделана сознательно в силу двух оснований.

Первое: И. А. Ильин принадлежит к той плеяде русских философов, которые составили славу Серебряного века русской культуры. Для них вопрос о национальном своеобразии русского характера, национального духа, самобытности и уникальности русской культуры был одним из центральных. Достаточно вспомнить работу Н. О. Лосского «Характер русского народа», произведение «Русское мировоззрение» С. Л. Франка, труды Н. Бердяева и многих других. Столь пристальное внимание отечественных философов к проблеме своеобразия русской культуры, русского национального характера, того, что отличает русскую общность в единой семье человечества, — следствие конкретного исторического контекста, то есть актуализация проблематики — результат исторической необходимости.

Второе основание обусловлено подробным перечислением того, что, по мнению автора, отличает жизнь одной нации от другой. Это перечисление охватывает самые разнообразные аспекты человеческого существования — от низших уровней культуры, культуры быта, повседневности, до высших уровней культуры: искусства, правосознания, религии.

Данное обстоятельство позволяет говорить об онтологии национализма. Национализм есть характеристика бытия нации во всей его полноте, именно это и подчеркивал И. Ильин, перечисляя все, чем жизнь одного народа отличается от жизни другого. Национализм является фактом бытия человека, который впитывается самим существованием, на уровне бессознательного, ментального, он устанавливает границы «своего», определяет каждодневное бытие человека. Возникновение национальных черт, национального духа, национальной психологии, характера — процесс естественный, исторический, обусловленный самим фактом бытия.

Процесс осознания собственного бытия выражается в формировании национального самосознания, то есть национализм становится фактом духа —гносеологический уровень национализма. Здесь и возникает проблема его определения, в процессе чего в сфере духа закрепляется то, что объективно обладает бытием. Перечисляются те ценностные ориентации, которые должны быть необходимыми и достаточными для исторического бытия национального качества. Именно в этой сфере часто происходит подмена понятий, связанная с расширением первоначальных смыслов или их заменой.

Никто не отрицает, что в содержание национализма входит, например, чувство любви к своей Родине, но иногда, характеризуя национализм при помощи этого чувства, ставят ограничение этой любви: якобы она не должна содержать чувства своего превосходства и уничижительного отношения к другому. В идеологической борьбе, наоборот, подчеркивают эту «добавоч-

ную» характеристику национализма, она рассматривается как доминантная черта и, конечно, уже воспринимается исключительно в негативном аспекте. Но для обозначения подобного чувства есть собственное понятие — «шовинизм», и потому не следует смысл шовинизма рассматривать как обязательный элемент национализма.

Например, несколько странная логика В. А. Алексеевой: национализм — это неадекватная реакция этнической общности на деструктивные внешние действия, «если эти воздействия далеки от оптимума»². Странность заключается в первоначальном понимании национализма как идеи абсолютизации собственной национальной исключительности. Национализм как идея есть отражение онтологии национализма и в этом смысле не содержит абсолютизации своей исключительности, а только отражение ее, любви к ней и стремление сохранить любовь, а не исключительность, самобытность собственного бытия, стиль привычного и естественного. Но ведь любовь к «своему» и пренебрежение к «другому» суть разные чувства, при их связи, и потому смешивать их не должно.

Неясно, что кроется за «неадекватной реакцией»? Кто устанавливает ее объем? Реакция при встрече с «иным», «другим» всегда амбивалентна: узнавание «другого» и защита «своего». Что является мерой адекватности защиты границ собственного качества? Если речь идет о том, что защита становится агрессией, направленной на победу над чужим (унижение его, уничтожение и т. п.), то это уже не защита, поэтому придавать ей характер неадекватной защиты неправомерно и нелогично. Бытовая логика «Бьет — значит любит» здесь не подходит.

Другая ошибка при разговорах о национализме возникает тогда, когда пытаются национализм противопоставить патриотизму, то есть утверждается, что патриотизм — это прекрасно, а национализм — недостойно. Но патриотизм и национализм не являются парными категориями. Национализму противопоставит космополитизм (интернационализм), как патриотизму (суть которого *philos*) — шовинизм (вообще всякий *phobos*). В период сознательно насаждаемого интернационализма, что было свойственно идеологии советской эпохи, национализм стал интерпретироваться исключительно в отрицательном смысле. К сожалению, эта традиция довлеет и над современными попытками определения сущности национализма.

Забота о сохранении национального «я», проявление любви к нему, стремление защитить его границы стали интерпретироваться как неуважение к другому, то есть пониматься исключительно как враждебность по отношению к нему. Но в самой идее национального, то есть своеобразия, уникальности «своего», нет подобного негатива. Следует различать идею национализма и то, когда эту идею используют как средство для разрешения конкретных политических и других конъюнктурных проблем.

Таким образом, следует разграничивать национализм как черту онтологии нации, который существу-

¹ Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи. М., 2015. С. 160.

² Алексеева В. А. Национализм // Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерово. М.; Бишкек; Екатеринбург, 1996. С. 311.

ет на уровне бессознательного, ментального, и национализм как осознанное чувство. Последнее есть следствие объективно складывающихся взаимоотношений с другими, и чем больше этих других, тем активнее и богаче становятся и национализм, и национальное сознание.

Аксиологический аспект национализма представляет собой и систему ценностей, характеризующих бытийствующую сторону национального сообщества, и систему их оценки, в которой нельзя отрешиться от субъективизма, — такова природа ценности. В силу этого и возникает вопрос: национализм — это добро или зло?

Праксиологический аспект национализма означает, как в данный момент бытия он функционирует, как он влияет (определяет, детерминирует) на решение проблем повседневного и общественного бытия.

Таким образом, при определении (дефиниции) национализма необходимо учитывать (и оговаривать) тот аспект, в котором рассматривается феномен.

При анализе феномена национализма следует ввести и модус времени. Национальность с точки зрения ретроспекции — это вопрос генезиса национальности и в плане онтологии, и в плане гносеологии, праксиологии и аксиологии. Национальность, рассмотренная в аспекте прошлого, позволяет понять, когда и как за-

рождаются те ценностные ориентиры, которые составляют ядро национальности, постигнуть процесс формирования национального самосознания, которое вторично и имеет своим началом, как было уже отмечено, встречу с «другим».

Национальность, взятая в аспекте настоящего, — это вопрос ее функционирования «здесь и сейчас», анализ бытия национальности в системе современных идеологических, политических, геополитических отношений. Взятая в контексте настоящего, национальность раскрывает свой праксиологический потенциал, эффективность своего функционирования. В условиях глобализационных процессов, массивной борьбы, осуществляемой СМИ, так называемой «гибридной войны» национализм являет свою состоятельность и суверенность.

Национальность в модусе будущего — это вопрос воспитания, культивирования национализма во всех его аспектах (онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и праксиологическом). Воспитание при этом должно быть системным и обязательным.

Пафос данной статьи — в том, чтобы очистить понятие «национализм» от тех смыслов, которые затемняют его содержание, позволяют манипулировать термином в зависимости от конкретной, прежде всего идеологической и политической, конъюнктуры.

А. Н. Мосейко¹

«РУССКИЙ МИР» В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН. ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К ИДЕНТИЧНОСТИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ

Мы живем в период масштабной переоценки ценностей. В мире звучат различные, часто неожиданные «вести» — и благие, и зловещие. В последнее время различными полюсами в процессе переоценки ценностей стали два знаковых явления с далеко идущими последствиями.

Первым (зловещим) явлением стала реабилитация неофашизма на Западе, не столь уж неожиданная. На Западе до конца Второй мировой войны отношение к фашизму и нацизму не было однозначным. Многие представители западной элиты видели в фашизме проявление западных ценностей, что было вполне логичным и вписывалось в идеологию колониальных проектов. Расовый подход, идеи расового и национального неравенства были нормой западного общества, в США расовое законодательство существовало до 1960 года.

Осуждение нацизма 70 лет назад, на заседаниях Нюрнбергского трибунала, было решительной инициативой и заслугой советской стороны, что явилось силь-

нейшим шоком для Запада, ударом по его позитивной самооценке, его идентичности.

Переоценка отношения к фашизму и нацизму сегодня не случайна. Наряду с общим антироссийским и русофобским настроением, существующим на Западе и являющимся ферментом для поддержки враждебной для «Русского мира» идеологии, эта переоценка вписывается в общую логику дискредитации и разрушения ценностей — моральных (ценностей семьи, гендерной идентичности), конфессиональных (секуляризация, дискриминация христиан).

Ярким проявлением реабилитации неофашизма стала активная поддержка Западом политики Украины, где господствует бандеровский фашизм. Законодательным закреплением отношения Запада стал принятый в США «Акт о поддержке свободы на Украине 2014 года». Этим актом была закреплена конфронтационная стратегия Запада по отношению к России и «Русскому миру» вообще. Эта стратегия была принята давно, ее суть заключалась в отрыве бывших республик от России, в разделении, разобщении постсоветского пространства. Этой цели отвечала череда «цветных революций» — в Грузии, в Средней Азии. На очереди была Украина. Эта задача была конкретизирована З. Бжезинским в идее о том, что Украина нужна

¹ Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий «Идеология в странах Тропической Африки: традиции и современность», «Мифы России: мифологические доминанты в современной российской ментальности», «Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: междисциплинарные исследования» (в соавт.) и др.

России, следовательно, необходима усиленная политика, отрывающая Украину от России, превращающая ее во врага России. В книге 2012 года «Стратегический взгляд» и в ряде его выступлений был изложен план этой политики, реализованный в событиях Евромайдана.

Вторым знаковым явлением (надо надеяться — благом) стала встреча двух мировых духовных лидеров — патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска в Гаване в начале 2016 года. Это событие — первое за тысячелетие — для многих стало неожиданным, прежде всего потому, что оно вышло за рамки религиозного межцерковного диалога и явилось своего рода чрезвычайной мерой в условиях мирового кризиса, несущего угрозу человечеству. Основной целью встречи стало объединение усилий, чтобы переломить негативные тенденции в международной гуманитарной обстановке. Возникла новая перспектива сближения конфессий — не экуменическая, а затрагивающая проблематику глобальных социальных вызовов. В совместном заявлении, выработанном в результате встречи, констатируется, что «человеческая цивилизация вступила в период epochальных перемен»¹.

На встрече двух предстоятелей было высказано совместное мнение по большинству болевых точек планеты. Они осудили преследование христиан на Ближнем Востоке и в то же время высказали сочувствие приверженцам иных религиозных традиций, страдающим от гражданской войны, хаоса и террора, заявили о недопустимости противостояния на Украине, свергнувшего общество в глубокий экономический кризис, и призвали стороны конфликта к благоразумию, общественной солидарности и деятельному миротворчеству, выразили обеспокоенность кризисом семьи во многих странах и утратой культуры взаимоотношений людей.

Существенной в этой встрече стала совместно высказанная обеспокоенность растущим неравенством в распределении земных благ и «увеличивающееся чувство несправедливости насаждаемой системы международных отношений».

«Этот мир, в котором стремительно подрываются духовные устои человеческого бытия, — говорится в заявлении, — ждет от нас сильного христианского свидетельства во всех областях личной и общественной жизни. От того, сможем ли мы в переломную эпоху вместе нести свидетельство Духа истины, во многом зависит будущее человечества»².

Эта первая в истории встреча двух предстоятелей, представляющих две основные конфессии христианства, издревле враждующих, является событием глобального масштаба. Дружеская встреча произошла не только между представителями двух конфессий, но и между представителями двух цивилизаций — российской и западной. И их решимость объединить усилия в предотвращении глобальных катастроф — это, возможно, одна из «epochальных перемен» (но перемен позитивных), о которых говорилось в совместном заявлении.

¹ <http://foma.ru/sovместnoe-zayavlenie-papyi-rimskogo-frantsiska-i-patriarha-moskovskogo-i-vseya-rusi-kirilla-86854.html>

² Там же.

В этой встрече привлекает внимание и еще одна сторона — встреча в Гаване свидетельствует о возросшем авторитете Русской православной церкви и всего «Русского мира».

Нужно, очевидно, еще раз обратиться к уточнению понятия «Русский мир»³, особенно в связи со смысловой неопределенностью, проявившейся в СМИ в последнее время, а также в связи с данными ВЦИОМа, согласно которым 71 % опрошенных «ничего не слышали о “Русском мире”»⁴, что вызывает недоумение.

Существенные моменты в понимании «Русского мира» были подчеркнуты в речи патриарха Кирилла на заседании XIX Всемирного русского народного собора 10 ноября 2015 года на тему: «Наследие князя Владимира и судьбы исторической Руси». Особое внимание на этом Соборе было уделено цивилизационному, национальному, общественному измерению этого наследия.

Говоря о культурно-цивилизационном смысле понятия «Русский мир», патриарх отметил, что «Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем “Русским миром”». Патриарх подчеркивает, что «“Русский мир” — это и есть особая цивилизация, к которой принадлежат люди, которые сегодня себя называют разными именами, — и русские, и украинцы, и белорусы. К этому миру могут принадлежать люди, которые вообще не относятся к славянскому миру, но которые восприняли культурную и духовную составляющую этого мира как свою собственную... “Русский мир” — это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности. Русские, даже которые именуют себя русскими, могут к этому миру и не принадлежать, потому что говорить на русском языке или понимать русский язык — это не единственное условие принадлежности к “Русскому миру”. И мы знаем, что очень многие, говорящие по-русски, не связывают себя ни с русской традицией, ни с духовностью, ни с культурой, а живут иными взглядами, убеждениями и теряют связь со своей собственной цивилизацией»⁵.

«Русский мир» — феномен сложный, включающий как пространство Российского государства, то есть государственно оформленное «основное человечество» на «основной земле»⁶ (ядро цивилизации), так и ее многомиллионную периферию, то есть ближнее и дальнее русское зарубежье. Периферия возникает в результате мощных политических и социокультурных катаклизмов, обретая в этом случае свою судьбу. При этом ядро цивилизации (метрополия) сохраняет свою опорную геополитическую идентичность⁷ и ста-

³ Понимание “Русского мира” было представлено автором в докладе на XV Международных Лихачевских научных чтениях 2015 года.

⁴ См.: Что с “Русским миром”? // Литературная газета. 2015. 3–9 дек. № 48.

⁵ Слово Главы ВРНС, Святейшего патриарха Кирилла на XIX Всемирном русском народном соборе. URL: <http://www.vrns.ru/ntws/4033/#.VknlKV5WjkA> См. также: http://ruskline.ru/special_opinion/2015/10/vkl_ad_svyatejshogo_patriarha_kirilla_v_vosstanovlenie_russkogo_mira

⁶ Цимбурский В. Л. Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. II. С. 80–81.

⁷ Цимбурский В. Л. Идентичность геополитическая // Там же. С. 78–80.

новится центром притяжения, в данном случае всего «Русского мира», а также его опорой.

Русские ученые, философы, будучи в эмиграции, где велись ожесточенные споры о взаимоотношениях с Советской Россией, писали в 1920-х годах, что культура русской эмиграции — это ветви могучего дерева, ствол и корневая система которого находятся в России¹. И именно Россия во всех ее ипостасях является опорой тех, кто считает себя русским.

При определении «Русского мира» в качестве одной из главных выступает проблема идентичности — и национальной, и цивилизационной. Особенно острые формы проблема идентичности приобрела в бывших республиках СССР. Если раньше все имели общую, советскую идентичность, а этнонациональная идентичность выступала ситуативно и в большинстве случаев не являлась определяющей, то после развала СССР этнонациональная идентичность выступила на первый план. Русские в одночасье оказались в чужих, иногда враждебных странах. Они столкнулись с проявлениями национализма, часто острого, а проблема русской идентичности местами превратилась в проблему выживания. Особенно тяжелая обстановка сложилась в Прибалтике. Дискриминационной мерой стали ограничения, связанные с языком. Русские, не знающие языка титульной нации, не могли найти работу. Преподавание в большинстве школ и вузов велось на местном языке. Количество русских школ сокращалось. Унизительной дискриминационной мерой стало лишение русских гражданства в Латвии и Эстонии. Русские получили статус неграждан, апатридов и, по существу, попали в правовое гетто. Условием получения гражданства стал отказ от русской идентичности и приобретение идентичности страны пребывания.

Следует отметить и значительное влияние психологического фактора. В 1990-е годы России было не до своих соотечественников в бывших республиках. К власти пришли либералы-реформаторы, озабоченные своими делами. По отношению к общественным проблемам они руководствовались прежде всего девизом «Рынок все урегулирует», а также призывом Ельцина: «Берите суверенитета, сколько хотите». Русские в бывших республиках чувствовали себя брошенными, забытыми, беззащитными перед лицом националистических сил и испытали глубокую обиду, психологическую травму, которая не забыта и сегодня. Многие русские уехали в Россию, но если они не имели родственников, способных им помочь, то оказались в еще более тяжелом положении. Многие русские были вынуждены сменить идентичность, особенно это касалось детей из смешанных семей, которые меняли фамилии и принимали национальную идентичность страны пребывания. Исподволь те же процессы шли на Украине. Сразу после развала СССР русские на Украине, этнически близкие украинцам, не чувствовали дискриминации, тем более что русский язык был одним из самых распространенных языков общения.

¹ См.: Вейдле В. Традиционное и новое в русской литературе двадцатого века. Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 9–10; Флейшман Л. Несколько замечаний к проблеме литературы русской эмиграции // Одна или две русских литературы? Лозанна, 1981.

Но вскоре националистические, профашистские силы начали активизироваться, не без влияния со стороны Запада. Збигнев Бжезинский в своей книге «Украинский шанс для России»², представляющей сборник статей, выступлений, интервью, в одном из интервью заявил, что после распада СССР он «сразу же пришел к выводу: следует безотлагательно начать усиливать независимость Украины».

Украинские националисты, особенно с Западной Украины, усвоившие методы работы и опыт германского фашизма, бандеровщины, прежде всего начали вести работу с молодежью. На Украине возникла сеть молодежных спортивных лагерей, хорошо оборудованных, с инструкторами, прошедшими подготовку на Западе. Десятки, а возможно, и сотни тысяч подростков прошли через спортивные лагеря, получив великолепную физическую, а главное — идеологическую подготовку. Организовывались отряды знакомств, скаутские отряды, воспитание шло в духе национализма, фашистско-бандеровской героики, а главное — насаждения и развития ненависти к России.

Национал-пропагандистская работа, курируемая западными «учителями» и «меценатами» и активизирующаяся сейчас, имеет различные формы, рассчитанные на разные категории населения. Так, работа с грантополучателями из медиа- и экспертного сообщества имеет свою специфику, работа со студентами — свою.

Выступления на Майдане продемонстрировали роль активистов, прошедших подготовку в лагерях. После Майдана обработка населения продолжается. Возникла мода на свастикаподобные украшения и татуировки, в стиль поведения внедряются насмешки над «москалями» и даже остроты по поводу сожженных в Одессе «колорадов». Людей приучают легко относиться к убийству, ненависти.

В таких условиях жизнь русских, пытающихся сохранить свою идентичность, становится невыносимой. Отсюда процесс массовой смены идентичности русскими и даже переформатирование их сознания, в результате чего некоторые из них становятся русофобами и даже поддаются бандеро-нацистской пропаганде.

Нельзя не сказать о том, что серьезная вина за все происходящее лежит и на России, которая своевременно не отреагировала на надвигающуюся угрозу «Русскому миру» за ее пределами и не пришла ему на помощь.

Мощной информационно-пропагандистской кампанией против России, осуществляемой на Украине и в западных странах, противостоят, очевидно, неадекватно слабые меры. Идет информационная война, и Россия не должна в ней проигрывать. Это тем более важно, что противостояние России и «Русского мира» западному миру все больше обретает формы противостояния цивилизационных идентичностей. В работах С. Хантингтона говорится, что наибольшее значение в современную эпоху приобретает идентичность, конструируемая на основе цивилизации³. И это естественно, поскольку в эпоху нарастания глобальных угроз,

² Бжезинский З. Украинский шанс для России. М., 2015.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Он же. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.

которые фокусируются в главной — угрозе выживания человечества, — перед людьми всех стран и континентов со всей остротой встают основные экзистенциальные вопросы: «Кто мы?», «Куда мы идем?», «С кем мы?». И именно цивилизационная идентичность ставит основные, высшие вопросы в формах, специфичных и актуальных для каждой цивилизации в конкретных условиях ее существования, ищет ответы на них и определяет стратегические задачи.

Для индивидов в современных условиях цивилизационный выбор — цивилизационная идентичность — приобретает более существенное значение, чем идентичность национальная. Особенно это важно в условиях противостояния Украины с Россией. Национальная идентичность украинцев — понятие эфемерное, ибо она строится целиком на русофобии, ненависти к России. С какой нацией идентифицируют себя украинцы? С нацией разделенной, имеющей в качестве ресурса не сильную экономику и идеалы созидания, а лишь ненависть к России? Но есть другой объект идентификации — Запад со своими соблазнами и ожидаемыми благами. С ним и идентифицируются Украина и ее зараженное русофобией население. А русские на Украине? Их национальная идентичность вынуждена уйти в подполье. Протестующие жители Новороссии защищают свою идентичность, как национальную, так и цивилизационную, — российский выбор — с оружием в руках. В центральной Украине русские, не способные противостоять натиску русофобии, угрозам и оголтелой пропаганде, сдаются, меняют свою идентичность, поддерживают русофобию и ориентацию на Запад или же замыкаются, скрывают свои мысли и чувства.

Проблемы цивилизационного выбора сегодня выходят на первый план во всем мире. Представители «Русского мира», где бы они ни жили, приходят к необходимости сделать свой цивилизационный выбор, ответить на вопрос, с кем они. В определенных ситуациях этот вопрос становится вопросом жизни или смерти, как это было, например, у представителей русской эмиграции в Европе во время Второй мировой войны. Были среди них и те, кто поддержал Гитлера, но были и герои французского Сопротивления, выступившие на стороне СССР против фашизма. Многие из них погибли в фашистских лагерях или в гестапо (Бунаков-Фондаминский, мать Мария с сыном, княгиня Одоевцева и др.).

В настоящее время в мире сложилась подобная чрезвычайная ситуация, и видны свидетельства смелого антизападного выбора. Таким выбором стал, например, фильм Поля Морейра «Маски революции», показанный 1 февраля 2016 года французским «Canal+». Впервые зрители стран, поддержавших Евромайдан,

увидели то, что на самом деле происходило на Украине, — бесчинства нацистов, одесскую трагедию и т. д. Таким выбором является деятельность итальянского писателя и публициста Джульетто Кьеза по прорыву информационной блокады в Италии, например создание независимого телеканала «Пандора ТВ», который смотрят 80 тыс. человек в день. Проблема цивилизационного выбора актуальна даже в католической церкви, и не только в Ватикане, но и среди католиков США и других стран. Папа Римский Франциск неоднократно резко высказывался против капиталистической системы¹.

Можно надеяться, что в мире начинает формироваться тенденция считать Россию опорой человеческих ценностей. Эта тенденция набирает силу и в такой сложной стране, как Венгрия. В ее медийном пространстве информационный ресурс hidfo.ru размещает преимущественно российские новости и распространяет на венгерском языке официальную путинскую точку зрения. Существует виртуальное сообщество в «Фейсбуке», которое также выражает мнение России. Его название переводится как «Мы за Россию». Все эти сведения внушают надежды, но их отрезвляют некоторые факты конкретной ситуации в России. Известно, что, согласно социологическим опросам, деятельность В. В. Путина одобряют более 80 % населения России. Но известны также и антинародные позиции олигархов, встроивших во властную систему, и здесь же либеральный экономический блок, и ряд СМИ, работающих против России и «Русского мира»². Фактом являются региональные прозападно-либеральные настроения в Калининграде, в Сибири, на Урале.

Но одновременно зарубежный «Русский мир» демонстрирует свою надежду на Россию и поддержку ее политики в отношении Украины, Крыма, Сирии. Русская община за рубежом насчитывает более 30 млн человек, а это немалая сила. Правительственная комиссия по делам соотечественников во главе с министром иностранных дел С. В. Лавровым ведет огромную работу по консолидации «Русского мира» и помощи соотечественникам за рубежом, проводит множество мероприятий, отвечающих этим целям, в частности реализует программы поддержки и развития русского языка и русской культуры. В последнем V Всемирном конгрессе соотечественников приняли участие представители 97 стран мира, представляющих многонациональный «Русский мир». «Русский мир» является важным ресурсом укрепления атмосферы доверия и взаимопонимания в отношениях между Россией и странами пребывания наших соотечественников, серьезным фактором формирования и укрепления русской национальной и цивилизационной идентичности.

¹ См.: Литературная газета. 2015. 10–16 дек. № 49.

² См. «историю» с удалением из эфира канала «Россия-24» 38-го выпуска программы «Бесогол» Н. С. Михалкова, посвященного критике русофобии. URL: <http://youtu.be/sPtis-hMxNtu>

С. Б. Никонова¹

РОЛЬ ИСКУССТВА В СТАНОВЛЕНИИ ИДЕИ НАЦИИ

В своем понимании идеи нации мы исходим из положения о связи ее со становлением индустриального общества, распространением капиталистической экономики и развертыванием глобализационного процесса. Понятие нации имеет большое идеологическое значение в условиях секуляризации и критики ценностей традиционного общества. Традиции опираются на бытийные основания, уходящие корнями в сферу сакрального. Сакральная глубина обосновывает сословные разделения, социальные иерархии, институты, включая семью и школу, подтверждает право собственности, право господства, учреждает определенные формы ритуала, а также научного, художественного, технического освоения мира.

Рост среднего класса, утверждающего свои права на выход за пределы сакральных иерархий, сопровождается развитием критического мышления и достигает своего апофеоза в эпоху Просвещения, призывающую пользоваться собственным разумом и не опираться на авторитеты. Неслучайно И. Кант пишет о «религии в пределах только разума», ставя на первое место мораль и используя религию исключительно для подтверждения морали. Таким образом он изымает из религии сакральный компонент. После этого критического акта все социальные расслоения, коренящиеся в сакральном, и все следующие из них традиции должны быть подвергнуты сомнению и отброшены как условные и основанные лишь на произвольных человеческих установлениях.

Если в мире мы все же наблюдаем некоторый порядок, то теперь он связан не с законом Бога, но, скорее, с законом природы. Потому новое секуляризованное сознание начинает настаивать на наличии у любого человека неотъемлемых естественных прав. Эти права в социальной сфере находят свое выражение в экономических отношениях, а в первую очередь — в праве собственности. Экономика для данной структуры оказывается доминирующей силой, базисом, что особо ярко выявляется марксистской концепцией, а все остальное в культуре — все традиционное, различающее, иерархизирующее — надстройкой, которая, теряя свой онтологический смысл, характеризуется как идеологическая.

Идея нации становится крайне важной в этой экономической структуре естественного права. Она заменяет собой сакральные традиции и религию, становится новым идеологическим основанием для упорядочивания отношений между большими социальными общностями. Люди получают возможность создавать

свои светские объединения и обосновывать их национальными интересами. то есть нация — надэтнический, надтерриториальный конструкт, чистое идеологическое образование, призванное объединять людей в социальные общности и различать такие общности между собой. Причем основание различения является здесь условным, формальным, по сути же чисто *эстетическим*, напоминая собой некий бренд, который нация выставляет на поле игры международных отношений.

Цель настоящего исследования — проследить влияние на формирование идеи нации той сферы человеческой деятельности, в которой эстетический компонент проявляется в первую очередь, то есть сферы искусства.

Но для начала надо заметить, что сама по себе эстетика, отражающая особый способ отношения человека к красоте, где красота признается не чем-то сакральным, проявляющим божественную истину мира, но лишь результатом субъективной оценки, основанной на случайно возникшем удовольствии от формы предмета, является продуктом все той же эпохи Просвещения и возникает как отдельная дисциплина в XVIII веке.

То есть эстетика, как и идея нации, есть продукт буржуазной эпохи. Эстетический критерий становится существенным при определении ценности любого явления и предмета, поскольку теперь смысл и значение им придает не сакральная инстанция, а субъективная интенсивность переживания. Человек-субъект должен оценить то, с чем он столкнулся, будь то простая вещь, произведение искусства или величайшее моральное установление. Мерой ценности является интенсивность переживания субъекта. И чем интенсивнее оно, чем большее субъективное благорасположение испытывает человек, тем дороже для него будет эта вещь. Таким образом, любой объект эстетического суждения превращается в оцениваемый товар, который можно представить в выгодном свете, привлечь к нему и продать как можно дороже. На этом основана индустрия в мире искусства, начавшая развиваться в XIX веке и оставшаяся ненужной, пока заказ на искусство формировался религией и опирающейся на сакральные права аристократией. Теперь же искусство продается — что вовсе не ведет к снижению его качества или глубины, а даже напротив, делает его менее формальным и в большей мере отражающим внутренние переживания субъекта. Именно они имеют высшую ценность, сообщают самое сильное чувство интенсивности. Но в любом случае, в отсутствие онтологического критерия всякая ценность приобретает товарные черты. Эстетический уровень здесь является базовым, а выражение его — экономическим.

Искусство оказывается в этих условиях крайне мощной силой. Оно получает автономию от религии и превращается в свободное творчество субъекта, осуществляемое на основе его собственных предпочтений

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч.: «Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление» (монография), «Реализация виртуального в аудиовизуальном пространстве новых медиа», «Глобализация—образование—искусство: к проблеме сохранения гуманитарных знаний в контексте универсализации культуры», «Логические основания толерантности», «Нарратив: описание истории или самосознание историка?», «К проблеме кризиса и трансформации в современной культуре: варианты теоретического осмысления» и др.

и представлений о мире, причем стремится выразить их до самой глубины. Искусство становится высшим проявлением творческого преобразования реальности, на которое способен субъект. Потому Г. Гегель называет искусство первой ступенью развития абсолютного духа. Однако оно заканчивается как нечто специфичное, когда все становится подобной преобразующей деятельностью, то есть вся жизнь начинает разворачиваться по принципам искусства. Именно фигура художника, по словам М. Хайдеггера, выражает в себе высшую степень проявления «воли к власти», а воля к власти — это высшая форма нигилизма, то есть отрицания сакральных, метафизических и, в целом, онтологических оснований мира. Субъект здесь становится единственной оценивающей и созидающей инстанцией.

Первым художественным выразителем развитого критического, секулярного (а в экономическом плане — капиталистического) сознания стал романтизм. Здесь искусство становится направленным на самовыражение индивидуализированного субъекта. Но поскольку субъекты собираются в произвольные общности, требующие новых обоснований, которые находят, как уже было сказано, в национальной идее, то романтизм приобретает очень сильную национальную окраску. Наибольший вклад в становление национального самосознания народов в мире, пошедшем по пути капиталистического развития и глобализации, внесло именно романтическое искусство.

Представители искусства вплотную занялись выявлением национальных особенностей своих народов. Также они почувствовали свою связь с историей, с метаморфозами давних традиций, перешедших из сакрального в человеческое измерение. Они стали собирать сказки, мифы, реконструировать народный быт, восстанавливать утраченные языки. Появились первые словари национальных языков, сборники народных сказок и поговорок. Формирующееся историческое мышление вызвало к жизни становление гуманитарного знания, направленного на изучение человека и его традиций в научном плане, свободном от погрешности в сакральное.

Восхищению прошлым более всего способствовало то, что отражало его величавость. Хотя даже мелочи и детали заслуживали внимания, в первую очередь, для целей идеологического обоснования национальной идеи служило представление прошлого величия народов, которое отражается в эпосе. Потому требовало восстановления национальное эпическое прошлое.

Это восстановление прошлого сопровождалось его романтизацией, а также подводилось под соответствие идеологическим и моральным установкам современности. Потому это не было восстановлением в полной мере, бескорыстным интересом к прошлому. Но проделывалась гигантская работа, ценность которой для постижения корней, национальных особенностей, для формирования новых областей знания — таких, как антропология, лингвистика, история — в качестве самостоятельных гуманитарных наук абсолютна и неоспорима. Историческое прошлое народов Европы было выведено на свет и заиграло многообразием красок, обрело вторую жизнь в романтическом восприятии.

Также крайне важным было распространить этот способ познания и на другие народы, в отношении которых Европа совершала политико-экономическую экспансию. Эта экспансия приносила с собой — почти насильственно — и настойчивое требование развить национальное самосознание. Восхищенные величием старины, романтически настроенные европейские мыслители и творцы готовы были даже сами выяснить, раскрыть, восстановить по крупицам и чуть ли не изобрести забытое прошлое народов, которые были в то же время колонизируемыми и эксплуатируемыми экономически и политически.

Это в высшей степени двойственный и диалектически напряженный момент, поскольку развитие национального самосознания само было актом подчинения. Но оно же привело, в конечном счете, и к краху колониционной политики, к началу борьбы с захватчиками. Хотя можно видеть, что западное влияние до сих пор оказывается непреодолимым в мире, о чем свидетельствует глобализация по западному образцу, все же национальное самосознание было сформировано и вывело новые страны на мировую арену в качестве более или менее равноправных субъектов международных отношений.

Вклад романтического порыва в восстановление исторического прошлого не оценим. Но в то же время нельзя не заметить и его ограничения: ведь эта эпоха отличалась не просто интересом к прошлому. Это был интерес к *своему* прошлому, или прошлому, вовлеченному в настоящее, поиск своих корней исходя из своего исторического мышления, своей перспективы, из себя самого как точки завершения истории.

Прошлое было обоснованием настоящего, его значимости, его специфики, оно было подчинено настоящему и служило для его целей. Поэтому прошлое не могло быть ни абсурдным, ни неоднозначным, не могло содержать в себе никаких пошлых черт. Оно должно было быть светлым и величественным — хотя романтическая ирония сообщала этому величию объем и глубину, так что оно представало в некоем диалектическом развитии и многомерности.

Мы можем явственно видеть проявления такого романтизированного прошлого в исторических романах Вальтера Скотта или в синтетических оперных действиях Рихарда Вагнера. В них отражено величие исторических корней и тем самым представлена во всей своей мощной стати национальная идея народов, обладающих такими корнями. На протяжении всего XIX века эта тенденция развивается и крепнет.

Но развиваясь, историческое мышление ведет к все более глубокому проникновению национального сознания в собственные корни. Это формирует новый уровень внимания к истории, вызывает к жизни подлинное стремление к аутентичности, к тщательному исследованию старины не как *своей* старины, но как чего-то принципиально отличного от современности. В XX веке возникают и структурные исследования, развивается культурологическое знание.

Очевиднее всего это можно продемонстрировать на примере трансформаций интереса к старинной музыке. Как отмечал еще О. Шпенглер, музыка лучше

всего выражает специфику европейской души. Претерпевающая революционное изменение принципиально новая европейская музыкальная система сначала отсылала не столько к национальным идеям, сколько к индивидуализированному чувству субъекта (неслучайно Гегель называл ее «голосом сердца»). В романтическую эпоху в музыку постепенно входит национальная специфика, композиторы обращаются к звучанию народной музыки, начинают собирать музыкальный фольклор и применять его в своем творчестве. Формируются национальные традиции в музыке, которые заставляют «сердце» звучать созвучно национальной идее. При этом собственное прошлое музыки мгновенно забывалось, и ее развитие шло вперед.

Но в XX веке европейское музыкальное искусство входит в пору кризиса. Авангардистские эксперименты модерна вносят в него наднациональный дух, стремятся преодолеть национальную специфику звучания, интернационализируют музыку, заставляя ее противостоять национальной идее как некому буржуазному пережитку. Потому авангардная музыка была так мощно воспринята неомарксистской теорией в качестве главной революционизирующей силы современности, что хорошо выражено, например, в «Философии новой музыки» Т. Адорно.

С другой стороны, в это время интенсифицируется интерес к старинной музыке, а во второй половине столетия распространяется стремление к аутентичности. Если раньше оперы принято было петь на языке слушателей, то теперь — только на языке оригинала (неважно, что слушатели не понимают текст, главное — подлинность звучания). Если раньше исполнители стремились осовременить звучание, транспонировать для понятных слушателям инструментов и голосов, то теперь стремятся, напротив, реконструировать старинные инструменты, воспроизвести по старинным записям, в том же составе, теми же голосами. Изобретают даже новый голос — контртенор — как слабую, но все же попытку заменить распространенное в эпоху барокко пение кастратов, морально осужденное в XIX веке борцами за естественность и свободу. Одновременно развивается и пристрастие к музыке этнической, к сбору и воспроизведению аутентичных народных звучаний.

Это поворот можно назвать поворотом от романтизма и модерна к постмодерну. Постмодерн с его ироничностью, игрой, запоздалостью, коллажностью — это итог развития исторического сознания, поисков старины и корней, поисков национальной специфики. Этот итог наступает в момент, когда эти поиски дошли

до предела, когда все плюрализировалось, а знание истории стало столь обширным, что надежды на новизну начали вызывать недоумение; чувство же принадлежности к чему-то сакрально важному окончательно растворилось в потоке критической мысли. И в это время достигается состояние некой равнодушной созерцательности, самоустранимости. Прошлое теряет существенно важный смысл для национальной идеологии и становится интересным лишь эстетически. Единая перспектива взгляда и его целенаправленность пропадают. Культурологическое исследование в этом смысле — постмодернистское явление.

Но тенденции развития собственно постмодернистской музыки показывают и другой путь в сторону от революционных универсальных идей модерна. Весьма показательным в этом смысле является известное произведение Дж. Кейджа «4.33», представляющее собой 4 минуты 33 секунды паузы. С одной стороны, это акт полного разрушения всех возможных традиций и форм, ведущий к радикальной гомогенизации аудиального пространства. С другой стороны — выход к его предельной индивидуализации, к уникальности развертывающегося события через полное самоустранение деятельного и преобразующего субъекта-творца.

Как предельная индивидуализация этот акт есть осуществление того проекта, который лежал в основе всего новоевропейского буржуазного субъективистского порядка и впервые был выражен в протестантской идее о том, что никакие обряды и действия, никакие традиции и формы не являются священными, но между индивидом и абсолютном может быть установлена непосредственная связь. Это сделало все формы, обряды и традиции произвольными и оцениваемыми эстетически. Однако, поскольку сакральное, не выражаемое больше ни в каких формах, стало непостижимым и неспособным поддерживать установления человеческого общества, они приобрели важность в качестве условия организации неких intersубъективных связей в горизонтальном плане.

В этом смысле идея нации, поддерживающая эти обряды и традиции в их произвольности и коммуникативной силе, есть эстетический конструкт, который был необходим на переходном этапе развития европейского проекта, движущегося по пути индивидуализации. Хотя в сфере социальных и экономико-политических процессов она по-прежнему остается крайне действенной, возможно, искусство вновь идет в авангарде процесса и открывает нам перспективу развития нового мира.

Н. П. Овчинникова¹АРХИТЕКТУРА КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В современном развитии мировой архитектуры есть две основные тенденции — глобализация и локализация. Глобализация означает сближение наций и постепенное стирание национальных различий в их архитектуре, особенно в технической части (материалы, конструкции, способы возведения сооружений). Локализация же состоит в постоянном стремлении не только разных стран, но даже отдельных населенных пунктов к индивидуальности и своеобразию своей архитектуры.

Рассмотрение архитектуры как формы выражения и существования национального самосознания (в том числе в его крайних разновидностях — националистических) предполагает обращение к следующим аспектам.

Во-первых, это *общее понятие национального в архитектуре*. Национальное в архитектуре — это все то, что прямо говорит о данной нации, что характерно именно для ее культуры, что создано именно ею, те формы, которые говорят об эпохе ее расцвета. Ярко выраженными национальными чертами могут обладать определенные архитектурные формы, объемно-планировочные и пространственные решения, конструктивные и декоративные приемы, градостроительные композиции, а также общая идейно-художественная выразительность сооружений и комплексов, гуманизм и демократичность их облика или, наоборот, подавление им человека. Признаков национального в архитектуре может быть больше или меньше, но они всегда должны восприниматься как выражение актуальных для данной нации целей.

У национального в архитектуре бывает разный характер — органичность и высокая идейность или искусственность и балаганное исполнение, глубинные художественные тенденции или откровенный декоративизм.

Национальное может существовать в виде возврата к традиционализму, историческим стилям и формам. В XVIII–XIX веках это стилизаторство — применение отдельных деталей или крупных фрагментов из архитектуры прошлого, иногда копирование объектов целиком. Кроме храмов, чаще всего стилизаторские здания имели новое назначение и новую композицию. В XX веке это, как правило, стилизация и новая символика национального, когда выстраиваются опосредованные и часто не архитектурные ассоциации с данной страной (например, на Всемирной выставке 1970 г. в Осаке павильон Австралии по форме напоминал кенгуру, а павильон Болгарии — геометризованный силуэт Балканских гор). Нередко реализация абсолютно но-

вых архитектурных идей связана с определенной нацией (американские небоскребы, павильоны СССР на всемирных выставках 1925 и 1937 гг. в Париже).

Во-вторых, это *факторы актуализации традиционного и национального в архитектуре*. Интерес к национальному в архитектуре возникает и даже обостряется в конкретной социально-экономической, политической и демографической ситуации, на определенном этапе развития национальной культуры, когда происходит актуализация прошлого архитектурного знания. Он появляется при новом общественном сознании и обращении широких слоев общества к своей истории и национальному в архитектуре. Он может явиться следствием императива государя (Александр III выбрал исполненный в формах русского стилизаторства проект храма Спаса на Крови) или правительства (как в СССР в 1970-е гг., когда в формах крупных общественных зданий в столицах союзных республик рекомендовалось использовать национальные мотивы соответствующих народов). И это происходило не только внутри страны, но и за ее пределами. Так, на всемирных и международных выставках каждая страна хотела достойно представить себя узнаваемой, а потому выбирала соответствующую архитектуру для своих павильонов. Если на выставках XIX века приветствовались стилизаторские композиции на темы национальной архитектуры прошлого или даже прямые копии памятников, то со второй трети XX столетия это становится неактуальным.

В-третьих, это *отношение «своей-чуждой» как выражение национального характера архитектуры*. В гражданской и церковной архитектуре России второй половины XIX — начала XX века происходило обращение к образцам московского и ярославского зодчества XVII века и русского классицизма. А в XX–XXI веках многие новые храмы создавались по мотивам псковских и новгородских церквей XI–XVI веков, но в некоторых из них проглядываются мотивы классицизма и модерна. В облике современных особняков используются формы русских и зарубежных стилей прошлого. В последние десятилетия нашими национальными направлениями формообразования являются ретро-модерн и «многодельная» архитектура. В эпоху же стилизаторства широко применялось и чужое национальное (в XVIII–XIX вв. в России проектировали и строили в древнегреческом, древнеримском, египетском, византийском, китайском, мавританском и готическом «вкусе», во флорентийском стиле и т. д.).

В истории архитектуры многие стили и отдельные формы перемещались из одного региона мира в другой, часто приобретая новый, уже местный характер, но бывало и так, что заимствованное присваивалось и считалось своим. Так, турки многократно воспроизводили в крупных мечетях Стамбула формы православного византийского храма Святой Софии в Кон-

¹ Профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор архитектуры. Автор более 130 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Вопросы истории архитектуры и градостроительства», «Основы искусствоведения архитектуры», «Об актуальности в развитии архитектуры», «Об интерпретации архитектуры», «Несколько вопросов интерпретации архитектуры» и др.

стантинополе, а европейцы широко использовали в готической архитектуре вывезенную еще крестоносцами ближневосточную стрельчатую арку.

Четвертый аспект темы — это *соединение разных видов национального*, что характерно для архитектуры XX века. Так, в композиции Казанского вокзала в Москве сосуществуют стилизованные элементы московского барокко XVII века и повышенный объем казанской башни Сююмбике (XVI в.). В ряде объектов советской архитектуры 1930–1950-х годов гармонично сочетались мотивы местной национальной архитектуры и классицизма. А в Китае в разные периоды прошлого столетия было построено немало зданий, в которых классический ордер соседствует с китайскими мотивами.

Пятое — это собственно *взаимосвязь национальной архитектуры с нацией и национализмом*. Архитектура определенной нации может отличаться яркими национальными чертами или иметь интернациональные признаки. В каждую конкретную эпоху взаимоотношения и взаимосвязи национального в архитектуре и национализма обусловлены как пониманием национального в архитектуре, так и состоянием самого национализма в качестве черты мировоззрения данной нации. Если можно говорить о присутствии национализма в архитектуре, то обычно это умеренная его разновидность с охранительными функциями — память о своих корнях и истории. Но встречаются и примеры агрессивного, экстремистского толкования национальных

черт в архитектуре (авторы новой казанской мечети Кул-Шариф представляли ее как ответ Москве, якобы укравшей у Казани архитектурные формы для строительства собора Покрова на Рву). Можно выявить в архитектуре и «замаскированный» национализм (в некоторых формах космополитизма или глобализма), который, по сути, смыкается с экстремистским национализмом в своем агрессивном отношении к другим народам и культурам, стремясь их подчинить, растворить их национальное своеобразие и навязать им свое мировоззрение. В архитектуре это демонстрируют металлобетонные призмы высотных сооружений, безудержно покоряющие страны и континенты.

Несмотря на периодическую смену отношения к национальному в архитектуре в зависимости от понимания его как актуального явления или как знака отсталости, накопленное веками национальное в архитектуре — богатейший фонд знаний и умений. Современные архитекторы и строители часто берут из него архитектурные детали, объемно-планировочные и конструктивные приемы. В Санкт-Петербурге начала XXI века немногие новейшие сооружения имеют петербургский характер, присущий объектам исторической архитектуры. Современная политика в сфере архитектуры испытывает перекос в сторону глобальных, а не национальных компонентов; ей не помешал бы даже здоровый национализм, чтобы остановить продолжающееся разрушение исторических архитектурных памятников и городской среды.

А. А. Оганов¹

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНЫМ КУЛЬТУРАМ

В наше время, когда человечество подошло к критическому масштабу глобальных проблем, остро дискутируется вопрос о судьбах национальных культур. Драматизм сложившейся ситуации обусловлен главным образом беспрецедентной в истории кратковременностью периода перемен, скачкообразным сжатием социального времени, что вносит некоторый хаос в привычную нам шкалу ценностей. Этот хаос в первую очередь возник не из-за ощутимых потерь привычных нам культурных ценностей, а вследствие ускоренности этих потерь. Поучительно обращение к большому историческим дистанциям: много ли в национальных культурах современного Египта или Греции сохранилось от культур их этнических предков со времен Древнего Востока и Античности? Стоит «опрокинуть» современность на отдаленную историческую перспективу — и опасения по поводу негативных последствий

всеобщей глобализации для национальных культур становятся гораздо менее острыми.

Формирование единого информационного пространства по-разному скажется на самобытных культурах и слабо развитых, не пассионарных культурных образованиях. Первые, как правило, не замкнуты на себе, они открыты миру и имеют весьма благоприятную перспективу развития. Такие культуры отличаются укоренившейся системой ценностей и мощным устойчивым иммунитетом. Их вхождение в информационно-коммуникативную сеть расширяет возможности контакта, диалога с другими культурами. В результате избирательного обмена ценностями самобытные культуры обогащаются, усиливается потенциал их дальнейшего развития. Несмотря на беспрецедентный цивилизационный скачок, они обладают высокой степенью адаптации к новому, сохраняют способность поступательного эволюционного роста. Благодаря своим глубоким историческим корням они отвечают активным противодействием на внешнее чужеродное воздействие.

Такая же картина наблюдается в жизни традиций внутри национальных культур. Современность подвергает испытанию потенциал их преемственного развития. В традиционных обществах сохранилось немало

¹ Заведующий кафедрой философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, профессор кафедры эстетики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Теория и история эстетики», «Культура в эпоху глобализационных перемен», «Современная проблематика философии культуры», «Гносеологический анализ закономерностей художественного творчества», «Искусство как форма самопознания» и др.

обрядов, суеверий, дошедших до нас со времен язычества. Они естественно и органично воспроизводились веками, влияли на нравственность и поведение людей, задавали систему ценностей. Следование национальным и религиозным традициям было основой групповой и индивидуальной самоидентификации. Современный человек пребывает в совершенно иной социальной среде. Подгоняемый техническими новациями и быстрой сменой условий бытия, рациональный и прагматичный, он не приемлет, а то и не замечает, что многие традиции в новое время исчерпали себя.

Изначально традиции возникали как ценности с практически значимой функцией. Они определяли и регламентировали образ жизни людей, ежедневно им сопутствовали. Со временем практическая потребность в них убывала, замещалась знаково-символическим отношением. Их семантика может устаревать или не считываться, когда резко «рвется связь времен». Новые формы жизни обновляют и продуцируют традиции. Процесс этот органичен и имманентно детерминирован. В культуре невозможны как реанимация отжившего, так и проектирование нового.

Показательно, что во времена кризисных перепадов и укрепления национальных и политических суверенитетов людей поглощает идея возрождения традиций, приобщения к ним. Оживает широкий спектр обрядов — от дурманящих своей магией (гадание, колдовство и т. п.) до религиозно-возвышенных (крещение, венчание, отпевание, массовое участие в религиозных праздниках, паломничество по святым местам и др.). Зачастую в них много мистики, театрализации, псевдозначимой символики. В этом контексте примечательна затнувшаяся дискуссия вокруг вопроса о введении православной культуры в программу школьного обучения.

Даже имея самые благородные намерения, традиции возродить невозможно, если они исторически изжили себя. Это достаточно замкнутое историко-культурное образование, которое в зависимости от временных перемен может либо отторгнуться культурой, либо, трансформируясь, продолжать жить в новой культурной среде. Часто всуе говорят о преемственности национальных традиций без должного осознания особой роли естественной динамики в природе этого процесса.

В результате растущего взаимовлияния культур в России привились некоторые западные традиции: празднование Дня Святого Валентина, католического Рождества, Хэллоуина. В культуру США вошли традиции русских театральных школ (К. Станиславский, М. Чехов). Известные западные кутюрье используют мотивы национальных русских костюмов. В Китае укрепляется традиция фестивалей и конкурсов русской и советской песни.

Интернет все настойчивее вводит нас в виртуальный мир безграничного коммуникативного пространства. Первоначально технологическое, сегодня оно постепенно обретает свойства культурного пространства. Общение в нем создает новые традиции и трансформирует уже известные: многовековой брачный обряд обрел форму виртуальной свадьбы, давняя традиция ведения дневников продолжилась в блогах.

В контексте глобальных перемен чрезвычайно важно разобраться в социокультурном значении и корреляции понятий национального, общечеловеческого и космополитического. У нас, надо признать, весьма слабая научно-гуманитарная традиция осмысления этих понятий. Отсюда нестрогость, размытость соответствующих представлений в философии, эстетике, теории культуры.

Основная причина этого — известная одномерность и догматизм, когда-то имевшие место в официальных идеологических и мировоззренческих установках. Скажем, «космополитизм» однозначно толковался как реакционное проявление буржуазной идеологии, ущемление национального суверенитета и достоинства, чувства патриотизма.

Национальное в культуре и искусстве — это, конечно, не столько зарисовка бытовых обрядов и обычаев, традиций (как иронизировал в свое время В. Г. Белинский: «описание народного сарафана»), сколько самобытный характер, язык, психология народа, его культурно-исторические особенности, мировосприятие и мироощущение.

Общечеловеческое проявляется через национальные культуры. Ценности каждой из них в зависимости от степени общезначимости становятся общечеловеческими.

В современном мире все более явно дают о себе знать интегрированные культурные образования, возникающие вследствие диффузных межнациональных процессов, миграции народов, слияния культур. Естественно, что интеграция затрагивает сначала наиболее однородные в социальном, культурном, географическом отношении регионы и континенты. Зачатки этих процессов уже в настоящее время позволяют говорить о культуре европейской, азиатской, африканской, латиноамериканской. Однако одновременно с этим в ответ на угрозу унификации усиливаются процессы дифференциации. Такова закономерность нашего времени.

Сегодня нельзя не заметить, что наряду с глубоко национальными произведениями искусства существуют и такие, национальное своеобразие которых обнаруживается довольно проблематично. Это, например, музыка авангардистов А. Шенберга и А. Вебера (австрийцы), П. Булеза (француз), Л. Нono (итальянец), К. Штокхаузена (немец), Дж. Кейджа (американец), К. Пендерезкого (поляк), Я. Ксенакиса (грек), А. Шнитке (русский). На том же основании можно перечислить большой ряд имен живописцев и скульпторов авангардной ориентации. Здесь правомерно говорить об особой, вненациональной в своей основе, художественно-эстетической парадигме. Общечеловеческое проявляется в определенном смысле через космополитическое. Проникновение национального в такое искусство носит настолько относительный характер, что существа дела не меняет. В подобных случаях причастность художника к мировой культуре мало опосредуется культурой национальной.

Многие творцы в силу ряда объективных и субъективных причин причисляют себя к гражданам мира. Таковыми себя ощущали В. Набоков и И. Бродский, сегодня это Э. Неизвестный, М. Шемякин. Не случай-

но Набоков говорил: «Я американский писатель, родившийся в России и получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу, прежде чем провести пятнадцать лет в Германии»¹. Писатель подолгу жил в странах Европы, затем уехал в США, где провел большую часть жизни. Это не могло не отразиться на его психологии и менталитете.

Набоков не подчеркивает свою национальную принадлежность, она оттеснена на периферию его сознания. Это подтверждают высказывания писателя: «Я всегда, еще с гимназических лет в России, придерживался того взгляда, что национальная принадлежность стоящего писателя — дело второстепенное. Искусство писателя — вот его подлинный паспорт. Вообще же я себя сейчас считаю американским писателем, который когда-то был русским»².

По графическим иллюстрациям Э. Неизвестного к Библии или «Божественной комедии» Данте трудно идентифицировать национальную принадлежность автора, как и по работам М. Шемякина. Их же скульптурные произведения в США, Италии, России больше указывают на индивидуально-стилистические особенности, чем на национальную принадлежность. То же можно сказать о творчестве известных композиторов А. Шнитке, Э. Денисова, С. Губайдулиной.

Уместно вспомнить, что в переводе с древнегреческого *kosmopolites* — гражданин мира. Идеи мирового гражданства в эпохи Возрождения и Просвещения были близки идеалам свободы и гуманизма. Эти идеи развивали Данте, Петрарка, Рабле, Лессинг, Гёте, Шиллер. Все это приводит к мысли, что органичность и полнота проявления национального и общечеловеческого в творчестве художника и культуре в целом зависит от меры осознания себя в качестве гражданина своего отечества или мира, а иногда того и другого вместе.

В этом контексте, надо полагать, становится понятной попытка выйти за рамки исключительно не-

гативного понимания смысла термина «космополитическое» в культуре и искусстве. В ходе развития цивилизации вненациональные элементы культуры имеют тенденцию к росту, что было бы ошибочно связывать с идеологией отрицания национального суверенитета. Дискуссионным или по меньшей мере поспешным представляется вывод немецкого социолога У. Бека, назвавшего наступающую эпоху «космополитическим поворотом», «эпохой космополитизации»³.

Все больше стран охватываются глобальными процессами, свидетельство тому — интернационализация экономик, нарастание плотности коммуникаций, «Всемирная паутина», тотальное оцифровывание информации, интенсификация миграционных процессов, мультикультурализм. В научный оборот вошло понятие альтерглобализма, означающее альтернативные пути и формы глобализации. К ним можно отнести такие локальные универсалии, как европейская, латиноамериканская, восточноазиатская культуры.

Таким образом, национальные культуры сталкиваются с серьезными, качественно новыми вызовами. Пришло время формирования новой стратегии национального развития, новых современных практик конструирования идентичности. Очевидно, что крайности мессианской идеи нации, ее особой избранности исторически исчерпали себя. Наступил период жесткой борьбы за идентичность, которая все больше обуславливается не только традиционными национальными факторами. Трудно прогнозировать долговечность нациоцентричной картины мира. Вероятно, смена ее альтернативной парадигмой произойдет в отдаленном будущем. Культура в своем развитии сама себя канализирует, проектирует вектор своего нелинейного движения, но так или иначе она не утратит заданного ее природой многообразия и мозаичности.

М. Е. Попов⁴

КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА⁵

В мозаичном, культурно гетерогенном «обществе риска», явившемся порождением атрибутивных «текущей современности» противоборствующих тенденций мультикультурализма и интегрализма, модернизации и традиционализации, социальная дезинтеграция становится источником эскалации этноконфликтной напряженности, принимающей форму открытых конфликтов идентичностей. В России угрозы безопасности и интеграции связаны с политизацией этнорелигиозных идентичностей, явившейся, в свою очередь,

следствием конфликта конкурирующих цивилизационных проектов. В южнороссийских регионах идеология неотрадиционализма как реакция на кризис граждан-

¹ Набоков В. В. Интервью в журнале «Playboy» // В. В. Набоков. Собр. соч. : в 5 т. СПб., 1997. Т. 3. С. 568.

² Набоков В. В. Интервью Альберту Аппелю, 1966 год. // Вопросы литературы. 1988. № 10. С. 163.

³ Бек У. Жизнь в обществе глобального риска — как с этим справиться: космополитический поворот // Вестник Института Кеннана в России. М., 2012. Вып. 22. С. 59.

⁴ Профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь), доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций по социальной философии, философии культуры, социологии, конфликтологии, политологии, в т. ч.: «Конфликты идентичностей и общественная безопасность», «Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты», «Социокультурная интеграция как инструмент разрешения этнополитических конфликтов на Северном Кавказе», «Современные теории конфликта этнических идентичностей», «Social and Cultural Integration as a Way of Resolving the Identities Conflicts in the Modern Russia: a Regional Aspect» и др.

⁵ Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе». Грант Президента МД-7429.2015.6.

ского общества и либеральной демократии выступает основным фактором культурных конфликтов.

На протяжении двух последних десятилетий в мировой науке значительное внимание уделяется изучению культурных конфликтов в различной терминологической постановке. В теоретических построениях, лежащих в основе данных исследований, авторы исходят из того, что культурные конфликты — это конфликты идентичностей, источником которых выступает принадлежность к социокультурной группе.

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертона и Дж. Ротмана в 1990-е годы. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза культурной идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, глубокая субъективность и неуправляемость.

Конфликты идентичностей представляют собой сложносоставные конфликты, фундаментом которых являются ценностно-мировоззренческие противоречия, обусловленные кризисами и трансформациями культурных идентичностей. Эти конфликты детерминированы дихотомией традиционалистских и посттрадиционных ценностных систем и являются атрибутивной частью рефлексивно-модернизационных процессов в мировой культуре. Понятие «конфликты идентичностей» отражает системный характер ценностно-мировоззренческих противоречий как модернизационных рисков глобального мира: интеракция и сближение ранее «чужих» культурных общностей и их идентичностей являются неисчерпаемым источником интеграции и конфликтов. Посттрадиционные трансформации как основания конфликтов идентичностей изменяют ранее гомогенное ценностно-мировоззренческое содержание и традиционалистский статус коллективных идентичностей в иерархической оппозиции «мы–они» посредством универсализации интеграционных ценностей. Изменения в иерархии традиционалистских ценностей и посттрадиционный призыв к интеграции и унификации культурных идентичностей в процессе модернизации и глобализации становятся факторами традиционалистского сопротивления.

Сосуществование в российской культуре разных мировоззрений и ценностей не приводит к неизбеж-

ным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к гражданской интеграции; однако когда модернизационные риски и ценностные противоречия в процессе унификации и стирания культурных различий воспринимаются как угрозы безопасности и автономности традиционалистских идентичностей, возникают конфликты идентичностей.

На теоретическом уровне гражданская интеграция указывает на базовые коммуникативные принципы, консолидирующие субъектов в социальном и культурном пространстве в форме взаимного признания и принятия социальных норм. Интеграция полиэтничного сообщества означает рациональное совместное взаимодействие этнокультурных сегментов в рамках социальной структуры. Концепция социокультурной интеграции является теоретическим ядром структурного функционализма, определяющего ее в качестве важнейшего механизма поддержания целостности, функциональности, стабильности социальной системы. Т. Парсонс актуализирует внимание на нормативно-ценностной интеграции в процессе социальной инклюзии: фундаментальными качествами социокультурной интеграции становятся способность субъектов к идентификационной унификации и трансформации деструктивных, «нереалистических» конфликтов идентичностей в конструктивные, «реалистические» конфликты интересов как источники социального творчества (в теории конфликта Л. Козера).

При анализе современных этнических процессов интеграция рассматривается как результат процессов социализации, адаптации, аккультурации. При этом позитивная интеграция представляет собой антиконфликтотогенный процесс функционирования этничности в социокультурном пространстве гражданской идентификации. Понятие интеграции тесно связано с теориями идентичности и конфликта, где интеграция интерпретируется как фундамент социальной безопасности и стабилизации общественных отношений, как способ разрешения культурных противоречий на основе социального баланса, гражданского консенсуса, солидарности.

Незавершенные трансформации, разрыв между модернизационными вызовами глобализации и российским региональным традиционализмом служат факторами эскалации конфликтов идентичностей, угрожающих социальной безопасности России: радикализация этничности, которая выражается в росте фундаментализма и этнонационализма, принимает форму трудно-разрешимых культурных конфликтов.

Г. А. Праздников¹СМЫСЛОПОСТИЖЕНИЕ БЫТИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Идея глобальности мира прокладывала себе дорогу на протяжении всей человеческой истории. Однако только в XX веке мир открылся одновременно и в общечеловеческой целостности, и в поражающем воображение многообразии. Вместе с тем одной из острейших проблем времени стали практические и теоретические попытки унифицировать многообразие мирового развития (*одна культура, одна религия, одно искусство*): «Нельзя... сбрасывать со счетов *простую возможность создания гомогенной культурной среды*»² (курсив мой. — Г. П.).

Один из реальных вызовов глобального мира национальной идентичности России (как и других стран) — утрата ими культурной самобытности, духовного своеобразия. Пожалуй, самый неудачный социальный прогноз XIX века на грядущий XX век — предполагаемое «умирание» наций, растворенных в «общем» человечестве. Национальная проблема не только не была снята, но оказалась одной из самых болезненных для современного мира.

В современной глобальной цивилизации огромное количество людей живут в поликультурном мире, переживая одновременное воздействие многих культур и сложные результаты их взаимосвязей и взаимоотношений. Вместе с тем этот синтез объединяет реалии со своим особым внутренним смыслом и вполне различимым внешним обликом. Разные культуры нуждаются друг в друге — каждая для самой себя и каждая для существования целого, развивающегося «через неравнозначия» — «быть вместе и быть врозь» (М. Гефтер). Посвятивший всю свою многолетнюю жизнь исследованию русской культуры Д. С. Лихачев никогда не мыслил ее отдельно от культуры мировой, но всегда понимал отношение общечеловеческого и национального как плодотворное взаимодействие: «Что мы взяли у других и что мы сами дали?»³. Культура глобального мира — это всемирность дополняющих друг друга национальных культур, отражающих и сохраняющих духовный и душевный склад своего народа, его традиции, долговременные жизненные ценности.

Хемингуэй, пытаясь вспомнить всех, кто оказал влияние на его жизнь и работу, составляет длинные списки писателей, живописцев, композиторов разных эпох и стран, у которых он учился «видеть, слышать, думать, чувствовать и писать»⁴. Однако обостренное

внимание к нравственным задачам литературы он связывает со школой русских писателей: «Сначала русские, а потом все остальные, но долгое время только русские»⁵.

Т. Манн устами героя новеллы «Тонио Крегер» называет русскую литературу святой и такое отношение к ней пронесит через всю жизнь. Эти оценки ни в малой степени не снижают значение великих литератур Англии, Германии, Франции... И, тем не менее, «святая английская» или «святая французская» литература — непроезжие словосочетания.

Обсуждая проблемность искусства в статье «Три вопроса» (1908), из вопросов «что», «как» и «зачем» А. Блок особо выделяет последний — «самый соблазнительный, самый опасный, но и самый русский вопрос», где речь идет «о долге, о должном и не должном в искусстве» и «не об одном искусстве, а еще и о жизни»⁶. От русской культуры пошла понимание и переживание неотделимости художника от гражданина, политики — от этики, общественного — от личного, художественной и философской жизни от разнонаправленного и трудного человеческого бытия.

Творческое поведение художника определяется не только абстрактно-теоретическим мировоззрением или искренностью намерений, но и *жизненно-эстетической позицией*. Самое существенное в этой позиции то, что она одновременно над жизнью (осмысливает ее) и в самой жизни. Это устойчивая жизненная стратегия — «воплощающийся принцип» (Гегель), «самостоянье человека» (Пушкин), мироотношение, явленное в поведении (поведением). Это не теоретическое суждение о смысле жизни, но *само смысложизненное бытие как «ответственное поступление»* (Бахтин). Обретенная искусством полнота человеческих отношений к миру предполагает «всего человека», ориентированного на общечеловеческие цели и осуществляющего в творчестве не только эстетическую, но и смысложизненную программу. «Единство обманяния», «единство ответственности» (М. М. Бахтин) искусства за жизнь и жизни за искусство — вот нравственное основание творчества. Ни в коем случае не тождество — Блок предупреждал об этой опасности, призывал к «духовной диете»⁷, а М. Мамардашвили теургическую идею, согласно которой жизнь превращается в некий художественный акт, считал опасной, разрушительной. Однако он же совершенно замечательно толковал искусство «не как нечто внешнее, какое-то профессиональное добавление к жизни, а как часть самой жизни... живя, мы занимаемся литературой, даже не зная об этом, и занимаясь ею, может быть, живем как-то иначе...»⁸

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств (Санкт-Петербург), кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Культура в пространстве жизни», «Процесс художественного творчества», «Нравственный смысл художественного творчества», «Искусство и спорт» и др. Почетный профессор СПбГУП.

² Лехтер М., Лэнгри Ч. Культура на перепутье. М., 2003. С. 37.

³ Лихачев Д. С. Прошлое — будущему. Статьи и очерки. Л., 1985. С. 148.

⁴ Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет... // Художественная публицистика. М., 1983. Т. 4. С. 238.

⁵ Хемингуэй Э. Собрание сочинений : в 4 т. М., 1982. Т. 4. С. 238.

⁶ Блок А. Об искусстве. М., 1980. С. 95, 96, 98.

⁷ Блок А. Собрание сочинений : в 8 т. М., 1960–1963. Т. 5. С. 436.

⁸ Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М., 1995. С. 301.

Выдающийся философ говорит об изменившемся опыте, именно об *опыте*, освоив который мы выходим *иными* из пережитой ситуации — иначе понимаем себя и мир, по-другому ориентируемся в нем. Искусство дает такую возможность. Оно делает это опосредованно, как феномен, обладающий собственным бытием, однако неотделимым от микрокосма человеческой жизни и макрокосма мира. Искусство — не только модель и образ этого мира, но и форма деятельного превращения бытия в *человеческий мир*, и форма *приобщения* к нему. Эту его функцию можно определить как *жизненно-экзистенциальный смысл искусства*.

Максимальная интенсивность переживания, возникающая в процессе творчества, часто требует колоссальной затраты реальных жизненных сил, расходуемых не только на создаваемое произведение, но и на его жизненный контекст, вернее на переживание их жизненно-игрового единства. Эта сложная противоречивая общность требует не только специальных способностей сочинять, рисовать, строить мизансцены, но и всего человека — целостного и ответственного. С полной убежденностью, неопровержимо удостоверенной собственным творчеством, А. Платонов даже не призывал, а констатировал: «Писать не талантом, а человечностью — прямым чувством жизни»¹.

Такое понимание творчества исключает всякое своевольничанье, но предполагает глубинное переживание своей деятельности и хотя бы попытку осознать, чем ты занимаешься и зачем. Это постижение правды, истины мира необходимо прежде всего самому художнику, он сам все должен осознать и пережить, выстрадать и одолеть, когда пережитое станет не вещательным материалом, а интимной установкой души, преображенной в сложное единство нового жизненного опыта. В творческий процесс вступает не «некто», а живой,

конкретный человек с экзистенциально-нравственным опытом прожитой жизни. Потому — внутренняя уверенность в правоте, без которой немислимо творчество, убежденность не просто в уместности произведения, а в обязательности, необходимости созданного.

Цели искусства хорошо сформулировал А. Блок в своей речи «О назначении поэта», произнесенной в Доме литераторов в годовщину смерти Пушкина: «внести гармонию во внешний мир»². Эта мысль выражена предельно ясно, она свободна от туманностей символистской риторики отдельных фрагментов блоковского текста. Уравновешивание человека с социумом, резонирование человеческой единичности (единственности!) с целым универсумом, гармоничное (по возможности) обживание сложнейших нравственных ситуаций...

В русской духовной культуре с удивительной силой и глубиной была недвусмысленно явлена жизненно-созидательная направленность творчества: «Художественное произведение есть плод любви» (Л. Толстой). В мировой культуре при всем, казалось бы, непреодолимом различии художественных явлений все отчетливее обнаруживается общность неких силовых линий, стягивавших их к единой цели — сохранению и развитию целостности человеческого бытия. Эту цель (повторимся еще раз) можно определить как *нравственный смысл творчества*, ибо всякая деятельность производит не только среду (в предельно широком ее понимании), но и самого человека, собственно *человечность*.

Humanitas, человечность — равно сущностная характеристика человека и оценочный критерий его развития. В качестве таковой она все явственнее утверждается как важнейшая нравственная универсалия глобализации.

В. И. Россман³

НАЦИИ, НАЦИОНАЛИЗМ И СИМВОЛИЗМ СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ

Отцы-основатели теории наций указывали на роль форм разговорного языка (vernacular), газет, романа и картографии в генезисе концепции нации как воображаемого сообщества (Бенедикт Андерсон). Однако ни один из известных теоретиков нации не обратил внимания на роль столичных городов или национальных столиц в строительстве нации (nation-building). Между

¹ Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек. М., 1990. С. 10.

² Блок А. Об искусстве. С. 154.

³ Профессор Северо-Американского университета (Хьюстон, штат Техас, США), доктор философии и политических наук. Приглашенный профессор факультета международных отношений Экономического университета (Братислава, Словакия). Преподавал в университетах России, США, Центральной Европы, Юго-Восточной Азии и Израиля. Автор более 100 научных работ, в т. ч.: «Столицы», «В поисках Четвертого Рима: российские дебаты о переносе столицы», «Capital Cities: Varieties and Patterns of Their Development & Relocation», «Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era», «Два призрака XIX века». Член редколлегий нескольких российских и зарубежных журналов.

тем возникновение столичных городов в XVII веке стало не только важной вехой в процессе национального строительства европейских наций, но и важнейшим катализатором процесса строительства этих наций. Кроме того, характер столичного города во многом определял характер нации, пути ее развития и трансформации, а также формы ее конституционного устройства (унитарные и федеративные нации). Хотя выбор столичных городов является фундаментальным элементом строительства наций в нескольких разных смыслах, оказывая влияние на формирование нации и на различные фазы ее строительства, здесь мы коснемся только одного аспекта этого вопроса — символизма национальных столиц.

Символическая функция столиц во многом определяет политический успех или фиаско города в качестве национальной столицы. Характер избранных символов указывает на уровень репрезентативности столицы и ее интеграционный потенциал.

Можно выделить *три аспекта эффективности символических функций столицы*: инклюзивность или репрезентативность символов по отношению ко всем участникам национального проекта, интегрированность символических и перформативных функций столицы, а также интегрированность собственно национальных и универсальных — глобальных и модернизированных — символов в масштабе города.

Инклюзивность символов подразумевает участие микронарративов различных конституирующих элементов нации в визуальном ряде города и метанарративах, которые в нем воплощаются. Так, в визуальном пространстве столичного города инкорпорируются различные идентичности составляющих его членов, регионов, земель, штатов, республик, этнических и социальных групп. Авеню в американской столице названы именами различных штатов, и в нескольких случаях их размер и расположение отражают место и роль данного штата в ходе формирования американской нации и в Американской революции. Не случайно Массачусетс и Пенсильвания авеню занимают центральное место в системе коммуникаций и символическом порядке города. В Канберре центральные авеню как бы соединяют прежде разрозненные австралийские колонии: Брисбен авеню, Аделаида авеню, авеню Союза.

Символическое значение имеет даже строительный материал. При строительстве здания австралийского парламента были использованы материалы, привезенные из разных частей федерации. В здании Конгресса в Вашингтоне представлены памятники и скульптуры, изготовленные из материалов, специфичных для конкретных американских штатов. Фрески на здании парламента Канады представляют растения и животных из всех провинций. В топонимике столичных городов также часто представляются различные регионы страны.

Столичные города представляют не только идентичности всех штатов или земель, но и малые идентичности и малые народы, которые в некоторых случаях сыграли особую роль в строительстве новой столицы. Так, например, в Бразилии на площади Трех властей есть скульптура, посвященная небольшому индейскому племени канданго (Candangos), которое принимало активное участие в строительстве нового города и жило на территории, отведенной под новую столицу. Названия австралийской и канадской столиц (Канберра и Оттава) взяты из языков аборигенного населения этих мест. Множественность нарративов, воплощенных в опорных точках пространственного плана города, служит инклюзивности и интеграционному потенциалу нового города.

В связи с этим стоит обратить внимание на своего рода преемственность между современными спланированными столицами и столицами имперских и деспотических государств древности. Так, например, в Древнем Египте столичные религиозные культовые центры инкорпорировали религиозные святыни и пантеоны местных богов. В Китае в эпоху объединения древних княжеств под властью династии Цинь (с 221 г. до н. э.) в столице государства Сяньяне, который специально был размещен неподалеку от древней

чжоуской сакральной столицы, происходит интеграция культов присоединенных княжеств. Император Цинь Шихуан построил в окрестностях новой столицы копии дворцов всех местных князей (*чжухоу*), тем самым перенес на новую столицу часть сакрального статуса местных центров и алтарей земли и злаков. Он также привез в свои дворцы ритуальные бронзовые колокола и барабаны, которые являлись частью местных религиозных культов и были изъяты из столиц старых княжеств. Все это служило источником укрепления статуса Сяньяна как единого центра Китая, который стяжал все политические и сакральные полномочия. В древней Ассирии в дворцовых садах собирали растения и животных из разных концов государства. В Московском княжестве князь старались привезти в столицу важнейшие общерусские святыни, которые находились в других городах. Так, в Успенском соборе оказались иконы Св. Спаса Вседержителя (Новгород), Благовещения Пресвятой Богородицы (Великий Устюг), Одигитрия (Смоленск), Божья Матерь Владимирская, икона Псково-Печерская, Спас Нерукотворный из Хлынова, Св. Николай Великорецкий из Вятки и др.

Однако такая форма интеграции символов имеет противоположный смысл. Если в деспотических государствах древности задача состояла скорее в *стяжании сакральности* и нивелировании частных идентичностей, то в современных акцент делается именно на инклюзивности. Наиболее успешным государствам удается создавать в столицах публичные пространства, которые позволяют представлять, локализовывать и интегрировать движения социального протеста, что также способствует инклюзивности.

Перформативность. Эффективность символов выражается также в их перформативном характере, связи с национальными ритуалами и церемониями. В результате символы приобретают смысл конкретных действий и диктуют определенные нормативы поведения. В наиболее ярком виде такая сопряженность перформативности с символами достигается в спланированных столицах, формы которых были специально созданы для совершения церемониальных действий. Здесь сама организация пространства приглашает к проведению торжественных национальных празднеств и фестивалей, а символы пространства соотношены с символами времени и происходящими в столице национальными событиями.

По мнению канадских градостроителей, столица представляет собой такое место, где «подчеркивается прошлое, представляется настоящее и воображается будущее» (НСС, 2000). Перформативная функция обеспечивает именно такую связь пространства и времени. Символизм некоторых новых столиц, акцентирование в них связи пространства с конкретными действиями и ритуалами не уступает по сложности, изощренности и многослойности древним сакральным столицам.

Одну из таких успешных перформативно-символических столичных систем описывает социолог архитектуры Михаил Вильковский на примере Вашингтона. В этом городе прошлое, настоящее, будущее и вечное разнесены по сторонам света по отношению к символическому кресту в центре, где стоит памятник Джор-

джу Вашингтону с обзорной площадкой на вершине. Здание Белого дома символизирует настоящее, мемориал Джефферсона — прошлое, Капитолий — будущее, мемориал Авраама Линкольна и Арлингтонское кладбище — вечное.

Символы и перформативный потенциал столицы и ее архитектуры, таким образом, с большим или меньшим успехом обеспечивают эффект *соучастия* нации в важнейших национальных ритуалах.

Одним из индикаторов перформативной эффективности служит доступность публичных пространств, что особенно важно для столичных городов. Урбанисты выделяют *визуальную, символическую и физическую* доступность. При этом возможность участия в ритуалах нации в публичных пространствах усиливает эффект символической доступности. Большая доступность публичных пространств, их демократичность и перформативная открытость делают их подходящими для того, чтобы столицы выполняли свою интегративную функцию, и дают чувство сопричастности к городу как к национальной столице. Возможность участия максимального количества людей служит важным преимуществом таких публичных пространств.

Связь с глобальными метанарративами. Успех символов столицы и символический капитал города также во многом определяются тем, в какой степени они включают вертикальное или глобальное измере-

ние. Поэтому во многих столичных городах подчеркиваются их вселенские притязания и сопричастность универсальным нарративам мировой истории. Современные столицы модерна по существу представляют собой узлы сопричастности проекту Просвещения или модернизации. В архитектуре новых столиц (Бразилии, Санкт-Петербурга, Пуตราджайе, Дели) присутствует эта вселенская вертикаль и видение своей особой миссии в универсальных процессах.

Такая связь с глобальными метанарративами осуществляется не только за счет знаков и символов технического прогресса и глобальной экономики, но и за счет акцентирования мировых связей и архитектурных аллюзий и аллитераций, отсылающих к важнейшим историческим центрам древности, с которыми преемственно связаны ценности и достижения мировой цивилизации, чаще всего к Риму, Иерусалиму или Мемфису. Подобные планы создавали многослойную семиотику урбанистического пространства.

Именно в русле такого символизма можно интерпретировать присутствие мasonicкой символики в градостроительных планах Санкт-Петербурга, Вашингтона, Бразилии и Канберры, которая упоминается в работах не только поп-историков, но и многих серьезных историков (D. Ovason, C. Pinto, Л. Мацих, P. Proudfoot и др.). Новые столицы в каком-то смысле воспроизводят элементы сакральных столиц древности с их мироустроительными и космическими функциями.

В. Ш. Сабиров¹

РУССКАЯ ИДЕЯ, ВСЕДИНСТВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX века явилась высшей формой национального самосознания и одним из способов национального самовыражения. Русская идея Вл. Соловьева, Н. Бердяева, Л. Карсавина, И. Ильина и других отечественных мыслителей не является националистической по существу. Их любовь к России и русскому народу сочетается с уважительным отношением к другим народам и культурам. Русские философы решительно выступали против любого проявления национализма. Такое отношение к национальному вопросу связано с особым пониманием нации. Нация — это не просто социокультурная или гражданская общность людей. В формировании и существовании той или иной нации решающее значение имеет миф нации или национальная идея, обладающая глубоким метафизическим обоснованием. Вл. Соловьев писал: «...идея на-

ции есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»². Он утверждал, что смысл существования наций лежит не в них самих, но в человечестве: «Истинное единство народов есть не однородность, а всенародность, то есть взаимодействие и солидарность всех их для самостоятельной и полной жизни каждого»³. Эта мысль Вл. Соловьева, укладываемая в его учение о положительном всеединстве, чрезвычайно важна для понимания существа русской идеи. Подлинное всеединство народов не может быть достигнуто посредством обезличивания наций и народов. Человечество может действительно объединиться перед лицом многочисленных угроз его существованию только при условии, что все народы сохраняют свою самобытность, будут уважаемы другими народами. В. С. Соловьев и другие отечественные мыслители были убеждены в необходимости сохранения и развития человечества на основе его национального разнообразия и поликультурности, которые сами по себе не являются самоцелью, но необходимы для того, чтобы у человечества всегда сохранялась множественность путей существования и развития. Ведь неизвестно, какой из этих путей в какое время и в ка-

¹ Заведующий кафедрой философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 140 научных публикаций, в т. ч.: «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» (в соавт.), «Абerrации совести» (в соавт.), «Онтология совести» (в соавт.), «Стереотипы философского знания» (в соавт.), «Цивилизованность человека и общества: теоретический и методологический аспекты» и др.

² Соловьев В. С. Русская идея // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 220.

³ Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 501.

ком месте может оказаться оптимальным и даже спасительным. Каждый народ, нация, язык, культура несут в себе уникальные возможности для решения тех или иных проблем, вывода человечества из очередного тупика, в который оно попало. Как показывает исторический опыт, в жизни человечества бывают такие моменты, когда тот или иной народ, та или иная культура выходят на лидирующие позиции и тянут за собой все человечество. Греки и римляне заложили основы европейской цивилизации. Древние евреи дали миру Спасителя. Россия несколько раз жертвенно принимала на себя удары завоевателей, претендующих на мировое господство, и тем самым спасала Европу от порабощения, деградации и гибели. Не секрет, что лидерство народов было обусловлено специфическими особенностями их культур и связанного с ним того или иного типа человека.

Русские философы, ставившие вопрос о спасении России и человечества в целом, делают акцент на покайном отношении к своим грехам, историческим ошибкам и преступлениям, искупительном характере действий отдельных людей или народа в целом. Приведем высказывание И. Ильина, прошедшего через горький опыт революции, Гражданской войны и эмиграции: «После того, что произошло в России, мы, русские люди, не имеем никакого основания гордиться тем, что мы ни в чем не передумали и ничему не научились, что мы остались верны нашим доктринам и заблуждениям, прикрывшим просто наше недомыслие и наши слабости. России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры»¹. Но ведь не только у русских были свои роковые исторические ошибки и грехи. Никакой народ или нация не свободны от этого, а следовательно, никто не может брать на себя грех мессиянства, право безусловного диктата над всеми народами, под какими бы благовидными предлогами это ни делалось. Тем более если это означает подгон всех народов под некий общий обезличивающий их уникальность шаблон.

Исходя из этих посылок, мы можем более взвешенно подойти к проблеме глобализации, сравнительно недавно ставшей предметом многочисленных дискуссий.

Термин «глобализация» в 1992 году ввел американский журналист Р. Робертсон для обозначения новых процессов и тенденций мирового развития, основу которых составляют формирование единого общемирового рынка, образование единой информационной сети Интернет, создание больших возможностей для развития человеческой индивидуальности и другие факторы. В первое десятилетие XXI века глобализация характеризуется большой открытостью границ, возможностью людей и народов относительно легко менять места жительства, переезжая из одной страны в другую, с одного континента на другой. В этом факте, безусловно, есть много положительного: люди становятся более свободными, они могут реализовывать

свои таланты с большей выгодой для себя, жить там, где они эффективнее смогут реализовать свои интересы. Однако глобализация ставит много новых проблем, поскольку в ней наряду с положительными тенденциями обнаруживаются и новые угрозы человечеству. Они, в частности, касаются самой природы человека как биосоциального и духовно-культурного существа. Поэтому на проблему глобализации нужно смотреть не только с позиций отдельных индивидов, многие из которых, возмущаясь, окажутся в выигрыше от шестомеченных процессов, но и с точки зрения существования и развития отдельных народов, культур и цивилизаций и в конечном счете всего человечества. Задумаемся в связи с этим над тем, что сейчас реально происходит с человечеством и что может сулить в будущем глобализация, понимаемая как беспрецедентная открытость государственных границ и стирание культурных и цивилизационных барьеров между народами.

Первое, что можно отметить при рассмотрении процесса глобализации, — это смешение людей, принадлежащих разным расовым и этническим группам. Многие генетики в связи с этим бьют тревогу: «Теперь все говорят о глобализме и вновь забывают об одной простой вещи — о генетической составляющей. Как складывалось человечество? Почти до эпохи Возрождения оно состояло из множества относительно небольших популяций, которые изредка обменивались генами друг с другом. А популяция, как говорил Ю. Г. Рычков, в масштабах длительности жизни отдельного организма — это бессмертный суперорганизм, который подчиняется тем же законам природы, что и любой живой организм. Отменить эти законы никто не может. Глобализация же ведет к панмиксии, перемешиванию генов и увеличению сегрегационного груза. Будут стираться межэтнические различия и, как следствие, будет ускоряться созревание индивидуумов и сокращаться продолжительность их жизни. Кроме того, нет ничего лучше панмиктической популяции для распространения инфекционных болезней, особенно сейчас, в условиях глобального изменения климата, когда переброска экзотических организмов (вместе с их микробами и вирусами) из одних частей земного шара в другие достигла небывалого размаха. Как генетик, я предвижу, что глобализация — это путь к катастрофе! Я уже не говорю о культурных аспектах. Да, наука интернациональна, никто с этим не спорит, но она слагается из национальных научных школ, каждая из которых имеет свои неповторимые черты. И каждый народ по-своему думает, рассуждает, творит, умирает... И из этого многообразия рождается новое качество, полезное для всего человечества. А смешение, панмиксия — для человеческого рода гибельный путь»².

Глобализация — неоднозначный процесс с точки зрения развития мировой экономики и политики. На уровне деклараций глобализация выступает как процесс выравнивания разных стран и народов в плане их экономического и социального развития. В действительности же она означает экспансию транснациональных компаний в страны третьего мира, где размеща-

¹ Ильин И. А. Наши задачи // Юность. 1990. № 8. С. 70.

² Алтухов Ю. П. Монолог о генетике // Человек. 2003. № 6. С. 16.

ются вредные производства и получают сверхдоходы за счет низкой заработной платы наемных работников. В результате богатые страны становятся еще богаче, а бедные — еще беднее. По сути, глобализация расширяет и углубляет пропасть между так называемым «золотым миллиардом» и остальным человечеством.

Глобализация осуществляется под знаком науки, которая, как полагают многие, универсальна, не имеет в своих основаниях культурных предпосылок. Дескать, есть единая наука для всех народов и человечества в целом. Между тем это не совсем так. Ибо та наука, которая сейчас стала универсальным феноменом, закладывалась в Европе в XVII столетии. Она открыто или прикровенно рвала с религиозной, христианской традицией, номинировала себя как позитивное знание, лишенное всякой метафизики, и в силу этого утратила духовную глубину. Достижения европейской науки стали мощным фактором экономического, политического и военного могущества Запада, благодаря которым эти достижения начали экспортироваться в другие регионы мира: так, европейский культурный феномен стал мировым глобальным надкультурным явлением.

Нельзя упиваться успехами научно-технического прогресса — нужно видеть и его оборотную сторону. Развитие науки создало реальные предпосылки для существенного продления человеческой жизни. Однако сама по себе эта возможность, кажущаяся благородной и гуманной, в действительности создает массу труднопреодолимых духовно-нравственных проблем. Современный американский ученый Л. Касс пишет: «Во-первых, погоня за совершенным телом и продлением жизни отвлечет нас от более полной реализации наших устремлений, на что естественным образом нацелена наша жизнь, от того, чтобы жить хорошо, а не просто оставаться живыми. Во-вторых, озабоченность собственным нестарением в конечном счете несовместима с осознанием потребности в потомстве и смене по-

колений: мир долгожителей становится все более враждебным по отношению к детям. Вместо того чтобы приносить удовлетворенность, этот мир, судя по всему, будет насыщен опасениями за здоровье и страхом смерти»¹. Ювенальная ориентация людей старших поколений и стремление к продлению физической жизни в значительной степени восходят к идеологии светского гуманизма.

Гуманизм — детище эпохи Возрождения и Нового времени. В гуманизме, с нашей точки зрения, произошло внешнее, механическое соединение античных и христианских ценностей, в результате которого утратилась духовная глубина не только христианской, но и античной составляющей. Если достоинство человека в представлении древних греков и римлян было неотделимо от его мужества и стойкости, а для христиан оно соотносилось в первую очередь со смирением и способностью к покаянию, то в гуманизме, в своем окончательном выражении принявшем светский характер, достоинство человека утверждалось в виде его благостного образа — как физическое совершенство, материальное благополучие, гражданская добродетельность и моральная порядочность. В гуманизме декларируется уважение к человеку как эмпирическому индивиду. В отличие от христианской антропологии, в гуманистических учениях затушевывается понятие о грехе как источнике смерти и «падшести» человека.

Нетрудно догадаться, что судьбы человечества во многом будут зависеть от того, пойдет ли развитие мировой цивилизации по пути глобализации, или посредством ее положительного всеединства в людях и народах возобладает стремление к комфорту и роскоши, или, напротив, они отдадут приоритет духовным и нравственным ценностям. По сути, это вопрос о том, будет ли существовать человек и человечество на Земле или же они неизбежно погибнут, исчерпав все материальные ресурсы, а главное — истощившись духовно.

А. П. Садохин²

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ И ИНСТРУМЕНТЫ МЕСТНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современной России регионализм и локальный национализм не являются предметом активного изу-

¹ Касс Л. Нестареющие тела, счастливые души... // Человек. 2003. № 6. С. 47–48.

² Профессор кафедры управления информационными процессами Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор культурологии, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор около 100 научных публикаций, в т. ч.: «Языковая политика или лингвистический национализм» (в соавт.), «Локальные проблемы реализации государственной национальной политики Российской Федерации», «Стратегические вызовы и локальные модификации в реализации государственной национальной политики Российской Федерации» (в соавт.), «Идеология и практика регионального национализма в современной России» (в соавт.), «Региональный национализм: экспертный анализ идеологии этнических движений финно-угорских народов России» (в соавт.), «Этнополитические процессы в современной России: практики и ресурсы» и др.

чения, хотя в огромной по территории и культурному разнообразию стране такие явления объективно неизбежны. Поэтому нам представляется необходимым обратить пристальное внимание на регионализм вообще и особенно на его идейные конструкции, на основе которых формируется местный национализм.

Различные зарубежные исследователи справедливо называют регионализм одним из основных направлений современной политической модернизации, в связи с этим наше внимание направлено на различные формы проявления регионализма. В этом вопросе нами анализируются идеология и практика регионализма и его возможности как инструмента политической и социальной мобилизации. Второй аспект, который неизбежно требует анализа, когда мы затрагиваем проблему инструментов политической и соци-

альной мобилизации, — это этничность. При этом мы рассматриваем этничность не как феномен культуры, не как культурную категорию, а как политический ресурс и инструмент местного национализма.

Дело в том, что российская политическая практика указывает не только на тесную связь между двумя данными категориями, но и на то, что идеология регионалистских движений зачастую успешно трансформируется в идеологию этнического национализма. Так, например, казачье движение, первоначально возникшее как региональное движение юга России, довольно быстро трансформировалось в этническое движение и термин «казак» из названия сословия превратился в этническую категорию, поскольку во время двух последних переписей населения десятки тысяч сторонников казачьего движения в графе национальность переписных листов указали именно «казак», воспринимая бывшее сословное наименование как этноним.

Как показывает современная практика развития этнополитических процессов в России, регионалистские движения одновременно могут как служить проводниками сепаратизма, так и выступать в поддержку вполне рациональных идей. Наиболее очевидные сепаратистские настроения на европейском севере России характерны для регионалистов Карелии, в риторике которых тема колониальной политики федеральной власти в отношении региона занимает видное место. Регионалистское движение «Свободная Карелия» время от времени у резиденции главы республики проводит пикеты с требованиями прямых общенародных выборов нового лидера, регистрации местных партий, сокращения перечисляемых федеральному центру налогов и даже избавления от кремлевской вертикали.

Очевидно, что любые региональные движения должны формироваться как выразители интересов местного населения. Эти интересы многогранны, но из них наиболее значимы экономические. Для рядового гражданина или предпринимателя важны состояние рынка труда, уровень цен и доходов, система налогообложения и тарифов, условий ведения бизнеса и т. д. Здесь наблюдаются вполне очевидные диспропорции, связанные с тем, что большая часть промышленного потенциала находится в регионах, а почти весь финансовый капитал сосредоточен в Москве; основная часть национального богатства производится за пределами столицы, а крупнейшим налогоплательщиком является именно Москва, поскольку штаб-квартиры крупнейших корпораций размещены там и значительную долю налогов они выплачивают не в местные бюджеты, а в бюджет столицы.

Формирование вертикали власти привело к тому, что, помимо капитала, в Москве сконцентрирован и почти весь властный потенциал, поскольку роль местных политических элит и политическое влияние населения регионов крайне ограничено. Целью такой концентрации было стремление к искоренению сепаратистских настроений среди региональных лидеров, но достигнута она лишь отчасти, поскольку должного контроля за региональными и национальными элитами нет, а кроме того, более важно контролировать общественные настроения, поскольку именно они яв-

ляются основой для формирования идеологии регионализма.

Однако для возникновения и усиления местного национализма и сепаратизма важно не только опираться на экономический эгоизм и здоровые экономические интересы местного населения, но и формировать идеологию, которая доказывала бы, что жители данного конкретного региона «другие», что они культурно отличаются от остального населения страны. И тогда названные нами экономические диспропорции будут восприниматься не как проблемные сферы в отношениях между центром и периферией, а как проявления дискриминации в отношении местного населения со стороны федеральных властей.

Для понимания роли культурной составляющей в возникновении регионального национализма можно сослаться на два примера, а именно — Уральской Республики и Татарстана.

Уральская Республика просуществовала 131 день, а ее создание является крупнейшим регионалистским проектом в постсоветской России. Свердловский облсовет объявил о создании Уральской Республики 1 июля 1993 года, но это решение было вполне легитимным, поскольку на всероссийском референдуме в апреле 1993 года одновременно был проведен опрос населения области и 83,4 % принявших в нем участие высказались за то, чтобы Свердловская область была приравнена к республикам в составе Российской Федерации. В ноябре того же года Президент РФ Б. Ельцин издал указ о роспуске Свердловского облсовета и отмене его решений. Такой шаг федеральных властей был связан с тем, что уральский прецедент рассматривался как региональный сепаратизм.

Наоборот, в Татарстане местный национализм и сепаратизм изначально опирались на идеи культурной отличительности. Там регионалистское движение с начала 1990-х годов приобрело характер националистического. Среди крупнейших организаций следует назвать учрежденный в 1989 году Татарский общественный центр, созданные в 1990 году Татарскую партию национальной независимости «Иттифак», Союз молодежи «Азатлык», учрежденный в 1991 году Милли Меджлис. В идеологии всех этих организаций говорилось об особом статусе и пути Татарстана.

Можно утверждать, что идеология этнического национализма может стать идеологической основой реальных сепаратистских движений, поскольку одна лишь местная экзотика не является мощным политическим ресурсом. В основе этнического национализма лежат принцип соотношения этнических и политических границ и претензии на то, что каждое этническое сообщество вправе обладать собственной государственностью.

В контексте рассматриваемого вопроса более пристального внимания заслуживает идея поморского регионализма. Региональная архангельская элита выдвинула идею превращения Архангельска в экономическую и культурную столицу Европейского Севера России и объединения вокруг него других северных регионов. Довольно быстро «поморская идея» прочно утвердилась в региональном политическом дискурсе

и стала обретать культурное содержание. Оно состояло в культурном противопоставлении населения Европейского Севера и его культурных и политических традиций Москве и «московской тоталитарной политической традиции». Значительный стимул к развитию поморского движения дали итоги переписи населения 2002 года, которые показали, что поморская идентичность вполне реальна и может быть зафиксирована статистически. Тогда поморская идея стала обретать четкие контуры этнополитического концепта, на основе которого формировались и соответствующие организационные структуры.

В противовес идее широкой интеграции на европейском севере есть другие регионалистские идеи и движения, которые, напротив, ориентированы на локальный сепаратизм и противостояние с местными региональными элитами. Речь идет о явлении, которое у западных исследователей получило наименование «локализм». В Архангельской области примером тому является важское движение, главная идея которого состоит в тесной интеграции южных районов области с северными районами Вологодской области. Клановость и неэффективный политический менеджмент, которые были характерны для руководства Архангельской области в последние годы, породили оппозиционные настроения как среди местных интеллектуалов, так и среди политической элиты.

Так, в конце апреля 2009 года главы пяти районов Архангельской и Вологодской областей заявили о начале процесса общеважской интеграции. Еще начиная с конца 1980-х годов идея общеважской солидарности стала возрождаться благодаря усилиям разрозненных краеведов из разных районов, а в середине 1990-х ее официально провозгласили ключевой в своей программе члены движения «Важский край».

Действительно, Архангельская область не является неким функциональным регионом, где основные производители объединены в рамках тесной производственной кооперации и взаимодополняют друг друга. Здесь совершенно очевидно сложились два центра промышленного развития, которые оттягивают на себя финансовые, людские и прочие ресурсы: на севере — это городская агломерация Архангельск–Северодвинск, на юге — Котлас–Коряжма. Интересы развития других районов области учитываются мало, и они вынуждены искать собственные варианты стимулирования экономического и социального развития. Отсюда возникли идеи объединения экономических потенциалов близле-

жащих регионов, ориентации на местный патриотизм и историческую память.

Другой формой местного сепаратизма стало возрождение локальных этнонимов и формирование локальных этнических движений, противостоящих общенациональным. Особенно активно эти процессы происходили с начала 2000-х годов. Хронологически они впервые дали о себе знать еще в начале 1990-х, хотя тогда их воспринимали как некое политическое недоразумение.

Начало процессу фрагментации этнонациональных движений, возрождения и конструирования этнических идентичностей положили требования активистов бесермянского движения, объединившихся в «Общество бесермянского народа», предоставить особый статус бесермянам, которых после 1926 года называли исключительно удмуртами. В 1992-м был принят указ Президиума Верховного Совета Удмуртии «О восстановлении исторического имени бесермянского народа», согласно которому бесермянам, проживающим на территории Удмуртии, был предоставлен статус особой народности. Перепись населения 2002 года не только зафиксировала возрождение этнонима «бесермяне», но и подтвердила, что данное этническое сообщество существует как статистическая реальность.

В общем и целом регионализм и этничность как политические ресурсы и инструменты в настоящее время имеют большой потенциал и неизбежно будут присутствовать в той или иной степени в региональной политике и в дальнейшем. В последние годы в регионах наблюдалось очевидное смещение политических интересов населения в пользу решения местных проблем, а потому в противовес собственно регионалистским движениям и идеям усиливалось значение локальных этнических и региональных организаций и движений. Это вполне объяснимо, поскольку ни федеральные, ни региональные власти не в состоянии существенно изменить социально-экономическую ситуацию на местах, а региональные и местные лидеры в большинстве своем исчерпали кредит доверия населения. В связи с этим необходимо не столько осуществлять административное и политическое давление на регионалистские движения и идеи, сколько переориентировать их деятельность в русло решения актуальных местных проблем. Тогда эти движения не будут нести угрозу усилению сепаратизма, но станут еще одним политическим инструментом, который можно целенаправленно использовать для усиления интеграционных процессов в российском обществе.

М. Я. Сараф¹

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК СПОСОБ ИСТОРИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И СИСТЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА НАЦИИ

Среди самых острых вызовов уже набравшего ход XXI века можно назвать угрозу распада культур и цивилизаций. До недавнего времени в свете экономических и военных угроз, безусловно сохраняющих свою актуальность, она была различима не столь явно, хотя философия в лице О. Шпенглера, А. Тойнби, Э. Кассирера и других давно обращала на нее серьезное внимание.

Выведение этой угрозы на первый план вызвано обстоятельствами глубокого кризиса Европы, многие века игравшей пусть и не всеми признаваемую роль цивилизационного лидера, что нашло выражение в укоренности идеологии европоцентризма. Одно из наименее ожидаемых выражений этого кризиса проявилось в существенном ослаблении той исторической формы социальной общности, создание которой было одним из самых значительных достижений цивилизационного процесса — нации и национального самосознания.

Существуют два различных подхода к определению понятия нации. Первый трактует ее как исторически сложившуюся государственно-гражданскую общность, как целостное социально-политическое образование, второй — как форму развитой этнической общности, обусловленную единой биологической, кровнородственной основой. И тот и другой подходы имеют свои серьезные резоны, и в продолжающихся уже едва ли не полтора столетия дискуссиях ни один из них не уступил аргументам другого. Однако, я полагаю, дело здесь отнюдь не в логических доводах и безупречности рационально-теоретических построений, а в интересах, которые могут или не могут быть достигнуты в конкретном историческом контексте определенными социальными группами при том или ином понимании нации.

Главными условиями формирования и жизни наций являются: общность территории, представляющая возможность ведения общей хозяйственной деятельности; общая система коммуникаций, где главенствующую роль играет язык; и общее правовое пространство, обеспечивающее, в принципе, равные условия гражданам государства в их самостоятельности.

Если исходить из того, что основной характеристикой всякой социальной общности является ее способность к самовоспроизводству, а культура выступает как система воспроизводства человека и способ его бытия, то способ бытия нации, то есть способ ее исторического существования, собственного воспроизводства и развития, есть национальная культура. Вся эта

сфера охватывается содержанием понятия национального культурного пространства. Оно выражает сложную динамическую систему форм осуществления общественного воспроизводства, исторически сложившихся в определенных этнонациональных ареалах и в условиях национальной государственности, и является устойчивым образованием, которое формируется на основе условий и характера трудовой деятельности, проявляя себя в однотипных или в близких типах способов отношения людей к природе, в образе жизни, национальном характере, национальном менталитете, мировосприятии, характере и способах освоения жизненного пространства.

Структура культурного пространства, если подходить схематически, определяется прежде всего такими инвариантными параметрами, как территориальная распространенность (которая, однако, не всегда совпадает с границами национального государства), содержание и способы воспитания и образования. Она строится как взаимопритяжение своих духовных центров и центростремительных интенций периферий. Реперными точками такого образования выступают паттерны культурных (и национальных) героев и синодики праздников.

С этой точки зрения следует, что ослабление, а тем более разрушение, любого из элементов этой схемы ведет к ослаблению или даже утрате воспроизводственных способностей нации. Новейшая история показывает, что наиболее интенсивно такие тенденции развиваются в Европе. Начали формироваться они, конечно, давно, но сегодня стали представлять уже реальную серьезную опасность. В странах Западной Европы определенным их катализатором послужила встреченная с энтузиазмом концепция мультикультурализма, которая, как ожидалось, обещала решение вопросов межэтнического и межнационального гражданского сотрудничества. Потребовались значительные геополитические изменения, вызвавшие прямо-таки цунами миграций, чтобы ошибочность этой концепции стала очевидной.

Мультикультурализм обернулся стремительным расширением социально-этнической анклавности, направленной не столько на интеграцию в европейское культурное пространство, сколько на его ограничение и даже вытеснение. К тому же он оказался сопряженным с принципом толерантности, этой священной коровы современного либерализма, который обращен не столько к сотрудничеству, сколько к вежливой терпимости к иному, то есть к отстраненности от него. Толерантность действительно является важным элементом социальных отношений, но в условиях низкого уровня агрессивности и отчужденности в социуме, ибо она не активна. Нетрудно видеть, что целостность европейского культурного пространства находится в серьезной опасности: оно может стать периферийным и фрагментарным, поскольку его воспитательно-

¹ Профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор большого количества научных публикаций, в т. ч.: «Культурная инновация: понятие и сущность», «Измерение культурного пространства», «Безопасность национального культурного пространства — необходимое условие устойчивого развития», «О социальной базе политических партий в России», «О многоаспектности бытия человека в культуре», «Актуальность защиты целостности национального культурного пространства» и др.

образовательные и гражданско-правовые системы могут стать необязательными и даже невостребованными в заметно меняющейся этнодемографической структуре общества.

Дело осложняется еще и тем, что наиболее активное противодействие таким тенденциям и процессам сегодня оказывают силы правой политической и националистической направленности, которые обращены к прошлому и не могут предложить никаких идей, содержащих образ потребного для мирового сообщества будущего и тем самым способствующих гражданскому и культурному сотрудничеству. Это путь к возведению демаркационных линий и границ, к неорархаике и неопочвенности. А каких-либо внятных программ разрешения цивилизационного кризиса никто не может предложить ни в плане социальной теории, ни тем более в плане политическом и управленческом. Великолепная социокультурная идея объединенной Европы сейчас оказалась сильно размытой. Правда, отсюда не следует, что она иллюзорна или утопична. Скорее всего, она не утратит своей привлекательности, но для этого потребуются существенные геополитические изменения и формирование новой мировой структуры экономических и политических отношений, которая позволит артикулировать национальные интересы их участников.

Целостность национального культурного пространства подвергается опасности и в Восточной Европе. Речь идет прежде всего о России и Украине. Раскол культурного пространства СССР был одним из главных механизмов распада страны, одна из первых задач которого заключалась в разрушении структуры связей с культурными и духовными центрами. Наиболее действенным в этом отношении стала этнонациональная автономизация регионов с выдвиганием на первый план фактора конфессиональности. Столь же действенным стал и сопряженный с ним языковой фактор. Собственно, все деструктивные процессы последней трети XX — начала XXI века начинались с агрессивных дискуссий о языке: о языковом шовинизме, о вреде двуязычия (причем именно в отношении русского языка), о соответствии (несоответствии) языка и используемого алфавита и т. п. Масла в огонь подливали не менее агрессивные интерпретации исторических и культурных фактов. За этим следовал пересмотр (или, по крайней мере, призыв к пересмотру) исторических дат и имен. И, естественно, диверсификация общенациональной системы образования, идеологически обеспечиваемая необходимостью свободы и разнообразия ее форм и методик.

Следует считать большим достижением, что России в значительной мере удалось справиться с этими деструктивными тенденциями, объективно ведущими и к ее политическому и территориальному распаду. Правда, справиться не без потерь. Здесь стоит заметить, что преодоление внутреннего раскола российского общества и достижение декларируемого единства нации есть вопрос не упрямого идеологического ретроградства «красных» и новейшего либерального демократизма «белых». Это вопрос о воссоздании единого национального культурного пространства, в кото-

ром его опорами, несущими конструкциями стали бы не временки исторических этапов и фрагментов, но его культуровоспроизводящие силы и потенции. Разумеется, этого нельзя добиться, если не проявлять постоянного внимания к формированию соответствующего поля гражданско-правовых отношений, этого необходимого (но не достаточного) основания национального культурного пространства в условиях современной цивилизации.

Процессы, происходящие в современной Украине (а также в Молдавии, и не только), с беспрецедентной остротой показывают, что разрушение национального культурного пространства является главным инструментом подчинения общества интересам кланов и корпораций. Начинается этот процесс с игры на понижение значимости реперных пунктов культурного пространства (исторических дат, имен и артефактов) как демократический плюрализм (свобода мнений, слова, общественных объединений и т. п.) с целью их нивелирования и элиминации с одновременным замещением их на гипертрофированные аналоги, анимированные из подходящих к политической конъюнктуре фрагментов национальной истории. Успех этой работы обеспечивается последовательным разрушением системы сложившихся культурных связей и прежде всего разрывом с духовными центрами. Так, одним из наиболее сильных ударов в этом направлении можно назвать самопровозглашение Киевского патриархата и разрушение им духовного единства российской церковности.

Основные фронты открываются по линии языкового противопоставления (здесь же относятся действия, связанные с ограничением и фильтрацией информационных каналов, художественной культуры, образовательных программ и т. п.), а также по линии общественной нравственности (изменение критериев добра и зла, допустимого и недопустимого, дружеского и враждебного). Таким образом осуществляется одновременная перестройка всей структуры национального культурного пространства.

Но если отнестись к исходному тезису о том, что культура есть система воспроизводства человека, а национальная культура — система воспроизводства нации, то встанет вопрос о том, насколько такое «культурное строительство» может его обеспечить. Тем более, имея в виду то обстоятельство, что столь спешно возводимое самостоятельное культурное пространство стран, о которых идет речь, имеет весьма сомнительный фундамент. Весьма трудно сшить в единое полотно национальную культуру культурные пространства западноукраинских, центральных и юго-восточных регионов. А Крым попросту отказался от участия в таких авантюрах. То же и в Молдавии, где Гагаузия и Приднестровье совсем не настроены следовать либералистским иллюзиям. В конечном счете единственной перспективой оказывается интеграция Молдовы в Румынию, то есть утрата национальной идентичности — итог прямо противоположный провозглашенным целям.

Другое дело, когда речь идет о формировании общеевропейского культурного пространства. Здесь у России,

Украины, Молдавии, Грузии интересы, в принципе, совпадают и открываются самые широкие перспективы сотрудничества, для чего еще есть необходимые предпосылки. Однако сейчас мы находимся от этой цели го-

раздо дальше, чем в конце прошлого века. Для ее достижения нужна уже совсем другая Европа, а тем более Украина и Молдавия. Не разрушатся ли «экипажи» на дорогах к этой цели?

Т. Б. Сиднева¹

«ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»: О ГРАНИЦАХ ПОНИМАНИЯ ИНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Процесс глобализации, отражающий усиление взаимовлияния и взаимозависимости народов и государств, все более остро ставит вопрос о необходимости сохранения и укрепления национальных основ искусства. Художественный опыт, фокусирующий мифологические и религиозные представления, особенности географического ландшафта, жизненно-бытовых условий, языка, менталитета, на протяжении истории обнаружил способность быть неповторимым символом, эмблемой различных этносов.

Имея в своем арсенале колоссальный объем художественной памяти, современная культура определила *два возможных пути* укрепления национального самосознания, которые сегодня представлены в панораме искусства.

Первый путь — углубление в собственную традицию, этническое охранительство, обращение к генетическим корням национального творчества, исходным условиям существования определенной народности. Действительно, осознание укорененности национального начала в художественном опыте обусловило сегодня оживление древнейших пластов фольклора, возрождение архаических этнических традиций, которые ранее находились в отдаленных запасниках культурной памяти.

Второй путь — восприятие чужого опыта и вбирание в себя достижений инонациональных культур. Это так называемый взгляд со стороны, позволяющий видеть в других традициях привлекательные черты, которые интересны для заимствования и возвращения «импортируемого» продукта на собственной национальной почве.

Данные пути самоопределения и развития национальной культуры, унаследованные от прошлых эпох, в современном мире приобретают беспрецедентное значение: художник сегодня имеет возможность осуществить свободное путешествие как вглубь своей эт-

нической «почвы», так и в недра инонациональных традиций.

Сегодня двуединство путей не только открывает-ся со всей очевидностью, но и демонстрирует свою оборотную сторону. Именно эти два пути являются не только мощным средством сохранения национальной идентичности, но и одновременно ставят под сомнение возможность существования полноценной самобытной культуры, более того, эти же пути способны разрушить национальное чувство. Обращение к прошлому не должно уподобляться «обгладыванию трупа» (Д. Сталлабрас), довольствоваться только внутренней точкой зрения (Ю. М. Лотман), но непременно предполагает «диалог-встречу» (в понимании М. М. Бахтина) двух миров — старого и нового.

Характерной в связи с этим стала одна из недавних программ из авторского цикла «Ирина Прохорова. Система ценностей» на телеканале «РБК», которая называлась «Русский романс как национальная идея». Поводом для разговора был избран спектакль Д. Волкострелова «Русский романс», чутко и тонко реконструирующий традицию позапрошлого века в диалоге с сегодняшними реалиями культуры. В ТВ-программе романс убедительно был определен как символ, зеркало русской души, средство воспитания высоких чувств. Однако когда речь зашла о причинах утраты популярности романса, авторское резюме было весьма некорректным: «деградация» и «вырождение» жанра напрямую связывались с «деградацией современного общества» и утратой национальной идеи. Данный сюжет показателен не только тем, что проблема национального сегодня предельно политизирована, даже если речь идет о романсе — законном детище сентиментального («домашнего») XIX столетия. Важно, что национальное в искусстве следует понимать как живой развивающийся процесс, который не допускает консервации, отождествления его с ушедшим или утраченным, но предполагает диалог эпох, поколений, традиций. В современной ситуации романс продолжает существовать (в караоке, опыте домашнего музицирования, камерных концертах и т. п.), и ностальгия, сопутствующая русскому романсу, иная — это ностальгия человека XXI века. В этом контексте уместно напомнить принципиальное суждение Валентина Распутина: «Я не зову назад, я обращаю к памяти». В нем сокрыто глубокое понимание различия подлинного и мнимого отношения к национальным корням.

¹ Проректор по научной работе, заведующая кафедрой филологии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор 160 публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Искусство как метафора бытия», «Диалектика границы в музыке», «Эстетика постмодернизма», «Эстетика», «Метакомпаративистика как музыка» (в соавт.), «Современное искусство в ситуации смены парадигм», «Граница-изоляция и граница-диалог в становлении глобальной музыкальной культуры» и др. Член Союза композиторов РФ, Российского философского общества, Международного общества теории музыки, ассоциации «Женщины в науке и образовании». Награждена почетным знаком «За достижения в культуре».

Кроме того, национальное начало не существует стерильно или фрагментарно (как политическая или религиозная идея). Оно есть синтез общности корней, единства социально-политического, нравственного, психологического, религиозного, эстетического опыта, специфического характера, ментальности.

Наряду с синтетичностью существенным качеством национального является его пограничность. Современная культура заново ставит вопрос об отношении к «чужим», инонациональным традициям, констатируя предельную подвижность границ *старого* и *нового*, *своего* и *чужого*. Вместе с тем открытость границ не означает их отсутствия, но таит в себе опасность подмены конструктивного взаимодействия «дающей» и «принимающей» (по терминологии Ю. М. Лотмана) сторон нивелированием национальной специфики.

Гениальное умозаключение Д. С. Лихачева «Самосознание воспитывается на границах культур» имеет прочную аргументацию в истории. Облик нации проявляется только в контакте с другими национальностями. Это открытие было сделано устройствами Русских сезонов в Париже (1908–1929). Характерно в связи с этим высказывание С. Лифаря после премьеры в Париже драмы Мусоргского с участием Ф. Шаляпина: «Париж увидел постановку “Бориса Годунова”, какой еще не видела русская публика». Опыт столетней давности чрезвычайно современен, поскольку свидетельствует об откровении своего национального художественного мира посредством отстранения, через победу преодоления инерции, с позиции взгляда со стороны.

Плодотворность пути инонациональных влияний на культуру является важным предметом исследования в фундаментальном труде Ю. М. Лотмана «Внутри мыслящих миров». Говоря о семиотических особенностях взаимодействия «принимающей» и «импортируемой» традиций, он видит в этом непрерывном процессе реальные возможности и необходимые условия для укрепления национальной самобытности. Пространство культуры «кипит, как Солнце, и, как на Солнце, в нем очаги возбуждения меняются местами, активность вспыхивает то в неведомых глубинах, то на поверхности и иррадирует энергию в относительно спокойные сферы. И результатом этого непрерывного кипения является выделение колоссальной энергии. но энергия, выделяемая семиосферой, — это энергия информации, энергия мысли»¹. Таким образом, признаком полноценного развития национальной традиции становится непрерывная миграция смыслов в многоаспектном коммуникативном процессе.

Современная культура среди других проблем нуждается в понимании «чужого» опыта как способа само-

познания локальных культур и одновременно как пути к постижению многообразия мирового пространства, осознанию его нераздельной целостности.

Д. С. Лихачев в очерке «Первые впечатления от Японии» говорит о различиях мировосприятия японца и русского, их привычек, ощущения времени, праздника, эстетики. Он пишет, что ранее Япония казалась ему «единой, декоративной, не меняющейся во времени и единой на всем пространстве». Завершается очерк признанием: «Я продолжаю читать о ней и поражаюсь — как мало мы о ней знаем и как много мы теряем от этого!»².

В этом признании заключено уважение к иной культуре и понимание того, что восхищение инонациональными традициями не противоречит чувствам патриотизма, гордости за свою страну и идее сохранения этнической самостоятельности, но, напротив, свидетельствует о масштабе национального мышления. Подтверждение этому мы находим в одном из поздних высказываний Д. С. Лихачева: «Осознание многоликости красоты облегчит осознание человечеством своего единства»³.

Для искусства этот тезис имеет принципиальное значение, поскольку соцветье культурных традиций является условием его полноценного существования. Унификация художественного языка, связанная с унификацией жизни, губительна как для искусства, так и для жизненного пространства. Не случайно сами художники все более осознают важность гармонизации двух путей решения проблемы национального в искусстве — погружения в этническую «почву» и постижения традиций других национальных общностей. Российский композитор А. Раскатов, долгое время живущий в Европе, так формулирует единство двух путей: «В России мы хотели быть авангардистами, а здесь хочется лучше узнать самого себя, откуда ты, где твои корни. Композитор — это как бы сорт маятника: чем больше амплитуда его раскачивания (Россия–Европа или Восток–Запад), тем богаче его музыкальный мир. И тем больше людей он заражает вирусом своего “я”»⁴.

Следовательно, искусство способно утвердить *третьий путь* — соединяющий взгляд со стороны и «вслушивание в свою кровь» (метафора Е. Подгайца) и позволяющий осуществить идею «многоликости красоты», о которой писал Д. С. Лихачев. Возможно, в этом и заключается наибольшая продуктивность преодоления дилеммы глобального и национального: когда процесс глобализации станет не способом отречения от национальной самобытности и утверждения унификации жизни, но даст возможность взаимного обогащения национальных культур при их индивидуальности и узнаваемости.

² Лихачев Д. С. Первые впечатления от Японии // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет : в 3 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 353.

³ Лихачев Д. С. Из книги «Без доказательств» // Лихачев Д. С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет : в 3 т. СПб., 2006. Т. 2. С. 477.

⁴ Рагожина А. Абсолютная опера: «Собачье сердце» композитора Александра Раскатова. URL: http://www.peoples.ru/art/music/composer/alexander_raskatov/

¹ Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров: Семиосфера. История. СПб., 2004. С. 262.

М. В. Силантьева¹НАЦИИ VS НАЦИОНАЛИЗМ:
ПЕРСПЕКТИВЫ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Когда в 1997 году Умберто Эко опубликовал книгу «Пять эссе на темы этики»², мало кто воспринимал всерьез перспективу выхода на глобальную политическую арену националистических движений, даже тех, кто, выступая от лица крайне правых, не признавал себя фашистами и призывал «наладить жизнь» не в мировом масштабе, а хотя бы у себя дома. Подобные течения воспринимались скорее в качестве «резервных копий» генетического разнообразия культур, хранящих под контролем здравого смысла находки истории (в том числе находки сомнительные и негативные), чем как влиятельные политические проекты.

Однако за последнее время в различных регионах глобального мира политический спектр еще более заметно, чем в конце XX века, сместился в сторону ультраправых идеологий, пусть не всегда откровенно агрессивных³, но явно устремленных к укреплению своего реального культурного и политического влияния. Этот подъем ультраправых идеологий выразился в попытках системной разработки социокультурной стратегии, претендующей на спасение национальных культур от разложения глобализационной унификацией путем их «национализации». Предсказуемый виток истории⁴, качнувшийся маятник от крайности апологетики всеобщей взаимосвязи и взаимозависимости к крайности изоляционизма, вызвал к жизни идеологии, получившие оценку как националистические и даже фашистские.

У. Эко, как известно, выделил и проанализировал признаки, по которым можно отличить негативную социальную солидарность (фашизм) от позитивной, без которой просто не существует общественного целого. Одними из существенных признаков этого «вечного фашизма» (или «ур-фашизма», по У. Эко) являются культ традиции, чаще именуемый сегодня неонар-

хаикой, и тяготение к синкретизму. Данные признаки, в свою очередь, выступают в качестве маркеров выделяемой специалистами антропологической религиозности — ориентации общественных групп в кризисные периоды истории на использование глубинных ценностей (именно таковыми являются ценности религиозные, касающиеся смыслоложивших вопросов) в качестве своеобразного «социального клея», позволяющего осмысленно решать возникающие экономические, социальные, политические и иные проблемы.

Антропологическая религиозность характеризуется глубоко личным, интимным прочтением социальных задач и погружением личности в интенсивное переживание межличностного взаимодействия в процессе их решения. Такое погружение предполагает высокую степень групповой солидарности. Однако это, как правило, не феномен толпы в чистом виде: группа в случае антропологической религиозности одновременно выступает и как целое, обладающее коллективным бессознательным (толпа), и как целое, состоящее из атомизированных единиц, готовых солидаризоваться по конкретному основанию и подчиняться мнению своего лидера (коллектив).

Активизация подобных отношений (в нашей терминологии — антропологической религиозности), фиксируемая аналитиками на довольно больших территориях (от России⁵, США и Латинской Америки, на что особое внимание обращает У. Эко, до Европы⁶ и Азии), заставляет задуматься о реальных предпосылках и перспективах данного явления, которое было бы весьма недальновидно свести исключительно к проискам неких сил, заинтересованных в дестабилизации сложившейся общественной системы. Даже если это так и явление имеет место, необходимо понять, как с ним следует обходиться.

Неонархаика как единство традиции и синкретизма неслучайно связывается итальянским мыслителем со страхом перед модернизацией — теми изменениями, которые могут настичь человека в нашем нестабильном мире, меняя его жизнь не только *к худшему*, но и *к лучшему* сторону. Консерватизм, соединенный с иррационализмом, с легкостью сочетает достижения классической культуры с практиками харизматических неозотериков⁷, науку — с обрядоверием, а искусство — с психотерапией. При этом поиск надежных макрогрупповых идентификаторов (национальных ценностей, собранных в намеренно упрощенную и по-

¹ Профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук. Автор более 300 научных публикаций, в т. ч.: «Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности», «Аксиологические аспекты межкультурной коммуникации в условиях глобализации», «Философия культуры Slavia Orthodoxa (глобальная коммуникация и национальный идентитет у размера лингвистиче культуры) = Философия культуры "Slavia Orthodoxa" (глобальная коммуникация и национальный идентитет в лингвокультурном измерении)», «Современная философия культуры в контексте развития теории международных отношений», «Новые принципы "философии границы" в глобальном мире — десуверенизация или "постсуверенизация"», «"Мягкая сила" культурных модуляторов современных модернизационных процессов» (в соавт.), «"Другой" в горизонте свободы (попытка диалога сквозь темное стекло стереотипов)» и др. Иностраный член Сербской академии образования. Член Российского философского общества.

² Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб., 2005. URL: http://www.pseudology.org/people/.%5C/Eco_Umberto/5_etika_esse.pdf (дата обращения: 06.03.2016).

³ Луценко А. В. Некоторые аспекты генезиса ксенофобии в идеологии современного западноевропейского неоязычества // Этносоциум и межнациональная культура. 2013. № 10 (64). С. 104–110.

⁴ Глаголев В. С. Реализм анализа — исходное условие научной перспективности // Право и управление. XXI век. 2011. № 4. С. 12–18.

⁵ Глаголев В. С., Силантьева М. В. Религиозно-культурное пространство европейской России: факторы динамики традиций и традиции динамики // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2010. № 2. С. 131–140.

⁶ В 2016 году европейские неонацисты — те, кто правее крайне правых, — наконец преодолели 8 % рубеж в одной отдельно взятой стране. См.: Словакия в шоке от успеха неонацистов // Русская служба Би-би-си. URL: <https://news.mail.ru/politics/25058962/?frommail=10> (дата обращения: 07.03.2016).

⁷ Гончарова С. В. Образ человека в религиозном неомодернизме // Философия и культура. 2009. № 4 (16). С. 10–18.

нятную «среднему» человеку схему, ставшую удобной в обращении идеологией — национальной идеей) выражает, как подчеркивал Д. С. Лихачев¹, слабость той группы, которая в ней нуждается.

Отличие «склеивания» макрогрупп с помощью антропологической религиозности от формирования *гражданского общества*, сходного по многим формальным и содержательным признакам с вышеописанной структурой общественных связей, — вопрос, волнующий сегодня всех, кто озабочен угрозой глобальному миру, исходящей со стороны ультраправых идеологий. Полагаю, что, помимо восходящей к Римской империи идеи главенства формального права (правовое государство) и разработанной современной «атлантической империей» идеи выравнивания уровня жизни (потребительское общество), солидарное гражданское состояние отличается от фашизации интерпретацией традиционных (национальных) ценностей, и прежде всего самой идеи нации.

Принципиальным в связи с этим видится выделение нации как национально-культурной общности, уходящей от упрощенного сведения национального единства к единству «крови и почвы». Если вспомнить характеристики локальных культур, предложенные Н. Я. Данилевским, то под культурой следует понимать единство *религии, культуры в узком смысле (науки, искусства, промышленности), экономики и политики*. Этот список в современной культурологии расширен. Его дополняют рассмотрение в качестве важнейших социальных интеграторов *языка, территории и истории*, бо́льшая диверсификация «политики» и т. д. Можно сказать, что интегрированность всех этих гетерогенных факторов дает в результате новое качество, которое и называется культурой².

Данилевский, как известно, настаивал на том, что локальная культура совпадает с государством, страной. Однако нельзя не заметить, что в истории имеют место периоды трансцензуса, и тогда вопрос о локальной культуре может оказаться сопряженным с глобальными социально-политическими перераспределениями. Нация в таком случае активизирует резервные стратегии выживания³, не связанные напрямую с государственническими (но связанные, скорее всего, с архаическим догосударственными способами социальной организации), например пресловутую антропологическую религиозность. Вместе с тем говорить о долгосрочной перспективе этого ресурса не приходится в силу неизбежности его вырождения в национализм и фашизацию, в конечном счете обреченную на коллапс (в том числе в силу неизбежности глобального столкновения с другими народами, поскольку принцип национализма по своей природе противоречит долгосрочному и перспективно-

му взаимодействию с другими нациями). Подчеркнем: речь в данном случае идет о национализме именно как о праворадикальной крайности, а не принципе национального единства как таковом. Два этих подхода противопоставляются, а не отождествляются именно потому, что отсутствие их различия в современных дискуссиях и практиках может приводить (и приводит) к далеко не безобидным последствиям.

Принципиально с позиций перспективности понимание нации не в качестве готовой данности, как видит ее национализм (и за спасение «стабильности» которой он борется, доходя иногда до крайностей фашизма). Нация в ином понимании — открытое единство, которое требует интенсивного развития «вглубь»⁴ (а не «вширь»): рост понимания гражданами целей и задач, стоящих перед обществом в его глобальном и локальном измерениях; целенаправленная работа по участию в реализации посильных данной нации решений, в том числе и глобального масштаба (энергетика, экология, ядерная безопасность, космос, демография, миграция и т. д.). Невозможно стать локальным, просто решив изолироваться от глобальных проблем, это напоминало бы зажмурившегося ребенка, решившего, что таким образом он спрячется от взрослых.

Нация, равная локальному культурному типу, связана, таким образом, с преодолением «среднего» («массового») человека. Соответственно в основе перспективной стратегии сохранения политического единства государственного уровня при динамическом прочтении нации как локального культурного типа, согласно подходам современного уровня, должна лежать система национального образования, предполагающая воспроизводство определенной модели личности на данной территории, с ее уникальными экономическими возможностями, в рамках данного языка, искусства, истории, политики и т. д.

Однако если экономическое единство сегодня скорее глобализирует, чем изолирует; и если национальной экономикой в полном смысле, как полагает У. Эко, может быть только экономика военная, то возникает замкнутый круг: национальная культура возможна только через развитие национального образования, но повышение его уровня требует выхода за пределы национальных образовательных систем. С этой точки зрения нация как национально-культурное единство — это всегда проблема, в отличие от национализма, который стремится к идеалу простоты и, как правило, явно или скрыто императивен. Возможно, выход из круга противоречия между национальным как одновременно локальным и глобальным на современном этапе развития **постглобализации** состоит в том, чтобы в процессе образования преобладало стремление к воспитанию — через развитие критического мышления — таких общечеловеческих ценностей, как способность к справедливому распределению приоритетов, навык видеть свое место в реальной системе балансов, составляющих современное сложное общество, и готовность сотрудничать в решении реальных задач его развития.

¹ Лихачев Д. С. Тревоги совести // Международный литературно-культурологический альманах-антология «История совести. Завещание Д. С. Лихачева». URL: http://historyofconscience.blogspot.ru/p/blog-page_1105.html (дата обращения: 16.03.2016); Он же. Раздумья о России // Сайт «Площадь Лихачева». URL: <http://www.lihachev.ru/lihachev/bibliografiya/nauka/kulturologiya/1933/> (дата обращения: 16.03.2016).

² Лихачев Д. С. Русский исторический опыт и европейская культура. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/fulltext/pazdu-mia_o_ros/003.pdf (дата обращения: 16.03.2016). С. 31.

³ Лихачев Д. С. Раздумья. URL: http://gramotei2013.blogspot.ru/2014/04/blog-post_4922.html (дата обращения: 16.03.2016).

⁴ Березко В. Э. Соотношение интернационализма и национальных интересов в государственно-правовой идеологии западноевропейского марксизма // История государства и права. 2009. № 10.

О. С. Соина¹

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ О «РУССКОМ МИРЕ»

Применимо ли сравнительно недавно появившееся в нашем социально-политическом обиходе словосочетание «русский мир» к чрезвычайно сложной в духовном, идейно-концептуальном и мировоззренческом плане поэтике Ф. М. Достоевского, да и вообще ко всему его художественному и философско-публицистическому наследию? Насколько оно отражает удивительно многомерную и никогда не поддающуюся однозначному идеологическому «выпрямлению» динамику его умонастроений, всегда внутренне парадоксальную, но тем не менее удивительно целостную и единую именно по отношению к тому, что наряду с самыми сокровенными его религиозными исканиями было одной из величайших тем его творчества, а именно к пониманию России и русскости как фундаментальных социокультурных проблем общеевропейского значения, а может быть, и всего человечества в целом?

Чтобы сколько-нибудь приблизиться к осмыслению этих вопросов, попытаемся определить само понятие «русский мир» и соотнести его с художественной и философско-религиозной вселенной Ф. М. Достоевского. Для этого нам, по-видимому, следует идти от противного, определяя то, чем «Русский мир» не может быть ни при каких обстоятельствах.

Во-первых, «Русский мир» ни в коей мере не означает собой жестко фиксированную этническую общность, некий союз «крови и почвы», ибо во всеедином многообразии объемлет все этносы и народности, населяющие Россию, объединяемые не узкоэтническими спецификациями (привычками, бытом, устоями и особенностями существования и хозяйства), но преимущественно и в основном — *родством по духу*, то есть трудноуловимой эмпирически, но всегда абсолютно реальной способностью строить и понимать жизнь в едином мировоззренческом ключе, на основе фундаментальных духовно-нравственных предпочтений: веры, любви, борьбы, способности переносить страдания и скорби, актов самопожертвования и деятельного милосердия, не отменяющих, впрочем, и некоторых негативных проявлений, зачастую изменяющих цивилизационные представления отдельных геополитических соседей.

Во-вторых, «Русский мир» ни в коей мере нельзя считать некой твердо определенной геополитической данностью уже хотя бы в силу того, что сугубо территориальные границы большой России неоднократно менялись в течение трех предыдущих столетий, и потому считать их окончательно устоявшимися именно сейчас нет никаких оснований. Более того, разве не от-

носятся к «Русскому миру» многие величайшие представители национальной культуры, волею судеб оказавшиеся за пределами России и в начале XX века, и в конце его, но сумевшие сохранить удивительную верность национальному мироощущению в тяжелейших жизненных испытаниях?! И наконец, разве не разделяют с нами многие духовные откровения «Русского мира» представители других народов и стран? Словом, явно не укладываясь в жестко фиксированные политические границы и номинации, «Русский мир» представляет собой некую сложную экстерриториальную общность, то расширяющуюся, то сужающуюся согласно не вполне рационально постижимым «зигзагам истории» (Л. Н. Гумилев), но всегда внутренне единую и в фундаментальных основаниях мировоззрения, и в писанных и неписанных формах и принципах политического и гражданского мироустройства, и во внутреннем духовно-нравственном и душевно-психологическом устройстве человека, никоим образом несводимом к архаизированным привычкам быта или сугубо «народным» («этнографическим») приемам жизни и творчества.

Именно поэтому «Русский мир», особенно в художественном творчестве и философско-публицистических воззрениях русских мыслителей, никоим образом не может быть сведен к чему-либо узкоэтнографическому, например к скрупулезному описанию форм народного быта (от балаалайки и Камаринской до сарафана и армяка включительно) или к некому идеализированному воспроизведению духовного склада или мировоззрения русского мужика — будь то Хорь и Калиныч И. Тургенева или Платон Каратаев Л. Толстого. И если Хорь и Калиныч могли существовать в действительности (с известной степенью идеализации), то Платона Каратаева и ему подобных, как некогда отмечал И. Солоневич с глубоким и оправданным временем сарказмом, «как исторического явления в России не существовало: было бы нелепостью утверждение, что на базе непротивления злу можно создать империю на территории двадцати двух миллионов квадратных верст»².

Словом, «Русский мир», как и сама Россия, представляет собой нечто чрезвычайно многообразное, всеобъемлюще разностороннее, но при этом удивительно целостное и единое в своих фундаментальных духовных и жизненных проявлениях, и эта *монолитность в чем-то текущем до необъятности* действительно не могла не стать предметом живейшего творческого интереса великих национальных гениев слова и мысли, одним из которых являлся Ф. М. Достоевский. Есть основания полагать, что он вполне бы согласился с парадоксальным и восхитительно ироничным суждением одного из героев почти конгениального ему по степени дарования и духовной проницательности М. А. Булгакова — генерала Чарноты, витийствующего перед парижскими клошарами: «Россия не вмещается в шляпу,

¹ Профессор кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Новосибирск), доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Идея спасения в русской философии» (в соавт.), «Этика и нравственная жизнь человека» (в соавт.), «Русский мир в воззрениях Ф. М. Достоевского» (в соавт.), «Аберрации совести» (в соавт.), «Культурообразующее значение этики Сократа», «Онтология совести» (в соавт.), «Метафизические и антропологические основания этики Ф. М. Достоевского» (в соавт.) и др.

² Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С. 31.

господа нищие!»). Как это ни парадоксально, но этот вечно пьяный генерал, то ли герой, то ли сутенер, то ли вечный игрок, то ли постоянный скиталец по городам и весям России и зарубежья, удивительно близкий по мироощущению «беспорядочным» русским персонажам Достоевского (от генерала Иволгина до Мити Карамазова), почти пророчески предсказывает роковую «невместимость» «Русского мира» в жестко клишированные формы западноевропейского существования, постепенно ветшающие и обнищывающие в силу неумолимой «антилогик» бытия и именно поэтому жестко и неумолимо противопоставляющие себя любым формам «русскости», где бы они ни встречались и в каком бы виде себя ни проявляли.

Но где же нашел Ф. М. Достоевский свой «Русский мир»? Какими качествами его восхитился и о каких скорбел и переживал? И почему, наконец, именно в нем он увидел некую духовную и социально-гражданскую альтернативу западноевропейской цивилизации?

Как ни фантастично это прозвучит для современных читателей и комментаторов Достоевского, но свой «Русский мир» он нашел, увидел и полюбил, а полюбив, понял и принял его всей душой именно... на каторге, среди преступников, то есть отбросов и отщепенцев русского народа, среди которых оказались самые разные социальные типы: и отпетые негодяи (чудовищные по характеру своих злодеяний и в духовном, и в моральном смыслах); и слишком пылкие и страстные русские люди, попавшие волею судьбы, как Митя Карамазов, в неблагоприятные обстоятельства жизни; и носители огромного, почти беспредельного русского своеволия, которого не могли укротить даже самые нечеловеческие испытания; и знаменитые русские «безобразники», совершавшие преступления либо по пьянству, бесхарактерности или дурному влиянию; и, наконец, инородцы из кавказских горцев, замешанных в антиправительственных действиях; и даже некоторые представители древнего народа (еврей Исай Фомич), уличенные в финансовых махинациях.

Строго говоря, ужиться с этим разношерстным и малопривлекательным народом такому рафинированному и утонченному интеллигенту, каким был молодой Достоевский, не было никакой возможности, если бы не одно примечательное обстоятельство: именно в этой уникальной среде он парадоксальным образом восчувствовал свою «русскость» и, есть все основания полагать, в какой-то мере благодаря этому с таким трудом обретенному качеству сумел остаться «своим», выжить и прирасти духовно в этой истинно уникальной атмосфере.

Надо сказать, что все эти обретенные им русские качества, свойства, черты, характеристики «Русского мира» Достоевский чрезвычайно ценил, боролся за них всеми силами души, пером и словом и защищал их до последнего дня своей жизни.

Но какие же качества «русскости» вынес Достоевский из каторги и как он их воплотил в своем глубоко парадоксальном, но тем не менее чрезвычайно достоверном (и духовно, и эмпирически) понимании «Русского мира»?

Во-первых, без ложной брезгливости и напускного сострадания он уяснил, что русский, даже пережива-

ющий крайнюю степень морального и социального падения, есть *глубоко религиозный тип*. Поэтому сознание своей «падшести» никогда не оставляет его ни в минуты относительного благополучия, ни уж тем более — в местах не столь отдаленных (в тюрьме и на каторге). Это очень русское понимание того, что от «сумы и от тюрьмы не зарекайся», впервые представило перед ним во всей многомерности духовных смыслов, предуготовляющих человека к тому, что и грех, и уж тем более преступление — отнюдь не конец жизненного пути человека, но всего лишь роковое несчастье, которое можно изжить и пережить, вовремя обратившись к Богу, не отвергающего никого и ничего и уж тем более — души кающегося преступника. Более того, именно в остроге он постиг, что чисто юридическая персоналистичность преступника для русского не значит ничего или значит очень мало, ибо «единичность» узкоправового вменения означает разрыв духовной целостности человечества, целостного и единого и в грехе, и в благодати. И это поразительное открытие, что в любом русском, какие бы испытания он ни переживал, продолжает вопреки всему жить вера в Христа-Спасителя, сподвигло писателя впоследствии на парадоксальнейшее умозаключение: «Русский народ — богоносец», по существу означающее отнюдь не иступленную религиозность русского национального самосознания и уж тем более не обрядоверие, но всегдашнюю готовность жертвенно и самозабвенно идти страдальческим путем Христа, принимая Его, не отрекаясь от Него и пытаясь наполнить мучительной сладостью этого переживания все земное бытие человека.

Во-вторых, именно на каторге Достоевский постиг удивительную способность «Русского мира» к аккумуляции, впитыванию самых различных впечатлений жизни, разнообразных идей и отголосков действительности, то перекликающихся, то спорящих, то дополняющих друг друга, но вместе с тем способных «уживаться» в удивительно целостное и гармоничное, где воистину «все берега сходятся и все противоречия вместе живут». Поэтому в подлинном, а не в иллюзорном (то есть придуманном отвлеченным и узкоидейным сознанием отечественного интеллигента) «Русском мире» нет ни сословной, ни ожесточенно политической, ни уж тем более интеллектуальной вражды. Здесь воистину все понимают и приемлют друг друга, странно объединенные непостижимой, почти иррациональной любовью к России и готовностью жить ради нее и вместе с нею, подобно тому как интеллектуал Достоевский жил с русскими разбойниками и оступившимися мужиками, не презирая их, но скорбно и терпеливо осуществляя общее дело жизни. Именно вследствие этой истинно уникальной способности все понимать, все разделять, всем увлекаться и, наконец, в итоге всему находить и время, и место подлинный «Русский мир» в непостижимой духовной своей глубине есть парадоксальнейшее «всепримирение идей», к которому вопреки всем разделяющим и обособливающим тенденциям времени всегда стремились и будут стремиться наиболее одаренные именно в национально-устойчивом смысле политики, полководцы, деятели культуры, писатели, ученые, словом, все те, на которых так

или иначе «опочило» духовное делание Ф. М. Достоевского.

В-третьих, «Русский мир» Ф. М. Достоевского, увиденный, восчувствованный и впервые по-настоящему понятый им в местах не столь отдаленных, а затем воссоединенный со всем необъятным пространством русской жизни, в действительности заключал в себе еще одно удивительное качество, названное им впоследствии в Пушкинской речи всечеловечностью. Будучи чрезвычайно многослойным, как идейно, так и семантически, весьма неоднозначно встреченное многими философами, публицистами и общественными деятелями, оно, на наш взгляд, если не углубляться в разного рода интеллектуальные рефлексии, таит в себе чрезвычайно простое и вместе с тем глубоко уникальное свойство русского национального типа, в полной мере проявляющее себя в формирующейся сейчас идеологии «Русского мира» и ее крайне простых эмпирических «наполнениях».

Так, всечеловечность русских, пусть даже пребывающих в крайних формах социального унижения, — это не только крайне редко встречающийся у глубоко одаренного народа дар творческой эмпатии, способности впитывать и воспринимать как свое и родное решительно все коллизии и драматизмы бытия практически всех стран и народов (отчего никогда не бывший в Ев-

ропе Пушкин сумел проявить себя как безукоризненнейший европеец, особенно в зрелом периоде своего творчества), но преимущественно и в основном — истинно духовное умение не различать чужое и свое как нечто абсолютное и непререкаемое и потому не имеющее в действительной жизни решительно никаких точек соприкосновения. Поэтому истинный носитель «Русского мира» (во всяком случае по Достоевскому) всечеловечен той щедрой и благородной полнотой участия и переживания, которая во многих бытовых случаях переходит в радостную готовность помочь (почему не помочь, если я могу и в силах?!), а в сфере духовно-нравственных отношений — отдать и поделиться своим с чужими, воспринимая чужих уже не просто как своих, но как братьев «по Христову евангельскому закону». Будучи весьма сложным даром и зачастую обременительным в сугубо эмпирическом плане, эта всечеловечность русских в действительности оборачивалась великим даром построения уникальной исторической общности, то есть «Русского мира» не на бумаге, а в жизни, неуклонно отстраивающего себя и в геополитическом пространстве, и на земле, в русском воздухе и «почве», и в необъятномместилище русской мысли (идей, образов, смыслов, контекстов и восприятий), которое также оставил нам в наследие Ф. М. Достоевский.

О. И. Ставцева¹

НАЦИЯ — МОДЕРНИСТСКИЙ ПРОЕКТ В ПОСТМОДЕРНИСТСКУЮ ЭПОХУ

В данной статье мы коснемся понятий «нация» и «национализм», того, как они рассматриваются в исторической, философской, социологической литературе последних десятилетий. Существует относительное единодушие по поводу связи модернизма и национализма. Национализм представляется модернистским проектом, созданным политическими силами, которые пришли на смену традиционным формам идентичности, основанным на других источниках деления (расе, религии, верности монарху или его семье). Национализм разрушал феодальные порядки, способствовал созданию национальных государств, свергал имперские и колониальные режимы, утверждает Э. Смит в своем исследовании «Национализм и модернизм»². Нации — это результат воображения

и социального проектирования, утверждает Б. Андерсон, все большие общества являются воображаемыми, распространяемыми в сфере общественного сознания, что не уменьшает степени реальности этих обществ. Важную роль в создании нации играет политическая сила, которая в ходе сотворения нации превращается в национальное государство. Приемы построения нации: урбанизация, коммуникация, массовое образование, общественное мнение, участие в общественной жизни. Для создания нации необходим метанарратив, который рассказывается как политическими, так и культурными голосами. Время создания метанарративов и веры в них — модернизм, национализм — модернистский проект.

Интерес вызывают исследования историка А. И. Миллера³, посвященные национализму в России. Как указывает А. И. Миллер, термин «нация» в русском языке появился в начале XVIII века, причем на протяжении истории он изменял свое значение: сначала понимался как синоним «империи», в начале XIX века — как суверенное политическое образование, то есть связанное с определенными политическими свободами. Граф С. С. Уваров заменяет понятие «нация» словом «народ-

¹ Заместитель декана факультета культуры СПбГУП по научной работе, доцент кафедры философии и культурологии, кандидат философских наук. Автор более 50 научных публикаций, в т. ч.: монографии «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур» (в соавт.), статей «С. Кьеркегор и западная религиозно-философская культура XX века», «В кругах сравнения... Понятие “экзистенция” у Шеллинга, Кьеркегора, Хайдеггера», «Гегелевское понятие признания, принцип толерантности и мультикультурализм», «Диалог культур на фоне кризиса мультикультурализма», «Ценности и смыслы в эпоху глобализации» (в соавт.) и др.

² Смит Э. Национализм и модернизм: краткий обзор современных теорий наций и национализма. М., 2004. С. 11. (Сер. «Новая наука политики»).

³ Миллер А. И. О русском национализме. Лекции, статьи, диалоги. М., 2013; *Он же*. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

ность» для описания политики постепенной национализации элит. В 1870–1880-е годы постепенно утверждается термин «национализм», который присваивается правыми консервативными силами. По мнению А. И. Миллера, именно С. С. Уварову принадлежит заслуга построения нации в Российской империи.

Таким образом, нация является политическим, а не расовым или этническим проектом, что не исключает в некоторых случаях наложения этнического/расового и политического аспектов, что представляет наибольшую опасность. А. И. Миллер уверен, что «нация» и «национализм» используются как инструменты укрепления общественной солидарности, исключения чужих и сплочения своих, способ легитимации власти и собственности¹. Миллер в данном случае опирается на утверждение И. Валлерштайна о национализме как основной статусной идентичности, поддерживающей современную миросистему. Основными элементами этой системы являются суверенные государства, создающие, поддерживающие и развивающие национальный дискурс — метанарратив, великий рассказ, миф о нации. Но государство не обладает монополией на говорение, как указывает А. И. Миллер², и культурные силы творят великий миф о нации, например, посредством музыки (как для австрийской или итальянской нации), литературы (как для французской или русской нации), философии (как для немецкой нации). Но именно нация создает рамки политического процесса, ситуация гражданской войны свидетельствует о кризисе нации как регулятора политического процесса³.

«Какая нация нам нужна — русская или российская?» — этот важный вопрос задает А. И. Миллер и отвечает на него, основываясь на анализе российской истории и современности⁴. Нам нужны обе нации — краткая суть ответа. При этом важно иметь в виду различия гражданского национализма, основанного на принципе политического участия, национализма включающего типа, и этнического национализма, основанного на расовой принадлежности и потому исключаящего. Для исследования этих двух типов национализма А. И. Миллер использует социологические термины ассимиляции и аккультурации, описывающие разные процессы объединения с сообществом. «Русскость» — это категория, обобщающая этнический национализм, предлагающий стратегию ассимиляции. «Российскость» — категория, обобщающая политический национализм, предлагающий стратегию аккультурации. Не все граждане России считают себя русскими, на территории нашей страны проживают татары, буряты, евреи и другие народы, которые тем не менее входят в российскую нацию. Русский является языком коммуникации российской нации. Именно концепция российской нации, основанная на аккультурации, обеспечивает равенство гражданских прав этих народов с русскими и комфортное существование в одном государстве.

¹ Миллер А. И. О русском национализме. С. 60.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 64.

⁴ Там же. С. 67.

Сейчас в нашем обществе происходят как модернизационные, так и постмодернистские процессы, связанные с глобализацией и разрушением идеи нации.

Ценностные изменения, происходящие на Западе, описаны многими социологами, прежде всего З. Бауманом в работах «Индивидуализированное общество», «Текущая современность» и др. Индивидуализированное общество — так называет З. Бауман современное общество, в котором автономный индивид, которого таким сформировала эпоха модерна, заменен массовым индивидом, усредненным человеком, представляющим собой продукт СМИ. Постмодернистский индивид полностью утратил контроль над социальными процессами, не защищен перед переменами, не способен к планированию и достижению долгосрочных целей, не укоренен в обществе, хотя и полностью произведен им, это «негативный» индивид без индивидуальности и со слабой или полностью отсутствующей национальной идентичностью.

«Негативный» индивид требует снять прежние культурные, моральные или другие ограничения, выйти за пределы любых идентичностей. Такая ситуация в культуре точно описана французским философом Жилем Липовецки как сумерки долга. Общество потребления выдвигает лозунг «Наслаждайся!», неограниченный индивидуализм и консьюмеристский гедонизм приводят к растворению социальных, в том числе национальных, связей. Распад нуклеарной семьи уже произошел, социологи констатируют неустойчивость семейных связей, кратковременность отношений, низкую рождаемость. Одиночество становится одной из основных проблем расколотого на индивидов современного общества. Такой моральный солипсизм (солипсизм вообще — отрицание внешней, объективно существующей реальности, признание содержания своего сознания единственной существующей реальностью) приводит к увеличению количества стилей жизни, причем выбирать, какой стиль ему вести, предстоит каждому, главное, чтобы выбранный стиль не наносил вред согражданам⁵.

Сущность технологических перемен состоит в увеличении свободы человека над природой. Эта сущность, перенесенная в социальную сферу, означает увеличение (вплоть до бесконечности) свободы, неограниченность которой, разрушающей социальные связи и нормы, представляет собой либертаризм. Глобализация, являющаяся сегодня основной тенденцией общественного развития, транслирует либертаризм и ценностный релятивизм во все культуры через экспорт товаров и продуктов СМИ, массовой культуры. Можно констатировать ценностный слом, который наблюдается сегодня в России, так же как и на Западе, хотя путь России к этому был иным. «Россия не стала постиндустриальной страной, но переняла внешние манеры и стили жизни, пытается следовать догоняющей модернизации. ...Она переняла пороки западной цивилизации еще до того, как освоила ее достижения»⁶. Глобализация, которая делает государственные границы легко проницаемыми для капитала

⁵ Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 31.

⁶ Там же. С. 45–46.

и информации, привила России идею «экономического человека», убеждение в том, что в основе человека лежит стремление к максимизации удовольствия и пользы, отказ от первенства идей солидарности, моральности. Это прежде всего усвоили элиты и распространили через СМИ.

Россия так и не стала постиндустриальной страной, за исключением быстро и широко распространившейся компьютеризации, особенно среди молодежи. Россия деиндустриализировалась, перейдя в доиндустриальное состояние. Запад деиндустриализировался, перейдя в постиндустриальное состояние¹. В России и на Западе развиваются сходные явления — либертаризм, избыток свободы, подрывающий основы общества, ценностный распад, но Россия, в отличие от Запада, не обеспечила себе экономических источников неограниченной свободы индивидов.

Огромную роль в глобальном распространении либертаризма и ценностного релятивизма, к которым пришла западноевропейская цивилизация в ходе технологического развития, сыграла массовая культура. Она становится способом управления потребительским поведением. «В России массовая культура стала средством деморализации... население соблазнилось гедонизмом», — пишет В. Г. Федотова². Сегодня в России можно констатировать присутствие наднациональной

массовой культуры (поп-музыка, кино, социальные сети и т. п.) и отсутствие собственной.

Кроме того, следует отметить специфический характер современной массовой культуры. Американский литературный критик и теоретик марксизма Фредерик Джеймисон, определяя постмодернизм как культурную логику позднего капитализма, характеризует его следующим образом: стирание граней между высокой и массовой культурами; повторение, эклектичность, культура пронизывают все формы социальной, политической и экономической жизни; присутствие имиджей и симулякров, которые образуют гиперреальность (трансформацию реальности в образы); перегруженность символической реальностью (реклама, компьютерные игры, телевидение, кино, популярная литературная продукция: любовные, готические романы, детективы, фэнтези; и т. п.) в добавление к постоянному присутствию в социальных сетях или постоянному сопровождению индивида продукцией СМИ приводит к потере идентичности, чувства собственного «я». Эти процессы размывают стратегии и способы национальной идентичности, разрушают национальную культуру и ослабляют национальное государство как основную силу, поддерживающую нацию. В целом данную ситуацию можно понимать как противоречие постмодернистских и модернистских тенденций развития современности.

В. Н. Томалинцев³

КРАЙ КАК УГОЛ И ГРАНИЦА «ЧУЖОГО» (На материале концепта «Украина»)

Не случайно говорят: «Как назовешь корабль, так он и поплывет». В царской России официально территория Украины, воссоединенная с Россией в 1654 году, называлась Малороссией. Со второй половины XVIII века до 1917 года территория южной России у берегов Черного и Азовского морей официально именовалась Новороссией (Новороссийский край). После революции 1917 года в процессе создания СССР произошло объединение этих земель с дополнительной передачей им для усиления исконно русских областей (Донецкой, Луганской, Харьковской, позднее — полуострова Крым и др.) с целью образования Украинской Советской Социалистической Республики.

¹ Федотова В. Г. Указ. соч. С. 47.

² Там же. С. 52.

³ Старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Человек на рубеже тысячелетий: Парадоксы духовного развития», «Человек в XXI веке: Поиск на грани творчества и экстремизма», «Введение в социальную экстремологию: учебное пособие» (в соавт.), «Экстремаль России: прогноз развития», «Острые мысли: тематическое собрание афоризмов и изречений», «Типы личности и война между ними: комплексное исследование фактора личностного предназначения в структуре самосознания», «Самопознание таланта: Мир человеческих дарований, личностного предназначения в афоризмах, мыслях, народных изречениях» и др. Действительный член Академии гуманитарных наук. Награжден грамотой Министерства образования и науки РФ.

Между тем этимология слова «Украина» указывает на понятие «край» со значением «у края, на краю, окраина». Интересно, что латинское слово «*extremus*» (край) является корневым для многих современных научных терминов, широко применяемых для обозначения как природных, так и социокультурных явлений, достигших краевых, предельных, пограничных или критических состояний. Так, например, понятие «экстремум» в математике служит для совмещения минимума и максимума; понятие «экстремальность» фиксирует наибольшее и наименьшее в процессах и явлениях; «экстремаль» — в области точного знания обозначает геодезическую линию, действительную траекторию или то, что позднее стало определяться как оптимальная траектория; наконец, с помощью категории экстремизма передается значение многих крайних и радикальных действий, которые превышают необходимую степень воздействия⁴.

Вместе с тем необходимо отметить, что русское слово «край» возникло от общеславянского «*краяти*» — «*резать*», «сохранившегося в диалектах и являющегося формой многократного вида к *кромити* (см. *кромть*)»⁵. Поэтому и категория «острота» или

⁴ См. подробнее: Томалинцев В. Н., Козлов А. А. Введение в социальную экстремологию: учеб. пособие. СПб., 2005; Томалинцев В. Н. Экстремаль России: Прогноз развития. СПб., 2007.

⁵ Шанский М. Н., Иванов В. В., Шанская Г. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971. С. 218.

«изошренность» с примыкающими к ней понятиями отточенности, пронзительности, обострения в русском, как и во многих других языках, выступает эквивалентом дефиниции экстремальности.

Как известно, края бывают не только острыми, они также могут осыпаться, крошиться, отламываться. Вокруг много желающих отрезать, отломить от них кусочек. В свою очередь, все, что отламывается от целого, рискует непременно быть подобранным и проглоченным. В контексте геополитики об этом с солдатской прямотой сказал Наполеон: «Европе брошен вызов: если второстепенные и третьестепенные государства не найдут покровительства у держав господствующих, они погибнут»¹.

Некоторые представители украинской творческой интеллигенции, даже разделяющие националистические взгляды, открыто выражают сомнение в правильности и корректности наименования своей страны. Так, Ю. М. Каныгин, автор нашедшей на Украине книги «Путь ариев», от лица героя своего романа, великого гуру, бывшего тибетского ламы и крупнейшего славяноведа, горячо проповедовавшего «украинскую идею», высказывает следующее мнение: «Знаете, какая мысль меня преследовала на протяжении шестидесяти лет изучения вашей страны? Мысль такая: почему и зачем вы украинцы?! Да-да, зачем вам быть украинцами? Я думаю, рост национального самосознания заставит вас поменять имя. На Украине я ставил этот вопрос перед случайными встречными. Сначала они удивлялись, вот как вы... Но, выслушав меня и подумав, соглашались.

В самом деле, Украина называлась Русью и до, и после монголов. Она — ядро, сердце великой Руси от Урала до Вислы и от Белого до Черного морей. Но именно у ядра, сердца и отняли имя Русь, оставив его за окраинами — Московией и Белорусью»².

Здесь важен и другой исторический парадокс, который состоит в том, что именно Киев — «мать городов русских» — оказался сегодня за пределами России.

Более того, о двусмысленной многозначности наименования «Украина» свидетельствует и то обстоятельство, что в латинском языке край, граница, грань также обозначаются словом “*margo*”, которое в XX веке породило такой международный термин, как «маргинальность» (*marginalis* — находящийся на краю). Традиционно этот термин используется в социальной философии и социологии для анализа пограничного положения личности или группы по отношению к какой-либо социальной общности. Он подчеркивает особый социальный статус (обычно низкий), принадлежность к меньшинству, которое находится на границе или вне социальной структуры, ведет образ жизни и исповедует ценности, отличающиеся от общепринятой нормы»³.

В связи с этим, по словам уже упомянутого гуру, «имя Украина, во-первых, не имеет глубоких исторических корней, хотя и стало привычным. Оно появилось лишь в XVI веке в польских государственных ак-

тах и хрониках. Потом практически исчезло на три столетия (Украина стала Малороссией). Лишь в XX веке оно вновь появилось. Во-вторых, это имя дано извне — не вашим, а чужим народом, покорившим вашу страну, вернее часть ее. Именно в Польской митрополии в XV веке стали называть зависимые русские земли “украинными”. Украина — окраина (провинция) Польского королевства. И, как ни изошрайся, другого смысла вы не найдете. Украина — это не собственное название...»

Таким образом “Украина” не имеет конструктивной семантики и не есть собственное имя. Скорее наоборот. Если же понимать под Украиной просто страну, край, то тогда это имя уже не собственное, а обезличивающее»⁴.

Принося извинения читателю за столь обширные цитаты, следует отметить, что они необходимы в данном случае, поскольку позволяют наиболее полно и точно донести рассуждения и сомнения активно современного украинского националиста, вложенные в уста героя его книги, претендующей на глубокий исторический анализ.

В исследовании Ю. М. Каныгина представлена целая россыпь названий древней Украины (от Аратта-Оратания, Припондида, Пра-Украина, Рош и т. д.). Однако неоднократно подчеркивается, что Русь — имя священное и что Киевская Русь — территория южных славян.

Итак, в свете изложенного отход Украины от России не может восприниматься иначе, как исторический и даже юридический казус. Ибо ситуация, когда часть единого народа (Малороссия и Новороссия) начинает претендовать на статус целого (всего «Русского мира»), возникшего и определившегося в результате долгого исторического развития, абсурдна.

Если в чем-то и могут обнаруживаться различия менталитета единого российского этноса, то это прежде всего в чертах, обусловленных географическими факторами, принадлежностью людей к более теплому южному или более суровому северному климату. Южанам, как показывает история и культура, в значительно большей степени присущи спонтанность, импульсивность, мятежность духа. Выходя из-под влияния центральных, интеграционных сил, эти качества усиливаются, приводя к смуте, социальной нестабильности, острой борьбе мелких, но честолюбивых кланов, не способных консолидировать общество.

Важно понять, что человеческий потенциал, первоначально сформировавшийся на территории Руси, продвинулся вглубь Евразии, распределился на огромных пространствах евразийского континента, достигнув Тихого океана. Важно также признать и то, что большая Россия стала таковой благодаря не только этнокультурному достоинству древних южных славян, живших в условиях благоприятного климата, но и усилиям всех последующих поколений, раздвигавших границы государства, сила которого была в единстве. И поэтому утверждать, что многочисленный исторический народ, создавший «Русский мир», отличается от своих пращуров или тех, кто теперь проживает на их территориях,

¹ Максимумы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. СПб., 1993. С. 55.

² Каныгин Ю. М. Путь ариев: Украина в духовной истории человечества: роман-эссе. Киев, 2004. С. 429.

³ Усманов А. Р. Маргинальность // Новейший философский словарь. Минск, 2001. С. 593.

⁴ Каныгин Ю. М. Указ. соч. С. 429–430.

столь же нелепо, как считать, что подошедшее тесто, убегающее из посуды, хуже того, что было замешено вначале.

Оставаясь активным глашатаем «украинской идеи», Ю. М. Каныгин признает, что «на пороге III тысячелетия человечество совершает интенсивный переход к постиндустриальной цивилизации, рождающей новые балансы сил между народами и расами.

Особенно не терпит отлагательств налаживание полноценных отношений с Россией. Перед украинскими политиками стоит задача — выработать оптимальные формы сотрудничества с северным соседом на принципах равноправия и партнерства»¹.

К этому следует лишь добавить, что близким славянским православным народам необходимо вернуться к тому, что в Серебряном веке было названо «чувством пути». Нельзя выпадать из процесса, тем более если он определен историей и культурой. Выход из эволюционного потока не только для отдельного человека или этноса, но и для сильного государства всегда трагичен, если не смертелен. Патриотизм выступает неотъемлемой частью целостного самосознания, целостного самоосуществления не только отдельной личности, но и этноса, всего народа. Политика «Иванов, не помнящих родства» заводит в тупик. И в этом случае некогда цветущий край может не просто стать чужой окраиной, но и превратиться в глухой (медвежий) угол.

В своей незаконченной статье «Беглецам из Семьи» А. И. Солженицын писал: «Только народу, сохранившему органическую духовную связь с наследием предков, доступно обогатить и мировой духовный опыт»². Здесь также уместно обратиться к словам, сказанным в начале XX века русским патриотом Н. И. Бобриковым, занимавшим пост генерал-губернатора Финляндии: «Националистическое сознание и имперское сознание — это разные вещи. Националистическое сознание опасно для России, которую скрепляет и развивает именно имперское сознание».

Говоря о православных ценностях, накануне поездки на Украину на встрече с представителями украинских СМИ патриарх Кирилл заявил: «Это те же самые

ценности, которые хранят в России, Белоруссии, Молдове и других местах. Это те ценности, которые и очерчивают параметры очень важного культурного и цивилизационного понятия, которое я бы сформулировал как “Русский мир”. “Русский мир” не означает “российский”, тем более это не мир Российской Федерации. Это тот самый мир, который вышел из нашей общей купели — киевской купели Крещения. Это тот самый мир, который существует на уровне веры, интеллекта, духовности и культуры. От того, что кто-то отрицает этот мир, ничего не меняется: этот мир существует, это объективная реальность»³.

Наши предки усвоили это лучше нас, что проявилось в единстве Малой, Белой и Великой России. Примером им служило то, что со времен князей галицких и волынских территория Украины то откалывалась, то крошилась. Достаточно вспомнить Смутное время, наставшее после Переяславской рады, бившей челом перед русским царем о помощи в борьбе против Польши, когда русское войско капитулировало под Чудиновым (1660) после очередного предательства казацкой верхушки. В это время «растерзанная междоусобицами Украина являла собой одну сплошную руину. Позднее украинские историки так и назовут этот смутный период — “руиной”»⁴.

В контексте предпринятого этимологического анализа обнаруживается, что одно из важнейших мест в словообразовании русского языка отводится понятию «краеугольный», то есть основной, фундаментальный. Имея опору уже на два корня — «край» и «угол», эта дефиниция указывает на существенно иное содержание самого основания державного государства с надежными, прочными границами, имеющими не вечно крошащуюся и отслаивающуюся, но острую, режущую кромку, колющее острие.

Таким образом, язык сам во многом указывает на необходимость сохранения славянского триединства, единства всего Евразийского союза, сердцевиной, средоточием, острым стержнем и краеугольным камнем которого являются «Русский мир», «русскость».

¹ Каныгин Ю. М. Указ. соч. С. 529.

² Солженицын А. И. Беглецам из Семьи // Рос. газета (Неделя). 2008. 11 дек. № 254.

³ Патриарх в Одессе. Начался визит главы Русской православной церкви на Украину // Рос. газета (Неделя). 2010. 22 июля. № 161.

⁴ Нестеров Ф. Ф. Связь времен: опыт исторической публицистики. М., 1984. С. 100.

А. В. Успенская¹

ПРОБЛЕМА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОБЫТНОСТИ В ОЦЕНКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Размышления о грядущей судьбе России в творчестве Достоевского неразрывно связаны с попытками осмысления сущности русского национального характера. Но дать общую характеристику национальному характеру долгое время казалось Достоевскому делом чрезвычайно сложным. Народ и интеллигенция (а в сущности, аристократия, ибо она являлась в России единственным по-настоящему образованным сословием) со времен Петровских реформ являли две различные стороны русской нации. Если для юного писателя, входившего в кружок петрашевцев, это не составляло существенной проблемы, так как в грядущем социальном государстве эти противоречия должны были исчезнуть сами собой, поскольку воцарятся всеобщее равенство и братство, то позже, на каторге и в ссылке, писатель получил совершенно иной — трагический — опыт общения с народом. Поиски возможности восстановления утраченной национальной цельности (другими словами, национальной идентичности) Достоевский начал именно на каторге, когда на собственном опыте пережил трагизм раскола духовной целостности нации, величайшую отчужденность, которую испытывает народ к образованному слою общества: «Вы, дворяне, железные носы, нас заклевали...» В рассказе «Мужик Марей» («Дневник писателя», февраль 1876 г.) Достоевский писал, что однажды на каторге у него возникло детское воспоминание, как его, испуганного ребенка, пожалел и успокоил крепостной мужик. «Каким глубокоим и просвещенным человеческим чувством и какою тонкою... нежностью может быть наполнено сердце иного грубого, зверски невежественного крепостного русского мужика...» Почему преодоление этой розни оказалось возможным только в детстве, возможно ли ныне преодолеть этот раскол? Достоевский вспоминал, что именно с этого момента стал смотреть на каторжников совсем другим взглядом, без злобы и ненависти. И все-таки писателю часто казалось, что народ и интеллигенция вовсе утратили точки соприкосновения и виноваты в этом именно образованное общество.

В вышедшем в свет в 1872 году романе «Бесы» под сильным влиянием «Нечаевского дела» писатель бросает горький упрек двум последним поколениям русской интеллигенции, отошедшим от народной правды и приведшим Россию к краю пропасти. Старшее поколение, люди, вышедшие на общественную арену в начале 1840-х годов, поколение Герцена, Белинского, Грановского, Тургенева, самого Достоевского, обвинены в том, что они подпали под власть «бесов». Бесы ко-

пились в России еще с петровского времени, резко разделившего интеллигенцию и простой народ, но именно в 1840-е годы они приобрели особенную власть над обществом. Во-первых, это бесы национального нигилизма: и неудавшийся философ Степан Трофимович Верховенский, и модный либеральный писатель Кармазинов утверждают в романе, что в России нет ничего своего, оригинального, все изобретения, творения искусства и культуры заимствованы у Запада, Россия почти безнадежно отстала от Европы, и чем скорее она отрешится от своей самобытности и поспешит догнать Запад, тем лучше. Достоевский очень точен в своем изображении этого безоглядного западничества. Еще один прототип Верховенского, поэт и переводчик Владимир Печерин, движимый болью за свою темную, отсталую страну, дошел в поэме «Торжество смерти» до опасной крайности: «Как сладостно отчизну ненавидеть! / и жадно ждать ее уничтоженья!».

Второй уровень «бесования», также заимствованный у Запада, — это религиозный нигилизм, то есть атеизм. Начавшись как кабинетная игра пресыщенного ума, атеизм, проникая в массовое сознание, становится настоящей разрушительной силой. Особенно опасным представлялось Достоевскому, что поколение 1840-х годов бросилось активно проповедовать свои идеи, смущая незрелые умы. В романе учениками Верховенского-старшего являются почти все «бесы» младшего поколения — нигилисты 1860-х годов: Николай Ставрогин, Шатов и его сестра Даша, Лиза. Биологическое порождение нигилиста Верховенского (хотя и не его ученик) — демонический нигилист и мошенник, революционер и уголовник, провокатор Петруша Верховенский. В романе «Бесы» ответственность за разрыв национальных связей, за так и не появившийся на российской почве цельный национальный характер Достоевский возлагает на интеллигенцию.

Однако в середине 1870-х годов взгляды писателя претерпевают заметную эволюцию. От безоглядного осуждения российской, ориентирующейся на Запад интеллигенции он приходит к убеждению о возможности преодоления пропасти между простым народом и образованным сословием и формирования единого национального характера. Эти размышления отразились в романе «Подросток» и в «Дневнике писателя».

Трагедия интеллигента, оторвавшегося от народных начал, народной правды, уже была воплощена в нескольких образах, прежде всего Раскольников и Ставрогина. В романе «Подросток» была сделана попытка соединить народное и западничество, открыть тайну национального самобытного характера — это сложный, не до конца проясненный образ Версилова. Он западник, но при этом чувствует связь с русским народом. Он живет в гражданском браке с простой крестьянкой, прекрасной и доброй женщиной. Показательное его отношение к ней: здесь смешиваются и барская надменность, и высокомерие, и даже желание бежать

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор филологических наук. Автор более 70 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Античность в русской поэзии второй половины XIX века», «Античность и русская литература: мотивы, образы, идеи», «Антологическая поэзия А. А. Фета», статей о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Д. С. Мережковского, В. В. Набокова, И. А. Бродского и др. Почетный профессор СПбГУП. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России».

от нее — и невозможность расторгнуть эти узы, уважение, доходящее до почитания, смирение перед ней, ее душевной чистотой и мудростью.

Как и во всех поздних романах Достоевского, сюжет «Подростка» имеет разные семантические пласты. Первый — бытовой, с интригами, тайнами и скандалами, второй — бытийный, аллегорический. Отношения Версилова с Софьей Андреевной, матерью главного героя, несомненно, имеют мистериальный характер. В них проявилась показательная черта русского интеллигента — стремление с тоской отвернуться от народного начала, устремленность к европейскому идеалу — и в то же время ощущение невозможности для русского просвещенного сознания удовлетвориться европейской цивилизацией, уже рассыпающейся, затронутой тлением. Версилов — пожалуй, первый из героев Достоевского, который ощущает это трагическое противоречие. Лучшее, что дала миру европейская культура, представляется ему в облике картины Клода Лоррена «Ацис и Галатея», которую он видел в Дрезденской галерее. Это мечта о «золотом веке» — «чудный сон, высокое заблуждение человечества! Золотой век — мечта, самая невероятная из всех... для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить... Ощущение счастья, мне еще неизвестного, прошло сквозь сердце мое, даже до боли: это была всечеловеческая любовь». Но Версилову кажется, что Европа, когда-то создавшая этот идеал, неудержимо движется к закату. Он говорит о начале 1870-х годов, Франко-прусской войне и Парижской коммуне, когда восставшими был сожжен дворец Тюильри: «...тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола. Я не про войну лишь одну говорю и не про Тюильри; я и без того знал, что все пройдет, весь лик европейского старого мира — рано ли, поздно ли... но как носитель высшей русской культурной мысли я не мог допустить того, ибо высшая русская мысль есть всепримирение идей...» Версилов чувствует одиночество, понимая, но не принимая и революционное разрушение, и месть реакционеров. «...я, как русский, был тогда в Европе единственным европейцем... у нас создали веками какой-то еще нигде невиданный высший культурный тип, которого нет в целом мире — тип всемирного боления за всех. Это тип русский... он взят в высшем культурном слое народа русского...»

Версилов считает, что именно в этом мы опередили Европу: «В Европе этого пока еще не поймут. Европа создала благородные типы француза, англичанина, немца, но о будущем своем человеке она еще почти ничего не знает. И, кажется, еще пока знать не хочет. И понятно: они не свободны, а мы свободны. Только я один в Европе, с моей русской тоской, тогда был свободен...» и далее Версилов высказывает важнейшую мысль: «Один лишь русский... получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европейец. Это и есть самое существенное национальное различие наше от всех...»

«Дневник писателя» начинает выходить в свет в 1876 году, сразу же после романа «Подросток». В его февральской книге (статья «О любви к народу. Необходимый контракт с народом») Достоевский выдвигает

на передний план колоссальную фигуру Пушкина, в чьем творчестве и человеческом облике осуществилось это искомое единение правды народной и дворянской интеллигенции. В «Пушкинской речи», также напечатанной в «Дневнике писателя» за август 1880 года, Достоевский еще раз возвращается к мысли, что именно Пушкин примирил народную правду с правдой Петра I, убежденного в необходимости коренной ломки косной русской жизни. Поэт сумел осознать глубинные чаяния народа, важное из которых — устремленность идти по тому же пути, что и Запад. Величайшая заслуга Пушкина — понимание, что деятельность Петра в коренных своих основаниях не противоречит народу, «...стремление наше в Европу, даже со всеми увлечениями и крайностями его, было не только законно и разумно в основании своем, но и народно». Пушкин, по мысли Достоевского, первым глубоко понял простой народ. Все, что есть в русской литературе истинно прекрасного, «взято из народа, начиная с смиренного, простодушного типа Белкина, созданного Пушкиным. У нас все ведь от Пушкина». Уже в ранних произведениях Пушкина поворот к народу до того беспримечен, что Достоевский объясняет его «необычайной великостью гения». Но Пушкин понял и интеллигенцию, оторванную от российской почвы, создав удивительно точные образы Алеко и Онегина — скитальцев с мировой тоской, вечно мятущихся, неудовлетворенных.

То, что Пушкин проник в тайну обеих крайностей русской души, делает его величайшим представителем русского национального характера. Русские писатели, идущие по стопам Пушкина, и в среде интеллигенции находят народные типы — это герои романов «Обломов» или «Дворянское гнездо». Все, что в этих типах векового и прекрасного, — от соприкосновения с народом: «Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному» («О любви к народу. Необходимый контракт с народом», февраль 1876 г.).

Размышляя о возможности становления общенационального характера, Достоевский выдвигает в «Дневнике писателя» идею «контракта» между интеллигенцией и народом: «...мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли, и образа; преклониться пред правдой народной... Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это *sine qua non*: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. ...наше пусть остается при нас, и мы не отдадим его ни за что на свете, даже, в крайнем случае, и за счастье соединения с народом» («О любви к народу. Необходимый контракт с народом», февраль 1876 г.).

Хотя русская нация уже около двух столетий переживает тягостный раскол, в основе своей она сохранила единство, а следовательно, может преодолеть это временное разделение. И европеизированная интеллигенция вернется к народу: «...блудные дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся, однако, все-таки русскими, в чем, впрочем, великая наша заслуга». А народ сумеет принять ее и понять, возможно,

потому, что и у тех, и у других есть общая национальная идея: «Национальная идея русская есть всемирное общечеловеческое единение» («Примирительная мечта вне науки», январь 1877 г.).

Но, оставаясь человеком широких взглядов, чуждый национальной ограниченности, Достоевский вовсе не утверждает, что идеал всечеловечества может быть заложен только в русском народе. И тут нам есть чему поучиться у Запада — как, оставаясь представителем своей нации, подняться к высотам общечеловеческого гуманизма. В мартовской книге за 1877 год, в статье «Похороны “общечеловека”», он помещает рассказ о старом докторе-немце (впрочем, по-видимому, обрусевшем), настоящем праведнике, 58 лет прослужившем в беднейших кварталах провинциального городка на западе России. Он мог отдать

последние копейки, чтобы нищая роженица сварила себе суп, завертывал новорожденного в свою рубашку, покупал на свои деньги корову больному многодетному семейству. Достоевский замечает, что делал он все это по-немецки основательно, методично, даже с немецким лукавством. И над могилой праведника происходит единение всех жителей города всех конфессий: протестанты, православные и иудеи плачут и молятся — в этом прообразе всемирного братства видит Достоевский разрешение пресловутого национального вопроса. Вобрать в себя многонациональное, всеобщее, впустить в душу мировую скорбь и боль, оставаясь самими собой, как это умел делать Пушкин, как это делал старый доктор, — вот цель, стремление к которой и должно сформировать русский национальный характер.

М. Н. Фомина¹

КИТАИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ²

Современный Китай, выстраивая как внешнюю, так и внутреннюю политику, прежде всего ориентируется на интересы государства, которые заключены в очень емкой сентенции, выражающей смысл национальной идеи, — строительстве гармоничного общества. Следуя этой первостепенной цели, китайские политики, опираясь на научные исследования, подвергают модификации и исторически, культурно устоявшиеся понятия западной культуры. В частности, это относится к интерпретации христианства и православия китайскими религиоведами и философами.

Китайское религиоведение в рамках мировой науки представляет сегодня одно из молодых гуманитарных направлений. Зародившись в начале XX века как исследование истории религии, оно формируется сегодня в рамках национальной политики Китая, которая отмечает возрастающую роль религиозного фактора в государстве не только со стороны традиционных религий, но и христианства. Как пишет А. В. Ломанов, в ходе реформ Дэн Сяопина и процесса формирования независимых церквей в Китае вновь встал вопрос о «совместимости христианских конфессий с руководством КПК и делом социализма»³. При этом, отмечает он, «католицизм и протестантизм стали частью жизни китайского общества». В. Г. Дацышен, в свою очередь, пишет, что во время политических реформ к «православию приходили «в поисках духовности», в отличие от протестантизма, который рассматрива-

ется «средством европеизации», «путем к материальному успеху»⁴. На этой основе, определяя внутренние и внешние факторы современного состояния православия в Китае, «христианство остается важнейшим фактором развития Китая»⁵.

В официальных документах отмечено, что сегодня в Китае признанными религиями являются даосизм, буддизм, ислам, католичество и христианство. Если возрождение традиционных религий связано с подъемом религиозной культуры и культурной модернизацией, то возрастание роли христианства в обществе, воспринимающего западные ценности, вызывает беспокойство. Поэтому перед китайским религиоведением была поставлена задача — сформировать идеологию для новой религии, воспринявшей традиционные ценности Китая — китайское христианство. При этом они не рассматривают православие в западной традиции (как ветвь христианства), трактуя его как национальную религию России, как религию этнических русских в Китае. Занимаясь исследованиями пяти религий, китайские религиоведы оставляют в стороне изучение православия в Китае, так как это особая область интересов. Это признает и Юэ Фэн, который пишет, что в условиях строительства «социализма с китайской спецификой» китайским ученым необходимо «прикладывать большие усилия к изучению православия как идеологии, надо создавать весомые исследовательские работы, предоставляя материал для разработки внутренней и внешней политики нашей страны»⁶. В ряде других работ будет отмечено, что знание православия должно способствовать реализации стратегической китайско-российской политики.

¹ Профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы Читинской области. Автор более 130 научных публикаций, в т. ч.: «Китайское религиоведение о православии в современном Китае», «Стратегия культурного ресурса российского и китайского варианта “мягкой силы”», «Глобализация по-китайски и модернизация» и др.

² Перевод аутентичных текстов, использованных в статье, подготовлен Чжан Фань.

³ Ломанов А. В. Христианство и китайская культура. URL: <http://predanie.ru/lib/book/read/120644/#toc1>

⁴ Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. С. 219. URL: <http://www.obraforum.ru/pdf/dazyshen.pdf>

⁵ Там же. С. 226.

⁶ Юэ Фэн. Дунчжэнцзяо ши = История православия // Чжунго шехуй кэсюэ чубаньше. 1996 (доп. изд. 2005). С. 268.

В исследовании Чэнь Цзяньмина «Как китайское христианство ориентируется на Новый век»¹ прослеживается мысль, что христианство как иностранная религия выдержало серию ожесточенных конфликтов с китайским обществом, но методы проповедей и стремление к адаптации содействовали тому, что христианство стало религией, которая прошла процесс китаизации. А это способствовало тому, что оно стало в некоторой степени влиять на идеологическое сознание людей и общественную жизнь. Будучи крупнейшим в Китае специалистом по русской религиозной философии, Чжан Байчунь признает, что «на сегодняшний день культура Китая мертва, и воскреснет она только, если по-настоящему встретится с христианством»². А Хуан Хайбо отмечает, что китайское христианство принимает участие «в закладке прочного фундамента и построении гражданского, а затем и гармонично социалистического общества»³, участвует в консолидации всех сил для реализации национальной идеи.

В ряде работ китайские философы отмечают, что китайское государство в отношении христианства проводит целенаправленную политику, смысл которой состоит в том, что религия должна способствовать гармонизации китайского общества. По замечанию Ф. Фелльмана, в Китае часто высказывают суждения о том, что «религия станет частью китайской стратегии по увеличению “мягкой силы” в мире». Он ссылается на слова Линя Чжунбиня, профессора Цзянданьского университета Тайваня, который предполагал, что «религиозная “мягкая сила”» скоро может стать важнейшим фактором не только в национальной политике, но и в международной, так как лидеры Китая будут использовать ее в своих интересах⁴.

В 2000 году на одном из всекитайских христианских собраний, которое было посвящено 50-летней годовщине китайского христианского патриотического движения за автономию, экономическую независимость и автокефальную церковь в Китае, был представлен доклад «Любить свою родину и религию, совместно идти к новой эпохе», где, как отмечает Ие Сяовэнь⁵, были обозначены основные направления развития китайского христианства, определена идеология отношения государства к китайскому христианству.

Люй Чао и Сюн Куньсинь в статье «В центре внимания — Китай и религия: анализ 10 горячих точек

¹ Чэнь Цзяньмин. Чжунго цзиду цзунцзяо жухе мяньсян синьшици = Как китайское христианство ориентируется на Новый век // Шехуй кэсюэюань. 2001. № 4. С. 64–69.

² Профессор Чжан Байчунь: «Наша культура воскреснет, если по-настоящему встретится с христианством». URL: <http://pravostok.ru/blog/professor-chzhan-bajjchun-nasha-kultura-voskresnet-esli-po-nastojashhemu-vstretitsja-s-khristianstvom/>

³ Хайбо Х. О построении гражданского общества: ответственность и самоопределение христианства в Китае в 2010 году // Новые научные подходы к изучению религий Китая (Современное зарубежное религиоведение) : спецвып. / отв. ред. С. А. Горбунова. М. : ИДВ РАН : ЦНИД, 2013. С. 81.

⁴ Фелльман Ф. Полезен ли опиум? «Адаптированная религия» и «гармония» в современном Китае // Новые научные подходы к изучению религий Китая (Современное зарубежное религиоведение) : спецвып. / отв. ред. С. А. Горбунова. М. : ИДВ РАН : ЦНИД, 2013. С. 45–46.

⁵ Ие Сяовэнь. Зай чжунго цзидуцзяо ди чи ци чуаньго дайбяо хуй и шан де цзянхуа = Выступление на всекитайском собрании китайского христианства 7-го созыва // Чжунго цзунцзяо. 2002. № 4. С. 11–13.

развития религии внутри Китая в 2013 году»⁶ эту мысль выразили следующим образом. Религия должна пройти дорогу, совпадающую с социалистическим обществом, приспосабливаясь к требованиям развития социализма с китайской спецификой. Другой философ, Чжо Синьпин⁷, отмечает, что христианство в эпоху открытости начинает свое новое развитие в Китае. Это обусловлено тем, что в ходе модернизации китайского общества христианство выполняет свою роль в развитии китайской культуры и общества. Поэтому, по мнению Чжо Синьпина, познание китайского христианства необходимо для того, чтобы понять, что христианство в китайском современном обществе видоизменяется, а его влияние равнозначно происходящим изменениям в христианстве под влиянием китайского общества. Таким образом, автор заключает, что христианство и китайское общество — равноправленные друг на друга силы, но при этом речь идет о «китайском христианстве», которое должно вносить свой вклад в развитие современного цивилизованного китайского общества, тем самым способствуя реализации национальной идеи — строительства гармоничного общества. Стоит отметить, что национальная идея Китая, которая должна быть реализована и через китайское христианство, очень жестко определяет его суть. Это уже не протестантизм, а его аналог — китайское христианство, которое в последующем должно распространиться в мире. Следовательно, в целях реализации национальной политики в Китае западная трактовка христианства модернизируется, результатом чего становится такое направление, как китайское христианство.

С православием другая картина. Хотя православие и не является официальной китайской религией, его статус в китайском обществе определен целенаправленной государственной политикой, ориентированной на реализацию национальных интересов каждого национального меньшинства, в данном случае — этнических русских. Следовательно, православие в рамках государственных границ воспринимается как религия этнических меньшинств, поэтому выражение «православие этнических русских» достаточно распространено в религиоведении Китая. Если выражение «китайское христианство» можно рассматривать как фактор национальной идентификации, что определяет одну из составляющих национальной идеи, то «православие этнических русских» — локальную, региональную идентификацию конкретной этнической группы. Но на этом точку ставить рано. Православие имеет и другую трактовку — «русское православие», которое трактуется уже как национальная религия России. Поэтому китайские религиоведческие исследования можно подразделить на два уровня. На первом — исследования православия, которое является выражением

⁶ Люй Чао, Сюн Куньсинь. Ганьжю чжунго цзунцзяо цзунцзяо: 2013 нянь гонэй шида цзунцзяо жедянь пинси = В центре внимания — Китай и религия: анализ 10 горячих точек развития религии внутри Китая в 2013 году // Хэйлуцунцзяо миньцзю цзункэнь. 2014. № 4. С. 187–192.

⁷ Чжо Синьпин. Чжунго цзидуцзяо юй чжунго сяндай вэньхуа = Китайское христианство и китайское современное общество // Шицзе цзунцзяо вэньхуа. 1999. № 3. С. 28–31.

ем духовной культуры народа, находящегося с Китаем в условиях трансграничья¹. На втором — исследования истории и современного состояния православия в Китае, которые представлены немногочисленными работами, так как оно не входит в число основных религий Китая и географически имеет небольшую сферу распространения в стране².

В заключение необходимо остановиться на следующем моменте. Стремясь уйти от европеизации духовной культуры, китайские лидеры совместно с филосо-

фами формируют идеологию китайского христианства, которая должна выражать не только суть национальной идеи, но и быть одним из механизмов, способствующих национальной идентификации. При этом, придавая значимость «русскому православию» как элементу духовной культуры народа России, трактовать православие в Китае через этнический идентификатор. Возможно, что именно здесь национальная идея России и национальная идея Китая еще не нашли пути согласования...

Л. И. Харченкова³

ЭТНОСОЦИОНИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТИПОВ НАЦИЙ

Специфику содержания и характера мышления, присущих представителям того или иного этноса, выражают определенный способ познания окружающего мира и логика структурирования действительности, свой круг представлений, определенный алгоритм построения высказывания, особый подход к решению различных задач и жизненных проблем, доминирование определенного канала получения информации.

Для описания особенностей психического склада и характера мышления различных наций представляется целесообразным обратиться к достижениям этносоционики — одного из подразделов соционики. Соционика изучает законы переработки и обмена информацией в человеке и человеческом обществе, типы информационного метаболизма. Ее методы позволяют прогнозировать характер мышления и поведения людей или общества в целом, отношения между людьми, анализировать социально-политические процессы, происходящие в обществе. Характер мышления каждого отдельного человека определяется его способом обработки информации. По данным соционики, нация или этнос могут быть описаны подобным образом. Это и есть этносоционика, которая рассматривает информационные структуры и поведение этносов, их национальный характер и ментальность. Соционический анализ позволяет проникать в сущность тех или иных культурных взглядов и традиций, присущих ис-

следуемому этносу, особенности его взаимоотношений с окружающей средой и другими этносами (это касается как личностного, так и социального уровня функционирования исследуемого этноса).

Этносоционика описывает типы интегрального метаболизма этносов, культур, их ментальность, стереотипы поведения, взаимодействие между людьми.

В настоящее время специалистами в области соционики подробно исследованы интегральные типы информационного метаболизма большинства крупных этносов Европы, Америки и Азии, построены психоинформационные модели их функционирования.

Однако представляется целесообразным предварительно рассмотреть основные этапы возникновения и описание существенных моментов самой теории психологических типов.

Как известно, в 1920 году швейцарский психолог, психиатр и философ Карл Юнг выстроил типологию характеров, в основе которой лежит выделение в психике личности какой-либо преобладающей функции (мышления, эмоций, интуиции или ощущений) и ее направленности на внутренний мир (интровертность) или на внешний мир (экстравертность). Кроме того, Юнг описал еще одну пару функций: суждение (оценка) и восприятие, из которых первая имеет рациональную природу, а вторая — иррациональную⁴. Учитывая противоположную направленность каждой пары перечисленных качеств, выражающуюся в мышлении и поведении личности, К. Юнг дал описание восьми психологических типов личности.

А. С. Баронин, рассмотрев некоторые этнические общности, пришел к выводу о том, что все они могут быть отождествлены с тем или иным психологическим типом концепции К. Г. Юнга⁵:

Этническая общность	Психологический тип по К. Г. Юнгу
Англичане	Чувствующие интроверты
Американцы	Мыслительные экстраверты
Русские	Интуитивные интроверты

В 1970–1980-х годах литовская исследовательница А. Аугустинавичюте в своих исследованиях раз-

¹ *Тан Сяофэн*. Цун цзунцзяо чуаньбо чжу яосу кань дунчжэнцзяо цзай чжунго де чуаньбо = Основные факторы распространения религий и распространение православия в Китае // *Шицзе цзунцзяо вэньхуа*. 2012. № 6. С. 30–35.

² *Чэн Юнван*. Э луо си дунчжэнцзяо юй хэлуонцзян вэньхуа — лунцзян дади шан е луо си дунчжэнцзяо де лишэ хуйшэн = Русское православие и культура в провинции Хэйлуонцзян — Эхо истории русского православия на территории Хэйлуонцзян // *Хэйлуонцзян дасюэ чубаньшэ*. 2010. С. 102–106.

³ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор педагогических наук. Автор более 200 научных и методических работ, в т. ч.: «Межкультурная коммуникация в рекламе», «Диалог культур в обучении русскому языку как иностранному», «По одежке встречают... Секреты русского костюма (лингвострановедческий словарь)», «Духовные и ценностные приоритеты населения России» (в соавт.), «Прикладные аспекты межкультурной коммуникации (на примере русско-финского взаимодействия)» (в соавт.), «Креативный потенциал текстов массовой культуры (на примере рекламы)», «Смена ценностных предпочтений россиян и ее отражение в языковом сознании» (в соавт.) и др.

⁴ *Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб.: Азбука, 2001.

⁵ *Баронин А. С.* Этническая психология. Киев: Тандем, 2000.

делила каждую юнговскую функцию на два аспекта, каждый из которых имеет свое индивидуальное содержание и направленность, и дала им соответствующее название. Она также заменила психические функции — мышление и эмоции (по Юнгу) — на логику и этику. Литовская исследовательница пришла к выводу, что тип является врожденной психической структурой, определяющей конкретный вид информационного обмена личности со средой. А. Аугустинавичюте установила, что основное различие между типами состоит в том, что они по-разному воспринимают и обрабатывают информацию. Так, одно и то же событие, один и тот же предмет различные типы воспринимают по-разному. Также по-разному они будут описывать это событие или предмет: кто-то обращает внимание на форму предмета, кто-то — на его эстетический вид, кто-то — на полезность и т. д.¹

В типологии А. Аугустинавичюте во внимание принимаются, собственно, не одни только психические реакции (как было у Юнга), но и все многообразие связанной с ними деятельности человека. Человек рассматривается как информационная система, имеющая конкретные каналы связи, с характерными для них ограничениями. Человеческое общение соответственно понимается как обмен информацией, причем термин «информация» трактуется чрезвычайно широко. Информация не обязательно может быть выражена в отвлеченных символах (улыбка, выразительный жест, интонация в той же степени и даже более информативны, чем любая словесная формула). Информационный характер носят и чувства, и даже предчувствия, и настроение собеседника, и эстетические впечатления от произведений литературы, живописи, музыки.

А. Аугустинавичюте также ввела понятия «дуальная пара» (два психологических типа, наименее задевающие друг друга своей информацией) и «квадра» (четыре психологических типа, наиболее подходящие друг другу для совместных начинаний).

Идеи А. Аугустинавичюте в дальнейшем получили развитие в исследованиях украинской соционической школы (А. В. Букалов, В. В. Гуленко, В. Д. Ермак, Г. Р. Рейнин, Т. А. Румянцева, В. Л. Павлов, В. А. Стоякин, Г. А. Шульман и др.). Проведя ряд соционических

исследований, А. В. Букалов пришел к выводу о том, что «интегральный тип информационного метаболизма (ИТИМ) структуры этнической ментальности может адекватно описываться 8 (16) компонентными соционическими моделями»². Позднее, с помощью типологии личности А. Аугустинавичюте, различными специалистами в области соционики были идентифицированы и описаны соционические типы разных этносов, в том числе русских (А. В. Букалов, В. Д. Ермак), англичан (А. С. Баронин) и американцев (А. В. Букалов, С. А. Таратухин):

Этническая общность	Психологический тип
Англичане	Сенсорно-логические интроверты
Американцы	Логико-интуитивные экстраверты
Русские	Интуитивно-этические интроверты

Как уже отмечалось выше, соционический тип нации со временем не меняется, может измениться лишь ее интегральная психоформа. Данное понятие было введено В. В. Гуленко для описания дополнительных черт личности, а впоследствии обобщено А. В. Букаловым и использовано для характеристики этносов. В рамках этносоционики каждая интегральная психоформа отражается в виде определенных социальных комплексов, проявляемых как во внутренней организации этноса, его мироощущении и мировоззрении, так и в отношениях между этносами или странами. Например, стремление какого-либо этноса или государства к гегемонии и так называемый «комплекс имперского мышления» достаточно адекватно описывается *доминантной* интегральной психоформой. Наглядным примером этого являются Древний Рим, Англия (XVI–XIX вв.) и ряд других государств. Современная же Великобритания изменила свою интегральную психоформу на *нормированную* — стремление к соблюдению норм, правил и законов и сохранению своей этнической идентичности.

Опора на этносоционический подход, предполагающий знание интертипных отношений, дает возможность прогнозировать, какие отношения сложатся между странами: дуальные, миражные, зеркальные, конфликтные, тождественные, отношения ревизии или другие, и насколько успешным будет сотрудничество между ними.

¹ Аугустинавичюте А. Соционика. М. : Черная белка, 2008.

² Букалов А. В. Новая модель этноса и государства. Психоинформационное пространство этноса // Соционика. 1999. № 6.

А. Н. Чумаков¹

ДИАЛЕКТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Появление *наций* с конца XVIII века, как и сопряженных с ними явлений (*национализма, интернационализма, расизма, шовинизма* и т. п.), имманентно связано с экономической, политической и культурной глобализацией, берущей начало с эпохи Великих географических открытий. Именно в Новое время под влиянием зарождавшегося научно-технического прогресса и расширявшихся связей и отношений традиционный уклад жизни стал уступать место обществу индустриального типа. Тогда же был запущен и объективный естественно-исторический процесс формирования наций (*лат. patio* — племя, народ), важнейшими задачами которых стали обеспечение и развитие психических и социальных связей человека на новом уровне, соответствующем глобальным тенденциям общественного развития.

По мере нарастания глобализации тема национального и интернационального становилась все более актуальной как в теоретическом, так и практическом плане, что вполне объяснимо. С одной стороны, нарастающая глобализация расширяет и активизирует межнациональные связи и отношения. С другой стороны, она будирует и обостряет тему национальной идентичности, поскольку характерные для нее унификация, обобщения и холизм вступают в противоречие с традициями и конкретными аспектами общественной жизни, которые объединяют людей в их повседневности и противостоят внешним угрозам. Именно эти тенденции имел в виду замечательный русский философ Г. П. Федотов, который в первой половине XX века, рассуждая о будущем России, в частности, писал: «Россия — не нация, но целый мир», и поэтому «не разрешив своего призвания, сверхнационального, материкового, она погибнет — как Россия»².

Вопросы национальной идентичности и национального развития также остро встали перед многими другими странами и народами, поскольку без предложения альтернативы глобализации они оказывались перед опасностью утраты самобытности и суверенитета. Таким образом, глобализация практически с самого начала стала восприниматься, прежде всего националистами и всевозможными авторитарными режимами, как угроза национальным интересам в сферах экономики, политики, культуры, языка. На этой волне существенно снизилась и привлека-

тельность идеи интернационализма, согласующейся с глобализацией и тесно сопряженной с космополитизмом — мировоззренческой позицией, зародившейся еще в Античности. Космополитизм был объявлен «безродным», оторванным от реальной жизни, а интернационализм — безликим и препятствующим национальному развитию.

Вполне очевидно, что в таких подходах берут верх субъективные оценки и ангажированные суждения, когда игнорируется тот факт, что глобализация, космополитизм, интернационализм — это не выдумки, а реальность, в которой с разных сторон отражаются общие закономерности мирового развития и единая природа человека. Для адекватного понимания действительного положения дел важно правильно определить понятия и поставить каждое из них на свое место в системе категорий, отражающих современный мир. Это принципиальный шаг на пути к тому, чтобы глобализация перестала восприниматься в негативном аспекте, а страх перед ней уступил место конструктивному анализу объективных и субъективных факторов, лежащих в основе глобальных процессов и их последствий. Также и идеи интернационализма обретут большую привлекательность и более широкую аудиторию, если акцентировать внимание не на абстрактном единстве мирового сообщества, а на мирном сосуществовании различных наций в рамках общепринятых этических и правовых норм. В связи с этим следует обратить внимание на то, что данные явления, хотя и воспринимаются как тесно взаимосвязанные, относятся к разным сферам общественного бытия.

Так, *глобализация* — это прежде всего объективно-исторический процесс, тогда как *интернационализм* — мировоззренческая позиция. При этом *глобализация* выступает как универсализация связей и отношений, становление в масштабах всей планеты единых структур в различных сферах общественной жизни, а *интернационализм* — как мировоззренческая позиция, идеология и определенная система философских взглядов на межнациональные отношения в современном мире. Отметим также, что глобализация и интернационализм порождены разными причинами и выражают разные стороны общественной жизни. *Интернационализм* — это *явление культуры*, которое выражает определенный тип общественных отношений, а *глобализация* — *объективная тенденция общественного развития*, направленная на становление целостного мира³.

И все-таки имеются серьезные основания говорить о реальной взаимосвязи и взаимообусловленности данных явлений. Особенно ярко это проявляется в современных условиях, когда человечество, столкнувшись с глобальными проблемами, ищет пути их преодоления и пытается сформулировать мировоззренческие принципы, на основе которых разные народы и государства могли бы действовать согласованно. В связи с этим не-

¹ Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), доктор философских наук, профессор. Автор более 550 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Философия глобальных проблем», «Глобализация. Контуры целостного мира», «Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст», «Сущность современной глобализации», «Philosophy of Globalization. Selected articles», «Россия в глобальном мире: реальность и перспективы», «Глобалистика. Персоналии, организации, издания» (в соавт.) и др. Главный редактор журналов «Вестник Российского философского общества», «Век глобализации». Первый вице-президент Российского философского общества. Награжден медалью «В память 850-летия Москвы».

² Федотов Г. П. Проблемы будущей России // Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 1. С. 253–254.

³ This Globalizing World. Volgograd, 2015. P. 203–210.

обходимо кратко охарактеризовать природу и причины появления интернационализма и глобализации.

Интернационализм (как антитеза национальной обособленности, расширение идеи Отечества за пределы своей страны и стремление к единению на межнациональной платформе) становится влиятельной идеологией в XIX веке на волне усилившейся глобализации, прежде всего в области экономики и политики. В начале XXI века, когда мир стал целостной системой (практически по всем основным параметрам общественной жизни), отдельные страны и народы не могут без серьезных негативных последствий для себя уклониться от интеграции в мировое сообщество. Иными словами, кто не вписывается в экономические, политические и культурные процессы глобализации, борется с интернационализмом и космополитизмом, ставя превыше всего свою национальную исключительность, тот заведомо обрекает себя на изоляционизм и отсталость. Такое положение дел порождает очаги мировой нестабильности, поскольку именно в подобных странах складываются наиболее подходящие условия для межэтнических столкновений, организованной преступности и международного терроризма.

Отсюда важно адекватно воспринимать современные реалии, не абсолютизируя и не демонизируя их. В частности, следует признать, что глобализация, будучи естественно-историческим процессом, сама по себе не является ни плохой, ни хорошей, но на разные народы она оказывает различное влияние. Для слаборазвитых стран и малоимущих слоев населения она действительно таит в себе больше угроз, чем позитивных решений, тогда как богатые и развитые страны от нее выигрывают. Однако дело здесь не в глобализации, а в социально-политическом и экономическом устройстве современного человечества, его разобщенности и неравномерном развитии¹. Также и идеи интернационализма — не происки, а закономерное и необходимое условие совместной жизни различных людей в глобальном мире. Поэтому и бороться надо не с глобализацией, интернационализацией и космополитизмом, а с существующим порочным мировым порядком и несправедливыми отношениями в обществе.

Здесь важно подчеркнуть, что именно на стыке культуры и цивилизации наиболее остро и в явной форме проявляется двойственная, противоречивая природа общественного развития, противостояние интернационального и национального, глобализации и автаркии. И в самом деле, если *культуру* понимать не только как творческую деятельность человека и ее результат, а прежде всего как совокупность обычаев, традиций, верований, ценностей, составляющих духовную основу жизнедеятельности людей, а *цивилизацию* — как исторически определенную стадию в развитии общества, которая характеризуется уровнем развития государства, гражданского общества и права, то *культуру* следовало бы признать душой, а *цивилизацию* — телесной оболочкой социума².

¹ См.: Труды членов Российского философского общества. М., 2007. Вып. 14.

² Эволюция гражданского общества: философская рефлексия: сб. науч. тр. М., 2012. С. 6–28.

При этом важно подчеркнуть, что глобализация, хотя и ведет к определенной унификации общественной жизни, тем не менее не устраняет культурного разнообразия и национальной идентичности, которые всегда были и никуда не денутся в будущем, поскольку каждый народ, как и отдельно взятый человек, абсолютно неповторим. Конфуций отмечал, что «по своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки»³. Поэтому культурное развитие любого народа, коренным образом связанное с его языком, традициями, религией, менталитетом, предполагает культурную автономию, а следовательно, и отстаивание национального государства, стремление к самоопределению и независимости.

Тогда именно в культурном контексте следует искать корни национализма, изоляционизма, шовинизма и всего того, что, будучи доведенным до крайности, противопоставляется интернационализму, космополитизму, глобальному мировоззрению, то есть тому, к чему, в свою очередь, ведет цивилизационное развитие и отдельных народов, и всего человечества. Заметим, что конкретной формой такого развития является глобализация, теперь уже многоаспектная, которая, помимо воли и желания отдельных людей, с необходимостью формирует мировую цивилизацию.

Резюмируя, можно сказать, что *цивилизационный* аспект общественного развития — основа интернациональных отношений и единства мирового сообщества, объединяющее начало, движущая сила интеграционных процессов. *Культура* — основа индивидуализма и различия. Она всегда выражает те или иные черты, специфику, особенности различных общественных систем, где национальные аспекты оказываются доминирующими. Иными словами, культура обособляет, а в известной мере и разъединяет народы и, таким образом, лежит в основе дифференциации глобального человечества⁴.

Такое положение вещей не следует оценивать в категориях «хорошо» или «плохо». Это реальность, которую нужно признать и научиться с нею жить. При этом важно понимать, что абсолютизация или преувеличение роли одного из факторов общественного развития — культурного или цивилизационного — порождает крайности и нежелательное социальное напряжение. Можно привести много примеров, в том числе из современной жизни, в подтверждение того, что там, где упор делается на культуру, появляется благодатная почва для национализма и шовинизма. Там же, где уповают на цивилизацию и преувеличивают значение глобализации, имеет место абстрактный космополитизм, игнорирующий естественную дифференциацию и национальную самобытность народов.

В связи с этим мы должны констатировать, что сложный симбиоз культурного и цивилизационного развития порождает, а по мере нарастания глобализации усиливает и обостряет фундаментальное противоречие между национальным и интернациональным, патриотизмом и космополитизмом. Теперь это противоречие уже вышло за рамки чистого сознания и стало

³ Конфуций. Уроки мудрости: сочинения. М., 2005. С. 109.

⁴ Взаимодействие культур в условиях глобализации. М., 2010. С. 104–108.

отличительной чертой общественной жизни в эпоху глобализации. Однако эпоха национальных государств не завершена, поэтому мировое сообщество обречено найти ту «золотую середину», которая позволит ему наиболее устойчиво балансировать между локальным и глобальным, национальным и интернациональным, а в конечном счете между культурным и цивилизационным развитием как отдельных народов, так и всего человечества.

Поэтому, говоря о диалектике национального и интернационального в условиях нарастающей глобализации, мы должны освободить понятия «интернационализм» и «космополитизм» от сугубо негативного со-

держания и сказать, что они вовсе не предполагают отказа от национального, традиционного, самобытного, как и приверженность общечеловеческим интересам не исключает патриотизма. Вопрос лишь в правильной расстановке акцентов. Отсюда космополит, интернационалист — это не тот, кто лишен своего Отечества, а тот, кто свой долг перед Отечеством соизмеряет с интересами мирового сообщества. Рассчитывать, что все люди, даже в отдаленной перспективе, займут именно такую позицию, было бы наивно. Однако без трансформации общественного сознания в этом направлении у человечества просто нет будущего, во всяком случае благополучного.

А. В. Шабанов¹

ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: НОВОЕ РАБСТВО, ФРИЛАНС ИЛИ ДАУНШИФТИНГ?

Современные глобальные вызовы цивилизации все больше маргинализируют национальные интересы отдельных государств. Ситуацию Новой Европы (ЕС-2016) уже называют проектной системой создания второго плавильного котла народов. Однако мало кто помнит, что первый плавильный котел (США) включал исключительно «европейские ингредиенты» — латиноамериканский, китайский, арабский и негритянский сегменты тогда были исключены.

Нынешний курс на создание в Европе нового национального фона привел не только к развитию толерантности и торжеству мультикультурализма как надгосударственным идеологиям, но и к столь странному межгосударственному взаимодействию, когда центробежные относительно национальных государств (регионализация) политические течения оказываются под давлением спецслужб и истеблишмента, а террористические организации имеют легальные штаб-квартиры практически во всех европейских столицах.

Постмодерн и международный терроризм стали проводниками политики насильственной культурной ассимиляции, превращающей население в конгломераты рабов с разным социальным статусом. С учетом того, что рост насилия пришлого населения над представителями коренного в любом здоровом обществе вызовет сопротивление, которое сплотит и обособит местных «своих» на националистической почве, структуры ЕС всячески пытаются компенсировать эти про-

цессы созданием идеологии раба с высоким уровнем жизни — сытого, глупого, ничего не желающего, кроме продления контракта и ощущения спокойствия. Неофашистские объединения и правые партии евроскептиков критикуют современную толерантную политику Евросоюза, и их первой победой стал общеевропейский вывод о несостоятельности политики мультикультурализма, но не критика «обывательского» рабства.

Поэтому национальные экономики в условиях перестройки капиталопотоков в сторону Китая и стран Юго-Восточной Азии уже не могут отвечать национальным интересам, так как трансформируются в наднационально-корпоративные институты. А транснационализация глобальной экономики приводит к потере рабочих мест в первую очередь в Европе и США, где стремление к экономии за счет реструктуризации производственной системы размывает прочную опору национальных государств — средний класс.

Современный мир приходит к пониманию того, что «золотой миллиард» — этот небольшой концептуальный эпизод идеологического давления на широкие массы в XX веке — стал экономически невыгоден. А значит, как в свое время «*овцы съели людей*», а «*станки убили рабочих*», вывоз производства и капитала «пожрет» средний класс. Выживут либо рабы (включенные в программу лояльности крупных социальных систем), либо фрилансеры (мобильные и беспринципные наемники, готовые ради прибыли на любую работу), либо дауншифтеры (свободные от принципов общества потребления, отказавшиеся от сверхприбыли, самодостаточные созидатели своего мира). При этом новому мировому порядку гораздо более выгодны пирамидальные структуры видения глобальной бизнес-системы, которая должна размещаться в специальных агломерациях, или «плавающих городах», созданных для управления мировыми финансовой и производственной системами (корпоратократия).

¹ Профессор кафедры конфликтологии СПбГУП, доктор философских наук, кандидат психологических наук. Автор около 150 научных публикаций, в т. ч.: «Современный взгляд на человека эпохи постмодерна», «Диалектика образования создает философию будущего» (в соавт.), «Отчуждение как конфликтологический фактор тенденций глобального диалога культур», «Трудовой конфликт как фактор социально-политической трансформации» (в соавт.), «Конфликт “Nemo”»: обезличивание как проблема социализации личности в поликультурном обществе», «Гибридный конфликт: в перспективе цель — СНГ» и др. Действительный член Международной академии психологических наук.

Остальные территории должны превратиться в аналог «дикого поля» со средневековыми (в худшем смысле слова) нравами и законами (именно эти территории будут сокращать количество ненужных рабов посредством активных фрилансеров). Этому способствует и политика двойных стандартов в международных отношениях, где экстремисты и террористы постепенно начинают получать свои юридические статусы («умеренная оппозиция», «угнетенная общность», «перемещенные лица», «политические изгнанники»). Белье пятна международного права не просто остаются, но и к выгоде этих «новых кочевников» культивируются и расширяются, так как отвечают интересам международного узкого бизнес-сообщества, управляющего фрилансом, не имеющим ни национальных, ни корпоративных, ни региональных интересов.

Приоритетной сферой международной политики становится философия поиска новых проектов цивилизации, которая списывает целые страны с поля конвенционального пространства всемирной логики предикатов (провокакторатия). Множество свободных переменных определяет возможное будущее целых континентов, представляя взору исследователя варианты «футурошока»: от мира сверхпотребления небольших сообществ, владеющих львиной долей мировых ресурсов и экономики, до обществ минимального поддержания жизни типа идеологии чучхе. Однако обе эти крайности связаны с закрытым и полностью тоталитарным обществом, в первом случае выступающим как режимная формула субъекта непубличного управления, а во втором — в качестве объекта, лишённого права на какие-либо характеристики субъектности (приватизация пространства, возможно, времени; национальная выраженность интересов в культуре и экономике; оригинальный язык и относительная автономность права).

Становление, развитие и перспективы наций в глобализирующемся мире превращаются в фикцию — в лучшем случае нация становится равна государству и государство это имеет характеристики псевдоунитарного, то есть нового плавильного котла, где меньшинства обладают социально-политическими маркерами, а большинство обязано превратиться в подобие лакедемских илотов (толерантных налогоплательщиков, не имеющих прав ни на автономность своего существования, ни на субъектность своих территорий = рабов).

Национальные экономики в условиях глобализации не имеют перспектив развития как самостоятельные элементы международного глобализма. Автаркия

уничтожается на уровне воспитания элиты региональных государств через современную социологию, политологию и геополитику. Новое поколение специалистов уже не знает, что такое автаркия. Мы уже сейчас можем оценить развитие африканских и восточно-европейских экономик как ущербное и приводящее общественно-экономическую систему к депопуляции пригодного населения, деградации экономики и коллапсу субъектности.

Национальное право в таких условиях обречено, так как де-юре предполагает упрощение и сглаживание системы наказаний по типовым преступлениям, запрещающая расовую или национальную их оценку, создавая порочное информационное поле, изолирующее обывателя от реальности происходящего.

Тем не менее сегодня сформированы два альтернативных современному миропорядку образа будущего — ДАИШ и Россия. Экспансионизм наемников-экстремистов, образующих сложное роевое социобразование по принципу фриланс-сообществ с виртуальными и реальными (гибридная схема) субститутами государства, как проект ставит целью и ведет к обрушению цивилизационных основ сосуществования разных народов и культур как традиционного общества, так и общества постмодерна.

Россия, которую Г. Греф назвал страной-дауншифтером, имеет другой опыт (в том числе имперского) миропостроения. Россия сегодня представляет принципиально иной проект, основанный на ценности всех народов, входящих в Федерацию со сложной системой внешних и внутренних взаимосвязей ЕАЭС, ШОС, ТС, ОДКБ, БРИКС и т. д.

В то время как современные глобальные вызовы цивилизации уже стирают области и интересы целых народов, нужно понять, что времени для выбора своего будущего у человечества практически не осталось. Глобализация несет «мягкую силу», которая де-факто превратилась в «ласковую», убаюкивающую «мягкую смерть» для некогда мощных флагманов цивилизации, а плавильный котел в ЕС приведет к созданию нового средневекового общества, только не раздробленного, а атомизированного, которое вытеснят (через легальную конкуренцию) внеевропейские социальные системы, противопоставляя индивидуализму принцип роевых систем, далеких от свобод и ценностей либерального общества, индивидуализма и демократии. Мир находится на грани смены парадигмы. «Какой образ будущего станет определяющим в новой цивилизации?» — вот вопрос, который возникнет в ближайшее время.

О. Д. Шемякина¹У ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
РУССКИЙ ОПЫТ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Процесс образования современных наций и национальных государств — длительный и конфликтный по отношению к той модели идентичности, которая была характерна для эпохи Средневековья. Если характеризовать идентификационную модель средневекового общества в самом сжатом виде, то нужно отметить следующее. Священные языки христианских политических сообществ были пропитаны импульсом, в значительной степени чуждым национализму, — импульсом к конфессиональному обращению, в результате чего возникли глобальные сообщества прошлого (достаточно вспомнить православный Восток или латинский Запад). В то же время социальная структура и политическая система были центростремительными и иерархическими. Постепенное падение статуса священного языка, например латыни в странах Западной Европы (если Декарт большую часть переписки вел на латыни, то уже у Вольтера практически вся переписка велась на родном языке)², происходило на фоне глубоких политических изменений в обществе и социальной структуре. Династическое государство, которое представлялось большинству людей единственно вообразимой политической системой, тоже приходит в упадок, и появляются новые формы организации политической жизни. В средневековых королевствах все было организовано вокруг высшего центра власти, его легитимность исходила от Бога, а не от населения, которое рассматривалось как масса подданных, а не граждан. В современном же представлении «государственный суверенитет полностью, монотонно и равномерно распространяется на каждый квадратный сантиметр законодательно ограниченной территории. В старом же воображении, в котором государства определялись центрами, границы были проницаемыми и нечеткими, а суверенитеты неощутимо переходили один в другой. Довольно парадоксально, но именно отсюда вытекает та легкость, с которой досовременным империям и королевствам удавалось на протяжении длительных периодов времени удерживать под своей властью чрезвычайно разнородные и часто даже территориально не соприкасавшиеся друг с другом населения»³.

Современные нации, даже самые крупные, имеют конечные, хотя и подвижные границы, и ни одна нация не воображает себя соразмерной со всем человечеством. Для современных наций значима идея народного суверенитета, свободы от средневековых иерар-

хий, поэтому для них так важны горизонтальные связи, именно поэтому нацию можно понимать как «глубокое горизонтальное товарищество»⁴.

Однако ничего в человеческой истории не рождается на пустом месте. Культурные корни, сформировавшие современные национальные государства, уходят в предшествующий период. Разве возможны были бы идеи, связанные с современными нациями, без коммуналной революции в Европе X–XIII веков, без полицентризма власти (духовной и светской), без значимости культуры сомнения в христианстве, породившей потребность переобоснования существующего миропорядка? Возможно ли было рождение новоевропейской науки без мертвого языка — латыни, языка, ставшего транснациональным для европейских интеллектуалов?

Осознавать демаркации, определившие границы нового качества, связанного с появлением современных наций, безусловно, необходимо, но не менее важной представляется задача изучения нациогенеза. А он в каждой стране имел свою специфику. Изучать особенности нациогенеза в истории России невозможно, абстрагируясь от истории вечевых практик, специфики концепта «земля», раскрывающегося в практиках земских соборов, истории плюрализма власти (духовной и светской), истории утопии, реализованной как в воображении, так и в культурных практиках, потому что именно утопия множила плюрализм сакральных locus. И даже несмотря на то что некоторые из этих практик имели тенденцию к затуханию еще в пределах предшествующего периода истории, идеи и идеалы, связанные с ними, продолжали жить.

В своем докладе мне хотелось бы остановиться на некоторых проблемах протонационального самосознания, являющихся дискуссионными в исторической науке. Так, например, М. В. Дмитриев считает, что в основе протонациональной идентичности в Древней Руси лежал византийский опыт, в котором вероисповедный принцип поглощал этническое начало⁵, а на средневековом Западе протонациональное самосознание опиралось на атрибуцию политическим сообществом неких этнических черт. А. И. Рогов и Б. Н. Флоря в очерке, посвященном этническому самосознанию в Киевской Руси, констатировали, что автор «Повести временных лет» не нашел слова для обозначения всей общности славян, живущих на Руси, тогда как чешские и польские хронисты (Козма Пражский и Галл Аноним) пишут о поляках и чехах. Кроме того, как отметил Б. Н. Флоря, с середины XII века племенные названия из летописи исчезают, их заменяют названия от областного центра (новгородцы, пскови-

¹ Научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX века МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук. Автор более 30 научных публикаций, в т. ч.: «Противоречия российского модерн-проекта и традиционная культура. Историческое наследие и современный контекст», «Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога», «К вопросу о манихеогностическом комплексе в научном дискурсе и конфессиональном тексте», «К вопросу об определении границ традиционной культуры в модерн-эпоху», «Древние духовные практики как реальность глобальной истории» и др.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001. С. 42.

³ Там же. С. 43.

⁴ Андерсон Б. Указ. соч. С. 32.

⁵ Дмитриев М. В. Христианское и национальное в византийско-русской традиции // Христианство, культура и нравственные ценности: материалы Междунар. конф., Москва, июнь 2007 г. / под ред. А. Л. Беглова, Е. С. Токаревой, Н. Т. Энеевой. М., 2008. С. 96–116.

чи, полочане), и в этом видно выражение областного, а не этнического самосознания. Б. Н. Флоря отмечает, что в этом отношении ситуация не такова, как на Западе, где новые княжества виделись как продолжатели племенных союзов (Саксония, Бавария), а законы создавались на базе племенного права (Саксонская правда, Баварская правда)¹.

Изучение известий Тверского летописного сборника второй половины XV века, так называемого Никоновского свода первой трети XVI века, «Временника» дьяка Ивана Тимофеева и некоторых других источников, привело ряд авторов к выводу о том, что этнонациональное было полностью растворено в метафизически-конфессиональном, и поэтому вплоть до конца XVII века в России национальная идентичность мыслилась исключительно в представлении о правящей династии и религии².

Внешняя схожесть с византийским имперским дискурсом не является, на мой взгляд, достаточным основанием для того, чтобы интерпретировать отсутствие интереса к этническим различиям в русских источниках только как результат трансляции византийской идентификационной модели. Отношения Древней Руси с Византией развивались непросто. С самого начала Крещения Руси было стремление к обретению культурного суверенитета и автокефалии, поэтому вряд ли можно обоснованно говорить об автоматизме трансляции модели, исходящей от страны-крестницы.

Трудно представить бесконфликтность трансляции византийской модели, хотя бы учитывая тот факт, что в официальную доктрину великой христианской державы включался тезис о бесспорном праве на идеологическую и политическую опеку над народами, принявшими от нее Крещение. Привычное презрение к неофитам византийцы сохраняли всегда, нередко демонстрируя его открыто. Даже через 100 лет после Крещения русов византийские авторы говорили о них как о язычниках³. И это вызывало ответную реакцию — формировался отрицательный стереотип, в котором византийцы именовались не ромеями, а греками, причем малодушными, коварными и лживыми⁴. Получение письменности на родном языке создало прецедент культурной диглоссии (переводы книг с греческого, а богослужение на родном), что и способствовало стремлению к культурной автономии, нашедшему яркое и однозначное выражение в выдающемся памятнике литературы Древней Руси — «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Восхищение открытостью «новых народов» «благодатному учению» пе-

рерастает в проповедь всеобщего равенства и равноправия населения стран — «во всех языцех спасение твое»⁵. Возможная причина отсутствия интереса к этническим различиям была связана со стремлением ухода от давления византийского цивилизующего центра, стремившегося доминировать над «варварской» периферией.

Хотелось бы отметить еще одну отличительную черту культурной ситуации в Древней Руси, отличающую ее от латинского Запада. Возможность богослужения на родном языке снимала оппозицию, связанную со значимостью деления людей на грамотных и неграмотных. Первые — образованные, то есть знающие латынь. Вторые — неграмотные — идиоты. Идиот (калька с латыни) в тогдашнем понимании — человек, который довольствуется знанием лишь грубого родного языка, данного ему от рождения, между тем как со знанием латыни не рождаются, его приобретают упорным, длительным трудом⁶. Предельное выражение эта тенденция нашла в институте конверзов в монастырях цистерцианцев — «бородатая братия» была на особом положении, будучи жестко отделенной от образованных монахов. Конверзы должны были выполнять грязную и тяжелую работу, читать они не умели, более того, устав запрещал им раскрывать книгу⁷.

Особенности условий принятия христианства в Древней Руси с начального периода русской истории после Крещения приводили к переосмыслению некоторых иерархических оппозиций, значимых как для латинского Запада, так и для православного Востока.

И еще об одной особенности, связанной с языком. Древняя Русь контактировала не только с латинским Западом и православным Востоком, но и с чрезвычайно разнообразными финно-угорским и тюркским мирами, постепенно входившими в русское культурное пространство. Удерживать это конфессиональное и культурное многообразие, формируя горизонтальные связи, помогало распространение русского языка, языка не аналитического, а синтетического, обладающего огромным потенциалом к формированию пространства диалога.

Введение в идентификационную модель языковой составляющей дает возможность понять один из путей выстраивания горизонтальных связей в культурном пространстве России. Связей, которые входили в конфликт с иерархическими ценностями средневекового общества и заложили основы для формирования «глубокого горизонтального товарищества», без которого было невозможно конструирование современной нации.

¹ Цит. по: Дмитриев М. В. Указ. соч. С. 103.

² Там же. С. 103–107.

³ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб., 2000. С. 346.

⁴ Там же. С. 347.

⁵ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 1997. С. 122.

⁶ Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. С. 16.

⁷ Карсавин Л. П. Монашество в Средние века. М., 1992. С. 102.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- В. Н. БАДМАЕВ** заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова, доктор философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- М. Н. ВЕТЧИНОВА** профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук
- В. С. ГЛАГОЛЕВ** профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
- А. А. ГУСЕЙНОВ** научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Г. В. ДРАЧ** профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ
- Т. И. ЕРОХИНА** проректор по учебной работе Ярославского государственного театрального института, доктор культурологии, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- С. Ю. ИВАНОВА** главный научный сотрудник Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- С. Н. ИКОННИКОВА** профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КОНЕВ** заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КУТЫРЕВ** профессор кафедры философии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор философских наук
- Д. Э. ЛЕТНЯКОВ** заместитель заведующего сектором истории политической философии Института философии РАН, кандидат политических наук
- И. В. МАЛЫГИНА** заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики Московского государственного института культуры, доктор философских наук, профессор
- Ф. Т. МАМЕДОВ** профессор кафедры истории Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, доктор исторических наук
- А. П. МАРКОВ** профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ
- А. Л. МАРШАК** главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. Н. МОСЕЙКО** ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных исследований Института Африки РАН, кандидат философских наук, доцент
- Г. А. ПРАЗДНИКОВ** заведующий кафедрой философии и истории Российского государственного института сценических искусств, кандидат философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- В. ПРОДАНОВ** профессор Университета национального и мирового хозяйства (София), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук
- М. Я. САРАФ** профессор Московского государственного института культуры, доктор философских наук, заслуженный работник высшей школы РФ

М. В. СИЛАНТЬЕВА	профессор кафедры философии МГИМО (Университет) МИД России, доктор философских наук
В. С. СТЕПИН	руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. А. ТИШКОВ	академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, научный руководитель Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
В. Ф. ФЕДЬКО	доцент кафедры журналистики СПбГУП, генеральный продюсер киностудии «Корона-фильм», генеральный директор интернет-канала «Война и мир»
Н. А. ХРЕНОВ	главный научный сотрудник Государственного института искусствознания Министерства культуры РФ, доктор философских наук, профессор
А. Н. ЧУМАКОВ	ведущий научный сотрудник Института философии РАН, заведующий кафедрой философии Финансового университета при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Коллеги, начинаем работу нашей секции. Обозначенная в ее названии проблема не потеряла своей актуальности, о чем свидетельствуют состав участников и острая проблематика представленных тезисов. На пленарном заседании и в панельных дискуссиях были обозначены актуальные проблемы и высказаны интересные идеи, которые мы должны с вами обсудить.

Я хочу предоставить слово председателю Оргкомитета Международных Лихачевских научных чтений Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, я хотел бы вас поприветствовать и сказать, что здесь собрался цвет гуманитарной мысли Санкт-Петербурга и России, а также замечательные зарубежные гости. То, о чем говорится здесь, чрезвычайно важно. Наш Университет является сегодня, пожалуй, крупнейшим в мире научным центром по исследованию деятельности Дмитрия Сергеевича Лихачева. Мы ведем сайт Лихачева, где выложены все его работы. Но самое главное — нашим Университетом за годы с момента ухода из жизни Дмитрия Сергеевича, нашего Почетного доктора, выполнено более 160 крупных научных работ, осмысляющих деятельность Дмитрия Сергеевича. И сегодня мы понимаем, что Лихачев — это один из ученых-энциклопедистов, возвращающих в гуманитарные науки традиции интегрально, энциклопедического знания.

Совершенно неслучайно сложилось так, что Лихачев вторую половину своей жизни очень активно расширял свои интересы — от литературоведения к масштабному исследованию культуры. И наши работы о Лихачеве публикуются сегодня в ведущих экономических, юридических, философских и других журналах. Книги, выпускаемые нашим Университетом, интегрально освещают его работы. Оказывает-

ся, что действительно сегодня огромный потенциал скрыт именно в междисциплинарном, комплексном исследовании культуры — во всем ее величии и истории становления, к чему Дмитрий Сергеевич шел всю свою сознательную жизнь. Он создал «Декларацию прав культуры», понимая культуру как все, что сделано руками и разумом человека за время существования человечества.

Вчера была скромно представлена новая книга работ Лихачева о культуре. Десять лет назад, к столетию Дмитрия Сергеевича, мы из 1300 его трудов выделили работы о культуре. Получилось около 40 работ, мы их определенным образом сгруппировали и издали в виде книги. Когда мы над ней работали, то вдруг поняли, что Лихачев не просто высказывался о культуре, не просто писал очень интересные работы о различных ее направлениях, а создал свою теорию культуры.

Так же как создал свою теорию культуры, к примеру, академик В. С. Степин. Мы это тоже увидели, когда собрали все, что он написал о культуре.

Я считаю, что мы сегодня должны смотреть на Дмитрия Сергеевича как на одного из основоположников культурологии. Он сам не думал о создании этой науки, у него не было такой задачи. Вообще словосочетание «Лихачев-культуролог» стало появляться уже в самом конце его жизни, а может быть, даже в 2000-х годах, после его ухода из жизни. Интересно, что Дмитрий Сергеевич, как человек старой эпохи, для которого религия имела в жизни очень большое значение, к очень многому шел интуитивно, через нравственное чувство понимая, куда надо двигаться. И не всегда логическим мышлением, а интуитивно оперируя огромным массивом информации о культуре.

В этом году мы издали те же самые работы, что и 10 лет назад, но совершенно иначе их сгруппировали — так, что сегодня очень хорошо виден вклад

Лихачева в развитие современной культурологии. Лихачев — как бы предтеча очень многих важных идей сегодняшней культурологии, которые сейчас очень активно развиваются другими специалистами. Но, группируя работы Лихачева, я считаю, мы делаем определенный методологический прорыв и помогаем нашим философам и культурологам ввести их в научный оборот наиболее концентрированно. Мы, конечно, понимаем, что у научной общественности нет времени, чтобы исследовать и переосмыслить 1300 работ Лихачева.

Конечно, Лихачев — гений нашей науки, выдающийся светоч мысли, и мы здесь развиваем то, что он делал на протяжении своей жизни. У нас есть замечательная фотография, сделанная в 1993 году, на которой он открывает первую выставку наших трудов. Тогда он сказал: «Многие университеты славны своим прошлым, а этот Университет славен своим будущим». Я рад, что мы здесь вместе продолжаем дело Лихачева и многих других выдающихся российских ученых-гуманитариев. Думается, что в России немало сделано в плане осмысления истории философской мысли. Институт философии внес огромный вклад в это направление. Я очень рад, что сегодня здесь присутствуют живые классики философии. Но нам еще очень многое предстоит сделать в плане осмысления истории нашей культурологической мысли.

Глубоко убежден, что культурология совершенно неслучайно сделала такой прорыв именно в России. В нашей стране всегда ощущалась культура как некая особость, целостность во всем своем динамизме, полноте, о чем говорил Лихачев.

Еще раз напомню высказывания академиков Степина и Гусейнова, что философия обязана быть практической наукой. Мы очень часто уходим в дефиниции, какие-то частности, а люди ждут сегодня от философии ответов на актуальнейшие практические вопросы жизни. Мы на Лихачевских чтениях всегда будем идти навстречу жизни, навстречу самым актуальным проблемам. И я уверен, что если бы Дмитрий Сергеевич Лихачев дожил до 110 лет, то он сегодня находился бы в этой аудитории, среди замечательных умов России. Я ощущаю, что его душа с нами.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Прежде чем мы начнем нашу дискуссию, прошу сказать несколько слов академика Валерия Александровича Тишкова, который исследует многонациональный российский народ, проблеме нации и национализма и одним из первых реабилитировал понятие «национализм», сказав, что национализм может быть и продуктивным явлением.

В. А. ТИШКОВ: — Мне хотелось бы обозначить позицию, которая сегодня существует и является общеразделяемой в полемическом дискурсе (я имею в виду мировую и российскую науку, которая немного отставала в этом плане, и общественно-политическую практику, включая позицию высших должностных лиц Российского государства): на сегодняшний день никто не дал точной формулировки такой категории политики и науки, как нация, несмотря на длительные споры.

Категория нации используется как минимум в двух смыслах, и тот и другой в какой-то мере имеют на это основания. В 1989 году в первом номере журнала «Вопросы философии» вышла моя статья «Забывать о нации (постнационалистическое понимание национализма)», в которой я писал, что две формы социальных группировок борются за исключительное обладание термином «нация» — это государственные и этнические, этнокультурные сообщества. В принципе и те и другие имеют право на его применение. Можно вообще отказаться от использования этого термина, потому что он не носит всеобщего характера и описывает явление горизонтально, в формальном смысле. Китайцам даже пришлось изобретать иероглиф, чтобы обозначить категорию «нация», применимую ко всем жителям страны, не только к китайцам. Существовали и другие претенденты на то, чтобы называться нацией, включая *queer nation* (30 лет назад я видел такую демонстрацию в Сан-Франциско, но тогда не знал, что *queer catcher* — это ЛГБТ-сообщество, которое называет себя нацией *queer*).

На сегодняшний день нация — безусловно, всеобщее распространенное явление, это согражданство, люди, находящиеся под одной суверенной властью, обладающие социальной, экономической и культурной общностью, и самое главное — принадлежащие к одному народу. Если речь идет о нашей стране, то к российскому народу — мы россияне.

В этом случае все становится на свои места, даже прилагательные, которыми мы всегда пользовались, не предполагая категории нации в гражданском смысле: например, национальные интересы, национальный доход, лидер нации, здоровье нации, национальная команда сборной России. Речь идет о российском народе как о гражданской нации.

У якобинской традиции понимания нации как согражданства есть противники — радикальная демократическая позиция, считающая, что если нет равноправных граждан, то нет и гражданской нации. Один из моих оппонентов Эмиль Паин до сих пор придерживается такой позиции: если в России авторитарный режим, то о какой гражданской нации можно говорить? Эта позиция, на мой взгляд, ущербна, потому что мы не найдем такую гражданскую нацию, где бы не было авторитарных режимов (с точки зрения демократического развития). Получается, что на период правления хунты в Аргентине нация отменяется или что не существует древнейшей китайской нации, поскольку там нет в полной мере демократической системы управления. Так что этот термин — не аргумент.

В последнее время стала актуальной еще одна альтернатива российскому проекту гражданской нации — это понимание России как цивилизации. Здесь нет открытого отрицания России как гражданской нации, но говорится о том, что не существует нации, *national state*, национального государства: в Италии живут итальянцы, во Франции — французы, в Америке — американцы. В России проживают 193 народов — такого государства больше нет, это целая цивилизация, нечто, чем можно заменить понятие гражданской нации.

У этой концепции есть сторонники, тем более что она включает евразийский и антизападный, антиевропейский посылы. Этой цивилизационной парадигмой сегодня увлечены многие — и политики, и часть академического сообщества, особенно философы, культурологи. Я считаю, что все можно совместить: крупные страны с длительной историей и высокой культурой тоже можно называть цивилизацией. В Америке даже проводятся курсы “American civilization studies”, полвека назад был написан огромный труд “American civilization”, но никто и не отрицает существования американской нации. Таким образом, эти явления абсолютно не исключают друг друга.

Россию с ее историей и мощной культурой, вкладом в мировую культуру можно считать страной-цивилизацией, как Китай и Индию. Но в Индии никто не отрицает существования индийской нации, где правит Индийский национальный конгресс, а в Китае есть понятие, охватывающее всех китайцев, а не только ханьцев.

Сохраняется и второе понимание нации — в этническом и культурном смыслах. Это восточноевропейская традиция, перенятая нами от автора марксистской теории, Ленина и Сталина. Согласно этой концепции нация — тип этнической общности, высший тип ее развития, когда этнос доходит до высшей стадии и становится нацией. В такое понимание было вложено много академических усилий (от Гумилева и Бромлея). В данном случае они для меня находятся по другую сторону баррикад и занимают органистическую позицию. Бромлей считал, что этнос — это социальный организм нации, а Гумилев — что это биологический, биосоциальный организм. Такое органистическое понимание этнонации сохраняется, обладая сильными традициями, связанными с нашей историей (в частности, в зоне влияния СССР).

Например, венгры также относят к венгерской нации всех венгров, которые проживают в том числе за пределами Венгрии, даже если они занимают высокие посты в США, Великобритании, Франции (венгерского еврея Саркози, лидера французской нации, венгры исходя из своей концепции нации считают членом венгерской нации). Это сильная позиция, и ее нельзя отменить, поскольку многие этнические общности пользуются данной самокатегоризацией.

В Канаде есть first nations (первая нация) — все индейские аборигенные народы. Они участвовали в открытии Олимпиады в Ванкувере и присутствовали на всех церемониях, для них специально соорудили дополнительную платформу, на которой зажигался огонь.

Отдельной нацией считают себя и каталонцы. В каталонском языке есть понятие каталонской нации, хотя они не отрицают, что являются членами испанской нации, потому что испанская нация — это не только катильцы, но и все граждане Испании, включая басков, каталонцев.

Гордон Браун — стопроцентный шотландец. Но будучи лидером правительства Великобритании, он стал одним из лидеров именно British nation (британской нации). Такое понимание — в этническом плане — сохраняется, за него борются. Например каталонцы судились

с Мадридом за сохранение в своей Конституции понятия «каталонская нация».

В России проживают русская, татарская, чеченская, лезгинская и прочие нации. И не надо думать, что российская нация отменяет другие в культурном смысле. Это глубокое заблуждение, непонимание, иногда намеренное оглушение более сложного явления. Российская нация — это надэтническая категория, не просто носители одинаковых паспортов, а люди, обладающие общим самосознанием, общей историей. «Бессмертный полк», радость от Олимпиады в Сочи или присоединения Крыма — везде россияне продемонстрировали единство. Все показатели свидетельствуют о том, что российская идентичность сегодня находится на первом месте по сравнению с 1990-ми годами, когда была очень сильна этническая составляющая и еще сохранялась советская. Это форма единства и многообразия, nation of nation — нация наций России. Россия, будучи гражданской нацией, сохраняет в своем составе нации как этнические общности, достигшие высокого расцвета, развития, обладает территориальной автономией в виде республик, автономных областей и краев, или экстерриториальной в виде национальных культурных автономий.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Я согласен с идеей, что наша идентичность как россиянина предполагает этнические идентичности — в этом сила России. Исторически так сложилось, что ни один народ, который вошел в Россию добровольно либо был захвачен, не исчез, как и не исчезла его культура. Это очень интересное явление. Например, в Германии регион Пруссии ранее населяли славяне, но сейчас их нет, потому что они ассимилировались, — исчезла целая культура. В России ни один народ не исчез. В этом многообразии — наша специфика.

В настоящее время перед человечеством возникают проблемы, исторические вызовы, потому что оно вступило в такую фазу развития, когда нужны новые пути, новые стратегии.

Существуют две стратегии, два типа цивилизационного развития — традиционалистский и техногенный, который включает много разных типов со своей спецификой. Общая культурная матрица сближает разные страны и позволяет отнести их к одному типу. Один вид растений или животных не исключает существования десятков тысяч растений и животных других видов.

Вскоре должен появиться новый тип развития. Ранее движение шло в русле техногенного развития, связанного с западноевропейской культурной матрицей, которая возникла в эпоху Ренессанса, Реформации, Просвещения и была ассоциирована прежде всего с научно-технологическим прогрессом, развитием экономики, гражданского общества и т. д. Все эти достижения, несомненно, дали очень многое человечеству (в том числе уровень и качество жизни и великие научно-технические изобретения).

Но в то же время породили два глубочайших кризиса — экологический и антропологический. И чем дальше, тем более они усугубляются. Возникает вопрос: как преодолеть эти кризисы? Возможно, страны, сохраняющие многообразие культур и единство, предложат новые идеи, которые могут помочь в поисках прежде всего ценностей, их новых видов. Это не означает полного исчезновения стран, преемственность сохранится.

С этой точки зрения важно понять: как решают страны (то, о чем говорил Валерий Александрович: страны как мультинациональные образования и в то же время гражданские нации) проблему исторических вызовов? Исторические вызовы предполагают длительный период. Например, перед Россией в конце XIX — начале XX века возник исторический вызов — провести ускоренную индустриализацию, потому что Россия начала отставать от Запада. И если в середине XIX столетия Россия успешно конкурировала со многими развитыми странами Запада, то уже к концу XIX столетия обнаружилось отставание. Россия должна была совершить ускоренную индустриализацию. Столыпин в свое время пытался реализовать эту программу. Но не получилось — произошли революция, Гражданская война, а исторический вызов остался. Когда к власти пришли большевики, возникла советская организация жизни и вновь в повестку дня был включен этот вопрос. И уже большевики осуществили ускоренную индустриализацию страны. Тогда Россия вошла в разряд великих держав и очень успешно конкурировала с Западом. В конце XX века вновь возникла похожая проблема. Запад осуществил научно-техническую революцию в 1980-х годах и ступил на путь постиндустриального информационного развития. Наша страна вновь начала отставать. Перестройка была вызвана именно этими причинами. Мы попытались изменить систему политической организации общества, чтобы открыть возможности для нового технологического рывка. Потом мы, как и в начале века, начали осуществлять реформы, которые, к сожалению, привели к распаду страны.

После распада возник интересный феномен. Мы стали отождествлять реформы с построением рынка, хотя реформы были не самоцелью, а средством для обеспечения технологического прорыва. И до сих пор сохраняется идея ускоренной индустриализации, технологического развития, нового рывка, технологического прогресса, которую нам придется решать. Академик Черешнев на пленарном заседании правильно сказал о том, что нужно развивать науку, технологии, пытаться решать проблемы, которые возникают в передовых областях технологического развития.

Новый технологический скачок связан с конвергентными, био-, нано-, информационными, когнитивными технологиями. Он ставит проблему сугубо философски — что есть человек на новом цикле развития. Проблематика технологической и гуманитарной составляющих науки тесно переплетается между собой. Для того чтобы решить эти проблемы, придется по-новому выстраивать системы обучения, образования, подготовки научных кадров. Следует отметить, что у нас сохранилось увлечение реформаторством

как ценность, самоцель. До сих пор распространена неolibералистская тенденция, что главное — создать рынок, рыночные отношения, потребительское общество. А дальше рынок сам все расставит на свои места. Но не все так просто.

Под новым углом зрения справедливо критикуют те ошибки, изъяны, которые существовали в организации научной деятельности и образования в целом, подготовке кадров, школьного обучения. Опыт, который существовал в Советском Союзе, был объявлен не соответствующим реальным запросам общества. Стали говорить о том, что задача образования — сформировать не творческую личность, а разумного потребителя. Все это придется заново критически осмысливать и искать новые направления развития.

Полагаю, что национальные интересы меняются. Но существуют устойчивые линии развития национальных интересов. И если им не следовать, то Россия перестанет входить в круг великих держав. Недавно президент США Б. Обама заявил, что Россия сейчас является «региональной державой», а не великой, как раньше, и должна следовать за США. Такая позиция России не подходит, противоречит нашей ментальности, истории, не соответствует глубинным основаниям российской культуры. Важно всем понимать и оценивать то, что мы связываем с нашими национальными интересами в качестве долгосрочной программы.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Александровичу Кутыреву.

В. А. КУТЫРЕВ: — Вчера состоялась панельная дискуссия, посвященная бытованию культур. Различия между культурой и цивилизацией гораздо более продуктивно объясняют столкновение. Фактически происходит столкновение культур погибающих, традиционных, которые регулируют свои отношения ценностно-рационально (грех, воздаяние, честь, долг, совесть), с цивилизацией, которая регулирует свои отношения технологически, внешне и формально (право, наблюдение извне, контроль). Мы погрузились в тоталитаризм. Терроризм — безумный ответ погибающих традиционных культур на сумасшедшее поведение глобальной технологической цивилизации.

Нельзя говорить о том, что Америка — это плохо, а американцы — плохие. Это воплощение технологической цивилизации на передовом уровне, поэтому они везде ведут себя агрессивно на мировой сцене. Это детерминация будущим, которое нивелирует человека, сначала культурного, традиционного, а потом и обычного человека. Мы теряем качества собственной идентичности — возраст, нацию, пол. В передовых странах, как в Интернете, у людей нет никаких различий. Но не все люди хотят умирать и что-то инстинктивно понимают. Поэтому международный терроризм — это конфликт между культурами и цивилизациями.

Россия не находится на передовом уровне этого конфликта (мы не шайтан, а только Иблис). Нам не следует вставать во главе борьбы с международным терроризмом, пусть этим занимаются американцы. Наша задача — сохранить свои традиции и ценности.

То, что сейчас происходит, — конец истории, провозглашенный Фукуямой. Другая распространенная идея, объясняющая происходящее, — столкновение цивилизаций по Хантингтону. Но никакого противоречия тут нет. Конец истории происходит через столкновения, которые реализуются как столкновение между культурами и наступающей технологической цивилизацией. Это конфликт между культурными и технологическими отношениями. Борьба двух миров — культуры и технологии. Технологии нивелируют идентичность человека, потому что они везде одинаковы. Суть глобализма — технологизм, который пронизывает все человеческие отношения и проникает внутрь.

Если характеризовать нации и регионы, то считается, что регионализация противоречит глобализации. Регионализация — это диалектический способ осуществления глобализации, потому что регионализация разрушает национальные государства и культуры. Транснациональным корпорациям проще работать в регионах, потому что они не имеют идентичности, формируются по принципу богатства или бедности. Регионы, стремящиеся выжить, более органичны технологическому миру, транснациональным корпорациям. В этом плане можно говорить о том, что Европа погибает, превращаясь в регионы. Именно поэтому американцы благодушно относятся к федерализации на Украине: в результате такой политики исчезнет целая нация. Американцы инстинктивно везде готовы разрушать национальные культуры и поддерживают регионализацию, поскольку регионы легче проглотить, ими легче манипулировать, они вписываются в эту технологию как дисперсная масса. А культуры, поддерживаемые политиками, мешают уничтожению наций. Идет борьба с культурой и цивилизацией, цивилизация превращается в технос, техсоциум и технум. Прогресс не остановишь, так же как от смерти не уйдешь. Мы понимаем, что от смерти не уйдешь индивидуально, но субъективно действуем наоборот.

Образно говоря, глобализм можно рассматривать как течение, которое уносит нас к водопаду и над которым никто не может поднять голову. Философы должны поднять голову и призывать других сделать это. Нужно бороться даже без надежды на победу, пропагандировать просвещенный консерватизм, думать о построении общества по модели индивида и стремиться к нему. Ведь общество основано на мудрости, а не на технологиях, которые нивелируют человека. Что происходит на самом деле? Везде контроль, лозунги, призывающие к прозрачности, отсутствие тайного, личного. В этой ситуации все почему-то молчат. Сейчас философия не выполняет своей критической миссии — тогда в ней был бы хоть какой-то смысл.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Следующий выступающий — профессор Владимир Сергеевич Глаголев.

В. С. ГЛАГОЛЕВ: — Я хотел бы обратить ваше внимание на этничность как испытание глобализацией. Являюсь сторонником точки зрения, что нынеш-

няя глобализация специфична, технологична, но принципиально не нова. История человечества отмечена целым рядом глобализационных тенденций, начиная с неолитической революции. Неолитическая революция стала тем самым глобальным фактором, который сделал нас людьми современного типа на современном этапе развития. Это было примерно 150 тыс. лет назад, или 7500 поколений (если считать, что одно поколение — это 20 лет), которые стоят за каждым из нас и генофонд которых содержится в нас в различных сочетаниях, определяя, между прочим, биологическую основу нашей этничности. Мы этнически организованные люди.

Вся история человечества, вплоть до сегодняшнего дня, — отчаянная борьба за выживание. Эта борьба не закончилась и в настоящее время. На панельной дискуссии я задал юристам вопрос относительно того, какие идеи в настоящее время обсуждаются в сфере контроля за ядерным оружием нового поколения. 71 год непрерывно шло совершенствование ядерного оружия. Выяснилось, что компетентнейшие люди ничего внятного не могут сказать по этому поводу. Это один из реальных неустойчивых элементов в судьбе. Радистка Кэт, рожая в фашистской Германии, кричала «мама» на русском языке, хотя была законспирированным представителем структуры, выполняющим ответственную государственную задачу. В этот момент сработала этническая природа, поставив под удар все усилия государства.

Когда государство ослабевает, перестает вносить устойчивый вклад в выживание той части человечества, которая находится под его юрисдикцией, неизбежно будут возникать конфликты, возвращающие на разнообразные уровни этничности.

В настоящее время происходит непрерывное разрушение традиций, что может привести к имитации цивилизованности, государственности, сверхгосударственных целей, задач и т. д. Все говорят о том, что они готовы заниматься спасением человечества от угрозы ракетно-ядерной войны, но даже документов или проектов документов, касающихся современных типов вооружений, не существует.

Имитационность национального, сверхнационального уровня управления политики — расхожая карта любых политических шарлатанов, так сказать, ресурс политического шарлатанства, но относиться к нему надо серьезно только тогда, когда последовательно будет происходить то, о чем я говорю, — действительная забота по повышению устойчивости выживания человечества.

На основе этничности можно создать огромное количество организаций по кровному родству, принадлежности к клану. Таких организаций много в современном террористическом движении и клановой системе политической жизни. Они занимаются присвоением результатов труда людей, работающих традиционно, используют научно-техническую революцию, современную глобализацию, создающую новейшие технологии высочайшего, насыщенного софистикой уровня. Они не манипулируют людьми напрямую, но делают это в своих групповых, клановых целях. Происходит эле-

ментарный разбой, свойственный этнической системе организации. Племена разбойников стояли на пути паломников в Святую землю, это обычное занятие разбойников, которые разбросаны по всему миру. Сегодня они облагоустроились, надели смокинги, выглядят вполне цивилизованно, но продолжают присваивать то, что создано не ими. Это тоже будет питать этничность, клановость, в том числе клановость людей, которые чувствуют себя маргиналами в современном мире, но имеют одну-единственную жизнь и пытаются реализоваться.

На такой феномен, как нетерпение, в свое время обратил внимание писатель Юрий Трифонов в романе, посвященном трагедии революционеров «Народной воли». Наверное, самый интересный представитель этой группы — Андрей Желябов. Двое участников судопроизводства над первомайцами-террористами считали, что Желябову и Кибальчику надо сохранить жизнь и в тюрьме заставить работать: одного — над техническими проектами (в частности, проектом реактивного двигателя), а другого — в качестве консультанта в государственных проектах. В данном случае нашлись люди, понимающие систему России и то, насколько наша страна нуждается в талантливых профессионалах, хотя убийство царя в 1881 году воспринималось как потрясение основ. Меня всегда интересовала судьба Бухарина. Он был ненавистен Сталину, но не нужно было его убивать, можно было отправить преподавать математику на Чукотку.

Эти факторы и проблемы будут актуализировать этничность и организацию по этническим признакам, когда разрушаются более надежные способы защиты стабильности и перспективы сохранения человека, оживления человечества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Георгию Александровичу Праздникову.

Г. А. ПРАЗДНИКОВ: — По дороге в Университет я купил «Новую газету», где напечатана ерническая, издательская статья по поводу Лихачевских чтений, а основной удар пришелся на нашу секцию. Они цитируют председателя совета общества «Мемориал» Александра Маргулиса, что тема национальных интересов, проблемы национальной идентичности никогда не интересовали и не были предметом научного интереса Дмитрия Сергеевича Лихачева. Это чепуха. Дмитрий Сергеевич каждым днем своего существования демонстрировал заботу о национальных интересах, проблема национальной идентичности, патриотизма всегда интересовала его. Он с тревогой писал о том, что не видит в молодом поколении патриотизма и что это опасно. Патриотизм Дмитрий Сергеевич рассматривает как нормальное свойство нормального человека: каждый нормальный человек должен любить свою семью, дом, город, свою страну.

Проблема национальной идентичности была поставлена уже в одной из первых статей «Заметки о русском», опубликованных в начале 1980-х годов в журнале «Новый мир». Видного отечественного языковеда, академика Георгия Владимировича Степанова даже обеспокоила эта статья Лихачева. Он написал письмо

Дмитрию Сергеевичу с вопросом, не вызовет ли это прилив националистических настроений. То есть эта проблема интересовала Лихачева.

Для Д. С. Лихачева всегда остро стояла проблема отношения к русской культуре: что мы дали миру и что мир дал нам? Он императивно, категорично говорил, что культура должна быть открытой. Но это ни в коем случае не исключало отчетливого понимания своеобразия русской культуры. У Лихачева есть удивительная формула «стыдливость формы», касающаяся русской художественной культуры. Художник больше озабочен правдой, истиной, нравственным смыслом, а не красотой — это важнейшая традиция русской культуры. Некоторых она даже раздражала, например московский философ Владимир Кантор говорил об этой черте русской культуры как о мессианистическом безумии. Набоков в блестящем эссе, посвященном Гоголю, дает ему указания и сожалеет о том, что Гоголь переходит границы литературы. Если художник ставит вопрос «Зачем нужно искусство и какие у него цели?», то он пропал. Гоголь отвечал на эти вопросы так: «Дело мое — душа и прочное дело жизни». Но если бы он внял советам Набокова, то получил бы еще один Набоков.

Эта линия активно развивалась, но у кого-то вызывала и раздражение. Андрей Тарковский в последнем интервью, опубликованном в середине 1980-х годов в «Литературной газете», говорит жесткие слова, что для него слово «эксперимент» в искусстве — ругательное. Художник приходит к людям с правдой о мире, которую он нашел.

Эти проблемы начинал разрабатывать и Дмитрий Сергеевич Лихачев, часто выходя за границы древнерусской литературы. Поэтому фразы из «Новой газеты» относительно Дмитрия Сергеевича Лихачева, я думаю, к нему никакого отношения не имеют.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — К микрофону приглашается профессор Геннадий Владимирович Драч.

Г. В. ДРАЧ: — Я позволю себе обосновать три положения, иногда не называя выступающих, которые являются эти идеи.

Первый момент. Мне представляется, что весьма правильно поступили те, кто рассматривал терроризм как вершину айсберга. Потому что это глубочайшее, непростое явление, мы его не осмыслили в должной мере. Чтобы как-то приблизиться к анализу, сошлюсь на мнение Хусейна Насра, известного иранского теолога, философа, математика, который в середине XX века переехал жить из Ирана в Америку. Он, уже будучи в Америке, говорил о том, что Запад разрушает фундаментальные ценности человеческой жизни. Лейтмотив его рассуждений — в качестве основной западной научной истины он обращается к Френсису Бэкону и приводит известный образ природы, которая должна рожать человечеству здоровых детей. «И как же поступил Запад с этой природой?» — спрашивает Хусейн Наср. Он поступил с ней как с проституткой — взял от нее все, что можно, и выбросил. То есть в середине прошлого века было заявлено фундаментальное несо-

впадение смысла жизненных интересов человека Востока и Запада.

Сегодня мы наблюдаем фундаментальные подвижки в этой области. Вячеслав Семенович Степин тесно сотрудничает с нашей ростовской школой, с его помощью мы опубликовали работы Михаила Константиновича Петрова. Еще в XX веке Петров писал о невозможности трансплантации науки в инокультурную среду, в качестве примера приводил провал попытки трансплантировать науку в Индонезии. А сегодня мы видим необычайные успехи не только в Индонезии, но и в Южной Корее, Китае, Индии, где уже состоялась трансплантация.

Произошло коренное изменение мира. Поэтому нужно переосмыслить складывающуюся ситуацию — преодолевается ли заявленная в прошлом веке конфронтация Востока и Запада? Что сегодня несет переоснащение великих цивилизаций Востока, возможность использовать не просто науку, а нанотехнику? Здесь возникает вопрос о переходе от малой науки к большой, начиная с Эйнштейна, и о том, чем сегодня занимается наука. Она выполняет реальные задачи и задания.

Второй момент. Мы говорим об этносах, различии культурной истории и часто используем термин «архаизация», архаические корни этносов и культур. Мне хотелось бы конкретизировать материалы подобного рода, в частности обратиться к работам американского автора Артура Аткинса, в которых он дает характеристику архаического общества Древней Греции.

Третий момент. События, которые произошли в нашей великой стране, во многом стали точкой пересечения мировых тенденций. События на Кавказе отзвучиваются в Ростове-на-Дону. Мы провели в Грозном Первый международный конгресс. Я хочу поблагодарить академика Гусейнова, который подсказал нам эту идею и прислал свой материал (народы Кавказа приняли его с большой благодарностью).

Этническое богатство наших народов, этносов и страны — тот этический потенциал, который веками позволял сосуществовать народам в нашей необъятной стране. Он должен сохраняться дальше, мы должны на него опираться — только в этом случае может быть реализована идея нации как государственного общества.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Фуаду Теубовичу Мамедову.

Ф. Т. МАМЕДОВ: — Все выступающие затрагивают глубинные проблемы, которые интересуют все народы, каждое общество, нацию, государство, тем более в условиях глобализации. Мы вчера стали свидетелями замечательных панельных дискуссий, инновации Лихачевских научных чтений, которые, на мой взгляд, были достаточно эффективными.

Я хочу рассмотреть проблему диалога культур в плане использования механизмов, технологий и сказать несколько слов об азербайджанской модели мультикультурализма. На обложке книги «Культурология. Культура. Цивилизации», выпущенной под эгидой Академии государственного управления при Президенте

Азербайджанской Республики и Ассоциации культуры Азербайджана «Симург», изображена модель перехода от Homo sapiens к современному человеку, то есть антропологическая модель, которая, на мой взгляд, является решением нашей проблемы.

На пленарном заседании были выделены три подхода — это санкции (карательный подход), диалог культур и идентичность. Убежден, что вопрос можно решить только через программирование менталитета с детства, с одной стороны, и реформирование менталитета людей на основе общечеловеческих ценностей начиная с самой жизни, потому что отнять национальное, ассимилироваться мы не можем и не хотим. Нужно сделать акцент с помощью культурологической науки, исследований, просвещения, специальных международных программ, приложить усилия для формирования культурного человека, потому что одними санкциями невозможно изменить сознание. Нужно менять сознание таким образом, чтобы, оставаясь русскими, азербайджанцами, англичанами, американцами, французами, мы осознавали свою человеческую идентичность. Это возможно сделать через тиражирование определенных международных программ, но для этого мы должны принять решение и обратиться с этой просьбой в Организацию Объединенных Наций для ее финансирования.

Несколько слов об азербайджанской модели мультикультурализма. Почему мультикультурализм потерпел крах на Западе, но прекрасно развивается в Азербайджане? Потому что в этой стране он является образом жизни. Это историческая модель, придуманная давно. 2016-й на государственном уровне в Азербайджане объявлен Годом мультикультурализма. Азербайджанский народ являет собой интеграцию, синтез тюркоязычной, ираноязычной культур, зороастризма, православия, ислама, эллинистической культуры. В результате в Азербайджане ни у кого не возникает проблем (в том числе у армян, которых в нашей республике насчитывается от 30 до 40 тыс., — это один из ярких показателей). В самом менталитете азербайджанцев заложена толерантность. Азербайджан был одной из самых интернациональных республик Советского Союза. Эта традиция, культурная тенденция продолжает сохраняться, и мы ею дорожим. Сегодня в Азербайджане действует Центр мультикультурализма, имеющий свои филиалы в России, Португалии, Германии, Италии и в других странах. В настоящее время в 13 странах осуществляется реализация азербайджанской модели мультикультурализма. (Если кому-то интересно, я приглашаю вас в Азербайджан.) Прошу принять решение о формировании такой антропологической модели как метода сохранения мира.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Николаю Андреевичу Хренову.

Н. А. ХРЕНОВ: — Наша современность поражает непредвиденностью и непредсказуемостью событий, что порождает растерянность перед завтрашним днем. Вспоминается книга Э. Тоффлера «Футурошок». Хочется понять смысл новой ситуации. Один из способов,

приближающих нас к пониманию, — история. Нужно искать в ней прецеденты и циклы, которые позволят сориентироваться в современности.

Я хочу отреагировать на сказанное на пленарном заседании Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым по поводу смены терминологии в обсуждении проблем на Лихачевских чтениях. По его утверждению, в обсуждении глобализации появились новые аспекты, от диалога культур перешли к диалогу наций, каждая из которых имеет свои интересы. Национальные интересы затрудняют диалог и понимание глобализации, предмет внимания смещается с культуры на нацию. Такая трансформация предмета позволяет уточнить субъект глобализации. В наших обсуждениях нация предстает субъектом. Когда мы употребляем понятие «нация», то за ним шлейфом тянутся другие понятия: «государство», «страна», «тип цивилизации».

Россию неудобно называть нацией, потому что в ней проживает много этносов и наций. Я настаиваю на том, чтобы вопросы идеологии, глобализации, субъекта рассматривать в соотнесенности не с нацией, а с типом цивилизации. Россия — это тип цивилизации. На пленарном заседании в нескольких докладах упоминалось имя С. Хантингтона. Хотелось бы продолжить рассмотрение вопроса о цивилизационной парадигме. За понятиями «цивилизация», «тип цивилизации» стоит специфический смысл, и дело не только в лингвистическом смысле (он часто не прочитывается). Анализ интересов нации принимает прагматический, даже рыночный оборот.

За понятием «интерес» улавливаются экономические и политические нюансы. В результате в тени остаются интересы или потребность каждого типа цивилизации сохраняться, развиваться и совершенствоваться, иначе говоря, выживать, несмотря на внешние и внутренние вызовы, экстремальные ситуации, угрожающие выживанию.

В истории случалось и так, что некоторые цивилизации исчезали с арены истории, не совершив полного цикла развития. Например, Византия — цивилизация, которая ощущала вызов не только со стороны мусульманского мира, но и Запада. А статус этой цивилизации в мировой истории был приблизительно такой же, какой сегодня у Америки. Когда какая-то цивилизация оказывается в ситуации выбора, преобладает один интерес — выжить, все остальное второстепенно. Вячеслав Семенович Степин сегодня разделит интересы на главные и второстепенные.

Я могу констатировать напряжение между цивилизациями. Удивительно, но на пленарном заседании этот вопрос обошли вниманием, а ведь даже такое явление, как терроризм, без него объяснить невозможно. Только В. Л. Квинт упомянул конфликт между цивилизациями, а Г. М. Резник выразил неудовольствие по поводу усилившейся в последнее время конфронтации между Россией и Западом, которую, по его словам, нагнетают средства массовой коммуникации.

Но это напряжение всегда было в российской истории. В конфронтацию между Западом и Византией вовлекался и славянский мир (так представля-

ет эту расстановку сил Данилевский). Но Рим и Византия к тому времени уже изжили себя, свои творческие силы и должны были передать наследие новым народам. Наследниками Рима стали германцы, наследниками Византии — славяне. В этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась с помощью разного оружия, между Грецией и Римом. В этом суждении — прогноз, который в XX веке подтвердился.

Конфронтация в истории то угасала, то вновь вспыхивала. Сегодня она неожиданно достигла высокого уровня, и от нее зависит то, что происходит внутри нашей страны. Все чаще приходится слышать о том, что современная ситуация отсылает нас к началу 1930-х годов, а это десятилетие, в свою очередь, — к отдаленным эпохам нашей истории. История циклична, и проницательный историк обязательно увидит логику постоянного возвращения, казалось бы, уже ушедших в прошлое ситуаций. Такую логику, кстати, проследил философ Ахиезер в своей книге, посвященной этой теме. Параллель с 1930-ми годами возвращает из небытия фигуру Сталина: кажется, уже кто-то готов поставить ему памятник.

Интересное дополнение к тезису о политических лидерах, который высказали премьер-министр Пакистана, профессор из Ирана, польский вице-премьер Г. Колодко. Чтобы вы меня не заподозрили в симпатии к Сталину, скажу, что воспринимаю его как мифологический персонаж, а именно — Кронос, который уничтожал всех, кто мог бы занять его место. Он меня заинтересовал потому, что не только разгадал цикличность истории, но и реализовал ее, что еще больше обострило отношения России с Западом, но на какое-то время разрешило проблему. Речь идет о том, что все, что делалось, подавалось под видом марксизма, коммунизма и социализма, а на самом деле это лишь вершина айсберга, корни которого — в империи византийского типа.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Николай Андреевич ссылался на Хантингтона и его знаменитую работу о столкновении цивилизаций. С. Хантингтон высказывает две главные идеи: 1) линия разделения после холодной войны проходит между идеологиями, культурами; 2) внутрицивилизационные конфликты на международной арене переносятся в межцивилизационную сферу. В обоснование своего тезиса он приводил пример того, что уже не существует внутрицивилизационных конфликтов, а все больше межцивилизационных. Он писал примерно следующее: «У России есть проблемы с мусульманами, с Чечней, где даже дошло до военных столкновений, с прибалтийскими народами, которые связаны с западными ценностями. Но Россия решила назревающие проблемы с Украиной, потому что это два славянских народа. Это внутрицивилизационный конфликт, и поэтому он легкоразрешим». Данным примером Хантингтон проиллюстрировал свою идею. Но сегодня все это выглядит немного по-другому.

Слово предоставляется профессору Маргарите Вениаминовне Силантьевой.

М. В. СИЛАНТЬЕВА: — Название моего выступления — «Культура как мир раскрытия свободы» — связано с постановкой вопроса, который четко обозначился на Чтениях. По-моему, очень продуктивно изучение культуры сквозь призму вопроса политического, о роли культуры и в то же время вопроса о культуре как интегрирующем механизме, способе, объединяющем людей в макрогруппы на основе общего, в том числе общих ценностей. Исходя из этого, хочу напомнить, что культура, как пишут отечественные философы, в частности Владимир Соловьев в «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории», — это бесконфликтное течение жизни. Бог и война, мир и культура — как соединить эти два подхода, чтобы общество не погибло от стагнации и в то же время все не съели всех? Этот вопрос обостряет акцентированный вначале нашей сегодняшней дискуссии академиком Гусейновым вопрос о свободе. Все ее хвалят, а на самом деле это огромное бремя и напряжение, которое требуется от человека. Свобода — это действительно вызов. С такой точки зрения культура — не внешняя, а внутренняя реализация каждым человеком своей свободы. Не все люди готовы к той напряженной работе самопреодоления, которая требуется при внутреннем регулировании. Существует такой механизм, как образование, которое должно воспитывать не готового потребителя, а творческую личность.

Первый тезис: культура — это внутренние границы и умение самоуправляться, самоорганизовываться. Этот внутренний механизм сочетается с внешним — властью, управлением, политическим процессом.

Второй тезис: нельзя забывать принцип суперпозиции различных подсистем целостной системы культуры, если мы понимаем ее в политическом измерении и у нас есть идеология, например религия, власть, которую мы трактуем как государственное управление, ряд экономических, правовых векторов развития. Когда мы говорим о суперпозиции, все эти векторы действуют каждый по-своему, но складываются в нечто целое. Поэтому, когда усиливается религиозизация, не нужно думать, что полученный импульс приведет к результату, которого мы хотим достичь. Когда этот вектор объединится с остальными, может получиться нечто неожиданное. Процесс религиозизации политики и политизации религии связан не только с исламской культурой. Известны и другие общности, которые сегодня попали в эти тиски. Это объективный процесс, поэтому нужно понять, что с этим делать, не забывая о принципе суперпозиции.

Третий тезис: культура — это принципиально немассовый способ поведения. С этой точки зрения культура апеллирует к смыслу. Воспользуюсь метафорой одного из выступающих. Если мы будем рассматривать общество по аналогии с индивидом, а лучше с личностью, то не надо забывать, что у личности есть голова и предполагается разумная душа. Включается она только тогда, когда есть обращение к смыслу, живое и спокойное.

Здесь я хочу обратить ваше внимание на феномен студентки философского факультета МГУ Варвары Карауловой. Чего не хватает людям, которые погру-

жаются в политизированный терроризм? Может быть, им не хватает осмысленной тихой жизни в культуре. Они ищут ее, способ здоровой социализации, жизнь, которая протекает не во внешних симулятивных формах и не только в массовом смысле через регулятивные технологии, а идет изнутри, от этой тихой бесконфликтной спокойной жизни.

Четвертый тезис: время культуры. Здесь сегодня говорили о безвременье, которое переживается русским обществом и обществами других стран. Что такое время? Согласно установкам экзистенциализма, по Бердяеву, Хайдеггеру и даже отчасти Сартру, время — это самопревосхождение человека, реализация свободы изнутри. Если такого самопревосхождения нет, мы остаемся. И какие бы внешние лекала к нам ни прикладывались, даже очень мощная страна-культура, которая полностью погрузилась в технологии внешнего манипулирования, может исчезнуть и рассеяться, как песок в пустыне. Поэтому преодоление безвременья в культуре возможно только одним путем — через возвращение традиционного подхода, который связан с образованием. Такое образование ведет к раскрытию потенциала человека и человечества во всем многообразии возможных вариантов на разных языках в разных средах.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется Ирине Викторовне Малыгиной.

И. В. МАЛЫГИНА: — Уважаемые коллеги, я хочу поделиться своими впечатлениями и мыслями по поводу того, что прозвучало вчера на пленарном заседании. Притом что тематика Лихачевских чтений в этом году во многом повторяется, все-таки появился новый сюжет, связанный с проблемой терроризма. И мы понимаем, почему. Потому что весь прошлый год прошел у нас под знаком этого страшного явления. Мы вчера много говорили о том, что существуют сложности инструментального, методологического и терминологического характера, что до сих пор очень сложно дать определение понятию «терроризм». Хотя терминологи насчитывают от 100 до 200 дефиниций этого явления. Я думаю, сложности связаны с тем, что явление это очень динамичное, оно меняется на наших глазах. И мы знаем, особенно философы это понимают, что для осмысления явления, которое нам с вами предстоит изучить, каким-то образом понять, а лучше преодолеть, нужна какая-то временная дистанция. У нас такой возможности нет, потому что все разворачивается в режиме «здесь и сейчас». Поэтому не только политические решения запаздывают в ответ на какие-то террористические акты, но, к сожалению, и научная рефлексия в этом смысле не успевает, а следует уже, скажем так, за терроризмом.

Но если сегодня невозможно дать четкую дефиницию, может быть, нам нужно пойти по другому пути и попробовать вычленивать какие-то базовые признаки этого явления? И не только такие неотчуждаемые, о которых мы вчера много говорили (обязательное наличие политической цели, насилия либо угрозы насилия), но и какие-то актуальные вещи. Например, это

мощная технологическая оснащенность современного терроризма, использование информационных технологий, стремление создать квазигосударство, то есть подвижность в области организационных форм, и наконец такая новая черта, как его визуализация, демонстративность, почти театрализация (вспомним ролики ИГИЛ).

И еще один очень важный тренд, мимо которого ни философы, ни культурологи просто не имеют права пройти. Мы с вами наблюдаем, что угроза терроризма, террористическая активность стремительно сублимируются в символическое пространство, пространство культуры — Пальмиру. Я считаю, что когда мы говорим о том, что терроризм носит исключительно экономический и политический характер, что террористы — это невежды, новые варвары, боюсь, что мы недооцениваем какие-то очень важные вещи. Посмотрите — не просто так нам сначала показали расстрел сирийских военнопленных на арене римского амфитеатра и следом за этим — разрушение статуи в Мосуле. Это вещи равновеликие для этих людей. Я не знаю, кем манипулируют идеологи террористических организаций, таких как ИГИЛ, вполне вероятно, что там есть люди с суицидальными наклонностями, неуравновешенной психикой, но идеологи точно знают, что делают.

Я абсолютно согласна с профессором Кутыревым и многими другими культурологами, которые считают, что вообще этот взрыв, даже эпоха, фундаментализмов, которыми ознаменовались конец прошлого века и первое десятилетие нового века, — это именно реакция традиционных культур на наступление на них западной цивилизации без святых и героев. Вчера мы говорили о том, что не надо оправдывать терроризм, но мы никуда не денемся от того, что там есть своя правда, и не учитывать ее — значит не понимать глубинных культурных оснований этого явления. Нам кажется, что это все случайно, просто варварски разрушено. Но не все разрушено, а кое-что продано, и тоже потому, что там есть умные люди, которые знают стоимость. Они понимают, что это действительно вещи очень дорогие, в буквальном смысле, а не только в символическом.

Идеологи религиозного исламского терроризма, как мне кажется, нащупали уязвимое место западной цивилизации. Они понимают, что у нас нет такой религии, за которую мы готовы отдать жизнь, но они точно почувствовали, что культура — это сакральная ценность для западной цивилизации. А Пальмира пережила самые стойкие западные цивилизации. Так есть связь терроризма с культурой или нет? На мой взгляд, есть. Террористы сегодня очень активно используют средства культуры для продвижения своей идеологии (опять-таки вспомним те ролики, очень талантливо снятые, как все отмечают). Вчера говорили о роли СМИ, о том, что, может быть, надо просто сделать терроризм фигурой умолчания, чтобы не искать там какую-то правду. Они обойдутся без нас. Прежде как могли узнать о каких-то подвигах воина? Да даже не воина — Герострата вспомним. Кто бы о нем знал, если бы не нашелся историк, который о нем рассказал? Да, в Древней Греции Герострат был фигурой умолчания.

Сейчас террористы не ждут, пока какой-то мастер напишет портрет, создаст эпос, они присвоили себе функцию художника и оратора. Вот они совершили акт терроризма и тут же сделали его почти текстовой культурой. Что нужно делать, как можно этому противодействовать? Мне кажется, политических решений точно не хватит, но говорить об этом сейчас у меня нет ни времени, ни достаточных оснований. Хочу только напомнить вам об одном совершенно потрясающем исследовании — «Хризантема и меч» Рут Бенедикт. Мы все помним, как оно возникало и кем было заказано. Оно возникло в разгар Второй мировой войны, потому что американцы были намерены победить японцев окончательно и бесповоротно. Что они сделали? Они стали изучать эту культуру изнутри. Для того чтобы не прогнозировать, как бы я поступил на месте моего противника, а точно знать, как будет поступать противник. И в этом смысле перед культурологами, антропологами и философами стоит эта самая важная задача.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — В принципе нет такой области социальной жизни, которая не была бы связана с культурой. Это естественно, потому что человек живет по двум программам: первая программа — генетическая, и все, что в его теле, продиктовано этой программой, геномом и воспроизводится по геному. Вторая программа — социальная, потому что человек, как существо социальное, живет в обществе, и все, что есть в обществе, как в организме, производится по такому же геному. У человека две генетические программы — биологическая и культурная. Культура играет функцию социального генома, и поэтому идею культурно-генетического кода подхватили даже политики. Недавно еще Михаил Константинович Петров писал о том, что есть генофонд, или генетический код, и социокод — это два определения человека.

Кстати, сегодня выступал профессор Г. В. Драч, который сделал очень важную вещь — опубликовал диссертацию М. К. Петрова, на которую его научный руководитель М. А. Дынник не дал положительного отзыва, поэтому защита не состоялась. И сегодня, когда мы читаем диссертацию 1959 года, это удивительное произведение, то находим одну очень важную мысль. Автор говорит, что человек определяется не только тем, что у него есть труд. Как говорил Маркс, труд определяет то, что есть человек. Есть еще одно определение, кроме труда, — это знак, который кодирует социальный опыт. И без этого не может воспроизводиться социальная жизнь. Сейчас надо осмыслить опасности попыток сделать человека более совершенным подвигом, потому что можно вообще уничтожить цивилизацию. Это очень ответственные вещи, но я хочу сделать такое замечание: противопоставление культурной цивилизации идет от Шпенглера, который имел в виду то, что научно-техническое развитие не сопровождается нравственным развитием человечества в том типе общества, который представлен западной цивилизацией. И поэтому он говорил, что прогресс технологий мо-

жет убить культуру. Но сама технология и сам прогресс тоже определены особенностями культурной матрицы этого техногенного развития.

Великие просветители-гуманисты сформулировали отношение человека к природе так: природа — это резервуар ресурсов, неорганический мир, из которого человек может бесконечно черпать ресурсы и который он должен переделывать и перепахивать, чтобы получать для себя благо. Так вот, уже в процессе развития науки выяснилось, что человек живет не в неорганическом мире и что окружающая нас среда — живой организм, и это понимание существовало во всех традиционных цивилизациях — в китайской, русской и др. Те модернизации, которые претерпело традиционное общество, сохранили какие-то отголоски понимания, что человек живет в живом организме природы и нельзя там все рушить, как слон в посудной лавке. Разрушив среду, он убьет сам себя. Для меня важно, когда мы говорим о цивилизациях (это есть и у Тойнби), что каждый тип цивилизации отличается от другого культурой, культурной матрицей. И это надо учитывать.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Слово предоставляется профессору Татьяне Иосифовне Ерохиной.

Т. И. ЕРОХИНА: — Мне показалось, что проблема, которую мы хотели затронуть, уводит нас немного в другую сферу — не ту философскую, высокую парадигму, которая здесь заявлена. Но произошли три знаковых момента, которые привлекли мое внимание. Прежде всего сказанная Виталием Товиевичем Третьковым фраза о том, что надо создать некую стратегию противодействия терроризму. И в эту стратегию он предложил включить проблему формирования образа России, поскольку сейчас в средствах массовой информации этот образ представлен в очень негативном свете. Второй момент: как говорил сегодня Вячеслав Семенович Степин, мы уже не должны рассчитывать на то, что рынок все расставит на свои места. Наверное, мы должны говорить о том, что задача формирования разумных потребителей может быть и выполнена, но это все-таки не та задача, которую мы ставили перед собой. И она скорее противоречит нашим представлениям о развитии культуры. Третий момент — это вчерашнее посещение оперы с явным отсылком к массовой культуре.

В связи с этим я хотела бы поднять проблему, связанную с формированием образа России, и она действительно имеет отношение к проблеме терроризма и национализма. Геннадий Владимирович сегодня говорил о том, что терроризм — это верхушка айсберга, и одной из причин его появления, наверное, является национализм. Не обсуждая сейчас все причины возникновения национализма, отметим, что, конечно, одними из причин появления националистических настроений могут быть репрезентация и интерпретация национальных стереотипов. И я хочу сказать, что образ России сегодня создается посредством национальных стереотипов массовой культуры. Поскольку мы говорим о том, что нельзя остановить глобализацию,

то, в общем, понимаем, что нельзя остановить и процесс развития массовой культуры, и эту задачу я перед собой не ставлю. Но я обращаю внимание коллег, что современная массовая культура на самом деле очень активно обращается к национальным стереотипам. Наверное, потому, что обладает некоторыми общими чертами с ними. Речь идет о некоем упрощении, схематизации, однозначности, шаблонности — это и есть национальные стереотипы. Но национальный стереотип — это на самом деле еще и идентификация, и самоидентификация нации.

И проблема с репрезентацией национальных стереотипов, которая возникает сейчас, на мой взгляд, включает несколько моментов. Прежде всего то, что национальный стереотип формирует представление о нас у другой культуры, то есть это разграничение своего-чужого, мы это понимаем. И в данном случае через национальный стереотип воспринимают и нашу культуру. В 2010 году вышел ролик социальной рекламы, который взорвал Интернет и до сих пор является одним из самых просматриваемых. Ролик был создан какой-то французской ассоциацией правозащитников. Это образ России, распространенный в Европе. Это изображение матрешки. Показан некий создатель матрешки, который первую куклу в черном одеянии с кровавыми слезами вкладывает в следующую матрешку. Вторая матрешка, вся окутанная цепями, вкладывается в третью, которая у нас символизирует, по-видимому, «свободу» прессы: она с фотоаппаратом и заклеенным черной изолентой ртом. Эта матрешка вкладывается в ту самую, традиционную, которую мы с вами привыкли видеть, — в платке с красочными цветами и т. д. Я это говорю к тому, что исследования, которые проводятся, в частности, по массовой культуре, в основном на Западе репрезентуют образ России путем демонизации образа вождя — образа Путина. Это негативные аспекты мифологизации.

В связи с этим отмечу, что мы в свое время проводили анкетирование приезжающих в Ярославль студентов, в том числе зарубежных, прося их перечислить национальные стереотипы о России, которые они знают. Они в основном называли те, что формально относятся к культуре: балалайка, матрешка, водка, автомат Калашникова и т. п. В то же время зарубежные студенты обращали внимание, что даже наши архитектурные символы очень политизированы. Как они это объясняли? Если представляем Париж, то это Эйфелева башня, если представляем Америку — статуя Свободы, если представляем Россию — это Кремль, но не как архитектурный памятник, а как символ власти. То есть первая проблема — это интерпретация национальных стереотипов.

Вторая проблема — еще более, на мой взгляд, глубокая, потому что мы сейчас сталкиваемся с тем, что, к сожалению, и наши собственные представления о самих себе укладываются в основном в эти же национальные стереотипы. И я здесь тоже ссылаюсь на исследования, которые мы проводили среди студентов. Когда мы их просили перечислить какие-то символы России, они воспроизводили примерно те же самые — матрешка, водка, балалайка и т. д. Некоторые зарубеж-

ные и российские студенты говорили о русской духовной культуре, вспоминали Толстого, Достоевского, Чехова — это замечательно. Но когда мы просили назвать каких-то национальных героев, мифологические образы, то называли богатырей только по мультфильмам, которые сейчас демонстрируются по телевизору. То есть реально не читаем былины, не знаем историю. Поэтому я обращаю внимание на то, что для нас становится проблемой не только преодоление национальных стереотипов, как мы привыкли. Мы говорим, что надо разрушать национальные стереотипы, чтобы обращаться к культуре и ее глубинам. Проблемой для нашей собственной культуры оказывается не то, чтобы формировать национальные стереотипы — это очень сложно, потому что они связаны с архетипами, — но хотя бы знать свои национальные стереотипы и уметь их перечислить, а уже потом объяснять и интерпретировать.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору из Болгарии Василу Проданову.

В. ПРОДАНОВ: — Я хочу сказать о возвращении национальных интересов и наций. Основная мысль заключается в том, что в последние три десятилетия происходит возвращение нации и национальных интересов. Мы много лет жили в мире интернационализма, потом наступила перестройка Горбачева. Он сказал, что предоставляет социалистическим республикам право жить по-своему, выбрать свое направление. Сразу после этого прибалтийские республики решили, что у них есть свои национальные интересы и они пойдут своим путем. Потом так поступили другие республики. Однако пришел так называемый неолиберальный глобализм, то есть глобализация без границ, и национальные интересы опять отошли на задний план. Самыми важными стали ценности европейские, евроатлантические и т. д. Теперь происходит новое возвращение национальных интересов и наций.

В современном мире существуют три параллельные тенденции, которые создают предпосылки для того, чтобы проблема национальных интересов и наций вернулась в повестку дня. Первая тенденция — это бурный рост неравенств во всех возможных измерениях, начиная от различий в богатстве и заканчивая региональными противоречиями. Возникший в результате глобализации рынок работает на сильных и высасывает ресурсы из слабых. В настоящее время разрыв во внутреннем валовом продукте на душу населения между Болгарией и Германией составляет более 7 тыс. долларов. Это намного больше, чем было восемь лет назад, когда Болгария вступила в Европейский Союз. То же самое касается и других стран Южной Европы, например Греции, Италии, Португалии. Глобализированный рынок разделяет, а не объединяет. В результате это приводит к усилению противоречий в Европейском Союзе, вызывает кризисные процессы, конфликты, протесты, массовые беспорядки, терроризм, новую холодную войну между государствами и социальными группами.

Вторая тенденция выражается в переходе от либерального универсализма и глобализма к много-

полярности. Данная тенденция отвергает глобализм и универсализм как идеологическое сознание мирового гегемона, поддерживает возвращение к цивилизационным идентичностям. Это связано с коллапсом различных стран и нарастающими конфликтами. И третья тенденция связана с четвертой индустриальной революцией, деглобализацией, возвращением роли национальных интересов. Впервые быстро уменьшается спрос на неквалифицированную рабочую силу и, следовательно, снижается конкурентное преимущество стран с низкой стоимостью рабочей силы, что ослабляет движение глобальных инвестиций в развивающиеся страны. Резкий рост угроз ведет к увеличению спроса на защитные барьеры против политики, индустриального вмешательства посредством некоммерческих организаций и медиа, захвата ресурсов и дисбаланса на мировом рынке, роли американских рейтинговых агентств. В цифровой сфере создание собственных поисковых систем и интернет-приложений находится под контролем американских компаний. Происходит новое переселение народов. Границы, стены и заборы получают новую жизнь, постепенно заменяя потоки, характерные для неолиберальной глобализации. Появились концепции постглобализации и деглобализации в контексте особенно резко увеличивающейся нестабильности и всякого рода опасностей. Это делает вопросы усиления суверенитета государства на соответствующей территории особенно важными в контексте предотвращения нестабильности и опасности.

На месте уничтоженных между государствами стен началось ускоренное возведение новых ограждений. С 1945 по 1989 год было возведено 19 стен между различными государствами. В дальнейшем, в конце холодной войны в 1991 году, их число уменьшилось до 12. С установлением мультиполярного мира их количество резко увеличилось и в 2014 году уже составляло 64. А это в 5–6 раз больше. Только в 2015 году 15 государств приняли решение начать возведение ограждений. Берлинская стена, чье падение было объявлено триумфом либеральной демократии и символом исчезновения ограничений коммунизма, — это карлик по сравнению со стеной в 3200 км между США и Мексикой. Возведение границ — это возвращение национальных государств и наций, которые сохраняют суверенитет и следуют своим интересам в рамках данных границ. Эти три основные тенденции в итоге создают массовые установки для возвращения к национальным государствам и национальным интересам.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Михаилу Яковлевичу Сарафу.

М. Я. САРАФ: — Тема, которую я хотел бы затронуть, касается необходимости сохранения единого национально-культурного пространства. Я сформулирую два тезиса. Один касается панельной дискуссии относительно терроризма и культуры, а второй — механизма сохранения культуры. Первое. Я считаю, что культура и терроризм — явления взаимосвязанные, что терроризм системно входит в культуру. Думаю,

это бесспорно, поскольку это один из видов человеческой деятельности, но, конечно, это деструктивная сторона развития культуры. Особенность современности состоит в том, что эта деструктивность выросла в серьезную, может быть, даже мирового масштаба опасность. На панельной дискуссии Вячеслав Семенович Степин говорил, что нельзя дать определение терроризму, но другие выступившие коллеги, вообще говоря, дали это определение. Я думаю, что синтетически можно его обобщить, и мое обобщение ближе всего к тому, что сказал академик Лекторский. Я предлагаю следующее определение терроризма (разумеется, оно чисто рабочее). Терроризм — это насильственное нелегитимное принуждение лицом или определенной организацией общества в целом или какой-либо части общества к действиям на основе собственного произвольного представления о благе. Это ключевой момент, потому что представление о благе оказывается действительно произвольным. На собственном понимании блага и основываются идеи справедливости, оправданности терроризма, что приводит к острейшим конфликтам.

Второе. Культура всегда развивалась как стихийный процесс. И все помнят фразу известного классика о том, что стихийное развитие культуры оставляет за собой пустыню. Особенность современности состоит в том, что этому стихийному развитию культуры приходит конец. Она не может больше развиваться стихийно. Наступает осмысление механизмов развития культуры. Культура как самовоспроизводящаяся система сегодня начинает давать сбои, и в этом кризис культуры. Она не может себя воспроизводить или воспроизводит себя с трудом. В этом и есть ее кризисное состояние. Настало время, когда мировое общество должно выработать специальные механизмы защиты культуры, создать своего рода «спецназ» культуры. Должны быть созданы специальные организации или органы, которые будут обеспечивать, организовывать охрану безопасности культуры. Прежде всего национальной культуры, потому что именно она является главной мишенью ударов глобализационных процессов.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется ведущему научному сотруднику Аиде Николаевне Мосейко.

А. Н. МОСЕЙКО: — Я хочу сказать о том, что национализм как явление очень часто становится маской для прикрытия совершенно различных, но близких явлений современности. Из собственного опыта я вывела следующее понимание национализма. Национализм вырастает на национальном самосознании, но, вырастая, становится его гипертрофированной формой, которая возникает, как правило, в пограничной ситуации. Это может быть крайнее угнетение, или разрушение каких-то стереотипов, или реванш исторической травмы либо целого комплекса таковых, и т. д. Все это вырождается в национализм. Но как быть с тем явлением, когда существует национально-освободительное движение, но отсутствует национальное самосознание, то есть нет наций? Очень многие авторы пи-

сали, и, собственно, это известно, что именно в процессе националистической борьбы часто рождается нация. Но как быть в том случае, если нации и в помине нет? И что за сознание лежит в основе, например, национально-освободительного движения? Это, как правило, различные мистические и этномистические формы. Это даже не формы мысли, это то, что называется мыслеобразами. Как правило, эти национально-освободительные выступления принимали форму, понятную и естественную для той среды, в которой они появлялись. Я могу привести множество примеров из Африки, так как я африканист. Если вы почитаете Хо Ши Мина, то поймете, что он говорит о сходных вещах. Такие примеры есть и в Азии.

Как начиналось национально-освободительное движение? Одна из ранних форм широкого национально-освободительного движения (это был конец XIX — начало XX в.) — движение «Маджи-Маджи». Что такое маджи? Это святой источник. В основе этого движения лежало объединение племен на основе приобщения к этому целебному святому источнику. А руководитель этого движения Кинджикитиле провозгласил себя вестником божества, посланным для того, чтобы объединить разрозненные племена в борьбе против колониальных расистов. Я могу назвать множество таких движений, которые принимали мистические либо мистико-этнические формы, а потом с принятием христианства превращались в экзотические, утрированно-христианские формы, реже мусульманские, потому что ислам пришел позже. Так вот эти экзотические формы в конце концов привели к рождению двух мощных идей, которые стали руководящими на всех этапах национально-освободительного движения. Прежде всего это было антирасистское движение, движение против белого расизма. Как правило, всякий национализм всегда имеет очень сильный эмоциональный момент. Поэтому всякое национальное движение имеет не только свою идеологию, но и эмоциональную основу. Вторая мощная идея — это идея единения. Эти две идеи — ненависть к расизму и стремление к единению — до сих пор существуют в любом национально-освободительном движении, и не только в Африке, но и, например, среди чернокожих американцев.

Надо сказать, что чернокожее население только в Бразилии и США составляет довольно внушительную цифру — 120 млн человек. Это колоссальные силы. Это население сейчас по-прежнему испытывает те же расистские чувства и руководствуется антирасистскими идеями. Самые ранние идеологические формы появились в начале XX века. Сначала это было движение панафриканизма, затем возникла теория негритюда, которую разработал Леопольд Седар Сенгор и затем интерпретировал Жан-Поль Сартр. Так вот Сенгор выдвинул идею антирасистского расизма. В политическом пространстве такая маска национализма никогда не используется, вы не встретите в политическом дискурсе упоминания расизма, в том числе антирасистского расизма, хотя он был обоснован Сенгором. В этой теории говорилось, что для того, чтобы уничтожить всякий расизм, необходимо временно уста-

новить расизм самой угнетенной черной расы. Формы этих явлений многочисленны. Они имели очень разные и любопытные интерпретации. Например, движение растафарианства возникло в первой половине XX века и было основано ямайцем Маркусом Гарви. Это движение, замешанное на христианстве, аукнулось в Европе в 1980-е годы, когда молодежь бунтовала с лозунгом «Белая кожа — черные маски», то есть они хотели быть полностью непохожими.

В заключение я приведу два конкретных факта о терроризме в Африке, и вы сами определите его культурную мировоззренческую основу. Это две террористические организации. Первая — радикальная нигерийская организация «Боко харам». В переводе с местного языка обозначает «западное образование — грех». Думаю, комментировать не надо. Это широчайшее движение на основе ислама, количество жертв которого уже перевалило за 100 тыс. Второе движение — угандийская националистическая повстанческая группировка «Господня армия сопротивления». Это движение практически неизвестно, возникло на основе христианства, также имеет антизападные настроения. Оно направлено против лицемерия западного мира, против западного образования, против западных товаров. Это тоже одна из форм терроризма. В этом своеобразном направлении национализма очень ярко присутствует чисто цивилизационный момент.

В. А. ТИШКОВ: — Я на правах председателя сделаю один маленький комментарий. Мне кажется, мы понимаем национализм так, как он трактовался в советском обществознании. Во всех справочниках, учебниках и работах он определялся как идеология превосходства одной нации над другой. На самом же деле есть другое понимание. Мы уже перевели на русский язык книгу Эрнеста Геллнера «Нации и национализм», ряд работ других философов. У нас появилась «Новая философская энциклопедия» в четырех томах под редакцией В. С. Степина, где есть статья «Национализм». Вышел очередной том Большой российской энциклопедии со статьей «Национализм», где говорится совсем о другом понимании этого явления. Есть, конечно, крайние формы национализма, в том числе со стороны государства — так называемый гражданский национализм. Но национализм в целом — это идеология, практика нациестроительства. И сегодня давать такие упрощенные трактовки национализма — это просто идти вразрез и с наукой, и с общественно-политической практикой, в том числе с отечественной. Так что давайте внесем коррективы, потому что мы с вами уже не такие ретрограды и отстающие исследователи, в том числе и по африканским материалам. Африканский национализм как раз и был направлен против этничности. Если бы в Африке был этнический тип национализма, то там бы ни одного государства не возникло. Там складывались коалиции и образовывались новые государства на другой основе — скорее на административно-колониальной. Так что это гораздо более сложная материя.

Дальше слово предоставляется профессору Александру Николаевичу Чумакову.

А. Н. ЧУМАКОВ: — Я должен сказать, что не являюсь специалистом по национальным и интернациональным вопросам, но непременно сталкиваюсь с ними, когда занимаюсь проблемами глобализации. Я занимаюсь этой проблематикой не первый год, уже 10 лет издаю журнал «Век глобализации». Также необходимо упомянуть об энциклопедии «Глобалистика» (2003–2006 гг.), где представлены 650 авторов из 58 стран, и т. д. Сейчас есть огромное количество справочных изданий по этой теме, в том числе переводных. С некоторыми прозвучавшими выступлениями о глобализации наших уважаемых коллег, таких как, например, профессор В. А. Кутырев и профессор В. Проданов, я, к сожалению, не могу согласиться. Меня очень радует то, что с тех пор когда академик Иван Тимофеевич Фролов начинал разработку отечественной глобалистики, мы намного продвинулись вперед. Поэтому я бы хотел упомянуть здесь декартовское: «Определив точно значения слов, вы избавите человечество от половины заблуждений».

Что касается сферы глобалистики, которой я занимаюсь, понятие «глобальные проблемы современности» появилось прежде всего, конечно, на Западе и в немалой степени было усилено Римским клубом в 1968 году, поднявшим эту проблематику на нужную высоту. У нас этой темой занимались философы И. Т. Фролов, В. В. Загладин, Э. В. Гирусов и др. Я хочу заметить, что в литературе эти авторы вели разговор о глобальных проблемах человечества, современности, которые нужно устранить из жизни общества, преодолеть их. Я сам, будучи начинающим специалистом в этой области, когда-то писал курсовые, дипломные и прочие работы, даже кандидатскую диссертацию в таком же ключе. Но пришло время, и сегодня с высоты прожитых лет и осмысления глобализации надо задать себе вопрос о том, можем ли мы преодолеть глобальные проблемы современности и устранить их из жизни общества. Это значит, нужно устранить глобальное человечество, потому что у него по определению не может не быть глобальных проблем. В связи с этим становятся актуальными вопросы о глобальном терроризме и т. д.

Конечно, мы будем обсуждать эти вопросы, потому что они нас волнуют, но мы должны понимать, что это целый комплекс глобальных проблем. Почему мы оставляем без внимания, например, торговлю оружием, принявшую глобальный характер именно в настоящее время? А как по-другому, в глобальном обществе такая проблема не может не возникнуть? Торговля оружием и раньше существовала, ее не было, может быть, только на региональных и локальных уровнях. А наркоторговля? А что, проблема войны и мира или преодоления ядерной угрозы ослабла или стала менее актуальной, чем проблема терроризма? По существу, мы стоим на краю пропасти. Ведь и сегодня звучат угрозы, о чем говорили, например, Никита Николаевич Моисеев и Карл Саган, поставившие вопрос о ядерной, термоядерной зиме, которая наступит для человечества. Тогда проблема терроризма теряется на фоне той опасности, перед которой мы стоим.

К сожалению, я не могу подробно остановиться на всех вопросах, но на некоторых хочу зафиксировать

ваше внимание. Если говорить о глобализации, меня лично очень радует, что многие люди, которые специально этой темой не занимаются, говорят о естественном историческом процессе. Господин Колодко, например, правильно говорит, что это объективно-исторический процесс, на который выходит человечество с эпохи Великих географических открытий. Человечество от локально устроенных связей и отношений, локально организованных сообществ доросло до регионально устроенных сообществ Александра Македонского. Когда монгольские завоевания происходили, никакой глобализации не было, такого американского переворота не было даже в сознании. Не говоря уже об открытии, скажем, Австралии, Америки и т. д. Это был регионально устроенный мир.

И только с эпохи Великих географических открытий начинается реальная глобализация, которая проходит как минимум три этапа: реальная глобализация, которая происходит с XIX века; фундаментальная глобализация, когда экономика фактически становится глобальной фундаментальной сферой общественной жизни; и политическая глобализация, которая последовала за Первой и Второй мировыми войнами, по существу, являющимися двумя разными этапами одной мировой войны. В культуре тоже происходила глобализация: миссионеры распространяли язык. Посмотрите, на каком языке говорят Южная Америка, Северная Америка и т. д.? А какие религии исповедуют Америка, Австралия и т. д.? Это все результаты культурной глобализации. Еще есть и информационная глобализация. Сегодня, после того как человечество в XX веке вышло в космос и произошла информационно-технологическая революция, глобализация стала многоаспектной. Поэтому говорить о глобализации как о чем-то проекте, как бы нам ни нравились какие-то страны, или Бильдербергский клуб, или еще что-нибудь, — значит, уводить нас в ту сферу, в которой мы еще больше запутаемся. Если поставить вопрос о том, можно ли преодолеть глобальные проблемы современности, то надо отметить, что у человечества всегда ограниченные ресурсы и возможности. Потратьте свое время, свои деньги на преодоление глобальных проблем современности, и вы получите в лучшем случае разочарование. Хорошо, если у вас не опустятся руки и вы по новой сформулируете новые цели.

Вячеслав Семенович затронул очень хорошую тему о культуре и цивилизации, что эти термины надо переосмысливать. Точно так же, когда мы говорим «солнце взошло — солнце село», «звезды зажглись — звезды погасли», ни у кого не возникает ощущения, что мы говорим абракадабру. Нам не надо в это вникать, и мы живем с этими понятиями. Однако, если мы хотим построить космический корабль и полететь на Луну, придется наполнить эти понятия новым содержанием. А если не наполнить, то можно улететь на Солнце и сгореть там. Так же и понятия культуры и цивилизации требуют переосмысления.

И последнее: мы не должны говорить о культуре и цивилизации отдельно. Культура возникла тогда, когда возник человек. Говоря о человеке, мы обязательно должны вести речь о культуре. Вне культуры нет че-

ловека. Цивилизация появилась позже, когда возникли гражданские, общественно-правовые структуры. И с тех пор каждый человек и человечество в целом живут в культурно-цивилизационном контексте. Точно так же, как мы не живем сегодня в условиях отдельно научного или технического прогресса. Мы живем с Нового времени не в научном и не в техническом мире, как это было раньше, а они развивались параллельно. То есть мы живем в научно-техническом прогрессе. Мы можем говорить отдельно о научном прогрессе и отдельно о техническом прогрессе, но мы их уже не можем разорвать. Нельзя оторвать науку от техники, так же как и культуру от цивилизации. Цивилизация — это и есть культура. Французы ввели этот термин как культуру отношений, культуру смягчения нравов. Это культура связей, которая, собственно, является оборотной стороной культуры духовной, а потом уже материальной.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Аркадию Львовичу Маршаку.

А. Л. МАРШАК: — До сих пор мы говорили о важных аспектах глобализации в мировом масштабе. Но и в повседневной российской действительности сегодня присутствует глобализация. Мы рассматриваем это как неизбежный объективный процесс, который надо изучать всесторонне, находить в нем не только негативные, но и позитивные моменты. И мне представляется, что позитивная составляющая этого процесса прослеживается в такой области, как культура. Согласен, что был период, когда глобализация в российской культуре проявлялась в основном как внедрение различных элементов западной культуры, которое оказывало влияние на все сферы жизни. Но недавние исследования, проведенные нашим институтом, свидетельствуют о том, что в умах российских граждан эти элементы все дальше вытесняются на периферию. Сегодня большая часть населения ориентируется на отечественные традиции и духовность, которые формировались веками и реализуются в лучших образцах художественного творчества.

Мы, социологи, отмечаем, что каждая нация воспринимает и осваивает окружающий мир по-своему. Именно это представляет особый интерес, является ценностью национальной культуры и оказывает влияние в том числе и на мировое сообщество. Чем богаче культура отдельной нации, тем богаче мировая культура в целом. Культурная уникальность создается национальной ментальностью в процессе исторического развития.

Целый ряд комплексных социологических исследований также показывает, что различные виды и типы совершенствования общественной, государственной, художественной деятельности способствуют формированию единства культуры и цивилизации. Соглашусь с выступавшим до меня коллегой, что культура является центральным моментом цивилизационного процесса. Если рассматривать российскую действительность с этой точки зрения, то здесь главными задачами глобализационных процессов являются сохранение са-

мостоятельности и развитие многообразного единства российской культуры. Это должно проявляться в заботе о национальной безопасности, что и является сегодня приоритетом для Российского государства.

Сегодня мы отмечаем кризис культуры, который проявляется прежде всего в конфликтогенности межнациональных отношений. Более того, среди творческой интеллигенции существуют национальные объединения, которые конфликтуют между собой. Поэтому перед нами стоит задача возвращения государства и творческой интеллигенции к исконным духовным ценностям российской культуры, которая по своей сути многонациональна и отражает интересы самых разных групп населения, живущих на территории России.

Отсюда можно сделать вывод, что глобализация как тенденция общественного развития имеет как позитивные перспективы для национальных отношений, так и явные угрозы. Чтобы их преодолеть, необходимо развивать культурную безопасность. Именно с ее помощью возможно не только справиться с отрицательными сторонами глобализации, но и возродить лучшие черты национальной культуры. Все эти аспекты характеризуют такую проблему, как культурные смыслы национальной конфликтогенности России в условиях глобализирующегося мира.

В заключение несколько слов о терроризме. Это явление прежде всего надо рассматривать как историко-политическое, подходить к его определению с точки зрения исторического содержания эпохи. Сегодня мы говорим, что, например, народовольческое движение в XIX веке, нечаевщина — это терроризм. Но в те времена это было стремление к освобождению от политического гнета.

В свое время меня учили, что должны быть четкие методологические понятия, применяемые к анализу явлений. И когда сегодня мы пытаемся такое понятие, скажем, как национально-освободительное движение, рассматривать в рамках терроризма, мне кажется, что это неверный подход. В науке есть термин «занятость понятия», так вот, это понятие уже занято. Оно определено тенденциями и критериями.

Профессор Малыгина высказала идею, что терроризм надо классифицировать. Но подобная классификация — это уже в компетенции социологов. И все же если взяться за эту работу, то можно выбрать критерий формы: например, государственный терроризм, криминальный, клерикальный, экономический, этнический, семейный, а также информационный, международный, индивидуальный и т. д.

Здесь прозвучала и такая идея, что усиление контроля в аэропортах, на вокзалах, в метро приводит к нарушению свобод и тоталитаризму. На это я отвечаю так: не дай бог нам быть взорванными где-нибудь или увидеть, как это происходит с другими. То, что мы сегодня живем в относительно спокойной обстановке, — заслуга наших правоохранительных органов и тех государственных и политических деятелей, которые отвечают за безопасность народа.

В. А. ТИШКОВ: — Следующим выступит Денис Эдуардович Летняков.

Д. Э. ЛЕТНЯКОВ: — Уважаемые коллеги, мы много говорим о борьбе с терроризмом, противостоянии культур, цивилизаций. Мои тезисы также на эту тему, но немного в другом аспекте, — о демилитаризации исторической памяти. Считаю, что подобная демилитаризация — одна из национальных задач России.

Мы все знакомы с понятием «историческая политика» или, как еще говорят, «политика памяти», когда правящие элиты предлагают своим гражданам некую трактовку истории. Это делается путем учреждения музеев определенной тематики, установки новых памятников или демонтажа существующих, учреждения праздников и т. д. Российское государство — не исключение, мы тоже проводим свою историческую политику. Но что мы можем сказать о ней?

По-моему, в исторической политике, реализуемой в России, слишком большой перекосяк в сторону милитаристской составляющей и, наоборот, катастрофически мало гражданских, невоенных моментов. Давайте вспомним, какие даты Россия из года в год с большим размахом отмечает на общенациональном уровне. Это почти исключительно военные события: 200 лет Отечественной войны 1812 года, 100-летие Первой мировой войны, 70-летие Победы... Попытался вспомнить гражданскую дату, которую мы так же широко отмечаем в последние годы. Кроме 200-летия со дня рождения Пушкина в 1999 году, не вспомнилось ничего.

Я ни в коем случае не выступаю против памяти о войне, особенно о Великой Отечественной, и тем более в Петербурге, который пережил страшную блокаду. Было бы кощунством так ставить вопрос. Пафос моего выступления в другом. Когда-то я шесть лет проработал учителем истории в школе, а историки, как известно, всегда назначались ответственными за то, что называется патриотическим воспитанием. Так вот, в методичках, которые выдавало начальство, все открытые уроки рекомендовалось полностью посвящать теме войны, все время вспоминать какую-нибудь очередную годовщину очередной военной победы. Как будто у нас больше нет ничего такого, что могло бы воспитывать наших детей в духе патриотизма.

Кто-то может возразить: как же еще формировать общегражданскую идентичность? Что может служить объединяющей идеей? Почему нельзя напоминать о славных победах над Гитлером, Наполеоном, шведами, турками? Во-первых, я думаю, что героизация войны сама по себе неправильна, для каких бы целей это ни делалось. Во-вторых, возникает вопрос: кого может воспитать такая историческая политика? По-моему, точно не граждан. И, в-третьих, об альтернативах: что предлагать вместо? На мой взгляд, это как раз одна из наших с вами задач как гуманитариев, представителей мыслящего класса страны — предлагать такие альтернативы.

Например, после 1991 года в России оказалась почти забыта историческая составляющая, связанная с революцией. Споры нет, большинство советских празднований революционных событий были ритуальными и казенными. Но сегодня целый пласт истории, связанный с освободительным движением, вытеснен на периферию общественного сознания. Например, прошло

незамеченным 100-летие Первой русской революции, 100-летие первой Конституции, 190-летие декабристского восстания в прошлом году.

Почему мы гордимся победами над французами и турками, но не гордимся тем, что Россия была первой страной, в которой состоялась общенациональная политическая стачка, когда в октябре 1905 года полтора миллиона людей в России бастовали, требуя свобод, конституции, уважения их прав? Почему мы помним Суворова и Нахимова, но не помним Герцена, декабристов, Кропоткина? Несколько лет назад у нас появился новый праздник — 4 ноября, но и он опять с чисто милитаристским уклоном: выгнали поляков из Кремля. На самом деле годы Смуты были временем зарождения гражданского общества в России. Ведь кто были те люди, которые выгнали поляков? Это было народное ополчение — самоорганизация людей снизу. И они не только выгнали поляков, но и избрали царя на всеобщих выборах. О первых годах после Смуты и самодержавии говорят неправильно, потому что царь управлял вместе с Земским собором. Разве это не может быть предметом гордости, разве об этом не нужно говорить?

Повторяю, я не призываю к забвению военных подвигов. Но необходимо поменять акценты. Мы сетуем на низкий уровень политической культуры населения, дескать, это одна из причин, почему у нас пробуксовывает демократия после 1991 года. Но гражданская и политическая культура не вырастает сама, ее нужно создавать. И одним из ресурсов ее формирования является соответствующая историческая политика, работа с молодежью. Если мы будем, как сейчас, преподавать историю России по Карамзину и говорить, что русский народ любит сильную руку, самодержавие, крепостное право и кнут, если он всю жизнь только тем и занимался, что воевал, то граждан, я убежден, мы не воспитаем.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Валерию Николаевичу Бадмаеву.

В. Н. БАДМАЕВ: — Представлю два тезиса на тему диалога культур и мультивидения современного мира. Коллега Петр Дуткевич в первый день Чтенный отметил, что современный мир должен характеризоваться даже не многополярностью, а многопорядком. Нам нужен многоценностный мировой порядок. Действительно объективные процессы глобализации ведут к росту взаимопонимания и взаимозависимости, повышению уровня взаимодействия между культурами, цивилизациями, народами. И здесь действительно особенно важно глубокое понимание Западом Востока, Севером — Юга и наоборот. В данной ситуации мне представляется, что достаточно актуализируется дихотомия «Запад — не-Запад», которая имеет большую историческую эволюцию и сейчас приобретает все новые характеристики и свойства. Данная дихотомия может и должна быть осмыслена в контексте современности не-Запада. Что это означает? В незападных странах есть свои, особые модели адаптации к меняющемуся миру, свои системы ценностей. Для теоретизации незападной современности необходимо изменить угол зрения, то есть вновь рассмотреть современность, но с пози-

ции незападных обществ, в контексте незападных ценностей. Пока же, напротив, мы рассматриваем незападные цивилизации с точки зрения западного общества и считаем, что они отстали, что они алогичны и т. д.

В качестве примера приведу коллективную монографию, которая вышла в прошлом году, — «Цена и ценности. Экономика и справедливость в век глобальной взаимозависимости», изданную по материалам 10-й конференции философов Востока и Запада, которая состоялась в Гонолулу в 2011 году. Один из авторов — Джин Парк, директор программы по азиатским исследованиям американского университета, подчеркивая важность диалога и равенства всех в таком диалоге, призывает обратиться к буддийскому опыту конструирования идентичности. В буддийском мире не только люди, но и те, кто ими не являются, — все обладают равными правами. Мир Будды — мир абсолютного равенства, в котором даже песчинка имеет право утверждать, что она есть Будда. То есть в диалоге важно не только то, что ты думаешь о другом, но и то, что другой думает о тебе.

Второй тезис связан с выступлением Александра Николаевича Чумакова. Действительно, глобализация — процесс объективный и многогранный, включающий не только технико-технологические, экономические и политические аспекты, но в первую очередь — духовные, социокультурные, ценностные. Поэтому необходимо новое осмысление этого процесса. И опять же обращусь к ценностям буддистской культуры. Один мудрый буддистский ученый и практик заметил как-то, что нельзя отыскать столько кожи, чтобы покрыть ею весь земной шар, дабы уберечь наши ноги от колючек. Наверное, не стоит и пытаться — достаточно покрыть кожей подошвы наших ног. Иначе говоря, этот мир нельзя изменить, он объективен, но можно изменить наше отношение к нему. Возможно, это будет наш первый шаг и к пониманию происходящих процессов, к диалогу и решению проблем, возникающих в новых условиях.

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется Марине Николаевне Ветчиновой.

М. Н. ВЕТЧИНОВА¹: — Я хотела бы предложить возможную формулировку национальной идеи. Вообще ее поиск может быть бесконечным, и сегодня в числе прочих высказывается мнение, что национальная идея будет сформулирована только тогда, когда русская нация станет государствообразующей. Но Дмитрий Сергеевич Лихачев, великий патриот России, в своих суждениях о русской нации и русской культуре справедливо призывал не забывать, что русское государство

¹ Профессор кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Курского государственного университета, доктор педагогических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Изучение иностранных языков в эпоху глобализации и диалога культур», «Родное слово К. Д. Ушинского», «Культурологическая идея концепции коммуникативного иноязычного образования», «Женское гимназическое образование в Курской губернии во второй половине XIX — начале XX века», «Изучение иностранных языков в гимназиях России (вторая половина XIX — начало XX в.)», «Образ преподавателя иностранного языка: вчера, сегодня, завтра» и др.

всегда было многонациональным и в этом всегда была сила России. Он предостерегал от того, чтобы преувеличивать национальные черты, считать их исключительными, поскольку именно в национализме кроется источник ненависти и агрессии. Дмитрий Сергеевич указывал, что согласие между людьми и целыми народами — огромная ценность и необходимое условие для жизни человечества. Эта мысль сегодня особенно актуальна для многонациональных государств, в которых наблюдается рост национальных движений. В то же время он считал, что национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, гибели ее индивидуальности. Отмечал Дмитрий Сергеевич и тот факт, что для русских другие нации всегда представляли особую притягательную силу.

Что же должно стать национальной идеей? Это и строительство, и развитие многонационального государства, и патриотизм, но все это очевидные вещи. А, может быть, именно культуру и образование нам следует сделать национальной идеей? Ведь Дмитрий Сергеевич Лихачев очень боялся угасания именно русской культуры. Он называл его причины: отрицание своей ценности как нации, пренебрежение своим культурным достоянием, враждебность к образованным слоям общества. И если мы хотим создать общество XXI века, если мы хотим нормального экономического, научного, технического развития, чтобы не оказаться на задворках истории, нам следует ставить стратегическую цель — сохранение и развитие культуры в нашей стране. Особенно горячо призываю молодое поколение: берегите культуру!

В. А. ТИШКОВ: — Слово предоставляется профессору Коневу.

В. А. КОНЕВ: — Когда говорят о глобальных вызовах современности, то обычно имеют в виду, что отвечать на эти вызовы должны нации, государства, политики и т. д. Наверное, это правильно. Но что делать простому человеку? Если вызовы глобальные, значит, они должны быть обращены к каждому человеку, и каждый должен найти свой ответ.

Академик Гусейнов говорит о том, что человечество существует только благодаря отдельному индивиду, который реализует человеческую идею. И мне думается, что ответы человечества на глобальные вызовы связаны с поведением каждого из нас. Раньше человек жил в истории, которая ему открывалась через полис, нацию, государство, общественный строй и пр. Современный же человек находится в ситуации, когда на него работает история. Он пользуется всеми благами цивилизации с помощью электронных устройств и Интернета, может путешествовать по истории и культуре всех стран и эпох, любое его творение находит аудиторию, иногда очень широкую. Любое наше действие сегодня как камень, брошенный в воду: от него во все стороны расходятся круги. Каковы будут последствия этих кругов, кто за это отвечает? Тот, кто бросил камень?

Современный человек оказался человеком свободным. Кто из молодежи не знает современного лозунга

«бери от жизни все»? Да, бери что хочешь, потому что ты свободен. Так вот, это сегодня главный вызов — свобода, которая заставляет человека овладеть определенным опытом. Опыт свободы — это не то, что когда-то сформулировал Спиноза: «Познай необходимость и будешь свободным». Опыт свободы — это опыт предела, до которого ты можешь дойти, это опыт трансгрессии, переступания порога и т. д. Мне думается, что это очень тяжелый опыт, но он хорошо осваивается по крайней мере в одном действии: в том, что называется креативным поведением. Это не совсем то же самое, что творчество. Креативность зависит от ситуации, она ограничена условиями, в которых совершается действие. Эти ограничения приучают нас к опыту свободы. Поэтому я думаю, что для современного человека ответ на те вызовы, которые предъявляет ему история, — это умение действовать согласно ситуации, креативно. Только в этом случае будут решаться и глобальные проблемы. Конечно, никакой человек в одиночку не решит проблему глобального потепления — тут должны действовать государства и международные организации, но эта проблема не будет решена, если каждый не станет создавать вокруг себя экологически здоровую среду.

В. А. ТИШКОВ: — Приглашаю к микрофону Виталия Филипповича Фелько.

В. Ф. ФЕДЬКО¹: — Напомню идею Александра Сергеевича Запесоцкого, что сегодня философия должна рассматриваться как наиболее практически значимая область деятельности человечества. Но, по-моему, оценка практического значения того типа культуры, который мы рассматриваем, невозможна без ответа на вопрос: что в конце концов нужно человеку? Когда решены материальные проблемы, обеспечена безопасность — что дальше? Какова наша предельная цель? Технологические достижения, создание общества потребителей, чтобы у каждого было по сто «мерседесов»? Или царствие небесное? Или то, о чем говорят буддисты, — просветление?

На мой взгляд, важнейший для человека вопрос может быть выражен словами из песни: «С чего начинается Родина?». Понимаю, что понятие Родины не сводится к государству СССР или Российской Федерации, оно намного шире. Сегодня значение той или иной культуры и цивилизации можно определить в первую очередь тем, насколько она поддерживает возможность ответить на этот основной вопрос.

Сегодня многих тревожит феномен, который мы знаем как ИГИЛ или Исламский халифат. Почему его не могут победить? Коалиция крупнейших держав мира, обладающих самыми передовыми технологиями, не может победить террористическую организацию? Откуда в ИГИЛ бесконечное количество смертников, для которых сама жизнь оказывается вторичной относительно задач, которые они решают? Мой ответ: про-

¹ Доцент кафедры журналистики СПбГУП, генеральный продюсер киностудии «Корона-фильм», генеральный директор интернет-канала «Война и мир». Режиссер и сценарист фильмов «Переименованный город», «Семья капитана», «Подъем "Курска"», «Морская сила России», «Каспийский страж» и др. Награжден медалью «Адмирал Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецов».

странство халифата (во всем его спектре) существенно актуализирует вопрос «С чего начинается Родина?». На мой взгляд, они сводят этот сложный и тонкий вопрос к понятию рая с гуриями и т. п. В конечном счете это неизбежно приведет их к катастрофе, хотя, возможно, и не в ближайшее время. Но важно, что они апеллируют именно на этом уровне. И этот факт глубокого касания этого уровня, активизации его в умах и сердцах людей переводит их, как ни странно, в разряд непобедимых для культуры потребления, где «мерседесы» являются конечным смыслом жизни.

На мой взгляд, наиболее значительным фактором в победе над таким катастрофическим явлением, как ИГИЛ, может быть русская культура — из всех, что существуют сегодня. У меня есть основания утверждать это после сотни этнокультурных экспедиций на трех континентах. Из того, что я увидел и узнал (а я, например, учился в тибетском монастыре полтора года), именно русская культура наиболее приспособлена к решению основного цивилизационного вопроса, стоящего перед человеком.

В феномене русской культуры есть некая двойственность. Например, в советский период говорили о воспитании нового человека. Понятно, что когда мы говорим о русской культуре, то не имеем в виду узкое этническое понимание, которое может вводить в заблуждение наших друзей из Азербайджана или Армении. На мой взгляд, на эту тему лучше всех высказался Пушкин: «Там русский дух, там Русью пахнет». Русская культура — это объемное и тонкое явление, которое трудно определить точно. Русский дух не зависит от этнической принадлежности, достаточно вспомнить происхождение того же Пушкина.

В. А. ТИШКОВ: — Следующей выступит Светлана Николаевна Иконникова.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Я с большим интересом послушала коллег и хотела бы немного развить темы, которые были ими затронуты. Это то, что имеет непосредственное отношение ко всем аспектам национальных проблем, — менталитет и национальный характер. Мы немного утратили традицию классической философии и психологии XIX–XX веков, которая обращалась к психологии народов. Что такое психология народов, национальный характер, менталитет? Национальный характер и ментальность — как они связаны между собой? Как они соотносятся, имеют ли внутренние различия? И каким образом огромный комплекс проблем сходится в национальном характере и ментальности как способе самосознания? Думаю, что эти вопросы должны стать предметом специальных научных исследований и дискуссий.

Меня все больше огорчает отстраненность многих теоретических позиций от реальной практической жизни, особенно той ее части, в которой мы сталкиваемся с различными нациями, другими традициями и отношениями. Здесь обычно происходит проецирование старых представлений, что не обосновано ни практическим, ни теоретическим знанием. Конфликтность в сфере межнациональных отношений базируется

не только на проблемах политики, глобализации и многих других, но и на психологии человека, способе его мыслительной деятельности и опыте решения конфликтов. Полагаю, что проблема менталитета и национального характера заслуживает обсуждения на конференциях и включения в учебные курсы.

В. А. ТИШКОВ: — А теперь свой вклад в наше обсуждение внесет Светлана Юрьевна Иванова из Ставрополя.

С. Ю. ИВАНОВА: — Из всех услышанных выступлений я сделала вывод. Мы констатируем, что мир находится в точке бифуркации и поиске новых смыслов. Особенно это актуально для нашей страны. В контексте проблем нового интеллектуального проекта мы также обсуждаем проблему национализма. Что нас ждет — коммунизм, интернационализм? Мультикультурализм терпит крах в Европе. Возможно, подобные социальные практики эффективны только в Канаде и Австралии. Насколько они подходят современной России?

В телеграмме председателя правительства, зачитанной ректором, прозвучал интересный термин «интеркультурализм». Что это такое, какова теоретическая основа этого нового феномена? Эти вопросы стоят сегодня перед нами, учеными-гуманитариями.

Мы сегодня говорили о необходимости интегративного проекта, может быть, не интеркультурализма, а интеграции на основе разделяемых ценностей и смыслов. Но каков набор этих ценностей и смыслов, какими методами доносить их до молодежи? Ведь молодежь — основной объект воздействия всех интеллектуальных сил. На этом поле сейчас встречаются наука и образование — две области, которые находятся в периоде перманентного реформирования. В этих условиях вряд ли можно ожидать невероятного интеллектуального прорыва, однако парадокс состоит в том, что он необходим, и общество предъявляет социальный заказ на такой интеллектуальный прорыв. Пока же мы видим только одного игрока на поле ценностей и смыслов — массовую коммерческую рекламу, которая, к сожалению, гораздо быстрее, чем интеллектуальная элита, отвечает на запросы молодежи такими слоганами, как «Наша Russia» или «Хрустteam по-русски».

Что может в этих непростых условиях наука? Мы еще помним, что писателей определяли как «инженеров человеческих душ». Я бы отнесла к этой категории и ученых-гуманитариев. Процесс воздействия на сознание молодежи должен быть осмысленным, системным и научно обоснованным. Однако принципы научности не всегда соблюдаются даже в самой научной среде. Что возможно сделать? Во-первых, уже сейчас работает система мониторинга, организованная Валерием Александровичем. В данный момент мы изучаем систему ценностей и смыслов у молодежи Северного Кавказа, потому что в нашем регионе молодежь до 30 лет составляет почти половину населения. Какие представления они имеют, о чем мечтают? Недавнее исследование этнокультурных предпочтений в области языка и литературы показало, что молодые люди, как и их родители, ценят национальную культуру, но по-

разному видят возможности ее трансляции и изучения. Родители ценят книги и преемственность традиций, молодежь же предпочитает праздники, национальный костюм, общение с единомышленниками в Интернете и т. д. Таким образом, этот сложный процесс требует изучения и сопровождения, и мы по мере сил пытаемся это делать.

В. А. ТИШКОВ: — Спасибо, Светлана Юрьевна. Александр Петрович Марков, прошу Вас.

А. П. МАРКОВ: — Пленарное заседание и вечерашние дискуссии были очень насыщенными — как в интеллектуальном, так и в эмоциональном плане. Общее впечатление: нарастающая тревога по поводу судеб современного мира. В ходе конференции звучали слова о глобальных угрозах для человека. Но, помимо, сегодня человек сам представляет фундаментальную угрозу цивилизации и самой жизни. В этом контексте мне вспомнились две строчки гениального Мандельштама (первая начиналась с известной формулы другого нашего классика: «Человек — это звучит гордо...»), в которых автор метафорически выразил свое предчувствие безобразного финала европейского человека, заслуживающего своими мыслями и деяниями того, что содержится во второй строчке этого короткого стихотворения...

Конференция обозначила ключевые проблемы современной цивилизации. В частности, участники пленарного заседания и дискуссий говорили о глубинном антропологическом кризисе, который переживает европейская цивилизация. Сущность этого кризиса — утрата идентичности, разложение духовного ядра европейской культуры, той объединяющей субстанции, которая в здоровом состоянии удерживается единством прошлого, настоящего и видением будущего. Для понимания этого заболевания уместна такая аналогия: общество с утратой идентичности можно сравнить с психически больным человеком, переживающим распад и отчуждение от собственной личности. Как известно, причина душевных заболеваний — неспособность личности удерживать в сознании собственную биографию в единстве прошлого, настоящего и будущего.

Можно обозначить два ключевых фактора кризиса идентичности: разрушение образа прошлого (в том числе целенаправленное) и отсутствие национальной идеи, способной консолидировать общество, обеспечить единство духовного пространства социума — общность «мы».

Сегодня очевидно: уничтожение нашего прошлого — часть информационной войны, которую Запад ведет с Россией. Цель этой войны — деформация национального самосознания, разрушение системообразующих и консолидирующих нацию оснований, фальсификация исторических событий, выбивающая из-под нации духовные основания идентичности и солидарности, девальвация подлинных смыслов, формирующих нацию событий, символизирующих прежде всего подвиг, жертву и достижение народа (мы помним, что происходило в информационном пространстве в свя-

зи с празднованием Дня Победы 2015 г., да и в этом году тоже).

К сожалению, в глобальном информационном пространстве активно действует «пятая колонна» — исповедующие либерализм отечественные гуманитарии, которыми движет нескрываемая ненависть к Родине. Вольно или невольно, но либералы встают в ряды тех, кто ведет стратегическую информационную войну против России. Приемы, которые используют либералы, известны: целенаправленное искажение событий прошлого, демонизация власти всех времен и эпох, формирование образа народа как скопища рабов, циничное глумление над памятью и судьбами тех, кто, жертвуя многим, создавал эту великую цивилизацию. Остроту этой проблемы на пленарном заседании обозначил В. Т. Третьяков, который говорил об одной из ключевых опасностей информационной войны: во время войны коллаборационисты имеют возможность действовать на территории противника, при этом будучи защищены законами и обладая законными правами и свободами.

И на пленарном заседании прозвучала фраза «Пора разобраться с нашим прошлым». Причем разобраться в определенном смысле — растоптать его, вместе с миллионами тех, кто жил, любил, сотворил эту великую историю и культуру. Дело в том, что прошлое — это душа культуры и народа. А понять ее можно только подобным, любовью, а не ненавистью. По этому поводу Н. Бердяев писал о том, что душу, сердце культуры можно обнаружить только любовью: «Невозможно дать строго научного определения, тайна всякой индивидуальности узнается лишь любовью, в ней всегда есть что-то непостижимое до конца, до последней глубины». При этом отношение народа, нации к своему прошлому всегда избирательно, как и к собственной биографии, в которой человек запоминает лишь те события, которые оказались знаковыми, определили его настоящее и будущее. Нация может понять свое предназначение в мировой истории путем включения в национальное самосознание пиковых состояний государственного и общественного бытия, когда народ максимально полно осуществлял свое призвание.

Ключевой темой двух панельных дискуссий была проблема экспансии международного терроризма. Не могу не высказать своего впечатления по поводу качества и глубины осмысления данного феномена. Прежде всего мне показались не вполне точными определения данного явления, масштабы которого принимают угрожающий характер. Типичные варианты определения, которые звучали на дискуссии: масштабная форма насилия с устрашением, убийство невинных людей и т. д. Дело в том, что такие определения упрощают понимание терроризма, который сегодня становится новой формой войны — глобальной войны слабых, изгоев мира сего. В идеологию этой войны встроена привлекательная в культурном плане и субъективно значимая мотивация участия в террористическом движении (его идеологи оправдывают насилие необходимостью защиты культурных ценностей и святынь). Базовый ресурс терроризма — пассионарность и готовность к самопожертвованию определенной части населения не-

которых регионов ислама. Международный терроризм выступает также средством решения геополитических задач. По данным ООН и Госдепа США, ежегодно совершается около 15 тыс. терактов. При этом в 9 тыс. случаев за теракты никто не берет на себя ответственность, что дает основание считать их имитациями. Геополитические задачи, которые решаются с помощью терроризма, делают труднодостижимой консолидацию усилий государств в борьбе с ним.

Вызывает неудовлетворенность глубина анализа причин расширения социальной базы терроризма. Участники дискуссии справедливо называли политическую нестабильность, кризис капитализма, глобализацию и деструктивную роль СМИ, эффективность программ «духовной вербовки», человеческий фактор — особые психологические качества личности, готовой ради идеи жертвовать своей жизнью. Значимыми факторами являются также высокая рождаемость в государствах ислама и связанная с этим социальная депривация молодежи, провоцирующая чувство ущербности и аутсайдерства.

Но я бы назвал еще два фактора, обеспечивающих расширение социальной базы носителей идеологии терроризма. Первый фактор: ментальная и ценностная несовместимость сторон конфликта: терроризм становится войной цивилизационных матриц (в связи с этим приведу весьма любопытный факт: особая нетерпимость к культуре и обществу стран проживания мигрантов характерна для третьего поколения — внуков выходцев из стран Ближнего Востока). Второй фактор: историко-культурная депривация цивилизационного проекта ислама (Валерий Александрович Тишков в докладе на пленарном заседании назвал это «исторической травмой народа»). Международный терроризм в этом плане — форма исторического возмездия за былые унижения и несправедливость.

К обозначенным выше глобальным проблемам, которые сформировали нерв конференции, я бы добавил еще три, которые, к сожалению, остались на периферии интересов участников пленарного заседания, дискуссий и нашей секции.

Во-первых, это распад национальных государств и опасность реванша национализма. Гибель государств связана с последней стадией европейской культуры — этапом постмодерна, концептуальным обоснованием и выражением которого является философия постмодернизма. Постмодерн инициировал и идеологически легитимировал два глобальных вызова национальным культурам и государствам: а) ультралиберализм, разрушающий ценностно-нормативное поле национальных государств путем активного навязывания политических принципов политкорректности, мультикультурализма и толерантности; б) постмодернизм как

комплексное мировоззрение и политическую практику, заставляющую западную культуру отказываться от ценностей христианства и Просвещения. Активно отвергая эпоху модерна, постмодерн противопоставляет ей плюральность социально-культурного пространства, стимулирует и провоцирует растущее множество отдельных образований — «картин мира», идеологий, мировоззрений, научных парадигм, политических, экономических и культурных практик. В перспективе цель проекта постмодерна, по мнению профессора Ю. Д. Гранина, состоит в том, чтобы демонтировать ключевые атрибуты мироустройства, модифицировать классический образ человека, разрушить традиционные структуры социальности, удерживающие совместное пространство национальных государств.

Вторая проблема, остро встающая перед европейской цивилизацией, — опасность реванша исламского цивилизационного проекта, в том числе в виде создания Великого халифата. Представители различных государств исламского мира почти открыто говорят о неизбежности реванша исламского проекта (в частности, этот тезис звучал на недавней конференции «Россия — Иран: диалог культур», которая прошла на базе нашего Университета 8 апреля 2016 г.). Наши иранские коллеги называли два ключевых фактора успеха этого проекта: кризис европейской культуры и пассионарность исламского мира. В представленных на Лихачевские чтения 2015 года тезисах одного арабского коллеги прозвучала тревожная для всех нас мысль: альтернативой халифату может стать грядущий Апокалипсис — ближневосточный хаос с исходом в мировую войну.

И третья глобальная проблема, достойная внимания нашей конференции, — сокращение пространства диалога и нарастающая вражда между Россией и Европой. В докладе Николая Дмитриевича Хренова прозвучала интересная мысль: возврат в 30-е годы прошлого века к византийскому духу стал причиной лютой ненависти Запада к Советскому Союзу, а затем и к России. Корни этого антагонизма в том, что Византия и Европа — две совершенно разные в духовном плане матрицы. Поэтому русская культура — это постоянный упрек европейской цивилизации, не выдержавшей в своей истории трех искушений Христа в пустыне.

В. А. ТИШКОВ: — Уважаемые коллеги, благодарю вас за участие в дискуссии. Все выступления были очень интересные, а разнообразие мнений и оценок говорит о том, что проблемы, поднятые в ходе обсуждения такой сложной темы, как нация и национализм в современном мире, требуют дальнейшего изучения. Надеюсь, мы продолжим наши исследования и в следующем году соберемся снова, чтобы поделиться результатами и своим видением перспектив.

Секция 3 НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

21 мая 2016 г. Лекционный зал № 3, СПбГУП

Руководители секции:

- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП

ДОКЛАДЫ

С. А. Антипин¹

ЧТО СУЛИТ НАМ КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?

В последнее время участились заявления либералов различного толка о том, что китайское экономическое чудо закончилось, наступает конец китайскому экономическому росту, прогнозируется крах китайской экономической модели. Действительно, экспорт Китая в январе 2016 года снизился на 11,2 % в годовом исчислении. В январе объем внешней торговли Китая опустился на 9,8 %. Кроме того, в прошлом году фондовый рынок Китая сменил бычий тренд на медвежий и председатель комиссии по фондовой бирже лишился своего поста. Может быть, это связано с тем, что китайский юань пошел вниз, как считают международные спекулянты, например Сорос. Что же на самом деле происходит с китайской экономикой? Нас не могут не интересовать эти вопросы. Ведь при «жесткой посадке» Китая российская экономика будет иметь дополнительные проблемы.

Подобным образом могут рассуждать люди, которые не имеют никакого представления об экономике КНР либо сознательно передергивают факты. Китай постоянно проводил изменения в своей экономической политике, но все они имели положительный результат. В 1972 году Китай получил крупные ино-

странные кредиты и не рассчитался по ним, поэтому иностранные инвесторы ушли из страны. Однако уже в 1978 году более удачливые вернулись в Китай с новыми инвестициями. Это произошло благодаря тому, что в том году Китай провозгласил политику реформ и открытости. Эта политика позволила ему активно включиться в процесс глобализации, в чем Китай преуспел настолько, что стал объектом постоянного обсуждения научной общественности.

В этот момент китайское руководство сумело своевременно сориентироваться в условиях глобализации и использовать ее преимущества в интересах своей страны, действуя под лозунгом «Светлое будущее, но путь извилистый». Именно глобализация мировой экономики стала важным обстоятельством, способствующим успеху КНР. Она создала преимущества для развивающихся стран, поскольку знания, технологии и комплектующие стали более мобильными и доступными для них. В мире, состоявшем из отдельных рынков, защищенных таможенными барьерами, различными торговыми запретами, товары и информация распространялись медленно. Это создавало виды конкуренции, отличные от нынешних — глобальных. В настоящее время товары и информация распространяются по миру мгновенно. Подобно тому, как китайцы впервые в мире использовали реактивный двигатель, они оказались на данном этапе сильнее других в использовании возможностей логистики издержек. Их опыт, безусловно, заслуживает глубокого изучения ведущими мировыми компаниями, поскольку их собственная стратегия вымостила китайцам путь к успеху.

¹ Профессор кафедры менеджмента и логистики на транспорте Самарского государственного университета путей сообщения, доктор экономических наук. Автор многих научных публикаций, в т. ч.: «Почему процветает китайская экономика. Конъюнктура оптовых рынков», «Влияние национальной культуры на развитие экономики. Феномен экономического успеха Китая», «Экономическая стратегия КНР. Геополитические риски современной мировой экономики», «Вызовы российской экономике на современном этапе глобализации», «Прямые инвестиции в обрабатывающую промышленность США» (в соавт.).

Например, стремление получения комплектующих из-за рубежа, растущая модульность товаров и услуг, «глобальная экономика знания», более доступный рынок талантливых специалистов и профессиональных услуг, а также растущая возможность скупать иностранные компании.

На наш взгляд, главной отличительной особенностью китайской глобализации от российской и других, осуществляемых на основе «Вашингтонского консенсуса», является отказ от шоковых терапий, навязанных западными консультантами развивающимся странам. Результаты подобных преобразований известны. Применение правил «Вашингтонского консенсуса» привело к краху экономики Аргентины, Индонезии, России и других стран. В свете последних мировых событий стали очевидны и цели вашингтонских советчиков. Сейчас мы видим результаты так называемых «демократических преобразований» в ряде африканских стран, на Украине и в некоторых странах Евросоюза. В отличие от них китайская глобализация осуществлялась постепенно.

Китайцы провели хорошо продуманный экономический эксперимент. Они создали несколько свободных экономических зон на юге Китая, недалеко от Гонконга. Например, г. Шеньчжень, расположенный в непосредственной близости от Гонконга, был создан как образец социалистического мегаполиса в противопоставление символу капитализма — Гонконгу. План Дэн Сяопина удался, и г. Шеньчжень из сравнительно небольшой деревни превратился в современный мегаполис с населением около 10 млн человек, развитой промышленностью, Политехническим университетом со своим технопарком и множеством выставочных павильонов.

Особенности китайской глобализации широко обсуждаются на Западе. В книге Джошуа Купера Рамо «Пекинский консенсус» она представлена в противоположность понятию «Вашингтонский консенсус», появившемуся в начале 1990-х годов. В «Вашингтонском консенсусе» сформулированы 10 неолиберальных правил для преобразования экономики стран Латинской Америки. К ним относились: 1) снятие тарифных барьеров; 2) нерегулируемая государством экономика и др.

В «Пекинском консенсусе» правила противоположны: 1) стремление к инновациям в экономической, политической, социальной сфере, но с учетом китайской специфики; 2) социальная сфера должна развиваться параллельно с экономикой; 3) необходима асимметричность в развитии, то есть китайская модель может разворачиваться, не втягиваясь в гонку вооружений. Однако Китай при этом может парализовать США. Золотой запас первоначально нужен был для защиты от экономического краха, как это произошло в ряде стран в 1997–1998 годах. Затем он стал необходим для гарантии поставок сырья (прежде всего нефти) и энергии, чтобы бесперебойно росла промышленность. В настоящее время данный запас служит целям защиты суверенитета Китая. Золотой запас может способствовать финансовому сокрушению противника, если он попытается, например, начать ядерную войну¹.

Откажемся от общепринятой западной, европоцентристской модели исторического развития и включим Китай, Восток в целом и восточные философские и политологические построения в общий контекст глобальной трансформации мира. В русле интеллектуальной традиции XX века сущность переживаемой глобальной трансформации мира принято описывать сквозь призму борьбы двух родившихся в Европе общественно-политических течений — либерализма и социализма. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что, объединив планету современными промышленными технологиями, Запад так и не сумел ликвидировать различий в духовной культуре населяющих ее народов. При этом марксизм, возникший как интеллектуальная и нравственная реакция на изъяны капиталистического развития на Западе, был воспринят и использован прежде всего на Востоке, поскольку оказался ближе существовавшему там (в первую очередь в Китае) цивилизационным моделям. С этой точки зрения формальную победу либерализма в 1990-е годы можно рассматривать как продолжение противостояния традиций восточной духовности и западной техногенности, что значительно расширяет контекст проблемы. И те проблемы, с которыми сегодня столкнулся западный мир, позволяют говорить о том, что эта победа была временной.

На протяжении XX века был выработан особый тип социально-исторического движения, обязательным условием которого являлось наличие цели трансформации — вхождение в европейскую цивилизацию. Сейчас это условие уже не обязательно. Ведь Китай дает новые перспективы. В результате подробного анализа происходивших и происходящих сегодня в Китае социально-экономических изменений мы, реконструируя логику исторического развития этой страны и сравнивая ее с опытом России, пришли к выводу, что Китай, пожалуй, нашел тот механизм, который способен стать примером трансформатора, переводящим традиции в современность, тот особый механизм социального регулирования, который подходит как социокультурной традиции, так и динамично развивающейся социально-экономической среде.

Возрождение традиционных форм общественной жизни существенным образом ограничило господство экономического детерминизма, приведя к снижению роли социально-экономических критериев в пользу социокультурных. Что позволяет говорить об особой притягательности китайской модели для стран — представительниц восточной цивилизации (к ним многие сегодня относят и Россию).

Доминирование Запада, породив чувство превосходства, одновременно указало предел, которого достигла его агрессивно-деятельная сущность. Восстановить ощущение гармонии могла только соответствующая высокому уровню материальной культуры духовность, понимаемая как характеристика общественных, сугубо социальных отношений. Пессимизм западной философии, исчерпавшей внутренние ресурсы, в значительной мере вызван воспоминаниями о религиозной, восточной, средневековой фазе развития и опасениями, что Европе снова придется раствориться в Вос-

¹ http://www.intelros.ru/pdf/Rus_Jornal/49/10.pdf

токе, который с самого начала воспринимался как оппонент, не позволял выйти из бинарной логики и говорить о синтезе как о новом, третьем элементе исторического пространства. Восток, наоборот, демонстрирует деятельностный оптимизм на основе уже осуществленного синтеза. Породив Запад, он, похоже, готов принять его обратно, но уже с приданным в виде науки и техники. Можно прийти к следующим выводам: во-первых, существуют и альтернативные либеральному пути экономического развития; во-вторых, стране необязательно становиться частью системы США, в которой пытаются навязать другим странам удобные им правила игры.

Существуют два возможных толкования понятия «Пекинский консенсус» (Beijing yizhitongyi), одно

из них — «китайская модель развития». Модель — это условный образ объекта, сконструированный в целях научного исследования. Это уже не просто согласие политиков и средств массовой информации в отношении некоего глобального проекта, а движение к выводу об универсальности китайского пути развития, о возможности экономической эффективности однопартийной системы, незаменимости государственных предприятий и политических банков, долгосрочной допустимости государственного регулирования свободного рынка. К пересмотру, наконец, политической и экономической закономерности развала Советского Союза. Не стоит ли нам присмотреться к положительному опыту восточного соседа?

С. Б. Байзаков¹

ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КАЗАХСТАНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На современном этапе глобализации мировой экономической системы проблемы совершенствования управления развитием рыночной экономики представляют большую научно-практическую значимость. Особенно актуальным является решение проблемы сбалансированного развития финансового и реального секторов. Судя по комментарию Чжао Юй агентству «Синьхуа», причина кризиса в России связана с диспропорциями в развитии этих двух секторов экономики. «Не представляется возможным выйти из системного кризиса, не преодолев диспропорции в развитии финансового и реального секторов экономики, которые продолжают нарастать»². Аналогичные диспропорции характерны для всех развитых и развивающихся стран мира, в том числе и Казахстана.

Казахстан является страной с доходами выше среднего, в 2013 году ВВП на душу населения составил почти 13 тыс. долларов США. В 2014 году в Казахстане наблюдались более медленные темпы развития и более высокий уровень инфляции. Рост реального ВВП в Казахстане сократился с 6 % в годовом исчислении в 2013 году до 1,2 % в 2015-м. Такое снижение связано с внутренними ограничениями в нефтяной отрасли, ухудшением условий внешней торговли и экономическим спадом в России. Резкая девальвация казахстанского тенге в феврале 2014 года привела к сокращению объема импорта товаров и повышению уровня инфляции в стране с 4,8 % в годовом исчислении в декабре 2013 года до 13,6 % в 2015-м.

Торговая политика будет оставаться центральным инструментом интеграции страны в мировую эконо-

мику, но Казахстан столкнется со сложной торговой политикой в среднесрочной перспективе. Экономика приспосабливается к евразийскому Таможенному союзу, в который страна вступила в 2010 году, а также проводит ускоренный график дальнейшей интеграции в рамках Единого экономического пространства. В 2016 году Казахстан вступил во Всемирную торговую организацию.

Образование имеет приоритетное значение для Казахстана. В 2011 году Казахстан занял первое место по Индексу развития ЮНЕСКО «Образование для всех» благодаря почти стопроцентному охвату начального образования, уровню грамотности взрослого населения и равенству полов. Эти результаты отражают усилия Казахстана по расширению доступа к дошкольному образованию и бесплатному обязательному среднему образованию. В последующие 10 лет Казахстан планирует проведение значительных реформ на всех уровнях образовательной системы.

Казахстан проводит реструктуризацию системы здравоохранения. Результаты системы по здравоохранению не соответствуют быстро растущим доходам страны. Главной причиной смертности среди взрослого населения являются неинфекционные заболевания, такие как рак, сердечно-сосудистые заболевания, другие заболевания и травмы, связанные с табакокурением и алкоголизмом. В новой государственной программе развития здравоохранения эта отрасль относится к числу главных приоритетов страны и обязательных условий устойчивого социально-экономического развития.

На сельское хозяйство приходится всего лишь 4,5 % ВВП, в этой отрасли занята почти четверть работающего населения. Сектор играет большую роль в решении проблем бедности и продовольственной безопасности и является важным источником диверсификации экономики.

Несмотря на краткосрочную уязвимость, неопределенность экономических перспектив региона, средне-

¹ Научный руководитель Института экономических исследований (Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор. Автор более 160 научных публикаций, в т. ч.: «Цена рабочего времени», «Проблемы региональной экономики», «Казахстан: анализ инвестиционной торговой политики», «Стратегический менеджмент».

² Чжао Юй. Комментарий: сможет ли Россия выдержать испытание на прочность на фоне сложного кризиса? URL: http://russian.news.cn/2015-12/17/c_134926887.htm

срочные перспективы Казахстана обнадеживают. В среднесрочной перспективе продолжится рост экономики за счет расширения нефтяного сектора, в то время как рост ненефтяного сектора будет ниже на фоне снижения внутреннего спроса. В более долгосрочной перспективе достижение цели развития Казахстана по вхождению в число 30 наиболее развитых стран к 2050 году зависит от способности Казахстана сохранять сбалансированный и всеобъемлющий экономический рост. Укрепление среднесрочных и долгосрочных перспектив развития зависит от успехов Казахстана в диверсификации своей ресурсной базы, в частности в создании высококвалифицированного человеческого капитала и, что более важно, в укреплении институционального капитала. Все, вместе взятое, представляет собой необходимые компоненты развития и расширения частного сектора в стране.

Представленный мировому сообществу в 2012 году мегапроект “G-Global” президента Казахстана Н. А. Назарбаева из года в год повышает свою актуальность. Сегодня его точка зрения представляет наиболее объективный взгляд на причины глобальных экономических кризисов. Н. А. Назарбаев, выступая на самых престижных трибунах, многократно отмечал беспомощность в борьбе с существующим экономическим кризисом таких глобальных форумов, как G8, G20. Так, в выступлении 28 апреля 2014 года в Московском государственном университете он сказал: «Нынешняя глобальная нестабильность — это кризис не только экономики, но и международного права, глобальной политики. С ними не справляются G8 и G20. Именно поэтому в 2012 году я выдвинул инициативу “G-GLOBAL”. В нем интерактивно участвуют 160 стран. “G-GLOBAL” включает фундаментальные принципы мира в XXI веке: эволюция и отказ от революционных изменений в политике; справедливость, равенство, консенсус; глобальная толерантность и доверие; глобальная транспарентность; конструктивная многополярность. Я считаю, что нынешний глобальный вызов будет преодолен, если произойдут глубокие изменения в международном праве, внешнеполитической практике, методах межгосударственных отношений. Поэтому наши предложения о принципах “G-GLOBAL” сегодня как никогда полезны мировому сообществу. Я уверен, что они способны придать развитию мира конструктивный характер».

И действительно, кризис с каждым годом углубляется. И в речи на открытии пленарного заседания VII Астанинского экономического форума 23 мая 2014 года Н. А. Назарбаев отмечает необходимость новой глобальной модели роста в борьбе с кризисом: «Начало XXI века, вопреки надеждам на улучшение мирового порядка, оказалось насыщенным угрозами и новыми вызовами. Глобальный кризис, начавшийся 6 лет назад, никуда не делся. Он с каждым годом только нарастает. Человечество ждет, чаёт радикально новый проект мирового развития. Я говорил об этом еще в 2009 году в своих статьях “Ключи от кризиса” и “Пятый путь”. Время показывает, что это кризис всей старой модели роста мира, за которым должен родиться новый мир. Мы стоим у его колыбели».

«Главный смысл идеи “G-GLOBAL” заключается в том, чтобы предложить позитивную альтернативу хаотической динамике смены глобальных парадигм развития мира. Казахстан, как убежденный сторонник центрально-азиатской интеграции, намерен стать крупнейшим транзитным и логистическим хабом региона, “мостом” между Европой и Азией».

Эти выступления президента Казахстана Н. А. Назарбаева созвучны с недавним его выступлением на общих дебатах 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 2015 года: «В XXI веке миру нужны финансовые инструменты нового качества. Необходимо объединить усилия стран — членов ООН по разработке национальной мировой валюты, отвечающей целям и задачам глобального устойчивого развития и процветания»¹. На безотлагательное разрешение этих проблем ориентируют также ежегодные послания президента народу Казахстана², стратегии и программы³, в том числе по углублению экономических реформ³.

Теперь в Казахстане большое внимание уделяется эффективности регуляторной политики. Сюда следует добавить акцент на социальную ответственность бизнеса и социальную ориентацию развития национальной экономики, чему способствуют государственное и частное партнерство, инновационно-интеллектуальное развитие производственно-сервисной экономики страны на основе роста его производительности. В связи с этим важное теоретическое и практическое значение имеют изучение категории устойчивого развития рыночной экономики и выявление определяющих ее критериев и показателей.

Различия в росте эффективности производства в отраслях и регионах порождаются многими факторами. Однако общие принципы соизмерения затрат и результатов остаются едиными. Отраслевая эффективность и эффективность видов экономической деятельности в значительной степени определяются соответствующими показателями развития частного сектора, а эффективность национальной экономики — не только показателями развития экономики страны в целом, но и оценками эффективности отраслевой и региональной экономик.

В связи с этим в методах измерения эффективности производства, основанных на принципах соизмерения затрат и результатов, учитываются условия формирования соответствующих показателей на разных отраслевых и региональных уровнях хозяйствования, особенности производства, связанные с уровнем состояния и развития научно-технологического потенциала страны и сопутствующими ему другими организационными факторами.

На современном этапе развития экономики быстро изменяются технический уровень производства и ква-

¹ Выступление Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева на общих дебатах 70-й сессии Генассамблеи ООН 29 сентября 2015 года. URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-URLrespubliki-kazahstan-nazarbaeva-na-obshchih-debatah-70-i-sessii-genassamblei-oon

² Послание Президента народу Казахстана. URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president

³ Стратегии и программы Республики Казахстан. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs

лификация промышленно-производственного персонала. Так, в 2000–2010 годы экономика Казахстана демонстрировала относительно высокие темпы развития, несмотря на глобальный кризис 2008–2009 годов. Среднегодовые темпы роста составили более 10 %. За прошедшее десятилетие общий темп роста коэффициента научно-технологического потенциала страны составил 12,5 % со среднегодовым ростом более 1 %.

С 2010 по 2015 год, несмотря на валютно-финансовые кризисы в развитых странах мира и санкции Запада против России, которая является основным стратегическим партнером Казахстана, национальная экономика продолжала успешно развиваться. Первоначальный импульс ускорению ее развития дала Стратегия «Казахстан–2030», итоги которой были подведены в 2012 году¹.

Итоги реализации этой стратегии развития показали, что по целому ряду параметров целевые ориентиры на 2030 год фактически выполнены. Так, по разделу «Национальная безопасность» запланированные основные параметры полностью выполнены. Теперь Казахстан имеет сильную, современную, оборонноспособную армию, эффективную правоохранительную систему, способную обеспечить безопасность граждан, общества и государства.

В Казахстане обеспечена и внутрисполитическая стабильность. В стране, где проживают представители более ста народов и народностей, достигнуто национальное единство. Казахстан сегодня является важным международным центром межкультурного и межконфессионального диалога. Именно в Казахстане состоялись съезды лидеров мировых и традиционных религий. В ближайшем будущем страна готова стать мостом для диалога и взаимодействия Востока и Запада.

С 1999 года ежегодный прирост реального ВВП Казахстана составил свыше 7 %, тем самым обогнав передовые развивающиеся страны. ВВП на душу населения увеличился более чем в 7 раз: с 1,5 тыс. долларов США в 1998 году до 12 тыс. в 2012-м. Казахстан с начала независимости стал лидером среди стран СНГ по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций на душу населения, который превысил 10 тыс. долларов.

Заметными стали успехи Казахстана по разделу «Здоровье, образование и благополучие граждан Казахстана». Среднемесячная заработная плата к началу 2014 года возросла более чем в 10 раз. Увеличились средний размер пенсионных выплат и номинальные денежные доходы населения. Ежегодно растет объем финансирования здравоохранения. Создан медицинский кластер, в который входит целая группа инновационных кластеров здравоохранения: детский реабилитационный центр, центр материнства и детства, нейрохирургия, неотложная медицинская помощь и центр кардиологии. В итоге продолжительность жизни населения страны выросла до 70 лет.

¹ Послание Президента Республики Казахстан — лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия “Казахстан–2050”: Новый политический курс состоявшегося государства». URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-14-dekabrya-2012-g_1357813742

Казахстан последовательно проводит курс на развитие доступного и качественного образования. Реализация программы «Балапан» позволила увеличить охват детей дошкольным образованием. В стране развивается сеть интеллектуальных школ и профессионально-технических колледжей мирового уровня. В Астане создан современный научно-исследовательский университет, работающий по международным стандартам.

В энергетическом комплексе нефтегазовая отрасль стала локомотивом всей экономики и способствует развитию других отраслевых кластеров. Наблюдается устойчивая динамика роста доли нефтегазовой отрасли в валовой добавленной стоимости страны в основных ценах, которая выросла с 3,7 % в 1997 году до 14,7 % в 2006-м и 18 % в 2013-м.

Благодаря Стратегии «Казахстан–2030» введено в строй множество крупных стратегических объектов промышленной, транспортной инфраструктуры и инфраструктуры других отраслей жизнеобеспечения. Сюда относятся автомобильные и железнодорожные магистрали, трубопроводы, логистические центры, терминалы, аэропорты, вокзалы, порты и т. д. С каждым годом растет число потребителей телекоммуникационной отрасли: стационарных телефонов, мобильной связи, Интернета.

В настоящее время возрождается новый Шелковый путь, создавая магистральный транспортный коридор Западная Европа — Западный Китай. Открыт доступ к странам Персидского залива и Большого Востока. Большая работа выполнена по развитию управленческих услуг, избавлению от управленческих традиций административно-командной системы. Создаются современные, эффективно работающие корпуса управленческих служб. В целом основные задачи, поставленные в Стратегии, выполнены.

Несмотря на достижение высоких темпов экономического роста за прошедшее пятнадцатилетие XXI века, в Казахстане остаются проблемы и диспропорции, требующие дальнейшей диверсификации экономики и развития ресурсного потенциала страны. Так, за последние пять лет импорт в Казахстан доходил до 40 % прироста к предыдущему периоду, а экспорт из страны — до 25 %².

Для решения этой и других проблем в рамках аналитических центров страны принимаются меры, куда входят:

- выявление конкурентных преимуществ Казахстана по основным факторам и их производительности;
- проведение межстранового сравнительного анализа конкурентоспособности казахстанской экономики;
- анализ экономики по отраслям и видам экономической деятельности в целях выявления диспропорций для устранения и определения эффективных направлений для развития;
- разработка прорывных проектов, способных провести успешную реструктуризацию экономики.

Мировой кризис 2008–2009 годов подтвердил, что Казахстан состоялся как государство и общество. Государ-

² По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

ственные границы, политическая система, экономическая модель больше не являются предметом серьезных разногласий и дискуссий ни внутри страны, ни за ее пределами. Теперь перед Казахстаном стоит новая задача развития государства на долгосрочный период до 2050 года. Старт реализации долгосрочной стратегии «Казахстан–2050» был дан в 2014 году, когда был представлен план вхождения в число 30 развитых стран мира¹.

Выступая с докладом на XVII съезде партии «Нур Отан», глава государства обозначил ключевые вопросы развития страны и поставил перед партией и всем

народом конкретные задачи в контексте «Плана нации — 100 конкретных шагов» и новой предвыборной программы партии «Казахстан–2021: Единство. Стабильность. Созидание». «Эффективная реализация всех пяти реформ — ключ нашего успеха в XXI веке. 100 шагов, по сути, — подчеркнул Н. А. Назарбаев, — это 100 моих предметных решений по системным вопросам дальнейшего развития страны»².

Казахстанцы уверены, что и этот «План нации — 100 конкретных шагов», как и стратегия «Казахстан–2030», будет успешно выполнен.

Н. В. Бурова³

ОЦЕНКИ НЕЛЕГАЛЬНОГО СЕКТОРА НЕНАБЛЮДАЕМОЙ ЭКОНОМИКИ

Понятие о ненаблюдаемой экономике включает в себя те виды деятельности, которые ускользают от фиксации и включения в прозрачную систему перераспределения ресурсов в государстве. В связи с этим ненаблюдаемая экономика прямо или косвенно затрагивает всех социально-экономических субъектов, как экономически активное население и предприятия, так и дотируемые категории граждан и регионы.

Ученые и практики статистического анализа начиная с 1980-х годов предпринимают попытки разработки методологии определения масштабов теневой экономики, теневой деятельности или отдельных ее элементов.

Федеральная служба государственной статистики (Росстат) выделяет три составляющие в составе теневой экономической деятельности:

— «скрытая» экономическая деятельность — в большинстве случаев законная экономическая деятельность, которая скрывается или преуменьшается осуществляющими ее единицами с целью уклонения от уплаты налогов, социальных взносов или выполнения определенных административных обязанностей или предписаний по охране труда;

¹ Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана от 17 января 2014 года «Казахстанский путь–2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее». URL: http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/page_215750_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-nazarbaeva-narodu-kazakhstanu-17-yanvarya-2014-g

² XVII съезд партии «Нур Отан» под председательством главы государства от 29 января 2016 года. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/xvii-sezd-partii-nur-otan-pod-predsedatelstvom-glavy-gosudarstva

³ Директор Международного института экономики и политики СПбГЭУ, профессор кафедры статистики и эконометрики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Незаконная экономическая деятельность: теория и практика измерения», «Современный рынок коммерческих сексуальных услуг: структура, изменения, регулирование» (в соавт.), «Межстрановые взаимодействия в исследовании ненаблюдаемой экономики», «Государственная статистика как общественное благо», «Интернационализация высшего профессионального образования: инструменты реализации и критерии оценки», «Макроэкономическая статистика» и др. Лауреат премии Правительства Санкт-Петербурга, кавалер ордена Академических пальм Франции.

— «неформальная» экономическая деятельность — осуществляемая в большинстве случаев на законном основании индивидуальными производителями или некорпоративными предприятиями, основанная на неформальных отношениях между участниками производства и не оформляемая иногда в установленном порядке;

— «нелегальная» экономическая деятельность (НЭД) является незаконной, то есть охватывает те виды производства товаров и услуг, которые прямо запрещены существующим законодательством.

При добавлении к этим компонентам объемов производства домашними хозяйствами для собственного конечного потребления и видов деятельности, не учитываемых статистикой из-за недостатков системы сбора основной статистической информации, получаем совокупность видов деятельности, объединенных понятием ненаблюдаемой экономики.

Результатом совместной работы экспертов, экономистов и статистиков из ОЭСР, МОТ, МВФ, Статкомитета СНГ, Статистической службы Италии, Статистической службы Нидерландов и Росстата в этой области стало Руководство по измерению ненаблюдаемой экономики⁴. Целью этого документа выступает предоставление рекомендаций того, как производить исчерпывающие оценки ВВП, чтобы в производственной деятельности стало настолько мало ненаблюдаемой (то есть не включенной в программу сбора основных данных), насколько это возможно, и чтобы в составе ненаблюдаемой деятельности процент неизмеряемой (то есть не включенной в оценки национальных счетов) был минимален.

Таким образом, структура ненаблюдаемой экономики (ННЭ) состоит из двух частей: измеряемой и неизмеряемой. Скрытая и неформальная деятельность (в составе ННЭ) оцениваются Росстатом в соответствии с принятыми методологическими положениями по статистике (1998. Вып. 2) и составляют измеряемую часть ННЭ. Например, определяется общий объем промышленного производства с учетом скрытой

⁴ Руководство по измерению ненаблюдаемой экономики. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Париж, 2002.

и неформальной деятельности. Правомерно отметить, что не вся скрытая и неформальная экономическая деятельность учитывается: некая небольшая ее часть в любом случае остается неучтенной и неизмеренной.

Также в составе неизмеряемой части ННЭ находятся такие элементы, как производство домашними хозяйствами для собственного конечного потребления и деятельность, неучтенная из-за недостатков или сбоев в процессе сбора статистической информации. Однако основную долю неизмеряемой ненаблюдаемой экономики в России и во всем мире, безусловно, составляет нелегальная деятельность, а именно: контрабанда, браконьерство, производство и сбыт наркотиков, проституция, производство и распространение порнографических материалов, незаконное производство алкоголя, незаконное производство и сбыт оружия, производство и продажа поддельных продуктов и многое другое.

Разработка методов измерения ненаблюдаемой деятельности (в первую очередь нелегальной) важна не только для получения представления о масштабах и тенденциях развития самой ненаблюдаемой экономики, но и для повышения достоверности показателей официальной статистики.

Общемировые тенденции в изучении ненаблюдаемой экономики включают расширение оценок ее измеряемой части и межстрановую унификацию статистического изучения. Исследования в области измерения теневой деятельности в мировом экономическом сообществе получили наибольшее развитие в 1980–1990 годах. Среди наиболее известных работ перечислим труды V. Tanzi, E. L. Feige, F. Schneider, J.-C. Willard, D. Blades, P. Pestieau, Ph. Barthelemy, M. Calsaroni, J. Charmes, B. Dallago, B. S. Frey и др. Ими рассмотрены разные аспекты измерения теневой экономической деятельности (ТЭД) в целом или некоторых ее составляющих (в первую очередь скрытой и неформальной). Практически все авторы оценивали долю ТЭД в процентах к ВВП (или ВНП), не соотнося свои результаты с концепцией национальных счетов. Внедрение результатов измерения ТЭД в СНС либо полностью отсутствовало, либо осуществлялось экспериментально, либо в сопровождении серьезных допущений.

Поле исследования — измеряемая часть — варьировало от исследования к исследованию, переходя от понятия доходов, укрываемых от статистического наблюдения, до понятия добавленной стоимости, произведенной каким-либо отдельным видом теневой деятельности. Отметим также, что оценки чаще всего были глобальными, без учета того факта, что та или иная часть теневого производства, распределения или потребления уже учтена в ВВП. По этим причи-

нам исследования в области ННЭ заметно различаются не только между странами, но даже в рамках одной страны. В соответствии с рекомендациями «Руководства по измерению ненаблюдаемой экономики» (2002 г., ОЭСР) статистические службы стран ОЭСР разрабатывают ныне стратегии измерения ненаблюдаемой экономики. Признание важности и необходимости изучения и разработки методологии измерения ненаблюдаемой экономики представляется нам продвижением вперед.

Современные российские исследования ненаблюдаемой экономики учитывают динамику рыночной конъюнктуры, социально-экономическую дифференциацию, геополитические процессы ослабления контроля на границах отдельных стран или регионов. В России с начала 1990-х годов в связи с переходом к рыночным условиям хозяйствования спектр ненаблюдаемой экономической деятельности значительно расширился.

Основной упор делается на максимальное занижение официально декларируемых объемов деятельности и полученной прибыли для минимизации выплачиваемых налогов, с одной стороны, и максимальное сокрытие осуществляемой нелегальной деятельности с тем, чтобы извлекать сверхприбыли от очевидно запрещенных законодательством действий, с другой стороны. Многие российские ученые посвятили свои работы этой проблеме. Среди них С. Глинкина, С. Головин, И. Елисеева, В. Исправников, В. Колесников, Л. Косалс, Ю. Латов, В. Радаев и многие другие. Между тем острота этой проблемы все в большей степени осознается экономическим сообществом и статистиками. Масштабы развития нелегальной экономической деятельности, которые мы наблюдаем сейчас, приняли угрожающий для общества, экономики и национальной безопасности характер. Осознание этой угрозы стимулирует разработку методологии измерения НЭД, в том числе таких ее явлений, как наркобизнес, секс-индустрия, незаконный сбыт оружия, продажа контрафактной продукции и т. д.

Качество результатов в такой области, как измерение ННЭ, будет зависеть от достоверности и надежности информационной базы расчетов, адекватных методов сбора и обработки информации, комплексного подхода к информационно-статистическому обеспечению процессов ее измерения. Корректные оценки ННЭ позволят более тонкую настройку процессов перераспределения ресурсов в рамках территории государства и регионов, между различными категориями индивидов и организаций, а следовательно, приведут к повышению эффективности функционирования экономики в целом.

В. П. Горев¹

ИЗМЕНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТНОГО ПРЕИМУЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО РЫНКА

Согласно классической теории страна получает конкурентное преимущество, развивая те отрасли, для которых имеются в избытке необходимые факторы производства — труд, земля, природные ресурсы, капитал, инфраструктура. Однако данная доктрина, давно вошедшая в классическую экономическую теорию, не может отражать в полной мере процессы создания и удержания конкурентного преимущества стран в современном мире, хотя и не является несостоятельной.

Доступ к дешевому сырью или рабочей силе создает сравнительное преимущество благодаря низким факторным издержкам, но в большинстве случаев это не дает национальной экономике конкурентного преимущества. Глобализация рынка позволяет фирмам, независимо от страны их базирования, получать доступ к таким факторам, а следовательно, и сравнительное преимущество. Более того, транснациональные компании просто должны стремиться к этому ради достижения операционной эффективности.

Конкурентное преимущество возникает не из доступности дешевых факторов производства, а из наивысшей производительности их использования. В высокотехнологичной экономике решающую роль играют не наследуемые, а создаваемые факторы производства: квалификация рабочих, научно-производственная база производства, система образования и т. п.

Набор наследуемых факторов, которыми обладает государство в высокотехнологичной среде, менее значим, чем умение за короткое время создавать новые факторы конкурентного преимущества. Особую важность приобретают высокоспециализированные факторы производства, для создания которых требуются крупные инвестиции. Базовые факторы производства — природные и трудовые ресурсы — не обеспечивают преимущества в наукоемких отраслях промышленности. Специализированные же факторы практически невозможно скопировать конкурентам, так как для их создания нужны не только деньги, но и время, и комплекс условий, которые формируют такое явление, как школа.

Для успешного внедрения инвестиций любая компания должна иметь доступ к работникам соответству-

ющей квалификации. Современная экономическая модель предполагает венчурный принцип финансирования нововведений. Он, по существу, представляет собой встроенный в экономику фильтр для инноваций. Разнообразные и многочисленные научно-технические идеи получают рыночную оценку на ранней стадии своего существования. Еще до того, как в них вложены крупные средства, инвестор имеет возможность получить оценку перспективности (или бесперспективности) той или иной идеи или технологии. В итоге в производственный процесс внедряются те из них, которые соответствуют реальному экономическому спросу.

Именно рынок венчурного капитала способствует внедрению инноваций в производстве в тот момент, когда в них возникает потребность. Это делает научные исследования экономически осмысленными. Создается среда, в которой нужные знания появляются в нужное время.

Конкурентные преимущества, обусловленные местоположением, и преимущества, получаемые от глобализации рынка, могут стать основой формирования интегрированной концепции глобальной стратегии как на уровне фирмы, так и государства.

В настоящее время наблюдается не только рост объемов, но и разнообразие мирохозяйственных связей. В результате формируется целостная экономическая система в глобальном масштабе. Факторная структура общественного производства, уровень внутренней конкуренции определяют степень и характер вхождения той или иной страны в систему мировых экономических отношений.

Одной из последствий глобализации является то, что различия в продуктивности факторов производства в разных странах порождают новое явление — различие в эффективности инвестиций в зависимости от географии их размещения. Эти различия в доходах от вложенного капитала на разных территориях носят устойчивый характер, обусловлены различным качеством самих территорий и являются источником для формирования такого вида дохода, как рента. Поскольку такие различия в доходах возникают в результате процесса глобализации рынка, то речь может идти о глобальной дифференциальной ренте². Условием для ее появления являются различия в естественных природно-климатических условиях и географическом положении отдельных стран, входящих в глобальный товарообмен. Причина — в монопольном праве государств на использование своей территории в качестве объекта хозяйствования. Глобальная дифференциальная рента, по сути, есть дополнительный доход от более привлекательных условий для вложения капитала на своей территории и высокой продуктивности тех ресурсов, которыми она располагает по сравнению с другими

¹ Профессор кафедры экономической теории и институциональной экономики Байкальского государственного университета (Иркутск), доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч. монографий: «Конкурентное преимущество фирмы», «Трансформация конкурентных отношений в условиях глобализации экономики», «Факторы формирования конкурентного преимущества на макро- и микроуровне», «Конструктивная конкуренция», «Экономика России в системе международных конкурентных отношений»; статей: «Конкурентоспособность промышленных предприятий в России», «Экономическая наука: от политэкономии к политэкономии», «Принципы налоговой политики на стадии формирования рыночной экономики», «Новая экономика и старая политэкономия», «Должна ли экономическая теория заниматься духовным производством», «Специфика формирования конкурентного процесса в экономике России», «Мировой финансовый кризис: причины и последствия» и др.

² Подробно характер ее формирования исследуется в монографии В. П. Горева «Экономика России в системе международных конкурентных отношений» (Иркутск : БГУЭП, 2010).

странами. Глобальная конкуренция есть борьба за обладание таким доходом.

Именно такого рода дополнительный доход определяет степень инвестиционной привлекательности той или иной страны. Его существование обусловлено наличием сравнительных преимуществ, которые достаются стране от природы. Эти преимущества принято называть преимуществами низкого порядка, в отличие от конкурентных преимуществ, являющихся продуктом интеллектуальной деятельности людей. Конкурентные преимущества создаются, а не наследуются. Но между сравнительными и конкурентными преимуществами имеется и другое существенное различие — конкурентные могут быть созданы где угодно, а сравнительные присущи только данной территории и неотъемлемы от нее. Следовательно, конкурентные преимущества в любом случае выгоднее формировать на территории с более благоприятными природными и географическими условиями, поскольку это даст больший эффект. Но возможность для этого возникает только тогда, когда права на территорию государства как объект хозяйствования переходят от национальных правительств к транснациональным корпорациям.

Капиталу свойственно искать не только выгодные сферы экономики, но и более выгодные для этого регионы. Государственные границы для него лишь ненужное препятствие. Устранение их — суть глобализации. Дифференциальная рента — результат экстенсивного развития, она требует вовлечения в хозяйственный оборот все больших территорий, обладающих естественными природными преимуществами перед уже освоенными. Эти преимущества выражаются в возможности снижения затрат на единицу продукта, произведенного при помощи традиционных, общедоступных технологий. Дополнительный доход, полученный за счет этого, служит источником для формирования глобальной дифференциальной ренты первого рода и распределяется между инвесторами и страной, куда капитал вкладывается. При этом рента не обязательно может иметь денежный вид. Она может иметь вид экономической выгоды в иной форме, например развития производственной инфраструктуры в стране, увеличения количества рабочих мест и т. п.

В глобальной экономике капитал имеет тенденцию ухода из стран с менее благоприятным местоположением в страны, где условия производства требуют меньше затрат на единицу продукта. Вместо внедрения ресурсосберегающих технологий проще перевести производство туда, где этих ресурсов много и они дешевле. Относительная ограниченность регионов с благоприятными ресурсными, климатическими и географическими условиями порождает монополию на территорию как объект приложения капитала. Сравнительные преимущества при этом становятся преимуществами высокого порядка, к тому же абсолютно непреодолимыми.

Конкурентные преимущества при этом будут получать производители однородных товаров, не обладающих какими-либо уникальными свойствами, а контроль за рынком таких товаров будет осуществляться со стороны покупателей. Страны с суровым климатом и большими территориями, которые выливаются в до-

полнительные энергетические и транспортные затраты на производство, практически не имеют шансов для развития в глобальной конкурентной среде, ориентируясь на производство, основанное на доступных многим и легко копируемых технологиях. Капитал из этих стран будет уходить.

Такие страны могут иметь шанс для развития только в том случае, если будут развивать на своей территории производства, основанные на уникальных, некопируемых и недоступных технологиях. Чем выше степень их уникальности и уникальности производимого продукта, тем в большей степени рынок этого продукта контролируется производителем. Эти страны должны стать странами базирования таких видов деятельности, осуществлять которые могут только на их территориях, и чем уникальнее виды деятельности, тем выше уровень экономического и политического могущества этих стран. Усложнение продукта, повышение степени его индивидуализации и уникальности дают производителю возможность контролировать сбыт этого продукта. Дополнительный доход от вложения капитала на территории этих стран должен возникать в результате более высокого интеллекта тех людей, которые его применяют. В таком случае этот доход станет источником глобальной дифференциальной ренты второго рода.

Рыночная сила производителя, а значит, и его конкурентоспособность возрастают с переходом к производству сложных изделий, изготовленных при помощи уникальных технологий, но в еще большей степени его позиции на рынке усиливаются при переходе к созданию самих уникальных технологий. Рынки технологий контролируются производителями еще сильнее, чем рынки даже самых высокотехнологичных товаров.

Вообще уровень конкурентоспособности национальной экономики можно рассматривать, встраивая ее в систему координат так называемой технологической пирамиды (построенной по аналогии с пирамидой потребностей А. Маслоу). Основанием ее служат многочисленные производители стандартных товаров, использующие технологии, разрабатываемые производителями более высокого уровня. Над ними, в свою очередь, находится другой, более высокий уровень — уровень создателей технологических принципов. Их продукция — это плод длительных и сложных НИОКР, требующих значительных финансовых затрат, интеллекта, времени и воплощенных в пригодные для использования ноу-хау. Создатели технологических принципов — это вершина пирамиды. Владельцы организационных и исследовательских технологий разработки таких принципов в наибольшей степени могут контролировать рынки своей продукции и практически избавлены от внешней конкуренции.

Страна, ставшая местом базирования создателей технологических принципов, оказывается выше международной конкуренции, так как является монопольным владельцем данного ресурса. Она начинает извлекать выгоду в виде глобальной монопольной ренты.

В этих условиях либеральная политика максимальной открытости опасна для большинства стран. Освобождение относительно слабых национальных экономик от любых защитных барьеров ставит их под удар

глобальной конкуренции. Результатом будет не повышение эффективности национальных производителей, а их экономический крах. Либерализация внешнеэкономических связей, обеспечивая не только обострение конкуренции, но и широкий приток относительно дешевых товаров, способна сделать традиционные производства в относительно слабо развитых странах абсолютно нерентабельными. Кроме того, обилие импортных товаров, являющихся воплощением чуждой культуры и иных способов организации производства, способно кардинально поменять структуру потребностей населения этих стран и побудить его отказаться от потребления некоторых традиционных продуктов, производство которых долгое время являлось основой их экономик.

Глобализация в виде максимальной открытости национальных экономик способствует успеху наиболее развитых стран в конкурентной борьбе. Наиболее эффективные и сложные технологии в силу своей специфики превращают конкуренцию в свою противоположность. Конкуренция из взаиморазвивающего соревнования превращается в подавление слабых, что в итоге усиливает элементы монополизма. Неотчуждаемость информационных технологий делает их создателей одновременно и их владельцами, выведенными за рамки глобальной конкурентной борьбы. Конкурентная борьба с разработчиками таких технологий становится невозможной со стороны тех, кто их применяет. Более того, происходит стратегическое подчинение применяющего эти технологии их разработчикам.

В. В. Зябриков¹

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Общие закономерности развития современных налоговых систем. Налогообложение во многом определяет лицо российской экономики как на макроуровне, обеспечивая более 90 % поступлений бюджета, так и на микроуровне, определяя выбор размера организации и формы выплаты вознаграждения (зарплата или дивиденды). Поэтому определение оптимального размера налоговой нагрузки и структуры деления налогов на прямые и косвенные имеет важнейшее значение.

Глобализация коснулась систем налогообложения большинства стран: наблюдается сближение стран-соседей по величине и структуре налоговой нагрузки, поскольку эффективные налоговые системы заимствуются соседями, а неудачные постепенно исчезают. Таким образом, в результате «естественного отбора» в процессе развития налоговых систем определилось несколько четко выраженных налоговых кластеров: 1) американский кластер с умеренной налоговой нагрузкой и преобладанием прямых налогов; 2) центральноевропейский кластер с умеренной налоговой нагрузкой и балансом между прямыми и косвенными налогами; 3) скандинавский кластер с высокой налоговой нагрузкой и балансом между прямыми и косвенными налогами. Россия традиционно занимает место в центральноевропейском кластере, а налоговая система страны исправно реализует фискальную функцию наполнения бюджета, не справляясь, впрочем, с реализацией регулирующей и стимулирующей функций.

Нам следует позаимствовать из практики центральноевропейских стран культуру налоговых взаимоотношений между налоговыми органами и налогоплатель-

щиками, построенную на принципах идеальной бюрократии, по М. Веберу, что позволит устранить непродуктивный антагонизм в российских налоговых отношениях.

Глобальным ориентиром налоговых платежей, включая прямые и косвенные налоги, а также страховые взносы, стал средний по центральноевропейскому кластеру показатель в 40 % ВВП. В развитых странах наблюдается тенденция сближения налоговой нагрузки. В странах с нагрузкой больше средней (например, Финляндии) в последние десятилетия она постепенно снижается, а в странах с меньшей нагрузкой — напротив, несколько увеличивается (Германия).

Российская налоговая система к 2008 году достигла пика своего развития: налоговые платежи были на близком к оптимальному уровню — 35 % ВВП, поэтому, в частности, и удалось относительно безболезненно пережить финансовый кризис 2008 года. Такой размер налоговых платежей и правила российского налогообложения позволяют реализовать в стране политику фискального нейтралитета, при которой налоговая система выполняет в основном фискальную функцию, практически не играя регулирующей и социальной роли.

Следует отметить еще одну глобальную тенденцию — неуклонное нарастание доли косвенных налогов, взимаемых с налогоплательщиков в замаскированном виде, в структуре налоговой нагрузки. Эти налоги на потребление являются более устойчивыми (по сравнению с прямыми) в ходе кризисного развития экономики. Они продолжают исправно наполнять бюджет даже при резком падении прибыли компаний. Именно поэтому в ходе кризиса 2008 года 18 стран — членов ОЭСР увеличили ставки НДС, 15 оставили их без изменений и только одна (Великобритания) временно снизила в расчете на рост потребления².

¹ Доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук. Автор около 50 научных публикаций, в т. ч.: «Концепция интеллектуальной организации», «Типология и эволюция организационной культуры», «Русская деловая культура в контексте иностранных типологий», «Единая типология деловой культуры», «Универсальная типология деловых культур», «Культура определяет стратегию и структуру» и др.

² «Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» (одобрены Правительством РФ 30.05.2013).

Проблемы реформирования взимания страховых взносов в РФ. Одним из достижений глобализации стала развитая система пенсионного и социального обеспечения работников. Наиболее часто встречающаяся ставка страховых взносов в развитых странах составляет весьма значительную величину порядка 12 % от ВВП, что существенно превышает аналогичный наиболее вероятный показатель стран СНГ — около 3 % ВВП. Таким образом, полноценное пенсионное обеспечение и социальное страхование могут позволить себе только страны с развитой экономикой.

В России в 2009 году поступления от страховых взносов (тогда ЕСН) составили лишь 5,4 % ВВП. Вероятно, с учетом опыта развитых стран было предложено изменение системы администрирования единого социального налога через перевод его в страховые платежи и резкое увеличение ставки до значений, характерных для большинства стран Центральной Европы. Но налоговая система страны является по сути вторичной по отношению к производственной системе, в которой происходит генерация доходов, а потому преждевременное заимствование опыта развитых стран может, как показал этот налоговый эксперимент, оказаться вредным.

Именно это неудачно завершившееся реформирование явилось одной из причин отмеченных негативных тенденций развития российской экономики начала 2010-х годов. Бессмысленное переименование единого социального налога в страховые взносы и изменение процедуры его взимания в 2010 году (при сохранении экономической сущности этого налога), а также резкое повышение ставки страховых взносов с 26 % в 2010-м до 34 % в 2011 году (а начиная с 2012 г. — 30 %) привели к снижению доли официальной начисленной оплаты труда в ВВП с 27,3 % в 2009-м до 24,7 % в 2013 году при сохранении суммарных расходов организаций (легальных, включая все налоги, и теневого) на оплату труда.

На первый взгляд существенное повышение ставки страховых взносов, являющихся по своему содержанию прямым налогом на расходы организаций-работодателей, привело к мнимым «положительным» последствиям: повышению доли зарплатных налогов (страховых взносов и НДФЛ) в ВВП с 9,7 % в 2009-м до 10,7 % в 2012 году. Однако, судя по тренду нарастания доли зарплатных налогов в ВВП в период с 2005 по 2009 год, этот результат был бы достигнут и без налогового реформирования.

К отрицательным последствиям реформирования ЕСН следует отнести: рост теневой оплаты труда в общих расходах с 42 % в 2009-м до 45 % в 2012 году и снижению доли суммарной (легальной и теневой) оплаты труда в ВВП с 42,9 % в 2009-м до 39,8 % в 2012 году.

Таким образом, произошло фактическое переложение увеличения тяжести прямого налога (ЕСН) с организаций на физических лиц, получателей доходов, что ставит под сомнение классические методики расчета налоговой нагрузки, которые относят к налогам, влияющим на чистый доход физического лица, только НДФЛ и НДС (как налог на потребление) и дела-

ют актуальным расчет налоговой нагрузки на фирму в целом, включая налоги организации и ее работников.

К числу неудачных налоговых экспериментов следует отнести и шоковое повышение страховых взносов для индивидуальных предпринимателей, приведшее к снижению числа зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в 2013 году на полмиллиона по сравнению с 2012 годом. Все это примеры того, как юридическая практика обходится без объективных экономических обоснований, использования теории Лаффера, моделирования деятельности типичных фирм и предпринимателей, игнорируя возможность их реакции.

К сожалению, обезличенное коллективное нормотворчество не предполагает даже моральной ответственности за провальные юридические нововведения. Гармонизация отношений в этой сфере предполагает необходимость в дополнение к юридическим (политическим) аспектам проблемы учета еще и экономических, социокультурных и технологических составляющих (хорошо известные в маркетинге принципы PEST-анализа).

Основными причинами описанных неудач в сфере налогового реформирования являются отсутствие стратегического мышления и короткий горизонт планирования, низкий уровень доверия в отношениях власти и бизнеса, чрезмерная бюрократизация управления, обеспечившая доступ широкому кругу лиц к налоговому законодательству, которое должно быть более консервативным.

Таким образом, проблема из технической перерастает в культурную. Для того чтобы переломить негативные тенденции, сформированные последними десятилетиями и скрытые в прошлые годы за счет высоких цен на нефть, на первый план должны выйти профессионалы, которые могут обеспечить желаемый результат, а не бюрократы, способные контролировать соблюдение правил реализации процесса. Для развития рыночной экономики недостаточно только создать приемлемые условия на макроуровне. Необходимо при установлении «правил игры» моделировать бизнес и на микроуровне, а следовательно, активно использовать опыт развитых европейских стран, теории фирмы и менеджмент в практике государственного управления.

Проблемы налогообложения прибыли организаций. В большинстве развитых стран налог на прибыль является краеугольным камнем налоговой системы. При относительно высоких показателях рентабельности он составляет значительную долю всех налоговых поступлений, в то же время выгодно отличаясь от налога на доход учетом налоговоспособности организаций, то есть резко снижаясь при уменьшении прибыли организации.

К сожалению, в последние годы показатели рентабельности в РФ оказываются крайне низкими, вероятно отражая многолетнюю привычку организаций «прятать прибыль», что делает налогообложение прибыли в РФ непродуктивным с точки зрения наполнения бюджета и громоздкого аппарата расчета близких к нулю показателей — налогового учета. По дан-

ным Федеральной налоговой службы, в период с 2011 по 2014 год, еще до введения санкций, рентабельность активов компаний снизилась с 7,0 до 3,9 % (по сути синхронно с рентабельностью продаж, сократившейся в этот же период с 10,3 до 7,9 %), что делает сегодня кредитование недоступным для большинства организаций.

Странно, что при падении рентабельности продаж не снижается налоговая нагрузка на бизнес: по данным ФНС РФ, она составляла 9,7 % в 2011-м и 9,8 % в 2014 году, то есть налог на прибыль, который по традиции является базовым в российской налоговой системе, фактически не играет смягчающей роли при снижении прибыльности организаций.

В результате исчерпания потенциала ресурсной модели развития страны в период с 2008 по 2014 год рентабельность активов в среднем по коммерческим организациям РФ не превышала 7 %, что ниже доходности по банковским депозитам. Следовательно, в этот период формально декларируемая в уставах этих организаций цель — получение легальной прибыли — не была для большинства организаций значимой. Ее заменило выполнение требований многочисленных контрольных органов в легальном сегменте при сохранении теневого дохода.

Косвенным подтверждением несвоевременности акцента на налогообложении *прибыли* в современных российских условиях служит неуклонное нарастание популярности варианта налогообложения *доходов* по упрощенной системе налогообложения. Так, в 2014 году этот вариант выбрали 680 тыс. российских организаций, что составляет наибольшую по сравнению с другими режимами долю малых предприятий — 32 %.

Налоговое законодательство накладывает негативный отпечаток на возможности выбора организацией организационно-правовой формы. Нарастает тенденция примитивизации структуры коммерческих организаций: доля ООО выросла с 92,6 % в 2011-м до 95,5 % на конец 2015 года. В то же время численность товариществ, которые представляют собой естественную форму развития фирмы на пути ее жизненного цикла, составляет лишь доли процентов, поскольку они предполагают полную ответственность собственников по долгам юридического лица, но при этом в России не освобождаются от уплаты на прибыль, что по меньшей мере странно.

Следует отметить, что зарубежные партнерства типа LLC, популярные среди российских предпринимателей, ведущих внешнеэкономическую деятельность, предполагают одновременно и ограничение ответственности, и освобождение от уплаты налога на прибыль.

Успехи в налогообложении российского малого бизнеса. Положительную динамику развития на этом фоне, во многом благодаря использованию специ-

альных налоговых режимов, демонстрирует российский малый бизнес. Численность малых предприятий в РФ неуклонно растет и составила на конец 2014 года 2,1 млн единиц (или 53 % числа всех коммерческих организаций), а число постоянно занятых в них — 11,8 млн человек (26 % от среднесписочной численности работников).

Число малых предприятий в Санкт-Петербурге в расчете на тысячу жителей является рекордно высоким по стране и находится в последние годы в диапазоне 35–40, что более чем в два раза превосходит средний по РФ показатель и практически соответствует европейскому уровню. С 1 января 2015 года в Санкт-Петербурге установлена льготная ставка 7 % (вместо стандартной ставки 15 %) для организаций и индивидуальных предпринимателей, использующих УСН с режимом налогообложения «доходы минус расходы». Интересно отметить, что именно ставка 7 % использовалась в 2014 году в Ленинградской области. Это действительно работающие налоговые льготы, позволяющие развивать малое предпринимательство.

Такое налоговое реформирование позволяет всем организациям, имеющим рентабельность продаж ниже 42 % (большинство организаций), применять режим налогообложения «доходы минус расходы» как более выгодный по сравнению с режимом налогообложения «доходы».

Хотя российские специальные налоговые режимы играют не слишком большую роль в наполнении бюджета страны (поступления по всем специальным режимам составили всего 0,4 % ВВП в 2014 г.), важно то, что они обеспечивают легализацию бизнеса малых предприятий и индивидуальных предпринимателей.

Налоговое стимулирование процесса импортозамещения в РФ. Серьезной проблемой российской экономики остается рост масштабов фирмы: превращение успешных малых предприятий в средние, а затем крупные, то есть естественное движение по жизненному циклу. Как только предприятие превращается в среднее, в частности численность персонала превышает сто человек, оно теряет налоговые преимущества, предназначенные для субъектов малого бизнеса, а других не приобретает.

В этой ситуации могут уцелеть фирмы, имеющие поддержку государственных органов и (или) внешнеэкономический сегмент, которые могут диверсифицировать свою деятельность по отношению к изменению валютного курса рубля. Поэтому необходимо стимулировать деятельность средних инновационных предприятий для того, чтобы наладить процесс коммерциализации инноваций в стране. Именно с этого может начаться процесс импортозамещения высокотехнологичной продукции. Актуальным с этой точки зрения является возвращение в налоговое законодательство льготного обложения прибыли, направляемой на капиталовложения организаций.

Л. Ф. Лебедева¹

ПОЗИЦИИ США В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Новые возможности сотрудничества между субъектами мирового хозяйства на современном этапе глобализации сопровождаются ужесточением конкуренции национальных экономик, транснациональных компаний; процессом перераспределения позиций отдельных стран и их объединений в мире и, как следствие, поиском новых механизмов упрочения и (или) сохранения своего влияния.

В канун нового тысячелетия в «Стратегии национальной безопасности США для нового столетия» глобализация была определена как процесс ускорения экономической, технологической, культурной и политической интеграции². Сегодня данный процесс приобрел новые контуры, вполне ощутимые, в том числе и в Соединенных Штатах.

США, будучи одним из ведущих двигателей глобализации, все в большей степени сталкиваются с ее последствиями внутри страны и на мировых рынках. Продолжая курс на мировое лидерство под влиянием возрастающего давления глобальной конкуренции, США ориентированы не только на использование в этих целях всех имеющихся ресурсов, но и на привнесение новых механизмов их достижения. В последнем обращении к нации президента Барака Обамы 12 января 2016 года подчеркивалось, что для сохранения лидирующих позиций в мире, влияния в ключевых регионах необходимы новые подходы, в том числе в сферах развития инновационной экономики, создания торгово-экономических союзов, взаимодействия с союзниками и расширения числа партнеров по всему миру³.

Несмотря на то что по объему ВВП (по ППС), товарному экспорту, в том числе высокотехнологичной продукции, ежегодному притоку прямых инвестиций в последние годы США уступили мировое первенство Китаю, они остаются одним из наиболее влиятельных субъектов международных экономических отношений.

¹ Руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, профессор Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), доктор экономических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Иностранный капитал в экономике США», «Государство и бизнес: стратегия взаимодействия в экономике XXI века», «США: государство и социальная политика», «Бюджетные приоритеты США», «США: государство—человек—экономика: региональное измерение», «США: государство и социальное обеспечение», «Приоритеты научно-технологической политики США», «Государство и развитие человеческого потенциала в конце XX — начале XXI в.» и др., статей: «Американская модель пенсионного обеспечения в условиях усиления рисков финансово-экономической нестабильности в начале XXI века», «Позиции России и США в полицентричном мире: социально-экономический аспект», «США: государство и социальная политика», «Факторы и условия трансатлантической интеграции» (в соавт.), «Российская Федерация в мировом хозяйстве: позиции и новые задачи» (в соавт.) и др. Член редколлегии журналов: «США—Канада: экономика, политика, культура», «Человек и труд», «Россия и Америка в XXI веке» и др.

² A National Security Strategy for a New Century. Washington D. C., 2000.

³ State of the Union Address. 2016. Jan. 12. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/01/12/> (accessed: 14.01.2016).

Внешнеторговые связи Соединенных Штатов получили развитие с более чем 230 странами и территориями мира (по которым регулярно представляются данные). Доля американских поставщиков в мировом товарном экспорте снизилась с 13 % в середине 1990-х годов до 8,5 % в 2015 году, но США существенно опережают другие страны по экспорту услуг, объем которого примерно в три раза превышает экспорт услуг из Китая.

Ежегодно американский рынок потребляет почти в три раза больше импортируемой продукции, чем в совокупности их партнеры по НАФТА (Канада и Мексика), и почти столько же, сколько Германия, Франция, Великобритания, вместе взятые.

Вместе с тем американские компании испытывают все более серьезную конкуренцию со стороны зарубежных фирм на стратегическом направлении развития — в сфере высокотехнологичной продукции, где в период с начала текущего столетия США также уступили первенство Китаю и по ее производству, и по экспорту и импорту⁴.

По выпуску высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности к 2015 году доминировали США и Китай, соответственно 29 и 27 % мирового производства; по экспорту высокоинтенсивных наукоемких услуг страны ЕС в целом существенно опередили США (соответственно 482 и 271 млрд долларов в 2014 г.), при этом резко возрос экспорт таких услуг из Индии (111 млрд долларов) и Китая (104 млрд долларов)⁵.

Научно-технологический и экономический потенциал США позволяет им удерживать ключевые позиции в наиболее передовых секторах. Однако современный этап глобализации отличается усилением конкуренции прежде всего в инновационной сфере. Тенденции повышения открытости национальных экономических систем, резко возросшие взаимосвязи субъектов мирового хозяйства заставляют даже безусловных лидеров в сфере науки и технологий считаться с новыми игроками, которые адаптируют к своим интересам лучшие мировые практики, в том числе и американские.

США остаются мировым лидером по объему затрат на исследования и разработки, устойчиво приближающихся к значимой отметке 500 млрд долларов (460 млрд долларов к 2015 г.); но с начала текущего столетия их доля в мировых затратах уменьшилась с 35 до 27 %, а стран ЕС в целом — с 25 до 20 %; при этом резко возросла доля стран Азиатского региона —

⁴ Science & Engineering Indicators. 2016. К высокотехнологичной продукции Национальный научный фонд (National Science Foundation, NSF) — независимое агентство при правительстве США, отвечающее за развитие науки и технологий — относит продукцию аэрокосмической отрасли, фармацевтическую, офисное и компьютерное оборудование, теле- и радиокоммуникационное оборудование, медицинское оборудование, измерительные и оптические приборы.

⁵ Там же.

с 27 до 40 %, со значительным опережением по темпам роста таких затрат Китая, достигшего значимой отметки 20 % мирового объема расходов на исследования и разработки; рекордным их увеличением в Южной Корее. А относительно ВВП расходы на эти цели в США (2,73 %) давно уступают многим странам Европы и Азии, в том числе Южной Корее (4,15 %), Японии (3,47 %) и ряду других стран.

В условиях всеохватывающей (по отраслям, видам продукции и услуг) глобальной конкуренции и усиления рисков неопределенности финансово-экономической ситуации, когда большинство стран также принимают серьезные меры для укрепления позиций в сферах, где они имеют или работают над созданием конкурентных преимуществ, США вынуждены адаптироваться к новой ситуации¹. Учитывая отмеченные тенденции, американские правящие круги особое внимание уделяют поиску новых ресурсов инновационного развития и подходов к повышению эффективности их использования, в том числе развитию взаимодействия государства, бизнеса, университетов по всему инновационному спектру — от проведения научных исследований, коммерциализации их результатов, производства высокотехнологичной продукции до формирования новых направлений индустриальной политики на базе NBIC (нано-, био-, информационных, когнитивных) технологий.

Одновременно активизируется политика обеспечения ключевых интересов США в мире. Участие в международной торговле, инвестиционном и технологическом обменах традиционно рассматривается Соединенными Штатами в качестве важнейшего ресурса экономического роста и модернизации экономики, укрепления позиций в мире и механизма воздействия на мирохозяйственные связи.

Обеспечение доступа американских товаров и услуг на рынки других стран остается в XXI веке приоритетной задачей, реализация которой предполагает не только снижение и (или) устранение торговых барьеров, препятствующих экспорту из США, но и определенное воздействие на социально-экономическую политику других стран, если она затрагивает интересы американских экспортеров. Среди особенностей торговой политики США последних двух десятилетий следует отметить включение в повестку дня вопросов экологии и социально-трудовых отношений — социально-трудовые нормативы продолжительности и оплаты труда, использования детского труда, разрешения трудовых споров и т. п., стандарты защиты окружающей среды, — которые стали инструментами воздействия на торговых партнеров, прежде всего из числа развивающихся стран. Эти требования нередко относят к числу протекционистских, поскольку изменение экологических, трудовых стандартов зачастую ведет к повышению издержек производства в этих странах и появлению новых барьеров для них на американском рынке.

Новые подходы по укреплению позиций в мировом хозяйстве нашли выражение в формировании под эгидой США торгово-экономических блоков принципиально нового типа (в феврале 2016 г. представители 12 стран² подписали соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), продолжают переговоры по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству между США и ЕС), которые будут иметь далеко не однозначные последствия для национальных экономик как стран-участниц, так и стран, оставшихся за пределами мегаблоков; для двусторонних и многосторонних экономических связей, а также систем их регулирования на региональном и глобальном уровнях.

Соглашение о ТТП (как наиболее продвинутое на сегодня) охватывает страны с примерно 40 % мирового ВВП (в совокупности), 26 % мировой торговли при 11 % населения. Формально ТТП открыто для присоединения других государств и экономик, прежде всего тех, которые являются членами АТЭС, а значит, и для России, однако кандидат на присоединение к ТТП не только должен принять уже утвержденные и описанные в документах ТТП обязательства, но и дополнительные условия, которые согласовываются с участниками партнерства, уже подписавшими соглашение.

Перспективы осуществления соглашения Транстихоокеанского партнерства видятся далеко не однозначными и в тех странах, которые его уже подписали. Так, для Вьетнама весьма болезненным является вопрос ужесточения правил происхождения товаров, прежде всего ввиду того, что материал для самой крупной статьи вьетнамского экспорта (текстиль, одежда) закупается в Китае. Вьетнам, Малайзия, Чили опасаются либерализации торговли рисом; Малайзия, Сингапур — унифицирующих правил в табачной отрасли.

В США отношение к ТТП также не отличается единством мнений. Последствия ожидаемого наращивания переноса производства из США в менее развитые страны и влияние этого процесса на американский рынок труда вызывает беспокойство у профсоюзов, сторонников защиты прав трудящихся. Однако приверженность к созданию ТТП прослеживается в течение всего периода администрации Б. Обамы. Соглашение о ТТП рассматривается в качестве инструмента укрепления позиций в регионе и мире. В одном из выступлений Б. Обама четко заявил, когда 95 % потенциальных потребителей американской продукции проживают за пределами страны, «США не могут позволить таким странам, как Китай, диктовать правила глобальной экономики»³.

Формирование межконтинентальных партнерств становится неотъемлемым элементом нового миропорядка. Меняются правила игры, что потребует корректировки подходов для регулирования торгово-экономических отношений на глобальном уровне.

¹ Емельянов С. В., Лебедева Л. Ф. Взаимодействие государства и бизнеса как фактор инновационного развития в XXI веке // Государство и бизнес: стратегия взаимодействия в экономике XXI века. М., 2012.

² Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили, Япония.

³ <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-10-05/pacific-rim-nations-led-by-u-s-agree-to-historic-trade-agreement>

Т. Б. Малинина¹

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Проблема социального неравенства выходит на первый план в условиях динамично развивающегося процесса глобализации во всех сферах жизнедеятельности общества. Формирование единого экономического пространства и единой мировой системы на базе унифицированных закономерностей порождает высокую степень зависимости экономик различных стран и преобразование самих социально-экономических систем.

Усиливающееся социальное неравенство связано с процессом распределения материальных благ, создаваемых обществом, а значит, с процессом потребления и удовлетворения потребностей всех членов общества. В связи с этим мировое сообщество признает необходимость пересмотра экономических и социальных принципов распределения с целью выработки устойчивой и рациональной модели потребления, которая позволила бы отказаться от существующей модели потребления, усиливающей неравенство и нищету в обществе.

В экономической литературе много пишут о международной конкуренции, возникшей в процессе глобализации, — что именно она стимулирует развитие производства материальных благ и услуг, качество продукции, способствует повышению уровня жизни населения и приведет ко всеобщему росту благосостояния в мире. Однако происходящее в мире свидетельствует об обратном: богатые страны богатеют, стремятся к господству в мировом пространстве, увеличивая свое производство и бесконечный рост потребления, хотя распределяют блага неравномерно среди социальных слоев и стран. Бедные страны продолжают жить в нищете.

Процессы экономической интеграции трансформируют национальные экономики, заставляя тормозить или полностью прекратить развитие некоторых промышленных и сельскохозяйственных отраслей. Высококвалифицированные рабочие места сокращаются. И это не может не сказаться на уровне безработицы. Результатом неразвитых экономик является глубочайшее расслоение общества. Российская экономика оказалась как раз в такой ситуации. Понимание сложившихся экономических трудностей заставило заговорить об импортозамещении.

В настоящее время резко увеличивается разрыв между богатыми и бедными слоями населения. Со-

гласно данным Статистического бюро ООН, в России минимальный доход 10 % наиболее обеспеченного населения в 11 раз превышает максимальный доход 10 % наименее обеспеченного населения (в 1999 г. этот показатель составлял 5,32 раза). Такого уровня социального неравенства не знала ни одна страна в мире. Мировой опыт свидетельствует о сведении к минимуму числа социальных конфликтов при условии, если разница между доходами богатых и бедных составляет менее 10 раз.

Потребление населения связано с его совокупными доходами (или, как принято говорить в западной литературе, индивидуальными доходами), большую часть которых составляет денежная оплата труда или заработная плата. Поэтому дифференциация совокупных доходов граждан близка к дифференциации заработной платы и напрямую зависит от нее. О масштабах дифференциации доходов в нашей стране можно судить по данным официальной статистики: 1/6 часть населения сосредоточила в своих руках 57 % всех денежных доходов и 92 % дохода от собственности; 84,4 % богатств страны контролируются всего 10 % населения. Для примера, в США 10 % самых богатых контролируют 74,6 % богатств, в Китае — 64 %, в Японии — 48,5 %.

Проследим динамику коэффициента Джини (G) за 1991–2014 годы.

Динамика коэффициента Джини по России

Год	1999	1995	2000	2005	2010	2014
G	0,250	0,381	0,395	0,409	0,421	0,416

Тенденция роста этого показателя свидетельствует об усилении неравенства в распределении денежных доходов населения России.

В России разница в уровне заработной платы среди различных слоев общества составляет 12,5 раз, в странах Западной Европы — 3,5 раза, а в Северной Европе — 2,9 раз. Согласно социологическим исследованиям, негативное отношение граждан России к постоянному увеличению численности долларовых миллиардеров на фоне нищеты большинства населения растет. Заметим, что для устойчивости в обществе необходимо наличие среднего класса, который должен составлять не менее 30–40 % населения. В российском обществе, по оценкам журнала «Эксперт», в 2000–2001 годы только 15 % населения можно было назвать средним классом. За последние 15 лет численность среднего класса в России не изменилась, более того, в 2016 году ожидается сокращение его численности. Причинами этого видятся резкое сокращение доходов населения, падение покупательной способности реальной заработной платы, наличие ограниченной возможности получения услуг социальной сферы: высшего образования, здравоохранения, культуры и т. д.

Заработная плата является основным источником доходов населения, от которого зависят удовлетворе-

¹ Доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 141 научной публикации, в т. ч.: «Мера труда и мера потребления», «Сбалансированность и пропорциональность производства и потребления в хозяйстве региона», «К вопросу о сбалансированном взаимодействии производства и потребления в социально-экономическом развитии (потребительно-стоимостной подход)», «Соотношение производства и потребления: диалектика значения для социологии», «Время как социальное измерение» и др. Награждена медалью «100 лет профсоюзам России», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, грамотой Ассоциации профсоюзных организаций высших учебных заведений Санкт-Петербурга.

ние потребностей и восстановление его работоспособности. Сравнивая себя с западными странами, понимаешь, насколько неприличен уровень заработной платы наших учителей, врачей, преподавателей высшей школы, воспитателей в детских садах, работников культуры и т. д. А это семьи с детьми и престарелыми родителями. Низкий доход побуждает жить многие семьи не по средствам, занимая деньги для поддержания своего уровня потребления. Согласно данным ООН, работник должен получать не менее 3 долларов в час, иначе он обречен на полуголодное существование. Заработная плата российских работников в 2–3 раза ниже. Если сравнить заработную плату работников квалифицированного труда, то расчеты специалистов показывают, что на единицу заработной платы наш работник производит в три раза больше продукции, чем в США, и получает заработную плату ниже в 8–10 раз. Существует мнение, что только в России умеют эффективно работать за такую мизерную заработную плату.

Заметим, что МРОТ в России с 1 января 2016 года составляет 6204 рубля¹ — один из самых низких среди развитых экономик мира. И до сих пор его величина

на ниже прожиточного минимума в РФ (да и сам прожиточный минимум вызывает удивление, когда его начинаешь соизмерять с ценами услуг ЖКХ, расходами на продовольственные товары и т. д.). Размеры наших пенсий вряд ли можно назвать обеспечивающими достойную старость.

Таким образом, сравнивая показатели, оценивающие социальное неравенство в России, приходишь к выводу, что дифференциация в обществе принимает такие масштабы, которые могут угрожать устойчивому социально-экономическому развитию, в котором пока не нашел места человеческий фактор, а преобладают модель развития европейских стран, рассчитанная на получение прибыли, и неравномерное распределение благ. Остается один способ борьбы с социальным неравенством — увеличение доходов населения. Распределительный принцип должен основываться на распределении по условиям потребления; целью производства должно стать удовлетворение возрастающих потребностей каждого человека и общества; социальная политика в области образования и здравоохранения должна выстроить сильные механизмы социальной защиты населения.

А. С. Мищенко²

РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА И ФОРМИРОВАНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РОССИЙСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Образование в качестве социального института выступает базисом экономического развития общества. Одновременно с этим социальные и экономические отношения в обществе не только выступают материальной предпосылкой воспроизводства, совершенствования и динамичного обновления культурной сферы, но и определяют систему подготовки специалистов высшей квалификации. Развитие высшего профессионального образования оказывается имплицитно фундаментальными тенденциями и связями общественного воспроизводства данного социума. Именно они, через формирование системы национальных и наднациональных трудовых компетенций специалистов в самых разных областях реального производства, определяют базисные возможности общества в области культурного диалога и экономического обмена с другими странами.

Такой культурный диалог зиждется на процессах формирования транскультурного и трансисторического

пространства–времени современного общества и его экономики. Он содержательно определяет возможности высшего профессионального образования в области обеспечения экономического продуктивного взаимодействия нашей страны с другими. Такой диалог обычно начинается с обмена верхними пластами информации, заложенными в культуре и экономике. Их более глубокие пласты в этом акте, как правило, не являются в прямых формах. В дальнейшем их культурное и экономическое взаимодействие разворачивается в соответствии со следующим постулатом: обмен различными культурно-экономическими образцами между социальными общностями всегда превышает скорость обмена общетеоретическими знаниями; обмен общетеоретическими знаниями, в свою очередь, всегда опережает обмен прикладными знаниями и навыками; обмен прикладными знаниями и навыками всегда опережает обмен культурными и экономическими архетипами; сами же культурные и экономические архетипы в полном объеме вообще не подлежат обмену³.

Расширяющийся культурно-экономический диалог на фоне мировой конкуренции и экономической глобализации (по обозначенному выше постулату) формирует общественную потребность в специалистах, об-

¹ Федеральный закон «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона “О минимальном размере оплаты труда”» от 14 декабря 2015 г. № 376-ФЗ.

² Ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института управления образованием РАО, кандидат экономических наук. Автор ряда научных публикаций, в т. ч.: «Методолого-теоретические основания развития общей и профессиональной культуры педагога в условиях изменяющегося социума», «Инновационный потенциал специалиста», «Развитие профессиональной культуры педагога: основания и принципы исследования» и др.

³ Васильев В. Л. Психологический анализ экономических реформ в России // Общество и политика: современные исследования, поиск концепций / под ред. В. Ю. Большакова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 316.

ладающих не только национальными, но и наднациональными трудовыми компетенциями. Их формирование на основе культурного диалога и экономического взаимодействия оказывается не только важным ресурсом современного развития производства, но и сложнейшим процессом взаимодействия различных социальных общностей.

Понимая (и интуитивно чувствуя) это, работодатели, стремясь выйти на мировые рынки, все чаще требуют от специалистов навыков и способностей, позволяющих им непрерывно учиться и соответствовать не только передовым национальным, но и наднациональным трудовым компетенциям. Наличие у высшей профессиональной школы таких выпускников превращается в важнейший фактор ее полезности для развития не только отечественной экономики, но и более широкой ойкумены мирового хозяйствования.

В этой ситуации отечественную высшую профессиональную школу все чаще вынуждают выступать в качестве актора культурно-поведенческой интеграции выпускников в национальные и наднациональные экономические структуры современного общества. Такая интеграция имеет сложную структуру и содержание. Она предстает в качестве нелинейного результата — синтеза в личности специалистов культуры, трудовых и творческих компетенций различных обществ. В таком синтезе обнаруживается звучание философии и культурологии, экономики и социологии, проявляются результаты профессиональной и трудовой подготовки специалиста.

Потребность современного производства в новых, наднациональных трудовых компетенциях специалистов заставляет высшую профессиональную школу в процессе культурного диалога с мировым образовательным и экономическим сообществом мировоззренчески и философски интегрировать их характеристики в свой учебный процесс, превратиться за счет этого в важный общественный институт формирования креативного потенциала не только отечественной, но и более широкой экономической ойкумены. Имеющаяся в высшей профессиональной школе система условий и факторов, интересов и компетенций позволяет ей стать центром культурно-экономического взаимодействия нашего общества с мировым гражданским социумом. Эффективность таких действий всецело зависит не только от интенсивности обсуждения накопившихся проблем, но и от обмена продуктивными технологиями, нацеленными на будущее развитие материальной и нематериальной, образовательной и духовной сфер общества.

В этом смысле эффективность функционирования высшего образования как центра культурно-экономического взаимодействия — это всегда результат использования им институционально оформленных социальных, экономических и образовательных ресурсов гражданского общества. Будучи связан с культурой генетически, такой результат проявляется в экономи-

ке через возможности выпускников непрерывно расширять и углублять свои профессиональные знания и трудовые компетенции. В этом случае влияние различных культур на формирование национальных и наднациональных трудовых компетенций специалистов оказывается связанным с выстраиванием целой гаммы культурных моделей поведения в общественном производстве с соответствием требованиям, традициям и жизненным потребностям иных социальных общностей, с их профессиональной ориентацией на будущее, на человеческую актуализацию, непрерывное образование и поступательное личностное развитие.

Отвечая на эти требования национального и мирового производства, высшая профессиональная школа, будучи актором культурного диалога, вынуждена нацеливаться сама и настраивать своих выпускников на расширение своих конкурентных возможностей на наднациональном уровне. В них должны пересечься национальные и наднациональные интересы, потребности и факторы развития производства. В связи с этим образовательные институты нашего общества все больше должны опираться в учебном процессе не только на национальные, но и на наднациональные, культурные, социальные, экономические и технологические факторы, влияющие на характер обучения современных специалистов, использовать для этого всю совокупность учебных технологий, имеющихся в различных странах мира.

Обозначенные нами тенденции раскрывают лишь отдельные элементы механизма формирования национальных и наднациональных трудовых компетенций специалистов. На наш взгляд, в данном механизме необходимо синтезировать законы культуры и экономики, социологии и творчества. Только тогда он будет способствовать более эффективному формированию высшей школой национальных и наднациональных трудовых компетенций специалистов и определять перспективы эволюции всего общества.

Таким образом, развитие мировой экономики, кардинально преобразуя производственный и технологический уклады и, как следствие, профессиональное образование специалистов, не только создает новые возможности для культурного диалога различных социальных общностей, но и формирует у их представителей новые национальные и наднациональные трудовые компетенции. Это подразумевает непрерывное расширение и углубление образования в течение всей жизни человека. Участие высшей школы в реализации этой общественной и экономико-производственной тенденции позволяет (посредством имеющихся у нее социальных и культурных механизмов) содержательно реализовать наш глубинный национальный интерес: охранить от деградации имеющиеся национальные формы хозяйственной практики, расширить культурно-экономические ресурсы общества, обеспечить на этой основе непрерывное и устойчивое развитие человеческого капитала российских граждан.

Н. Н. Никулин¹

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ

В ноябре 2008 года Правительством РФ была принята к реализации «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», которая предусматривала ускоренное развитие экономики России, и в первую очередь обрабатывающих отраслей промышленности. Кроме того, в декабре 2008 года была принята «Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года». В ней отмечался следующий факт: «Действующая в настоящее время система внешнеэкономических институтов не обеспечивает в должной мере ни эффективной защиты внутренних рынков, ни поддержания конкурентоспособности российских товаров за рубежом. В результате по некоторым видам товаров российская экономика попала в устойчивую зависимость от импорта»².

В 2009 году Президент РФ Д. А. Медведев, говоря о путях развития экономики России, сформулировал вопрос: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику?»³

Прошло шесть лет, а экономика остается «примитивной». Почему? Говорят о неэффективности институциональной системы, коррупции и т. п. В последнее время стали много рассуждать о модернизации экономики, переходе к инновационному развитию промышленности, о проведении политики импортозамещения и обеспечении экономической безопасности страны.

Однако, на наш взгляд, более важными факторами слабого инновационного процесса являются низкий уровень капиталовооруженности в обрабатывающих отраслях промышленности и отсутствие прорывных технологических разработок. При этом данные факторы в значительной степени взаимосвязаны.

Эффективная национальная хозяйственная модель в современных условиях — такая институционально-организационная структура экономики, которая позволяет стране включиться в транснациональные воспроизводственные циклы глобальной экономики и получать при этом большую долю мирового дохода. А это предполагает производство и реализацию товаров

¹ Профессор кафедры экономической теории Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Циклы и кризисы в странах общего рынка», «Экономика России и стран СНГ в условиях глобализации мирового хозяйства», «Противоречивость влияния иностранных инвестиций на развитие национальной экономики и экономический рост», «Экономическая теория в условиях глобализации», «ВТО как организационная структура процесса экономической глобализации», «Россия в глобальной экономике: вызовы и перспективы», «Роль иностранного капитала в развитии высокотехнологичных отраслей промышленности России», «Мировоззренческие основания процесса экономической глобализации» и др.

² Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020 года. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/foreigneconomicactivity/vec2020>

³ http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml

с высокой долей добавленной стоимости, что возможно только в условиях глубокой модернизации экономики Российской Федерации.

Модернизация в настоящее время — это конкурентный вызов мировым производителям той или иной продукции. Иначе в условиях глобальной экономики и быть не может. В противном случае — протекционизм и потребление продукции собственного производства. В связи с этим можно отметить парадоксы российской экономической политики: с одной стороны, вступление в ВТО, с другой — стремление к сохранению, например, собственного производства легковых автомобилей, гражданских самолетов, электроники и т. д. Но отставание российских производителей в этих областях от конкурентов такое же (если не большее), как и во времена СССР. К примеру, в Зеленограде на заводе «Микрон» создано производство интегральных схем (чипов) по технологии 90 нм⁴, в то время как фирма «Intel» уже наладила их выпуск по технологии 22 нм и строит завод в Израиле для производства по технологии 16 нм. Если при этом учесть, что технологии, а также все оборудование для завода «Микрон» иностранное (производства фирмы «AMD» в Дрездене)⁵, то становятся понятными масштабы отставания в данной области.

Однако именно технологическое отставание СССР до сих пор является одним из основных аргументов при обосновании неэффективности советской экономики в целом. Возникают резонные вопросы: зачем же вновь возрождать подобное отставание и что можно сделать, чтобы его преодолеть?

Конкурентоспособность производства в современных условиях предполагает не только наличие ноу-хау, но и технологий, оборудования и инвестиций. Модернизация экономики России требует качественно иного уровня капиталовооруженности производства. Без определенного — стартового — уровня инвестиций нельзя наладить выпуск конкурентоспособной на мировом рынке продукции.

Таким образом, следует отметить, что во многих высокотехнологичных отраслях требуется критическая масса инвестиций для организации конкурентоспособного процесса производства. В условиях глобализации и открытости экономики это становится аксиомой.

В то же время, сопоставляя уровень капиталовооруженности (например, в США и РФ), в частности в обрабатывающей промышленности, приходишь к выводу, что возможности для развития высокотехнологичных отраслей промышленности в РФ ограничены.

При сопоставлении уровней развития экономики разных стран необходимо представить данные в определенной единой валюте, а именно в долларах США.

⁴ <http://marker.ru/news/3185>; http://ua3whf.ya.ru/replies.xml?item_no=34

⁵ http://malchish.org/index.php?option=com_content&task=view&id=110&Itemid=35

В то же время возникает проблема выбора валютного курса: рыночного или же на основе паритета покупательной способности валют (ППС).

На наш взгляд, сопоставление реальных уровней развития экономик разных стран возможно только на основе рыночного валютного курса. При этом следует исходить из положения, что выявление величины ценности экономик двух стран аналогично выявлению ценности при обмене двух товаров. Только рынок может дать ответ на вопрос: сколько стоит товар? Только рыночный курс национальных валют позволяет выявить соотношение объемов того, что произведено в разных странах. В этом случае величина ценности соизмеряемых экономик постоянно изменяется. Ее можно зафиксировать только на какой-то конкретный момент времени. Их размеры могут меняться так же, как ценности товаров и услуг, уровни капитализации отдельной фирмы, курсы национальных валют. Только рынок может объективно определить размер богатства страны, величину ВВП, объем промышленного произ-

водства и размер инвестиций. При этом соотношение величин ценностей зависит от многих факторов. Понятие объективности рыночных условий неоднозначно. Она включает не только чисто экономические факторы спроса и предложения, но и определенную систему правовых, политических, исторических, моральных отношений. Все это, вместе взятое, формирует условия обмена на мировом рынке и определяет обменные пропорции. Так, изменение баланса военных и политических сил между странами меняет и меновые пропорции товарного обмена между ними. Сопоставляя экономики стран, следует руководствоваться принципом соизмерения ценностей двух товаров единой мерой ценности, то есть такой мерой, которая принимается в качестве эталона. В современных условиях глобальной экономики таковой мерой является доллар США.

Анализируя данные таблицы (см. ниже), можно отметить взаимосвязь динамики капиталовооруженности и добавленной стоимости в РФ и США за период 2004–2014 годов.

Таблица

Обработка промышленность РФ и США

Показатель	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2004–2014
РФ												
Капиталовооруженность труда, тыс. долл./чел.	174,8	185,1	195,8	211,9	233,1	259,9	271,5	277,1	279,9	289,6	296,3	243,2
Добавленная стоимость на одного занятого, тыс. долл.	113,1	119,1	127,4	133,6	135,3	145,7	158,8	162,4	166,3	168,5	172,2	145,7
Инвестиции на одного занятого, тыс. долл.	19,9	22,2	24,4	28,6	30,7	29,7	31,3	33,9	35,9	38,5	41,0	30,6
США												
Капиталовооруженность труда, тыс. долл./чел.	9,4	11,2	13,7	17,6	21,6	21,1	25,6	29,4	31,2	30,5	35,4	22,4
Добавленная стоимость на одного занятого, тыс. долл./чел.	7,6	10,4	13,3	17,3	22,2	15,9	19,0	24,5	25,0	25,4	24,9	18,7
Инвестиции на одного занятого, тыс. долл./чел.	1,4	1,8	2,4	3,4	4,7	3,4	3,9	4,7	5,3	5,5	5,3	3,8
США/РФ (раз)												
Капиталовооруженность труда	18,6	16,8	14,4	12,0	11,1	12,6	10,4	9,2	8,9	9,4	8,4	10,9
Добавленная стоимость на одного занятого	14,9	11,6	9,6	7,8	6,3	9,5	8,3	6,7	6,8	6,7	6,9	7,8
Инвестиции на одного занятого	14,4	12,2	10,1	8,3	6,6	8,7	7,9	7,0	6,6	6,5	7,7	8,1

Источники: <http://www.bea.gov/>, <http://www.gks.ru/>, <http://www.cbr.ru/>

И хотя наблюдается относительное уменьшение разрыва между РФ и США по показателям, однако абсолютный разрыв величин капиталовооруженности и добавленной стоимости нарастает. И это в значительной степени определяет возможности инновационного развития экономики России. Заметим, что число занятых в этом секторе экономики в РФ и США примерно одинаковое.

К примеру, корпорация “Samsung Group” направила на инвестиции в расширение производственных мощностей, научные исследования и разработки (НИОКР) в 2012 году более 37 млрд долларов,

в 2013-м — 41,4 млрд долларов, в 2014-м — 47,2 млрд долларов. Так, на северо-западе Китая, в городе Сиань в 2012 году “Samsung” построил предприятие по производству процессоров стоимостью 7 млрд долларов.

Именно подобные вложения (и наличие технологий) привели к тому, что, например, продажи смартфонов “Samsung” в 2013 году достигли 313,9 млн штук (31,3 % мирового объема продаж)¹.

Для сравнения российских смартфонов “YotaPhone” в 2013 году было реализовано всего 12 тыс. штук. Дело в том, что современные высокотехнологичные произ-

¹ <http://www.dailycomm.ru/m/25609/>

водства весьма капиталоемкие. Уровень затрат на создание новых технологий и инновационных продуктов очень высокий. Рынок данной сферы экономики является олигополистическим, и проникновение новых фирм весьма затруднительно.

В то же время путь, по которому идет фирма «Сухой», является, на наш взгляд, наиболее перспективным для развития высокотехнологичных отраслей промышленности в России.

Отметим, что акционерами компании ЗАО «Гражданские самолеты Сухого» (ГСС) являются компания «Сухой» (75 % – 1 акция) и итальянская «Alenia Aermacchi» (25 % + 1 акция). Кроме того, программа «Superjet» управляется двумя совместными предприятиями. Одно из них, «SuperJet International», на 51 % принадлежит итальянской компании «Alenia» и на 49 % — фирме «Сухой». «SuperJet International» работает с рынками дальнего зарубежья. ЗАО «Гражданские самолеты Сухого», которое занимается производством и продажей лайнеров на других рынках, на 75 % контролируется холдингом «Сухой», а на 25 % — «Alenia». Доля зарубежных деталей в самолете составляет 55 % и может достигать до 70 %¹.

Объединение капиталов, технологий, научных разработок происходит во всем мире. Даже очень крупные фирмы стараются таким образом усилить свои конкурентные позиции. Так, например, компании «Google» и «Samsung» заключили соглашение о взаимном лицензировании патентов. Договор дает компаниями право использовать запатентованные разработки друг друга, в том числе в целях защиты от судебных притязаний конкурентов.

В то же время вышеприведенные данные свидетельствуют, что возможности РФ резко увеличить инвестиции в обрабатывающий сектор экономики весьма ограничены.

Кроме того, следует отметить, что развитие преимущественно сырьевого сектора остается основой реальной, а не декларируемой стратегии развития экономики РФ. Об этом свидетельствуют следующие факты: на российском молодежном форуме «Экспедиция Арктика» в феврале 2015 года министр энергетики А. Новак объявил, что инвестиции «Роснефти» только в Арктику в ближайшие 20–25 лет могут со-

ставить 500 млрд долларов. Но это означает, что ежегодные инвестиции будут составлять 20–25 млрд долларов. Кроме того, для реализации газового проекта «Сила Сибири» до 2018–2019 годов потребуются ежегодные инвестиции в размере 25–30 млрд долларов. При этом отметим, что совокупный объем инвестиций в обрабатывающие отрасли в 2013 году составил всего 58,6 млрд долларов.

Конечно, мультиплицирующий эффект затронет и обрабатывающие отрасли экономики, что наряду с китайским кредитом позволит выделить ресурсы на их развитие, но стратегия развития экономики в этом случае останется прежней: преимущество отдается сырьевому сектору.

Говорить о проведении политики импортозамещения, на наш взгляд, возможно только в случае жесткого таможенного ограничения на приобретение импортной продукции. Но при этом должен действовать принцип: используем то, что производим внутри страны.

Таким образом, инвестиционные возможности инновационного развития обрабатывающей промышленности РФ ограничены. Требуется или прямая государственная поддержка, или использование коммерческих кредитов. Однако последнее предполагает возврат полученных средств, что возможно только в условиях прибыльной деятельности предприятия. Получение прибыли подразумевает производство и реализацию произведенной продукции. Но в условиях открытости национальной экономики российской обрабатывающей промышленности в целом выдержать конкуренцию с мировыми производителями весьма затруднительно.

К сожалению, даже прямая государственная поддержка не способствует выходу их на инновационный путь развития и достижению конкурентных позиций на мировом рынке. Перспективы развития высокотехнологичных отраслей промышленности в настоящее время весьма ограничены. В последнее время в связи с санкциями принимаются программы импортозамещения в различных отраслях экономики. Но главное при этом — уровень технологий и качества производимой продукции. Чтобы не получилось так: санкции отменили, цена на нефть выросла, доходы возросли и снова переход на импорт.

Н. Н. Покровская²

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ В ГЛОБАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Сегодня глобальная налоговая конкуренция между странами приобрела новые формы: помимо традиционного привлечения бизнеса, государства сопернича-

ют за лидерство в инновационном росте. Глобальная экономика знаний принуждает страны выбирать одну из моделей:

¹ <http://lenta.ru/news/2013/11/20/ssj>

² Заместитель директора по научной работе Международного института экономики и политики Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Динамика кризисных моделей и ценностно-смысловых шкал в регулятивных

механизмах инновационного роста экономики», «Социальная регуляция экономического поведения: социально-управленческие технологии» (в соавт.), «Мировые практики аудита корпоративной социальной ответственности», «Организационная культура в России и Китае — некоторые аспекты сопоставления» (в соавт.) и др. Главный редактор журнала «Личность и культура».

— лидерство в развитии научных исследований, открытий и изобретений;

— лидерство в инновациях, внедрении технологических достижений;

— формирование институциональной среды и инфраструктуры для роста инвестирования в инновационные и высокотехнологичные сектора, быстрое освоение и догоняющее внедрение заимствованных технологий.

Анализ налогового стимулирования инновационного роста в России позволяет сделать вывод о недостаточности целевого и инструментального регулирования: отсутствуют четкие цели развития инновационной деятельности, и недостаточно эффективно функционируют инструменты.

Не определена ни целевая позиция России в мировой хозяйственной системе (первенство в научных достижениях и авторство технологических прорывов, поддержка внедренческой активности и инновационного предпринимательства, освоение роли получателя в передаче технологий, например в области арктического бурения), ни основные показатели достижения целей (изобретательская и патентная активность, уровень страны в мировом высокотехнологическом экспорте и другие индикаторы остаются предметом изучения статистики и не зафиксированы как целевые в каких-либо нормативных документах).

Цели развития двух ключевых блоков инновационной экономики — создания интеллектуального продукта НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок) и собственно инновационной деятельности по внедрению результатов научных исследований — закреплены лишь точечно в отдельных нормативных и декларативных документах. Отсутствует единое понимание предмета развития. Так, Налоговый кодекс РФ игнорирует введенный в 2006 году в Руководстве Осло (Oslo Manual¹) — документе, разработанном совместно ОЭСР и Евростатом для развития регулирования инновационной деятельности, — элемент маркетинговых инноваций, отчасти отраженный в Федеральном законе от 23 августа 1996 года № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»². Не отмечается в российских нормативных актах и социальный аспект развития, например, сферы коммуникаций (что привело к бурному росту социальных сетей, обмену сообщениями и др.). Расхождение между декларируемыми целями и регулирующими механизмами, закрепленными в налоговом законодательстве, приводит к оппортунизму.

Так, прогрессивный и активно применяемый в мире инструмент «супервычета» расходов на НИОКР из налогооблагаемой базы по налогу на прибыль (на корпоративный доход в США, бизнес-налог в КНР) приводит к специфическому результату на территории Россий-

ской Федерации: общая доля неэффективных НИОКР составила 11,7 %. Доля неэффективных НИОКР по перечню³, установленному Правительством РФ, — 27,6 %⁴, то есть более четверти вложенных средств.

НИОКР, не давшие положительного результата, но ставшие предметом «супервычета», носят значительный более концентрированный характер: средняя по России величина расходов на неэффективные НИОКР одного налогоплательщика составляет 12,6 млн рублей, но на НИОКР по перечню (Постановление Правительства РФ от 13 октября 2011 г. № 836) — 170,7 млн рублей.

В целом расходы на НИОКР, которые были учтены для целей налогообложения, составили за первую половину 2015 года 9,26 трлн рублей. Половина этой суммы приходится на Центральный федеральный округ (4,66 трлн, почти 350 предприятий), из них на Москву и Московскую область — 4,22 трлн, 268 предприятий. В Санкт-Петербурге 102 налогоплательщика учли расходы на НИОКР в сумме 0,92 трлн рублей из 1,05 трлн рублей по Северо-Западному округу (131 налогоплательщик).

О концентрации включения расходов на исследования и разработки говорит расчет по регионам: в среднем в Российской Федерации на одного налогоплательщика приходится сумма расходов по НИОКР, принятых к учету налоговой базы по налогу на прибыль, в объеме 11,3 млн рублей, в Москве — 17,3 млн рублей, в Тверской области — 21,0 млн рублей, в Кабардино-Балкарской Республике — 62,4 млн рублей, в Тюменской области — 71,0 млн рублей (причем один налогоплательщик показал расходы на НИОКР 229,5 млн рублей). При этом в Тверской области 76,2 % всех расходов, списанных на НИОКР, не дали положительного результата; в Тюменской области 80,8 % всех расходов на НИОКР попали в эту группу. Эти совпадения можно трактовать как: а) формирование научно-исследовательских кластеров или б) корреляцию снижения эффективности при концентрации расходов у конкретных субъектов. Необходим анализ данных по конкретным контрактам, которые отсутствуют в свободном доступе.

В частности, целесообразно прояснить факторы, которые привели к тому, что в 2013 году в Санкт-Петербурге 92,9 % расходов прибыльных налогоплательщиков (и 77,1 % расходов по всем налогоплательщикам) на НИОКР по перечню оказались в группе «не давших положительного результата», 31,5 % всех расходов всех налогоплательщиков оказались в этой группе; в то время как в остальные периоды Петербург не превышал среднюю долю неэффективных НИОКР по стране. В то же время Тюменская область три раза за обследованные 10 лет (2006–2015) замечена в зоне существенных показателей «неэффективных» НИОКР.

³ Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 988 (в ред. от 6 февраля 2012 г.) «Об утверждении перечня научных исследований и опытно-конструкторских разработок, расходы налогоплательщика на которые в соответствии с п. 7 ст. 262 части второй Налогового кодекса РФ включаются в состав прочих расходов в размере фактических затрат с коэффициентом 1,5».

⁴ Рассчитано автором на основе данных сайта ФНС «Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу на прибыль организаций, раздел К, расходы на НИОКР, по состоянию на 01.07.2015 г.» (http://www.nalog.ru/rn78/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

¹ Руководство Осло: Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям. Совместная публикация ОЭСР и Евростата. 3-е изд. М.: Центр исследований и статистики науки Мин-ва образования и науки РФ, 2006. С. 55. URL: http://www.uis.unesco.org/Library/Documents/OECD Oslo Manual 05_rus.pdf (дата обращения: 23.12.2015).

² Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.).

В контексте постмодернизации экономики дифференциация отражает адаптацию регулятивных механизмов к разнообразию экономической реальности. Можно предложить повысить уровень дифференциации налогового стимулирования НИОКР по различным критериям:

- по отраслям и видам деятельности;
- глубине НИОКР — фундаментальные НИОКР позволят обеспечить лидерство в век когнитивной экономики, нейрокommunikаций, био- и нанотехнологий, освоения новых регионов (например, Арктики) и пространств (космоса);
- вовлечению научно-исследовательского персонала;
- объему НИОКР — практика зарубежных стран продемонстрировала необходимость пороговых ограничений налоговых вычетов.

Государственное регулирование экономической деятельности, включая налоговую систему, обеспе-

чивает как ресурсно-процессное управление экономикой, перераспределяя ресурсные потоки и динамику активности между отраслями, регионами и типами предприятий, так и постановку целей и индикаторов эффективности, включая закрепляемые обществом рамки реализации предпочтений и потребностей. В эпоху индустриализации промышленность строилась на основе централизации усилий страны (что позволило создать в СССР мощный индустриальный сектор), но в эпоху экономики знаний все более очевидна необходимость не только различать модели управления хозяйством по секторам, но и применять более тонкие критерии и инструменты регулирования процессов принятия решений экономическими субъектами. Успешный опыт Нидерландов по модернизации сырьевой экономики и привлечению инновационного инвестирования полезен для достижения целей в глобальной налоговой конкуренции.

Э. Э. Полетаев¹

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ И ПОТЕНЦИАЛ ЕАЭС В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛЬНОСТЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МАСШТАБА

Такие глобальные вызовы, как спад деловой активности в ряде стран, нестабильность мировых цен на энергоресурсы и курсов валют, в настоящее время сдерживают развитие экономик многих стран на евразийском континенте. Данные вызовы влияют на состояние платежных балансов государств, ухудшают показатели взаимной торговли. Это свидетельствует о пока еще недостаточном уровне экономического взаимодействия стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и говорит о необходимости их совместных действий по решению актуальных проблем.

Сырьевые товары играют значимую роль в экспорте ряда стран ЕАЭС. В связи с этим предполагаемыми катализаторами экономического роста могут стать следующие усилия государств-участников: расширение торгово-экономического сотрудничества и использование преимуществ общего рынка; устранение оставшихся барьеров, изъятий и ограничений в отношении движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы; более глубокая координация валютных политик и развитие валютной интеграции по линии снижения доминирования доллара США в пользу национальных валют во взаимных расчетах; дальнейшая гармонизация национальных законодательств; привлечение инвестиций в инфраструктурные проекты; создание условий для открытия новых производств и рабочих мест; за-

щита рынков от интервенций иностранных товаров; акцент на процессах импортозамещения.

Также приходится активизировать торгово-экономические отношения с Китаем, вести системную работу с разными странами о создании зон свободной торговли с ЕАЭС, требовать наведения жесткого порядка в использовании бюджетных средств, проявлять интерес к участию в консультациях со странами — производителями нефти. Кроме того, увеличиваются налоги, пускают в дело пенсионные накопления граждан, намечена распродажа госсобственности, идет легализация имущества, в том числе и денег, ранее выведенных из легального экономического оборота.

Для ЕАЭС 2015 год был сложным, так как из-за кризисных явлений наблюдались проблемы во взаимной и внешней торговле. Взаимная торговля между странами интеграционного объединения сократилась почти на 26 %. В свою очередь, суммарный объем внешней торговли товарами из ЕАЭС в 2015 году сократился на 33,6 %. При этом, по данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), основным их покупателем выступал Европейский Союз (ЕС) (53,2 % совокупного экспорта). В страны АТЭС было продано 23,6 % экспортируемых товаров, в страны СНГ — 6,1 % (из них Украине — 3,5 %), Турцию — 5,6 %. Импортные закупки сосредоточены в странах АТЭС и Европейского Союза (40,5 и 40,9 % совокупного импорта товаров соответственно). В странах СНГ приобретено 5,1 % товаров (из них на Украине — 3,7 %), в Турции — 2,7 %.

Очевидно, что в 2015–2016 годах на новую экономическую реальность ЕАЭС также оказали влияние политические санкции Запада против России и анти-санкции, сложности во взаимоотношениях России

¹ Президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алматы, Казахстан). Автор книг «Международная журналистика: навигатор для авторов из Центральной Азии», «Права человека для журналистов», нескольких методических пособий на экономическую, социально-политическую и журналистскую тематику, а также более 2000 информационно-аналитических материалов в СМИ России, Казахстана, Великобритании и стран Центральной Азии. Сфера профессиональных интересов: политическая регионалистика, этноконфликтология, миграционная политика, история и теория евразийства и др.

с Украиной и Турцией. И вышеприведенные цифры, как и доли покупателей и продавцов, по итогам нынешнего года явно будут подвергнуты корректировке. При этом санкции остаются несовершенным инструментом принуждения. Круг взаимодействия ЕАЭС и ЕС сузился, и необходимо искать выход из сложившейся ситуации. Мировая практика применения санкций свидетельствует о том, что последствия их введения труднопрогнозируемы. Анализ последствий разных санкций показывает — в целом после них психологическая атмосфера ухудшается, начинаются разговоры о кризисе, но цели достигаются далеко не всегда. Напротив, санкционируемые экономики настраиваются на мобилизацию. Характерен пример Ирана, который десятилетиями находился под воздействием тех или иных санкций. Нагрузка на власти и бизнес, конечно, увеличилась. Но к санкциям привыкли, при этом развилась инфраструктура, было налажено импортозамещение.

Санкции, конечно, совсем некстати пришлись ко двору ЕАЭС, который относительно недавно начал свою работу. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев еще летом 2014 года говорил, что от санкций Запада против России для ЕАЭС будут негативные последствия. «Одно дело — санкции против отдельных людей, другое — против финансового сектора, отдельных секторов экономики. Это ухудшит экономику России», — сказал он. А экономика России — крупнейшая в данном интеграционном объединении. Поэтому основные негативные последствия для ЕАЭС от санкций видятся в росте скептицизма по поводу его будущего из-за влияния внешних факторов. Однако, согласно концепции министра по интеграции и макроэкономике ЕАЭС Татьяны Валовой, если западные компании «не могут прийти в Россию, они могут прийти в Армению, Беларусь, Казахстан и получить доступ к тем же рынкам», что они и делают. И с этой точки зрения санкционное противостояние оказывается конфликтом с нулевой суммой.

Каковы дальнейшие последствия? Рано или поздно санкции сойдут на нет, но если этого и не произойдет, неукоснительно выполняться они не будут. Ряд стран ЕС, которые голосовали за санкции, не станут строго их соблюдать. Уже появились адаптационные механизмы, схемы. Расправляет крылья бизнес из третьих стран, который ради выгоды всегда найдет лазейки. Кстати, вопрос совместных действий стран ЕАЭС в ответ на западные санкции на повестке дня не стоит. Евразийский союз — это огромное по размерам территории интеграционное объединение, имеющее тысячи километров границ, транзит между Западом и Востоком. Seriously повлиять на него методами изоляции нереально и контрпродуктивно.

Информационные фантомы, конечно, мешают интеграционным процессам, но с выбранного пути не сойдут. Они слабы, так как неверные предпосылки якобы имеющего место возврата к советизации приводят к неверным рассуждениям и выводам. Сегодня стало модно отсылать политику в прошлое. Но ЕАЭС — это мощное экономическое объединение. Оно занимает лидирующие места в мире по многим параметрам, например по размерам территории (15 % мировой

суши), по добыче газа (22 % мировой добычи) и нефти (14,6 %), второе место по производству минеральных удобрений (14 %), третье — по производству электроэнергии (9 %) и т. д. Да, ЕАЭС в определенной степени — это возврат к некогда разорванным хозяйственным связям. Однако ментальные принципы экономической политики со времен СССР значительно изменились. Мораль и право сейчас настроены на повышение конкурентоспособности. А это одна из целей создания ЕАЭС, чтобы в условиях модернизации и кооперации национальные экономики стали более стабильными и развитыми. ЕАЭС — это крепость для защиты экономических интересов, но не с закрытыми воротами. Союз заинтересован в интеграции с мировой экономикой, желая видеть ее более справедливой.

Как известно, за свободную торговлю всегда выступали и выступают экономически сильные государства, чтобы открыть рынки более слабых для своих товаров, в то время как им самим не приходится опасаться конкуренции. Поэтому многие торговые блоки и союзы в мире возникли как реакция на глобализацию — экономическая кооперация обеспечивает как рост межгосударственной торговли, так и защиту от усиливающейся глобальной конкуренции. Интеграция в рамках ЕАЭС, как в свое время в Европе, сразу же пошла по пути, получившему в политологии название функционализм. Он предполагает последовательность и такие темпы, которые были бы приемлемы для всех стран — участниц интеграционного процесса. Проще говоря, это путь от расчета до любви. Так что интеграция — это дружба, и против кризиса в том числе. Когда еще существовал ЕврАзЭС, то меры, принятые странами — его членами, позволили благополучно пережить мировой финансовый кризис 2007–2009 годов. Был реализован ряд совместных предприятий, создан антикризисный фонд.

Сейчас ЕАЭС надо думать, как выбраться из кризисной ситуации. Насколько долго продлится экономическая турбулентность? Можно использовать международный опыт, который, на мой взгляд, применим с оговорками. Тем не менее кое-что может оказаться полезным. Хотя бы тот пример, как экономически развитые государства пережили несколько скачков цен на нефть начиная с кризиса 1973 года. Напомню, что нет таких специалистов, которым с относительной точностью удалось бы правильно спрогнозировать изменения цен на «черное золото» ни во время роста цен в 1974–1980-е и 2000-е годы, ни во время их падения в 1986, 1998, 2008–2009 годах. И развитые страны сумели адаптироваться к периодам высоких цен на энергоресурсы, демонстрируя экономический рост и увеличение доходов своих граждан.

В то же время страны — экспортеры нефти, несмотря на то что уже было несколько ценовых витков, как показывает практика, сразу «хватаются за голову». Их экономики подвержены циклам подъема и спада в зависимости цикличности развития мировой экономики. Поэтому неслучайно в этих странах говорят о необходимости ухода от нефтяной зависимости, предпринимают попытки перестройки экономики с упором на индустриально-инновационное развитие, а структуру экс-

порта углеводородов пытаются изменить за счет увеличения доли продукции высокого передела.

Но пока адаптации еще не произошло. Необходимость снижения зависимости от сырьевого экспорта признается на самом высоком уровне. Она «якорная». При этом всего несколько государств в мире способны решать свои социально-экономические задачи исключительно за счет нефтегазового экспорта в условиях низких цен.

Стоит отметить, что страны ЕАЭС занимают координацией макроэкономической политики и антикризисных программ. При этом в рамках СНГ и других интеграционных объединений на постсоветском пространстве попытки совместного выхода из кризиса не рассматривались (кроме предложения о сопряжении ресурсов ЕАЭС и ШОС). Когда еще не был подписан Договор о создании ЕАЭС, в 2014 году был опубликован совместный доклад «О повышении устойчивости экономик стран ЕЭП перед лицом кризисных процессов в мировой экономике» (он размещен на сайте Евразийской экономической комиссии). В нем говорится о необходимости применения определенного ряда новых инструментов, облегчающих преодоление кризиса. По мнению авторов доклада, растущая уязвимость к мировым кризисам все большего числа стран заставляет искать новые модели экономического развития через активизацию процессов региональной интеграции.

В предисловии к докладу за подписью тогда еще заместителя премьер-министра Казахстана и председателя Совета ЕЭК Кайрата Келимбетова утверждается интересная мысль. В результате роста взаимозависимости экономик стран очень важно понимание факторов развития и последствий проводимой экономической политики каждой из сторон. Очевидно, что глубокая экономическая интеграция может способствовать более быстрому распространению кризисных процессов на страны-партнеры. Что частично и произошло.

Надо также признать, что в условиях кризиса все государства ЕАЭС принимают схожие антикризисные программы и меры. Во-первых, это группа мер, направленных на стабилизацию финансовых рынков и поддержку банковской системы и банковского кредита. Во-вторых, группа мер, направленных на поддержание спроса и точечную поддержку уязвимых отраслей экономики и ведущих предприятий, включая инструменты госзаказа, субсидий и т. д. Третья группа мер связана с поддержкой уязвимых слоев населения и малого бизнеса. И эти решения не окончательные, идет поиск новых.

В условиях экономической турбулентности стоит учитывать гибридный характер процессов региональной интеграции. Такие новые тенденции, как экономическая многополярность и ускоренная регионализация (в качестве ответа на глобальные угрозы), стремление

ряда стран укрепить собственные экономические позиции с помощью «подушек безопасности», — все это может вести к некоторой трансформации процессов интеграционной практики. К примеру, когда функционировал Таможенный союз и создавался ЕАЭС, была озвучена идея создания нового Великого шелкового пути — торгового коридора для прямых поставок товаров. Сегодня же политики и эксперты рассуждают о сопряжении этих двух проектов. В прошлом году на крупнейших площадках речь также шла о взаимодействии ЕАЭС с Европейским Союзом, БРИКС, ШОС, АТЭС, обсуждались идеи концепций «Большой Евразии» и «Интеграции интеграций».

К настоящему времени интеграционные процессы стали одной из наиболее актуальных проблем в изучении современных экономических процессов и явлений. Появляются новые формы интеграции, причем речь идет не только о региональных объединениях, но и о перспективах поиска точек соприкосновения между инициативами, продуцируемыми с разных континентов. И хотя глобализирующаяся интеграционная мозаика пока просматривается во многих отношениях нечетко, нельзя не видеть объективный и долговременный характер процессов становления новых транснациональных экономических конструкций.

Логика развития ЕАЭС и его взаимоотношений со странами — потенциальными и имеющимися партнерами — будет отличаться от европейской логики. В ЕС компактная территория, следовательно, легко создать разветвленную транспортную систему. Изначально, до вступления Восточной Европы в ЕС, национальные экономики были примерно одинакового уровня. Вероятно, что развитие евразийского проекта пойдет по пути Латинской Америки, ее знаменитого объединения МЕРКОСУР. Ведь у стран Латинской Америки тоже очень много общего — и история, и единый язык (испанский), кроме Бразилии. Изначально был сделан акцент на сырьевую составляющую, потом, в 1970-х годах, цены на полезные ископаемые упали. И сейчас это открытый для сотрудничества континент. В первую очередь задача состояла в том, чтобы привлечь максимальное количество внешних партнеров, и неважно, с какого они континента. И в принципе схема открытого регионализма сработала: в МЕРКОСУР низкие таможенные барьеры и другие выгоды.

Сотрудничество с ЕАЭС может быть построено не только на длинной дистанции, но и на короткой, то есть с помощью договоров, программ действий, секторальных соглашений. Вполне возможно использовать инструментарий ЕС, вроде проекта «Восточное партнерство». Он может называться «Евразийским сотрудничеством» или как-то иначе. И те страны, у которых есть определенные причины не вступать в ЕАЭС, смогут сотрудничать с ним на приемлемом для них уровне.

Е. С. Садовая¹

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ

Процессы, происходящие сегодня в мире, все больше проявляют эмергентный характер, затрагивая все составляющие общественной жизни — политику, экономику, социальную сферу, ведут к серьезному и комплексному ухудшению ситуации в социальной сфере. Период экономического роста, при котором социальные последствия казались чем-то не то чтобы неважным, но второстепенным, уходит в прошлое. Все очевиднее становится, что именно социальный прогресс, обеспечиваемый экономическим ростом, и был главным механизмом легитимации власти в предыдущий период. Тот факт, что он постепенно перестает действовать, является спусковым крючком для роста конфликтности современного мира и одновременно заставляет внимательнее оценивать экономику и экономическую политику с точки зрения их влияния на ситуацию в социальной сфере.

При этом анализ содержания конфликтов, разгорающихся по всему миру, приводит к выводу, что недовольство социально-экономическим положением широких слоев населения зачастую приобретает этноконфессиональную окраску². Более того, в современных геополитических реалиях ситуация может использоваться сильными внешнеполитическими игроками для дестабилизации политической ситуации в той или иной стране, так как этническая или этноконфессиональная окраска социальных и социально-экономических конфликтов делает их одними из самых сложных для урегулирования. Именно поэтому сегодня экономике все в меньшей степени можно отделить (даже в целях научного анализа) не только от социальной политики, но и от политики, геополитики, национальной политики. Выработывая варианты социально-экономической политики, государства в условиях растущей неопределенности вынуждены учитывать внешнеполитические, культурно-исторические, этнополитические факторы.

¹ Заведующая сектором социальных проблем труда и занятости Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (кол. авт.) и др.; статей: «Императивы социальной политики в кризисное время» (в соавт.), «Социально-экономические предпосылки включения молодежи в процесс модернизации российской экономики» и др.

² Подчеркнем, что мы не считаем этноконфессиональные противоречия действительно решающим фактором, лежащим в основе большинства возникающих сегодня конфликтов. Оправданной представляется позиция таких авторов, как Э. Геллнер, И. Валлерстайн, Р. Брубейкер, считающих, что сегодняшние конфликты оказываются в большинстве своем отражением, с одной стороны, и следствием — с другой, тех негативных тенденций и дисбалансов, которые можно наблюдать в развитии социальной сферы по всему миру. Этнический же фактор является зачастую лишь фактором мобилизации протестных настроений.

Для России, стремящейся проводить суверенную экономическую и внешнюю политику, предлагать конструктивную повестку дня для мирового сообщества, текущая ситуация складывается непросто по многим основаниям, порождая серьезные вызовы. Практика показывает, что идея реализации эффективной социально-экономической политики без подлинного суверенитета страны является утопичной. Такие попытки в условиях растущей конфликтности современного мира априори не могут быть успешными. При этом подлинный суверенитет связывается сегодня с укреплением государства не только мыслителями и учеными, но и политиками. Этот фактор важен для нашей страны, возможно, как ни для какой другой страны мира, учитывая и особенности нашего географического положения, и тот факт, что наша страна является федеративным государством, имеющим сложный этноконфессиональный состав населения, непростую ситуацию на границах, местами принимающую характер открытых военных столкновений.

Что может стать фактором, цементирующим в этих условиях государство, формирующим единую нацию в политическом понимании этого термина? Язык, культура — да. Сюда же можно отнести и те факторы, которые С. М. Липсет обозначал как «символическую эффективность», не имеющую материального выражения, но обладающую высокой ценностью для конкретных индивидов³. К таким ценностям он относил, например, высокий национальный престиж. Добавим сюда и такие, как общие победы и свершения, наличие общих героев, памятных дат. На единство этносов и народов внутри государства серьезное воздействие оказывает и формирование единого информационного пространства, позволяющего структурировать все многообразие идентичностей, собирая их в единую идентичность.

О важности «символической эффективности» в деле консолидации общества свидетельствует хотя бы тот факт, что отнюдь не всегда ухудшение экономической ситуации автоматически ведет к обострению конфликтов в нем. Это доказывают результаты многочисленных исследований ВЦИОМа, касающихся одобрения гражданами страны деятельности различных органов государственной власти, индексы социального самочувствия, социальных настроений, протестного потенциала и тому подобного в условиях ухудшающейся социально-экономической ситуации⁴.

Отметим, однако, что «символическая эффективность» не может играть долговременной позитивной роли, не будучи подкрепленной единством социально-экономическим, что сегодня со всей очевидностью демонстрирует, например, Европейский Союз. К социальным и социально-экономическим факторам укреп-

³ Luncem С. М. Политическая социология // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы : пер. с англ. М. : Прогресс, 1972. С. 205.

⁴ <http://wciom.ru/news/ratings/>

ления государства и нации можно отнести факторы, влияющие на формирование/разрушение единого социального пространства. Такие факторы, как степень неравенства в уровне и качестве жизни, в том числе в этноконфессиональном разрезе, эффективность социально-экономической политики, наличие единых рынка труда и образовательного пространства, социальная и территориальная мобильность населения, являются показателями степени сформированности единого социально-экономического пространства.

При всей очевидности консолидации гражданской нации в современной России накопились серьезные социальные дисбалансы, наличие которых таит в себе определенный конфликтный потенциал. Мировой финансово-экономический кризис проявился в нашей стране не просто в снижении экономической активности и усилении нестабильности занятости, сокращении доходов населения, он также выявил те проблемы структурного характера, которые накапливались на протяжении последних десятилетий в экономике и социальной сфере.

У нас сложилась не очень эффективная структура занятости по видам экономической деятельности, сохраняется значительная доля неформальной, незащищенной занятости. Велико расслоение населения не только по доходам, но и по оплате труда. Внутриотраслевые децильные коэффициенты по оплате труда составляют от 11 до 21, а разница в оплате труда по одним и тем же профессиям в региональном разрезе достигает 4,5 раз. Не сложился полноценный национальный рынок труда. Все это свидетельствует о сохранении настораживающей тенденции — фрагментации социального пространства страны.

Обозначим лишь некоторые из параметров, характеризующих сложившиеся дисбалансы и позволяющих выявить основные «узкие места» в ее социально-экономическом развитии:

— степень распространенности многомерного неравенства, в том числе по отдельным социально-демографическим группам и регионам РФ;

— показатели занятости (структура занятости, показатели безработицы) и характера социально-трудовых отношений (эгалитарность, защищенность, эффективность правоприменительной практики);

— безработица, особенно молодежная, становящаяся сегодня «хворостом», поджигающим стабильность современного мира. Отсутствие работы и перспектив ее получения дезориентирует молодежь, толкает ее в радикальные движения, чаще всего имеющие этно-религиозную окраску. Надо подчеркнуть, что важны не только показатели молодежной безработицы как таковой, но и доля молодежи во всем населении в сочетании с показателями молодежной безработицы, а также этническая составляющая молодежной безработицы;

— структурные реформы социальной сферы и их вклад в ухудшение/улучшение положения отдельных групп населения.

Некоторые шаги в направлении улучшения социальной ситуации, безусловно, делаются. Повышение заработной платы в наиболее важных социальных отраслях — здравоохранении, образовании, науке, со-

кращение зарплат и ограничение сверхдоходов топ-менеджмента госкорпораций, целевая поддержка наиболее неблагополучных регионов и отдельных социально-демографических групп населения — одни из них (хотя и со значительными оговорками). Однако этого явно недостаточно. Особо пристального внимания при разработке социально-экономической политики и стратегии национальной безопасности страны требуют к себе, например, республики Северного Кавказа и Крымский федеральный округ (КФО), учитывая особое географическое расположение, этноконфессиональный состав населения, а также особенности демографического и социально-экономического развития.

Интегральным показателем социального благополучия того или иного региона является индекс развития человеческого потенциала. Сегодня мы имеем существенные (до 12 %) различия региональных индексов развития человеческого потенциала, и самые низкие его значения наблюдаются именно в названных регионах. При этом анализ показывает, что основной «вклад» в низкие значения индекса внесла разница в уровне душевого ВВП, доходящая до 8,5 раз между Москвой и Чеченской Республикой (крайние значения). Среднедушевые денежные доходы населения в КФО, например, в три раза меньше, чем в Центральном ФО, в СКФО — практически в два раза ниже (53,4 %). Эти округа занимают нижние строчки по уровню денежных доходов населения¹.

Сохраняющиеся региональные разрывы в оплате труда — дополнительный фактор, препятствующий формированию полноценного национального рынка труда, следовательно, и единого социального пространства в стране. Ситуация, при которой, например, учитель или медицинский работник в республиках Северного Кавказа получает в несколько раз меньше, чем в Москве, ЯНАО или ХМАО, — яркий тому пример. А сложная ситуация на рынке труда этих регионов — дополнительный фактор ухудшения ситуации, учитывая, что именно трудовые доходы составляют подавляющую часть доходов большей части населения страны.

Хотя сложившиеся социальные дисбалансы и не имеют четко выраженной этноконфессиональной окраски, поскольку низкие индексы развития человеческого потенциала характерны и для некоторых регионов Центральной России, Поволжья и южных ее регионов (и в этом смысле фрагментация социального пространства в РФ обусловлена в большей мере социально-экономическими факторами, нежели этническими), это не делает ситуацию потенциально менее конфликтной, а локализация социального неблагополучия в рамках национальных республик — настораживающий факт. Религиозная, этническая или национальная идентичность могут стать «аварийными группами поддержки», по образному выражению Ю. А. Семенов², в условиях ухудшающегося социально-экономического контек-

¹ Социально-экономическое положение федеральных округов. 2015. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_20/Main.htm

² Семенова Ю. А. Гражданская идентичность в системе социальных идентичностей личности: российская модель // Межэтническое и межконфессиональное взаимодействие в условиях глобализации: на пути к формированию гражданской идентичности: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 ноября 2011 г. Казань: ТАИ, 2012. С. 56.

ста (бедность, неравенство, клановость, нерешенный земельный и иные вопросы) и могут быть использованы для реализации политических амбиций отдельных лидеров этнических групп.

Основой стратегии преодоления рисков в социальной сфере в России должна стать социальная и социально-экономическая политика, адекватно отражающая в том числе региональные особенности развития РФ и направленная в первую очередь на формирование единого социального пространства как важнейшего условия легитимации власти и укрепления государства, на ликвидацию структурной уязвимости. В то же время она не должна допускать социальной стигматизации

и роста иждивенческих настроений отдельных групп населения.

Конечно, сегодня, как и в ближайшем будущем, полностью разрешить проблему структурной уязвимости населения отдельных регионов вряд ли удастся. Однако отставание уровня жизни от среднероссийских показателей преодолеть возможно только в том случае, если будет сделан рывок в экономическом развитии. Приоритет при этом должен отдаваться не столько обеспечению высоких темпов экономического роста, сколько социальному «качеству», в том числе справедливому характеру, что для России всегда было неоспоримой ценностью.

Г. Ф. Фейгин¹

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Национальная экономика (экономика государства) является одним из видов хозяйственных систем. Национальные экономики в современном понимании существуют с 1648 года (образование Версальско-Потсдамской системы). С этого момента происходит окончательное оформление национальных экономических интересов, которые, с одной стороны, ассоциируются с благосостоянием наций, а с другой — связываются с ростом уровня жизни отдельных индивидуумов, проживающих в соответствующих странах. Этот утвердившийся в экономической теории XVII–XIX веков подход был сформулирован С. Джевансом: «Общая формула политической экономии одинакова для индивидуумов и для наций»².

Уже представители школы меркантилизма в XVII веке рассматривали международную торговлю как основной инструмент богатства наций. По их мнению, население страны богатеет в результате устойчивого превышения экспорта над импортом. Тем самым национальный экономический интерес выражается в стремлении создавать продукт, который пользуется устойчивым спросом на зарубежных рынках, и защищать отечественных производителей путем проведения протекционистских мероприятий. Национальные экономические интересы доминируют и в концепциях международной торговли, разработанных экономистами-классиками (теория абсолютных преимуществ А. Смита, теория сравнительных преимуществ Д. Рикардо, теорема Хекшера–Олина и ее последующие модификации). Эти концепции определяют принципы участия стран

в международном разделении труда, которое позволяет повышать уровень благосостояния местного населения.

В XX веке национальные экономические интересы претерпели определенную эволюцию. Во многих странах формировались и совершенствовались механизмы управления хозяйственными процессами, которые были направлены на достижение устойчивого экономического роста, обеспечение полной занятости и внешнеэкономического равновесия, борьбу с инфляцией. Созданные в рамках страны системы управления хозяйственными процессами обусловлены не только уровнем экономического развития отдельных государств, но и культурными традициями. Нельзя недооценивать фактор опыта. С течением времени во многих странах накапливался опыт регулирования хозяйственной деятельности на разных стадиях экономической конъюнктуры.

В условиях глобализации (примерно с 1970-х гг.) формы проявления национальных экономических интересов претерпевают определенные изменения. В данном контексте следует выделить ряд тенденций:

— существенное возрастание объемов международных торговых операций и прямых инвестиций. Повышается уровень открытости национальных экономик, происходит их «взаимопереплетение». Одновременно усиливается взаимозависимость национальных экономических интересов;

— в условиях развития региональной интеграции ряд функций по управлению хозяйственными процессами передается на региональный, то есть наднациональный, уровень. Соответственно ослабляется национальный экономический суверенитет. Многие страны уже не могут проводить в полной мере самостоятельную экономическую политику;

— управление хозяйственными процессами все больше осуществляется и на глобальном уровне. В частности, следует выделить деятельность Всемирной торговой организации (ВТО), куда входят 162 страны. Принципы работы ВТО означают последователь-

¹ Профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Национальные экономики в эпоху глобализации», «Механизмы управления организациями социально-культурной сферы в трансформируемой экономике России» (в соавт.), «Стратегический менеджмент в условиях глобализации», «Теория и практика приватизации в объединенной Германии», «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик», «Прямые иностранные инвестиции: значение для развития экономики России», «Менеджмент в условиях глобализации» и др.

² См. об этом: Джевансон С. Теория политической экономии. Лондон ; Нью-Йорк, 1871.

ное ослабление торговых барьеров и постепенный отказ от протекционистских мероприятий, обеспечение равных конкурентных условий для всех стран.

Можно предположить, что управление хозяйственными процессами на глобальном уровне будет развиваться, выйдет (и частично уже выходит) за рамки чисто торгового сотрудничества. Неслучайно вопрос о создании «мирового правительства» периодически обсуждается в социально-экономической литературе. Означает ли это, что вопрос о реализации национальных экономических интересов в условиях глобализации теряет актуальность? На современном этапе ответ представляется очевидным — это не так.

Несмотря на обозначенные выше тенденции, наиболее завершенная и отлаженная система управления хозяйственными процессами существует именно в рамках национальных экономик. Этот факт ярко иллюстрируют современные проблемы, возникшие в Европейском Союзе (ЕС). Очевидно, что наднациональные институты не могут функционировать столь эффективно, как национальные правительства. Периодически на повестке дня встает вопрос о выходе из ЕС отдельных стран (Великобритания) или об обретении особого статуса в ЕС. Не все страны — члены ЕС до сих пор вошли в зону евро, то есть национальные валютные системы, управляемые центральными банками, представляются для этих стран предпочтительнее. Характерен в данном контексте и пример Греции. При возникновении долгового кризиса ставился вопрос о выходе Греции из зоны евро. Тем самым экономика Греции могла бы стать более конкурентоспособной в результате девальвации национальной валюты. События не развивались по данному сценарию, так как создание подобного прецедента (выход одной страны из зоны евро) могло бы существенно подорвать авторитет грандиозного интеграционного проекта.

Проблемы эффективности наднациональных экономических институтов возникают и в рамках других региональных интеграционных образований. За исключением ЕС, в других интеграционных блоках не удалось создать валютный союз (переходы к валютам типа «амеро» или «афро» рассматриваются как проекты далекого будущего). Вплоть до настоящего времени уровень интеграции зачастую ограничивается созданием зоны свободной торговли или Таможенным союзом. Многие страны, входящие в региональные блоки, не хотят терять право принимать самостоятельные решения по ряду экономических вопросов. Этот факт

является препятствием для перехода к более глубоким интеграционным моделям. Национальные экономические модели могут и совпадать (по некоторым аспектам), что позволяет странам объединяться в группы. Характерным примером является сельскохозяйственная политика ЕС, основанная на защите интересов национального сельскохозяйственного производителя. В этом заинтересовано большинство стран, входящих в ЕС. Совместные действия по данному вопросу до сих пор помогали отстаивать эту позицию, несмотря на определенное давление со стороны глобальных институтов (ВТО).

Другой характерный пример связан с обсуждением перспектив трансатлантической интеграции. Сама по себе идея создания трансатлантической зоны свободной торговли и инвестиционного партнерства — одна из форм проявления глобализации. В то же время в ЕС распространена позиция, в соответствии с которой существует опасность отказа от высоких европейских стандартов качества продукции. Это наносит ущерб национальным экономическим интересам европейских стран и соответствует экономическим интересам США.

Национальные экономические интересы в значительной мере являются основой происходящего в настоящее время обострения политической ситуации в мире. Неслучайно политические позиции выражаются при помощи экономических инструментов (экономические санкции). Современный уровень глобализации не ликвидировал значительные отличия в экономическом развитии отдельных стран и регионов. Так, показатель ВВП на душу населения в богатейших странах превышает аналогичный показатель в бедных странах более чем в 50 раз. Эти отличия не сокращаются, а порой и возрастают. Поэтому неудивительно, что национальные экономические интересы отдельных стран могут противоречить друг другу. Эти противоречия в определенные периоды могут обостряться. Однако в современных условиях национальные экономики очень тесно взаимосвязаны. Поэтому санкционные мероприятия наносят ущерб обеим сторонам и не рассматриваются как способ решения каких-либо противоречий в долгосрочной перспективе. На передний план выходит вопрос о поиске баланса национальных экономических интересов. Будущее современной глобализационной модели определяется тем, в какой мере этот баланс может быть найден и согласован.

**В. Б. Фраймович¹,
О. Н. Юдина²**

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕМ ПЕРВИЧНЫХ ЗВЕНЬЕВ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Предпринимательское поведение связано с новаторством, а сам предприниматель является сильным человеком с оригинальным мышлением, который добивается успешного внедрения новых идей. Для этого в первичных звеньях хозяйствования национальной экономики должен быть «дух предпринимательства». Первичные звенья российских хозяйственных структур — это выделенные юридически или хозяйственно самостоятельные обособленные единицы, различающиеся своим положением в деловой, организационной и финансовой структуре хозяйственных структур, которым делегирована определенная самостоятельность принятия управленческих решений при выполнении возложенных на них обязанностей.

Ицхак Адизес считает, что для того, чтобы быть результативным и эффективным в краткосрочной и долгосрочной перспективе, организациям необходимо выполнять четыре роли: исполнение (Р), администрирование (А), предпринимательство (Е) и интеграция (И) — вместе РАЕИ. Организации, в которых осуществляются все четыре управленческие роли (функции), будут результативными, эффективными, проактивными и органичными в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Однако роли РАЕИ несовместимы друг с другом, поэтому их освоение и внедрение должны осуществляться в определенной последовательности, синхронно с развитием организации. Если выбранная последовательность оптимальна, то организация оказывается на оптимальном пути. Большинство организаций идут по типичному пути. Некоторые из них попадают в безысходное положение и не могут освоить новую роль. В таких организациях возникают патологические проблемы. Предпринимательская роль организации (Е)

не сможет развиваться в агрессивной, враждебной среде; она постоянно нуждается в воспитании³.

Предпринимательство первичных звеньев хозяйствования ассоциируется с креативностью и принятием риска. Существуют два подхода к предпринимательскому поведению: каузальный — зависимый от поставленных целей, и эффектуальный — зависимый от действующих лиц, принимающих решения. Человеческая жизнь включает в себя множество непредвиденных событий, которые невозможно проанализировать и предсказать. Поэтому именно эффектуация позволяет более глубоко понять человеческие мотивы и поведение, составляющие основу любого процесса принятия решений. Создание новых предприятий чаще основано на принципах эффектуации, чем на каузативной логике.

Предпринимательское поведение обеспечивает субъектность первичных звеньев хозяйствования, которые должны быть не объектом, а субъектом внутривидового управления. Субъектность — это единство целеполагания и целеосуществления в одном лице. Субъект — это лицо, способное к выбору типа деятельности, конкретной роли для себя среди других субъектов, к выработке собственных целей и средств для их достижения. Субъекта отличают суверенность, то есть возможность и желание самому определять свою судьбу, стремление раздвигать рамки реальной независимости и компетентности. Суверенность и функциональность — главные признаки субъекта. Субъектность — свойство, приобретаемое и развиваемое, но оно вряд ли может быть всеобщим.

Одним из основных путей обеспечения субъективизации первичных звеньев хозяйствования является делегирование им руководством хозяйственной структуры полномочий, прав и возможностей децентрализации предпринимательства, создание предпринимательских подразделений, имеющих непосредственные отношения с группами потребителей, перенесение функций координационного управления на первичные звенья, являющиеся носителями ключевых компетенций.

В настоящее время в ряде организаций сложилась ситуация, при которой их деятельность в наибольшей степени зависит от поведения конкретных лиц, принимающих решения по основным аспектам их функционирования. При этом сфера бесконтрольных властных полномочий настолько расширилась, а их личные экономические интересы настолько обособились и вытеснили в значительной мере из пространства их целей интересы руководимых ими организаций, что появились основания рассматривать этих физических лиц в качестве самостоятельных экономических субъектов.

¹ Профессор кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч.: «Управление развитием медицинских комплексов ключевой компетенции в российском здравоохранении (Методология и опыт проектирования систем эффективного управления)», «Организация научной и инновационной деятельности на основе интегрированного взаимодействия участников технологических платформ», «Формирование регионального механизма управления оказанием медицинской помощи населению России (На примере офтальмологической помощи)», «Модернизация экономического управления развитием организаций социальной сферы России», «Инновационное развитие промышленных предприятий на основе управления изменениями» и др.

² Старший преподаватель кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Автор ряда научных публикаций по экономике и управлению, в т. ч.: «Проблемы формирования инновационного трудового потенциала в современной России», «Подходы к определению и оценке трудового потенциала инновационно-ориентированного предприятия», «Требования, связанные с компетентностью менеджера в области инноваций предприятия», «Формирование потенциала инновационно-ориентированного малого предприятия с учетом стратегического направления его развития» и др.

³ См.: Адизес И. Управляя изменениями. СПб.: Питер, 2011.

Различие между организациями обусловлено не столько различиями в ресурсах и технологиях, сколько неодинаковым положением их представителей в деловой и административной среде.

Возрастающий объем управленческой работы в централизованной структуре ведет к неудержимому росту аппарата управления, если противопоставить этой опасной тенденции широкую децентрализацию управления. При децентрализации предпринимательского управления в организации связка «команда–исполнение» заменяется связкой «цель–результат». Система интересов участников должна быть консолидирована и приведена в соответствие с интересами предприятия как самостоятельного и целостного субъекта национальной экономики.

В последние десятилетия произошло усиление нестабильности внешней среды, определяемое тремя факторами: уровнем привычности событий, темпами изменений и степенью предсказуемости будущего. Наиболее адекватным подходом к управлению развитием социально-экономических систем всех уровней является переход от выстраивания экономическо-управленческих отношений исключительно на основании модели властвования и подчинения к новой модели отношений — модели предпринимательского поведения.

В условиях децентрализации целесообразно передавать формирование стратегических планов в первичные звенья хозяйствования. В этом случае стратегический менеджмент переходит в стратегическое предпринимательство, сочетающее в себе черты стратегического менеджмента и особенности предпринимательства. Цель стратегического предпринимательства состоит в том, чтобы своевременно принимать и конкретизировать решения, касающиеся целей предпринимательской деятельности, а также обеспечить внутреннюю поддержку этим решениям.

Большое значение имеет использование принципов предпринимательского управления в осуществлении инновационного импортозамещения. Национальная экономика в данный момент стремится обрести независимость и обезопасить себя, особенно в стратегически важных областях, через стратегию инновационного импортозамещения, то есть замещение инновационной импортной продукции, работ и услуг отечественными.

Инновационным импортозамещением необходимо предпринимательски управлять, чтобы не допустить потери качества, технологий, возникновение монополий, нарушения законов конкуренции и рыночного отбора.

Предпринимательское управление инновационным импортозамещением первичных звеньев хозяйствования — это деятельность персонала и стейкхолдеров организации по распознаванию проблем и возможностей, консолидации усилий, компетенций, трудовых, финансовых и других ресурсов, формированию необходимых изменений, целенаправленному воздействию на вне- и внутривидовые управленческие и экономические отношения, поведение и результаты деятельности в целях использования и реконфигурации возможностей (потенциала) организации для решения поставленных задач по замещению импорта.

Предпринимательское управление инновационным импортозамещением должно происходить комплексно и системно. Необходимо учитывать цели и интересы всех первичных звеньев хозяйствования, вовлеченных в процесс импортозамещения, последовательно и взвешенно выстраивать систему взаимодействия между ними.

Предпринимательское управление инновационным импортозамещением характеризуется взаимодополнением, взаимопроникновением менеджмента и предпринимательства, переориентацией менеджмента на обслуживание современного предпринимательства. Предпринимательское управление инновационным импортозамещением — это управление с выраженной предпринимательской ориентацией и стилем управления, характеризующимся способностью менеджеров совмещать управленческие функции с предпринимательскими при принятии управленческих решений.

Цель предпринимательского управления инновационным импортозамещением первичных звеньев хозяйствования — получение предпринимательских рента за счет интенсивного использования когнитивных ресурсов. Координация в системах управления деятельностью организаций должна строиться на использовании механизмов кооперации и сотрудничества, а не на конкуренции. За счет несоразмерного увеличения конкурентных преимуществ одной организации над другой в том или ином сегменте деятельности исчезает и совершенно неэффективно расходуется огромное количество дефицитных ресурсов.

Все чаще вместо слова «конкуренция» используется другой термин — «конкордация». Конкордация — это согласие. Конкордат — согласие между хозяйственными структурами, организациями, их подразделениями, группами исполнителей. Это понятие еще не стало основополагающим в практической деятельности первичных звеньев хозяйствования. Представляется, что конкуренция коллективов, борьба друг с другом, выстраивание рейтингов инновационного импортозамещения, показателей ради показателей и ради роста по отношению к другим в ближайшее время отойдут на второй план, а согласие, конкордация участников хозяйственной деятельности приобретут первостепенное значение.

Не всегда инновационный продукт можно выполнить силами одной организации, так как для этого ей необходимы инновационные технологии, сырье, комплектующие. Только скоординировав усилия и наладив коммуникации и кооперацию нескольких предпринимательских структур, можно воплотить желаемое в действительность. Поэтому новое предпринимательское управление инновационным импортозамещением ориентировано на результат и базируется на отношениях сотрудничества, в основе которого лежат три postulata:

— все акторы, включенные в управление инновационным импортозамещением, имеют общие задачи и не преследуют частных интересов;

— акторы обмениваются ресурсами, значимость которых не является изначально данной, а определяется в процессе обмена; в связи с этим моральная под-

держка подразделения другими звеньями хозяйствования становится важным ресурсом в принятии решений;

— установление сотрудничества — сложный процесс, предполагающий взаимодействие между различными акторами, обладающими собственными ресурсами.

Сотрудничество в инновационном импортозамещении — особый тип отношений между исполнителями, основанный на выработке согласованных сторонами форм взаимодействия, с общим риском и ответственностью за полученные результаты.

В настоящее время ряд организаций утратил свои ключевые инновационные компетенции, когда прекратили внутренние инвестиции в то, что они ошибочно приняли за «центры затрат», и перенесли акцент на «центры прибыли», обеспечивающие максимизацию прибыли от реализации товаров, работ и услуг в рамках квартала, полугодия, года, акцентировали внимание преимущественно на сиюминутных финансовых результатах договорных отношений с внешними заказчиками.

Чтобы заместить импорт своим производством, его нужно развивать. Для этого нужны свободные ресурсы, мощности, доступные производственные кредиты или государственное участие. Управлять инновациями должны квалифицированные и мотивированные специалисты. Реальность такова, что институциональная среда постоянно меняется; создается огромное количество законодательных документов, зачастую формальных, не исполняющихся, постоянно меняющихся.

Сегодня необходимо не просто реорганизовать работу отдельных должностных лиц, служб и подразделений организаций по предпринимательскому управлению инновационным импортозамещением, а кардинально менять систему управления развитием организаций.

Предпринимательское управление развитием инновационным импортозамещением первичных звеньев хозяйствования на основе непрерывных изменений должно быть направлено на непрерывное наращивание ресурсов для усиления и расширения позиции конкурентоспособности и круга стратегических возможностей.

М. М. Хайкин¹

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессы глобализации очень сильно влияют на состояние и развитие национальной экономики, которые условно можно разделить на две группы: макроэкономические и институциональные.

В настоящее время национальная экономика переживает сложный период рецессии, общей стагнации. Это подтверждают данные официальной статистики за 2014–2015 годы — динамика значений основных макроэкономических показателей. На общее кризисное состояние экономики России указывает ряд отрицательных тенденций: снижение доходов населения, перекредитование потребителей, сокращение инвестиций и государственных расходов.

Существуют внешние и внутренние причины кризисных явлений в экономической системе России. Главные причины существующей рецессии экономики — внутренние. К внутренним причинам относятся такие, как:

— исчерпание возможностей экспортно-сырьевой модели экономического роста, экстенсивных источников роста — труда и капитала вследствие углубления противоречий в области обновления основного капитала, существующей институциональной среды;

— глобальные ошибки денежно-кредитной политики государственных финансовых институтов, в част-

ности ошибки в политике Банка России, которая направлена на финансовую стабилизацию и борьбу с инфляцией, но в ущерб целям национального экономического развития и долгосрочного роста;

— чрезмерная открытость экономики;

— ослабленные защитные механизмы от внешних шоков и др.

К внешним факторам следует отнести такие, как:

— повышение зависимости экономики России от мирового хозяйства;

— вступление России в ВТО;

— экономические санкции со стороны США и западных стран в 2014 году;

— геополитические риски в связи с событиями на Украине и Ближнем Востоке;

— мировой экономической кризис;

— изменение мировых цен на ресурсы.

В настоящее время в национальной экономике четко обозначились причины острой необходимости ее неоиндустриализации:

— последняя четверть века — это период устойчивой деиндустриализации страны с ориентацией ее экономики на импорт продукции большинства отраслей промышленности;

— современные экономические реалии свидетельствуют о том, что экспортно-сырьевая модель роста себя исчерпала и не способна реально решить существующие проблемы;

— в глобальной экономике все отчетливее дают о себе знать признаки новой промышленной революции, экономика же России не может находиться от них в стороне;

¹ Заведующий кафедрой экономической теории Национального минерально-сырьевого университета «Горный» (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор. Автор свыше 200 научных публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Сервисный капитал: вопросы теории, методологии, практики» (в соавт.), «Государство и бизнес в развитии экономической системы России» (в соавт.), «Введение в микроэкономику» (в соавт.), «Экономика домохозяйства» и др.

- важность улучшения позиций экономики России в международном разделении труда;
- необходимость решения задач по обеспечению баланса внутренних и внешних факторов спроса;
- необходимость восстановления народно-хозяйственной целостности экономики страны, ее экономической безопасности и суверенитета.

Современная стратегия развития промышленности в России — это составляющая общей стратегии развития реального сектора национальной экономики: следствие переориентации стратегии и идеологии социально-экономического развития страны, активизации промышленной политики и нацеленности на возрождение реальной экономики, условия реализации политики импортозамещения.

Россия обладает явными природно-ресурсными конкурентными преимуществами: природно-ресурсным потенциалом, которого нет у многих стран мира, особенно потенциалом топливно-энергетических и сырьевых ресурсов. Общеизвестным фактом является то, что наша страна располагает крупнейшими запасами нефти, природного газа, угля, железной руды, апатитов, калийных солей, фосфоритов, руд цветных, редких и драгоценных металлов, алмазов и тому подобного и занимает первое место в мире по запасам основных полезных ископаемых на душу населения.

Было бы ошибочно полностью отказываться от развития систем рационального недропользования в национальной экономике. На этом пути возникают серьезные системные проблемы. К числу основных проблем отраслевого характера, препятствующих рациональному недропользованию в России и развитию минерально-сырьевой отрасли, следует отнести:

- высокий уровень монополизации рынков минерально-сырьевых ресурсов;
- высокий физический и моральный износ основных производственных фондов в горнодобывающей промышленности;
- острый дефицит инвестиционных ресурсов;
- поступательное ухудшение состояния минерально-сырьевой базы страны;
- дефицит крупных проектов;
- неэффективные системы государственного регулирования и управления недропользованием;
- низкий уровень рентабельности разработки минерально-сырьевых ресурсов;
- большие структурные диспропорции внутри минерально-сырьевого комплекса.

Необходимо совершенствовать законодательную базу, формы и методы межкорпоративных взаимодействий, действенность государственно-частного партнерства на уровне территорий, реформировать налоговую систему, повышать конкурентоспособность всей минерально-сырьевой отрасли страны.

На фоне протекания общих отрицательных тенденций в национальной экономике при сохраняющемся высоком производственном потенциале в отдельных отраслях промышленности, в частности оборонно-промышленном комплексе, создаются и внедряются передовые уникальные технологии. В то же время в России наблюдаются:

- существенное отставание от многих стран мира по уровню производительности труда в промышленности;
- высокая затратность и ресурсоемкость промышленного производства;
- общее технологическое отставание от ведущих промышленно развитых стран, за исключением отдельных отраслей промышленности;
- высокий физический и моральный износ основных производственных фондов, достигший в ряде отраслей промышленности критического уровня, при этом их обновление далеко не всегда на инновационной основе — на основе современных информационных технологий и электроники;
- продолжающаяся «утечка мозгов», не сокращающийся вывоз капитала, что снижает общий инвестиционный потенциал национальной экономики;
- неравномерность экономического развития регионов;
- сохраняющиеся теневизация, коррупция и криминализация экономики.

В постсоветской России можно выделить три периода развития национальной экономической системы: первый (1991–1998) — период трансформационного кризиса; второй (1999–2008) — период роста экономики без ее развития; третий (с конца 2008 г. по настоящее время) — период изыскания новой национальной модели роста.

В свою очередь, в рамках третьего периода можно выделить три этапа: первый этап (конец 2008-го — 2009 г.) — кризис; второй этап (2010–2011) — посткризисный восстановительный рост; третий этап (с 2012 г. по настоящее время) — экономическая стагнация.

Качество роста национальной экономики с позиции структурной трансформации экономической системы России характеризуется устойчивым усилением ключевых макроэкономических диспропорций.

1. Диспропорции как следствие неравномерной динамики основных структурных элементов совокупного спроса в реальном выражении. За последние 20 лет потребительский спрос увеличился в 2,3 раза, импорт — почти в 8 раз, экспорт — в 5,6 раза. Валовое накопление же снизилось в 2 раза. В итоге внутренний спрос достиг только 80 % от уровня 1990 года в реальном выражении.

2. Изменилась структура реального ВВП по расходам в постоянных ценах. Доля потребления увеличилась в 2 раза, а доля валового накопления снизилась в 2 раза. Доля экспорта увеличилась в 5,3 раза, а импорта — в 8,5 раз. В результате этого доля внутреннего спроса снизилась в 1,4 раза.

3. Со стороны совокупного предложения повысился удельный вес сферы услуг, главным образом торгово-посреднических и финансовых, которые характеризуют транзакционный сектор экономики. Сфера услуг в сопоставимых ценах увеличилась примерно в 2 раза, реальный же сектор экономики находится в рамках 70–90 % от уровня 1990 года. К 2015 году в структуре ВВП доля транзакционных услуг увеличилась в 2 раза.

Учет экономических и внеэкономических факторов развития экономической системы России предполага-

ет их оценку с позиции воздействия на национальную экономику, обеспечения ее устойчивого функционирования и развития, поддержание жизнедеятельности и расширенного воспроизводства на макро- и мезоуровнях и реализацию ключевых стратегических целей развития и национальных интересов. Именно подобный подход, с нашей точки зрения, учитывает весь комплекс специфических факторов, влияющих на системные процессы трансформации национальной экономики.

Настоящий мировой экономический кризис свидетельствует о том, что мировая экономика неустойчива, а принципы ее функционирования совсем не схожи с принципами функционирования национальной экономики. Мировой экономический кризис обнажил противоречия между национальной и глобальной экономикой. Современный мир очень разнообразен и противоречив. Пересечение геополитических факторов и факторов развития мировой экономики с национально-специфическими факторами создает некий симбиоз в формировании условий направления экономического развития государства. Поэтому современные экономические реалии действительно таковы, что в экономической науке и хозяйственной практике принципиально необходимо усилить внимание к особенностям национальной экономики, учитывая при этом общий вектор развития мировой экономики.

Современная экономическая теория должна «развернуться к реальности». Без этого невозможны существенное осмысление сложившегося социально-экономического строя, разработка и обоснование прорывных направлений преодоления острых деформаций и противоречий, системная трансформация существующих в России институтов.

В рамках экономической теории как науки необходимо осознание того, что настало время создавать евразийскую политическую экономию, способствующую теоретическому сопровождению становления новой модели экономического развития в России с учетом особенностей национальной экономики и существующих в нашей стране формальных и неформальных институтов.

Учитывая положение России в мировой экономике и политике, необходимо усилить внимание к национальным факторам развития, обеспечению самодостаточности национальной экономики, созданию национальной экономической модели России, которая могла

бы адекватно и эффективно адаптироваться к вызовам современности и отвечать на существующие угрозы.

Основные конкурентные преимущества России в глобальной экономике — ее ресурсная база. Но этого мало: нужны еще человеческий капитал и инновации, а для их воспроизводства необходимы глубокие институциональные преобразования. Рост человеческого капитала невозможен без инноваций: физически и морально изношенные основные фонды промышленных компаний не способны создавать благоприятные условия для увеличения человеческого потенциала. Напротив, действующие тенденции деиндустриализации способствуют массовой деквалификации рабочей силы.

Сложившаяся система производственных отношений воспроизводит модель экономики, в которой существует симбиоз ручного управления и декларируемого капитализма, а собственность принадлежит инсайдерам. В настоящее время особенно нужна социализация собственности — в производстве, науке, образовании. Без этого невозможно включение социальных стимулов и обеспечение социально-экономического прогресса общегосударственными системами накопления.

В современных условиях необходима новая индустриализация, а это возможно только в условиях мобилизационной экономики: жесткая государственная экономическая политика, жесточайший контроль над движением финансовых потоков, преодолением и пресечением коррупции, экономических преступлений, теневизации экономики. Однако, без сомнений, сталинские репрессивные «правила игры» в цивилизованном обществе неприемлемы. Мобилизационный путь экономического прорыва и недопущения колониальной зависимости России от развитых стран лежит в направлении социализации производственных отношений и демократической системы народовластия. Все положительное в опыте индустриализации 1930–1950-х годов в нашей стране необходимо использовать с учетом современных макроэкономических, институциональных и геополитических реалий.

В настоящее время назрела острая необходимость кардинально менять приоритеты в проводимой государством экономической политике. Должно быть четкое понимание на всех уровнях управления экономической необходимостью перехода от политики экономического роста к политике экономического развития и импортозамещения.

И. Г. Хангельдиева¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО АРТ-РЫНКА

Глобализации, как известно, характеризуется двумя мощными тенденциями. Эти тенденции — интеграция и унификация. Не секрет, что в структуре социальных практик наиболее консервативной является культура, которая более всего сопротивляется не столько интеграции, сколько унификации. Но есть и в культуре области, которые более энергично включаются в глобализационные процессы, к ним можно отнести арт-рынок. Эта институция — явление гибридное, полифункциональное и полифоничное. С одной стороны, она тяготеет к художественному, прагматически незаинтересованному началу, а с другой — к рыночной выгоде и явному прагматизму.

Еще совсем недавно арт-рынок не носил столь глобального характера. Оборот художественных ценностей изначально базировался в Европе. В XX веке пальму первенства перехватили США, особенно в области современного искусства. В настоящее время активно заявили о себе региональные арт-рынки, которые стали неотъемлемой частью мирового. Это касается представителей Юго-Восточной Азии и стран Ближнего Востока. Например, Китай и ОАЭ до последнего времени были весьма консервативны из-за господствующих в них мощных национальных традиций. Однако молодые художники Китая под воздействием мировых глобализационных трендов стали более космополитичными по тематике, сюжетике, художественной стилистике, творческой манере, и тем самым — более понятными, а следовательно, и более востребованными современным арт-рынком. На наших глазах арабский Восток в изобразительном искусстве произвел настоящую революцию. В живописи этого региона появились портреты, жанровые сценки, обнаженная натура, что ранее категорически запрещалось нормами Корана. Эти процессы во много объясняются влиянием глобализации.

Нынешний арт-рынок под воздействием глобализации постоянно расширяется, так как кооптирует в свои субъекты все новые целевые аудитории. Классическими субъектами арт-рынка наряду с художниками и публичной, большим отрядом творческих и коммерческих посредников всегда были коллекционеры. Они часто выступали основными потребителями предметов ис-

кусства на арт-рынке. В последнее время появилась еще одна группа активных акторов арт-рынка — инвесторы, которые, обладая значительными средствами, могут позволить себе крупные финансовые вложения в художественные произведения, играя «в долгую». Эта тенденция первоначально проявилась в развитых регионах. Но в настоящее время в качестве серьезных инвесторов заявили о себе представители Китая и Ближнего Востока. Рост цен на китайское искусство с начала 2000-х годов спровоцировал большое количество спекулятивных инвестиций.

Китайской Меккой в отношении арт-рынка современного искусства стал Шанхай. Иностранные галереи стремятся представлять китайский авангард, открывая свои филиалы в этой стране. За последние годы представители арт-рынка Германии, Нидерландов, Швейцарии, Испании, Франции и Англии, Сингапура, Тайваня и Южной Кореи начали работать в Шанхае. Китай по продажам и инвестициям в арт-рынок обогнал Великобританию и достаточно близко подошел по объемам торгов к США. Известный арт-дилер Лондона и Нью-Йорка Мишель Годхус (Michael Goedhuis) отмечает: «Рост благосостояния Китая настолько высок, равно как и количество потенциальных покупателей, а китайские планы по поводу возведения новых музеев так амбициозны, что я не вижу, как цены могут быть невысокими»². Сходный процесс идет в ОАЭ, где выделен 1 млрд долларов на создание музейных центров современного искусства, в которых активно начинают свою деятельность знаковые фигуры мирового арт-рынка и представители музеев современного искусства.

Сегодня арт-рынок приоткрыл свои двери не только для новых региональных площадок и инвесторов. Он создал условия и для менее состоятельных субъектов, но обладающих потребностью более тесного контакта с произведениями ради их непосредственной художественной ценности.

Арт-рынок получил запрос от новой группы потребителей — арендаторов. Если совсем недавно этот запрос был локальным, то теперь он превратился в глобальный тренд, который имеет место не только в развитых странах. С арендой произведений живописи можно столкнуться на американском континенте, в Европе, Китае, странах Ближнего Востока — практически повсюду, где арт-рынок активен. Но наибольшей популярностью данная услуга пользуется пока в США и Европе, например в Финляндии. В центре «Веркатехдас»³ в городе Хямеэнлинна в начале 2000-х годов в небольшом выставочном зале можно было обратить внимание на два ценника под картинами, выставленными

² The mad rush to buy chinese art. URL: <http://www.artzinechina.com>

³ См. подробнее: Хангельдиева И. Г. Творческие индустрии как феномен мировой реальности XXI века // Университетские чтения : сб. ст. / редкол.: Л. П. Воронкова, В. И. Бажуков. М. : МАКС Пресс, 2011. Вып. 21. С. 42–51.

¹ Профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета предпринимательства в культуре Международного университета в Москве, доктор философских наук. Автор более 200 научных работ, учебников и учебных пособий, в т. ч.: «Теория культуры» (в соавт.), «Теория искусства» (в соавт.), «Бренд 2В. Бренд 2С» (в соавт.), «Культура и рынок: современные тенденции» (в соавт.), «Прикладная культурология: калейдоскоп идей» (в соавт.), «Креативные технологии в образовании, или Как стать креатором. Опыт переосмысления» и др.; статей: «Предпринимательство в культуре: российская версия», «Международное партнерство в исполнительских искусствах», «Аренда и лизинг в сфере культуры и искусства», «Бренд вуза как качественный маркер и стратегический нематериальный ресурс» и др. Главный редактор ежегодника «Прикладная культурология. Предпринимательство в культуре». Награждена медалью «В память 850-летия Москвы».

на продажу. На одном ценнике значится большая сумма, на другом — в 10 раз меньшая. Первый ценник означает стоимость полотна, а второй — стоимость месячной аренды.

Таким образом, художественное полотно (живопись, графика, декоративное панно, мелкая пластика и др.) можно не только приобрести в собственность, но и взять в аренду на различный срок, начиная с месяца. Стоимость аренды вполне доступна. Арендатором может стать любое юридическое или физическое лицо. Арендатор имеет право по договору продлевать сроки аренды художественного произведения и, в конце концов, если полотно очень понравилось, а средства позволяют, выкупить практически за счет внесенной арендной платы. В противном случае полотно должно быть возвращено владельцу выставочного зала. Практика показала, что подобная услуга была востребована и даже пользовалась в городе популярностью. Полотна в аренду брали и офисы, и простые горожане.

Аренда в области изобразительного искусства — это передача во временное владение художественного произведения за определенную плату и на определенный срок. Классическая аренда — инструмент договорных экономических отношений, которые могут заключаться непосредственно с собственником или посредником. Художник подписывает договор с выставочным залом на определенных условиях и выставляет в нем свои работы, разрешив сдавать их в аренду. Художник платит в этом случае посреднический процент выставочному залу за продвижение своих работ в аренду или продажу. При сдаче в аренду его полотен он получает определенный процент. На примере центра «Веркатехдас» можно познакомиться не только с инструментом аренды произведений изобразительного искусства, но и с лизингом. Лизинг — это долгосрочная аренда с последующим возможным выкупом в собственность. Именно превращение объекта в собственность на определенных условиях — принципиальное отличие аренды и лизинга. *Лизинг* в области изобразительного искусства — это передача художественного произведения в долгосрочное пользование с последующим его выкупом.

Аренда и лизинг в изобразительном искусстве основаны на рассрочке платежа, как правило, с денежной компенсацией за предоставленную услугу¹.

Появление запроса на аренду и лизинг в области изобразительного искусства потребовало особой институциональной формы организации данного процесса. В результате такая институция возникла — ею стала *артотека*². Артотека представляет собой относительно новую институцию арт-рынка, ее новый активный

¹ Иногда возможно возмещение не только денежными средствами, но и другими услугами, что бывает значительно реже.

² Существуют две версии происхождения слова «артотека». Первая версия возникла путем соединения двух слов: «арт» (от *англ.* art — искусство) и «тека» (от *др.-греч.* θήκη — место хранения). Вторая имеет чисто англоязычное происхождение и происходит от словосочетания “art-to-take”, что переводится как «искусство взаймы» или «картины взаймы». Видимо, надо признать, что обе версии имеют право на существование. Более того, их надо интегрировать. В первом случае артотека — некое собрание, так же как библиотека, фототека, кинотека, картотека и тому подобное, но в этом случае у нее нет оснований на монетизацию своей прямой деятельности, например как у библиотеки.

субъект, посредством которого осуществляется оборот художественных ценностей взаймы или с последующим выкупом. Важной функцией артотеки является монетизация, а затем и капитализация своей деятельности. Артотека на законодательном уровне имеет право на осуществление арендных и лизинговых операций, включая ряд сопутствующих услуг (страхование, транспортировка и т. д.).

Сегодня артотека — глобализационный тренд. Она, представляя собой частную форму функционирования более демократического сегмента арт-рынка, стала тиражироваться по всему миру.

Исторически артотеки как инструмент аренды возникли в США во второй половине XIX века. Идея артотеки стала наиболее востребованной в 1960-е годы в Европе во всех ведущих странах, где искусство было особым приоритетом, а именно в Голландии, Франции, Великобритании, Италии, Германии. Официальный статус артотеки получили в Германии в 1960-х годах. В странах европейской зоны в это время произошел экономический рост, приведший к значительному улучшению качества жизни среднего класса. Европейская артотека способствовала решению многих социокультурных вопросов, в частности роста культурного потенциала среднего класса, развития его эстетических потребностей и запросов, повышения уровня художественного вкуса и, что весьма важно, давала доступный механизм их удовлетворения.

В артотеках, функционирующих в мире, сложились определенные правила и национальные особенности. Условно их можно разделить на европейские и американские. Европейские можно дифференцировать по национальному признаку. Изначально артотеки работали с современным искусством, сегодня эта ориентация сохранилась, но не везде.

В США в большей степени сохраняется ориентация на современное искусство. Компании³ предлагают в аренду художественные произведения за 10 % от их официальной стоимости в месяц. Если клиент впоследствии решит приобрести работу, она ему обойдется дешевле — 50 % от суммы, уплаченной за аренду, будут вычтены.

В Британии иные предложения: оригинальное искусство, современное искусство в виде принтов на холсте, фотографии художественных полотен сдаются в аренду по прејскуранту. Цены относительно невелики: живописные работы — от 15 фунтов в месяц, принты (копии оригиналов, выполненные в определенной технике), оправленные в рамы, — от 10 фунтов⁴.

Франция традиционно поддерживает современное искусство на государственном уровне. Здесь существуют и аренда, и лизинг. Некоторые искусствоведы отмечают, что аренда распространяется на произведения, которые выбираются для выставок, а лизинг — для частных лиц.

Артотеки Италии — хранилища современного искусства. Кроме того, итальянцы предлагают рукотворные копии великих итальянских мастеров. В частности, во флорентийских артотеках можно арендовать ко-

³ См.: <http://www.hangart.com/art-rental.php>

⁴ *Кикодзе Е.* Art-to-take: картинки взаймы // ART DIGGER. М., 2005. Июнь. № 3.

пии знаменитых картин Рафаэля, Леонардо да Винчи, Модильяни... Такие копии пользуются широким спросом. «Мона Лиза» и другие знаковые копии стоят примерно около 45 евро в месяц. Аренда копий Модильяни — дешевле, около 30 евро¹. При желании можно сравнить стоимость месячной аренды со стоимостью билетов в самые престижные итальянские музеи². Поход в известный итальянский музей стоит дешевле аренды качественной копии в итальянской артотеке на месячный срок.

Артотеки в Германии — распространенное явление, по некоторым источникам, их насчитывается около 140³, более 30 артотек существуют только в Берлине⁴. Условия аренды или лизинга в Германии регламентированы четче, чем в других странах, в силу особенностей немецкого менталитета⁵.

Артотеки как тенденция наиболее характерны для развитых стран со стабильной экономикой, о чем сви-

детельствуют интернет-сайты, предлагающие подобные услуги в разных странах мира⁶. Но современные коммуникации как важный ресурс глобализационных процессов делают подобную услугу практически тотальной, но с разной степенью востребованности.

В России подобных институций единицы, и они не носят самостоятельного статуса, а являются сопутствующей услугой частных или государственных организаций. Этот институт в России развивается не столь активно, как в США и Европе, но он уже появился. Первые артотеки в России принадлежали частным владельцам. Сегодня появились государственные артотеки, например артотека Государственного центра современного искусства (ГЦСИ).

Россия, инкорпорируясь в мировое культурное пространство, пока еще робко, но примеряет на себя общемировые тренды, включая особенности современного арт-рынка периода глобализационных перемен.

Е. Г. Хольнова⁷

ВЛИЯНИЕ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развитие процессов глобализации во второй половине XX века и их усиление в начале XXI века опосредовало формирование принципиально новой модели мирохозяйственных связей, отличающейся специфическими социально-экономическими характеристиками. Прежде всего это максимальная степень взаимозависимости национальных моделей и мировой экономики, новый уровень международного разделения труда и структурирование производственных циклов в условиях сложившейся мировой экономической архитектуры.

Глобализация предполагает преобразование мира в единую систему и затрагивает не только экономический уровень (создание единого пространства для сво-

бодного перемещения человеческих, финансовых, производственных ресурсов, товаров и услуг), но и социальный, культурный, политический и многие другие.

Мировой опыт показывает, что суверенитет и эффективность того или иного государства определяются в первую очередь уровнем его экономического развития. В то же время роль государства в мировой иерархии определяет его интеллектуальный потенциал, способность создавать и развивать научно-исследовательскую инфраструктуру, осуществлять капиталовложения в образование и кадры. Экономический суверенитет предполагает не замкнутость или самодостаточность национальной экономики, а реальную самостоятельность страны в создании новейших технологий, конкурентоспособных на глобальном мировом рынке.

Национальные экономические интересы любой страны, в том числе и России, представляют собой сложный комплекс отношений между национальными и международными экономическими субъектами. В условиях глобализации эти интересы направлены прежде всего на долгосрочное развитие хозяйства как целостного и конкурентоспособного организма. Без интеграции в мировое сообщество полноценного развития страны не произойдет, в свою очередь глобализация несет стране как положительные, так и отрицательные последствия.

К основным влияниям процессов глобализации на развитие национальной экономики ученые и экономисты, как правило, относят следующие:

— *положительные*: ускорение внедрения научно-технических достижений и современных методов управления; новые экономические возможности для стран и населения; возможности обеспечения социальной стабильности и более высокого уровня жизни населения;

¹ Кикодзе Е. Указ. соч.

² См.: <http://selectitaly.ru/browse/things-to-do/museum/id:205/>; <http://www.rome-museum.com/booking-tickets.php>

³ Шедевры за три евро: искусство напрокат. URL: http://www.euromag.ru/http://www.gif.ru/themes/kunstabazar/art-lib/view_print/

⁴ http://www.gif.ru/themes/kunstabazar/art-lib/view_print/; <http://www.csmonitor.com/2004/0409/p13s01-alar.html>

⁵ Арендовать художественное произведение или взять в лизинг может только гражданин Федеративной Республики Германия.

⁶ URL: <http://smallbusiness.ru/work/work/4110/>; <http://vadim-galkin.ru/sport-2/sport/rent-athletes/>; http://www.coe.int/t/dg4/eurimages/default_en.asp; http://www.tls-cons.ru/news/aktualLetters/2003_2001/arenda.html; <http://www.privatecollections.ru/>; <http://artandyou.ru/>

⁷ Заведующая кафедрой экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук, профессор. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Концепция финансовой устойчивости коммерческого банка как методологическая основа эффективного функционирования банковского финансового менеджмента», «Теория и методология формирования и развития отечественного финансового менеджмента банка», «Роль банковского менеджмента в современных условиях развития экономики России», «Стратегический и финансовый менеджмент системы оказания образовательных услуг в высокотехнологичных корпорациях» и др. Награждена Почетной грамотой Министерства образования и науки РФ за многолетний и плодотворный труд, памятным медалем «100 лет профсоюзам России», «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

— *негативные*: растущее неравенство, когда получаемые выгоды и возможности концентрируются в относительно небольшом числе стран (и могут неравномерно распределяться в этих странах); связанное с этим нарастание уязвимости и маргинализации многих государств; тяжкие последствия для земной цивилизации; возросшие угрозы целостности национальных культур и вызовы суверенитету государств¹.

Таким образом, глобализация, как любой экономический процесс, имеет и положительные, и отрицательные последствия, однако блага глобализации распределяются неравномерно: существенную часть преимуществ получают промышленно развитые страны, тогда как развивающиеся государства вынуждены решать многочисленные проблемы глобализации.

Россия, как субъект мировой экономики, в последние годы сталкивается в основном с негативными проявлениями глобализации, такими как:

— отток капитала через офшорные зоны, с которым сталкиваются даже промышленно развитые страны, такие как США;

— разрушение внутренних экономических структур и, как следствие, нанесение урона малому и среднему бизнесу вследствие возрастания рисков для неконкурентоспособных отечественных производителей;

— нелегальная миграция, так как рост количества мигрантов приводит к росту безработицы среди коренного населения и обострению социальных конфликтов.

На современном этапе Россия столкнулась с целым комплексом проблем, носящих как объективно-экономический, так и субъективно-политический характер. К первой группе необходимо отнести процессы развития мировой экономики и углубление мирового финансово-экономического кризиса. Ко второй — принятие антироссийских дискриминационных мер и резкое обострение конкурентной борьбы между ведущими мировыми транснациональными корпорациями.

Антироссийские санкции, инспирированные правительством США, можно расценивать как явную попытку решения политическими способами собственных экономических проблем. Втягивание ЕС в экономическое противостояние с Россией посредством введения санкций, ограничивающих международную торговлю, носит ярко выраженный политический характер. Фактически антироссийские санкции, оформленные в виде так называемого секторального списка, представляют собой новую разновидность внешнеполитического инструмента Минфина США. Посредством жесткого политического решения администрация США пытается нанести наиболее ощутимый экономический удар по реальному сектору российской экономики, одновременно существенно ограничивая дееспособность экспортно-импортного сегмента. Однако уже становится понятным, что в действительности речь идет об устранении конкурента для выхода американских компаний на европейские рынки. Заявленная конечная цель санкций: в политическом плане — вынудить Россию изменить свою позицию по Украине; в экономическом — используя украинский

¹ Богомолов О. Т. Мировая экономика в век глобализации. М.: Экономика, 2007.

кризис в качестве предлога, устранить конкурента на мировых рынках, ослабив экономику Российской Федерации.

Серьезную угрозу для российской экономики представляет введение Европой ограничений на доступ к капиталу, аналогичное объявленному ранее США. В ситуации, когда внешний корпоративный долг российских компаний составляет примерно 700 млрд долларов, ограничение доступа к внешнему финансированию существенно влияет на способность российских компаний рефинансировать долг, приводит к дополнительному спаду инвестиционной активности и вызывает повышенный спрос на доллары при одновременном резком ослаблении курса рубля. Резкое ослабление рубля, в свою очередь, провоцирует поступательное снижение уровня доходов населения и в перспективе может вызвать рост социальной нестабильности. В этой ситуации необходимо максимально корректное вмешательство государства, конечной задачей которого и будет сохранение должного уровня социальной стабильности.

Ответные действия со стороны Российской Федерации, вынужденно предпринятые с начала августа 2014 года, представляют не менее серьезную проблему и для стран ЕС, их совокупные потери намного больше российских. На начало 2016 года, по оценкам Минэкономразвития, прямые и косвенные потери Евросоюза от режима санкций за последние полтора года составили 100 млрд долларов, что в четыре раза больше, чем у России. Объем экспорта сельхозпродукции из Евросоюза в Россию сократился почти вдвое².

В разнорочной перспективе можно говорить как минимум о трех сценариях развития российской экономики. В рамках позитивного сценария предполагается ускоренное развитие реального сектора экономики и отраслей, способных максимально заместить потери от сокращения объемов импорта, ускорение процессов разработки и внедрения собственных технологий. Реализация данного сценария позволит возродить большинство отраслей российской экономики, утративших дееспособность в процессе пореформенной трансформации.

В рамках негативного сценария произойдет резкая переориентация на импорт необходимых позиций из стран азиатского и южноамериканского регионов. При этом собственный потенциал не получит необходимого импульса для развития, что не позволит говорить о создании реального драйвера для организации собственного производства, способного удовлетворять потребности внутреннего рынка в условиях падения доли импортной продукции.

В рамках оптимального сценария ожидается постепенное замещение импорта посредством одновременного структурирования российского реального сектора и умеренных поставок импорта из стран, не входящих в российский санкционный ограничительный список.

Проблема состоит в том, что все три обозначенных сценария представляются равновероятными в плане разнорочной реализации. Все сценарии предполагают

² Европа попала в замкнутый круг // Известия. 2016. 10 марта. URL: <http://izvestia.ru/news/605956>

повышение роли государства при определении предпочтений в выборе вектора развития.

Таким образом, можно говорить о том, что в условиях глобализации мировой экономики любые санкционные ограничения несут деструктивный характер с ярко выраженным эффектом бумеранга, поскольку отражаются и на странах, инспирирующих санкционные действия. Логическим продолжением данных мер неизбежно становится снижение уровня конкуренто-

способности национального производства и изменение баланса сил в мировой архитектуре.

Данное положение приобретает особую актуальность, так как обеспечение конкурентоспособности национальной экономической системы в условиях глобализации становится системообразующим элементом как внутренней, так и внешней государственной политики при реализации своих основополагающих экономических интересов.

Е. Ф. Чеберко¹

ПРОТИВОРЕЧИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Сегодня все публикации, посвященные процессам глобализации, в той или иной степени затрагивают проблему всестороннего цивилизационного кризиса, то есть кризиса всей системы общественных отношений. Причем практически во всех областях обострение противоречий достигло такого уровня, что становится очевидным: преодолеть их в рамках существующей парадигмы общественных отношений не представляется возможным. Останавливаясь на существенных характеристиках кризиса, многие исследователи приходят к выводу, что значительная часть возникших противоречий носит антагонистический характер и не может быть преодолена примирением сторон. Человечество осознало, что подошло к критической черте, когда ставится под сомнение само его дальнейшее существование. Происходит это не в первый раз в истории. До сих пор кризисы удавалось преодолевать путем принципиальных изменений в производительных силах и общественных отношениях.

Как известно, кризисное падение может быть долгим, но не бесконечным. Если не находится средство его мирного разрешения, следует социальный взрыв, который может принимать разнообразные формы, вплоть до масштабных войн. Среди противоречий сегодняшнего дня следует выделить несоответствие между реально существующим уровнем возможного удовлетворения потребностей общества посредством уже действующих передовых технологий и невозможностью удовлетворить их в полной мере по отношению ко всему человечеству. Это одно из главных антагонистических противоречий современной эпохи.

Что в состоянии давать современные передовые технологии, можно судить по уровню жизни так назы-

ваемого золотого миллиарда. Одновременно на другом полюсе за порогом абсолютной бедности или нищеты в настоящее время проживает около 1,4 млрд человек. По мнению специалистов Всемирного банка, черта бедности — это существование меньше чем на 1,25 американского доллара в день (в 2015 г. Всемирный банк увеличил черту бедности до 1,9 доллара)².

В литературе ведутся дискуссии о том, каким образом для развивающихся стран можно добиться паритета технологического развития, что с точки зрения формальной логики даст им возможности поднять уровень жизни до лучших образцов. Рецепты даются разные. Но невозможно представить, что всеми странами может быть достигнут одинаковый уровень технологического развития, поскольку некоторые еще не дошли до индустриальной стадии развития.

Авторы ежегодного доклада Всемирного экономического форума «Глобальная конкурентоспособность» разделили страны по уровню развития на три группы, соответствующие трем стадиям цивилизационного развития. Критерием уровня развития выбрали производство ВВП на душу населения.

Первая группа — с низким уровнем произведенного ВВП на душу населения — отнесена к первой стадии (factor driven stage), где главную роль играет экстенсивное использование факторов производства. Страны второй группы — со средним размером классификационного признака — находятся на второй стадии (efficiency driven stage), характеризующейся интенсивным и рентабельным использованием факторов производства. Страны с высоким уровнем ВВП на душу населения находятся на третьей — инновационной — стадии (innovation driven stage).

В Докладе о человеческом развитии, подготовленном международным коллективом экспертов под эгидой Программы развития ООН (ПРООН), приведены данные, что около 1,5 млрд человек — более пятой части населения мира — сталкиваются с недостаточным доступом к электроэнергии, а 2,6 млрд готовят пищу, сжигая дрова, солому, древесный уголь или навоз. Инновациями для этих стран названо внедрение усовершенствованных печек, использование которых на 40 % сократило потребности в дровах в ряде районов Кении,

¹ Профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук. Автор свыше 120 научных работ, в т. ч. 8 монографий и учебных пособий: «Теоретические основы предпринимательской деятельности (макрэкономический аспект)», «Новые тенденции в отношениях государства и предпринимательства и их роль в развитии общества» (в соавт.), «Основные направления и факторы перехода к инновационной экономике» (в соавт.), «Основы предпринимательской деятельности. История предпринимательства: учебник и практикум для академического бакалавриата»; статей «Социокультурные факторы инновационного развития» (в соавт.), «Взаимосвязь традиционных и новых институтов в процессе модернизации российской экономики» (в соавт.), «Мотивационный потенциал модернизации» (в соавт.) и др.

² <http://fb.ru/article/173249/bednost---eto-chto-uroven-bednosti-absolyutnaya-i-otnositelnaya-bednost#image670661>

резко снизило уровень загрязнения и помогло укрепить здоровье детей в Гватемале¹.

С технологическим уровнем у большей части человечества проблемы, и их надо решать. Но, построив современное предприятие, нужно обеспечить его материальными ресурсами. Учитывая, что проблемы технологического развития чрезвычайно сложные и требуют много усилий и времени для решения хотя бы в первом приближении, решение вопроса реального обеспечения материальными ресурсами как бы отложено на будущее.

Но вопрос этот значительно острее, чем проблема технологического равенства между странами мира. Дело в том, что уже сегодняшний уровень жизни в развитых странах достигается за счет «отжатия» золотым миллиардом части ресурсов у стран, которые называются развивающимися или странами третьего мира.

В данный момент размер мировой экономики превышает способность биосферы планеты в полтора раза, утверждают специалисты из Global Footprint Network. Они же составили таблицу, наглядно демонстрирующую, как происходит расход природных ресурсов на душу населения в разных странах мира. Исходя из подсчетов, лидируют в списке Арабские Эмираты, потребление которыми биоресурсов в 12 раз превышает запас своих же природных богатств. Далее следуют Япония (в 7 раз), Италия и Швейцария (более чем в 4 раза), Великобритания (в 3,3 раза), Германия (в 2,5 раза), Китай (в 2,2 раза), США (почти в 2 раза) и Франция (в 1,6 раз)².

Даже предоставив (теоретически) всем желающим прорывные технологии, обеспечить все 7 млрд жителей Земли жизненными благами на уровне, существующем сегодня в США, невозможно. Если бы каждый человек жил как среднестатистический американец, нам бы понадобились ресурсы четырех планет, подобных Земле. Если бы каждый жил жизнью среднего катарца, нам бы потребовалось семь планет.

С одной стороны, ведущие страны мира получают непропорционально высокую долю мировых ресурсов, а с другой — не полностью компенсируют собственникам природных ресурсов их использование и изъятие. Еще в 1940-х годах американско-канадский ученый-экономист венгерского происхождения К. Поланьи отмечал, что капиталистическая прибыль возможна только в том случае, если не оплачивается ущерб, нанесенный экологии. Но дело не только в экологии.

Академик Е. Велихов поднимает проблему энергетического донорства. Наряду с прямым потреблением энергоресурсов развитые страны, переместив в развивающийся мир часть своих производств, стали покупать продукцию первого передела с аккумулированной в ней энергией за пределами страны. Существуют расчеты, что в целом по миру объем ВВП, переносимого из развивающихся стран в развитые, составляет около 10 трлн долларов, то есть примерно 25 % всего мирового ВВП. Если считать, что скрытая в продукте первого передела энергия переносится примерно в таком же соотношении, то это, по наиболее консервативной оцен-

¹ Доклад о человеческом развитии—2011. Устойчивое развитие и равенство возможностей: лучшее будущее для всех : пер. с англ. М. : Весь Мир, 2011.

² Lenty.ru: Точка невозврата. globallookpress

ке, 2,5 млрд тнэ (тонн нефтяного эквивалента). А такой объем уже сопоставим с общемировым непосредственным транспортом энергоресурсов в мире (около 4 млрд тнэ)³.

Сохранение парадигмы общественного развития, основанной на перераспределении материальных ресурсов из стран, в которых проживает большая часть человечества, в страны золотого миллиарда, заводит человечество в тупик, который в ближайшей перспективе приведет к социальному взрыву.

Поскольку сопротивление обездоленного населения Земли несправедливому перемещению своих ресурсов за пределы страны постоянно возрастает, постольку все более жесткие меры принуждения, вплоть до насилия, используют страны-лидеры сегодняшнего мирового сообщества. В рамки концепции установления контроля над земными ресурсами укладывается агрессивная политика США по отношению к России.

Холодная война уже идет, и американцы подтверждают это решениями стратегического характера. В частности, готовится законодательный документ о непризнании США присоединения Крыма, имеющий бессрочный характер. Прецедентом является Декларация Уэллеса, согласно которой США не признавали присоединение Советским Союзом стран Балтии в 1940 году. В период холодной войны декларация была фактически одним из правовых элементов общего плана по разделению СССР. Принятие законодательного документа по Крыму будет означать, что США основательно разрабатывают долгосрочную стратегию деятельности, направленной уже на развал Российской Федерации. Среди прочего не пренебрегают формированием правовых оснований для ее оправдания.

В ситуации сегодняшнего дня холодная война — не самое страшное. Локальные военные конфликты обострились до такой степени, что в некоторые из них втянуты практически все развитые страны, а потому угроза планетарной катастрофы не является чем-то нереальным. Сам клубок существующих противоречий уже, наверное, не распутать чисто политическими средствами. Его можно разрубить, что нежелательно, или отчетливо обозначить, что причины, породившие конфликты, очевидно, исчезают либо теряют признаки антагонистических противоречий.

Прежде всего есть предпосылки преодолеть центральное на сегодняшний день противоречие, связанное с несоответствием между реальными возможностями принципиально новых технологий и низким уровнем их реализации из-за ограниченности ресурсов. Шестой технологический этап обещает быть в этом отношении щедрым. Фактически впервые можно говорить о революционных изменениях в той части производительных сил, которая была настолько консервативна, что позволила К. Марксу сказать, что эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими орудиями труда.

Специалисты в качестве ядра нового уклада выделяют генную инженерию, а также нано-, био-, информационно-коммуникационные технологии нового по-

³ Велихов Е. Ущербность страны «первого передела» // Экономика и жизнь. 2008. 29 апр. № 17.

коления и когнитивные технологии. Они получили общее название НБИК-технологий. Российский ученый М. Ковальчук обоснованно считает, что кластер следует дополнить социогуманитарными науками, и в результате его аббревиатура выглядит как НБИКС.

Нанотехнологии коренным образом меняют ситуацию. Появление материалов с заранее заданными свойствами приведет к такому качественному скачку производительности труда, какого не было при внедрении прорывных технологий в прошлом. Если ныне существующая система общественных отношений, названная индустриальным обществом, началась с изобретения парового двигателя и появления на этой основе машинного производства, то сегодня можно говорить о создании безмашинной технологии.

В обеспечении народов Земли продуктами питания уже начинается прорыв с применением бионанотехнологий. Специалисты говорят о новой неолитической революции. Главное ожидается в энергетике, которая в существующем виде является основным тормозом общественного развития, более того, причиной самого острого противоречия. Передовые технологии не могут работать на полную мощность в мировом масштабе из-за ограниченности энергетических ресурсов. Уйдя от исчерпавшей себя технологии получения энергии путем сжигания углеводородов, человечество предельно снизит накал борьбы за обладание и контроль нефтяными и газовыми ресурсами, которая сегодня поставила его на грань мировой войны.

Революционный переворот в производительных силах невозможен без принципиальных изменений во всей системе общественных отношений. Об этом писал в своих работах академик Н. Н. Моисеев. Он стремился не просто доказать несостоятельность су-

ществующей и господствующей системы отношений с точки зрения будущего человеческого общества, но и представить, хотя бы в общих чертах, модель желаемого общественного устройства, которое в наибольшей степени позволит совместить индивидуальный интерес с общественным. Ученый склоняется к идее общества, которое называет экологическим социализмом, не отождествляя его с системой, существовавшей в недавнем прошлом в нашей стране, но принимая общую идеологическую установку этой теоретической концепции¹.

В производительных силах и экономических отношениях сегодня происходят процессы, многие из которых не вписываются в рамки устоявшихся представлений о развитии экономической системы общества. Причем одновременно происходят процессы, на первый взгляд взаимоисключающие друг друга. Так, если провести анализ изменений в отношениях собственности, то продолжающийся и остающийся прогрессивным интенсивный процесс централизации и концентрации производства сопровождается не менее интенсивным и прогрессивным процессом децентрализации собственности.

Перед человечеством все чаще возникают проблемы, решение которых требует, с одной стороны, высокого уровня концентрации ресурсов, а с другой — все более глубокой специализации отдельных этапов общего технологического процесса. Первое порождает то, что мы называем планетарной собственностью. Второе является причиной все более глубокого разделения труда, все более мелкого дробления на обособленные части технологической цепочки, что послужило причиной появления и резкого усиления роли сектора малого инновационного предпринимательства.

Чжан Дюнь Юн²

ТЕКУЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Прогресс в сотрудничестве России и Китая

В последние три десятилетия отношения между Россией и Китаем развиваются позитивно и приносят хорошие плоды. В 1992 году две страны объявили о стремлении к «конструктивному партнерству», что требовало признания друг друга «дружественными странами». В 1994 году Китай и Россия подписали второе совместное заявление, объявив о намерении установить конструктивное партнерство с перспективой на XXI век. В 1996 году страны продвинулись в направлении «стратегического партнерства», основанного на равенстве и доверии и ориентированного на XXI век, а в 2001 году был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, заложивший прочную правовую основу для развития нашего стратегического партнерства. Устойчивые взаимо-

отношения Китая и России стали возможны благодаря общему стремлению к формированию мировой системы многополярности без гегемонии каких-либо стран. Граница между нашими странами протяженностью в более чем 4 тыс. км — некогда предмет жарких споров — определена путем переговоров. Две нации продемонстрировали мирный и взаимовыгодный вариант отношений между крупными державами, в то время как США продолжали развивать однополярную систему. Сегодня российско-китайские отношения достигли уровня полноценного стратегического партнерства, что станет ключом к глобальной и региональной стабильности в условиях глобализации. Президент Китая Си Цзиньпин придерживается мнения, что «российско-китайское стратегическое сотрудничество играет ключевую роль в сохранении мира и стабильности в регионах и во всем мире». Президент Си начиная с 2013 года посетил Россию пять раз и встречался с Президентом России В. В. Путиным 14 раз. Оба лидера пришли к решению расширять и углублять практическое сотруд-

¹ Моисеев Н. Н. Экологический социализм. М., 1998. С. 26–27.

² Заведующий кафедрой экономики Национального университета путей сообщения (г. Шичзячжуан, КНР), доктор экономических наук, профессор.

ничество с учетом стратегического видения и широкого подхода, что внесет вклад не только в процветание наших стран, но и в развитие и стабильность во всей Евразии.

Экономические и торговые связи между Россией и Китаем стали особенно значимы. Торговый оборот между странами в первой половине 1990-х составлял примерно 5 млрд долларов США, а в 2014 году достиг 95 млрд, то есть за два десятилетия увеличился более чем в 18 раз. Только в 2014 году инвестиции Китая в российскую экономику возросли на 80 %, и эта тенденция по-прежнему в силе. Правда, заявленная обеими сторонами цель (увеличение торгового оборота до 100 млрд долларов) не была достигнута, спад 2015 года был обусловлен объективными факторами, такими как рецессия мировой экономики, неуверенность и колебания на глобальных рынках и угроза терроризма. Другая очевидная причина спада — снижение цен на природные ресурсы, в частности на нефть. Фактически внешняя торговля Китая сократилась на 8 % по сравнению с предыдущим годом — редкое явление с тех пор, как была принята политика открытости. Согласно данным, полученным ОЭСР, за последние несколько кварталов объемы мировой торговли уменьшились. В сокращении двусторонней торговли отразилось общее снижение внешней торговли обеих стран в контексте экономического спада. Торговля между Россией и Китаем уменьшилась не так значительно, как с другими основными торговыми партнерами, благодаря усилиям, приложенным главами обоих государств. В 2015 году Китай оставался крупнейшим торговым партнером России, и торговля с Китаем составила 12 % от российской внешней торговли в 2015 году и 11,3 % от этого показателя 2014 года. В условиях противозаконных ограничений, наложенных западными странами на Россию, обе наши страны могут найти больше возможностей для установления прочных деловых связей.

Китай и Россия доверяют друг другу и часто обсуждают различные вопросы. 2015 год ознаменовался 70-летием Победы во Второй мировой войне. Это событие также объединяет наши страны. В мае прошлого года президент Си Цзиньпин побывал на праздновании Дня Победы в России, а 3 сентября мы впервые отмечали День победы в войне сопротивления китайского народа японским захватчиком и окончание Второй мировой войны. Президент Путин оказал нам честь и присутствовал на торжественной церемонии.

Оба государства недовольны доминированием Запада в международных экономических институтах. Россия и Китай обладают достаточным потенциалом, чтобы стать близкими экономическими и дипломатическими партнерами, принимая во внимание уже достигнутые соглашения во многих сферах, сотрудничество в различных промышленных секторах, схожее видение интеграции в Евразийском регионе и развитие партнерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия первой присоединилась к организованному Китаем Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АИВ), что стало фактором продвижения реформы международной финансовой системы.

Более успешное экономическое, финансовое, культурное и политическое сотрудничество расширит всестороннее развитие стран. И Россия, и Китай имеют огромное значение для Центральной Азии; развитие сотрудничества приведет к укреплению взаимоотношений между странами Центральной Азии и двумя соседними государствами. Также установлены и развиваются отношения стратегического партнерства между Китаем и постсоветскими странами. Все мы заинтересованы в стабильности и развитии. Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы поддержать инициативу китайского «Экономического пояса Шелкового пути» с российской стратегией развития, а также вступить в созданный по инициативе России Евразийский экономический союз.

Общие проблемы, стоящие перед Россией и Китаем

Хотя Китай — вторая по величине экономика в мире, уровень развития нашей страны все еще значительно ниже, чем передовых стран мира. Объем ВВП на душу населения Китая составляет только 14 % от показателя Соединенных Штатов и еще меньше от уровня России. Без сомнения, Россия столкнулась с экономическим спадом в силу разных причин, преимущественно из-за внешних потрясений и дядиных более года санкций, наложенных Западом, откуда преимущественно импортировалось продовольствие. Эти меры отрезали Россию от зарубежных кредиторов, что вкупе с уменьшением доходов от продажи нефти, составлявших более половины российского бюджета, создало финансовые проблемы в стране.

Россия и Китай переживают период преобразования экономической модели и структурных реформ. После почти 40 лет быстрого экономического роста и социального развития Китай достиг поворотной точки. Меняется структура экономики, необходимо решать такие вопросы, как загрязнение окружающей среды, перепроизводство продукции, финансовые риски, долги органов местного самоуправления. Загрязнение окружающей среды — большая проблема, с которой Китай столкнется уже в ближайшем будущем. Мы не будем стремиться к росту в ущерб окружающей среде, несмотря на замедление экономического развития. Перепроизводство значительно возросло с тех пор, как после финансового кризиса 2009 года правительство ввело пакет мер по стимулированию экономики. Китай публично признал, что существуют проблемы, связанные с компаниями-зомби. Это не только насущный вопрос для Китая, но и объяснение того, почему другие партнеры настаивают на обсуждении новых условий по мере нарастания разногласий в торговых отношениях. Правительство Китая прикладывает усилия, чтобы предотвратить возможный финансовый кризис и резкий рост долгов органов местного самоуправления.

Никто не ожидает, что рост экономики Китая будет таким же, как раньше. Сам Китай считает новой нормой текущий этап развития с концентрацией на восстановлении равновесия и устойчивости. Глупо полагать, что в стране начнется экономический спад. Экономика Китая должна прогрессировать, а не ухудшаться.

Во многих отношениях Китай и Россия могут дополнять друг друга. Обе страны имеют древнюю историю и потрясающую культуру. У наших народов есть желание и возможности преодолевать трудности и препятствия. Хотя для России наступил сложный период, у россиян хватит способностей и мудрости, чтобы справиться с тяготами. Невысокий уровень внутреннего и внешнего долга делает экономику более гибкой, позволяя принимать все необходимые меры.

И Китай, и Россия испытывают давление со стороны Запада. Это связано преимущественно с тем, что Запад не готов смириться с ослаблением своего господства. С расширением НАТО усиливается напряженность между Россией и Европой. С «разворотом в Азию», предпринятым президентом США Барак Обама, испортились отношения Китая со странами Азии. Чем больше в мире беспокойства и хаоса, тем лучше США могут использовать их, чтобы получить преимущество. По-видимому, примирение между Китаем, Россией и Западом, ведомым Соединенными Штатами, невозможно.

Профессор Университета Цинхуа Ян Сютонг выразил мнение, что ни Китай, ни Россия не имеют возможности заключить союз с Соединенными Штатами. Если США примут Россию, они лишатся доверия европейских стран. Не будет причины для существования НАТО. Если Соединенные Штаты примут Китай, это не обеспечит им доверия со стороны стран Восточной Азии. Соединенные Штаты, конечно, попытались воспротивиться созданию банка и прибегают к манипуляциям для сохранения своего господства в мире. Одна из наиболее серьезных тревог США — восстановление Шелкового пути, который скорее приведет к более тесному партнерству Китая и России. Когда Китай организовал АПВ, Соединенные Штаты оказали давление на Южную Корею и Австралию, чтобы те не присоединялись к проекту, заявив, что новый банк не соответствует международным критериям финансовой прозрачности. Когда Британия заявила о намерении стать первой европейской страной, присоединившейся к развитию банка, США отреагировали сдержанно.

От Китая и России потребовалось приложить много усилий, чтобы их приняли в члены ВТО. Новые торговые соглашения, такие как Транстихоокеанское партнерство и Трансатлантическое торгово-инвестиционное партнерство, обходят правила ВТО, выполняя функции замещающей организации, что может парализовать ВТО. Президент США открыто заявил: «Мы не можем позволить таким странам, как Китай, писать правила для глобальной экономики». США манипулируют этим пактом, чтобы свести на нет влияние Китая и его торговых партнеров. Представление Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства также может помешать торговле России с партнерами из Европейского Союза.

Западные политики проявляют мало уважения к глобальной ситуации, неосторожно настаивая на том, что модель либерального капитализма будет господствовать над всеми остальными системами. Слоган «Альтернативы нет» (TINA — от *англ.* “There is no alternative”), в защиту которого выступала британский

премьер-министр Маргарет Тэтчер, был доктриной, согласно которой экономический либерализм будет главенствовать. Из-за распространения приватизации, децентрализации и свободной конкуренции в 1980–1990 годы поток капитала стал более стихийным, сократившим правительства во многих странах.

Пик проникновения западной идеологии во все уголки мира — «вашингтонский консенсус». Широко обсуждалось, что экономика Китая обречена на крах, поскольку не основывается на ключевых принципах западной экономики, таких как частная собственность и свободный рынок. Несмотря на мрачные предсказания, наша экономика не рухнула. Еще недавно американское рейтинговое агентство “Moody’s” утверждало, что провал китайской модели неизбежен в силу трех политических причин. Китай смог достичь успеха за такой короткий период, потому что не следовал предписаниям аналитических центров, состоящих из западных консерваторов. Россия — болезненный пример того, как крупная держава попыталась следовать за Западом, но проснулась лишь тогда, когда ничего не получила. Как бы мирно ни вели себя россияне в отношениях с западными странами, самоуверенность и агрессивность со стороны Запада по-прежнему нарастают.

После неудачи с «вашингтонским консенсусом» во многих уголках мира предпочитают в качестве альтернативы «пекинский консенсус». Однако ни «вашингтонский консенсус», ни «пекинский консенсус» не могут служить рецептом для всех. Положительный момент состоит в том, что каждая страна может выбрать свой собственный уникальный путь развития, учитывая взаимозависимость в контексте глобализации.

Благоприятные факторы для России и Китая

Россия и Китай не конфликтуют на почве национальных интересов и не имеют намерения сражаться на геополитическом или идеологическом поле. В брошюре «Мирное развитие Китая–2011» указано, что основные интересы Китая включают: 1) суверенитет государства; 2) национальную безопасность; 3) территориальную неприкосновенность; 4) национальное воссоединение; 5) политическую систему Китая, определяемую Конституцией, и общую социальную стабильность; 6) основные средства для жизни в целях обеспечения устойчивого экономического и социального развития. По моему мнению, для России наибольшей проблемой является расширение НАТО на восток. Кроме того, это основная причина кризиса на Украине. Хотя Берлинская стена пала, а холодная война завершилась, разница в менталитетах, разделяющая мир согласно прежней идеологии, все еще существует. Как однажды сказал президент Путин, «мы не смогли отстаивать свои национальные интересы, а нужно было делать это с самого начала. Тогда, может быть, весь мир был бы более сбалансированным». Китай и Россия имеют свои национальные интересы, доверяют и поддерживают друг друга ради взаимной выгоды. Несмотря на тесные отношения между нашими странами, ничто не предвещает формирования союза против США.

Это дает двум нациям больше пространства для влияния на мировой арене.

Как заметил эксперт в области российско-китайских отношений, есть серьезные основания для развития отношений между нашими странами. Во-первых, обе извлекли уроки из прошлого, когда произошел разрыв отношений на идеологической основе. Нормой для поддержания межгосударственных отношений являются пять принципов: взаимное уважение суверенитета и территориальной неприкосновенности, взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела другого государства, равенство, взаимная выгода и мирное сосуществование. Во-вторых, обе стороны неоднократно заявляли, что необходимо уважать выбор каждого государства и никогда не прибегать к вооруженным силам для разрешения конфликтов. В-третьих, ни объединение, ни конфронтация не должны стать важнее уважения и взаимной выгоды.

Министр иностранных дел Китая Ван И отметил, что российско-китайские отношения обеспечивают новый подход к международным отношениям и представляют возможную модель, которой могут последовать и другие государства. Стороны объединяются для укрепления сотрудничества. Они расширили коммуникации и совместные действия по ряду международных вопросов — от макроэкономической политики до торговли и инвестиций, от борьбы с терроризмом до мира во всем мире, от регионального развития до благополучия народов мира.

Помимо всесторонней стратегической кооперации в качестве совместно действующих партнеров, есть множество других механизмов, которые могут укрепить хорошие отношения между Россией и Китаем, такие как ШОС, БРИКС, АТЭС и т. д. Различные уровни этих механизмов могут породить большее стремление к достижению цели и придать энергии, чтобы сделать сотрудничество более масштабным. По моему мнению, каналы и платформа взаимодействия для обеих стран становятся еще более зрелыми, чем раньше. ШОС — организация, изначально созданная для разрешения споров относительно территориальных границ между ее членами, после того как эта миссия перестала быть актуальной, стала выполнять более разнообразные функции, включающие развитие и борьбу с терроризмом, экономику и финансы. БРИКС — группа стран с развивающейся экономикой, куда входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южно-Африканская Республика, — обеспечивает 1/4 мирового объема производства и преследует ту же цель. На самом деле сдерживающее влияние со стороны глобальной экономики и непредсказуемое движение капитала негативно влияют на блок стран — членов БРИКС. В 2015 году пять наций договорились о расширении взаимной торговли в местной валюте, а также о создании Банка развития БРИКС, инвестиции в который составят 100 млрд долларов США, в качестве альтернативы контролируемому Западом Всемирному банку.

Китай совершенно уверен в успешном развитии России. Прогноз мировой экономики на ближайшее будущее не очень оптимистичен, и Китай, Россия, Индия и другие страны уже столкнулись с проблемами раз-

ной степени сложности. У россиян определенно есть способности и условия, чтобы преодолеть временные трудности и определить цели национального развития и восстановления.

Экономики Китая и России во многом дополняют друг друга. Для них характерна большая потребность в сотрудничестве, в частности в сфере науки и технологий. Не только в Китае, но и в России нарастает необходимость экономических реформ. Как говорил в свое время китайский руководитель Дэн Сяопин, «наука — первая производственная сила». Чтобы конкурировать на мировом рынке, страна должна придавать больше значения повышению производительности. Для этого необходимы внутренняя движущая сила и пространство для развития. Россия и Китай делают все возможное для реализации своего потенциала. Поле практического сотрудничества наших стран станет шире, а результаты — значительнее.

На повестке дня новая платформа для экономического развития России, Монголии и Китая. Запуск трехстороннего экономического коридора — один из ключевых пунктов в создании Китайского экономического пояса Шелкового пути. В 2015 году руководители Китая и России предложили основанному в Москве Евразийскому экономическому союзу идею присоединиться к китайскому «Поясу и пути». Строящийся Китайско-Пакистанский экономический коридор послужит образцом взаимосвязи и процветания обеих сторон в рамках «Пояса и пути». Китай запустил грандиозную программу расширения железнодорожных путей, планируя в ближайшие годы проложить новый маршрут протяженностью в тысячи миль. По отчетам, Китай вложит в общей сложности 5,2 млрд долларов в Московско-Пекинский проект, который после реализации сократит время поездки из одной страны в другую до 48 часов вместо семи дней.

Развитие высокоскоростного железнодорожного транспорта — одно из самых многообещающих направлений, поскольку на долю Китая приходится 60 % всех скоростных путей в мире. Китай и Россия приумножают усилия для запуска нового маршрута к 2020 году. Он может стать образцом транспортного проекта и сотрудничества в сфере инфраструктуры. Разумеется, это улучшит сообщение и торговлю вдоль маршрута. Если ЕС — крупнейший торговый партнер России, то Китай занимает второе место. На самом деле торговля между Китаем и ЕС достигла больших объемов. Россия расположена таким образом, что товары из Китая в ЕС и обратно можно перевезти по суше, но из-за неопределенности условий Китай стремится снизить риски морского транспорта. Кроме того, упрощение торговли вдоль Шелкового пути принесет пользу и странам Центральной Азии.

Мир должен быть единым целым, где царят многополярность, равенство и справедливость. Хотя холодная война закончилась, конфронтация в послевоенном мире, видимо, доставляет Западу удовольствие, поскольку мировые весы по-прежнему склоняются в сторону Запада в ущерб остальным.

Китай и Россия должны укреплять кооперацию в сфере безопасности, как можно скорее достичь со-

гласия по вопросам сотрудничества в защите границ, перейти к пакту о борьбе с экстремизмом и обеспечить более надежную и безопасную среду для регионального развития. Сочетание науки и технологий России с финансовым и промышленным потенциалом Китая создаст мощное партнерство, которое определено уравновесит однополярную систему, управляемую Западом. Даже в научных кругах есть сторонники создания альянса Китая и России. Одни поддерживают эту идею, другие воздерживаются. На самом

деле стратегическое партнерство — более практичное решение, чем альянс, в свете стабилизации многополярной мировой системы. Сейчас сотрудничеством охвачены далеко не все области. Наши страны должны действовать сообща, изучая новые способы взаимодействия — не только в сфере торговли и инвестиций, но и в сфере культуры и образования. Страны-соседи должны укрепить международный обмен и кооперацию, чтобы усилить взаимопонимание и дружественное сотрудничество.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- С. А. АНТИПИН** профессор кафедры менеджмента и логистики на транспорте Самарского государственного университета путей сообщения, доктор экономических наук
- С. Б. БАЙЗАКОВ** научный руководитель Института экономических исследований (Астана, Казахстан), доктор экономических наук, профессор
- Д. К. ГЭЛБРЕЙТ** профессор Школы государственного управления им. Линдона Б. Джонсона при Техасском университете (г. Остин, США), визит-профессор кафедры общей экономической теории Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. В. ЗЯБРИКОВ** доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- Г. В. КОЛОДКО** вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор
- Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА** руководитель Центра социально-экономических исследований и проектов Института США и Канады РАН, доктор экономических наук, профессор
- Гж. МАЛИНОВСКИ** доцент Исследовательского института “TIGER” Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ** директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Н. Н. НИКУЛИН** профессор кафедры экономической теории Национального исследовательского технологического университета «МИСиС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Э. Э. ПОЛЕТАЕВ** президент общественного фонда «Мир Евразии» (Алматы, Казахстан)
- Е. С. САДОВАЯ** заведующая сектором социальных проблем труда и занятости Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент
- Г. Ф. ФЕЙГИН** профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- В. Б. ФРАЙМОВИЧ** профессор кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук
- М. М. ХАЙКИН** заведующий кафедрой экономической теории Национального минерально-сырьевого университета «Горный», доктор экономических наук, профессор
- Е. Ф. ЧЕБЕРКО** профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
- ЧЖАН ДЮНЬ ЮН** заведующий кафедрой экономики Национального университета путей сообщения (г. Шицзячжуан, КНР), доктор экономических наук, профессор

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, студенты! Мы начинаем нашу дискуссию. Позвольте представить наших гостей, которые будут руководить работой этой секции. Это профессора Гжегож Колодко из Польши и Джеймс Кеннет Гэлбрейт из Соединенных Штатов Америки. Слово предоставляется господину Колодко.

Г. В. КОЛОДКО: — Я считаю, что современная глобализация неизбежна и она будет продолжаться

в будущем, хотим мы этого или нет. Нам надо ответить на вопрос, что такое глобализация с экономической точки зрения, потому что этот процесс происходит и в политике, и в сфере безопасности, и в культуре, а также в других отраслях. В экономическом смысле исторически это более длительный процесс — это либерализация и интеграция работающих рынков капитала, товаров, рабочей силы в один всемирный, а потому глобальный рынок. В первую очередь надо ответить на вопрос: почему она неизбежна? Я думаю, пре-

жде всего потому, что так развивается технологический прогресс, работают новые технологии, функционируют современные финансовые рынки. Сейчас происходит свободный обмен деньгами, перемещение капиталов. Сложился один всемирный, глобальный рынок финансов, но в то же время существуют проблемы, которые нам принес последний сначала американский, а потом мировой финансово-экономический кризис.

Второй вопрос, на который нам надо ответить: глобализация — хороший процесс или нет, нам надо выступать за глобализацию или против? Я считаю, что с точки зрения России, Европы, других стран и регионов мира на глобализацию надо смотреть как на вызов, который дает нам новые шансы и в то же время несет новые риски. И поэтому надо, чтобы и у России, и у Соединенных Штатов, и у стран Европейского Союза, и у других государств мира была своя национальная стратегия социального и экономического развития. Глобализация — это объективный процесс, но это не значит, что нам не нужны стратегии для России, Польши, для Европейского Союза, для стран Азии или Америки, потому что существуют разные интересы, это своего рода игра интересов. Эти стратегии должны строиться на основе экономической науки, поэтому нам нужны квалифицированные экономисты, которые знают, что делать и как надо вести экономическую политику, чтобы достичь успеха.

Когда я был министром финансов Польши (1994–1997), нас называли «тиграми Европы», потому что мы принимали участие в организации экономического посредничества и развития и темп экономического роста, то есть ВВП, достигал более 7 % в год. Мы не вышли из процесса глобализации, наоборот, использовали его для развития национальной экономики. В том смысле, что мы использовали новые шансы и возможности, но в то же время развивали политический менеджмент. Дело в том, хороша или плоха глобализация, например, для Казахстана, Канады, Бразилии, Украины, зависит от того, как там претворяется в жизнь стратегия экономического развития в смысле максимального использования шансов и минимизации рисков, чтобы издержки от этого процесса были минимальными. Поэтому, я думаю, мы успели сделать больше, чем, скажем, Украина, а Китай — больше, чем мы, потому что там была стратегия социально-экономического развития.

Россия вовремя не вошла в процесс глобализации. Но нельзя сказать, что из-за этого нет успехов. Успехов может не быть прежде всего потому, что экономические политики и стратеги не знают, как использовать неизбежную глобализацию для развития национальной экономики. И с этой точки зрения, я думаю, надо смотреть в будущее, двигаться вперед. Нет пути назад. Надо понять, как использовать неизбежную глобализацию для развития национальной экономики. Но не в сторону неолиберального капитализма, потому что у него нет будущего, а в сторону социально-рыночной экономики. Что может дать советская социально-рыночная экономика, это большой вопрос для экономических наук прежде всего здесь, в России, и в других странах тоже. Известный российский экономист академик

А. Д. Некипелов написал много трудов об экономических институтах.

Я бы сказал, что сейчас самый главный вопрос, касающийся будущего мировой экономики, — это вопрос о том, как построить институты мировой экономики. В нашей жизни появилась мировая экономика, но нет единой мировой стратегии и политики, потому что не хватает институтов в области права. Можно обратиться к опыту Европейского Союза, но и там существует много проблем. А что касается всего мира, то мы никак не можем определиться, как действовать — или в рамках ООН, или задействовать другие организации, которые работают иначе. У нас есть G20, хотя на самом деле это не G20, а G43, потому что там принимают участие 19 государств и Европейский Союз. В состав «Большой двадцатки» входят четыре крупнейшие страны Европейского Союза — Великобритания, Германия, Франция, Италия. Всего в Европейский Союз входят 28 стран, включая Польшу и другие постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы. Так что получается, что фактически в G20 входят 15 государств со всего мира и 28 — из Евросоюза, всего — 43. А 43 страны мира — это 85 % мирового производства, более 80 % населения земли, а нас уже 7,3 млрд. G20 пытается координировать политику, но ей не хватает институциональной основы, структуры, стратегии для развития мировой экономики во время неизбежной глобализации.

Но какая самая главная проблема будущего, касающегося экономических вопросов? Я бы сказал, что это реинституционализация мировой экономики, как нам смотреть в будущее, чтобы двигаться вперед через регулирование торговли, совместную работу. Там мы найдем решение этой проблемы. Но проблем нам будет хватать всегда, потому что есть очень много нерешенных неэкономических вопросов, в том числе и в Польше, которая в свое время считалась успешной страной, но не избежала провалов. Думаю, правильный ответ на вопрос, что делать, — прежде всего думать, потом еще раз думать, а потом уже делать.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Господин Колодко, у меня два небольших вопроса. Первый вопрос. Вы упомянули реинституционализацию как серьезную проблему современной глобальной экономики. Может быть, Вы со мной не согласитесь, но я считаю, у G20 сегодня есть три глобальных уровня — ВТО, МВФ, Всемирный банк. Есть региональные уровни — Европейский Союз, национальные экономики. Мне кажется, что пока взаимодействие между ними хаотичное, его надо как-то систематизировать. Видите ли Вы какие-то конкретные решения во взаимодействии этих уровней? И второй вопрос. Вы сказали, что будущее — за социальной рыночной экономикой. Но сегодня глобализирующийся мир — это глобальная конкуренция, причем очень большое давление оказывается сегодня на страны с социально-рыночной экономикой, такие как Германия, Швеция, чтобы они, наоборот, сокращали социальные программы, в большинстве своем неконкурентоспособные. Как Вы считаете, как эти тенденции между собой сочетаются?

Г. В. КОЛОДКО: — Есть проблемы мировые, а есть региональные. Например, что касается изменений климата, то это всеобщая проблема. Ее надо решать в рамках глобальных процессов. Определенные успехи в этом вопросе были достигнуты на Конференции ООН по изменению климата, проходившей в Париже в 2015 году, в которой приняли участие 193 страны. У нас есть, например, европейские проблемы. Одна из них особенно обострилась в последнее время. Нас, жителей Европы, более чем 500 млн. К нам прибыл всего лишь 1 млн мигрантов, что составляет 0,2 % от 500 млн. И мы не знаем, как эту проблему решить, а решать ее надо в рамках Европы. Экономические консультанты говорят, что сделать это можно, распределив по несколько тысяч в разные страны. Но многие государства, к сожалению, в том числе Польша, отказываются принимать мигрантов, потому что они из другой культуры и т. д.

Эта проблема, с одной стороны, национальная, локальная, региональная, в частности европейская, а с другой — всемирная гуманитарная, что делать с этими людьми. В современном мире сейчас насчитывается 40 млн беженцев. У нас в России они тоже есть, и здесь возникают конфликты, корреляция и диалектика. Можно сказать, что в Москве или Питере с диалектической точки зрения есть диалектика конфликтов и пересечения интересов. Дело в том, что это проблема не только с экономической, но и, я бы сказал, с философской точки зрения. Какой общий интерес ваш и наш, а какой отдельно русский и польский? Какой общий интерес человечества, а какой отдельно европейский, азиатский или американский? На базе этих вопросов возникают конфликты интересов, но есть экономический ответ, как добиться положительных результатов при разрешении этих конфликтов. А что касается мировой экономики, то у меня есть книги «Куда идет мир», «25 лет трансформации: от неолиберальных провалов к прагматичному росту», в которых я говорю о том, что будущее мира, Европы, Европейского Союза и России надо рассматривать на основании нового прагматизма, а не экономики неолиберализма.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется господину Джеймсу Гэлбрейту.

Д. К. ГЭЛБРЕЙТ: — Тема сегодняшней дискуссии касается развития национальных экономик в условиях глобализации. Вчера ректор А. С. Запесоцкий затронул очень интересный вопрос: возможно ли, что развитие национальных экономик идет к какому-то гомогенному состоянию, и все экономики будут похожи друг на друга. Скорее всего, этого не произойдет, потому что возникнет определенная иерархия или пирамида, где будут доминировать ведущие страны. Остальные займут так или иначе подчиненную роль. Ситуация сложится неминусом таким образом, что произойдет разделение на центр и периферию. И это будет определяться наличием ресурсов, технологий, финансов заинтересованных в этом стран. Существуют критерии, определяющие возможность осуществления контроля над остальными странами. Одним из них является наличие

вооруженных сил и военной силы, которая определяет доминирование одних стран над другими. По крайней мере, они так хотят, но в настоящее время вопросы обороны, стратегии, которые ставятся во главу угла, не играют решающую роль. Скорее всего, на это претендуют весьма недалекие люди.

Я возвращаюсь к триаде — ресурсы, технологии и финансы. Этот вопрос поднимался вчера нашим коллегой из Ирана, который утверждал, что в настоящее время процесс глобализации в значительной степени определяется взглядом на него Соединенных Штатов Америки. Я хочу поговорить об этом и сравнить мировой порядок, который существовал раньше, с тем, какой установился сейчас. Если мы посмотрим на мир, возникший после Второй мировой войны, то, естественно, он определялся двуполярной системой. Существовали инструменты стабилизации этого двуполярного мира. Это, с одной стороны, Организация Объединенных Наций, а с другой — Международный валютный фонд. И была распространена точка зрения, что в таких условиях торговые и финансовые отношения будут сбалансированы во всем мире. Но в 1970-х годах оказалось, что надежды не оправдывают себя. Если до этого Соединенные Штаты являлись крупнейшим производителем энергоресурсов, то в 1970-х они попали в зависимость от нефтяных стран. И если к этому добавить восстановление экономик Европы и Японии, то это привело к определенной дестабилизации всей финансовой системы. После 1980 года центр финансовой системы стал определяться положением американского доллара. Это дало Соединенным Штатам Америки огромное преимущество по сравнению с другими странами. Американская долларовая система стала неким приютом, укрытием, куда страны обращались в ситуации нестабильного мира.

Параллельно с этим шло бурное развитие технологий, которые можно определить двумя гранями. Одна — виртуальная, другая — физическая. Виртуальная — это, понятно, компьютер, информационные технологии. К физической относят в первую очередь транспорт и центры авиационных перевозок. Обе эти грани способствовали превращению мира в нечто единое. И это все так или иначе было связано с военным сектором Соединенных Штатов. Нельзя не признать, что развитие технологий происходило в первую очередь в оборонном секторе, который создавал в годы холодной войны и авиационную промышленность, и компьютерные технологии. И этим в какой-то момент смогли воспользоваться коммерческие компании. Впоследствии это сповоцировало возникновение неравенства. Куда бы вы ни взглянули, гражданское общество любой страны требует, чтобы эта концентрация могущества в одном центре была уничтожена, такое несбалансированное положение изменилось. Все страны в той или иной степени хотят, чтобы установились равновесие и благополучие.

Возникает вопрос, что национальные экономики могут противопоставить сложившемуся централизованному положению. И ответ находится в трех измерениях. Первое — это ресурсы. Суверенные государства осуществляют контроль над минеральными ресурсами

на своей территории и т. д. В какой-то степени над человеческими ресурсами и талантами. Сохранение этого суверенного права чрезвычайно важно. Второе — это контроль над финансовыми потоками, представляющий собой важный пункт для дискуссий. Если мы будем со стороны национальных государств требовать свободных финансовых потоков, то это также сыграет на руку финансовым центрам. Здравый смысл, а также определенные институты рекомендуют все-таки контролировать финансовые потоки на уровне национальных государств. В этом заключается одно из условий стабилизации. И мы подходим к третьему измерению — это технологии. Здесь дела обстоят несколько иначе, потому что технологии легко проникают через государственные границы. У каждого из нас имеется пример такого проникновения. Технологии постоянно обогащают друг друга. Получается так, что если одно поколение изобрело какие-то новые технологии, то для следующего поколения они уже будут устаревшими. Несмотря на то что тенденция несбалансированного мира будет сохраняться, благодаря работе финансовых институтов и усилиям экономистов мы все-таки сможем прийти к определенному балансу.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Большое спасибо профессорам Колодко и Гэлбрейту. Я думаю, они задали очень хороший тон нашей дискуссии. А сейчас слово имеет профессор Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Хочу сказать, что тематика реализации национальных интересов в условиях глобализации уже давно является темой моих научных исследований. Я и в Германии писал диссертацию на тему: «Позиция и перспективы России в процессе глобализации», и затем в России защищал докторскую диссертацию на тему: «Закономерности глобализации и развитие национальных экономик». Я кратко остановлюсь на следующих аспектах: 1) глобализация и национальный интерес — сущность дилеммы; 2) мир сегодня — однополярный или многополярный; 3) глобализация — это поляризация или догоняющее развитие; 4) возможна ли новая модель глобализации; 5) проблемы экономики России в глобализирующемся мире.

Итак, с моей точки зрения, глобализация, конечно, — это не изобретение мультинациональных корпораций и не просто, так сказать, реализация чьих-либо частных интересов. Глобализация обусловлена всей предшествующей историей человечества. Можно сказать, что вся история человечества — это движение от локального к глобальному: если первобытная община — это царство локальное, древние миры и Средние века — это, безусловно, прежде всего региональная цивилизация, то сегодня мы объективно пришли к тому, что должны существовать в условиях глобализирующегося мира, глобального хозяйственного миропорядка. В чем же дилемма? Глобализация — это взаимопреплетение национальных экономик. С одной стороны, национальные границы стираются, частично утрачивается национальный суверенитет, но с другой — в новой истории на уровне национальных экономик складывается наиболее, скажем так, привычная эффектив-

ная система управления хозяйственной деятельностью. То есть на уровне государств, по крайней мере, процесс управления хозяйственной деятельностью более осязаем.

Когда нужно вступать в международные организации, интегрироваться, открывать границы, возникает такое ощущение, что наши национальные экономические институты ослабевают. Ярчайший пример — это Европейский Союз. К примеру, немцы думают, что их национальный центральный банк мог бы решить все проблемы, а его нет, есть европейский центральный банк. А это, с моей точки зрения, проблема. Так что, с одной стороны, глобализация стирает национальные границы, а с другой — такая вера в их могущество, эффективность, привычность у нашего народа, безусловно, присутствует.

Теперь что касается однополярности или многополярности мира. Я хочу сказать, что идея поставить знак равенства между глобализацией и американизацией, я считаю, очень односторонняя и несостоятельная. Сегодня существует несколько серьезных игровых игроков — тот же Европейский Союз, Китай, Индия. Другие страны, безусловно, тоже вовлечены в процесс глобализации, поэтому он не может быть связан с мировой гегемонией какой-либо одной страны. Другое дело, что сегодня существует глобальная сопоставимость. Вот в этом и есть, с моей точки зрения, отличие сегодняшнего мира от периода раскола мира на две противоположные хозяйственные системы. Порой, даже сопоставить показатели Советского Союза и Америки можно было очень условно, потому что системы дистанцировались друг от друга. Сегодня мы видим множество рейтингов, всевозможных показателей и можем сравнивать всех со всеми. С этой точки зрения мир более однополярен, в том смысле, что существуют более однозначно осязаемые, воспринимаемые векторы, то есть можно в глобальном масштабе сказать, кто лучше, а кто хуже.

Есть, с моей точки зрения, очень интересный вопрос, связанный с национальным институтом: это глобализация или догоняющее развитие? Здесь я хочу привлечь немного статистики. Я взял три ведущие страны мира (США, Германию, Швейцарию) и сравнил их показатели с показателями менее развитых стран. Мы однозначно видим, что для Малайзии, Польши, Сингапура и Южной Кореи характерно именно догоняющее развитие, то есть они реально почти догнали развитые страны по ВВП на душу населения. Но посмотрим на другие страны. И мы видим, что страны Африки, Китай, Индия, Бразилия, Боливия и Перу, в которых когда-то отрыв был в 100 или 1000 раз, он стал меньше в 20 раз. Это догоняющее развитие. Но это еще не означает, что они догнали. Пока существует различие между богатыми и бедными в 10 раз, всегда будет слышен критический тон, что глобализация не уничтожает различия между богатством и бедностью, то есть в глобализации одни страны богатые, другие — бедные. Нет однозначного ответа, поэтому проблема, безусловно, существует.

Теперь я хочу обратить внимание на международную торговлю, в частности на такой ее показатель, как

прямые иностранные инвестиции. Мы видим, что этот один из главных параметров глобализации до 2008 года испытывал рост, дальше все застопорилось. В последнее время он вообще не растет. Возникает вопрос: может быть, глобализация застопорилась, подошла к какому-то барьеру и дальше уже нет развития? Отсюда вытекает еще один, более важный вопрос: может быть, нужна другая модель глобализации? Сейчас много говорят о проблеме кризиса либеральной модели. Все больше распространяется идея о конвергенции. Это, безусловно, интересная идея. Я бы все-таки к либеральной модели относился аккуратнее. Пока еще рыночная капиталистическая экономика в Соединенных Штатах испытывает сложности. Но опять прогнозируется экономический рост.

Конвергенция — это очень интересная идея. Эта концепция рассматривает, насколько можно соединить одно с другим. Конечно, очень заманчиво взять все самое хорошее от всех систем, но насколько одно можно соединить с другим — это я ставлю как проблему. Задавая вопрос господину Колодко, я говорил, что сегодня есть три уровня — глобальный, региональный и национальный. С моей точки зрения, сегодняшняя институциональная система еще достаточно рыхлая. То есть, скажем, иметь такие институты, как Европейская комиссия, Европейский парламент, на региональном уровне можно, но на мировом — уже нельзя. В ВТО сегодня входят уже 162 страны. И это очень разные страны. Если ВТО будет жестко всех привязывать, не допускать переходных стадий, то она не сможет существовать. Я думаю, что будущее этой новой матрицы связано именно с тесным взаимодействием этих трех факторов.

В заключение несколько слов о России. Она имеет изначально глобализационный дефицит, который, в частности, проявляется в одностороннем характере международной торговли, в нашей внешней торговле. Когда мы преимущественно экспортируем сырье, а импортируем готовую продукцию, то сталкиваемся со многими проблемами. Мы недостаточно привлекательны для прямых иностранных инвестиций и недостаточно интегрированы в мировую финансовую систему. Это все долгосрочная тенденция. Но сегодняшний этап, вне всяких сомнений, особенный. Все эти проблемы мы осознавали на протяжении целого ряда лет, озвучивали их на многих конференциях, говорили, что с ними надо бороться, но по большому счету все оставалось без изменений из года в год.

Сегодня мы испытываем определенный кризис в отношениях с Западом, некое обострение, что вызывает разные проблемы — экономический спад, сокращение объемов торговых операций, сокращение притоков и целый ряд других. И возникают такого рода альтернативы: или мы добиваемся отмены санкций и восстанавливаем отношения со странами Запада, или, что сейчас является модной темой, переориентируем наши приоритеты сотрудничества, скажем, на Китай, Индию и т. п. С моей точки зрения, второй сценарий интересен только в плане поиска новых партнеров. Я считаю, нам надо все-таки ослаблять напряженность в отношениях с Западом и договариваться об отмене санкций, по крайней мере в ближайшей перспективе.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Виктору Борисовичу Фраймовичу.

В. Б. ФРАЙМОВИЧ: — На пленарном заседании и панельной дискуссии мы говорили о макропроблемах. Тогда как состояние национальной экономики определяется степенью решения межгосударственных макропроблем на национальном уровне и на уровне первичных звеньев хозяйствования, то есть предприятий, фирм. Я хотел акцентировать внимание именно на уровне первичных звеньев хозяйствования. В настоящее время произошло усиление нестабильности внешней среды. Меняется многое — уровень привычности, темп изменений, степень предсказуемости будущего. И в этих условиях адекватным представляется переход от модели властвования и подчинения, которая сейчас действует в первичных звеньях хозяйствования, к модели предпринимательского менеджмента. Действующей в настоящее время в первичных звеньях хозяйствования модели властвования и управления свойственны многочисленные патологии. Прежде всего — их целевая направленность.

Мы в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете проводили управленческий аудит разных организаций. Он показал, что целевая направленность различных программ предприятий оставляет желать лучшего. Большей частью это цели от слова «хочу». Распределение обязанностей, прав и ответственности персонала в первичных звеньях хозяйствования неудовлетворительное. Этот управленческий аудит показывает, что обязанности руководящего звена большей частью нецелевые, нефункциональные, не видна конкретная выполняемая работа. С точки зрения прав большая часть аппарата управления оказывается бесправной. А нет прав — нет должного выполнения обязанностей. С точки зрения ответственности наблюдаются стандартные отписки в должностных инструкциях, в положениях подразделений не определяется ответственность за некачественное, несвоевременное выполнение возложенных обязанностей. То есть в условиях нестабильности, неопределенности, когда неясны конкретные обязанности, права, не определена ответственность, трудно управлять организацией. Считается, что предприятия и организации, чтобы быть результативными и эффективными, должны выполнять четыре функции — это исполнение, администрирование, предпринимательство и интеграция. Последние две функции в первичных звеньях хозяйствования выполняются не на должном уровне.

Принято считать, что менеджмент и предпринимательство — разные вещи. Менеджер предполагает поддержание стабильности, опирается на исполнительскую дисциплину, административную поддержку и т. д. А предприниматель принимает, целенаправленно вносит изменения, выполняет проекты и работы, меняющие действительность, и т. д. И в связи с этим очень важно, чтобы административный менеджмент на предприятиях, в организациях носил, так сказать, предпринимательский характер. Предпринимательский менеджмент характеризуется взаимодействием, взаимо-

проникновением и черт предпринимательства, и черт административного менеджмента. То есть он ориентирован на результаты. Менеджер, который не стремится к обновлению, а также предприниматель, который не умеет управлять, обречены на поражение. При ориентации административного менеджмента на предпринимательский в первичных звеньях хозяйствования связка «команда–исполнение» должна заменяться связкой «цель — результат, соответствующий этой цели».

Теперь несколько слов об импортозамещении. В настоящее время на многих предприятиях сложилась ситуация, когда их деятельность в наибольшей степени зависит от поведения конкретных физических лиц. Поэтому ряд исследователей считает, что некоторые предприятия являются не юридическими лицами, а физическими, потому что сфера интересов отдельных управляющих, принимающих решения физических лиц оказывается локализована от целей руководимых ими предприятий и организаций. Поэтому понимание стратегии импортозамещения как связки соответствующей цели, соответствующих решений, средств для достижения этой цели в условиях неопределенности должно заменяться другим определением — стратегичности. Что такое стратегичность в условиях перемен? Стратегичность — это четкое следование определенному пути и постоянный мониторинг, изменился этот путь или нет. Умение вовремя перейти от бесперспективной технологии решения проблем на предприятиях к перспективной и характеризует в настоящий момент стратегичность.

Импортозамещение должно решаться комплексно и системно. Оно наиболее способно обеспечить жизнеспособность предприятий тогда, когда основано на коопетиции. Коопетиция — это соединение предпринимательства, конкуренции и кооперации. Предприятия созданы не для того, чтобы конкурировать друг с другом, а для того, чтобы заниматься выполнением работ, услуг, производством продукции и т. д. Поэтому соединение конкуренции и кооперации очень важно в условиях импортозамещения. Коопетиция — это такое взаимодействие между участвующими в создании ценностей первичными хозяйственными звеньями, которое позволяет получить какой-то конечный результат. Чем коопетиция отличается от конкуренции? При конкуренции кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. При коопетиции ставятся общие цели, и тогда выигрывают все, но есть и локальные цели, и каждый достигает их самостоятельно. То есть нет проигравших. И в настоящее время никакое первичное звено, никакая фирма не может обладать полным набором компетенций, который позволил бы ей в условиях импортозамещения реализовать свои результаты на уровне мировых достижений.

Поэтому коопетиция представляется важнейшей формой управления первичными звеньями хозяйствования в условиях импортозамещения. Коопетиция в импортозамещении, как выпекание пирога: чем лучше результат, чем больше пирог, тем легче его делить, и каждый получает большой кусок. Но, к сожалению, коопетиция при управлении импортозамещением в российской экономике — по-прежнему редкое явление.

Каждый старается для себя, разрабатывает свою стратегию импортозамещения, ставит конкретные цели в цифрах и в итоге оказывается в тупике. Так что потенциал коопетиции в российской экономике оказывается недооцененным. Поэтому должно прийти понимание того, что конкурентное преимущество следует максимально реализовывать для снижения уязвимости и повышения жизнеспособности предприятий. Коопетицией надо управлять. Национальная экономика тогда будет процветать, когда будут решены и глобальные мирохозяйственные проблемы, и проблемы на уровне предприятия, когда мы научимся управлять коопетицией. Сейчас у нас ни органы государственной власти, ни местные органы, ни руководство предприятий коопетицией не управляют. И даже административные рычаги используются редко.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово имеет профессор Людмила Федоровна Лебедева.

Л. Ф. ЛЕБЕДЕВА: — Уважаемые коллеги, здесь прозвучали очень интересные выступления, были высказаны разные мнения. Мнения неоднозначные, но тем интереснее дискуссия. Мне бы хотелось обратить внимание на то, что в середине апреля на сайте Университета профсоюзов были размещены не менее интересные тезисы докладов. Среди них мое внимание привлекли тезисы Александра Сергеевича Запесоцкого, где четко обозначены ключевые проблемы американской политики, в том числе в отношении Европы. Что любопытно: буквально через неделю после их публикации на сайте Университета Барак Обама в своем последнем европейском турне подтвердил, собственно, все пункты, о которых говорил Александр Сергеевич.

В чем это выразалось? В Лондоне президент США сконцентрировал свои усилия на том, чтобы доказать британцам, что им не надо выходить из Евросоюза, не надо голосовать за это, что лучше и выгоднее оставаться в его рамках. И прежде всего потому, что до конца года США и Евросоюзу нужно заключить соглашение о Трансатлантическом партнерстве. В чем здесь дело? Обратимся к цифрам. Дело в том, что и по военной мощи, и по экономическим показателям, и по научно-технологической оснащенности, несмотря на возвышение и конкуренцию со стороны ряда других мировых держав, Соединенные Штаты по-прежнему лидируют. И дело не только в ВВП, несмотря на то что доля расходов на мировых рынках падает, в США она остается на уровне 27 %. Это еще и 36 % мировых оборонных расходов. Но дело в том, что одновременно серьезно упала доля США, например, в мировом экспорте, сейчас она составляет всего 8,5 %.

В связи с этим на президентском уровне поставлена задача найти новые механизмы обеспечения, поддержания, укрепления американского лидерства. Какими эти механизмы? Буквально в последние три года, что развивается наиболее критично и на что смотрит Америка — это два партнерства, Трансатлантическое и Транстихоокеанское. В связи с этим во время своего последнего визита в Европу Обама как раз обозначил эти приоритеты. Если в Лондоне речь была сосредото-

точена на том, как бы подписать Трансатлантическое партнерство до конца года, то в Германии, в Ганновере, она носила совсем иной характер. Это уже были не двусторонние переговоры, а с привлечением G5, то есть встреча членов «Большой семерки», кроме Японии и Канады, с главами европейских государств. Там речь шла не только о Трансатлантическом партнерстве в плане торгового инвестиционного сотрудничества. Обама очень настойчиво напомнил своим европейским союзникам о том, что за оборону тоже надо платить.

Еще осенью 2014 года новые члены НАТО согласились с тем, что надо увеличить расходы на оборону до 2 % от ВВП. Но дело в том, что выполняют это всего четыре страны — Великобритания, Греция, Польша и Эстония. До 2017 года только Румыния пообещала и запланировала увеличить расходы до 2 % от ВВП. В НАТО входят 28 стран. Недавно в Брюсселе был подписан Протокол о присоединении к НАТО еще и Черногории. Это уже 29 стран. Америка хочет, чтобы там решались не только военные дела, но и экономические вопросы. Сейчас проводится политика укрепления мира через укрепление восточных границ. Она напоминает ту, которая была при Рейгане, но с одним очень важным чисто экономическим нюансом. При Рейгане расходы на оборону в Соединенных Штатах составляли более 4 % от ВВП. Сегодня это 3,6 %, в проекте федерального бюджета на будущий год — уже 3,3 %, а к 2020 году этот показатель составит 2,7 %. То есть в США идет неуклонное снижение внутренних расходов на оборону, но в то же время от других государств они требуют увеличения до 2 %. Вот такая ситуация складывается в плане Трансатлантического партнерства.

США заинтересованы в заключении Транстихоокеанского партнерства, так как они хотят лидерства в этом регионе. Сотрудничество Соединенных Штатов с Евросоюзом дает 23 % всего объема мировой торговли. А в мире для торговли существуют огромные рынки — это Россия, Китай, Индия, Индонезия и т. д. То есть происходит формирование совершенно иной конфигурации торгово-экономических отношений в мире. Кто от этого выиграет, кто проиграет — сейчас трудно загадывать, процесс сложный. Сейчас все активно комментируют, что больше всех выиграют США. В каждой стране проводился опрос населения «за» или «против». Так вот за Транстихоокеанское партнерство наибольшая доля населения проголосовала во Вьетнаме — 87 %. Такого нет ни в США, ни в Канаде. Почему? Прежде всего потому, что многим вьетнамским товарам открывается доступ на самый емкий американский рынок. Импорт в Америке уже в ближайшие годы приблизится к половине триллиона долларов. И если сейчас вьетнамский текстиль облагается пошлиной 18 %, то она будет обнулена, то есть экономическая выгода налицо. Но здесь есть масса других аспектов, против которых выступают и в Европе, и в некоторых странах Азии, — это экологические и трудовые стандарты. То есть в целом это подстраивание, естественно, под американские стандарты.

В заключение хотелось бы вернуться к тезисам Александра Сергеевича Запесоцкого. С моей точки зре-

ния, с ними должны ознакомиться студенты не только Университета профсоюзов, но и других вузов. Поскольку очень важно существующие проблемы донести до молодого поколения. Сложно не согласиться с профессором Колодко в том, что, безусловно, глобализация — это колоссальные новые возможности, но одновременно и новые риски, и не только для стран с меньшими размерами ВВП, территорией и так далее, чем у США. У США, как у крупнейшей державы, свои риски, и прежде всего это конкуренция и объединение других держав. Чтобы разобраться в этом, нужна комплексная картина.

Напоследок немного статистики. По объему в мировом товарном экспорте США уступают, как и по расходам на НИОКР, а это конкурентоспособность завтрашнего дня. По последним данным, 35 % оборонных расходов действительно приходится на США. В Соединенных Штатах основная статья расходов федерального бюджета — это расходы на человеческие ресурсы, то есть социальные расходы. На текущий год федеральный бюджет предусмотрел суммарные расходы в размере 3,95 трлн долларов, из них 72 % приходится именно на человеческие ресурсы. Но есть внутренний ограничитель наращивания Соединенными Штатами военных и социальных расходов — это их государственный долг, о котором очень много дискутируют. Но редко говорят о том, что проценты по этому долгу растут, и в 2017 году, по оценкам бюджетного управления Конгресса, выплаты по процентам составят половину военных расходов.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Сайлау Байзаковичу Байзакову.

С. Б. БАЙЗАКОВ: — Я хочу присоединиться к прозвучавшим выступлениям. В частности, профессор Фейгин здесь рассуждал о том, какой сейчас мир — однополярный или многополярный. Конечно, наш мир многополярный, я согласен с идеей многополярности нашего развития, но в экономике должна быть создана методология управления в обход связи реального и финансового секторов экономики. Разрыв между этими секторами экономики растет из года в год. Везде, во всех странах мира такая связь не удерживается. Из-за чего? Из-за того, что нет единой методологии регулирования и оценки эффективности регуляторной политики ни в финансовом, ни в реальном секторе экономики, и тем более в самом управлении развития этой связи между двумя секторами. То есть нет связи, оценки методик, методологии оценки связи между этими двумя крупными секторами экономики. Для студентов это очень сложная задача. Но я считаю, что в любой момент времени они должны уметь найти эту оценку.

Какое управление сейчас существует? Сейчас существует связь между этими секторами через капитал в форме денег. А необходимо эту связь искать через капитал не только в форме денег, но и в форме товара. Если мы заменим однополярный мир, который связан с учетом денег, на двухмерное измерение, то получим параметры управления и реальным, и финансовым сек-

тором. Причем финансовый сектор будет иметь свои качественные и количественные параметры, а реальный сектор — свои. Еще у нас имеются три группы — номинальная, реальная группа и так называемый конечный продукт. Конечный продукт может измеряться и моделью Кейнса, и моделью монетарной политики Манделла–Флеминга. Но эти три параметра не взаимосвязаны. Необходимо найти взаимосвязь реального конечного продукта с реальным и номинальным ВВП. Я считаю необходимым об этом сказать потому, что министр экономического развития РФ А. В. Улюкаев в 2014 году говорил о том, что инфляция, подогреваемая девальвацией, обесцениванием денег, мешает точному измерению экономики. А неизмеряемая экономика, о чем вчера говорил академик Нигматулин, — это неуправляемая экономика, анархия. Чтобы экономика была управляемой, необходимо найти точную методологию измерения.

Теперь несколько слов о том, к чему приводит однополярное измерение деньгами. Кто-то из коллег уже говорил о том, что финансовый сектор развивается бесконтрольно — один к четырем. А французский экономист Тома Пикетти в 2015 году в своей книге с помощью экономических законов обосновал и доказал, что эта цифра будет составлять один к семи. Я считаю, что необходимо найти компромисс между развитием финансового и реального секторов. Тома Пикетти вывел два закона, что инфляция и темпы экономического развития имеют много противоречий. И он на примере экономик Франции и Великобритании на конкретных фактических материалах доказывает, что эти показатели не совпадают, они противоречивы. Почему он находит эту ошибку? Потому что измеряет отдельно капитал в форме денег и капитал в форме товара и считает, что эти показатели должны быть согласованы. В конечном счете Пикетти приходит к выводу, что вся западная методика, методология опирается на теорию экономического наследия Адама Смита. А советские экономисты в свое время опирались на схему Маркса о расширенном воспроизводстве с учетом научно-технического прогресса.

Какой закон экономики основной, какая форма модели базовая? Форма модели Фридмана, когда реальный ВВП умножается на дефлятор ВВП и равняется скорости движения денежной массы. Если преобразовать дальше эту формулу, получается, что через межотраслевой отчетный баланс можно соизмерить затраты денег, перевести на затраты в трудовом измерении и получить сопоставимость скоростей доходов от капитала и затрат от труда. И разница этих двух показателей дает нам уровень научно-технологического прогресса. А этот показатель является решающим для управления нашей экономикой. Уравнение неравновесия рыночной экономики состоит в оценке покупательной способности денег, умноженной на номинальный ВВП, что равняется показателю научно-технологического прогресса, умноженному на реальный ВВП. В конечном счете эта формула реального конечного продукта определяется покупательской способностью, умноженной на номинальный ВВП.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется нашему коллеге из Польши Гжегожу Малиновски.

Г. МАЛИНОВСКИ: — Несколько слов о глобализации, моделях потребления и политической стабильности. Глобализацию можно рассматривать с разных точек зрения — это не только экономика, но и культурный обмен, правительства разных стран, миграция и т. д.

Я считаю глобализацией процесс адаптации моделей потребления богатых стран менее развитыми. В богатых странах существуют две основные характеристики моделей потребления. Первая характеристика — люди в богатых странах тратят относительно небольшое количество своих доходов на основные нужды. В пирамиде потребностей Маслоу основные потребности представлены в нижней части пирамиды, а менее востребованные и соответственно более высокие находятся на вершине пирамиды. Но если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения расходов и того, как люди в богатых странах тратят свои деньги, то мы увидим полную инверсию. Большая часть доходов тратится на более высокие потребности, а меньшая — на оплату основных потребностей. Приведу пример. В Германии люди тратят 9 % доходов на продукты питания и напитки, в Польше — около 20 %, в то время как в Индии — около 50 %.

Вторая характеристика — объединение брендов. Мы все хотим покупать одни и те же товары: iPhone, MacBook, немецкие автомобили. Здесь уместно вспомнить латинское изречение “Nihil novi sub sole” («Ничего нового под солнцем»). Сто лет назад человек, живший в Перу, или Гватемале, или Боливии, или Бразилии, не имел представления об условиях жизни в развитых западных странах. В то время как сегодня у всех есть доступ к Интернету, где через YouTube можно посмотреть, как живут люди в Соединенных Штатах Америки или Германии. Между тем, что происходит сейчас, и тем, что было сто лет назад, — большая разница.

Возникает вопрос: что происходит, когда слаборазвитая или бедная страна перенимает структуру потребления богатых стран? Выскажу несколько предположений. Во-первых, потребности растут намного быстрее, чем способность их удовлетворить. В Бразилии, Индии, Китае, Вьетнаме и Германии людям был задан один и тот же вопрос: «Какой тип смартфона вы хотели бы иметь?». В большинстве случаев ответ был iPhone. Немец, чтобы купить iPhone, должен работать 2,5 недели, тогда как в индус — 3,5 месяца.

Во-вторых, следует отметить растущее давление на правительство, с тем чтобы изменить ситуацию. Люди хотят, чтобы ситуация изменилась, хотят жить так же, как в развитых странах. Если правительство не в состоянии что-либо сделать, оно подвергается большому давлению. К сожалению, могу констатировать, что в большинстве случаев правительства не в состоянии исправить ситуацию, так как это не соответствует экономическим возможностям.

В-третьих, все больше людей хотели бы эмигрировать из бедных стран в более богатые, чтобы улучшить свое материальное положение. Приведу пример. С момента вступления Польши в Евросоюз более 2 млн человек эмигрировали из нашей страны. Кроме того, несколько сотен тысяч молодых образованных людей морально готовы покинуть Польшу, потому что они хо-

тят жить лучше и стремятся обеспечить свое будущее в других странах.

Еще одна характерная черта (возможно, профессор Гэлбрейт заинтересуется этим наблюдением) — концепт неравенства доходов получает различное осмысление в разных странах. Фактор неравенства национальных экономик имеет решающее значение, однако растет потребность в измерении понимания глобального неравенства. Как правило, люди сравнивают себя не с соседями, живущими в том же квартале, а с людьми, живущими в других странах.

Потенциальное решение этой проблемы не предполагает единого варианта, но мы можем принять мифы, подобные «американской мечте», или использовать другие решения, например, отложить на будущее удовлетворение некоторых социальных потребностей, по крайней мере в развитых странах.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — На трибуну приглашается Чжан Дюнь Юн.

ЧЖАН ДЮНЬ ЮН: — Уважаемые коллеги, дорогие студенты! Для меня большая честь выступать перед вами. Я хотел бы обсудить много интересных вопросов российско-китайских отношений в контексте глобализации. Но позвольте мне сосредоточиться на нескольких темах, имеющих принципиальное значение.

Что касается торговых отношений между нашими странами. Хочу привести несколько примеров. В 1990-е годы товарооборот между Китаем и Россией составлял около 5 млрд долларов США в год. В 2014 году этот показатель вырос до 95 млрд. Это означает, что объем торговли в течение двух десятилетий увеличился в 18 раз.

Китай поддерживает дружеские отношения с Россией в духе добрососедства и сотрудничества, разделяя взаимное стремление к глобальной многополярной системе. Отношения между нашими странами демонстрируют пример полномасштабного стратегического партнерства, которое играет ключевую роль в поддержании мира и стабильности в регионе и мире в целом и служит процветанию наших стран.

Цель — стомиллиардный объем торговли между нашими странами — в 2015 году не была достигнута. Это можно объяснить различными причинами, но в первую очередь мировым экономическим спадом (как следствие — падением цен на сырье) и перепроизводством товаров потребления. Тем не менее объем торговли с Китаем во внешней торговле России в 2015 году составил 12 % (или 11,3 % от всего объема внешней торговли России в 2014 г.). Это значительный показатель, учитывая тот факт, что более половины доходов в бюджет России обеспечивают поступления от торговли нефтью, которые сейчас существенно уменьшились. Также сократились инвестиции в экономику вследствие неправомерно введенных санкций со стороны западных стран, которые ограничили доступ России к кредитным ресурсам.

Китай наряду с США остается самым крупным в мире потребителем, а также производителем товаров. Тем не менее Китай также страдает от некоторых

негативных тенденций в экономике, в частности, связанных с финансовым сектором. В 2015 году Китай потерял 800 млн долларов США, стабилизируя свою финансовую систему. Объем внешней торговли Китая снизился на 8 % по сравнению с прошлым годом — рекордный показатель начиная со времени политики реформ и открытости.

Наши страны предпринимают различные меры для борьбы с негативными последствиями мирового экономического спада и финансовыми препятствиями. Россия в числе первых присоединилась к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АИВ), созданному Китаем. Этот банк способствует реформированию мировой системы. Китай готов сотрудничать с Россией, чтобы поддержать китайскую экономическую линию совместно с российской стратегией развития, а также готов присоединиться к Евразийскому экономическому союзу, созданному по инициативе России. Инициатива «Один пояс и один путь» (выдвинутая Китаем инициатива объединенных проектов создания экономического пояса Шелкового пути и морского Шелкового пути XXI в.) предполагает сотрудничество в строительстве высокоскоростной железной дороги Москва—Пекин. После запуска в 2020 году этот проект сможет сократить время пути с 7 суток до 48 часов.

Существует много других механизмов, которые способны позитивно повлиять на развитие отношений между Китаем и Россией в глобальном контексте, такие как ШОС, БРИКС, АТЭС и др. На различных уровнях эти механизмы могут способствовать взаимному достижению высоких целей и вести к более масштабному сотрудничеству.

Объединение науки и техники России с финансовыми и промышленными ресурсами Китая, а также наши исторические и культурные традиции являются основой для надежного сотрудничества, которое способно сбалансировать однополярный мир.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Николаю Николаевичу Никулину.

Н. Н. НИКУЛИН: — В ходе Лихачевских чтений я так и не услышал, в чем же заключается национальный экономический интерес страны. Никто не сформулировал содержание национального экономического интереса России или Польши.

В своем выступлении я хочу затронуть тему инновационного развития России, его возможностей и условий. Каковы в условиях глобализации возможности включения России в этот мирохозяйственный процесс? В связи с этим хотелось бы процитировать слова А. С. Пушкина об Онегине:

Изобразу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,

Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши и неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые
И щетки тридцати родов
И для ногтей, и для зубов.

Ситуация двухсотлетней давности повторяется. Только сегодня мы продаем не лес и сало, а нефть и газ, а вместо пилочек закупаем iPhone и iPad.

Есть ли у России иные возможности исторического и экономического развития? Должны ли мы и дальше развивать примитивную сырьевую экономику? Наверное, нет. Но на самом деле все остается на прежнем уровне. Россия развивается в рамках примитивной сырьевой экономики.

Когда мы сравниваем экономики разных стран, я исхожу из положения, что нужно сравнивать их на основе паритета покупательной способности, рыночного валютного курса. Это более четко позволяет определить место национальной и мировой экономик. Экономика США опережает экономику России примерно в 10 раз.

Если говорить об обрабатывающей промышленности США и России, то следует учитывать, что возможности развития высокотехнологичных отраслей экономики определяются капиталовложениями в высокотехнологичные отрасли и обрабатывающую промышленность в целом. Соотношение возможностей капиталовложения в труд в США как в развитой стране и Российской Федерации отличается примерно в 7–8 раз. Современное высокотехнологичное производство — это в основном межнациональные крупнейшие корпорации с огромными капиталовложениями. “Google”, “Samsung”, развивая свои технологии, осуществляют миллиардные вложения. Когда Россия попыталась создать высокотехнологичную промышленность, например Зеленоград, то все ограничилось закупкой в Германии завода по производству чипов по 90-нанометровой технологии, чтобы производить билеты в метро. Шестнадцатинанометровые технологии, которые Intel широко внедряет в производство, нам никто не передаст, при этом, кроме технологий, нужен начальный капитал. Завод по производству 16-нанометровых чипов стоит примерно 3–4 млрд долларов. Если таких денег нет, то не будет и производства.

Господин Третьяков на пленарном заседании спросил, зачем нам 300 сортов сыра, если наша страна согласна на два сорта хорошего сыра. Мы вынуждены конкурировать. В глобальной экономике освободиться от мировой конкуренции не получится. Отсюда следуют два вывода.

Первый — страна может закрыться, проводя политику Менделеева, который в конце XIX века предло-

жил России свой таможенный кодекс. В то время резко повысили таможенные пошлины, разразилась даже торговая война с Германией, но тогда в Россию начал поступать торговый капитал. Замечу: не товары, а капитал наряду с технологиями и пр.

В России в 1913 году примерно 60 % крупной промышленности, 70–80 % банков принадлежали иностранцам. За счет чего наша страна совершила рывок? Сегодня Китай сделал рывок за счет использования двух факторов: первый — политический (отмежевание Китая от Советского Союза), второй — экономический. И в Китае начали поступать капитал и технологии.

Возможен ли такой вариант для России? Сегодня объемы прямых иностранных инвестиций минимальны по сравнению с инвестициями в экономику Мексики, Китая и др. (тем более что сейчас действуют санкции). Возникает вопрос: следует ли России закрыть границы, используя теорию Фридриха Листа, который разработал национальную систему политической экономии (сейчас это немодная теория)? Чаше упоминают авторов других теорий — Смита, Фридмана, Кейнса. Лист в середине XIX века предложил Германии закрыться, потому что это была в значительной степени аграрная страна, она конкурировала с Англией и отставала от нее. А когда страна получила бы развитие, тогда можно было бы открыться. Если Германия, закрывшись на десять лет, не смогла бы догнать Англию, то это означает, что Германия не способна стать промышленно развитой страной и ей следует идти в ученики к Англии.

Способна ли Россия, закрывшись на десять лет, создать свой iPhone? Товароборот компании “Samsung” составляет примерно 300 млн единиц товара в год. Продажи отечественного Yotaphone — примерно 15 тыс. в год. Сможем ли мы, имея много денег, что-то предложить мировой экономике в результате их использования? Яркий пример — «Е-мобили» господина Прохорова — показывает, что у нас ничего не получается.

В связи с этим можно использовать второй вывод — не закрываясь, включаться в международные экономические процессы, то есть сотрудничать с международными корпорациями. Пример — использование титановых сплавов фирмой “Boeing”. Иначе мы так и будем следовать тому, о чем 200 лет назад писал Александр Сергеевич, то есть останемся страной, которая вывозит лес и сало, нефть и газ.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Конечно, в нашей стране убогая структура, и ее нужно совершенствовать. Но при этом мы впадаем в другую крайность, например, объявляя наш топливно-энергетический комплекс убогим и т. д. На самом деле сегодня российский топливно-энергетический комплекс высокотехнологичен. «Роснефть» — крупнейшая международная компания в нашей стране, которая обеспечивает наибольшее количество поступлений в федеральный бюджет. И слова о том, что мы не возьмем в будущее энергетический сектор, — всего лишь фигура речи. Экономика не может существовать без энергетических ресурсов. Проблема заключается в том, чтобы создать условия для развития высокотехнологичных отраслей. Не нуж-

но негативно относиться к тому, что в стране действительно работает и нас до сих пор спасало.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Слово предоставляется ректору СПбГУП, академику Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Глубокоуважаемые коллеги! На Лихачевских чтениях неоднократно звучала мысль о том, что экономика — это неотъемлемая часть культуры. Согласно теории Карла Маркса, экономика — это базис, на который надстраивается все остальное, включая общественные отношения. Для анализа определенных процессов (но не всех) идея Карла Маркса была абсолютно правильной, но при анализе более широкого круга процессов, особенно современных, эта мысль представляется не очень продуктивной.

Дело в том, что в постмарксовскую эпоху предметом производства все чаще становятся не вещи, не материальное, а идеи. С помощью рекламы и средств массовой информации не только производятся политические манипуляции, но и создаются ценности и смыслы материальных предметов в умах людей. Престижность, бренды, фирмы, марки — сейчас в эту область сместилось производство. Экономика становится экономикой смыслов, манипуляций людьми и т. д. Именно в этом заключается смысл постиндустриального общества. Экономика становится все более гуманитарной профессией и, как вчера справедливо заметил академик А. Д. Некипелов, все менее точной наукой.

В России рядом «теоретиков» исповедуются псевдоэкономические теории. В настоящее время параллельно существуют две картины мира: одна — реальная, другая — та, которая создается на экранах телевидения. В рамках второй реальности нашей экономикой якобы руководят гуру Гайдаровского форума.

В фильме «Аватар» показано столкновение двух цивилизаций: техногенной (которая стремится поработить весь мир, вытянуть все ресурсы из природы, уничтожить все вокруг) и традиционной (которая видит себя в гармонии с природой, ощущает себя частью природы). В последние века развитие капитализма приводит к уничтожению традиционной цивилизации и ее системой ценностей и укоренению техногенной цивилизации. На повестке дня уже давно стоит вопрос о формировании цивилизации нового типа. Об этом говорят и ведущие философы, социологи, экономисты, великие художники. Мне представляется, что внимание государства, общества, научного сообщества должно быть обращено не на то, как манипулировать рынком, обманывать людей, навязывать им те или иные товары, а на то, как сделать жизнь лучше с помощью реальных экономических механизмов.

Хочу поприветствовать на нашем форуме моих коллег. Также я рад приветствовать здесь студентов — людей, которым принадлежит будущее. Какими вы будете — таким будет и наше будущее. Желаю успехов!

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Слово предоставляется кандидату экономических наук Елене Сергеевне Садовой.

Е. С. САДОВАЯ: — Для меня честь выступать с этой трибуны. Уровень, который задан на Лихачевских чтениях, существенно превосходит все то, с чем мы сталкиваемся на других конференциях (я имею в виду свободу выражения мысли, уровень дискуссий и, конечно, выступающих).

Предложенный предыдущим докладчиком механизм встраивания в технологические цепочки транснациональных корпораций с целью получения новых технологий — неоднозначный путь. В Институте экономики РАН ведутся серьезные исследования на эту тему, которые доказывают, что встраивание различных стран в эти цепочки не оборачивается ни финансовыми доходами, ни трансфером технологий. Это сложный путь. Хотя следует заметить, что не было бы iPhone, если бы не существовал рынок объемом полмиллиарда человек.

На пленарном заседании много говорилось и о том, что мы переживаем кризис прежнего мироустройства. Многие выступающие ругали глобализацию. Поскольку я возглавляю сектор социальных проблем труда и занятости (ключевое слово — социальных), то остановлюсь на социальных последствиях глобализации.

В защиту глобализации следует указать на современный уровень жизни, успехи в области здравоохранения (например, вакцинация детей в беднейших странах обеспечила существенное снижение смертности), образования (в частности, на пять лет повысился средний уровень, который гражданин планеты проводит в рамках официальной институциональной системы образования), которые мы наблюдаем в последнее десятилетие.

Индекс развития человеческого потенциала (показатель, на протяжении последних 20 лет рассчитываемый ООН) неуклонно растет и имеет положительную динамику, но при этом индекс развития человеческого потенциала в беднейших странах по темпам роста обгоняет этот показатель в развитых странах. Это говорит о том, что глобализация действительно принесла социальный прогресс.

Как и любой процесс, глобализация имеет свое начало, апогей, но сейчас она оборачивается негативными последствиями. В Давосе на Всемирном экономическом форуме швейцарская консалтинговая компания представила прогноз о том, что уже в ближайшие пять лет 1 % жителей Земли станет богаче, чем все остальное население, то есть будет обладать более 50 % богатств. Такая ситуация в обыденном сознании воспринимается как крайне несправедливая. Неслучайно один из последних докладов Международной организации труда называется «Социальная справедливость в рамках современной глобализации». Почему богатые богатеют, а бедные получают лишь причитающуюся им вроде бы справедливую долю богатства? Дело не в субъективном желании богатых завладеть богатствами, а в том, что экономика, которая непосредственно связана с научно-техническим прогрессом, ведет к углублению уровня разделения труда и к тому, что социальная политика обладает все меньшими ресурсами для своего осуществления. Уже доказано, что на опре-

деленном уровне развития (в рамках постиндустриальной экономики) каждый следующий процент экономического роста достигается при обвальном сокращении занятости населения — современная экономика становится все более безлюдной.

Мой старший сын — программист. На мой вопрос: «Чем ты занимаешься?» он ответил: «Я лишаю людей работы». Он автоматизирует торговлю и отчасти процессы в области транспорта. Это самые трудоемкие отрасли современной экономики. В нашей стране, например, в официальной торговле занято столько же людей, сколько в образовании и здравоохранении, вместе взятых (20 %). И еще 20 млн, по оценке вице-премьера, занято в неформальной экономике (торговля и вообще сфера услуг). Брокеры на Нью-Йоркской фондовой бирже два года назад бастовали, потому что оказалось, что компьютеры более эффективно торгуют на бирже. Китайцы собираются заменить официантов на роботов. По прогнозам американской службы занятости, под угрозой находится среднестатистический персонал, потому что роботы гораздо более эффективны и не требуют социальной защиты.

В итоге мы имеем ухудшающееся качество занятости. Современный работник при все более общественном производстве становится все более обособленным. Если мы посмотрим на фактор занятости разных поколений и статистику рынка труда, то увидим, что разрыв в качестве занятости проходит по поколениям. Для старшего поколения, которое уже приближается к пенсионному возрасту, характерна традиционная занятость — на условиях контракта и т. д. Сегодня Евростат рисует наглядную картину: 70 % молодых людей уже работают в нетрадиционных условиях — по найму, что для них становится традиционным (2–3 часа в неделю, или ограниченное время, или постоянная смена сфер деятельности, или самозанятость). Статистика роста самозанятости свидетельствует о ее превращении в форму занятости по найму.

Проблема заключается в том, что современная социальная политика основана на трудовой сфере (люди получают пенсию, страховки и прочее, только будучи занятыми и уплачивая взносы). В разных странах эта система организована по-разному, но все равно базируется на социально-трудовой сфере. Поэтому развитие технологий влечет за собой изменение ситуации в сфере занятости и социальной политики. То, что мы привыкли считать социальным, общественным благом (здравоохранение, образование и т. д.), переходит в разряд услуг и приобретает частный характер (медицина — в большей степени, образование — в меньшей). В развитых странах затраты на здравоохранение и образование достаточно высоки. Но нужно внимательно посмотреть, какова доля возросших затрат, за счет чего улучшается качество здравоохранения и образования, какая часть повышения приходится на рост прибыли страховых и фармацевтических компаний. Это очень серьезная проблема.

Появление новых субъектов в социальной сфере — транснациональных компаний — кардинальным образом меняет всю социальную ткань современного общества. Сейчас уже говорят о том, что эти компа-

нии должны иметь право создать Трансатлантическое, Транстихоокеанское торговое партнерство. Речь, помимо всего прочего, идет о том, что эти транснациональные субъекты в специальных судах, арбитражах должны иметь право судиться с национальными государствами, которые мешают им получать прибыль.

Меняются социальная ткань и структура общества. В отличие от индустриальной эпохи, когда существовало более или менее эгалитарное общество с крупными социальными группами интересов, современное, постмодернистское общество становится все более атомизированным и разобщенным. Это мешает сформулировать некий положительный социальный норматив, концептуальную картину будущего.

Какое будущее мы хотим иметь? Нам хотелось бы, чтобы глобализация продолжалась и, отбросив отрицательные моменты, повернулась к нам лицом. Но реальность гораздо сложнее. Современный человек в условиях атомизированного общества в кризисной ситуации начинает искать коллективные идентичности для защиты своих интересов. Эти коллективные идентичности иногда оказываются очень архаичными, а иногда и просто опасными для существования цивилизации.

Мне представляются три возможных сценария развития будущего. Первый — хаотизация (война всех против всех). Это, к сожалению, реальный сценарий. Второй (о чем говорил С. Ю. Глазьев) — регионализация мировой экономики. Но регионализация подразумевает понижение уровня разделения труда. В этом случае емкость рынка будет составлять уже не 3 млрд, а зависеть от того, какие регионы объединяются и создают макрорегионы. Собственно говоря, понижение уровня разделения труда означает снижение технологического порога, что тоже имеет негативные социальные последствия. Третий сценарий — мировое правительство. Эти идеи развивались в рамках Римского клуба, а сейчас — под эгидой ООН. Кто будет формулировать гарантированный социальный минимум, который сейчас опробуется в Швейцарии (что в условиях безлюдной экономики люди будут получать гарантированный минимум)? Чем люди будут заниматься в условиях безлюдной экономики? По прогнозам агентства по подбору персонала Job.ru, самая востребованная специальность в 2025 году — режиссер виртуальной реальности. Нам решать, выбирать и думать, какое будущее нас ожидает.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — К микрофону приглашается профессор Марк Михайлович Хайкин.

М. М. ХАЙКИН: — Хочу сказать несколько слов о проблемах национальной экономики в условиях глобализации. Профессор Николай Николаевич Никулин говорил о проблемах экономики России в условиях глобализации, а до этого Александр Сергеевич Запесоцкий сказал, что культура является гораздо более глобальным понятием, чем экономика.

В условиях постиндустриального общества главная ценность — это нематериальный продукт, то, что невозможно увидеть, потрогать, что не имеет вещественных признаков. Но мы — это информация, зна-

ния, интеллектуальный продукт и т. д. В любом случае постиндустриальная экономика будет иметь материальную основу. Так, информация всегда создается с помощью технических средств (хранение, обработка, передача данных и т. д.), но должно быть «железо» (компьютеры, материнская плата и пр.).

Когда-то мы обращали внимание на воспроизводственный подход в экономической теории, знали, что на первом месте должно быть производство средств производства для производства средств производства, потом — производство средств производства для производства предметов потребления.

За последние 25–30 лет мы сделали акцент именно на постулатах постиндустриальной экономики, забыв, что в сфере материального производства должна быть материальная основа. На сегодняшний день отечественные отрасли промышленности находятся в серьезной экономической зависимости от импорта. Согласно официальной статистике, в разных отраслях экономики, особенно в машиностроении, экономическая зависимость от импорта составляет в лучшем случае 70–75 %, в худшем — 90 % и более. Этот понижающий тренд отмечается на протяжении четверти века.

Последние 3–4 года все больше говорят о необходимости неоиндустриализации экономики. Экономисты спорят, как более грамотно проводить стратегию неоиндустриализации, реиндустриализации. Дело в том, что необходимо создавать собственное производство в промышленности. Отечественная промышленность имеет слишком высокий износ основных фондов — около 70 %.

Каких результатов добилась наша страна за последние 25 лет развития после начала перестройки? С 2012 года четко обозначились тенденции рецессии в экономике. Если говорить об основных макроэкономических диспропорциях современного состояния экономики, то следует отметить, что внутренний спрос падает, а потребности растут, инвестиции катастрофически сокращаются.

Причины кризисных явлений связаны как с внутренними проблемами, так и с внешними. Говоря о внешних проблемах, следует заметить, что сейчас по отношению к России действуют санкции, мы вступили в ВТО и т. д. Внешние проблемы усугубляют существующее положение дел. Любая экономическая система дееспособна тогда, когда может противостоять внешним угрозам. Главную причину надо искать в самих себе. Последнюю четверть века проповедовалась идея постиндустриального общества — что в экономике знаний сферу материального производства надо сокращать и максимально расширять сферу нематериального производства.

Здесь уже говорилось о сырьевой модели экономики и т. д. Я хотел бы поспорить с некоторыми выступающими. Существует альтернативная точка зрения, противоположная той, что в экономике России действует сырьевая модель. Я подготовил статистику по вновь добавленной стоимости в сырьевом секторе. Из 100 % в сырьевом секторе экономики работает менее 1 % экономически активного населения. Если взять пространственную экономику России, то 2/3 ре-

гионов действительно являются ресурсодобывающими, но 1/3 из них не имеет ярко выраженной ресурсной специализации. Если обратить внимание на доходы консолидированного бюджета, финансовые аспекты, то они до недавнего времени составляли 1/3 от доходов государства. Страна получает огромные финансовые средства от продажи нефти и газа. Но я хотел бы обратить внимание на следующий момент — как расходуются эти средства. Они могли бы быть потрачены на инновации и инвестиции, но этого не происходит. Где взять инвестиционные ресурсы? Этот вопрос уже из области экономической безопасности страны. За последние 20 лет через офшорные компании из страны был выведен 1 трлн 400 млрд долларов, из них за последние 5 лет — 400 млрд.

Безусловно, глобализация должна существовать и развиваться, обеспечивая открытость. Сейчас невозможно отгородиться «железным занавесом». Но эта открытость не должна мешать национальным интересам, когда из страны выводятся деньги, а потом поступают в виде очень дорогостоящих инвестиций.

Несколько слов о минерально-сырьевом комплексе. Население связывает проблемы с тем, что у нас основные денежные потоки направляются в Газпром, ЛУКОЙЛ и т. д. В любом случае энергозависимость мировой цивилизации будет существовать, и добывать ресурсы мы будем еще долго. Поэтому проблема не в добыче как таковой, а в том, что средства, которые формируются за счет функционирующих добывающих компаний, направляются не на развитие реального сектора экономики. Финансовые и реальные потоки сегодня не соответствуют друг другу.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Следующий выступающий — профессор Сергей Анатольевич Антипин.

С. А. АНТИПИН: — В ходе панельных дискуссий был затронут вопрос о том, что сулят нам механические модели глобализации. Мы сравнивали американскую и китайскую модели глобализации, также было высказано мнение, что американская модель будет доминировать и в конце концов победит.

Но у меня этот тезис вызывает большие сомнения. Почему американская модель глобализации подходила России в 1993 году, когда мы жили гораздо хуже, чем сейчас? В настоящее время возникло много проблем как в Евросоюзе, так и в Америке. Политики дают обратный ход в решении различных вопросов. Процесс глобализации был ускорен искусственно. Западные страны, почувствовав первоначальные успехи нашей страны, решили обострить ситуацию — ввели войска в африканские страны. Это действие в стиле решений Н. С. Хрущева, который говорил, что в СССР коммунизм победит к 1980 году. На самом деле этого не произошло и был достигнут обратный эффект, «отпугнувший» людей и процессы. Более того, возникли такие организации, как ИГИЛ и другие, которые во многих странах свели на нет положительные результаты глобализации.

Китай действует более осторожно и добивается более серьезных успехов. США — великая страна, где

живет великий народ. Мы часто общаемся с представителями этой страны, но успехи китайцев, на мой взгляд, превалируют. Если посмотреть на ситуацию не в отдаленной перспективе, то Китай может занять первое место. Он уже по неторым вопросам для многих стран более удобный лидер, нежели США. Это произошло, потому что социально-рыночная экономика Китая учитывает предыдущий опыт. Китай, после того как произошел распад Советского Союза, сделал свои выводы, почему была разрушена такая серьезная система. Китайцы создали институт по изучению этих процессов и пришли к выводу, что основная причина была в руководстве СССР (возраст политиков тогдашнего времени был запредельным). Сейчас сроки пребывания у власти в Китае жестко ограничены. Они серьезно подошли к своим реформам.

В последнее время участились заявления либералов различного толка, что китайская экономическая реформа провалилась, не имеет положительного эффекта и что в конечном счете их ждет жесткая посадка. Но Китай сделал соответствующие выводы, потому что не первый раз сталкивается с подобными ситуациями. В Китае постоянно идут реформы. Правда, возможны и негативные последствия, о чем напомнил профессор А. С. Запесоцкий. В 1972 году Китай получил крупный иностранный кредит, именно тогда, как сказал Н. Н. Никулин, Америка «оторвала» Китай от России. Наверное, большой вклад, чем Америка, внес Н. С. Хрущев, который поссорился с Мао, что привело к охлаждению отношений. Китай не смог воспользоваться полученными деньгами. И партия приняла решение вернуть деньги китайским предпринимателям и завершить реформы. В 1978 году Китай возглавили более успешные люди, проводившие продуманную политику реформ и открытости, провозглашенную Дэн Сяопином. Они провели научно обоснованный экономический эксперимент и создали четыре свободные экономические зоны. Пример такой зоны — крупнейший финансовый центр Гонконг — жемчужина на побережье Южно-Китайского моря.

Дэн Сяопин в деревне Шэньчжэнь заложил новый город. Сейчас этот город известен во всем мире своими выставочными павильонами, которые функционируют круглогодично. И если мы сравним Гонконг и Шэньчжэнь, то сравнение будет не в пользу Гонконга. Гонконг воспринимается как дряхлеющий лев капитализма, а Шэньчжэнь — как молодой лев социализма.

Отвлечемся от европоцентристской модели организации мира. Мы все время стремились в Европу. Наше руководство и сейчас заявляет, что Россия исповедует европейские ценности, а если мы будем сближаться с Китаем, то «пожелтеем». Но вся Европа скоро «почернеет», потому что боится «пожелтеть»: там отмечается большой наплыв мигрантов (многие из них — террористы). Мы не можем верить представителям Запада, которые высказывались на панельных дискуссиях, что эти проблемы несерьезные.

При этом западные специалисты, публикующие свои работы в авторитетных журналах, например в «Financial Times», еще в прошлом году заявили, что Китай занял первое место по паритету покупательной

способности по национальному продукту. Экономист Джошуа Купер Рамо в своей книге употребляет термин «пекинский консенсус» в отношении модели экономического развития Китая в качестве альтернативы (особенно для развивающихся стран) «вашингтонскому консенсусу», ориентированному на рынок, который продвигается МВФ, Всемирным банком и Министерством финансов США. Китайская модель развития базируется на принципах, во многом отличающихся от «вашингтонского консенсуса», — глобализация и организация современного общества с китайской спецификой. Видимо, на эту модель можно обратить внимание. Она основана, с одной стороны, на истории Китая, а с другой — на социалистическом опыте. Термин «пекинский консенсус» в отношении китайской экономической модели общепризнан. Нам нужно присмотреться к опыту восточного соседа, использовать не только западные образцы, но и китайский опыт, например в системе образования.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Слово предоставляется кандидату экономических наук Виктору Васильевичу Зябрикову.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Я хотел бы затронуть одну частную проблему — налогообложение. Многие полагают, что в условиях экономических трудностей надо вводить те или иные изменения в налоговую систему. Попытаюсь подвести под эти возможные шаги некую стратегическую основу.

Рассмотрим четыре модели налогообложения:

— американская, которая реализована и в Японии, вероятно, в результате послевоенной оккупации Японии;

— южноевропейская (неэффективная). Если в стране удастся собирать только косвенные налоги, а с прямыми возникают затруднения, — это плохой признак. Пример — Греция;

— центральноевропейская: примерно одинаковое количество прямых и косвенных налогов и при этом умеренная налоговая нагрузка. Низкие налоги в России — это миф. На самом деле у нас большой теневой сегмент, а с легального оборота платят столько же, сколько в Германии и других развитых странах. Сегодня налоговая нагрузка составляет всего 35–36 %, включая страховые взносы, доли косвенных налогов, прямых налогов и социальных платежей примерно равны;

— скандинавская (кстати, эти страны прекрасно переживают нынешние кризисные времена). В Дании вообще парадоксальная ситуация — самые большие налоги и в то же время по всем данным самые счастливые в мире граждане. В Скандинавских странах налоги очень высокие, структура — примерно поровну прямых и косвенных.

Как изменились налоговые системы за последние 10 лет? Общая тенденция: возрастает доля косвенных налогов и в то же время везде наблюдается сокращение налоговой нагрузки.

Интересно посмотреть на постсоветские страны. Здесь прямые налоги успешно собираются только в странах с относительно высоким уровнем ВВП

на душу населения: России, Украине, Казахстане, Белоруссии. В странах, где заработная плата в среднем составляет 50–60 долларов в месяц, например в Кыргызстане, собрать прямые налоги невозможно, так как людям едва хватает на текущее потребление. Косвенные же налоги собираются в любом случае.

А можно ли вообще позволить себе пенсионную систему? Как выясняется, не очень. Дело в том, что наиболее вероятная величина собираемых налогов в высокоразвитых странах — 12 % от ВВП. То есть страховые и другие социальные платежи по отношению к ВВП чаще всего за пределами высоки. В большинстве же стран СНГ этот показатель не превышает 3 %. Это грустный факт, но он говорит о том, что приоритетная цель — экономическое развитие, размер ВВП на душу населения, и только после этого — социальная ответственность.

В России основная проблема не в том, что тот, кто платит налоги, платит их меньше, чем нужно (недомок почти нет), а в неучтенном сегменте экономики. По официальным данным, численность занятых неуклонно падает, то есть в экономике большой сегмент неучтенных работников, около 20 млн человек. Но чиновники все время говорят о повышении ставки страховых взносов на тех, кто их легально платит.

Как налоговая система влияет на российскую экономику? Среди юридических лиц 95 % — общества с ограниченной ответственностью. Товарищества не имеют налоговых льгот, собственники несут полную ответственность по долгам предприятий, поэтому такая форма собственности почти не регистрируется. Это негативная тенденция, связанная с жесткостью налоговой системы, которая тем не менее исправно выполняет свою фискальную функцию.

Как налоговая нагрузка влияет на размер платежей? Когда в начале 1990-х налоговое бремя было очень большим, поступления в бюджеты оказались фактически не связаны с налоговыми требованиями. Это уникальная ситуация: налоговая нагрузка растет, налоговые поступления падают. Тем не менее она соответствует теории налогообложения Лаффера. Но затем тенденция стала положительной — разумное снижение ставок привело к повышению собираемости налогов. Российскую налоговую систему 2007–2010 годов можно считать одной из лучших в мире. Благодаря ей мы благополучно пережили кризис 2009 года.

Напомню о реформах, которые коснулись двух налогов. 13-процентная ставка НДС, на мой взгляд, несправедливая, была введена в 2001 году, а до того у нас по закону была прогрессивная шкала налогообложения — от 12 до 35 %. После фиксации ставки налоговые поступления постепенно выросли.

Однако сегодня самая актуальная проблема в сфере налогообложения — страховые взносы. В 1992 году я работал финансовым директором предприятия и сам занимался уплатой налогов. Тогда ставка была 41,5 %, и это было привычно, никто не протестовал. Но проблема в том, что ставки без конца меняются, это порождает неуверенность и дестабилизацию. Повышение социальных взносов с 26 до 34 % не было научно обоснованным. Представьте себе малое предприятие:

вы платите 14 % по упрощенной системе налогообложения — и вдруг вам предлагают заплатить 34 % (!) Это не налоговая реформа, а настоящий террор. Нигде никогда никакой налог не повышался сразу на 20 процентных пунктов. К чему это привело?

Формально цели достигнуты: поступление налогов выросло, можно рапортовать о положительном результате реформы. Но дело в том, что сегодняшняя уровень был бы достигнут и без реформы — об этом свидетельствует экстраполяция кривой тренда. И каковы социальные последствия этих реформ? Не наполнение пенсионного фонда, а снижение заработной платы в целом по стране, потому что соотношение официальной и скрытой зарплаты снизилось на 3 процентных пункта, или на 8 % заработной платы. Так что, как видно, никаких последствий реформы, кроме негативных. Когда повысили взнос индивидуальным предпринимателям, их число сократилось на полмиллиона. Пятьсот тысяч предпринимателей либо «ушли в тень», либо прекратили свою деятельность. Таким образом, эксперименты с налогами надо проводить очень аккуратно и как можно реже.

Что касается упрощенной системы налогообложения, то здесь картина вполне оптимистическая. Там, где налоги взимаются разумно, мы видим рост. Сегодня 1600 тыс. малых предприятий пользуются этой системой, причем большая часть предприятий использует простейшую схему — 6 % от доходов. Это говорит о том, что Россия еще не созрела до налогообложения прибыли. Мы сталкиваемся с тем, что прибыль прячется, а вместе с налогооблагаемой прибылью скрывается и тот финансовый результат, ради которого и создается организация.

Что же надо делать? Прежде всего обращать внимание не на фискальную схему, которая у нас вполне исправно работает, а на развитие предпринимательской активности. И улучшать качество налогового администрирования. Если в 1990-е годы ежегодно проверялось 20 % предприятий, то есть каждое предприятие один раз в пять лет проходило полную налоговую проверку, то в 2011 году было проверено менее 1 % предпринимателей, то есть у вас есть шанс проверки один раз в 100 лет. Налоговики объясняют, что проводятся только целевые проверки, но на самом деле это бесконтрольность и они просто забросили свою работу.

Но завершить хочу на светлой ноте. По команде из Кремля в России начинается ужесточение налоговых проверок, особенно по НДС. Идет борьба с фирмами-однодневками, и положительные результаты уже есть. Главный источник поступления налогов в бюджет — сокращение теневого сегмента в экономике.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Следующий выступающий — Полетаев Эдуард Эдуардович.

Э. Э. ПОЛЕТАЕВ: — Мое выступление посвящено потенциалу развития Евразийского экономического союза в новых условиях. Казахстан сегодня проходит важный экзамен. Недавно в стране произошли волнения, но я надеюсь, что власть справится с подобными

вызовами. Технологии, которые применялись в Тунисе, Египте, Украине, Кыргызстане, добираются и до нас.

Между тем Казахстан, председательствующий в нынешнем году в Евразийском экономическом союзе, является важным экономическим партнером Российской Федерации, поэтому все происходящее у нас тем или иным образом отражается на России. Более того, глава нашего государства Нурсултан Абишевич Назарбаев выдвинул инициативу провести осенью саммит с участием стран Евразийского экономического союза и Европейского Союза. Если это мероприятие состоится, оно может иметь важные экономические последствия.

Евразийский экономический союз, созданный немногим более года назад, в настоящее время переживает спад деловой активности, и уже появились скептики, предсказывающие ему недолгую жизнь. Дело в том, что упали цены на энергоресурсы, и это сказалось как на доходах населения, так и на поступлениях в бюджеты государств. Из-за этого торговля между участниками ЕАЭС в прошлом году сократилась на 26 %, а общий объем экспорта из ЕАЭС — на 33,6 %. Показатели не очень хорошие, хотя изначально надежды на сотрудничество возлагались большие. Очевидно, что и санкции Запада, и сложности во взаимоотношениях России с Украиной, Турцией и другими странами также оказывают негативное влияние. Круг взаимодействия между Евразийским экономическим союзом и Европейским Союзом сузился, и надо искать выход из сложившейся ситуации. То, что предложил Нурсултан Назарбаев, может помочь в этих поисках.

Кроме того, психологическая атмосфера сегодня не самая благоприятная для подобной интеграции. Многие говорят, что очередная интеграционная инициатива на постсоветском пространстве будет бесполезной. Например, СНГ, который был образован в 1991 году, часто называют инструментом цивилизованного развода. Однако этот «инструмент» все еще существует и работает. Международную организацию создать нетрудно, гораздо сложнее отменить интеграцию. Поэтому хотелось бы, чтобы Евразийский экономический союз подкреплялся реальными действиями. ЕАЭС был создан в первую очередь в интересах простых людей. Хотя инициатива выдвигалась руководителями, те свободы, которые должен был предоставить Евразийский экономический союз, — свободу передвижения, трудоустройства и так далее, — важны для народа, надо добиваться, чтобы это действительно работало.

Каковы наши дальнейшие перспективы? Я убежден, что противостояние со временем сойдет на нет, и даже если формально санкции не будут отменены, то они не будут строго выполняться, потому что пустующие ниши заполняются бизнесом из третьих стран. Процессу интеграции в некоторой степени препятствуют информационные фантомы, но не надо забывать, что ЕАЭС все же очень мощная структура. Рассуждая о его перспективах, мы смотрим на опыт Евросоюза, но не все поддается сравнению, так как исходные данные сильно различаются. Когда создавался Европейский Союз, то первые 12 стран, которые в него вошли, находились примерно на одном уровне экономиче-

ского развития. В наших же краях экономический потенциал разных стран сильно различается, достаточно сравнить Кыргызстан, например, и Россию. Однако и у нас есть благоприятные условия для роста. Суммарный размер территории стран ЕАЭС — 15 % мировой территории, добыча газа составляет 22 % мировой добычи, добыча нефти — 14,6 %. Мы занимаем второе место по добыче минеральных удобрений — 14 %, третье место по производству электроэнергии — 9 % и т. д. Эти цифры свидетельствуют о том, что потенциал у нашего объединения есть и, значит, интеграция будет продолжаться.

Е. Ф. ЧЕБЕРКО: — Остановлюсь на некоторых проблемах, над которыми мы работали в течение трех дней. Первая — будущее экономической теории. Я обратил внимание на то, что практически все участники пытаются искать ответы на многие экономические вопросы в тех дисциплинах, которые находятся «где-то рядом» и не имеют непосредственного отношения к экономической теории. Это экономическая социология, поведенческая экономика, культурологическая экономика, о которой говорил профессор Клейнер. Академик Гринберг, по сути, тоже выходит за рамки экономической теории и говорит, что все экономические проблемы мы решим с помощью демократизации общества, призывая молодежь участвовать в выборах. Понятно, что это несколько упрощенный подход. Аскар Акаевич Акаев вспоминал академика Вернадского и говорил о ноосфере, о необходимости создания новой теории, которую он называет нооэкономикой. Много исследований связано с проблематикой, получившей название «концепция устойчивого развития». Но больше всего внимания было уделено теории конвергенции.

Если попытаться найти ответы на поставленные вопросы и определить перспективы экономической теории, то, на мой взгляд, нужно учитывать два достаточно важных и сложных момента. Во-первых, экономические законы действуют как тенденции. Это означает, что даже правильно выбранное экономическое направление может в какой-то период и в какой-то степени не работать или работать в другом направлении, что негативно отразится на результатах. И второй момент: в основе экономической политики, которую проводят государства, далеко не всегда лежат верные теории. На это вчера обратил наше внимание академик Глазьев. В частности, нынешний мейнстрим выполняет скорее апологетическую функцию, чем прагматическую. Надо отметить, что апологетическая функция всегда присуща общественным дисциплинам, в том числе и экономической теории. Достаточно вспомнить, как зарождался нынешний мейнстрим. Все помнят, какую роль сыграл меркантилизм, политика протекционизма в становлении капиталистических экономических отношений. Тот, кто проповедовал и развивал эти теории, в числе первых встал на путь капиталистического развития. И противоположный пример: в свое время Иван Грозный почему-то отдал всю внешнюю торговлю английскому эмиссару, что в значительной степени затормозило наше экономическое развитие, потом к английской диаспоре добавились голландская и ар-

мянская, и так продолжалось вплоть до царствования Петра I. Эти чужаки господствовали в русской внешней торговле, что, очевидно, не соответствует меркантилистским принципам.

А давайте вспомним, когда возникла классическая политическая экономия. В тот момент, когда английская промышленность стала самой мощной и конкурентоспособной, но меркантилистские идеи начали тормозить ее развитие. Тогда, в частности, появились знаменитые постулаты Адама Смита, которые легли в основу современного направления неоклассической теории, и знаменитая теория сравнительных преимуществ Давида Рикардо, про которую Пол Самуэльсон сказал, что если бы среди экономических теорий проводился конкурс красоты, то, безусловно, первый приз присудили бы именно этой, такая она стройная и красивая. Однако возникает вопрос: почему эта идеология сегодня снова господствует в мире, стала мейнстримом? Многие известные экономисты утверждают, что это произошло прежде всего под влиянием американских многонациональных компаний. Обладая колоссальной властью, они нуждаются в экономической свободе, а не в контроле и ограничениях. Надо сказать, что, провозглашая эти принципы, в своей внутренней экономической политике Соединенные Штаты Америки им не следуют. Утверждение, что американская экономическая модель самая либеральная в мире — неправда.

Прочитав одного из ведущих мировых экономистов: «Эти принципы предлагают относительно новый образ Соединенных Штатов, образ, полностью основанный на представлениях, пропагандировавшихся с начала 1980-х годов правыми политиками, отдельными учеными. Такой образ убедительно, даже ярко, был сформулирован президентом Рональдом Рейганом в его фразе о “волшебстве рынка”. Как дань устойчивому влиянию риторики Рейгана, такой образ США продолжает служить эталоном в политических и экономических дискуссиях в Европе даже спустя два десятка лет. Но у этого образа едва ли есть основания в амери-

канской реальности. Он непригоден в качестве руководства для достижения американских экономических показателей. Он не связан ни с историческими, ни с современными фактами американской жизни. Короче говоря, это фантазия».

Один из присутствующих здесь людей точно знает, чья это цитата. Автор Джеймс Гэлбрейт. Предложенная идеология была принята многими странами. Коллега Колодко писал, что нелиберальные идеи, навязанные США, сыграли сугубо негативную роль во многих восточноевропейских странах. Больше всех, считает он, пострадали Польша и Россия, которые внедряли нелиберальную концепцию «вашингтонского консенсуса». Это действительно так. И все же встает вопрос: экономическая теория — это наука или нет? Мы должны констатировать, что да, наука. Хотя действительность часто заставляет сомневаться в ее подлинности и объективности, важен другой момент. Получить представление о природе процессов, происходящих в экономике, с помощью экономической теории — можно и нужно. Но для этого, думаю, надо быть немного проще. В русском языке есть замечательное выражение «заводить рака за камень». В современной экономической теории мы часто этим и занимаемся, хотя экономический механизм предельно прост, взять хотя бы рыночную систему.

Может ли мировая экономика, как утверждают многие, прийти к единому знаменателю? Профессор Гэлбрейт считает, что это невозможно, как недостижимо равенство. Тем не менее человечество идет к этому. За всю историю человеческого общества создано всего четыре экономических системы: две абстрактные — капитализм в чистом виде и командная экономика, а также отмирающая традиционная экономика и ныне существующая смешанная экономика, которая, по сути, и есть конвергентная экономика с разными уровнями уклонов. Поэтому я считаю, что мировое развитие движется в этом направлении, в сторону конвергенции.

Секция 4

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

21 мая 2016 г. Лекционный зал № 5, СПбГУП

Руководители секции:

Ч. ВАРГА	почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
Г. А. ГАДЖИЕВ	судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ	директор Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
ЦАЙ ЦУНЬЯН	профессор Школы права Сямэньского университета (Китай)

ДОКЛАДЫ

М. В. Антонов¹

ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация как усиление взаимосвязи между происходящими в разных частях мира процессами также ставит ряд концептуальных и практических вопросов применительно к такому признаку государственности, как суверенитет. Суверенитет, понимаемый как независимость по отношению к другим властям вовне и преобладание над теми властями, которые существуют внутри общества, обычно считается ключевым признаком государственной власти. В этом смысле выделяется негативный суверенитет (как свобода от чужого вмешательства) и позитивный суверенитет (как способность самостоятельно решать свои проблемы). При этом речь идет о юридическом преобладании, поскольку фактически часть или даже вся территория государства может выйти из-под контроля центральных властей (например, мафия, революции); да и если бы даже была возможность достоверно измерить фактический объем верховенства и независимости власти, то результаты таких измерений ничего бы не говорили о суверенитете как таковом (ведь суверенитет не увеличивается и не уменьшается в зависимости от изменения показателей признания властей со стороны общественного мнения).

¹ Доцент кафедры теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Высшей школы экономики, кандидат юридических наук. Автор научных публикаций по теории, социологии права, проблемам суверенитета, в т. ч.: «Принцип формального равенства и взаимное признание права» (в соавт.), «Этические и антропологические характеристики современного права в ситуации методологического плюрализма» (в соавт.), «Правоведение для сельскохозяйственных и ветеринарных вузов» (учебник), «Право и общество в концепции Георгия Давидовича Гурвича», «История правовой мысли России», «Georges Gurvitch: Ecrits russes (ecrits de jeunesse)» (в соавт.) и др.

Здесь мы встречаемся с круговым характером определения государства через суверенитет: если суверенитет не есть фактическое могущество (абсолютное фактическое преобладание и полная фактическая независимость в политических реалиях редко встречаются в чистом виде), значит, суверенитет есть юридический признак, свойство, которое придается особой разновидности власти (мы ее называем публичной) правовыми нормами. Но сама отсылка, делаемая такими нормами к данной власти, уже предполагает ее квалификацию как государственной власти. Если мы говорим о том, что некая власть суверенна, то предполагаем за ней *право* на верховенство внутри и независимость вовне. Это право не основано на фактах (реальной мощи вооруженных сил, правительстве и т. п.); оно основано на правовых нормах, которые признают за этой властью верховенство на определенной территории и независимость за пределами этой территории. Такие нормы устанавливают, что некая власть, образуемая на конкретной территории согласно определенным нормам, считается государственной и поэтому обладает суверенитетом. Как правило, это либо конституционные нормы самого государства (тогда само государство наделяет себя суверенитетом), либо нормы международного права, которые признают за некоторыми правительствами, иными властными органами право выступать в качестве государственных органов.

Таким образом, мы приходим к тому, что суверенной считается та власть, которая является государственной (либо с точки зрения внутреннего права, либо с точки зрения международного правопорядка), а госу-

дарственной является та власть, которая обладает суверенитетом. Определение государственной власти через ее суверенитет оказывается цикличным, представляет собой круг в определении. Но это не является непреодолимым препятствием — в данном случае речь идет просто о том, что и само государство как понятие невозможно определить без отсылок к праву. Такие отсылки (иначе говоря, юридическая характеристика государственной власти) позволяют выйти из круга определения.

Идея суверенитета как юридической характеристики государственной власти, описывающей ее верховенство в обществе, не была известна в Античности. Верховная власть тогда мыслилась как принадлежность отдельным лицам, поэтому характеристики ее осуществления оценивались в перспективе положения правителя. Признавалось, что самобытность, автаркия могут быть свойствами правящего лица, характеризующими относительную самостоятельность правителей в принятии своих решений. Но это не свойство государства как такового, которое древние греки еще не умели отделять от личностей властвующих. Автаркия подразумевала фактическую самостоятельность правителей в материальном, военном и иных смыслах, она использовалась Аристотелем и стоиками для описания идеального государственного устройства, чтобы продемонстрировать, что правители не зависят ни от кого, кроме законов. В этом отношении идея верховенства и независимости власти указывает не на юридическую природу государства как высшего политического союза в обществе, а на нравственные требования, предъявляемые к правителю, который не должен попадать в зависимость от кого бы то ни было.

Понимание государства как лица, органа, независимого субъекта, структуры, не тождественной фактическим обладателям государственной власти, отсутствовало и у древних римлян. Государство понималось либо как объединение граждан (республика), либо как достояние правителя (империя), либо как вымышленный участник гражданского оборота (*persona ficta*). Те характеристики, которые использовались для выделения государственной власти на фоне других властных институтов общества, указывали только на отдельные функции государства — *majestas* как величие, достоинство власти; *potestas* как возможность действия (императору принадлежит *suprema potestas*); *imperium* как высшая военная власть.

Идея суверенитета берет свое начало в позднем Средневековье. Первоначально само слово «суверен» использовалось во французском языке (в других языках использовались термины, производные от «верховенства», например *Noheit* в немецком) в смысле «более высокий», «превосходящий» и употреблялось для обозначения руководителей разного рода (президентов судов, начальников королевских служб и пр.). В этом смысле сюзеренами называли не только королей, но и баронов, других лиц, которые обладали властью суда и управления над проживающим на их территории населением. Если короля и называли сувереном, то в смысле «совершенного сюзерена» (*sovereign parfait*), чья власть не производна от акта пожалования

другого сюзерена. В Средние века города, республики, княжества, церковь, империя мыслились как разнородные политические образования, для единого совокупного обозначения не было общего слова «государство» (введенного только Макиавелли). Само государство не мыслилось как отдельный субъект права, поэтому проблематика суверенитета обсуждалась не как проблема независимости государственной власти, а как пределы самостоятельности политики государя, вопрос производности власти от согласия народа, от Божественной воли и пр. Структура взаимоотношений этих политических образований была чрезвычайно размытой, она представлялась устроенной иерархически, но это представление расходилось с фактами, свидетельствующими о независимости власти большинства правителей от вышестоящего авторитета (императора, папы, короля и т. д.). В силу этого положения вещей правители обладали фактической властью над своими доменами, но юридически считались находящимися в состоянии зависимости.

Идея суверенитета как юридической независимости и самостоятельности государственной власти стала приобретать знакомые нам черты с XIII века, когда легисты (юристы, выступавшие на стороне французского короля против притязаний Папы и императора Священной Римской империи) начали обосновывать концепцию единства суверенитета, то есть подчиненность всех сюзеренов страны суверенному королю, от которого и производна их власть. В этом отношении идея королевского суверенитета вступала в противоречие с идеей народного суверенитета, в рамках которой народ, его воля и согласие, считался источником власти государя, чем и воспользовались французские монархологи XVI века (Готман, Ланге и др.), выступая против абсолютного характера власти короля. Но с XV века термин «суверен» применяется во Франции только к королю.

Таким образом, сама идея суверенитета появилась как идеологический прием, обосновывающий власть государя в борьбе против раздробленности государства, наделяющий эту власть правомочностью высшего источника правовой власти в противовес фактической власти неподконтрольных королю феодалов, католической церкви и Священной Римской империи. Эта идея была введена в политический и юридический оборот французским мыслителем XVII века Жаном Боденом. Он с ее помощью пытался указать на то качественное отличие власти короля от власти других светских правителей, которое заключалось в том, что король правит по своему праву, тогда как права других властителей производны от права короля. *Souveraineté*, или *suprematis*, или *suprema potestas* в дословном переводе и означает верховную силу. Для Бодена суверенной является такая власть, которая не связана никакими законами, кроме законов Бога, это «постоянная и абсолютная власть», представляющая собой необходимый признак государства. Боден попытался примирить идеи королевского и народного суверенитета, обосновывая тезис о том, что народ уступил свою власть королю ради общего блага. Классическое определение суверенитета дал немецкий правовед XIX века Г. Еллинек,

понимавший под суверенитетом такое свойство государства, в силу которого оно может юридически обязываться только через волю государства. С тех пор данное определение получило широкое распространение, хотя теоретики до сих пор спорят, обладает ли государство как политический институт, как особый социальный организм некоей волей, что является более чем спорным и сомнительным.

Другой важный вопрос: являются ли источником суверенитета нормы внутреннего или международного права? Представляется, что и то, и другое одновременно, если мы признаем двойственность (внешний и внутренний аспекты) суверенитета и его правовой характер. Страна, в которой банда разбойников или революционеров захватила власть, не может считаться государством, пока эта банда не создаст устойчивый порядок власти и управления, а устойчивость может быть создана только нормами права, хотя бы неписаными. Но в качестве государства данное образование может действовать пока только для своих подданных; если созданная система власти не отвечает требованиям международного права и не признается другими государствами, то она еще не является суверенной (в том плане, что нарушение территориальной целостности, военное вмешательство и тому подобное не будут считаться противоречащими международному праву).

Изложенное свидетельствует о том, что понятие суверенитета имело различные интерпретации и выполняло различные функции в истории юридической науки и что в настоящее время в научном дискурсе суверенитет осмысливается сразу в нескольких ракурсах. Для более выверенного научного анализа необходимо понимание различий и возможной несовместимости между собой этих интерпретаций, а также условности самого

понятия суверенитета. Вместе с тем, если в правовой науке классического типа можно было рассуждать о суверенитете как о необходимом признаке государственности, современные тенденции глобализации делают эти рассуждения проблематичными. Происходящие в разных частях мира процессы развития государственности демонстрируют возможности неклассической эволюции государств, которые кооперируют между собой на условиях «сетевых», «многоуровневого» или «делимого» суверенитета. Типичный пример представляет собой Европейский Союз, где значительная доля суверенных прав переносится на общеевропейские институты (Еврокомиссия, Суд справедливости ЕС, Европарламент и пр.). Происходящие на пространстве бывшего СССР интеграционные процессы (прежде всего развитие СНГ, Таможенного союза, ЕЭС) также ставят перед российскими теоретиками задачу переосмысления концепции суверенитета и уточнения границ этого признака государственности, проблематизацию статуса суверенитета как необходимого (или же факультативного?) признака государства.

Приведенные выше характеристики суверенитета указывают на основополагающие принципы осмысления государственности в отечественной правовой доктрине. Вместе с тем процессы глобализации требуют того, чтобы эти принципы не воспринимались как самоочевидные и чтобы на научных форумах они обсуждались не только применительно к классическим формам научного знания о праве и государстве, но и применительно к неклассической теории права, постмодернистским представлениям о государственности и к тем идеям о праве, которые развились в западной юриспруденции в качестве ответа на вызовы глобализации.

Т. А. Баталова¹

К ВОПРОСУ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА В РАМКАХ ДИАЛОГА ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Процесс глобализации все сильнее влияет на повседневную жизнь любого современного государства. Сложно представить динамичное развитие государства без экономических, политических и иных союзов и объединений. Одним из таких объединений и стал Евразийский экономический союз (далее — Союз), договор о создании которого был подписан 29 мая 2014 года республиками Беларусь, Казахстан и Российской Федерацией и к которому позже присоединились Армения и Кыргызстан. Союзом поставлена задача устойчивого экономического развития, всесторонней модернизации и усиления конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики. Достичь этого невозможно без гармонизации законодательства стран-

участников по многим вопросам, в том числе в области предпринимательства. Этот процесс развивается благодаря схожести правовых культур, обусловленной историческими корнями. Вместе с тем члены Союза самостоятельно формируют собственное законодательство. Так, с 1 января 2016 года в Республике Казахстан вступил в силу Предпринимательский кодекс (далее — ПК РК). Насколько своевременно и оправданно принятие такого нормативно-правового акта, регулирующего предпринимательскую деятельность в Республике Казахстан, при наличии задачи гармонизации законодательств союзных государств можно сказать, проведя небольшой анализ содержания ПК РК.

Невозможно дать оценку полезности принятия Предпринимательского кодекса в нашей республике без определения места предпринимательского права в системе права вообще и в частном праве непосредственно без сравнения с законодательством стран Союза, в частности России.

¹ Директор Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан). Автор ряда научных публикаций: «Коммерческое право» (сост.), «Предпринимательское право» (сост.), «Институт частного обвинения в уголовном процессе как элемент системы частного права» и др. Награждена почетной грамотой Профсоюзного центра г. Алматы.

Анализ исследований ряда правоведов по вопросу понятия предпринимательского права, предпринимательского законодательства и его места в системе права на современном этапе указывает на то, что некоторые из них признают предпринимательское право частью гражданского права, но с элементами публичного права (государственное регулирование порядка создания и государственной регистрации субъектов, правовое регулирование осуществления лицензируемых видов предпринимательской деятельности, налогообложение и т. д.)¹.

Точки зрения о комплексности предпринимательского права придерживаются такие российские авторы, как, например, Е. П. Губин, П. Г. Лахно, В. С. Белых, В. В. Гуцин, В. А. Гуреев и др. Этой же точки зрения придерживаются и казахстанские авторы М. К. Сулеменов и А. Г. Диденко².

Имеют ли различные точки зрения на понятие предпринимательского права только теоретическое либо и практическое значение? Посмотрим на эту дискуссию через факт принятия ПК РК. Принятие в Республике Казахстан ПК указывает на то, что законодатель пошел по пути кодификации норм, входящих в предмет регулирования предпринимательского права и состоящих из отношений, образующих, с нашей точки зрения и исходя из позиции В. Ф. Попондопуло и других, блок публичных предпринимательских отношений. Мы придерживаемся точки зрения наличия частных и публичных отношений в предпринимательском праве как части гражданского права и считаем, что такие отношения (публичные) присутствуют во всех отраслях права, традиционно отнесенных к системе частного права, и этот факт не дает основания для отнесения указанных отраслей к комплексным отраслям права (семейное, жилищное, трудовое). В этом присутствует схожесть как российского законодательства, так и казахстанского.

Специализация предпринимательского законодательства заключается в правовом регулировании как предпринимательских отношений (частное предпринимательское право), так и публичных отношений, связанных с организацией предпринимательской деятельности (публичное предпринимательское право). Сможет ли ПК РК подтвердить либо опровергнуть те или иные точки зрения по содержанию предпринимательского права и определению его места в системе права России и Казахстана? Общие и специальные нормы гражданского права, регламентирующие отношения между предпринимателями или с их участием при реализации частных интересов (частные предпринимательские правоотношения), остались за пределами

¹ Попондопуло В. Ф. Предпринимательское право в системе права и законодательства. URL: <http://www.zakon.kz/4583753-predprinimatelskoe-pravo-v-sisteme.html> (дата обращения: 31.10.2013).

² Предпринимательское право Российской Федерации : учебник / под ред. Е. П. Губина, П. Г. Лахно. 2-е изд. М., 2010. С. 73 ; Предпринимательское право России : учебник для бакалавров / В. С. Белых, Г. Э. Берсункаев, С. И. Виниченко [и др.] ; отв. ред. В. С. Белых. М. : Проспект, 2015. С. 26 ; Гуцин В. В., Гуреев В. А. Предпринимательское право России : учебник. 2-е изд. М., 2008. С. 49 ; Гражданское право. Общая часть : курс лекций. Алматы : Нур-пресс, 2010. С. 11.

ПК РК. В этом наблюдается схожесть законодательства о предпринимательстве обеих стран.

Казахстанским законодателем в определенной степени найден разумный баланс между существовавшими антагонистическими точками зрения по вопросу принятия Предпринимательского кодекса в республике. Анализ структуры и содержания ПК РК указывает на то, что Предпринимательским кодексом в РК назван нормативно-правовой акт, который, по сути, не является кодифицированным законом (кодексом), а является законом о государственном регулировании предпринимательства, в котором сведены воедино вопросы, связанные с регламентацией деятельности монополий, проведения государственного надзора и контроля, установления критериев отнесения отдельных субъектов предпринимательства к той или иной категории. Набор этих правоотношений не может составлять кодифицированный закон. Он представляет собой нормативно-правовой акт, объединивший ряд нормативно-правовых актов, регламентирующих публичные отношения, относящиеся к предмету гражданского права. Другими словами, ПК РК можно считать источником гражданского права, а значит, говорить о самостоятельности предпринимательского права нет оснований. Более того, законодатель в п. 5 ст. 1 ПК РК указывает на то, что кодификация законодательства о предпринимательстве в республике не завершилась, так как особенности осуществления отдельных видов предпринимательства устанавливаются законами Республики Казахстан.

Не удалось избежать в ПК повторов отдельных положений ГК РК. Так, понятие предпринимательства, данное в п. 1 ст. 10 ГК РК, повторено в п. 1 ст. 2 ПК РК, практически в ст. 3 ПК РК повторены принципы гражданского права, изложенные в п. 1 ст. 2 ГК РК «Основные начала гражданского законодательства».

Указанные факты являются еще одним подтверждением того, что предпринимательское право является частью гражданского права, а ПК РК является источником гражданского права, принятым в развитие отдельных положений Гражданского кодекса РК о предпринимательстве, в том числе основных начал (принципов), порядка государственного надзора и контроля за предпринимательством.

Вызывает сомнения необходимость регламентации ПК РК субъектов предпринимательства и условий их функционирования (гл. 2), за исключением определения категорий предпринимательства. Гражданский кодекс Республики Казахстан четко определил все организационно-правовые формы предпринимательства, и повтор таких форм в ПК не способствует четкой регламентации этого вопроса, а лишь является еще одним шагом к дуализму права и конкуренции норм.

Наличие Предпринимательского кодекса РК в той форме и с тем содержанием, которые действуют на современном этапе, является лишь подтверждением тому, что предметом частного права являются не только частно-правовые отношения, но и публично-правовые.

Резюмируя вышесказанное, приходим к выводу, что факт принятия в Казахстане Предпринимательского кодекса можно считать шагом, отдаляющим процесс гармонизации законодательства о предпринимательской

деятельности стран Евразийского союза, и в национальном законодательстве он не может быть назван кодексом в полном значении этого слова.

В рамках диалога правовых культур России и Казахстана, экономические отношения которых в значительной степени схожи, можно сказать о том, что правовая регламентация предпринимательских отношений в России развивается динамично, однако не склонна

к искусственной кодификации норм, регламентирующих указанный блок отношений. Казахстан же, несмотря на наличие специального закона о нормативно-правовых актах, выделившего кодексы в качестве отдельного уровня нормативных актов, пошел по пути регулирования узкого круга правоотношений, претендуя на собственный путь. Результаты этого пути могут быть полезными и для других стран Союза.

Г. Г. Бернацкий¹

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРАВА — ВЫЗОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ?

В мае 2015 года в Гуманитарном университете профсоюзов проходили традиционные и уже знаменитые Лихачевские чтения. На конференции выступал член Палаты лордов Парламента Великобритании. Он говорил, что сейчас в английском парламенте серьезно обсуждается вопрос о выходе Великобритании из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и международных судов вообще. Большинство самых видных юристов Великобритании поддерживают эту идею. Чем обеспокоены юристы и политики великой державы? Одно из опасений связано с тем, что решения международных судов, которые принимаются к исполнению, должны восприниматься английской правовой системой как новые прецеденты, которые приходят в противоречие с судебными прецедентами внутри страны. Известно, что ЕСПЧ принимает дело к рассмотрению, если оно не нашло удовлетворительного рассмотрения для той или иной стороны внутри государства. Великобритания оказывается перед сложной дилеммой. Либо ей необходимо принять новый, более высокий уровень прецедентного права наряду с общим правом и правом справедливости² и, в таком случае, пойти на разрушение сложившейся веками внутригосударственной правовой системы, либо выйти из-под юрисдикции международных судов.

С проблемой исполнения решений ЕСПЧ сталкивается не только Великобритания, но и другие страны Европы, в том числе и Россия. В Постановлении Конституционного Суда РФ об исполнении постановлений ЕСПЧ отмечается, что участие России в международном договоре не означает отказа от государственного суверенитета. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и основанные на ней пра-

вовые позиции ЕСПЧ не могут отменять приоритет Конституции РФ. Их практическая реализация в российской правовой системе возможна только при условии признания за Основным законом нашей страны высшей юридической силы³. Конституционный суд позволил не исполнять решения Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), если они противоречат Конституции, и указал на приоритет национального толкования норм Конвенции. Судья — докладчик по данному делу Сергей Маврин — сообщил, что «... решение опирается на практику конституционных судов Германии, Австрии, Италии и Верховного суда Великобритании: у них были те же проблемы и преодолевали они их так же, как сейчас Конституционный суд. В Великобритании, например, внутренний закон как раз имеет приоритет над внешним»⁴.

В Великобритании считают, что ЕС своими юридически обязывающими правилами чрезмерно связывает страну, что создает определенные угрозы для национальной безопасности. В этом году Великобритания проводит референдум о выходе из состава ЕС. Премьер-министру Великобритании Дэвиду Кэмерону, стремящемуся сохранить страну в рамках ЕС, удалось торговаться у руководства Евросоюза особый статус Великобритании и семилетнюю «броню» на недопуск мигрантов из других стран ЕС к своим социальным благам⁵. Вместе с тем мэр Лондона Борис Джонсон открыто выступил против Кэмерона. Он заявил, что возглавит движение за выход Великобритании из состава ЕС. Джонсон также обвинил премьер-министра в предательстве национальных интересов⁶. Оказывается, что подчиняться общеевропейскому праву в настоящее время означает предавать национальные интересы и наносить урон безопасности своей страны.

Борис Джонсон не одинок в своем мнении. Европейские страны серьезно поссорились из-за наплыва беженцев из стран Ближнего Востока. Призывы Анге-

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, кандидат философских наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Естественное право. Права человека. Мораль», «Философия», «Диалектика взаимосвязи между научными теориями», «Теория естественного права Е. Н. Трубецкого», «Развитие представлений о природе естественного права в истории правовой мысли» и др.

² Правовая система Великобритании опирается на прецедентное право, которое состоит из двух частей: общего права (*англ.* common law) — единой системы прецедентов, и права справедливости (*англ.* law of equity), возникшего исторически позднее общего права и считавшегося более значимым по сравнению с ним.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-П. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>

⁴ <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/07/15/600611-konstitutsionnii-sud-obyasnil-kak-mozhno-ne-vipolnyat-resheniya-espch>

⁵ См. Например: <http://vz.ru/world/2016/2/20/795399.html>

⁶ <http://fakty.ua/213114-mer-londona-boris-dzhonson-zayavil-chto-vozglavit-dvizhenie-za-vyhod-velikobritanii-iz-evrosoyuza>

лы Меркель принимать беженцев по квотам в соответствии с юридически обязывающими решениями Евросоюза вызывают решительное сопротивление. Страны возводят стены по своим границам против беженцев. Это считается необходимой мерой для обеспечения национальной безопасности. Беженцы и другие проблемы в ЕС создали реальную угрозу распада ЕС. Это предрекают многие аналитики. Публицисты из США Джон Джиллингем (John Gillingham) и Мэриэн Тапи (Marian Turu) пишут: «Евросоюз сталкивается с таким множеством различных кризисов, что до настоящего момента было невозможно предсказать, что именно станет катализатором его вероятного распада. Самыми очевидными кандидатами на роль разрушителей Евросоюза стали миграционный кризис, слабеющая банковская система, которая сопротивляется как экстремному финансированию, так и реструктуризации долговых обязательств, недоверие общественности к политическому истеблишменту и практически парализованные институты Евросоюза. Очередным кризисом, который способен привести к распаду Евросоюза, стал провал попыток премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона добиться от Брюсселя реальных уступок»¹. Оказывается, что общеевропейское право стало теперь не соединять, а разделять. Европейские страны теперь смотрят с опасением на евроинтеграцию.

Еще большее сопротивление интернационализации права развивается в незападных странах. Критике подвергаются прежде всего «общепризнанные принципы и нормы международного права». Во-первых, международное право формировалось и развивалось преимущественно как международное право западной цивилизации. Во-вторых, неясно, какие нормы можно однозначно отнести к «общепризнанным». В-третьих, остается дискуссионным и вопрос о том, какие субъекты международного права признают эти нормы «общепризнанными». В-четвертых, самые, так сказать, «очевидные» общепризнанные принципы оказываются совсем неочевидными для разных стран и цивилизаций, что делает их неуниверсальными и непригодными для процесса глобализации в сфере права.

Например, ст. 16 Всеобщей Декларации прав человека 1948 года утверждает, что «Мужчины и женщины... пользуются одинаковыми правами в отношении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения». Однако применять эту норму в мусульманских странах невозможно — это приведет к разрушению основ мусульманской семьи и гибели этой цивилизации. В таком случае данная «общепризнанная» норма носит для мусульманского мира не созидательный, а разрушительный характер. Одновременно с этим недавние события показали, что насаждение такой общепризнанной ценности, как демократия, с помощью западного оружия в Ливии

в 2011 году обернулось жестокой войной и гибелью страны. То же самое могло произойти и в Египте, если бы армия не взяла власть и не установила военную диктатуру в стране.

Оказывается, демократия не является универсальной ценностью для многих стран мира. Больше того, она для них губительна. Процесс интернационализации права, внедрение «общепризнанных» принципов права в национальное законодательство нередко оказывается инструментом экспансии западных стран в другие страны мира. «Общепризнанные» принципы все больше вызывают подозрение. Растет тенденция отрицания процесса глобализации в сфере права.

Великий английский философ Герберт Спенсер формулировал в XIX веке закон: эволюция идет путем действия законов интеграции и дифференциации, которые попеременно сменяют друг друга. Видимо, мир в настоящее время вступает в период дифференциации, размежевания, разобщения и возможных крупных войн. Так складываются обстоятельства в объективной реальности. А что же с субъективной реальностью? Общество, в отличие от природы, обладает коллективным разумом. Разум свидетельствует людям о губительности пути глубокого размежевания, обострения противоречий и обрушения стран в пучину войн.

Может казаться, что разум бессилён под натиском материальных действий. Но это не так. Сила веры и разума привела к встрече Святейшего Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла, которая произошла после тысячелетия размежевания двух церквей. В принятом Заявлении говорится: «Призываем всех христиан и всех верующих в Бога к сугубой молитве Творцу и Промыслителю мира, дабы Он сохранил Свое творение от разрушения и не допустил новой мировой войны. Для того чтобы мир был прочным и надежным, необходимы особые усилия, направленные на возвращение к общим, объединяющим нас ценностям»².

Нельзя не верить в то, что коллективные усилия многих стран мира смогут затормозить опасную тенденцию к размежеванию и войнам. Однако для этого обществу потребуется найти в себе силы и перейти на качественно новый этап развития. Академик В. С. Степин на упоминавшийся в начале статьи конференции в Гуманитарном университете профсоюзов высказал гипотезу: на смену техногенной западной цивилизации должна прийти новая цивилизация, которую можно назвать «договаривающаяся цивилизация». Возможно, она придет с Востока. Например, философия конфуцианства высоко ценит гармонию, согласие, терпение, любовь между людьми, а не конкуренцию и борьбу. Новая цивилизация принесет в мир новые универсалии культуры. Народы и государства уже сейчас могут ставить задачи выработки новых универсалий культуры, новых универсалий права.

² Совместное заявление Папы Римского Франциска и Святейшего Патриарха Кирилла. URL: //http://www.patriarchia.ru/db/text/4372074.html

¹ <http://inosmi.ru/politic/20160225/235532170.html>

О. В. Вербовая¹

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Происходящие в мире процессы глобализации расширяют границы взаимодействия культур и цивилизаций, одновременно высвечивая существенные противоречия между разными культурами. Они неизбежно влияют на развитие национальных правовых систем и национального права как подсистемы культуры, тем самым способствуя диалогу правовых культур и цивилизаций. В связи с этим актуализируются вопросы выбора стратегии дальнейшего развития национального права с учетом наметившихся двух основных тенденций: глобализации, способствующей закреплению в нормах международного права универсальных общечеловеческих ценностей, и локализации, отражающей особенности национальной правовой культуры.

Рассматривая перспективы дальнейшего развития национального уголовного права, следует учитывать, что глобализация породила рост преступности нового типа, с чем нельзя не считаться, и процессы детерминации преступности в разных странах, объективно схожие, требующие универсальных ответов на них.

1. В таких условиях одним из концептуальных направлений развития уголовного права видятся дальнейшая унификация и гармонизация уголовного законодательства, единообразные подходы в принципиальных аспектах уголовной политики. Успешность этого процесса будет зависеть от проведения тщательного мониторинга национального законодательства в целях выявления правовых норм, требующих гармонизации с учетом международно-правовых документов, а также прогноза эффективности практики применения таких норм в условиях правовой системы государства. Учет специфики последней, а также доктринальных основ уголовного права считается необходимым условием такого процесса. В противном случае отдельные нормы могут не вписаться в традиционные системы ценностей и действующую правовую модель либо не принесут ожидаемого эффекта.

Серьезным противодействием процессу глобализации преступности должно стать дальнейшее развитие в национальном уголовном законодательстве норм о международных преступлениях. В качестве примера можно привести Уголовный кодекс Республики Казахстан (УК РК) 2014 года, в котором представлена более развитая система преступлений против мира и безопасности человечества, включающая 15 статей (в УК РФ 8 статей). В их числе: «Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов» (ст. 165); «Незаконное пользование знаками, охраняемыми международными догово-

рами» (ст. 167); «Участие в иностранных вооруженных конфликтах» (ст. 172 УК РК) и др. По ст. 172 УК РК к уголовной ответственности уже привлекаются граждане Казахстана, участвовавшие в вооруженных конфликтах на территории Сирии. В УК РФ в аналогичной главе подобные нормы отсутствуют. Вместе с тем различия в криминализации общественно опасных деяний не должны мешать противодействию преступности.

Вышесказанное подводит нас к выводу, что одним из направлений развития национального уголовного права должны стать дальнейшая унификация и гармонизация его норм как на субрегиональном, так и международном уровнях, с учетом специфики собственной правовой системы. При этом акцент необходимо сделать на создании региональных правовых порядков, что обусловлено схожестью правовых систем, правовых условий и детерминант преступности. В наших условиях это возможно осуществить в рамках ЕАЭС.

Другим перспективным направлением видится совершенствование действующих и наполнение кодекса новыми нормами, поощряющими позитивное посткриминальное поведение лиц². Это будет способствовать сокращению числа заключенных, предотвращению тяжелых последствий совершенного деяния, возмещению причиненного вреда, дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания. В Уголовном кодексе Казахстана резервы для этого есть, в частности по преступлениям в сфере экономической деятельности (только в трех статьях УК предусмотрены поощрительные нормы)³.

Актуальным остается совершенствование законодательной техники. В этом направлении должна быть продолжена работа по уточнению текстов статей УК, в том числе сокращению числа *бланкетных диспозиций* и *оценочных признаков*. Это упростит применение уголовно-правовых норм на практике, будет способствовать снижению ошибок при квалификации общественно опасных деяний. Одновременно потребуются легальное толкование терминов, применяемых в уголовном законе. В УК РК в этих целях была включена ст. 3 «Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе».

2. Касательно дальнейшего развития уголовного законодательства в Казахстане в рамках проводимой законодательной реформы в 2015 году в стране внедрена новая модель уголовного судопроизводства, что способствовало усилению защищенности прав и интересов участников, упрощению и процессуальной эконо-

¹ Профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «К вопросу о модернизации действующих механизмов уголовно-правовой защиты личности, общества и государства от современных вызовов и угроз», «Современные угрозы в контексте национальной безопасности страны», «Противодействие терроризму на современном этапе», «К вопросу о реформировании уголовного законодательства Казахстана» и др.

² В УК РК 2014 года включены новые виды освобождения от уголовной ответственности: при выполнении условий процессуального соглашения (ст. 67); в связи с установлением поручительства (ст. 69). Освобождение в связи с примирением, в том числе по тяжким преступлениям, не связанным с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, теперь возможно в порядке медиации.

³ В УК РФ для экономических преступлений введен самостоятельный вид освобождения от уголовной ответственности (ст. 76.1).

мии уголовного процесса, минимизировало манипуляции со статистикой¹. Криминализован ряд деяний, в том числе конвенционных. В УК ведено понятие уголовного проступка. Эти и другие нововведения потребовали проведения мониторинга и анализа практики применения новых Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов за год их действия. В результате были выработаны поправки, которые в целом направлены на дальнейшее совершенствование уголовно-правовой политики, поскольку отдельные институты продемонстрировали потенциал для своего дальнейшего развития. В целях снижения индекса тюремного населения было поддержано предложение о дальнейшей гуманизации уголовного законодательства. Уголовный кодекс РК 2014 года в целом снизил репрессивность наказаний. Но в нем остались резервы для гуманизации наказаний, в частности по экономическим правонарушениям. Предложения по гуманизации связаны со снижением размеров максимального срока лишения свободы по тяжким преступлениям в сфере экономики (ст. 215 «Лжепредпринимательство» (с 10 до 8 лет); ст. 217 «Создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамидой» (с 12 до 10 лет); ст. 231 «Изготовление, хранение, перемещение или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» (с 12 до 8 лет); ст. 245 УК «Уклонение от уплаты налога и (или) других обязательных платежей в бюджет с организаций» (с 10 до 7 лет)). Предложенное снижение размеров максимального срока лишения свободы за некоторые экономические деяния предлагается без изменения категории тяжести преступления.

Другие поправки в УК направлены на расширение возможности применения нового института «кратность штрафов». Изначально этот институт был приме-

нен к составам взяточничества. Теперь его планируется применить к преступлениям, предусмотренным ст. 253 УК «Коммерческий подкуп» и ст. 307 УК «Организация незаконного игорного бизнеса»². При этом размеры кратности штрафов, к примеру по ч. 2 ст. 253 УК, предусматривающей одинаковые квалифицирующие признаки, предлагается установить соразмерно санкции ч. 3 ст. 367 УК («Дача взятки») в размере 40-кратной суммы переданных денег или стоимости переданного имущества. Аналогично за незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег или другого имущества (ч. 4 ст. 253 УК) по аналогии с кратным штрафом по ч. 1 ст. 366 УК («Получение взятки») в размере 50-кратной суммы полученных денег или стоимости полученного имущества. Такой подход обусловлен рекомендациями третьего раунда мониторинга Стамбульского плана действий по борьбе против коррупции.

Вместе с тем обращает на себя внимание следующее. За год действия новых кодексов возникла потребность в поправках в общей сложности по 149 позициям, из них 22 поправки в УК РК, остальные — в УПК и КоАП РК. При этом значительная часть поправок связана с необходимостью устранения возникших противоречий, пробелов и корректировки положений принятых кодексов. Это актуализирует необходимость более взвешенного подхода к реформированию законодательства, исключения прямого заимствования правовых норм без учета при этом доктринальных основ права и широком вовлечении в законотворческий процесс ученых.

Таким образом, вышеобозначенные тенденции следует признать перспективными направлениями развития уголовного права в современных условиях.

В. Г. Графский³

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СОВРЕМЕННАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СВЕТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Современные процессы ускоренных и разнонаправленных глобальных перемен так или иначе сказываются на множестве областей жизни отдельных людей и коллективов, в частности на их разнообразном мирном и конфликтном общении, в котором для нас наибольший интерес представляют современное правовое общение и связанная с ним правовая культура. Правовая культура, в свою очередь, пребывает в прямой или косвенной взаимозависимости с национальным законодательством и перспективной национальной законодательной политикой.

Глобальные социально-политические изменения и процессы существуют и обсуждаются в литерату-

ре с давних пор. В то же время их наиболее заметное ускорение произошло на протяжении только последнего столетия и проявилось в виде тех или иных последствий двух мировых войн, нескольких революций,

³ Главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Автор более 270 научных публикаций, в т. ч. 10 монографий, а также статей: «Государство и технократия: историко-критическое исследование», «Бакунин: из истории политической и правовой мысли», «Политические и правовые взгляды русских народников», «Правовое общение в прошлом и настоящем», «Интегральная юриспруденция: актуальный и все еще незавершенный проект», «Право как результат применения правила законной справедливости»; «Концепция государства законности и правового государства в их возникновении, соотношении и современном состоянии», «Правовое общение в прошлом и настоящем» и др.; учебников: «История политических и правовых учений», «Всеобщая история права и государства» и др. Член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ. Член редколлегий журналов «Государство и право», «Право и политика», «Философия права» (приложение к журналу «Право Украины») и др. Награжден Почетной грамотой РАН.

¹ За год функционирования в Казахстане новой модели уголовного судопроизводства в пять раз сокращены факты укрытия преступлений от учета (с 1524 до 345).

² По данным Генеральной прокуратуры РК, за 2015 год суммы назначенных судом кратных штрафов (ст. 366, 367, 368 УК) составили свыше 3 млрд 496 млн тенге, из которых реально взыскано свыше 2 млрд 355 млн тенге.

научно-технического прогресса, а также в виде последствий развала Советского Союза и связанной с ним сплоченной организации международного сотрудничества социалистических государств, в которых одно время проживала треть всего населения планеты.

В последние два-три десятилетия в мире появились и стали предметом заинтересованного обсуждения различные стратегии перемен демократии в ее настоящем и будущем. Это обсуждение включает различные оценки роли правового регулирования в его национальном, а также региональном и универсальном международном использовании. Эти новейшие для научного и публицистического обобщения темы потребовали обновления приемов анализа. Их к началу XX века не было в традиционном наборе приемов общей теории права или отраслевых наук, поскольку новая социально-историческая обстановка и сама область изучения потребовали более многостороннего понимания не только условий своего сложносоставного происхождения, но также существенно обновленного понятийного аппарата анализа новых эмпирического материала и теоретических позиций в происходящих обсуждениях.

В этой обстановке заметно усиливается просветительная роль правовой философии, которая признается одновременно областью познания философского и правоведческого, причем во втором случае она иногда не вполне убедительно отождествляется (именно отождествляется, а не сближается) с общей теорией права. Еще реже она воспринимается как обособленная и очень влиятельная по своему просветительному потенциалу область знаний и умений, которая в состоянии определять, разъяснять перемены и обеспечивать надлежащей логико-понятийной конструкцией понимание и оценку фундаментальных вопросов и целей в процессе функционирования демократической государственности и соответствующей национальной законодательной политики.

Главное достоинство философии права заключено в ее способности настроить на проведение особого рода изучения и размышлений, которые требуют от каждого человека мобилизации его индивидуальных усилий по освоению исторических или существующих взглядов на социальную роль права, а также способов их практического использования в определении совокупного влияния права в избранной области социальных перемен со всем набором порождаемых ими последствий теоретического и практического характера. Сопутствующий такому восприятию аналитический подход порождает затем задачу нового истолкования и понимания того, какова социальная действенность права и как она проявляет себя в меняющихся условиях демократического государственного устройства. Существенными при этом становятся оценки эффекта изучаемых перемен в их конкретно-историческом воплощении: перемен фундаментальных или неглубоких, имитационных и аналогичных им. Очень важно при этом уяснить, как они выглядят не в узком формально-догматическом и законническом измерении, а в более широком и комплексном восприятии, включающем онтологический, эвристический и этический срезы анализа и оценок.

Такой методологический подход позволяет составить более адекватное представление о характере предметных и аналитических новаций в изучении национального законодательства в связи с ускорением глобальных перемен в человеческой жизнедеятельности на фоне нестабильной социальной и природной среды. В наборе таких аналитических новаций — состоявшихся или только наметившихся — обращают на себя внимание следующие.

1. Новое конструирование исторического знания относительно происходящих экономических, политических и конституционно-правовых перемен путем отказа от штампов портретно-символического восприятия (эпоха Горбачева, эпоха Ельцина и т. д.) и аналогичного по упрощенности их отображения (советский и постсоветский периоды, доперестроечный период и последующий) в пользу новых ракурсов рассмотрения происходящих перемен общенационального и международного плана. Сюда включается анализ особенностей преемственности и новизны в таких переменных или выделяются в их наборе наиболее сложные для полной реализации или реформаторские по значению целевые задачи (обнаруженные несовершенства в области фрагментарного отраслевого или общенационального кодифицированного законодательства, незавершенность судебной реформы, упрощенность аналитических представлений относительно борьбы с коррупцией в структуре важнейших публично-властных учреждений и др.).

2. Ускорение глобальных перемен во многих странах сочетается с ускоренным усложнением традиционных социальных отношений, начиная с области семейных и родственных и вплоть до трудовых производственных и других разновидностей социального общения. В конечном счете возникли две характерные закономерности в ответной регулятивной деятельности. Одна проявляет себя в виде обвального нагромождения законодательного массива норм и регламентаций, а другая — в виде спонтанного и недостаточно продуманного кодифицированного законодательного регулирования. Приведем в качестве иллюстрации законотворческую политику второго рода и поясним это на примере Франции. Эта страна после классической кодификаторской работы времен Наполеона получила почтительное название Страна кодекса. Знаменитый Гражданский кодекс французов 1804 года стал, как известно, образцом для полного или частичного заимствования или подражания в нескольких десятках стран на четырех континентах земного шара и оставался таковым на протяжении двух веков. Он воплощал образец кодификации, выстроенной с учетом очень удобной для восприятия институциональной модели изложения гражданского права, изобретенной римским юристом Гаем во II веке нашей эры, и включал три части, фиксирующие право лиц, вещное право и обязательственное право. Неожиданное расширение структуры кодекса произошло в конце XX столетия. В настоящее время этот кодекс состоит уже из пяти частей (с 1980 г.) вместо трех и включает 2534 статьи вместо первоначальных 2281 статьи, которые за два века существования претерпели 1200 замечаний и уточнений.

Аналогичная модификация произошла с карательным кодексом 1810 года (четыре части и 484 статьи), который в 1994 году сменился (разумеется, в преемственном варианте) на новый кодекс с тем же набором из четырех структурных частей, но уже с наметками на разработку дополнительных частей. В настоящее время (по состоянию на февраль 2016 г.) его структура увеличена до семи частей с общим числом 727 статей. Законодательные кодификаторские новации в двух фундаментальных отраслях французского права отображают, по нашему мнению, характернейший синдром в современном национальном законодательстве. Его можно назвать синдромом растущей неустойчивости и одновременно увеличивающейся неспособности кодифицированного законодательства своевре-

менно и адекватно откликаться на быстрое образование новых областей для ускоренного законодательного регулирования. Обычно называют два неудобства и соответственно три причины уменьшения роли кодификаторских возможностей в упорядочивании национального законодательства: во-первых, наличие в сегодняшнем правовом общении уникальных случаев, непригодных для кодификационного регулирования; во-вторых, само наличие кодифицированного законодательства ставит преграды творческому мышлению судьи при разрешении им особенно сложных для судебной-правовой квалификации казусов. Наконец, серьезным конкурентом кодексу как бумажному носителю информации стали электронные носители этой же информации.

А. А. Джагарян¹

ГАРМОНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ЕЕ КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессы развития глобализирующегося мира существенно влияют на разные стороны правовой жизни, имея одним из главных магистральных направлений собственно глобализацию права как обладающего верховенством важнейшего цивилизованного регулятора общественных отношений. Глобализация права носит сложный, внутренне противоречивый характер, сопровождается как сближением и усилением взаимовлияния национальных правовых систем, расширением наднациональных начал в правовом регулировании, так и нарастанием конкуренции юрисдикций, фрагментацией международного права, обострением коллизий при его реализации в соотношении с внутригосударственными нормами.

Дискуссия вокруг пределов уступчивости при исполнении в российском правовом порядке решений Европейского суда по правам человека, констатирующих нарушение Россией конвенционных обязательств, обнажает всю остроту и актуальность вопроса о роли международного права, испытывающего сегодня воздействие факторов возросшей геополитической напряженности и связанного с этим стремления переосмыслить его в реалистическом ключе, имея в виду идеологемы мирового лидерства, глобального доминирования, национальной исключительности. Однако обсуждение проблем международного права и его импле-

ментации в российский правовой порядок было бы неверно сводить к подобным метаюридическим аспектам. И потому, что соответствующие вопросы, как верно замечено, не чисто российские и не порождены исключительно желанием России достойно ответить на принятые в отношении ее негативные меры², и потому, что сама идея международного права не обусловлена глобальным противостоянием, а ориентирована положительной направленностью на гармонизацию национального правового порядка в глобальном окружении.

Международное право, не будучи внеположно национальному правовому порядку, выступает по сути своеобразным методом коллективного государственного правосорочества, ориентированного на внутригосударственное исполнение и применение³. Поскольку основанием международного права служит консолидированная дипломатическим процессом конституционно обусловленная государственная воля, признание и уважение национально-государственного суверенитета, включая верховенство правовой системы, отражает объективно-принципный аспект международного права, служащего порождением, источником поддержания и укрепления суверенно-государственного партнерства и одновременно — цивилизованной, отвергающей агрессивное насилие формой преодоления межгосударственных разногласий. Понимание международного права с позиции реализуемого в условиях формального равенства признания и уважения государственного суверенитета предполагает необходимость учета того обстоятельства, что национальный правовой порядок не только не противостоит международному, а как бы прирастает его нормативным потенциалом,

¹ Советник судьи Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук. Автор более 150 научных работ, в т. ч.: «Конституционная ценность избирательных прав граждан Российской Федерации» (в соавт.), «Конституционно-судебная защита социально-трудовых прав граждан с участием профсоюзов» (в соавт.), «Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации», «Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты», «Конституционная ценность муниципальной демократии в России», «Основы конституционного строя: двадцать лет развития» (в соавт.), «Муниципальное право Российской Федерации» и др. Член редакционной коллегии журнала «Сравнительное конституционное обозрение».

² См.: *Маврин С. П.* Решения Европейского суда по правам человека в правовой системе России // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 6. С. 1.

³ См.: *Вельяминов Г. М.* Международное право: опыт. М.: Статут, 2015. С. 149–152.

обретая в нем продолжение и подкрепление. Международно-правовые же нормы не существуют в отрыве от национального права, состоят в неразрывном системно-смысловом единстве, не могут приобретать регулятивных направлений и форм, нерелевантных его фундаментальным основам. Как таковое международное право не умаляет государственный суверенитет, в том числе созданием конвенционных органов, уполномоченных принимать обязательные решения по спорам о договорных правах и обязанностях государств-участников, поскольку обязательство следовать подобным решениям принимается посредством согласования позиций суверенных государств, воли которых юридически равноправны¹.

Соотнесению международного и национального права неадекватны ригористические подходы, отстаивающие соподчиненность того или иного, в том числе в виде концепции так называемого радикального юридического монизма. Речь должна идти о гармонизированном взаимодействии международных и внутригосударственных начал национального правового порядка, эксплицирующего и исторически сложившиеся в политическом сообществе, и воспринятые им в глобальной коммуникации как столь же обнадеживающие идеалы ценностные начала государственной организации общественной жизнедеятельности.

Это предполагает, с одной стороны, безусловное уважение многообразия правовых систем, гармонизация которых не должна отождествляться ни с отказом от национальных правовых традиций, ни с унификацией права. Скорее предполагается стремление к некоторой значимой и социально обоснованной мере соотносительности, принципно-целевой однородности основных подходов, которые опираются на достигнутый консенсус и являются гибкими настолько, чтобы при уважении общих принципов обеспечить учет национальных интересов. В этом плане и движение к европейскому конституционализму призвано, вероятно, отразить не бескомпромиссную монолитность по принципу: «никаких “если”, никаких “но”, никакой зависимости от культурных особенностей»², а национально-конституционную интеграцию через взаимообогащение государственно-правовых систем при сохранении юридического суверенитета³.

В то же время следование правовой аксиоме “*Pacta sunt servanda*” корреспондируется с таким же по характеру требованием “*Facta contra jus non valere*”, отрицающим легальность совершаемого вопреки праву. Нет оснований сомневаться, что легитимация международного договора должна восходить в конечном счете — и прежде всего — к конституции как высшей форме выражения всего политико-правового бытия народа. Именно конституция служит исходной нормативной основой для восприятия в национальном правовом поряд-

ке тех или иных правовых идей, ценностей, принципов, институтов, определяет как саму правомочность вступления в международное общение, так и исходные начала имплементации его итогов на условиях концептуально-содержательной тождественности конституционному строю. Будучи суверенно-властной формой институционализации свободы в ее сложившемся в данном социокультурном контексте понимании, государство, чтобы удерживаться в состоянии правопорядка, не может произвольно уклоняться от взятых на себя международных обязательств, но и не правомочно безоговорочно исполнять эти обязательства любой ценой, поскольку ничто не может являться основанием для отказа в уважении присущего каждой личности человеческого достоинства, и международные, в том числе юрисдикционные, механизмы носят в его обеспечении субсидиарный характер.

Гармонизация национальной правовой системы в условиях международного сотрудничества не может оцениваться вне конституционного измерения и является, по сути, специфическим преломлением конституционализации как последовательного развертывания в общественном правосознании, нормативном регулировании и правоприменительной практике идеологии и ценностно-нормативного потенциала Конституции. Особая и возрастающая роль отводится здесь судебным, прежде всего конституционно-контрольным, органам, которые в условиях разделения властей ответственны за реализацию принятых государством обязательств даже в случаях, когда другие ветви власти от этого уклоняются, и способны восполнять характерный для международного права дефицит властно-обеспечительных контрольных средств. Будучи элементом конституционного механизма народовластия, национальные суды призваны также находить средствами правосудия, отвечающего требованиям равенства и справедливости, неполитизированный баланс коллизионных ценностей и интересов, связанных с приверженностью глобальному взаимодействию на началах конституционно-правовой идентичности.

В качестве некоторых основных направлений конституционно-судебного обеспечения гармонизации российской правовой системы в условиях глобализации можно обозначить прежде всего: а) конституционное обоснование в виде конкретизации оснований и пределов имплементации международно-правовых норм, включая определение роли тех или иных наднациональных источников (в том числе нератифицированных) в национальном правовом регулировании; б) непосредственное применение международно-правовых принципов и норм для придания должной степени определенности в понимании критериев режима конституционности и оценки на их основе нормативных актов (отдельных положений), выявления конституционно-правового смысла отраслевых законов; в) обоснование направлений и форм преодоления конституционно дефектной дисгармонии национально- и наднационального права, включая скоординированное толкование, в том числе в отношении конституционных норм, практика применения которых может обнаруживать неопределенность с точки зрения

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2012 г. № 17-П. Мотив. часть. П. 4.

² См.: Конвенция по правам человека под угрозой. Выступление Генерального секретаря Совета Европы Т. Ягланда на заседании ПАСЕ (Страсбург, 26 января 2016 г.). URL: <http://www.eurointegration.com.ua/rus/articles/2016/01/26/7043923>

³ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. 2-е изд., перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. С. 254.

ее соответствия международным требованиям; г) дисквалификация норм, влекущих вследствие отступления от конституционного принципа добросовестного выполнения международных обязательств нарушение конституционных прав и основ конституционного строя; д) обоснование стратегических ориентиров, отражающих с разной степенью императивности желательные направления совершенствования национального законодательства и практики правоприменения в духе повышения согласованности с международно-правовыми стандартами.

Конституционный Суд подчеркнул привержен логике диалога и компромисса, полагая, что в основе их налаживания во взаимоотношениях с наднациональными юрисдикционными органами лежит безусловное признание верховенства и прямого действия Конституции, отступления от которой не могут оправдываться ссылками на международное право. Вызвавшая немало споров правовая позиция Конституционного Суда относительно правомочности отказа России от исполнения международных обязательств¹ требует взвешенных оценок и допускает подобный отказ лишь в исключительных случаях, связанных с достоверно подтверж-

денным отсутствием иных возможных способов избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции, тогда как приоритетом является использование всех доступных средств гармонизированного с Конституцией исполнения актов наднациональной юрисдикции. При этом в содержательно-методологическом плане поиск гармонизированных конституционно обоснованных решений связан с предпочтениями, которые следует отдавать норме, обеспечивающей не просто более высокий уровень гарантирования основных прав и свобод человека, являющихся в сущности тождественными в их конституционном и международно-правовом понимании, а прежде всего саму возможность функционирования соответствующих прав в общей системе правового статуса личности в конкретном социально-историческом контексте как реальных, а не иллюзорных. Национальные власти, безусловно, пользуются прерогативой в оценке угроз, которые конкретные формы самореализации личности могут породить для прав и законных интересов других лиц, и определении пропорциональности реагирования на эти угрозы для обеспечения основанного на равноправии социального благополучия.

А. А. Дорская²

РОССИЙСКИЕ ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ И СТАНДАРТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА³

Два последних года принесли серьезные изменения в сферу международных отношений, в том числе с участием России.

С одной стороны, продолжились интеграционные процессы в экономической сфере, что нашло свое отражение в развитии межгосударственных международных организаций. Вступил в силу Договор о создании Евразийского экономического союза, который был подписан главами России, Беларуси и Казахстана 29 мая 2014 года и к которому уже присоединились Армения и Кыргызстан. Появились новые горизонты развития БРИКС, выразившиеся в создании Банка развития

БРИКС, ратификация соглашения о котором была утверждена в марте 2015 года.

С другой стороны, серьезные изменения произошли в Совете Европы. 28 января 2015 года ПАСЕ приостановила право голоса российской делегации до апреля, в ответ на это Россия приостановила деятельность в ПАСЕ до конца года. Сейчас этот период продлен до очередных парламентских выборов.

15 декабря 2015 года вступили в действие поправки к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации». Согласно п. 3.2 ст. 3 Конституционный Суд «по запросам федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против Российской Федерации на основании международного договора Российской Федерации, разрешает вопрос о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека»⁴. Данный вопрос назревал давно. По замечанию В. Д. Зорькина, «главной проблемой, с которой столкнулся Конституционный Суд в своей работе, является необходимость одновременного решения двух не всегда легко сочетаемых задач: гармонизации российской правовой систе-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

² Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. Автор 310 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века», «Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния», «Влияние норм церковного права на развитие отраслей российского права», «Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подход» (в соавт.), «Роль международного права в регулировании государственно-конфессиональных отношений», «Правовой режим имущества религиозного назначения в России: история и современность», «Правовые реформы в России: типология, логика развития, критерии результативности» и др. Член Российской ассоциации международного права.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Правовые традиции России и развитие права международных организаций: проблемы взаимовлияния»), проект № 15-03-00255.

⁴ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 14.12.2015 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

мы с общеевропейским правовым пространством, с одной стороны, и защиты собственной конституционной идентичности — с другой»¹. В декабре Комитет ПАСЕ по юридическим вопросам и правам человека запросил мнение Венецианской комиссии о поправках в российский закон, и 11 марта 2016 года комиссия признала, что изменения несовместимы с международными обязательствами России. Решение данной проблемы требует взвешенного решения со стороны всех участников. Тем более что в некотором роде похожая ситуация возникла с поправками к закону о Конституционном Суде Польши².

Намечаются изменения и в международных неправительственных организациях. В частности, знаковой может стать встреча Папы Римского Франциска и Патриарха Московского и всея Руси Кирилла 12 февраля 2016 года. Христианские церкви на протяжении многих десятилетий сотрудничали в целях создания международных религиозных документов (примером может служить Хартия екуменизма (Charta Eecumenica)³ от 22 апреля 2001 г.), но пока практически нет международных религиозных организаций, участниками которых являются католики и православные. В основном сейчас существуют международные католические организации и международные организации православных и протестантских церквей.

В связи с этим изучение влияния права международных организаций на правовые традиции России и, наоборот, выявление тех правовых мер, которые не могут быть успешно реализованы в нашей стране в силу сложившегося отношения к отдельным правовым институтам и явлениям, приобретает особую актуальность.

Говоря о российских правовых традициях в сфере обеспечения прав человека, необходимо выделить следующие.

Во-первых, традиционным для России является «своеобразное» отношение к международному праву, вызванное тем, что любовь к Родине у русского человека практически всегда сопровождалась чувством «исторического одиночества». С одной стороны, Россия с XVII века является полноправным участником международных отношений, но с другой — постоянно возникал и возникает вопрос: а есть ли необходимость присоединения к тем или иным международно-правовым документам? Например, это выразилось в том, что в России без особого энтузиазма восприняли идею создания Красного Креста. Так, на съезде Женевского общества поощрения общественного блага, который состоялся 26 октября 1856 года, от России присутствовало только два неофициальных представителя⁴. Лишь

¹ Зорькин В. Д. Проблемы имплементации Конвенции о правах человека // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5 (54). С. 814.

² Венецианская комиссия: Поправки к Закону о Конституционном суде Польши подрывают верховенство права. URL: http://ria-m.tv/news/57451/venetsianskaya_komissiya_popravki_k_zakonu_o_konstitutsionnom_sude_polshi_podryivayut_verhovenstvo_prava.html (дата обращения: 14.03.2016).

³ Хартия екуменизма. URL: <http://www.ortho-hetero.ru/doc-ecum/157> (дата обращения: 14.03.2016).

⁴ Толстых В. Л. Международное гуманитарное право в России во второй половине XIX — начале XX в. // Право и образование. 2003. № 2. С. 161–162.

10 мая 1867 года Александр II утвердил Устав Общества попечения о раненых и больных воинах (позже — Российское общество Красного Креста). Но при этом на международных конференциях Россия внесла большой вклад в развитие международно-правовых стандартов по защите прав человека в период вооруженных конфликтов (Брюссельская конференция 1874 г., Гаагские конференции мира 1899 и 1907 гг. и т. д.).

Во-вторых, приоритет государства над частными институтами, формировавшимися в обществе веками, тоже можно считать правовой традицией. В результате большая часть населения ожидает от государства готовых решений своих проблем. Это выражается, в частности, в признании огромного процента жалоб россиян в Европейский суд по правам человека неприемлемыми (за 2014 г. — 81 477 жалоб⁵), потому что многие из них подаются без серьезного изучения вопроса, без привлечения различных институтов гражданского общества к решению проблем.

В-третьих, к правовым традициям России относится дуализм государственно-правовых институтов. С Древней Руси и вплоть до 1917 года можно говорить о «симфонии» государства и церкви, в советский период — государства и партийных органов. Сейчас можно констатировать возрождение дореволюционной традиции. С одной стороны, права человека в России формировались под воздействием религиозных канонических, а с другой — борьба за свободу совести в многонациональной и многоконфессиональной России являлась чуть ли не символом борьбы за права человека.

В отношении правового регулирования свободы совести Россия под воздействием международно-правовых стандартов пошла по пути преодоления сложившейся с начала XX века правовой традиции понимания свободы совести в духе французского Просвещения: свобода совести равна сумме свободы вероисповедания и права на атеистическое мировоззрение. Вслед за Всеобщей декларацией прав человека 1948 года, Конвенцией Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 года постепенно свобода совести, свобода религии, свобода вероисповедания стали рассматриваться как однопорядковые понятия. Сейчас наступил новый период «отказа» от собственной правовой традиции. В модельном законе СНГ «О свободе совести, вероисповедания и религиозных организациях (объединениях)», принятом в 2014 году, ряд терминов понимается в нетрадиционном для российской юриспруденции смысле.

Таким образом, на современном этапе наблюдается кризисная ситуация, одной из причин которой являются противоречия между национальными правовыми традициями и развитием права международных организаций. Во многом это связано с тем, что наряду с международными правительственными и неправительственными организациями в последние годы появились наднациональные организации, как, например, Европейский Союз. Особенно эта ситуация обостряется, если трансформация происходит в международной организации, существующей десятилетия: не имея над-

⁵ Сайт Олега Анищика о подаче жалоб против России в Европейский суд по правам человека. URL: <http://europeancourt.ru/statistika-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 14.03.2016).

национальных полномочий, но испытывая необходимость в дальнейшей интеграции для решения глобальных проблем, она начинает предъявлять требования, которые могут не соответствовать правовым традициям страны. В частности, сейчас этот процесс можно наблюдать на примере участия России в Совете Европы. С учетом российской правовой традиции особого отношения к международному праву данный кризис может углубляться. Права человека играют в дан-

ном случае роль индикатора, а поэтому диалог в правозащитной сфере обязательно должен продолжаться. Тем более что именно в последние годы в России стала складываться традиция признания ценности прав человека. В такие периоды международные неправительственные организации должны несколько «скрашивать» наметившиеся противоречия, так как им легче учитывать национальные правовые традиции, чем правительственным организациям.

З. Н. Каландаришвили¹

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Проблема динамичности и причинно-следственных связей подвижности ценностных ориентаций российской правовой культуры в эпоху глобализации требует своего осмысления и анализа. Сама система правовых ценностных ориентаций в правовой культуре имеет свой гомеостаз и динамичность одновременно.

В процессе своего развития, особенно в эпоху глобализации, эволюция общества происходит согласно определенным причинно-следственным связям, которые медленно, веками, проявляются в законах. Изменения общественного строя и системы права предполагают и радикальное, стихийное изменение ценностных ориентаций. Однако если провести анализ истории развития правовой мысли за несколько последних веков, то прослеживаются стойкие ценности, не меняющиеся независимо от революций, войн и других катаклизмов в обществе. То есть эволюционные процессы как бы являются базисом, суть которого, при всех поверхностных переменах, остается неизменной.

Мировая и национальная культура сегодняшнего дня в период интеграции и глобализации характеризуются принципиальной нестабильностью системы ценностных ориентаций — в отличие от общества, в котором эта система была незыблемой веками. В третьем тысячелетии основные ценности общества в целом характеризуются большой частотой динамики, подвижностью культурного ценностного ядра.

Проблема динамичности ценностных ориентаций комплексно взаимосвязана с различными факторами, прежде всего — историей развития общества и идеологии в данной правовой культуре. Сама же правовая культура общества является сложным социальным яв-

лением, где в качестве составляющих элементов выступают само право (объективное и субъективное), правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, законотворческая и правоприменительная деятельность. Правовая культура общества неразрывно связана с ценностными ориентациями и идеалами в обществе, правовой оценкой, восприятием закона и мотивацией поведения в зависимости от отношения к правовым идеям общества.

Российская правовая культура в истории отечественной государственности играла роль сплачивающего начала, способствовала сближению многонациональных народов, проживающих на территории страны².

Подчеркнем, что проблема соотношения правовых культур народов и государств, относящихся к различным правовым системам, приобрела в третьем тысячелетии особую значимость в условиях мирового экономического кризиса и эскалации конфликтов в Грузии, Украине, Сирии и других странах.

Анализируя становление и развитие российской правовой культуры, следует отметить, что в совокупности экспансия западной правовой культуры в российскую имеет под собой многовековую историю. Базисно не меняющиеся ценностные ориентиры и идеалы прослеживаются уже в научных концепциях о возникновении российского государства.

Вместе с тем, одновременная экспансия римско-византийской, норманнской, германской и других правовых культур повлекла заимствование правовых норм и соответствующих юридических понятий и представлений. То есть идеологически и исторически прослеживается спорная полемика уже в истории русской государственности по поводу влияния Запада на российскую правовую культуру. Несомненно, в русской истории государства и права влияние западноевропейской правовой идеологии и ценностей зачастую было насильственным, с игнорированием многовековой традиционности русского народа. Прежде всего, это идеология абсолютной монархии, по мнению многих современников той эпохи как максимально эффективной государственности.

² Сальников В. П. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. СПб., 1995. С. 42.

¹ Заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий: «Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления», «Генезис и эволюция правовой социализации и правовой культуры молодежи в реформируемом российском обществе (вопросы теории и практики)», «Актуальные проблемы правовой культуры российской молодежи», «Деформация правовой культуры современной российской молодежи», «Правовая культура молодежи современного российского общества: теоретико-правовой анализ», «Правовая культура в системе правового поведения личности», «Роль правосознания и правовой культуры в преодолении правового нигилизма в современном российском обществе (вопросы теории и практики)» (в соавт.).

Чем же характеризуются исконно российская правовая культура и ее ценностные ориентации?

К доминантам духовности и системообразующим идеям российской правовой культуры относятся:

1. Религиозность, которая характеризуется высокой этико-эмоциональной настроенностью, склонностью к экстатической сосредоточенности на веровании и самоотверженности. Эта установка была синтезирована в идею соборности.

2. Моральность, смысл которой заключен в одухотворенности, смиренности и терпимости, негативном отношении к рационально-практическому образу жизни.

3. Идея правовой справедливости, которая предстает не равной мерой воздаяния за одинаковые деяния, а такой оценкой, в которой выражена и утверждена индивидуальность человека и его деяния.

4. Идея милости, которая воспроизводится в контексте чисто российского комплекса сервильности, ненавидящего раболепие перед властью, привычной приниженности, распластанности перед ней. Но одновременно грань дозволенного — пренебречь законом и предписанием.

5. Идея служения, которая фиксирует ценность подчинения человека общественному целому, призванность человека воспроизвести в своем единичном бытии его гармонию.

6. Идея мучения, которая призвана компенсировать правовой произвол, придание ему смысла душеспасения. Правовая сфера, именно в силу нравственной неполноценности, воспринимается как сфера насилия и страдания¹.

Самобытность российской правовой системы и правовой культуры в частности обусловлена не столько технико-юридическими, формальными признаками, сколько глубокими социальными, культурными, государственными началами жизни русского народа. К таким началам, имеющим методологическое значение для анализа отечественной правовой культуры, можно отнести следующие:

1. Своеобразие русской государственности, не поддающееся элиминации даже после длительных и масштабных включений иностранных управленческих и конституционных форм. Для русского права всегда была исключительно важной связь с государством. Необходимо исследовать природу целостности права и государства в русской правовой культуре, не стремясь втиснуться каждый раз в «естественно-правовой» шаблон с его противопоставлением феноменов «позитивного» и «разумного».

2. Специфические условия экономического прогресса, для которого характерна опора на коллективные формы хозяйствования: крестьянскую общину, артель, сельскохозяйственный кооператив, — которые основывались на специфической трудовой этике, взаимопомощи, трудовой демократии и традициях местного самоуправления.

3. Конструирование особого типа социального статуса личности, для которого свойственны преобладающие коллективистских элементов правового сознания

и нежесткость линий дифференциации личности и государства. В этом феномене нет, скорее всего, ничего предосудительного, и попытки повесить на нее соответствующий ярлык напоминают стремление бороться с самой жизнью. Нужно раскрыть природу этой особенности соотношения личности и государства в русской правовой культуре и обратить ее на службу человеку.

4. Единение традиционной основы права и государства со спецификой православной ветви христианства с ее акцентами не на мирском понимании жизни Бога и человека (католицизм) и тем более благословении стяжательства (протестантизм), а на духовной жизни человека с соответствующими этическими нормами (нестяжание, благочестие и т. п.)².

В совокупности история государства и права Запада была историей развития свобод и прав личности, а история государства и права России была историей развития самодержавия и власти.

В конечном счете, все последние шесть веков развития правопонимания и правового общества в России связаны со сравнением и сопоставлением с Западом. Для западников первостепенной была проблема прав личности. Обсуждение проблем личности, ее прав и свобод закономерно привело к вопросу о гарантиях этих прав и свобод в условиях становления промышленно-капиталистического общества. История западничества — пример своего рода вырождения идеи свободы. Сторонники этого направления полагали, что России необходимо учиться у Запада, а это возможно лишь в том случае, если пройти тот же путь общественно-политического развития. Преодолению культурной отсталости должно способствовать усвоение европейской науки. Западники мало интересовались религией, почти всех их объединяла идея секуляризации в различных сферах общественной жизни. Больше всего они ценили политическую свободу и выступали пропагандистами социализма.

Сам факт влияния западной и восточной культур на процесс возникновения, формирования русского права и государства не вызывает никакого сомнения. Это влияние объективно обусловлено особенностями геополитического положения. Однако в настоящее время в научном мире нет единой концепции о степени этого влияния.

Но даже сквозь новый идеологический фундамент на протяжении всего времени его существования пробивались ростки традиционных для русского общества духовных ценностей.

В послереволюционный период в России экономические и социальные проблемы, перед которыми встала новая государственная система, внесли в правовую культуру новые существенные коррективы. В борьбе с внутренней и внешней оппозицией правящая партия превращалась в господствующую политическую силу, срастаясь с государственным аппаратом.

Сама идея коммунизма как подмены христианства не была объективно успешной: несмотря на политическую идеологию, православные ценности были неиз-

¹ Малахов В. П. Философия права. М., 2002. С. 411–417.

² Синуков В. Н. Российская правовая система. Саратов, 1994. С. 177.

менны, а в третьем тысячелетии заново «возрождены». Несмотря на идеи Запада, в официальной теории государства и права высказывалось мнение о скором исчезновении правовой формы. Право, как продукт «буржуазной эпохи», должно было отмереть, чтобы уступить место планированию и организационно-техническим нормам. Данная нигилистическая идеология способствовала многочисленным фактам нарушения действующего законодательства и в целом — политике внеправового произвола.

Кризис коммунистической идеологии поставил вопрос о перспективах российского пути, о новых идеологических, духовных ориентирах. И Россия снова возвращается к западным идеям. У демократии 1990-х годов отсутствовала соответствующая русским духовным ценностям идеологическая концепция. На помощь были призваны «общечеловеческие ценности», а точнее — представляемая под видом таковых пропагандируемая Западом в силу указанных уже нами причин система ценностей.

Особое место в этой системе ценностей занимает идеологический плюрализм. Его насаждение привело почти к полному разрушению системы национальных, духовных, ценностных ориентаций, подтолкнув значительные слои общества к духовной деградации и деморализации. Таким образом, то, что не было в полной мере осуществлено при помощи коммунистической идеологии, предполагается осуществить посредством деидеологизации. Сегодня государственная власть в России не имеет в своем распоряжении государственной идеологии. Без господствующей идеологии, которую надлежит пропагандировать и защищать, национальные государства, как учит история, скатываются в конфронтации с соседями. Если нет сильной внутренней идеологии, нации распадаются на противоборствующие этнические, расовые, классовые группы.

В условиях деидеологизации современного российского общества в эпоху глобализации получили развитие процессы, приведшие в ряде случаев к стагнации и даже разложению духовной, политической, экономической, семейно-бытовой и государственно-правовой сфер общества.

В сложившейся в России ситуации естественно напрашивается вывод, что государственная идеология, ос-

нованная на традиционных духовных ценностях и социальных идеалах, должна прежде всего определять развитие правовой культуры. Духовность общества связана с мировоззрением, формируемым под воздействием правящей, или государственной идеологии. На основе идеологии, ставшей правящей, формируется сложная социальная структура, которую можно определить как идеологическую структуру общества. Последняя и есть то самое социальное образование, которое определяет развитие государственно-правовой, экономической, политической и культурной сфер жизни общества. Общественная государственная идеология, отвечающая требованиям всего российского общества, обуславливающая представления о системе ценностей и способствующая формированию государственно-правового идеала в общественном правосознании, есть традиционная необходимость российского государства. Лишив российское общество традиционных идеологических ориентиров, можно благополучно осуществлять соответствующие манипуляции общественным сознанием, подчинять его чужим требованиям.

Мы полагаем, что концепция демократии, экспортируемая в Россию с Запада, представляет собой «идеологический миф», созданный информационной идеологией. Однако стоит отметить и тот факт, что любые идеи воспринимаются субъективно в зависимости от культуры и развития конкретного социума, соответственно требуют осмысления в контексте российской национальной идентичности. Другой вопрос правового идеала, социальных идеалов приводит, как это происходит в настоящее время на Западе, к радикальности индивидуализма — гипериндивидуализму, который характеризуется эгоцентризмом и отсутствием ответственности. Сущность категории «ответственность» — одна из важнейших форм правовых ценностей. Из этого следует, что современный западный индивидуализм, доведенная до абсурда правовая идея «свободы личности», приводит к разрушению социальных отношений в обществе и как следствие — к разрушению государственности.

Таким образом, российские ценностные ориентации правовой культуры в эпоху глобализации прежде всего должны соответствовать исторически сложившимся духовным ценностям и национальной идентичности российского народа.

В. И. Крусс¹

СОВРЕМЕННОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО: АКТУАЛЬНОСТЬ КОМПАРАТИВИСТИКИ И КОНЦЕПТ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Современное конституционное право качественно несводимо к традиционному отраслевому формату, адогматично и инвариантно². На основе верховенства такого права могут достигать относительно устойчивых состояний разнообразные общественные порядки, ситуационно адаптируемые к вызовам времени. Конституционная инвариантность проецируется и на суверенную политическую составляющую в той мере, в какой легитимные стратегии обеспечения прав человека различаются именно по данному критерию.

Вместе с тем конституционное правовопонимание глубоко национально и исключает мировоззренческую бесосновность, в том числе при наличии номинального запрета на идеологию государственную или обязательную (ст. 13 Конституции РФ). Реальный конституционализм остается выражением конституционной идентичности и конституционного мировоззрения даже в контексте принципа идеологического многообразия³. Философия конституционализма есть философия жизни народа под знаком конституционализации *ego* национального права как перманентного процесса объективирования правовой материи, потенциально данной («сокрытой») в тексте конституции⁴. Конституционный плюрализм, как и диалектика множественного в едином, не противоречит конституционному идеалу, в отличие от намерений подвести его под ту или иную догматику «конституционного монизма».

Не отрицается, а предполагается также глобальное множество национальных конституционных моделей. Их сравнительный анализ в соотношении с международными стандартами прав человека — важный ресурс методологии конституционализации. Другое дело, что и подобным образом полученные выводы и суждения не могут поколебать принцип верховенства Конституции РФ как эталона национального права. В конечном счете внутригосударственное право идентифицируется, а следовательно, и существует только благодаря национальной Конституции. Даже претендующая на по-

зицию «пост-постмодернизма» философия компаративизма⁵ должна исходить из конституционной, а не компаративной природы права, поскольку «компаративная содержательность» постулируется конституционной гносеологией.

С учетом изложенного заявленная относительно недавно идея принципиальной возможности и фактического становления интернационального (международного) конституционного права видится нам далеко не безобидным оксюмороном. Как элемент риторики пропагандистского толка эта доктринальная «новация» не только пропитана архаикой и коннотациями «классового этатизма», но подспудно направлена на изживание (развенчание) *культурно-правовой традиции* как таковой. Фактически мы здесь имеем дело с развитием тех кризисных тенденций, о которых авторитетные авторы говорили задолго до глобализации⁶.

Конституционная философия права включает и созвучную ей антропологию. С позиций конституционного правовопонимания любая модернизация национальной правовой системы должна рассматриваться сквозь призму неизбежного влияния на общественное правосознание. Поэтому не только реализации, но и обсуждения заслуживают лишь те «сценарии» правовых преобразований, которые не являются оправданием инициирования и насаждения *иностранного сущего*, генетически чуждого здоровой народной целостности. Тем более что на поверку подобные обоснования обнаруживают готовность к очередному «переподчинению» права политике.

Как известно, глобальные технологии «демократического обновления» («цветные революции» и «арабская весна») основывались на отрицании легитимности суверенных институтов и практик, сколько-либо отступающих от североатлантических стандартов. Результаты же инициированных «преобразований» обернулись катализатором кризиса уже демократической легитимности и «веры» масс в возможность адекватного восприятия властными институтами их электоральных обращений. Мы не беремся судить о политических последствиях такого осознания, но обязаны озаботиться тем, чтобы оно не повлекло девальвацию идеи права как нормы политической справедливости (Аристотель), ценности неотчуждаемых прав человека и самого «человека современного юридического». Наряду с этим философия конституционализма не обязана быть комплиментарной по отношению к целому спектру тех плюралистических ценностей, которые во многом предопределили глобальные кризисные явления.

¹ Заведующий кафедрой теории права Тверского государственного университета, доктор юридических наук, профессор. Автор около 200 научных публикаций, в т. ч.: «Право на предпринимательскую деятельность — конституционное полномочие личности», «Теория конституционного правопользования», «Конституционализация права: основы теории» (монографии), «Злоупотребление правом» (учеб. пособие), «Конституционное право России» (учебник), «Законодательная стратегия и конституционализация права», «Некоторые аспекты конституционализации нотариальной практики в Российской Федерации», «Избирательная система в механизме конституционного обеспечения прав человека» и др. Член Российской академии юридических наук. Член Союза писателей России. Лауреат Литературной премии им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

² См.: Конституционное право России : учебник для бакалавров / под ред. И. В. Выдрына. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 16–19.

³ См.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика : моногр. 2-е изд., перераб. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 44–45.

⁴ См.: Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории : моногр. М. : Норма : Инфра-М, 2016. С. 14–21.

⁵ См.: Тихомиров А. Д. Философские проблемы правовой компаративистики : открытая лекция. Киев : Логос, 2009. С. 29–30. (Сер. науч.-метод. изданий «Академия сравнительного правоведения»; Вып. 17).

⁶ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова : Инфра-М—Норма, 1998. С. 48–54.

Цели и ценности, как известно, суть две стороны всякой мировоззренческой установки, но именно цели определяют средства, оправдывая и раскрывая их подлинность или ложность. «Современная» философия потребления «упакована» в модную пелену толерантности и гуманизма, но на деле глубоко архаична и потому ветха. Покровы эти, как оказалось, легко разрушаются реактивами хаотической дестабилизации и щелочью экономических кризисов, обнаруживая предпологаемую сердцевину, вполне исчерпываемую банальной телеологией «золотого миллиарда». Миграционный катклизм в контексте «реэспортных» соглашений Евросоюза с турецким «логистическим центром» открывает банальную «нищету историцизма» (К. Поппер) даже в постмодернистской «упаковке». «Логика ситуации»¹ убедительно работает и по отношению к эволюционистской парадигме «открытого общества свободных индивидуумов». «Экономическим» мигрантам не нашлось места на корабле «всеобщего благоденствия»; апелляции жаждущих причаститься (без отрыва от матрицы своей традиционной идентичности) у «алтаря» обеспеченного достоинства благоразумно отклонены консолидированной волей политических институтов и элит.

Правозащитники уже «возвысили голоса» в защиту прав мигрантов, но гораздо показательнее то, как «умеряют» их звучание до уместного уровня демократические западные СМИ. Постиндустриальный космополитизм сочетается с рекламными растяжками и парафразами «естественного права» и глубоко враждебен всякой последовательно-правовой коммуникации. На цифровой платформе тотальной индивидуализации и релятивизма происходит фундаментальный разрыв любого правового дискурса, более того — отрицается его принципиальная возможность за рамками ситуационной имитации. «Свобода без дефиниций» (М. Фуко) предполагает игру без правил. Интернациональные «рекомендации» помогают только объяснить, почему *должен* (*должен был*) победить сильнейший и кто этот сильнейший. И, конечно же, рекомендациями здесь ничего не добиться. Необходимую правоту высказывания будет утверждать тот же самый сильнейший, хотя бы и в особом — институциональном — обличье. Потому и для России проект интернационального конституционного права равнозначен призыву не только к добровольно-инклюзивному подчинению праву Евросоюза без какой-либо надежды на политическую и экономическую интеграцию в это объединение, но и к отказу от того конституционного суверенитета, значение которого высветил драматический диалог Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ).

Затянувшийся спор высоких юридических инстанций всесторонне отображен в научной литературе и публицистике, известны аргументы и правовые позиции сторон, но поставить в нем точку вряд ли получится, поскольку он переместился уже в сугубо политическую плоскость. Произошло это, когда российский законодатель, опираясь на правовые позиции Консти-

туционного Суда РФ², осуществил конституционализацию механизма разрешения базовых коллизий толкования положений, затрагивающих права человека, исходя из наличия для России только одного безоговорочно достоверного права, соответствующего букве и духу Конституции РФ³. Вначале данное решение «обеспокоило» Совет Европы. Затем, поскольку российская власть пересмотрела значение для себя такой *политической* обеспокоенности, к делу подключилась авторитетная в доктринально-юридическом плане Венецианская комиссия, призывая изменить законоположения, «препятствующие исполнению международных решений, признанных не соответствующими Конституции РФ»⁴. Приверженцы интернационализации конституционного права не могли бы точнее выразить свою мысль: «Россия не может (не готова, не способна, et cetera) *понять* собственную Конституцию».

Логически завершенная и воплощенная идея конституционной интернационализации не оставляет места для органов национальной конституционной юстиции. Интернационалом (как показала история) руководят из одного центра. Первым этапом на этом пути может стать критика легитимности конституционного правосудия. Признаки соответствующего тренда уже можно найти повсюду: и в «склонной» к авторитаризму Турции, где глава государства публично трактует решения Конституционного суда как направленные «против народа и страны» и призывает обсудить целесообразность его существования⁵, и в демократически благополучной Польше, где о конституционности позиций Конституционного суда с не меньшей легкостью берутся судить и президент страны, и правительство, и министр юстиции⁶.

Показательное противостояние институтов федеральной власти США по вопросу вакансии должности судьи Верховного суда также побуждает задуматься и о вере этой страны в верховенство права, и соответственно о независимости ее судей.

Складывается ощущение, что по мере развития кризиса демократической легитимности начинается новый виток «борьбы за право» (Эрлих). Специфика его — в стремлении утвердить за собой приоритет говорить от имени народа на «аутентичном» языке права, быть легитимным рупором базовых принципов жизни государства и гражданского общества. Интуитивно-прагматическим образом право при этом отождествляется с Конституцией: политическая власть вновь демонстрирует макиавеллиевское чутье на наиболее эффективные средства достижения своих целей. и именно интернационализация обещает максималь-

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Рос. газета. 2015. 27 июля.

³ См.: Крусс В. И. Указ. соч. С. 185–186.

⁴ Венецианская комиссия Совета Европы предложила России внести ряд поправок в закон о Конституционном Суде. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1612963/?fb#ixzz42fcTub2j> (дата обращения: 15.03.2014).

⁵ Эрдоган пригрозил Конституционному суду Турции... URL: http://www.gazeta.ru/social/news/2016/03/11/n_8356745.shtml (дата обращения: 15.03.2014).

⁶ Министр Польши: Заключение Конституционного суда не имеет правовой силы. URL: <http://watch.online.ua/telectast/116105/konstitutsionnyy-krizis-v-polshe/> (дата обращения: 15.03.2014).

¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. М. : Феникс, 1992. Т. 2 : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. С. 305–306.

ную свободу таких высказываний от демократического контекста, открывает перспективу информационной санации институтов наднациональной меритократии.

Интернационализация конституционного права, как и правовая глобализация в целом, для России — проекты конституционно неприемлемые. Конституция РФ обязывает Российскую Федерацию к философии и практике *правового сосуществования в эпоху глоба-*

лизации, а отечественное правоведение — к разработке соответствующего концепта. Философия и теория конституционализации права под знаком правопользования, обеспеченного без ущерба для *иных высших* (конституционных) ценностей, феноменально хранимых в глубинах народного правосознания, на наш взгляд, имеет достаточные основания утверждать свою связь с искомой концептуализацией.

А. В. Кузьмин¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И СУВЕРЕНИТЕТ КАК СФЕРА ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ

Сегодня глобализация выступает одним из неотъемлемых факторов развития человеческого общества. Чаще всего глобализацию понимают как «процесс формирования единого общемирового экономико-информационного пространства на основе внедрения новых технологий, характеризуемый возрастанием удельной доли доходов от торговых операций в общем объеме произведенной продукции и приводящий к ослаблению влияния институтов государства и укреплению власти транснациональных образований»². Безусловно, приведенное определение само по себе может быть подвержено критическому анализу, однако, отказавшись от излишнего теоретизирования, акцентируем внимание на аспектах социально-правовой значимости этого фундаментального понятия.

Конечно, признание за глобализационными процессами исключительно позитивного значения применительно к национальным системам (экономической, социальной, политической, правовой и т. п.) невозможно³. Это во многом обусловлено объективными противоречиями глобального и национального, и это вполне логично, поскольку сложившаяся система мироустройства, выражаясь в единстве суверенного и наднационального, ставит перед государством выбор национального или наднационального в качестве основания собственной суверенной государственности.

В отношении правовой системы противоречие такого рода находит выражение в конструкции суверени-

тета как признака государства. Нет сомнения, что теория государственного суверенитета, и тем более практика его реализации подвергаются воздействию глобализационных процессов. Спектр научных точек зрения здесь весьма широк — от признания за суверенитетом качества абсолюта до допустимости существования государства без суверенитета вообще. При этом концепция абсолютного суверенитета представляется противоречащей основам международного права, а концепция ограниченного суверенитета фактически делает бессмысленными претензии государства на уникальность национального законодательства.

В данном контексте, как представляется, наиболее продуктивной выглядит концепция эластичного суверенитета. Прежде всего здесь естественно предположить, что суверенитет всегда ограничен какими-либо внутренними или внешними факторами. Суть этой концепции заключается в том, что государство, суверенное в своей основе, может передавать свой суверенитет, включая конституирование базовых ценностей. При этом государство устанавливает усложненную процедуру согласия на изъятие собственного суверенитета и упрощенную — на восстановление. Конечно, фактически невозможно найти грань, отделяющую ту часть суверенитета, которая передана в наднациональный орган, от той части, что остается у государства — участника международной организации. И контроль над ключевыми институтами механизма государства (армия и правоохранительные органы), выступающими также в качестве акторов политической системы, позволяет либо государству восстановить свой суверенитет в полном объеме, либо наднациональному образованию этот суверенитет не возвращать. Современная геополитическая ситуация складывается таким образом, что именно концепция эластичного суверенитета наиболее адекватно встраивает суверенитет в систему признаков государства. При этом наличие в структуре суверенитета возможности возврата (восстановления) переданных полномочий является определяющей.

С теоретической конструкцией эластичного суверенитета тесно взаимосвязана и практика межгосударственного взаимодействия в рамках международных организаций. Так, формально-юридически для создания единого экономического и политического пространства с сохранением суверенитета государств

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Балтийского гуманитарного института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент. Автор более 150 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Теоретико-правовые и отраслевые основы механизма правосознания», «Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал», «Формирование права: нематериальные факторы» и др. Главный редактор научно-практического журнала «Theory and practice of the restoration of rights» («Теория и практика правосознания»), организатор ежегодного круглого стола «Евразийский Союз: территория права».

² См., например: *Бараник А., Вознюк И.* Глобализация как основа формирования глобальных рисков международной и национальной безопасности // Зарубежное военное обозрение. 2008. № 4. С. 4.

³ Конечно, нельзя отрицать, что в идеале глобализация может сказаться весьма позитивно на гуманизации правовой системы. Однако на практике это наблюдается далеко не всегда. Так, с молчаливого согласия мирового сообщества в Саудовской Аравии, да и в других вполне развитых государствах до сих пор существует практика унижающих человеческое достоинство наказаний.

участников, существует единственный путь: необходимо реализовать на практике концепцию «эластичного суверенитета».

Теоретическое обоснование концепции эластичного суверенитета приводит нас к необходимости ее практического использования для определения объема и содержания собственных суверенных возможностей каждого государства не только в отдельности, но и в качестве участника межгосударственной организации. Вопрос о характере суверенитета межгосударственных образований лежит, по сути, в плоскости как математических моделей, так и социально-политических механизмов взаимодействия. Главный вопрос — является ли суверенность межгосударственного образования сопоставимой с суверенитетом государства и выступает ли она суммой или средним арифметическим суверенитета его участников либо определяется фактором приоритетного (наиболее «сильного») суверенитета. Здесь можно говорить об обособлении: а) международных организаций, обеспечивающих общий баланс интересов государств-участников и, как следствие, их мирное сосуществование (ООН с ее ключевым органом — Советом Безопасности); б) военно-политических союзов, суверенитет которых обеспечивается государством, обладающим наиболее широким объемом суверенности (НАТО с США как ее системообразующим участником); в) политико-экономических объединений, где суверенность организации определяется достаточно сложно: прежде всего суммой переданных полномочий в экономических отношениях и максимальным объемом суверенитета участников — в политических (Европейский Союз); г) экономических союзов, где речь идет о простой сумме суверенных полномочий, переданных участниками для реализации от имени соответствующего объединения (ЕАЭС).

Именно функциональность суверенитета является объектом атак на него со стороны глобализационных информационных потоков. А учитывая, что информация здесь носит правовой характер и включает элементы нормативов государственного и надгосударственного принуждения с правовыми инструментами их реализации, к глобализации права и правоприменения необходимо относиться критически. Прежде всего исходя из того, что участие в глобализационных процессах не только предполагает возможности национального развития, но и включает определенные риски.

Так, к числу глобализационных относятся следующие риски.

1. Риск утраты государственного суверенитета. Это наиболее острая форма выражения отрицательного влияния глобализационных процессов, которая выражается прежде всего в безусловной имплементации норм международного права в национальное законодательство. Так, признание верховенства норм международного права может означать приоритет не только ратифицированных международных договоров (то есть тех норм, которые проходят законодательский контроль), но и актов международных организаций. Эти акты в силу факта своего принятия могут получить приоритет над национальным законодательством вне ратификационной процедуры.

Отметим, что чаще всего полная утрата суверенитета легализуется через формально законное и самостоятельное, а фактически — ортодоксально-упорное и логически слабообъяснимое следование воле иностранного государства или международной организации. При этом фактическая утрата суверенитета может сопровождаться его формальным укреплением. Наиболее характерный пример — продление «без обсуждения» санкций Евросоюза в отношении российских граждан и юридических лиц. При этом некоторые государства заявляли о необходимости такого обсуждения¹, но в итоге главы МВД и Минюстов государств Евросоюза одобрили решение о продлении санкций без обсуждения, а Совет ЕС такое решение закрепил².

2. Риск утраты национальной идентичности и связанной с ней уникальности национального права. Это связано с формированием общего миропорядка, предполагающего использование «общепризнанных» стандартов, в частности вытекающих из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также решений Европейского суда по правам человека. С помощью элементов стандартизированного подхода государствам не только навязываются нормативные правила обеспечения прав человека, но и даются интерпретационные указания, как эти правила должны применяться в национальных судах. Фактически речь идет о мягком общеправовом воздействии на внутреннее законодательство и, что для некоторых государств является существенным обстоятельством, предполагаемой серьезной нагрузке на государственный бюджет.

Причем воздействие этих «мягкоправовых» факторов в качестве конечной цели не только и не столько предполагает реальное повышение уровня гуманизации законодательства и правоприменительной практики, но главным образом инструментально выражает стремление глобального актора осуществить универсализацию внутреннего законодательства, связанного с отказом государства от национальных правовых (и связанных с ними религиозных и нравственных) институтов.

3. Риск утраты законодательских техник и правоприменительных практик, присущих национальному законодательству. В условиях наличия универсальных норм фактически становится лишней практика юридических экспертных оценок качества внутреннего законодательства, а в отдельных случаях это вообще может привести к конфликту оценки юридической силы внутреннего законодательства и норм международного права. При этом позиция экспертов международных организаций априори будет считаться приоритетной по отношению к позициям национальных экспертов. Примером такого подхода может служить Заключение Венецианской комиссии (Европейская комиссия за демократию через право) от 21 марта 2014 года по вопросу соответствия решения о проведении референду-

¹ См., например: Кузнецов А. Италия заблокировала автоматическое продление санкций против России (9 декабря 2015 г.) // Сайт РосБизнесКонсалтинг. URL: <http://www.rbc.ru/politics/09/12/2015/5668465d9a7947ff5a7978cb> (дата обращения: 23.03.2016).

² См.: Смирнов С. Евросоюз продлил санкции против России (21 декабря 2015 г.) // Ведомости. 2015. 21 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/12/21/621894-evrosyuz-sanktsii> (дата обращения: 23.03.2016).

ма, принятого Верховным Советом Крыма, Конституции Украины¹. по логике такого заключения, все иные интерпретации процедуры суверенизации региона являются как минимум неправильными. Вместе с тем на контраргументацию в процессе экспертной обработки указанного заключения указывала Т. Я. Хабриева². Однако решение, демонстрирующее явно политизированный характер, было принято без учета этих аргументов.

Таким образом, подводя итог обзору актуальных проблем глобализационных рисков в контексте эластичного суверенитета, можно сделать следующие выводы.

1. Признание за глобализационными процессами исключительно позитивного значения применительно

к национальным системам (экономической, социальной, политической, правовой и т. п.) невозможно.

2. Теория государственного суверенитета и, тем более, практика его реализации подвергаются воздействию глобализационных процессов.

3. Участие в глобализационных процессах не только предполагает возможности национального развития, но и включает определенные риски.

4. К числу глобализационных рисков относятся: а) риск утраты государственного суверенитета; б) риск утраты национальной идентичности и связанной с ней уникальности национального права; в) риск утраты законотворческих техник и правоприменительных практик, присущих национальному законодательству.

В. В. Лапаева³

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время под *безопасностью* социума понимается не только его защищенность от внутренних и внешних угроз, но и наличие условий для достойной жизни людей. Именно такое понятие закреплено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Понятийная увязка безопасности с достойным уровнем жизни предполагает включение социальной справедливости в систему факторов национальной безопасности. Что же касается глобальной безопасности, то, как показывает анализ, большинство современных глобальных вызовов в той или иной степени связано с дефицитом справедливости в системе глобальных отношений. С учетом сказанного *справедливость следует рассматривать в качестве одного из факторов глобальной и национальной безопасности*.

Чтобы оценить значение этого фактора, необходимо прежде всего определиться с понятием *справедли-*

вости. Для юриста позиция по этому вопросу зависит от типа правопонимания, которого он придерживается. С позиций либертарно-юридического правопонимания справедливость — это одна из составляющих правового принципа формального равенства, характеризующая результат упорядочивания общественных отношений путем уравнивания людей в их свободе. В этом смысле под социальной справедливостью понимается не нравственная категория (как это принято в рамках юснатурализма), а искомый идеал правового устройства общества свободных индивидов.

На глобальном уровне значение справедливости как фактора безопасности обусловлено тем обстоятельством, что первопричиной основных глобальных вызовов и рисков является ограниченность жизненно важных для человечества ресурсов. Специфика нынешнего исторического момента в том, что эта ограниченность ресурсов становится все очевиднее, выдвигая на первый план проблему справедливости их распределения. А процессы глобализации существенно усугубляют эту проблему, поскольку они уже не просто усиливают неравенство и неравномерность развития стран и регионов, но делают непреодолимым разрыв между основными бенефициарами глобализации и остальным миром. По мнению специалистов, после крушения социалистической системы со всеми ее иллюзиями, питавшими надежды стран третьего мира на догоняющую модернизацию, в этих странах сейчас зреют такие «гроздь гнева», на фоне которых шумное антиглобалистское движение внутри самих развитых государств является детской забавой⁴.

Правда, сама острота проблем, обусловленных ограниченностью ресурсной базы планеты, не только актуализирует поиски их справедливого решения, но и дает шанс на то, что эти поиски окажутся успешными. Жизненная важность этих ресурсов заставит

¹ См.: CDL-AD(2014)002-e Opinion on “whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of Crimea in Ukraine to organise a referendum on becoming a constituent territory of the Russian Federation or restoring Crimea’s 19 92 constitution is compatible with constitutional principles” adopted by the Venice Commission at its 98th Plenary Session (Venice, 21–22 March 2014) // Official site of the Council of Europe. URL: <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282014%29002-e> (дата обращения: 23.03.2016).

² См.: Трудности перевода. Как европейская комиссия приняла решение по крымскому референдуму // Российская газета. 2014. 18 апр. № 6360 (88).

³ Советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук. Автор более 250 научных публикаций, в т. ч. книг: «Типы правопонимания: правовая теория и практика», «Право и политика: научные очерки», «Право и многопартийность в современной России», «Конкретно-социологические исследования в праве», «Законодатель и общество», «Вопросы права в “Капитале” К. Маркса»; учебников: «Социология права» и «Российская социология права». Ответственный редактор и соавтор «Комментария к Федеральному закону “О политических партиях”», сборника «Законодательство о науке: современное состояние и перспективы развития». Член редколлегии журнала «Социологические исследования», Научно-методического совета при Центральной избирательной комиссии РФ. Награждена Почетной грамотой Государственной Думы РФ.

⁴ Ачкасов В. А., Еремеев С. Г. Страны третьего мира: столкновение с глобализацией? // Политическая экспертиза. 2009. № 1. С. 161–176. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12590029>

тех, кто окажется обделенными, бороться до конца, и то, что этот конец может стать всеобщим, способно остановить далеко не всех. В условиях, когда «благодаря новым технологиям индивиды обретают возможности, не уступающие тем, которыми обладают государственные структуры»¹, борьба за справедливость или за то, что лишь кажется кому-то справедливым, слишком легко может привести к фатальному исходу. А это означает еще один существенный довод в пользу того, что в современном обществе риска, где никакие государства, социальные группы и отдельные люди не имеют привилегии на безопасность, все оказываются беззащитны уже практически в равной мере. Равная уязвимость сильных и слабых перед лицом глобальных угроз — это качественно новое явление, которое и дает шанс на поиск справедливого решения общих для человечества проблем. Ведь справедливость может быть гарантирована лишь в рамках договора между равными, а не путем уступок со стороны сильных в пользу слабых.

Сможет ли человечество использовать этот шанс за счет формирования более справедливых основ глобального миропорядка в исторически обозримой перспективе? Как показывают расчеты специалистов, промежуток времени между глобальными катастрофами, связанными с человеческим фактором, в последние столетия сокращались в убывающей геометрической прогрессии. До сих пор из этих катастроф человечество выходило хотя и не без потерь, но обогащенное опытом и новым потенциалом для развития. Это удавалось во многом благодаря действию закона техногуманитарного баланса, согласно которому чем выше мощь изобретенных людьми разрушительных технологий, тем более совершенными должны быть средства социокультурной регуляции², и прежде всего — нормативные системы религиозного, морально-нравственного и правового характера, аккумулирующие в себе разумные начала человеческого общежития. Сокращение времени между такого рода катастрофами графически выражено логарифмической кривой, которая уже приближается к критически опасной вертикали³. Это означает, что мы живем в преддверии каких-то перемен планетарного масштаба, вектор которых пока неясен. В подобных условиях нельзя пренебрегать любыми способами снижения риска катастрофического развития событий, и прежде всего теми возможностями, которые связаны с совершенствованием систем соционормативной регуляции.

В свое время основные мировые религии, отказавшись от языческого культа силы, внесли важный вклад в становление гуманистической нравственности и права, создав таким образом факторы противодействия тем деструктивным началам, которые заложены в самой религии как источнике религиозных конфликтов. И сейчас от качества именно этих соционормативных систем зависит, хватит ли у человечества разума,

чтобы совладать со своим растущим инструментальным могуществом. Основная нагрузка при этом ложится на право, которое по сути своей является квинтэссенцией разумности общественных отношений, так как в максимально возможной степени противостоит произволу. В социальной жизни произвол можно рассматривать как своего рода аналог энтропии в термодинамике, являющейся показателем степени неупорядоченности системы и деградации ее внутренней энергии. Право противостоит этой социальной деградации, поскольку упорядочивает общественную жизнь на началах равенства в свободе, обеспечивая справедливость общественного устройства как основу нормального развития социума.

Такое соотношение понятий «право», «равенство» и «справедливость» в контексте планетарного миропорядка не является общепринятым. Конечно, вряд ли можно оспаривать саму необходимость справедливого миропорядка, поскольку в мировом общественном мнении утвердилось представление о справедливости как о главной добродетели социальных институтов. Но есть принципиальные разногласия в вопросе о том, является ли справедливость правовой категорией, выражающей равенство между сильными и слабыми в их свободе, или это нравственная категория, суть которой сводится к милосердию сильных по отношению к слабым. Запад, который увязывает права человека с гуманистическими ценностями, представляющими собой сплав правовых и нравственных начал, предпочитает ориентироваться на нравственную трактовку справедливости, принятую в рамках естественно-правовой доктрины. Применительно к системе глобальных отношений такое понимание справедливости предполагает наличие равнейших среди равных, то есть тех, кто способен осуществлять благотворительность по отношению к слабым.

Однако те субъекты глобального взаимодействия, которые в классификации И. Валлерстайна относятся к периферии и полупериферии миросистемы, все настойчивее выдвигают запрос на равное участие в решении общепланетарных проблем. В этой ситуации, пишет ученый, либерализм оказывается «загнан в угол своей собственной логикой»⁴. Ведь провозглашенная им идея равенства прав человека несет в себе также идею равенства прав народов. Народы, в том числе стран третьего мира, требуют большего равенства и большей демократии для всех, апеллируя при этом к идеологии либерализма в ее буквальном смысле. А это значит, что они претендуют на *правовую справедливость*, то есть на такие правовые (не только по форме, но и по сути) правила планетарного миропорядка, которые являются итогом свободного и равноправного договора между всеми ответственными субъектами глобального взаимодействия. Возможен ли в принципе такой глобальный консенсус? Пока что развитие событий идет по социал-дарвинистскому сценарию со всеми вытекающими отсюда рисками. И есть большая опасность, что человечество не сумеет успешно пройти тест на разумность, который, по сути, является тестом на его способность к выживанию.

¹ Мировой порядок: новые правила или игра без правил? Доклад участников XI ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: cdnimg.rg.ru/pril/article/109/33/61/BV-2014_rus.pdf

² Назаретян А. П. Нелинейное будущее. М., 2015. С. 105.

³ Там же. С. 302–303.

⁴ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. URL: nashol.com/...posle-liberalizma-vallerstain-i... (Гл. 8).

На национальном уровне значение справедливости как фактора безопасности определяется уже тем обстоятельством, что в современных условиях основные вызовы национальной безопасности в немалой степени представляют собой проекцию на национально-государственное пространство глобальных рисков и угроз. Кроме того, у каждой страны есть специфические проблемы, от справедливого решения которых в той или иной мере зависит ее национальная безопасность. При этом переход от одной формы общественного устройства к другой, можно сказать, что здесь взаимосвязь между национальной безопасностью страны и степенью справедливости формирующегося общественного устройства носит особенно значимый характер.

Но, в отличие от Запада, где последние десятилетия эта тема обсуждается в контексте поиска идеала справедливого общественного устройства, в России она находится на периферии общественного и научного дискурсов. О социальной справедливости у нас в основном говорят как о государственной политике перераспределения «в пользу бедных», сводя ее лишь к социальному неравенству. Между тем социальное неравенство, выраженное через децильный коэффициент (который у нас уже давно зашкаливает), — это внешнее проявление более глубоких деформаций, свидетельствующих о несправедливости, заложенной в основание общественно-государственного устройства. Но мы явно избегаем обсуждать справед-

ливость основ формирующегося общественного строя. Показательно, что из пространства общественных и научных дискуссий практически выпали проблемы, связанные с приватизацией социалистического наследия, которая стала исходным пунктом всех постсоветских преобразований. Между тем именно из неправового и несправедливого характера приватизации выросло то слияние власти и собственности, которое порождает все основные дефекты социально-экономического и политико-правового развития страны¹.

Почему общество с традиционно обостренным чувством справедливости смирилось с очевидной несправедливостью в таком важном для него деле? И смирилось ли оно? Авторы, исследующие глубинные пласты российской ментальности, отмечают присущий ей социокультурный раскол, порожденный манихейской природой массового сознания россиян, тяготеющих к резко дуалистической картине мира. Это блокирует возможность правового развития страны, поскольку право — это справедливый договор между равными, а не сговор между сильными. Накапливающееся ощущение несправедливости происходящего в какой-то момент способно, как показывает история, спровоцировать широкие массы к социальному протесту и «радикально повысить эту готовность в считанные дни и даже часы»². Такую возможность нельзя не учитывать при разработке мер по усилению национальной безопасности страны.

А. А. Ливеровский³

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. Под конституционализацией⁴ права понимается процесс, направленный на развитие (совершенствование) правовой системы общества, в частности, государственных институтов, юридической практики и конституционного правосознания, «выстроенный» в соответствии с определенной конституционной моделью⁵. Использование данной доктринальной конструкции дает возможность сократить трагическое для менталь-

ности конституционалистов расхождение юридической реальности с конституционно-правовым проектом — конкретной конституцией.

Исследуя развитие государственности на территориях Кавказа, профессор Г. Г. Арутюнян делает вывод о том, что как становление, так и стабильность конституционного государства связаны с уровнем *конституционной культуры*, возникающей и состоящей у этнической общности на определенной территории. В основе конституционной культуры, которую ученый определяет как «исторически сложившуюся, обогащенную опытом поколений и всего человечества определенную *ценностную систему убеждений*, представлений, правосознания», лежат *этнические обычаи* и традиции, моральные нормы, *религиозные* каноны, которые исполнялись и сохранялись как обязательные условия поведения для представителей определенной социальной общности⁶.

Ценность этого вывода заключается в том, что соединяется уровень конституционализма с развитием *правовой* составляющей культуры этнического сообщества. При этом правовой режим, соответствующий конституционной культуре (назовем его правовым ре-

¹ См.: Лапаева В. В. Перспективы правового развития постсоциалистической России: с позиций цивилизационного и институционального подходов. URL: www.igpran.ru

² Яковенко И., Музыкантский А. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М., 2012. С. 238.

³ Заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч.: «О статусе субъекта Российской Федерации», «Исторические и правовые особенности субъектного состава РФ», «Конституционно-правовой статус Санкт-Петербурга», «Актуальные проблемы федеративного устройства России», «Федеральное вмешательство» и др. Действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1-го класса.

⁴ В работе используются терминология и ее содержательное значение, подаренные всем нам Владимиром Ивановичем Крусом в монографии: «Конституционализация права: основы теории. М.: ИНФРА-М, 2016.

⁵ Под конституционной моделью понимается определенная совокупность фундаментальных конституционных принципов.

⁶ Harutunian G. G. Constitutional culture: The lessons of history and the challenges of time. Yerevan, 2009.

жимом с определенной (конкретной) этнорелигиозной спецификой), определяется в исторической ретроспективе нормами обычного права, сложившегося на территории проживания сообщества, и неотделимо связанными с ними нормами религиозного права. Автор подводит к мысли, что этническое сообщество может объективно претендовать на суверенную государственность только при достижении им определенного уровня конституционной культуры. Точнее, становление конституционного государства связывается с «пассионарным толчком»¹, объективизация которого выражается в следующих критериях: конституционная культура конкретного этнорелигиозного сообщества (народа) становится объединяющим фактором для всего населения, проживающего на определенной территории, а этнорелигиозный режим, ей соответствующий, становится государственным правовым режимом. Из этого рассуждения следует вывод, который имеет политическое и даже философское значение: государство-образующим фактором нации является не генетическая условно-этническая титульность, а объединяющие возможности ее конституционной культуры².

2. Теперь о сохранении стабильности конституционного государства. Поскольку нации и даже народы современных государств многоэтничны и многоконфессиональны, то, естественно, существует проблема совместимости культур. Решение этой проблемы справедливо связывают с устойчивостью государственного режима, с сохранением территориальной целостности. Государственное преобладание титульной конституционной культуры, свойственное национальному государству, не должно исключать существование и развитие на его территории иных конституционных культур, имеющих иную этнорелигиозную основу. Напротив, для решения проблемы совместного бесконфликтного проживания этнических сообществ на территории уже состоявшегося государства необходимо не ограничиваться конституционными декларациями, а создавать правовые условия сохранения конституционных культур, не совпадающих с титульной. И если этнорелигиозные основы конституционных культур индуцируют особенные правовые режимы³, то государственный правовой режим, соответствующий титульной конституционной культуре, должен их объединять в единую государственную правовую систему. Только так можно обеспечить единство системы государственной власти, что, в свою очередь, дает возможность сохранить целостность государства. Стабильность же состоявшегося конституционного государства, предотвращение его

распада зависят от того насколько эффективна конституционная конструкция, направленная на сохранение этнорелигиозных режимов, соответствующих «младшим» конституционным культурам.

3. Создатели Конституции Российской Федерации, определяя наше государство как светское, что абсолютно оправдано в европейской конституционной модели, и формируя национально-территориальные образования, должны были учесть, что национальные традиции и обычаи, составляющие конституционную культуру, чрезвычайно связаны с установлениями религий. При этом 90-е же годы стали годами возрождения, или точнее, выхода из тени этнорелигиозных правовых культур. В первую очередь это касается ислама, на российское распространение которого оказывал и оказывает сильное влияние зарубежный исламский фундаментализм. Обнаружилось, что представители этнических сообществ не только великолепно танцуют народные танцы и сохраняют национальные одежды, но и руководствуются в социальной среде обычным правом, сложившимся в сообществе, традициями, тесно переплетенными с предписаниями исповедуемых религий.

Делая вид, что в России существует единый правовой режим, охватывающий все население, не учитывая при формировании федеративных отношений правовую составляющую традиционных укладов, мы создаем основу для национального и религиозного размежевания. Сегодня поводом для выплеска экстремистской идеологии становится неурегулированность этнорелигиозных отношений в рамках российской государственно-правовой системы. Вследствие чего во главу угла миссионерами фундаменталистского ислама ставится не нарушение государственной властью права на свободу совести, а якобы невозможность для определенных групп населения легально сохранять традиционный этнорелигиозный уклад в семейных, наследственных отношениях, в отношениях личного статуса. Решением этой проблемы может стать внесение изменений и дополнений в законодательство положений, позволяющих легализовать существующие и вновь образуемые этнорелигиозные сообщества и соответствующие им правовые режимы.

4. Современные научные представления соединяют в понятии федерализма принцип, форму государственного устройства, и, наконец, определенный правовой режим⁴. Как правовой режим, федерализм обеспечивает объединение различающихся правовых режимов населения, индуцированных разделением по вертикали единой государственной власти в условиях ее территориальной организации.

Традиционно форму государственного устройства связывают с территориальной организацией государственной власти — с образованием публично-территориальных образований. На территориях субъектов федерации согласно нормам и принципам конституций образуются правовые режимы, соответствующие установленному разграничению сфер общественных отношений. При этом в рамках определенных сфер органы власти публично-территориальных образований

¹ В свете терминологии Л. Н. Гумилева.

² Поясно на примере: не генетические русские (условная моноэтническая общность) создали российское государство, а русская конституционная культура смогла объединить все этнорелигиозные сообщества, проживающие на территории России, и сохранить их в едином государстве.

³ Сохранение особых правовых режимов, соответствующих этнорелигиозным культурам, особенно важно для коренных малочисленных народов. В совокупности с сохранением среды их обитания эти факторы становятся условием выживания этих народов. Надо отметить, что в какой-то мере федеральное законодательство создает особые правовые режимы для коренных малочисленных народов «северных» республик. (Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М.: Норма, 2010).

⁴ Умнова И. А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 2000.

принимают самостоятельные решения и независимы в их принятии. Важно выделить эти сферы так, чтобы не было непреодолимых противоречий с государственной конституционной культурой. Это вполне возможно, поскольку в шариате есть как собственно правовые предписания, так и предписания «неправового» характера.

В настоящее время, в связи с конвергенцией европейской и мусульманской культур, особенно в нетеократических государствах, где исповедуется не фундаменталистский, а «народный ислам», сфера действия мусульманского права ограничивается гражданско-правовыми отношениями (вопросы брака, семьи, наследования, попечительства). К предписаниям «неправового» характера относятся так называемые социальные нормы: чем можно и должно питаться, как относиться к старшим, как воспитывать детей, а также процедуры исполнения религиозных обрядов. Вводя понятие правового режима этнорелигиозного сообщества, мы имеем в виду исключительно правовые предписания религиозного права и нормы обычного права.

Исходя из первоначального смысла понятия федерации (foederatio), в том числе его конституционно-культурного смысла как союза отдельных людских сообществ или организаций, предлагается уйти от территориальной основы их объединения. Определим субъект федеративных отношений не как публично-территориальное образование, а как сообщество людей, объединенных общим правовым режимом, в основании которого лежат определенные религиозные каноны и/или сложившееся в сообществе обычное право¹. Естественной, опирающейся на традиционный уклад,

характеристикой такого федеративного субъекта должна стать самостоятельность в принятии решений выборными органами управления сообщества в определенных федеральным центром сферах общественных отношений. Реализовать такой «экстерриториальный федерализм» как форму внутреннего государственного устройства субъекта Российской Федерации наиболее естественно для республик Северного Кавказа с их ярко выраженным разнообразием этнорелигиозных традиционных укладов.

Противоречия с конституционной доктриной светского государства в этом случае не усматриваются. Речь идет не о признании религиозных правил источниками государственного права и не об исполнении функций органов государственной власти религиозными объединениями (что не должно быть в светском государстве), а о создании такого государственного правового режима, который позволил бы этнорелигиозным сообществам легально руководствоваться традиционным порядком и обеспечивал высшую конституционную ценность — «достоинство человека». В этом плане примечательна мысль Н. С. Бондаря о том, что категория «достоинство человека», которая «генетически имеет нравственно-этическое происхождение», является «основой базисных принципов современного конституционализма»². Именно реализация конституционными принципами ценности «достоинство человека» должна обеспечивать этническое равноправие, свободу совести и вероисповедания, в частности, путем предложенной конституционализации федеративных правоотношений, определяющих государственное устройство.

В. А. Малиновский³

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В УСЛОВИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

I. Право пронизывает основные области жизнедеятельности казахстанского общества. В сферу права наряду с действующим позитивным правом в качестве основных компонентов входят правотворчество, толкование права и правоприменение. Свои значительные особенности имеют законодательствование, нормотворческая и правоохранительная деятельность. Особое место занимают правосознание, правоприменение, правовая культура граждан и правоприменителей, должное правовое поведение всех субъектов правоотношений.

Смена парадигмы общественного развития, вступление Казахстана в мировое сообщество обусловили новую правовую систему, основанную на совершенно

иных, чем ранее, принципах и методах правового регулирования. Жесткие условия переходного периода буквально сотрясали основы правотворчества и правоприменения. Уходили в небытие привычные и появлялись новые сферы нормативного регулирования, практиче-

¹ Этнорелигиозное сообщество может базироваться на определенной территории, как, например, сельский джамаат, или существовать экстерриториально, как, например, иудейская община в Махачкале, но критерием различия является не связанность с конкретной территорией, а определенный правовой режим.

² Бондарь Н. Достоинство личности в аксиологической системе конституционного правосудия // Конституционное правосудие в новом тысячелетии : альманах. Ереван, 2014.

³ Член Конституционного совета Республики Казахстан (Астана), доктор юридических наук. Судья Конституционного Суда Республики Казахстан (1992–1995). Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Лидер: президентская власть в Казахстане на рубеже эпох»; «Президент Республики Казахстан и парламент Республики Казахстан: взаимоотношения, система сдержек и противовесов», «Президент Республики Казахстан: инструменты власти и обеспечения деятельности», «Глава государства суверенного Казахстана», «Внеочередные выборы Президента Республики Казахстан: вопросы и ответы» (в соавт.), «Проблемы согласованного функционирования органов государственной власти Республики Казахстан и системы сдержек и противовесов» (в соавт.), «Казахстан: 10 лет независимости» (в соавт.) и др. Член редсовета журналов: казахстанских «Право и государство» и «Правовая реформа»; российских «Проблемы права» и «Российское право». Член Союза юристов Казахстана. Награжден орденами «Курмет», «Парасат», юбилейными медалями в ознаменование 10-летия Конституции, 10-летия Парламента Республики Казахстан, 20-летия государственной независимости Республики Казахстан, 10-летия Астаны.

ски с чистого листа были написаны законодательные акты в области экономических, финансовых, банковских и ряда других отношений.

II. После обретения государственной независимости в Казахстане проводится системная, научно обоснованная, материально затратная последовательная работа государственных и негосударственных структур, в совокупности составляющая суверенную правовую политику. Ее принципиальные начала заложены в Конституции Республики Казахстан, принятой на республиканском референдуме 30 августа 1995 года.

Казахстанская Конституция — пример успешного сочетания достижений гуманистической мысли и потребности обеспечения интересов страны. Конституционные ценности закреплены в преамбуле Конституции, общих положениях и последующих статьях.

В п. 1 ст. 1 определена характеристика Казахстана в качестве утверждающегося демократического, светского, правового и социального государства, «высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы».

В п. 2 ст. 1 Конституции закреплено: «Основопологающими принципами деятельности республики являются: общественное согласие и политическая стабильность, экономическое развитие на благо всего народа, казахстанский патриотизм, решение наиболее важных вопросов государственной жизни демократическими методами, включая голосование на республиканском референдуме или в парламенте». В последующих статьях (ст. 2–9) сформулированы положения о президентской форме правления и унитарном устройстве, государственной власти, действующем праве, политическом многообразии, собственности, языках, уважении принципов и норм международного права, государственных символах.

Казахстанские конституционные ценности представляют собой ядро консолидирующей миссии Основного закона, оптимальный сплав общечеловеческих ценностей с насыщенным казахстанским содержанием. Именно акценты на динамичности формирования содержательных характеристик казахстанского государства, первичности единства государственной власти и вторичности ее осуществления (разделение на три ветви), решающей роли республики при включении международных норм в правовую систему страны, перечне объектов государственной собственности и возможности существования в очерченных законом границах в частной собственности, статусе казахского языка в качестве государственного и официальном употреблении при общении с государственной властью русского языка — эти и иные приоритеты создают неповторимый облик Конституции и ее повышенную легитимность.

Полиэтничность и конфессиональное многообразие казахстанского общества делают жизненно необходимыми механизмы удовлетворения интересов различных этнических и религиозных групп. Постоянно и активно стимулируемая верховной властью государственная политика в области межэтнических отношений имеет под собой прочную политико-правовую основу в форме соответствующих норм Конституции

и современного законодательства. Принцип гражданства и безусловного равенства личности в правах и свободах отрицает исключительность по национальному признаку. На протяжении почти 25 лет государственной независимости интеграция в сфере межнациональных отношений протекает как процесс формирования казахстанской идентичности и единства, а не доминирования титульной нации.

Правовая система модернизирующегося Казахстана совершенствуется наиболее последовательно, системно, выверенно и динамично, что достигается согласованием на самом высоком политическом уровне всех факторов влияния (со знаками «плюс» и «минус»), как за пределами правовой сферы (в координатах многообразного и сложно структурированного общества), так и внутри нее, как в Казахстане, так и в международных (иностраных) центрах влияния.

Главным документом глобального согласования факторов влияния и стоящих за ними интересов и акторов является *стратегия «Казахстан–2050: новый политический курс состоявшегося государства»* (2012). Этот новый идейный программный документ органично наполнил стратегическим смыслом вектор обновления и долгосрочного развития страны, стал ядром новой казахстанской идеологии, вокруг которой выстраивается государственная политика, концепции, планы и программы всех государственных органов, их практические шаги по дальнейшему совершенствованию страны. Главная цель Казахстана — к 2050 году войти в число 30 самых развитых государств мира. В *стратегии «Казахстан–2030: процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев»* (1997) впервые был очерчен наш собственный казахстанский путь. Документ дал видение стратегических целей и задач, стал важнейшим мировоззренческим прорывом. Благодаря ему была осуществлена тройная модернизация: построено государство и совершен прорыв к рыночной экономике, заложены основы социально-го государства, перестроено общественное сознание.

Координационным началом, основой для разработки соответствующих программ *в правовой сфере*, перспективных и ежегодных планов законопроектных работ правительства республики, проектов нормативных правовых актов выступают *концепции правовой политики*.

Указом Президента РК от 24 августа 2009 года утверждена Концепция правовой политики РК на период с 2010 до 2020 года. Она выступает преемницей уже реализованной Концепции правовой политики РК на период до 2010 года (Указ Президента РК от 20 сентября 2002 г.). В свою очередь, началом формирования преемственной деятельности по утверждению казахстанского правового государства на базе общепризнанных цивилизационных ценностей и национально-культурных особенностей общества стала Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан (постановление Президента РК от 12 февраля 1994 г.). Исходя из принятой 30 августа 1995 года новой Конституции РК, во второй половине 1990-х годов было создано новое конституционное право. Получило дальнейшее развитие гражданское право, регулирующее

отношения частной собственности, гражданского общества, свободного предпринимательства. В уголовном праве определена принципиально новая иерархия подлежащих защите социальных ценностей, основанная на приоритете естественных, неотъемлемых прав и свобод человека. Существенно изменено гражданское процессуальное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, в значительной мере в соответствии с принципами, утвердившимися в мировом сообществе.

Каждая из концепций правовой политики — предельно насыщенный перспективными научными идеями, ясный и конкретный документ. Это обеспечивается включением в их разработку прогрессивных ученых, ведущих практиков, депутатов, руководителей правоохранительных органов и учебных заведений. Они максимально представляют все секторы сферы права и объединены в Совете по правовой политике — консультативно-совещательном органе при Президенте Республики Казахстан.

Новейшим примером согласования ценностей Конституции, стратегии развития страны и права стала реализация предложенных Президентом РК в марте 2015 года пяти институциональных реформ. В целях их развития Национальной комиссией, возглавляемой премьер-министром, был подготовлен (и утвержден главой государства) План нации «100 конкретных шагов», а парламентом принято порядка 60 законов.

III. В условиях глобализации Республика Казахстан включает в действующее право международные правозащитные договоры, заимствует конструктивные идеи и практику правового регулирования зарубежных стран, в том числе с иными правовыми системами.

В Конституции РК и многочисленных законах содержатся гарантии добропорядочного (в полном соответствии с Уставом ООН) поведения Республики Казахстан на международной арене. Соответствующие Конституции международные договоры и иные обязательства республики входят в систему действующего права, а ратифицированные ею международные договоры имеют приоритет перед казахстанскими законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона (ст. 4 Конституции РК). Республика Казахстан уважает принципы и нормы международного права (ст. 8 Конституции РК). Благодаря строго выверенной внешней политике Казахстан приобрел высокий авторитет ответственного субъекта международных отношений. Ряд правовых позиций был выработан Конституционным советом РК.

Нужно четко понимать, что *действующая Конституция РК обладает верховенством не только в отношении казахстанских законов. Закрепив на высшем уровне общепризнанные во всем мире ценности, открыв шлюзы для прогрессивных вехий глобализации, Основной закон РК в условиях турбулентности международного права и возникающих эксцессов двойных стандартов выступает эффективным средством защиты суверенитета страны на международной арене, ставит заслон от проникновения чуждых нашим традициям и культуре, правам и свободам казахстан-*

цев некоторых деструктивных подходов и требований, навязываемых отдельными международными организациями.

Процесс углубляющейся экономической интеграции на постсоветском пространстве, учреждение и функционирование ЕврАзЭС (ранее — Таможенный союз) стимулировали зарождение и развитие наднационального регионального права. Данная (новая для Казахстана) ситуация спровоцировала немало дискуссий. Принципиальные ответы на ключевые вопросы были даны Конституционным советом в принятом в ответ на обращение премьер-министра республики нормативном постановлении от 5 ноября 2009 года № 6 «Об официальном толковании норм ст. 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов».

Решения международных организаций и их органов, участником которых является Республика Казахстан, могут приобретать юридические свойства ратифицированного республикой международного договора в случае непосредственного указания на обязательный характер для Казахстана данных решений в международном договоре, ратифицированном Республикой Казахстан.

Непосредственное применение решений Комиссии Таможенного союза (данное обращение премьер-министра было связано именно с исполнением актов этого наднационального органа), имеющих приоритет перед нормативными правовыми актами республики, не означает отмену ими норм действующего права Казахстана. Приоритет и непосредственное применение приравненных к ратифицированным международным договорам решений комиссии предполагают ситуативное превосходство норм таких договоров. Это означает, что в случаях возникновения коллизии с нормами правовых актов республики действуют нормы обязательных решений комиссии впредь до устранения такой коллизии.

Процедура принятия обязательного для Казахстана решения международной организации или его органа должна предусматривать правовые гарантии, исключающие возможность искажения заложенной в международном договоре воли народа Казахстана, выраженной в решениях, принятых республиканским референдумом, а также в актах президента и парламента республики при заключении и ратификации договора.

Выступая за международную интеграцию, Конституционный совет установил, что «не могут быть признаны в качестве обязательных для Казахстана решения международных организаций и их органов, нарушающие положения п. 2 ст. 2 и п. 2 ст. 91 Конституции о том, что суверенитет республики распространяется на всю ее территорию, и о недопустимости изменения установленных Конституцией унитарности и территориальной целостности государства, формы правления Республики».

Приведенные правовые позиции нормативного постановления № 6 Конституционного совета от 5 ноября 2009 года есть результат официального толкования, вошедший в систему действующего права и подлежащий всеобщему исполнению.

Особо подчеркну солидную научную базу данного решения Конституционного совета. Экспертами выступили казахстанские и российские ученые — доктора юридических наук, специалисты Европейской комиссии «За демократию через право» Совета Европы (Венецианская комиссия), Интеграционного комитета Евразийского экономического сообщества, также заключения представили ведущие казахстанские вузы. Кроме того,

аналогичные проблемы попадают в поле зрения органов конституционного контроля иностранных государств, в том числе Европейского Союза, и разрешаются ими.

Именно реализация заложенных в Конституции РК базовых ценностей, социально-экономических и иных приоритетов — основа правовой политики страны в условиях разумного сочетания глобализации и национального (государственного) суверенитета.

С. А. Маркова-Мурашова¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях российской правовой действительности активно проходят процессы глобализации, интернационализации экономической, правовой и иных сфер жизни государства и общества. Они продиктованы требованиями времени, но главное в этом процессе подведения под общий знаменатель — не потерять государствам и обществам свое национальное лицо, национальный дух, менталитет, без чего не может быть выработано справедливых, адекватных интересам и потребностям отдельных индивидов законов. Но только цивилизованные (прежде всего в правовом плане) государства, с должным уровнем национального и международного правосознания, могут сосуществовать и плодотворно сотрудничать с другими.

Представляется весьма своевременным и необходимым рассмотреть новые подходы, связанные с правовой культурой общества, позволяющие глубже проникнуть в социальную ткань и выявить специфику права, а также своеобразие стоящих за ним условий общественной жизни. Структурная организация правосознания включает внутренний и внешний аспекты. Внутреннюю структуру составляют юридический дух, правовая духовность и подобные явления, а внешнею — правовая идеология и психология.

Обратим внимание на внутреннюю сторону правосознания, так как она принадлежит к сфере духа, его внутренняя «ткань» заключена в правовой мысли, идее, чувстве, воле, энергии и духовности. Именно ментальный аспект придает правосознанию силу, наполняет его реальным содержанием и может изменить его качественные характеристики. Категории «национальный дух», «юридический дух», «правовой менталитет» являются основными в духовно-культурологи-

ческой теории правосознания. Важно понять сущность каждой категории, их взаимосвязь и значение для феномена правосознания в целом.

Согласно В. Далю, слово «дух» означает отличное свойство, сущность, суть, направление, значение, силу, разум, смысл². В философии дух выступает в трех формах бытия: как дух отдельного индивида (личный дух), как общий дух (объективный дух) и как объективированный дух (совокупность завершенных творений духа). Личный дух становится самым собой благодаря погружению индивида в область объективного духа, духовную сферу, культуру, которую он находит и которую может (частично) усвоить с помощью воспитания и образования. Это «врастание» есть становление человека, поскольку под человеком понимается живое существо, отличающееся своей духовностью, то есть свободным существованием и внутренней способностью смотреть на события и вещи со стороны, в противоположность другим живым существам, над которыми господствуют непосредственные побуждения³.

От общества, государства зависит, как будет существовать и развиваться нация, по каким законам будет жить государство, какой порядок, правосознание и тип правопонимания будут господствовать в нем.

Носителем личного юридического духа является психический склад отдельного индивида, носителем объективного юридического духа — какая-либо общность (группа, народ, нация, группа народов). Гегель рассматривал нацию в качестве общности людей с единым «национальным характером», который составляют «телесное развитие, образ жизни, занятия, равно как и особые направления ума и воли»⁴. Все эти особенности находят свое выражение в «национальном духе».

Государство является «единичным индивидуумом», формой национального единения и проявлением «национального духа». Исходя из этого, можно выстроить достаточно простую схему. Во-первых, государство должно принимать справедливые норма-

¹ Профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар), доктор юридических наук, руководитель магистерской программы «Правовая система России в контексте взаимодействия с международным правом». Автор 152 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Правовая система России (феноменологический и типологический анализ)», «Правовая культура России в условиях глобализации», «Типологизация и систематизация в юридических науках: теория и практика»; статей: «The basis of the interaction of legal systems of modernity», «Культура, право, экономика: современный вектор взаимодействия», «Национальное возрождение духовного мышления и правовой культуры как векторы развития правовой системы России в условиях глобализации» и др. Член ассоциации юристов Краснодарского края.

² Далъ В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1998. Т. 1. С. 1253.

³ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 146–147.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3. С. 66.

тивные акты с учетом национального духа, тем самым они будут действенны в обществе индивидов. Вторых, будут удовлетворяться и интересы государства как «единичного индивидуума». Из этих двух посылок выводятся стабильность в государстве и обществе и господство законности и правопорядка. Но это лишь красивая схема, быть может, подходящая для идеальной сферы права, но она разрушится при столкновении с реалиями экономического, социального и другого порядка.

Для установления в государстве правопорядка и высокого уровня правовой культуры на федеральном уровне следует создавать законы, содержащие нормы, соответствующие ожиданиям большинства населения, и проводить четкую правовую политику в отношении народов, населяющих территорию России, во избежание конфликтов и недоразумений, предоставляя им автономию воли в выражении присущей им ментальности, но с учетом уважения интересов друг друга на паритетных началах.

Органично связано с феноменом «национальный дух» понятие «правовой ментальности», проявляющееся на глубинном уровне правосознания. Именно правовой ментальности влияет на развитие духовной жизни общества, которая определяет специфику данного государства во всей его целостности. В рамках каждой национальной правовой системы существуют только ей присущие национальный дух, правовой ментальности, правовое сознание. История показывает, что национальный дух, правовой ментальности являются мощным орудием, которое необходимо тщательно изучить, усвоить, понять и использовать для совершенствования правовой и политической жизни государства и общества.

Универсальной тенденцией современности служит расширение сферы международно-правового регулирования, отражающее усиление интеграционных процессов и стремление государств приобщиться к общепризнанным ценностям и стандартам, выработанным человечеством. Эти ценности, как известно, закреплены в нормах международного права.

Россия не может оставаться в стороне от происходящих процессов. В силу этого особую актуальность и значимость приобретают еще малоизученные, но уже отличающиеся некоторой проблемностью вопросы, связанные с международным правовым сознанием, под которым в рамках данной статьи мы понимаем совокупность правовых представлений, взглядов, чувств и других проявлений, выражающих оценочное психологическое отношение населения государства к нормам и принципам международного права.

Сегодня, на этапе активного внедрения норм международного права в правоприменительную практику, крайне важна не просто «стыковка», но и нормализация всех отдельных элементов правовой системы, выявление их неиспользованного потенциала для настройки системы в целом для достижения поставленных целей. От степени знания норм международного права, уважительного отношения к ним, наличия духовно-культурологических установок на их непосредственное применение зависит эффективность реализации норм международного права, которые обладают повышенной социальной ценностью. Тем не менее, как показывает практика, сегодня международно-правовое сознание — одно из самых слабых звеньев российской правовой системы.

В ряду проблем, имеющих в данной области, можно назвать: сохраняющуюся установку не на совместное применение норм международного и внутригосударственного права, а в коллизионных ситуациях; недостаточное знание населением норм международного права и возможностей по их использованию, иначе говоря, отсутствие международного правосознания; несистематизированность международно-правовых норм применительно к отраслям внутригосударственного права; отсутствие четкого определения общепризнанных принципов и норм международного права и их перечня.

Представляется, что решению указанных проблем могли бы способствовать следующие меры: проведение официальной инкорпорации норм международного права по отраслям российского права, что несомненно окажет помощь правоприменителям; проверка знаний норм международного права у работников правоприменительных органов в ходе текущей аттестации; расширение информированности населения в области международного права. Здесь, на наш взгляд, необходимы целенаправленные совместные усилия органов государства и представителей доктрины по формированию международно-правового сознания, активизация средств массовой информации в деле распространения международно-правовых знаний.

Взаимодействие правовых систем весьма многопланово, особенно в условиях глобализации, распространяется практически на все элементы системы — от правосознания до правоприменения. Поэтому в условиях современной правовой действительности России важно обратиться к вопросам как национального, так и международного правового сознания, которое является необходимым условием высокой правовой культуры, позволяющей установить режим законности — необходимое условие развития государства и его эффективных внешних связей.

О. В. Мартышин¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС

Глобализация — закономерный результат развития человечества. Но в этом противоречивом процессе нередко сталкиваются интересы отдельных стран и народов. Сутью глобализации является не столько синтез цивилизаций, сколько экспансия одной цивилизации — европейской, западной, капиталистической (раньше ее называли машинной). Западная цивилизация доказала свое техническое, экономическое и военное превосходство, давно перешагнула границы своего первоначального обитания, распространилась повсеместно и стала средством осуществления технико-экономического прогресса в мировом масштабе. Вестернизация служит синонимом глобализации. Однако ее очевидные успехи вовсе не означают, что проникновение европейской культуры всегда, во всем и для всех было благом.

Известны три пути превращения локальной цивилизации в мировую: прямое насилие (завоевание), различные формы давления и добровольное восприятие. Колонизация и империализм явились важнейшими средствами утверждения западных стандартов в мире.

Вестернизация как форма глобализации проявляется и в сфере политической и правовой культуры. не подлежит сомнению, что принципы, получившие ныне название общечеловеческих ценностей, впервые были осознаны и в какой-то мере осуществлены на Западе. Это принципы свободы, равенства, уважения прав человека, демократии, детально разработанные и получившие воплощение во многих политических и правовых институтах. Всеобщая декларация прав человека и последующие более частные и локальные акты — свидетельство мирового признания этих принципов в качестве норм международного и конституционного права. Во многих случаях речь идет о признании этих принципов на словах, а не на деле. Попытки их осуществления осложняются несоответствием местной культуре, ее враждебностью. Заимствование иностранных образцов в праве и политике сродни трансплантации органов в медицине, которая может привести к летальному исходу в случае отторжения. К этому процессу, если он не сводится к политической пропаганде, следует относиться с особой осторожностью.

Забота каждого государства о своей безопасности естественна. Инстинкт самосохранения преобладает

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: монографий «Политические взгляды М. К. Ганди», «Социализм и национализм в Африке», «Политические взгляды Дж. Неру», «Вольный Новгород» и др.; учебников «История политических и правовых учений», «Теория государства и права» (отв. ред. и один из авторов); научных статей «Несколько тезисов о перспективах правового государства в России», «Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации», «Политическая обязанность», «Нравственные основы теории государства и права», «О либертарно-юридической теории права и государства», «Революция и развитие российской государственности», «О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры», «Идеология и формирование новой политической и правовой системы в Российской Федерации» и др.

над стремлением соблюдать общечеловеческие ценности. В силу этого в ходе глобализации, так же как и в национальном вопросе, сосуществуют (в противоречивом и постоянно меняющемся сочетании) две тенденции — к объединению и разъединению, к унификации, единству и защите своей самобытности, самоопределению. Каждое государство стремится контролировать и определять соотношение этих тенденций исходя из своих интересов. Таков один из важных аспектов политики права.

Макс Вебер, анализируя политическую систему Германии рубежа XIX–XX веков, сформулировал ее основное противоречие следующим образом: необходимость демократизации и отсутствие предпосылок для нее. Не сказалось ли отсутствие предпосылок для демократии в том, что почти через полтора десятка лет после введения Веймарской конституции в стране воцарился (и первоначально вполне демократическим путем) нацистский режим. Отмеченное Вебером противоречие типично для многих стран, не переживших своевременных и успешных буржуазных революций, в том числе для России.

Не только принципиальные противники демократии, но и ее сторонники признавали, что для ряда стран этот строй не пригоден. Убеденный монархист Н. М. Карамзин утверждал, что «для твердости бытия государственного безопаснее поработать людей, нежели дать им не вовремя свободу»². Но и сторонник демократии, защитник прав личности и меньшинства Дж. Ст. Милль полагал, что свобода «неприменима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы». «В таком случае, — продолжал он, — самое лучшее, что они могут сделать, это безусловно повиноваться какому-нибудь Акбару или Карлу Великому, если только в среде их найдутся подобные личности. Деспотизм может быть оправдан, когда идет дело о народах варварских и когда при этом его действия имеют целью прогресс и на самом деле приводят к прогрессу»³. Эти реалистические соображения свидетельствуют об исторической обусловленности (если не предопределенности) разного отношения к демократии, что исключает единую шкалу оценок и предполагает необходимость смешанных, несовершенных, переходных форм и этапов. Об этом стали забывать в обстановке всеобщего увлечения демократией.

Хотя необходимость демократизации осознавалась в России еще в XVIII веке (достаточно вспомнить раннее правление Екатерины II и А. Н. Радищева), все обстоятельство российской жизни (не только обширность территории, на что ссылалась Екатерина II, следуя аргументам Монтескье), вся ее правовая и политическая культура оказались неблагоприятными для развития свободы и демократии. На протяжении трех послед-

² Цит. по: Пивоваров Ю. С. Русская власть и исторические типы ее осмысления // *Полития*. 2000–2001. № 4. С. 15.

³ Милль Дж. Ст. Утилитарианизм. О свободе. СПб., 1900. С. 210.

них столетий Россия знала лишь самодержавие и революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Известный русский юрист, один из идеологов евразийства Н. Н. Алексеев говорил, что русское государство является наследником империи Чингисхана¹, что идеология русского самодержавия идет от Ивана Грозного², что в душе русского народа «издавна бродила идея диктатуры»³, в которой сказалась не только привычка к деспотическому правлению, но и утопическая надежда на справедливого царя, который скоро взыщет со всех притеснителей народа. Имперско-бюрократические традиции включали мздоимство, воровство, волокиту, отсутствие контроля общества за деятельностью должностных лиц, укрепление полицейско-репрессивного аппарата, жесткую централизацию власти, слабость либеральных тенденций, которые до начала XX века могли получить только литературное воплощение.

Советская власть, начавшая с крайних форм диктатуры, после смерти Сталина медленно и непоследовательно переходила от тоталитаризма к авторитаризму. Падение коммунистической системы происходило под знаком демократии и общечеловеческих ценностей. В обстановке пробудившейся активности и энтузиазма населения остро ощущалось стремление к свободе и не всегда учитывалось отсутствие предпосылок для ее созидательной реализации. Массовые выступления сторонников демократического обновления привели к слому советского строя, но не к формированию демократической системы власти.

Для современной (постсоветской) России характерно противоречивое сочетание двух тенденций — к демократизации и сохранению традиционной системы власти. Обе они нашли воплощение в Конституции РФ 1993 года. В ней, с одной стороны, провозглашен полный перечень международно признанных демократических принципов, прав и свобод (в этом смысле текст Конституции — результат и воплощение глобализации), а с другой стороны, Конституция наделила президента — центральную фигуру новой политической системы — полномочиями, которые не случайно уподобляют царской власти. И здесь наблюдается явное отступление от мировых стандартов, следование не только национальным особенностям, традициям, но и интересам. Институт сильного президентства при всех его недостатках был проявлением политической мудрости и позволил укрепить государство в критический момент. В этом смысле несовершенство обернулось благом.

В России, как и в других странах (где отсутствуют предпосылки для демократии), неизбежен переходный период, суть которого состоит в сочетании демократии и авторитаризма. Антагонизм этих компонентов очевиден: от умения найти равнодействующую между ними, достигнуть синтеза зависит, к чему переходный период приведет, то есть судьба государства. Соотношение названных компонентов не только противоречиво, но и изменчиво. Постоянно существует опасность потери равновесия, перекоса в ту или иную сторону, вытеснения синтеза утверждением одной из противоположных линий.

О тенденциях, господствующих в то или иное время, позволяет судить не только практика, но и ее идеологическое оправдание. В этой сфере происходят существенные сдвиги. При первом президенте Российской Федерации упор делался на общечеловеческие ценности, мировые стандарты. Они воспринимались как идеал, к которому должна стремиться Россия. Иногда эти ценности понимались утрированно, примитивно, что свидетельствовало о дефектах политической и правовой культур. Таков довольно распространенный в юридической литературе и публицистике тезис о приоритете прав личности. Провозглашение общечеловеческих ценностей вполне соответствовало процессам глобализации.

При последующих президентах РФ центр тяжести в идеологическом обосновании политической и правовой систем сместился к национальной самобытности, историческим особенностям России. Консерватизм утверждается в качестве мировоззрения правящей партии. Идеализируется монархическое прошлое. Принципиально отрицаются любая революция и какие-либо положительные последствия революционных переворотов прошлого. Либерализм воспринимается как идейный и политический противник. Крайним проявлением консерватизма в современной отечественной юридической литературе является так называемая «русская охранительная политико-правовая мысль» или «православная концепция государства и права»⁴. Для нее характерны призывы «преодолевать зло западной культуры», «идеалы правовой республиканской государственности, свободы личности», которые провозглашаются «духовно выхолощенными, в цивилизационном плане разрушительными и подходящими под духовные и культурные условия исключительно Европы»⁵. Полное отрицание глобализации, замыкание в национальной исключительности, любование традициями православного самодержавия чреваты утратой демократической перспективы и усилением авторитарных тенденций.

¹ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 412.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 94.

⁴ Васильев А. А., Серегин А. В. История русской охранительной политико-правовой мысли (VII–XX вв.). М., 2011.

⁵ Васильев А. А. История русской консервативной правовой мысли (VII–XX вв.). Барнаул, 2011. С. 260, 252.

Е. А. Петрова¹**ТРАНСФОРМАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

1. Трансформация (от *лат. trans* — через и *formatio* — образование вида) означает перемену вида, формы чего-либо, преобразование, превращение. Соответственно под трансформацией национальных правовых семей мы понимаем изменение их видовых признаков и свойств под воздействием объективно происходящих в современном мире глобализационных процессов, характеризующихся прежде всего усилением интеграции, взаимовлияния и взаимосвязи различных социальных явлений, в том числе в правовой сфере.

2. Усиление интеграционных процессов между различными правовыми системами как следствие глобализации позволило говорить о формировании мирового правопорядка — системы общественных планетарных отношений, формирующихся на основе общегуманистических и естественно-правовых начал и функционирующих в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного и внутригосударственного права². Высказывая в целом сомнения относительно возможности создания некоего универсального глобального мирового правопорядка, мы тем не менее согласны с главным — современный правовой мир стремится к единству, интеграции, которая, по нашему мнению, проявляется в двух основных направлениях: во-первых, *сближение национальных правовых систем*, относящихся к различным правовым семьям, появление у них общих черт и соответственно придание им комплексного характера; во-вторых, *унификация норм национального права* под влиянием международно-правовых стандартов.

3. *Интеграционные процессы между различными правовыми системами* можно проиллюстрировать на примере российского и американского права.

В течение 70 лет правовая система РСФСР, как и Советского Союза в целом, составляла ядро социалистической правовой семьи. После распада СССР Россия оказалась перед выбором дальнейшего пути развития: идентифицировать себя с имеющимися классическими правовыми семьями или создать собственную новую правовую семью.

С одной стороны, российскому праву присущи многие черты романо-германской правовой семьи (не случайно именно к ней правовую систему РФ традицион-

но и относят): основным источником права являются нормативные правовые акты во главе с Конституцией РФ; основным творцом права выступает законодатель; право имеет кодифицированный характер и т. д. С другой стороны, все чаще высказываются мнения, особенно со стороны практикующих юристов, о необходимости признания судебного прецедента, характерного для семьи общего права, источником российского права. Не вдаваясь в дискуссию по данному вопросу, отметим лишь, что, на наш взгляд, судебный прецедент существует в российской правовой системе, но не как самостоятельный, формально признанный источник права, а главным образом в виде прецедентов толкования высшими судебными инстанциями действующих нормативно-правовых актов. Исключение составляют лишь решения Конституционного Суда РФ о признании акта неконституционным, обладающие особым статусом (как акты «негативного» правотворчества), сближающим их с «чистыми» (нормообразующими) прецедентами.

Аналогичные интеграционные процессы, но обратного порядка, мы наблюдаем и в правовой системе США, традиционно относящейся к семье общего права. Так, наступившая в XX веке и продолжающаяся в XXI «эпоха статутов» (*statutory age*³) превратила закон в основной источник (форму) американского права, отодвинув на второй план характерный для семьи общего права судебный прецедент. Необычайный рост статутов потребовал их унификации и систематизации, что осуществляется в США путем принятия единообразных законов и кодексов. Кроме того, само наличие Конституции (федеральной и штатов) как единого писаного акта, обладающего высшей юридической силой, также сближает американское право с романо-германским. В то же время нельзя утверждать, что, обретя указанную специфику, правовая система США вышла из семьи общего права. Прецедентное право и суды в целом продолжают играть важнейшую роль в правовой системе США, создавая прецеденты толкования, без которых многие статуты просто не имеют смысла, и осуществляя функцию конституционного контроля. Нормы общего права по-прежнему регулируют целый ряд сфер частного права. Подобный дуализм придает американскому праву весьма специфические черты по сравнению с другими странами общего права, свидетельствуя о его комплексном характере.

4. Второе направление современных интеграционных процессов — *унификация норм национального права* под влиянием международно-правовых стандартов, приводящая к усилению роли международного права как универсального языка правового общения. В первую очередь речь идет о международных стандартах в области прав человека. Чем целостнее стано-

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук. Автор более 100 научных публикаций, в т. ч.: «Статуты и прецеденты в системе источников американского права», «Роль международного права в защите прав и свобод личности», «Влияние института судебного конституционного контроля на основные источники права США», «Международные договоры и национальные законы: проблемы соотношения и взаимодействия», «Правило *stare decisis* как основа судебного правотворчества в США», «Национальный правопорядок и международное право в условиях глобализации», «Национальная культура как детерминанта правового развития государства в России и США: сравнительный аспект» и др.

² См. об этом: *Перевалов В. Д.* Проблемы формирования мирового правопорядка // Теория государства и права / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 2002. С. 575–586.

³ *Madden M. S.* The Vital Common Law: Its Role in a Statutory Age // University of Arkansas at Little Rock Law Journal. 1996. Vol. 18. P. 555.

вится мир, тем значительнее воздействие, оказываемое на права и свободы человека международными факторами. Действующее международное право содержит целый комплекс норм в области прав человека, которые нашли отражение в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека (1948), международные пакты о правах человека (1966), европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950) и др.

Однако следует учитывать, что права человека зависят от исторического развития конкретного государства, характера общественно-политического строя, национальных, религиозных, культурных, правовых традиций, национальной психологии, наконец, от общей политической и правовой культуры населения. Поэтому мы согласны с теми учеными, которые утверждают, что «предложение о неких универсальных правах человека, одинаково пригодных для населения всей планеты, является такой же иллюзией, как и представление о возможности однозначной интерпретации представления о добре»¹. Таким образом, нормы международного права, не давая универсального перечня прав и свобод индивида, в то же время закрепляют универсальный *минимум* этих прав и свобод, который должно гарантировать любое демократическое государство. Наличие подобного международного минимума приводит к сближению различных правовых систем, включающих его в свое национальное законодательство.

В целом же влияние международного права на национальные правовые системы многоаспектно. Само

признание норм международного права частью правовой системы конкретного государства (что, например, закреплено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) неизбежно влечет за собой межгосударственную интеграцию (интернационализацию права) на основе общепризнанных принципов международного права. Наконец, высшей формой интеграции международного и национального права выступает создание права *наднационального*, примером которого является коммунитарное право Европейского Союза. Вышедшее из классических международных договоров современное европейское право базируется на классических конституционных (внутригосударственных) принципах прямого действия и верховенства права ЕС.

5. Таким образом, основными направлениями трансформации национальных правовых систем в условиях глобализации являются интеграционные процессы между национальными правовыми системами, приводящие к появлению в них черт, свойственных иным правовым семьям, и придающие им комплексный характер, а также процессы унификации национального права на основе международных стандартов и формирования наднациональных правопорядков. Однако очень важно, чтобы данные процессы не приводили к утрате собственной правовой идентичности отдельного государства, сохранению которой должны способствовать поддержание и развитие национальной правовой культуры и национальных правовых традиций.

Р. А. Ромашов²

ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ КУЛЬТУРАХ ЗАПАДА И РОССИИ

1. Государство, в том смысле, который вкладывается в это понятие в русском языке, представляет собой политико-социальную форму организации общественной жизни и осуществления публичной власти в отношении населения, строящуюся по принципу вещного владения. В таком понимании государство в лице государственной бюрократии, «замкнутой» на персонифицированную главу государства, представляет субъект власти, а земля (территория) и народ — объект властного воздействия.

Суть государства в его патримониальной природе. Реформирование государства всегда осуществляется сверху, при этом исходящие от государственной власти преобразования основываются на воле достаточно узкого круга лиц, представляющих государствен-

ную власть, а точнее — само государство. В патримониальном государстве в силу его моноструктурности не может существовать официальной оппозиции, разделения властей, федерализма. Личность в государстве обладает правовым статусом — не в силу наличия у нее естественных прав, а в той мере, в какой государство почитает целесообразным либо нецелесообразным говорить как о самом правовом статусе, так и о его объеме и содержании. При этом государство безгранично в своей возможности ограничения и изъятия личных прав.

2. Западная политико-правовая культура, основанная на ценностях свободы и частной собственности, развивается по принципу циклической спирали. В истории западной культуры можно выделить культуру полиса, культуру республики (общего дела), культуру патримониального государства, культуру публично-правового порядка (state). Данные этапы представляют собой замкнутые циклы, минующие в своей динамике стадии зарождения и становления, прогрессивного развития, стабилизации, стагнации, кризиса и распада. При этом завершающие стадии предшествующего цикла одновременно являются начальными для последую-

¹ См.: *Каламкарян Р. А.* Права человека в России: декларации, нормы и жизнь // Государство и право. 2000. № 3. С. 37.

² Профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ, генерал-майор внутренней службы. Автор и соавтор более 380 научных работ, в т. ч.: «Теория государства и права», «Истоки и источники права», «Конфликтология», «Пурьяма как “град земной”», «Право — язык и масштаб свободы», «Философия права и преступления», «Юридическая герменевтика в XXI веке» и др.

щего. Западная политико-правовая культура возникает в античный период в древнегреческих городах-полисах, трансформируется в Римскую империю, распад которой обусловил возникновение европейских государств, с их последующим преобразованием в “state of love” — публичные правовые порядки, основанные на признании человека, его прав и свобод основной ценностью и целью публичной правовой политики.

Государственная целесообразность в рамках политико-правовой культуры Запада определяется публичным интересом state как формы социального партнерства. В рамках этого партнерства публично-правовой порядок организации общественной жизни и управления обществом складывается из совокупности личных и корпоративных свобод субъектов, являющихся собственниками как самих себя, так и тех продуктов, которые получают в результате их преобразовательной (культурной) деятельности. Государство (state) объединяет, но не поглощает человека подобно гоббсовскому Левиафану. Место личности в системе state определяется не высшей волей государства, представленного государственной бюрократией, а правовым законом, в равной степени обязательным для личности, независимо от ее должностного положения, социальной корпорации, самого state.

3. Российское государство и общество представляют собой процессуальный продукт российской культуры, которая не может быть отнесена к европейской (западной). В истории российской культуры также можно выделять циклы, однако, в отличие от культуры Запада, данные циклы — не спиральные, а круговые (повторяющиеся).

На всех этапах развития российская культура является государственной, определяемой и задаваемой государственной волей. В качестве циклов российского государства можно выделить удельно-княжеский и централизованный (собственно государственный), при этом формирование России как государства происходит в результате процесса «собираания земель русских», объединяемых под властью московских (русских) государей, а дальнейшее историческое развитие носит сугубо формальный характер. При этом «государственная» сущность российского государства на всех исторических этапах остается неизменной.

Для российской культуры не характерно западное понимание свободы и собственности. Личная свобода отождествляется с личной волей и понимается как независимость от каких бы то ни было обязательственных отношений. Иными словами, «свобода по-русски — это свобода от...» В силу иерархичности государственной структуры объем свободы непосредственным образом зависит от места субъекта в системе властной иерархии. Чем выше положение лица в «вертикали власти», тем большей степенью свободой в отношении подвластных он обладает. Абсолютной свободой обладает глава государства, отвечающий за свои поступки исключительно перед «собственной совестью и Богом».

Понимание государства как предмета собственности (патримонии) главы государства (государя) исключает наличие частной собственности, равно как и дру-

гих форм частного права. Все, что есть в государстве, без исключения (в том числе объекты и предметы, находящиеся в личном владении и пользовании), изначально является собственностью государства-государя, который обладает прерогативами в сфере распоряжения собственностью, не зависящими от желаний фактических владельцев.

4. Применительно к государству понимание интереса основывается на стремлении государственного аппарата к сохранению государственного порядка, выраженного в вертикали власти. При этом отношением к государству как к собственности предопределяется постоянное желание лиц, обладающих властными полномочиями, эти полномочия сохранить. Возникает коллизия между субъективным интересом лица — главы государства, а точнее — государственной бюрократии, стремящегося удержать государство-«вещь» в своем владении, и публично-правовым интересом государства как объективного социально-политического явления, существующего независимо от конкретных государственных деятелей, являющихся живыми людьми и подверженных физическим болезням и смерти. Независимо от формы правления, существовавшей в российском государстве на разных исторических этапах его развития, существовало две тенденции разрешения вышеназванной коллизии, а именно — передача верховной власти по закону и по воле самого государя.

В условиях российской монархии эти тенденции были закреплены в Уставе «О наследии престола», подписанном Петром I (1722 г.) и в «Акте о престолонаследии», обнародованном в день коронации Павла I (1797) и содержащем в себе правовые механизмы наследования императорской власти — «дабы наследник был назначен всегда законом самим». Печальная судьба автора Акта, ставшего жертвой дворцового переворота, наглядно свидетельствует о том, что в российской практике организации высшей государственной власти voluntаризм, безусловно, довлел над правом.

В советской и постсоветской России была установлена республиканская форма правления, формальными признаками которой были выборность и сменяемость властных структур. Однако на практике формирование власти подчинялось не правовым, а voluntаристским принципам. При советской власти такой voluntаризм был выражен в политических интригах на уровне членов Политбюро ЦК КПСС. В условиях современной России можно говорить о модели «преемственности высшей государственной власти», когда кандидатура последующего главы государства определяется его предшественником. При этом основным условием передачи власти «правопреемнику» является обеспечение им личной безопасности в отношении «правопреемника».

5. Государственная целесообразность в рамках российской политико-правовой культуры представляет собой форму закрепления и выражения публично-правовых интересов. С теоретической точки зрения это интересы государства как целостной социально-политической системы, а на практике они представляют субъективные интересы лиц, обладающих реальными властными полномочиями. Очень часто государствен-

ные чиновники называют себя «государевыми людьми — слугами народа». Такое сравнение является оксюмороном, подобным ленинской фразе о «диктатуре пролетариата как высшей форме демократии».

Государев человек служит не государству, а государю, и в этом смысле действительно является слугой, только не народа, а именно государя. При этом, как и любой другой слуга своего господина, «государев человек» в своей деятельности руководствуется не абстрагированным от конкретных лиц законом, а волей своего руководителя. В таких отношениях именно «приказ начальника является законом для подчиненного». Соответствие «приказа сверху» юридическому закону имеет значение только тогда, когда либо «госуда-

рев человек», либо сам «государь» выпадают из существующей вертикали власти. В этом случае включается механизм правового преследования и декларируется равенство всех перед законом.

Подчинение публично-правовых интересов государства субъективному волюнтаризму обуславливает изменяющийся характер государственной целесообразности, что, в свою очередь, может приводить как к системным «перезагрузкам», так и к государственным переворотам. В результате происходит принудительное смещение носителя той или иной волюнтаристской позиции без изменения самого волюнтаристского принципа, являющегося главенствующим в государственной организации российского общества.

Э. А. Садыкова¹

ПРАВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

В процессе формирования новой полицентричной системы современного миропорядка актуализируется проблема межцивилизационной конкуренции, в комплексном исследовании которой объективную значимость приобретает правовая составляющая.

Несмотря на отсутствие единства в научном определении понятия «цивилизация» в общественных науках, цивилизационные исследования приобретают все большую актуальность.

Национальное право, правовое сознание, правовая культура тесно взаимосвязаны с историческим развитием данного общества, его культурно-цивилизационной самобытностью, отражающей убеждения людей, их ценностные установки, идеалы. Французский исследователь Р. Давид полагал, что если нормы права проявляют теснейшую взаимосвязь с нашим образом мыслей, то правовая система более всего связана со структурой общества, его нравами, верованиями и языком².

Цивилизационное измерение права наиболее эффективно в контексте нормативно-ценностных признаков в методологии исследования. Сущность права как одного из основных регуляторов общественных отношений и его гуманистическая ценность состоят

в способности в качестве такового удовлетворять социальные интересы, утверждая свободы, мир и согласие людей, справедливое разрешение конфликтных ситуаций³. Рассмотрение источников права, особенностей становления и развития национального права государства невозможно вне связи с религиозными, культурными и духовно-нравственными традициями, обычаями общества. Цивилизационные исследования обращены к человеческому фактору, деятельности, поведению людей, ориентированным на нужды, ценности, принципы, символы, свойственные данному культурно-историческому типу общества или самобытной цивилизации⁴.

По мнению известного русского юриста-международника XIX века Ф. Мартенса, «современное международное право есть продукт культурной жизни и правосознания народов европейской цивилизации⁵. Ученый полагал, что именно европейские народы достойны названия образованных, а иные (которые относятся к мусульманскому исповеданию, а также языческие и дикие племена) являются необразованными или полубразованными и нет возможности применять к ним нормы международного права.

С. В. Черниченко, исследуя философские аспекты развития международного права, также обращает внимание на то, что современное международное право сформировалось в значительной степени под влиянием европейской цивилизации Нового и Новейшего времени. Ученый объясняет «европеизм» международного права динамизмом экономического, политического, военного, научного развития Европы, влекущим за собой экспансионизм как фактор, неразрывно связанный с пассионарностью европейских народов, совпавшей с формированием международно-правовой системы.

³ Быкова Е. В. Современные процессы сближения и размежевания основных правовых систем. М., 2012. С. 29.

⁴ См.: Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 90.

⁵ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008. Т. 2. С. 158.

¹ Профессор кафедры медицинского права, общественного здоровья и управления здравоохранением Российской медицинской академии последипломного образования (Москва), доктор политических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан. Автор 30 научных публикаций, в т. ч.: «Концептуальные вопросы модели межцивилизационного диалога в современных международных отношениях», «Цивилизационные аспекты развития Европейского Союза» (в соавт.), «Правовые основы взаимодействия государства и гражданского общества как фактор стратегии стабильности государства. Опыт Татарстана» (в соавт.), «Межцивилизационный диалог как институт системы международных отношений», «Межцивилизационные отношения и проблемы миграции в современном мире», «Современные международно-правовые источники регулирования экстрадиции» (в соавт.), «Политические и правовые основы этнокультурного развития регионов России. Опыт Татарстана» (в соавт.) и др. Постоянный член Международного совета музеев (ИКОМ) ЮНЕСКО.

² Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 38–39.

Он приходит к важному выводу, что содержание международного права, его социальная природа неизбежно включают цивилизационные компоненты¹.

Не отрицая роли европейских ценностных подходов в становлении и развитии международного права, представляется обоснованным рассматривать его основополагающие нормы как продукт развития всего многообразия мировых культурно-цивилизационных сообществ. Современный плюралистичный мир объединяет людей с различными моделями нравственного, религиозного поведения, культурными и историческими традициями, определяющими его представления о праве на равенство, свободу и т. д.

Среди населения государств — членов ООН есть большое количество представителей неевропейских народов, с иной культурно-цивилизационной идентичностью. В Китае, Индии, странах исламского мира, несмотря на принятие в рамках ООН конвенционных документов, составляющих в совокупности Международный билль о правах человека, на практике возникают сложности в реализации международных деклараций в силу особенностей национального права. В настоящее время принят ряд нормативных актов регионального характера, которые определяют стандарты прав человека, отражающие культурные, духовные и исторические особенности региона. Например, Африканская хартия прав человека и народов, принятая Организацией африканского единства в 1981 году, — международный документ, определяющий права и свободы народов Африки с учетом специфики, обусловленной длительным периодом колониального господства на континенте.

Концепция прав человека занимает важное место в исламской международно-правовой доктрине, что подтверждается принятием таких документов, как Всеобщая исламская декларация прав человека (принята по инициативе Исламского совета Европы в 1981 г., основана на Коране и Сунне); Каирская декларация о правах человека в исламе (принята государствами — членами Организации исламского сотрудничества в 1990 г.); Арабская хартия прав человека (принята Советом Лиги арабских государств в 1999 г.). В указанных документах закреплена значительная часть норм международных стандартов по правам человека, но тем не менее, в них четко прослеживается приверженность традиционным исламским ценностям. Противоречия между традиционным общественным укладом и объективными тенденциями к демократизации мирового сообщества не требуют радикального изменения национального права в восточных обществах. Несмотря на множество цивилизационных различий в интерпретации прав человека, взаимосвязи национального права государств обусловлены сложностью и противоречивостью современных глобальных процессов. В условиях роста новых вызовов и угроз, несмотря на объективную разность национальных правовых систем, развитие права в эпоху глобализации должно иметь нравственную опору в интересах укрепления безопасности в мире.

¹ Черниченко С. В. Очерки по философии и международному праву. М., 2009. С. 676–677.

Создание международно-правовых норм происходит в результате взаимодействия государств посредством согласования их волеизъявления. В этом процессе проявляются и цивилизационные стереотипы участников, происходит процесс согласования национальных интересов различных государств. При этом роль международного права как комплексной отрасли права определяется его универсальностью, поскольку эффективность его реализации обуславливается тесным взаимодействием с национальным правом. Одновременно стоит отметить и влияние такого взаимодействия на функционирование внутреннего права государств.

С точки зрения современных процессов взаимодействия международного и национального права представляет интерес опыт Китая — государства, относящегося к одной из древних цивилизаций азиатского геополитического региона. В китайской цивилизации, имеющей тысячелетнюю историю развития, сложилась особая идентичность, включающая правовую культуру, национальное самосознание, обычаи, религиозные, нравственные и моральные устои. Однако исследователи отмечают, что в современный период в правоприменительной практике происходит своеобразный процесс фильтрации новых правовых моделей и решений, их приспособления к конфуцианским нравственно-этическим императивам, действующим на протяжении 2,5 тысячелетий².

В феврале 2011 года был внесен ряд существенных изменений в Уголовный кодекс КНР, получивших название «поправка № 8». Новые нормы уголовного законодательства направлены на сокращение числа составов преступлений, предусматривающих смертную казнь, устранение дисбаланса в соотношении между смертной казнью и наказаниями в виде лишения свободы, пожизненного лишения свободы. Гуманизация уголовного законодательства Китая имеет важное значение с точки зрения усиления международных стандартов прав человека.

Познание и осмысление правовых явлений должны происходить, с одной стороны, в неразрывной связи со всеми элементами социально-культурной регуляции той или иной цивилизации, а не в изоляции права от них, с другой — при помощи выдвижения универсальных правовых начал как основы системы социального регулирования³.

Каждая историческая эпоха отличается своими особенностями. В современном мире в результате воздействия глобальных процессов развиваются объективные тенденции к усилению взаимодействия различных правовых систем. В результате экономических и культурных достижений происходят изменения и в такой традиционно религиозной правовой семье, как исламская. По мнению исследователей, нормы международного права не только непосредственно инкорпорируются в правовые системы мусульманских стран, но и оказывают заметное влияние на их развитие. В частности, речь идет о таких сферах, как международный торговый оборот, техническое регулирование, информаци-

² Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. М., 2011. Т. 2. С. 301–303.

³ Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 120.

онные технологии и т. д.¹ Так, в Саудовской Аравии, которая считается государством традиционного ислама, в судопроизводстве и законодательстве развивается практика применения двойных стандартов, а в коммерческом праве приоритетное значение имеет англосаксонское право.

Под влиянием глобальных процессов «возможно наличие двух противоречивых тенденций: с одной стороны, сближение и взаимопроникновение правовых систем, а с другой — стремление государств к обособлению в правовом отношении, что не в последнюю очередь связано с политическими и географическими интересами отдельных государств»². Применение цивилизационного подхода позволяет выявить новые грани и своеобразие права как особого феномена, способствует сближению и сглаживанию противоречий, компромиссному решению проблем международно-пра-

вового регулирования и одновременно обуславливает необходимость национальных правовых систем мира как частей единой глобальной системы.

В развитии международно-правового регулирования и определении его общих начал важно усилить акцент на ценностных подходах в целях гармоничного взаимодействия с национальными правовыми системами. На современном этапе, когда международное сообщество признает возрастание числа угроз сохранению мира и безопасности, как на международном, так и на внутригосударственном уровне приоритетным направлением является преодоление диспропорций и противоречий в национальном праве различных государств. Верховенство права, обеспечивающее выражение духовно-культурной идентичности, может быть достигнуто при условии гармонизации международных и национальных подходов в развитии правовых систем.

К. Е. Сигалов³

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА: ПРОБЛЕМЫ ПАРТНЕРСТВА И КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ

Гражданское общество в классическом виде возникло как антитеза государству, его генезис находится в диалектическом противоречии с государством. По мере своего становления государство изымает из сферы гражданского общества наиболее «понравившиеся» институты, ставит их на службу. При этом государство трансформирует их, переопределяет порой до такой степени, что они теряют свой первоначальный облик. Обращение к гражданскому обществу и его институтам происходит у государства не постоянно, а дискретно — прежде всего в эпоху кризисов, в период либо угрозы отдельным государственным институтам, либо вообще угрозы всему существованию государственности. Там, где механизм поддержки государства гражданским обществом срабатывает, государство сохраняется. Там, где этого не происходит, государство погибает. В настоящее время государство, гражданское общество и каждый человек и в России, и на Западе еще до конца не оценили реальность и раз-

меры надвигающегося кризиса, а отсутствие консолидации порождает противоположные мнения о путях его преодоления.

Перекладывая на гражданское общество часть ответственности за порядок, государство делегирует ему и ряд прав, декларируя хотя бы на словах формальное равноправие гражданского общества и государства. Но большая ответственность предусматривает и большие права, и идеальное гражданское общество всецело контролирует государство и государственное управление. Но государство всегда старается обойти этот контроль и приспособить гражданское общество под себя: «В своей сущности гражданское общество всегда есть лишь определенная форма зависимости от государства... Степень рациональности отношения государства к гражданскому обществу определена тем, насколько посредством гражданского общества может быть реализована установка на общественное благо, демократию, право и пр.»⁴.

Периодическое «усмирение» гражданского общества государством есть, с одной стороны, показатель усиления государства, с другой стороны, тревожный симптом, признак нестабильности общей ситуации. Ренессансный западный прорыв был во многом обусловлен слабостью (по сравнению с восточным) западного государства, которое брало на себя только ключевые функции управления и почти не вмешивалось в хозяйственную жизнь. «Слабая власть есть своего рода роскошь, которую может позволить себе только народ, находящийся в исключительно благоприятных условиях»⁵.

¹ Быкова Е. В. Современные процессы сближения и размежевания основных правовых систем. М., 2012. С. 29.

² Там же. С. 36.

³ Директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. монографий: «Исторические основания среды права», «Периодизация истории государства и права в свете теории среды права», «Духовная среда российского права» (в соавт.), «Многообразие форм среды права» (в соавт.), «Методологические проблемы правового знания» (в соавт.); статей: «Детектив как отражение специфики национальной правовой культуры», «Полиция и механизм действия гражданского общества», «Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен», «Идейно-ценностные основы формирования западноевропейского права» и др.

⁴ Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 187–188.

⁵ Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг. М., 1992. С. 221.

В основе становления института гражданского общества всегда были личная свобода и неотчуждаемая никогда, никем и ни при каких обстоятельствах частная собственность. На Западе «наличие частной собственности явилось необходимым условием для постепенного формирования индивидуалистического (гражданского) общества, политической доминантой которого служит идея индивидуальной свободы и естественных неотчуждаемых прав человека-собственника»¹. Принцип существования гражданского общества был обусловлен характером экономических отношений, ведущей ролью свободного городского хозяйственного устройства, независимостью вольных городов, личной и экономической свободой их жителей, обустроивших свою жизнь по своим порядкам, добившихся своей политической самостоятельности, создававших свое городское право, собственное управление и внутреннее корпоративное устройство своих коммун. Подобная конфигурация ролей, характерных для государства, гражданского общества и личности, принципиально меняет всю систему отношений, делает их предсказуемыми и естественными. «Системоцентричная конструкция “государство (власть) — общество (подданный)” меняется эгоцентричной, в рамках которой государство и общество выступают в качестве равноправных и равнообязанных партнеров... Для того чтобы подобная система стала реальностью, необходимо прежде всего, чтобы отношения собственности стали первичными по отношению к властеотношениям»².

«Нависающее» над государством гражданское общество, юридизация всей жизни не позволяют государству совершать политических ошибок и юридических просчетов, «европейский “юридический человек” — создатель гражданского общества»³. Социальное государство на Западе, возникшее под влиянием СССР, по своему размаху в 1950–1980 годах быстро опередило «советский аналог», добилося больших успехов благодаря «нависающему» гражданскому обществу. Но именно это сделало Запад крайне привлекательным для миллионов мигрантов из стран третьего мира. Запад сам загнал себя в тупик. И как он справится с этим противоречием, сопряженным с необходимостью отменить социальные блага и заставлять работать тех, кто за несколько поколений забыл смысл данного явления? Западное государство недооценило реальность и опасность волны переселенцев, с чуждой культурой, антизападными аксиологическими представлениями о жизни, принципиально иными конфессиональными и моральными установками, совершенно непохожей соци-

альной организованностью. Запад принимал решения о допуске мигрантов в условиях отсутствия консенсуса в гражданском обществе о целесообразности таких действий, последствия которых в полной мере невозможно прогнозировать. Современное право не в состоянии реально оценить, кто есть кто, поэтому и на Западе, и в России слишком часто правом поддержки государства и привилегиями пользуется не реально достойный или самый нуждающийся, а самый настойчивый и наглый.

Именно частная собственность сделала западную цивилизацию наиболее привлекательной. Частная собственность — это в первую очередь *ответственность* за свой труд, за своих близких, работников. Изначально пользу от государства и гражданского общества мог получать лишь тот, кто приносил им пользу. Нынешнее кризисное состояние государственности и гражданского общества свидетельствует о противоположных тенденциях — пользу стали извлекать бездельники, паразиты, деклассированные элементы. Так западное государство откупается от тех, кто был «соблазнен» благами и привилегиями западного образа жизни.

Гражданское общество слишком доверилось государству, утратило функции контроля над государством, в известной мере слилось с ним. Ошибки, дисфункции государственного управления очень дорого обходятся людям: «...неведение и глупость караются природой вещей не менее жестоко, чем откровенно злой умысел»⁴.

Кризисное состояние гражданского общества в настоящее время обусловлено отсутствием консенсуса по наиболее острому и ключевому вопросу. Эта тенденция блокирует активность гражданского общества в противостоянии с государством и борьбе с новыми вызовами как внешнего, так внутреннего характера. Часто правовые методы регулирования отношений заменяются политическими лозунгами, экономической целесообразностью и неверными представлениями о свободе, самопроявлении и лояльности к сомнительным новациям и правам различных меньшинств. Поиск выхода из кризисной ситуации может идти только в одном направлении — путем использования всех возможностей полноценного и разностороннего партнерства между гражданским обществом и государством, становления равновесных и равноправных отношений между государством и личностью, полноценного использования потенциала личности и придания ей статуса ответственности за все события в обществе и государстве.

¹ Поляков А. В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 255.

² Ромашов Р. А., Ветютнев Ю. Ю., Тонков Е. Н. Право — язык масштаба и свободы. СПб., 2015. С. 202.

³ Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 208.

⁴ Хаксли О. Через много лет. М., 2010. С. 67.

А. В. Стремоухов¹

СООТНОШЕНИЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЫСШИХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ДИАЛОГА ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

К числу самых сложных и запутанных проблем диалога цивилизаций и культур в условиях глобализации относится проблема соотношения наднациональных и национальных институтов (политических, финансовых, правовых и др.). Среди правовых в Европе приоритетным является соотношение решений Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и высших национальных судебных органов в условиях диалога правовых культур².

Доминирующей идеологией эпохи глобального развития, ее основной ценностью становится максимизация свободы индивида. Глобализация для правовых культур означает: во-первых, денационализацию права, то есть юридическую глобализацию; во-вторых, необходимость приспособления права к технической и экономической глобализации; в-третьих, универсализацию юридического языка, норм, создание универсальных юридических инструментов; в-четвертых, всеобщее признание основных ценностей, таких как демократия, права человека, правовое государство.

Правовая глобализация осуществляется по принципам, близким западной цивилизации и западной правовой культуре. Для остальных правовых культур вовлеченность в мировое юридическое пространство означает не только приобщение к благам и ценностям западной правовой культуры, но и всевозрастающее давление, а подчас откровенное навязывание культурно чуждых идей, моделей и представлений. При этом негативные последствия мирового неэквивалентного юридического обмена подчас оказываются намного тяжелее, чем ожидаемый положительный эффект. В связи с этим стал даже использоваться термин «юридическая экспансия»³. Наиболее ярко это проявилось на примере диалога представителей западной европейской правовой культуры — ЕСПЧ и российской правовой культуры — Конституционного Суда РФ.

В соответствии со ст. 11 Конституции РФ государственную власть в России наряду с Президентом РФ, Федеральным собранием и правительством осуществляют суды РФ. Поэтому придание судебным органам правотворческой функции способно обеспечить «само-

настройку» права, его качественное совершенствование и «очищение» от груза дефектов.

Изучение российской правовой культуры и правоприменения позволяет сделать вывод о том, что судебная практика является источником права, что не противоречит западной правовой культуре. Так, к числу судебных актов, содержащих нормативные предписания, могут быть отнесены: 1) правовые позиции и некоторые решения Конституционного Суда РФ; 2) нормативное толкование пленума Верховного суда; 3) решения судов общей юрисдикции, отменяющие нормативные акты (законы и др.) субъектов Федерации в случае их противоречия федеральному законодательству; 4) решения судов по аналогии закона и права, а также на основе норм права, содержащих некоторые оценочные понятия; и, наконец, 5) решения ЕСПЧ.

Учитывая происходящие в мире процессы глобализации, остановимся прежде всего на характеристике решений ЕСПЧ. Европейский суд по правам человека является уникальным судебным учреждением, не имеющим аналогов. Географический охват его деятельности велик — примерно 800 млн человек, живущих в 43 государствах. ЕСПЧ выступает для них неким единым судебным органом, куда эти люди вправе подать свои жалобы на действия властей.

Толкуя решения ЕСПЧ как источник российского права, следует заметить, что в их основу положены нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция или Европейская конвенция), принятой под эгидой Совета Европы в 1950 году. Среди норм, лежащих в основе правовой культуры ЕСПЧ, нужно назвать следующие: все люди равны перед законом и имеют право на равную защиту закона; каждый человек в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законами, имеет право на восстановление его в правах национальным компетентным судом; никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию; каждый человек имеет право на справедливое судебное разбирательство и эффективные средства правовой защиты; наказание должно быть исключительно на основании закона; нельзя осуждать человека за уголовное преступление, которое на момент его совершения таковым не считалось, и др.

Работа ЕСПЧ построена на принципе субсидиарности, в соответствии с которым главная функция защиты прав человека, закрепленных в Европейской конвенции, возложена на национальные власти государств-участников, прежде всего на их судебные органы. Национальные суды могут и должны применять положения Конвенции в своей практике и предоставлять эффективную защиту от их нарушений⁴.

¹ Профессор кафедры отраслей права СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 200 научных публикаций, в т. ч. «Право социального обеспечения» (в соавт.), «Права человека», «Система прав человека» (учебники), «Правовая защита человека», «Гражданско-правовые договоры по передаче имущества» (в соавт.), «Конституционно-правовые основы парламентской деятельности депутата Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» (монографии), «Комментарий (постатейный) к Трудовому кодексу Российской Федерации» (в соавт.) и др.

² Под соотношением решений наднациональных и национальных судебных органов автор понимает совпадение и/или различие тех юридических норм, на основании которых принимаются решения по одинаковым юридическим делам, и содержание самих решений.

³ Тверякова Е. А. Юридическая экспансия: теоретико-историческое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

⁴ См.: Фриберг Э. Европейский суд по правам человека: сегодняшние заботы и завтрашние реформы // Российская юстиция. 2002. № 12.

В том случае, если национальная защита по тем или иным причинам оказывается неэффективной, частные лица могут подать жалобы в Европейский суд по правам человека. Названный суд устанавливает единые стандарты правопорядка для государств — участников Конвенции, которые служат основой правовых культур наднационального и национальных судов. Причем воздействие ЕСПЧ на национальные правовые культуры происходит благодаря нормам прецедентного права, создаваемым ЕСПЧ на основе рассмотрения конкретных жалоб.

В силу ст. 32 Конвенции ЕСПЧ имеет право решать все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и протоколов к ней. Поэтому правовые позиции Европейского суда по правам человека, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и протоколов к ней, и сами прецеденты ЕСПЧ признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер. Однако это не означает ее отказа от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, характеризующие ее конституционно-правовой статус (Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. № 10-П¹).

Тем не менее Конституционный Суд РФ, основывая свои выводы на нормах Конституции России, в поисках дополнительных доводов в обоснование своей правовой позиции постоянно обращается к Европейской конвенции. Так, он признал как не соответствующие и Конституции, и Конвенции положения ряда законов. В частности, такой подход отразился в постановлении от 14 февраля 2000 года о неконституционности положений ст. 377 Уголовно-процессуального кодекса РФ в том, что касается отсутствия четких указаний на необходимость присутствия заинтересованного лица на заседании суда, рассматривающего его кассационную жалобу или ходатайство о пересмотре дела в порядке надзора². Только с 1996 по 2005 год Конституционный Суд России более чем в 90 решениях сослался на Конвенцию и решения ЕСПЧ, которые оцениваются им фактически как источник права³.

Выполнение постановлений ЕСПЧ, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных

Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений.

Примером принятия мер общего характера, имеющих практические последствия для мер индивидуального характера, служит норма УПК РФ, предусматривающая возможность отмены вступивших в законную силу приговоров, постановлений и определений суда и возобновления производства по уголовному делу при наличии новых обстоятельств, к числу которых было отнесено и установление ЕСПЧ нарушения положений Конвенции при рассмотрении судом РФ уголовного дела (п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ). Принятию этой нормы предшествовало Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года по делу о проверке конституционности ряда статей УПК РСФСР, в котором Конституционный Суд на основании толкования ч. 3 ст. 46 Конституции (о праве граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека) определил: это положение «означает, что решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации...»⁴

Верховный суд также счел необходимым уточнить понятия «разумного срока судебного разбирательства», «сроков содержания под стражей», «унижающего достоинство обращения» и ряд других ключевых понятий Европейской конвенции так, как это вытекает из постановлений ЕСПЧ.

Таким образом, все высшие судебные инстанции, существовавшие в указанное время в России, предприняли меры по включению положений Конвенции и прецедентов ЕСПЧ в число источников российского права.

Наряду с проблемой совместности правовой системы России с правовой системой Совета Европы и юрисдикцией ЕСПЧ в последние годы появились проблемы общетеоретического плана, имеющие важные практические последствия. Это, во-первых, проблема соотношения юрисдикции ЕСПЧ как субсидиарного средства правовой защиты по отношению к национальным средствам и закрепленного в Конституции РФ принципа независимости судебной власти⁵ и, во-вторых, проблема признания обязательного характера юрисдикции ЕСПЧ на территории России. Указанные проблемы возникли не случайно.

За весь период участия России с ее правовой культурой в Европейской конвенции по правам человека до октября 2010 года не было случаев, когда решение Конституционного Суда РФ вызвало бы в практике ЕСПЧ сомнение с точки зрения соответствия такого решения Конвенции. Но ситуация, возникшая после принятия ЕСПЧ постановления от 7 октября 2010 года по делу «Константин Маркин против России», изменилась кардинальным образом. Впервые ЕСПЧ в жесткой

¹ Собрание законодательства Российской Федерации (далее — СЗ РФ). 2000. № 25. Ст. 2728.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. N 2-П по делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой ст. 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А. Б. Аулова, А. Б. Дубровской, А. Я. Карпинченко, А. И. Меркулова, Р. Р. Мустафина и А. А. Стубайло // СЗ РФ. 2000. № 8. Ст. 991.

³ См.: Зорькин В. Д. Значение решений Европейского суда по правам человека для практики Конституционного Суда России // Журнал российского права. 2005. № 3.

⁴ Пункт 7 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 года № 4-П по делу о проверке конституционности п. 5 части второй ст. 371, части третьей ст. 374 и п. 4 части второй ст. 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Валуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебрянникова // СЗ РФ. 1996. № 7. Ст. 701.

⁵ См.: Ковлер А. И. Права человека в России: взгляд из Страсбурга // Журнал российского права. 2004. № 1.

правовой форме подверг сомнению решение Конституционного Суда РФ¹. В этом определении от 15 января 2009 года № 187-О-О Конституционный Суд отметил, что российское правовое регулирование, предоставляющее военнослужащим-женщинам возможность отпуска по уходу за ребенком до достижения ими трехлетнего возраста и не признающее такое право за военнослужащими-мужчинами, не нарушает положения Конституции о равенстве прав и свобод независимо от пола.

С учетом специфики военной службы в России и особой социальной роли женщины в нашем обществе вряд ли можно утверждать, что предоставление права на отпуск по уходу за ребенком военнослужащим-женщинам при одновременном отказе в этом праве военнослужащим-мужчинам «лишено разумного обоснования», как это определил ЕСПЧ.

Лучшее знание национальной властью правовой культуры российского общества и его потребностей означает, что эта власть, в отличие от международных судов, занимает приоритетное положение для оценки того, в чем состоит публичный интерес. И поэтому вывод ЕСПЧ о том, что «рассматриваемое российское законодательство не является совместимым с Конвенцией», является беспрецедентным².

Однако может ли ЕСПЧ, исходя из ст. 46 Конвенции, в решении по конкретному делу рекомендовать (а фактически указать) государству-ответчику внести необходимые изменения в законодательство (притом что суд неоднократно в своих же решениях подчеркивал приоритет государства-ответчика в выборе необходимых мер для исправления нарушения)? Не является ли такое указание суда прямым вторжением в сферу национального суверенитета, явно выходящим за рамки предусмотренных Конвенцией прав и полномочий, и с этой точки зрения явно выходящим за рамки компетенции, установленной Конвенцией? И насколько тогда такое решение подлежит исполнению? Ведь восприятие женщин как главных воспитателей детей он счита-

ет «гендерным предрассудком» и поэтому критически относится к выводам Конституционного Суда об особой, связанной с материнством социальной роли женщины в обществе³.

Следуя вызовам времени и международной практике, вторую вышеуказанную проблему разрешил Конституционный Суд РФ в своем Постановлении № 21-П от 14 июля 2015 года по делу о проверке конституционности положений ст. 1 Федерального закона РФ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней...»⁴ В нем суд указал: «Будучи связанной требованием соблюдать вступивший в силу международный договор, каковым является Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация, тем не менее, обязана обеспечивать в рамках своей правовой системы верховенство Конституции Российской Федерации, что вынуждает ее в случае возникновения каких-либо коллизий в этой сфере — притом что Конституция Российской Федерации и Конвенция о защите прав человека и основных свобод основаны на одних и тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина — отдавать предпочтение требованиям Конституции РФ и тем самым не следовать буквально постановлению ЕСПЧ в случае, если его реализация противоречит конституционным ценностям».

И тем не менее, за 20 лет действия Европейской конвенции в отношении РФ можно сказать, что ширится прямое применение Конвенции судами страны в качестве источника российского права.

Подводя итог, отметим, что нормативистская концепция, признающая единственным источником права нормативно-правовой акт, не выдерживает проверки временем. Отход от этой концепции как единственно верной дает возможность повысить национальную правовую культуру, признав судебные решения источником российского права, в том числе и решения ЕСПЧ, которые не должны посягать на верховенство Конституции РФ.

В. А. Токарев⁵

СРАВНЕНИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Открывая для исследователя границы, обусловленные разнообразными факторами, правоведение каждый раз возвращает его к вопросу: «Что есть пра-

¹ Зорькин В. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. 29 окт.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Российская газета. 2015. 27 июля.

⁵ Заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой), кандидат юридических наук. Автор ряда научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Все на свете имеет отношение к суду... (Размышления над книгой А. Гарапона “Искусство судить”», «Концепция правовой государственности В. С. Нерсесянца: в поисках нового типа конституционного правопонимания», «Современная модель правосудия: преодоление насилия над субъектом права», «Субъект учредительной власти: к вопросу о политическом праве эпохи модерна» и др.

во?». Разумеется, он может быть сформулирован иначе: «Каковы способы существования человека и общества, признаваемые в качестве правовых?». Правовед рассчитывает прояснить онтологическую проблематику юридической науки, но для этого необходимо указать на конкретный способ существования субъекта как правового и определить особенности той ситуации, в которой участник общественных отношений проявляет себя в качестве субъекта права. Очевидно, решая эти задачи, правоведу следует быть готовым к диалогу с иными юридическими традициями, чем его собственная. С этой целью мы должны воспользоваться различными приемами осмысления права в том или ином культурном контексте. По замечанию Н. Рулана, мир переживает «процессы аккультурации, связанные

с распространением права... процессы смещения юридических норм»¹. Обозначенные процессы развиваются в рамках двух основных направлений.

Во-первых, сфера действия позитивного права в западной юридической традиции расширяется за счет освоения законодателем различных областей социальной жизни. «То, что законодатели, как минимум на Западе, пока не вмешиваются в такие сферы жизни людей, как их высказывания, выбор брачного партнера, путешествия или манера одеваться, обычно позволяет не обращать внимания на то, что на практике у них есть полномочия вмешаться в любую из них»², — констатирует Б. Леони. Принципиально важным является не сам факт чрезмерного регулирования законодателем общественных отношений, а известная гибкость структуры права, реагирующей на изменения в социальных практиках. Конечно, каждое социальное поле сохраняет автономию, но многие социальные явления находят свое выражение с помощью юридической терминологии. «Появление выражения “беспристрастность государства”, характерного для ряда последних президентских выборов во Франции, — отмечает А. Гарapon, — может служить превосходной иллюстрацией эволюции политических ожиданий. Идея беспристрастности взята из юридического словаря»³. Иными словами, коллективные действия обретают законную силу в процессуальной (правовой), а не в политической форме, как это было ранее.

Во-вторых, в традиционных обществах, где, напротив, позитивное право играет скромную роль среди социальных регуляторов поведения, сегодня активно используются правовые институты. Так, в мусульманском праве, формально оставаясь в тени, позитивное право фактически позволяет обойти императивные нормы религии. Здесь мы наблюдаем тенденцию, обратную той, что была характерна для периода формирования западной традиции права. Она органически выростала из канонического права⁴, тогда как мусульманская традиция привлекает позитивное право для корректировки чрезмерно жестких требований религии. Поэтому замечание Р. Леже, адресованное европейским юристам, о том, что «нам следует ограничивать техническое значение права и прилагать максимум усилий к урегулированию социальных отношений другими способами»⁵, в рамках восточной традиции права утрачивает смысл.

Обозначенные тенденции свидетельствуют о необходимости проведения исследований, основанных на понимании права как культурного феномена. Они предполагают структурный анализ правовой реальности в качестве знаковой системы, поскольку в этом случае открываются возможности для выявления взаимосвязей права с иными элементами культуры. Кроме того, семиотический анализ структуры права позволя-

ет выявить ее основания, остающиеся, как можно полагать, неизменными в любом культурном контексте. Между тем речь вовсе не идет о тотальном юридическом метаязыке, априори навязываемом социальной реальности с каких-либо конъюнктурных позиций (например, с целью доказать превосходство одного способа правового бытия над другими). Напротив, задача правоведа заключается в осмыслении разнообразия моделей правового общения внутри отдельных юридических культур и между ними при сохранении в поле зрения универсальных оснований права.

Для достижения этой цели правовед обращается к анализу трех уровней правовой реальности: общего социального поля, юридического поля, правосознания. Свои исследования он проводит, анализируя социальные структуры, суждения о справедливости, культуру. «Правовое общение в отличие от личновластных отношений, — пишет В. Г. Графский, — является собой пример справедливых индивидуальных и групповых взаимоотношений, которые обеспечены... согласием относительно способов и процедур урегулирования возникающих споров, уважением к установившимся традициям и нравам, другими элементами сложившейся культуры»⁶. На наш взгляд, постижение структуры правовой реальности как социального и культурного феномена обеспечивает диалог правовых культур, обогащающий юридические идеологию и технику.

Первоначально правоведы отражают варианты формализации и практического применения социальных норм, характерных для конкретных культур. На данном этапе они действуют по принципу, описанному Р. Бартом. Японцы не признают центрального положения тела в качестве означаемого знаковой деятельности и выражают его отношения с вещами указанием на них пальцем («Такое!»)⁷. Обращаясь к исследованию правовой системы, юристы так же указывают на нее: «*Это* — англосаксонская семья, а вот *это* — романо-германская». Постепенно складывается метаязык правоведения, несвободный от вносимых в него исследователем посторонних смыслов. Многие зависят от занимаемой субъектом высказывания позиции. Правовед волен осветить один правовой институт и затуманить другой, изучить одну юридическую модель и пройти мимо других. Однако практикуемый им метаязык, при всех погрешностях, должен отражать пласт правовой реальности как таковой и форму, которую она принимает в данном обществе. Переходить от сбора эмпирического материала к его осмыслению оправданно, только имея адекватное представление об онтологической структуре права и особенностях того культурного контекста, где она сформировалась.

Семиотический анализ онтологической структуры права интегрирует в предмет юриспруденции системы, развивавшиеся на самобытной почве и не воспринявшие ценностей западной традиции права. «В глазах китайцев право... орудие произвола, фактор, на-

¹ Рулан Н. Историческое введение в право. М., 2005. С. 17.

² Леони Б. Свобода и закон. М., 2008. С. 23.

³ Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия. М., 2004. С. 48.

⁴ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 11.

⁵ Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М., 2010. С. IV.

⁶ Графский В. Г. Всеобщая история права и государства. М., 2005. С. 12.

⁷ См.: Зенкин С. Ролан Барт — теоретик и практик мифологии // Барт Р. Мифологии. М., 2008. С. 51.

рушающий нормальный порядок вещей»¹, — полагает Р. Давид. Кажется, это веский аргумент для передачи китайского права в ведение истории культуры, а не правоведения. Но отрицание ценности права и замена его другими регуляторами поведения не устраняют юридического поля, остающегося пространством борьбы субъектов за признание их правового статуса. Размышления Р. Барта по поводу японской культуры свидетельствуют о том, что (пусть и более прямолинейно, чем на Западе) на Востоке субъектам права тоже задаются вопросы об их расположении в правовой реальности, которые обозначаются недвусмысленным указанием на них.

Впрочем, можно поспорить о значении юридического поля в восточных культурах, заметив, что в Китае легальное пространство столкновения позиций носит субсидиарный характер, так как там в суд обращаются, исчерпав доступные средства примирения. Сами же «суды склоняют стороны к мировому соглашению и разработали оригинальную технику применения права, а точнее, уклонения от его применения»². Ответ на такое замечание содержится уже в нем самом, поскольку, чтобы непосредственно не применять нормы позитивного права, китайские судьи приложили усилия к выработке специальной техники, действуя в «ненавистном» им юридическом поле³. Тем не менее попытки политической элиты культивировать в обществе позитивное отношение к праву ни к чему не приводили, оставляя открытым вопрос о подлинных установках элиты. «Коммунистический режим в Китае сперва отказался от кодексов по западной модели, подготовленных после падения императорского строя, а позднее, после недолгих колебаний, — от советского пути и избрал свой собственный, на котором праву отведено скромное место; был принят ряд новых законов, но мало что изменилось в стиле их применения»⁴, — заключает Р. Давид.

Взгляд на китайскую традицию правопонимания резко меняется, когда правоведы предпринимают попытку определить, что же собственно является объектом неприятия — содержание норм права, которое еще в эпоху трех династий (2205–256 гг. до н. э.) выкристаллизовалось как карательное, или право в качестве особого способа бытия сущего, признаваемого как правовое, правильное, справедливо правящее и направляющее движение субъекта, вопрошающего о дальнейшей судьбе, в рамках проблемной ситуации. По замечанию Н. Рулана, «в Китае право в основном остается сред-

ством для одного клана осуществлять свою власть, воплощаемую в праве карать других. Однако *идея права* в том виде, в каком мы ее себе представляем, не была совершенно чужда историческому опыту Китая» (курсив наш. — В. Т.)⁵. Следовательно, прежде чем критиковать своеобразный подход китайцев к праву, необходимо осмыслить идею права как онтологическую структуру, вписанную в культурный контекст. Добро-совестный исследователь способен рассмотреть в позиции политических лидеров Китая не примитивный уровень правосознания и правовой нигилизм, а одну из разновидностей акта признания правовых ценностей. Негативная оценка — тоже оценка, которая сама по себе интересна правоведу. Осмысливая акты отрицания права, он обнаруживает субъекта, реализующего такие акты и оценивающего правовую реальность.

Структура права едина, целостна и внутренне непротиворечива. Другое дело, если занимаемая наблюдателем позиция допускает классификацию права на подлинное и неполноценное, естественное и позитивное, обнажая всю глубину и трагизм усвоенного им социального опыта. Поэтому, отказываясь от участия в полемике позитивистов и юснатуралистов, Р. Давид называет в числе современных правовых систем также китайскую, японскую, мусульманскую и индусскую⁶. Такой подход акцентирует внимание не на споре позитивизма со школой естественного права, а на отношении между *фактом* и *нормой* в онтологической структуре права. Пренебрегая фактическими основаниями правовой реальности в пользу нормативного аспекта, правовед рискует свести свое исследование к сопоставлению англосаксонской и романо-германской правовых семей, анализируя другие семьи по остаточному принципу. Он акцентирует внимание на вопросе, почему в Англии так бесстрастно относятся к почитаемой на континенте концепции естественного права и, переходя к правовым системам Китая или Японии, теряется в материале не столько из-за его обилия, сколько по причине отсутствия ориентиров для его осмысления. Опираясь на метаязык, правовед, подобно правовому субъекту, продвигается в пространстве ситуации, и от успеха его освоения (в лабиринте чужих для него смыслов) зависит, передаст ли он эти смыслы на своем языке адекватно оригиналу. Следовательно, чтобы состоялось правовое общение в условиях формирования глобального миропорядка, необходимо обратиться к онтологической структуре права и установить ее основания.

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 27.

² Там же.

³ Рулан Н. Указ. соч. С. 45.

⁴ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 27.

⁵ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Указ. соч. С. 27.

⁶ Там же. С. 26.

В. В. Трофимов¹СОЦИАЛЬНО-ИНТЕРАКТИВНЫЙ ФАКТОР ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ПРАВЕ²

Сложные глобализационные процессы происходят сегодня на разных уровнях геодивизиональной системы. Процесс глобализации в области экономики находит продолжение в иных сферах жизни: политической, социокультурной и, безусловно, правовой, поскольку право выступает необходимым средством формализации (легитимации) и обеспечения интеграционных процессов в общемировом масштабе. Право как регулирующий инструмент и способ взаимодействия социальных субъектов одним из первых реагирует на эти процессы, предлагая соответствующие новым реалиям нормативные стандарты взаимоотношений в национальном и транснациональном аспектах³.

Что движет глобализационными процессами в праве, что придает им динамизм и позволяет интегрировать мировое правовое пространство, вырабатывая универсальные юридические стандарты и формы, каков генеральный фактор правовой глобализации — экономика, политика, культура и искусство? Как представляется — нет, все это производные явления от базового, исходящего из природы человеческого существования феномена взаимодействия, замыкающего на себе все остальные аспекты жизни.

Именно социальное взаимодействие как предельная основа общественной жизни обуславливает возникновение экономических, политических, правовых и иных форм, которые вначале апробируются на национальном уровне, но по мере расширения человеческих контактов, преодолевающих национальные границы, приобретают формы, ориентированные на глобальный уровень взаимодействий. И потому так важно понять суть этого социального феномена, выстраивая от него линию отсчета в глобальной эволюции и все сопутствующие стороны социальной прогрессии (в экономике, политике, праве и пр.). Как справедливо отмечают некоторые из теоретиков феномена глобализации: «... чтобы критически и на конкретном материале проанализировать исторически сложившиеся взаимодействия глобального и локального, необходимо — причем крайне необходимо — не только понимать, что такое *социальное изменение* (курсив наш. — В. Т.)...»⁴

¹ Профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук. Автор более 230 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект», «Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект», «Правообразование и правообразующие факторы в праве» (в соавт.), «Правовая политика как научная основа правовых реформ», «Юридические принципы как основа правовой системы общества: проблема формирования»; соавтор ряда коллективных монографий, учебников и учебных пособий; автор научных статей, обзоров и рецензий в ведущих российских научных журналах. Член Ассоциации юристов России.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ («Социально-интерактивные закономерности права: проблемы методологии и теории», проект № 15-03-00238).

³ См.: Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика / под ред. С. В. Поленной, Е. В. Скурко. М., 2006.

⁴ *Озбудун Э., Фуат Кейман Е.* Культурная глобализация в Турции. Акторы. Дискурсы. Стратегии // Многоликая глобализация /

Анализ феномена социальной детерминированности процессов глобализации в праве должен начинаться с рассмотрения *взаимодействия или интеракции* (интеракция от лат. interaction — взаимодействие) — *деятельностной коммуникации человеческих индивидов как матрицы социальных процессов*. Только в этом случае станет возможным понимание правовой динамики как процесса социального. Как справедливо отмечает А. В. Поляков, «если мы будем понимать социальное как некую “социальную физику”, существующую по объективным законам, никак не соотносимым с человеческой субъектностью (субъективностью), то мы не сможем понять и право как целостное, интегральное явление»⁵.

По верному наблюдению одного из видных представителей коммуникативного подхода в праве, профессора Гентского университета (Бельгия) Марка ван Хука, преимущество анализа правового феномена в терминах коммуникации заключается в том, что такой взгляд «представляет право как средство человеческого взаимодействия, а не как самодостаточный вывод...»⁶

Феномен социального взаимодействия — это внеформационная и универсально-историческая характеристика жизни общества в целом, а также ее составной части и особой разновидности — «правовой жизни»⁷. Различные по своей функциональной природе стороны интеракции (взаимодействия) социально-правовых субъектов, выступая в самых разнообразных видах и образуя ипостась правовой жизни, определяют содержание права, его характер, общий вектор, по которому право осуществляет свое движение.

Роль социально-интерактивных процессов такова, что позволяет рассматривать данный феномен как фактор объективного характера, причем фактор базовый (по терминологии факторного анализа — *генеральный фактор*), который опосредует все процессы социально-правовой динамики. Именно на нем сосредоточивается действие всех иных социальных факторов (экономического, политического, демографического, культурного и др.).

Правосфера общества — это стихия связанных с правом взаимодействий между людьми. Это так, поскольку социальная жизнь, формой которой является жизнь правовая, — сфера господства феномена «взаимодействия», который делает общество и весь социальный мир единым целым, причем целым не как со-

под ред. П. Бергера, С. Хантингтона; пер. с англ. В. В. Сапова, под ред. М. М. Лебедевой. М., 2004. С. 314–315.

⁵ *Поляков А. В.* Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1 / под ред. А. В. Полякова. СПб., 2009. С. 12; *Он же.* Коммуникативное правопонимание: избр. тр. СПб., 2014.

⁶ *Хук М. Ван.* Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 21.

⁷ *Mal'ko A. V., Trofimov V. V.* Legal Life: Conceptual, Categorical and Methodological Analysis Experience // Журнал Сибирского федерального ун-та. Сер.: «Гуманитарные науки». 2015. Т. 8, № 8. С. 1652–1660.

вокупность частей, а как реальность, которая эти части объединяет, интегрирует, скрепляет.

«Весь обширный океан мировой истории человечества, — писал П. А. Сорокин, — составляется из отдельных ручьев и речек, каковыми являются отдельные длительные и мгновенные процессы взаимодействия... Как море составляется из отдельных ручьев, рек и потоков, так и океан общественной жизни человечества составляется из таких процессов взаимодействия»¹. Г. Зиммель по этому поводу писал: «Мы не сомневаемся, что решающее основание относительного единства кроется в разнообразных взаимных влияниях частей целого... Как руководящий всемирный принцип мы должны принять, что все со всем находится во взаимодействии, что между любой точкой вселенной и какой-либо другой существуют те или иные взаимные влияния»².

Вся социальная (в том числе и правовая) жизнь как в национальном, так и в глобальном масштабе начинается с элементарного взаимодействия между индивидами (коллективными социальными субъектами), которые в своих взаимных связях создают образцы взаимных мер свободы (нормативные формы), необходимых в качестве управляющих инструментов для поддержания эффективного функционирования данных систем социальных взаимодействий.

В зависимости от преобладающих «энергий» можно произвести деление всех возможных видов взаимодействий на два противоположных вида: *кооперация* и *конкуренция*. Мировые социально-правовые процессы строятся и осуществляются именно в силу этих двух свойств социально-интерактивных систем. Социальные субъекты, конфликтуя или устанавливая связи сотрудничества, влияют на правовую картину мира, либо внося (внедряя) в нее элементы мер правового воздействия, предотвращающие или разрешающие конфликты (если их много), либо обогащая мировую правовую жизнь новыми соглашениями и договорами о сотрудничестве (конвенциональными формами), если преобладают международная солидарность и взаимное уважение между странами.

Глобализация — это как раз тот процесс (по крайней мере, это одна из его сторон), благодаря которому открывается возможность для разработки и принятия правовых решений в русле сотрудничества и согласования позиций. Это особенно важно, если вести речь о таком универсальном правовом институте, как институт прав и свобод человека. Правовое обеспечение его эффективного функционирования во многом зависит от умения различных государств договариваться и находить общую платформу для принятия международно-правовых и национально-правовых решений. Так, после вступления России в Совет Европы российский парламент и Правительство РФ приняли целый ряд законодательных и других мер по приведению российского законодательства в соответствие со стандартами Совета Европы по правам человека³.

¹ Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 27.

² Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Киев; Харьков, 1898. С. 24–25.

³ См.: Пирбудагова Д. Ш. К вопросу о влиянии процессов глобализации и регионализации на развитие прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16. С. 15–17.

Взаимное сотрудничество государств — это объективная реальность современного мира. Сотрудничество государств по правовым вопросам способствует обеспечению защиты прав физических и юридических лиц, находящихся за пределами их собственной страны. В этом заинтересованы участники международного общения. Россия вполне адекватно отзывается на призыв современности о поддержании взаимного сотрудничества в правовой плоскости. В частности, в российское законодательство включена ст. 1189 Гражданского кодекса РФ, регламентирующая действие взаимности в качестве общего начала в вопросах применения иностранного законодательства: «отказ от принципа взаимности в частных отношениях ведет к нарушению прав и интересов частных лиц и в конечном счете — к нарушению общих принципов современного международно-правового сотрудничества»⁴.

В свою очередь конфликтные отношения между странами или населяющими их людьми приводят к возникновению иных международно-правовых институтов и регуляторов, функцией которых является предотвращение возможных конфликтов либо их разрешение, в том числе посредством санкций, негативных обзываний и запретов на осуществление той или иной социально-политической, социально-экономической и прочей активности. Несмотря на отрицательный характер конфликтных процессов, они также составляют содержание правовой сферы и во многом определяют ее диалектику. Иное, наверное, и невозможно по определению, так как всегда происходит столкновение различных по своей направленности интересов разных социальных акторов.

Глобализация в этом смысле (отражая алгоритм взаимодействия–противостояния) порождает целый ряд проблем социального и политического характера, дает основание «задуматься» странам о собственном национальном суверенитете. Как замечает П. Бергер, «... не может быть сомнения в том, что экономические и технологические преобразования, которыми обусловлено само явление глобализации, породили серьезные социальные и политические проблемы, такие как разделение на победителей и проигравших (как в пределах одного общества, так и между сообществами), и вызов традиционным представлениям о национальном суверенитете»⁵. В результате — национальное право (которое во многом входит в зависимость от наднационального права⁶), как правило, формирует арсенал средств для предотвращения известных угроз для национальной безопасности⁷.

Феномен социальной интеракции с точки зрения его роли по отношению к динамическим процессам правовой глобализации, таким образом, — это своего рода

⁴ Нешатаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007. С. 25.

⁵ Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. С. 9.

⁶ В общетеоретическом аспекте см. об этом подробнее: Чиркин В. Е. Наднациональное право и государственный суверенитет (некоторые проблемы теории). М., 2015.

⁷ См., например: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

предельно-конечный онтологический момент «социального», культурно-универсальный фактор, тот базисный (первичный) уровень, обуславливающий возникновение правовых форм. Интерактивно-социальный

уровень общественных отношений — это платформенное основание глобальных процессов, продуцируемых непосредственными социальными взаимодействиями участников социально-правовой жизни.

С. Ф. Ударцев¹

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

1. В современном мире наблюдается глобальная гибридная борьба мировых сил — военная, политическая, дипломатическая, информационная. Она сопровождается подрывом политических и экономических систем стран с неугодными доминирующим странам режимами, кровопролитием в ряде регионов планеты, десятками тысяч жертв, миллионами беженцев из разных стран, нарушением складывавшегося долгое время баланса сил и ростом нестабильности, созданием новых источников конфликтов, как правило, еще большей коррупции, фрагментацией территории государств.

Казахстан, многонациональный состав которого сложился в связи с политическими репрессиями, разнонаправленной внутренней миграцией населения, переселением целых народов, освоением целины, индустриализацией, обратным исходом русских, немцев, евреев и других народов, возвращением казахов (оралманов) на историческую родину в период XIX–XXI веков (Российская империя, РФ, СССР, постсоветский период), в результате проводимой этнической политики входит в число островов межнациональной и межконфессиональной стабильности. В связи с этим вызывает международный интерес казахстанская правовая этнополитика². Так, в январе 2015 года в Швеции в рамках конференции «Трансэтнические коалиции» была организована дискуссия о казахстанской модели общественного согласия и мира, в июле 2015 года в Болгарии (г. Бургас) на Международном социологическом конгрессе «Конфликты XXI в.: новые общества, новые

пространства: междисциплинарный диалог» состоялся круглый стол «Казахстанский опыт реализации политики межэтнической толерантности, мира и согласия», а в ноябре 2015 года в Москве прошел круглый стол «Опыт России и Казахстана по формированию гражданской идентичности».

2. В Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства, утвержденной Указом Президента РК от 28 декабря 2015 года (далее — Концепция), отмечается, что Конституция Республики Казахстан «гарантировала равенство прав всех граждан независимо от расовой, этнической, религиозной и социальной принадлежности».

Конституция закрепила гражданский принцип построения казахстанской идентичности и единства народа на основе признания этнического, языкового, культурного, религиозного многообразия³.

В п. 2 ст. 39 Конституции РК «признаются неконституционными любые действия, способные нарушить межнациональное согласие»⁴. Согласно п. 3 ст. 20 Конституции «не допускаются пропаганда... расового, национального, религиозного... превосходства...»⁵ Запрещена какая-либо дискриминация граждан. В п. 1 ст. 14 Конституции установлено, что «все равны перед законом и судом», а в п. 2 той же статьи записано: «Никто не может подвергаться какой-либо дискриминации по мотивам происхождения, социального, должностного и имущественного положения, пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, убеждений, места жительства или по любым иным обстоятельствам»⁶. В Конституции Украины не говорится о запрете дискриминации, используется более широкое по смыслу выражение «не может быть привилегий или ограничений» (ст. 24)⁷. Очевидно, что общее и более нейтральное понятие «ограничения» не вполне тождественно более конкретному понятию «дискриминация» и может оказаться менее чувствительно к степени ограничения и игнорирования прав отдельных лиц или социальных групп в определенных ситуациях, способно служить юридическому жонглирова-

¹ Директор Научно-исследовательского института правовой политики и конституционного законодательства Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана, Казахстан), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана, почетный работник образования Республики Казахстан. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч.: «Рукопись М. А. Бакунина “Гамлет”», «История политических и правовых учений. Древний Восток: Академический курс», «Учителя и коллеги. Из истории юридической мысли Казахстана XX — начала XXI в.: Очерки и воспоминания», «Высшее юридическое образование в Казахстане в XXI веке: реформы, проблемы и перспективы» (в соавт.), «Правовые позиции Конституционного Совета и формирование действующего права», «О некоторых “теневых” влияниях на правоприменение и реальное право» и др. Академик Академии социальных наук и Академии юридических наук Республики Казахстан. Член Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана, Экспертно-консультативного совета Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, Научно-консультативного совета при Верховном Суде Республики Казахстан.

² См., например: Императивы государственной этнополитики Республики Казахстан. Аналитические материалы и методические рекомендации для государственных органов / под общ. ред. Е. Л. Тугжанова. Астана: ТОО «Дэме», 2012. В Казахстане проживают носители более 120 языков. См.: Языки народов Казахстана. Социоллингвистический справочник / отв. ред. Э. Д. Сулейменова. Астана: Арман-ПВ, 2007.

³ Указ Президента РК № 147 от 28 декабря 2015 г. «Об утверждении Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1500000147> (дата обращения: 24.02.2016).

⁴ Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. // Әділет. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000> (дата обращения: 24.02.2016).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ См.: <http://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini/razdel-1/> (дата обращения: 18.03.2016).

нию отвлеченными терминами для идеологической маскировки реальных негативных политических явлений и процессов.

В ст. 7 Конституции закреплено, что «в Республике Казахстан государственным является казахский язык» (п. 1). Большинство экспертов признают, что в стране много сделано и делается для развития казахского языка, что ситуация существенно изменяется. При этом в п. 2 той же статьи установлено, что «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык»¹, а в п. 3 записано, что «государство заботится о создании условий для изучения и развития языков народа Казахстана». Такой подход обеспечивает развитие казахского языка и использование преимуществ от владения населением Казахстана русским языком — одним из официальных языков ООН, а также изучение, развитие и других языков народа Казахстана.

Концепция также ориентирует на «формирование эффективных социальных лифтов для всех граждан Казахстана без каких-либо различий и ограничений; развитие триединства языков: казахского, русского и английского». Подчеркивается, что «казахстанская идентичность строится на системе равных возможностей для личного и профессионального роста, гарантий безопасности для себя и своих детей, качества жизни, стабильности»².

В реализации Концепции важная роль принадлежит действующей 22 года Ассамблее народа Казахстана, имеющей филиалы во всех областях. В п. 7 ст. 9 Закона «Об Ассамблее народа Казахстана» в новой редакции от 27 октября 2015 года закреплено, что «содержащиеся в решениях Сессии Ассамблеи рекомендации и предложения по государственной политике в сфере общественного согласия и общенационального единства, направленные государственным органам и должностным лицам, подлежат обязательному рассмотрению»³. Это повышает ответственность Ассамблеи и ее Научно-экспертного совета. Кроме того, в 2015 году во всех административно-территориальных единицах страны созданы советы общественного согласия.

В отличие от общественного объединения «Ассамблея народов России», созданного в 1998 году⁴, Ассамблея народа Казахстана, решающая примерно те же за-

¹ Кстати, в ст. 10 Конституции Украины 2014 года русский язык не признается ни государственным, ни официальным, отнесен к языкам национальных меньшинств Украины, которым «гарантируется свободное развитие, использование и защита», хотя, как известно, в ряде территорий страны он выступает как основной язык общения. См.: <http://meget.kiev.ua/zakon/konstitutsia-ukraini/razdel-1/> (дата обращения: 18.03.2016). Известно, к каким негативным последствиям для стабильного и мирного экономического и политического развития страны привела ультранационалистическая идеология в этой чувствительной сфере.

² Указ Президента РК № 147 от 28 декабря 2015 г. «Об утверждении Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства».

³ Об Ассамблее народа Казахстана. Закон РК от 20 октября 2008 г. № 70-IV (в ред. от 27.10.2015 г. № 316-V) // Эділет. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000070> (дата обращения: 24.02.2016).

⁴ См.: Устав Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» (нов. ред. от 8 июля 2013 г.) // Сайт Ассамблеи народов России. URL: http://ассамблеянародов.рф/sites/default/files/ustav_anr.pdf (дата обращения: 17.03.2016).

дачи, имеет более прочную правовую основу. В ее названии подчеркивается *единство многонационального народа* страны. Президент Казахстана является председателем Ассамблеи, назначает членов республиканской Ассамблеи. Имеется специальный закон об Ассамблее, ее статус закреплен в Конституции. На своей сессии Ассамблея избирает 9 депутатов нижней палаты парламента — Мажилиса. Кстати, в ноябре 2015 года 40 молодых госслужащих из кадрового резерва, представляющих 24 региона Российской Федерации, прошли обучающую программу стажировки в Академии государственного управления при Президенте РК в Астане. В числе основных тем, с которыми они знакомились, был опыт взаимодействия государственных и гражданских институтов Казахстана в сфере межэтнических отношений⁵.

В вышеуказанной Концепции первым вектором работы по укреплению и развитию казахстанской идентичности, которая будет выстраиваться под эгидой Ассамблеи народа Казахстана, признается «идентичность на принципе гражданства». Записано, что «фундамент нового казахстанского патриотизма — это равноправие всех граждан и их общая ответственность за успешное развитие Казахстана»⁶.

3. Страны Центральной Азии в последнее столетие нередко оказывались на пересечении сложных комбинаций глобальных и региональных интересов. И сегодня есть силы, заинтересованные в разрушении межнационального и межконфессионального мира и согласия в Центральной Азии и Казахстане с помощью ультранационализма и религиозного экстремизма, моделей этнократического государства, а также идеи создания халифата. Кстати, по данным Генеральной прокуратуры, по ст. 174 УК РК («Возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни») в 2015 году находилось в производстве 86 уголовных дел о правонарушениях и передано в суд 34 уголовных дела⁷.

Разрушение межэтнического и межконфессионального мира и согласия ведет к опасной дестабилизации общества. Прав казахстанский поэт Олжас Сулейменов, что «сегодня подлинным патриотом Казахстана может быть только интернационалист. Независимо от его национальной принадлежности»⁸.

Для укрепления казахстанской идентичности на основе гражданства предстоит немало сделать: улучшить знание казахского, русского и английского языков; повысить общую, политическую и правовую культуру населения; внедрить эффективные механизмы медиации; повысить социальную ответственность собственников; усовершенствовать системы образования, здравоохранения и социальной защиты; модернизировать и очи-

⁵ См.: Вручение сертификатов по итогам обучения госслужащих Российской Федерации. URL: <http://pa-academy.kz/index.php/ru/home/1845-vrucheniye-sertifikatov-po-itogam-obucheniya-gossluzhashchikh-rossijskoj-federatsii> (дата обращения: 17.03.2016).

⁶ См.: Об Ассамблее народа Казахстана. Закон РК от 20 октября 2008 г. № 70-IV (в ред. от 27.10.2015 г. № 316-V).

⁷ Данные Генеральной прокуратуры, представленные по запросу Научно-экспертного совета АНК в феврале 2016 года.

⁸ Олжас Сулейменов: «Я следую своему кредо — возвысить степь, не унижая горы...» // Казахстанская правда. 2014. 19 нояб. С. 8.

стить государственную службу, победить коррупцию; развить демократизацию, общественный контроль и гласность; сформировать правовое и социальное государство. Так, во время защиты Казахстаном Национального доклада по выполнению положений Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (84-я сессия Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации, февраль 2014 г.), признавая достигнутые страной успехи, эксперты ряда стран отметили отсутствие отдельного законодательства по борьбе с проявлениями расовой дискриминации, включающего понятие «дискриминация», а также отсутствие отдельных статей в Уголовном и Админи-

стративном кодексах РК, предусматривающих соответственно уголовную или гражданскую ответственность за разжигание национальной розни и агитацию расового превосходства¹.

При этом важно учесть, что формально-юридическое (содержащееся в тексте законодательства) и фактическое положения не всегда полностью совпадают, тождественны. Правильные нормы законов должны эффективно воплощаться в жизнь, подкрепляться своевременной корректировкой правовой политики, деятельностью госорганов, культурой и отношениями реальных людей, их повседневными добрыми словами и делами.

И. А. Честнов²

ПРАВО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Современный мир стал глобальным: этот очевидный тезис не нуждается в доказательствах. Однако процесс глобализации, обуславливающий право, как и все другие социальные явления и процессы, противоречив и нуждается в научном осмыслении. Сразу же замечу, что, как и любой сложный социальный процесс, глобализация многогранна, многоаспектна, а потому может быть описана, объяснена и оценена разными способами с позиции разных «метанаблюдателей». Более того, нет и не может быть «единственно верной» точки зрения по поводу того, что же представляют собой глобализация и глобальное общество³.

На мой взгляд, наиболее важными моментами глобализации или глобального мира являются его коммуникативное содержание и диффузия власти, которая выступает основанием социальности⁴. Отсюда на-

прашивается вывод о коммуникативной природе права, организуемой властью как механизмом воспроизводства коммуникации.

Право в глобальном мире предстает в качестве многогранного, полиреферентного явления с ускользающим бытием. Невозможно зафиксировать объект, с которым идентифицируется право. Такой реифицирующий взгляд на право критикует канадский философ права Б. Мелкевик. В частности, он пишет: «Нам следует принять или признать, что право не имеет никакого реального или эмпирического “существования” в этом мире. Право не имеет никакого физического или материального существования в социальном или политическом мире, и еще меньше — существования с точки зрения наличия или действительности, не говоря уже о том, чтобы быть или иметь и что, в конечном счете, следует действовать и думать соответствующим образом. Необходимо искоренить иррациональную и догматическую склонность рассуждать о праве или по поводу права так, как будто оно существует тем или иным образом, т. к. оно не существует. Модальность “существования” неприложима к праву. В этом смысле не существует никакого “объекта”, называемого “правом” в реальном, материальном, фактическом или просто “осязаемом” мире! Право не является чем-то “самим по себе” или не имеет этого признака, и мы не располагаем таким средством научного познания, которое позволило бы нам установить, чему может реально, действительно или объективно соответствовать эта символическая репрезентация, называемая “правом”. Итак, ошибочно писать и думать, будто “право” существует как “объект”, который можно схватить!»⁵. На мой взгляд, такой радикализм неуместен. Право, с моей точки зрения, существует в знаковой форме и практиках людей, включая как ментальный, так и поведенческий аспекты. Множественность того и другого

¹ См.: Доклад «О ситуации с правами человека в Республике Казахстан» / под общ. ред. К. Султанова, Т. Абишева. Астана, 2015. С. 7–8. В новые кодексы, принятые в 2014 года, также не включены подобные отдельные статьи. См. также предложения по развитию национального законодательства против дискриминации с учетом имплементации международно-правовых норм: Национальный план действий в области прав человека в Республике Казахстан. 2009–2012. Астана, 2009. С. 100–101.

² Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, старший советник юстиции, заслуженный юрист РФ. Автор ряда научных публикаций, в т. ч. Книг: «Социальная антропология права современного общества» (в соавт.), «История политических и правовых учений. Теоретико-методологическое введение», «Актуальные проблемы теории государства и права. Диалогическая природа государства и его место в политической системе общества», «Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права», «Постклассическое правовопонимание», «Постклассическая теория права» и др.

³ Тем более что понятие «общество» относится к числу «сущностно оспоримых» и наиболее дискуссионных в современной науке. См.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014; Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012.

⁴ «Институты, организации и дискурсы, которые определяют и регулируют социальную жизнь, никогда не являются выражением “общества”, “черного ящика” многозначного полисемантического смысла, интерпретация которого зависит от перспектив социальных акторов. Они кристаллизуют властные отношения; иначе говоря “обобщенные средства” (Парсонс), дающие актерам

возможность осуществлять власть над другими социальными акторами, чтобы иметь власть для осуществления своих целей» (Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2016. С. 31).

⁵ Мелкевик Б. Юридическая практика в зеркале философии права. СПб., 2015. С. 139.

не дает возможности единой и единственной фиксации права, но это не означает того, что право «не существует» вообще. Сам Б. Мелкевик в другом месте заявляет, что «вопрос о праве решается на практике в реальном мире с людьми из плоти и крови и, в конечном счете, представляет собой завершение спора, разрешаемого процедурным, дискурсивным, аргументативным, диалектическим путем через соответствующее судебное решение»¹. Это и есть форма или модус бытия (один из!) права.

С другой стороны, после лингвистического «поворота», во многом определившего состояние (пост)современного социогуманитарного знания, любой объект, явление или процесс (включая, конечно, и право) существует в социальном смысле только тогда, когда получает наименование и означивание. Знаковая природа права² одновременно предполагает его постоянную интерпретацию (и переинтерпретацию) действующими акторами. Ситуация глобализации отличается множественностью знаковых форм, опосредующих право, «конфликтом интерпретаций» (по терминологии П. Рикера) того, что следует считать юридически значимым. Это связано с тем, что глобальный социум является мультикультурным, сложноструктурированным³.

Но кто или что задает критерии юридической значимости? Является ли это «объективным» процессом естественной эволюции, проявлением «природы вещей» или актом свободной креации? Сегодня пришло (точнее — постепенно приходит) осознание того, что *право суть конструкт власти, обусловленный «сопротивлением структуры»* (термин Б. Латура), *внешних факторов, осознаваемых и означиваемых как «структурные ограничения»*. Право, как и вся социальность, конструируется властью в широком смысле слова — прежде всего референтными группами, которые формируют социальные идентичности, в том числе предписывая социальные (и правовые) статусы как фактическое положение людей, идентифицируемых с точки зрения принадлежности к определенной социальной группе.

Власть в эпоху глобального мира значительно трансформируется: прямое насилие заменяется «мягким» информационно-идеологическим, знаково-символическим влиянием⁴, когда власть действует с помо-

щью «символического насилия»⁵. При этом меняется характер и содержание идеологии: ««идеология» вытесняется «имиджелогией» и, что немаловажно, меняется не только круг субъектов, вовлеченных в процесс производства символических форм, но и характер «потребления» последних»⁶. «Процесс коммерциализации политики в совокупности с динамичным развитием информационных технологий способствовал превращению идеологической работы в своеобразную сферу бизнеса, что, в свою очередь, привело к доминированию политтехнологов, так как политические технологии, обладающие высоким манипулятивным потенциалом, заняли ведущее место в иерархии факторов электорального успеха. Одним из важнейших последствий этой тенденции стало разрушение «традиционных» идеологий и возникновение идеологий нового типа, которые можно определить как манипулятивные»⁷.

Используя новые коммуникативные технологии, власть проникает во все сферы жизнедеятельности человека, формируя его как социального (и правового) субъекта, определяя его идентичность, потребности и интересы, экспектации и интенции. Одновременно достаточно кардинально меняется представление о власти: власть — это не инструмент, принадлежащий кому-то, кто его использует по своей воле, а всепроникающий аспект общественной жизни⁸. М. Фуко утверждал, что власть «пронизывает и производит вещи, вызывает удовольствие, формирует знание, производит дискурс»⁹. «Отношения власти глубоко укоренены в социальных связях <...> они не образуют какой-то дополнительной структуры поверх общества, о радикальном упразднении которой можно мечтать. Жизнь в обществе в любом случае означает жить так, чтобы одни могли бы воздействовать на действия других. Общество «без отношений власти» может быть лишь абстракцией. А это — скажем мимоходом — делает политически тем более необходимым анализ отношений власти именно в конкретных обществах, делает необходимым анализ их исторического формирования, того, что придает им стабильность или нестабильность, анализ условий, необходимых для того, чтобы преобразовывать одни и упразднять другие. Ведь сказать, что не бывает обществ без отношений власти, не означает ни того, что данные нам отношения власти необходимы, ни того, что в любом случае власть образует в средоточии обществ некую неустранимую фатальность; но это означает, что анализ, совершенствование, постановка под сомнение отношений власти, а также «агонизм» между отношениями власти и нетранзитивностью свободы представляют собой непрерывно стоящую перед нами политическую задачу; это также оз-

¹ Мелкевик Б. Указ. соч. С. 149.

² Знаковость или текстуальность включает не только закреплённость права в соответствующих формах его нормативности (нормативные правовые акты, судебные прецеденты, правовые обычаи, нормативные договоры и др.), но и знаковость реализации права. Юридически значимое действие существует в (через) знаковой фиксации этого действия.

³ О праве в мультикультурном обществе см. подробнее: Честнов И. Л. Правовой мультикультурализм в контексте мирового культурного развития // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Междунар. Лихачевские науч. чтения, 15–20 мая 2014 г. СПб., 2014. С. 524–527.

⁴ С помощью «мягкой силы» западные государства, прежде всего США, обеспечивают «мягкую гегемонию» на международной арене, создавая привлекательный образ западных ценностей общества изобилия (или потребления). См. подробнее: Русакова О. Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / под ред. Л. Н. Тимофеевой. М., 2012. С. 92–102.

⁵ О символическом насилии см.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 54 и след.

⁶ Малинова О. Ю. Введение // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под ред. О. Ю. Малиновой. М., 2011. С. 13.

⁷ Аль-Дайни М. А. Политические идеологии в контексте трансформации: особенности производства партийных идеологий в современной России // Идеино-символическое пространство постсоветской России... С. 34.

⁸ Garland D. Punishment and Modern Society: A Study in Social Theory. Oxford, 1990. P. 138.

⁹ Foucault M. Power and Strategies // Foucault M. Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977. Brighton, 1980. P. 119.

начает, что тут и заключается политическая задача, внутренне присущая всякой социальной жизни»¹.

Одновременно (или параллельно) власть производит субъектов, формируя их характер и «нормализуя их», делая их способными и склонными придерживаться норм здравого смысла, здоровья, сексуального поведения и других нормативов благопристойности². При этом власть, как и все социальные явления и процессы, — принципиально амбивалентна: как минимум она может быть в определенном контексте принудительной, а может быть и «продуктивной»³.

Вышеизложенное дает основание заключить, что право в глобальном мире — это продукт действий (преимущественно дискурсивных) власти по конструированию того, что с ее точки зрения следует считать юридически значимым, всегда обусловленный историческим и социокультурным (включая политические, экономические и тому подобные ограничения) контекстом и реализацией сконструированных норм права, а также практик широких народных масс, участвующих в конструировании и воспроизводстве правовой реальности.

В. Е. Чиркин⁴

НАЦИОНАЛЬНОЕ И НАДНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

Процессы модернизации, интеграции, частичной или всеобъемлющей глобализации (в зависимости от того, каким в разные времена был мир) всегда сопровождали развитие человечества. В целом они имели положительное технологическое и социальное значение.

¹ Фуко М. Субъект и власть // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2006. Ч. 3. С. 184.

² О конструировании «субъектов» в смысле как «свободного субъекта», так и подчиненного или подвластного см.: Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 159–160.

³ Об этом писал М. Фуко: Фуко М. Интеллектуалы и власть... С. 268–269. Э. Гидденс утверждает, что «деятельность логически подразумевает власть, понимаемую как способность к преобразованиям» (Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. М., 2003. С. 57). В то же время М. Фуко полагал необходимым «...отличать отношения власти как стратегические игры между свободами — стратегические игры, способствующие тому, что одни пытаются обуславливать поведение других — на что другие реагируют попытками не позволять обуславливать свое поведение или в ответ обуславливать поведение первых — и состояниями господства, какие обычно называют властью. <...> Анализ таких техник необходим, потому что весьма часто с помощью техник такого рода устанавливаются и поддерживаются состояния господства» (Фуко М. Этика заботы о себе как практика свободы // Фуко М. Интеллектуалы и власть... С. 268). Э. Гидденс, в свою очередь, пишет, что «“господство” и “власть” неотъемлемо присущи “социальным ассоциациям” (или, с нашей точки зрения, человеческой деятельности как таковой). <...> Так, например, невозможно разделить “идеологический дискурс” и “науку”. Понятие “идеология” относится только к тем асимметриям господства, которые соединяют сигнификацию с легитимацией частных интересов. На примере идеологии можно удостовериться, что структуры сигнификации отделимы от господства и легитимации исключительно на уровне аналитического приема» (Гидденс Э. Указ. соч. С. 78–79).

⁴ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Автор многих научных и учебных публикаций, в т. ч.: «Сравнительное правоведение», «Конституционное право зарубежных стран» (учебник), «Сравнительное государственное право» (учеб. пособие), «Публично-правовое образование», «Глава государства. Сравнительно-правовое исследование», «Конституционное право России», «Некоторые элементы общего и особенного в мусульманской правовой культуре» и др. Член редколлегии журналов «Государство и право», «Вопросы правоведения», «Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения», «Правоведение» и др. Член Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени.

ние, хотя иногда содержали негативные элементы, ломая, в частности, культуру народов, включая ее позитивные стороны.

На каждом этапе этим процессам были присущи свои особенности. Одна из особенностей, обозначившихся после Второй мировой войны, — создание особого рода региональных международных объединений государств в публично-правовой форме организации (основы создания и деятельности таких объединений регулируются гл. VIII «Региональные соглашения» Устава ООН 1945 г.). В наше время некоторые из них приобретают особые качества в связи с тем, что государства-члены самоограничивают определенные элементы своих суверенных прав, добровольно передавая их объединению, а последнее приобретает по этим вопросам право обязывания, принуждения (например, принуждение меньшинства большинством), что не свойственно типичным международным организациям, принимающим решения на основе согласия всех или консенсуса.

Обязывающее большинство не одинаково. В соответствии с Лиссабонским договором 2007 года, который внес изменения в Договор о Европейском Союзе 1992 года, для решения в Совете ЕС — главном нормотворческом органе Евросоюза — с 2014 года необходимо не менее 55 % голосов членов Совета ЕС при условии, что «за» голосовали как минимум 15 государств — членов Европейского Союза, которые представляют не менее 65 % населения ЕС. Блокирующим меньшинством, препятствующим принятию решения, являются четыре государства — члена ЕС, независимо от числа их голосов.

В Совете ЕС у 28 государств-членов всего 345 голосов. Они распределены неравным образом, в зависимости от численности населения, экономической роли и политического влияния. Разница бывает почти десятикратной (например, Франция имеет 29 голосов, а Мальта — 3)⁵.

⁵ Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в ред. Лиссабонского договора 2007 г.). Консолидированный текст. URL: <https://yandex.ru/search/?lr=10716&clid=2224313&msid=20940.3090.1456057925.68105&text=%> (дата обращения: 21.02.2016).

Такая практика распространена (одним из примеров является решение органов ЕС об экономических санкциях против России в 2014 г.). В Африканском союзе для принятия обязывающего решения требуется 2/3 голосов всех государств-членов (пока такие решения не принимались).

Обязывающие решения не имеют универсального характера. В ЕС они принимаются не по всем вопросам, а лишь по тем «государственным полномочиям», «суверенным правам», которые переданы государствами-членами объединению (при вступлении в ЕС все 28 государств-членов внесли соответствующие изменения в свои конституции, но в самой общей форме, а конкретно переданные полномочия в сфере экономики, социальных отношений, политики и тому подобных теперь фиксируются в измененном Договоре о ЕС).

В п. 4 ст. 4 Устава Африканского союза (2002) говорится даже о праве Союза «вмешаться в дела государства-члена», приняв обязывающее решение в четырех случаях — «военные преступления, геноцид и преступления против человечности»¹. В гораздо меньшей степени и в иных формах элементы обязывания свойственны некоторым другим региональным организациям.

Сказанное означает, что некоторые наиболее централизованные региональные международные организации получают от государств элементы публичной власти, приобретают качества государствовподобных организаций, становятся своеобразными формами международно-государствовподобных публично-правовых образований. Это в принципе отличает отношения в них от отношений в типичных международных организациях.

Региональные организации государств создают свое «частичное» международное право в отношениях между собой, договоры о создании организаций устанавливают также некоторые общие положения об отношениях государств-членов с другими государствами, не входящими в объединение (разумеется, организация и государства-члены руководствуются также «общим» международным правом). В каждом государстве-члене сохраняется своя национальная правовая система, но, обладая некоторыми властными полномочиями, организация может создавать своеобразное надгосударственное, наднациональное право, регулирующее внутренние отношения в объединившихся государствах.

Пока что такой процесс получил развитие только в ЕС, хотя и там наднациональное право неполно (в нем официально нет конституционного, уголовного права или процессуальных отраслей права)².

На практике среди семи институтов ЕС (институты — это особо значимые органы, имеющие право принимать обязывающие решения)³ нормотворческая власть по созданию главных правовых актов ре-

¹ См.: <http://docs.cntd.ru/document/901880996> (дата обращения: 21.02.2016).

² Элементы этого есть, а учредительные документы ЕС обычно называют конституцией, хотя в 2004 г. принять Европейскую конституцию для ЕС не удалось.

³ Общая конференция глав государств и правительств членов ЕС, Совет ЕС, Парламент ЕС, Комиссия ЕС, Суд ЕС, Счетная палата ЕС, Банк ЕС.

ализуется, как правило, Советом Европейского Союза (Советом ЕС) совместно с другим органом — Европейским парламентом, хотя в некоторых случаях ЕС может принять решение и сам. О составе Совета ЕС и порядке принятия его решений сказано выше. Европарламент, избранный в 2014 году в соответствии с Лиссабонским договором, включает 751 члена (750 членов и председателя). Самое большое представительство имеют немцы — 96 мандатов, далее следуют французы — 74 места, итальянцы и британцы имеют по 73 мандата, испанцы — 54, поляки — 51, Бельгия, Греция, Венгрия, Португалия и Чехия имеют по 21 месту и т. д. По 6 депутатов выбрали граждане Эстонии, Люксембурга, Мальты и Кипра. Решения в парламенте принимаются абсолютным большинством голосов. Блокирующего меньшинства в данном случае нет.

Проекты нормативных актов ни Совет ЕС, ни парламент представлять для обсуждения не вправе. Это делает Европейская комиссия (Еврокомиссия), считающаяся главным исполнительным органом ЕС. С 2014 года в нее входят 2/3 представителей от 28 государств-членов (на основе ротации — замены выбывающих).

В ЕС издано множество актов (регламентов, директив и др.), заменяющих на основе единообразия внутренние правовые акты государств-членов и действующих вместо них. Иногда государства-члены, например Чехия, непосредственно включают десятки тысяч страниц актов ЕС в свое законодательство (например, регламенты «О праве, подлежащем применению к недоговорным обязательствам» от 11 июля 2007 г. № 864/2007 и «О праве, подлежащем применению в договорных обязательствах» от 17 июня 2008 г. № 503/2008, которые заменяют крупные разделы кодексов стран об обязательствах).

Можно сказать, что наднациональное право ЕС составляют внутреннее право государств и одновременно наднациональное право, созданное правотворческими органами вне государств. В целом оно не жесткое, как право государств, и не мягкое, как международное право. Его регламенты имеют жесткий характер (их нужно выполнять точно, как предписано), директивы тоже обязательны, но методы выполнения выбирают сами государства, многие другие акты могут иметь рекомендательный характер.

На наш взгляд, наднациональное право ЕС имеет следующие особенности.

1. Наднациональное право возникает на основе согласования воли государств-членов (договор), а затем развивается путем деятельности правотворческих институтов ЕС. Многие акты права ЕС рождаются в процессах координации и поиска консенсуса.

2. Право ЕС имеет множественный комплексный характер. Это не только часть международного права, как его иногда характеризуют в справочниках. Оно также имеет внутригосударственное непосредственное действие, его определенные акты непосредственно (а не только путем имплементации), без трансформации норм права ЕС в национальное право государств-членов, распространяются на физических и юриди-

ческих лиц, находящихся в государствах — членах ЕС. В наднациональном праве неразделимо соединены элементы международного, публичного и частного права.

3. Наднациональное право ЕС имеет незавершенный характер. Акты ЕС регулируют многие общественные отношения, но, в отличие от государства, не все, которые можно регулировать правом и которые поддаются правовому регулированию. Они регулируют те отношения, полномочия по которым переданы ЕС государствами-членами. Кроме того, как говорилось, некоторые отрасли права остаются вне сферы правового регулирования ЕС, другие регулируются правом ЕС только частично.

4. Наднациональное право ЕС имеет основополагающий характер для государств-членов и приоритет перед правом государств-членов, но только в тех сферах, где некоторые государственные полномочия государств-членов переданы ЕС.

5. Распространяясь непосредственно на регулирование отношений внутри государств (хотя такие отношения ограничены переданными полномочиями), наднациональное право вмешивается в сферу внутреннего правового регулирования государств.

6. Право ЕС характеризуется своеобразными способами применения. Его непосредственное применение не связано с деятельностью органов ЕС. Оно применяется и исполняется органами государств-членов.

В. А. Энтин¹

СООТНОШЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

1. В интеллектуальном плане национальное право находится в специфической нормативной среде. Ее составляют зарубежные правовые конструкции и практика их толкования, стандарты международного права, модельные законодательные акты, разработанные правительственными и неправительственными международными организациями, нормы интеграционного права. Исследования в области сравнительного права, сравнительного законодательства обеспечивают доступность этого своеобразного *state of the legal art* (достигнутого уровня юридической техники) для юридического сообщества. В этих условиях вычлнить то, что определяет культурное своеобразие национальной системы права, становится все сложнее. Процесс адаптации правовых решений, заимствованных из внешних источников, к собственным потребностям развития страны с учетом исторических и культурных особенностей применения права в каждой отдельной стране, несмотря на проницаемость границ и свободу поиска и переработки информации, становится все сложнее.

2. Возрастающее вынужденное присутствие иностранных элементов в теле национального права порождает своеобразную реакцию отторжения. Эта ре-

акция все больше присутствует в научных дискуссиях. Своеобразная эйфория российского юридического сообщества, перед которым открылась перспектива свободного использования иностранных юридических конструкций без идеологических предрассудков, на каком-то этапе привела к не критической оценке международного регулирования как чистого разума, свободного от национального эгоизма. Между тем нормы интеграционного и международного права всегда являются компромиссом, который достигается на определенном отрезке времени, несущем на себе «родимые пятна» представлений, господствовавших в период их разработки.

3. В статьях, посвященных влиянию процессов глобализации на национальные правовые системы, предлагается абстрагироваться от эсхатологического подхода, оценки воздействия как позитивного, прогрессивного и тому подобного и рассматривать глобализацию как фактор, обуславливающий мутацию национальных правовых систем, мутацию, обеспечивающую совместимость деятельности хозяйствующих субъектов в различных национальных юрисдикциях. Как отмечают российские правоведы, глобализация становится катализатором ускоренного развития международного права. Международное право охватывает все сферы взаимодействия государств, интенсифицирует регулирование имеющихся. По меткому замечанию И. И. Лукашука, правовые начала проникают вглубь этого взаимодействия, вызывая к жизни усложнение как международного, так и национального права.

4. Но если решение техногенных проблем с использованием инструментария международного права со временем пробивает себе дорогу, то решение проблем текущей политики оказывается заложником разной трактовки международного права. С точки зрения российской внешней политики международное право служит проекцией принципа господства права на международные отношения и должно использоваться для

¹ Директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД России, кандидат юридических наук. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч.: «Роль адвоката в обеспечении охраны объектов интеллектуальной собственности (международно-правовой аспект)», «Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека» (гл. 29, 30), «Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения», «Закон о средствах массовой информации на перекрестке веков и мнений» и др. Один из авторов законопроектов: «О печати и других средствах массовой информации», «Об архивах и архивном деле», закона России «О средствах массовой информации». Участвовал в разработке закона России «Об авторском праве и смежных правах» и работе над его новой редакцией. Член научно-консультационного совета журнала «Россия в глобальной политике», Совета по внешней и оборонной политике. Член-корреспондент Международной академии сравнительного права (Франция). Награжден медалями «За заслуги в защите прав и свобод граждан» I и II степени.

трансформации мироустройства на более справедливых началах. Партнеры России подчеркивают иную ипостась международного права — его тесную связь как нормативной системы с миропорядком, делая упор на то, что, несмотря на преэссенциальность норм и институтов международного права, толкование его содержания должно исходить из современных реалий, а не опираться на положения и институты, которые определяли его до распада СССР.

5. Следствием разного видения миропорядка и приходящего ему международного права становится получающаяся в последнее время все более широкое распространение практика санкций, накладываемых в качестве репрессалий за действия, оцениваемые накладывающей стороной как индивидуальное или коллективное наказание за нарушение норм международного права. Распространенность подобных действий чревата усилением анархии в международных отношениях, что требует, наверное, введения ее в правовое поле путем законодательной регламентации и судебного контроля за действиями соответствующих государственных органов, что пока еще не получило должной юридической проработки. Вопросы их легитимности с точки зрения национального и международного права пока еще робко ставятся лишь в отдельных статьях и исследованиях.

6. Нормы интеграционного права являются своеобразными императивами, которые подлежат обязательной инкорпорации в национальное право. При этом наблюдается нарастающий «нормотворческий активизм» интеграционных объединений, который ведет к эрозии не только верховенства, но и самостоятельности национального права в отдельных областях. Право Европейского Союза в таких сферах, как конкуренция, в деле создания двухуровневого инструментария правовой охраны интеллектуальной собственности, присущего только ЕС (например, товарный знак ЕС, промышленный образец ЕС, Европейский патент с унитарным эффектом), — яркий тому пример. Наиболее наглядно вторжение норм интеграционного образования в правовую ткань государств-участников видно в сфере технического регулирования и связано с принятием технических и технологических стандартов, условий соответствия.

7. Завершение переговоров о создании трансокеанских экономических союзов дает импульс к изменению направленности развития международного права в сфере международной торговли. Эпоха ВТО, тесно связанная с глобализацией как главным трендом или мейнстримом развития мировой торговли, уходит в прошлое. Отходят на второй план нормы международного права, опирающиеся на открытые для присоединения международные конвенции, имеющие универсальный характер. Появляется новый вектор блокового развития международного права. Национальное право оказывается под прессом двух разнонаправленных тенденций. Снятие таможенных барьеров и ограничений предпологает переход к дальнейшей либерализации международной торговли. Однако сближение национальных законодательств в рамках замкнутых экономических блоков создает дополнительные юридические преимущества для экономических акторов, действующих внутри этих объединений. Идет постепенная замена национальных

норм и универсальных международных правил внутриблочным регулированием. Развитие внутриблочного нормотворчества идет опережающими темпами. Оно характеризуется использованием собственных стандартов в ущерб общемировым.

8. В юридическом словаре Вебстера (Webster's New World Law Dictionary. Hoboken : Wiley Publishing Inc., 2010) интеграция описывается как слияние всех соглашений и договоренностей по конкретному предмету между сторонами в единый письменный документ. Тексты Договора о функционировании Европейского Союза и Договор о Европейском Союзе хорошо подходят под это описание. Но есть еще одно значение, связанное скорее с целеполаганием, чем с реальным состоянием дел. Это устранение барьеров, влекущее равный доступ ко всем публичным благам. В области компьютерных технологий интеграция понимается как сочетание возможностей технических устройств с программным обеспечением. В праве интеграция предполагает две стадии: сближение национальных законодательств, а в перспективе — их унификацию в отдельных областях. При этом сближение национальных законодательств не является самоцелью. Оно решает задачи устранения антиконкурентной практики, основывающейся на различиях в национальном законодательстве, что посылает ложные сигналы рынку, препятствует свободному движению товаров и услуг, а также капиталов внутри интеграционных объединений.

9. С точки зрения воздействия на национальное право следует особо выделить роль международного права как выразителя воли всего международного сообщества. В таком качестве международное право через подписание и ратификацию международных соглашений становится составной частью российской правовой системы. Однако, как правило, нормы, содержащиеся в таких международных документах, обычно не являются нормами прямого действия. В большинстве случаев они адресованы только государствам-участникам. Так происходит со многими универсальными конвенциями. В частности, такое указание содержится в Бернской конвенции по авторскому праву. Поэтому, хотя конвенция и стала частью правовой системы России, не все ее положения (в частности, факультативные) стали частью национального права.

10. Различного рода военно-политические союзы, хотя и провозглашают приверженность общим базовым ценностям, не предусматривают сближения национальных законодательств. Напротив, региональные конвенции по защите основных прав и свобод личности в большей или меньшей степени обладают унитарным эффектом в тех случаях, когда содержат специализированные органы (как, например, Европейский суд по правам человека). Следовательно, судить о возможностях интеграционных объединений государств можно только на основе эффективности создаваемых ими институтов и их способности составить конкуренцию нормам и институтам национального права.

11. Наиболее продвинутым интеграционным объединением сегодня является Европейский Союз. Его характеризует двухуровневое развитие нормотворчества. Происходит сближение (approximation) националь-

ных законодательств. Сближение на основании директив, принимаемых Европейским парламентом и советом. Они содержат как императивные нормы, подлежащие имплементации в национальное законодательство в установленный для этого срок (он почти никогда не соблюдается, но это уже издержки реальной политики, а не дефекты права), так и нормы факультативные, обеспечивающие область свободы национального усмотрения. Однако наряду с директивами как инструментом традиционного международного права создаются самостоятельные правовые механизмы, свойственные только праву ЕС. Они способствуют постепенному реформатированию функционирования единого внутреннего рынка Европейского Союза на основе самостоятельных норм европейского права. Указанные нормы содержатся в регламентах ЕС и устойчивой правовой практике Суда ЕС. На административном уровне применение норм европейского права осуществляется через деятельность Европейской комиссии и ее структурных подразделений, а также независимых агентств, обладающих финансовой и административной автономией. С учетом опыта правоприменения как директив, сближающих национальное законодательство, так и самостоятельного правового инструментария ЕС, принимаются кодифицированные версии директив. С их принятием директивы в более ранней редакции утрачивают силу. На основании кодифицированных версий директив происходит новый виток сближения национальных законодательств на территории ЕС.

12. Вместе с тем, хотя повышение роли интеграционных объединений в мировых делах — свершившийся факт, не следует забывать о специфике их правового статуса. Особенности их *locus standi* в каждом конкретном случае не позволяют им подменять государства в международных отношениях и правовом строительстве. Ограниченная правовая дееспособность интеграционных объединений, несмотря на всю их значимость в международных отношениях и правовом строительстве, сказывается на их взаимодействии с национальным правом государств-членов.

13. Сейчас мы наблюдаем усилия по запуску схожего интеграционного проекта на территории бывшего СССР — Евразийское экономическое сообщество ЕврАзЭС. Оно ставит перед собой задачи, предшествующие формированию общего рынка, где действует режим свободной торговли на основании общего таможенного тарифа и единой системы нетарифного регулирования. Предполагается, что это создаст предпосылки для свободного движения капитала и формирования общего финансового рынка. Важнейшим инструментом интеграции должны стать сближение и последующая гармонизация национальных законодательств государств-участников, появление общего правового пространства в рамках сообщества. Реализация такого проекта, чем дальше, тем больше, будет воздействовать на национальное законодательство в тех сферах, где сближение будет носить продвинутый характер.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Г. Г. БЕРНАЦКИЙ заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Ч. ВАРГА почетный профессор Института правовых исследований Венгерской академии наук, Католического университета им. Петера Пазманя (Будапешт), доктор
- О. В. ВЕРБОВАЯ профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП (Казахстан), доктор юридических наук
- Г. А. ГАДЖИЕВ судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- В. Г. ГРАФСКИЙ главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственной Думы РФ, доктор юридических наук, профессор
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. А. КОВАЛЕВ доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук
- А. В. КУЗЬМИН заведующий кафедрой теории и истории государства и права Балтийского гуманитарного института, кандидат юридических наук, доцент
- В. В. ЛАПАЕВА советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- О. В. МАРТЫШИН профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук
- Е. А. ПЕТРОВА доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук
- Г. М. РЕЗНИК вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
- Р. А. РОМАШОВ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
- Э. Л. САДЫКОВА профессор кафедры медицинского права, общественного здоровья и управления здравоохранением Российской медицинской академии последипломного образования, доктор политических наук, кандидат юридических наук
- К. Е. СИГАЛОВ директор Центра правового регулирования финансово-экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД РФ им. В. Я. Кикотя, доктор юридических наук
- В. А. ТОКАРЕВ заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наяновой), кандидат юридических наук
- В. В. ТРОФИМОВ профессор кафедры гражданского права Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, доктор юридических наук
- С. Ф. УДАРЦЕВ директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана), доктор юридических наук, профессор
- И. Л. ЧЕСТНОВ профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ
- В. Л. ЭНТИН директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент кафедры адвокатуры МГИМО (Университет) МИД России, кандидат юридических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА¹: — Добрый день, уважаемые коллеги! Мне чрезвычайно приятно приветствовать вас здесь в третий день работы Международных Лихачевских научных чтений. Надеюсь, что сегодня мы проведем еще один содержательный и интересный день науки в Университете.

Предоставляю слово члену-корреспонденту Российской академии наук, ректору СПбГУП, профессору Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, хочу приветствовать вас от имени Оргкомитета Лихачевских чтений!

Юридический мир насыщен конференциями по проблемам развития юридической науки, практики, юридического знания. Мы же хотели бы видеть юриспруденцию в неразрывной связи с другими гуманитарными науками и дисциплинами. Сегодня это в нашей стране становится особенно важно.

Как известно, в обществе действуют жесткие и мягкие регуляторы. Последние 25 лет существенной частью общества и особенно средствами массовых коммуникаций свобода понимается как отсутствие мягких регуляторов. В годы перестройки был распространен девиз, что разрешено все, что не запрещено. С точки зрения жестких регуляторов это именно так. Но с большой остротой встает вопрос о мягких регуляторах.

Что делать, когда возникают проблемы с мягкими регуляторами? Приведу один пример. В Университете Беркли, цитадели американской свободы, зародилось движение хиппи. Однажды в этот уважаемый университет, один из лучших в США, студент пришел на занятия абсолютно голым. Ему на это попеняли, на что он ответил: «Что я нарушил?». Ему сказали: «У нас так не принято. Можно прийти в шортах, босоножках, шлепанцах, трусах, но нельзя голым». Он попросил показать закон, где это написано. Декан факультета попытался найти в Уставе университета регламентирующий документ, но не нашел. Более того, и в Конституции Соединенных Штатов Америки не записано, что нельзя ходить голым на занятия. Но в то же время это не означает, что можно. Где в данном случае мораль, мягкие регуляторы, совесть, правила приличия?

Культура основана на ограничениях. Она начинается со слова «нельзя», которое ребенок должен усвоить еще в детстве от родителей. Дальше следует слово «надо». Еще одно слово, которое должен усвоить ребенок, — «Родина». И т. д. Культура ставит перед нами массу ограничений, неписаных правил, которые гармонизируют жизнь общества.

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций: «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России», «К вопросу о месте института академической свободы в национальной и международной системе прав человека и гражданина», «Социальное партнерство как предпосылка и условие формирования академической свободы», «Академическая свобода в системе конституционных прав и свобод личности» и др. Награждена медалями «За трудовое отличие», «К 300-летию Санкт-Петербурга», медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области высшего образования (2016).

В итоге в муниципалитете Беркли приняли закон, устанавливающий, что нельзя ходить голым на занятия. На следующий день после его принятия на демонстрацию вышли 30 голых студентов с плакатами, протестуя против этого закона. На них не стали обращать внимания, и когда наступили холода, они просто оделись, и на этом все закончилось. А проблема осталась.

Сегодня в обществе распространено ложное понимание свободы и не существует необходимого морально-нравственного климата. В Советском Союзе были совершенно деформированы гражданское общество, гражданские институты и т. д. Перестройка закончилась тем, что партию разогнали, и теперь никто не следит за моралью, а другие институты не сложились. Это привело к возникновению негативных процессов.

Госдума теперь все увеличивает выпуск законов, что, на мой взгляд, не должно подменять существование морали и нравственности.

Поэтому для нас, культурологов, очень важен вопрос: в чем должна быть роль юриспруденции и в чем — морали? Для юристов это тоже серьезная проблема, потому что возникают все новые вызовы.

Я неприятно поражен тем, что сегодня происходит в сфере средств массовой коммуникации. Нельзя запретить свободу слова, но формирование глубокой культуры должно идти параллельно с совершенствованием юриспруденции, правоохранительных и правоприменительных механизмов и т. д.

На мой взгляд, современная эпоха в России вывела на авансцену целый ряд вопросов, которые западной цивилизацией решались на протяжении длительного периода времени. Мы с Генри Марковичем, обсуждая экспесс с “Pussy Riot”, пришли к выводу, что западное общество через это уже давно прошло, там были выработаны соответствующие механизмы и подходы. А мы на многие грабли наступаем впервые, что очень болезненно.

На Лихачевских чтениях есть смысл обсуждать в первую очередь подобные вопросы: то, что происходит в юриспруденции во взаимосвязи с культурой, что происходит в культуре во взаимосвязи с юриспруденцией. Это серьезная проблема, и я уверен, что с вашей помощью мы продвинемся в ее решении. Хочу пожелать вам успехов в работе!

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Предоставляю слово членам нашего президиума, что и послужит началом нашей дискуссии. Первым выступит Гадис Абдуллаевич Гаджиев.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Хочу напомнить идею одного из величайших юристов XX века Ганса Кельзена, которая стала реальностью. Это идея основной нормы, из которой, в конце концов, логично сформировалась целая система конституционных судов. Это уникальное явление в истории права, когда идея одного человека столь обширно материализовалась. Но в конце XX века стало очевидно, что Кельзен во многом был глубоко неправ, в частности, когда утверждал, что право должно быть абсолютно автономно, что это закрытый анклав общей действительности. Выступая за независимость

права от теологии и политики, он тем самым обрывал и интеллектуальные связи.

С моей точки зрения, право — самый сложный феномен человечества в силу своей сложнейшей контекстуальности. Каждая юридическая норма находится в контексте не только других юридических норм, правопорядка в целом, системы международно-правовых норм, но и сложнейших культурных норм, экономических реалий. Все это оказывает влияние на право через сознание человека. Поэтому так трудно познать право. Поэтому неизбежны и бесконечны споры о том, что такое право, о концепциях правопонимания и т. д. Повторяю: Кельзен был неправ, утверждая, что право автономно. Право погружено в сложнейший контекст.

Я регулярно участвую в Лихачевских чтениях, выступая с докладами, иногда даже в ущерб Юридическому форуму, потому что здесь предоставляется уникальная возможность пообщаться с выдающимися российскими учеными — философами и экономистами, каждое высказывание которых содержит глубокую мысль.

Ч. ВАРГА: — Принудительная сила права может применяться и работать только тогда, когда направлена против меньшей части населения, а для большинства право стало этическими нормами, и население в целом руководствуется ими.

Протицирую известного австралийского правоведа и философа Джона Финниса: «Верховенство права не является и не должно быть коллективным договором о совместном совершении самоубийства». То есть оно должно служить благу и процветанию общества. Являясь частью национальной культуры, право в то же время должно иметь автономию. Это значит, что оно нивелирует всю сложность жизни до одного аспекта — запрета.

И еще одна цитата, на этот раз американского генерала (который мог бы быть и большевистским генералом): «Кажется, мы просто не знаем, что делать с террористами, но у нас есть хорошее вооружение и хорошая армия, и мы можем свергать правительства. Полагаю, что если в качестве инструмента у тебя есть только молоток, то любая проблема выглядит гвоздем».

Мы должны понимать, что такое право, но в то же время от нас ожидают, что мы будем служить на благо стран и обществ.

Г. М. РЕЗНИК: — Я, как и Гадис Абдуллаевич, каждый раз приезжаю в этот Университет, чтобы пообщаться с представителями других наук — экономистами, философами, психологами, узнать различные мнения и новые идеи. Маркс в свое время сказал, что право, оформившись в закон, перестало быть только обычаем. Переход к праву как регулятору отношений между людьми и создание правовых основ, на которых сейчас базируются международно-правовые акты, произошли после секуляризации общества. Правовые нормы не насаждаются кем-то сверху, они веками нарабатывались в истории человечества. Вначале жизнь общества регулировалась обычаями, затем они были закодированы как религиозные нормы, которые перекликивались в светское право.

Нынешние международно-правовые акты, ратифицированные практически всеми государствами мира, возникли, когда человечество ужаснулось тому, что может сделать тоталитарный режим с людьми с помощью законов и к чему он может привести — поставить человечество на грань уничтожения. Декларация прав человека и последующие акты были подписаны странами с разными политическими режимами. Сложность заключается в том, что многие государства, в частности Советский Союз, подписывая, прекрасно понимали, что не будут их выполнять. И все же, когда мы сегодня говорим о толерантности, о том, что на свете есть много социокультурных моделей, сформированных условиями жизни и историческими традициями в разных странах, я задаю вопрос: «Как быть с актами, которые уже приняты всеми и ратифицированы? Мы должны признать, что в некоторых местах культурные традиции не позволяют соблюдать права человека? Более того, можно согласиться с тем, что они там нарушаются?»

Когда нарушаются права человека и происходит геноцид в какой-нибудь слаборазвитой африканской республике, у мирового сообщества есть возможность пресечь такие нарушения, хотя бы воздействуя через Совет Безопасности ООН. Но что можно сделать с такой мощной страной, как Китай, когда танки раздавили на площади тысячи студентов? Ничего сделать нельзя. Однако если человечество приняло конвенцию о правах человека, которая должна определять правовую конструкцию всех государств, то, наверное, негативная реакция в данном случае должна быть.

Жизнь есть жизнь, и существует много «сухих сынов», среди них есть наши «сухими сыны» и не наши (цитирую одного известного политика), но это не должно порождать у правоведов двойные или тройные стандарты. Это могут себе позволить политики, но мы, юристы, прекрасно понимаем, что в международном праве некоторые сложнейшие ситуации невозможно разрешить при нынешнем состоянии международного законодательства. Например, в Уставе ООН, в различных гражданско-политических и социально-экономических актах закреплено право наций на самоопределение. Кто-нибудь может назвать критерии, по которым это право можно отличить, скажем, от сепаратизма? В подобных ситуациях мы сталкиваемся со сложнейшим противоречием, касающимся национальных интересов. Как поступать в такой ситуации, когда нарушается право, попираются некоторые процедуры, предусмотренные, в частности, правительством?

Надеюсь, что турбулентность, которую мы сегодня наблюдаем, — временная и скоро будет преодолена, но полагаю, что нам, правоведам, в подобной ситуации лучше промолчать. Я представил себя на месте адвоката, которому предложили представлять ту или другую сторону в известном конфликте. И с удивлением обнаружил, что мог бы аргументированно выступать и на одной, и на другой стороне. Возможно, я склонен считать более обоснованной одну из позиций, тем не менее эту ситуацию невозможно разрешить, не отдав приоритета тем или другим ценностям. В данном

случае, как мне кажется, каждый из нас должен быть внутренне честным. Если, например, в случае международного конфликта у тебя сформировалось убеждение, что права одна страна, а не другая, то (вспомним Чаадаева) это необязательно та страна, в которой ты живешь. Мы должны быть приверженцами господства права.

С удовольствием предоставляю слово Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Присоединяюсь к коллегам, высказавшим мнение, что год от года Лихачевские чтения становятся все интереснее. Философы, экономисты, юристы обсуждают какую-нибудь проблему с разных точек зрения, так что она становится объемной и многомерной.

Глобализация национального законодательства — сложная тема, открывающая новые измерения и требующая новых подходов. В последнее время я стал интересоваться этой темой и вскоре пришел к выводу, что в нашем правовом «королевстве» что-то неладно. Кодексы принимаются в большом количестве, и в них сразу начинают вносить поправки. В России за два десятка лет в кодексы уже было внесено более тысячи поправок, а в Налоговый кодекс — десять тысяч!

Я поинтересовался, как обстоят дела в других странах. Особенно удивила Франция, которая всегда служила образцом и вызывала восхищение. После принятия Кодекса Наполеона Францию стали называть «страной кодекса», но после этого за короткий срок было принято еще пять кодексов. Что происходит в этой «стране кодексов» последние 2–3 десятилетия? Классике, которой мы восхищались два века, начинают подправлять и ремонтировать. Оказывается, Кодекс Наполеона сейчас уже включает не три книги, а намного больше: была добавлена книга о гарантиях исполнения обязательств, прописаны отдельные нормы для Майорки. И все это имеет вид изменений, вносимых в классические французские акты. То же самое происходит с уголовным кодексом, и с кодексом о коммерции — в них тоже добавляются новые книги. Ничего подобного история до сих пор не знала.

Одна из особенностей современных наук, правда, не очень характерная для правоведения, — междисциплинарность. Например, историки и философы объединяются и обсуждают важнейшие вопросы жизни. У философов пока сохраняется здравомыслие, они никогда не забывают о человеке, во всех их рассуждениях присутствует человеческое измерение. В частности, оно представлено в позициях академиков Гусейнова и Лекторского. Такое современное явление, как глобализация, также рассматривается с учетом человеческого измерения.

Однако если взглянуть на этот процесс с точки зрения юриста, то почему мы видим в человеке только гражданина? Он еще и работник, он может быть человеком любознательным или отдыхающим, стремящимся к самосовершенствованию. Ведь только того человека, который самосовершенствуется, можно на-

звать личностью. Поэтому рядом с правами человека и гражданина надо еще рассматривать и права личности.

Г. М. РЕЗНИК: — Сейчас перед нами выступит Орест Владимирович Мартышин.

О. В. МАРТЫШИН: — Форма глобализации, характерная для права, — всеобщность. Автор этого термина — Рудольф Иеринг, который уже в XIX веке называл всеобщность главной характеристикой современного права. Как сформировалась эта всеобщность? Существуют ли какие-то нормы и принципы, признаваемые (хотя бы на словах) всеми государствами? Ни у кого не вызывает сомнений, что всеобщность не стала результатом синтеза национальных культур, а возникла в ходе экспансии одной культуры — западной, которая в ряде аспектов продемонстрировала свои преимущества и влияние. С цивилизационной точки зрения это можно было бы оправдать только тем, что Запад вырвался вперед и первым прошел путь, по которому потом пошли другие страны.

Однако всеобщность базируется на неоднозначных принципах. Вообще принципы глобализации права можно разделить на две группы — технические, которые принимаются всеми безоговорочно, и политические, принимаемые с оглядкой. Политические принципы включают формы правления и права человека. Здесь возникает проблема антагонизма между национальным и глобальным правом, о чем на пленарном заседании убедительно говорил академик Гусейнов. Каждое государство принимает решение, какие из международных принципов оно может допустить, а какие — нет.

Профессор Варга привел цитату из Джона Финниса о том, что общество не должно совершать самоубийство во имя права. Ту же мысль, но более резко, высказал Рудольф Иеринг, которого я уже упоминал. Он честно сказал, что любое общество принесет право в жертву во имя своих интересов, поскольку главная функция права — обеспечить жизнеспособность общества. Случаи подобных жертв хорошо известны, они используются и будут использоваться против демократии, в интересах недемократических тенденций в общественной и государственной жизни.

В связи с антагонизмом национального и глобального права возникает вопрос: можно ли с одной меркой подходить к государствам, в которых изначально сложились совершенно разные условия? В XVIII–XIX веках казалось, что это невозможно. Один из классиков идеологии консерватизма Эдмунд Берк сказал, что нужна не метафизическая юриспруденция, которая исходит из абсолютного признания неких принципов, а историческая юриспруденция. В XIX веке такие сторонники демократии и защитники прав человека, как, например, Джон Стюарт Милль, осознавали, что далеко не все страны способны успешно развиваться в условиях свободы и демократии. Милль полагал, что им можно рассчитывать на Карла Великого или Акбара

Великого, если они у них найдутся и действительно поведут страну к прогрессу.

Вряд ли у кого-то вызывает сомнение факт, что российская история не благоприятствует развитию демократии. Здесь против демократической тенденции всегда действовало множество политических и исторических факторов. Николай Николаевич Алексеев говорил, что в душе русского народа «издавна бродила идея диктатуры». Чем она вызвана? Привычкой к деспотии, надеждой на доброго царя, тяжелым экономическим положением и многими другими причинами. Это определенным образом сказывается на государственной, общественной, политической жизни.

Прошло уже более 20 лет после принятия вполне либеральной демократической Конституции. И мы вынуждены констатировать, что демократия не стала эффективным методом управления или формой общественной жизни в нашей стране. Примеров тому можно найти сколько угодно. Например, что представляет собой так называемое «ручное управление»? Это недемократическое управление. Что означает попытка решить все актуальные вопросы огромной страны в момент прямой линии главы государства с народом? Это значит, что нет другого государственного органа, который может помочь решить повседневные проблемы. Это обосновано нашей историей, традицией, современным состоянием, особенно в условиях изменения и обострения международной обстановки.

Логично сделать вывод, что Россия принадлежит к тем странам, которым нужен переходный период для подготовки и обучения демократии. На мой взгляд, наша Конституция, хотя и не лишена противоречий, дает основания для такого периода. В чем заключаются переходность и противоречивость? Создатели Конституции добросовестно поработали и включили в нее все возможные демократические принципы. Однако предусмотрели такие полномочия главы государства, которые академик Пивоваров удачно назвал «ремейком царской власти». С одной стороны, права и свободы, все институты демократического государства, с другой — ремейк царской власти. Сочетаются ли они? Очевидно, что парламентская форма правления была бы более демократичной. Значит ли это, что нужно было ее вводить? Значит ли это, что ремейк не сыграл никакой положительной роли? Нет, не значит, потому что тем самым была обеспечена определенная стабильность общества, которая свидетельствует о том, что политические авторы этой Конституции обладали определенной мудростью и прозорливостью. Система, предусмотренная Конституцией, продолжает функционировать. Но происходит изменение состава этого противоречивого набора принципов, причем в сторону «ремейка царской власти», а не утверждения прав, свобод и демократических принципов.

Произошел идеологический сдвиг. Консерватизм, всегда противостоявший либерализму, провозглашен идеологией правящей партии. Этот идеологический поворот приводит к тому, что многие стали рассматривать либерализм как идеологию, враждебную Российской Федерации. Эта тенденция представляется мне

ошибочной и даже опасной. Поворот к прошлому вряд ли может обеспечить успешное развитие России.

Дмитрий МИРОНЮК, аспирант СПбГУП, II курс: — Вы сказали, что Вам представляется ошибочным нынешнее положение вещей, а какой, на Ваш взгляд, разворот необходим?

О. В. МАРТЫШИН: — В тексте Конституции заявлены демократические принципы и сделан акцент на соблюдении прав человека. Это наша цель, мы не можем достичь ее немедленно, но должны двигаться в этом направлении. Однако меня тревожит, что сейчас эти принципы многими уже не воспринимаются как идеал, к которому надо стремиться.

К. Е. СИГАЛОВ: — Как Вы думаете, имеет право на существование такое понятие, как консервативный либерализм?

О. В. МАРТЫШИН: — В данном случае речь идет о смешанной идеологии, о том, что невозможно найти «химически чистого» либерала или консерватора. В любой смеси преобладает какой-то ингредиент. Сейчас у нас начинает преобладать консервативный компонент. Консерватор сохраняет существующее, ценит действительность, но что хотят сохранить наши консерваторы? Конституцию 1993 года? Нет. Обратите внимание, что сегодня культивируются принципы, выдвинутые еще классиками русского дореволюционного консерватизма, который был официальной идеологией самодержавия. Недавно я посмотрел фильм об Иване Солоневиче, русском монархисте, нечистом на руку человеке. Сначала он сотрудничал с советской властью, потом бежал в гитлеровскую Германию, сотрудничал с нацистским режимом и там же выпустил книгу о сталинских концентрационных лагерях. Сейчас его представляют как героя, потому что он автор книги «Народная монархия». Конечно, Солоневич — консерватор, свободный от либерализма. Тем не менее «смесь» возможна, но в ней один из компонентов всегда будет преобладать.

Г. М. РЕЗНИК: — Уважаемый коллега, консервативный либерализм — это оксюморон, но сегодня у нас есть оксюмоны и посильнее, например либеральный фашизм.

Передаю слово Валентине Викторовне Лапаевой.

В. В. ЛАПАЕВА: — Я хочу поговорить о справедливости как факторе глобальной и национальной безопасности. Начну с определения понятий. Справедливость — одна из составляющих правового принципа формального равенства, характеризующая результат упорядочивания общественных отношений путем уравнивания людей в их свободе. На глобальном уровне значение проблемы справедливости на данном этапе определяется тем обстоятельством, что основной причиной глобальных конфликтов является ограниченность жизненно важных ресурсов. Специфика нынешнего исторического момента заключается в том, что

ограниченность ресурсов становится все очевиднее, выдвигая на первый план проблему их справедливого распределения. К тому же мы живем в обществе риска, былой безопасности нет ни у кого — ни у отдельных государств, ни у социальных групп, ни у индивидов. Мы все подвергаемся опасности почти в равной мере.

Острота этих двух проблем дает некоторые шансы на их справедливое решение. От того, как мы воспользуемся этими шансами, во многом зависит будущее человечества, вплоть до его выживания. Справедливость — это всегда договор между равными, а не уступка сильным слабым. Тут действует принцип «нет худа без добра», потому что жизненная важность ресурсов и безопасности, в конце концов, должна заставить тех, кто чувствует себя обделенными, бороться до конца. То, что этот конец в наших условиях вполне может оказаться всеобщим, вряд ли их остановит, как показывает современная практика. В этом состоит фактор риска. Сможет ли человечество воспользоваться предоставленными шансами? Ученые, занимающиеся глобалистикой, говорят, что для человечества вероятность пережить нынешний век составляет 50 %. Но мы не задумываемся об этом.

Перспектива правового развития человечества зависит от того, как будет переформатироваться мир после слома сегодняшней системы. Однополярный мир несовершенен с точки зрения справедливости, а значит, и безопасности. Сумеет ли мы сформировать многополярный мир? Если это удастся, то человечество получит возможность справедливого развития.

Что касается России, то именно сейчас проблема социальной и правовой справедливости здесь стоит особенно остро. В нашей истории были гораздо более несправедливые периоды, но они никогда не ощущались населением так болезненно. Современное российское общество — это общество с недавним социалистическим прошлым, оно вполне осознанно пошло на его слом, поскольку стремилось от бесправия к праву. Но в этом порыве мы, как уже было не раз в истории, впали в другую крайность. На смену так называемой общенародной собственности, которая лежала в основе бесправия, пришла откровенно неправовая приватизация, что стало основой деформирования всех политико-правовых отношений. Все дефекты современного политико-правового развития растут из этого корня: четверть века общество жило с ощущением несправедливости. Сейчас происходят некоторые изменения, общество задумывается над происходящим, но до полного осмысления еще далеко.

Российское научное сообщество проблему справедливости игнорирует. Если на Западе начиная с 1974 года, когда вышла книга Джона Ролза «Теория справедливости», эта тема не сходит с повестки дня, то у нас она практически не обсуждается. Два года назад вышла книга французского экономиста Тома Пикетти «Капитал XXI века». Главная идея этой книги, основанной на математических расчетах, заключается в том, что в условиях свободного, не ограниченного политико-правовыми рамками рынка доход на капитал будет всегда превышать предпринимательский доход. То есть, как у нас говорят, «деньги к деньгам». Поми-

мо того что это само по себе несправедливо, в нынешних условиях финансовой глобализации деньги не просто идут к деньгам, но и делаются из денег. Эти легкие деньги легко передаются по наследству, продолжают наращиваться, потому что это не требует особых интеллектуальных усилий. Таким образом, говорит Пикетти, на новом витке развития мы возвращаемся в ситуацию наследуемой власти, то есть к новому феодализму. Правда, другие специалисты его опровергают. Дело не в том, кто из них прав. Я просто иллюстрирую, что эта проблема на Западе — но не у нас — находится в центре внимания, заинтересованно и горячо обсуждается. Необходимо поставить в центр внимания проблему справедливости в ее правовом аспекте, рассмотреть ее с разных точек зрения и т. д.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Валентина Викторовна, Вы сказали, что справедливость — это договор между равными. Но ведь общего равенства нет. Как быть?

В. В. ЛАПАЕВА: — Понятие справедливости определяет типы правопонимания. Я исхожу из либертарно-юридического толкования, согласно которому сущностный признак права — принцип формального равенства. На эту тему написано огромное количество трудов. Конечно, речь идет о формальном равенстве, а не о фактическом.

Г. М. РЕЗНИК: — В связи с этим я хочу напомнить теорему справедливости Аристотеля, уравнивающей и распределяющей, хотя, конечно, понимаю, что все сложнее. Но уравнивающая справедливость, как мне кажется, все же устанавливает равенство всех перед законом и судом.

В. В. ЛАПАЕВА: — С точки зрения того подхода, который я разделяю, справедливость — это равенство перед правовым законом и правосудным судом. Если это обеспечено (правовой закон и правосудный суд), то создается правовое равенство. А равенство перед неправовым законом не имеет смысла.

Г. М. РЕЗНИК: — На этот случай у нас есть конституционализм, Конституционный Суд.

В. А. КОВАЛЕВ: — Вы сказали, что свободный рынок ведет к несправедливости. И в то же время многополярный мир скорее установит справедливость, чем однополярный. Но ведь уровень регулирования в однополярном мире явно выше, чем в многополярном. Нет ли здесь логического противоречия?

В. В. ЛАПАЕВА: — Конечно, единой власти проще приспособить право к своим интересам. Но если мир однополярный, то он регулируется, подстраивается под интересы одного полюса. О какой справедливости тогда можно говорить? Повторяю, справедливость — это всегда договор между равными.

Основная мысль книги, о которой я говорила, заключается в том, что рынок несправедлив, если он не ограничен политико-правовыми рамками. Он не-

справедлив по своей сути, так как ведет к монополизации. Если мы не будем ограничивать монополии, то придем к тому, о чем говорил Пикетти: будем наращивать богатство на одном полюсе, передавать его по наследству, то есть к неофеодализму. Задача состоит в том, чтобы найти рычаги регулирования рынка в интересах справедливости путем демократических политико-правовых процедур. Рынок балансирует между монополизацией и свободной конкуренцией, и этот баланс устанавливается с помощью демократических механизмов. Другого инструмента не существует. Демократия — имманентный механизм развития нормальной рыночной экономики. Но проблема заключается в том, что в глобальных отношениях этого пока нет.

Г. М. РЕЗНИК: — Профессор Честнов, прошу Вас.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Несколько соображений по поводу серьезной, на мой взгляд, проблемы, которая возникла в эпоху глобализации, и некоторыми авторами постмодерна стала называться определенностью права. Однако, несмотря на позицию Конституционного Суда, который требует определенности в праве, она остается проблематичной (хотя я отнюдь не сторонник неопределенности в праве).

Итак, есть ли в праве определенность? Прежде всего этот вопрос связан с философским аспектом ограниченности человеческого познания окружающего мира. Результаты познавательной и политической деятельности законодателя формулируются в описательно-предписывающих нормах, так как любая норма права включает как описательные, так и предписывающие аспекты, но всегда неполно отражает действительность или выражает некую идею. Между идеей, которая закладывается в законодательстве, и реальностью всегда есть зазор. Поэтому «юридический Геракл», то есть некий идеальный судья или законодатель, — несбыточная мечта. Идеального законодательства не существует. Инфляция законодательства, о которой говорил Владимир Георгиевич Графский, — реальность, от которой никуда не деться.

Из ограниченности человеческого познания вытекает также отсутствие единой, универсальной позиции метанаблюдателя. Кто возьмется утверждать, что, допустим, право боснийцев на самоопределение законно, а право Югославии на территориальную целостность незаконно? Часто конкурирующие ценности сталкиваются, и не существует рациональных критериев, позволяющих решить, какая из альтернативных ценностей, закрепленных в законодательстве, приоритетна. Свобода слова или безопасность? Безопасность или личная неприкосновенность, нарушаемая при досмотре в аэропорту? До каких пределов эти технические правила должны входить в право?

На мой взгляд, универсальных критериев нет. Например, на Западе после 11 сентября 2001 года нормы кардинально изменились. Не существует, как ни странно, универсальных критериев общественной безопасности. Попробуйте назвать какое-нибудь социальное явление, которое было бы совершенно безопасным

и не имело тех или иных последствий, тем более что отдаленные последствия обычно не учитываются. Копенгагенская школа международных отношений еще в 1990-х годах заявила, что не надо считать социальную сущность опасности основанием уголовно-правовых запретов. Но при чем тут опасность? Это основание уголовного права для криминализации. Значительно важнее, допустим, выявлять причины, почему сегодня эта власть объявляет опасными именно эти явления. Любое действие человека загрязняет окружающую среду, но не все загрязнения целесообразно криминализировать.

Несколько слов по поводу формальной определенности права. Есть принципы права, реализуемые через законодательство, которое, в свою очередь, в большинстве случаев реализуется через подзаконные акты нормативно-правового регулирования. Но самое интересное, что, какими бы изощренными ни были нормы процессуальных кодексов, на практике они не применяются сами по себе. Любое следственное действие предполагает практики, с помощью которых оно фактически реализуется. Не принято решения о том, как лучше проводить допрос. Говорят о том, что требуется для проведения того или иного следственного действия, в каком случае оно проводится, как оформляется и т. д. Но Уголовно-процессуальный кодекс не регламентирует сам процесс, например, допроса. Поэтому между принципами права и их конкретизацией в законодательстве и практике нет логической выводимости. Из одних и тех же принципов права можно непротиворечивым образом сделать разные выводы. Например, принцип разделения властей реализуется как минимум четырьмя формами правления (президентская республика, парламентская, смешанная, конституционная монархия), и вряд ли кто-то скажет, что, например, нет разделения властей во Франции (смешанная республика), ФРГ (парламентская республика), Великобритании (конституционная монархия).

Таким образом, определенность права — это серьезная проблема, хотя я отнюдь не ратую за неопределенность. Поэтому между принципом формальной определенности, закрепленным в постановлении Конституционного Суда, с одной стороны, и жизнью — с другой, существует большая разница.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Существует ли юридическое равноправие?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Оно существует, но не универсально. На абстрактном уровне существуют формальное равенство, свобода и т. д. Конкретная мера свободы или формального равенства исторически контекстуальна.

О. В. МАРТЫШИН: — Илья Львович, мы знаем, что богиня правосудия Фемиде держит в руке весы. Нужно ли нам расстаться с определенностью, представленной в виде весов?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Я считаю, что к этому надо стремиться. Еще неопозитивисты пытались очистить

научный язык от недостатков естественного языка. Но, например, законодательство без естественного языка не существует, так что их попытки оказались тщетными. Хотя, повторяю, к этому надо стремиться.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Мне захотелось защитить Кельзена, когда профессор Гаджиев сказал о том, что Кельзен был неправ. Теоретик не может быть прав или неправ — он создает теорию. Кельзен говорил о чистом праве, так же как Кант — о чистом разуме. Речь идет о субстанции, которая существует вне материального оформления и возможна в качестве умозрительной абстракции. Мы не можем представить себе жизнь без тела, хотя тело без жизни — вполне. Примерно так же в России мы не можем представить право, не облеченное в форму закона, хотя тут же говорим, что закон может быть неправовым. Как я полагаю, Кельзен имел такое же право на слова о чистом праве, как Кант — на теорию чистого разума, и с этой точки зрения все логично.

Мне понравилась метафора, которую привел профессор Варга: право есть молоток, объект управления — гвоздь. Почему? Когда говорят, что демократия — это хорошо, а ремейк царской власти — плохо, мне вспоминаются слова императора Николая I, который на вопрос о роде занятий честно ответил: «Хозяин земли Русской». Александр Сергеевич Запесоцкий так же обозначил свой статус: хозяин Университета профсоюзов.

Мы живем в переходном обществе, и это неплохо. Владимир Георгиевич Графский справедливо сказал: «Что-то неладно в царстве российского права». Потому что как только мы начинаем менять закон, у нас появляется уверенность в том, что благодаря закону, то есть при помощи правового содержания, можно что-то поправить и усовершенствовать.

Россия заимствовала право в западном понимании. Когда-то страна жила по обычаям, потом обычай сменился законом. Смоленск пытался жить по Магдебургскому праву. После 1917 года для большевиков и Конституция, и Уголовный кодекс носили достаточно формальный характер. Принятие очередной Конституции приурочивалось к определенным этапам победившего развитого социализма. Уголовный кодекс, правда, менялся мало — составы преступлений во все времена примерно одинаковы. И если мы сейчас говорим о том, что Конституция, Уголовный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс играют некую роль, значит, мы всерьез полагаем, что право имеет определенное значение.

Мы действительно находимся на этапе перехода от «права молотка», бьющего по гвоздю, к «праву гайки», с помощью которой можно затягивать или ослаблять механизмы. Важно, чтобы эти процессы зависели не от тех, у кого в руках гаечный ключ, а от правового содержания, наполняющего некую форму.

Г. М. РЕЗНИК: — Образ гайки красив, но он неразрывно связан с образом гаечного ключа. Очень важно, в чьих руках будет этот ключ.

В. В. ТРОФИМОВ: — Роман Анатольевич, Вы упомянули о хозяине Русской земли, сославшись на Николая I. Как Вы относитесь к тому, что по Конституции хозяином земли является человек? Может быть, лучше нам всем быть хозяевами и таким образом строить мир?

Р. А. РОМАШОВ: — Отличие личностного суверенитета от народного заключается прежде всего в том, что россияне понимают столпы западной культуры не так, как на Западе. Свобода и собственность, являющиеся краеугольными камнями западной культуры, в России воспринимаются иначе. Если на Западе свобода изначально предполагает ограничения, не существует неограниченной свободы, то у нас свобода понимается как воля, то есть отсутствие ограничений. Свободы от собственности в западном понимании (собственности на самого себя и результаты своего труда) у нас никогда не было, поэтому мы только сейчас подходим к такому пониманию.

На пленарном заседании обсуждался вопрос о последнем решении Конституционного Суда РФ относительно того, кто такой свободный человек в России. Это человек, в отношении которого не действует наказание в виде лишения свободы: люди в колониях-поселениях голосовать не могут, а свободных людей в следственном изоляторе этого права никто лишить не может. Здесь мы исходим из того, что в рамках капитала предполагаются свобода и собственность, а в рамках хозяйства — нет. Так что если хотите быть хозяином земли Русской, считайте себя хозяином на своем садовом участке.

Г. М. РЕЗНИК: — Вы усложнили проблему. В этом случае действуют принципы права. На людей, которые содержатся в следственном изоляторе, в отношении которых ведется расследование, распространяется презумпция невиновности. Именно по этой причине они считаются гражданами с теми же правами и отличаются от тех людей, что уже осуждены. Им предоставляется определенное право, но затем возникают проблемы, с которыми столкнулся Конституционный Суд. Я считаю, что он принял великолепное решение с точки зрения оформления.

Р. А. РОМАШОВ: — Я говорю не о презумпции невиновности, а о свободе (в силу того, что пять лет отработал в тюремной системе). В одной из колоний висит транспарант «Осужденный — на территории колонии свободный гражданин». В камере осужденный действительно несвободен, но на территории колонии он свободен. Точно так же, как мы свободны на территории нашего государства. Солдат срочной службы свободен на территории воинской части, но за территорию он выйти не может. Это вопрос о свободе.

Г. М. РЕЗНИК: — Вспомнился гитлеровский лозунг в концлагерях «Труд освобождает». Слово предоставляется профессору Эльмире Ленаровне Садыковой.

Э. Л. САДЫКОВА: — За два года, что я не присутствовала на Лихачевском форуме, произошла эволю-

ция: наша наука развивается и все больше приближается к практике, правовая доктрина пытается отразить реальность и повысить свою эффективность. Современные проблемы доктрины права и его практическая эффективность связаны с вопросом цивилизационного измерения права.

Каждая историческая эпоха обладает своими особенностями. Мы живем в историческую эпоху, когда культурно-цивилизационное многообразие общества становится одной из актуальных проблем и происходит становление многополярной, полицентричной системы международных отношений. Проблема культурно-цивилизационного многообразия и ее влияния на развитие международного права, национального права сегодня особенно актуальна. Здесь можно говорить о цивилизационном измерении национального права, цивилизационном контексте международного права.

Следующий методологический аспект — цивилизационная составляющая воздействия и взаимодействия международного и национального права. Носителем культурной цивилизационной идентичности является человек с его правовым сознанием, правовой культурой, религиозными воззрениями, духовными традициями, историческими особенностями, учитывающими географическую местность. Сегодня возникли новые вызовы и угрозы, среди них — массовые миграционные потоки. Люди — носители совершенно разных цивилизационных идентичностей — оказываются в одном неоднородном обществе. Современная Европа является собой яркий пример этого. Как в данной ситуации право должно реагировать на усиление остроты проблемы неоднородности в культурно-цивилизационном контексте того или иного общества? Человек, который имеет свои культурно-цивилизационные особенности, попадая в совершенно другое, неоднородное с точки зрения культуры и традиций общество, продолжает оставаться человеком со своими идеалами, духовными традициями, в которых он вырос и сформировался. Как в этой ситуации должно вести себя право?

Известный юрист-международник Мартенс писал о том, что современное международное право есть продукт культурной жизни и правосознания народов европейской цивилизации. Ряд ученых считает, что международное право сформировалось под влиянием европейской цивилизации. Как мы должны решать проблему прав человека, признания государств, существования признаков государств? Почему возникает проблема существования крупных и маленьких европейских государств, права народов на самоопределение? Каковы критерии признания права народов на самоопределение, критерии определения государства и его самопровозглашения?

В данном случае цивилизационный аспект, на мой взгляд, очень важен, потому что он позволяет комплексно подходить к проблеме развития права — с религиозной, исторической, духовно-нравственной точек зрения. Вчера на панельной дискуссии обсуждался ценностный подход к развитию права. Сегодня именно ценностный аспект составляет основу цивилизационного подхода и должен стать во главу угла при рассмотрении вопросов развития и вообще повышения эффек-

тивности международного права и гармонизации международного права с точки зрения его влияния и взаимодействия с национальным правом. Это в том числе и проблема прав человека. В настоящее время цивилизационный подход заслуживает особого внимания в контексте развития и повышения эффективности как международного, так и национального права. Здесь уже говорилось о том, что принципы Конституции России демократические, но сейчас мы говорим о национальной идее. Как национальная идея России отражает ее культурно-цивилизационную самобытность и как она должна проецироваться на правовую систему?

Г. М. РЕЗНИК: — Какова национальная идея России?

Э. Л. САДЫКОВА: — Об этом говорил президент Российской Федерации.

Г. М. РЕЗНИК: — Президент говорил образно. Патриотизм тоже можно назвать идеей. Но мне кажется, что патриотизм — это скорее чувство. Идея патриотизма сейчас должна стать национальной идеей?

Э. Л. САДЫКОВА: — Считаю, что позиция президента как руководителя государства не может быть проигнорирована. Я лишь хотела сделать акцент на постановке вопроса о поиске национальной идеи.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Мне импонирует идея локальных цивилизаций, но не кажется ли Вам, что доведенная до конца идея локальных цивилизаций противоречит международному праву? Это разные цивилизации, которые принципиально по-разному свободны. В японском языке слово «свобода» означает эгоизм как противопоставление себя коллективу. Как быть с правами человека применительно к Японии и вообще к юго-азиатским странам?

Э. Л. САДЫКОВА: — Мне так не кажется. Если следовать по этому пути, то мы можем прийти к выводу, что культурно-цивилизационное многообразие — это проблема. Здесь можно вспомнить Хантингтона и его идею столкновения цивилизаций. Мой подход заключается в том, что культурно-цивилизационное многообразие — это не разъединяющая, а соединяющая сила. Роль международного права сейчас должна заключаться в совершенствовании норм международного права, создании институтов, диалоговых площадок, которые могли бы позволить решить проблему различий в рамках концепции прав человека.

На мой взгляд, теория локальных цивилизаций не противоречит идее международного права, противоречит скорее то, что длительный период господствовала европейская цивилизация. Сегодня в связи со становлением полицентричной системы мирового порядка мы говорим о том, что Китай, Индия и другие государства, представляющие традиционные общества, становятся сильными и с ними теперь вынуждены считаться. А европейское общество сегодня обессилело из-за проблем, обусловленных идеей господства евро-

пейской цивилизации. Мы должны учитывать тенденцию плюрализации мировой системы.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — В ходе дискуссий на Лихачевских чтениях прозвучала мысль, что политкорректность не всегда хороша в плане научного обсуждения проблем. Позвольте мне задать Вам неполиткорректный вопрос. Вы говорили о мигрантах в Европе и возможности или невозможности «переварить» большое количество мигрантов. Вчера в ходе дискуссий прозвучало такое высказывание: «Запад сумеет переварить один миллион мигрантов с совершенно чужой культурой...» Но события в Кёльне на Рождество показали, что это не так. Эльмира Ленаровна, как Вы полагаете, действительно ли западная цивилизация сможет «переварить» поток мигрантов, который не хочет считаться с ценностями западного общества? Вопрос профессору Варга: почему именно восточноевропейские страны, в том числе Венгрия, забили тревогу в связи с этой проблемой?

Э. Л. САДЫКОВА: — Если исходить из того, что и как делает Ангела Меркель, то Европа ничего не «переварит». Моя позиция заключается в том, что если вы сказали «А», то скажите и «Б». Почему провалилась политика мультикультурализма? Мультикультурализм — неплохая идея, но она не должна быть основана на следующем положении: «Мы открыли двери, вы заходите. Но вы обязаны понимать, что мы превосходящая нация, а вы должны адаптироваться к тому, что есть у нас».

Здесь двусторонний вопрос: нельзя говорить о том, что Европа хорошая, а мигранты плохие. Европа должна понимать, что представители арабских государств — это совершенно другая культурно-цивилизационная идентичность. Точно так же и мигранты должны понимать, что они попадают в другую правовую среду, которая обладает правовыми инструментами, позволяющими создать условия для их адаптации. Если мужчина — араб, то он может иметь трех жен (и разводится он с ними по определенным правилам). Попав в европейское общество, он должен пойти в суд, чтобы развестись. Правоведами должна быть проведена большая работа — нужно объединять усилия и искать сходства в исламской и европейской концепциях прав человека.

Г. М. РЕЗНИК: — Я не знаю, кто из европейских лидеров сказал, что политика мультикультурализма провалилась. Мне кажется, что это неточное высказывание. Никто об этом прямо не заявлял, они говорили прежде всего о сложностях. Но убежден, что в ближайшие десятилетия арабу, который по-прежнему захочет иметь четырех жен, нечего делать в Европе.

Сегодня существуют большие сложности. Сможет ли Европа за короткий срок адаптировать такое количество несчастных людей, которых, приверженная гуманитарному праву, принимает на своей территории? Чем можно заменить национализм? Эту идею предлагают оппозиционные силы, которые используют ее для того, чтобы прийти к власти.

Э. Л. САДЫКОВА: — Вспомним погромы молодежи во Франции. Это уже второе поколение мигрантов, которое выросло во Франции и получило там образование. Погромы свидетельствуют о том, что эти люди так и не адаптировались в европейской среде, о несовершенстве инструментов на той территории, которая их приняла.

Г. М. РЕЗНИК: — Они хотят быть равными и иметь такого рода преимуществ.

Э. Л. САДЫКОВА: — Равенство права — это ключевая идея.

Ч. ВАРГА: — Юридическая мудрость предполагает, что если есть формальный аспект, то не нужно искать материального аспекта. Европейское правительство наполовину состоит из венгров. Венгрия применила европейские конвенции и первой из стран стала защищать свои границы, контролировать попытки нарушения европейских конвенций Германией, Францией и другими странами.

В. Л. ЭНТИН: — Генри Маркович, я внимательно слушал ответ профессора Варга и хочу сказать, что Венгрия поступила следующим образом: она буквально применила действующие европейские конвенции, которые предусматривали индивидуальное рассмотрение обращения каждого беженца. Такого положения, которое касалось бы массового приема беженцев без какого-либо контроля, не было. Поэтому введение индивидуального контроля полностью соответствует тем обязательствам, которые Венгрия приняла на себя в соответствии с действующими европейскими конвенциями. В этом случае упреки со стороны брюссельских властей относительно нарушения конвенций являются бесосновательными.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется Василию Владиславовичу Трофимову.

В. В. ТРОФИМОВ: — Лихачевские чтения в 2016 году проходят очень динамично, мне представляется удачным нововведением включение панельных дискуссий. Наша секция имела отложенный старт (он был дан на панельной дискуссии), что в каком-то смысле оправданно, поскольку в ходе пленарного заседания мы получили интересную информацию, которую нужно было осмыслить. Это помогла сделать работа на панельных дискуссиях.

Тема моего доклада «Социально-интерактивный фактор глобализации в праве» говорит о том, что право — это объективно и субъективно обусловленный феномен. На панельной дискуссии академик А. Г. Лисицын-Светланов заметил, что наша жизнь слишком динамична, а право консервативно, и оно немного тормозит жизненные процессы. С этой мыслью можно согласиться, но с определенной корректировкой. Жизнь динамична, и именно жизнь развивает формы права, преобразовывает его, право развивается вместе с жизнью. В качестве опорного предположения нужно иметь

в виду, что право всегда динамично и процесс развития права никогда не остановится, оно всегда будет меняться под воздействием различных факторов.

Глобализация в настоящее время, по сути, является одним из таких факторов. В прошлом году, выступая на Лихачевских чтениях, я высказал сомнение относительно того, что глобализация как проект будет когда-либо завершена. Скорее это некая мифологема, которая витает в нашем сознании, и мы на нее ориентируемся. Наверное, глобализацию, если бы ее не было, нужно было придумать. Это хороший фон, на котором многие проблемы можно обсуждать более предметно. Глобализация как проект остается незавершенной, поскольку разногласия из нашей жизни никогда не исчезнут. Нужны кардинальные изменения в мироустройстве, чтобы глобализация состоялась. Этого, как мне кажется, в реальности не произойдет.

Процессы интеграции, интернационализации постоянно влияют на нашу жизнь, политические, экономические, правовые формы. В праве появилось многое из того, чего раньше не было, до тех пор пока интенсивные процессы интернационализации не стали проходить в нашей жизни. Меняется национальное право, появляются формы наднационального права, о чем сегодня говорят все более отчетливо. Недавно вышла в свет значимая работа Вениамина Евгеньевича Чиркина о наднациональном праве и наднациональной государственности. Эти явления сейчас формируются. Д. Стиглиц, один из теоретиков глобализации, назвал свой труд «Что заставляет глобализацию работать?». Отвечая на данный вопрос, я хотел бы сказать следующее: нужно найти некий генеральный фактор, который вообще заставляет развиваться глобализационные процессы. Что это — экономика, политика?

А. С. Запесоцкий сказал, что не согласен с тем, что экономика является базисом, как и юриспруденция. В качестве базисного начала он предложил рассматривать культуру. Я с этим не соглашусь, поскольку культура — это результат возделывания чего-то. Нужно найти того, кто все возделывает, — это человек. С человеческого взаимодействия начинаются все процессы.

В моем докладе фигурирует социально-интерактивный фактор, потому что речь идет о межличностной коммуникации или той технологии, которой я придерживаюсь, следуя традициям. Со взаимодействия (Interaction) все начинается в жизни. Немецкий социолог Георг Зиммель когда-то написал, что во Вселенной между точками всегда существуют те или иные взаимовлияния. Наше взаимодействие позволяет происходить интеграционным процессам. И чем активнее мы будем взаимодействовать, чем больше будет возникать форм сотрудничества и солидарности, тем конструктивнее будут проходить процессы если не глобализации, то, по крайней мере, солидаризации. К этому следует стремиться, поскольку тем самым мы обеспечим комфортность своего существования, решим многие проблемы, которые сегодня возникают и проявлению которых служат многочисленные конфликты. Конфликт — тоже форма взаимодействия. Он порождает свои меры санкционного, карательного влияния, которые также необходимы.

Вчера Андрей Геннадьевич Лисицын-Светланов говорил о том, что на международном уровне сформировалась так называемая уголовная юрисдикция, в отношении других сфер скорее действует принцип мягкого права, которое опирается на солидарность между людьми. Чем больше мы будем солидаризироваться, тем комфортнее будет жить во Вселенной, окружающем пространстве.

В качестве иллюстрации того, что мы все едины, приведу пример из книги «Кингсблад, потомок королей» нобелевского лауреата, американского писателя Синклера Льюиса. Пришедший с фронта солдат после Второй мировой войны попросил своего сына узнать родословную, поскольку фамилия Кингсблад настраивала их на то, что у их рода могли быть королевские корни. Когда сын стал исследовать генеалогию, оказалось, что прозвище Кингсблад было дано их предку, иммигрировавшему с африканского континента. В условиях национальной расовой дискриминации в Америке это стало для них большой трагедией. Смысл этой книги в том, что мы тесно взаимосвязаны, в каждом из нас так или иначе заложено нечто общечеловеческое. Гениальный фильм Владимира Меньшова «Ширли-мырли» лишней раз свидетельствует о том, что мы — люди с одной планеты, и поэтому нам нужно жить в единстве и в параллели реализовывать глобальные процессы.

Р. А. РОМАШОВ: — Насколько, по Вашему мнению, национальное уголовное право соотносится с международным и не существует ли противоречий между двумя видами права, которые закреплены на уровне национального управления? Не является ли преступление деянием, прямо не предусмотренным в качестве такового действующим уголовным законом Российской Федерации, и как оно соотносится с понятием международного уголовного права? Что такое преступление в соответствии с международным правом?

В. В. ТРОФИМОВ: — На национальном уровне закреплён принцип, что преступление не следует считать таковым, если оно не отражено в Уголовном кодексе РФ. Это базовый и, соответственно, верный принцип. Поэтому все то, что указано в законе, и следует считать преступным составом и таким образом решать все соответствующие процедуры и вопросы. Уголовная международная юрисдикция более специфична. Я не специалист в этой области, поэтому сейчас не буду строить версии или догадки. Но национальный принцип мне представляется более продуктивным.

Г. М. РЕЗНИК: — Разве может быть объявлено международным преступлением то, что не предусмотрено национальным законодательством?

Р. А. РОМАШОВ: — Преступлением является лишь деяние, закреплённое в действующем Уголовном кодексе. Что будет являться преступлением в соответствии с международным уголовным правом?

Г. М. РЕЗНИК: — Есть определенные международные акты, которые описывают преступление международного характера. Кстати, они затем имплантируются в национальные кодексы. Например, понятие «геноцид» в Уголовном кодексе определяется как преступление против человечества. Это не столько проблема международного права, сколько категория оценочности, которая затрудняет квалификацию. Но не существует кардинального противоречия между тем, что может быть объявлено преступлением, и тем, что оно не определено в каком-либо акте.

Слово предоставляется доценту Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — Мы на Лихачевских чтениях услышали большое количество красивых понятий, таких как «гражданское общество», «социальное государство», «права человека». И убедились, что чем больше рассуждений, тем больше мнений на этот счет. В данном случае это понятия скорее интуитивно схватываемые, нежели реально понимаемые. Проблема заключается в том, что доктрина не поспевает за развитием понятия, которое становится все глубже и шире.

Если раньше мы ориентировались исключительно на европейское право, то в настоящее время в него проникают компоненты права арабского мира и Востока. Поэтому понятия меняются.

Мое выступление касается институтов гражданского общества в России и на Западе в условиях кризиса, проблемы партнерства и конфликта интересов. Гражданское общество в классическом виде возникло как антитеза государству, и его генезис связан с диалектическим противоречием с государством. В связи с этим понятием хотелось бы остановиться на трех основополагающих тезисах.

Во-первых, гражданское общество никогда не было однородным, оно различно. Более того, в рамках отдельного общества гражданское общество бывает разделено.

Во-вторых, по мере становления и развития государство изымает из сферы гражданского общества наиболее понравившиеся институты, ставит их себе на службу, при этом трансформирует их до такой степени, что они теряют свой первоначальный облик. По сути, эти институты полностью перевоплощаются под воздействием государства.

В-третьих, обращение к гражданскому обществу и его институтам происходит у государства не постоянно, а дискретно, прежде всего в эпоху кризиса, период угрозы либо отдельным государственным институтам, либо самому существованию государственности. Там, где механизм поддержки гражданским обществом государства срабатывает, государство сохраняется. Там, где этого не происходит, государство погибает.

В настоящее время государство, гражданское общество и каждый человек и в России, и на Западе еще не до конца осознали реальность и размеры надвигающихся кризисных явлений. Отсутствие консолидации порождает противоположные мнения о путях реализации. Иногда говорят, что кризис полезен, потому что он позволяет выявить болевые точки и бороться с ними.

В этом случае небольшой кризис, некое кризисное явление гражданское общество и государство — каждый со своей стороны — могут купировать. Но когда надвигается глобальный кризис (хотя лучше до него не доводить), возникает вопрос: в состоянии ли нынешнее расколотое гражданское общество, одна часть которого совершенно не понимает другую, бороться с надвигающейся опасностью или необходимо предпринять меры для того, чтобы предотвратить ее?

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Сергею Федоровичу Ударцеву.

С. Ф. УДАРЦЕВ: — Прежде всего хотел бы поблагодарить организаторов этого интересного форума, ценность которого заключается в междисциплинарности. Фокус Чтений в условиях глобальной турбулентности в мире перемещается в сферу межнациональных и межконфессиональных отношений в современных условиях (в Европе миллион беженцев и много других нерешенных проблем). Как демократия является несовершенным изобретением человечества (хотя в целом это, может быть, одно из лучших изобретений), так и межнациональные, межконфессиональные вопросы регулируются правом, хотя и не могут быть урегулированы только им.

Межконфессиональные, межнациональные отношения, миротворение — сложный результат деятельности политических, правовых, культурных, воспитательных, экономических, информационных, внутренних и внешних факторов. В каждой стране существуют различные особенности, которые накладывают свой отпечаток на законодательство (где-то это проявляется более отчетливо, где-то — менее). В докладе я описываю модель, сложившуюся в Казахстане.

Некоторые проблемы могут быть разрешены только на определенном уровне права, который может возникнуть в ходе эволюции права. В условиях глобализации происходят формирование новых уровней права и адаптация ранее существовавшего национального и международного права к новым возникающим уровням права. Если мы посмотрим на результаты глобализации, то должны отметить объективный характер формирующейся глобальной политической и правовой системы. Это система не завтрашнего дня. И. Кант еще 200 лет назад в своем трактате писал о вечном мире, но он не мог предвидеть, что за это время его идеи так далеко продвинуты, хотя, может быть, до их воплощения осталось не меньше времени. Глобальная правовая система — сложносоставная, сложноорганизованная, учитывающая разные уровни, многообразие мира, национальных, межконфессиональных, расовых отношений и много других особенностей.

Для того чтобы определить статус, например, государственной власти и государства, недостаточно частного права. Чтобы обуздать произвол государственной власти, которая тяготеет к нему на протяжении всей истории, недостаточно публичного права. Публичное в сочетании с международным (следующим уровнем) правом дает гораздо больший эффект в решении национальных, конфессиональных вопро-

сов. На уровне современного права трудно добиться эффективного результата, но в ходе эволюции права, которая разворачивается не как индивидуальная, национальная, а как более глубокое серьезное явление в истории, наверное, можно будет выработать средства и институты, позволяющие уже на глобальном уровне лучше регулировать возникающие между бедными и богатыми странами проблемы перераспределения ресурсов, предотвращения монополизации и многие другие вопросы. Это позволит разрешить многие конфликты в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений.

Древнеримский юрист Цельс говорил, что «право — это искусство добра и справедливости». Поэтому правовое регулирование мы не можем рассматривать только как догматическое; это гораздо более сложный, чем мы иногда представляем, политический момент регулирования общественной жизни на разных ее уровнях.

В. В. ТРОФИМОВ: — Скажите, пожалуйста, формирование наднационального уровня права, государства так или иначе связано с ограничением суверенитета на национальном уровне? Как Вы считаете, в какой мере может быть сознательно ограничен национальный суверенитет, с тем чтобы сформировался наднациональный уровень?

С. Ф. УДАРЦЕВ: — В конституциях европейских стран давно зафиксированы положения о передаче части полномочий наднациональным органам. Мне кажется, что «наднациональный» — это промежуточное, переходное и не совсем точное выражение. Как на самом деле эволюционирует государственность? Государственность — явление более глобальное, чем национальное. Это явление раскрывается и с точки зрения сегодняшнего видения, и, наверное, как планетарное явление (впоследствии будет видно, куда технологии и экономические возможности позволят развиваться). Юристы, рассматривающие явление глобализации, тяготеют к такому видению: стоя на перроне, описывают только контур последнего вагона отходящего поезда. Термин «наднациональный» условен. Речь идет о формировании новых надстроек в системе государственности. Термин «национальный» тоже условный. Существуют многонациональные, федеративные государства, крупные и маленькие страны. На мой взгляд, «наднациональный» — это искусственная формулировка. Речь идет о формировании пока не вполне устойчивого, не выстроенного на всех этажах уровня государственности. Главное — элемент, который характеризует политическую систему эволюции и государственности в условиях глобализации.

В. А. КОВАЛЕВ: — Вы использовали метафору уходящего поезда: юристы, стоя на перроне, глядят ему вслед (в данном случае — на последний вагон). Но кто машинист и пассажиры этого поезда?

С. Ф. УДАРЦЕВ: — Метафора всегда условна, я хотел сказать, что не совсем продуктивно наблюдать

за уходящим составом и видеть только последний вагон в определенном ракурсе. Все остальное можно дофантазировать — кто, где, что, когда.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется доценту Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Хотел бы последовать рекомендации и взглянуть на нашу проблематику со стороны хозяйина земли Русской. Нужно легитимировать происходящие изменения. Где искать источник такой легитимности? Раньше это делалось достаточно просто: пятое издание сочинений Владимира Ильича Ленина отличалось от четвертого тем, что то, что не вписывалось в предполагаемые изменения либо в магистральную линию, убиралось оттуда. Затем, когда подготавливался следующий этап изменений, делали иначе — в сборник работ Маркса, Энгельса, Ленина включалось все то, что может быть использовано для легитимации предстоящих перемен. Это прямая аллюзия ко временам Горбачева: когда идеологические ресурсы оправдания изменений были исчерпаны, возникла необходимость включения в международное сообщество и общения на равных со всеми странами, которые продвинулись вперед и которые нужно догонять.

Легитимизация механизмов происходит на уровне обществ. На уровне права нужен другой инструментарий для того, чтобы оправдать или провести в жизнь перемены. В России все то, что касалось интеллектуальных прав, было разделено по специальным отраслям закона. Несмотря на сопротивление значительной части цивилистического сообщества, в 2006 году появилась четвертая часть Гражданского кодекса. На то, чтобы привести ее в действие, потребовалось два года, причем необходимые акты на уровне инструкций и положений принимались 30 декабря, буквально за два дня до того, как должен был начать действовать новый механизм. Отсюда и необходимость корректировки или ремонта паровоза по ходу движения.

Теперь мы сталкиваемся с другой тенденцией — некоторые сравнивают ее с уходящим поездом или отходящим перроном. Можно по-разному трактовать вопросы, связанные с глобализацией, поиском страны своего места в мире. Оказалось, что идеология глобализации связана с другой экономической составляющей — свободой торговли. Побеждает сильнейший, тот, кто обладает передовыми ресурсами как с точки зрения технологий, так и с точки зрения подготовленного работника. Но в современных условиях ставка только на естественные преимущества не оправдывается и срабатывает обратная тенденция, заключающаяся в создании административных преимуществ. Поэтому появляются или усиливаются интеграционные проекты.

Когда мы говорим о международном публичном праве, то совершенно забываем о таком феномене, как интеграционное право, которое является, с одной стороны, частью международного права, а с другой — по некоторым признакам это новая версия федералистских начал. Международное интеграционное право имеет несколько проектов, наиболее успешный из них — Европейский Союз. Нельзя говорить о том, что этот проект выдыхает-

ся либо терпит поражение (по Марку Твену, слухи о его смерти сильно преувеличены).

Во французском праве существует жесткое разделение между законами и регламентами. Закон — то, на что необходимо получение согласия парламента, регламент — то, что проводится в упрощенном порядке. Целый ряд новейших институтов европейского права действует на основе регламента. Появился европейский товарный знак, который подменяет все национальные товарные знаки, действующие на территории Европейского Союза. Это породило огромное количество проблем. В связи с этим юриспруденция Европейского Союза и суд общей юрисдикции в Люксембурге почти на 70 % нагружены делами, связанными с этим товарным знаком.

Наш интеграционный проект, состоящий из пяти стран, исходит из иного принципа — никаких покушений на суверенитет. В этом заключается принципиальное отличие этих двух интеграционных проектов. Все можно заимствовать, но с умом.

Е. А. ПЕТРОВА: — В предыдущих выступлениях неоднократно звучал термин «наднациональное право». Как Вы соотносите интеграционное и наднациональное право?

В. Л. ЭНТИН: — Мне понравились рассуждения предыдущих выступающих по поводу того, что никакого понятия в чистом виде не существует. Есть определенные элементы наднациональности в том плане, что задействованы элементы принятия решений по принципу не консенсуса, а квалифицированного большинства. В этом случае возникает возможность навязывания тех или иных решений. Но не все интеграционные проекты готовы развиваться так далеко.

Г. М. РЕЗНИК: — Предоставляю слово профессору Георгию Генриховичу Бернацкому.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Вчера на панельной дискуссии наш коллега из Польши господин Колодко говорил о том, что глобализация — это необратимый процесс. В мире действуют закономерности необратимого глобализационного процесса. Но мне представляется, что такое понимание мира однолинейно и плоско. Я полагаю, что он развивается скорее циклически согласно закону, по которому интеграция сменяется дифференциацией, а дифференциация — интеграцией. В Книге Екклесиаста сказано: «Время разбрасывать камни, время собирать камни». Полагаю, что процесс глобализации в настоящее время подходит к кризису, и мы находимся на этапе скорее деглобализации и деинтеграции. Вчера выступал замечательный публицист Третьяков, который сказал, что глобализация уже всем надоела и он не верит в нее. Более того, он не верит и в конвергенцию. Виталий Товиевич утверждает, что это все скорее мифы о таких процессах и мы едва ли в настоящее время можем их наблюдать.

Почему глобализация надоела? С чем мы сталкиваемся в настоящее время? Как я уже сказал, мы сейчас находимся на этапе деинтеграции и деглобализа-

ции. Был период времени, когда глобализация действительно приносила хорошие плоды и в основном рассматривалась как позитивный процесс, но в последнее время мы наблюдаем ситуацию, когда глобализация становится скорее разрушительной, деструктивной, а не созидательной силой. Например, мы сталкиваемся с мировым терроризмом как с глобальным явлением, но это, конечно, деструктивное и противоречащее глобализации явление. В. Д. Зорькин, выступая в Москве на международном форуме юристов, говорил о том, что ИГИЛ и терроризм в целом — это страшное явление, которое задевает такие доцивилизационные, архаические, варварские силы, которые ведут к разрушению всего, что было создано человечеством. Ведь террористы стремятся разрушить все элементы, так или иначе связанные с цивилизацией, уничтожить музеи, Пальмиру, памятники, убить христиан, которые олицетворяют элементы цивилизованной действительности.

Почему возникло такое ожесточение против всех элементов цивилизованного мира? В. Д. Зорькин говорит, что это ответ на безудержную глобализацию и демократизацию, которую пытаются установить западные цивилизации, в частности Соединенные Штаты Америки, в том числе и в странах Востока. Он утверждает, что нельзя за один год насадить в стране демократию, если там никогда не было цивилизации. Ведь на Ближнем Востоке, в Китае никогда не было демократии в западном смысле и никогда не будет. Если мы распространим в Китае демократию в западном смысле, эта страна погибнет. Можем ли мы насаждать демократию против воли? Хотя принцип демократии записан в международном документе и является общепризнанным, глобализация, основанная на этом принципе, который вроде бы общепризнан, но насаждается насильственным путем, разрушает, а не созидает, является деструктивной силой. Тенденция глобализации как разрушительной силы, по-моему, в последнее время начинает преобладать, поэтому многие страны шарахаются от глобализации, не принимают и отторгают.

Всем известен принцип свободы слова и средств массовой информации. Когда в мире господствовали западные средства массовой информации, они утверждали, что принцип свободы слова и средств массовой информации непоколебим и должен проводиться безусловно. Но когда на территории США появился российский информационный канал “Russia Today”, который начал говорить нечто противоположное, Конгресс США принял решение ограничить эфир, потому что там говорят не то. Получается, американцам не нужна глобализация, основанная на принципах свободы слова, потому что они хотят слушать только то, что хотят услышать, и ничего другого.

Международные суды как проявление глобализации — в общем позитивное явление. Кто будет прямо выступать против решений международных судов, которые рассматривают вопросы на основе общих принципов, справедливости международных конвенций и т. д.? Но оказывается, что решения международных судов могут носить и деструктивный, разрушающий характер. На прошлых Лихачевских чтениях лорд Мойнихен сказал, что в парламенте Великобритании

серьезно обсуждается вопрос о выходе этой страны из-под юрисдикции международных судов. Сам он против этого, но большинство видных юристов Великобритании выступают за то, чтобы это сделать. Потому что если они принимают решение международного суда, то оно становится для их системы прецедентом. А как встроить эти прецеденты в ту систему, которая уже существует? У них есть общее право, право справедливости, и тогда они должны надстроить третью ступеньку — право европейских судов, решения которых будут разрушать то, что британцами сформировано как правовая система Великобритании.

Можно сослаться на постановление Конституционного Суда РФ об исполнении постановлений Европейского суда по правам человека. Недавно было принято решение, которое можно сформулировать так: Конституционный Суд РФ позволил не исполнять решения Европейского суда по правам человека, если они противоречат Конституции РФ. По поводу этого решения было много спекуляций и разных мнений. Мне кажется, что это правильное решение, которое я приветствую. Оно послужило неким средством защиты от возможной политической и экономической экспансии на нашу страну через юридические решения. Вообще я восхищаюсь тем, что наши юристы — судьи Конституционного Суда приняли такое ювелирное, грамотное решение, которое позволило найти способ защищаться от разрушительных явлений, которые мы могли испытать.

Повторюсь: сейчас мы находимся на этапе скорее деглобализации и деинтеграции, и, к сожалению, это все может закончиться войной. А процесс глобализации подходит к концу.

В. А. КОВАЛЕВ: — Глобализация — это миф или действующая деструктивная сила?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Здесь заложены некие противоречия.

В. А. КОВАЛЕВ: — Она объективно существует?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Глобализация объективно существует, но из конструктивной силы становится деструктивной.

В. А. КОВАЛЕВ: — Под влиянием мифа?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Нет, о мифе были не мои слова, а Третьякова, который говорил, что не верит ни в глобализацию, ни в конвергенцию.

В. А. КОВАЛЕВ: — Я хотел бы заметить, что, допустим, колонизация была формой глобализации. Вы согласны с этим?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Да, конечно. Она началась еще в Античности.

В. А. КОВАЛЕВ: — На мой взгляд, деструктивный потенциал колонизации XIX века на несколько порядков выше, чем деструктивный потенциал ИГИЛ, пото-

му что террористы разрушают в небольшом пространстве, а во время колонизации европейские колонисты не только разрушали культуру, но и уничтожали целые цивилизации.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Эллинизм был позитивным явлением.

В. А. КОВАЛЕВ: — Но Александр Македонский предварительно стер с лица земли Персеполь.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Конечно, существуют негативные моменты. Но надо рассматривать разные стороны медали.

В. А. КОВАЛЕВ: — Я просто хочу сказать, что современная глобализация не такая уж большая деструктивная сила.

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Академик Степин говорит, что в настоящее время актуальны три большие проблемы — это мировой терроризм, экологическая проблема и разрушение личности. Причем они взаимосвязаны. Аморальный человек разрушает природу и уничтожает культуру. И мы оказываемся в такой ситуации, когда сами себя уничтожаем. По оценкам В. С. Степина, мы можем сами себя разрушить довольно быстро, уничтожая природу и друг друга. И Пальмира тоже разрушена такими людьми.

Шамиль ЭЛЬБУКАЕВ, студент III курса СПбГУП: — Вы затронули тему эллинизма. Как мне представляется, эллинизм также был проявлением глобализации — это было насаждение греческой культуры. Если говорить о настоящем времени, то, как мне кажется, глобализация — это насаждение западных ценностей, а терроризм — ответная искаженная реакция на данное явление. Может быть, в целях борьбы с терроризмом пора свертывать проект «глобализация»?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Я исхожу из концепции академика В. С. Степина, который сказал, что современная западная техногенная цивилизация сформировалась 400–500 лет назад и дала великолепные образцы науки, техники, культуры и т. д. Но сейчас, по Степину, эта цивилизация приходит к закату. Потому что цивилизация, основанная на конкуренции, индивидуализме отдельной личности, то есть либеральная цивилизация, постепенно исчерпывает себя. Идея Степина состоит в том, что мы стоим на пороге создания новой цивилизации. Какой? Не конкурентной, основанной на личной выгоде, личном успехе и индивидуализме, а той, которую он называет договаривающейся цивилизацией, основанной на союзе. Может быть, она, как полагает В. С. Степин, придет с Востока. Например, идеи Конфуция и китайская культура основаны на стремлении договариваться, а не уничтожать человека в суде или конкурентной борьбе на рынке.

Г. М. РЕЗНИК: — Какую конкуренцию Вы имеете в виду — между людьми, в индивидуальном порядке,

или между странами? Или у Вас понятие конкуренции охватывает и тот, и другой вариант?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Конкуренция начиналась в странах капитализма как борьба между товаропроизводителями.

Г. М. РЕЗНИК: — Вы полагаете, что сейчас к закату идет цивилизация, которая складывалась в течение 400–500 лет?

Г. Г. БЕРНАЦКИЙ: — Это мнение академика Степина. Я полагаю, что глобализация заканчивается с закатом западной цивилизации. И мы наблюдаем этот закат. Академик Глазьев вчера правильно сказал, что американцы проиграли китайцам конкурентную борьбу в экономике. Теперь они боятся проиграть конкурентную борьбу в политике, военной сфере, поэтому возникает борьба за периферию — отстоять хотя бы позиции на Украине, чтобы удержаться, но им не удастся это сделать.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется доценту Екатерине Алексеевне Петровой.

Е. А. ПЕТРОВА: — Уважаемые коллеги, я хочу вернуться к теме нашей секции — «Национальное право в условиях глобализации» — и обратить внимание на те изменения, которые происходят в национальных правовых системах под влиянием глобализации.

Остановлюсь на двух моментах. Первый момент — это сближение национальных правовых систем и появление у них черт, не свойственных тем правовым семьям, к которым они принадлежат. В связи с этим та классификация, которая была предложена Рене Давидом, уже не вполне накладывается на современный правовой мир. Проиллюстрировать это можно на примере российской правовой системы, которая, как известно, в течение советского периода представляла социалистическую правовую семью, а потом оказалась перед определенным выбором своего дальнейшего правового развития.

Сейчас мы говорим о том, что у нас больше черт романо-германской правовой семьи, но со стороны практиков высказываются мысли о необходимости признания прецедента в качестве формального источника российского права, а прецедентная система свойственна уже иной правовой семье — англо-американской. В то же время и в англо-американской правовой семье происходят эти изменения, поскольку там усиливается роль статутного права, и среди прецедентов уже более значительную роль играют не классические, так называемые чистые прецеденты, а прецеденты толкования, которые основаны на статутном праве. Таким образом, происходит смешение черт, присущих различным правовым семьям, что позволяет говорить о формировании неких комплексных правовых систем.

И второй момент, о котором сегодня уже говорили, — это унификация национальных правовых систем на основе общепризнанных принципов и норм международного права и международных стандартов.

Я имею в виду в первую очередь международные стандарты в области прав человека. Сегодня уже говорилось о том, что необходимо учитывать особенности цивилизационного подхода к правам человека в различных цивилизациях и культурах. Это несомненно, но мы должны понимать, что международное право не дает и не может дать исчерпывающего перечня прав человека. Оно дает тот минимум, который должно обеспечивать любое государство, претендующее называться демократическим и провозгласившее эти принципы частью своей национальной правовой системы, как это закреплено в Конституции России. И уже в национальном праве эти минимальные стандарты конкретизируются с учетом особенностей национальной правовой системы.

Считаю, что высшей формой сближения национального и международного права является то, что я в своем докладе назвала термином «наднациональное право», но после выступления Владимира Львовича я готова изменить этот термин на «интеграционное право», которое сочетает элементы национального и международного права. Таким образом, эти процессы действительно свидетельствуют о сближении, изменениях национальных правовых систем. Но при этом важно, чтобы все-таки сохранялись национальная правовая идентичность и правовая культура. В связи с этим хочу закончить свое выступление девизом, который лежит в основе европейского права. Хотя здесь в определенной степени критиковали Европейский Союз, но его девиз мне нравится. В английском варианте — “Unity in Diversity”, в русском — «Единство в многообразии». Это единство в многообразии, наверное, и есть та цель, к которой должны стремиться национальные правовые системы в условиях глобализации.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Вы нарисовали идиллическую картину в этом лучшем из миров. Но все это пока сомнительно. Если принимаются добросовестные судебные решения — это здравомыслие. В советские времена я был юрисконсультom. Когда принимался закон, он обычно требовал комментариев каждой из сторон. В общем, это здравая мысль, что надо исправить ситуацию.

Е. А. ПЕТРОВА: — Давайте будем ориентировать студентов на идеальный вариант права, а критикуют пусть политики, социологи и др. Мы, юристы, нарисуем для студентов, по крайней мере сейчас, идеальную картину права, а потом пусть они разочаровываются.

Г. М. РЕЗНИК: — Это правильно, что они разочаруются, когда начнут критиковать как юристы. На трибуну приглашается кандидат юридических наук Василий Алексеевич Токарев.

В. А. ТОКАРЕВ: — На пленарном заседании прозвучало такое сравнение: журналист — это сплетник. А юрист тогда кто? Известно высказывание М. Лютера: «Юристы — плохие христиане». Ключевое слово здесь — «плохие», и это понятно: юристов всегда ру-

гали, ругают и будут ругать. Наверное, в русской литературе сложно найти пример хорошего, позитивного юриста. Кто мы? Как нам себя идентифицировать? Размышляя над этим вопросом, я на днях зашел в книжный магазин и увидел на полке книгу известного итальянского философа, писателя, гуманиста Умберто Эко «Сказать почти то же самое». Я подумал, что это сборник рассказов или новый роман, полистал — оказалось, это книга о теории перевода, работе переводчика. Так вот, не являемся ли мы, юристы, такими же переводчиками? Мы переводим язык фактов на язык права. Вспомните кота Матроскина, который подробно объяснял Шарику, чей теленок и почему. Не переводим ли мы, когда заимствуем или критикуем зарубежный опыт? И наконец, не переводим ли мы, когда вводим в родной язык термины, понятия, категории из другого языка? Здесь срабатывает это настораживающее «почти». Почти то же самое, да не то.

Приведу три примера. Первый пример: мы не к месту говорим о правовом государстве, забывая о том, что этот термин имеет своего партнера — государство права. Правовое государство и государство права — мы забываем о втором и говорим только о первом. Еще один термин — субъект права. Сегодня Владимир Георгиевич говорил о правах личности. Рассуждая о правах человека, свободах, мы понимаем, что термин «субъект права» нас не устраивает. Это слишком формализованный термин. Как будто бы тебя определили, назначили субъектом права, повесили ярлык. «А почему я субъект, что я для этого сделал?» — «Неважно. Ты соответствуешь определенным критериям?» — «Да, соответствую». — «Значит, ты субъект права». Кто такой правовой субъект? Этот термин сегодня активно используется в зарубежной научной литературе. Это тот, кто, во-первых, имеет право быть услышанным и, во-вторых, готов взять ответственность за сказанное. Тогда это правовой субъект, а не просто субъект права, которого наделили какими-то правами. Он не чувствует себя правовым субъектом.

Второй пример — Конституция РФ. Часто можно услышать, что она похожа на французскую. Да, безусловно, особенно ст. 3 — и там, и там говорится об одном и том же: «Народ является обладателем суверенитета». Но Конституция Французской Республики говорит о национальном суверенитете, а в российской сразу два отличных момента — народ назван не обладателем, а носителем, и не указано, какого именно суверенитета. Но в русском языке можно быть обладателем, например, всей полноты власти, а что значит носитель? Носитель какой-то болезни, переносчик заразы? Флешка — носитель информации. Она не обладает информацией, она используется для переноса информации. И какой это суверенитет — национальный или народный? Далее в Конституции говорится о президенте, парламенте, подчеркивается суверенитет Российской Федерации, то есть государственный суверенитет. А кто тогда является обладателем национально-народного суверенитета? Этих фраз нет.

И третий пример. Когда французские коллеги попросили меня перевести для них закон о гарантиях для президента, прекратившего осуществление своих полно-

мочий, я взял учебник по конституционному праву, где мне встретилась такая фраза: «В числе прочих гарантий возможность получать качественное медицинское обслуживание». Я дословно перевожу на французский «качественное медицинское обслуживание». Французы спрашивают: «Подождите, а что, есть некачественное?» Поскольку я родился и вырос в России, то, естественно, мыслю в категориях, привычных для меня. Конечно, есть качественное и некачественное, как осетрина второй свежести, что для них удивительно. «Уберите», — сказали они. Я возразил: «Тогда смысл потеряется». Если просто получить право на медицинское обслуживание, то в чем тогда преимущество бывшего главы государства? Непонятно. Если мы задумываемся о том, какими терминами пользуемся, как работаем в качестве переводчиков, то в этом случае ступаем на поле культуры и право становится явлением культуры.

Сегодня многие говорят об аккультурации в праве, то есть о взаимопроникновении правовых норм, понятий, ценностей. Это здорово, но на пути этого процесса возникают две большие проблемы. Первая заключается в том, что это разнонаправленные векторы. Давно замечено, что на Западе право вторгается практически во все сферы общественной жизни, происходит то, что называется номофилией, слишком завышенными ожиданиями от права. В результате люди начинают говорить на языке права, не задумываясь об этом. Например, во французской прессе сегодня часто пишут о беспристрастном государстве. Разве мы находимся в зале суда, на судебном процессе? Почему государство беспристрастно?

И вторая проблема — это готовность изменить свою позицию. Можно говорить о том, что в Китае нет права, что в советской России не было права, но можно попытаться понять другую культуру. Для этого необходимо установить универсальные основания права. И мне кажется, что таковыми являются, во-первых, тезис об универсальной структуре мышления. Еще в XX веке антропологи сказали: «Мышления не бывает цивилизованного или нецивилизованного. Структура мышления универсальна». И во-вторых, осмысление правовой ситуации.

Сегодня много говорили о свободе, и я вспомнил выражение: «Прежде чем говорить о свободе, вспомните ту ситуацию, когда вы почувствовали себя свободным». Чтобы говорить о праве в условиях глобализации, национальном и наднациональном праве, вспомним ситуацию, когда мы почувствовали себя правовым субъектом, и продолжим нашу дискуссию.

В. В. ЛАПАЕВА: — Вы справедливо сказали, что надо ввести универсальное понятие права, иначе вообще нет предмета для разговора, критериев для оценки. И правильно связали это понятие с разумностью человека — универсальным человеческим качеством. Мне кажется, необходимо установить дальнейшее взаимодействие понятия права с разумностью. С помощью каких категорий это можно сделать?

В. А. ТОКАРЕВ: — Отвечу, вернувшись к тому, с чего начал свое выступление. Правовой субъект —

это первая категория, правовая ситуация — это вторая категория, и личная ответственность — это третья категория.

В. Л. ЭНТИН: — Мне понравился Ваш пассаж о переводе, и в связи с этим вопрос. Подготовка международных конвенций ведется на рабочих языках, обычно используется либо английский, либо французский, затем осуществляются переводы на другие языки Организации Объединенных Наций. Вы сказали, что перевод означает в определенной степени потерю смысла. Может быть, именно из-за переводов мы не можем договориться и возникнет новая Вавилонская башня?

В. А. ТОКАРЕВ: — Нет, я имел в виду не потерю смысла, а именно слово «почти». Речь идет о том, что переводчик сначала сталкивается с объективными трудностями при переводе. Например, встречаются понятия, не имеющие эквивалента в его родном языке, или эквивалент настолько деформирован под влиянием политических, экономических, культурных реалий, что невозможно передать этим словом тот смысл, который необходим переводчику, в том числе и юристу. Далее возникает субъективная сложность. Когда я работал во Франции и Бельгии, задавал студентам один и тот же вопрос: «Как вы считаете, права человека — это только европейская или все же универсальная ценность?», и 90 % аудитории отвечали: «Европейская ценность». Тогда следовал другой вопрос: «А для вас какие права самые важные, после права на жизнь, разумеемся?» Ответ был опять один и тот же: «Политические права. Если их у нас отнимут, мы такое государство не будем воспринимать ни легитимным, ни законным». Я им говорю: «Вы допускаете, что где-то права человека считают универсальной ценностью, где-то другие права считают более важными, например социальные?» Задумались и долго молчали. Считаю, что переводчик должен быть готов к тому, что, во-первых, ему придется сломать свои внутренние субъективные установки, стереотипы, и во-вторых, объективные факторы могут сыграть с ним злую шутку, и тогда действительно произойдет потеря смысла при переводе.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется профессору Ольге Викторовне Вербовой.

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Хочу начать свое выступление с ответа на вопрос Романа Анатольевича Ромашова: «Нет ли противоречий в определении понятия “преступление” в национальном уголовном законодательстве и международном праве?» Я считаю, что здесь противоречий нет, исходя из того что мы должны рассматривать это явление через призму источников уголовного права. По Конституции и ст. 2 Уголовного кодекса РФ (скорее всего, аналогичные статьи есть и в законодательствах, скажем, Казахстана и других государств) нормы международного права у нас являются материальным источником уголовного права, откуда черпают содержание все уголовно-правовые нормы. Исходя из этого, существует специфика применения норм международного права, поскольку они, несмотря

на признание их приоритета и на уровне Конституции, и на уровне уголовного законодательства, не могут напрямую применяться в сфере уголовной ответственности до тех пор, пока положения и нормы этого единственного формального источника не будут включены в уголовное законодательство. Мне кажется, это определенная гарантия того, чтобы нормы международного права применялись правильно, когда идет процесс их интеграции в национальное уголовное законодательство. Это позволяет учитывать специфику правовой системы и всех остальных институтов уголовного права. Таким образом, мы не находим противоречий в том, что основной признак общественной опасности находит отражение и в конвенционных нормах. Именно нормы международных конвенций в первую очередь как бы направляют государство на то, чтобы декриминализировать эти деяния, но с учетом положений основного законодательства, того, как это вписано в национально-правовую систему.

Я хочу кратко остановиться на основных направлениях развития уголовного законодательства в современный период. Сегодня мы много говорим о глобализации как таковой и в контексте названия нашей секции, о том, как этот процесс влияет на развитие национального права в целом и уголовного в частности (которое я и представляю). Мы говорим о квалификации норм и вынуждены с этим согласиться, несмотря на то обстоятельство, о котором здесь тоже много говорилось, — на каком этапе находится процесс глобализации (это уже вторичный вопрос). Проблема в том, что глобализация действительно сильно влияет на развитие правовой системы. Для нас главное — определиться, в каком направлении идти. Что касается уголовного права, то вопрос унификации норм мне представляется достаточно перспективным. Только исходя из той простой причины, что детерминация преступности во многих странах обосновывается одними и теми же факторами, бороться с преступностью мы можем посредством унификации этих норм. Иначе мы не сможем совладать с такими общественно опасными явлениями, как международный терроризм, и другими видами опасной преступности.

Другая проблема, которая высветилась в ходе наших дискуссий, касается выбора дальнейшего пути развития. На сегодняшний день нормы международного права требуют дальнейшего развития. Мы, с одной стороны, говорим даже о кризисе международного права, а с другой — призываем идти именно в данном направлении. Поэтому нам нужно как-то выправлять эту ситуацию, и если мы говорим об унификации норм международного права, то они должны развиваться дальше, а все государства — подписанты этих международных конвенций должны ответственно относиться к исполнению своих международных обязательств.

Сегодня был поставлен вопрос о так называемом национальном праве. И вопрос о том, в каком направлении идти — в сторону регионального или глобального, то есть международного права, требует своих дискуссий.

В связи с этим я хотела обратить внимание на два момента. Первое: если мы говорим о наднациональ-

ном праве, надо вести серьезные дискуссии все-таки по поводу суверенитета. Ведь вопрос о суверенитете неизбежно возникает, когда мы говорим о таких аспектах. Неслучайно вчера на одном из заседаний господин Владимир Николаевич Плигин говорил о том, что классическое определение суверенитета исчезает, когда мы переходим к вопросам наднациональных прав и наднациональным категориям. Это болезненный вопрос для каждого суверенного государства, и без серьезных дискуссий, полагаю, дальше двигаться в направлении унификации норм достаточно проблематично.

Второе: я согласна с идеей унификации, но мы не можем не учитывать особенности нашей правовой культуры. Сегодня уже прозвучало, что право является частью национальной культуры, и мы, однозначно двигаясь в этом направлении, должны учитывать, с одной стороны, специфику правовой системы каждого государства, а с другой — доктринальные основы, иначе это приведет к такой ситуации, о которой сегодня говорил профессор Графский. У нас в законодательство вносятся очень много изменений, что отчасти вызвано объективными причинами. На примере реформирования законодательства в Казахстане могу сказать, что за год действия новых Уголовного, Уголовно-процессуального и Административного кодексов был проведен мониторинг и сделан вывод о том, что необходимо внести порядка 150 поправок. Необходимость внесения большинства поправок была связана с тем, что нормы между собой не гармонизировали либо отчасти были приняты поспешные решения. Поэтому именно учет специфики национально-правовой системы должен быть обязательным. То есть глобальное направление верное, но все эти моменты должны учитываться, потому что право является частью национальной культуры. И прежде чем принимать законы, мы должны узнавать, как эти законы будут восприниматься народом в своей стране.

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ: — Скажите, пожалуйста, с Вашей точки зрения, какой из двух правовых феноменов шире, а какой уже — правовая культура и национально-правовая система?

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Если мы говорим о правовой системе, то правовая культура является ее частью. Но когда мы говорим о культуре в целом, то право является частью общей культуры.

Г. М. РЕЗНИК: — Приглашаю на трибуну доцента Андрея Владимировича Кузьмина.

А. В. КУЗЬМИН: — Вопросы глобализации касаются каждого из нас — мы ездим за границу в отпуск, занимаемся бизнесом, научной деятельностью и т. д. Но основное, на что хотелось бы обратить внимание, — это проблема глобализации. Как мне представляется, глобализацию нужно рассматривать в двух аспектах — как результат и как процесс. Если рассматривать глобализацию как результат, то это идеал, который в принципе невозможен (у меня на этот счет нет никаких сомнений и иллюзий). Если говорить о процес-

се глобализации, то это вполне реально осязаемая процедура, комплекс мероприятий, который предполагает достижение унифицированных возможностей в правовом регулировании тех или иных общественных отношений. Рассматривая проблему этого движения на пути к глобализации, мы можем этот процесс регламентировать и говорить о том, что любая международная организация, по сути, создается по тем же канонам глобализации. Глобализация на локальном уровне имеет единственное отличие от большой глобализации — государства объединяются не в рамках глобуса, а в рамках несколько иной территориальной структуры.

В мае 2016 года в Таврическом дворце проводился международный форум «Евразийская экономическая перспектива», в котором я принимал участие. На нем невозможность глобализации в принципе была подтверждена контекстом выступлений депутатов Парламентской ассамблеи Совета Европы, которые фактически сами загнали себя в угол. Позволил себе процитировать одного из представителей Парламентской ассамблеи Тобиаса Цеха (Германия): «Мы не заинтересованы в безусловном сохранении санкций». Из этого естественно вытекает юридическая конструкция — условно-то заинтересованы, то есть верните Крым, и мы снимем санкции с России. Будет ли возвращен Крым? Нет. Это волеизъявление народа — вопрос закрыт. Будут ли сняты санкции? Нет. Вопрос о глобализации и конвергенции Евросоюза и Евразийского экономического союза в принципе закрыт, судя по выступлениям официальных представителей Парламентской ассамблеи Европы. В ближайшее время не придется возвращаться к этому вопросу. Если мы говорим о теоретической возможности конвергенции этих систем и влиянии правовых аспектов на это, то здесь можно выделить и эффекты, и риски от глобализации и глобализационных процессов. Если мы говорим об эффектах, безусловно, единое пространство позволяет более целостно вести коммерческую деятельность. Но с точки зрения публичного права у каждого свои интересы. Приводился пример: если князю Монако предложить вступить в состав Франции, он ответит: «У меня своя территория. И здесь я главный, я хозяин».

В этом плане вопрос о суверенных возможностях или новом прочтении теории государственного суверенитета достаточно актуален. Я неоднократно говорил о необходимости развития конструкции эластичного суверенитета, то есть такого суверенитета, когда государство передает часть полномочий в надгосударственную структуру, но при этом имеет возможность вернуть эти полномочия обратно. Но здесь, конечно, существует политическая опасность эти суверенные возможности навсегда оставить у внешнего надгосударственного образования либо у другого государства. Например, центр силы Евросоюза явно находится за пределами Европы.

Г. М. РЕЗНИК: — Слово предоставляется доктору Варга из Венгрии.

Ч. ВАРГА: — Сегодня я услышал много интересных выступлений. Хочу обобщить наиболее важ-

ные мысли — то, как вы относитесь к универсализму и частным особенностям. Вы говорите о законодательстве, правах человека и даже подчеркиваете, что эти термины существуют во всех языках. Вы говорите о том, как развивалась политика в советские времена и сейчас, о частных деталях, хотя все понимаете как универсализм. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» высказал интересный тезис об анализе конкретной ситуации. Все мы сталкиваемся с фактами, которые происходят здесь и сейчас, и способны размышлять. Это значит, что исторический опыт, который вы пережили, является для вас окончательной истиной. В прошлом была общая теория государства и права, теперь Советского государства не существует, но у вас осталось чувство ответственности за судьбы мира, и это прекрасно. Прозвучал прекрасный тезис: слова против опыта. Слова — это общий жизненный опыт, опыт — нечто конкретное. Это отражает традиции права.

И в заключение пожелание: будьте носителями собственных традиций. Не забывая об идентичности, помните, что традиции открывают путь в будущее. Традиции нельзя сократить до консолидации с правом.

Г. М. РЕЗНИК: — В завершение работы нашей секции подведем некоторые итоги. В ст. 1 Всеобщей декларации прав человека есть следующие строки: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Поэтому, вспоминая выступление нашего молодого коллеги Василия Алексеевича Токарева, я хочу адресовать студентам один вопрос: «Чувствуете ли вы себя свободными людьми и не ущемляется ли ваше достоинство?» Как человек, который большую часть жизни прожил при советской власти и не бедствовал, могу сказать, что я ощущал недостойность своего существования. Я занимался наукой — криминологией (наукой о преступности). Кроме того, существовали науки для служебного пользования — демография, направления гуманитарных наук, потому что мы жили в несвободном обществе.

Хочу обратить ваше внимание, что большевики начали свою деятельность с того, что преступным путем захватили власть и разогнали Учредительное собрание. Ликвидировали все свободы, пропагандировали ложные лозунги: «Фабрики — рабочим! Земля — крестьянам! Мир — народам!» и бросили страшный клич: «Грабь награбленное!». Произошло абсолютно противоположное — все стали крепостными государства. И на протяжении длительного времени происходил террор. Но что предшествовало Большому террору 1937 года? Принятие сталинской Конституции, где были прописаны основные права и свободы, такие как свобода слова, свобода печати, свобода собраний. Но люди, обладавшие здравым смыслом, прекрасно понимали: когда дается какая-то свобода — это сигнал, чтобы ей не пользоваться.

Сейчас действительно все государства находятся на разных ступенях экономического, культурного и социального развития. Я полностью согласен с тем (о чем говорил в интервью «Коммерсанту»), что американцы стали вести себя на международной арене абсолютно бесцеремонно и неумно, пытаются насадить то, что не встречает понимания у большинства. Но дело в том, что биологически не просто доказано, а подтверждено, что все люди — любой национальности, любой расы — абсолютно пригодны к обучению, если живут при тех режимах, которые основаны на свободе и достоинстве. Нет таких рас и национальностей, которые ущемлены возможностью постичь знания. Существует много лауреатов разных национальностей, но преобладают евреи по той причине, что произошло их рассеивание, потому что две тысячи лет этот народ угнетался. Если бы рассеивания не было и евреи остались бы на своей территории, то, я думаю, такого научного ренессанса не произошло бы (это шутка, конечно).

В Советском Союзе режим, который рухнул, и утопия, которая внедрялась, основывались на утверждении, что «коммунизм — светлое будущее всего человечества». Я переиначу: свобода и достоинство личности и политический режим, на этом основанный, — вот светлое будущее всего человечества, по крайней мере я бы хотел, чтобы так было. Все страны проходили разные этапы: рабовладение, феодализм, авторитарные режимы, но у каждой сложились здоровые традиции, которые необходимо сохранять. Сейчас мы наблюдаем, что целый ряд стран на словах признает: «Наше общество самое свободное, мы обеспечиваем все права», но на самом деле права нарушаются. Однако интересно, что сама идея при этом не оскверняется. Потому что идея свободы и достоинства личности стала глобальной, мировой. Нельзя, нарушая ее на практике, отрицать в теории.

Соединенные Штаты Америки как государство формировались с акцентом на творчество, инициативу свободной личности. У американцев, которые традиционно с недоверием относятся к государству, получилось лучше, чем у всех остальных, основываясь на свободе, достоинстве, с разными издержками личности, сформировать, наверное, самый высокий уровень жизни. Другие страны стараются идти по этому пути, но сталкиваются с колоссальными сложностями и делают это в условиях уже поделенного мира. Я хотел бы, чтобы политические права и свободы, как в Америке, имели бы следствием улучшение социальных, экономических прав. Мне представляется, что мы должны быть привержены этой идее.

Я благодарю всех, кто принял участие в нашей дискуссии, и полагаю, что идеалы свободы и достоинства поселились в душах тех людей, которые здесь присутствовали.

СЕКЦИЯ 5 ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Лихачевский форум старшеклассников России)

21 мая 2016 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Руководитель секции

О. В. СОЛОД проректор СПбГУП, писатель, заслуженный работник высшей школы РФ

Участники:

Е. П. ЕФИМОВА директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

А. БАРАНОВ, П. БЕЛОВА, И. ГИРИЧ, А. КУЛИКОВА, Ю. МИТРЮХИНА, Д. МОКРИНСКАЯ, А. МОЛЧАНОВА, З. ПОПОВ, Н. СОКОЛОВ, А. СЫСОЕВА, Д. ФОКИНА — старшеклассники — победители конкурса школьных сочинений

Е. П. ЕФИМОВА: — Позвольте представить вам Олега Викторовича Солода, проректора нашего Университета, писателя, драматурга, кандидата химических наук, доцента, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации. Олег Викторович Солод будет руководить работой нашего форума.

О. В. СОЛОД: — В 1970-е годы, когда большей части присутствующих в зале еще не было на свете, вышел на экраны фильм «Блокада», посвященный самым героическим и самым страшным страницам в истории нашего города. Одним из его героев стал архитектор Левицкий, его сыграл блистательный отечественный актер Владислав Стржельчик. Этот архитектор в самые страшные дни блокады, когда стоял вопрос о выживании города, страны и каждого конкретного человека, занимался тем, что рисовал эскизы Триумфальной арки, которая увековечит подвиг ленинградцев. Понятно, что архитектор Левицкий — литературный собирательный образ, но у него были реальные прототипы. О таких людях в своих воспоминаниях пишет Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он вспоминает художника Чурилова, который в те же дни рисовал совершенно удивительные картины в условиях, которые даже невозможно себе представить. В этих условиях, я процитирую сейчас Дмитрия Сергеевича: «Люди писали дневники, философские сочинения, научные работы. Искренне, от души мыслили, проявляли необыкновенную твердость, не уступая давлению, не поддаваясь суете и тщеславию». Это слова Лихачева. Он сам был одним из этих удивительных людей. Во время блокады Дмитрий Сергеевич читал своим детям Пушкина. Казалось бы, какой в этом смысл, разве Пушкин может заменить хлеб, еду? Конечно, нет. Но Лихачев знал:

настоящее искусство и высокое слово могут поднять дух человека до таких высот, что какое-то время он сможет обходиться без хлеба. Великая сила слова, авторского, художественного, слова, высказанного вслух или нанесенного на печатные страницы, — вот тайна, которой в полной мере владел Дмитрий Сергеевич. И этой тайной он щедро делился с окружающими людьми. Правда, не все воспринимают то, что дается им даром. В наше время материальное практически повсеместно выходит на первый план. Я не хочу ханжески принижать роль материального, она существенна. Однако там, где желудок человека побеждает его душу, через некоторое время не остается не только души, но и самого человека. Он превращается в зверя, способного только потреблять, или, того хуже, пользуясь термином еще одного великого писателя Чингиза Айтматова, становится манкуртом, не помнящим родства, — а это еще страшнее, чем быть зверем. Мне очень радостно видеть сегодня здесь столько юных лиц и в президиуме форума, и в зале. Лиц, по которым видно, что слова Дмитрия Сергеевича дошли до вас, дошли до ваших сердец, восприняты вами и творчески переосмыслены.

Основной областью деятельности Лихачева была древнерусская литература. Казалось бы, зачем нам эти «ветхозаветные» тексты, написанные архаичным языком? Вспомните «Не лепо ли ны бяшеть, братие, начати старыми словесы...». Спасибо Дмитрию Сергеевичу, что он пересказал их привычными нынешнему современнику словами. Конечно, комиксы компании “Marvel” куда понятнее и проще для восприятия, чем какой-то там князь Игорь. Сейчас среднестатистический школьник даже у памятника Ленину говорит о том, что это современник Наполеона, полководец.

А тут князь Игорь. Но нельзя забывать о том, что этими словами написана наша история. Почти все, что мы знаем о себе и стране, мы почерпнули из художественной литературы. Как-то мне в руки попался четырехтомник истории русской литературы, изданный Пушкинским Домом. Эта внушительная книга толще, чем «Война и мир». Я «проглотил» ее практически за один присест, потому что она насыщена удивительными фактами. Это не учебник литературы, а учебник истории, которую невозможно не воспринять.

Завершая свое выступление, хочу сказать, что художественное слово сохраняет нашу жизнь. Его мы передаем следующим поколениям для того, чтобы они достраивали величественное здание отечественной культуры. Это здание, этот храм нужно не только строить, но и оберегать, потому что разрушить его гораздо проще, чем построить. Являясь волею судьбы членом трех творческих союзов, я очень часто огорчаюсь, потому что вижу перед собой на собраниях таких пожилых людей, что впору вызывать «скорую помощь». И поневоле закрадывается мысль: может быть, слово уже никому и не нужно? Но, глядя на вас сегодня, я понимаю, что это не так. Особенно если это слово Лихачева. Слово Дмитрия Сергеевича нужно, актуально, и оно побеждает. С гордостью признаю, что большая заслуга в этом принадлежит нашему Университету. Когда-то в древности хранителями культуры были монастыри, потом ими стали университеты. В наше время на университеты возложена другая задача — выдавать знания. Так поступает большинство из них, но только не Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Здесь мы верны классическим традициям, мы верны заветам Лихачева, и я искренне надеюсь, что когда вы станете студентами, то будете помнить об этом и продолжите дело Дмитрия Сергеевича. Успехов вам.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается победитель конкурса — учащаяся 11-го класса школы № 531 Санкт-Петербурга Анастасия Сысоева, автор творческой работы на тему «Интеллигенция и интеллигентность вчера и сегодня».

А. А. СЫСОЕВА: — Дмитрий Сергеевич Лихачев считал, что «основной принцип интеллигентности — это интеллектуальная свобода, свобода как нравственная категория». Современная жизнь с ее постоянной изменчивостью, торопливостью, стремлением объять все и сразу, не останавливаясь на мелочах, не вникая глубоко, заставляет человека бежать вперед, не оглядываясь, потреблять все больше технологий и инновационных продуктов, замыкаться в себе и терять контакт с внешним миром и культурой собственной страны. Такой человек не задумывается о том, каково его место в обществе, как он вписывается в историю своей страны, в свою эпоху, потому что это слишком общие вопросы, не имеющие отношения к его конкретной и проходящей именно сейчас жизни. Он проходит мимо культуры своей страны и всего мира, забирая из них лишь то, что способно дать мгновенное удовлетворение своими потребительскими качествами, за-

бывает свое прошлое, отрывается от корней, теряет свободу личности, постепенно утрачивает понимание важности взглядов и убеждений, собственного мнения, творческого подхода к жизни. Так постепенно и незаметно вырождается понятие интеллигентности в российском обществе как чуждое и нелепое, как не соответствующее современным реалиям, тяготящее и мешающее быть счастливым. Поразительно, как изменилось общество в России.

Принадлежность к типу личности, некогда бывшему гордостью России, ее культурным и нравственным авангардом, в наше время становится даже постыдной и неприличной. Интеллигент сейчас зачастую воспринимается как человек, занимающийся деятельностью, не имеющей практического смысла, и просто прожигающий жизнь. Кроме того, интеллигент — это человек, не устроенный в жизни, поэтому часто злобный, способный оклеветать власть и общество. Именно интеллигенцию причисляют к несистемной оппозиции, ставшей в наше время врагом народа. Однако, насколько это восприятие и понимание интеллигенции по сути своей ложно, объяснить не желаемым ничего слушать и понимать современным всезнайкам эры Википедии, идущим по жизни широким и уверенным шагом, достаточно сложно и зачастую просто невозможно. Да и стоит ли? Разве в этом задача интеллигенции как культурной и нравственной элиты страны? Разве она должна забывать о своем истинном предназначении, о культурной и нравственной миссии, возложенной на нее? Может быть, она должна замкнуться в себе и заниматься своей культурной жизнью в кабинете?

Для нас, молодого поколения, важными становятся ответы на вопросы, которые даны великим русским ученым и мыслителем Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, ставшим свидетелем трагедии русской интеллигенции, человеком, который смог сохранить свою интеллигентность и донести до нас истинное ее значение. В 1993 году в журнале «Новый мир» была опубликована программная для понимания предназначения интеллигенции и ее места в обществе статья Дмитрия Сергеевича Лихачева «О русской интеллигенции». Академик настаивает, что интеллигенция как общественное явление — исключительно русский феномен, объединяющий людей самых разных социальных положений и убеждений, что выводит понятие интеллигентности на иной — нравственный — уровень. Несомненно, интеллигентность — это высокая образованность, обладание внутренней культурой, однако этих пояснений, по мнению Дмитрия Сергеевича Лихачева, недостаточно для того, чтобы понять интеллигентность как явление. Это есть нравственные вехи, определяющие истинно интеллигентного человека: внутренняя свобода и независимость, мысли, основанные на европейском менталитете и образовании, постоянное стремление отринути несвободу как давление со стороны власти или общества, как рамки, стереотипы. Дмитрий Сергеевич Лихачев пишет: «Постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как интеллектуально свободная часть общества существует в России и неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части обще-

ства меньше». Именно нравственность определяет степень свободы личности, степень ее независимости от каких-либо категорий, кроме категорий совести и мысли, руководимых личной совестью. Отсюда и определение совести, данное Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. В его рассуждениях она предстает как рулевой его свободы, заботится о том, чтобы свобода не превращалась в произвол, но указывала человеку его настоящую дорогу в запутанных обстоятельствах жизни.

Лихачев прослеживает судьбы русской интеллигенции со времен Владимира Мономаха, акцентируя внимание на том, что многих общественных деятелей, писателей, ученых Руси и России можно назвать интеллигентными. Например, Мономаха, Максима Грека, Карамзина, Пушкина, Флоренского и др. Однако при этом Лихачев уточняет, что как таковое понятие интеллигенции сложно применить к тем выдающимся деятелям, формировавшим культуру нашей страны в разные периоды, которые находились в зависимости от власти, от некоего руководства или материальных побуждений в своем творчестве. То есть, например, Державин не интеллигент, так как зависел от воли властей, и его творчество непосредственно выражает те взгляды, которые являлись правильными и общепринятыми в обществе. Удивительным, чисто русским явлением Дмитрий Лихачев считает восстание декабристов, которое рассматривает как восстание интеллигентов, указывая, что они смогли выйти за рамки собственных сословных ценностей, но обладали такой степенью интеллектуальной свободы и независимости, что не смогли объединиться в единое целое, единое движение. В этом проявились черты, свойственные русской интеллигенции во все времена, — слабые организаторские способности, низкий уровень стремления быть «в толпе», высокая духовность и сила духа.

Переходя к истории начала XX столетия, истории гонений на интеллигенцию и восприятия ее как вырожденческого явления, вражеского влияния, автор высоко оценивает способность русской интеллигенции сохранять верность своим взглядам и не подчиняться идеологии, умению обдуманно и обоснованно сопротивляться произволу и деспотизму власти. И здесь вырастает образ другой интеллигенции, присвоившей себе это название, но так и не обретшей интеллектуальную независимость, которую академик Лихачев считает важнейшей чертой истинно интеллигентного человека. Причем независимость здесь понимается в самом широком смысле — от партии, сословия, класса, материальных интересов или карьерного роста.

Начало XX столетия принесло России не только удивительный культурный подъем, всплеск благосостояния общества, но и кровопролитную Первую мировую войну, Октябрьскую революцию, а затем упадок культуры и общественного развития и масштабные гонения на интеллигенцию, больше похожие на геноцид по интеллектуальному признаку. Все эти события отражались не только на судьбе интеллигенции, но и на ее понимании ею своего места и своих особенностей. Уже в начале XX столетия мнения мыслителей разделились: одни отстаивали понимание интеллигенции как части русского общества, склонной к самопожертвованию

в служении идеалам высшего гуманизма; другие относились к интеллигенции как к оторвавшемуся от жизни и народа слою общества, пропагандирующему исключительно европейские ценности. Соответственно интеллигентность трактовалась как декадентство и ущербный взгляд на жизнь. 1917 год разделил страну на противоположные лагеря, и интеллигенция оказалась обвиненной в произошедшей социальной катастрофе, в том, что недальновидность интеллигенции, ее заигрывание с европейскими взглядами и ценностями привели к Гражданской войне и увеличению пропасти между образованными слоями населения и простым народом.

Советская власть в 1920–1930-х годах обвинила интеллигенцию в том, что она оторвана от реальности и аполитична, высказывает антисоветские взгляды, что для того времени было равнозначно смертному приговору. Интеллигенция, как вольнодумная, непокорная и бунтующая, подрывающая основы советского понимания действительности, постепенно оказалась вытесняемой нарастающим рабочим классом. Быть интеллигентом стало неприличным и даже оскорбительным, так как интеллигентность — это пережиток прошлого, царской России, глубоко чуждый советскому человеку. В советское время дискуссия об интеллигенции была несколько приглушенной завоеваниями советского народного хозяйства и выходом в космос, однако этот вопрос по-прежнему волновал интеллигенцию, стремящуюся найти свое место в новом обществе.

Распад СССР привел к возобновлению дискуссий об интеллигенции и интеллигентности и попыткам дать четкую формулировку этим понятиям, однако до сих пор это сделано не было. Позиция ученого внесла ясность и в понятие интеллигентности, что сделало ее осознаваемой, ввела категории совести, чести и свободы. Вопрос о том, возможна ли интеллигентность в условиях 1990-х, в условиях новой России, волновал общественность и ученых. В Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в середине 1990-х годов проводились общественно-научные дискуссии, в которых участвовали такие видные мыслители, как Лихачев, Гранин, Кожин и др. Дискуссии привели к формированию современного определения понятия «интеллигент». Интеллигент — это образованный человек с обостренным чувством совестливости, обладающий к тому же интеллектуальной независимостью. В противовес ему было сформулировано и определение «образованца». Это человек с образованием, но без совести и независимости мышления. Дискуссии эти позднее были опубликованы в книге «Судьба российской интеллигенции», изданной СПбГУП в 1999 году.

Особенно важны в современной ситуации, сложившейся в российском обществе, выводы из дискуссий, состоящие в том, что одной из важных характеристик интеллигентности русского человека является наличие у него гражданского и национального самосознания, не связанного с сословными или партийными интересами, с некими постулатами, прописанными обществом или диктуемыми обстоятельствами. Интеллигенция — это не класс или партия, обремененная уставом

или четкими правилами бытия, а неформальное движение, не подчиняющееся никому из тех, кто может выразить обобщенную волю большинства. Отсюда вытекает и важность независимости интеллигенции, заключающаяся в независимости ума, образа жизни, общения. Именно независимость разума помогает интеллигентному человеку осознать, что он ответствен за общество, обязан выполнить свой долг перед ним. Еще одна характеристика интеллигентности — жертвенность во имя блага общества, ответственность как нравственная, так и гражданская. Эти качества дают представление об интеллигенции как о совести и разуме общества, как о силе, способной влиять на процессы, протекающие в обществе. Нравственная составляющая интеллигенции, на мой взгляд, во все времена вынуждает интеллигенцию остро чувствовать малейшие колебания в состоянии общества и политической ситуации.

Лучшие представители интеллигенции обращают внимание на уже существующую действующую властную структуру, призывая ее установить всеобщую справедливость с помощью законных мер. При этом существует угроза подчиниться системности и потерять основную суть интеллигентности, стать винтиком, подчиняющимся установленным и незыблемым правилам и постепенно утрачивающим совесть. Именно эта угроза вынуждает интеллигенцию создавать собственные объединения (как это было в случае декабристов, мечтавших о всеобщей справедливости и благоденствии), обладающие собственной программой, собственным видением мира, свободного от несправедливости. Борьба интеллигента с ситуацией — это прежде всего независимость и умение показать нравственный пример поведения общества, это светская позиция, не обращенная к религии, выражающая нравственную ценность светского общества.

В наше время наблюдается усиление позиций представителей интеллигенции, идущих на полный и бесповоротный конфликт с властью, сосредоточивших свое внимание на ошибках и минусах власти, не видя ее плюсов. Этот тип отношений с властью связан с тем, что все чаще возникает необходимость открытого и обостренного протеста против нарастающей авторитарности власти, против усиления давления на личность с целью стандартизировать ее образ мыслей, ограничивать свободу. Кроме открытого протеста, интеллигенция сегодняшнего дня ведет еще и систематическую работу по совершенствованию жизни в стране. Работу, которая заключается в улучшении условий жизни простых людей, в решении вопросов, до которых не доходят руки и мысли власть предержащих, то есть вопросов благотворительности, помощи животным, пожилым и больным людям, детям, оставшимся без родителей, спасению природы и повышению культурного уровня населения. Эти темы, на первый взгляд не относящиеся к взаимоотношениям власти и интеллигенции, на самом деле входят в круг тех задач, которые должен ставить перед собой любой интеллигентный человек. Будущее покажет, сможет ли интеллигенция изменить ситуацию, будут ли у нее силы собственным примером и авторитетом создать новую Россию,

страну реальных возможностей, страну развитой промышленности, независимую от религии и нефтяного сектора. Страну счастливых и уверенных в завтрашнем дне людей.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается призер конкурса, занявший второе место, — учащийся 11-го класса гимназии № 24 города Севастополя Александр Баранов, автор творческой работы на тему «Национализм — страшное бедствие современности».

А. А. БАРАНОВ: — В своей книге под названием «Избранное. Мысли о жизни, истории, культуре» Дмитрий Сергеевич Лихачев рассуждал о национализме и патриотизме, разграничивая их, показывая разницу между истинной любовью к Родине и ее националистическими проявлениями. Он указывал на настоящую пагубность национализма, националистических идей для государств, избравших эти идеи для своего развития. По его мнению, истинного процветания можно достичь лишь во взаимодействии с другими народами, в мирном сосуществовании с другими государствами, а не в нагнетании ненависти и развязывании все уничтожающей вражды.

Эти слова актуальны и сейчас. Как отмечал Владимир Владимирович Путин, «сегодня важно, чтобы люди в разных странах, на разных континентах помнили, к каким страшным последствиям могут привести уверенность в собственной исключительности, попытки любыми средствами достичь сомнительных геополитических целей, пренебрежение элементарными нормами права и морали». Важность борьбы с проявлениями национализма не отрицает никто, но чтобы искоренить это пагубное явление, нужно досконально изучить его, выявить все его виды и формы.

По словам Лихачева, «национализм — это самое тяжелое из несчастий человеческого рода». А как же определяет национализм современная наука, которая ставит во главу угла демократию и толерантность? Обратимся к модной сейчас среди молодежи энциклопедии «Википедия». В ней приведено такое определение: «Национализм — идеология и направление политики, основополагающим принципом которой является тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства, ее первичности в государствообразующем процессе». Если же говорить о национализме как о проявлении любви к Родине, о чем упоминается в статье из той же Википедии, то ответ можно отыскать в работах Дмитрия Сергеевича Лихачева, который точно разграничивал рассматриваемые понятия — «патриотизм» и «национализм». Он писал: «Надо быть патриотом, а не националистом. Нет необходимости ненавидеть каждую чужую семью, потому что любишь свою. Нет необходимости ненавидеть другие народы, потому что ты патриот. Между патриотизмом и национализмом глубокое различие — в первом любовь к своей Родине, во втором же ненависть ко всем другим». В чем причина «национализма как страшного бедствия современности?», — спрашивал академик. И отвечал: «В том, что народы слишком мало знают друг о друге, не знают культуры своих соседей,

имеют самые посредственные знания по истории, при этом в исторической науке очень много мифов, ложных представлений, фальсификаций, да и вообще мы часто подчиняем культуру политике...»

Мы находим в современном мире много подтверждений мыслям ученого. Нам, жителям Крыма и Севастополя, очень хорошо известно, что такое проявление национализма. Больше 20 лет пребывания в составе «самостийной и незалежной» Украины более чем наглядно продемонстрировали, что же такое современный украинский национализм. Откуда он мог проявиться в братском славянском народе? Провозглашая единую, соборную Украину, националистическая верхушка с самого начала не брала в расчет огромную, четырехмиллионную часть русскоязычного населения Украины. Крымские и севастопольские дети изучали в школах не русский язык, а язык национального меньшинства. Не было у наших школьников и такого предмета, как русская литература. Мы изучали зарубежную литературу, к которой относились Пушкин, Лермонтов, Толстой, Бунин, Есенин. Количество уроков на изучение родного языка было сокращено до минимума: в 2013 году уроки русского языка в 10–11-х классах составляли один час в неделю, а украинского — 4 часа. Начиная с 2004 года на русский Крым и Севастополь велось настоящее наступление. В городах полуострова реклама была только на украинском языке. Фильмы на украинском языке транслировались с русскоязычными субтитрами. Деловые бумаги должны были оформляться на государственном языке, и судопроизводство велось на государственном языке. Но самым страшным было вмешательство в образование. В русскоязычные школы стали поступать книги и учебники на украинском языке. Сначала делали вид, что это произошло ошибочно, а потом так долго разбирались, что и «позабыли» заменить учебники. В классах начальной школы учебники украинского языка назывались «Рідна мова».

Не удивительно, что во время государственного переворота 2014 года украинские школьники скакали с националистическими выкриками. Одновременно происходила подмена исторических фактов, касающихся украинской государственности, развития украинской нации. Ненависть ко всему русскому просто захлестывала украинское общество. Печальным примером тому может служить небезызвестная пани Фарион, которая, посещая детские сады Львова, просто набрасывалась на детей, произносящих свои имена по-русски, исправляя их на украинский манер. Апофеозом стал запрет на использование учителями русскоязычных школ, то есть всех школ города Севастополя и Крыма, книг, учебников и учебных пособий, выпущенных в России. В школах города проводили проверки — не сохранили ли учителя крамольную литературу?

Один из украинских писателей современности Олесь Бузина с горечью писал об Украине: «Какая страна, где можно безнаказанно издеваться над высокими проявлениями человеческого духа». И сделали ее такой националисты, поддерживаемые политической элитой. Но если, по словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «народ действительно уважает себя, он за-

страхован от комплекса неполноценности и никогда не потеряется, не растворится среди других», то что же происходит в соседнем с нами государстве? Ответ на этот вопрос можно найти в работах Олесь Бузины, поплатившегося своей жизнью за право быть честным и свободным от националистических идей в полностью националистическом государстве. В своей статье «Национализм как сборище негодяев» он высказывает мысли, весьма созвучные с размышлениями Дмитрия Сергеевича Лихачева, давая характеристику украинскому национализму: «Украинский национализм, что бы о нем ни говорили, дал великий исторический шанс хаму, и хам этим в полной мере воспользовался». Читая статьи и произведения Олесь Бузины, четко осознаешь, что адекватный, нравственно здоровый человек не может воспринимать всерьез идеи превосходства одного этноса над другим. В странах, на территориях которых в годы Второй мировой войны во множестве располагались нацистские концлагеря, вдруг заговорили о возрождении националистических организаций. В Прибалтике бывшие бойцы эсэсовских частей свободно маршируют по улицам городов, их возвели в ранг героев. В Польше, которую нацисты превратили в сплошной концлагерь, сносят памятники советским солдатам, отдавшим свои жизни за освобождение этой страны.

На память приходят слова Владимира Владимировича Путина: «К сожалению, вакцина от национализма, выработанная на Нюрнбергском трибунале, в некоторых государствах Европы теряет силу. Наглядное свидетельство — открытые проявления национализма, которые стали уже обыденными». Нам следует знать и помнить о том, что от национализма всего один шаг до нацизма и фашизма. Эти понятия мало чем отличаются. Нельзя замалчивать проблемы национализма, делать вид, что нас это не касается, иначе беда коснется нас всех.

Поэтому явление национализма необходимо изучать глубоко и серьезно, чтобы увидеть и распознать его в безобидных на первый взгляд высказываниях, чтобы вовремя пресечь его проявление и разрастание в обществе, чтобы дать возможность мотивированно и доступно объяснять пагубность национализма для развития действительно свободного и демократического общества.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается призер конкурса, занявший второе место, — учащаяся 11-го класса школы № 3 города Коммунара Ленинградской области Юлия Митрюхина, автор творческой работы на тему «Нравственность — это то, что превращает “население” в упорядоченное общество».

Ю. А. МИТРЮХИНА: — Утверждение «Нравственность — это то, что превращает “население” в упорядоченное общество», высказанное Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в работе «Экология культуры», показалось мне спорным. Желая верить выдающемуся ученому и одновременно себе самой, я нашла аргументы «за» и «против» этого утверждения. И мне бы хотелось представить их по порядку.

Население в общество превращает деятельность, основанная на удовлетворении потребностей. Человеку хочется есть, ему необходимы жилище, медицинская помощь, воспитание потомства, самореализация и признание. Так и строится общество. Также население превращается в общество благодаря управлению, а один из источников власти — насилие. Где же здесь нравственность? Примеры применения политической властью насилия многочисленны и даже, пожалуй, неозримы.

Бабушка рассказала мне о печальной судьбе моего прапрадеда, который был обычным крестьянином. В 1935 году он приехал в районный центр, привязал лошадь на площади недалеко от здания милиции, а она пощипала траву и дерево с листочками. Милиционер сделал моему родственнику замечание, мол, нельзя привязывать лошадь рядом с государственным учреждением. Прапрадед лошадь увел, а когда вернулся в деревню, рассказал об этом случае соседям и обругал милиционера. И этого разговора оказалось достаточно для того, чтобы на следующий день его арестовали. Больше семья его не видела, и о его судьбе ничего не известно. Вот так власть «упорядочивает» общество.

Другим источником власти является право, свод законов. Но крепостное право в России, например, было установлено в интересах помещиков, а не на основе нравственности. А право наследования собственности? Разве оно основано на нравственном законе? Нет. При осуществлении этого права бездельник может быть богатым, а труженик — бедным, несчастным и больным. Если нравственность — это то, что упорядочивает общество, то почему кинематограф и телевидение предпочитают показывать людям бесконечные детективы, фильмы ужасов, триллеры? Неужели зрелище жестокости, пролитой крови, расчлененного тела способствует гармонизации зрителя? Ответ здесь, по-моему, только один — коммерческий успех. Значит, не нравственность упорядочивает общество, а деньги. В связи с этим хочется вспомнить фильм «Человек с бульвара Капуцинов». Действие происходит на диком Западе в США в начале XX века. Господин Фест показывает ковбоям хорошие фильмы с милыми вежливыми героями. Это вносит сумятицу и неразбериху в общество: они перестают напиваться и буянить, а хозяин салуна несет убытки. И тогда в дело вступают деньги, и на сцене появляется мистер Секонд. Он показывает ковбоям боевики и фильмы ужасов, и они вновь вступают на путь насилия и разбоя.

Возражая автору «Экологии культуры», я пришла к выводу, что общество приводят в определенный порядок деятельность, насилие, деньги и право. Но достаточно ли этих мощных факторов? Нет. Вспомним библейскую историю о скрижалях Завета. На них были начертаны десять заповедей, среди которых «не убий, не укради, не прелюбодействуй, почитай отца и мать своих». Только тогда, когда избранный народ стал жить по единым нравственным законам, он нашел Землю обетованную. Несомненно, неограниченная власть, насилие — очень сильные факторы. Но на всякое действие есть равное противодействие. Злоупотребления

властью вызывают раздражение и отторжение в обществе, разрушают его, а не упорядочивают.

В «Капитанской дочке» Александра Сергеевича Пушкина описан «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Сталинский лагерь с его безнравственными законами, губящими людей, описан в рассказах Варлама Шаламова. Пример Дмитрия Сергеевича Лихачева, безвинно осужденного и отбывавшего наказание в лагере, не менее яркое. В те годы он написал и опубликовал в местной газете свою первую научную работу. Он сумел не только сохранить свою личность в страшных условиях лагеря, но и создать творческий продукт. «Однако власть далеко не всегда неправа», — пишет Александр Сергеевич Запесоцкий в работе «Размышления на злобу дня». Право регулирует человеческие отношения, в том числе и контролирует агрессию.

Один из создателей французского права в XVIII веке писал: «Нация должна получить кодекс как гарантию своего счастья». То есть в основе права лежит забота о социальной гармонии и благополучии людей. А что касается детективного жанра, то великий русский писатель Достоевский использовал его для того, чтобы доступнее объяснить свои идеи. Он считал, что цивилизация во многом разрушает нравственность. Человек отворачивается от Бога, перестает соблюдать нравственные законы. А ведь люди обязаны научиться жить по-христиански. Отдавать, а не брать. Помогать, а не завидовать. Любить, а не враждовать. Писатель верил, что наступит такой момент, когда человек, подобно Иисусу Христу, будет жить не для себя, а для других. И если умнейший человек с большим и разнообразным жизненным и творческим опытом так думал и к этому стремился, значит, в этом есть и подсказка, и предостережение, и истина. Значит, нравственность есть то, что упорядочивает общество.

Фильм «Человек с бульвара Капуцинов» прекрасно это продемонстрировал. Нет порядка там, где рекой льется виски, происходят драки, творится насилие. Вот те ковбои до и после мистера Феста — это и есть «население», а в общество они превращаются тогда, когда становятся способны сказать «пожалуйста».

Дмитрий Сергеевич Лихачев в книге «Экология культуры» также пишет об ответственности человека за свое поведение. «Человек остался один в лесу, в поле. Он может натворить бед, и единственное, что сдерживает его (если сдерживает!), — это нравственное сознание, чувство ответственности, совесть», — утверждает он. Это конкретный, зримый и понятный пример. От личной нравственности других зависит очень многое.

И опять приходит на память фильм «Человек с бульвара Капуцинов». Его сюжет как бы предупреждает: если нравственностью не будет заниматься мистер Фест, то ею займется мистер Секонд. Итак, приведенные доводы «против» утверждения Дмитрия Сергеевича Лихачева справедливы. Но не убеждают в том, что нравственность не является тем, что упорядочивает общество. Нравственность оказывается такой категорией, которая относится к вечности. Сиюминутные, переходящие интересы могут быть удовлетворены и безнравственным путем. А настоящее, доброе, вечное мо-

жет быть достигнуто в человеческом обществе только на основе нравственности.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается призер конкурса, занявший третье место, — учащаяся 11-го класса школы № 337 Санкт-Петербурга Диана Фокина, автор творческой работы на тему «Литература, пожалуй, самый важный предмет для становления личности».

Д. А. ФОКИНА: — Литература играет огромную роль в жизни каждого, кто научился по-настоящему ценить ее и любить. Она дает людям огромное богатство. Литература делает нас сильнее и увереннее в своих действиях. Лихачев в своих «Воспоминаниях» писал: «Литература, пожалуй, самый важный предмет для становления личности. Литература дает возможность человеку как бы прожить жизнь за героев произведения». Он уверен, что литература способна развить в человеке такое качество, как духовность. Литература является огромным хранилищем всех духовных и нравственных ценностей человека. Никакие, даже самые красноречивые и убедительные доводы не смогут оказать на человека большего воздействия, чем литература и литературный язык. Тема развития и становления личности сегодня волнует многих. Это является актуальной проблемой не только во времена Лихачева, но и в настоящее время. Литература в современном обществе — один из главных обсуждаемых вопросов сегодня.

С каждым годом общество все глубже проникается чтением самой разной литературы, экспериментируя с различными жанрами и пробуя читать разных авторов. Литература в том обличье, в котором она предстает перед нами сейчас, делает современный мир добрее и чище, учит человека размышлять и анализировать, проявлять свои истинные чувства и с благодарностью относиться к другим. Литература — это важный предмет, который способствует развитию всего человечества в целом. Поэтому можно сделать безоговорочный вывод о том, что современных людей, а особенно образованных, безусловно, волнует тема становления и развития личности. Но возможно ли становление личности при помощи современной, а не только классической литературы? Я считаю, что да. Многие из нас знают таких современных писателей, как Мариам Петросян, Стивен Кинг, Дэниел Киз, Татьяна Толстая, Людмила Улицкая и Макс Фрай. Они внесли большой вклад в развитие отечественной и зарубежной современной литературы.

На основании прочитанных мною книг и представленных в данной творческой работе размышлений, я могу сделать вывод о том, что современная литература, несомненно, помогает человеку в становлении личности. Это выражается в том, что человек становится мудрее и добрее, справедливее и снисходительнее. Современная литература превращает читателя в добросовестного гражданина, довольного собой и окружающей его жизнью. Она дает человеку ту самую поддержку, в которой нуждается каждый. Современная литература — это литература нашего времени, литература, основанная на современных представлениях и реалиях

жизни. Она помогает человеку лучше познакомиться с современным миром и увидеть то, что недоступно другим.

Но как влияет литература на человека согласно различным научным исследованиям и нужна ли литература человеку вообще? Несомненно, каждый человек нуждается в чтении различных книг. Будь то научно-популярная фантастика, драма, триллер, вестерн или исторический детектив — все книги по-особенному влияют на каждого, и мы это чувствуем. Мы нуждаемся в книгах и в чтении вообще. Литература для каждого читателя — это прежде всего то, чему хочешь и можешь довериться. Это то, ради чего мы тратим огромное количество времени с целью найти для себя идеальную книгу или собрать собственную домашнюю библиотеку. Важность литературы в жизни каждого ясна и понятна. Человек без любви к чтению — это не человек, по крайней мере в том смысле, к которому мы привыкли.

Без литературы человек как бы истощается морально и физически, а это, в свою очередь, сильно отражается на окружающих его людях. На самом деле возможности литературы огромны. Литература учит нас формировать свою точку зрения, помогает познавать мир. Литература так же способна влиять на наше восприятие действительности и на то, как мы поведем себя даже в самой, казалось бы, сложной ситуации. Значит, литература, в некотором роде, влияет на нашу судьбу. Нельзя вспомнить всех преимуществ литературы, не назвав и того, что она помогает человеку стать лучше. Лучше в смысле того, что она формирует в человеке всесторонне развитого и высокоморального индивида. Книжки, как говорят многие ученые, влияют и на культуру общения человека. Чем больше мы читаем, тем более красивой и культурной становится наша речь. На протяжении многих лет исследований многие ученые смогли доказать, что литературное чтение наилучшим образом сказывается и на нашем IQ. Чем больше человек читает, проживая жизнь героев произведения, тем более умным и опытным он становится.

Лихачев часто заявлял в своих произведениях, что литература обязательно должна присутствовать в жизни каждого из нас, призывал к тому, чтобы люди становились образованнее и более открытыми ко всему новому. Лихачев не был обычным писателем. Он всегда мог найти тонкий психологический подход к каждому человеку через написанные им произведения. Никто не мог усомниться в том, что Дмитрий Сергеевич — человек, который разбирался буквально в каждой идее, которую он выдвигал. Он всегда стремился писать только о том, что действительно знает, никогда не выдумывал несуществующего. Много, о чем писал автор, было лишено какого-то дидактизма. Лихачев никогда не поучал людей. Он просто призывал прислушаться, в его словах не было обвинений и наставлений на «правильный путь». Мысли автора мудры и ненавязчивы. Каждое слово, которое он писал, он как бы продумывал наперед, превращал слово во что-то новое, что заставляет человека заинтересоваться и углубиться в поставленную проблему.

На основании всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что Лихачев был прав, утверждая, что «литература — самый важный предмет для становления личности. Литература, действительно, дает возможность человеку как бы прожить жизнь за героев произведения». Нельзя читать и не проживать жизнь за героев, словно свою, если ты читаешь сознательно, вникая в каждый описанный автором образ. Дмитрий Сергеевич Лихачев внес огромный вклад в развитие как литературы, так и науки в целом. Он доказал нам то, что взаимосвязь между читателем и книгой действительно существует. Эта связь остается еще надолго. Порой она не пропадает и остается на всю жизнь. С каждым годом тема влияния литературы на становление личности человека становится все популярнее.

Литература, какой бы она ни была: классической или современной, зарубежной или отечественной, меняет человека как изнутри, так и снаружи. Она меняет восприятие окружающей тебя действительности и происходящих вокруг тебя процессов. То, как ты мыслишь именно сейчас, — это результат в первую очередь именно литературы. Именно она дает нам возможность мыслить. Дмитрий Сергеевич также заметил, что роль литературы для общества так же важна, как и, например, тяга к познанию. Причем оба фактора взаимосвязаны. Литература и книги должны популяризоваться в современном обществе. Книги не должны быть просто предметами, это еще залог и успеха, и внутренней свободы от эмоциональной напряженности. Чтение должно стать незыблемым правилом и чем-то вполне естественным, тем, что питает человека и дает ему силы. Именно к этому призывает нас Дмитрий Сергеевич.

Наука подтверждает многие выводы писателя. Ученые уверены, что Лихачев в своих заявлениях всегда оставался прав и доказывал это именно своим опытом. Лихачев — писатель, идеи которого будут тревожить общество на протяжении длительного периода. Их важность столь очевидна, что уже никого не оставляет равнодушным и не обеспокоенным этими проблемами.

Хочется верить, что читатели задумаются над проблемой, затронутой этим общественным деятелем, и начнут читать больше «правильной» литературы, обращая внимание не только на обложку книги, но и на содержание. Ведь Лихачев всегда призывал нас относиться к книге аккуратно и внимательно, задумываясь над тем, что именно ты читаешь. Невозможно жить без литературы. Ведь правильно заметил Дмитрий Сергеевич, когда говорил о литературе как о причине становления личности. Книга — это залог успеха, именно она делает нас лучше и более образованными.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается призер конкурса, занявший третье место, — учащийся 11-го класса гимназии № 9 города Мурманска Никита Соколов, автор творческой работы на тему «Человек — часть общества и часть его истории».

Н. Ю. СОКОЛОВ: — «Человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя, естественно, память

прошлого, он губит часть своей личности». Это высказывание Д. С. Лихачева актуально и в настоящее противоречивое время, когда остро встал вопрос потери обществом человечности, а человеком — личности.

Вопрос отношения человека к памяти, идентификации человека как части общества и части истории отчетливо проявился на фоне популяризации идей беспамятства, намеренного забывания истории, разрушения накопленных знаний о предках, искажения событий и фактов. Немотивированная злоба и ненависть современного мира приводят к потере устоев, на которых строился наш мир.

В рамках своей работы я попробовал поразмышлять над идеями ученого о губительном для личности историческом беспамятстве, о понимании подрастающим поколением необходимости сохранения памяти прошлого. «Отношение к прошлому формирует и собственный национальный облик, ибо каждый человек — носитель прошлого и носитель национального характера...» — писал ученый. Память, будучи психическим процессом, является частью личности. Именно память делает возможным повторное использование опыта в деятельности. Память позволяет нам использовать понятия о вещах и законах для организации наших будущих действий и поведения. Мы забываем подвиги предков, и вот уже предатели становятся героями, фашисты — кумирами, националисты — гордостью молодежи. В Латвии и Литве судят фронтовиков, сражавшихся в рядах Советской армии против немецко-фашистских захватчиков. На Украине возвеличили националистов, по вине которых в Великую Отечественную войну погибли тысячи соотечественников. Фашистская свастика стала модной татуировкой в молодежной среде, а ведь именно фашисты убили и заживо сожгли миллионы людей разных национальностей. Мы разрушаем памятники истории, наши дети лишаются возможности видеть разные стороны истории.

Дмитрий Сергеевич убеждал, что хранить и беречь память — это наш нравственный долг перед самими собой и потомками. Память — наше богатство. Как человек без памяти превращается в некую живую субстанцию, потерявшуюся во времени и пространстве, так и общество, страдающее амнезией, существует в хаосе, не знает, куда стремиться и на что опираться, попадая в затяжной нравственный кризис, выход из которого только один — вспомнить прошлое, историю, традиции, корни, начать жить по совести, по памяти.

Нельзя помнить только то, что модно или удобно, помнить нужно обо всем — и о хорошем, и о плохом. Чем шире круг воспоминаний, тем более полноценной личностью ты являешься. «Ощущать себя наследником прошлого — значит осознавать свою ответственность перед будущим», — писал академик. Я считаю, что на сложном пути становления государства Российского память о прошлом, знание истории, приобщение к системе культурных ценностей учат нас, молодых россиян, гордиться своим Отечеством, формировать нравственное сознание и гражданскую позицию. Нам сейчас так не хватает знаний о моральных устоях, образце социального поведения, правилах взаимоотно-

шений людей на уровне общения. Нам свойственно все отрицать и все игнорировать.

На мой взгляд, обращение к прошлому, память прошлого дают шанс нашему хрупкому миру на объединение людей, на осознание единства всего человечества. Слово «память» должно побуждать человека думать о самом важном в прошлом и будущем, о жизни и смерти, умерших как о живых, о том, что мы в неплатном долгу перед людьми, жившими до нас, перед теми, кто отдал свою жизнь ради нас. Дмитрий Сергеевич писал: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек равнодушен к памятникам своей истории, истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране».

Людам свойственно хранить память. Я знаю историю своей семьи до пятого колена. В нашей семье бережно хранятся фотографии с самого начала XX века, на которых родной брат моего прадеда Семена Сергеевича Конева фотограф Тимофей Сергеевич Конев, имевший с 1914 года свое фотоателье в Москве во 2-м Драгомиловском переулке, запечатлел мою прабабушку Анну Васильевну Коневу за выпечкой хлеба. Память о прошлом семьи заставляет меня соответствовать в настоящем тем трудолюбивым, целеустремленным, творческим людям, какими были мои предки.

Если сегодняшняя тенденция утраты и искажения памяти, переписывания исторических событий не насторожит человечество, мы пострадаем в будущем. Мы будем не в силах распознать, что хорошо, а что плохо, что полезно для общества, а что вредно. Наличие памяти — это знак качества настоящей личности, настоящего гражданина. Я считаю, что помнить и уважать свое прошлое так же важно, как заботиться о счастливом настоящем и будущем. Очень хочется, чтобы мои ровесники меня услышали, чтобы почитали Лихачева. На мой взгляд, это высказывание очень подходит проблеме потери памяти прошлого, проблеме разрушения личности. Если каждый из нас начнет с себя, посмотрит в прошлое с уважением, будет к памяти учтив и внимателен, он сделает тот важный шаг в жизни, который позволит ему гордо носить звание *Homo sapiens*, ощущать себя частью общества и по праву являться частью его истории.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается призер конкурса, занявший третье место, — учащийся 11-го класса школы № 471 Санкт-Петербурга Иван Гирич, автор творческой работы «Чтение классики — это огромный духовный процесс».

И. А. ГИРИЧ: — «Литература, пожалуй, самый важный предмет для становления личности», — писал Дмитрий Сергеевич в своей книге «Я вспоминаю». Человек, рождаясь, не может обладать необходимым набором умений и навыков. Личностью не рождаются, а становятся — так распорядилась природа. Процессы социализации продолжаются всю жизнь, но только в определенный момент человека можно назвать

личностью. Это происходит тогда, когда он уже усвоил необходимый минимум знаний об окружающем мире и обществе и готов вступить в него как полноценный участник, нести ответственность за свои дела и поступки.

Откуда человек черпает необходимые знания, приобретение которых означает, что он может с уверенностью назвать себя личностью? В первую очередь это семья, где родители передают детям свой жизненный опыт. Затем образовательные учреждения, где человек знакомится с другими людьми и обменивается с ними знаниями и умениями. Таким образом, личность формируется в процессе воспитания и деятельности под влиянием конкретного общества, его культуры, составной частью которого является искусство (литература), что подтверждает слова Д. С. Лихачева. Ученый предлагает рассматривать культуру «как органическое целое, из которого нельзя безболезненно изъять хотя бы одну какую-либо часть». В это поле, по его мнению, всегда входили религия, наука, искусство, образование, нравственность и моральные нормы поведения человека, то есть все то, что влияет на становление личности.

Нельзя не отметить необходимость возрождения духовности, приобщения русских людей к истории русской культуры, традиционным духовно-нравственным ценностям всех народов России. Одним из средств духовно-нравственного развития русских людей является литература, книги, произведения как устного народного творчества, так и русских писателей, творивших в разное время. Дмитрий Сергеевич Лихачев, продолжая свою мысль, пишет: «Литература дает возможность человеку как бы прожить жизнь за героев произведения. Чтение классики — это огромный духовный процесс». Остановимся на этом подробнее. Если был бы я физиком, то изобрел бы машину времени. И махнул в Древнюю Русь! Вот он — князь Игорь. Как он любит Русь! Как храбр и смел! Как любит и понимает его русский народ! Вот рядом с ним русичи, они идут на половцев за Родину. Нет машины времени... Но нам остались сокровища — произведения древнерусской литературы, которые позволяют очутиться в другой эпохе, являются тем прочным фундаментом, на котором возводится величественное здание национальной русской художественной культуры XVIII–XX веков.

Дмитрий Сергеевич Лихачев со студенческих лет занимался древнерусской литературой. В ее основе лежат высокие нравственные идеалы, вера в человека, в силу возможности безграничного нравственного совершенствования, вера в силу слова, его способности преобразования внутреннего мира человека, вера в конечное торжество добра над силами зла, всесветное единение людей и его победу над ненавистной рознью. В книгах и статьях Лихачева оживает далекое прошлое. Читатель как бы становится живым свидетелем событий давно прошедших лет. «Поучение Владимира Мономаха», «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть временных лет» — величайшие памятники древнерусской литературы, которые дают ответы на многие социальные и нравственные вопросы своего времени, но они понятны и моему современнику и необходимы,

рассчитаны на то, чтобы остаться не только в памяти читателей, но и в их сердце, побудить их к размышлениям и поступкам, направленным на благо государства и народа.

Говоря о влиянии древнерусской литературы на духовность и нравственность русских людей, нельзя не обратиться к еще одному удивительному произведению. Речь идет о «Слове о полку Игореве», которому Дмитрий Сергеевич Лихачев посвятил множество научных работ. Это великое произведение рассказывает о славном прошлом нашей Родины, о подвигах наших предков. Но как ни храбры русские воины, как ни мужественны их предводители, многочисленного врага можно победить только большой, объединенной силой. Тема объединения людей и патриотизма очень актуальна в наш непростой XXI век. Безусловно, каждое из произведений дышит своим временем, читая их, можно погрузиться в атмосферу далекой нам эпохи, понять, что волновало общество.

XVIII век открыл новую страницу в истории русской художественной литературы. Восхищает сагира Фонвизина, смелость и искренность Радищева, слог Карамзина. Читая книги представителей русского классицизма, читатель XXI века понимает, что многие нравственные проблемы, такие как воспитание, нравственное разложение, административный произвол, несправедливость, всевозможные злоупотребления чиновников, волновали жителей России задолго до сегодняшнего дня. Рассматривая нравственность как внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, следует отметить, что одним из источников нравственности является патриотизм — любовь к Родине, своему краю, своему народу.

Для меня патриотизм — это состояние души, присущее каждому, кто любит и уважает свое Отечество, кто готов жить и умереть ради него. Патриот — это тот человек, который не только словом, но и делом доказывает свою любовь к Родине. Любовь к Родине считается главной чертой русского характера, она не возникает на пустом месте. Патриотизм воспитывается и рождается в душе человека постепенно. И влияют на это чувство многие факторы, в том числе и русская литература. На мой взгляд, эта тема особенно ярко освещена в творчестве поэтов-декабристов XIX века, которые уделяли художественной литературе большое внимание. И это не случайно. «У народа, лишённого общественной свободы, — писал А. И. Герцен, — литература — единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения». Среди декабристов было много писателей, поэтов, литературных критиков: Бестужев, Рылеев, Кюхельбекер, Раевский. Они верили в будущее России, верили в то, что их потомки увидят страну освобожденной, потому что имеются огромные потенциальные возможности сломать устои, складывающиеся веками. Недаром Русь издавна славится богатырями, героями, готовыми «голову сложить» во имя Родины. «Кто русский по сердцу, тот бодро, и смело, / И радостно гибнет за правое дело!» — так писал Кондратий Рылеев в стихотворении «Иван Сусанин». Поразительны его строки, написанные в 1826 году, перед смертью: «Тюрьма мне

в честь, не в укоризну, / За дело правое я в ней, / И мне ль стыдиться сих цепей, / Коли ношу их за Отчизну».

В любое время, будь то XVIII или XXI век, находят люди, которым не безразлично то, что происходит в России, которые находят в себе мужество не только вслух говорить о проблемах, но и предлагать пути их решения. И среди таких людей особое место занимают именно деятели русской литературы, являющейся, по мнению Дмитрия Сергеевича Лихачева, «нравственной силой, которая помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался».

Таким непростым временем в истории нашей страны был XX век. Никогда еще политика не занимала такого обширного места в литературном потоке, как в этом столетии. Дмитрий Сергеевич Лихачев с большим уважением относился к гражданской позиции и творчеству А. И. Солженицына, который в своих произведениях показал трагическую судьбу человека в тоталитарном государстве. «Он был настоящий пророк. Пророк в древнем, исконном смысле этого слова, то есть человек, призывавший своих современников к нравственному обновлению ради будущего». Рассказ «Матренин двор» Солженицына — реальная история, героиня которой, несмотря на тяжелую жизнь, многочисленные обиды и несправедливости, до конца оставалась добрым, светлым человеком. Есть над чем задуматься. Ведь не секрет, что мы наблюдаем изменения в молодежной субкультуре, для которой характерны игнорирование опыта предыдущих поколений, недоверие к идеалам, приоритет материальных ценностей над духовными, эгоизм и индивидуализм.

XX век — время духовного пробуждения России. Безусловно, в настоящее время литература помогает пополнять и расширять духовный мир человека. Она обращается к читателям с нравственно-общественными проблемами, но не дает на них конкретные ответы, а ищет их вместе с читателем. Как писал Дмитрий Сергеевич Лихачев, «русская классическая литература — это грандиозный диалог с народом, с его интеллигенцией в первую очередь. Это обращение к совести читателей». Люди всегда могли обратиться к литературе. Иногда она была «единственным голосом совести, единственной силой, определявшей национальное самосознание русского народа...»

В завершение выступления хочу сказать, что в наше время люди стали меньше читать. Книги не всегда выдерживают конкуренцию с Интернетом, телевидением, компьютером. Я это вижу, общаясь со своими сверстниками, и меня это огорчает. Ведь наша русская литература бесценна! Возрождение интереса, уважения к книгам — одна из важнейших задач современности. И именно такие форумы, как сегодняшний, помогают молодому поколению приобщаться к русской литературе, почувствовать глубину наших великих произведений. Хочется обратиться к моим ровесникам. Читайте книги, знакомьтесь с произведениями русской литературы. Ваши мысли станут чище, добрее, а за поступки не будет стыдно. Запомните слова великого ученого Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Русская литература — самый важный предмет для становления личности».

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается призер конкурса, занявший третье место, — учащаяся 11-го класса лицея «Вектор» города Хабаровска Анастасия Молчанова, автор творческой работы на тему «Патриотизм против национализма».

А. В. МОЛЧАНОВА: — Мое поколение, рожденное на границе веков, живет в эпоху сложных экономических и геополитических событий. Вооруженные конфликты на Украине, в Грузии, Осетии, Нагорном Карабахе и на Ближнем Востоке заставляют задуматься о причинах их возникновения.

На первом Форуме творческой и научной интеллигенции стран Содружества Владимир Владимирович Путин говорил о Лихачеве: «Идеи этого величайшего мыслителя и гуманиста сейчас как никогда актуальны. Сегодня, когда миру реально угрожает идеология экстремизма и террора, ценности гуманизма остаются одним из принципиальных средств противодействия этому злу». Изучение национального вопроса в России — одно из важных направлений научной деятельности Дмитрия Сергеевича. «Раздумья о России» — это последний сборник академика, который объединил в себе работы, посвященные проблемам истории культуры нашей Родины, мифам о ней, ее национальным особенностям и наиболее характерным чертам.

В «Заметках о русском» в разделе «Патриотизм против национализма» Дмитрий Сергеевич рассуждал на тему добра и зла, раскрывая сущность национализма как страшного бедствия современности. Он считал, что, несмотря на все уроки XX века, мы так и не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Я думаю, что сегодня труды Дмитрия Сергеевича актуальны как никогда, они закладывают фундамент для формирования более светлого, мирного общества, построенного на взаимоуважении, толерантности, человеколюбии, в котором человек не будет подвергаться насилию из-за его принадлежности к «чужой» стране или национальности.

Исторически сложилось так, что на огромной территории России проживают многочисленные этнические группы разных народов. Их насчитывается более 190. Каждый народ имеет свою национальную культуру, язык, историю, веру и традиционную территорию проживания. Поэтому возникает вопрос: в чем секрет национального согласия в России? История государства Российского имеет немало примеров внутренних конфликтов: гражданских войн, бунтов. Но редко они возникали по причине национальных разногласий. Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «Русские хоть и не всегда, но по большей части жили в мире с соседними народами. Мы можем отметить это уже для древнейших веков существования Руси. Мирное соседство русских и карельских деревень на севере в течение тысячелетия — факт очень показательный». Можно предположить, что есть какая-то огромной величины сила, благодаря которой многочисленные народы России живут в мире и согласии.

В понимании Дмитрия Сергеевича «патриотизм — это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство — это важнейшая сторона и личной, и общественной

культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхлические цели». А национализм, в свою очередь, это неприятное восхваление своей национальности, проявление слабости нации, «несчастье человеческого рода», «страшное бедствие современности». Огораживаясь стеной от других культур, эта идеология губит культуру. «Национализм и всякое зло <...> скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране». По своей сути национализм — это фальшивый патриотизм. Идеология национализма ограничивает национальные ценности до уровня одной нации. Насколько люди, исповедующие идеи национализма, любят свою Отчизну, язык, культуру, настолько же они ненавидят другие культуры. Ради «очищения» своей нации они готовы убивать инакомыслящих.

Например, в апреле 2015 года был убит «своими» настоящий патриот Украины писатель Олесь Бузина. Патриотизм — это прежде всего любовь к своей Отчизне. А может ли любовь убивать и быть жестокой? Конечно, нет. Настоящий патриотизм не стремится к локализации своей культуры в рамках своего государства. Патриотизм признает культуру и других народов, их язык, национальные традиции, религию. Национализм ограничивает, а патриотизм, наоборот, расширяет национальные традиции и культуру. Вся история России — это путь преодоления и свершений. Большой частью люди, совершавшие ратные и трудовые подвиги, были простыми людьми, которые не думали о славе и собственном превосходстве. Идея служения Отчизне объединила большую часть населения вне зависимости от национальной принадлежности. Я думаю, что это и есть секрет национального согласия в нашей стране.

Государство, в котором большая часть населения является патриотами своей страны, — это сильное государство. Оно способно развиваться во всех областях науки, техники, производства, культуры и искусства и при этом противостоять внешним проявлениям агрессии других государств. По этой причине наша страна на протяжении многих веков всегда уделяла большое внимание патриотическому воспитанию населения. Веками заложенный в крови патриотизм в России не дает развиваться национальным идеям.

В царской России солдаты шли в бой за царя, за Отечество, в Советском Союзе — за Родину. От школьной парты до трудового коллектива в СССР была построена целая цепочка коллективной воспитательной системы: октябренок, пионер, комсомолец, член партии, — это стадии формирования патриота. В литературе большая роль отводилась воспитанию молодого поколения. Произведения советских писателей (А. Гайдар «Алькина сказка», «Школа»; В. Катаев «Сын полка») входили в школьную программу. Для детей снимались детские воспитательные фильмы: «Республика ШКИД», «Неуловимые мстители», «Два капитана» — это самые незабываемые фильмы этого времени. Комсомольские стройки, стахановское движение, героические рекорды освоения Антарктиды были бы невозможны без энтузиастов, исследователей, патриотов нашей Родины.

В наше время примерами массового проявления патриотизма являются Олимпийские игры 2014 года,

воссоединение Крыма, акция-шествие «Бессмертный полк». Почему же все-таки в современном мире живут идеи национализма? Кому это выгодно? К сожалению, есть в нашем мире государства, которые стремятся к мировому господству, считая себя вправе безраздельно пользоваться тем, что позволяет возвыситься над другими. Следовательно, остальные должны быть слабыми и являться своего рода вассалами, исполнять волю хозяина. Ослабить государство можно, только развалив его, — цель оправдывает средства. А средства могут быть самые разные: разжигание национальной вражды, гражданских войн, а затем вооруженное вторжение под предлогом миротворческой миссии. Принцип «Разделяй и властвуй» до сих пор является актуальным.

Дальнейшее изучение национализма в современных условиях имеет большое значение, так как позволяет выявлять условия и факторы, влияющие на формирование негативных взглядов у населения. Полученные знания должны применяться для выработки методов противодействия формированию таких взглядов. Конечно, трудно предположить, что в будущем идеи национализма отомрут. Пока есть государства, стремящиеся к лидерству, к превосходству над другими государствами, будет культивироваться и национализм. А где национализм, там разрушения, хаос, война и зло. Поэтому, как и писал Дмитрий Сергеевич, «национализм — это страшное бедствие современности».

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается призер конкурса, занявший третье место, — учащийся Международной гимназии «Ольгино» Захар Попов, автор творческой работы на тему «Пушкин — это гений, сумевший создать идеал нации».

З. В. ПОПОВ: — Трудно представить русскую литературу без Пушкина, который изобразил прекрасный поэтический мир, основал превосходную новую прозу. Встретившись с высказыванием Лихачева о том, что Пушкин — это гений, создавший идеал нации, я захотел написать творческую работу и разобраться в этом вопросе, то есть выяснить, как в творчестве Пушкина раскрываются черты, присущие русскому народу. Более того, мне захотелось узнать о Пушкине не только как о творце великолепного художественного мира, но и как о мыслителе, в работах которого можно найти ответы на многие нравственные вопросы. Это изучение и стало целью моей работы.

Мне очень повезло, что в процессе своей работы я изучал творчество Дмитрия Сергеевича Лихачева, познакомился с его взглядами, мыслями. Это оказалось полезным для меня, ведь его советы, изложенные в письмах, очень ценны и могут стать определенными нравственными ориентирами, его мысли дают ответы на многие вопросы. Судьба Лихачева имеет определенное сходство с судьбой Пушкина — это судьбы истинно русских людей. Сталкиваясь с властью и находясь какое-то время в опале, они продолжали оставаться самими собой. Их судьбы во многом сложны, но они всегда с достоинством выходили из трудных жизненных ситуаций, оставаясь нравственными ориентирами

для современников и потомков. Этой схожестью можно объяснить и то, что Дмитрий Сергеевич Лихачев очень высоко оценивал вклад Пушкина в развитие российской культуры. Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждал, что Пушкин стал знаменем русской литературы, создав в своих произведениях идеал русской национальности и культуры.

Действительно, произведения Александра Сергеевича обладают одним общим свойством — во всем гений русской литературы искал и создавал наивысшие проявления русского характера. О великом поэте в свое время Александр Александрович Блок сказал так: «Наша память хранит с малолетства веселое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняют собой многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними — это легкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то что роль поэта — не легкая и не веселая; она трагическая». Пушкинские герои — истинно русские люди со своими сильными сторонами и слабостями, недостатками и достоинствами.

Менталитет русского человека можно постичь в пушкинских героях. У Александра Сергеевича было свое представление об идеале русской женщины. Он создает такой идеал в современных для него условиях. Безусловно, Татьяна из поэмы «Евгений Онегин» — «милый идеал». Она обладает неяркой, неприметной внешностью. Но Пушкин обращает внимание читателей на внутреннюю красоту героини. В ходе работы я рассказываю про достойный человеческий облик, человека чести и женский идеал в творчестве Пушкина. Идеалом женщины для Пушкина была его любимая жена — Наталья Николаевна Гончарова. «Гляделась ли ты в зеркало, и уверилась ли ты, что с твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою люблю еще более твоего лица. Прощай мой ангел, целую тебя крепко». Так писал поэт своей жене Наталье Николаевне Гончаровой.

В своих произведениях Пушкин проповедует истинно христианские добродетели, оставляя заповеди, соблюдение которых он считает моральным долгом каждого человека. Пушкин говорит о поступках и мыслях, которых следует избегать, о чертах, от которых следует избавляться, закладывая их в характеры отрицательных персонажей. В иных случаях, напротив, Пушкин призывает нас стремиться быть похожими на кого-либо из его героев, несущих положительную энергию и проповедующих христианские добродетели. И то, к чему он призывал в своих произведениях, поэт реализовывал и в своей жизни. Он был примером чести, достоинства и мужества. В заключение я хотел бы привести цитату Виссариона Григорьевича Белинского о творчестве А. С. Пушкина: «Читая его творения, можно превосходным образом воспитать в себе человека».

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается учащаяся 11-го класса гимназии № 1 города Туапсе Полина Белова, автор исследовательской работы

на тему «История народов — это история территории, а не история культуры».

П. В. БЕЛОВА: — Мы живем в эпоху глобализации, когда границы между разными народами с их культурой, историей, языком стираются. Народы объединяются и становятся единым целым. Конечно же, глобализация имеет свои плюсы и минусы. Это замечательно, когда мир живет одной общей целью.

Но не стоит забывать об ассимиляции. Ведь ассимиляция несет с собой утрату языка одним из народов, национального самосознания, культуры, духовного богатства, которое было накоплено народом за весь период его сознательного существования. То есть наши деды, прадеды накапливали свои знания и умения, чтобы мы, их дети и внуки, могли жить лучше, мудрее. Но получается, что под влиянием глобализации мы оказываем полное неуважение своим дедам.

«Культура — это святыни народа, святыни нации», — считал Дмитрий Сергеевич Лихачев. А святыня, по моему мнению, — это то, что отличает человека от животного. Именно культура позволяет человеку становиться интеллектуальной, духовной, и творческой личностью. Мы должны понимать, что предназначение нации — это не только репродуктивная функция и освоение новых территорий. «Культура — это то, что в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации», — писал Дмитрий Сергеевич Лихачев. Культура необходима для воспитания человека в человеке. Той некой деликатности, которая не позволяет нам делать некоторые вещи — стыдно ведь. Вообще, чувство совести — это порождение культуры. Чем выше культура, тем больше у человека совесть. Культура — это единственное убежище, в котором можно найти спасение и утешение, это проверенные временем вечные ценности, это «лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом», — говорил Фридрих Ницше.

Наверное, сегодня ни для кого не секрет, что в XXI веке произошли качественные изменения в обществе. Дело, конечно, не только в том, что мы уже живем в постхристианскую эпоху. Да, увы, вера перестала быть нашим утешением, человек более не может себя чувствовать защищенным, и это привело нас к глобальному одиночеству. Основная проблема современного мира состоит в том, что цифровые технологии изменили наше сознание, сильно повлияли на наше восприятие жизни и на нашу память. Дмитрий Сергеевич Лихачев писал: «Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого...»

На мой взгляд, историческая память — это необходимое условие существования нации. Но что мы подразумеваем под исторической памятью? Обычно, говоря слово «память», мы представляем способность человека запомнить какую-то информацию. Но ведь памятью обладает не только человек. Все живое и неживое на свете способно запоминать. Например, генетическая память — память, заложенная в веках, которая передается от одного поколения живых существ к другому. Мне кажется, что генетическую память

можно легко объединить с памятью исторической. И я имею в виду сейчас историю не только одного человека или семьи, а всего народа, историю всей нации. Историческая память — это не только событие, это и чувство вины, гордости и даже страха. Для культурного человека историческое событие и литературный эпизод — это раздражитель в хорошем смысле слова, на который происходит душевный отклик. Только так возможно воспитание личности. Человек должен помнить не только победы. Ведь стыд и позор тоже являются частью истории, то есть культуры. Время течет. Границы и территории государств меняются, а культура остается. Значит, можно смело сказать, что границы и территория — это подвижность, ненадежность и даже фикция, а культура вечна. Истинный вклад любого народа — это его культура.

Дмитрий Сергеевич был как раз тем человеком, который всегда нес ответственность за то, что происходило в обществе. Он сумел убедить президента Ельцина принять участие в погребении останков последнего царя Российской империи Николая II и членов императорской семьи. Он же помог в составлении речи президента. Потому что Дмитрий Сергеевич понимал всю важность бережного отношения к историческому наследию. Он много размышлял о том, как воспитать в человеке историческую память — единственное, что может защитить нас от саморазрушения. Ученый верил, что если мы предотвратим разрушение памятников культуры, то сохраним историческую память. Человек, выросший в окружении прекрасного, по-другому понимает окружающий мир и свое предназначение. Культура — это красота.

Сегодня происходит постепенное понимание необходимости сохранения культурного наследия и бережного отношения к нему. То, о чем говорил нам Дмитрий Сергеевич Лихачев, потихоньку становится нормой. Сейчас в мире можно увидеть диаметрально противоположное отношение к памятникам. Например, на Украине демонтируется большая часть памятников советского периода, а в России, наоборот, люди стали бережнее, на мой взгляд, относиться к памятникам истории и культуры. Но, конечно же, на формирование исторического и национального вкуса влияет не только архитектура, но и образование.

За последние десятилетия образование кардинально изменилось. Если раньше на уроках истории велись активные споры, проводились конференции и диспуты, то сейчас этого нет. Если раньше дети проводили много времени в библиотеках в поисках интересной информации, учили задания, выступали с докладами, то сейчас все, что нам нужно, — это обратиться к нашему надежному товарищу и сказать два слова «Ok, Google» — и информация у вас в тетради. Какие контрольные работы сейчас: выберите правильные ответы из предложенных вариантов. Но кто знает, остается ли в юных головах что-нибудь после таких уроков.

Дмитрий Сергеевич Лихачев считал очень важным сохранять культуру каждого народа. На мой взгляд, это особенно важно в нашей многонациональной стране. Ведь на территории Российской Федерации проживает более 190 народов. И у каждого народа есть свои тра-

диции, свой язык, своя история, своя культура. Именно поэтому в России так важно сохранять историческую память. Начав свое выступление с проблем сегодняшнего дня, мне бы хотелось закончить на позитивной ноте. Ведь именно потому, что оптимизм был характерен для самого Дмитрия Сергеевича, он всегда верил в человека, хотя его личная жизнь была нелегкой. Он всегда верил в силу культуры, потому что не мог без нее жить.

Виктор Ерофеев, выступая в передаче на канале «Культура», сказал, что если русскую нацию когда-либо призывает Господь Бог и спросит: «А что вы хорошего сделали на этой земле?», то мы можем смело ответить, что создали русскую литературу и великую культуру. Мне кажется, лучшего ответа не найти. История есть культура. Культура не должна быть элитарной. Историю творит народ, значит, и культуру тоже. Не надо кричать о том, что мы любим Родину. Это слишком личное, об этом не нужно кричать. Надо просто уважать то наследие, которое оставили нам предки. Не надо обесценивать важные слова, надо просто их беречь, читать и чтить. И если этому нас не научили родители или учителя, не надо оправдываться, что все потеряно и мир вокруг обездолен, нет, надо просто взять в руки книгу, на обложке которой написано: «Дмитрий Сергеевич Лихачев “Письма о добром и прекрасном”».

О. В. СОЛОД: — Слово предоставляется члену-корреспонденту Российской академии наук, академику Российской академии образования, председателю Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов Александру Сергеевичу Запесоцкому.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья! Мне довелось работать с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Мы вместе с ним разрабатывали проект «Декларации прав культуры» в нашем Университете. На этой сцене 19 мая 1993 года, когда большинства присутствующих еще на свете не было, я облачал Дмитрия Сергеевича Лихачева в мантию Почетного доктора нашего Университета.

Хочу вам напомнить, что в этом году исполняется 110 лет со дня рождения Дмитрия Сергеевича. Если бы судьба ему отпустила столько времени, он сегодня был бы с вами и, могу сказать точно, сидел бы рядом с Олегом Викторовичем Солодом, петербургским писателем, который ведет нашу сегодняшнюю встречу. Каждому из вас предстоит выбор профессии, выбор спутника жизни, нужно и мировоззрение свое систематизировать и т. д. Социологи называют 10 главных потребностей юности. Но я думаю, что все эти 10 проблем сводятся к одной — правильно выбрать ценности и идеалы, правильно выстроить для себя жизненные приоритеты.

Должен сказать, что мне очень понравилось выступление Полины Беловой. Оно оптимистично. Но когда я смотрю на нашу молодежь, у меня нет особого оптимизма. Не потому, что молодежь плохая.

Но я знаю, в каких сложных условиях вам предстоит решать важнейшую задачу выбора ценностей. Сегодня общественный, культурный климат в стране совершенно не помогает молодежи выбрать верные идеалы и ценности.

Например, труд как ценность. Кто сегодня в стране задается этим вопросом? Культивируются такие пословицы, как «Дурака работа любит» и т. п. Мы включаем телевизор и видим, в чем заключается секрет успеха в жизни — выпить правильный энеджерджер. Выпьешь правильный энеджерджер — и жизнь удалась. Юноша хочет, чтобы его любили девушки. Что он должен сделать для этого? Пожевать правильную жвачку. Как только он начал ее жевать, все хотят с ним целоваться. Какая прелесть и какой идиотизм! Нашу молодежь окружает реклама, особенно на телевидении, рассчитанная на идиотов.

Молодежи внушается мысль, что успех в жизни достигается не через труд и дисциплину, не через какие-то истины, воспринятые от старших. Якобы успех может прийти двумя путями: на первом месте стоит везение. (Успех ко мне придет благодаря везению потому, что я рожден для счастья, как птица для полета. В один прекрасный момент мне повезет. Я выйду замуж за богатого. Кто-то заметит мои таланты. И т. д.) На втором — чудо.

Это рассчитано на умственно неполноценных людей. Идет зомбирование молодежи. О чем мечтает большинство ваших сверстников? Чтобы было много денег. Да, конечно, хорошо иметь деньги. Но вы не можете съесть три бифштекса на обед, не сможете надеть семь костюмов сразу. За деньги не купить и уважения окружающих к самому себе.

Я видел богатых людей по всему миру. О чем мечтает и чем занимается мировая элита? После того как у них появились деньги, они мечтают творить благие дела, быть ближе к культуре, помогать обездоленным детям и т. п. Неужели же надо прожить жизнь, чтобы понять, что есть другие ценности, кроме денег?

Я вам очень советую вопрос о том, что является главным, а что второстепенным, каждый день ставить во главу угла. К примеру, выдающийся мыслитель и музыкант Мстислав Ростропович на «Университетских встречах» рассказывал, как встречался с Папой Римским. Ростроповича тогда из Советского Союза власть выдворила, он в 50 лет оказался практически без всего за границей. В Италии Папа Римский пригласил его к себе и в конце беседы сказал ему, что у него есть только одна проблема: «Вы стоите на лестнице жизни примерно посередине, и у вас каждый день есть выбор делать шаги вверх или делать шаги вниз».

Так вот я вам желаю делать шаги только вверх. И если вы оказались в этом зале, то вы на правильном пути. Лихачев считал, что главный смысл жизни человека обретается в культуре и через культуру. Он даже слово «деньги» не произносил в этом контексте. Я бы от себя добавил, что деньги в этой системе координат — всего лишь определенные средства, которыми, конечно, надо пользоваться, но деньги никогда не заменят человеку настоящую любовь и дружбу, не при-

несут глубокого и искреннего уважения людей. Отсутствие денег, конечно, неприятно. Поэтому человек должен иметь хорошую профессию, достойно зарабатывать, должен себя обеспечивать. Но все это не делает его счастливым. Деньги — это некая программа-минимум, выполнив которую начинаешь понимать главное: смысл жизни обретается в культуре.

Если вы упустите время для приобщения к культуре сейчас, потом его уже не наверстаете. Вы сейчас формируете себя, свой мозг, свою душу, свою сущность. От того, как вы себя сформируете в ближайшие годы, будет зависеть ваше будущее.

Я вам желаю формировать себя как людей высокой ленинградской–петербургской культуры, сделать свою жизнь наполненной настоящей высокой культурой, любовью к близким, своему городу, своей стране, друзьям, книгам, музеям. Мы с вами живем в удивительном городе. Нам даны многие возможности. Молодежь всей страны может об этом только мечтать. Люди попадают в наш город как в какой-то чудесный мир. Мне и Дмитрий Сергеевич рассказывал, и академик Наталья Бехтерева, и многие другие выдающиеся петербуржцы, как они воспринимали наш город. Пешие прогулки по Петербургу для них были счастьем даже в непростые периоды истории. Мне хотелось бы, чтобы каждый день своей жизни вы начинали с вопроса: какой шаг я сделаю сегодня, будет ли это шаг вверх или вниз? Желаю вам каждый день делать правильный выбор.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается учащаяся 11-го класса школы № 546 Санкт-Петербурга Алина Куликова, автор исследовательской работы «Огонек интеллигентности надо поддерживать».

А. В. КУЛИКОВА: — Идеей для написания моей работы послужила фраза Дмитрия Сергеевича Лихачева «Огонек интеллигентности надо поддерживать. Читать, и читать с выбором: чтение — главный, хотя и не единственный воспитатель интеллигентности». Вдумываясь в эту фразу, можно сделать вывод, что интеллигентность характеризуется стремлением человека к культурному росту. Ничто так не способствует этому, как книга — источник знаний.

Принимая этот факт, нужно помнить, что в мире существует разная литература. Под видом литературы высокого духовного содержания могут скрываться весьма скверные, умело завуалированные нравоучения, целью которых является искоренение нравственного начала в личности. Подобные книги, словно болото, затягивают своего читателя в темную липкую пучину, не дающую выбраться на свободу. Все чаще на прилавках книжных магазинах мы встречаем такие пародии на книги, читая которые юное поколение, само того не замечая, начинает воспринимать навязанное мировоззрение автора как свое собственное. И видя все недостатки, возникающие при выборе литературы в современном мире, приходится признать, что с каждым годом все труднее становится отличить достойную литературу от аморального хлама.

Испокон веков книга, словно мудрый наставник, обучала человека тонкостям культурной организации.

Окунувшись в историю нашей великой страны много лет тому назад, мы увидим памятники древнерусской литературы, такие, например, как «Слово о полку Игореве», которую перевел Дмитрий Сергеевич Лихачев. «Слово...» дошло до наших дней в виде книжной проповеди великого чувства патриотизма, которое, по мнению многих авторов, и есть основа всех учений. Любовь к определенному человеку, семье, родным, просто близким, к целой стране — эта чувственная градация не замыкается в маленьком кругу. А патриотизм есть высшая степень проявления любви.

Литература древности не ограничивалась кондовыми понятиями патриотизма, а в «Поучении детям» князя Владимира Мономаха она дошла до наших дней в виде некоего источника побуждения к благодеянию. Такое, казалось бы, простое, обычное, но весьма актуальное во все времена наставление. Ведь что такое благодеяние? Это состояние души, желание творить добро от чистого сердца, не требуя ничего взамен. Таким видит человека книжная проповедь, таким в духовном смысле этого слова и должен быть человек.

Однако ситуация будет складываться иначе, если книги постепенно начнут терять свое предназначение в жизни людей. Ничто не способствует такому интенсивному потоку творческих мыслей, как внимательное чтение книг и способность к размышлению над прочитанным. Огонек интеллигентности зарождается с самого детства. К сожалению, с каждым годом внедряется в обиход все больше технологий, вытесняющих книги своим удобством и доступностью. Конечно, в век модернизированных технологий трудно отказаться от гаджетов. И не стоит! Просто не стоит забывать о том, что книги испокон веков вызывали в своем читателе живые и яркие эмоции и в трудную минуту освещали наш разум мудрым советом.

Как говорилось в древней пословице, «Книги не любят, когда их чтут, а любят, когда их читают». В своей книге «Письма о добром» Дмитрий Сергеевич Лихачев говорил, что литература дает нам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание — понимание жизни, всех ее сложностей, служит проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед нами сердца людей.

На мой взгляд, электронные гаджеты не могут одарить своего «хозяина» тем огоньком и тем уютом, которым одаривают человека книги. Человеку необходимо согреть свое тело, чтобы поддерживать его в форме и не заболеть. Это касается как физиологии, так и разума. Разум тоже нужно «согреть», согреть тем самым огоньком интеллигентности и не позволять сознанию «заболеть» дурными поступками, мыслями или деяниями. Конечно, по законам физики гаджеты тоже могут генерировать тепло, но по законам нравственности такое тепло не сможет никого согреть.

Каждый из нас соткан из атмосферы творчества и стремления к самопознанию. Каждый хоть раз ощущал в себе желание изучать что-то новое, а это доказывает тот факт, что в каждом человеке мерцает искорка интеллигентности, способная разгореться в пламя.

Важно не дать ей потухнуть. Умение выбирать литературу очень важно, ведь черпать идеи, способствующие повышению уровня интеллигентности, можно не из каждой книги. И тот момент, когда вы научитесь правильно выбирать литературу, послужит началом неугасаемому огню интеллигентности.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается учащаяся 11-го класса школы № 3 города Балашова Саратовской области Дарья Мокринская, автор исследовательской работы «О печатном и великом».

Д. А. МОКРИНСКАЯ: — Я представляю работу «О печатном и великом», которая является откликом на высказывание Дмитрия Сергеевича Лихачева «литература, пожалуй, самый важный предмет для становления личности. Литература дает возможность как бы прожить жизнь за героев произведения».

Сегодня мы замечаем резкий упадок культуры чтения. Люди не то чтобы не читают, они бегут от чтения как от огня. Лень, недостаток времени и быстрый темп жизни лишь усложняют ситуацию. Цель моей работы — привлечь внимание общественности к этой немаловажной проблеме. В ней рассматривается проблема упадка культуры чтения, предоставляются доказательства пользы чтения и намечаются пути решения данной проблемы.

По-моему мнению, эта проблема родом из детства, когда нас из-под палки заставляли читать. Ученые проводили эксперименты на действенность общественного мнения на сознание ребенка. Как оно зависит от него? Суть эксперимента заключалась в следующем. За столом, на котором стояли две пирамиды белого и черного цвета, сидели несколько подготовленных участников и один ребенок, поведение которого изучалось. Взрослый задавал вопрос, какого цвета пирамиды. Подготовленные дети отвечали, что обе черные. Когда же вопрос доходил до неподготовленного ребенка, он тоже отвечал, что обе черные, хотя видел, что одна из них белая. Этот эксперимент подтверждает, что мы не хотим выделяться, не хотим быть чужаками, которые видят мир как-то иначе. Мы хотим всегда быть такими, как все. Это касается любого вопроса. Стадное чувство поглощает наш разум.

Как это связано с литературой? Поясню на собственном примере. В детстве вам всегда хочется дружить со старшими ребятами, хочется попасть в их круг. И когда вы попадаете к ним, то невольно слушаете и поддаетесь их мнению. Мои друзья с литературой не дружили. А зря. Дружба с книгой таит в себе много преимуществ. Например, книга поможет спасти от стресса. По данным специалистов Университета Сассекса, достаточно всего 6 минут сосредоточенного чтения в день, чтобы снизить уровень стресса на 68 %. Художественная проза — это то, что вы производите из 33 букв и пригоршни знаков препинания. И вы, используя свое воображение, воссоздаете мир, населяете его и смотрите вокруг чужими глазами. Вы начинаете чувствовать вещи, посещать места и миры, о которых никогда бы не узнали. Развитие воображения, повышение уровня эмпатии, увеличение словар-

ного запаса — это далеко не все, что может дать вам литература.

Несмотря на все вышесказанные положительные последствия чтения, книга все равно проигрывает телевизору. Почему? Потому что телевизор успокаивает вас, не требует никаких усилий. После напряженного дня вы приходите домой, ложитесь на диван и включаете ящик. Телевизор не требует вашего тотального внимания, он диктует вам, что смотреть и как забыть-ся лежа на диване. Людям и в голову не приходит, что с книгой можно также отдохнуть. К такому неторопливому чтению призывает Дмитрий Сергеевич Лихачев в книге «Письма о добром и прекрасном». Я не говорю, что надо отказываться от телевизора полностью, иногда там показывают действительно полезные программы. Просто и телепередачи нужно выбирать с умом, а не смотреть все подряд.

Так же и с книгами. Время — это величайшее богатство, поэтому нужно не прогадать, на что его потратить. Классическое произведение, которое выдержало испытание временем, — не пустая трата времени. Но классика не может ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому нужно читать и современную литературу.

Чтобы выбрать правильную книгу, должен быть выбор, а его, собственно, и нет. Библиотеки не могут позволить себе приобретение новых книг. Прошедший год был объявлен Годом литературы, но существенных изменений в приобщении к литературе не произошло. Ничего не было сделано для того, чтобы книга стала доступнее. Великие люди всегда отмечали огромную роль книги в жизни человека. Она и воспитывает, и ставляет, и где-то показывает собственные недостатки. Чтение помогает в становлении личности. Нельзя найти лучшие слова, чем слова Симона Соловейчика из книги «Учение с увлечением»: «Будете ли вы физиком, химиком, токарем, пекарем, чертом или дьяволом, серьезно прожить жизнь, не прочитав и не перечитав двухсот-трехсот книг классической литературы, невозможно».

Даниил Гранин, говоря о различиях своего поколения и поколения Дмитрия Сергеевича Лихачева, с грустью замечает, что литературная насыщенность речи оскудела. Молодым людям нужны опытные наставники, которые знают, что стремления к учению у молодежи не будет без любви к чтению. Эту любовь нужно прививать в семье личным примером. Вот что говорил Лихачев о том, как он полюбил литературу: «Бескорыстному чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я до сих пор люблю то, что слушал когда-то в детстве. А дома отец и мать любили читать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся отрывки зачитывали для нас, что нравилось им, то постепенно начинало нравиться нам». Нашему поколению тоже нужны такие люди, которые будут вдохновлять нас, прививать любовь к литературе, и не только. Нужны профессионалы, которые помогут достичь нам высот и обрести пример для подражания. Лихачевские чтения именно такое мероприятие, где можно найти пример для подражания, цель, к которой нужно стремиться.

Е. П. ЕФИМОВА: — Решением жюри Полина Белова, Алина Куликова и Дарья Мокринская награждаются специальными дипломами за исследовательскую работу.

О. В. СОЛОД: — Хочу сказать несколько слов о впечатлениях от состоявшегося мероприятия. Я думаю, что никто из вас не потратил время зря. Уж я-то точно. Мы в очередной раз убедились в величии личности Дмитрия Сергеевича Лихачева. В том, какой глубины был этот человек, какого масштаба мыслитель, как много вопросов он поставил перед нами и на какое количество этих вопросов он смог дать ответы.

Мне понравились все без исключения сегодняшние выступления. Я хотел бы остановиться только на трех основных идеях, которые сегодня были затронуты по отношению к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Прежде всего это умение определять простые вещи. Нет ничего более сложного, чем определить простую вещь. Что такое человек, что такое жизнь, что такое совесть — об этом говорила Анастасия Сысоева сегодня. Люди тысячелетиями бьются над тем, чтобы дать определение этим словам. Дмитрий Сергеевич стал одним из тех, кому это удалось.

В докладах Александра Баранова, Анастасии Молчановой и других был отмечен тот факт, что сегодня как никогда актуальны слова Дмитрия Сергеевича о национализме и патриотизме, о том, насколько это разные вещи. Возможно, это сегодня самое главное.

Приведу два примера (один из собственной жизни). Полгода назад мой хороший знакомый, наполовину украинец, по Скайпу звонил своему тестю в Ивано-Франковск. Увидев тестя в камуфляже, он

его спросил: «Отец, зачем вы надели камуфляж?». Тесть ему отвечает: «Чтобы москалей убивать». Мой знакомый подвел к монитору сына и спрашивает: «А вы забыли, что ваш внук тоже москаль?» «Тогда и его», — произносит дедушка. И это люди, которые еще год назад были родными и вместе отмечали праздники. Как быстро можно исказить сознание человека?

Теперь второй пример. Два дня тому назад на этой сцене выступал академик Национальной академии наук Украины П. П. Толочко. Он озвучил чудовищные цифры: за 25 лет независимости Украина потеряла 12 млн человек. Советскому Союзу вменяют в вину, что во время войны погибли 20 млн, мол, завалили фронта пушечным мясом. Вдумайтесь, здесь войны не было, а потеряли 12 млн. Дмитрий Сергеевич видел эти проблемы еще раньше.

И последнее, о чем я бы хотел сказать, — отношение к книге. Алина Куликова, Дарья Мокринская и Диана Фокина говорили об этом сегодня. Действительно очень важно читать. Да, сейчас есть другие источники информации, более легкие для усвоения. Но подумайте: для того, чтобы накачать мышцы, нужно посещать тренажерный зал, чтобы воспитать свой мозг и подготовить его к восприятию информации, нельзя ограничиваться быстроусвояемыми источниками. Надо заставлять мозг работать. А лучший способ для этого — книга.

Я очень рад, что эти проблемы были сегодня затронуты, и надеюсь, что по прошествии времени школьники, которые сидят на сцене, будут приезжать на Лихачевские чтения как полноправные участники, как ученые-исследователи, чего я всем вам желаю.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александра Анастасия,
Ее Светлость герцогиня
Аберкорнская 23
Авксентьев В. А. 371
Агошков А. В. 373
Азиз Ш. 25, 275, 306, 351,
364
Акаев А. А. 28, 279
Акинчи Х. 334, 348, 365
Аксюмов Б. В. 374
Амели С. Р. 32, 292, 350,
360
Ань Цинянь 35
Антипин С. А. 503, 559
Антонов М. В. 564
Бадмаев В. Н. 376, 498
Байзаков С. Б. 325, 505,
553
Баранов А. А. 641
Басма Бинт Сауд бин
Абдул Азиз аль Сауд,
Ее Королевское Высоче-
ство, принцесса 36
Баталова Т. Л. 566
Белова П. В. 650
Бернацкий Г. Г. 314, 568,
623, 624, 627, 631, 632, 633
Бирженюк Г. М. 37
Бобров М. М. 39
Буров Н. В. 40
Бурова Н. В. 508
Бюльбюль оглы П. 42, 281
Быховская И. М. 378
Варга Ч. 46, 331, 620, 627,
636
Вербовая О. В. 570, 635,
636
Ветчинова М. Н. 498
Воронцова Т. А. 381
Вятр Е. 51, 349, 363
Гаджиев Г. А. 53, 275, 329,
330, 619
Галис Г. 54, 304, 306, 356,
368
Гатилов Г. М. 58, 268, 298,
301, 303, 306
Гирич И. А. 646
Глаголев В. С. 330, 383,
486
Глазьев С. Ю. 61, 285, 313,
316
Горев В. П. 510
Горшкова В. В. 385
Гранин Д. А. 282
Гранин Ю. Д. 386
Графский В. Г. 571, 621,
633
Гринберг Р. С. 312, 316,
317
Гриценко Г. Д. 390
Громько Ал. А. 63, 305,
347, 349, 350, 351, 352,
353, 354, 355, 358, 359,
360, 361, 362, 363, 364, 368
Громько Ан. А. 65
Гуревич П. С. 68
Гусейнов А. А. 71, 277,
320, 321, 324, 482, 483, 489
Гусман М. С. 75
Гэлбрейт Д. К. 77, 276,
308, 309, 354, 549
Данилов А. Н. 84
Дегарден Б. 87, 311, 312,
316, 317, 359
Джагарян А. А. 573
Дорская А. А. 575
Драч Г. В. 392, 487
Дунаев В. Ю. 394
Дуткевич П. 95, 280, 304,
366
Ерохина Т. И. 396, 492
Ефимова Е. П. 638
Запесоцкий А. С. 98, 267,
272, 277, 283, 297, 306,
307, 308, 309, 310, 311,
312, 313, 318, 319, 320,
321, 323, 324, 326, 347,
482, 557, 619, 651
Зинченко Ю. П. 102
Зубец О. П. 399
Зябриков В. В. 512, 560
Иванова С. Ю. 401, 500
Иконникова С. Н. 403, 500
Ингимундарсон В. 104,
352, 369
Исаев А. К. 109
Кайсаров Е. А. 406
Каландаришвили З. Н. 577,
636
Капицын В. М. 408
Квинт В. Л. 113, 293, 368
Кёхлер Г. 122, 324, 328,
362
Клейнер Г. Б. 127
Ковалев В. А. 623, 630, 632
Колодко Г. В. 131, 279,
310, 315, 316, 350, 547, 549
Коломиец Г. Г. 410
Комиссаренко С. С. 412
Кондаков И. В. 134
Конев В. А. 138, 499
Крусс В. И. 580
Куделин А. Б. 140, 290
Кузьмин А. В. 582, 636
Кукоч М. 144, 319
Куликова А. В. 652
Курганская В. Д. 414
Курманова М. С. 416
Кутырев В. А. 418, 485
Лапаева В. В. 584, 622,
623, 634
Лебедева Л. Ф. 515, 552
Лекторский В. А. 148, 288,
322
Летняков Д. Э. 420, 497
Ливеровский А. А. 586
Лисицын-Светланов А. Г.
149, 326, 329, 331
Литтлджон Г. 152, 355, 362
Макаров В. Л. 156, 287
Макаров Е. И. 158
Малинина Т. Б. 517
Малиновски Гж. 162, 554
Малиновский В. А. 588
Мальгина И. В. 422, 490
Мамедов Ф. Т. 424, 488
Мамонтов В. К. 166, 364
Манопова В. Э. 428
Мануильский М. А. 430
Марк Х. А. 169, 295
Марков А. П. 174, 501
Маркова-Мурашова С. А.
591
Мартышин О. В. 593, 621,
622, 624
Маршак А. Л. 432, 496
Медведев А. В. 434
Мельникова А. А. 385
Миронов В. В. 179
Митрюхина Ю. А. 642
Мищенко А. С. 518
Мойнихен К. Б. 182, 272,
304, 306, 356, 369
Мокринская Д. А. 653
Молчанова А. В. 648
Монтес М. Ф. 189
Моратинос М. А. 193, 286,
299, 315, 355
Мосаффа Н. 338, 354
Мосейко А. Н. 436, 494
Муса А. 270, 301, 366
Мусиенко С. Г. 341, 348
Некипелов А. Д. 195, 273,
308, 316, 547, 556
Нигматулин Р. И. 201, 291,
305, 315
Никонова С. Б. 440
Никулин Н. Н. 520, 555
Овчинникова Н. П. 443
Оганов А. А. 444
Паллюа М. 343
Пасешникова Л. А. 619
Петрова Е. А. 595, 631, 633
Плигин В. Н. 327
Покровская Н. Н. 522
Полетаев Э. Э. 524, 561
Попов В. В. 203
Попов З. В. 649
Попов М. Е. 446
Праздников Г. А. 448, 487
Проданов В. 208, 493
Расторгуев В. Н. 259
Резник Г. М. 212, 282, 324,
332, 620, 623, 625, 626,
627, 628, 629, 632, 633, 637
Рокмор Т. 214, 289, 321
Ромашов Р. А. 596, 625,
628
Россман В. И. 300, 449
Сабилов В. Ш. 451
Саджанхар А. 217, 291,
306, 353, 361
Садовая Е. С. 527, 557
Садохин А. П. 453
Садькова Э. Л. 598, 625,
626, 627
Сала делла В. 95, 221, 295,
353
Санаи М. 274, 303
Сапир Ж. 224
Сараф М. Я. 456, 493
Сигалов К. Е. 600, 622, 629
Сиднева Т. Б. 458
Силантьева М. В. 460, 490
Смирнов А. В. 229
Соина О. С. 462
Соколов Н. Ю. 645
Солод О. В. 638, 654
Ставцева О. И. 464
Степин В. С. 232, 271, 318,
323, 484, 491
Стремоухов А. В. 602
Сысоева А. А. 639
Тишков В. А. 237, 273,
319, 320, 321, 483, 495
Токарев В. А. 604, 633,
634, 635
Толочко П. П. 240, 284, 358
Томалинцев В. Н. 466
Тощенко Ж. Т. 244, 324
Третьяков В. Т. 248, 294,
302, 317
Трофимов В. В. 607, 625,
627, 628, 630
Тюркер Т. 250, 289
Ударцев С. Ф. 609, 629,
630
Успенская А. В. 469
Федько В. Ф. 499
Фейгин Г. Ф. 529, 548, 550
Фокина Д. А. 644
Фомина М. Н. 471
Фраймович В. Б. 531, 551
Хайкин М. М. 533, 558
Хангельдиева И. Г. 536
Харченко Л. И. 473
Хольнова Е. Г. 538
Хренов Н. А. 255, 488
Чеберко Е. Ф. 540, 562
Черешнев В. А. 259, 269,
356, 370
Честнов И. Л. 611, 624, 626
Чжан Дюнь Юн 542, 555
Чиркин В. Е. 613
Чумаков А. Н. 330, 475,
495
Шабанов Л. В. 477
Шемшученко Ю. С. 261
Шемякина О. Д. 479
Шмаков М. В. 267, 278
Энтин В. Л. 615, 627, 630,
631, 635
Юдина О. Н. 531
Яковенко А. В. 264

Научное издание

**СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ
И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ**

XVI МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

19–21 мая 2016 года

Ответственный редактор *И. В. Петрова*

Художественное оформление *А. М. Бриль*

Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова*

Технический редактор *Л. В. Климкович*

Корректоры: *О. В. Афанасьева, Т. А. Кошелева*

ISBN 978-5-7621-0874-4

Подписано в печать с оригинала-макета .16. Формат 60x90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 82,0. Тираж 500 экз. Заказ № 16364

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ООО «Гипография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15